This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 528.10

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,

OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

Digitized by Google

Digitized by Google

P Slav 928.10

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,

OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Годъ 14-й. Кн. LII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1902, № 1.

подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла **В. В. Миллера**

и

Товарища Предсѣдателя ***Н. А. Янчука.***

МОСКВА.

Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1902.

Digitized by Google

P Slav 928.10

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Изъ области обычнаго права карачаевцевъ. *Б. Вс. Миллера* 1

II. Изъ исторіи семьи у русскихъ инородцевъ. *А. Н. Максимова* 41

III. Кросна. *В. Н. Добровольскаго*. 77

IV. Теорія вѣроятностей и исторія первобытной культуры. Методъ Тэйлора. *А. М. Рѣдько* 88

V. Смѣсь:

Мелкія этнографическія замѣтки: 1) Разбойничьи пѣсни. 2) Къ легендѣ о Кирикѣ. 3) Празднованіе сошествія Св. Духа въ Москвѣ. 4) Легенда о соперничествѣ вѣръ. 5) Нѣсколько малорусскихъ народныхъ разсказовъ. (1—13). *В. В. Каллаша*. 107

Легенды объ Александрѣ Македонскомъ у армянъ. *А. С. Хаханова* 113

VI. Критика и библіографія.

1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ:

Харузинъ Николай. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Имп. Моск. Университетѣ. Изданіе посмертное, подъ редакціей Вѣры и Алексѣя Харузиныхъ. Вып. I. 1) Часть общая. 2) Матеріальная культура. Спб. 1901. *Вл. Б.* (115) — Сборникъ Кирши Данилова. Изданіе Имп. Публ. Библіотеки, подъ ред. П. Н. Шеффера. Спб. 1901. *А. В. Маркова* и *А. Л. Маслова.* (118) — Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ редакціей В. П. Семенова и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго. Томъ VI. Среднее и нижнее поволжье и заволжье. Спб. 1901. *Вл. Б.* (120).—A. Dreselly. Grabschriften, Martel-Bildstöcke u. Todtenbrett-Verse, dann Hausinschriften, Wohn-und Trinkstuben-Reime, Geräthe-Inschriften u. a. 2-e Auflage. Salzburg. *В. Х.* (127). — Зобнинъ Ф. Къ

Digitized by Google

стр.

вопросу о невольникахъ, рабахъ и тюленгутахъ въ киргизской степи. (Пам. кн. Семипалат. обл. на 1902 г., 8°. стр. 1—99. *Вл. Б.* (130).— В. Г. Богоразъ. Колымское русское областное нарѣчіе. Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ. Томъ 68. С.-П. 1901 г. *Е.* (132)—Эминскій Этнографическій Сборникъ, издаваемый при Лазаревскомъ Институтѣ восточныхъ языковъ въ Москвѣ. Выпускъ II: Армянскій народный (героическій) эпосъ и сказки. Москва. 1901, стр. X+447. (134).

2. Обзоръ журналовъ и газетъ 137

3. Новости русской и иностранной этнографической литературы 143

VII. Хроника 148

VIII. Объявленія объ изданіяхъ Этнографическаго Отдѣла. 155

Digitized by Google

Изъ области обычнаго права карачаевцевъ.

Въ верховьяхъ Кубани, у самыхъ ея истоковъ, и по притокамъ ея, рѣкамъ Тебердѣ, Доуту, Марѣ и Джегутѣ, почти на границѣ Кубанской и Терской областей, живетъ небольшое, сравнительно мало изслѣдованное племя тюркскаго происхожденія,—карачаевцы, исповѣдующіе мусульманскую религію. Съ запада и сѣверо-запада сосѣдями карачаевцевъ являются различныя мелкія адигейскія племена, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ кубанскіе казаки и кабардинцы; высокіе горные отроги проходятъ между Карачаемъ и осетинскими и балкарскими обществами на востокѣ; на югѣ главный кавказскій хребетъ, служа границей Кубанской области, отдѣляетъ карачаевцевъ отъ Закавказья и ближайшихъ къ нимъ его обитателей-сванетовъ. Народное преданіе относитъ время заселенія верховьевъ Кубани карачаевцами къ глубокой древности, лѣтъ 500, 600 тому назадъ, и генетически связываетъ теперешній Карачай съ Крымомъ: крымскій выходецъ Карча со своими товарищами поселился тутъ, случайно найдя послѣ долгихъ скитаній долину рѣки Хурзука [1]), послужившую послѣднимъ этапомъ въ его странствованіяхъ; тутъ его народъ осѣлъ прочно и постепенно разселился по сосѣднимъ долинамъ. Такъ былъ основанъ, такъ называемый, Большой Карачай, занимающій въ настоящее время три сравнительно большихъ (по нѣскольку тысячъ жителей каждый) аула: Хурзукъ, Учкуланъ—при сліяніи рр. Хурзука и Учкулана—и Картъ-Джюртъ, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже, по самой Кубани. Эти три аула, вмѣстѣ съ двумя ауламн Доутомъ и Джазлыкомъ, расположенными по р. Доуту, притоку Кубани, въ сосѣдней долинѣ, составляютъ старый, аристократи-

[1]) Р. Хурзукъ или Уллукамъ въ своемъ сліяніи съ р. Учкуланомъ образуетъ Кубань.

Digitized by Google

ческій Карачай, населенный преимущественно узденями и біями и ихъ немногочисленными бывшими крѣпостными и вольноотпущенниками.

Здѣсь сохранились довольно ясно черты родового быта, а цѣлый рядъ преданій о происхожденіи отдѣльныхъ родовъ поддерживаетъ еще и понынѣ родовую традицію. Въ отличіе отъ Большого Карачая, аулы, образовавшіеся въ недавнее время, главнымъ образомъ послѣ освобожденія крѣпостныхъ, происшедшаго въ Карачаѣ въ концѣ 60-хъ годовъ, и населенные бывшими крѣпостными больше-карачаевскихъ узденей и біевъ, составляютъ такъ наз. Малый Карачай. Эти аулы, въ порядкѣ ихъ возникновенія, слѣдующія: Теберды, образованный въ 68 г. на р. Тебердѣ, Сенты (1870 г.) на той-же рѣкѣ, нѣсколько ниже аула Теберды; далѣе Ташкупыръ (Каменный мостъ), поселенный въ 1870 г. на Кубани, недалеко отъ впаденія въ послѣднюю р. Теберды; въ 1875 г. возникъ аулъ Маринскій на р. Марѣ и, наконецъ, въ 83 г. послѣдній изъ карачаевскихъ ауловъ Джегутинскій на р. Джегутѣ. Послѣдніе два заселены исключительно освобожденными крѣпостными.

I.

Черты родового быта.

Аулы Большого Карачая, Картъ-Джюртъ, Учкуланъ и Хурзукъ (на рѣкѣ того-же имени), отстоя недалеко другъ отъ друга, верстахъ въ 5—10, представляютъ оригинальное зрѣлище, рѣзко отличаясь отъ обычнаго типа скученныхъ татарскихъ селеній. Идутъ эти аулы не сплошной массой, а разбросаны небольшими „кварталами“ (какъ ихъ называютъ), такъ что трудно опредѣлить, гдѣ кончается одинъ аулъ, и гдѣ начинается другой. Напримѣръ, первыя постройки Картъ-Джюрта, начинаются версты за три отъ самого аула, если центромъ его считать аульное правленіе, и тянутся вверхъ по Кубани отдѣльными кварталами вплоть до первыхъ кварталовъ ауловъ Учкулана и Хурзука. Кварталы эти, какъ бы отдѣльные аулы, населены чрезвычайно многочисленными фамиліями, въ которыхъ нельзя не видѣть подраздѣленій одного и того-же поколѣнія или рода, какъ это выясняется изъ народныхъ преданій и сказаній, съ одной стороны, и изъ

Digitized by Google

собственнаго убѣжденія однофамильцевъ, съ другой. Иная фамилія, понимаемая въ смыслѣ совокупности дворовъ, носящихъ однофамильное прозвище, занимаетъ не одинъ, а два и даже три квартала. Такова, напр., фамилія Узденовыхъ, которая въ одномъ только аулѣ Картъ-Джюртѣ занимаетъ свыше 65 дворовъ и образуетъ два квартала по Кубани, верхній и нижній. Фамилія Хубіевыхъ, еще болѣе многочисленная, занимаетъ 3 квартала и т. д. Всѣ эти фамиліи считаютъ себя чрезвычайно древними, приводя въ доказательство этого свою многочисленность, и безспорно узденскими. Не-уздени, бывшіе крѣпостные, до эмансипаціи жили въ кварталахъ своихъ господъ, послѣ-же освобожденія, какъ мы уже говорили, большею частью выселились, образовавъ аулы Малаго Карачая, частью сохранивъ свои прежнія прозвища, частью присвоивъ себѣ фамиліи господъ; несмотря на это, „уздени“ нисколько не ошибаются относительно ихъ „низкаго“ происхожденія и строго отличаютъ, напр., узденскую фамилію Узденовыхъ отъ ихъ бывшихъ крѣпостныхъ, тоже Узденовыхъ. Въ аулахъ Большого Карачая и сейчасъ нѣсколько менѣе половины населенія состоитъ изъ прежнихъ крѣпостныхъ, оставшихся жить въ предѣлахъ кварталовъ своихъ господъ. Такъ, на 695 дворовъ Картъ-Джюрта узденскихъ считается только 266; остальные заселены азатами и кулами. Большинство узденскихъ фамилій образуетъ нѣсколько десятковъ дворовъ. Такъ, напр., кромѣ упомянутыхъ Узденовыхъ и Хубіевыхъ, въ Картъ-Джюртѣ многочисленны фамиліи Салпагаровыхъ (61 дворъ), Баташевыхъ (49), Аліевыхъ (22), Ижаевыхъ (18), Лепшоковыхъ (34) и т. д. Въ Учкуланѣ извѣстны своею многочисленностью фамиліи Байрамкуловыхъ (болѣе 60 дворовъ), Байчоровыхъ (дворовъ 40); далѣе Кочкаровыхъ, Бостановыхъ, Урусовыхъ, Эриккеновыхъ, образующихъ десятка по два дворовъ каждая. Процентное отношеніе числа узденей ко всему населенію выгоднѣе, чѣмъ это могло бы казаться, судя по количеству ихъ дворовъ; дѣло въ томъ, что въ среднемъ населеніе каждаго узденскаго двора надо принимать человѣкъ въ 20—25; представляетъ онъ типичную форму такъ наз. семейной общины.

Большинство обитателей узденей до сихъ поръ сохраняютъ ясное представленіе о томъ родовомъ союзѣ, который обнимаетъ цѣлый рядъ родственныхъ фамилій, какъ происходящихъ отъ одного родоначальника, и относитъ себя къ опредѣленному роду.—Дру-

Digitized by Google

гія фамиліи, также очень многочисленныя, не будучи въ состояніи доказать свою генетическую связь съ опредѣленнымъ родоначальникомъ, стараются, хотя-бы по женской линіи, присоединиться къ извѣстному поколѣнію, или-же направляютъ вниманіе изслѣдователя къ сосѣднимъ горскимъ племенамъ, ведя свое происхожденіе отъ какого-нибудь знаменитаго выходца изъ сосѣдняго племени. Чтобы нѣсколько выяснить родовую организацію большинства фамилій, необходимо обратиться къ народнымъ преданіямъ о происхожденіи и заселеніи Карачая.—Родоначальникомъ всего Карачая считается Карча [1]), давшій ему свое имя, выходецъ изъ Крыма, и его три товарища, Адурхай, Наурузъ и Будіянъ. Трое послѣднихъ были родными братьями и выселились изъ Крыма цѣлымъ семействомъ подъ предводительствомъ Карчи. Но есть также предположеніе, что и Карча былъ изъ ихъ рода. Причиной ихъ переселенія считаютъ покореніе ихъ племени какимъ-то другимъ народомъ, послѣ чего, вообще, всѣ знатныя фамиліи (а не однѣ только вышеупомянутыя) стали переселяться, ища свободу, въ другія страны. Другой варіантъ того-же преданія считаетъ всѣхъ четырехъ товарищей просто свободными людьми, не связанными между собой узами родства, а Карча возвысился, главнымъ образомъ, какъ воинственный человѣкъ, предводительствовавшій небольшой группой товарищей и приведшій ихъ изъ Крыма послѣ долгихъ странствованій на р. Баксанъ. Хотя это второе предположеніе по мнѣнію карачаевцевъ, пожалуй, и достовѣрнѣе, нельзя не отмѣтить, что по первому варіанту, карачаевцы всѣ происходятъ изъ одного семейства, рода. Относительно послѣдующаго маршрута всѣ преданія сходятся между собой. При выходѣ изъ Крыма переселенцы шли вдоль берега Чернаго моря и вначалѣ поселились въ мѣстности Джеметеѣ. Тутъ они пробыли не долго и двинулись дальше. Вторая остановка ихъ произошла на Архызѣ, гдѣ уже племя Карчи осѣло крѣпче; но ему пришлось придти въ столкновеніе съ племенемъ кязилбековъ, потребовавшихъ съ пришельцевъ дани и, въ концѣ концовъ, вытѣснившихъ ихъ оттуда. На Архызѣ къ Карчѣ присоединился нѣкто Хубій, родомъ изъ

---

[1]) Миѳическое лицо, имя котораго ставится народнымъ преданіемъ въ связь съ названіемъ Карачая, вполнѣ удовлетворительно объясняющагося, конечно, изъ двухъ тюркскихъ словъ: кара-черный и чай-рѣка.

Digitized by Google

этого племени кизилбековъ, съ братомъ своимъ Хубтія, уѣхавшимъ вскорѣ въ Абхазію. На Джегутѣ, послѣдующей остановкѣ, къ Карчѣ присоединился Крымшамхалъ, родоначальникъ княжеской фамиліи Крымшамхаловыхъ.

Наконецъ, на Баксанѣ, народъ Карчи пришелъ въ столкновеніе съ кабардинцами, которые понудили основателя Карачая искать помощи въ Имеретіи или Абхазіи. Во время его отсутствія кабардинцы завладѣли частью его племени, оставшейся въ то время беззащитной. Но въ концѣ концовъ Карча осилилъ кабардинцевъ и не только принудилъ ихъ выпустить на свободу его народъ, но и дать заложниковъ, двухъ юношей изъ ихъ племени, Тохчука и Тамбія, тоже родоначальниковъ двухъ многочисленныхъ фамилій въ Карачаѣ, Тохчуковыхъ и Тамбіевыхъ. Затѣмъ, послѣ примиренія его съ кабардинцами, послѣдовало переселеніе всего племени въ нынѣшній Карачай, открытый быстроногимъ Баташемъ, работникомъ или товарищемъ Карчи.—Такова въ общихъ чертахъ схема послѣдовательныхъ переселеній карачаевцевъ. Нѣкоторыя преданія знаютъ и четвертаго товарища Карчи, нѣкоего Трама. Какъ-бы то ни было, въ настоящее время большинство фамилій, составляющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большинство населенія Большого Карачая, возводятъ себя къ одному изъ этихъ четырехъ товарищей Карчи (самъ Карча не оставилъ мужского потомства), и дѣлятся на 4 поколѣнія-рода: Будіяновъ, Наурузовъ, Адурхасовъ и Трамовъ. Можно даже замѣтить, что главнѣйшія фамиліи одного и того-же поколѣнія живутъ въ одномъ аулѣ, напр., главнѣйшія фамилія Наурузовъ — Байрамкуловы, Каппушевы, Аджіевы, Кочкаровы,—живутъ въ Учкуланѣ; но, съ другой стороны, одну фамилію можно встрѣтить въ нѣсколькихъ аулахъ, иногда во всѣхъ трехъ Большого Карачая, хотя большинство дворовъ, ее составляющихъ, живетъ все-таки въ одномъ аулѣ. Объясняется это, быть можетъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что административное разграниченіе этихъ ауловъ другъ отъ друга должно было по необходимости провести границу между ними нѣсколько искусственно, тѣмъ болѣе, что, какъ раньше было замѣчено, карачаевскіе аулы непрерывной цѣпью кварталовъ почти сливаются другъ съ другомъ.—Приведемъ распредѣленіе главнѣйшихъ фамилій по поколѣніямъ. Поколѣніе-родъ Будіяновъ заключаетъ въ себѣ фамиліи Эльхановыхъ, Акбаевыхъ, Байрамуковыхъ, Текѣевыхъ, Болуровыхъ,

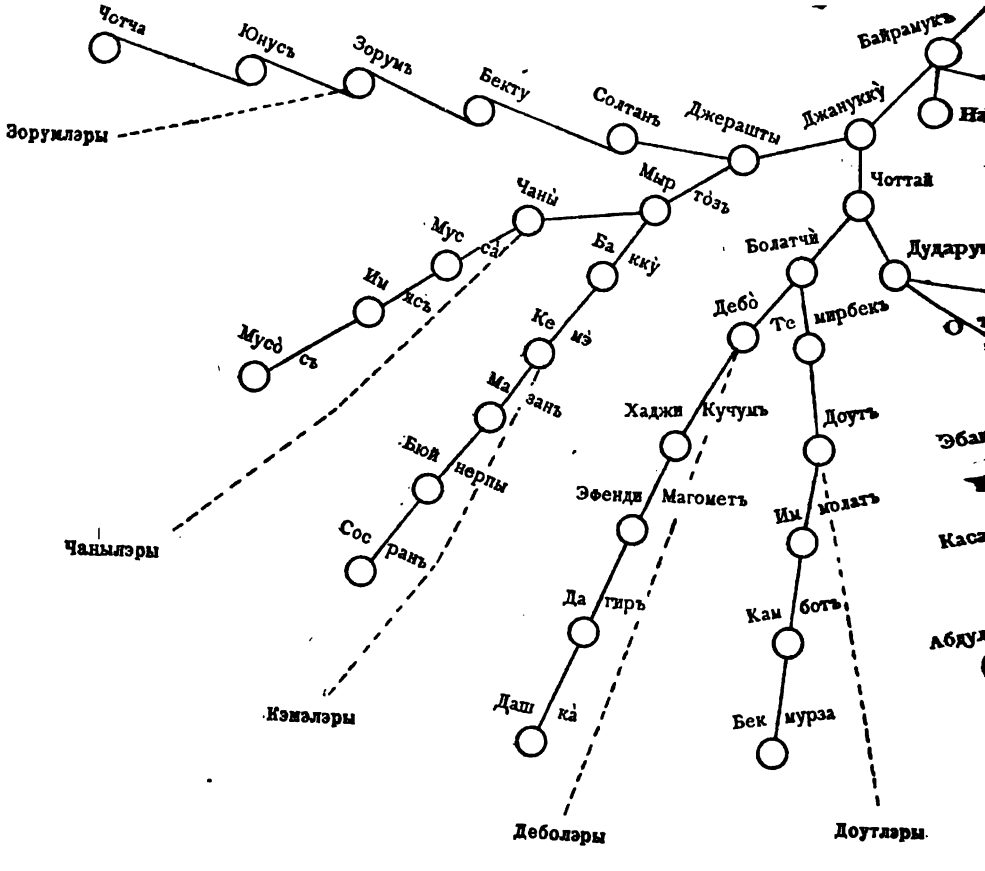
Digitized by Google

Чотчаевыхъ и т. д. Къ Науруэамъ относятся фамиліи Байрамкуловыхъ, Кобаевыхъ, Кашпушевыхъ, Голаевыхъ, Аджіевыхъ, Кочкаровыхъ, Каппоевыхъ. Адурхаями считаютъ себя Лайпановы, Чомаевы, Джуккаевы, Кульчаевы, Урусовы, Шидаковы, Байгоровы, Эриккеновы.—Сознаніе принадлежности своей фамиліи къ извѣстному роду-поколѣнію еще сейчасъ довольно ясно сохраняется въ представленіи каждой узденской фамиліи, и ничѣмъ такъ нельзя возбудить вниманія карачаевца, какъ терпѣливымъ выслушиваніемъ его генеалогіи, а съ другой стороны, ничѣмъ такъ не оскорбляется претендентъ на аристократическое происхожденіе отъ Науруза или Будіяна, какъ скептическимъ отношеніемъ къ его заявленіямъ. Въ нѣкоторыхъ, болѣе образованныхъ семействахъ, представители которыхъ исполняли должности муллъ въ своихъ аулахъ и кадіевъ при хумаринскомъ горскомъ судѣ, еще и понынѣ можно найти „документальныя данныя", писанныя на арабскомъ языкѣ, генеалогіи ихъ фамилій, возстановляющія связь ихъ съ другими фамиліями того же поколѣнія, причемъ счетъ предкамъ ведется ab ovo, т. е. отъ того самаго Науруза или Будіяна, который, по преданіямъ, лѣтъ 600 тому назадъ пришелъ въ Карачай. — Во всякомъ случаѣ въ настоящее время родовая традиція, сознанье общаго происхожденья отъ одного родоначальника, имѣетъ для карачаевцевъ болѣе теоретическій интересъ, если исключить нѣкоторые факты, о которыхъ мы скажемъ ниже. Родовой организаціи, собственно говоря, не существуетъ; родовой бытъ не кладетъ почти никакого отпечатка на земельныя отношенія карачаевцевъ, и принципъ индивидуализаціи всецѣло восторжествовалъ надъ общинно-родовымъ строемъ. Только преданья о томъ, какъ раньше слагались отношенія между родичами, да нѣсколько обычаевъ, имѣющихъ интересъ пережитковъ родового строя и уже явно вымирающихъ, позволяютъ намъ обрисовывать черты карачаевскаго рода-поколѣнія. Но прежде, чѣмъ перейти къ этимъ сохранившимся чертамъ родового быта, необходимо замѣтить, что населеніе Карачая далеко не исчерпывается упомянутыми тремя или четырьмя поколѣніями. Существуютъ еще поколѣнія, состоящія изъ очень многочисленныхъ фамилій, признающихъ своего родоначальника выходцемъ изъ какой нибудь страны: или присоединившимся къ Карчѣ, во время его продолжительныхъ странствованій въ поискахъ удобной для поселенія земли, или присе-

Digitized by Google

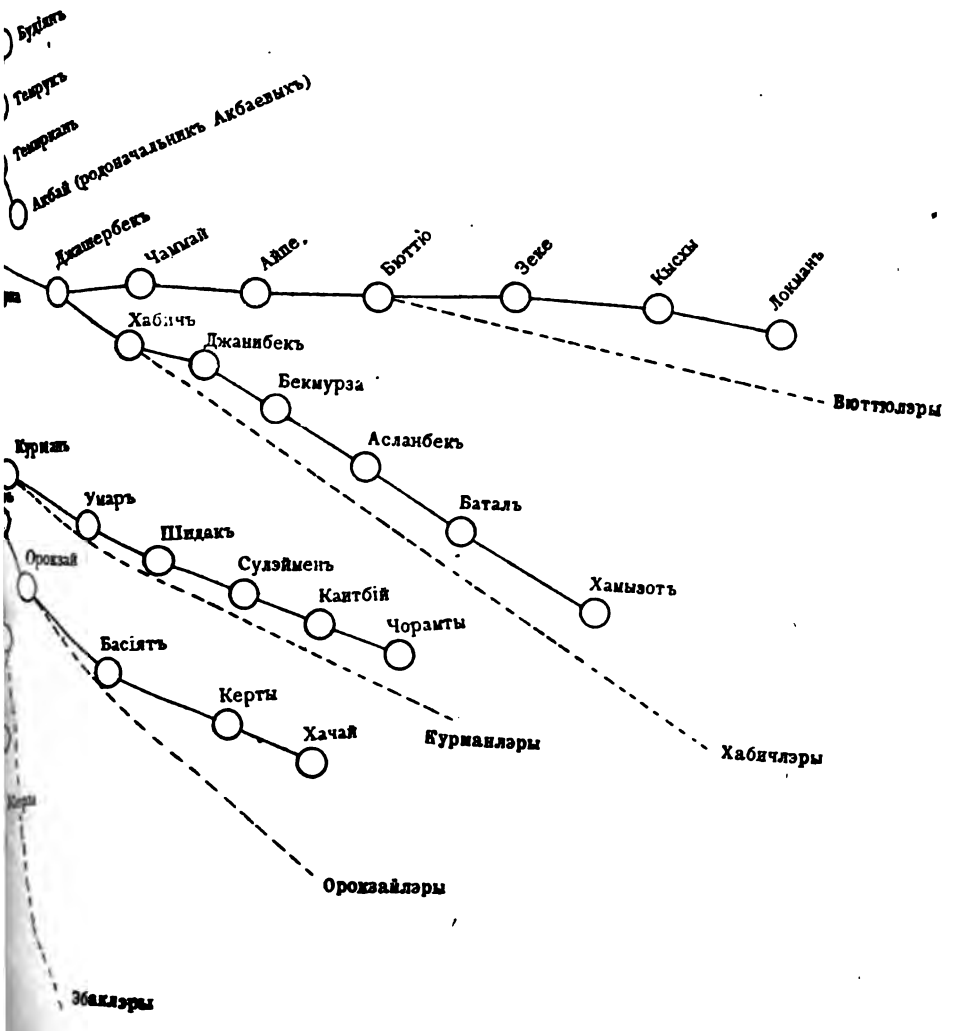
лившимся уже къ племени Карчи, обрѣтшему свой Карачай, или, наконецъ, не по своей доброй волѣ увеличившимъ своимъ семействомъ карачаевское племя. Уже самая этимологія фамилій, очень многочисленныхъ, указываетъ на ихъ „заграничное“ происхожденіе: таковы, напр., Кумыковы, Калмуковы, Ногаевы. Имеретія, Абхазія, Сванетія, и Кабарда тоже поставляли предпріимчивыхъ людей, основавшихъ въ Карачаѣ многочисленные роды. Таковы, Кобановы, Богаторовы, Джаттоевы—пришельцы изъ абазинцевъ; Борлаковы—происхожденія кумыцкаго и т. д. Далѣе, поколѣніе Шатбекларовъ, происходящихъ отъ Шатъ-бека, изъ племени кизилбековъ (по преданію), обнимаетъ фамиліи Хубіевыхъ (болѣе 100 дворовъ), Хасановыхъ, Хачировыхъ и Биджіевыхъ. Особенно тѣсно ощущаютъ свою родственную связь Хачировы съ Хубіевыми, производящіе себя отъ двухъ родныхъ братьевъ, сыновей Шатъ-бека, преданіе о чемъ еще очень свѣжо въ памяти обѣихъ фамилій. Когда Карча жилъ на Архызѣ, гдѣ онъ пришелъ въ столкновеніе съ кизилбеками, Шатъ-бекъ,—князь эттого племени, умеръ, оставивъ двухъ сыновей—Хубія и Хубтію, присоединившихся къ Карчѣ. Послѣ смерти Шатъ-бека—Хубій остался съ Карчей, вмѣстѣ съ нимъ пришелъ и поселился въ Карачаѣ; Хубтія-же уѣхалъ въ Абхазію; внукъ Хубтіи—Хачиръ пріѣхалъ въ Карачай отыскивать свои права, но Хубіевы не согласились признать его своимъ. Это не помѣшало ему жениться на плѣнницѣ Темурчока (внука Хубія); при этомъ случаѣ Хубіевы хотѣли его обратить въ крѣпостного и Хачиръ поспѣшилъ вернуться въ Абхазію. Одинъ изъ его пяти сыновей—Зынхы—страшно мстилъ Хубіевымъ нападеніями за оскорбленіе, которое они нанесли отцу, и какъ-то даже поджогъ весь ихъ кварталъ. Отношенія настолько обострились, что, когда братъ мстителя, Девлетъ, изъ Абхазіи переселился въ Карачай, Хубіевы грозили ему смертью, если онъ не согласится быть ихъ крѣпостнымъ со всей своей семьею; чтобы примириться съ разгнѣванными родичами, Девлетъ долженъ былъ взять на воспитаніе (въ аталычество) одного изъ малолѣтнихъ Хубіевыхъ, что онъ и сдѣлалъ и тѣмъ помирился съ ними, и съ тѣхъ поръ добрыя отношенія между Хубіевыми и Хачировыми не нарушались. Это преданіе, кромѣ того, что оно бросаетъ свѣтъ на происхожденіе крѣпостного сословія, вмѣстѣ съ тѣмъ невольно заставляетъ предполагать, что установленіе родственныхъ отношеній, вступле-

Digitized by Google



ніе въ родъ, было возможно, благодаря той формѣ пріемнаго усыновленія, которую представляетъ собой аталычество, и можетъ служить наглядным примѣромъ сильнаго вліянія фикцій, столь свойственныхъ, по мнѣнію Мэна, неразвитому уму первобытнаго общества, вліянія, которое онѣ оказываютъ на образованіе, происхожденіе рода и его размноженіе. На ряду съ Шатбеклэрами,

Digitized by Google



мы встрѣчаемъ еще нѣсколько довольно многочисленныхъ поколѣній-родовъ, присоединившихся уже въ Карачаѣ: поколѣніе Кустосовъ, въ которое входятъ фамиліи Коркмазовыхъ, Джанибековыхъ, Сэмэновыхъ [1]), Бостановыхъ и Алботовыхъ. Замѣтимъ, что

[1]) Эта фамилія, вообще, возбуждаетъ большія сомнѣнія: недруги Сэмэновыхъ производятъ ихъ отъ бѣглаго солдата—Семена,—бѣжавшаго въ Карачай при

Digitized by Google

всѣ эти фамиліи живутъ кварталами въ одномъ аулѣ, Учкуланѣ, а не разбросаны по всѣмъ тремъ, что, можетъ быть, объясняется ихъ сравнительно позднимъ происхожденіемъ. Поколѣнье Чибшилэровъ, отъ пришельца Чибиша, заключаетъ въ себѣ фамиліи Каитовыхъ, Каракотовыхъ, Кипкеевыхъ и Гэбэновыхъ. Наконецъ, существуютъ фамиліи, не соединенныя въ родъ, уже сами собой образующія отдѣльное поколѣніе: таковы, напр., двѣ фамиліи въ Хурзукѣ, кабардинскаго происхожденія, Тохчуковы и Тамбіевы, ведущія свое начало отъ Тохчука и Тамбія, двухъ юношей, которые по преданію были даны Карчѣ въ видѣ заложниковъ.

„Группа родственниковъ въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, экзогамна, т.-е. члены рода не имѣютъ права вступать въ бракъ; отсюда бракъ воспрещается между лицами, которыя производятъ себя отъ общаго родоначальника, или носятъ одно и то же фамильно-родовое прозвище“. „Съ другой стороны, экзогамія не можетъ считаться непремѣннымъ признакомъ родового быта; иногда соображенія о сохраненіи чистоты крови членами родового союза предписываютъ эндогамію, т.-е. обязательство брать женъ изъ собственной родовой группы“ [1]).

Первое изъ этихъ положеній, установленныхъ сравнительно историческимъ изученіемъ права первобытнаго общества, вполнѣ оправдывается на примѣрѣ кавказскихъ горскихъ племенъ и въ частности карачаевцевъ. Еще 15—20 лѣтъ тому назадъ въ этомъ племени крѣпко было сознаніе обязательности экзогаміи, какъ это видно изъ одного дѣла отъ 9 іюля 1879 года, которое мы заимствуемъ изъ хумаринскаго судебнаго архива.—Нѣкто Соджуко Батчаевъ сдѣлалъ своей невѣстѣ подарковъ деньгами и вещами на 130 рублей; невѣста же отказалась за него выйти замужъ. Махай Чотчаевъ, отецъ невѣсты, возражаетъ истцу въ такихъ словахъ: Батчаевъ не обращался ко мнѣ съ просьбой о выдачѣ за него замужъ моей дочери; да предложеніе это я во всякомъ случаѣ отклонилъ бы, такъ какъ я состою съ нимъ въ одной фамиліи (т.-е. родѣ), которая имѣетъ общаго родоначальника; по на-

---

Николаѣ I, но чрезвычайная многочисленность ея, быть можетъ, допускаетъ и иное объясненіе: сэмэнъ—по-турецки, посланецъ, гонецъ,—слово, повидимому, персидское—сэмэнд.

[1]) См. Н. Н. Харузина: Очерки первобытнаго права, стр. 32.

Digitized by Google

родному же обычаю браки въ подобныхъ случаяхъ не допускаются".—Въ настоящее время, правда, стали встрѣчаться случаи нарушенія этого адата; но и до сихъ поръ они вызываютъ сильное неудовольствіе со стороны стариковъ, хранителей адатнаго начала, и представителей духовной власти—муллъ, которые на этотъ разъ дружно отстаиваютъ народный обычай, тогда какъ по другимъ вопросамъ противодѣйствуютъ адату, какъ идущему въ разрѣзъ съ предписаніями корана, и стараются замѣнить его шаріатомъ. Приведемъ нѣсколько случаевъ нарушенія экзогаміи и тѣхъ послѣдствій, которыя оно за собой вело. Поколѣніе Наурузовъ, какъ намъ передавали, съ самаго основанія Карачая не нарушало этого обычая. Фамиліи Салпагаровыхъ, Кочкаровыхъ, Аджіевыхъ, Байрамкуловыхъ и другихъ никогда не роднились между собою посредствомъ браковъ. Нѣкто Салпагаровъ, мулла Али, переселился, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Байрамкуловскій кварталъ, гдѣ и обучалъ нѣкую Маріамъ Байрамкулову арабской грамотѣ; ученица оказалась очень способной; Али вздумалъ на ней жениться и задуманное привелъ въ исполненіе. Все поколѣніе Наурузовъ возстало противъ молодыхъ и опредѣлило: „выселить Али Салпагарова изъ Карачая, а Маріамъ проклясть", „не давать ей даже уголька" (карачаевская поговорка). Не ограничиваясь этимъ, Наурузовцы подали въ горскій судъ жалобу, обвиняя Али въ нарушеніи родового обычая. Судъ, продержавъ Али нѣкоторое время въ тюрьмѣ, счелъ за лучшее его куда-то удалить, подальше отъ глазъ раздраженныхъ сородичей.—Маріамъ, оставшуюся въ Карачаѣ, привязывали къ позорному столбу, „дабы и другимъ не повадно было", и всѣ проходящіе считали своей обязанностью осыпать ее всякими оскорбленіями и ругательствами. Досталось и отцу Маріамъ, Джанхоту, за то, что онъ воспиталъ такую дочь, опозорившую весь родъ. Съ нимъ не здоровались, не говорили „селяма", что считается высшимъ оскорбленіемъ у мусульманъ. Все это происходило не далѣе нѣсколькихъ лѣтъ тому назадъ. Можетъ быть, подъ вліяніемъ толковъ и разговоровъ, взволновавшихъ весь Карачай, поколѣніе Шатъ-бека (Шатбеклэра), обнимающее фамиліи Хубіевыхъ, Хачировыхъ, Биджіевыхъ и Хасановыхъ, среди которыхъ за послѣдніе годы стали встрѣчаться случаи браковъ, собралось, не далѣе какъ въ первыхъ числахъ іюля 1898 года, на родственную сходку, на которой „разсуждали о

Digitized by Google

томъ, чтобы не брать и не выдавать другъ за друга дѣвушекъ", въ чемъ и отбиралась подписка у представителей отдѣльныхъ фамилій и главнѣйшихъ дворовъ.—Но есть примѣры и противоположнаго характера. Адурхаи и Будіяны этотъ обычай соблюдаютъ уже не такъ строго, хотя и у нихъ родственныхъ браковъ мы почти не встрѣчаемъ.—Карачаевцы, далѣе, столь же ревниво относятся и къ неравнымъ бракамъ, по возможности стараясь ихъ предупреждать. Неравными считаются браки членовъ рода, слѣдовательно узденей по происхожденію, съ вольноотпущенниками, бывшими крѣпостными. Тотъ же наурузовскій родъ, столь неуклонно соблюдающій экзогамію, не позволяетъ членамъ своимъ родниться съ вольноотпущенниками. Когда нѣкая Аджіева вышла замужъ за вольноотпущенника, всѣ родичи собрались на сходку, „не могли стерпѣть"; въ складчину собрали сумму, равную калыму, которую и представили жениху, съ тѣмъ, чтобы онъ отступился, что тотъ волей-неволей принужденъ былъ сдѣлать. Въ случаяхъ „умыканія", увоза дѣвицъ, обычая и до сихъ поръ еще распространеннаго среди населенія, особенно рѣзко проявлялась въ былыя времена солидарность родичей, какъ можно судить по разсказамъ стариковъ. Какъ въ прежніе годы, такъ отчасти и теперь еще увозъ дѣвицы считается оскорбленіемъ всему роду; всѣ родичи преслѣдуютъ похитителей; хотя, конечно, болѣе активная роль выпадаетъ на долю однофамильныхъ дворовъ, если родъ обнимаетъ нѣсколько фамилій. Нѣкто Хачировъ, въ прежніе годы, разсказываютъ, увезъ дѣвицу Тогаеву; всѣ Тогаевы напали на похитителя и отбили похищенную. Дѣло должно было быть рѣшено третейскимъ судомъ, обязаннымъ помирить враждующіе роды; и вотъ Тогаеву помѣстили до поры до времени въ нейтральное мѣсто, именно, въ семейство князей Крымшамхаловыхъ, такъ какъ дѣло происходило въ Картъ-Джюртѣ, гдѣ „правили" эти князья. Но родъ похитителя, чувствуя свое превосходство надъ родомъ похищенной, не соглашался идти на мировую сдѣлку. Хотя адатъ запрещалъ врываться въ нейтральный домъ, тѣмъ болѣе княжескій, но на этотъ разъ нормы туземнаго междуродового права были нарушены, и всѣ Хачировы и Хубіевы—Шатбеклэры—напали на этотъ домъ. Адатъ, по преданію, былъ ими первыми нарушенъ, такъ какъ они не понесли законнаго наказанія, т.-е. не подверглись штрафу, который раскладывался на всѣ

Digitized by Google

дворы нарушившей адатъ фамиліи,—и благополучно увезли невѣсту.

Въ случаѣ убійства однимъ родичемъ другого, виновнаго въ прежнее время, судя по преданіямъ, по совѣщанію стариковъ всѣхъ дворовъ, или изгоняли изъ своей среды, или же продавали на сторону, въ чемъ особенно рѣзко выражалась вся полнота правъ рода надъ своими членами. Убійца лишался всякихъ правъ, дѣлался объектомъ имущественной сдѣлки, отъ него отрекался весь родъ, внѣ котораго онъ былъ ничто. Въ случаѣ-же убійства родичемъ чужеродца начиналась вражда и нападенія рода на родъ; но, повидимому, въ Карачаѣ кровная месть не носила такого губительнаго характера, какъ среди другихъ горскихъ обществъ; по крайней мѣрѣ, преданіе представляетъ себѣ окончаніе родовой вражды не въ формѣ безконечнаго обоюднаго истребленія членовъ враждующихъ родовъ, иногда въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, а обязательно въ формѣ немедленнаго вмѣшательства князей, какъ представителей высшей власти, умиротворявшихъ враговъ и сводившихъ ихъ на выкупъ. Вообще традиція кровной мести сохранилась въ воспоминаніяхъ теперешняго населенія далеко не такъ рѣзко, какъ, напр., у чеченцевъ или лезгинъ, среди которыхъ месть и сейчасъ еще является болѣе или менѣе жизненнымъ фактомъ. Повидимому, въ Карачаѣ чаще практиковался выкупъ, замѣнявшій кровную месть, чему благопріятствовалъ и мирный, мало воинственный характеръ карачаевца-скотовода. На это указываетъ и преданіе о томъ, чѣмъ расквитались съ родней Боташа, присвоившаго себѣ всю землю открытаго имъ Карачая, его убійцы. Какъ выкупъ за убійство, гласитъ преданіе, была проведена оросительная канава для дѣтей Боташа, ставшая ихъ собственностью, тогда какъ, вообще, въ Карачаѣ канавы находятся въ общемъ владѣніи; пользуются ими по-очереди дворы, начиная съ верхнихъ; починка ихъ тоже производится сразу, всѣмъ обществомъ. Канава Боташевыхъ называется кан-липынъ, буквально, канава, проведенная за кровь. Отсюда видно, что народныя воззрѣнія относятъ появленіе выкупа на замѣну кровной мести уже ко времени перваго заселенія Карачая; хотя, съ другой стороны, въ подобнаго рода преданіяхъ нельзя видѣть точнаго, хронологическаго указанія на время появленія въ Карачаѣ выкупа, тѣмъ болѣе, что они могли быть придуманы для объясненія, post factum. — За убійство въ

Digitized by Google

старые годы мстили кровью лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда убійца не могъ заплатить выкупа, или родственники убитаго отказывались его принять, предпочитая месть. Выкупъ производился по опредѣленной таксѣ [1]), въ зависимости отъ общественнаго положенія убитаго и убійцы; при этомъ дѣлалось различіе (уже тогда) между убійствомъ намѣреннымъ и случайнымъ: тогда какъ намѣренное убійство влекло за собой выкупъ въ полномъ размѣрѣ, за случайное брали выкупъ въ меньшемъ количествѣ, если только не состоялось примиренія, обыкновеннаго послѣдствія случайныхъ убійствъ. Но разъ предпочитали кровную месть, обязанность мщенія падала на членовъ семьи въ такой очереди: сперва мстилъ сынъ убитаго, затѣмъ братья, причемъ не дѣлалось различія между старшимъ и младшимъ; далѣе жена, такъ какъ по адату, если она бездѣтна, она послѣ мужа получаетъ по третейскому суду $^1/_4$ часть имущества; затѣмъ очередь доходила до ближайшихъ родственниковъ, потомъ до дальнѣйшихъ, т.-е. родичей. Не трудно замѣтить, что обязанность мести идетъ въ порядкѣ призванія обязанныхъ лицъ къ законному наслѣдованію. Вмѣстѣ съ имуществомъ покойнаго наслѣдникъ какъ бы принималъ на себя обязательство исполнить (подразумѣваемую) послѣднюю волю убитаго, отомстить за его кровь. Нечего и говорить, что месть ограничивалась однимъ только виновникомъ убійствъ; безъ различія въ выборѣ жертвы, когда мщеніе могло быть направлено противъ любого члена изъ рода убійцы, что характеризуетъ собою самую архаическую стадію родовой мести, мы въ карачаевскихъ преданіяхъ не находимъ. Месть всегда могла быть сведена на выкупъ, или же потерпѣвшій (напр., сынъ убитаго), примирившись, могъ требовать отъ общества выселенія убійцы изъ аула.—Съ другой стороны, если убійство происходило въ предѣлахъ семьи, напр., если отецъ убивалъ сына или наоборотъ, то, очевидно, никто не имѣлъ права требовать выкупа, и никакого наказанія убійца не несъ. Но какъ въ случаяхъ второй категоріи родичи не могли оставаться безучастными къ убійству, такъ и въ случаѣ отцеубійства, — сына убійцу родственники лишали права наслѣдства послѣ отца, или конфисковали его имущество; также какъ и сыноубійца не могъ наслѣдовать убитому сыну; но въ

---

1) Этой „обычной“ таксы, къ сожалѣнію, современное населеніе уже не помнитъ.

Digitized by Google

томъ случаѣ, когда сынъ не былъ отдѣленъ и не имѣлъ своего имущества, то и такихъ послѣдствій не вытекало, и отецъ никакой отвѣтственности за убійство сына не подвергался.

Упомянемъ еще объ отвѣтственности за увѣчья, которымъ подвергался увѣчившій въ прежніе годы. Выкупа за увѣчья мы въ Карачаѣ не находимъ: увѣчившій обязанъ былъ только лѣчить раненаго на свой счетъ; послѣ его выздоровленія, онъ его приглашалъ къ себѣ, устраивая пиръ; одѣвалъ его съ ногъ до головы на свой счетъ и дарилъ лошадь; родители раненаго принимали ранившаго, какъ сына, стараясь тѣмъ закрѣпить состоявшееся примиреніе. Иногда происходило и формальное принятіе ранившаго въ семью раненаго: онъ припадалъ къ груди матери оскорбленнаго имъ и сосалъ ее; этимъ символическимъ актомъ онъ пріобрѣталъ права родного сына ея и равноправнымъ членомъ вступалъ въ семью. — Аналогичный обычай велъ въ Карачаѣ къ прекращенію кровной мести за прелюбодѣяніе, влекшее чрезвычайно суровое отношеніе къ виновному и не допускавшее выкупа. По мнѣнію Ковалевскаго, причиной сурового отношенія къ прелюбодѣянію является „порча крови, введеніе въ семью чужеродцевъ, а извѣстно, что ничѣмъ такъ не дорожитъ родовая группа, какъ чистотой своей крови“. По этому „при готовности прелюбодѣя сдѣлаться членомъ семьи, онъ избавляемъ былъ отъ грозившей ему смерти [1]). Въ Осетіи съ этой цѣлью виновный бралъ въ ротъ обнаженную грудь виновной въ прелюбодѣяніи жены, называлъ себя ея сыномъ и клялся не питать болѣе къ ней порочныхъ чувствъ. Въ Карачаѣ это примиреніе происходило нѣсколько раціональнѣе, именно, тѣмъ путемъ, что виновный становился въ отношеніе пріемнаго сына къ матери оскорбленной имъ женщины, а не къ ней самой [2]). Съ другой стороны, виновный въ убійствѣ, въ Карачаѣ такимъ актомъ не могъ избавить себя отъ послѣдствій своего преступленія, что, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что на смѣну мести сталъ выкупъ, котораго родственники убитаго лишиться не желали.

Всѣ нормы, регулировавшія отношеніе родственниковъ убійцы

---

[1]) Ковалевскій: Совр. обыч. и Древній законъ т. II, 37.

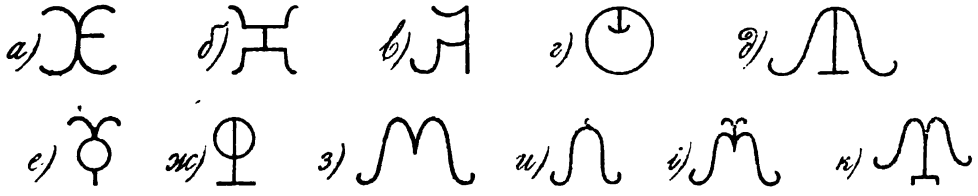
[2]) Лѣтъ 15 тому назадъ, въ Учкуланѣ, какъ намъ передавали, прелюбодѣй, спасаясь отъ мести, прибѣжалъ къ матери своей жертвы и, припавши къ ея груди, заявилъ: „ты будь моей матерью, а твоя дочь—мнѣ сестрой“.

Digitized by Google

къ убійцѣ, опредѣлявшія размѣръ выкупа или порядокъ, въ которомъ родичи должны были осуществлять свое право мести, отошли уже въ область прошлаго, живутъ лишь въ народномъ преданіи. Въ настоящее время и убійства случаются чрезвычайно рѣдко, и влекутъ за собой наказаніе „по закону", какъ говорятъ туземцы, т. е. по русскому уголовному уложенію о наказаніяхъ, навлекая на виновнаго заключеніе въ острогѣ, и затѣмъ ссылку на каторгу.

Изъ числа фактовъ, указывающихъ на то, что въ прежнее время родовая связь была крѣпче, упомянемъ еще о родовыхъ таврахъ, которыя и понынѣ въ ходу въ Карачаѣ, и родовое проис-

Родовыя тавра въ Карачаѣ:



хожденіе которыхъ несомнѣнно. Дѣло въ томъ, что мы находимъ, во первыхъ, тавра главныхъ поколѣній [1]), родовъ, изъ которыхъ сложилось карачаевское племя, именно, поколѣнія Наурузовъ, Будіяновъ, Адурхаевъ и Трамовъ, изъ нихъ тавро Наурузовъ имѣетъ даже два различныя начертанія, именно, см. на чертежѣ *а* и *б*. Хотя въ настоящее время ими можетъ пользоваться всякій желающій, хотя бы и изъ другого поколѣнія и даже „иногородній" т. е. не карачаевецъ; тѣмъ не менѣе до сихъ поръ ими пользуются преимущественно главнѣйшія фамилія даннаго поколѣнія. Такъ, напр., наурузовское тавро мы встрѣтимъ на табунахъ главныхъ наурузовскихъ фамилій—Аджіевыхъ, Кочкаровыхъ и Салпагаровыхъ. Двѣ главнѣйшія фамилія Шатбекларовъ — Хубіевы и Хачировы имѣютъ общее тавро, черт. *е*, называемое хубіевскимъ.— Далѣе, мы вслрѣчаемъ тавра княжескихъ фамилій [2]), при чемъ

[1]) Изображеніе наурузовскаго тавра см. на чертежѣ *а* и *б*; адурхаевскаго—*в*; будіяновскаго—*г*; и трамовскаго *д*.

[2]) Изъ нихъ намъ извѣстны тавра Крымшамхаловыхъ, черт. *ж*; и Карабашевыхъ черт. *з*.

Digitized by Google

тавра князей Крымшамхаловыхъ очень часто встрѣчаются и внѣ этой „княжеской" фамиліи, этотъ фактъ туземцы объясняютъ тѣмъ, что въ прежніе годы крымшамхаловскія лошади славились своими достоинствами, чѣмъ, конечно, пользовались ловкіе люди, которыми могли являться, во первыхъ, бывшіе крѣпостные этихъ князей, а затѣмъ представители незначительныхъ узденскихъ фамилій, не дорожившіе своимъ происхожденіемъ.—На ряду съ родовыми и княжескими таврами мы встрѣчаемъ, далѣе, тавра фамильныя, а также и семейныя, дворовыя [1]). Потребность изобрѣтенія послѣднихъ туземцы объясняютъ необходимостью различенія табуновъ въ предѣлахъ одной фамиліи или подгруппы ея. Нельзя не замѣтить сходства начертанія фамильныхъ мѣтокъ съ общеродовыми и княжескими. Такъ, напр., тавро Абайхотовыхъ и Байчоровыхъ представляетъ небольшое видоизмѣненіе тавра князей Карабашевыхъ, а фамилія Каракотовыхъ въ Тебердинскомъ аулѣ мѣтитъ лошадей тавромъ тѣхъ-же князей; это обстоятельство, можетъ быть, вызывается тѣми-же корыстными побужденіями, которыя ведутъ (или вели прежде) къ заимствованію многими картъджюртскими фамиліями крымшамхаловскаго тавра.—Во всякомъ случаѣ надо замѣтить, что лишь тѣ поколѣнія (подобно, напр., Наурузамъ), члены которыхъ строже сознаютъ свою родовую связь (выражая ее, напр., въ строгомъ соблюденіи экзогаміи), — придаютъ значеніе родовому тавру, а не мѣтятъ своихъ лошадей первымъ попавшимся; въ другихъ же поколѣніяхъ родовое тавро уже въ скоромъ времени потеряетъ свою raison d'être, если ея уже не потеряло.—Побужденіемъ къ изобрѣтенію новаго дворового тавра служатъ семейные раздѣлы, распаденія семейной общины на нѣсколько отдѣльныхъ хозяйствъ—дворовъ. При раздѣлѣ табуновъ, чтобы опредѣлить, кто изъ раздѣлившихся братьевъ можетъ сохранить обще-семейное тавро, и кто долженъ выдумать новое, поступаютъ слѣдующимъ образомъ: до раздѣла братья отдѣляютъ изъ семейнаго табуна нѣсколькихъ лошадей, по одной на каждаго изъ дѣлящихся; на одну изъ нихъ кладутъ семейное тавро, затѣмъ бросаютъ жребій; эта лошадь достается одному изъ братьевъ, а получившіе не отмѣченныхъ лошадей должны выдумать свое собственное тавро или заимствовать чье-нибудь другое.

[1]) Нѣсколько семейныхъ тавръ изображены на чертежахъ: *и* Кипкѣевыхъ, *і* Абайхотовыхъ; *к* Байчоровыхъ.

Digitized by Google

Укажемъ еще на нѣкоторые обычаи, подтверждающіе солидарность членовъ рода, или даже всего племени, хотя мало по малу и они выходятъ изъ употребленія. — Когда какой-нибудь карачаевецъ умираетъ, всѣ жители всѣхъ ауловъ Большого Карачая, особенно женщины, посѣщаютъ саклю покойнаго, выражая свое соболѣзнованіе. Въ прежніе годы, еще лѣтъ десять тому назадъ, женщины приносили по кусочку матеріи бѣлаго цвѣта на саванъ; близкіе-же родственники и любимцы покойнаго приносили шелковые куски. — Въ важныхъ случаяхъ своей жизни, напр., при замужествѣ или женитьбѣ какого-нибудь члена фамиліи, карачаевецъ не преминетъ пригласить на торжество всѣхъ однофамильцевъ. — Среди отдѣльныхъ дворовъ есть такіе, которые производятъ себя по прямой линіи отъ родоначальника; главы ихъ пользуются особымъ почетомъ, и къ нимъ всѣ родичи обращаются за совѣтомъ, хотя трудно опредѣлить, можно-ли приписать это ихъ качеству представителей старшихъ родовъ, или только ихъ учености (напр., кадіи, муллы въ фамиліяхъ Хачировыхъ, Салпагаровыхъ), благодаря которой они могутъ „документально“ доказать свое прямое происхожденіе отъ родоначальника. — Но, конечно, солидарность интересовъ сильнѣе чувствуется въ предѣлахъ фамиліи, хотя-бы разросшейся въ нѣсколько десятковъ однофамильныхъ дворовъ. Особенно рѣзко сказывается она въ процессахъ о захватѣ фамильной земли (въ аулѣ) членами другой фамиліи. Дѣла подобнаго рода рѣшались раньше по адату народнымъ судомъ, причемъ судъ предлагалъ въ подтвержденіе своихъ правъ на землю принять присягу *всей* фамиліи. Любопытно въ этомъ отношеніи дѣло, возникшее по поводу захвата земли между фамиліями Голаевыхъ и Чотчаевыхъ, въ Хурзукѣ, съ которымъ намъ удалось ознакомиться въ Хумаринскомъ судебномъ архивѣ (отъ 30 декабря 79 года).

Вотъ начало жалобы одного изъ представителей фамиліи Голаевыхъ—Таусултана, которую мы позволяемъ себѣ привести въ виду ея большого интереса: „на которой землѣ я и ближайшіе родственники мои живемъ и владѣемъ нѣсколько десятковъ лѣтъ; земля эта была занята моими дѣдами, даже прадѣдами, которыхъ я даже припомнить могу; лѣтъ же тому назадъ 30 или 40, жители аула Хурзука, Чотчаевы, какъ въ большомъ количествѣ ихъ фамилія противъ фамиліи нашей, и изъ зависти, желали таковую

Digitized by Google

отъ насъ совершенно отбить и уже одинъ разъ насильственнымъ образомъ землю ту вспахали и засѣяли хлѣбомъ, который хлѣбъ дѣдомъ и другими родственниками моими былъ избитъ и потравленъ, о чемъ тогда-же былъ назначенъ между фамиліемъ Чотчаевымъ и нашимъ, по тогдашнему обычаю, нашему народный судъ, который разобралъ такъ: какъ-та земля была занята колѣномъ Голаевымъ, а не Чотчаевымъ, слѣдовательно, послѣднее и не имѣло на то право, причемъ и было предложено Чотчаеву колѣну принять присягу о томъ, что была-ли земля та занята когда-нибудь колѣномъ Чотчаевымъ, которое отъ принятія присяги совершенно отказалось, почему фамилія наша до 1878 года тою землею пользовалась безпрепятственно". Всѣ однофамильцы, какъ отсюда видно, привлекались къ отвѣтственности за неправомѣрный захватъ нѣкоторыми членами фамиліи чужой земли. — Таково было положеніе дѣлъ въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія; но и сейчасъ еще, въ случаѣ споровъ и земельныхъ недоразумѣній, привлекаются къ дѣлу всѣ однофамильцы въ качествѣ свидѣтелей, хотя аульный судъ замѣнилъ народный, третейскій, даже въ случаяхъ споровъ въ предѣлахъ одной только фамиліи.—Такъ, напр., нѣкто Урусовъ Алибекъ вздумалъ строить саклю на землѣ двухъ братьевъ Урусовыхъ, Магафира и Хусына; тѣ протестовали и, наконецъ, были вынуждены обратиться къ суду.—Судъ самъ направился на мѣсто постройки и, убѣдившись, что, дѣйствительно, Алибекъ занялъ чужую землю, распорядился, кромѣ того, собрать фамиліи Урусовыхъ „собственно для узнанія", и въ присутствіи ихъ была земля Алибека, Магафира и Хусына, разбита на межи, „почему стороны остались довольны".—Въ заключеніе упомянемъ еще о внутреннемъ дѣленіи фамильныхъ кварталовъ. Каждый кварталъ—имѣетъ подраздѣленія, носящія т. н. квартальныя клички, по имени предка въ 5 или 6 приблизительно колѣнѣ, *прямое* потомство котораго представляетъ совокупность дворовъ, тѣсно прижавшихся другъ къ другу. Такъ, напр., фамилія Байрамуковыхъ дѣлится на Деболэровъ, Доутлэровъ, Кэмэлэровъ, Зорумлэровъ и т. д., по имени прадѣдовъ, и прапрадѣдовъ теперешняго поколѣнія, достигшаго 30-35 лѣтняго возраста. Каждую саклю нетрудно отыскать по кварталу и квартальной кличкѣ, все равно какъ въ городахъ точнымъ адресомъ служитъ названіе улицы и номеръ дома. Наглядной иллюстраціей такого дѣленія кварталовъ можетъ

Digitized by Google

служить прилагаемая таблица [1]) постепеннаго разрастанія фамиліи Байрамуковыхъ изъ Будіяновскаго рода (остальныя фамиліи этого рода въ ней не прослѣжены).

II.

Семейная община.

Не только тѣсно-родственной, но и самостоятельной хозяйственной единицей въ Карачаѣ является „дворъ", представляющій, какъ мы увидимъ ниже, довольно типичную форму т. н. семейной общины, большой семьи. Большая семья почти повсемѣстно распространена въ Карачаѣ: малыхъ семей намъ почти не приходилось встрѣчать, и въ большинствѣ случаевъ онѣ принадлежали иногороднимъ, т.-е. пришельцамъ со стороны, какъ, напр., городскимъ евреямъ, нѣсколько семействъ которыхъ въ каждомъ аулѣ держатъ лавки и снабжаютъ мануфактурными произведеніями весь Карачай. По составу своему дворы представляютъ сожительство дѣдовъ, отцовъ и внуковъ, иногда правнуковъ; это форма преобладающая; рѣже сравнительно встрѣчается сожительство дядей съ племянниками, т.-е. нераздѣльныхъ братьевъ. Объясняется это тѣмъ, что въ настоящее время, послѣ смерти старика, родоначальника двухъ, трехъ поколѣній, большая семья представляется настолько разросшеюся, что дальнѣйшая совмѣстная жизнь родственниковъ дѣлается затруднительной. Тѣ центро-бѣжные элементы, которые при жизни главы семьи сдерживались его авторитетомъ, теперь обнаруживаютъ свое вліяніе, и большая семья распадается по числу составляющихъ ее отдѣльныхъ семей. Неудивительно также, что самыя многочисленныя „большія семьи", отличаются наибольшей зажиточностью; большое количество земли, главнымъ образомъ усадебной, позволяетъ дѣлать новыя хозяйственныя пристройки при образованіи новыхъ семей въ предѣлахъ большой семьи путемъ женитьбы ея членовъ, тогда какъ менѣе состоятельныя семьи тѣснота заставляетъ дѣлиться и начинать новыя самостоятельныя хозяйства. Самая многочисленная по числу членовъ семья въ Большомъ Карачаѣ—одна изъ фамиліи

[1]) См. на стр. 8—9. Доставлена мнѣ эта таблица учителемъ учкуланской школы Ильясомъ Байрамуковымъ.

Digitized by Google

Байчоровыхъ, насчитывающая 53 человѣка; Байчоровы считаются самыми богатыми скотоводами, обладателями 2 десятковъ тысячъ овецъ и табуновъ въ нѣсколько тысячъ головъ. Такого рода факты, подтверждающіе соединеніе зажиточности съ многочисленностью семей, аульные старики приводятъ въ примѣръ того, что лишь нераздѣльныя семьи достигаютъ богатства, дѣлая при этомъ нѣсколько неправильное умозаключеніе, такъ какъ именно богатство даетъ возможность долѣе не раздѣляться, а не наоборотъ—нераздѣльность хозяйства ведетъ къ благосостоянію. Въ среднемъ число членовъ [1]) карачаевскаго двора колеблется между 15—25 человѣками; встрѣчаются семьи и съ большимъ и съ меньшимъ числомъ членовъ, но рѣдко; семья въ 30, 35 человѣкъ составляетъ уже исключеніе. Приведу здѣсь, кстати, карачаевскіе термины для обозначенія видовъ родства. Тюркскіе языки не особенно богаты такими словами. Такъ и карачаевское нарѣчіе большинство видовъ родства выражаетъ описательно, прибѣгая къ сложнымъ, составнымъ словамъ. Особыя названія мы находимъ только для обозначенія отца (ата́), матери (ана́), сына (джашъ), дочери (кызъ), брата (карнашъ) и сестры (эгечъ). Дѣдъ по матери и по отцу обозначается черезъ улу́ (старшій) ата́, бабка—черезъ улу́ ана́; хотя надо замѣтить, что дѣдъ по матери чаще обозначается черезъ ананы́ атасы́,—буквально отецъ матери. Для обозначенія племянника и племянницы карачаевецъ строитъ очень длинные составные термины; племянникъ (отъ брата)—карнаш-дантуганъ (буквально уроженецъ (туганъ) отъ (дан-исх. пад.) брата (карнашъ); племянница именуется карнашъ-дан-туган-кызъ. Внукъ называется сыномъ сына; внучка—дочерью сына; дядя—братомъ отца или матери; тетка—сестрой отца или матери. Напр.: внукъ—джашдантуганджашъ; внучка—джашдантуганкызъ; двоюродный братъ (сестра)—экй (два) карнашдантуганджашъ (кызъ). Дядя по отцу—ата карнашъ; дядя по матери—ана карнашъ; тетка—ата́ эгечъ и ана́ эгечъ.

Съ внѣшней стороны „дворъ“ представляетъ собой нѣсколько

[1]) Вотъ составъ нѣсколькихъ семей Сентинскаго аула: 1) Семья Чогарова, старика 74 лѣтъ, состоитъ изъ 5 сыновей, 9 внуковъ, его жены, 5 снохъ и 8 внучекъ—всего 29 человѣкъ. 2) Дворъ Батырбека Карабашева, старшаго брата, состоитъ изъ его 6 братьевъ, его 5 сыновей и 3 племянниковъ отъ братьевъ, 3 дочерей и 3 племянницъ, одной внучки и матери второго брата. Изъ 7 братьевъ—5 женатыхъ; всего 22 человѣка и т. д.

Digitized by Google

сакель, по большей части примыкающихъ другъ къ другу, вытянувшихся въ одну линію и соединенныхъ общей крышей. Еще чаще большая семья размѣщается въ длинной постройкѣ, иногда въ нѣсколько десятковъ шаговъ длины, раздѣленной на нѣсколько помѣщеній съ отдѣльными входами въ каждое, при чемъ всѣ входы обращены къ одной сторонѣ. Противъ лицевой стороны такого дома расположенъ дворъ съ хозяйственными пристройками, конюшнями и амбарами. Глава семьи, отецъ съ женой и съ незамужними дочерьми, занимаетъ особую саклю. Отдѣльныя сакли отводятся и для женатыхъ сыновей съ ихъ семьями, между тѣмъ какъ холостые помѣщаются всѣ въ одной общей саклѣ. При женитьбѣ сыновей къ главному дому, при неимѣніи свободныхъ сакель, дѣлаются пристройки. Въ зажиточныхъ семьяхъ встрѣчается и кунацкая, т.-е. отдѣльное помѣщеніе для гостей. Большая семья состоитъ такимъ образомъ исключительно изъ близкихъ, кровныхъ родственниковъ; изъ постороннихъ во дворѣ живутъ лишь наемные работники; иногда-же проживаетъ и какой-нибудь бѣднякъ одноаулецъ, котораго пріютила данная семья. Какъ на чрезвычайно рѣдкое исключеніе въ Карачаѣ, можно указать и на такіе случаи, что какой-нибудь бездѣтный старикъ [1]) принимаетъ къ себѣ постороннюю семью, усыновляетъ ее и оставляетъ ей по завѣщанію свое родовое имущество. Если такой пріемной семьѣ усыновитель хочетъ оставить имущество, онъ обязанъ сдѣлать завѣщаніе, иначе, по адату, его имущество переходитъ къ его кровнымъ родственникамъ, или же вообще, къ однофамильцамъ. Какими причинами вызывается усыновленіе—трудно сказать: религіозные мотивы тутъ едва-ли играютъ роль; вѣрнѣе всего, что усыновитель не желаетъ себя видѣть одинокимъ, или не хочетъ передавать имущества непріятнымъ для него родственникамъ. Во всякомъ случаѣ усыновленіе случается рѣдко и члены большой семьи связаны, какъ общее правило, кровной связью.—Каждая большая семья называется именемъ своего главы и квартальной кличкой. Глава семьи, отецъ, занимаетъ первенствующее положеніе въ семьѣ, носящей строго патріархальный характеръ. Всѣ члены семьи находятся въ одинаково подчиненномъ и безправномъ поло-

[1]) Такой случай имѣлъ мѣсто недавно въ Учкуланѣ: уздень, старикъ Алботовъ принялъ къ себѣ семью своихъ бывшихъ крѣпостныхъ.

Digitized by Google

женіи по отношенію къ домовладыкѣ; власть его, въ теоріи по крайней мѣрѣ, такъ же неограничена, какъ власть его древнеримскаго собрата. Свойственное всѣмъ кавказскимъ горцамъ уваженіе къ старикамъ, и требованіе безусловнаго повиновенія отцу, выставляемое шаріатомъ, соединяются, чтобы еще рѣзче подчеркнуть абсолютный характеръ власти отца. Безспорно, что именно мусульманство дѣйствовало въ этомъ направленіи и до нѣкоторой степени изгладило черты, указывавшія на прежнюю ограниченность домовладыки въ распоряженіи семейнымъ имуществомъ (о чемъ мы скажемъ ниже), характеризующую принадлежность послѣдняго семейной общинѣ, какъ субъекту права собственности.—Отцу, какъ главѣ семьи, всѣ члены обязаны безусловнымъ повиновеніемъ. Лишь за послѣднее время стали встрѣчаться случаи столкновенія молодого поколѣнія со стариками: они происходятъ, напр., когда сынъ занимаетъ какую-нибудь общественную должность, какъ-то старшины и т. п. Въ виду того, что въ Карачаѣ „политическія“ причины требуютъ отъ должностныхъ лицъ особыхъ качествъ, часто идущихъ въ разрѣзъ съ прежними воззрѣніями карачаевцевъ, имъ приходится выдерживать столкновенія со стариками, какъ представителями стараго, адатнаго начала, причемъ въ этомъ неравномъ боѣ побѣдителями выходятъ, конечно, новые администраторы и принципъ безусловнаго повиновенія старшимъ страдаетъ; напр., младшій членъ семьи, какъ старшина, укоряетъ главу семьи за несвоевременный взносъ податей и т. п. Но это, конечно, исключительные случаи. Сынъ обязанъ оказывать отцу всякіе внѣшніе знаки почтенія и уваженія, напр., вставать, когда отецъ входитъ и т. д.

Преданія о прежнихъ порядкахъ, господствовавшихъ въ Карачаѣ, говорятъ, какъ мы уже упоминали, что въ случаѣ убійства отцомъ сына, первый остается безнаказаннымъ. Но изъ безнаказанности преступленія, какъ вѣрно замѣчаетъ Ковалевскій, нельзя дѣлать вывода о правѣ на совершеніе преступнаго дѣйствія Условія родового быта требовали наказанія въ формѣ мщенія, а разъ мстителя не было, очевидно и преступленіе должно было остаться неотмщеннымъ, т. е. ненаказаннымъ. Далѣе, въ Карачаѣ отецъ (въ теоріи) всецѣло опредѣляетъ судьбу своихъ дѣтей и распоряжается ихъ рукой, хотя мусульманское законодательство въ этомъ „правѣ“ сдѣлало значительную брешь, именно

Digitized by Google

въ его правѣ распоряжаться рукой дочерей. Во всякомъ случаѣ, не говоря о „правахъ", отецъ имѣетъ фактическую возможность не допустить брака своего сына, отказавъ ему въ калымѣ, или-же, наоборотъ, побудить сына ко вступленію въ бракъ, обѣщая большой калымъ и тѣмъ давая возможность сыну взять въ жены самую красивую, богатую и знатную невѣсту. Распространенъ въ Карачаѣ и обычай еще въ малолѣтствѣ обручать своихъ дѣтей, напр., сына съ какой-нибудь дѣвочкой, дочерью своего хорошаго пріятеля. Соглашеніе стариковъ имѣетъ по адату юридическое значеніе: когда дѣти выростутъ, обязательство ими расторгнуто быть не можетъ. Семейные споры и ссоры безаппеляціонно рѣшаются главой семьи; ни въ какихъ семейныхъ совѣтахъ онъ не нуждается; лишь въ случаѣ важнаго проступка члена семьи, совѣщается онъ съ женатыми сыновьями, но рѣшающаго значенія ихъ совѣты не имѣютъ никакого. Въ своей семейной жизни подвластный сынъ подчиненъ отцу; въ случаѣ отказа, напр., наказать по требованію отца свою жену, непокорный сынъ можетъ быть выгнанъ изъ дому безо всего; ни родственники своими совѣтами не помогутъ, ни аульный сходъ протеста не окажетъ. Только въ брачныхъ дѣлахъ семейный совѣтъ играетъ нѣкоторую роль, хотя тоже второстепенную.—На главѣ семьи лежитъ, главнымъ образомъ, все управленіе семейнымъ имуществомъ: скотоводство, арендованіе участковъ, опредѣленіе времени сѣнокошенія и посѣвовъ. Онъ распредѣляетъ наличныхъ членовъ семьи на работы и контролируетъ ихъ дѣйствія. Черезъ свою главу семья входитъ въ сношенія съ мѣстнымъ начальникомъ, аульными властями; съ нимъ имѣютъ дѣло сборщики податей, падающихъ на цѣлый дворъ; на судѣ, когда глава семьи фигурируетъ въ качествѣ свидѣтеля, слово его имѣетъ больше значенія, чѣмъ показанія подчиненныхъ членовъ семьи, и въ случаѣ разногласія въ показаніяхъ, ему судъ даетъ больше вѣры.—Глава семьи—отецъ—не только главный распорядитель, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ полновластный хозяинъ всего семейнаго имущества, которое принадлежитъ ему, по увѣренію карачаевцевъ, на правѣ полной собственности. Какъ собственникъ, онъ не ограниченъ въ правѣ распоряженія имъ и даже можетъ отчудить его въ другія руки (залогъ карачаевцамъ не извѣстенъ), или-же растратить до послѣдней копѣйки. Никто изъ подвластныхъ не можетъ опротестовать его

Digitized by Google

распоряженій. Различія между родовымъ имуществомъ и нажитыми трудами членовъ семьи не дѣлается никакого, по крайней мѣрѣ, при жизни главы; оно имѣетъ значеніе только при наслѣдованіи; какъ тотъ, такъ и другой родъ имущества принадлежатъ главѣ семьи—отцу—на правѣ полной собственности. И не надо думать, что такое право существуетъ лишь въ теоріи и не находитъ себѣ примѣненія на практикѣ. Въ Карачаѣ уже извѣстно нѣсколько случаевъ растраты всего состоянія главами семьи, и никакія жалобы членовъ семьи не помогали, пока, наконецъ, семья не была вынуждена прибѣгнуть къ покровительству русской власти, обратиться къ суду; общество-же лишь въ рѣдкихъ случаяхъ оказываетъ поддержку сыновьямъ противъ столь легкомысленныхъ отцовъ; сосѣди-же, съ своей стороны, съ интересомъ слѣдятъ за процессомъ растраты имущества, стараясь повыгоднѣе воспользоваться ей. Очевидно, при такомъ характерѣ власти домовладыки, онъ въ своихъ имущественныхъ распоряженіяхъ не связанъ никакой отчетностью членамъ семьи; контролировать его дѣйствія они не смѣютъ.

Сыновья въ имущественномъ отношеніи совсѣмъ безправны, своего peculium'a они не имѣютъ за немногими лишь исключеніями. Такое исключеніе составляютъ подарки, дѣлаемые имъ родственниками и друзьями. Иногда сынъ воспользуется любовью къ себѣ отца и выпроситъ у него нѣсколько штукъ скота; это составляетъ его собственность; но справедливость требуетъ, чтобы въ этомъ случаѣ и другіе сыновья что-нибудь получили, и вотъ отецъ и ихъ надѣляетъ скотомъ. Бываетъ и такъ, что любящій дѣдъ, при опасной болѣзни внука, даетъ обѣщаніе, въ случаѣ выздоровленія, подарить ему лошадь или корову, и затѣмъ исполняетъ свое обѣщаніе. Но подарки составляютъ единственный источникъ образованія частнаго имущества подвластныхъ сыновей, а подарками, конечно, трудно составить себѣ значительнее состояніе и выйти изъ имущественной зависимости отца. Въ правильно организованныхъ дворахъ, представляющихъ въ Карачаѣ нормальный типъ, существуетъ общая семейная касса, въ которую поступаютъ всѣ заработанныя членами семьи деньги, и деньги, вырученныя изъ продажи продуктовъ скотоводства; изъ общей кассы удовлетворяются всѣ потребности большой семьи и вносятся подати. Ею завѣдуетъ отецъ, который всецѣло распоряжается трудомъ сво-

Digitized by Google

ихъ подвластныхъ. Онъ отъ своего имени заключаетъ договоры личнаго найма, по которымъ его малолѣтніе сыновья и внуки поступаютъ въ услуженіе, въ работники, за опредѣленное вознагражденіе натурой и деньгами. Такіе договоры, въ которые часто вступаютъ малозажиточные хозяева, встрѣчаются нерѣдко и обыкновенно заключаются на 5 лѣтъ. Въ случаѣ неисправной уплаты слѣдуемаго вознагражденія, отецъ предъявляетъ искъ къ нанимателю; онъ-же по иску нанимателя отвѣчаетъ за неисправность отданнаго въ работники сына; деньги, слѣдуемыя за работу, разумѣется, идутъ отцу, или въ семейную кассу. Совершеннолѣтній членъ семьи можетъ отправиться на заработки только съ согласія или по приказанію отца; всѣ заработанныя деньги онъ обязанъ отдать при возвращеніи цѣликомъ въ общую кассу; удержать онъ ничего не смѣетъ, развѣ только это удастся ему сдѣлать скрытно. Если на сторонѣ онъ проживаетъ долго, то обязанъ отъ времени до времени присылать въ семью свой заработокъ; смотря по тому присылалъ онъ его или нѣтъ, онъ можетъ сохранить свое право на общее имущество и вернуться равноправнымъ членомъ въ семью. Во время его отсутствія его семья, т. е. жена и дѣти, непосредственно подчиняется отцу, разницы въ ихъ положеніи почти не замѣчается. Какъ-бы долго членъ семьи ни проработалъ на общую пользу, онъ все-же не въ правѣ распоряжаться ни одной частью семейнаго имущества и права завѣщать что-нибудь (напр., свою предполагаемую долю) онъ не имѣетъ. Какъ бы различенъ ни былъ заработокъ отдѣльныхъ членовъ семьи, они въ одинаковой мѣрѣ обязаны отдать его цѣликомъ въ общую кассу. Лишь въ самое послѣднее время, за такими членами семьи, которые по своему общественному положенію или образованію стоятъ выше другихъ, признается право удерживать нѣкоторую часть своихъ доходовъ, необходимую имъ для поддержанія ихъ общественнаго положенія. Напримѣръ, сельскій учитель, получающій 200 р. жалованья, отдаетъ лишь половину, т. е. столько, во сколько-бы онъ оцѣнилъ свой трудъ, если бы былъ заурядным членомъ семьи. Изъ общей кассы дѣлаются всѣ необходимые расходы по семьѣ; изъ нея дается приданое дочерямъ и внукамъ; отецъ и мать послѣднихъ сами имущественно безправны и снабдить дочь приданымъ не могутъ.

Изъ общаго достоянія уплачивается калымъ при женитьбѣ сы-

Digitized by Google

новей и внуковъ. Такъ какъ семья отвѣчаетъ за проступки своихъ членовъ, то и obligationes ex delicto падаютъ на нее и гражданскія взысканія, къ которымъ присужденъ членъ семьи, напр., по кражамъ скота, весьма многочисленнымъ въ Карачаѣ, уплачиваются изъ общаго имущества. Обязываться лично подвластный членъ семьи не можетъ, да едва ли кто и рѣшится вступить съ нимъ въ сдѣлку имущественнаго характера, зная, что имущества у него нѣтъ. Обязываться отъ имени отца онъ можетъ только съ его согласія. Согласія, явно выраженнаго, не требуется, разъ оно подразумѣвается само собой. Такъ, напр., въ отсутствіе старика управленіе хозяйствомъ ведется его взрослыми сыновьями, находящимися въ домѣ; они, конечно, могутъ сами заарендовать, не требуя спеціальнаго разрѣшенія, участокъ земли, обыкновенно, изъ году въ годъ, заарендовываемый отцомъ [1]), принять уплату долга отъ должника отца, разсчитаться съ кредиторами изъ семейнаго имущества, разъ эта уплата необходима и т. п.; послѣдующая ratihabitio отца предполагается.—Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда сынъ имѣетъ свое болѣе или менѣе значительное имущество, въ формѣ, напр., участка земли, подареннаго отцомъ, онъ, конечно, можетъ по нему вступать въ обязательства, и гражданскія взысканія, напр., за потраву, идутъ въ его пользу, хотя и въ этомъ случаѣ отецъ, какъ законный представитель, предъявляетъ искъ за него и выступаетъ на судѣ въ роли отвѣтчика. Когда предметомъ даренія со стороны отца сыну является клочекъ земли, то составляется при аульномъ правленіи письменный актъ, въ которомъ отецъ лишаетъ себя права отобрать у сына свой подарокъ [2]).—Отецъ, какъ глава семьи, держитъ въ своихъ рукахъ управленіе ею до самой своей смерти. Даже въ случаѣ

---

[1]) Если отецъ поручаетъ сыну заарендовать участокъ земли, сынъ въ настоящее время представляетъ судебнымъ порядкомъ совершенное удостовѣреніе въ томъ, что имѣетъ имущества на такую-то сумму; оно пишется на его имя, но лишь съ согласія отца, когда отецъ не можетъ почему-либо лично арендовать землю.

[2]) Любопытная дарственная запись, въ которой „Хаджи Таусултанъ Крымшамхаловъ даритъ безвозмездно (!) въ вѣчное и потомственное владѣніе клочекъ земли, находящійся въ его дворѣ, имѣющій въ длину 11 арш. и въ поперечину $5^1/_2$; съ тѣмъ, чтобы сынъ на свой счетъ ее застроилъ"; и даритъ еще „смежный съ этой землею жилой домъ, устроенный по азіатскому образ-

Digitized by Google

неспособности старика къ управленію (а такіе случаи бываютъ нерѣдко, такъ какъ карачаевцы отличаются долговѣчностью, доживаютъ до глубокой старости и не рѣдкость между ними встрѣтить старцевъ 110 и даже 120 лѣтъ), онъ все же, безъ своего согласія не можетъ быть отстраненъ отъ хозяйства дѣтьми. Обращеніе дѣтей къ суду происходитъ очень рѣдко, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда, напр., неумѣлыя распоряженія старика, выжившаго изъ ума, грозятъ подорвать благосостояніе семьи, или когда старикъ безъ основательной причины прогонитъ сыновей, не давъ имъ никакого имущества и т. д. Судъ въ такихъ случаяхъ, руководствуясь русскимъ законодательствомъ, отстраняетъ главу семьи, признавая его слабоумнымъ и отдавая подъ опеку, и передаетъ управленіе семьею старшему сыну. Но такіе рѣдкіе случаи возбуждаютъ всеобщее негодованіе и считаются нарушеніемъ принципа безусловнаго повиновенія отцу. Въ большинствѣ же случаевъ, даже въ виду явной неспособности старика къ управленію, суда стараются избѣгать, и власть фактически переходитъ къ слѣдующимъ по возрасту членамъ семьи, тогда какъ номинально главой семьи считается устраненный отъ дѣла старикъ.—При ознакомленіи со всѣми этими данными, которыя мы наблюдаемъ въ Карачаѣ, невольно возникаетъ вопросъ, кто же, собственно, долженъ считаться субъектомъ имущественныхъ правъ, совокупность которыхъ составляетъ матеріальный субстратъ большой семьи? Глава ли ея, родоначальникъ двухъ, трехъ поколѣній, ее составляющихъ, или же такимъ субъектомъ является сама община, какъ форма общественнаго обладанія, или, вѣрнѣе, совокупность ея членовъ, пользующихся въ этой формѣ имущественнымъ правомъ? Второму выводу противорѣчитъ то обстоятельство, что, по увѣренію самихъ карачаевцевъ, отецъ, какъ глава семьи, есть собственникъ всего имущества. Если и можно заподозрить, имѣютъ ли карачаевцы ясное представленіе о правѣ собственности и не смѣшиваютъ ли они его съ видимымъ осуществленіемъ его главой семьи, который управляетъ имуществомъ, распоряжается имъ и собираетъ доходы,—то во всякомъ случаѣ факты растраты отцомъ всего семейнаго достоянія, не вызывающіе протестъ

цу, имѣющій въ длину 16 арш. и въ поперечину 7". Въ заключеніе Хаджи лишаетъ себя навсегда права отбирать у сына подаренную землю и постройку (Изъ общ. догов. К.-Джюрта 97).

Digitized by Google

со стороны аульнаго общества, право отца прогнать сына, не давъ ему никакого имущества, на которое сынъ, очевидно, имѣлъ бы право, если бы оно было общимъ достояніемъ всей семьи т.-е. всѣхъ ея членовъ,—должны, повидимому, убѣдить насъ въ томъ, что собственникомъ является отецъ—глава семьи. Съ другой стороны существованіе общей семейной кассы, въ которую идутъ заработки членовъ семьи и доходы съ ея имущества, непризнаніе частной собственности членовъ семьи на продукты сельскаго хозяйства, далѣе, семейный коммунизмъ, распространяющійся (какъ мы увидимъ ниже) даже на потребленіе, всѣ эти черты, характерныя, какъ показываетъ сравнительная исторія права, для семейной общины въ ея чистомъ видѣ, сохранились и въ Карачаѣ, и заставляютъ предположить, что факты, приведенные выше и противорѣчащіе этому выводу, составляютъ исключеніе изъ общаго правила, явились подъ чужимъ воздѣйствіемъ, и только искажаютъ типичныя черты семейной общины; къ тому же они могутъ допустить и иное объясненіе. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда отецъ прогоняетъ сына безъ имущества, нельзя ли видѣть радѣнія его объ интересахъ семьи, которой грозитъ опасность отъ ея негоднаго члена, конечно, при томъ лишь условіи, что сынъ изгоняется по основательной причинѣ и на его изгнаніе предполагается согласіе всѣхъ членовъ общины? Случаи же неосновательнаго лишенія члена семьи его доли въ семейномъ имуществѣ исключительны и составляютъ продуктъ новѣйшаго времени; чаще всего это злоупотребленіе престарѣлаго главы семьи своею властью, которыя не предусмотрѣны адатомъ; именно поэтому они заставляютъ изгнанника обращаться къ защитѣ горскаго суда и возбуждать вопросъ объ умственныхъ способностяхъ домовладыки. Обычноправовой взглядъ и настоящее отношеніе общества къ такимъ случаямъ злоупотребленія отцовской властью, хотя слабо, но все же иногда сказываются. Такъ, напр., не вмѣшиваясь самъ никогда въ семейныя дѣла, пока спорящіе къ нему не обратятся, аульный судъ, органъ общественнаго мнѣнія, въ случаѣ явной неосновательности изгнанія сына, считаетъ иногда нужнымъ заявить, напр., „чтобы сынъ у отца получилъ клочекъ земли“ и т. п. Но такой скромный совѣтъ не имѣетъ обязательной силы для отца, тѣмъ болѣе, что дѣло семейнаго характера, о выдѣлахъ и раздѣлахъ и т. д., не входятъ въ компетенцію аульнаго суда, а под-

Digitized by Google

лежатъ горскому, словесному, съ предсѣдателемъ, русскимъ чиновникомъ, во главѣ. Но тутъ надо замѣтить, что, къ сожалѣнію, въ дѣлахъ „о неосновательномъ прогнаніи" отцы находятъ полную поддержку въ обрусительныхъ тенденціяхъ горскаго суда, не принимающаго въ соображеніе обычныхъ воззрѣній карачаевцевъ, и старающагося, гдѣ только возможно, изгнать адатъ, замѣнивъ его русскимъ законодательствомъ. Вотъ почему, принимая жалобы прогнанныхъ сыновей на неосновательность ихъ изгнанія, судъ руководствуется исключительно соотвѣтствующими статьями русскаго гражданскаго кодекса. А такъ какъ „полное разъединеніе имущественныхъ интересовъ родителей и дѣтей составляетъ основное начало нашего законодательства", [1]) то судъ никогда не входитъ въ оцѣнку мотивовъ, которыми руководствовался отецъ, изгоняя сына, если только не затронутъ вопросъ объ умственныхъ способностяхъ перваго; тогда судъ, руководствуясь тѣмъ же законодательствомъ, устраняетъ его отъ веденія хозяйства; но разъ этого нѣтъ, онъ интересуется лишь тѣмъ, достигъ ли истецъ совершеннолѣтія, послѣ котораго онъ, на основаніи 172 статьи, не имѣетъ права требовать содержанія отъ родителей, или же нѣтъ; и въ первомъ случаѣ отказываетъ ему въ искѣ, заявляя, что „онъ, какъ совершеннолѣтній, можетъ самостоятельно зарабатывать себѣ пропитаніе". Такимъ образомъ русское законодательство даетъ санкцію тѣмъ исключительнымъ отношеніямъ, которыя не имѣютъ санкціи обычно-правовой, и возводитъ исключеніе въ общее правило; отрицая тотъ юридическій фундаментъ, на которомъ покоится семейная община, оно ускоряетъ процессъ разложенія послѣдней.

Объ руку съ русскимъ законодательствомъ идетъ мусульманское право, тенденціи котораго очень сильны въ Карачаѣ, требующее безусловнаго повиновенія родительской власти; вліяніе его болѣе всего сказывается именно въ тѣхъ семейныхъ общинахъ, гдѣ главой является отецъ, и еще рѣзче подчеркиваетъ преимущественное положеніе главы семьи. Въ семьяхъ такого состава отецъ уже потому можетъ считать именно себя собственникомъ, что вѣдь онъ унаслѣдовалъ дворъ при раздѣлѣ съ братьями; благодаря его стараніямъ и хлопотамъ, неусыпному контролю надъ дѣйствіями членовъ семьи и умѣлому веденію хозяйства, оно достигло такого благосостоянія, которое даетъ возможность удовле-

[1]) Мейеръ—Рус. гражд. право стр. 612.

Digitized by Google

творять потребностямъ нѣсколькихъ десятковъ его нисходящихъ. Семья семейнымъ имуществомъ обязана главнымъ образомъ ему и невольно начинаетъ смотрѣть на него, какъ на полнаго собственника всего имущества. Общинное происхожденіе послѣдняго, доставшагося въ свое время на долю главы семьи, упускается изъ виду. Но вотъ почему также общинный характеръ не подлежитъ сомнѣнію въ такихъ семьяхъ, гдѣ сожительствуютъ дяди съ племянниками.

Послѣ смерти отца, главы семьи, управленіе переходитъ въ руки его вдовы, если она жива, или старшаго сына, если семья не предпочтетъ раздѣлиться на отдѣльные дворы. Переходъ управленія отъ отца къ старшему сыну—обычный; лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда старшій сынъ явно помѣшанный, онъ устраняется отъ веденія хозяйства, и его мѣсто заступаетъ слѣдующій братъ; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ такому неспособному оказывается внѣшній почетъ; онъ занимаетъ первое мѣсто за столомъ, при его входѣ братья встаютъ и т. д. Большакъ изъ братьевъ непремѣнно долженъ быть женатъ и, по большей части, такъ и бываетъ въ дѣйствительности, тѣмъ болѣе, что старшій братъ, по адату, женится раньше младшихъ. Большакъ — старшій братъ, по своей власти далеко уступаетъ главѣ семьи—отцу: братья равноправные хозяева общаго имущества, а не безправные сыновья своего отца, не имѣющіе своей собственности. Такія отношенія ясно сказываются, напр., въ правѣ младшихъ братьевъ даже судомъ требовать отъ старшаго исполненія тѣхъ дѣйствій, на которыя онъ уполномоченъ, какъ главный управитель, завѣдующій семейной кассой. Напр., если старшій братъ не выплачиваетъ калыма, слѣдуемаго женѣ младшаго брата, тотъ судомъ можетъ его требовать, и судъ присуждаетъ большака „отдать изъ общаго достоянія столько-то въ уплату калыма“. Такія требованія едва-ли бы могъ предъявлять подвластный сынъ по отношенію къ отцу, если-бы противъ воли послѣдняго вступилъ въ бракъ. Однимъ словомъ, тѣхъ естественныхъ преимуществъ, которыми обладаетъ глава семьи отецъ, старшій братъ не имѣетъ. Только по отношенію къ малолѣтнимъ братьямъ старшій братъ пользуется правами отца: можетъ ихъ отдавать въ работники, отъ своего имени заключая договоръ личнаго найма и самъ получая искъ изъ него; но, разумѣется, заработокъ брата онъ обязанъ отдать въ общую кассу. Авторитетъ, которымъ онъ пользуется, зависитъ исключительно отъ его лич-

Digitized by Google

ныхъ качествъ, отъ его умѣнія поставить себя; при неумѣніи братьевъ уладить свои взаимныя отношенія, каждый изъ нихъ имѣетъ право требовать раздѣла, или по крайней мѣрѣ выдѣла; такое требованіе старшій братъ обязанъ исполнить безпрекословно. Далѣе, нераздѣльный братъ можетъ даже продать постороннему лицу принадлежащую ему часть общаго имущества, свою идеальную долю въ недвижимости, причемъ покупатель „впредь до раздѣла долженъ пользоваться участкомъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ пользовался продавецъ, а также и такой-же частью“ [1]). Такія продажи стали встрѣчаться лишь въ послѣднее время и въ купчихъ подобнаго рода, продавецъ, какъ-бы чувствуя нѣкоторую неправомѣрность своего акта, связываетъ себя неустойкой на тотъ случай, если онъ нарушитъ условіе продажей участка въ другія руки, или если его наслѣдники будутъ вмѣшиваться въ эту продажу и опорочивать сдѣлку.

Внутреннимъ домашнимъ хозяйствомъ завѣдуетъ свекровь, когда семья находится подъ властью отца, или-же большухой (употребляя терминъ, обозначающій старшую хозяйку въ большихъ семьяхъ великорусскаго сѣвера) является жена большака старшаго брата. Свекровь ежедневно, рано утромъ, распредѣляетъ продукты домашняго хозяйства по саклямъ, составляющимъ дворъ: молоко, баранину, дрова, шерсть,—все до послѣдней мелочи; она же отъ времени до времени раздаетъ платья снохамъ, черкески, чевяки и бурки сыновьямъ; все это идетъ изъ семейнаго имущества, по усмотрѣнію свекрови. Въ большинствѣ семей коммунизмъ распространяется и на потребленіе въ тѣсномъ смыслѣ, — существуетъ общій столъ. Въ опредѣленное время къ нему въ общую столовую собираются всѣ наличные члены семьи, и свекровь распредѣляетъ между ними пищу и оставляетъ отсутствующимъ ихъ долю до возвращенія. Но въ нѣкоторыхъ семьяхъ (въ меньшинствѣ) общаго стола не существуетъ и хозяинъ каждой сакли, отведенной въ его пользованіе, обѣдаетъ со своей семьею отдѣльно. Свекровь имѣетъ большую власть надъ всѣмъ женскимъ населеніемъ семьи, какъ распорядительница продуктовъ питанія и одежды; ладить съ ней необходимо каждой снохѣ; не взлюбится ей почему-либо сноха, свекровь можетъ настоять на томъ, чтобы отецъ потребовалъ отъ сына удаленія жены; или же можетъ прямо голо-

[1]) Изъ сдѣлокъ и договоровъ Картъ-Джюрта за 1897 г.

Digitized by Google

домъ извести ее и ея дѣтей, отказывая ей въ самомъ необходимомъ, урѣзывая пищу и принуждая сноху закладывать свои вещи или обращаться за помощью къ своимъ родственникамъ. Женатые сыновья, находясь въ полной зависимости отъ родителей, не имѣя ничего своего, не могутъ помочь своимъ женамъ. — На свекрови лежитъ завѣдываніе огородомъ, принадлежащимъ двору; обыкновенно снохи, находясь въ ладу со свекровью, выпрашиваютъ по грядкѣ, которая идетъ въ ихъ пожизненное пользованіе и служитъ иной разъ значительнымъ подспорьемъ семьѣ.—Въ веденіи домашняго хозяйства болѣе трудныя работы возлагаются свекровью на замужнихъ женщинъ, болѣе легкія, а иногда и никакихъ, на незамужнихъ дочерей и внучекъ. Приготовленіе пищи, напр., составляетъ обязанность снохъ, которыя чередуются по днямъ; не избавляется отъ этой обязанности и та сноха, у которой есть взрослая дочь - дѣвушка; вообще же дочери находятся подъ покровительствомъ своихъ матерей, которыя ихъ избавляютъ отъ черной работы. Свекровь, не соблюдая очереди, можетъ приказать той или другой снохѣ приготовить одежду для нея и для ея мужа, т. е. свекра, и отказаться отъ работы сноха не смѣетъ. Кромѣ приготовленія пищи для общаго стола, на обязанности снохъ лежитъ изготовленіе одеждъ для ихъ семей, но лишь съ особаго разрѣшенія свекрови; чаще-же всего изготовленныя всѣми снохами черкески распредѣляются лично свекровью.—Въ одинаково безправномъ положеніи съ братьями находятся незамужнія сестры, между тѣмъ какъ снохи имѣютъ частную собственность въ формѣ калыма и приданаго. Даже все, что женщины пріобрѣтаютъ случайнымъ путемъ, онѣ обязаны возвратить въ общую кассу. Изготовленныя на продажу вещи (бурки) продаются по усмотрѣнію всѣмъ завѣдующей свекрови. Положеніе дѣвушекъ въ семьѣ нѣсколько выгоднѣе положенія замужнихъ женщинъ. Избавленныя отъ трудныхъ работъ, онѣ служатъ баловнями семьи; золовки всячески за ними ухаживаютъ, при вступленіи въ семью дѣлаютъ подарки. Нѣкоторую частную собственность дѣвушки имѣютъ въ видѣ шкатулокъ, кисетиковъ и т. п., которыми въ изобиліи снабжаютъ ихъ изъ своего имущества матери, заботливо готовя имъ приданое. Любопытенъ обычай, по которому сестры себѣ, въ пополненіе приданаго, могутъ наворовать нѣсколько мѣръ ячменя. На такой поступокъ братья смотрятъ сквозь пальцы и только по-

Digitized by Google

смѣиваются.—Осенью, когда съ кошей привозятъ шерсть, свекровь, отобравъ матеріалъ для пряжи, въ количествѣ, необходимомъ для удовлетворенія потребностей семьи, остатокъ, обыкновенно, даритъ снохамъ, а матери отдаютъ дочерямъ шерсть, которая также составляетъ ихъ частную собственность. Каждая дѣвушка до своего замужества старается накопить себѣ такими случайными путями какъ можно больше имущества; но въ крайней нуждѣ семья въ лицѣ своего главы имѣетъ право отобрать у дочерей и снохъ то, что онѣ себѣ такимъ путемъ накопили, но только съ ихъ согласія и подъ условіемъ вернуть такую-же сумму при первой возможности.

Въ положеніи членовъ семьи, управляемой старшимъ братомъ, мы находимъ мало отличій отъ положенія членовъ семьи, живущей подъ властью отца: внутренніе распорядки тѣ-же; тотъ-же семейный коммунизмъ, общій столъ, домашнимъ хозяйствомъ завѣдываетъ большуха, жена старшаго брата.—Таковы главныя черты, характеризующія семейную общину въ томъ видѣ, въ какомъ она и сейчасъ существуетъ въ Карачаѣ.

Если исходнымъ моментомъ въ исторіи семейной общины нужно считать тотъ ея періодъ, въ которомъ собственность, какъ движимая, такъ и недвижимая, состоитъ въ общемъ владѣніи, и всѣ личные заработки, какимъ бы путемъ они ни были пріобрѣтены, принадлежатъ всей совокупности членовъ, — то карачаевская община недалеко ушла отъ этой первоначальной стадіи. Частная собственность членовъ развита еще очень слабо, и источники ея происхожденія случайны, ненадежны (главнымъ образомъ, подарки родственниковъ и знакомыхъ, излишекъ пряжи, идущій въ семьи снохъ и т. д.). Если въ послѣдующей исторіи семейной общины мы видимъ различеніе источниковъ дохода, — семейнаго капитала и личнаго труда, результатомъ котораго является то положеніе, что лишь тѣ пріобрѣтенья, которыя сдѣланы съ помощью семейнаго капитала принадлежатъ по праву всей семьѣ, остальныя-же поступаютъ въ частную собственность, — то этого различія карачаевская община еще не проводитъ, и, какъ мы видѣли, всѣ заработки на сторонѣ, возможные только при согласіи общины въ лицѣ ея представителя и главы, поступаютъ въ семейную кассу. Съ другой стороны, лишь трудъ на пользу семьи даетъ право членамъ ея на участіе въ общемъ имуществѣ, и въ этомъ смыслѣ трудовой принципъ вполнѣ признается; но въ общинѣ мы все-таки

Digitized by Google

видимъ союзъ кровныхъ родственниковъ, а не артель, и даже не задругу, въ которой отдѣльныя семьи связаны не столько родствомъ, сколько экономическими связями, и потому больные и неспособные къ работѣ члены семьи не теряютъ своей доли въ семейномъ имуществѣ, получая ее при раздѣлахъ и наслѣдованіи въ полномъ размѣрѣ.

III.

Семейные раздѣлы.

Перехожу теперь къ разсмотрѣнію обычныхъ нормъ, регулирующихъ семейные дѣлежи, послѣдній актъ въ жизни общины, которымъ заканчивается ея существованіе и кладется начало частной собственности. Семейные раздѣлы въ настоящее время съ каждымъ годомъ учащаются. Слишкомъ многочисленныя семьи, послѣ смерти своего главы, обыкновенно, распадаются на отдѣльныя хозяйства, но и при жизни отца случаи раздѣла встрѣчаются все чаще, несмотря на неблагопріятное отношеніе къ нимъ общественнаго мнѣнія. Отъ общихъ семейныхъ дѣлежей (айралгатъ) карачаевцы отличаютъ выдѣлы отдѣльныхъ членовъ, отходы ихъ, которые рѣдко происходятъ съ согласія отца и вызываются или дурнымъ поведеніемъ сыновей или ихъ стремленіемъ къ самостоятельности. Тутъ предоставленъ полный произволъ оскорбленному самолюбію отца, и часто отходящій противъ его воли не получаетъ ничего изъ семейнаго имущества или получаетъ неполную долю. Отецъ не можетъ ему отказать только въ необходимомъ платьѣ и его собственномъ имуществѣ, напр., подаркахъ. Но чаще всего въ такихъ случаяхъ ближайшіе родственники вліяютъ на отца, который, по ихъ настоянію, даетъ кое-что изъ движимаго имущества, какъ-то: арбу, пару быковъ; участковъ же земли никогда. Въ большинствѣ случаевъ самовольно отходящіе сыновья довольствуются и этимъ, особенно въ бѣдныхъ семьяхъ; къ тому-же они слишкомъ надѣются на свои силы, на возможность получить какой-нибудь заработокъ, мѣсто. Въ связи со случаями отдѣленія сыновей встрѣчаются и случаи принятія тестемъ зятя въ свой домъ. Такъ напр., отдѣливъ сына расточителя, чтобы не платить его долговъ, отецъ замѣняетъ его мужемъ своей дочери, который иногда также выдѣляется изъ своей семьи, находя такую перемѣну для себя выгодной. Иногда зять, уходя изъ своей семьи, ничего не получаетъ

Digitized by Google

изъ семейнаго имущества, когда, напр., его отецъ противится его намѣренію; иногда онъ перемѣняетъ семью, не уживаясь съ братьями; если у тестя нѣтъ прямыхъ наслѣдниковъ, то онъ дѣлаетъ своимъ наслѣдникомъ пріемнаго зятя; если-же у него есть нѣсколько дочерей, зять получаетъ послѣ его смерти равную съ ними долю; иногда-же часть его даже нѣсколько больше, именно, когда тесть принимаетъ въ разсчетъ трудъ зятя на пользу семьи. Принимаютъ зятей, обыкновенно, только хозяева, не имѣющіе мужского потомства, рѣже входитъ зять въ семью, въ которой есть сыновья—работники. Вступаетъ онъ тогда уже на другихъ основаніяхъ, не на положеніи будущаго наслѣдника, замѣстителя сыновей, а на началахъ товарищества; онъ приноситъ съ собой имущество, которое складывается съ общимъ семейнымъ; работа производится на общія средства, и возникаетъ нѣчто въ родѣ договора, родственнаго товарищества. Такой зять-товарищъ во всякое время можетъ отойти, взявъ назадъ свое имущество и слѣдующую ему часть доходовъ. Обратимся теперь къ общему дѣлежу, предполагающему согласіе отца. Послѣднее необходимо всегда; даже совсѣмъ устранившійся отъ дѣлъ отецъ властенъ въ раздѣлѣ; исключеніе составляютъ только случаи полнаго его умственнаго разстройства. Тогда инціатива исходитъ отъ старшаго брата, предлагающаго младшимъ произвесть общій раздѣлъ. Но всѣ споры, возникающіе изъ такихъ раздѣловъ, рискуютъ не получить судебнаго разрѣшенія, такъ какъ горскій словесный судъ, руководствуясь русскими законами, отказываетъ тяжущимся въ искахъ, ссылаясь на то, что при жизни отца дѣти не имѣютъ права требовать раздѣла имущества, почему самовольно ими произведенный дѣлежъ долженъ считаться незаконнымъ.—На дѣлежъ собираются по обычаю всѣ родственники, принимая въ немъ самое горячее участіе, составляя описи имущества, примиряя слишкомъ разгорячившихся братьевъ и т. п. Отецъ иногда формально поручаетъ произвести раздѣлъ между его сыновьями какимъ-нибудь уважаемымъ и почетнымъ родственникамъ и знакомымъ, иногда-же горскому суду; послѣдній, въ такомъ случаѣ, назначаетъ по своему усмотрѣнію въ третейскіе судьи лицъ, хорошо знакомыхъ съ имущественными отношеніями данной семьи. Раздѣлъ, произведенный братьями между собой явно несправедливо, иногда вызываетъ вмѣшательство муллъ, производящихъ своей властью, въ присутствіи выбранныхъ свидѣ-

Digitized by Google

телей, передѣлъ имущества, съ цѣлью вознаградить обдѣленныхъ младшихъ братьевъ, подавленныхъ авторитетомъ старшаго брата при первомъ дѣлежѣ и не рѣшавшихся протестовать. По адату, принципіально, не принимается при дѣлежѣ братьевъ во вниманіе трудовое начало: всѣ братья получаютъ поровну, независимо отъ того, сколько времени каждый изъ нихъ проработалъ на пользу семьи, былъ-ли онъ хорошимъ работникомъ или нерадивымъ. Но старые порядки въ настоящее время все болѣе и болѣе нарушаютъ чувство справедливости и возбуждаютъ безконечные споры, за которыми въ концѣ концовъ дѣлежъ пріостанавливается. Всѣ сыновья, по адату, имѣютъ право на равную часть какъ движимаго, такъ и недвижимаго имущества, причемъ не дѣлается никакого различья между единоутробными [1]) и единокровными сыновьями, сыновьями отъ первой или второй жены. Далѣе, раздѣлъ идетъ поколѣнно, нѣсколько племянниковъ получаютъ вмѣстѣ отцовскую долю. Для того, чтобы достигнуть большаго равенства при раздѣлѣ, необходимо принять въ разсчетъ тѣ выдачи изъ общей кассы, тѣ расходы, которые были произведены на членовъ той или другой малой семьи, входящей въ составъ большой, выражающіеся въ уплатѣ по обязательствамъ изъ правонарушеній, произведенныхъ членомъ семьи, въ выдачѣ калыма и приданаго изъ общаго семейнаго имущества и т. п. Такъ, напр., если у одного сына до раздѣла была выдана замужъ дочь, а у другихъ—дочерей не было, или они холосты, то подарки, или приданое, сдѣланные этой внучкѣ, принимаются въ соображеніе при раздѣлѣ, и ихъ стоимость распредѣляется между послѣдними. Также поступаютъ и съ калымомъ, внесеннымъ за одного изъ сыновей. Незамужнія дочери, по адату, не получаютъ опредѣленной части семейнаго имущества; имъ, обыкновенно, отдѣляется только по нѣсколько штукъ скота. Послѣ раздѣла онѣ остаются на попеченіи братьевъ, обязанныхъ ихъ содержать, или-же живутъ у родителей; какъ тѣ, такъ и другіе должны имъ сдѣлать приданое при ихъ выдачѣ замужъ и вернуть имъ полученный за нихъ калымъ. По шаріату-же дочь имѣетъ право на долю вдвое меньшую сына, и въ тѣхъ случаяхъ, когда она себя считаетъ обдѣленной братьями, прибѣгаетъ къ шаріату и заступничеству суда. По адату, далѣе, въ Карачаѣ старшій

[1]) Точнѣе—полнородными.

Digitized by Google

братъ при раздѣлѣ получаетъ нѣкоторую добавочную долю, въ сравненіи съ младшими (такъ наз. майоратъ).

Эта прибавка состоитъ, обыкновенно, или въ лучшей лошади, шашкѣ, ружьѣ, или въ небольшомъ клочкѣ земли (садикѣ), или, наконецъ, въ предоставленіи ему лучшей сакли, самой большой, если она ему пришлась по вкусу. Карачаевцы основываютъ это право на болѣе авторитетномъ положеніи, которое занимаетъ старшій братъ въ семьѣ: онъ получаетъ прибавку, именно, въ силу своего старшинства, первородства. Но она не должна быть чрезмѣрной, идти въ ущербъ интересамъ другихъ братьевъ, должна лишь выражать извѣстное уваженіе, которое ему оказываютъ этимъ путемъ младшіе братья, а не вести къ обогащенію его на ихъ счетъ. Любопытно въ этомъ отношеніи слѣдующее дѣло, которое мы заимствуемъ изъ хумаринскаго судебнаго архива. Дѣлятся 5 братьевъ Чотчаевыхъ. Старшій изъ нихъ, нѣкій Магометъ, „былъ человѣкъ хитрый, самостоятельный и неустрашимый. Задумавъ отдѣлиться отъ своихъ братьевъ, онъ выбралъ для себя лучшія сакли, другія постройки, землю и много различнаго скота, такъ что всего имѣнія взялъ на сумму 9300 р., а остальное раздѣлилъ, какъ опять на себя, такъ и на братьевъ своихъ по равной части. Братья изъ боязни не спорили противъ раздѣла до тѣхъ поръ, пока объ этомъ не дошло до свѣдѣнія эфендія-муллы Агуя, который въ присутствіи другихъ выбранныхъ свидѣтелей раздѣлилъ имѣніе уже по своему усмотрѣнію и по закону, а именно: имѣніе, взятое Магометомъ, раздѣлилъ пополамъ на всѣхъ братьевъ, отобралъ отъ него одинъ участокъ земли въ суммѣ 7750 р. и ввелъ во владѣніе послѣднихъ. А какъ Магометъ на это доволенъ не былъ, то въ оправданіе свое обѣщался найти такихъ лицъ, которыя дѣйствительно скажутъ, что онъ, какъ старшій братъ, то противъ меньшихъ обязанъ получить гораздо больше, для чего ему и давалась отсрочка на нѣсколько дней, но онъ того сдѣлать не могъ, почему тотъ эфендій предложилъ принять, какъ ему, Магомету, такъ и остальнымъ братьямъ присягу, на что Магометъ не согласился". Дѣло это происходило въ 30-хъ или 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Уже тогда, какъ мы видимъ, не находилось такихъ лицъ, которыя бы ясно представляли себѣ основаніе, на которомъ старшій братъ могъ бы требовать, какъ таковой, „гораздо больше" младшихъ братьевъ.

Digitized by Google

При раздѣлѣ братьевъ солидарность родственниковъ сказывается и въ томъ, что они дѣлаютъ подарки, обыкновенно предметы, необходимые для перваго обзаведенія въ новомъ хозяйствѣ. Мужчины дарятъ, по обычаю, скотъ: коровъ, овецъ и лошадей; женщины—посуду; подарки дѣлаютъ родственники какъ по мужской, такъ и по женской линіи, а также и свойственники. Родственники оказываютъ раздѣляющимся и помощь личнымъ трудомъ. Такъ напр., если при дѣлежѣ одни изъ братьевъ получили по саклѣ, другіе вмѣсто нея—лѣсъ для постройки, то въ послѣдней, наряду съ братьями, участвуютъ и родственники, конечно, безвозмездно. Все вниманіе раздѣляющихся направлено на возможно справедливый раздѣлъ. Поэтому, если сакли неравнаго достоинства, то уравниваются скотомъ и деньгами. Вмѣсто сакель холостымъ братьямъ, которые, получивъ при раздѣлѣ опредѣленную часть движимости и земли, остаются жить или въ родительской саклѣ, или всѣ вмѣстѣ въ отдѣльной саклѣ,—отводится планъ, т. е. особый участокъ земли для будущей постройки. Имущество дѣлится жребіемъ; сперва въ дѣлежъ идетъ недвижимое, какъ болѣе цѣнное, затѣмъ уже дѣлятся стада и табуны; жребій вынимаютъ или мальчики, или старики. Сперва изъ подлежащаго раздѣлу имущества предоставляется старшему брату выбрать нѣсколько вещей по вкусу; затѣмъ, послѣ долгихъ трудовъ, путемъ продолжительныхъ уравниваній опредѣляется та доля, которая должна достаться каждому изъ братьевъ. Все имущество разбивается на части, по числу дѣлящихся, и затѣмъ уже приступаютъ къ жеребьевкѣ. Кромѣ старшаго брата нѣкоторую прибавку, изъ чувства состраданія, дѣлаютъ больнымъ и увѣчнымъ братьямъ, которые сами не въ состояніи хорошо управлять своимъ хозяйствомъ. Младшій сынъ, въ большинствѣ случаевъ, остается въ домѣ родителей и наслѣдуетъ ихъ саклю. Мельница, обыкновенно, остается въ общемъ пользованіи; каждый имѣетъ право пользоваться ею, причемъ устанавливается извѣстная очередь. Сады дѣлятся по счету деревьевъ. Иногда дѣлящіеся не могутъ придти къ соглашенію, какъ подѣлить какой-нибудь участокъ земли, который въ одинаковой мѣрѣ привлекаетъ каждаго такъ, что никто не желаетъ его уступать другому; въ такомъ случаѣ, по нѣкоторымъ оригинальнымъ рѣшеніямъ [1]), участокъ признается общей собствен-

[1]) Дѣла Хумар. арх. за 1879 г.

Digitized by Google

ностью, „но къ нему никто не долженъ касаться“; но такъ какъ фактъ раздѣла предполагаетъ, что все имущество было подѣлено и въ общей собственности ничего не осталось, то такіе участки нѣкоторые изъ родственниковъ, очевидно, признавая за res nullius, захватываютъ; и если протесты родственниковъ приведутъ къ судебному разбирательству, то горскій судъ, не желая знать такихъ запрещенныхъ имуществъ, признаетъ право собственности оккупанта, разъ земская давность уже протекла. Отецъ, раздѣливъ все имущество между сыновьями, или оставляетъ себѣ часть, иногда довольно значительную, на прожитокъ [1]), не желая зависѣть отъ сыновей, или-же проживаетъ у послѣднихъ, обязанныхъ его содержать по очереди, по мѣсяцу, по два, переходя изъ одной сакли въ другую. Обязанность содержать отца равномѣрно ложится на всѣхъ сыновей, и если одинъ изъ нихъ отказывается, то другіе могутъ принудить его къ этому судомъ. Такъ какъ при жизни отца сынъ не имѣетъ своего имущества, то, очевидно, своихъ сыновей онъ выдѣлить не можетъ; напротивъ, бываютъ обратные случаи, когда сыновья выдѣляются, съ согласія отца, а ихъ дѣти остаются при дѣдѣ. Въ такомъ случаѣ сынъ получаетъ свою долю, а внукъ, являясь наслѣдникомъ своего отца, кромѣ того (если онъ единственный) наслѣдуетъ дѣду въ той части, которую тотъ оставилъ себѣ на прожитокъ. Раздѣлъ имущества въ нормальныхъ случаяхъ идетъ, какъ мы видѣли, въ равныя доли и соотвѣтствуетъ наслѣдованію по обычаю. Неравный раздѣлъ, произведенный отцомъ, влечетъ за собой, несмотря на весь авторитетъ отца, продолжительные споры и вмѣшательство родственниковъ; но, въ принципѣ, отецъ все свое имущество можетъ, напр., отдать одному изъ сыновей, обойдя остальныхъ; такіе случаи представляютъ рѣдкое исключеніе, хотя встрѣчаются, особенно въ послѣднее время.

Благополучное окончаніе раздѣла знаменуется, обыкновенно, торжественнымъ угощеніемъ всѣхъ родственниковъ-однофамильцевъ, для чего рѣжется огромное количество барановъ.

Борисъ Миллеръ.

---

[1]) Такъ напр., Хаджи Крымшамхаловъ, выдѣлившій сыновей, оставляетъ себѣ на прожитокъ имущество, состоящее изъ одного дома, одной конюшни, одного сада и Высочайше дарованнаго ему участка земли.

(Хумар. архив. 7 февр. 1879).

Digitized by Google

Изъ исторіи семьи у русскихъ инородцевъ.

Я хочу коснуться нѣкоторыхъ брачныхъ обрядовъ и обычаевъ, существующихъ у русскихъ инородцевъ и наводящихъ на мысль, что прежде семья у русскихъ инородцевъ была организована совершенно иначе, чѣмъ въ настоящее время. Теперь нормальной формой инородческой семьи является патріархальная семья; мужчина беретъ себѣ жену или, въ рѣдкихъ случаяхъ, нѣсколько женъ, вводитъ ее въ свой домъ и становится почти полнымъ ея господиномъ. Съ своей родной семьей женщина, выходя замужъ, порываетъ въ значительной степени прежнія связи; для прежнихъ родственниковъ замужняя женщина становится какъ бы отрѣзаннымъ ломтемъ; она теряетъ права на пользованіе родовымъ имуществомъ, лишается защиты и покровительства родственниковъ, начинаетъ поклоняться новымъ божествамъ. Такая форма семьи въ настоящее время преобладаетъ на земномъ шарѣ, но на ряду съ ней существуетъ и теперь или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, существовала раньше и другая совершенно противоположная форма. У нѣкоторыхъ народовъ женщина, выходя замужъ, нисколько не мѣняетъ своихъ прежнихъ отношеній къ родной семьѣ; она по прежнему остается членомъ этой семьи, пользуется ея защитой и покровительствомъ, имѣетъ извѣстную долю въ ея имуществѣ и даже не мѣняетъ своего мѣстожительства, а по прежнему остается жить со своими родителями или ближайшими родственниками. Мужъ или входитъ въ составъ женниной семьи, селится въ ея домѣ и становится сперва подчиненнымъ, а потомъ болѣе или менѣе равноправнымъ ея членомъ, или же сохраняетъ свое прежнее положеніе и мѣстожительство, только посѣщая по временамъ жену и оказывая ей болѣе или менѣе случайныя услуги.

Такъ вотъ я хочу указать на нѣкоторыя основанія, позволяющія думать, что и у русскихъ инородцевъ современная патріар-

Digitized by Google

хальная семья не существовала испокòнъ вѣка, а была продуктомъ историческаго развитія, и что еще и теперь есть кое-какіе слѣды прежней организаціи семьи, когда замужняя женщина не покидала своей собственной семьи. Основанія эти далеко не такъ солидны, чтобы на нихъ можно было построить прочную теорію, но важность вопроса даетъ оправданіе даже попыткѣ выставить нѣкоторыя гипотезы, которыя, можетъ быть, побудятъ другихъ обратить вниманіе на относящіеся сюда любопытные факты.

I.

Начну съ инородцевъ крайняго сѣверо-востока Сибири: соотвѣтственныя племена, правда, не имѣютъ никакого лингвистическаго родства съ прочими инородцами Сибири и сильно отличаются отъ послѣднихъ и въ культурномъ отношеніи, такъ что выводы вѣрные относительно однихъ могутъ быть совершенно непримѣнимы къ другимъ, но тутъ мы имѣемъ дѣло съ болѣе опредѣленными и ясными фактами, позволяющими намъ намѣтить возможный путь развитія, приведшаго къ патріархальной семьѣ, и дающими болѣе прочную почву для истолкованія разрозненныхъ и отрывочныхъ переживаній, сохранившихся у другихъ народовъ Сибири и восточной Россіи.

У *юкагировъ*, какъ оказывается по изслѣдованіямъ Іохельсона, замужняя женщина и теперь не покидаетъ своей родной семьи наоборотъ, мужъ входитъ въ составъ этой семьи и селится въ жилищѣ тестя. До брака дѣвушки пользуются очень большой свободой; каждая имѣетъ особый пологъ въ урасѣ и принимаетъ тамъ по ночамъ молодыхъ людей; родители, конечно, знаютъ про эти ночные визиты, но дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ ихъ. На такой почвѣ возникаютъ болѣе прочныя отношенія между дѣвушкой и какимъ-нибудь опредѣленнымъ молодымъ мужчиной, и послѣдній становится постояннымъ посѣтителемъ полога дѣвушки. Иногда онъ уже въ эту пору начинаетъ оказывать разныя услуги семьѣ любимой дѣвушки; услуги эти молчаливо принимаются, хотя и не обязываютъ ни къ чему ни ту, ни другую сторону. Наконецъ, связь кончается бракомъ, но мѣняетъ онъ отношенія между молодыми людьми только въ томъ смыслѣ, что женихъ поселяется въ урасѣ невѣсты и становится членомъ ея семьи. Переселяясь въ урасу

Digitized by Google

невѣсты, женихъ приноситъ съ собой только ружье; невѣста заготовляетъ для него новый костюмъ—и даже сѣти, которыми онъ будетъ ловить рыбу, должны быть у невѣсты. Для брака требуется согласіе отца невѣсты, и теперь это согласіе дается только послѣ сватовства, продолжающагося довольно долго, прежде же все дѣло ограничивалось тѣмъ, что женихъ въ теченіе трехъ дней кололъ дрова передъ урасой тестя, и если послѣдній начиналъ пользоваться ими на четвертый день, то тѣмъ самымъ выражалъ свое согласіе. Женихъ по обыкновенію приходилъ ночью къ невѣстѣ, но утромъ уже не уходилъ изъ урасы тестя, а оставался въ ней, поставивъ предварительно на видномъ мѣстѣ свой лукъ и стрѣлы. Въ теперешнемъ сватовствѣ характерны слова, съ которыми обращается сватъ къ роднымъ невѣсты послѣ первоначальнаго обычнаго отказа на предложеніе: „Отецъ-мать! моего юношу-сироту къ огню вашего очага отчего не пускаете?“ Эта формула особенно важна тѣмъ, что культъ предковъ сильно развитъ у юкагировъ, а пріобщенье къ домашнему очагу, какъ извѣстно, равносильно пріобщенію къ культу предковъ. Давая свое согласіе, отецъ невѣсты „ставитъ условіе, что женихъ во всю жизнь не долженъ оставлять его дома“ [1]). Изъ этого правила впрочемъ бываютъ „исключенія“, и „если въ семьѣ и безъ зятя достаточно мужчинъ промышленниковъ, то по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ его отпускаютъ съ женой въ его родъ, или двѣ семьи, по соглашенію, мѣняются дѣвушками, вмѣсто того, чтобы зятья переходили изъ дома въ домъ“ [2]). Но эти исключенія, конечно, не нарушаютъ цѣльности картины и ничего не доказываютъ, какъ ничего не доказываютъ отдѣльные случаи вступленія зятя въ домъ тестя при патріархальной семьѣ. Изъ другихъ приводимыхъ Іохельсономъ подробностей необходимо отмѣтить эндогамію и отсутствіе какихъ-бы то ни было указаній на символическое или дѣйствительное похищеніе невѣсты [3]).

---

[1]) *Вл. Іохельсонъ*, Бродячіе роды между Индигиркой и Колымой. Живъ. Ст. 1900 г., I—II, стр. 171—175.—*В. И. Іохельсонъ*, Матеріалы по изученію юкагирскаго языка и фольклора, стр. 19, 20, 104—105, 138, 169, 171, 188, 221—223, 225, 226.

[2]) *Вл. Іохельсонъ*, Бродячіе роды, стр. 175.

[3]) *Августиновичъ* (Тр. Антр. отд. IV, стр. 48) и *Киберъ* (Спб. Вѣсти. 1824 г. I, стр. 37) упоминаютъ о калымѣ у юкагировъ, но въ ихъ сообщеніяхъ, вѣ-

Digitized by Google

Чукотская семья организована уже иначе, чѣмъ семья юкагировъ, но все же тутъ мы имѣемъ довольно ясные слѣды прежняго иного порядка вещей въ обычаѣ отработывать за невѣсту. Наиболѣе точными свѣдѣніями о чукчахъ мы обязаны В. Г. Богоразу. Онъ указываетъ, что преобладающей формой брака является эндогамный бракъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ и экзогамный бракъ, не уничтожающій, однако, совсѣмъ власти надъ женщиной ея семьи. Хотя при экзогамномъ бракѣ мужъ уводитъ жену въ свой домъ, но, какъ утверждаетъ г. Богоразъ, „ближайшіе мужскіе родственники отданной женщины сохраняютъ надъ ней свою власть и имѣютъ право даже черезъ значительный промежутокъ времени потребовать ее обратно, что нерѣдко и приводится въ исполненіе". Въ нѣкоторыхъ богатыхъ семьяхъ дѣвушки совсѣмъ не покидаютъ родительскаго дома, а наоборотъ, зять вступаетъ въ семью тестя и становится ея членомъ, хотя и можетъ быть прогнанъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ брака [1]). До брака женихъ долженъ проработать нѣсколько лѣтъ тестю, но ужъ съ перваго дня послѣ договора женихъ пользуется супружескими правами на невѣсту, такъ что бракъ измѣняетъ для жениха и невѣсты только мѣстожительство [2]). Калымъ у чукчъ, по категорическому утвержденію г. Богораза, не существуетъ, и въ одномъ изъ своихъ беллетристическихъ произведеній изъ чукотской жизни этотъ авторъ влагаетъ слѣдующія слова чукотскому отцу въ отвѣтъ на предложеніе замѣнить отработку уплатой калыма: „Или я ламутъ, что стану продавать дѣвку! Развѣ это собака или нерпа, чтобы брать за нее шкуры на плату" [3])?

Самъ по себѣ фактъ службы будущаго зятя тестю за невѣсту допускаетъ различное объясненіе. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ такая служба бываетъ простою замѣною калыма, и если мы знаемъ только то, что женихъ отработываетъ тестю за невѣ-

---

роятно, подразумѣваются не настоящіе юкагиры, а такъ называемые тундренные роды, представляющіе смѣсь юкагировъ съ тунгусами.

[1]) *В. Г. Богоразъ.* Краткій отчетъ объ изслѣдованіи чукочъ Калымскаго края. Изв. Вост. Сиб. отд. Геогр. общ., кн. XXX, вып. 1-й (1899 г.), стр. 35-37

[2]) Ibid., стр. 35. 36.—*Тамъ*, Чукотскіе разсказы, стр. 201.

[3]) *В. Г. Богоразъ.*, стр. 37.—*Тамъ*, стр. 29.—Др. *Киберъ* (Чукчи. Сиб. Вѣстн. 1824 г., II, стр. 112) тоже говоритъ: „калымъ и другіе свадебные обычаи имъ неизвѣстны".

Digitized by Google

сту, въ этомъ фактѣ нельзя еще видѣть безспорныхъ указаній на прежнюю организацію семьи, когда мужъ навсегда селился въ домѣ жены. Но относительно чукчей у насъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, такъ какъ мы знаемъ не только, что зять отрабатываетъ тестю за невѣсту, но также и то, что 1) калыма у чукчей совсѣмъ не существуетъ, и отработка не можетъ быть замѣнена уплатой денегъ или товаровъ, 2) родственники жены не утрачиваютъ своихъ правъ на нее и могутъ отнять ее у мужа, и 3) служба зятя не налагаетъ никакихъ обязательствъ на тестя, послѣдній во всякій моментъ можетъ прогнать перваго безъ всякаго вознагражденія за понесенные имъ труды" [1]). Эти три обстоятельства, какъ мнѣ кажется, ясно доказываютъ, что у чукчей служба за невѣсту является переживаніемъ прежняго переселенія мужа на постоянное жительство въ домъ жены, а отнюдь не видоизмѣненіемъ покупного брака.

Я не буду останавливаться на показаніяхъ другихъ авторовъ, подтверждающихъ, съ большими или меньшими подробностями, картину, нарисованную г. Богоразомъ, (Ресинъ, Майдель, Августиновичъ, Дьячковъ), и укажу лишь на существованіе отзывовъ, противорѣчащихъ ей. Такъ у Литке мы находимъ такую фразу: „Жены покупаются и цѣнятся не столько по красотѣ, какъ по уму и проворству невѣсты", а другой менѣе извѣстный путешественникъ, какъ Шишмаревъ, говоритъ: „Женятся безъ всякихъ обрядовъ; выбравъ невѣсту, торгуются съ отцомъ и уговорясь уводятъ съ собой" [2]). Въ этихъ отзывахъ какъ будто содержится указаніе на покупной бракъ, но краткость этихъ отзывовъ не позволяетъ придти къ опредѣленному выводу. Литке и Шишмаревъ описываютъ чукчей тихоокеанскаго побережья, тогда какъ Богоразъ (а также Майдель и Августиновичъ) имѣютъ въ виду западныхъ чукчей. Можетъ быть, что на тихоокеанскомъ побережьѣ чукотская семья сдѣлала еще одинъ шагъ впередъ по направленію къ па-

[1]) Объ этомъ обстоятельствѣ см. *Танъ*, Чукотскіе разск., стр. 26.—*А. А. Ресинъ*, Очеркъ инородцевъ русскаго побережья Тихаго океана. Изв. Геогр. общ. 1888 г., 3, стр. 178.—*Б. Г. Майдель*, Путешествіе по сѣверо-восточной части Якутской области въ 1868—70 г., стр. 162.—*Ѳ. М. Августиновичъ*, О племенахъ, населяющихъ Колымскій округъ. Тр. Антр. отд., т. IV, отд. 2, стр. 54.

[2]) *Ѳ. Литке*, Путешествіе вокругъ свѣта, т. II, стр. 194.—Кап. *Шишмаревъ*, Свѣдѣнія о Чукчахъ (извлеченія). Зап. Гидрогр. Департ. X, стр. 190.

Digitized by Google

тріархату и замѣнила службу за невѣсту уплатой выкупа, но и этому предположенію противорѣчатъ показанія Ресина, говорящаго про отработку невѣсты и не упоминающаго про покупку женъ.

Чтобы покончить съ чукчами, упомяну еще, что только въ двухъ описаніяхъ я нашелъ указанія на символическій захватъ невѣсты, да и то у авторовъ, описывающихъ чукчей вмѣстѣ съ коряками [1]). Такъ какъ при этомъ символическій захватъ описывается именно въ такихъ формахъ, которыя другими авторами приписываются исключительно корякамъ, то можно думать, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ ошибкой или съ неточностью выраженій и что, на самомъ дѣлѣ, чукчамъ символическ:й захватъ неизвѣстенъ.

Относительно *коряковъ* всѣ наши источники согласно показываютъ, что женихъ, прежде чѣмъ получить невѣсту, долженъ прожить нѣсколько лѣтъ у тестя и исполнять для него всѣ наиболѣе тяжелыя и непріятныя работы [2]). Ни въ одномъ описаніи нѣтъ указаній на существованіе покупного брака и на возможность замѣны службы тестю уплатой денегъ или товаровъ. Напротивъ того, Крашенинниковъ прямо говоритъ: „Жениху, каковъ бы кто богатъ оленями ни былъ, должно работать за невѣсту отъ 3 до 5 лѣтъ", а въ составленномъ мѣстной администраціей и относящемся приблизительно къ 1770 г. „Описаніи народовъ, находящихся около Якутска, Охотска и въ Камчаткѣ" это обстоятельство выражено не менѣе ясно: „Свойство производятъ и въ замужество дочерей своихъ отдаютъ безъ калымовъ, только съ тѣмъ договоромъ, чтобы тому зятю ихъ быть у нихъ въ работѣ по то время" и т. д. Тутъ, правда, говорится не объ однихъ корякахъ, а также и о чукчахъ, но слѣдующее непосредственно за приведенными сло-

---

[1]) *Г. Дьячковъ*. Анадырскій край, стр. 104.—Описаніе народовъ, находящихся около Якутска, Охотска и въ Камчаткѣ. Россійскій Магазинъ 1792 г., стр. 371.

[2]) *Крашенинниковъ*, Описаніе земли Камчатки (Изд. 1786 г.), II, стр. 163.—Описаніе народовъ, находящихся около Якутска, Охотска и въ Камчаткѣ. Росс. Маг. 1792 г., стр. 371.—Западный берегъ Камчатки по описямъ Ушакова и Елистратова 1742 и 1787 г. Зап. Гидрогр. Деп. X, стр. 152—154.—*Lesseps*, Reise von Kamtschatka nach Frankreich, II, стр. 65—68.—*Богородскій*, Медико-топографическое описаніе Гижигинскаго округа. Жур. Мин. Вн. Д. 1853 г., 4, стр. 109. *Дитмаръ*, О корякахъ и весьма близкихъ къ нимъ по происхожденію чукчахъ. Вѣстн. Геогр. Общ. 1856 г., т. XVI, стр. 25.—*Кеннанъ*, Кочевая жизнь въ Сибири, стр. 152—155.—*Дьячковъ*, Анадырскій край, стр. 104.

Digitized by Google

вами описаніе обряда хватанія, несомнѣнно относящееся къ корякамъ, позволяетъ думать, что и во всемъ данномъ отрывкѣ имѣются въ виду главнымъ образомъ коряки. Г. Богородскій отмѣчаетъ, что даже и продолжительная служба не налагаетъ никакихъ обязательствъ на тестя. „Такимъ образомъ, говоритъ этотъ авторъ, проработываютъ 5—10 лѣтъ и уходятъ иногда ни съ чѣмъ; случай этотъ даже не рѣдокъ". Это же подтверждаетъ и Дитмаръ: „Если пришлецъ нравится отцу, то, смотря по мѣрѣ расположенія, отецъ отдаетъ ему свою дочь въ жены послѣ одного, двухъ и т. д., иногда даже десяти лѣтъ тяжкой работы. Но если случится, что въ теченіе этого времени пришлецъ не понравится, то нерѣдко бываетъ, что отецъ невѣсты его прогоняетъ, и тогда выполненная имъ изъ-за жены тяжкая работа пропадаетъ понапрасну". Всѣ эти подробности заставляютъ думать, что и у коряковъ служба жениха тестю отнюдь не является замѣной или видоизмѣненіемъ покупного брака, а независима отъ послѣдняго и представляетъ переживаніе былого строя семьи, когда зять навсегда поступалъ въ домъ тестя. Въ пользу такого мнѣнія говоритъ и формула сватовства, сообщаемая геодезистомъ Елистратовымъ, описывающимъ западный берегъ Камчатки въ 1787 г. Отецъ жениха идетъ съ сыномъ въ домъ намѣченной дѣвушки и тамъ обращается къ ея отцу съ слѣдующей рѣчью: „Я пришелъ къ тебѣ, моему другу, свататься за сына своего, на такой-то твоей дочери; вотъ тебѣ мой сынъ; я тебѣ его отдаю: хочешь, держи за сына или за работника; можетъ на старости будетъ тебѣ въ замѣну".

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя подробности: во все время службы женихъ, по словамъ Крашенинникова, пользуется супружескими правами на невѣсту, тогда какъ вообще нарушеніе дѣвушкой цѣломудрія наказывается, по словамъ Дитмара, смертью [1]). Далѣе Богородскій и Дитмаръ сообщаютъ, что до рожденія 1-го ребенка мужъ не въ правѣ распоряжаться женинымъ имуществомъ, и что мужъ не наслѣдуетъ женѣ; если послѣдняя умретъ бездѣтной, ея имущество достается прежнимъ ея родственникамъ [2]). Эта черта имѣетъ важное значеніе, особенно если ее сопоставить съ тѣмъ, что у юкагировъ при рожденіи перваго ребенка отцу и матери

---

[1]) *Крашенинниковъ*, II р., 163—*Дитмаръ*, l. c., стр. 31.

[2]) *Богородскій*, стр. 110—*Дитмаръ*, стр. 31.

Digitized by Google

мѣняютъ имена, т. к. первый ребенокъ по настоящему только и организуетъ семью [1]). Наконецъ, Богородскій, Дитмаръ и Елистратовъ отмѣчаютъ, что первая ночь послѣ окончательнаго заключенія брака проводится молодыми въ домѣ тестя [2]). Придерживаются ли коряки экзогаміи или эндогаміи,—выяснить съ точностью намъ не удалось, но, повидимому, преобладаетъ эндогамный бракъ; въ „Описаніи народовъ" говорится, что олюторскіе коряки „сами у другихъ ордъ себѣ въ жены не берутъ и дѣтей своихъ никому въ жены не даютъ, но женятся и въ замужество отдаютъ между собою" [3]), но тутъ не извѣстно, что подразумѣвается подъ „ордами". Крашенинниковъ тоже выражается не особенно опредѣленно: „женъ берутъ наиболѣе изъ своего роду, двоюродныхъ сестеръ, тетокъ и мачихъ, токмо не женятся на матеряхъ, на родныхъ сестрахъ и на падчерицахъ [4]).

Самая церемонія брака или вѣрнѣе рѣшительный моментъ его, дающій жениху полныя права на невѣсту и позволяющій увезти ее съ собою, состоитъ въ обрядѣ „хватанья", упоминаемомъ всѣми цитированными нами авторами, но описываемомъ ими не всегда одинаково. Большинство авторовъ описываютъ его такъ: на невѣсту надѣваютъ нѣсколько особенно крѣпкихъ одеждъ, опутываютъ ремнями и отдаютъ подъ охрану подругъ и родственницъ. Женихъ долженъ подстеречь удобный моментъ, напасть на невѣсту, разорвать на ней одежду и дотронуться до голаго тѣла. Разъ попытка удалась, этимъ все кончено, и ничего больше отъ жениха не требуется, но довести до успѣшнаго окончанія дѣло очень не легко. Женщины, охраняющія невѣсту, набрасываются на жениха, бьютъ его, царапаютъ лицо, таскаютъ за волосы и подвергаютъ другимъ истязаніямъ, такъ что въ концѣ концовъ измученный женихъ иногда такъ и не доводитъ до конца своей попытки.

Кеннанъ описываетъ обрядъ хватанія иначе: въ назначенный день въ юрту собираются приглашенные родственники и гости, затѣмъ подъ аккомпаниментъ бубна и пѣнія невѣста начинаетъ бѣ-

---

[1]) *Іохельсонъ*, По рѣкамъ Ясачной и Корводану. (Изв. Геогр. Общ., т. XXXIV, вып. 3-й, стр. 270).

[2]) *Богородскій*, стр. 109.—*Дитмаръ*, стр. 25—„Западный берегъ Камчатки". Зап. Гидр. Деп. X, стр. 154.

[3]) „Описаніе народовъ" и т. д. Рос. Маг. 1792 г., стр. 395.

[4]) *Крашенинниковъ*, II, стр. 163.

Digitized by Google

гать кругомъ юрты, перебѣгая изъ полога въ пологъ; женихъ преслѣдуетъ ее, но у каждаго полога стоитъ нѣсколько женщинъ, вооруженныхъ ивовыми и ольховыми прутьями. Онѣ всячески стараются помѣшать жениху, подставляютъ ему ноги, опускаютъ передъ нимъ занавѣсъ полога и тѣмъ временемъ бьютъ его прутьями по самымъ чувствительнымъ мѣстамъ тѣла. Разумѣется, что при такихъ препятствіяхъ женихъ не могъ бы догнать невѣсты, но въ послѣднемъ пологѣ она останавливается и тамъ позволяетъ настичь себя. Дьячковъ добавляетъ, что послѣ того, какъ женихъ догналъ невѣсту, онъ долженъ разорвать на ней одежду и дотронуться до ея тѣла.

О *камчадалахъ* наши главные источники, Крашенинниковъ и Штеллеръ, даютъ показанія, различныя въ нѣкоторыхъ очень существенныхъ отношеніяхъ. Оба автора согласны въ томъ, что женихъ долженъ отработать будущему тестю за невѣсту, и обязательность такой отработки, т. е. невозможность замѣны ея выкупомъ, особенно точно выражена у Штеллера въ словахъ: „Wenn jemand von den Itälmenen heyrathen will, so kann er auf keine andere Art zu einer Frauen kommen, als er muss sie dem Vater abdienen". Затѣмъ оба автора одинаково указываютъ, что главной и безусловно обязательной брачной церемоніей является „хватаніе" невѣсты, происходящее совершенно такъ же, какъ у коряковъ, т. е. женихъ нападаетъ на закутанную невѣсту и старается разорвать на ней одежду, а въ это время его самого бьютъ и подвергаютъ всяческимъ истязаніямъ женщины. Расходятся между собой Штеллеръ и Крашенинниковъ въ томъ, что, по утвержденію перваго, мужъ послѣ хватанья навсегда поселялся въ домѣ жены („sobald aber der Bräutigam seine Braut hatte, so musste er forthin die seinigen verlassen und bey dem Schwiegervater auf ewig in dem Ostrog wohnen), тогда какъ Крашенинниковъ говоритъ: „кто схватаетъ невѣсту, то въ слѣдующую ночь приходитъ къ ней невозбранно, на другой день увозитъ ее въ свой острожекъ безъ всякихъ церемоній". Мнѣ кажется, что это противорѣчіе между обоими авторами можно объяснить тѣмъ, что Штеллеръ описываетъ болѣе древній бытъ, Крашенинниковъ же рисуетъ уже измѣнившійся подъ русскимъ вліяніемъ строй. Основаніе для такого предположенія даетъ самъ Штеллеръ, у котораго мы встрѣчаемъ такую фразу: „weil sie selten ihre Töchter ehedem an andere in fremde

Digitized by Google

Ostrogen verheyrathet, dass sie mit dem Manne ziehen und wohnen können. Вполнѣ возможно также, что начавшееся подъ русскимъ вліяніемъ разложеніе стариннаго камчадальскаго быта шло не вездѣ съ одинаковой быстротой, а потому, можетъ быть, наши авторы описываютъ и одновременныя семейныя отношенія, но существовавшія въ различныхъ мѣстахъ. Во всякомъ случаѣ трудно предположить прямую ошибку какъ со стороны Крашенинникова, такъ и со стороны Штеллера.

Да если бы у насъ и отсутствовало совсѣмъ описаніе Штеллера, одного разсказа Крашенинникова было бы достаточно, чтобы допустить, что и у камчадаловъ нѣкогда мужъ навсегда входилъ въ семью жены. Помимо обязательной отработки, не налагающей на отца невѣсты никакихъ обязательствъ, за это говорятъ нѣкоторыя мелкія подробности, сообщаемыя Крашенинниковымъ. Непосредственно послѣ хватанія не бываетъ никакихъ религіозныхъ церемоній, въ которыхъ можно было бы видѣть санкціонированіе или, по крайней мѣрѣ, благословленіе брака. Такія церемоніи происходятъ уже спустя нѣкоторое время послѣ брака, и весьма любопытно, что онѣ происходятъ въ домѣ тестя, куда молодые пріѣзжаютъ спеціально ради этого. Между прочимъ во время соотвѣтственнаго празднества молодой топитъ въ юртѣ тестя печь, стряпаетъ, правда изъ своихъ продуктовъ, и угощаетъ гостей. Когда гости разъѣдутся, молодые еще нѣсколько времени остаются у тестя и работаютъ на него [1]).

„Хватаніе“ невѣсты въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ у коряковъ и камчадаловъ, обыкновенно считаютъ одной изъ разновидностей символическаго похищенія невѣсты. Если это предположеніе дѣйствительно вѣрно, то мы наталкиваемся на затрудненіе, какъ объяснить одновременное существованіе у камчадаловъ переселенія мужа въ домъ жены навсегда и символическое похищеніе невѣсты. Можно было бы думать, что такіе обычаи взаимно исключаютъ другъ друга, и дѣйствительно по даннымъ Тэйлора [2]) выходитъ, что они встрѣчаются вмѣстѣ въ крайне рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Разъ подобныя исключенія вообще

---

[1]) *Крашенинниковъ*, II стр. 120—124.—*G. W. Steller.* Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, pp. 210, 343—345.

[2]) *Тэйлоръ*, О методѣ изслѣдованія развитія. Этн. Об. V, стр. 17—18.

Digitized by Google

существуютъ, возможно, конечно, что и у камчадаловъ мы встрѣчаемся съ однимъ изъ нихъ, и, быть можетъ, „хватаніе" невѣсты заимствовано камчадалами у коряковъ, у которыхъ существованіе его не вызываетъ никакихъ недоумѣній, такъ какъ здѣсь женихъ, въ концѣ концовъ, уводитъ невѣсту къ себѣ въ домъ и „хватаніе" можно считать пріуроченнымъ именно къ моменту такого увода. Но мнѣ кажется, что „хватаніе" возможно объяснять и нѣсколько иначе, и я позволю себѣ высказать свое мнѣніе въ видѣ предположенія.

Какъ извѣстно, у многихъ народовъ существуетъ обычай, согласно которому молодые люди, достигнувъ зрѣлаго возраста подвергаются цѣлому ряду тяжелыхъ и мучительныхъ истязаній. Относительно смысла этихъ истязаній можно пока строить только различныя мало убѣдительныя предположенія, но существованіе самаго этого обычая не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ. Близкую внутреннюю связь съ нимъ, повидимому, имѣетъ и обычай, требующій подвергать истязаніямъ вождя или царька при вступленіи его въ должность; при чемъ, соотвѣтственныя истязанія замѣняютъ собою коронаціонный обрядъ. Съ другой стороны, въ своей статьѣ, „Нѣсколько словъ о кувадѣ" [1]) я старался доказать, что и значительная часть явленій, региструемыхъ обыкновенно подъ рубрикой „кувады" или „мужскихъ родовъ", на самомъ дѣлѣ, вполнѣ аналогична истязаніямъ молодыхъ людей при достиженіи зрѣлаго возраста. Вся разница между обоими явленіями сводится лишь къ тому, что въ одномъ случаѣ истязанія пріурочены къ моменту достиженія физической зрѣлости, въ другомъ къ моменту рожденія перваго ребонка. Такъ вотъ я и думаю, что, можетъ-быть, и коряцко-камчадальское „хватаніе" невѣсты тоже аналогично этимъ обычаямъ, съ той особенностью, что истязанія здѣсь пріурочены къ моменту начала супружескихъ отношеній между женихомъ и невѣстой, т. е. къ моменту вступленія въ бракъ. Иными словами, главная суть „хватанія", по моему мнѣнію, состоитъ вовсе не въ насильственномъ овладѣніи невѣстой, дающемъ право на нее, а въ истязаніяхъ жениха женщинами, которыя пріурочены къ моменту женитьбы и которыя женихъ долженъ выдержать съ честью. Въ пользу этого предположенія говорятъ нѣкоторыя подробности

[1]) Эти. Обозр., XLIV, pp. 97—102.

Digitized by Google

хватанія; съ одной стороны, оно требуетъ предварительнаго согласія отца невѣсты, такъ что не представляетъ дѣйствительнаго насилія надъ дѣвушкой, съ другой же стороны оно и не простой символъ, такъ какъ жениху приходится преодолѣвать весьма упорное сопротивленіе и не столько невѣсты, что еще было бы понятно, сколько женщинъ, караулящихъ ее. Жениху часто приходится испытать неудачу въ своемъ предпріятіи, а иногда онъ и совсѣмъ оказывается вынужденнымъ отказаться отъ невѣсты.

У курилов бракъ и семья, по словамъ Крашенинникова, были въ общемъ схожи съ камчадальскими, но имѣлось и одно интересное отличіе. „Женъ, говоритъ Крашенинниковъ, имѣютъ по двѣ и по три, и вмѣстѣ съ ними никогда не спятъ, но въ ночное время приходятъ къ нимъ какъ бы украдкою, по примѣру татаръ магометанскаго закона, кои къ невѣстамъ своимъ приходятъ аки бы тайно, пока калыму не заплатятъ по договору“ [1]). А. Полонскій говоритъ то же самое, но въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ: „Женъ имѣли по двѣ и болѣе, и какъ онѣ спали вмѣстѣ, то мужъ приходилъ къ которой нибудь по своему желанію украдкой и раздѣлялъ съ нею ложе“. Впрочемъ вполнѣ возможно, что и Полонскій просто перефразируетъ здѣсь въ неточныхъ выраженіяхъ слова Крашенинникова, такъ какъ первый вообще широко пользуется показаніями второго. У Полонскаго же мы находимъ и такое сообщеніе: „При женитьбѣ было въ обыкновеніи хватать невѣсту. Обычай этотъ, общій съ камчадалами до принятія ими христіанства, у курильцевъ былъ выгоднѣе тѣмъ, что женихъ, во избѣжаніе потасовки отъ женщинъ во время хватанія, могъ, уговорившись съ невѣстою, увезти ее тайкомъ на другой островъ“ [2]). Къ сожалѣнію, на основаніи этого отрывочнаго указанія нельзя придти ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ относительно взаимоотношеній между „хватаніемъ“ невѣсты и ея тайнымъ увозомъ, т. е. нельзя сказать, служитъ ли увозъ замѣной „хватанія“, болѣе или менѣе равнозначущей послѣднему, что, конечно, опровергало бы наше мнѣніе о значеніи этого обычая,—или же увозъ представляетъ лишь средство обойти тяжелый обычай и, такъ сказать, его нарушеніе.

---

[1]) *Крашенинниковъ*, II, стр. 183.

[2]) *А. Полонскій*, Курилы. Зап. Геогр. Общ. по отд. Этногр., т. IV, стр. 382.

Digitized by Google

Такимъ образомъ характерными чертами прошлой, а отчасти и настоящей семьи инородцевъ прежняго сѣверо-востока Сибири будутъ: переселеніе мужа въ домъ жены, мирный характеръ брака и нѣкоторое пристрастіе къ эндогаміи. Впрочемъ, относительно камчадаловъ Крашенинниковъ говоритъ, что они берутъ женъ обыкновенно изъ другихъ остроговъ [1]). Въ связи съ этими чертами, можетъ быть, находится и сравнительно высокое положеніе женщины у нѣкоторыхъ изъ данныхъ инородцевъ. Про камчадаловъ Штеллеръ прямо говоритъ, что у нихъ женщины верховодятъ мужчинами [2]).

II.

Когда въ бракѣ главную роль играетъ уплата калыма, женихъ пріобрѣтаетъ полныя права на невѣсту только съ тѣхъ поръ, какъ онъ внесъ будущему тестю всю условленную сумму деньгами, скотомъ или какими-либо другими товарами. Только тогда женихъ получаетъ право увезти невѣсту въ свой домъ или въ домъ своего отца. Несмотря на это, извѣстная близость въ отношеніяхъ между женихомъ и невѣстой возникаетъ еще задолго до окончательной уплаты калыма. Когда сватовство окончательно принято и особенно когда уже послѣдовала уплата хотя бы нѣкоторой части калыма, женихъ имѣетъ право посѣщать невѣсту и, какъ выражаются старинные русскіе путешественники XVIII вѣка, ходить къ ней за пазуху.

Такое явленіе можетъ показаться съ перваго взгляда крайне простымъ и вполнѣ естественнымъ. Уплата калыма затягивается на нѣсколько лѣтъ, но молодость не ждетъ и беретъ свое окольными путями. Свиданія жениха съ невѣстой оказываются не такими невинными, какими имъ слѣдовало бы быть, но родители невѣсты, зная этотъ фактъ, предпочитаютъ смотрѣть на него сквозь пальцы, будучи увѣрены, что преждевременное сближеніе жениха и невѣсты все равно закончится въ свое время бракомъ, ручательствомъ котораго служитъ помимо всего прочаго уже уплата женихомъ части калыма. Къ тому же у большинства инородцевъ дѣвушки пользуются большой свободой въ половомъ отношеніи и потеря цѣломудрія не служитъ помѣхой для вступленія въ бракъ.

[1]) *Крашенинниковъ*, II стр. 120.

[2]) *Steller*, pp. 254, 227.

Digitized by Google

Все это слишкомъ просто, естественно, такъ что казалось бы нечего и задумываться надъ происхожденіемъ обычая „хожденія за пазуху“ и тѣмъ болѣе пользоваться имъ для выясненія прежнихъ формъ семьи и брака. Но на самомъ дѣлѣ вопросъ этотъ не такъ простъ, въ чемъ легко убѣдиться, обратившись къ болѣе подробнымъ описаніямъ брачныхъ обрядовъ у тѣхъ народовъ, которые допускаютъ интимное сближеніе между женихомъ и невѣстой до брака. Чуть ли не наиболѣе характернымъ примѣромъ можетъ послужить для насъ описаніе брака у *киргизовъ*, на которомъ мы и остановимся поподробнѣе, тѣмъ болѣе, что тутъ мы имѣемъ не одно, а нѣсколько весьма обстоятельныхъ описаній, рисующихъ подробную картину и по своей точности не оставляющихъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ и недоразумѣніямъ.

Когда сватовство уже окончательно состоялось и уже внесена часть калыма, женихъ отправляется на свиданіе къ невѣстѣ. Ѣдетъ онъ не одинъ, а въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей, и везетъ съ собой цѣлый рядъ подарковъ, предназначенныхъ различнымъ лицамъ изъ числа ея родственниковъ и односельцевъ. Не доѣзжая нѣкотораго разстоянія до аула невѣсты, женихъ останавливается и прячется, его же товарищи везутъ родителямъ невѣсты подарки. Между тѣмъ о пріѣздѣ жениха узнаютъ „джинаи“ (собственно снохи, а вообще, ближайшія замужнія родственницы невѣсты). Онѣ разбиваютъ для жениха особую маленькую кибитку въ отдаленіи и приводятъ туда жениха, за что и получаютъ подарки. У родителей невѣсты между тѣмъ устраивается пиръ, на которомъ не присутствуютъ ни женихъ, ни невѣста, уходящая на это время въ кибитку ближайшаго родственника, *булушъ-уй*. За укрывательство у себя невѣсты этотъ родственникъ получаетъ отъ ея родителей особый подарокъ, *кызъ-кашаръ*, доставляемый, впрочемъ, женихомъ. Поздно вечеромъ, по окончаніи пира, джинаи стелютъ въ кибиткѣ тестя около двери постель для жениха и невѣсты и отправляются за невѣстой. Невѣста должна оказать притворное сопротивленіе и часть гостей помогаетъ ей защищаться отъ джинаи, но въ концѣ концовъ послѣднія, разумѣется, побѣждаютъ и водворяютъ невѣсту въ отцовскую кибитку. Тесть и теща въ это время уже спятъ или, вѣрнѣе, дѣлаютъ видъ, что спятъ, и вотъ джинаи со всякаго рода мѣрами предосторожности приводятъ жениха къ невѣстѣ. Дорогой ему встрѣчаются разныя

Digitized by Google

препятствія; одна изъ джинаи становится на четвереньки и изображаетъ собаку, ворча и хватаясь зубами за платье жениха; ей требуется дать подарокъ; другая мычитъ по-коровьему и тоже получаетъ подарокъ; третья просто ложится поперекъ дороги и изображаетъ мертвую и т. д. и т. д.; подарковъ жениху приходится раздавать великое множество. Наконецъ, женихъ достигаетъ невѣсты, заставляетъ подарками всѣхъ джинаи уйти прочь и остается съ невѣстой наединѣ. Рано утромъ женихъ тайкомъ и со всякими предосторожностями уходитъ въ свою кибитку. Въ аулѣ невѣсты онъ остается дней 10—15 и въ это время каждую ночь видится наединѣ съ невѣстой или въ кибиткѣ ея родителей или въ своей кибиткѣ. Впослѣдствіи женихъ еще пріѣзжаетъ нѣсколько разъ на свиданіе съ невѣстой въ ея аулъ. Количество этихъ пріѣздовъ зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ: отъ разстоянія, отъ средствъ жениха, отъ времени остающагося до свадьбы и т. д [1]).

Какъ видимъ, у киргизовъ добрачное сближеніе жениха съ невѣстой отнюдь не является вынужденной уступкой обстоятельствамъ, отступленіемъ отъ должнаго порядка вещей. Сближеніе

[1]) *П.*, Обычаи киргизовъ Семипалатинской области. Руск. Вѣстн. 1878 г. 9, стр. 32—37—*Θ. Л-ій*, Свадебные обряды у киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства. Моск. Вѣд. 1862 г., № 151—*П. Е. Маковецкій*, Матеріалы для изученія юридическихъ обычаевъ киргизовъ, стр. 16—19—*Х. Кустанаевъ*, Этнографическіе очерки киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уу., стр. 27—29—*М. А. Леваневскій*, Очерки киргизскихъ степей (Эмбенскаго у.) Землевѣд. 1895 г., кн. 2—3, стр. 78—79—*А. А. Диваевъ*, О свадебномъ ритуалѣ киргизовъ Сыръ-Дарьинской области, стр. 17—18.—*Поспѣловъ и Бурнашевъ*, Поѣздка въ Ташкентъ въ 1800 г. Вѣстн. Геог. Общ. 1851 г., т. I., стр. 8—*А. Левшинъ*, Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей, т. 111, стр. 100—102. *Алтынсаринъ*, Очеркъ обычаевъ при сватовствѣ и свадьбѣ у киргизовъ Оренбургскаго вѣд. Зап.-Оренб. отд. Геогр. об. I, 107—III стр.—*Вл. Плотниковъ*, Замѣчанія на статью г. Алтынсарина. Зап. Оренб. отд., I стр., 129—133.—*Н. Изразцовъ*, Обычное право киргизовъ Семирѣченской области. Эти. Об. XXXIV, стр. 74—*Н. Гродековъ*, Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинской области, стр. 63—65. *Radloff*, Aus Sibirien, I, S. 477.—Главнымъ образомъ я пользовался сообщеніями гг. П. и Θ. Л-аго; впрочемъ по существу разногласій между отдѣльными авторами нѣтъ, а различія въ деталяхъ вполнѣ объяснимы мѣстными условіями. Самое существенное, на мой взглядъ, различіе состоитъ въ томъ, что, по утвержденію Левшина, Диваева и Изразцова, невѣсту приводятъ въ кибитку жениха, а не жениха въ юрту невѣсты, по словамъ же Гродекова первое свиданіе (орунтой) происходитъ въ кибиткѣ старшаго брата невѣсты.

Digitized by Google

это обставлено тутъ очень сложными и разнообразными церемоніями и представляетъ прочный и твердоукоренившійся обычай, составляющій очень существенную часть брачнаго ритуала, можетъ быть, даже центральный его моментъ. Въ записанномъ г. Диваевымъ со словъ самихъ киргизовъ описаніи киргизскихъ свадебныхъ обрядовъ посѣщеніямъ женихомъ невѣсты отведено главное мѣсто, изъ чего видно, что эта сторона имѣетъ существенно важное значеніе въ глазахъ самихъ киргизовъ. Ѳ. Л-ій выражается такъ: „Важнѣйшую часть свадебныхъ обрядовъ у Киргизовъ составляетъ договоръ о количествѣ калыма за невѣсту, уплата его и слѣдующія затѣмъ свиданія жениха съ невѣстою, оканчивающіяся брачною молитвою", а у. г. П. мы находимъ такую фразу: „до оффиціальнаго пріѣзда жениха на свиданіе съ невѣстой, равносильнаго нашей свадьбѣ", т. е. и этотъ авторъ видитъ въ этомъ свиданіи существенный элементъ свадебнаго ритуала. Наконецъ Вл. Плотниковъ тоже считаетъ этотъ моментъ „весьма важнымъ въ киргизской свадьбѣ".

Такимъ образомъ мы имѣемъ, что посѣщеніе женихомъ невѣсты есть существенно важный *обрядъ,* санкціонированный выработаннымъ ритуаломъ, и одного этого обстоятельства было бы достаточно, чтобы видѣть, что эти посѣщенія не простое сближеніе жениха съ невѣстой, а нѣчто болѣе важное и освященное преданіями старины. Въ этомъ насъ убѣждаютъ еще больше различныя детали, сообщаемыя нашими авторами. Такъ Ѳ. Л-ій говоритъ, что формальный пріѣздъ жениха на свиданіе съ невѣстой стоитъ очень дорого и потому недоступенъ иному бѣдняку. Если же онъ вздумаетъ обойти нужныя церемоніи и сойдется съ невѣстой дѣйствительно тайкомъ при посредствѣ какой нибудь услужливой родственницы, то, разъ это станетъ извѣстно, ему придется поплатиться за тайныя свиданія собственными боками. Этотъ фактъ кажется мнѣ особенно краснорѣчивымъ, такъ какъ ясно показываетъ, что интересующій насъ обрядъ не представляетъ собою замаскированнаго факта простого сближенія между женихомъ и невѣстой. Другіе авторы тоже указываютъ, что свиданія невѣсты, до перваго оффиціальнаго тайнаго свиданія, подлежатъ наказанью [1]).

[1]) *Алтынсаринъ*, стр. 108.—*Л. Баллюзекъ.* Народные обычаи, имѣвшіе, а отчасти и нынѣ имѣющіе въ Малой Киргизской ордѣ силу закона. Зап. Оренб. отд. II, стр. 81.

Digitized by Google

Далѣе тотъ же самый Ѳ. Л-ій говоритъ: „Влѣдъ за сватовствомъ взять жену, выражаясь нашимъ языкомъ, жениться, неприлично: нужно подождать по крайней мѣрѣ годъ. Чѣмъ долѣе сосватанная дѣвушка живетъ въ домѣ отца и матери, тѣмъ болѣе это льститъ семейному самолюбію ихъ“. Это указаніе наводитъ насъ на мысль, что, можетъ быть, уплата калыма растягивалась на долгій срокъ не только въ силу затруднительности уплатить сразу крупную сумму, и что родители удерживали дочь у себя не изъ за одной неуплаты калыма. Послѣднее заключеніе подтверждается словами П. Е. Маковецкаго (стр. 16), который говоритъ, что тайныя посѣщенія женихомъ невѣсты начинаются по уплатѣ *всего* калыма, когда, казалось бы, женихъ прямо можетъ перевезти невѣсту въ свой домъ. Х. Кустанаевъ тоже говоритъ, что женихъ пріѣзжаетъ на первое свиданіе съ невѣстой, „уплативъ весь калымъ или извѣстную его часть“ (стр. 27).

Посѣщенія женихомъ невѣсты настолько стали *обрядовымъ* учрежденіемъ, т. е. настолько вошли въ народное сознаніе, какъ нѣчто обычное и должное, что киргизское право придаетъ этому моменту существенное значеніе въ рѣшеніи тяжбъ изъ калыма, возникающихъ вслѣдствіе преждевременной смерти жениха или невѣсты. Такъ А. И. Левшинъ указываетъ, что, въ случаѣ смерти жениха или невѣсты, изъ уплаченнаго калыма возвращалось $^4/_5$, если женихъ не имѣлъ тайныхъ свиданій съ невѣстой, и только $^1/_2$, разъ эти свиданія уже начались (III, стр. 102). По словамъ П. Е. Маковецкаго, жениху, имѣвшему съ невѣстой тайныя свиданія, въ случаѣ смерти невѣсты возвращается не весь уплаченный калымъ, а только половина его; если же онъ женится на младшей сестрѣ покойной невѣсты, то долженъ сдѣлать къ калыму извѣстную приплату (стр. 9). По указаніямъ Л. Баллюзека, женихъ, отказавшійся отъ невѣсты до тайныхъ свиданій, просто лишается калыма, отказъ же послѣ урунъ-келю влечетъ за собой кромѣ того уплату штрафа. Точно также въ случаѣ смерти невѣсты до урунъ-келю возвращается весь калымъ, послѣ же урунъ-келю только часть. Если умершая невѣста замѣняется сестрой, то женихъ къ условленному прежде калыму долженъ еще нѣсколько добавить, разъ онъ уже имѣлъ тайныя свиданія съ невѣстой (стр. 86—88). Эти факты показываютъ, что обычное право видитъ въ посѣщеніяхъ женихомъ невѣсты уже начало брака и смотритъ

Digitized by Google

на молодыхъ людей, какъ на мужа и жену. А что часть калыма все же возвращается, это обстоятельство не должно насъ смущать, такъ какъ намъ извѣстны изъ этнографіи случаи, что ранняя смерть жены влечетъ за собой возвращеніе мужу части калыма [1]).

Серьезное значеніе имѣетъ также и то обстоятельство, что обычное право требуетъ, чтобы женихъ при посѣщеніяхъ невѣсты не переходилъ дальше извѣстныхъ границъ и не вступалъ въ супружескія отношенія съ невѣстой. Такое требованіе существуетъ по крайней мѣрѣ въ теоріи, хотя на практикѣ оно не соблюдается строго. Левшинъ говоритъ, что если невѣста забеременѣетъ отъ жениха, родители стараются какъ можно скорѣе совершить свадьбу, не дожидаясь даже полной уплаты калыма (III, стр. 103). А. А. Диваевъ (стр. 18—20) и Н. И. Гродековъ (стр. 63) просто отмѣчаютъ, что супружескія отношенія между женихомъ и невѣстой при свиданіяхъ не допускаются. Ѳ. Л-ій (№ 151) тоже подтверждаетъ это и сообщаетъ, что если невѣста окажется беременной, всѣ мѣры принимаются къ тому, чтобы вызвать выкидышъ или скрыть ребенка; иначе весь родъ невѣсты покрывается позоромъ. Разъ тестю стало извѣстно, что женихъ сошелся съ невѣстой, первый бьетъ послѣдняго нагайкой, прогоняетъ его изъ аула, распарываетъ его лошади брюхо, калымъ же остается въ пользу обезчещенной дѣвушки. Прежде же виновнаго жениха наказывали смертью. Г. П. (стр. 36) говоритъ, что хотя женихъ съ перваго же свиданія пользуется всѣми правами мужа, но тѣмъ не менѣе для невѣсты считается очень позорнымъ забеременѣть и, во избѣжаніе этого, употребляется настой изъ какихъ-то травъ. Тотъ же г. П. (стр. 37) и П. Е. Маковецкій (стр. 18) сообщаютъ, что при первомъ свиданіи съ невѣстой женихъ иногда ограничивается тѣмъ, что пожимаетъ невѣстѣ руку черезъ рѣшетку кибитки и гладитъ ее по головѣ. Наконецъ, въ Сборникѣ Самоквасова мы находимъ такое мѣсто, подтверждающее слова Ѳ. Л-аго: „Если женихъ блудъ сдѣлаетъ съ невѣстою своею прежде брака, то порютъ брюхо у

---

[1]) У гиляковъ (*Л. Штернбергъ*, Сахалинскіе гиляки. Эти. Об. XVII, стр.). У американскаго племени kliketat въ подобномъ случаѣ возвращается даже весь калымъ. (*Letourneau*, L'evolution du mariage et de la famille, p. 313). У вазарамо, ваніамвези, у кафровъ и у амакоза бездѣтная смерть жены даетъ мужу право требовать возвращенія калыма (*A. H. Post*, Afrikanische Jurisprudenz, I, s. 431) и т. д.

Digitized by Google

лошади, на которой онъ пріѣхалъ, и рѣжутъ на немъ лучшую одежду; лошадь сія отдается въ пищу однѣмъ порочнымъ женщинамъ" [1]).

Всѣ приведенные факты позволяютъ, какъ мнѣ кажется, сдѣлать слѣдующій выводъ: посѣщеніе женихомъ невѣсты у киргизовъ имѣетъ очень серьезное обрядовое значеніе и признается обычнымъ правомъ, до извѣстной степени, какъ уже завершившійся бракъ. Въ то же время эти посѣщенія не являются невольнымъ сближеніемъ молодыхъ людей, обусловленнымъ продолжительнымъ ожиданіемъ уплаты калыма, хотя, несомнѣнно, свиданія жениха съ невѣстой символизируютъ супружескія отношенія между ними. Такъ какъ свиданія эти происходятъ въ юртѣ родителей невѣсты и совершаются какъ бы тайкомъ и скрытно отъ тестя и тещи, то я думаю, что свиданія эти являются переживаніемъ старины, когда всѣ супружескія отношенія сводились къ посѣщеніямъ мужемъ жены въ домѣ родителей и къ болѣе или менѣе продолжительному пребыванію его тамъ. Что эти посѣщенія не должны были быть непремѣнно слишкомъ короткими, на это указываетъ сообщеніе г. П., что женихъ остается въ юртѣ, живетъ иногда по нѣскольку дней, помѣщаясь тамъ за занавѣсью, отдѣляющею постель невѣсты отъ остальной кибитки и тщательно избѣгая встрѣчъ съ тестемъ и тещей (стр. 36). Это сильно напоминаетъ отдѣльные пологи у юкагирскихъ дѣвушекъ, гдѣ онѣ принимаютъ своихъ возлюбленныхъ.

Вотъ еще нѣкоторыя подробности, говорящія въ пользу моего предположенія. Послѣдній актъ киргизскаго свадебнаго ритуала, содержащій въ себѣ, между прочимъ, и религіозную и юридическую санкцію брака, носитъ названіе *узатар-той*, пиръ проводовъ (Диваевъ, стр. 18) или *узататугун-той*, отпускной пиръ (Гродековъ, стр. 66), что какъ бы указываетъ на то, что этотъ актъ нуженъ не для того, чтобы дать жениху супружескія права на невѣсту, а для того, чтобы дать ему право увезти ее къ себѣ въ домъ. Далѣе съ тѣхъ поръ, какъ закончено сватовство, и до послѣдняго момента свадьбы, т.-е. все то время, которое символизируетъ эпоху проживанія мужа въ домѣ тестя, женихъ дол-

---

[1]) *Д. Я. Самоквасовъ*. Сборникъ сибирскаго права сибирскихъ инородцевъ, стр. 264.

Digitized by Google

женъ избѣгать всякихъ встрѣчъ съ тестемъ [1]), а между тѣмъ Тэйлоръ указываетъ, что подобныя отношенія между зятемъ и тестемъ тѣсно связаны съ проживаніемъ зятя въ домѣ тестя [2]). Наконецъ, одинъ изъ нашихъ авторовъ говоритъ: „Послѣ перваго посѣщенія невѣсты женихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ получаетъ право всегда видѣть ее наединѣ и потому оставляетъ въ ея аулѣ бѣлый шатеръ свой до свадьбы“ [3]). Тутъ мы прямо видимъ остатокъ переселенія жениха на продолжительное время въ аулъ тестя.

Въ заключеніе отмѣчу еще одно обстоятельство. Киргизы, какъ извѣстно, довольно строго придерживаются экзогаміи [4]), хотя различные авторы не совсѣмъ одинаково опредѣляютъ, внутри какого круга нельзя брать себѣ жену. Г-жа П. (стр. 23) указываетъ, что внутри рода отношенія между молодежью обоего пола отличаются большою свободою, и дѣвушка должна остерегаться лишь беременности, противъ которой употребляется настой изъ трехъ травъ. Иное дѣло сближеніе съ молодымъ человѣкомъ изъ чужого аула и тѣмъ болѣе изъ чужого рода или волости. На это аульная молодежь смотритъ очень косо, и дѣло нерѣдко кончается убійствомъ. Допуская, что подобное положеніе вещей было характерно для прошлаго киргизскаго общественнаго быта, мы поймемъ, почему чужеродецъ, т. е. теперешній женихъ, долженъ былъ принять такія мѣры предосторожности, чтобы проникнуть тайкомъ въ жилище невѣсты. Враждебность къ представителямъ чужого рода, можетъ быть, выражается въ различныхъ издѣвательствахъ, которымъ подвергаются теперь сваты со стороны женщинъ изъ аула невѣсты [5]). Далѣе мы знаемъ, что теперь одинъ изъ элементовъ послѣдняго заключительнаго акта брака составляетъ символическое похищеніе невѣсты. Она отказывается идти въ кибитку жениха и тѣмъ болѣе покинуть родительскій аулъ, но въ концѣ

---

[1]) *П. Е. Маковецкій*, стр. 13—*П.*, стр. 36—37—*Ѳ. Л-ій*, № 151.—*Х. Кустанаевъ*, стр. 27. *Алтынсаринъ*, стр. 108. *Л. Баллюзекъ*, стр. 81.

[2]) Эти. Об., V, стр. 3—5.

[3]) *А. Левшинъ*, III, стр. 102.

[4]) *А. Левшинъ*, III, стр. 109—*П. Е. Маковецкій*, стр. 2—*П.*, стр. 23.—*Ѳ. Л-ій*, № 154.—*Н. И. Гродековъ*, стр. 27—28. *Н. Изразцовъ* стр. 70—*Алтынсаринъ*, стр. 104.

[5]) *П.* стр. 30—32.—*А. А. Диваевъ*, стр. 16—17.—*М. А. Леваневскій*, страница 76—77.—*П. Е. Маковецкій*, стр. 15.—*Х. Кустанаевъ*, стр. 25—26.—*Л. Баллюзекъ*, стр. 72—73.—*Алтынсаринъ*, стр. 106.

Digitized by Google

концовъ ея сопротивленіе, разумѣется, преодолѣвается [1]). Въ этомъ обрядѣ тоже можно видѣть переживаніе прошлаго, когда чужеродецъ, ограничивавшійся первоначально тайными посѣщеніями дѣвушки, сталъ потомъ похищать ее и силой перевозить въ свой домъ. Впрочемъ, символическое похищеніе невѣсты существуетъ, можетъ быть, не повсемѣстно у киргизовъ и нѣкоторая неустойчивость его формъ позволяетъ думать, что оно и не было общеобязательнымъ.

III.

У казанскихъ татаръ интересующія насъ переживанія прошлаго выступаютъ еще яснѣе, чѣмъ у киргизовъ. Когда калымъ уже уплаченъ и мулла повѣнчалъ молодыхъ и даже записалъ совершившееся бракосочетаніе въ книгу, т. е. когда все, казалось бы, уже кончено,—женихъ еще не беретъ невѣсты въ свой домъ. Въ опредѣленный день послѣ вѣнчанія, на которомъ, кстати сказать, ни женихъ ни невѣста не присутствуютъ, а замѣняются отцами, женихъ въ первый разъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ. Пріѣздъ этотъ обставленъ разными церемоніями и обрядами, но мы упомянемъ только нѣкоторые изъ нихъ. Женихъ остается въ спальнѣ у невѣсты нѣсколько дней и за это время къ нимъ никто не входитъ, кромѣ свахи, подающей все нужное. Утромъ на четвертый день женихъ уѣзжаетъ къ своимъ родителямъ, а вечеромъ невѣста посылаетъ за нимъ лошадь; иначе онъ не пріѣдетъ. У невѣсты онъ остается до утра, а за тѣмъ снова уѣзжаетъ до вечера и т. д. Такой порядокъ продолжается нѣсколько мѣсяцевъ. Все это время женихъ долженъ избѣгать всякихъ встрѣчъ съ тестемъ и тещей до тѣхъ поръ, пока не будетъ устроено особое оффиціальное свиданіе, на которомъ обѣ стороны обмѣниваются подарками. Послѣ этого женихъ можетъ уже не каждую ночь навѣщать невѣсту, но она все таки еще годъ, два, три, иногда даже десять лѣтъ остается въ родительскомъ домѣ. [2]) Можно отмѣтить также, что въ самой

---

[1]) *Θ. Л-ій*, № 151.—*М. А. Леваневскій*, стр. 84.—*А. А. Диваевъ*, стр. 19—20.—*П. Е. Маковецкій*, стр. 20—21. — *А. Левшинъ*, III, стр. 104—105 (наиболѣе интересное описаніе).—*Х. Кустанаевъ*, стр. 31.—*Алтынсаринъ*, стр. 110.

[2]) *М. Н. Пименовъ*, Свадебные обычаи казанскихъ татаръ. Изв. общ. Арх. Ист. и Этн., т. IX, в. 1-й, стр. 6, 9, 10.

Digitized by Google

Казани обычай требуетъ, чтобы при первомъ пріѣздѣ жениха брачную постель устраивали жены братьевъ невѣсты, какъ это дѣлаютъ и киргизскія джинаи.

Какъ видимъ, и здѣсь женихъ какъ бы тайкомъ навѣщаетъ невѣсту въ домѣ ея родителей и вступаетъ съ ней въ связь и происходитъ это уже послѣ уплаты калыма и совершенія обряда бракосочетанія. Такимъ образомъ этихъ свиданій нельзя объяснить продолжительной уплатой калыма, и приходится видѣть въ нихъ опять таки остатокъ прошлаго, когда бракъ сводился къ тому, что мужъ навѣщалъ невѣсту въ домѣ ея родителей.

У вотяковъ послѣ заключенія свадьбы мужъ отвозитъ жену въ свой домъ, но затѣмъ, спустя нѣкоторое время, она опять переѣзжаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ домъ родителей и мужъ можетъ навѣщать ее только тайкомъ по ночамъ. Находясь въ родительскомъ домѣ, она пользуется всѣми правами дѣвушекъ, но отличается отъ нихъ головнымъ уборомъ [1]). Правда, нѣкоторые авторы (Бехтеревъ, Бухъ) указываютъ, что окончательное переселеніе жены въ домъ мужа происходитъ послѣ полной уплаты калыма, но я думаю, что не неуплата калыма заставляетъ жену оставаться такъ долго въ родительскомъ домѣ. Дѣло въ томъ, что сюанъ, или послѣдній свадебный пиръ, послѣ котораго жену окончательно перевозятъ въ домъ мужа, пріуроченъ у вотяковъ къ опредѣленному дню года, именно онъ происходитъ 29 іюня, когда у вотяковъ бываетъ большой праздникъ (Блиновъ, Бухъ, Верещагинъ, Богаевскій) или (въ Казанской губ.) на масляницѣ (Багинъ), равно какъ къ опредѣленнымъ днямъ пріурочены и всѣ предыдущіе моменты свадьбы. Въ виду этого мнѣ кажется, что не сюанъ стоитъ въ зависимости отъ уплаты калыма, а, наоборотъ, уплата калыма пріурочена къ сюану и представляетъ плату за право увезти женщину изъ родительскаго дома. Существованіе экзогаміи у вотяковъ сомнительно; М. Бухъ (стр. 50) и В. Бехтеревъ (В. Е., 80 г., 9, стр. 142)

---

[1]) *С. Багинъ.* Свадебные обряды и обычаи Вотяковъ Казанскаго уѣзда. Этн. Об. XXXIII, стр. 86—87. — *В. Бехтеревъ.* Вотяки. Вѣст. Евр. 1880 г., 9, стр. 144, 147. — *М. Блиновъ.* Камско-Воткинскій заводъ и тамошніе Вотяки. Журн. Мин. Вн. Д. 1855 г. 3, стр. 63. — *М. Buch.* Die Wotjäken. S. 50—51, 56, 60 — *Гр. Верещагинъ.* Вотяки Сосновскаго края. Зап. Геогр. общ. по отд. этн., т. XIV, вып. 2, стр. 24. — *Гр. Верещагинъ.* Вотяки Сарапульскаго у. Зап. Геогр. Общ. по отд. Этн., т. XIV, вып. 3-й, стр. 124—128. *П. М. Богаевскій.* Очеркъ

Digitized by Google

правда говорятъ, что невѣсту берутъ всегда изъ чужой деревни. Вл. Шестаковъ упоминаетъ, что вотякъ „рѣдко“ выбираетъ себѣ невѣсту въ собственной деревнѣ (102), но П. М Богаевскій (стр. 55) отрицаетъ это и указываетъ, что сватаютъ невѣстъ безразлично и въ своей и въ чужой деревнѣ. Обряды, аналогичные символическому похищенію невѣсты, встрѣчаются, но пріурочены не вездѣ къ одному моменту: Гр. Верещагинъ (Вот. Сосн. кр., стр. 25 — Вот. Сарап. у., стр. 127) пріурочиваетъ ихъ къ сюану, а В. Бехтеревъ (стр. 143, 146) къ моменту перваго временнаго переѣзда жены въ домъ мужа.

У туркменовъ жена послѣ свадьбы проводитъ нѣсколько дней у мужа, а затѣмъ снова возвращается въ кибитку своихъ родителей и остается тамъ годъ, два или болѣе, пока не будетъ уплаченъ весь причитающійся за нее калымъ. Свиданія ея съ женихомъ по ночамъ строго запрещены, потому что въ случаѣ беременности она немедленно должна была бы переѣхать къ мужу, хотя бы и не весь калымъ былъ уплаченъ [1]).

У очеульскихъ и тутурскихъ *тунгусовъ* жена послѣ свадьбы иногда возвращается въ родительскій домъ на заранѣе опредѣленный срокъ [2]), но дальнѣйшихъ подробностей объ этомъ мы не имѣемъ.

Въ одномъ старинномъ описаніи *бурятовъ*, составленномъ въ 1789 г., я нашелъ такое указаніе: послѣ свадьбы жена проводитъ мѣсяцъ у мужа, а затѣмъ мужъ отпускаетъ ее на полгода къ родителямъ и въ это время самъ не можетъ къ ней ѣздить [3]). М. Хангаловъ тоже упоминаетъ про этотъ обычай. Въ одной статьѣ онъ говоритъ: „Въ настоящее время невѣста пріѣзжаетъ жить въ домъ жениха спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы“ [4]), свадьба же бываетъ уже послѣ полной уплаты калыма и справ-

---

быта Сарапульскихъ Вотяковъ. Сборн. матер. по этногр. изд. при Даник. муз. т. III, стр. 57—*Вл. Шестаковъ*. Глазовскій уѣздъ. Вѣст. Геогр. Общ. 1859 г. № 7, стр. 103.

[1]) *Бар. К. Боде*, О туркменскихъ поколѣніяхъ: Ямудахъ и Гокланахъ. Зап. Геогр. Общ., II, стр. 229—*Ѳ. А. Михайловъ*, Туземцы Закаспійской области, стр. 53—54.—*А. Вамберы*, Путешествіе по средней Азіи, стр. 268.

[2]) *П. Кларкъ*, Очеульскіе и тутурскіе тунгусы въ Верхоленскомъ округѣ. Зап. Сиб. отд. Геогр. общ., VI, стр. 95.

[3]) *Латкинъ*, Буряты или Братскіе. Спб. Вѣстн. 1824 г. т. I, стр. 59.

[4]) *М. Хангаловъ*, Нѣсколько данныхъ для характеристики быта сѣверныхъ Бурятъ. Этн. Об. X, стр. 161.

Digitized by Google

ляется въ домѣ жениха, а въ другой статьѣ, описавъ самую свадьбу и послѣдовавшій за нею пиръ и другія увеселенія, онъ добавляетъ: „невѣста иногда остается въ домѣ свекра, а большею частью уѣзжаетъ обратно домой... Невѣста на житье къ жениху пріѣзжаетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или черезъ годъ и болѣе, смотря по обстоятельствамъ“ [1]). Къ сожалѣнію, М. Хангаловъ ни въ одной статьѣ не упоминаетъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ стоятъ другъ къ другу мужъ и жена, пока она живетъ у родителей, т. е. можетъ ли мужъ навѣщать жену, какой степенью свободы при этомъ онъ пользуется, долженъ ли скрываться отъ тестя и тещи и т. д. У Г. Н. Потанина имѣется описаніе свадебныхъ обрядовъ Аларскихъ бурятъ, составленное самими бурятами. Въ этомъ описаніи упоминается, что послѣ вѣнчанія и свадебнаго пира у жениха „вмѣстѣ съ гостями уѣзжаетъ къ своимъ родителямъ и невѣста; вновь къ мужу она пріѣзжаетъ черезъ полгода или ранѣе вмѣстѣ со своими подругами. Проживъ у мужа мѣсяцъ, опять отправляется къ родителямъ, но тогда уже не такъ долго остается у нихъ. Затѣмъ посѣщенія мужа учащаются, и она наконецъ окончательно поселяется въ домѣ мужа“ [2]).

Эти отрывочныя указанія имѣютъ особый интересъ въ виду того, что у унгинскихъ бурятъ есть такое преданіе о происхожденіи свадьбы: „когда Эсэгэ-Малан-тэнгэри высваталъ дочь богатаго Хангая за своего сына, то онъ отвезъ сына къ невѣстѣ, но сынъ постоянно уходилъ домой. Тогда Эсэгэ-Малан-тэнгэри, по совѣту шамана Ноён-Бубея, привезъ невѣсту къ своему сыну и устроилъ первую свадьбу... Тогда невѣста не уходила отъ своего жениха. Съ этого времени невѣсту стали отвозить къ жениху. И у Кундинскихъ бурятъ есть тоже преданіе, что Эсэгэ-Малан-тэнгэри высваталъ своему сыну невѣсту, къ которой отводилъ нѣсколько разъ сына, но сынъ его всегда уходилъ домой. Тогда Эсэгэ-Малан-тэнгэри, по совѣту Заря-Азарга (ежа), привезъ невѣсту и отдалъ сыну и устроилъ свадьбу; невѣста уже не ухо-

---

[1]) *М. Хангаловъ*, Свадебные обряды, обычаи, повѣрья и преданія у Буратъ Унгинскаго инородческаго вѣдомства Балаганскаго округа. Этногр. Об. XXXVI. стр. 73—74.

[2]) *Г. Н. Потанинъ*, Очерки сѣверо-западной Монголіи, IV, стр. 35—36.

Digitized by Google

дила отъ мужа. Съ этого времени стали отвозить невѣсту къ жениху, а не жениха къ невѣстѣ, какъ было прежде“ [1]).

Въ этомъ преданіи сохранилось отчетливое воспоминаніе о прежнихъ порядкахъ, когда жена оставалась навсегда въ домѣ родителей, а потому можно думать, что теперешнее возвращеніе жены послѣ свадьбы къ родителямъ является символическимъ переживаніемъ прошлаго.

Въ старинныхъ описаніяхъ *якутовъ* мы находимъ слѣдующія подробности объ ихъ свадебныхъ церемоніяхъ. При уплатѣ нѣкоторой части калыма, женихъ пріѣзжаетъ съ ближайшими родственниками къ тестю, но входитъ сперва въ юрту къ нему одинъ и въ дорожномъ платьѣ. Онъ совершаетъ поклоненіе очагу, а въ это время шаманъ бросаетъ въ огонь топленое коровье масло и „оборотясь къ жениху, желаетъ ему жить съ женою мирно, породить многихъ дѣтей и размножить скотоводство“. Затѣмъ женихъ выходитъ, снимаетъ съ себя дорожное платье и возвращается вмѣстѣ со своими провожатыми. Онъ садится на невѣстину постель, которая помѣщается за особой загородкой, и старается сидѣть такъ, чтобы его никто не видалъ; поѣзжане же тѣмъ временемъ пируютъ. Невѣста на этотъ день уходитъ въ другую юрту. Послѣ этого пріѣзда женихъ можетъ навѣщать невѣсту, когда вздумается, и пользуется всѣми правами мужа, но увезти ее съ собой можетъ лишь послѣ полной уплаты калыма [2]). У еще болѣе стариннаго автора, Ланганса, встрѣчается такая недостаточно ясная фраза: „Отдавши тестю приведенный скотъ (часть калыма А. М.), зять ночуетъ съ невѣстою у тестя въ головахъ; а поживши трое сутокъ уѣзжаетъ домой. Когда же весь обѣщанный калымъ отдастъ, то невѣсту отецъ ея со сродниками своими къ нему привозятъ“ [3]) и, повидимому, эту фразу можно понимать въ томъ смыслѣ, что иногда женихъ вступалъ въ права мужа уже при первомъ пріѣздѣ къ невѣстѣ. Тотъ же авторъ (стран. 147) упоминаетъ, что если мужъ долго не въ состояніи выплатить калыма, жена остается у

---

[1]) *М. Хангаловъ*, Свадебные обряды, etc., стр. 39.

[2]) О происхожденіи, вѣрѣ и обрядахъ Якутовъ. (Любит. Словесн. 1806 г. I, кн. 2) стр. 133—134.—Описаніе Якутовъ, ихъ происхожденіе, населеніе страны Ленской, внутреннее ихъ управленіе, покореніе подъ власть Россіи, благосостояніе, нравы и обычаи. Сѣв. Арх. 1822 г., т. III, кн. 16, стр. 292—294.

[3]) *Ланганъ*, Якуты. Сиб. Вѣстн. 1824 г. III, стр. 146.

Digitized by Google

родителей, а мужъ можетъ только навѣщать ее; родившіяся въ это время дѣти остаются при матери. Изъ болѣе позднихъ писателей кн. Н. Костровъ тоже говоритъ, что послѣ сватовства женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ съ частью калыма и особыми подарками, „которые называются спальными, потому что съ этого времени онъ имѣетъ право спать съ нею“. Пріѣздъ этотъ обставленъ цѣлымъ рядомъ особыхъ церемоній, и послѣ того до уплаты женихъ навѣщаетъ невѣсту, когда вздумается, и пользуется всѣми правами мужа [1]). Н. С. Щукинъ описываетъ свадебные обряды якутовъ въ общемъ согласно съ авторами статей въ „Любителѣ Словесности“ и въ „Сѣверномъ Архивѣ“, но говоритъ, что коровье масло бросаетъ въ огонь не шаманъ, а самъ женихъ, и что ночью, когда всѣ уснутъ, невѣсту приводятъ къ жениху и онъ становится мужемъ [2]). Р. К. Маакъ указываетъ, что женихъ пріобрѣтаетъ супружескія права на невѣсту еще до полной уплаты калыма, но сдѣлавъ особый подарокъ, состоящій изъ кобыльяго мяса и имѣющій особое названіе „хойносоръ кэси“, гостинецъ для спанья. При этомъ супружескія права жениха нисколько не зависятъ отъ возраста невѣсты; если она даже совсѣмъ малолѣтна, дѣло отъ этого не мѣняется [3]). Наконецъ, В. Л. Сѣрошевскій тоже сообщаетъ, что женихъ еще задолго до полной уплаты калыма становится мужемъ невѣсты послѣ торжественной поѣздки къ тестю, сопровождающейся цѣлымъ рядомъ церемоній [4]). Онъ же упоминаетъ, что иногда и послѣ уплаты калыма и вѣнчанія жена все-таки остается тамъ еще нѣсколько времени, и женихъ навѣщаетъ ее, привозя съ собой каждый разъ особые подарки; въ старину же такія отстрочки въ переѣздѣ жены къ мужу были еще продолжительнѣе и достигали до 4—5 лѣтъ (стр. 548).

Изъ всѣхъ этихъ указаній, какъ мнѣ кажется, можно сдѣлать слѣдующее заключеніе: у якутовъ моментомъ, аналогичнымъ нашему вѣнчанію, т.-е. дающимъ жениху *законное* право на супружескія отношенія съ невѣстой, является его первый оффиціальный пріѣздъ къ тестю. Послѣ того молодые люди по закону становятся мужемъ

[1]) *Кн. Н. Костровъ*, Очерки юридическаго быта Якутовъ. Зап. Геогр. общ. по отд. Этн. VIII, стр. 280—281.

[2]) *Н. С. Щукинъ*, Якуты. Журн. Мин. Вн. Д. 1854 г., 7, стр. 27—28.

[3]) *Р. Маакъ*, Вилюйскій округъ Якутской области, III, стр 94.

[4]) *В. Л. Сѣрошевскій*, Якуты, I, стр. 537—542.

Digitized by Google

и женой, но жена остается въ родительскомъ домѣ, а мужъ только навѣщаетъ ее. Подобныя отношенія опять-таки можно объяснить только какъ переживаніе прошлаго, когда они были постоянными, т.-е. когда жена навсегда оставалась у отца. То обстоятельство, что женихъ при первомъ пріѣздѣ сидитъ на невѣстиной постели и старается, чтобы его никто не видѣлъ, позволяетъ думать, что прежде его пріѣзды были какъ бы тайными и скрытными; а это, можетъ-быть, находится въ связи съ господствующей у якутовъ экзогаміей.

У *башкировъ* женихъ становится мужемъ невѣсты задолго до уплаты калыма и до того времени, какъ онъ можетъ взять ее къ себѣ въ домъ. Супружескія отношенія между ними нисколько не скрываются, и рожденіе ребенка не считается предосудительнымъ. При этомъ только требуется или, по крайней мѣрѣ, прежде требовалось, чтобы женихъ не видѣлъ лица невѣсты и не показывался на глаза тестю и тещѣ. Юлуевъ сообщаетъ, что даже вѣнчаніе муллой, т.-е. религіозная и юридическая санкція брака, дающая ужъ совсѣмъ законное право на супружескія отношенія, совершается по уплатѣ лишь части калыма, но жена еще долго остается въ родительскомъ домѣ и тамъ принимаетъ мужа. Лепехинъ указываетъ, что для пріема мужа у жены ставится особая юрта [1]).

Объ *остякахъ* мы читаемъ у Гр. Новицкаго слѣдующее: „Егда бо хощетъ кто поняти себѣ въ жену у котораго дочеръ, тогда отецъ дщеры постовляетъ оной цѣну, яже, по ихъ, калымъ нарицается. Совершивше же договоромъ и утвердивше оный калымъ, назначенный оный зять, егда хощетъ зарученную себѣ невѣсту привѣтствовать, долженъ сохранити сей обычай, чтобы не явственнымъ лицемъ, но обращшеся плещми своими входилъ въ жилище тестя своего, ниже взираяй дерзнетъ на лице его, но ускоряетъ на мѣста, гдѣ же она зговореная сидитъ: се же обыкновеніе въ знаменіе смиренія есть противо родителей". По уплатѣ калыма „тогда отецъ поемлетъ и отдаетъ зятю... аще же калымъ весь не исполнитъ за скудостію своею, то не можетъ отецъ изъ дому своего дщери отпустить оному. Совокупно же съ нею свободно

[1]) *П. С. Назаровъ*, Къ этнографіи Башкиръ, Этн. Об., IV, стр. 187—188.— *Батыръ-гарей Мухамедовъ Юлуевъ*. Къ этнографіи Башкиръ. Этн. Об., XIII—XIV, стр. 217—218—*Лепехинъ*, Записки путешествія, изд. 1221 г., т. II, стр. 129—170.

Digitized by Google

въ дому своемъ не возбраняетъ пребывати, донелиже весь калымъ запла титъ“ [1]). Изъ этихъ словъ можно сдѣлать выводъ, что и у остяковъ, вѣроятно, женихъ имѣлъ право какъ бы тайкомъ навѣщать невѣсту и вступать съ нею въ интимныя отношенія. До извѣстной степени это подтверждаетъ и Н. А. Абрамовъ, который говоритъ, что „пока весь калымъ не будетъ уплаченъ, дочь остается у отца, но жениху не возбраняется пріѣзжать къ невѣстѣ и спать вмѣстѣ съ нею“ [2]), и еще больше Палласъ, у котораго говорится, что женихъ, уплативъ часть калыма, напоминаетъ тестю, чтобы тесть приготовилъ ему къ слѣдующей ночи постель въ своей юртѣ. Послѣ этой ночи, проведенной женихомъ съ невѣстой, теща получаетъ отъ зятя особый подарокъ за сбереженіе невѣсты въ невинности, а кожа, на которой спали молодые, разрѣзается на куски и разбрасывается всюду въ знакъ торжества. Если же невѣста оказалась не дѣвушкой, теща даритъ зятю оленя [3]). Эти подробности ясно указываютъ, что именно къ этому моменту пріурочивали остяки окончательное заключеніе брака и все-таки жена продолжала оставаться до выплаты калыма въ родительскомъ домѣ, а мужъ ограничивался посѣщеніями ея [4]).

У *черемисовъ* по окончательной платѣ калыма женихъ и невѣста становятся мужемъ и женой, но переѣзжаетъ жена къ мужу только черезъ полгода, а тѣмъ временемъ мужъ навѣщаетъ ее по ночамъ разъ въ недѣлю, по четвергамъ [5]).

У кундровскихъ татаръ достаточно внести первую часть калыма, чтобы „имѣть уже всѣ права на невѣсту и посѣщать ее не въ урѣченное (?) время, хотя посѣщенія эти и прикрываются кажущеюся таинственностью“ [6]).

У черемшанскихъ татаръ женихъ до полной уплаты калыма „имѣетъ право тайно отъ времени до времени посѣщать свою не-

---

[1]) *Гр. Новицкій*, Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, стр. 42—43.

[2]) *Н. А. Абрамовъ*, Описаніе Березовскаго края. Зап. Геогр. Общ. XII, стр. 335.

[3]) *П. С. Палласъ*, Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства (изд. I-е), IV, стр. 69.

[4]) Ср. также *А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ и К. М. Голодниковъ*, Памятная книжка Тобольской губ. на 1884 г., стр. 35.

[5]) *Мендіаровъ*, О Черемисахъ Уфимской губерніи, Этн. Об., XXII, стр. 52.

[6]) *П. Небольсинъ*. Инородцы Астраханской губерніи. Замѣтки о Кундровскихъ татарахъ. Вѣстн. Геогр. Общ. 1851 г. II, стр. 18.

Digitized by Google

вѣсту, что у нихъ за пазуху ходить, касъ куйнена крядырь, называется: ибо только до пазухи невѣстиной, а не далѣе женихова вольность простираться должна“ [1]).

У тунгусовъ Охотскаго края женихъ по уплатѣ части калыма имѣетъ право навѣщать невѣсту и гостить у ней сколько вздумается [2]).

У гольдовъ невѣста должна избѣгать жениха послѣ сватовства и до одного изъ послѣднихъ моментовъ брака, называемаго „дансари“. На дансари справляется особая церемонія „дырелачо-ури“, т.-е. „первая встрѣча двухъ лицъ“, которая состоитъ въ томъ, что женихъ и невѣста становятся на колѣни и трижды угощаютъ другъ друга ханшиномъ. Потомъ происходитъ угощеніе гостей, а вечеромъ, когда всѣ улягутся спать, невѣсту приводятъ къ жениху и кладутъ подъ одно съ нимъ одѣяло, хотя бы она была совсѣмъ малолѣтняя. Супружескихъ сношеній между ними, однако, тутъ не бываетъ, такъ что это только обрядъ. Невѣста затѣмъ все же остается еще у родителей на болѣе или менѣе продолжительное время и перевозится къ жениху только въ слѣдующій актъ брака, „хосодабгалику“ [3]).

У калмыковъ, какъ говоритъ Палласъ, „еще за два года до свадьбы дается жениху вольность ходить къ невѣстѣ и съ нею играть“ [4]).

У лопарей молодые должны послѣ свадьбы прожить годъ или больше у тестя. Въ другихъ источникахъ указывается, что женихъ послѣ сватовства имѣетъ право спать съ невѣстой [5]).

У самоѣдовъ остатки старины сохранились во второстепенныхъ церемоніяхъ свадебнаго ритуала. Для уплаты калыма женихъ со сватой пріѣзжаетъ къ отцу невѣсты, но разбиваетъ тамъ собственный чумъ. Сперва пируютъ въ чумѣ тестя, потомъ переходятъ въ

---

[1]) *Лепехинъ*, I, стр. 195.

[2]) *А. Сибиревъ*. О тунгусахъ Приморской области. Морск. Сборн. 1859 г. 5, стр. 42.

[3]) *П. Шимкевичъ*, Нѣкоторые моменты изъ жизни гольдовъ. Эти. Об., XXXIV, стр. 12—13.

[4]) *Палласъ*, I, 531.

[5]) *А. гр. Пошманъ*, Описаніе Архангельской губерніи (изд. 1866—1873 гг.) I, стр. 188. - *Leet*, Nachrichten von den Lappen, S. 198, цитир. по Lippert, Geschichte der Familie, S. 34.—Ср. *Н. Харузинъ*, Русскіе Лопари, стр. 264, 267, 269, 270, 271, 272 и 280.

Digitized by Google

жениховъ чумъ и приводятъ туда невѣсту. Женихъ сидитъ рядомъ съ невѣстой и молча угощаетъ ее мясомъ и виномъ, въ чемъ, пожалуй, можно видѣть формальное закрѣпленіе брака, аналогичное нашему вѣнчанію. Попировавъ, гости расходятся и оставляютъ молодыхъ однихъ. Послѣ полуночи женихъ долженъ выйти изъ чума такъ, чтобы его никто не замѣтилъ, запречь оленей и уѣхать домой. Переѣздъ невѣсты къ жениху происходитъ только спустя нѣкоторое время послѣ того, и тутъ продѣлывается церемонія, аналогичная символическому похищенію невѣсты [1]).

Слѣды прошлаго, когда мужъ жилъ у тестя и пасъ его стада, можетъ-быть, можно видѣть и въ одной *телеутской* пѣснѣ, въ которой молодой человѣкъ, попавшій въ руки киргизовъ и ожидавшій себѣ смерти, говоритъ:

Weisses Vieh vom Schwiegervater
Suchend, traf ich euch, o Männer [2]).

У мещеряковъ молодая недѣли черезъ три послѣ свадьбы уходитъ къ матери и живетъ у нея недѣль шесть [3]).

Такъ какъ я отнюдь не имѣю сейчасъ въ виду исчерпать всѣ относящіеся сюда факты, то ограничусь пока вышеприведенными и обращусь къ другой категоріи явленій, въ которой, по моему мнѣнію, тоже можно видѣть слѣды прежняго порядка вещей, когда жена не покидала родительскаго дома.

IV.

Вопросъ о приданомъ невѣсты, о его происхожденіи и назначеніи сравнительно очень мало привлекалъ къ себѣ вниманіе этнологовъ, а между тѣмъ изученіе этого института проливаетъ извѣстный свѣтъ на ходъ развитія семьи. Тутъ очень существенное значеніе имѣетъ *составъ* приданаго, и потому я остановлюсь съ нѣкоторой подробностью на этомъ обстоятельствѣ.

У *юкагировъ*, какъ мы видѣли выше, мужъ, входя въ семью жены, приноситъ съ собой только свое охотничье оружіе, ружье

---

1) *Вл. Иславинъ*, Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту, стр. 129—130.

2) *Radloff*, Aus Sibirien, I, 339.

3) *К. Масловскій*, Бытъ, обряды и повѣрья мещеряковъ. Вѣстн. Геогр. общ. 1859 г. II, стр. 118.

Digitized by Google

или лукъ, все остальное, нужное для хозяйства и жизни, принадлежитъ женниной семьѣ; мужъ даже новый костюмъ получаетъ отъ жены.

У *чукчей* [1]) и *коряковъ* [2]) приданое состоитъ изъ оленей.

Гиляцкія дѣвушки получаютъ въ приданое одежду и украшенія [3]).

У *ламутовъ* „приданое состоитъ прежде всего въ нарядахъ, какъ женскихъ, такъ и мужскихъ... въ утвари, новомъ шатрѣ, новой металлической посудѣ“ [4]).

У *гольдовъ* приданое состоитъ изъ одежды, украшеній, постели съ одѣяломъ и разнаго рода домашней утвари, въ томъ числѣ изъ камышевыхъ ковровъ и камышевыхъ полосокъ, которыя вѣшаются на стѣны фанзы. Богатые родители прибавляютъ къ приданому дочери котелъ, топоръ, огниво, ножъ, лыжи, копье и т. д. [5]).

Тунгусы даютъ въ приданое за дочерью пару новаго платья для мужа, покрышку для чума, нѣсколько оленей и кое-что изъ домашней утвари [6]). У забайкальскихъ тунгусъ въ составъ приданаго входитъ юрта [7]).

Бурятское приданое состоитъ изъ украшеній, одежды, постелей, ящиковъ, посуды, верхового коня съ уборомъ, нѣсколькихъ головъ скота, а также и юрты со всѣми принадлежностями [8]).

Калмычки получаютъ въ приданое скотъ, одежду, украшенія, всякую домашнюю утварь и кибитку. Интересно, что эта кибитка, а также нѣкоторые другіе предметы изъ приданаго изготовляются изъ матеріаловъ, доставленныхъ женихомъ, и отчасти съ помощью его родныхъ [9]).

---

[1]) *А. А. Ресинъ*, l. c., стр. 173—*Ѳ. М. Августиновичъ*, l. c., стр. 54.

[2]) *Дитмаръ*, стр. 25—*Богородскій*, стр. 110.

[3]) *Л. Штернбергъ*, Сахалинскіе гиляки, Этн. Об. XVII, стр. 30.

[4]) *В. Г. Богоразъ*, Ламуты, Землев. 1900, г. 1., стр. 71.

[5]) *П. П. Шимкевичъ*, Нѣкоторые моменты изъ жизни гольдовъ, Этн. Обозр. XXXIV, стр. 14—15.

[6]) *П. Третьяковъ*, Туруханскій край, Зап. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, страница 380.

[7]) Забайкальскіе тунгусы. Сиб. Вѣст. 1822 г., XX, стр. 64.

[8]) *М. Ханаловъ*, Юридическіе обычаи у Бурятъ, Этн. Об., XXI, стр. 138—*Ламанскъ*, l. c., стр. 58—60. *А. Ѳ. Раевъ*, Буряты, Вѣст. Геогр. Общ. 1858 г., т. XXIV, стр. 26.

[9]) *И. А. Житецкій*, Очерки быта Астраханскихъ калмыковъ, стр. 21—22—*А. Терещенко*, Улусъ Хошотскій или Хошоутовскій, Москвит. 1854 г., I., стр. 49—*Лепехинъ*, II, стр. 370—371—*Поллась*, I, стр. 531.

Digitized by Google

У *якутовъ* приданое, по словамъ Р. К. Маака, состоитъ изъ скота, который доставляется женихомъ въ видѣ калыма [1]). В. Л. Сѣрошевскій указываетъ, что кромѣ скота въ приданое входитъ домашняя утварь, одежда, постель, украшенія, варёное мясо и т. д. [2]). Наконецъ, Н. Бергъ, перечисливъ предметы, входящіе въ составъ якутскаго приданаго, добавляетъ: „отецъ невѣсты обязуется дать ей на постройку юрты около 10 скотинъ. Эта послѣдняя заключительная дача называется тосъ-се-титя“ [3]).

У *карагассовъ* приданое состоитъ изъ извѣстнаго количества оленей, приблизительно около половины числа, полученнаго въ калымъ, и изъ лѣтней и зимней юрты [4]).

У *качинцевъ* въ составъ приданаго входитъ одежда, украшенія, домашняя утварь и большое количество скота [5]).

Каракиргизы даютъ въ приданое за дочерью кибитку, коверъ, халатъ [6]).

У *киргизовъ* въ приданое, кромѣ одежды, украшеній, скота, постели и всякой домашней утвари, поступаетъ также и кибитка [7]), при чемъ и здѣсь кибитка эта, по словамъ г. П. Алтынсарина (113) и Кустанаева (стр. 30), изготовляется изъ матеріаловъ, привезенныхъ женихомъ.

Туркменское приданое состоитъ изъ одежды и внутреннихъ украшеній кибитки [8]).

Кундровскіе татары даютъ въ приданое новую кибитку и нѣсколько воловъ, каждый изъ которыхъ впрягается въ особою арбу съ разной одеждой, домашней утварью и всѣми принадлежностями

---

[1]) *Р. К. Маакъ*, l. c., стр. 94.

[2]) *В. Л. Сѣрошевскій*, l. c., стр. 546—548.

[3]) *Н. Бергъ*, Свадебные обряды якутовъ. Вѣстн. Геогр. Общ. 1853 года, VII, стр. 35.

[4]) *Ю. П. Штубендорфъ*, О карагассахъ. Эти. Сб., IV, стр. 8 или Вѣстн. Геогр. Общ. 1854 г., XII, стр. 236.

[5]) *П. Островскихъ*, Этнографическія замѣтки о тюркахъ Минусинскаго округа. Жив. Ст. 1895 г., 3—4, стр. 319—320—*Палласъ*, IV, стр. 560.

[6]) *Н. И. Гродековъ*, l. c., стр. 83.

[7]) *Х. Кустанаевъ*, стр. 32 — *Θ. Л-ій*, № 154. *А. А. Диваевъ*, стр. 20. — *П. Е. Маковецкой*, стр. 9. — *А. Левшинъ*, III, стр. 100.— *Н. Ибрагимовъ*, стр. 79.—*Н. И. Гродековъ*, стр. 83.—*Алтынсаринъ*, стр. 112.

[8]) *Боде*, стр. 229.

Digitized by Google

хозяйства, при чемъ всѣ эти предметы покупаются именно на деньги, внесенныя женихомъ въ видѣ калыма [1]).

У башкировъ приданое состоитъ главнымъ образомъ изъ одеждъ и украшеній, или прямо доставляемыхъ женихомъ, или покупаемыхъ на внесенный имъ калымъ [2]).

Чувашское приданое состоитъ изъ одеждъ, украшеній, утвари скота, пчелъ и т. д.; величина его соразмѣрна величинѣ калыма [3]).

Самоѣдскія невѣсты получаютъ въ приданое чумъ со всѣми принадлежностями, оленей, сани, всякую утварь, провизію, одежду и т. д., величина приданаго соотвѣтственна величинѣ калыма [4]).

У юраковъ молодая, переѣзжая къ мужу, привозитъ съ собой и чумъ, въ которомъ проводится первая ночь [5]).

Остяцкое приданое состоитъ изъ платьевъ, бѣлья и постели и пріобрѣтается на часть калыма [6]).

Лопари даютъ въ приданое оленей, одежду, утварь, неводъ и т. д. [7]).

У пермяковъ приданое состоитъ изъ одеждъ, хозяйственныхъ принадлежностей, немного скота, иногда денегъ [8]); обязательно въ составъ приданаго входитъ корова и двѣ овцы [9]).

---

[1]) *П. Небольсинъ*, Инородцы Астраханской губерніи. Вѣстн. Геогр. общ. 1851 г. II, стр. 18.

[2]) *Юлуевъ*, стр. 216—217—*Лепехинъ*, II, стр. 168.

[3]) *В. Ашмаринъ*, Чувашская свадьба. Этн. Об. V, стр. 162. – О чувашахъ. Этнограф. очеркъ неизвѣстнаго автора XVIII, стол. Съ предисловіемъ и примѣч. В. Магнитскаго. Казань 1888 г., стр. 7.—*А. Фуксъ*, Записки о Чувашахъ и Черемисахъ Казанской губерніи, стр. 69—70.

[4]) *Вл. Ислависъ*, Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту, стр. 128—*A. G. Schrenk*, Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, I, S. 476.—*А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ и К. М. Голодниковъ*, стр. 41. — *А. ф. Пошманъ*, Описаніе Архангельской губерніи, (изд. 1866—1873 г.) I, стр. 136.—*А. Ефименко*, Народные юридическіе обычаи Лопарей, Кореловъ и Самоѣдовъ Архангельской губерніи, стр. 178.—*М. О. Кривошапкинъ*, Енисейскій округъ и его жизнь, II, стр. 150.

[5]) *П. Третьяковъ*, стр. 396.

[6]) *S.Patkanov*, Die Irtysch-Ostjaken, S. 139.

[7]) *А. ф. Пошманъ*, I, стр. 188; II, 75.—*А. Ефименко*, стр. 27. — *Н. Н. Харузинъ*, Русскіе Лопари, стр. 269, 270, 303, 304. — *Св. Гр. Терентьевъ*, Этнографія Лопарей, Арх. губ. Вѣд. 1868 г., 2.

[8]) *Роговъ*, Матерьялы для описанія быта Пермяковъ. Перм. Сборн. II, стр. 116.

[9]) *Н. Добротворскій*, Пермяки, В. Евр. 1883 г., 4, стр. 563.

Digitized by Google

У вогуловъ невѣста приноситъ въ приданое чумъ, нѣсколько нартъ съ оленями, провизію, всякую домашнюю утварь и одежды [1]).

У черемисовъ въ приданое „отецъ даетъ своей дочери часть отъ всего своего имѣнія: даетъ лошадь съ полной упряжью, корову или теленка, иногда и то и другое вмѣстѣ, нѣсколько овечекъ, нѣсколько паръ гусей, утокъ, куръ. Бѣдный даетъ по крайней мѣрѣ по парѣ всякой живности — это ужъ обязательно“ [2]).

Мордовское приданое состоитъ изъ одежды и скота [3]).

Легко понять, почему невѣста приноситъ съ собою въ приданое свои одежды и украшенія или такія хозяйственныя принадлежности, которыя относятся спеціально до женскаго хозяйства, но какъ объяснить себѣ, почему она приноситъ полное домашнее обзаведеніе, провизію, стадо оленей и, наконецъ, кибитку или чумъ? Вѣдь, вообще говоря, женщина у большинства инородцевъ не имѣетъ почти никакихъ имущественныхъ правъ и не наслѣдуетъ отцу, такъ что въ такомъ приданомъ нельзя видѣть выдѣлъ дѣвушкѣ части родового имущества, возникшій уже на почвѣ современныхъ отношеній. Вѣдь во многихъ случаяхъ приданое состоитъ изъ части калыма или изготовляется на деньги, внесенныя въ видѣ калыма, такъ что нерѣдко женихъ, давая калымъ, получаетъ его обратно весь или опредѣленную его часть, и, какъ общее правило, калымъ и приданое болѣе или менѣе соразмѣрны по величинѣ: чѣмъ больше приданое, тѣмъ большій калымъ платится за дѣвушку, и, наоборотъ, чѣмъ больше калымъ, тѣмъ больше должно быть приданое. У якутовъ калымъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) *сулу* живымъ скотомъ отъ нѣсколькихъ до 100 головъ скота, 2), *курумъ* отъ одной скотины до 10—15 головъ, отчасти живыхъ, отчасти убитыхъ, 3) *сынгахъ хонороръ*, или *уосъ-асаръ* (раскрытіе губъ), живая скотина или стегно мяса и нѣсколько денегъ по состоянію, 4) *хойнохоръ кэсій*, подарокъ за ночлегъ, стегно мяса или одна живая скотина, 5) *бысырэмъ кэсій*, также одна голова живого скота или стегно мяса. Главная и самая большая изъ этихъ частей, сулу, возвращается жениху обратно въ видѣ приданаго, курумъ

---

[1]) *К. Носиловъ*, Юридич. обычаи Маньсовъ. Сб. мат. по этн., изд. при Дашков. муз., III, стр. 73.

[2]) *Ст. Кузнецовъ*, Очерки изъ быта Черемисъ. Др. и Нов. Росс. 1877 г. стран. 35.

[3]) *М. Е. Евсевьевъ*, Мордовская свадьба, Жив. Ст. 1892 г. 2; стр. 99.

Digitized by Google

идетъ на угощеніе и не возвращается жениху [1]). Про киргизское приданое одинъ изъ авторовъ выражается такъ: „приданое, если его оцѣнить, приблизительно одинаково, по крайней мѣрѣ у состоятельныхъ киргизовъ, съ калымомъ.... Стало быть, вообще говоря, калымъ не составляетъ еще прямого убытка для женившагося. По моему мнѣнію, калымъ есть только мѣна скота на нѣкоторые необходимые въ семейномъ быту предметы, на покупку которыхъ киргизъ употребилъ бы развѣ немного менѣе, чѣмъ уплатилъ въ калымъ“ [2]). У калмыковъ и киргизовъ, какъ я уже упоминалъ, кибитка, поступающая въ приданое невѣстѣ, изготовляется изъ матеріаловъ, доставленныхъ женихомъ. А. Ѳ. Раевъ говоритъ про бурятскій калымъ, что онъ шелъ „по древнему обычаю, на снабженіе... дочери платьемъ, посудою и юртою съ принадлежностями“, и этотъ авторъ различаетъ сватовство съ условіемъ о калымѣ отъ простой покупки дѣвочки, которая потомъ выдавалась замужъ за сына купившаго ее человѣка или за кого либо другого [3]).

Конечно, составъ приданаго далеко не одинаковъ у различныхъ народовъ, но на меня относящіеся сюда факты производятъ такое впечатлѣніе, что съ большей или меньшей полнотой и послѣдовательностью современное приданое выражаетъ ту мысль, что все нужное для домашняго обзаведенія новой супружеской пары, включая сюда и жилище, должно быть доставлено женой, и что современный калымъ въ значительной степени является выкупомъ этого приданаго, т. е. женина имущества. Подобное представленіе не могло, конечно, возникнуть на почвѣ существующихъ отношеній. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, жениху давать невѣстѣ средства на пріобрѣтеніе жилища и стада оленей, нужныхъ для ихъ будущей супружеской жизни, когда онъ самъ можетъ пріобрѣсти эти предметы или даже когда они у него имѣются? Не странно ли, что женихъ даетъ будущему тестю стадо и получаетъ его потомъ обратно въ видѣ приданаго?

Мнѣ кажется, что эти и имъ подобные вопросы разрѣшатся очень просто, если мы допустимъ, что прежде мужъ не бралъ

---

[1]) *В. Л. Сероševскій*, стр. 545—546.—*Р. К. Маак*, III, стр. 94; ср. также *Н. Бергъ*, стр. 32—35.

[2]) *Н. Изразцовъ*, стр. 82.

[3]) *А. Ѳ. Раевъ*, стр. 26—27.

Digitized by Google

жену къ себѣ въ домъ, а самъ переходилъ къ ней на жительство. Тогда все нужное для жизни, кромѣ спеціально мужскихъ охотничьихъ орудій, принадлежало женѣ, какъ это мы видѣли у юкагировъ. По мѣрѣ того, какъ мужъ пріобрѣталъ все большія права на жену и на ея имущество или, вѣрнѣе сказать, на имущество ея семьи, онъ долженъ былъ дѣлать соотвѣтственныя возмѣщенія. Отрывая жену отъ ея родныхъ и заставляя ее переселиться въ его родъ, онъ вмѣстѣ съ нею перевозилъ и ея домъ и имущество, но долженъ былъ возмѣстить ихъ стоимость родственникамъ жены. Народное сознаніе настолько свыклось съ представленіемъ о поселеніи мужа въ домѣ жены, что не могло отрѣшиться отъ него даже при измѣнившихся условіяхъ. Жена все-таки продолжала считаться хозяйкою жилища и переѣзжала въ родъ мужа вмѣстѣ съ собственной кибиткой или чумомъ.

Принадлежность дома къ приданому имѣетъ особенно важный смыслъ. Съ одной стороны, эта черта является наиболѣе устойчивой и можно сказать, что почти всѣ кочевые инородцы, т.-е. тѣ, у которыхъ домъ представляетъ *движимое* имущество, даютъ его въ приданое за дочерью; съ другой — эта черта приводитъ насъ къ теоріи Липперта о раздѣльности мужского и женскаго хозяйства у первобытныхъ народовъ и о принадлежности дома именно къ женскому хозяйству. Подтвержденіемъ этой теоріи можетъ служить и тотъ фактъ, что у большинства изъ русскихъ инородцевъ, ведущихъ кочевую жизнь, разборка и установка на мѣстѣ чума, юрты или кибитки составляетъ обязанность не мужчинъ, а женщинъ [1]).

А. Максимовъ.

---

[1]) Чукчи: *Танъ*, passim—*К. К. Нейманъ*, Историч. обзор. дѣйствій Чукотской экспедиціи. Изв. Сиб. отд. I, 1871 г., 4—5, стр. 19—*Б. Г. Майдель*, стр. 154. *В. Г. Богоразъ*, стр. 38.

Тунгусы: *Ѳ. М. Августиновичъ*, стр. 49.—*Богородскій*, стр. 119.—*П. Кларкъ*, Очеульсвіе и тутурскіе Тунгусы, стр. 90. *П. Кларкъ*, Вилюйскъ и его округъ. Зап. Сиб. отд. VII, стр. 128.

Калмыки: *Палласъ*. I, стр. 465.

Самоѣды: *A. G. Schrenk*. I, S 474. *В. Ислѣнинъ*, стр. 24.—*Av. Middendorff*, Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens, Bd. IV, pp. 1422, 1432.

Digitized by Google

Кросна.

I. Устройство кросенъ.

Важное значеніе кросенъ въ народномъ быту, пѣсняхъ, обрядахъ и повѣрьяхъ побуждаетъ насъ прежде всего разсмотрѣть устройство ихъ.

Кросна — снарядъ для тканья холста, снабженный нитками. Состоятъ кросна изъ слѣдующихъ частей: изъ навоя, набѣлковъ, нита, берда, челночка, цѣвокъ, поножей, собачекъ (волчковъ, горностайчиковъ), пруга, досточекъ, головы или малаго навоя, става, чепелокъ, кружелокъ.

Навóй—вытесанная палка съ двумя головами; въ одной головѣ просверлены дырки, въ которыя вдѣвается палочка; при помощи этой палочки, по мѣрѣ надобности, поварачиваютъ навой.

Набѣлки дѣлаются изъ дерева. Это—двѣ полукруглыхъ длинныхъ пластинки; въ каждой пластинкѣ съ одной продолговатой стороны дѣлается углубленіе, на подобіе канавки, глубина которой на одинъ вершокъ, а ширина на полъ-вершка. По концамъ этихъ пластинокъ пробиваются сквозныя дырки; въ дырки продѣваются узенькія досточки. Къ нижней пластинкѣ прикрѣпляется полотно, а верхняя, при помощи пробитыхъ дырокъ, надѣвается на досточки. Верхняя пластинка, по мѣрѣ надобности, можетъ подниматься и опускаться. Въ набѣлки укладывается *бéрдо*.

Бердо. Изъ тоненькихъ палочекъ вяжется мастерами „бердéшниками“ такой снарядъ, черезъ который продѣваются нитки кросенъ; онъ имѣетъ видъ длиннаго гребешка; оконечности зубцовъ съ обѣихъ сторонъ закрыты палочками.

Нитъ. Онъ вяжется, при помощи досточки, изъ очень крѣпкихъ нитокъ, на подобіе цѣльной бахромы; въ нитъ продѣваются палочки. Посредствомъ шнурка нитъ привязывается къ „кружéл-

Digitized by Google

камъ“ или „котѣлкамъ“, при помощи „котѣлокъ“ „нитъ“ поднимается и опускается вверхъ и внизъ.

„Голова“ или „малый навой“ или „пришва“. Это—вытесанная палка съ одной головою; въ головѣ просверливаются дырки. При помощи длинной палочки, которую вдѣваютъ въ дырки, поворачиваютъ „пришву“.

Ставы. Два деревянныхъ бруска; у каждаго изъ нихъ по двѣ ножки; по серединѣ каждаго бруска пробиты дырки. Когда нужно ставы поставить, то въ дырки брусковъ вдѣвается вытесанная палка; позади брусковъ кладется „навой“, а напередъ „пришва“, такъ что „ставы“ стоятъ на подобіе рамки стола.

Челночекъ. Онъ имѣетъ видъ бездонной лодки; въ оба мысика внутри упирается палочка, называемая „прутикомъ“.

Цѣвки. „Цѣвка“—малиновый прутъ, въ серединѣ выдолбленный; на него наматываются нитки для утока кросенъ. „Цѣвка“ вставляется въ челночекъ—надѣвается на прутикъ челночка.

Поножи. Это — досточки, наподобіе слѣда, на которыя ткущая женщина становится ногами; онѣ прикрѣпляются такъ, что могутъ двигаться вверхъ и внизъ. „Поножи“, при помощи веревокъ, соединяются съ нитомъ.

Собачки, волчки или горностайки. Это — коротенькія палочки, которыми соединяютъ веревочки, идущія отъ нита къ поножамъ и отъ поножей къ ниту.

Пруги. Это — двѣ тонкія пластинки, скрѣпленныя по серединѣ ниткою, на подобіе ножницъ; на двухъ болѣе длинныхъ концахъ этихъ досточекъ сдѣланы жестяные наконечники съ двумя остріями.

Кружёлки или котёлки. Это — деревянные кружки съ дыркою по серединѣ; кругомъ „кружёлки“ идетъ желобокъ; по желобку бѣгаетъ шнурокъ отъ нита, приводящій нитъ въ движеніе.

Понёбница. Это — палка вверху става; посредствомъ веревочекъ къ понёбницѣ прикрѣпляются „чепёлочки“.

Чепёлочки. Это — продолговатые брусочки; вверху чепёлочекъ дырка; сквозь дырку вдѣвается бечевка, и чепёлка такимъ образомъ прикрѣпляется къ понёбницѣ. А съ другого конца чепёлки выдалбливается углубленіе; съ боковъ прокалываются дырочки; въ углубленіе чепёлки вставляется котёлка и чрезъ дырочки палочкой укрѣпляется котёлка къ чепёлочкѣ.

Digitized by Google

II. Бабы снуютъ.

Осенью бабы мотаютъ спряденный ленъ въ клубки; этимъ дѣломъ они обыкновенно занимаются Филипповками, или осеннимъ мясоѣдомъ. Пряжа у каждой бабы доходитъ до полпуда съ лишнимъ. Сновать бабы начинаютъ съ масленицы.

Вотъ что бабы дѣлаютъ предъ снованьемъ.

Клубки бабы старательно вѣшаютъ и наблюдаютъ, чтобы они были равнаго вѣса, отъ 5 до 12 фунтовъ, и болѣе. Парные клубки бабы подбираютъ такъ, чтобы клубокъ съ толстой пряжей шелъ подъ пару къ клубку съ толстыми нитками, а клубокъ съ тонкими нитками—къ клубку съ таковой же пряжей.

Выдается ясный солнечный денекъ—вотъ бабы выходятъ на улицу сновать вдвоемъ, а то цѣлой компаніей. Подойдя къ стѣнѣ какой-нибудь постройки, сновальщицы прокалываютъ ее буравомъ; потомъ затачиваютъ подходящіе колики и забиваютъ ихъ въ проколотыя дырки. На пять стѣнъ пряжи идетъ одиннадцать коликовъ. Клубки бабы положатъ на землю рядышкомъ; прикрѣпляютъ жердочку гораздо выше клубковъ; къ жердочкѣ привязываютъ два колечка такъ, чтобы каждое колечко приходилось противъ клубка. Онѣ продѣваютъ сквозь колечко нитку: отъ одного клубочка въ одно кольцо, отъ другого въ другое. Баба беретъ досточку съ двумя дырочками; въ дырочки баба продѣваетъ по ниткѣ отъ одного клубка и отъ другого; кончики нитокъ связываются въ кучку.

Соображаются сновальщицы, сколько стѣнъ класть, въ какой ликъ бёрда класть: въ десятню, двѣнадцатникъ, аль пятнадцатникъ (суконныя нитки снуются обыкновенно въ восьмуху). Посовѣтовавшись, бабы перекрестятся и рѣшаютъ, сколько стѣнъ класть. Старшая начинаетъ сновать, а младшая сидить возлѣ клубковъ, поворачиваетъ ихъ,—слѣдитъ, чтобы нитки прямо шли въ колечко, чтобы нитка не закручивалась около клубка, не рвалась.

Процессъ снованія происходитъ такимъ путемъ. Баба лопаточкой ведетъ нитки вверхъ—начинаетъ отъ перваго колика; когда приходитъ къ „чинамъ“, то около колика направляетъ нитки вверхъ и внизъ—образуется фигура въ видѣ цифры—восемь (8). Въ „чинахъ“, т. е. въ пунктѣ пересѣченія нитокъ, верхнюю половину нитокъ баба завязываетъ „пасмами“, а нижнюю половину язываетъ шнуркомъ.

Digitized by Google

Баба бѣгаетъ съ нитками проворно, какъ паукъ, снующій паутину, но кладетъ нитки внимательно, куда слѣдуетъ, боясь „прошука́ться“ (ошибиться); если „сбунтуется“ или собьется, то получается „перемо́та“.—Въ случаѣ перемо́ты идетъ провѣрка нитокъ по всѣмъ колика́мъ. Непремѣнно надо найти ошибку и исправить ее.

Нитки, которыя лежатъ въ лопатѣ, называются „дру́жичками“; онѣ должны лежать попарно. Если порвется нитка, надо найти „дру́жичку“ къ ней въ досточкахъ.

Ошибется баба сновать, выходитъ у нея „оброть“. Если образуются двѣ оброти, то восемь нитокъ останутся безъ употребленія.

Злополучная ткалья восклицаетъ:

— „Ахъ, я заклумилась и засуетилась; ахъ, я ошука́лась. Прости Богъ! Чертъ ее вѣлаить! Знать не умру! Перемоту или двѣ поклала—знать буду жить!“—„Оброть“ не найдешь, даже снимая нитки съ коликовъ, и не узнаешь, что она есть; а когда навьютъ кросна, то и найдутъ „мижину́тину“.—Когда окончитъ баба сновать кросна и завяжетъ ихъ совсѣмъ, старшая баба поддерживаетъ кросна, а другая вынимаетъ со стѣны коликъ и начинаетъ снимать со стѣны кросна съ чиновъ и плететъ ихъ въ плетенку въ родѣ того, какъ плетутъ косы,—только не прячами, а въ петлю.

Одна баба идетъ напередъ; подойдетъ къ колику, первый выдернетъ, а съ другихъ сниметъ пряжу—такъ, не вынимая колика; другая же баба плететъ нитки въ плетенку и кладетъ себѣ на плечо. Какъ всѣ кросна сымутъ, то въ глухомъ концѣ (противоположномъ чинамъ) баба завязываетъ кросна *разъ* узломъ.

III. Обариваютъ и „перу́тъ“ кросна. Испытаніе кросенъ.

„Кро́сна“, т.-е. нитки, приготовленныя для „кросе́нъ“, кладутся въ мѣшечекъ и хранятся тамъ, покамѣстъ обваривать ихъ. Предъ обариваніемъ кладутъ кросна въ кадочку и обливаютъ ихъ варомъ; потомъ кадка закрывается досточкой. Черезъ три, четыре часа баба вынимаетъ кросна и кладетъ ихъ на коликъ, вѣшаетъ надъ „посудиной“, гдѣ варились кросна, чтобы съ нихъ стекала вода.

Digitized by Google

Когда кросна немного обсушатся, ихъ кладутъ на лавку или на полъ и начинаютъ переплетать.

Идетъ хозяйка къ сосѣдкамъ и проситъ ихъ на помощь—кросна колотить; тѣ приходятъ толпою, и начинается дружная работа.

Кладутъ кросна на лавку ровненько рядышкомъ; колотятъ ихъ дружно вальками; только раздается „тёпъ, да лёпъ, тра-та-та"! Звукъ этотъ слышенъ даже тогда, когда подъѣзжаешь къ деревнѣ, гдѣ „перутъ" кросна. Поправши порядочно или поколотивши кросна, начинаютъ испытывать, „дошли - ли кросна". Испытаніе происходитъ такъ.

Баба потретъ на рукѣ нитки. Если нитки готовы, скажетъ:

— „Славу Богу! видишь, кума: нитки кучерявятся, не косматы".

— „Да, правда, кума; добили ихъ! Я жъ казала, что не бьются въ лепешки и отъ праниковъ разсыпаются".— Если нитки плохо уварены или выбиты, приходится раскаиваться позднѣе, когда ткутъ кросна.

Когда нитки приготовлены хорошо, во время тканья онѣ идутъ безразлично, „какъ по мѣди";—отъ плохихъ нитокъ—идетъ съ навоя „косматье", а какъ пройдетъ иная мѣстина,—такая косматая, такая лохматая,—хоть ножнями стриги. Если нитки плохо выварены, онѣ сильно рвутся. Вотъ у Хадоски Самохотовской кросна не допраныя, т.-е. не добитыя вальками и не доваренныя—нитки такъ и рвутся, распрядаются. Что же сдѣлала Хадоска? Она давай кросна поливать сыродоемъ и квасомъ. Дѣло однако отъ этого не поправились. Охъ, премудры эти кросна! Тогда дѣло Хадоскино выгорѣло, когда Хадоска сварила обливку изъ сѣмени льняного и полила этимъ отваромъ нитки.

Когда кросна окончательно выбиты, бабы вдвоемъ берутся вытягивать ихъ: одна беретъ пряжу на плечо, а другая выпрастываетъ, раструшиваетъ нитки, чтобы выколоченная пряжа не запуталась. Одна баба къ себѣ тянетъ нитки, а другая къ себѣ. Вѣшаютъ сушить кросна на жердочкахъ въ избѣ или во дворѣ: какъ высохнутъ кросна, опять тянутъ ихъ въ плетенку и плетутъ ихъ, какъ они были сплетены прежде; послѣ чего кросна сохраняются безъ перемѣны до навиванья.

Digitized by Google

IV. Ткаха садится за работу. Разговоры съ подругою. Повѣрья, связанныя съ работою на кроснахъ. Богородица на одной ногѣ стоитъ и помогаетъ ткахѣ.

Ткалья садится ткать съ молитвою: — „Господи Боже, благослови! Снарядила я кросна, какъ хотѣла: легонько, скоренько;— теперь отошло мое сердце! Узоромъ какимъ хочу, тѣмъ и буду вытыкать кросна: ти гречишкою, ти елочкою, ти волною.

Слава Богу! Давай Богъ, чтобы и въ кроснахъ было спѣшно, и чтобъ была охота вытыкать ихъ“! Подходитъ подруга и съ большимъ любопытствомъ вглядывается въ работу:

— Здравствуй, систра!—

— Богъ помочь, систра! Что заспѣла, то на утокъ!—

— „Спасиба, систра! Что заспѣла, то отрѣжу на платокъ, а когда застанется, то на у́токъ. То́кать — наткѐшь три дни у лб́кать, а въ девятый день потыка́ешь—и стѣна вонъ. А когда Божья Матирь пумагеть—Богородица, то и на однэй нозѣ загорбдится“!—

Когда начнетъ считать первое пасмо, то баба говоритъ: „Божья Матирь стоитъ на однэй нозѣ! Надо считать скорѣй. Покамѣстъ пасма насчитала, Божья матирь на однэй нозѣ простыяла“!

Приходитъ мужчина и произноситъ доброе пожеланье: „прями́на въ кросна, а криви́на въ лѣсъ“!

Шутникъ скажетъ: „кривина въ кросна, прямина въ лѣсъ“!—

V. Процессъ тканья.

Ставитъ баба ставы, укрѣпляетъ ихъ; съ одной стороны кладетъ „навой“, а съ другой кладетъ тоже „навбй“ или „при́шву“.

Беретъ основанныя для кросенъ нитки; нитки эти сплетены въ плетенку. Со стороны, гдѣ чины, баба немножко расплетаетъ плетенку. Въ чины укладываетъ тоненькія досточки и привязываетъ досточки шнуркомъ такъ, чтобы досточки съ чиновъ не выпадали и могли двигаться по кроснамъ по мѣрѣ надобности — досточки должны пройти чрезъ всѣ кросна. Одинъ конецъ кросенъ баба надѣваетъ на навой (баба начинаетъ „навивать кросна“), а плотенку съ кросенъ надѣнетъ на ногу и натягиваетъ нитки на ставахъ довольно туго; другая же баба сидитъ возлѣ навоя и слѣдитъ, чтобы нитки ложились ровненько на навой, расправляетъ нитки, раздвигаетъ ихъ по навою, какъ нужно; перегоняетъ ло-

Digitized by Google

сточки и чины на свѣжее мѣсто, а перегнатыя и перебранныя нитки кросенъ третья баба закатываетъ на навой, съ ноги понемногу спускаетъ петли кросенъ, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока навьются всѣ кросна.

Когда вся плетенка окончательно навита, тогда разрѣзаютъ нитки кросенъ. Баба принесетъ нить, приготовленный для кросенъ, и начинаетъ „кидать“ разрѣзанныя нитки въ нить, а потомъ кидаетъ ихъ въ бердо; тогда навой съ навитыми кроснами кладетъ назадъ, а спереди кладетъ навой—пришву; къ пришвѣ привязываютъ прутикъ, а къ другому прутику привязываетъ разрѣзанныя нитки, идущія отъ берда; связываетъ эти два прутика тесемкой или веревочкой; наверху кросенъ кладется „понёбница“, къ которой привязываются веревочками „чепёлки“; въ „чепёлки“ вдѣваются „котёлки“; на котелки вѣшаются шнурочки, идущіе отъ нита; при помощи котёлокъ и шнурка, идущаго отъ нита, нитъ „вспы́хиваетъ“, т.-е. подлетываетъ — поднимается и опускается такъ быстро, словно птица.

Снизу кросенъ къ нитy, на веревочкахъ, прикрѣпляются „собачки“ (или „волчки“, или „горноста́йки“).

Къ „собачкамъ“ прикрѣпляются посредствомъ веревочекъ „поножи́. На полу, впереди кросенъ, внизу, кладется палка, къ ней и привязываются тоже небольшими веревочками „поножи́“; безъ этой палки „поножи́“ не держались бы ровно и передвигались бы со своихъ мѣстъ. Къ понёбницѣ прикрѣпляются посредствомъ веревочекъ „на́бѣлки“. Баба наматываетъ на „цѣвку“ нитки, предназначенныя для утока кросенъ; въ цѣвку же укладываетъ „прутикъ“, и прутикъ съ цѣвкою помѣщаетъ въ челнокъ. Послѣ этого баба садится за кросна; перекрестится, беретъ челнокъ въ руки и начинаетъ ткать. Все равно, какъ мужчина на лошади ѣдетъ и кнутомъ погоняетъ: такъ женщина-ткаха смѣло машетъ челнокомъ; бойко постукиваетъ бердомъ и пѣсни поетъ, — да кросна припруживаетъ „пругомъ“.

VI. Неудачи во время тканья и разныя случайности.

„Бабскихъ судебъ много“.
Народная поговорка.

Едва ли не самый любимый разговоръ у нашихъ бабъ—о кроснахъ: онѣ любятъ говорить о нихъ, или „зю́кать“, даже въ

Digitized by Google

церкви и при встрѣчѣ у колодезя, гдѣ часто подолгу останавливаются съ ведрами.

Деревенская пословица утверждаетъ: „бабскихъ судебъ много“. Пословица эта примѣняется бабами къ „премудрой и хитрой“ работѣ на кроснахъ, да еще вдобавокъ полной разныхъ случайностей. Къ сожалѣнію, очень часто у бабы, по народному выраженію, „не дохватываетъ“ ума и ловкости ткать—и баба нагоняетъ, какъ говорится, „рибзуёвъ“. Въ с. Самохотовкѣ баба съ одного ряда нарядила кросна и хотѣла выткать сукно въ „ряды“, а „рядовъ“—то не вышло, а вдругъ вышла—„гречи́шка“!

А то бабы навивали въ четырёхъ кросна; оказалась неравномѣрность краёвъ: одинъ край вышелъ длиненъ—изъ края вонъ, а другой сталъ коротокъ. Взяли бабы—съ долгаго края и отрѣзали кусокъ ткани прочь. „Поправились бабы съ кулька въ рогожку!“ [1]).

Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, подъ одинъ край баба подложила подкладки, а другой обтиснула руками, а полотно все выходитъ косое: одинъ бокъ полотна частый, а другой рѣдкій—хоть муку сѣй! Полотно постоянно выходитъ косое, когда берда не приходятся ровно.

Недавно Платониху, что живетъ въ сельцѣ Самохотовкѣ, бѣда постигла—корова ее обидѣла—отожвала часть кросенъ. Платониха въ слезахъ бѣжитъ къ сосѣдкѣ Марковнѣ, которая слыветъ опытной ткахой:

— „Баба-голубушка, моя ты Марковна, ходи ты сюда! Порай, (т.-е. посовѣтуй), что мнѣ дѣлать! Головушка моя побѣдная (т.-е. несчастная): корова кросна подожвала!“

Какъ доказательство горя, Платониха принесла Марковнѣ небольшой „пря́чикъ“.

По совѣту премудрой Марковны, дали кроснамъ высохнуть, затѣмъ стали навивать кросна,—положили ихъ на навой, заложили досточки. Пришли къ тому мѣсту, гдѣ пожвали коровы. Молодуха плачетъ. Марковна утѣшаетъ ее: „не плачь—мы твоей бѣдѣ пригада́емъ!“.

---

[1] Пословица эта, вѣроятно, сложилась въ средѣ „рогожниковъ“, которые ткутъ „кульки“ и „рогожи“ такимъ же путемъ, какъ и бабы ткани свои на кроснахъ. Въ Спасъ-Деменскѣ, Мосальскаго уѣзда Калужской губерніи, и сейчасъ „рогожники“ занимаются своимъ ремесломъ.

Digitized by Google

Аўхимовичъ (Ефимовичъ), мужъ злополучной Платонихи, поддерживая голову локтями, лежалъ на печкѣ и смѣялся надъ бабскимъ горемъ.

— „Аўхимовичъ!“ вдругъ грозно крикнула Марковна. Аўхимовичъ вздрогнулъ отъ внезапнаго крика.—Марковна разсмѣялась.

—„Аўхимовичъ, лѣзь-ка ты на хату, возьми тамъ другой навой, да иди съ нимъ сюда“:

Аўхимовичъ повиновался—принесъ другой навой. Старый навой прочь—другой заложили. Чины перебрали, „довели“ или „докати́ли“ до края, гдѣ нитки пожвала корова; надвязали, гдѣ было порвано, другими нитками; навели другой навой и стали рядить кросна въ ряды; каждую часть вытыкали отдѣльно рядами. Изъ совсѣмъ испорченной работы, вслѣдствіе совѣта хитроумной Марковны, вышло „нѣчто“. Платониха, огорченная коровой, утѣшилась.

VII. Узоры кросенъ.

Кросна въ нашей мѣстности ткутъ „кружками“, „рядами“, „гречишкой“, „дорожками“, „елкой“, „рыбьей чешуей“, „волной“, „птицами“, „звѣрями“.

Вся разница при исполненіи работы состоитъ въ томъ, какъ въ нитъ кидать, и какъ ткальѣ ходить по поножамъ.

Если ткалья хочетъ ткать въ шесть нитовъ—„кружки́“, она начинаетъ кидать со второй нити́нки по одной ниточкѣ въ „кобы́лку“; пять нитокъ вброситъ въ пять нити́нъ; тогда другой рядъ начинаетъ баба съ крайней нити́нки“—гонитъ шесть нити́нъ. Третій разъ съ первой кобылки гонитъ ткалья шесть нитокъ; начинаетъ второй кружокъ съ противоположной стороны нита, со второй кобылки, гонитъ пять нитокъ. Второй и третій разъ ткалья начнетъ съ крайней кобылки и гонитъ по шести нитокъ—выходитъ „кружокъ“.

На поножи надѣвается „разлу́чникъ“, точнѣе выражаясь, на веревочки, пониже „горностаевъ“. „Разлучникомъ“ называется брусочекъ съ дырочками; въ него вдѣваются веревочки отъ поножей; — „разлучникъ“ мѣшаетъ „поножа́мъ“ соединиться въ кучку—„разгоняетъ“ ихъ.

По поножамъ ходитъ баба такъ: станетъ одною ногою на два поножа, а другою на одинъ. Тогда ткалья бросаетъ этотъ „по́-

Digitized by Google

ножъ", становится на третій,—первый отбрасываетъ, а слѣдующій беретъ и такъ прибавляетъ по одному поножу, пока до конца дойдетъ. Послѣ этого лѣвою ногою стоитъ на двухъ, а съ другого края правою—на одномъ поножѣ, пока дойдетъ до конца.

Выработанныя на кроснахъ ткани весьма часто вышиваются разноцвѣтными нитками. Узоромъ часто служатъ окна, причудливо расписанныя морозомъ въ зимнюю стужу. И въ пѣснѣ поется:

Сколько у мороза узо́рыў,
Стольки у свекыра но́рыў:
Я ты́и узоры пиряйму—
Я свекыру дыгажу!

Часто вышивали на тканяхъ разныхъ насѣкомыхъ: „мура́шекъ" (муравьевъ), „прусако́въ" (пруссовъ) „гре́цкихъ колявокъ", „пчелъ", „червячковъ".

Ткани, вышитыя такими причудливыми узорами, служили украшеніемъ рубахъ—ихъ употребляли въ рубашкахъ на поляки́.

Чтобы выткать полотно „волною", нужно, не доходя до края полныхъ кружковъ, повернуть назадъ, ходя по поножамъ. Выходитъ узоръ „волною", и сама баба замѣчаетъ, что ея работа похожа на движущіяся волны. Волною вытыкали полотенца и скатерти.

„Рядить въ елки" все равно, какъ и „въ кружки"—только ногами надо ходить все съ одного края, прибавляя по одному поножку.

„Елочками" вытыкали скатерти, полотенца, стирки (грязныя полотенца).

Чтобы выткать узоръ „гречихою", надо ходить по поножамъ въ одну сторону, и, не доходя до края, одна поно́жка поворачиваетъ назадъ—образуется узоръ „гречи́ха"; Гречи́хой" вытыкали скатерти.

„Птицами" ткутъ въ восемь нитокъ. Въ первомъ ряду вытыкаются „павлины": два павлина смотрятъ одинъ на одного черезъ пряникъ. Во второмъ ряду тоже „павлины": павлины обращены другъ къ другу спинами; между ними пряникъ. Въ третьемъ ряду „гусыня" смотритъ на индѣйку"; между ними пряникъ. Въ четвертомъ ряду „курица" и „утка" отвернулись одна отъ другой; ихъ отдѣляетъ пряникъ. Въ пятомъ ряду „голубь" черезъ пряникъ смотритъ на „ястреба". Въ шестомъ ряду между „журавлемъ" и „тетеревомъ" пряникъ. Изъ крупныхъ птицъ, кромѣ указанныхъ, вытыкались нашими ткальями: „сова", „сорока", „галка", „желна",

Digitized by Google

„аистъ“, „дрофа“-„грохва“; изъ мелкихъ птицъ: „синица“, „воробей“; особенно часто изображались „выріи“, т.-е. птицы, прилетающія весной и отлетающія осенью: „шпакъ“ (скворецъ), „чибисъ“ (чаица луговая—vanellus crestatus), „жаворонокъ“, „плисица“.

Ткали „птицами“ въ восемь нитокъ скатерти, салфетки, полотенца, пологи надъ кроватями.

Ткали въ старину также и „звѣрями“. Работа производилась въ 12 нитокъ. Вытыкались преимущественно слѣдующіе звѣри: „заяцъ“, „бѣлочка“, „лисица“, „выдра“, „хорекъ“, „горностай“, „ласица“, „собака“, „котикъ“, „львы“, „тигры“, „лось“, „барсукъ“, „лошадь“, „корова“, „овечка“. Иногда „звѣри“, выводимые на тканяхъ, находились между собою въ какомъ-нибудь соотношеніи: „собачка“ ловитъ „зайчика“; „котикъ“ подкрадывается къ „бѣлочкѣ“.

Ткани съ изображеніемъ „звѣрей“ служили какъ простыни и пологи; онѣ преимущественно были въ обиходѣ у купцовъ и помѣщиковъ.

В. Н. Добровольскій.

Digitized by Google

Теорія вѣроятностей и исторія первобытной культуры.

Методъ Тэйлора.

Логическая красота и тотъ характеръ безспорности математическихъ выводовъ, которые очаровываютъ не-математиковъ, быть можетъ, въ большей степени, чѣмъ самихъ математиковъ, дѣлали и дѣлаютъ чрезвычайно заманчивой возможность примѣненія методовъ одной изъ отраслей математики — математической теоріи вѣроятностей—къ такимъ областямъ науки, гдѣ нѣтъ, повидимому, мѣста ни измѣренію, ни вычисленію. Методъ Тэйлора представляетъ попытку математическаго обоснованія одной изъ такихъ сферъ знанія.

Какъ извѣстно, сущность метода Тэйлора заключается въ примѣненіи въ исторіи первобытной культуры метода, извѣстнаго въ логикѣ подъ именемъ метода совпаденія или согласія. Встрѣчаясь съ фактомъ, что два соціальныхъ явленія сосуществуютъ, Тэйлоръ находитъ возможнымъ установить *случайность* или *неслучайность* этого совпаденія. Критерій для этого ему даетъ теорія вѣроятностей. Въ интересахъ ясности изложенія, перейдемъ сразу къ тѣмъ примѣрамъ, на которыхъ онъ разъясняетъ свой методъ [1]).

Существуетъ обычай, запрещающій взаимныя отношенія между однимъ супругомъ и родственниками другого супруга. Среди 350 народовъ, отмѣченныхъ Тэйлоромъ:

1) мужъ избѣгаетъ родныхъ жены—въ 45 случаяхъ,

2) жена избѣгаетъ родныхъ мужа—въ 13 случаяхъ,

3) взаимно избѣгаютъ одни другихъ—въ 8 случаяхъ.

Это запрещеніе Тэйлоръ сопоставляетъ съ тѣмъ, гдѣ селится тотъ или другой супругъ послѣ свадьбы. Указавъ, что послѣ свадьбы:

1) мужъ селится въ семьѣ жены навсегда—въ 65-ти случаяхъ,

---

[1]) Этногр. Обозр., кн. V. „О методѣ изслѣдованія развитія учрежденій".

Digitized by Google

2) мужъ селится въ этой семьѣ только временно, а затѣмъ переходитъ съ женою къ себѣ въ семью—въ 74-ти случаяхъ,

3) мужъ сразу беретъ жену къ себѣ въ домъ—въ 141 случаѣ,

— Тэйлоръ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Если бы обычаи мѣстожительства были независимы отъ обычая избѣгать другъ друга, то надо ожидать, что совпаденіе ихъ слѣдуетъ обыкновенному закону случайнаго распредѣленія: У тѣхъ племенъ, гдѣ мужъ навсегда переходитъ въ семью жены (65 изъ 350), мы бы ожидали встрѣтить обычай избѣгать родныхъ жены въ 9-ти случаяхъ, а въ дѣйствительности этихъ случаевъ 14.—Съ другой стороны, изъ народовъ, у которыхъ мужъ уводитъ жену къ себѣ въ домъ, приблизительно 18 должны бы придерживаться обычая избѣгать родныхъ жены; въ дѣйствительности этотъ обычай существуетъ всего у 9 народовъ. Точно также, если бы 13 случаевъ избѣганія мужниной родни женою распредѣлялись равномѣрно между народами съ различными обычаями мѣстожительства, то два или три случая пришлись бы на такіе народы, гдѣ мужъ живетъ въ семьѣ жены; но такихъ случаевъ не встрѣчается. Съ другой стороны, 5 случаевъ должны приходиться на народы, гдѣ жена живетъ въ домѣ или семьѣ мужа, а въ дѣйствительности ихъ 8. Такой замѣтный перевѣсъ показываетъ, что обычай избѣганія мужемъ женниной родни *находится въ какой-то связи* съ его поселеніемъ въ ея семьѣ; также и наоборотъ, по отношенію къ женѣ и роднымъ мужа.“

Подобнымъ же образомъ Тэйлоръ устанавливаетъ взаимную связь между обычаемъ называть отца по ребенку: „отецъ такого-то“, обычаемъ поселенія мужа въ семьѣ жены и обычаемъ избѣгать родныхъ жены. Обычай называть родителей по ребенку существуетъ приблизительно у 34 народовъ, гдѣ такъ зовутъ отца, а иногда и мать, хотя рѣже. „Когда я началъ замѣчать широкое распространеніе этого обычая“, говоритъ Тэйлоръ, „признаюсь, я былъ удивленъ, найдя тѣсную связь между нимъ и обычаемъ поселенія мужа въ семьѣ жены, такъ оба эти обычая совпали 22 раза, тогда какъ случайнымъ образомъ, могли попасться вмѣстѣ *не болѣе 11-ти разъ*. Еще тѣснѣе, какъ оказалось, связанъ этотъ обычай съ формальнымъ избѣганіемъ мужемъ родныхъ жены, такъ какъ встрѣтился вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ 14 разъ, когда случайность могла быть допущена не болѣе 4-хъ разъ.

Digitized by Google

Какъ ни привлекательна, однако, эта мысль заставить говорить цифры въ роли первыхъ установителей истины,—едва ли имѣются шансы на осуществленіе этой мысли не только въ настоящемъ, но и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Причина этого — въ тѣхъ условіяхъ, которыми ограничено, по самому существу своему, примѣненіе математической теоріи вѣроятностей.

Не будемъ останавливаться на томъ обстоятельствѣ, что число всѣхъ фактовъ, на которыхъ Тэйлоръ основываетъ свои выводы, онъ принимаетъ равнымъ 350, тогда какъ, по совершенно вѣрному замѣчанію А. Н. Максимова, число такихъ фактовъ не превышаетъ 282 [1]).

Въ интересахъ общности примемъ къ свѣдѣнію обѣ эти цифры, и всѣ необходимыя вычисленія сдѣлаемъ, въ предположеніи правильности и той, и другой.

Первое, что останавливаетъ въ вычисленіяхъ Тэйлора, это — принятіе величины такъ называемой *наблюденной* вѣроятности за основу для вывода, безъ всякихъ оговорокъ.

Если мы говоримъ, что вѣроятность вынуть туза изъ колоды въ точности равняется $^4/_{52}$, мы имѣемъ на это право, такъ какъ число всѣхъ благопріятныхъ случаевъ исчерпывается четырьмя, а число всѣхъ возможныхъ—пятьюдесятью двумя. Этихъ условій мы не имѣемъ, когда намъ приходится говорить о вѣроятности обычая, предписывающаго избѣгать родныхъ жены, зная только, что этотъ обычай отмѣченъ въ 45 случаяхъ изъ 350 (или 282),—такъ какъ послѣдними числами отнюдь не выражается вся сумма возможныхъ объектовъ этнографическаго наблюденія, а первое не представляетъ всѣхъ возможныхъ случаевъ существованія разсматриваемаго обычая.

Съ точки зрѣнія теоріи вѣроятности задача аналогична слѣдующей: изъ сосуда, содержащаго неопредѣленное число шаровъ бѣлаго и чернаго цвѣта, вынуто n шаровъ; изъ нихъ m шаровъ оказались бѣлаго цвѣта. Каково вѣроятное отношеніе между количествами шаровъ того и другого цвѣта въ сосудѣ? Въ теоріи вѣроятностей доказывается, что это отношеніе можетъ быть выражено формулой:

---

[1]) „Къ вопросу о методахъ изученія исторіи семьи".—Этнограф. Обозр., кн. XLIII, стр. 28—29.

Digitized by Google

$$\frac{m}{n} \pm t \sqrt{\frac{2m(n-m)}{n^3}}$$

въ которой первое слагаемое представляетъ, очевидно, наблюденное при опытѣ отношеніе, а второе—величину вѣроятнаго отклоненія, въ ту и другую сторону, отъ этого отношенія. Коэффиціентъ t зависитъ отъ той степени вѣроятности, которую мы желали бы обезпечить.

Изъ разсмотрѣнія приведенной формулы видно, что по мѣрѣ увеличенія числа наблюденій n, предѣлы отклоненія вѣроятнаго дѣйствительнаго отношенія отъ наблюденнаго суживаются, и послѣднее все съ большей точностью можетъ быть принято за отношеніе въ дѣйствительности. Весь вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, достаточно ли сдѣлано наблюденій. Если достаточно, мы имѣемъ основаніе ожидать, что и при послѣдующихъ наблюденіяхъ отношеніе, найденное при первомъ наблюденіи, существенно не измѣнится; если же измѣнится, то это будетъ служить доказательствомъ, что мы имѣемъ дѣло съ какою-то новою—прежде отсутствовавшею—причиной. Въ этомъ заключается смыслъ и значеніе такъ называемаго „закона большихъ чиселъ“. А именно:

Передъ нами сосудъ—закрытый. Какого цвѣта вынимается шаръ—бѣлаго или чернаго,—это обстоятельство не зависитъ отъ нашей воли и потому цѣликомъ опредѣляется объективными причинами. Если вынутый шаръ, передъ повтореніемъ опыта, кладется въ сосудъ обратно, т.-е. опытъ происходитъ при неизмѣненномъ числѣ шаровъ, въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ слѣдующими факторами, опредѣляющими результатъ выемки: 1) количественное отношеніе между шарами того и другого цвѣта—факторъ постоянный во все время опыта; 2) та или иная группировка шаровъ въ каждый данный моментъ—факторъ случайный и иной при каждомъ повтореніи выемки и 3) то или иное направленіе руки, вынимающей шаръ,—также перемѣнный факторъ. Рука двигается извѣстнымъ образомъ, приходитъ самостоятельно „въ опредѣленное мѣсто, въ которомъ, также по самостоятельнымъ, независящимъ отъ движенія руки, причинамъ, находится опредѣленный шаръ опредѣленнаго цвѣта. Такимъ образомъ присоединеніе двухъ случайныхъ причинъ влечетъ за собою появленіе вполнѣ опредѣленнаго шара... Эти случайныя причины, такъ сказать, пе-

Digitized by Google

ресѣклись съ постоянными въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ и тѣмъ указали на опредѣленный шаръ.

„При каждомъ новомъ вынимании шара распредѣленіе шаровъ въ сосудѣ и движеніе вынимающей руки будутъ различны. Однако, при большомъ числѣ повтореній опыта, будетъ случаться, что различные шары вынуты при одинаковыхъ движеніяхъ руки и одинаковыхъ распредѣленіяхъ шаровъ въ сосудѣ; при безконечномъ же числѣ вынимании, каждый изъ шаровъ будетъ вынутъ при всѣхъ возможныхъ комбинаціяхъ въ сосудѣ и при всѣхъ возможныхъ движеніяхъ руки, т. е. каждый изъ шаровъ, по отношенію къ случайнымъ причинамъ, станетъ въ совершенно одинаковыя условія. Дѣйствія этихъ причинъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опыта закрывавшія дѣйствіе постоянныхъ причинъ, при совокупности безконечнаго числа опытовъ парализуются и не закрываютъ этого дѣйствія. Поэтому относительное количество выемокъ шаровъ опредѣленнаго цвѣта будетъ въ конечномъ счетѣ опредѣляться дѣйствіемъ одной только постоянной причины—дѣйствительнымъ отношеніемъ между числомъ шаровъ того и другого цвѣта во всякомъ сосудѣ. Безконечно большого числа опытовъ, конечно, быть не можетъ; можетъ быть только болѣе или менѣе значительное число испытаній. Чѣмъ больше число опытовъ, тѣмъ меньше будетъ разница между дѣйствительнымъ отношеніемъ шаровъ и получившимся при опытахъ. Въ этомъ и заключается сущность „закона большихъ чиселъ“ [1]).

Въ интересахъ конкретности изложенія, обратимся къ пріемамъ, практикуемымъ при научной обработкѣ статистическихъ данныхъ [2]). „По смыслу закона большихъ чиселъ, говорится въ курсѣ „Статистики“ профес. Чупрова, дѣйствіе случайныхъ причинъ въ окончательномъ выводѣ абсолютно парализуется только при *безконечномъ числѣ* опытовъ или наблюденій; при конечномъ же, хотя бы и очень большомъ числѣ ихъ, отношенія чиселъ повторенія событій только приблизительно равны дѣйствительному отношенію этихъ событій въ природѣ (истинной вѣроятности событій). По-

[1]) Извлечено изъ курса „Статистики“ проф. Чупрова (литографир. лекцій Московск. Универс. за 1889—90 г., стр. 341—346). Въ сноскѣ отмѣчено, что приведенное изложеніе сдѣлано по статьѣ студента г. Косинскаго.

[2]) А. И. Чупровъ. Статистика. Глава III: „Научная обработка статистическихъ данныхъ“. Стр. 347—9, 351—2, 354.

Digitized by Google

этому первый вопросъ при научной разработкѣ результатовъ наблюденія состоитъ въ отысканіи *предѣловъ разности* наблюденнаго отношенія событій (наблюденной вѣроятности) къ отношенію ихъ въ дѣйствительности (истинной вѣроятности). Теорія вѣроятности даетъ для этой цѣли точныя математическія формулы"...

Слѣдуетъ указаніе на вышеприведенную формулу:

$$\frac{m}{n} \pm t\sqrt{\frac{2m(n-m)}{n^3}}$$

причемъ коэффиціентъ t принятъ равнымъ 1,985. Это значитъ, что принятые предѣлы отклоненія имѣютъ за собой вѣроятность равную $^{199}/_{200}$, а вѣроятность, что отклоненіе больше вычисленной величины, не превосходитъ $^{1}/_{200}$. Такимъ образомъ, вѣроятное отношеніе принимается въ предѣлахъ:

$$\frac{m}{n} \pm 1{,}985\sqrt{\frac{2m(n-m)}{n^3}}\ ^{1})$$

Примѣненіе этой формулы, выражающей значеніе закона большихъ чиселъ, иллюстрируется въ „курсѣ" проф. Чупрова на слѣдующемъ примѣрѣ.

Изъ 10 случаевъ заболѣванія холерою, выздоровѣло, положимъ, 7 и умерло 3. Здѣсь вѣроятность выздоровленія равна 0,7, а смерти 0,3. Вычисляя отступленіе этой вѣроятности отъ истинной по формулѣ Пуассона [2]), получимъ:

$$\pm 2\sqrt{\frac{2 \cdot 7 \cdot 3}{10}} = \pm 0{,}4098.$$

Такимъ образомъ, предѣлъ колебанія больше, нежели число смертей, вѣроятность выздоровленія колеблется между абсурдными предѣлами 2,902 и 11,098, т.-е. предѣлъ возможнаго количества случаевъ выздоровленія больше, чѣмъ самое число заболѣваній. Если мы возьмемъ 100 случаевъ заболѣванія холерою при той же

---

[1]) Тотъ же коэффиціентъ 1,985 принимается и Янсономъ. „Теорія статистики 1891. СПБ." (Стр. 510). См. также статью „Статистика" г. И. Миклашевскаго въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза-Ефрона.

[2]) Вышеприведенная формула. (Для упрощенія вычисленій коэффиціентъ t принятъ=2).

Digitized by Google

пропорціи выздоровленій, то предѣлы колебанія числа выздоровленій будутъ, по формулѣ Пуассона, равны 83 и 57. При 1000 случаяхъ заболѣванія и 700 выздоровленія, предѣлы колебанія уже будутъ 740 и 660. При 10.000—6870 и 7130. При 100.000—69600 и 70400. При 1.000.000—698700 и 701300.

Приведя тотъ же примѣръ, заимствованный у англійскаго статистика Ньюгольма, г. Миклашевскій замѣчаетъ: очевидно, что „только при числѣ наблюденій, равномъ 10.000, *колебанія вѣроятностей настолько велики, что позволяютъ дѣлать какія-либо заключенія болѣе опредѣленнаго характера*, а при числѣ наблюденій, превышающемъ 1.000.000, прибавленіе новыхъ наблюденій не оказываетъ существеннаго вліянія на вѣроятность вывода [1]).

Такимъ образомъ гарантія правильности числового вывода заключается въ незначительности вычисленныхъ предѣловъ колебанія, причемъ эта послѣдняя зависитъ только отъ количества сдѣланныхъ наблюденій.

Примѣнимъ сказанное къ нѣсколькимъ вычисленіямъ Тэйлора. Напримѣръ, распространенность формальнаго избѣганія родныхъ жены выражается, по наблюденнымъ цифрамъ, дробью $^{45}/_{350}$. Сдѣлавъ же необходимыя вычисленія, мы найдемъ, что по „обыкновенному закону случайнаго распредѣленія“ возможны отклоненія отъ этой величины въ крупныхъ предѣлахъ: $^{27}/_{350}$ и $^{63}/_{350}$. Еще значительнѣе предѣлы колебанія для формальнаго избѣганія родныхъ жены: наблюденное отношеніе равно $^{13}/_{350}$, а вычисленное вѣроятное находится въ предѣлахъ отъ $^{3}/_{350}$ до $^{23}/_{350}$. Подобнымъ же образомъ для обычая называть родителя по имени ребенка получаемъ значительно расходящіяся величины: по наблюденію—$^{31}/_{350}$; по вычисленію: $^{16}/_{350}$ и $^{46}/_{350}$.

Другое замѣчаніе можетъ быть сдѣлано относительно числа ожидаемыхъ случаевъ, вычисленнаго на основаніи извѣстной уже вѣроятности. Такъ, среди группы народовъ, практикующихъ послѣсвадебное поселеніе мужа въ семьѣ жены, по вычисленію Тэйлора, должно встрѣтить по „обыкновенному закону случайнаго распредѣленія“ только 9 случаевъ формальнаго избѣганія родныхъ жены. Это число, очевидно, представляетъ $65 \times {}^{45}/_{350}$. Между тѣмъ съ точки зрѣнія математической теоріи вѣроятностей, задача анало-

---

[1]) Энциклоп. Словарь Брокгауза-Ефрона. „Статистика“.

Digitized by Google

гична слѣдующей: каково вѣроятное число повтореній даннаго событія, вѣроятность котораго p, при общемъ числѣ событій μ?

Пояснимъ условія задачи. Предположимъ, что брошена вверхъ монета. Вѣроятность, что она упадетъ на землю, напримѣръ, орломъ, установима a priori. Она, очевидно, равна $^1/_2$. Если мы станемъ повторять опытъ, число паденій орломъ не будетъ сначала равно числу паденій рѣшеткой: взаимное отношеніе числа такихъ и такихъ паденій монетъ мѣняется какъ угодно. Но по тѣмъ же причинамъ, о которыхъ говорилось выше, съ увеличеніемъ числа испытаній, вліяніе случайныхъ причинъ будетъ погашаться и число паденій орломъ будетъ все больше и больше приближаться къ половинѣ всего числа испытаній. Но это только при достаточномъ, т.-е. большомъ числѣ испытаній.

Извѣстенъ опытъ Бюффона, который заставилъ мальчика бросать монету, пока онъ не получилъ 2048 разъ орла. Для этого оказалось нужнымъ повторить подбрасываніе 4040 разъ. Спрашивается, была ли это монета нормальная или съ порокомъ, который и обусловилъ *это* неравенство числа паденій орломъ и рѣшеткой? Половина всего числа испытаній составляетъ 2020; слѣдовательно, число паденій орломъ превысило свою половинную долю на 28. Поставленный вопросъ будетъ, очевидно, рѣшенъ, если мы отвѣтимъ на другой вопросъ: какъ велика вѣроятность, что, при 4040 испытаніяхъ, отклоненіе будетъ больше 28 — въ случаѣ совершенно исправной монеты?

Оказывается, если прибѣгнуть къ формуламъ теоріи вѣроятностей, что вѣроятность еще бо́льшаго отклоненія выражается дробью 0.381, т.-е. оно возможно въ 381 случаѣ изъ тысячи. Нѣтъ, стало быть, основанія предполагать, что монета испорчена.

Выше было упомянуто, что только при большомъ числѣ испытаній число такихъ и такихъ паденій будетъ болѣе или менѣе совпадать съ вычисленіями; при маломъ же числѣ паденій ожидать такого совпаденія не слѣдуетъ. Возьмемъ примѣръ, цитированный въ „Основаніяхъ теоріи и техники статистики“, проф. Ходскаго [1]).

Джевонсъ... бралъ въ руку 10 монетъ и подбрасывалъ ихъ вверхъ, записывая, какъ онѣ падали, т.-е. сколько монетъ падало рѣшеткою и сколько орломъ, а затѣмъ свѣрялъ полученные ре-

[1]) Стр. 43—44. СПБ. 1896.

Digitized by Google

зультаты съ тѣмъ, что должно было-бы получиться по вычисленію теоріи вѣроятностей. Джевонсъ повторялъ опытъ два раза, бросивъ каждый разъ по 1024 раза и сдѣлавъ всего 2048 подбрасываній. Вотъ что получилось:

Комбинація упавшихъ монетъ.		Число вѣроятныхъ комбинацій, даваемыхъ теоріей.	Числа комбинацій, полученныхъ при опытѣ.			Разница дѣйствительности съ теоріей.
Орловъ.	Рѣшетокъ.		Въ 1-й серіи.	Во 2-й серіи.	Среднее.	
10	0	1	3	1	2	+ 1
9	1	10	12	23	17½	+ 7½
8	2	45	57	73	65	+20
7	3	120	129	123	126	+ 6
6	4	210	181	190	185½	—24½
5	5	252	257	232	244½	— 7½
4	6	210	201	197	199	—11
3	7	120	111	119	115	— 5
2	8	45	52	50	51	+ 6
1	9	10	21	15	18	+ 8
0	10	1	0	1	½	—½
И т о г о:		1024	1024	1024	1024	—

Такъ какъ подбрасывалось 10 монетъ 2048 разъ, то все число отдѣльныхъ выходовъ монетъ составляетъ 2048×10 или 20480, изъ которыхъ по теоріи вѣроятностей 10240 должны были дать орла и столько же рѣшетокъ. Въ дѣйствительности же получен-

Digitized by Google

ныхъ орловъ было 10353, слѣдовательно, отступленіе въ сторону орловъ составляетъ всего лишь 1,15%.

Если же мы обратимъ вниманіе на отдѣльныя графы этой таблицы, мы найдемъ рѣзкія отклоненія. Напримѣръ, вмѣсто десяти разъ комбинація изъ 9 орловъ и 1 рѣшетки оказывается, во второй серіи опытовъ, имѣющей мѣсто въ 23 случаяхъ. То же самое съ симметрической комбинаціей въ первой серіи опытовъ: вмѣсто десяти—21 случай.

Провѣряя опытъ Бюффона, мы сводили задачу къ отысканію величины вѣроятности для *даннаго отклоненія* числа повтореній разсматриваемаго событія. Можно рѣшить обратную задачу: задаваясь опредѣленной степенью вѣроятности, опредѣлить вѣроятное отклоненіе числа повтореній отъ числа μp, гдѣ μ—число всѣхъ испытаній, а p — вѣроятность ожидаемаго событія *a priori*. По теоремамъ теоріи вѣроятностей, это вѣроятное отклоненіе выражается величиной:

$$\pm t\sqrt{2\mu p(1-p)}$$

и слѣдовательно, вѣроятное число повтореній опредѣляется формулой, аналогичной вышеприведенной,

$$\mu p \pm t\sqrt{2\mu p(1-p)}$$

гдѣ t—тотъ же самый коэффиціентъ. Примемъ для него прежнюю величину и вычислимъ по указанной формулѣ вѣроятныя числа повтореній въ примѣрахъ Тэйлора, не измѣняя принятыхъ имъ значеній вѣроятности.

а) Въ группѣ 65 племенъ, практикующихъ безсрочное послѣсвадебное поселеніе мужа въ семьѣ жены, встрѣчено 14 случаевъ формальнаго избѣганія родныхъ жены. Сдѣлавъ необходимыя вычисленія, мы найдемъ, что вѣроятное число повтореній, безъ того, чтобы мы имѣли основаніе предполагать дѣйствіе возмущающей причины, находится,

1) если число основныхъ записей принять равнымъ 350, въ предѣлахъ: 1 и 15.

2) если число записей считать = 282, въ предѣлахъ: 2 и 19.

б) Обычай формальнаго избѣганія родныхъ мужа въ только что упомянутой группѣ не встрѣчается вовсе. Сдѣлавъ контрольныя вычисленія, получаемъ нелѣпый выводъ, подобный вышецити-

Digitized by Google

рованному изъ курса „Статистики", что вѣроятное число случаевъ опредѣляется предѣлами, изъ которыхъ одинъ отрицательный, а именно:

1) если число записей принять = 350, предѣлами:—2 и 7;

2) если число записей считать = 282, предѣлами:—2 и 8.

в) Въ группѣ племенъ, числомъ 141, практикующихъ уводъ жены въ домъ мужа, формальное избѣганіе родныхъ жены отмѣчено въ 9 случаяхъ. По вычисленію, вѣроятное число случаевъ должно находиться:

1) если число записей принять = 350, въ предѣлахъ: 9 и 27;

2) если число записей считать = 282, въ предѣлахъ: 13 и 32.

Здѣсь будетъ умѣстно упомянуть, что, благодаря малому числу основныхъ наблюденій, мы, примѣняя формулы теоріи вѣроятностей, можемъ, такъ сказать, играть цифровыми выводами.

Въ самомъ дѣлѣ, считая общее число основныхъ записей=282, и исходя изъ наблюденія, что данный обычай констатированъ въ 141 случаѣ, мы нашли, что среди 45 племенъ обычай избѣгать родныхъ мужа можетъ быть, по правиламъ случайности, встрѣченъ въ предѣлахъ отъ 13 до 32 случаевъ.—Если же мы будемъ исходить изъ того факта, что обычай избѣгать родныхъ мужа среди 282 племенъ установленъ въ 45 случаяхъ, и зададимся вопросомъ, въ какомъ количествѣ случаевъ этотъ обычай можетъ быть встрѣченъ, по теоріи вѣроятностей, среди 141 племени, практикующихъ уводъ жены въ домъ мужа, то получимъ въ качествѣ отвѣта двѣ предѣльныя цифры: 10 и 35 [1]).

Если же не принимать возможнаго отклоненія, какъ это сдѣлано Тэйлоромъ, то мы, конечно, въ обоихъ случаяхъ получили бы одну и ту же цифру:

$$\frac{141}{282} \cdot 45 = \frac{45}{282} \cdot 141$$

или:

$$\frac{141}{350} \cdot 45 = \frac{45}{350} \cdot 141$$

---

[1]) Въ первомъ случаѣ мы, по формулѣ, имѣемъ:

$$\frac{141}{282} \cdot 45 \pm 1{,}985 \sqrt{2 \cdot 45 \cdot \frac{141}{282} \cdot \frac{141}{282}} = 22{,}5 \pm 9{,}4$$

во второмъ случаѣ имѣемъ:

$$\frac{45}{282} \cdot 141 \pm 1{,}985 \sqrt{2 \cdot 141 \cdot \frac{45}{282} \cdot \frac{237}{282}} = 22{,}5 \pm 12{,}2$$

Digitized by Google

Какъ это видно изъ разсмотрѣнія полученныхъ результатовъ, разница между ними отнюдь не пренебрегаемая — сравнительно — величина. Что этимъ обстоятельствомъ мы обязаны лишь малому количеству цифровыхъ данныхъ, на которыхъ основали свои вычисленія, не трудно убѣдиться, сдѣлавъ аналогичную перестановку условій задачи, предполагая, что мы оперируемъ надъ значительными цифровыми данными. Пусть, напр.,
въ одномъ случаѣ:

$$p = \frac{141000}{282000}$$
$$\mu = 45000$$

а въ другомъ случаѣ

$$p = \frac{45000}{282000}$$
$$\mu = 141000$$

Вычисляя вѣроятное отклоненіе, получимъ въ первомъ случаѣ: ± 297, во второмъ: ± 386. Слѣдовательно разница между полученными величинами не превышаетъ $0{,}8\%$ отъ величины $\mu p = 22500$.

Продолжимъ наши вычисленія.

г) Обычай избѣганія родныхъ жены въ группѣ племенъ, практикующихъ уводъ жены въ домъ мужа, записанъ въ 8-ми случаяхъ. По вычисленію число ихъ должно находиться:

1) если число записей принять = 350, въ предѣлахъ: 0 и 10;

2) если число записей считать = 282, въ предѣлахъ: 1 и 12.

Безплодность полученныхъ цифровыхъ данныхъ для попытки установить внутреннюю связь между обычаями мѣстожительства и формальнаго избѣганія, очевидна. Ни одно изъ наблюденныхъ „отклоненій“ не выходитъ изъ предѣловъ того, что можно допустить „по обыкновенному закону случайнаго распредѣленія“, и въ то же время эти „отклоненія“ настолько значительны, что не позволяютъ остановиться на какой-либо опредѣленной цифрѣ въ качествѣ вѣроятной.

При разсмотрѣніи изложеннаго, мы, въ интересахъ ясности, расчленили необходимую поправку вычисленій Тэйлора, причемъ оказалось, что въ изложенныхъ примѣрахъ „отклоненія“ настолько велики, что достаточно одной частичной поправки. Въ примѣрахъ, касающихся обычая называть отца по ребенку, отклоненія нѣсколько значительнѣе, и потому мы введемъ поправку въ полномъ объемѣ.

Digitized by Google

Задача, подлежащая рѣшенію, можетъ быть формулирована въ слѣдующихъ словахъ: при общемъ числѣ событій n, опредѣлить вѣроятное число повтореній даннаго событія, не зная его вѣроятности, но зная, что при n испытаніяхъ оно случилось m разъ.

Отвѣтъ на задачу выразится формулой:

$$\frac{mn'}{n} \pm t \sqrt{\frac{2n'(n+n')m(n-m)}{n^3}}$$

гдѣ коэффиціентъ t извѣстенъ изъ предыдущаго. Примѣнивъ эту формулу, мы найдемъ, что:

а) среди племенъ, по обычаямъ которыхъ мужъ селится въ семьѣ жены, обычай называть отца по имени ребенка отмѣченъ въ 22 случаяхъ. Въ силу же простой случайности онъ могъ встрѣтиться среди этихъ племенъ [1]):

1) если число записей принять $= 350$, въ предѣлахъ отъ 1 до 22 случаевъ;

2) если число записей считать $= 282$, въ предѣлахъ отъ 2 до 27 случаевъ.

б) среди племенъ, въ обычаи которыхъ входитъ избѣганіе мужемъ родныхъ жены, тотъ же обычай [2]) установленъ въ 14 случаяхъ. Въ силу простой случайности онъ могъ встрѣтиться [1]);

1) если число записей принять $= 350$, въ предѣлахъ, изъ которыхъ одинъ отрицательный, а именно:—2 и 12,

2) если число записей считать $=282$, въ предѣлахъ, изъ которыхъ также одинъ отрицательный, а именно:—1 и 13.

Итакъ, ни одинъ изъ выводовъ, сдѣланныхъ Тэйлоромъ, не оправдывается при правильной постановкѣ вычисленій. И причинъ двѣ: неполное примѣненіе знаменитымъ авторомъ правилъ теоріи вѣроятностей и недостаточно большое число наблюденій, послужившихъ матеріаломъ для цифрового анализа.

Естественъ, однако, вопросъ: если этнографія не располагаетъ достаточнымъ количествомъ фактовъ въ настоящее время, то не измѣнится ли это положеніе въ болѣе или менѣе близкомъ буду-

---

[1]) Принимая, что $m=31$ и $n'=132$ (по даннымъ стр. 6).

[2]) Принимая, что $m=31$ и $n'=53$ (по даннымъ стр. 6). Считаю нужнымъ это оговорить, такъ какъ можно варьировать заданія задачи.

Digitized by Google

щемъ? Попробуемъ выяснить это обстоятельство, рѣшивъ напримѣръ, задачу, какъ должно возрасти число наблюденныхъ фактовъ, чтобы изслѣдователь могъ, безъ существенной погрѣшности, принимать наблюденную вѣроятность за истинную, т. е. чтобы величина возможнаго, по теоріи вѣроятностей, отклоненія была сравнительно пренебрегаемой величиной. Допустимъ при этомъ (за отсутствіемъ возможности предположить иное), что число наблюденныхъ случаевъ даннаго явленія, напр., избѣганія родныхъ жены, *въ процентномъ отношеніи* къ общему числу явленій *не измѣнится*, т. е. что величины

$$\frac{m}{n} \text{ и } \frac{m-n}{n}$$

при возрастаніи этнографическихъ записей своего значенія не измѣнятъ.

Алгебраически задача выражается неравенствомъ:

$$t\sqrt{\frac{2m(n-m)}{n^3}} \leq k.\frac{m}{n}$$

гдѣ t—коэффиціентъ, значеніе котораго извѣстно изъ предыдущаго, а k—коэффиціентъ допускаемаго отклоненія. Подлежащая опредѣленію величина n зависитъ, очевидно, отъ того, какими значеніями t и k мы зададимся.

При вышеприведенныхъ вычисленіяхъ мы принимали для коэффиціента t то значеніе, которое дается ему при статистическихъ изслѣдованіяхъ. Ограничимся меньшей обезпеченностью цифровыхъ выводовъ, и вмѣсто требованія, чтобы вѣроятность бо́льшаго отклоненія, чѣмъ вычисленное, не превосходила $^1/_{200}$, ограничимся требованіемъ, чтобы эта вѣроятность была не больше $^1/_{50}$. Въ то же время примемъ достаточнымъ, чтобы величина отклоненія—въ обѣ стороны—не превосходила $10^0/_0$ наблюденнаго отношенія: $\frac{m}{n}$. Этимъ требованіямъ отвѣчаютъ величины:

$$t = 1.65\ ^1)$$
$$k = 0.05$$

Подставивъ эти значенія въ указанное выше неравенство, мы предѣлимъ необходимое количество этнографическихъ записей,

Digitized by Google

которыми можетъ удовлетвориться изслѣдователь, примѣняющій къ нимъ цифровой анализъ по Тэйлору. Результаты нѣсколькихъ вычисленій собраны въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Наименованіе обычая.	Число этногр. записей (n).	
	Необходимое для примѣненія теоріи вѣроятностей.	Имѣющееся (по Тэйлору).
1. Мужъ избѣгаетъ родныхъ жены (45 случ.) . .	14762	350
2. Жена избѣгаетъ родныхъ мужа (13 случ.) . .	56460	
3. Мужъ селится навсегда въ семьѣ жены (65 случ).	9550	
4. Мужъ беретъ жену къ себѣ въ домъ (141 случ.) .	3228	
5. Отецъ называется по ребенку (31 случ.)	37943	

Очвидно, что всѣ эти цифры находятся внѣ предѣловъ возможнаго. Особенно это касается обычаевъ со слабой относительной распространенностью, въ родѣ обычаевъ избѣганія родни супруговъ.

II.

Къ изложенному присоединимъ еще опытную провѣрку, принявъ полное число записей = 282. Предполагается, что 53 случая (см.

[1]) Таблицы соотвѣтствующихъ значеній вѣроятностей, связанныхъ зависимостью отъ величинъ t, имѣются у Буняковскаго: „Основан. матем. теоріи вѣроятностей“ (СПБ. 1846); имѣются также у Bertrand'a: „Calcul des probabilités“ (Paris. 1888).

Не вхожу нигдѣ въ подробности рѣшаемыхъ задачъ, ограничиваясь приведеніемъ нужныхъ формулъ, такъ какъ иначе необходимо извѣстное знакомство съ математическимъ анализомъ. Приведенныя формулы заимствованы изъ „Курса теоріи вѣроятностей“ проф. Тихомандрицкаго (Харьковъ. 1898). Замѣчу, что послѣдняя изъ приведенныхъ формулъ, въ моемъ пользованіи, имѣетъ измѣненный видъ сравнительно съ „Курсомъ“.

Digitized by Google

статью А. Н. Максимова), когда мужъ избѣгаетъ родственниковъ жены, должны распредѣлиться поровну между племенами, у которыхъ мужъ постоянно или временно селится у жены (141 случай), и тѣми, у которыхъ мужъ совсѣмъ не селится у жены (тоже 141 случай). Въ обѣихъ группахъ мы должны встрѣтить 26—27 случаевъ даннаго обычая, тогда какъ въ первой группѣ, напр., онъ наблюденъ въ 41 случаѣ.

Я сдѣлалъ слѣдующій опытъ: въ сосудъ сложилъ свернутые по-лотерейному билетики: 141—съ красной отмѣткой и 141—съ зеленой отмѣткой и вынималъ послѣдовательно 53 билетика. Результаты 20 тиражей приведены въ нижеслѣдующей таблицѣ:

№ тиража.	Число появленій.	
	красныхъ билетовъ	зеленыхъ билетовъ
1	24	29
2	40	13
3	26	27
4	23	30
5	23	30
6	21	32
7	25	28
8	25	28
9	25	28
10	22	31
11	28	25
12	35	18
13	32	21
14	28	25
15	26	27
16	24	29
17	24	29
18	23	30
19	23	30
20	24	29

Если имѣть въ виду эти результаты, то, пожалуй, придется признать наименѣе вѣроятными именно тѣ, которые приняты за

Digitized by Google

вѣроятные. Но само собой разумѣется, какъ это мы уже видѣли на аналогичномъ примѣрѣ (см. выше), что, если бы произвели не 20 тиражей, а 2000, то получили бы *въ суммѣ* — на основаніи „закона большихъ чиселъ", отъ взаимнаго погашенія противоположныхъ отклоненій—величины, мало отличающіяся отъ 50%.

III.

Резюмируемъ сказанное:

1) Число фактовъ, которыми располагаетъ этнографія, слишкомъ ничтожно для пользованія „закономъ большихъ чиселъ" и, слѣдовательно, для примѣненія правилъ математической теоріи вѣроятностей.

2) Если тѣмъ не менѣе попытаться приложить эти правила, то оказывается въ большинствѣ случаевъ, что вѣроятныя отклоненія, вычисленныя по нормамъ, общепринятымъ въ другой отрасли человѣковѣдѣнія, не отличаются отъ уклоненій, замѣченныхъ Тэйлоромъ, а иногда и превосходятъ ихъ.

3) Опытъ подтверждаетъ теоретическія сомнѣнія въ приложимости теоріи вѣроятностей къ малымъ цифровымъ даннымъ, которыми располагаетъ этнографія.

Нѣтъ основанія думать, что это препятствіе временнаго свойства.

Вотъ почему, съ точки зрѣнія математической теоріи вѣроятностей, трудно разсчитывать на господство метода Тэйлора не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, ибо нѣтъ требуемой почвы для его примѣненія. Съ помощью этого метода можно, быть можетъ, что-нибудь угадать — нѣчто подобное бывало, но нельзя ничего доказать, нельзя установить какъ безспорный фактъ, служащій надежнымъ основаніемъ для дальнѣйшаго изслѣдованія. А вѣдь въ этомъ и заключаются лучшія надежды, связанныя съ идеей Тэйлора.

IV.

Да будетъ мнѣ позволено присоединить справку о другой—почти современной съ предложеніемъ Тэйлора—попыткѣ примѣнить теорію вѣроятностей также въ области человѣковѣдѣнія [1]). Я говорю

[1]) Попытки приложенія къ сферѣ знанія, въ вопросахъ юридическаго и политическаго характера, довольно часто упоминаются въ сочиненіяхъ по теоріи вѣроятностей. Со стороны Милля („Система Логики") эти попытки получили

Digitized by Google

о методѣ Ш. Рише, съ помощью котораго этотъ ученый пытался разрѣшить тогдашній „вопросъ дня"—о чтеніи мыслей на разстояніи, т.-е. о непосредственной передачѣ мыслей отъ одного субъекта другому безъ посредства какого бы то ни было физическаго фактора, могущаго быть воспринятымъ нашими органами чувствъ [1]).

Доказывая, что такого рода умственное воздѣйствіе существуетъ, Рише продѣлалъ цѣлую серію опытовъ, состоявшихъ въ угадываніи масти игральной карты, вынутой изъ колоды въ 52 карты; въ угадываніи большаго или меньшаго числа буквъ въ задуманномъ словѣ, и проч. Необходимымъ условіемъ опытовъ являлось присутствіе лица, которое усиленно фиксировало свое вниманіе на предметѣ, подлежавшемъ угадыванію. Подсчитавъ число удачныхъ угадываній и сравнивъ его съ тѣмъ, которое должно было получиться „по теоріи вѣроятностей" [2]), Рише нашелъ, что полученное число отгадываній превышаетъ послѣднее и излишекъ отнесъ за счетъ „умственнаго воздѣйствія" на отгадчика.

Ему возражалъ Прейеръ (проф. физіологіи [3]). Онъ избралъ путь опытныхъ доказательствъ. Разсмотрѣвъ цифры, полученныя Рише, онъ нашелъ, что „въ тѣхъ рядахъ фактовъ, гдѣ ихъ достаточное количество для приложенія вычисленій вѣроятности, результатъ вполнѣ съ ними совпадаетъ [4]). Въ тѣхъ же рядахъ, гдѣ число фактовъ крайне ограничено, являются и немногія значительныя отклоненія. Но они всегда неизбѣжны, замѣчаетъ Прейеръ, тамъ, гдѣ основаніемъ служитъ слишкомъ незначительное количество наблюденій. Законъ большихъ чиселъ не можетъ указать, какъ велики должны быть числа въ частномъ случаѣ [5]), но онъ ясно требуетъ, чтобы они не были малы. И хотя большое и малое — понятія относительныя, тѣмъ не менѣе само собою очевидно для

эпитетъ „позора математики". Bertrand, напр., цитируетъ одного автора, который доказывалъ, что лучшимъ судьей, по всѣмъ правиламъ теоріи вѣроятностей, должно было бы признать того, который бы вотировалъ—„sans discuter ni réfléchir", прибавляетъ Bertrand—всегда за одно съ президентомъ (стр. 326)

[1]) Рефератъ объ этой работѣ былъ помѣщенъ въ „Русск. Богатствѣ" за 1885 г., № 1. (благопріятный отзывъ).

[2]) О возможныхъ отклоненіяхъ (по математической теоріи вѣроятностей). не упоминается.

[3]) Б. Прейеръ. Объясненіе чтенія мыслей. Москва. 1890.

[4]) Т. е. уклоненія не выше наблюдающихся обычно, напр., въ лотереяхъ.

[5]) Замѣчаніе, какъ мы видѣли выше, не совсѣмъ правильное.

Digitized by Google

всѣхъ опытныхъ наблюденій и для всѣхъ оцѣнокъ статистическихъ данныхъ, что чѣмъ меньше вѣроятность какого-нибудь послѣдствія, тѣмъ больше количество единичныхъ случаевъ необходимо для его подтвержденія. Если при вѣроятности $^1/_{24}$ мы предпримемъ 52 или 58 наблюденій и, получивъ 13 отгадываній вмѣсто трехъ, не будемъ болѣе продолжать опыты, а заключимъ, что здѣсь имѣетъ вліяніе нѣчто иное, чѣмъ простая случайность, то такой пріемъ будетъ научно невозможенъ и прямо нераціоналенъ. Игрокъ, бросающій игру послѣ нѣсколькихъ крупныхъ выигрышей, поступаетъ благоразумно. Продолжай онъ играть, онъ скоро проигралъ бы все, что выигралъ. Но это не образецъ для подражанія, если рѣчь идетъ объ естествоиспытателѣ. „Если вмѣсто 100 онъ сдѣлаетъ 1000 наблюденій [1]), то очень можетъ быть, что накопляющіеся вначалѣ положительные случаи составятъ въ концѣ концовъ незначительное меньшинство".

Для доказательства Прейеръ сравниваетъ результаты, получившіеся въ суммѣ отъ всѣхъ опытовъ Рише, съ тѣми результатыми, которые даютъ тиражи Королевско-Саксонской лотереи.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ у Рише отклоненія получались значительныя. Напримѣръ:

Вѣроятность.	Общее число опытовъ.	Число удачныхъ отгадываній.	
		Дѣйствительное.	„Вѣроятное".
$^1/_6$	657	150	109
$^1/_{24}$	218	29	9—10

но въ цѣломъ, при общемъ числѣ опытовъ—8670, разность между „вѣроятнымъ" (2019) и дѣйствительнымъ числомъ (2177) угадываній равнялась только 158, что составляетъ около 7,8% ожидавшихся угадываній. Между тѣмъ уклоненія отъ равномѣрнаго (на серію билетовъ, состоящую изъ 8670 штукъ) распредѣленія выигрышей, какъ указалъ Прейеръ, доходили до 18,5%.

На этомъ основаніи Прейеръ отрицалъ значеніе опытовъ Рише.

Итакъ, слишкомъ малое количество наблюденій—вотъ рискованная почва для всякаго цифроваго анализа. Въ этомъ отношеніи совпадаютъ и указанія математической теоріи и указанія опыта.

А. Рѣдько.

---

[1]) Какъ мы выше видѣли, и этого количества недостаточно. (А. Р.).

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Мелкія этнографическія замѣтки.

I. Разбойничьи пѣсни. Въ «Новостяхъ Литературы» 1824 г. (кн. IX) напечатана любопытная статья: «Путешествіе изъ Сарепты на развалины Шеры-Сарая, бывшей столицы хановъ Золотой Орды» — повидимому, самого редактора Воейкова. Онъ разсказываетъ между прочимъ о своемъ посѣщеніи разбойничьихъ пещеръ по Волгѣ, найденныхъ тамъ предметахъ и приводитъ 4 «старинныхъ пѣсни Волжскихъ разбойниковъ». Онѣ тѣмъ болѣе интересны, что это, кажется, одна изъ первыхъ и наиболѣе старыхъ записей разбойничьихъ пѣсенъ. Это: 1) Ты безсчастный добрый молодецъ, 2) Не шуми, мать зеленая дубравушка, 3) Ты воспой, воспой, младъ жавороночикъ и 4) Ахъ далече, далече во чистомъ полѣ, стояло тутъ деревцо весьма высоко.

II. Къ легендѣ о Кирикѣ. Булгаковъ въ своихъ «Запискахъ о Южной Руси» напечаталъ замѣчательную стихотворную легенду о бѣдномъ Кирикѣ и рогатомъ попѣ. Воспоминанія Гилярова-Платонова, записки Шишкова и поэма Полежаева указываютъ на народные слухи, которые могли вызвать появленіе подобныхъ произведеній. Мы разыскали въ перепискѣ братьевъ Булгаковыхъ дополнительныя данныя, не безынтересныя («Русскій Архивъ», 1901, VI, 216): «Исторію попа я знаю давно. Это случилось въ Нижегородской губерніи, и въ то время мнѣ точно такие ее разсказывали, tout est vrai; or, c'est fabuleux. И тогда точно тоже сдѣлала полиція здѣсь, т. е. отгоняла трубами пожарными народъ, собравшійся около Чудова монастыря, куда говорили, что привезутъ рогатаго попа. Vous n'êtes donc pas moins badaud que nous autres Moscovites».

III. Празднованіе Сошествія Св. Духа въ Москвѣ. Въ малоизвѣстномъ теперь альманахѣ «Раутъ» (III, М., 1854, стр. 11) Н. В. Сушковъ вспоминаетъ: «По давнему обычаю, въ день Сошествія Св. Духа на Прѣсненскихъ прудахъ сбираются невѣсты, а, стало быть, и женихи, какъ бы на показъ: это гулянье можно назвать выставкой русскихъ красавицъ. Не знаю, во многихъ ли краяхъ Руси ведется еще обычай выставлять въ Духовъ день невѣстъ на какомъ-нибудь гульбищѣ; но въ Петербургѣ это не оставлено, и Лѣтній садъ въ этотъ праздникъ

Digitized by Google

напоминаетъ Москву русскими лицами и нарядами, не враздробь, не въ толпахъ иностранцевъ, а въ сборѣ, на виду, на всей красотѣ. Ходынское поле и часть Новинскаго гулянья принадлежатъ также Пресненской части. На первомъ бываютъ лагерныя ученія, маневры войскъ, звѣриныя травли, конскіе бѣги и скачки; подъ Новинскимъ [1])— всѣвозможныя на маслянницѣ и на св. недѣлѣ приманки для праздношатающихся: качели, горы, коньки, скоморохи, музыка, пѣсни, чугунки въ малѣйшемъ видѣ, вереницы санныхъ или лѣтнихъ поѣздовъ, подчасъ тройками, въ русской упряжи, съ бубенчиками и т. п.

IV. Легенда о соперничествѣ вѣръ. Легенда о соперничествѣ вѣръ извѣстна въ многочисленныхъ пересказахъ, между прочимъ очень любопытномъ малорусскомъ. Мы натолкнулись на очень оригинальную ея версію, кажется, еще никѣмъ не отмѣченную въ книгѣ: «Луиза, сельское стихотвореніе И. Г. Фосса. Переводъ съ нѣмецкаго П. Теряева» (СПБ. 1820. Стр. 41—43). «Благородный и вѣжливый Вальтеръ» передаетъ пастору «сказочку... что слышалъ намедни».

Мертвый изъ Майнца разъ явился въ преддверіяхъ неба
И, постучавшись, вскричалъ: «отворите!» Изъ полуотворенной
Двери вдругъ выглянулъ тутъ святой Петръ и спросилъ его: «кто ты?»
Съ дерзостью сей отвѣчалъ, возвышая въ рукахъ отпускную:
— «Я?—Католикъ! Я—членъ единственной вѣры спасенья!»
— «Сядь на лавочку тутъ», отвѣчалъ ему Петръ, запираясь.
Мертвый изъ Цюриха разъ явился въ преддверіяхъ неба
И, постучавшись, вскричалъ: «отворите!» Спросилъ Петръ: «а ты кто?»
— «Я?—Кальвинистъ! Я—членъ единственной вѣры спасенья!»
—«Сядь на лавочку тутъ», Петръ сказалъ. И изъ Гамбурга мертвый,
Тожъ постучавшись, вскричалъ: «отворите!» Спросилъ Петръ: «а ты кто?»
— «Я?—Лютеранинъ! Я—членъ единственной вѣры спасенья!»
— «Сядь на лавочку тутъ!» Они сѣли, дивяся, какъ стройно
Солнце и звѣзды съ луной, въ непрерывномъ движеньи, надъ ними,
Ярко блистая, текли! Тутъ раздался повсюду пріятный,
Нѣжный и радостный звукъ небесной плѣнительной арфы,
И благовоніе розъ разлилося надъ небомъ лазурнымъ.
Съ сердцемъ, восторженнымъ сей сверхъестественной пѣснью, вскричали
Всѣ въ одинъ голосъ: «мы всѣ во единаго Господа вѣримъ!»
Съ шумомъ отворились врата, и воинъ освѣтился небесный.
Вотъ появляется Петръ и съ улыбкой привѣтной вѣщаетъ:
— «Такъ образумились вы, безразсудныя дѣти! Внидите въ!»

---

[1]) Срв. „Путеводитель по Москвѣ, изд. С. Глинкою“ (М., 1824, 347—348: Гулянье подъ Новинскимъ): „Съ ранняго утра звуки трубъ и огромныхъ барабановъ извѣщаютъ проходящихъ, что храмы веселья и забавъ будутъ открыты даже до ночи. Здѣсь пастушеская свирѣль затянула народную пѣсню, и къ ней присоединился громкій хоръ цыганокъ; тамъ паяцъ до надсады кричитъ къ публикѣ, приглашая всѣхъ смотрѣть представленія, какихъ никогда еще не видано“.

Digitized by Google

Всѣ обнялись тогда и, взошедши въ жилища эѳирны,
Начали новую жизнь, съ дружелюбнымъ согласіемъ вѣчнымъ,
Въ злачныхъ, лазурныхъ поляхъ всеобъемлющаго небосклона.
Высшій, живительный духъ осѣнялъ ихъ крыломъ своимъ мирнымъ.

V. Нѣсколько малорусскихъ народныхъ разсказовъ. Въ моихъ бумагахъ сохранилось нѣсколько малорусскихъ народныхъ разсказовъ, записанныхъ для меня лѣтъ пятнадцать тому. Они или совсѣмъ еще неизвѣстны въ нашей этнографической литературѣ, или представляютъ своеобразную переработку уже извѣстныхъ сюжетовъ. Всѣ они, кромѣ № 12, записаны для меня К. Дорошевскимъ въ Черниговщинѣ. Сохраняемъ правописаніе подлинника, причемъ дифтонги *іе*, *уо* и *юо*, являющіеся въ извѣстныхъ случаяхъ (подъ удареніемъ), отмѣчаемъ курсивомъ.

1. Спомин про старовину.

Колісь мала на свіеті людей було. Земля була вуолна: скулькі хто зацупитъ,—то й йіго. От і муой батюшка ...сами були з Макйшина, ну не захотіли в селіе жить. От и прийшли в Городню. Скулькі вани собіе лісу затеребили!.. Нива була добра; поля скулькі!—Скулькі затеребили—стулькі й йіх. Бо людей тадіе мала було, а землі багато. Ще за наєи пам'яті Городня була... ну, хутар, село, що дваруов сто!.. А тепер?—І салдацька слабада, і жидувська слабада!.. А ще за наєи пам'яті жидув у Городні не бульш, як 5 дваруов було, а тепер пов-города. Що дальш—бульшае й бульшае народу того. Пакуойница мамінька ходили у Київ ще дівкаю; казали: тулькі де-не-де стерчить тан хата. А тепер дами, улиці які! А то, було, меж гарами улачка—тулькі прайти, а хто йіде, то так тебе до боку й притисне...

(Від 70-літнёі баби з Городні, Черн. губ.).

2. Як жиди рабина свого ховали.

Був у жидів рабин: такий то вже поважний, такий поважний, що ёго може на ввесь світ знали. Ог, да й здох. Давай ёго ховать. Жидови тоі назбиралось зо всіх усюд: кгвалт, елемент такий, що Господи! Ховають ёго бучно, як пана якого великого. Та ще й з наших закликають:

— Приходьте, люде добрі, шось побаците, як ми рабина швого ховать будем.

А тим часом попали вони десь пьянюжку якогось:

— Шлюхай, Іван, як будем ми нести рабина на кладовисце, то ти вийди на зустріч. То ми тебе спитаем: ци е тут міщто насому рабину? То ти скази: онде ёму міщто—аз на небі! Ми тобі за це гросей і горілки дамо.

Іван той: добре, каже.

Digitized by Google

Випив горілки, пішовъ і спить на кладовищі, поки то, значитьця, процесія тая ще буде. Спить він да спить, коли це йде вже процесія—рабина пруть. Дойшли уже й до брами—нема Йвана, не йде: спить десь, аж хропе. Тут зараз кілько жидків метнулось, найшли, розворушили того Йвана:

— Бізй, бізй, шюкін син, процесія прийшла.

Пруть ёго під руки, бо той такий, що й на ногах не встоіть. А тим часом жидова супинилась коло брами—ждуть. От привели ёго. Виходить старий такий, поважний рабин.

— А ци есть тут, Іване, мішто для насого мудрого рабина?

Той глянув на ёго з просоння:

— Чому, каже, нема?! Тут міста на ввесь кагая ваш хапить.

— Уй кгвалт! Вей миръ! Ід банаід!..

Була сказилась з пересердя проклята жидова! Давай тоді того пьянюжку чистить! На силу вже наші люде одняли.

(Від пройіжджачого полупанка, або може міщанина. Казав, що все це *справді* було в якомусь місті правобічноі Вкраіни).

3. Танцюриста дівка.

Одній дівці та почав хтось (парубок там який, чи що) докоряти:

— Та ти, дівко, пекти та варити не вміеш!

— Та й тілько-ж! одказуе.

— Та ти, дівко, й шити не вміеш!

— Та й тілько-ж!

— Та ти й жати, й прясти... и чого вже він не перебрав, а вона все одно одказуе: «та й тілько-ж».—А далі:

— Та ти, дівко, й скакати не вміеш!

— Ге, сучий сину, нехай що-що, а вже *за скóки побъю й боки.*

(Болѣе короткій варіантъ у Гринченка въ „Веселімъ Оповідачі").

(З Козелеччини, Черн. губ.).

4. Про Шведовъ.

Калісь увесь наш край Шведов був: Шведи й Паляки на *юом* вайевали. У Седньеві дак аж 7 *ліет* Шведи сед*іе*ли, через шо ж его й Седньев завуть. Як *йіе*хать у Чернігов з Городні, дак кургання таго, кургання! Калісь раскопували адну магилу дак найшли ср*іе*бну зброю (то-то срибра було багата, не так, як тепер), пудсв*іе*шникі залатиі. А в аднум кургану, дак, кажуть, карета есть залатая: генерала або палковника йікого йіхнёго (Шведського-б-то). (Від баби з Городні, Черн. губ.).

5. Цікава жінка.

То, значить, одна ж*уо*нка усе питае свого чолов*іе*ка: а що нового? Чи пой*іе*де чолов*іе*к у город, чи зходить до шинку,—вона зараз и присікаетца: а що нового, чолов*іе*че? чи не чув якоі новини? От в*уо*н думав, думав—ну погуляй же ти!

Digitized by Google

— Та що, каже, он у архирея жуонка вмерла, то шукае другої. Як що котора заложить ногу аж за шіею—то вуон на юй жінитца.

От тоді тая жуонка скорій до клуні, та й стала примірятца. Туди ж (за шію) ногу заклала, а назад—нічого не зможе. Чоловіек той ждав, ждав—нема жуонки. А далі на дочку;

— А побіжи, пошукай матку!

Діевчинка ўбігла в клумю, глянула, та притьмòм до батька:

— Ой, таточку, мати ягни́тьця!

— Де?

— В клуні.

Чоловік узяв тоді ціпок, та як почав жуонку лупить:

— То ти, суккина дочка, в архирейші захотіла??!!

От такі то цїі баби. (Від парубка з Нов.-Білоуса Черн. губ. и у.).

6. Кругленьке словце.

То одного привели сватать. А він дурний там такий, що Господи! От свати тиі пьють, та гомонять, а дурень седить собі мовчечки, похвюпившись. Кали це до ёго один сват:

— Та ти б хоч сказав нам яке кругленьке словце!

А дурень той:

— Обру-уч! каже. (З. Чернигівщини).

7. Про клад в Тупичові.

У Тупичові, повз дарогу лісок есть — «Забава» (генерала Свічинà). Дак був адин старик, шо й показував, де гроши закопано—заклятиі вани. От сабрались скульві чалавіек, випили для храбрості: «шо нам в трох в чатирох да кази баяцца!?» Узяли заступи, лапати, да и пашли да того люоху. Як же вискачить аттуль!.. Дак двох, чи трох і задавило. Дак там і хрест високий, високий над йіми паставлена. Було, як падйіжжаем да того хреста, то аж сумно, так сумно, да от неначе ще хто за валосся на вискахъ у гору падиймае.

(Від баби з Городні Черн. губ.).

8. Неумѣлое заклинаніе.

А то дак адин пан тàк, за аколицею, з повверсти, війшов, да й закопуе гроши. Да не вміев заклинать: туолькі перехристівсь да й пашов. А ратай й пабачів. Прісіев за гарбом, покі вуон (пан) там кончить, да пóтум скаріейш да того міеста, да руками, руками, як сабака, разгріебуе. Дак такій глек з деньгами війняв!.. Дак уже хітра й папажив—і дітям аставив. Пагаріели, а знов такий корпус паставив, шо ну!.. (Від баби з Городні Черн. губ.).

9. За що Мазепу проклинають?

То цар Петро да загадав, значить, Мазепі зйесті сіем галушак па сіем пудов кажная. От вуон йев, йев—шесть зйев, а сьёмаю й падавиўся.

Digitized by Google

Дак цар і сказав йіго праклінать. А Мазепа здаррови такі був чалавіек, черезъ тож яму цар і загадал галушки тийе йесті.

(Від салдата з-під Добрянки, Черн. губ., Городницк. у.).

10. Про Мазепу.

Як ваював Мазепа з Паліям, дак я ще дієвчинкаю була, і таді через наш горад велика сила маскалюов ішла. А ми, дітвора, позлазили на тин, та й дівимась (sic). А вани йдуть, тай йдуть! Ще таді сестра мая меньча, Глашкэ, упала з тину на шклянку, да чиста ноги сабіе паріезала...

— А самого Мазепу ти, бабо, бачила?

— Та й Мазепа ж, кажу, з йіми (москалями) був: на біеламу такому каню йіехав, туолькі запоўнила (sic), який вуон був.

— А може ти й Палія бачила?

— Може й бачила—забула вже: давно це діела було! Мазепа, значить, ваював, ваював, а далі цар йіго й разбив. Вуон і втюок, та уже, значить, бачить, що прапало йіго діела—узяв, да сам сабіе смерть і западіеяв.—Кались маскалюов не було, а все казаки: от—вайна! зараз казаки і збираютца. А так—дак вуйська не було.

(Від 70-ти літнёї баби в г. Городні, Черн. губ.).

11. Сила заклинанія.

Кались старинніі люде були!.. то важко йім з груошми було разставацца. Аже у нас (в Городні) дак, значить, дієд савсіем уже недужий був, що вже умирае—а грошей йему жалко! От вуон у вечарі вийшов у гарод да нажом і давай капать ямку. Оттак, значить, ріечка і бугуор, іще й куст расте. Рів, рів; вирів, да казан з груошми—туди! Тай шепче, шепче—заклинае-то вже. Да аж на 12 галуов закляв. Да вже вездужае назад іти, да вже рачкі ліезе. А сестра йіго да пуд тей час воду брала, да й подслухала, шо вуон шепче там. А потум... шо йему (казанові з грішми) прападать?! думеэ. Узяла заступ, прійшла, да й давай капать.—Як же здуоймецца завируха?!. Так йійе патрашило, так паламало—насилачку в хату дайшла. А то все через те, шо закляв, шоб, значить, чартяка задавила. (Від баби з Городні, Черн. губ.

12. Хитра жінка.

Одна жинка, та змовылась с кымсь-то, щоб вин прыйшов до нея в вечери.

— «А як чоловик буде дома, то як?» спытав той.

— «Ты як прыйдеш, то постукаиш у викно, та й прыслухайся, що я казатыму, як стану молыться. Як буде дома, то не йды, а як скажу, що нема, то смило йды».

От, трохы згодом щось застукало у викно. Чоловик був дома. Жин-

Digitized by Google

на швыдче на колина, та й давай вычытувать: «Отче наш, ѳже есы, а тебе, Господы, в хату не несы, бо лукавый въ хати, те не буде воля твоя; прыйдеш завтра, бо сегодни вси дома!»

— «Жинко! Чы ты здурила? Як то ты Богу молышся?..

— «Пху! За сымы проклятымы дитьмы и не помолышся гаразд, як треба!»

Полягалы спать. (Черкасы, Кіев. губ., 1887).

13. Про Мазепин. дом (в Чернигові).

У Мазепином домі, кажуть великий клад, і там заклята баришня йікась (варіанти: царівна; дочка Мазепи): матка кажуть, закляла, що не слухалась. Раз, дак стояв, значить, салдат на часах. А вона и виходить і просить у его хреста. Вуон не дав. Коли ж на другу ноч знов вона виходить, а вуон знов такі не дав: чи пожалієв, чи, може, побоявсь там... А за трейтім разом пошов до командира, да й росказав: так і так, говорить.—«Дурний же ти! було б, коли свого (хреста) жалко, хоч з скієпочок зробить да дать юой: тобіб увесь клад би доставсь».— І скулькі вуон не стояв вже на часах, то вже буольш не бачив.

(Запис. в Чернигові від Ив. Шумила).

Вл. Каллашъ.

Легенды объ Александрѣ Македонскомъ у армянъ [1]).

Легенда объ Александрѣ Македонскомъ записана М. Черазомъ изъ устъ 80-ти лѣтняго неграмотнаго армянина въ Константинополѣ, слышавшаго ее отъ своего дѣда, уроженца Малой Азіи. Въ легендѣ передается тотъ моментъ изъ жизни Александра, извѣстнаго на Востокѣ подъ именемъ Искандера, когда онъ покорилъ всю сушу и наложилъ дань на море. Податью послѣдняго служили буйволы, которыхъ оно выбрасывало изъ нѣдръ своихъ на берегъ. Этимъ-то—прибавляетъ легенда,—объясняется, что буйволы до сихъ поръ плаваютъ такъ хорошо и любятъ такъ продолжительно купаться. Давая сраженіе, Искандеръ каждый разъ пилъ воды безсмертія, выжимаемыя изъ сѣмени чеснока. Разъ онъ приказалъ своей дочери принести флаконъ съ этой жидкостью. Она полюбопытствовала отвѣдать и выпила весь флаконъ. Искандеръ въ гнѣвѣ обнажилъ мечъ, но дѣвочка стремительно бросилась изъ окна въ море, разстилавшееся предъ дворцомъ царя, и здѣсь она превратилась наполовину въ рыбу. Отъ брака дочери Искандера съ рыбами произошли существа—полу-люди и полу-рыбы. Однако, она предпочитаетъ общество людей и ищетъ способовъ ихъ привлечь. Чудное дитя возсѣдаетъ ночью

[1]) Revue de l'histoire des religions. Paris. 1901, т. XLIII, № 3, mai-juin.

Digitized by Google

на скалѣ и расчесываетъ въ молчаніи свои золотистые волосы. Она носитъ по преимуществу голубое платье. Она преслѣдуетъ корабли и мореплавателей, и когда опускаютъ въ море ведро, чтобы зачерпнуть воды, она цѣпляется за него и тащитъ его къ себѣ, чтобы захватить того, кто держитъ веревку, но она быстро убѣгаетъ, вся дрожа, если ее окликнуть: вонъ идетъ царь Искандеръ.

Г-нъ Лалаянъ опубликовалъ въ журналѣ «Azgagracan Handes» двѣ легенды объ Александрѣ Великомъ, которыя докладчикъ присоединяетъ къ сказанію, имъ записанному въ Константинополѣ. Первая изъ этихъ легендъ представляетъ варіантъ сказанія о царѣ Мидасѣ. Александръ Великій имѣлъ рогъ на головѣ. Чтобы скрыть этотъ физическій недостатокъ, онъ приказывалъ убивать всѣхъ парикмахеровъ тотчасъ послѣ того, какъ они стригли ему волосы. Одинъ парикмахеръ избѣжалъ смерти подъ клятвеннымъ условіемъ не оглашать этого секрета. Но вскорѣ стало понятно, что ему невозможно молчать. Онъ начинаетъ страдать болью въ животѣ и, не имѣя силы сопротивляться, бѣжитъ на открытую поляну и, свѣсившись надъ однимъ колодцемъ, произноситъ слова: «У Искандера рогъ на головѣ». Рѣзь тотчасъ прекращается. Однако, тотчасъ выходитъ изъ глубины колодца тростникъ и его срѣзываетъ пастухъ на свирѣль, которая во время игры на ней ясно произносила: «У Искандера рогъ на головѣ». Случилось Искандеру проходить во время охоты мимо пастуха и слышать эти слова. Александръ велѣлъ допросить парикмахера и, несмотря на то, что послѣдній клялся, какъ онъ вынужденъ былъ открыть секретъ колодцу, царь велѣлъ его обезглавить.

А. Хахановъ.

Digitized by Google

Критика и библіографія.

Харузинъ, Николай. *Этнографія. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Изданіе посмертное, подъ редакціей Вѣры и Алексѣя Харузиныхъ.* Выпускъ I: 1. Часть общая. 2. Матеріальная культура. СПБ. 1901. 8°. X+343 стр. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 2 р. (По подпискѣ на всѣ четыре выпуска въ магазинахъ «Новаго Времени»—5 руб.).

Очень трудно дать полную и обстоятельную оцѣнку этого весьма полезнаго труда покойнаго автора, во-первыхъ, потому, что трудъ—посмертный, и самъ авторъ, какъ объ этомъ говорятъ редакторы, не приготовилъ его къ печати; во-вторыхъ, потому, что этотъ трудъ составился изъ лекцій, стало быть, былъ разсчитанъ лишь на извѣстный кругъ слушателей, м. б., впервые знакомившихся даже съ самыми элементарными вопросами этнографіи; наконецъ, въ-третьихъ, еще и потому, что трудъ этотъ, издаваемый спеціально для русскаго читателя, требовалъ бы отъ его автора многихъ усилій, чтобы впервые освѣтить общіе и спеціальные вопросы этнографіи русскими матеріалами и изслѣдованіями, не сдѣлавшимися достояніемъ общеевропейской науки. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи и редакторы отмѣчаютъ отличіе труда Н. Н. Харузина отъ подобныхъ трудовъ иностранныхъ авторовъ; но, конечно, преждевременная смерть, застигшая Н. Н. въ самомъ началѣ его университетскаго преподаванія, не дала ни времени, ни возможности обработать данныя русской этнографіи въ должной полнотѣ.

Не вдаваясь поэтому въ разсмотрѣніе этихъ весьма естественныхъ недочетовъ настоящаго изданія, остановимся на томъ интересѣ, который оно можетъ имѣть для русской читающей публики.

Русская этнографія существуетъ уже давно, хотя эта наука считается и молодой; русскими этнографами собраны обильные и цѣнные матеріалы; но очень мало дано ими этнографическихъ монографій, а обработанныхъ вполнѣ научно и совсѣмъ немного. Происходитъ это отъ того, что русскій этнографъ въ огромной массѣ своей является человѣкомъ или случайно работающимъ, или вообще не подготовленнымъ къ тому спеціально. Какъ извѣстно, покойный Н. Н. Харузинъ былъ первымъ лекторомъ по каѳедрѣ этнографіи въ русскомъ университетѣ, а до него эта наука входила лишь частично въ нѣкоторые курсы другихъ профессоровъ.

Digitized by Google

Поэтому не удивительно, что университетъ, вѣрный и безпристрастный разсадникъ знанія, долго не давалъ русскому уму руководящихъ знаній въ области этнографіи. Этимъ же слѣдуетъ объяснять и научную отсталость русскихъ этнографовъ. А насколько этотъ предметъ вообще не легокъ, укажемъ хотя бы на то, что послѣ Н. Н. Харузина нѣтъ еще лица, которое бы замѣнило его.

Въ частности, что касается лекцій, изданныхъ подъ заглавіемъ «Этнографія», то общее направленіе ихъ отвѣчаетъ тѣмъ запросамъ, о которыхъ говорилъ еще Д. Н. Анучинъ въ своей статьѣ «О задачахъ русской этнографіи». («Эти. Обозр.», 1889, I, 25). «По нашему мнѣнію», говоритъ Д. Н. Анучинъ: «одною изъ ближайшихъ нуждъ этнографіи Россіи должно считаться сведеніе во-едино разбросанныхъ свѣдѣній о различныхъ инородцахъ и частяхъ русскаго населенія». Это сведеніе не можетъ быть механическимъ, для этого нужна извѣстная «компетентность», а именно: «берущійся за такую работу долженъ быть знакомъ съ основаніями этнографической науки вообще и этнографіи Россіи въ частности; кромѣ того, онъ долженъ имѣть достаточное понятіе о методахъ и пріемахъ собиранія этнографическихъ данныхъ». Затѣмъ, конечно, нужно знакомство съ литературой предмета. Лекціи Н. Н. Харузина, какъ руководство, именно и знакомятъ читателя съ «основаніями этнографической науки вообще». Этнографія Россіи въ нихъ входитъ, конечно, лишь постольку, поскольку она освѣщаетъ общіе вопросы.

Разбираемый I-ый выпускъ «Этнографіи» распадается на двѣ части: 1) часть общая; 2) матеріальная культура.

Еще раньше того, во «введеніи», авторъ останавливается на исторіи развитія этнографіи, какъ науки, за границей и у насъ, и выясняетъ въ въ концѣ концовъ исторію значенія терминовъ «этнологія» и «этнографія». Признавая за терминомъ «этнологія» большую научность, чѣмъ за терминомъ «этнографія», авторъ отдаетъ предпочтеніе всеже послѣднему, такъ какъ онъ можетъ одинаково относиться какъ къ накопленію матеріала, такъ и къ изученію его.

Давши «историческій обзоръ накопленія этнографическихъ матеріаловъ» на Западѣ и у насъ, авторъ переходитъ къ «исторіи развитія этнографіи, какъ науки, ея задачамъ, методамъ и предѣламъ». Какъ наука, этнографія, пройдя различныя стадіи развитія, «модифицировала представленіе о *духѣ народномъ*. Узкая націоналистическая точка зрѣнія была поколеблена, и сравненіе результатовъ, добытыхъ благодаря стремленію къ самоизученію у разныхъ европейскихъ народовъ, лишь облегчило проникновеніе сознанія объ общности ихъ первобытной культуры» (28 стр.).

Историко-сравнительный методъ изученія, индуктивный, привелъ, въ свою очередь, къ методу изученія фактовъ переживанія. Авторъ даетъ обширную иллюстрацію этого метода на фактахъ изъ европейской и русской этнографіи.

Все это и дальнѣйшія мысли автора о задачахъ и предѣлахъ этнографіи приводятъ его къ выводу, что «этнографія является наукой, которая, изучая бытъ отдѣльныхъ племенъ и народовъ, стремится отыскать

Digitized by Google

законы, согласно которымъ шло развитіе человѣчества на низшихъ ступеняхъ культуры». Правда, въ этомъ опредѣленіи нельзя не видѣть нѣкоторой односторонности. «Низшія степени культуры» менѣе всего поддаются точному изученію, а потому онѣ, конечно, и являются одною изъ главнѣйшихъ задачъ этнографіи. Но любая народность можетъ быть изучена и на среднихъ, и на дальнѣйшихъ степеняхъ культуры. Далѣе авторъ знакомитъ съ системами, которыя тѣснѣе всего связаны съ этнографіей: соціологія, антропологія, сравнительное языковѣдѣніе, исторія и географія. Вслѣдъ затѣмъ онъ выясняетъ сущность матеріальной культуры и духовной. Останавливаясь затѣмъ на трудномъ вопросѣ классификаціи человѣчества (по цвѣту кожи, строенію тѣла, по языку, по обитаемому району и проч.), авторъ отличаетъ классификацію отдѣльныхъ наукъ о человѣчествѣ отъ этнографической классификаціи. Эта послѣдняя должна располагать матеріалъ по этнографическимъ группамъ, а группы—по явленіямъ. «Изучая эволюцію въ предѣлахъ разныхъ группъ явленій», говоритъ авторъ, «мы получимъ стройное и ясное представленіе объ исторіи человѣческаго развитія, откроемъ законы, согласно которымъ это развитіе подвигалось впередъ». (66 стр.).

I-я часть.—Матеріальная культура—обнимаетъ собою значительную часть всего выпуска (69—306 стр.). Здѣсь даются общія, со многими примѣрами изъ иностранной и русской этнографіи, свѣдѣнія о человѣкѣ въ диллювіальномъ періодѣ (69—98 стр.), въ неолитическомъ періодѣ (99—114 стр.); далѣе: объ орудіяхъ дикарей, не знакомыхъ съ металлами (115—128 стр.), употребленіи огня (129—148 стр.), растительной пищѣ, охотѣ, рыболовствѣ (149—158), способахъ приготовленія пищи (159—164), первобытной посудѣ и гончарномъ искусствѣ (165—174), о переходѣ къ осѣдлости, одомашненіи животныхъ, о скотоводствѣ и земледѣліи (175—193), о жилищѣ (194—210), одеждѣ (220—227), способахъ и средствахъ передвиженія (228—241), оружіи (242—252), о знакомствѣ человѣка съ металлами (253—270), объ украшеніяхъ (271—286) и объ искусствѣ (287—306).

Не останавливаясь подробно на содержаніи этой части, такъ какъ пріемы разработки ея указаны выше, а изложить даже кратко не позволяетъ мѣсто, укажемъ еще, что въ приложеніи помѣщенъ очень полезный «Указатель источниковъ», составленный В. Харузиной, «Алфавитный указатель именъ и предметовъ», составленный Ал. Харузинымъ и «Списокъ трудовъ Н. Н. Харузина».

Въ печатающемся II-омъ выпускѣ «Этнографіи» будутъ изложены «Семья и родъ»; въ III-емъ—«Собственность и первобытное государство» и въ IV-омъ—«Вѣрованія».

Обнимая, такимъ образомъ, всѣ болѣе или менѣе существенные вопросы этнографіи, эти четыре выпуска дадутъ русскому читателю, интересующемуся ею, въ достаточномъ для него видѣ тѣ руководящія нити, безъ которыхъ онъ не въ силахъ пока ни оцѣнить проходящихъ предъ его глазами фактовъ народной жизни, ни заинтересоваться глубоко, сознательно, все болѣе и болѣе накопляющейся этнографической литературой,

Digitized by Google

ни, тѣмъ болѣе, попасть въ тотъ отрядъ «компетентныхъ» этнографовъ, которые такъ нужны теперь и которымъ вообще предстоитъ еще такъ много труда и усилій, прежде чѣмъ народности, населяющія Россію, будутъ изучены съ должной полнотой и научностью.

Пожелаемъ «Этнографіи» Н. Н. Харузина полнаго успѣха. Пусть этотъ трудъ, какъ первый руководящій опытъ русскаго ученаго, породитъ много другихъ трудовъ по этнографіи: этнографическихъ матеріаловъ, монографій и руководствъ.

Вл. Б.

Сборникъ Кирши Данилова. *Изданіе И. Публичной библіотеки, по рукописи, пожертвованной въ библіотеку кн. М. Р. Долгорукова, подъ ред. П. Н. Шеффера. Съ фототипч. снимкомъ.* С.-Петербургъ 1901.

I.

Нельзя не привѣтствовать новаго изданія знаменитаго сборника былинъ и пѣсенъ. Долгое время подлинная рукопись «Древнихъ россійскихъ стихотвореній» считалась утраченной, и только въ 1894 г. появилось извѣстіе о томъ, что она нашлась въ имѣніи кн. Долгорукова, въ Тульской губ. Владѣлецъ рукописи рѣшился ее пожертвовать въ Публичную библіотеку съ тѣмъ, чтобы она въ возможно скоромъ времени сдѣлала полное и доступное изданіе сборника. Въ настоящее время драгоцѣнное собраніе былинъ и пѣсенъ впервые является въ точномъ, удовлетворяющемъ всѣмъ научнымъ требованіямъ, изданіи. Новое изданіе открывается предисловіемъ редактора, который передаетъ исторію странствованія рукописи изъ однѣхъ рукъ въ другія, а затѣмъ указываетъ на важность знакомства съ подлиннымъ текстомъ сборника. Прежде всего, въ настоящемъ изданіи онъ является въ болѣе полномъ видѣ, нежели въ изданіи Калайдовича (1818 г.), который выпустилъ восемь пѣсенъ и стихъ о Голубиной книгѣ; теперь почти все выключенное Калайдовичемъ напечатано; только въ двухъ пѣсняхъ пришлось выпустить нѣсколько неприличныхъ выраженій. Далѣе, новое изданіе даетъ намъ цѣлый рядъ діалектическихъ особенностей, сглаженныхъ въ изданіи Калайдовича. «Сопоставляя характерныя черты языка сборника съ данными русской діалектологіи», редакторъ (стр. XXIV) находитъ въ немъ особенности сибирскихъ говоровъ. Интересно замѣчаніе г. Шеффера относительно одной особенности сборника: «въ заглавіяхъ былинъ имена встрѣчаются иногда не въ той формѣ, какую они имѣютъ въ самомъ текстѣ» (стр. XXXVII). Авторъ объясняетъ эту особенность тѣмъ, что тексты записаны знатокомъ пѣсенъ или даже профессіональнымъ пѣвцомъ. Въ заключеніе предисловія редакторъ дѣлаетъ описаніе рукописи, при чемъ замѣчаетъ, что рукопись писана въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія.

Кромѣ предисловія, мы находимъ въ новомъ изданіи письмо Демидова къ Миллеру съ одной пѣснью изъ сборника, приложенной къ письму, предисловія къ первому и второму изданіямъ сборника, именной и пред-

Digitized by Google

метный указатели, а также объясненіе мѣстныхъ словъ. Такимъ образомъ, древнѣйшее собраніе русскихъ былинъ и пѣсенъ является передъ нами въ такомъ видѣ, который соотвѣтствуетъ важному научному значенію сборника. Особенно облегчаютъ всякую научную работу тщательно составленные указатели и словарь.

Въ заключеніе, отмѣтимъ нѣкоторыя погрѣшности въ пониманіи текста его редакторомъ. Не понято слово «прозритель»: г. Шефферъ «бъясняетъ это слово—«провидецъ, провидящій будущее» (стр. 278), между тѣмъ какъ это—искаженіе слова прозвитеръ (πρεσβύτερος). «Пропасть» объясняется «падаль, мертвечина, смерть», между тѣмъ какъ изъ контекста (не стало у ней того духу, пропасти) смыслъ этого слова вполнѣ ясенъ—скверный духъ, дурной запахъ. «Разиться» значитъ не «броситься, кинуться», а ударить, убиться (въ «Повѣсти о приходѣ Батыевой рати на Рязань» Евпраксія «рвнуся изъ превысокаго храма своего... на среду земли и *заразися до смерти*»). Особенно досадно, что г. Шефферъ, не понявши одного выраженія, ввелъ въ именной указатель какого-то татарина Аздела («татаринъ Азделъ утѣшаетъ ее: онъ выдаетъ ее за сына въ Золотой ордѣ»). Уже Безсоновъ въ изданіи Пѣсенъ Киреевскаго (IV, 96,) при словахъ «Асделу татарину достанешься» сдѣлалъ замѣчаніе: «А съ дѣлу, съ раздѣлу, на долю?;» поэтому особенно было странно встрѣтить непониманіе этого вполнѣ яснаго выраженія («дѣлъ» — дѣлежъ добычи, жребій; ср. Бѣломорскія былины, 159: «На дѣлу ли ты мнѣ, горе, доставалосе»; 333: «Что на дѣлу ли ты мнѣ достанисьсе»). Согласно съ первымъ изданіемъ г. Шефферъ читаетъ: «онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ а другова ускока не могли нанти» (стр. 151), вмѣсто: «онь перв ускокъ»; конечно, только послѣднее чтеніе имѣетъ смыслъ. Въ другихъ случаяхъ редакторъ изданія, наоборотъ, очень остроумно объясняетъ описки въ текстѣ; таково, напр., объясненіе выраженія: «по три дни ге (=ней, ее, казну) осматривали» (стр. 273). Нужно сознаться, что подчасъ встрѣчаются въ сборникѣ Кирши Данилова очень непонятныя выраженія, хотя многія изъ нихъ теперь получаютъ себѣ объясненіе. Такъ, въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ, вошедшей во многія хрестоматіи, до сихъ поръ читалось одно мѣсто такъ: «Что не дорога камочка—узоръ хитеръ: хитрости были Царяграда, а и мудрости Іерусалима, замыслы Соловья Будимировича; на златѣ, на серебрѣ — не погнѣваться». Теперь это выраженіе дѣлается вполнѣ яснымъ: камка «на злате, на серебре не погнетца» (стр. 2); неправильное чтеніе объясняется тѣмъ, что въ рукописи надъ послѣднимъ словомъ другимъ почеркомъ были приписаны буквы *ва*.

А. Марковъ.

II.

Большинство музыкантовъ, интересовавшихся напѣвами, помѣщенными въ «древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ» Кирши Данилова (по изданію Калайдовича), приходило къ тому заключенію, что они не относятся къ текстамъ былинъ и пѣсенъ, слѣдующихъ за этими мелодіями въ сбор-

Digitized by Google

никѣ, и вопросъ о нихъ до настоящаго времени является еще не выясненнымъ.

Разсматривая новое изданіе Императ. публичной библіотеки и сличивъ ноты съ таковыми-же въ старыхъ изданіяхъ, вы найдете много несходства въ нихъ и прежде всего обратите вниманіе на безцеремонное отношеніе къ напѣвамъ ихъ перваго редактора г. Шпревича, который объ этихъ нотахъ (по рукописи) вѣроятно былъ того-же мнѣнія, какъ и большинство нашихъ изслѣдователей: онъ не считалъ эти мотивы именно тѣхъ текстовъ, которые слѣдовали за ними. Для примѣра, характеризующаго отношеніе Шпревича къ мелодіямъ Кирши Данилова, укажемъ рукописи л. 89 (Сб. Кирши Данилова СПБ. 1901. стр. 167) и въ изданіи Калайдовича (изд. 3-е.) стр. 272.

Текстъ легко укладывается въ первомъ примѣрѣ, во второмъ же, благодаря исправленію Шпревича, вовсе не подходитъ къ мелодіи. Подобныхъ исправленій у Шпревича найдется не мало, не говоря уже о замѣнѣ одной ноты другой, казавшейся его слуху болѣе правильной; иногда имъ выставлялась діезы и бемоли, которыхъ въ рукописи очевидно не существовало (ср. изд. Калайдовича былину подъ цифрой XLV и новое изданіе стр. 147, изд. Калайдовича XLVIII и новое изданіе стр. 157, въ обѣихъ былинахъ исправлено соль ♮ на соль ? Несмотря на упреки Шпревича, собирателю пѣсенъ въ «азбучныхъ ошибкахъ», надо удивляться, какъ могъ собиратель сохранить въ нотахъ столько особенностей народнаго склада, чуждыхъ образованному музыканту того времени и часто, подобно Шпревичу, впадавшихъ въ ошибки при редактированіи или записываніи народной музыки. Въ новомъ изданіи (Имп. публ. библіотеки) ноты автографически воспроизведены съ рукописи. Ноты послѣдней, конечно, не лишены случайныхъ ошибокъ [1]), вкравшихся, какъ намъ кажется, во время переписки рукописи съ другого экземпляра или оригинала, и въ этомъ отношеніи разсматриваемое изданіе можетъ служить только ограниченному числу читателей, для которыхъ и является давно желательнымъ, такъ что, можно надѣяться, ближайшее знакомство съ этимъ сборникомъ разсѣетъ всѣ существовавшія сомнѣнія относительно принадлежности мелодій къ ихъ текстамъ, и мелодіи присоединятся къ матеріаламъ по изученію народнаго музыкальнаго творчества.

А. Масловъ.

Россія. *Полное географическое описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русскихъ людей. Подъ редакціей В. П. Семенова и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и акад. В. И. Ламанскаго. Томъ шестой. Среднее и нижнее поволжье и заволжье. Съ 28 политипаж., 35 діаграмм., картограмм., профил., 1 большой и 10 мал. картами.* СПБ. 1901. Изданіе А. В. Девріена. 8°. VII+599 стр. Цѣна въ мягкой папкѣ 2.75.

[1]) Именно мы не соглашаемся съ г. редакторомъ новаго изданія, который приписывалъ эти ошибки исключительно незнакомству переписчиковъ съ нотнымъ письмомъ.

Digitized by Google

Раньше этого шестого тома въ 1899 г. вышелъ томъ 1-й, посвященный московской промышленной области и верхнему поволжью, и въ 1900 г. томъ 3-ій, содержаніе котораго составляетъ озерная область. Всего же предполагается выпустить 20 томовъ.

Нельзя не привѣтствовать этого полезнаго изданія по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, какъ справедливо указано въ предисловіи ко всему изданію (т. I), «за послѣднее сороколѣтіе XIX вѣка всестороннее географическое изученіе Россіи сдѣлало исполинскіе успѣхи, благодаря неустаннымъ, упорнымъ трудамъ многочисленныхъ ученыхъ обществъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ; но все это разбросано въ малодоступныхъ изданіяхъ, не сведено въ «общую картину». Изданіе же «Россіи» именно къ этому сведенію многаго въ одно цѣлое и стремится. Во-вторыхъ, «Живописная Россія», издававшаяся тов-вомъ М. О. Вольфъ подъ ред. П. П. Семенова, хотя и стремилась къ той же цѣли, но не достигла ея по многимъ причинамъ и, между прочимъ, потому, что издатель послѣ 1885 г. сталъ выпускать томы безъ вѣдома редакціи. Такимъ образомъ, у насъ до выхода «Россіи» не было ни одного подобнаго труда, солидно поставленнаго и доведеннаго до конца. Наконецъ, пробужденіе въ русскомъ обществѣ интереса къ отечествовѣдѣнію, который выразился за послѣднее время и въ путешествующей, и въ читающей публикѣ, и даже въ учащейся молодежи,—идетъ какъ нельзя лучше навстрѣчу такому изданію.

Разсматриваемый шестой томъ, какъ и другіе два, распадается на три отдѣла: 1) природа, 2) населеніе и 3) замѣчательныя населенныя мѣста и мѣстности.

Остановимся на отдѣлѣ о населеніи. Четыре главы этого отдѣла принадлежатъ труду одного и того же автора *И. Н. Сырнева*, равно какъ *ему же* принадлежитъ и весь третій отдѣлъ, что въ общемъ составляетъ 438 большихъ страницъ убористаго текста. Думается, что на такомъ широкопрограмномъ изданіи, какъ «Россія», и въ такомъ обиліи коллектированія разнообразныхъ фактовъ это одиночное авторство не могло не отразиться неблагопріятно. Глава 4-я (первая въ отдѣлѣ о населеніи) говоритъ объ «историческихъ судьбахъ средняго и нижняго поволжья и о культурныхъ ея (?) успѣхахъ». Начинается прямо съ остатковъ каменнаго вѣка, при чемъ не указывается, гдѣ въ предыдущемъ отдѣлѣ («Природа») искать связи между геологическимъ строеніемъ описываемаго края, растительнымъ и животнымъ его міромъ, съ одной стороны, и поселеніями первобытнаго человѣка, съ другой. Не видно, чтобы авторъ въ данномъ, по крайней мѣрѣ, мѣстѣ имѣлъ въ виду «общую картину, строго пріуроченную къ той или другой части нашего обширнаго отечества», какъ это было сказано въ предисловіи ко всему изданію. Мало того, доисторическій періодъ въ описываемомъ краѣ авторъ характеризуетъ (точнѣе—на него намекаетъ) только одними остатками каменнаго вѣка. Но ни одного даже намека авторъ не дѣлаетъ на то, что доисторическую жизнь сѣв.-восточной Россіи можетъ иллюстрировать и антропологія. Эта наука не упоминается даже въ «указателѣ главнѣйшихъ источ-

Digitized by Google

никовъ». Антропологія, если и безсильна еще установить доисторическія расы, то все же даетъ неоспоримый матеріалъ для характеристики формъ черепа, роста, даже цвѣта волосъ (срв. послѣднія работы проф. П. А. Минакова). Всѣ эти факты, особенно въ «общей картинѣ обширнаго отечества», очень существенны.

Наконецъ, для характеристики доисторическаго разселенія человѣка пользуются лингвистическими данными. Правда, въ наукѣ это факты принято относить къ такъ называемой исторической этнографіи; но, въ сущности, этотъ терминъ есть простой противовѣсъ терминy доисторическая этнографія, къ которой и относится антропологія. Между тѣмъ, авторъ ни слова не говоритъ о томъ, что можно встрѣтить, напр., у П. Н. Милюкова въ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» ч. I, о древнѣйшихъ передвиженіяхъ народовъ на пространствѣ Россіи, основываясь на языкѣ. Наконецъ, пусть эти свѣдѣнія будутъ отнесены даже къ исторической эпохѣ. У автора и при описаніи области «въ историческія времена» отсутствуютъ эти цѣнные и въ высшей степени интересные этнографическіе факты, которымъ солидные лингвисты посвятили столько упорнаго и остроумнаго труда. Въ указателѣ источниковъ этого тома нѣтъ ни одной солидной лингвистической работы, имѣющей отношеніе къ описываемой области. Въ указателѣ I-го тома есть кое-какія; но не видно, чтобы авторъ ими пользовался. Между тѣмъ, характеризуя историческія времена, авторъ вводитъ для данной области народности, въ сужденіи о которыхъ безъ лингвистич. литературы обойтись не возможно: скиѳовъ, сарматовъ, гунновъ, болгаръ («въ V вѣкѣ»), аваръ, хазаръ, руссовъ, печенѣговъ, половцевъ; далѣе переходитъ къ концу X-го вѣка и «развитію» Болгарскаго царства; вслѣдъ за болгарами рѣчь идетъ о татарскомъ нашествіи, казанскомъ царствѣ, астраханскомъ царствѣ и далѣе о русской колонизаціи, просвѣщеніи и обрусѣніи края.

Спрашивается: если рисуются «историческія судьбы» края, то правильно ли игнорировать вопросъ объ исторіи появленія въ краѣ такихъ племенъ, какъ мордва, черемисы, чуваши, башкиры и вотяки. Если исторія эта и темна, то все же она можетъ быть освѣщена не только извѣстіями историковъ, къ которымъ авторъ, какъ видно имѣетъ большое пристрастіе, но и трудами антропологовъ, лингвистовъ, этнографовъ. Для поясненія укажемъ нѣсколько примѣровъ. Говоря о скиѳахъ, авторъ ограничивается тѣмъ указаніемъ, что за два вѣка до Р. Х. они подпали «подъ власть сарматовъ, пришедшихъ изъ Азіи». Ни слова объ арійскомъ происхожденіи сарматовъ и о прямомъ родствѣ ихъ съ осетинами. Конечно объ этомъ, вѣроятно, будетъ рѣчь при описаніи осетинъ; но тамъ подробно, а здѣсь для связи, для цѣпи отдѣльныхъ частей «общей картины» необходимо сказать хоть нѣсколько словъ. И это тѣмъ болѣе необходимо, что авторъ здѣсь же упоминаетъ о передвиженіи «разныхъ кочевыхъ народовъ», какъ будто бы только для того, чтобы отмѣтить «первую волну» этого передвиженія—«гунновъ», а затѣмъ сразу остановиться на «болгарахъ». Между тѣмъ, полезно было бы обратиться къ авторитетнымъ «Осетинскимъ этюдамъ» Всев. Миллера (ч. III. М. 1887.), гдѣ

Digitized by Google

та же лингвистика, которую авторъ игнорируетъ, вмѣстѣ съ историческими извѣстіями и топографическими названіями, весьма правдоподобно изображаютъ доисторическія и историческія отношенія сарматовъ-осетинъ къ Средней Азіи, приволжскимъ степямъ и Кавказу. Однимъ словомъ, ни ученый человѣкъ не останется доволенъ приводимыми у автора свѣдѣніями о движеніи сарматовъ, ни учащійся человѣкъ, ни туристъ. Послѣдній, м. б., только что былъ на Волгѣ и пріѣхалъ на Кавказъ, только что читалъ непонятное о сарматахъ и находится среди осетинъ, но эти осетины чужды его пониманію, чужда и ихъ связь съ поволжьемъ.

Для другого примѣра возьмемъ мордву, о которой авторъ въ этой главѣ ничего почти не говоритъ. Можно подумать, что «историческимъ судьбамъ» они не подвластны. Вскользь въ одномъ мѣстѣ (X вѣкъ) сказано «при помощи бартасовъ (мордвы)» ... Приходится обратиться къ спеціальному очерку «мордвы» въ V-ой главѣ. Но и здѣсь изъ историческаго прошлаго мордвы указывается только пространство, которое они занимали между Волгой, Окой, Сурой и притоками Мокши, да о дѣленіи ея на двѣ группы: эрзю и мокшу; говорится это въ видѣ ссылки на I-ый томъ «Россіи». Въ первомъ же томѣ говорится о поглощеніи чуди, веси, мери, муромы и мещеры славянами и о томъ, что «только благодаря особымъ историческимъ условіямъ» финское племя сохранилось въ ю.-в. части московской промышленной области «въ видѣ мордвы», въ с.-в. заволожьѣ въ видѣ черемисовъ и въ с.-западной въ видѣ кареловъ. Немного ниже «опредѣляется исконная мордовская земля» въ теперешней Нижег. губ. къ югу отъ Оки и Волги. Исторія ея и здѣсь глуха: она «сначала» подчинялась Болгарскому княжеству, а потомъ татарамъ. Безъ сомнѣнія, эти два тома, I и VI, должны исчерпать собой все, что слѣдовало бы сказать о мордвѣ. Авторъ, игнорирующій лингвистику, не даетъ свѣдѣній о томъ, что раньше славянъ сосѣдями финновъ были германцы и литовцы. Въ первомъ томѣ въ очеркѣ Достоевскаго и Адріанова со страхомъ говорится о «неясныхъ свидѣтельствахъ Геродота о какихъ-то полумиѳическихъ андрофагахъ и меланхленахъ, населявшихъ сѣверъ и сѣверо-востокъ нынѣшней Россіи»,—съ догадкой, что это «повидимому, были племена финскія», и сейчасъ же авторы торопятся перейти къ свидѣтельству Нестора (исключительное пристрастіе къ исторіи замѣчается и у нихъ). Лингвистика устанавливаетъ сосѣдскія отношенія финновъ съ германцами и литовцами около времени Р. Х. «Западные финны», говоритъ П. Н. Милюковъ, «тогда только что стали отдѣляться отъ восточныхъ (мордвы). Литовское вліяніе тѣ и другіе испытали (по новѣйшему мнѣнію Томсена) еще въ то время, какъ жили вмѣстѣ; на восточныхъ финнахъ это восточное вліяніе сохранялось еще и послѣ раздѣленія. Наоборотъ, западные финны уже одни, отдѣльно отъ восточныхъ, пережили вліяніе германцевъ (именно готовъ)». (Очерки. I. стр. 39). Далѣе, у г. Милюкова, по Веске, излагается распространеніе финновъ «съ сѣверо-востока Россіи далеко на юго-западъ»; въ связи съ этимъ рѣчь идетъ и о болѣе восточныхъ, чѣмъ теперь, поселеніяхъ литовцевъ («голядь»), граничившихъ съ финнами по верховьямъ Днѣпра или Оки. Если здѣсь даже серіозная

Digitized by Google

наука и не сказала еще послѣдняго слова, то все же то, что сказано, представляется разумнымъ, вѣроятнымъ, дающимъ «общую картину». Наоборотъ, у всѣхъ трехъ авторовъ «Россіи» о мордвѣ и вообще о финнахъ говорится такъ, что не понимаешь ни исторіи этихъ племенъ, ни общаго ихъ другъ къ другу и къ сосѣдямъ отношенія. О «голядѣ», напр. въ 1-омъ томѣ (72) говорится, какъ объ оторванномъ клочкѣ литовскаго племени, жившемъ въ предѣлахъ нынѣшней Калуж. и Моск. губ., но на этотъ фактъ не пролито ни единаго луча свѣта.

Тоже, что о мордвѣ, можно было бы сказать о черемисахъ, чувашахъ и др. народностяхъ. «Историческія судьбы» ихъ темны въ «Россіи», потому, д. б., что мало о нихъ писалъ Несторъ.

Глава 5-я (2-я въ отдѣлѣ о населеніи) заключаетъ въ себѣ: — «Распредѣленіе населенія средняго и нижняго поволожья по территоріи, его этнографическій составъ, бытъ и культуру».

Хотя и не въ порядкѣ это здѣсь, но остановимся прежде на этнографическомъ составѣ, тѣмъ болѣе, что свѣдѣніями изъ этой главы мы пользовались уже и выше.

Особенную небрежность авторъ проявляетъ къ великороссамъ.

Говоря очень туманно о колонизаціи поволжья и заволжья, авторъ какъ бы не видитъ ни ясныхъ опредѣленныхъ историческихъ событій, ни того пространства, на которомъ они происходятъ. Манера отсылать къ другому тому (стр. 153) здѣсь неумѣстна, такъ какъ описываемая область имѣла и свою исторію, и свое великорусское населеніе.

Послѣ такихъ неопредѣленныхъ свѣдѣній о великоруссахъ въ поволжьи менѣе всего естественъ переходъ къ указанію на особый типъ мѣстнаго великорусса. Нельзя же видѣть этому доказательство въ голословномъ указаніи на «сосѣдство съ финско-тюркскими племенами» или на «видоизмѣненіе славяно-финской основы новымъ притокомъ инородческой стихіи». И ученый и учащійся одинаково будутъ желать болѣе точныхъ указаній. Названія урочищъ свидѣтельствуютъ о населеніи, говорившемъ на языкѣ этихъ названій, это правда; но они вовсе могутъ не свидѣтельствовать о скрещиваніи (этими данными напр. г. Милюковъ пользуется успѣшно, но совсѣмъ для другихъ цѣлей). Данныя о ростѣ великоруссовъ приведены тоже неубѣдительно.

Далѣе авторъ «обходитъ описаніе в.-р. племени въ бытовомъ отношеніи, отсылая читателя къ 1-му тому. Интересно, какъ эту не только «настольную» книгу, но и «дорожную» брать въ дорогу? Ѣдешь на Волгу, забирай съ собой всѣ 20 томовъ! Вѣдь любой русскій районъ есть живой этнографическій музей; стало быть, онъ все найдетъ; стало быть, безъ какого-либо тома «Россіи» въ дорогѣ не обойдешься.

Но... самъ авторъ дѣлаетъ себѣ плохую услугу, отсылая читателя къ 1-му тому. Тамъ великоруссъ «здѣшній», Московскаго района: «типъ», культура, говоръ,—все это описано по Московской области. Для той же области описано жилище, одежда, семейный бытъ (впрочемъ, свадебные и другіе обряды описаны, какъ видно, по Ефименку и другимъ авторамъ,

Digitized by Google

не имѣвшимъ въ виду Московской области), народныя вѣрованія и даже въ частности расколъ—все это не для всей Россіи.

М. б., авторъ не видитъ разницы между бытомъ московскаго крестьянина и средне-или нижне-поволжскаго, тогда онъ глубоко ошибается.

Волга, особенно средняя и нижняя, имѣетъ свою физіономію, которой нѣтъ ни въ очеркѣ о великоруссахъ, ни во всемъ VI-омъ томѣ «Россіи». Пусть эта физіономія будетъ пестра, молода, оригинальна, но она есть, и человѣку, посвятившему себя ея изученію, непростительно скрывать ее отъ читателя.

Не въ ущербъ I-му тому, авторъ могъ бы дать характеристику средне- и нижне-поволжскаго великорусса: его сравнительная осѣдлость или подвижность, его устойчивыя или колеблющіяся міровоззрѣнія (религіозныя, нравственныя и т. д.), его прочную или распатавшуюся семейную среду, его общественные устои, наконецъ оригинальности его говора, остроумія, душевнаго настроенія, его внѣшнюю бытовую обстановку и т. п.—Все это, безъ сомнѣнія, иное, чѣмъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Пошехонскомъ или даже Нижегородскомъ.

Малороссы вышли въ этомъ очеркѣ еще блѣднѣе великороссовъ. «Живущіе отдѣльно сохраняютъ свой бытъ и языкъ, а поселившіеся вмѣстѣ съ великороссами замѣтно теряютъ свои типичныя отличія». Вотъ и все, что о нихъ узнаешь здѣсь. Ужъ несомнѣнно это теперь не тѣ малороссы, что подъ Полтавой. Поэтому ограничиться такими голословными указаніями большая ошибка.

Нѣмцамъ и колонистамъ тоже не повезло. Мотивы «извѣстныхъ» манифестовъ имп. Екатерины II не указываются. Учящемуся, дорожному человѣку они не всегда извѣстны; да, наконецъ, «настольная» книга не должна полагаться на память и знанія читателя.

О сваяьбѣ великороссовъ авторъ въ I-мъ томѣ расписался, точно въ этнографич. журналѣ, а здѣсь въ VI-омъ, о сектѣ геригутеровъ, меноннитовъ, штундистовъ не распространился ни на полъ-слова. Впрочемъ, можетъ быть, это и лучше. По тону видно, что авторъ не обладалъ научной безпристрастностью, такъ какъ въ бытѣ колонистовъ онъ видитъ «какъ бы государство въ государствѣ», «самодовлѣющій міръ». Безъ объясненій такихъ характеристикъ оставлять нельзя, а авторъ именно такъ и поступалъ: объяснивъ отличія селеній, построекъ, одежды, не объясняетъ, почему нѣмцы болѣе столѣтія прожили и не соприкасались (?) съ жизнью русскаго народа.

Здѣсь вообще надо сказать, что, описывая многія народности, авторъ не могъ быть спеціалистомъ по всѣмъ, а можетъ быть, даже и ни по одной. Стало быть, важно читателю знать, гдѣ онъ говоритъ отъ себя, а гдѣ по источнику и по какому именно. Указанные въ концѣ книги источники не объясняютъ этого вопроса.

Черемисы будутъ описаны въ V томѣ, хотя въ данной области ихъ свыше 100.000 душъ. Мещерякамъ почти не удѣлено никакого вниманія: ихъ не болѣе 10.000 душъ; они вполнѣ обрусѣли—вотъ и все. Обрусѣніе—спасительная пристань для изслѣдователя.

Digitized by Google

Киргизы будутъ описаны въ XVIII томѣ.
Татары, чуваши, мордва и калмыки описаны подробно.
Персы будутъ описаны въ XV томѣ.

Мы опустили было разсмотрѣніе начала этой главы—распредѣленіе населенія по территоріи. Здѣсь много интересныхъ сырыхъ данныхъ, но тоже нѣтъ общей картины. Здѣсь не видно ни руководящихъ принциповъ, ни связи съ другими главами тома, ни даже полноты свѣдѣній; напр., распредѣленіе по вѣроисповѣданіямъ отмѣчаетъ 2,3% раскольниковъ, а % поповщинцевъ и безпоповщинцевъ и вообще самые толки обоихъ направленій не опредѣлены количественно.

Не будемъ останавливаться на VI главѣ («промыслы и занятія»), ни на VII (пути сообщенія). Здѣсь много интересныхъ фактовъ, но они теряютъ цѣнность, разъ не осмыслена связь ихъ съ населеніемъ. Здѣсь, напр., указано распредѣленіе поземельной собственности, но нѣтъ историческихъ данныхъ о землевладѣніи въ Поволжьѣ. «Крестьянскія общества», «калмыки и киргизы», «частные собственники», «казна съ удѣломъ» владѣютъ здѣсь землей, но на какихъ основаніяхъ, для этого нѣтъ свѣдѣній. Здѣсь указаны различные виды промышленнаго труда и почти ничего объ исторіи и причинахъ ихъ возникновенія. Вообще все это въ полномъ смыслѣ сырой матеріалъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ, когда выйдетъ послѣдній томъ изданія «Россія», потеряетъ свое руководящее значеніе.

Послѣдній отдѣлъ тома—«Замѣчательныя населенныя мѣста и мѣстности»—могъ бы представить большой интересъ, если бы былъ составленъ интересно. Ужъ и говорить нечего, что здѣсь читатель не найдетъ никакого намека на знаменитыя изданія Бедекера. Маршруты хаотичны. Общая карта жалка. Частныхъ картъ нѣтъ. Ложенъ, конечно, самый принципъ «замѣчательности» мѣстъ. Больше половины приводимыхъ мѣстъ въ сущности ничѣмъ не замѣчательно. Но они интересны и даже важны въ общей картинѣ поселеній. Между тѣмъ авторъ во что бы то ни стало рѣшилъ свести все дѣло именно къ «замѣчательности», разумѣя подъ этимъ нерѣдко всякій историческій балластъ, наличность той или другой цыфры отправляемаго груза, иногда фамилію владѣльца и т. п.; есть, конечно, заслуживающія вниманія свѣдѣнія. Но нѣтъ: во 1-хъ, свѣдѣній, необходимыхъ для туриста (гостинницы, постоялые дворы, почтовыя станціи, условія передвиженія и т. п.), во 2-хъ, свѣдѣній, интересныхъ въ бытовомъ отношеніи: составъ населенія, типичныя или выдающіяся черты въ образѣ жизни, занятій, языка, костюма и т. п., въ 3-хъ, отношенія того или другого поселенія къ научной литературѣ, популярнымъ очеркамъ, беллетристикѣ и т. п. Короче говоря, не видно, чтобы авторъ объѣздилъ самъ описанный имъ районъ (да это для одного и невозможно), изучая его на мѣстѣ, примѣняя къ нему и существующую литературу. Такъ поступали за границей сотрудники Бедекера.

Надо еще сказать, что очень многое желательно въ отношеніи рисунковъ. Во-первыхъ ихъ мало. Для очень многихъ описанныхъ уѣздныхъ городовъ не имѣется видовъ. Во-вторыхъ, среди нихъ очень мало типовъ населе-

Digitized by Google

нія, бытовыхъ сценъ, бытовой обстановки. Въ-третьихъ, такіе, какъ видъ Царицына, Самары, Симбирска и др., не даютъ представленія объ этихъ городахъ. Для этого нужно имѣть своихъ спеціалистовъ фотографовъ, дѣлающихъ снимки для опредѣленной намѣченной цѣли.

Въ результатѣ получается, что страна, на которую привыкли смотрѣть съ особымъ интересомъ, остается и послѣ прочтенія VI-го тома «Россіи» въ неясномъ, по преимуществу историческомъ туманѣ, при чемъ этотъ туманъ какъ бы не разсѣялся и донынѣ. Этотъ туманъ—здѣсь цѣлая стихія, и сладить съ нимъ одному человѣку никогда не будетъ по силамъ. Вотъ почему, выставляя многіе недостатки разбираемыхъ очерковъ въ VI-мъ томѣ, мы ни однимъ словомъ не думали умалить личныя заслуги г-на Сырнева. Наша цѣль была—указать, что большого, многосложнаго дѣла не слѣдуетъ взваливать на слабыя плечи одного.

Пожелаемъ же почтенной редакціи не поскупиться на средства, пригласить (какъ это сдѣлала, напр., редакція Энциклопедическаго словаря Брокгаузъ и Эфронъ) достаточное число солидныхъ сотрудниковъ, командировать многихъ для спеціальнаго изслѣдованія на мѣстѣ, иллюстрировать посущественнѣе свое изданіе картами и фотографіями и весь матеріалъ для описанія «нашего обширнаго отечества» представить дѣйствительно въ интересной «общей картинѣ».

Вл. Б.

A. Dreselly. *Grabschriften, Martel-Bildstöcke-u. Todtenbrett-Verse, dann Hausinschriften, Wohn-und Trinkstuben-Reime, Geräthe-Inschriften u. a. 2-e vollständig umgearbeitete, stark vermehrte u. verbesserte Auflage. Salzburg.*

Передъ нами оригинальнымъ форматомъ изданная небольшая книжка, вмѣщающая въ себѣ, однако, обильный и интересный матеріалъ. Авторъ ея въ теченіе 25-ти лѣтъ записывалъ и собиралъ (отчасти съ помощью лицъ, которыхъ сумѣлъ заинтересовать своимъ предметомъ) надписи на могильныхъ памятникахъ, крестахъ и образахъ при дорогахъ, похоронныхъ доскахъ, утвари и т. п. Какъ ни незначительны на первый взглядъ кажутся эти небольшія произведенія творчества, ими невозможно пренебрегать—тѣмъ болѣе, что они съ каждымъ годомъ быстро исчезаютъ. Старинные дешевые кресты, замѣчаетъ авторъ, замѣняются новыми или убираются съ кладбищъ; наивныя надписи на старинныхъ могилахъ стираются; новые дома рѣдко стали расписывать, а старыя надписи и рисунки на нихъ зачастую замазываютъ теперь клеевой краской. Исчезаютъ постепенно т. наз. Marteln и Todtenbretter. Во многихъ мѣстахъ Австріи нерѣдко увидишь при дорогѣ столбъ съ образомъ или небольшой картинкой, на которой изображено какое-нибудь несчастное происшествіе: утонувшій человѣкъ, напримѣръ, и надъ нимъ плачущіе близкіе, умершій отъ неудачнаго выстрѣла и т. п. Такіе столбы называются Marteln; Они ставятся на мѣстѣ происшествія, снабжены надписью, заключающей въ себѣ имя и возрастъ скончавшагося или пострадавшаго, просьбу помолиться за него и изреченіе. Martel называется также дощечка съ над-

Digitized by Google

письмо, повѣшенная въ воспоминаніе о какомъ-нибудь несчастномъ событіи на скалу, дерево, заборъ и т. п. Этотъ обычай соблюдается въ Австріи не только нѣмецкимъ населеніемъ, но и славянскимъ, напр. въ Крайнѣ. Изображенія на нихъ даютъ иногда интересный матеріалъ для исторіи костюма. Въ память избавленія отъ опасности и несчастія ставятся также небольшіе памятники при дорогахъ, т. наз. Bildstöcke. Въ Баваріи, Зальцбургѣ, Богеміи, Штиріи, Каринтіи и др. мѣстностяхъ Австріи, также и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ кантонахъ Швейцаріи можно отмѣтить слѣдующій въ высшей степени интересный обычай. Покойника до погребенія кладутъ на простую доску, а послѣ похоронъ эту доску расписываютъ изображеніями Мадонны, святыхъ, различныхъ эмблематическихъ предметовъ; на ней пишутъ имя покойника и какое-нибудь изреченіе—а затѣмъ ставятъ ее гдѣ-нибудь при дорогѣ, чаще всего при дорогѣ, ведущей къ церкви или капеллѣ. Иногда такую доску кладутъ въ качествѣ мостика надъ ручейкомъ и т. п. Проходящій мимо и наступающій ногой на доску поминаетъ въ молитвѣ умершаго. Интересенъ также существующій въ Штиріи, Каринтіи и Зальцбургѣ обычай расписывать черепа умершихъ родственниковъ. Каждые 8—10 лѣтъ за недостаткомъ свободной земли изъ кладбищъ приходится вырывать покойниковъ. Тогда родные берутъ кости и относятъ ихъ въ особыя для сохраненія костей сооруженныя зданія. Черепа же очень часто расписываютъ; за это, какъ и за расписыванье похоронныхъ досокъ, берется чаще всего деревенскій столяръ. На черепѣ ставятся инціалы или полное имя покойнаго (иногда окруженное вѣнкомъ), годъ его смерти, эмблематическія изображенія (песочные часы, черепъ, обвитый змѣей, надломленная свѣча и т. п.) и пишутся изреченія. Замѣтимъ попутно, что существуетъ слѣдующее суевѣріе. Иногда на черепѣ пишутъ цифры до 90. Такой черепъ съ цифрами приносятъ тайкомъ въ церковь и во все время обѣдни не сводя глазъ смотрятъ на него; тогда будто бы исчезнутъ изъ глазъ всѣ числа до одного—и оно то и обозначаетъ счастливый лотерейный номеръ. Подобный черепъ съ номерами изъ Каринтіи хранится въ Вѣнскомъ Museum für oesterreichische Volkskunde.

Западно-европейскіе этнографы не оставили безъ вниманія, особенно за послѣднія десятилѣтія, собираніе такого рода надписей и изреченій—стоитъ, чтобы убѣдиться въ этомъ, взглянуть на библіографическій списокъ, приложенный къ книгѣ г. Dreselly. Замѣтимъ, что библіографическія указанія можно найти также въ статьѣ Hein-a, Die geographische Verbreitung der Todtenbretter въ Mitth. d. Anthrop. Ges. in Wien, XXIV, стр. 56. T. Dreselly отмѣчаетъ, что нельзя считать эти изреченія и надписи за произведенія чисто народнаго творчества: сочиняли ихъ, конечно, грамотеи изъ деревни, по большей части учителя и пасторы; часть ихъ, какъ могъ возстановить авторъ сборника, взята изъ сборниковъ изреченій, сентенцій, эпиграфовъ и т. п. XVI и XVII столѣтія, доступныхъ въ свое время лишь образованнымъ классамъ населенія; можно назвать также авторовъ того или другого изреченія (писатели XVI, XVII и XVIII ст.). Но съ другой стороны нельзя отрицать, что въ нихъ ярко

Digitized by Google

проявляется народный духъ: народная мудрость и житейскій опытъ, религіозное настроеніе и народный юморъ нашли себѣ отраженіе въ этихъ немногословныхъ надписяхъ. Авторомъ собраны 1247 надписей изъ различныхъ мѣстностей Германіи, Австріи, также и Швейцаріи. Въ своемъ предисловіи, обращаясь съ просьбой прислать ему собранныя надписи (своего адреса авторъ не приложилъ) на нѣмецкомъ языкѣ, г. Dreselly справедливо замѣчаетъ, что при этомъ желательно было бы: 1) выставлять годъ надписи 2) сохранять подлинную орѳографію ея, и 3) прилагать описаніе самаго памятника или еще лучше снимокъ съ него. Эти требованія (по крайней мѣрѣ два первыхъ), по нашему мнѣнію, необходимо исполнять при составленіи подобныхъ сборниковъ. Удивительно только, что самъ авторъ не исполнилъ ихъ. Годъ подписанъ подъ немногими лишь изреченіями; орѳографія приведена также сравнительно рѣдко. Указаніе на мѣсто—коротко и неудовлетворительно. Мало написать названіе города или мѣстечка, гдѣ записано то или другое изреченіе; слѣдовало бы, напримѣръ, приведя надгробную надпись, выставить, кому принадлежалъ могильный памятникъ (общественное положеніе покойнаго), кратко описать внѣшность памятника, указать точнѣе кладбище и т. д. Записывая изреченіе на какомъ нибудь предметѣ (бочкѣ, ножѣ, печномъ кафелѣ, часахъ и т. п.), слѣдовало бы не только отмѣчать, на какомъ именно предметѣ стояло изреченіе, какъ дѣлаетъ это г. Dreselly; интересно было бы опредѣлить, хотя бы приблизительно, къ какому времени можетъ быть отнесенъ предметъ, въ какомъ мѣстѣ онъ изготовленъ (особенно интересно относительно кустарной работы), гдѣ пріобрѣтенъ и въ чьемъ владѣніи онъ въ настоящее время находится. Краткое описаніе предмета было бы тоже небезполезно. Всѣ эти условія лишь рѣдко соблюдены г. Dreselly, и это обезцѣниваетъ сборникъ.. Чувствуется, что авторъ владѣлъ болѣе цѣннымъ матеріаломъ, чѣмъ тотъ, которымъ онъ подѣлился съ читателями. Замѣтимъ также, что интересъ представили бы также надписи на пасхальныхъ яйцахъ,—т. наз. писанкахъ. Писанки дарятся въ разныхъ мѣстностяхъ Австріи дѣвушками тѣмъ парнямъ, съ которыми онѣ въ теченіе зимы много танцовали (съ аналогичнымъ явленіемъ встрѣчаемся въ Пудожск. у., Олонецк. губ., напр.); писанки же отсылаются роднымъ, живущимъ на сторонѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Моравіи можно встрѣтить лицъ, сдѣлавшихъ себѣ спеціальное занятіе изъ раскрашиванья яицъ. Такіе спеціалисты къ Пасхѣ изготовляютъ до тысячи яицъ и больше; важно считается умѣло подобрать подходящій стихъ или изреченіе на предназначенную въ подарокъ писанку.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы многочисленные русскіе собиратели этнографическихъ матеріаловъ обратили вниманіе на записываніе подобныхъ надписей и изреченій. Богатый матеріалъ могли бы дать наши городскія и сельскія кладбища: надписи на обѣтныхъ крестахъ и образахъ при дорогахъ, предметахъ домашняго обихода (старинныхъ и обращающихся теперь въ крестьянскомъ хозяйствѣ): ларяхъ, шкафахъ, кроватяхъ, солонкахъ, блюдахъ, дугахъ, на утвари, колокольцахъ подъ дугами, на старинныхъ и современныхъ рушникахъ (часто при

Digitized by Google

этомъ выставленъ и годъ на полотенцѣ), на тканыхъ раскольничьихъ поясахъ, писанныхъ отъ руки вѣнчикахъ и т. д. и т. д. Было бы также интересно прослѣдить вліяніе письменности и литературы на эти мелкія произведенія—все же, скажемъ, народнаго творчества, т. к. они, обращаясь въ народѣ, выражаютъ его вкусы и міросозерцаніе.

В. Х.—на.

Зобнинъ, Ф. *Къ вопросу о невольникахъ, рабахъ и тюленгутахъ въ киргизской степи.* (Пам. кн. Семипалат. обл. на 1902 г.) 8°. стр. 1—99.

Тяжело сложились условія существованія для рабовъ Дагестана (см статью г. Гидулянова въ „Этн. Обозр“); не легче они были въ свое время и для рабовъ киргизской степи. Слѣды этого не исчезли и сейчасъ, въ особенности въ отношеніяхъ киргизскихъ богачей къ бѣднякамъ. „Положеніе киргизовъ, не имѣющихъ собственныхъ ни скотоводства, ни земледѣлія, близко къ положенію въ крѣпостномъ состояніи“... (98 стр.). Фактъ этотъ, важный въ общественно-правовомъ отношеніи, не лишенъ глубокаго этнографическаго смысла.

По архивнымъ дѣламъ бывшаго Каркаралинскаго окружнаго приказа, такого же Аягузскаго областного правленія сибирскихъ киргизовъ и др., авторъ рисуетъ исторію долгой борьбы невольныхъ людей съ богатой и сильной знатью Киргизской степи.

На языкѣ правительства XVIII и XIX вв. всѣ киргизскіе рабы были „невольниками“, хотя такими слѣдовало бы назвать только людей, захваченныхъ въ плѣнъ и содержимыхъ подъ надзоромъ. Въ 18-мъ столѣтіи это были по преимуществу калмыки и башкиры. Само русское правительство, въ своихъ интересахъ, поддерживало эту исконную борьбу заволжскихъ и зауральскихъ инородцевъ. (Припомнимъ знаменитую неудавшуюся попытку калмыковъ перекочевать въ Китай).

Киргизское рабство росло. Отъ избытка плѣнныхъ тюленгутовъ [1]) и безконтрольнаго торжества грубой силы развелась торговля невольниками. Къ тому же Высочайшая грамота 5 сентября 1755 года, жалуя киргизъ-кайсацкому народу „женъ, дѣтей, скотъ и все имущество бѣглыхъ башкиръ“, впервые узаконяла самый фактъ рабства. Злоупотребленія со стороны киргизовъ дошли до того, рабовладѣльческія вожделѣнія такъ привились киргизамъ, что какъ ни старалось русское правительство уже 20-хъ годовъ XIX вѣка ограничить рабство, особенно торговлю дѣтьми, старанія эти долго были безсильны и безплодны. Пріобрѣтеніе плѣнниковъ путемъ обмѣна на товары, простой купли и т. д. опиралось на обычно-правовыя воззрѣнія киргизовъ и долго не могло быть поколеблено русскимъ „закономъ“.

Уставъ о сибирскихъ киргизахъ 22 іюля 1822 г. внесъ нѣкоторую новую административную организацію въ степь (аулы, волость, округа;

[1]) Авторъ придерживается этого термина, по примѣру Н. А Аристова, киргизскаго тюленгута, а не „теленгетъ“ и не „теленгутъ“, „теленгитъ“.

Digitized by Google

старшій султанъ), установилъ наслѣдственное рабовладѣніе, но запретилъ вновь пріобрѣтать въ рабство природныхъ киргизовъ.

Стали вести „списки“ невольниковъ, а рабовладѣльцы тянуть длинную, часто ложную нить наслѣдственнаго владѣнія. Султаны, имѣя большую власть, стали приписывать въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія природныхъ свободныхъ киргизовъ себѣ въ рабы.

Здѣсь мы натыкаемся на темную страницу киргизской этнографіи, которая не выяснена достаточно убѣдительно и у автора—это о тюленгутахъ.

Говоря, что уставъ 1822 г. выраженіемъ „невольники“ имѣлъ въ виду киргизскихъ „рабовъ“ („кулъ“—мужчины, „кунъ“—женщины), авторъ говоритъ что „тюленгуты“ къ этому времени оказались для русской администраціи „непредвидѣннымъ явленіемъ“ (стр. 26). Выше (4 стр.) „плѣнныхъ теленгутовъ“ онъ видитъ въ захваченныхъ киргизами алтайцахъ (1757 г.). Въ 22 году отмѣчены группы: султанъ, народъ и невольники; но не отмѣчены тюленгуты (стр. 26), наоборотъ, „есть основаніе“, говоритъ авторъ: „думать, что тюленгуты сами пріобрѣтали невольниковъ. Выясняетъ все это авторъ такъ: тюленгутъ—названіе не киргизское, а калмыцкое (въ этомъ оно расходится съ самими киргизами, а также съ г. Калачевымъ—„Живъ. Стар.“ 1896, III—IV); слово это первоначально могло означать плѣннаго алтайскаго калмыка, но оно не было синонимомъ „кулъ“ (рабъ); наоборотъ, словомъ „тюленгутъ“ отличался плѣнный калмыкъ отъ другихъ рабовъ.

Разсмотрѣвъ разные взгляды разныхъ авторовъ на общественно-правовое положеніе тюленгутовъ (Аристова, Левшина, Мейера, Загряжскаго, Ханыкова, Небольсина, Терещенка, Красовскаго, Крафта, Харузина), а также имѣя въ виду свидѣтельства, по которымъ тюленгуты являются «родомъ», авторъ заключаетъ, что это не просто рабы, а люди «добровольно-подчиненные султану» (33 стр.); кромѣ того, авторъ приводитъ отвѣты самихъ киргизовъ, данные ими подъ присягою въ 1833 г. на предложенный имъ русской администраціей вопросъ о значеніи невольниковъ и тюленгутовъ. Приведемъ одно изъ этихъ показаній:

«Тюленгуты пріобрѣтаются киргизскими султанами тремя способами: 1-хъ, по неимѣнію скотоводства бѣдные киргизы прибѣгаютъ къ достаточнымъ и остаются у нихъ изъ-за одного пропитанія даже и навсегда со своимъ потомствомъ. 2-хъ, имѣющіе скотоводство киргизы, желая обезопасить стада и быть подъ покровительствомъ, остаются при покровителѣ также потомственно, а иногда отходятъ и увольняются по доброй волѣ владѣльцами, по учиненіи съ ними разсчета въ содержаніи и пріобрѣтеніи скота. Если же тюленгутъ оказывалъ покровителю вѣрность въ услугахъ, то отпускался и безъ всякихъ разсчетовъ, даже еще и съ наградою. 3-хъ, во избѣжаніе какого-либо взысканія, правильнаго или неправильнаго, киргизы укрываются подъ покровительство султана или другого вліятельнаго киргиза».

О кулахъ показывали, напр., что они пріобрѣтались покупкою и

Digitized by Google

плѣненіемъ отъ калмыковъ, закаменныхъ и черныхъ киргизовъ съ правомъ наслѣдственнаго владѣнія, продажи и т. д.

Обязанности тюленгутовъ—охранять султана и его собственность, сопутствовать въ поѣздкахъ, служить для посылокъ. Въ древнія времена тюленгуты были исполнителями казни.

Однако глухая борьба тюленгутовъ, какъ говоритъ авторъ, съ русско-киргизской помѣщичьей администраціей шла вплоть до 1861 г., когда киргизы не могли опираться на русское крѣпостное право. Какъ одинъ изъ примѣровъ такой борьбы авторъ приводитъ долголѣтній процессъ о тюленгутахъ султана Чамы Аблай-Ханова, будто бы присваиваемыхъ султаномъ Агадаемъ Мамановымъ, возникшій въ 1832 г. Не приводимъ здѣсь обильнаго архивнаго матеріала, которымъ пользуется авторъ; скажемъ только, что, дѣйствительно, изъ дѣла раскрывается «свободное» состояніе тюленгута, прибѣгающаго лишь къ патріархальному покровительству султана.

Объявленіе свободы находившимся у киргизовъ степного края невольникамъ началось въ 1859 г., закончено было въ 1863 г.

Въ 1874 г. изъ канцеляріи Его Императорскаго Величества былъ запросъ, числятся ли у киргизовъ невольники. Послѣдовалъ единогласный отрицательный отвѣтъ. Однако авторъ не приводитъ мотивовъ такого вопроса и заключаетъ только свои мысли о тюленгутахъ тѣмъ, что экономическое рабство у киргизовъ существуетъ и сейчасъ. Въ 1900 г. одно лицо пишетъ ему, что въ отношеніяхъ бѣдняковъ-киргизовъ къ богатымъ находится «въ сущности что-то близкое къ крѣпостному праву».

Мы нарочно подробно остановились на фактической сторонѣ трактуемаго г. Зобининымъ вопроса, въ виду того, что самъ онъ, признавая весь интересъ его, нигдѣ не рѣшаетъ его положительно. Причина этому, очевидно, та, что, располагая интереснымъ архивнымъ матеріаломъ, авторъ и не задавался цѣлью обставить свое изслѣдованіе съ должной полнотой и научностью. Иначе онъ долженъ былъ бы серьезнѣе обратить вниманіе на вопросы историческаго и этнографическаго характера, полнѣе захватить ихъ, не дѣлая пробѣловъ тамъ, гдѣ у него нѣтъ архивныхъ данныхъ. Общественные группы киргизскаго народа, семья, экономическій бытъ требовали бы болѣе отчетливаго разсмотрѣнія. Исторія передвиженій, смѣшеній, подчиненій разныхъ группъ требуетъ тоже полноты и вдумчивости.

Пожелаемъ же автору, столь интересно отмѣтившему и сейчасъ еще жизненный этнографическій фактъ, продолжить свое изученіе киргизовъ и отыскать какъ истинное начало тюленгутовъ, такъ и истинный ихъ конецъ, б. м., дѣйствительно запрятанный «въ чемъ-то въ родѣ крѣпостного права».

Вл. Б.

В. Г. Богоразъ. Колымское русское областное нарѣчіе. *Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ 68.* С.-П. 1901 г.

Статья В. Г. Богораза «Колымское русское областное нарѣчіе» заклю-

Digitized by Google

чаетъ въ себѣ свѣдѣнія о колымскомъ русскомъ нарѣчіи, объ его особенностяхъ въ произношеніи, этимологіи, словосочетаніи и словообразованіи, словарный матеріалъ, тексты пѣсенъ, сказокъ, загадокъ. Русское и обрусѣлое населеніе (1120 ч.) Колымскаго округа распредѣляется на р. Колымѣ въ 2 хъ группахъ: Среднеколымской и Нижнеколымской. Нижнеколымская (680ч.), кромѣ русскаго населенія, заключаетъ въ себѣ обрусѣлые якутскіе и юкагирскіе роды (162 ч.). Русское населеніе состоитъ изъ казаковъ, бывшихъ колымскихъ крестьянъ и потомковъ ссыльно-переселенцевъ. Центръ русскаго населенія Походскъ и Нижнеколымскъ. Русское населеніе смѣшивается съ юкагирами и якутами, причемъ инородцы ассимилируются съ русскими.

Нарѣчія обѣихъ группъ колымскаго русскаго населенія принадлежатъ къ окающимъ сѣверно-русскимъ говорамъ, такъ какъ первоначальные завоеватели этого края были сѣверно-русскаго происхожденія.—Въ среднеколымскомъ нарѣчіи обычно замѣненіе шипящихъ звуковъ свистящими и наоборотъ (вѣцно, жубы), замѣна *т* буквою *ч*. Въ общемъ же говоръ этой группы совпадаетъ съ говоромъ Восточной Сибири.

Главною особенностью нижнеколымскаго нарѣчія является сладкоязычіе (*л* и *р* передъ гласн. произносится какъ *й*: йюбйю), и въ видѣ реакціи общему сладкоязычію употребляется твердое произношеніе слѣдующей за буквою *р* гласной: *подрадъ, робаты* и переходъ звуковъ *е* и *ё* въ *э*: вэра, врэмь. Центромъ сладкоязычія является селеніе Походское. Происхожденія сладкоязычія г. Богоразъ не объясняетъ, но указываетъ, какъ на матеріалъ для сравненія, на языки коряцкій, чукотскій и юкагирскій, въ которыхъ замѣчается мягкое произношеніе. Кромѣ приведенныхъ особенностей, г. Богоразъ отмѣчаетъ многія другія, которыя интересны, какъ лингвистическій матеріалъ.

Между многими этимологическими особенностями колымскаго нарѣчія отмѣтимъ мѣстоименіе *чеевичъ, чее на,* означающее «какого отчества» и измѣненіе нарѣчій *много, людно, сколько* по отношенію къ лицамъ въ склоняющіяся слова: *многоро, людноро, многорыхъ, многорымъ* и т. д.

Разнообразныя синтаксическія особенности тоже подробно отмѣчены г. Богоразомъ, между ними интересна вопросительная форма, образующаяся съ частицею *ду* (заимствовано изъ якутск. яз): «Братъ, вечорну топю метать станешь ду»? Въ словообразованіи надо отмѣтить образованіе отъ каждаго существит. глаголовъ, обозначающихъ охоту за чѣмъ-нибудь: утковать, лебедовать. Далѣе, г. Богоразъ отмѣчаетъ сходство нѣкоторыхъ колымскихъ словъ съ польскими, перечисляетъ слова неизвѣстнаго происхожденія (относящіяся къ ѣздѣ на собакахъ), старорусскія выраженія: это како литовско раззоренье, разнобоярщина и т. п., искаженныя иностранныя слова.

Словарь мѣстныхъ словъ очень обширенъ (163 стр.), составленъ съ объясненіями и съ сохраненіемъ мѣстнаго произношенія.

Пѣсенный матеріалъ, собранный г. Богоразомъ въ Колымскомъ краѣ, очень обширенъ. Лирическія пѣсни чисто-великорусскія сохранились очень хорошо какъ по напѣву, такъ и по содержанію. По мнѣнію г. Богораза,

Digitized by Google

«сохраненію пѣсни болѣе всего способствовала пѣвучесть порѣчанина» и пристрастіе его къ музыкѣ. Мѣстныя импровизаціи отличаются довольно бѣднымъ содержаніемъ, и тема ихъ—сердечныя мученія; наз. эти пѣсни *андыщины*, *андыльщины*. — Въ Колымскомъ краѣ г. Богоразу удалось записать и нѣсколько старинъ, которыя въ свое время были разобраны проф. В. Ѳ. Миллеромъ (Новыя записи былинъ въ Якутской области). Между этими старинами въ статьѣ г. Богораза есть старина про Добрыню Микитьевича, близкій варіантъ колымской былины, разобранной профес. В. Ѳ. Миллеромъ въ его «Очеркахъ» (стр. 426). Людей, знающихъ старины, по словамъ г. Богораза, становится все меньше, и старины забываются; также и лирическія пѣсни «подпали разрушенію въ послѣднія десятилѣтія подъ натискомъ прозаической мѣщанской нивеллировки».

Кромѣ старинъ и пѣсенъ, г. Богоразъ записалъ колымскія сказки (съ большою долею инородческаго элемента), скороговорки, пословицы и загадки.

Статья г. Богораза, дающая цѣнный фолологическій и литературный матеріалъ, очень интересна и полезна какъ для языковѣдовъ, такъ и для людей, изучающихъ народную русскую словесность.

Е.

Эминскій Этнографическій Сборникъ, *издаваемый при Лазаревскомъ Институтѣ восточныхъ языковъ въ Москвѣ. Выпускъ II: Армянскій народный (героическій) эпосъ и сказки.* Москва. 1901, стр. X+447.

Сборникъ издается только по-армянски, но о его содержаніи можно составить себѣ понятія по русскому предисловію. Еще въ концѣ прошлаго года извѣстный собиратель по армянской этнографіи, С. Айкуни, предоставилъ въ распоряженіе редакціи «Эминскаго этнографическаго сборника» свои обширные рукописные матеріалы, собранные имъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ различныхъ областяхъ турецкой Арменіи.

Настоящая книга, составляющая второй выпускъ «Эмин. этнограф. сборника» и первую часть изъ собраній С. Айкуни, заключаетъ въ себѣ два отдѣла устной народной словесности, а именно—*народный армянскій эпосъ* и *народныя армянскія сказки*. Въ виду изобилія матеріаловъ по послѣднему отдѣлу, вторая книга также будетъ посвящена сказкамъ; въ третью книгу войдетъ передаваемый у турецкихъ армянъ *курдскій эпосъ*, представляющій особый интересъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Остальные матеріалы г. Айкуни будутъ помѣщены въ послѣдующихъ книгахъ.

Изъ напечатанныхъ въ этой книгѣ шести эпическихъ сказаній въ особенности заслуживаетъ вниманія Мокскій варіантъ «Давида и Мхера» (стр. 19—50), представляющій новыя подробности и, вмѣстѣ съ вышедшими до сихъ поръ въ свѣтъ другими варіантами [1]), образующій одно

[1]) Еп. Сруанцтіанцъ первый познакомилъ спеціалистовъ съ этимъ любопытнымъ эпосомъ (Константинополь, 1874); варіанты изданы — М. Абехіаномъ

Digitized by Google

прекрасное цѣлое.— «Апузетъ» и «Ширинъ-шахъ и Бахръ», несмотря на упоминаніе въ нихъ нѣкоторыхъ курдскихъ обычаевъ, не чужды армянскимъ преданіямъ, почему и помѣщены въ отдѣлѣ армянскаго эпоса. Впрочемъ, у г. Айкуни записаны и другіе варіанты тѣхъ же сказаній, носящіе чисто курдскій характеръ: послѣдніе войдутъ въ «Курдскій эпосъ».

Сказки всѣ въ высшей степени интересны по содержанію, затрогивая многочисленные сходные мотивы изъ общей сказочной литературы, и заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны языка (хотя онѣ и не записаны спеціально съ лингвистической цѣлью), представляя образцы болѣе 15-ти армянскихъ нарѣчій и говоровъ.

Для объясненія всѣхъ вообще областныхъ армянскихъ словъ, употребляющихся въ собраніи С. Айкуни, будетъ приложенъ къ послѣдней книгѣ его матеріаловъ пространный *словарь*.

По содержанію Образцы устной народной литературы представляютъ два отдѣла: *I. Народный эпосъ:* 1. Санасаръ и Богдасаръ (Мокскій варіантъ). 2. Давидъ и Мхеръ (Мокскій варіантъ). 3. Юсепъ-Бекъ и Цахикъ-Ханумъ (на Арчэшскомъ нарѣчіи). 4. Апузетъ (на Буланыхскомъ нарѣчіи). 5. Халантаръ (на литературн. языкѣ). 6. Ширинъ - Шахъ и Бахръ (на Кулапск. нарѣчіи). *II. Народныя сказки:* 1. Чудный конь Лалазаръ (на Кулапск. нарѣчіи). 2. Митиль-Хавкъ. 3. Безногій. 4. Меликъ-шахъ, Гурія-пэри и Измѣнница-мать (на Кулапск. нарѣчіи). 5. Чуко и Чэйранъ—волшебное колечко (на Чарсанчакск. нарѣчіи). 6. Волшебница Блэлъ (на Чарсанчакск. нарѣчіи). 7. Тумэнъ. 8. Лягушка. 9. Огненная чечевица. 10. (Человѣкъ) съ голубымъ глазомъ и безбородый (на Чарсанчакск. нарѣчіи). 11. Артучъ и царь Хахахъ (на Чарсанчакск. нарѣчіи). 12. Городъ Джаминъ и Разрыватель цѣпей (на Чарсанчакск. нарѣчіи). 13. Ловецъ Айрапетъ (на Чарсанчакск. нарѣчіи). 14. Врачъ Лохманъ. 15. Царица Елена и Гико (на Чарсанчакск. нарѣчіи). 16. Атаманъ разбойниковъ Искендеръ и царь Осъ (на Абаранск. нарѣчіи). 17. Братецъ-товарищъ и Пэри въ сорокъ локоновъ (на Котайск. нарѣчіи). 18. Ловецъ Муратъ (на Хойскомъ нарѣчіи). 19. Царица-разбойница (на говорѣ села Алиджанъ). 20. Вѣрная и невѣрная жена (на говорѣ села Грамбъ). 21. Самъ-булатъ (на Арчэшск. нарѣчіи). 22. Звѣзда Зуалъ, Гранатная косточка и Златокудрая (на Багэшск. нарѣчіи). 23. Дарчинъ (Корица) и Китайская царевна (на Багэшск. нарѣчіи). 24. Трое безбородыхъ и разоритель Аро (на Алашкертск. нарѣчіи). 25. Мельникъ Диланъ (на Алашкертск. нарѣчіи). 26. Попъ и братецъ-персіянинъ (на Алашкертск. нарѣчіи). 27. Пышко-Нырно (на Алашкертск. нарѣчіи). 28. Красавица всего міра (на Хлатскомъ нарѣчіи). 29. Искусникъ Муратъ. 30. Хаджи

(Шуша, 1889), дьякономъ Гарегинома (Тифлисъ, 1892), Б. Халатьянцемъ (Вагаршапатъ, 1899). Русскій переводъ „Давида и Мхера“ по изданію Сруанцтіанца, сдѣланный Г. А. Халатьянцемъ, былъ напечатанъ въ журн. Мин. Нар. Просв. за 1881 г. (октябрь) и перепечатанъ затѣмъ въ обоихъ изданіяхъ „Братской Помощи“ покойнаго Г. А. Джаншіева; нѣмецкій переводъ помѣщенъ въ IV книжкѣ „Armenische Bibliothek“ (Leipzig, 1887).

Digitized by Google

Сайатъ. 31. Царь Синамъ и Гюль. 32. Горемычный старшина Муратъ (на Хлатскомъ нарѣчіи). 33. Кроткій и задорный братцы (на Хлатскомъ нарѣчіи). 34. Охэшъ! (Ахъ!) (на Хлатскомъ нарѣчіи). 35. Охэшъ! (на Буланыхск. нарѣчіи). 36. Открой, мой черный камешекъ! (на Буланыхскомъ нарѣчіи). 37. Огненная-Гурія (на Буланыхск. нарѣчіи). 38. Молчащая дѣва. 39. О Хикарѣ. 40. Жена, превращенная въ мула (на Арчэшскомъ нарѣчіи). 41. Братецъ-барашекъ (на Ванскомъ нарѣчіи). 42. Сынъ Ходжа Юсепа (на Мокскомъ нарѣчіи).

Digitized by Google

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

Воронежскія Губ. Вѣд. 1901. 48. Сообщеніе члена Воронежской Архивной Коммиссіи *Рождественскаго*, О рукописяхъ и преданіяхъ относительно кладовъ Тульской и Калужской губ., связанныхъ съ воспоминаніями о разбойникахъ (Кудеяръ). Названія городищъ, рѣкъ, мѣстечекъ, свидѣтельствующія о разбойничьихъ подвигахъ (Лихвинъ, Лютикиа, Рѣзанцево).—Легенда о нечистой силѣ, строившей городище (глыба песчаника въ лѣсу Оптинскаго монастыря, въ 18 в. отъ Козельска) для дочери Кудеяра.

Живописная Россія (еженедѣльно) 1901. 40. *Шваровъ, Е.*, Русскіе ратники пятьсотъ лѣтъ назадъ.—*Торговъ, А.*, Понедѣльничанье. Историко-этнографическій очеркъ.—40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50 и 51. *Сулима, М.*, По Сибирской магистрали, по Якутскому тракту и по рѣкѣ Ленѣ (оконч.). 40, 41 и 42. *Надеждинъ, Н.*, Очеркъ исторіи русской семьи.—42 и 43. *Львовскій, Л.*, Разсадникъ офеней.—Типъ старухи крестьянки Подольской губерніи (альбомъ).—44 „*". Двѣ святыни осетинъ (съ 5 рисунк.).—Типъ латыша Лифл. губ. (этн. альбомъ).—Древнія московскія шитыя полотенца (рис.)—45 и 46. *Красножонъ, М.*, проф., „Какъ русскіе берегли свою вѣру"—Историч. очеркъ.—Эрзянки, женщины мордовскаго племени въ Заволжьѣ (этногр. альбомъ).—Женскіе головные уборы во Флорищевой пустынѣ, Владим. губ. (рис.)—46. Типы мордвы Эрзя, Симб. губ. (этногр. альбомъ).—47. *Львовъ, Н.*, Русская этнографія въ разсказахъ для юношества.—*Черновъ, Е.*, Изслѣдователи русской жизни—В. И. Даль (съ портр.)—*Торговъ, А.*, „Обсѣвъ". Изъ простонародныхъ повѣрій.—49. Изъ реферата *П. Г. Никатова*: „Телецкая экспедиція".—*Торговъ, А.*, „Закладъ" (Изъ народныхъ обычаевъ въ Пошехонскомъ у.).—Деревенскіе музыканты въ Ярославской губ. (этногр. альбомъ).—Русскія древности (изъ этнографическаго собранія антикварія П. М. Иванова въ Москвѣ).—52. *Филипповъ, А.*, О русской народной музыкѣ. Указавъ на сильный интересъ у современной интеллигенціи къ русской нар. музыкѣ (концерты, проектъ учрежденія особаго о-ва любителей русс. нар. музыки), авторъ дѣлаетъ обзоръ, какъ проявлялся этотъ интересъ у интеллигенціи съ XVIII вѣка до нашего времени. Далѣе переходитъ къ вопросу о точности записей народной мелодіи, для чего дѣлаетъ нѣсколько анализовъ записанныхъ мелодій.

Журналъ Министерства Народнаго просвѣщенія. 1901. Дек. *Е. Ф. Шмурло.* Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго. XII (прод. см. 1900 г. окт.).—Критика. *И. Тихомировъ.* Разборъ изслѣдованія *Н. Чернавскаго.* Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ. Вып. I. Оренб. 1900.—Рецензія *А. Л. Погодина* на „Литовскую хрестоматію" *Э. Вольтера.* Вып. I. СПБ. 1901. *С. Н. Брайловскій*, Рецензія на *I. Bernstein*, Katalog dzieł treści przysłowiowej składających bibljoteke Ign. Bernsteina. I—II i dodatek. Warszawa. MDCCCC. *Д. И. Абрамовичъ.* Юбилейный сборникъ въ честь В. Ѳ. Миллера, подъ ред. *Н. А. Янчука.* М. 1900.—Замѣтки о книгахъ: Записки Серг. Григ. *Волконскаго* (декабриста). Изд. кн. М. С. Волконскаго. СПБ. 1901. VII + 547. *И. Корниловъ.* Русское дѣло въ С.-Зап. краѣ. Матеріалы для исторіи Виленскаго уч. округа, преимущественно въ Муравьевскую эпоху. СПБ. 1901. *Серг. Мечъ.* Географія, какъ наука и какъ учебный предметъ. Рѣчь, чит. въ засѣд. Географ. отд. О. Л. Е., А. и Э. въ Москвѣ. II изд. М. 1899. *А. и Ф. Гербертсонъ.*

Digitized by Google

Человѣкъ и его трудъ. Введеніе въ географію человѣка. Пер. съ англ. А. Александровой. СПБ. 1901. *И. П. Хрущовъ.* Сборникъ литературныхъ, историческихъ и этнографическихъ статей и замѣтокъ. СПБ. 1901.

Новости. 1900. 42. *Паоло Ломброзо.* Участіе Италіи въ прогрессѣ XIX в. **58. 62.** *Л. Е. Оболенскій.* Путевыя замѣтки о Трансваалѣ (по очеркамъ Поля де-Ней „La vie au Transvaal.—Notes de voyage"). **64.** Отчетъ о лекціи *С. Г. Рыбакова* „Музыка инородцевъ", составленной на основаніи собранныхъ имъ въ Средней Азіи матеріаловъ (музыкальныя записи при помощи фонографа). **72. 76. 80.** Принцесса Донія и принцъ Діадемъ (сказка изъ *1001 ночи*; пер. съ французскаго изданія Mardrus). **82.** Великаны Огненной земли—племя опасовъ (Изъ „Century").

Самарскія Губ. Вѣд. 1901. 74. 83 84. 87. *Павловичъ*, Черемисы. Очеркъ исторіи, быта и вѣрованій (Юмо, Кереметь) черемисъ Вятской, Казанской, Пермской, Нижегородской и Костромской губ.

Православный Благовѣстникъ. 1901. 19. *Россіевъ*, Лопари. Краткій очеркъ нѣкоторыхъ обычаевъ и воззрѣній русскихъ лопарей. **21.** Гольды.

Природа и Люди. Годъ XII (1900—1901). 1—4. *П. Бѣлецкій*, Въ глуши Сибири. **2.** *Т. Богдановъ*, Языкъ обезьянъ. **1, 11.** *В. Битнеръ*, Тѣло, душа и преступленіе. **1.** Сіамская присяга. **2.** *А. З.* Въ снѣгахъ сѣвера (о полевыхъ или оленьихъ финнахъ). **3.** Судъ у китайцевъ. Новыя данныя о „большомъ Кулакѣ". **6, 7.** *В. Иверсенъ*, Любимыя китайскія блюда. **6.** *Г. Ф.*, На развалинахъ древняго Карѳагена (легенда о Сиди-Саадѣ—покровителѣ рабовъ). Тысячелѣтній корабль (викинговъ). („Р. Вѣстн."). **7, 9—11, 13, 14.** Въ пустынѣ Калахари. Путешествіе М. Фарини. **8, 25.** *Г. Ф.*, Страна восходящаго солнца. Очерки Японіи. **9.** *Г. Ф.*, Въ Южной Америкѣ. **10.** *О. П.*, Святки въ Западной Европѣ. **11.** Призракъ (Маріи Стюартъ) въ Лондонской башнѣ (какъ предвѣстіе несчастья). **12.** *Модъ Стонъ*, Мое знакомство съ боксерами. Изъ записокъ жены миссіонера. **12. (13)** *Б. М.*, Конецъ міра (въ представленіи народовъ и людей)? **13.** Сожиганіе труповъ въ Японіи. **14.** Кафры слѣдопыты.—*А. З.*, Серпа Пинто (африканскій путешественникъ) †. **15.** *Б. Потоцкій*, Чума въ Индіи (о погребеніи труповъ). *Г. Суринъ*, Праздникъ пастуховъ. Очерки изъ Тирольской жизни. **16—20.** *К. Бабановскій*, Робинзоны Ладожскаго озера. Изъ быта окрестныхъ рыбаковъ. **16.** Послѣдніе индѣйцы. **17.** Китайскіе піонеры Новаго свѣта. Письмо изъ Южной Америки *И. Кларка.*—Храмъ змѣй (въ Африкѣ). **18.** *Ш. С.*, Головные уборы и постройки у разныхъ народовъ. **19.** *А. Н.*, Хрустальный замокъ (о празднествахъ, соединенныхъ съ нимъ). Изъ путешествія по Канадѣ. **20, 21.** *Н. Б.*, Черезъ великій лѣсъ пигмеевъ. Записки африк. миссіонера.—Одиннадцать городовъ одинъ на другомъ. **21.** Народныя суевѣрія: о заклятой дѣвѣ, обладательницѣ огромныхъ богатствъ (въ Сибири), вѣщемъ старикѣ (Нижегор. губ)., гадалкѣ и вѣщунѣ колдунѣ (въ Калугѣ, Саратовѣ, дер. Романово, Балахн. у.), о чудодѣйственной силѣ священныхъ предметовъ („херувимскаго ладана", воды отъ полосканія потира, воска отъ свѣчи послѣ чтенія двѣнадцати евангелій, воды отъ омовенія покойника, о подыманіи въ Мингреліи иконъ, для преданія проклятію. **22. 9.** *Сноль*, Австралійскій Робинзонъ (В. Беклей). Китайскій обѣдъ. Китайскій адъ. (Изъ „Драгоцѣнныхъ воспоминаній", Юй-Ли. **23.** *Л. Черскій*, Саиль—праздникъ весны (въ Самаркандѣ) **24.** *З. Н.*, Причуды природы (окаменѣлое семейство, дѣва). **26.** Исторія башмаковъ. **29.** Молитвенные цилиндры у буддистовъ. **30.** Странная мода татуировать руки и плечи въ „Нью-Іоркѣ" („Нов."). Первый чревовѣщатель, Сенгель („Нов.") **31—32.** *М. Левицкій*, Колыбель сѣверныхъ славянъ (Рига). **31.** Бѣлый вождь индѣйскаго племени черноногихъ.—Человѣкъ рыба. **32.** *Б. Потоцкій*, Китайскіе фокусники. **33—35.** *З. А.*, Исторія Риги. **34—35.** *В. Битнеръ*, Мани, факелъ, фаресъ, соврем. положеніе вопроса о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ. **34.** С. В. Максимовъ †. Величайшая (китайская) рукопись энциклопедіи. **35.** Посольство Далай-Ламы въ СПБ („Н. Вр."). **36—37.** *В. Анфиловъ*, Этнографическій музей И. Ак. Н. (съ рис.). **37.** Вѣщій сокъ (раскрывшій убійство). **38.** Раскопки (Ганса) въ Египтѣ.—Народъ, не

Digitized by Google

умѣющій считать (въ Зап. Австраліи).—Тибетская медицина (о П. Бадмаевѣ) („Нов.“).—Новый пророкъ (Илья второй) въ Чикаго. **39.** *А. Б.*, Тайный судъ (въ Германіи).—Что такое сонъ? (докладъ Г. Бергсона). **40.** *Вл. Комаровскій*, Въ таежной глуши. **41.** А. Э. Норденшельдъ †. **42—45.** *К. Бабановскій*, Исторія Грузіи. **42.** Некрасовцы (указана литература); см. также: *Влад. Мир-рскій*, У русскихъ подданныхъ султана („Русск. Вѣд.“ 1901). **44.** *В. С.*, Колдуны и волшебники. Секта голодающихъ (въ Индіи). **45.** Новый Мессія. **46.** *Г. П.*, Праздникъ маори.—Зубъ Будды въ храмѣ Индіи. Ужасный „замокъ“ (о бѣшенствѣ среди малайцевъ). **47.** *А. Эльскій*, Русскій въ Пампасахъ.—Рукопись апост. Петра.—Суевѣріе въ Сѣчи: черный пѣтухъ, какъ умилостивительная жертва. **48.** *І. Ф.*, У рубежа нашихъ познаній (гаданіе автора о доисторическихъ временахъ).—*Б. Поточкій*, Долина смерти въ Калифорніи (извѣстная удушливостью атмосферы).—Въ сѣверномъ Китаѣ (о способахъ передвиженія и перевозки кладей). **50.** *В. Битнеръ*, Р. Вирховъ-Pow-Wow (празднество въ честь великобританскаго наслѣдника принца въ Кальгори) (Le Temps) **51.** *Б. Поточкій*, Азіатская Швейцарія (Афганистанъ). *В. Ж.*, Чистилище св. Патрика (о суевѣріи ирландцевъ, использованномъ іезуитами).—(—*д*—)

Русскій Листокъ. 1901. 335. О предполагаемомъ учрежденіи Иконописной мастерской при Строгановскомъ училищѣ.—Изъ исторіи моды **337.** Вѣщій сонъ („Ежедн. Курьеръ“).—Бесѣда съ покойнымъ Ли-Хунъ-Чангомъ. **338.** Мірскіе отголоски. Храбрыя дамы. Въ Приложеніи: *П. Россіевъ*, Гдѣ сытно живется. Путевыя впечатлѣнія по Голландіи. (См. пред. № 345). *Аврелій*, П. Бартеневъ, какъ издатель. Библіографія: Поэты—крестьяне (Гороховъ, Травинъ и Поповъ). Рисунки: Помощникъ бога войны въ Китаѣ и Принесеніе жертвы богу войны. Манджурскій станъ, семейство, молотьба риса, манджуры на станціи жел. дороги. Бурятскія женщины. **343.** Французъ о Сибири. Путешествіе К. Оланьона („Торг.-Пром. Газ.“). Посмертныя почести Ли-Хунъ-Чангу. **344.** Чудесное исцѣленіе. („Од. Л.“). Рюи-Блазъ, Современные постники. Суевѣрные индусы сначала считали одну постницу богиней и хотѣли приносить ей жертвы. **345.** (Приложеніе). Типы женщинъ Голландіи. **348.** В. И. Григоровичъ, славистъ († 1876). **349.** Въ засѣданіи „музыкально-этнографическаго отдѣла“ (докладъ г. Аракчіева о грузинской народной пѣснѣ и ея эволюціи. За границей) Рождественскій сочельникъ въ домѣ президента французскаго. Легенды объ орѣхѣ. **351.** *Россъ*, Вскользь; (О задачахъ Общества распространенія національной музыки). **352.** *А. Б(елы)й*, Рождественскія представленія (въ Альпахъ, близъ Пресбурга). Смѣсь. Календари и предсказанія. **353.** О чемъ пишутъ. Сколько въ Россіи старообрядцевъ? Авторъ повторяетъ доводы *Θ. М.*, высказывавшаго недовѣріе къ переписи 1897 года.—Африканская свадьба.—*Россъ*, Рождественская елка. **355.** По Москвѣ. О народныхъ гуляньяхъ на Дѣвичьемъ полѣ.—Святочное происшествіе о „духахъ“ („Орл. В.“). **357.** *Термитъ*, Московскіе отголоски. Паденіе народныхъ гуляній на Дѣвичьемъ полѣ. **358** Датчанинъ Гильдебрандтъ намѣревается пробраться пѣшкомъ въ священный городъ Хлассу.—Знахарство: для опредѣленія болѣзни знахарь (изъ Сѣдлецкой губ.) потребовалъ 10 волосъ съ головы больной, отрѣзанныхъ деревяннымъ ножемъ („Ежедн. К.“).—(—*д*—)

1902. 1. *Садко*, Къ моменту 75-лѣтія П. П. Семенова.—Ульяна-Егоръ („Сар. Дн.“).—Крупная археологическая новость, скиѳская обстановка сожженія („К. Газ.“).—Татуированный одесситъ („Од. Нов.“).—*Рюи-Блазъ*, Встрѣча Новаго года за границей.—О предполагаемой экспедиціи въ Абиссинію. **3.** Въ Антропологическомъ отдѣлѣ И. О. Л. Е. А. Э. Публичное засѣданіе по случаю VIII Пироговскаго съѣзда врачей. **5.** VIII Пироговскій съѣздъ (докладъ А. Левицкаго о народной медицинѣ; докладчикъ настаивалъ на учрежденіи музея народной медицины). — *Фита*, Франція черезъ 600 лѣтъ (объ уменьшеніи рождаемости во Франціи).—Курьезное пари (румынъ Георгеску предпринялъ пѣшкомъ путешествіе по Европѣ). Въ Приложеніи **5, 12, 26, 32, 40:** *П. Россіевъ*, Гдѣ сытно живется (Путевыя впечатлѣнія по Голландіи). **10.** Изъ міра суевѣрій. О сапожникѣ—колдунѣ, обманывавшемъ женщину. („Перм. Кр.“)

Digitized by Google

12. Изъ міра раскола. (объ „иноческомъ“ благочестіи, утверждаемомъ старикомъ Х. посланнымъ Отцомъ Небеснымъ). 17. Луна-Джегюдъ. Народныя поговорки. 18. Московскіе отголоски. О реформѣ народныхъ развлеченій въ Москвѣ. Сама себя высѣкла. Знахарка, ссылаясь на благодарственныя письма паціентовъ, просила награды, однако сольвычегодское у. земское собраніе возбудило противъ нея уголовное преслѣдованіе („Сѣв. Кр.“). Въ Приложеніи къ № 19: Человѣческое жертвоприношеніе въ Западной Африкѣ (рис.). Въ Приложеніи къ № 26: Типы подолянокъ, Японская красавица въ своемъ будуарѣ, Китайскій врачъ у паціента. 29. Тоже—экспертиза (для опредѣленія, кто изъ дѣвушекъ уронилъ въ колодецъ младенца). („Од. Нов.“) 30. Въ поискахъ „человѣчьей души“. Среди Черемисъ. (Казанск. губ.) распространенъ слухъ, что для того, чтобы достать кладъ, зарытый нѣкогда разбойниками, нужно отдать за него душу. 31. *Р.*, В. Юнкеръ.—*Г. К-ій*, На переписи Хитрова рынка.—Кладоискательница: легковѣрная женщина была обманута гадальщиками-аферистами („Кіевл.“). 32. Провинціальныя картинки. Объ обычаѣ брать плату за дѣвушекъ-невѣстъ („Сар. Дн.“). 35. *А. Б-й*, Нѣмецкія секты: а) секта „христіанской науки“, эксплоатирующая больныхъ, б) „адвентисты“ (вѣра въ близкую кончину міра). 36. По Москвѣ. Предсказатель въ Лефортовѣ. 38 Докладъ Козлова о Тибетской экспедиціи въ Географическомъ о-вѣ. 40. *Фита*, Съѣденная дикарями миссія (на англійской Новой Гвинеѣ).

Русскія Вѣдомости. 1901. 328. Внутреннія извѣстія. Барнаулъ. Десятилѣтіе Общества любителей Алтая. (А. Головачевъ сообщилъ „О семейномъ и общественномъ положеніи киргизской женщины“).—„Распредѣленіе старообрядцевъ и сектантовъ по толкамъ и сектамъ“, изд. Центр. Статист. комит. М. В. Д. И. Миклашевскій † (его диссертація: Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка). 329. В. Богуславскій, польскій историкъ †. О новомъ журналѣ: Revue d'Asie. 334.—*скій*, На Сахалинѣ. Библіографическія замѣтки. *А. Дж.* Р. де-ла Грассери, Психологія религій. 336. Антропологическая находка около Загреба.—25-лѣтній юбилей проф. Фр. Ратцеля.—Пергамскій музей въ Берлинѣ. Новое сочин. проф. Л. Нидерле: Slovanske Starozitnosti. 337. Докладъ А. Стаховича о борьбѣ съ лубочной литературой. О предстоящемъ двадцатипятилѣтіи Минусинскаго музея. 338. Путешествіе бурята А. Доржіева. Указъ богдыхана о посмертныхъ почестяхъ Ли-Хунъ-Чангу („Спб. Вѣд.“). 340, 314. *Тамъ*, По Маньчжуріи. 342, 345.—*ъ*, Условія колонизаціи Приамурья (По поводу отчета А. А. Кауфмана). 343, 353. *Ю. Веселовскій*, Народный театръ во Франціи.—Открытія на о-вѣ Критѣ археологовъ Гальтью и Перье. Сообщеніе художника А. Борисова о Новой Землѣ. 345. Результаты тибетской экспедиціи П. К. Козлова. 351. Епархіальный комитетъ правосл. миссіи. общества предпринимаетъ статистическое описаніе крестьянъ инородцевъ Уфимской губ. („Спб. В.“).—80-лѣтній юбилей проф. А. Малецкаго.—Археологическія открытія въ Помпеѣ. 353. XI. Съѣздъ естествоиспытателей и врачей въ Спб. Въ секціи географіи и антропологіи сообщили: *П. Шмидтъ*—о путешествіи по Кореѣ лѣтомъ, 1900 года, *К. Жаковъ*—о финнахъ пермской группы, *И. Пантюховъ*—антропологическій очеркъ лезгинъ, *гр. А. Бобринскій*—о значеніи Австраліи въ вопросѣ о происхожденіи человѣка (теорія Шетензаха), *Д. Анучинъ*—о черепѣ чукчей, *И. Путятинъ*—о вновь открытомъ мѣстѣ обработки орудій каменнаго вѣка на южномъ побережьѣ Бологовскаго озера, *Д. Клеменцъ*—о переходныхъ формахъ быта между кочевымъ и осѣдлымъ по данныхъ новѣйшихъ русскихъ изслѣдованій. При № 353 приложенъ „Указатель статей“, помѣщенныхъ въ „Р. Вѣд.“ за 1901 годъ (Годъ XIII.).—(—*д*—).

С.-Петербургская Жизнь (Приложеніе къ „Новостямъ“). **398, 399.** На Амурѣ. Нѣсколько снимковъ, касающихся быта русскихъ поселенцевъ и инородцевъ на Амурѣ.

Сборникъ Отдѣленія русскаго яз. и слов. Имп. Ак. Н. Т. 68-й. 1901. Этотъ томъ посвященъ діалектологіи русской *В. И. Чернышевъ*. Программа для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ. *В. Ѳ. Соловьевъ*. Особенности говора донскихъ казаковъ. *В. И. Чернышевъ*. Свѣдѣнія о народныхъ говорахъ вѣко-

Digitized by Google

которыхъ селеній Московскаго уѣзда. *А. И. Сахаровъ.* Языкъ крестьянъ Ильинской волости, Болховскаго у., Орловской губ. *В. И. Чернышевъ.* Дополненія къ свѣдѣніямъ о говорѣ г. Мещовска. *В. Г. Богоразъ.* Областной словарь Колымскаго русскаго нарѣчія. (Во вступленіи приводятся свѣдѣнія о населеніи Колымскаго округа; далѣе съ 19 по 163 стр.—словарь; пѣсни русскихъ поселянъ на Колымѣ—общій очеркъ и тексты. Въ числѣ пѣсенъ помѣщены: 9 старинъ—1) Илья и Идолище, 2) Добрыня и змѣя, 3) Алеша П. и Тугаринъ, 4 и 5) Мишенька Даниловичъ въ 2 варіантахъ, 6) Туры и турица, 7) О Невзамушкѣ, который оказывается Петромъ Алексѣевичемъ, 8) Богатыри на Соколѣ-кораблѣ, 9) О Добрынѣ и Маринѣ; 23 игровыхъ пѣсни; 8 плясовыхъ; 7 дѣтскихъ; 28 свадебныхъ; 38 любовныхъ и семейныхъ; 2 величальныхъ; 12 старыхъ пѣсенъ, т. е. историческихъ; 3 разбойничьихъ; 7 казачьихъ; 15 разныхъ пѣсенъ. Загадки. Скороговорки. Пословицы. Сказки. Записанъ матеріалъ довольно точно фонетически).

Труды Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Т. XVII, вып. 2—3. *Свящ. Сухоѣской*, О шаманствѣ въ Минусинскомъ краѣ, Енисейской губ. Подробное описаніе обрядовъ при камланіи и предметовъ, употребляемыхъ шаманомъ (бубенъ, арба-колотушка, костюмъ). Практика шамановъ. Свѣдѣнія о духахъ добрыхъ и злыхъ, имѣющихъ вліяніе на человѣка.

La Revue et Revue des Revues. 1901. 1. La Touche-Tréville, Les nouvelles révélations des antiquités bibliques, (съ 7-ью изобр.). О данныхъ, добытыхъ новѣйшими археологическими изысканіями въ Палестинѣ, трудами американскаго ученаго E. A. Hoffmann'a и H. Radau'a, (гл. 1) лондонскаго ученаго общества (Palestina Exploration Fund), (гл. 2) Flinders Petrie и Bliss'a, (гл. 3)—6. Bérard, A. Légendes et superstitions de la Bresse, de la Dombes et du Bugey. (въ деп. Ain). Краткій, но интересный перечень народныхъ вѣрованій въ данной мѣстности, отчасти исчезающихъ, отчасти уже исчезнувшихъ: преданія о духахъ, мертвецахъ, бѣлыхъ и т. п. дамахъ, обитающихъ замки и развалины, духахъ, являющихся подъ видомъ животныхъ, о женщинахъ, превращенныхъ въ камень (гл. 2), вѣра въ чудодѣйственную силу нѣкоторыхъ источниковъ; нѣкоторые суевѣрные обряды при рожденіи ребенка и при похоронахъ; высохшая рука повѣшеннаго, воскъ съ пасхальной свѣчи, если имѣть ихъ при себѣ, дѣлаютъ невидимымъ; о священномъ деревѣ, въ которое страдавшіе отъ зубной боли вбивали гвозди (гл. 3); о часовняхъ, въ которыхъ ходятъ на богомолье съ различными цѣлями: увидать въ Троицынъ день на небѣ три солнца, исцѣлиться отъ слѣпоты и т. д.; о кюрэ извѣстныхъ церквей, имѣющихъ даръ врачевать тотъ или другой недугъ; о томъ, какому святому въ какомъ случаѣ молятся. Авторъ статьи сообщаетъ интересный фактъ изъ жизни хорошо знакомой ему семьи, происшедшій нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ: въ статую святого, не подавшаго ребенку ожидаемаго исцѣленія, родные ребенка бросали камнями. (гл. 4).—7. La Touche-Tréville: L'ancienneté du Nouveau Monde. (съ 3-мя изобр.). О новыхъ археологическихъ изысканіяхъ въ Америкѣ: Hewett'a въ N. Мехикѣ, Fulmer'a въ Аризонѣ, изслѣдовавшаго сооруженія cliff-dweller'овъ, профессора Cole—въ N. Мехикѣ къ зап. отъ С. Фе.—№ 10—11. Letourneau: La mentalité chinoise. Этотъ этюдъ о душевныхъ и мыслительныхъ свойствахъ китайцевъ составляетъ главу изъ имѣющей выйти въ свѣтъ (въ серіи Bibliothèque des sciences contemporaines) книги французскаго ученаго: La psychologie ethnique.—№ 17. Zaborowski: Du vol des femmes en ethnologie. О роли, которую играетъ похищеніе женщинъ въ постепенномъ перерожденіи антропологическихъ признаковъ той или другой народности; примѣры: осетины, древнее населеніе Пруссіи, туареги. № 17—18. Charpentier, L'évolution de la poésie chinoise.—№ 20. I. Hitomi. La femme japonaise. Коротенькій очеркъ, посвященный внѣшности, характеру и занятіямъ японокъ.—№ 21. Archak Tchobanian: L'épopée populaire de David et de Mher. Изложеніе народнаго преданія изъ Турецкой Арменіи.—

Le Muséon. 1901. N. S. Vol. II. № 1. La tribu des Soleïb. Статья появившаяся на арабскомъ яз. въ періодическомъ изданіи „Al—Machriq", принадле-

Digitized by Google

житъ миссіонеру о. A. M. de Saint-Elie; на французскій яз. ее перевелъ E. Soubre. Она содержитъ краткія, но интересныя свѣдѣнія о небольшомъ (общее число палатокъ племени свыше 700), уже вымирающемъ и мало извѣстномъ племени, живущемъ въ Сиріи. Солибы отличаются физическими признаками отъ осѣдлыхъ арабовъ и бедуиновъ, кот. не признаютъ племеннаго родства съ ними. Солибы свѣтловолосые, голубоглазые; нѣкоторые авторы считаютъ ихъ за потомковъ крестоносцевъ. Ихъ собственныя преданія объ ихъ происхожденіи представляютъ лишь образчики широкораспространенныхъ миѳовъ, объясняющихъ волей верховнаго существа и ошибкой или прегрѣшеніемъ прародителя бѣдственное положеніе племени среди другихъ болѣе счастливыхъ народовъ и племенъ. Изъ обычаевъ отмѣтимъ клятву на опрокинутомъ котлѣ (формула: „клянусь котломъ и пищей, кот. варится въ ней...“), кот. мужъ убѣждаетъ жену въ супружеской вѣрности.—№ 1—2, 3. L. de la Vallée Poussin: Le Bouddhisme d'après les sources Brahmaniques. I. Sarvadarçanasamgraha—№ 2—3. L. V. P. Bouddhisme. Notes et bibliographie.—

Revue des deux Mondes, 1901. T. I. livr. 1. M. Courant: Etrangers et chinois.— 3. A. Bellessort. Voyage au Japon, V, L'imagination. Живо написанный этюдъ о характерныхъ чертахъ японцевъ, о ихъ искусствѣ, литературѣ, театрѣ и т. д. Начало статьи въ R. d. d. M. 1899, 15 Déc. и 1900. 15 Jan., 15 Mars и 15 Sept.—T. II, livr. 2. Isabelle Massien: Une visite à Bangkok.—3. A. Bellesort. Voyage au Japon. VI. Une histoire de yosé. Повѣсть объ Имамурасаки, дочери Йошивара, слышанная авторомъ отъ одного японскаго разсказчика. 3—4. R. Pinon. La résurrection d'un Etat africain. I. L'Ethiopie historique. II. L'Ethiopie d'aujourd'hui.—T. III, livr. 3. A. T. Piry. Le peuple chinois et la réforme.—T. IV, livr. 2. F. de Navenue. Le Palio de Sienne. Описаны скачки въ Сіеннѣ, обычай сохранившійся съ XVII в. до нашего времени. Состязаются отдѣльныя части города, кот. выставляютъ отъ себя лошадь на скачки. Передъ скачками лошадь освящаютъ въ самой церкви. Отдѣльныя части города (contrade), носящія названія: Волчица, Сова, Башня, Раковина, Единорогъ, Орелъ, и т. п.,—обыкновенно враждуютъ между собой. Вражда обостряется во время скачекъ до кровопролитныхъ схватокъ между жителями отдѣльныхъ кварталовъ. Единственнымъ призомъ служитъ знамя съ шитымъ изображеніемъ Мадонны. T. V, livr. 4. G. Paris. Un nouveau dictionnaire de la langue française. По поводу новаго словаря франц. яз. Hatzfeld-Darmesteter-Thomas. – T. VI, livr. 2. A. Bellesort: Voyage au Japon. VII. La femme et l'amour.—

Digitized by Google

Новости этнографической литературы.

Абаза, К. К. Завоеваніе Туркестана. Разсказы изъ военной исторіи, очерки природы, быта и нравовъ туземцевъ въ общедоступномъ изложеніи. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Арефьевъ, В. Описаніе Сибири. Очерки для народнаго чтенія. Вып. II. Краткое описаніе губерній и областей Сибири. Томскъ. 1901 г. Ц. 30 к

Архангельскій, А. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Накануне христіанства и письменности. Варш. 1901 г.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга девятая. М. 1902 г. Ц. 4 р.

Аховъ, М. І. Очерки изъ исторіи армянскаго государства. II. Россія и Армяне. Спб. 1902 г. Ц. 70 к.

Богородицкій, В. Діалектологическія замѣтки. Неправильности русской рѣчи у чувашъ.

Бужинскій, Гавріилъ. Проповѣди. (1717—1727). Историко-литературный матеріалъ изъ эпохи преобразованій. Юрьевъ. 1901 г. Ц. 5 р.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія Швейцарскаго народа. Т. III. Съ 6 рисунками. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 75 к.

Герихъ, П., фонъ. Краткій очеркъ военнаго искусства въ древніе вѣка. Изд. 2-ое дополн. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Готтеротъ, Ф. Исторія внѣшней культуры. Одежда, домашняя утварь, полевыя и военныя орудія народовъ древнихъ и новыхъ временъ. Томъ II, вып. I. (11-ый вып.). Подписная цѣна за 20 вып. 20 руб.

Гретцъ, Г. Исторія евреевъ отъ расцвѣта еврейско-испанской культуры до смерти Маймонида. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гурляндъ, И. Я. Акты города Романова-Борисоглѣбска. 1627—1690. Яросл. 1901 г. Ц. 30 к.

Его же. Акты Романовской Ямской слободы. 1587—1707. Яросл. 1901 г. Цѣна 30 к.

Его-же. Роспись, какіе города въ какомъ приказѣ вѣдомы. Яросл. 1901 г. Цѣна 15 к.

Деникеръ, І. Человѣческія расы. Переводъ съ французскаго. Спб. 1902 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Дитмаръ, фонъ, Карлъ. Поѣздки и пребываніе въ Камчаткѣ въ 1851—1855 гг. Спб. 1901 г. Ц. 7 р. 75 к.

Дурново, Н. Къ исторіи сказаній о животныхъ въ старинной русск. литературѣ I.—II. М. 1901 г. Отд. отт. изъ III т. „Трудовъ Слав. ком." М. Археолог. Общ. Стр. 74. 4°.

Европа. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. М. 1902 г. Ц. 2 р. 75 к.

Ермоловъ, А. Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣрахъ. Всенародный мѣсяцесловъ. Спб. Изд. А. С. Суворина. Стр. 620. Ц. 3 р.

Женская красота съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Иллюстрированная, художественная, историческая монографія. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ивановскій, В. И. Село Веска, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

Digitized by Google

Истринъ, В. Къ вопросу о гадательныхъ псалтыряхъ. Од. 1901 г.

Кеннингемъ, В. Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія (древній міръ) съ пятью картами. Томъ I. М. 1902 г. Ц. 1 р. 20 к.

Короленко, П. П. Кошевые атаманы Черноморскаго казачьяго войска XVIII столѣтія. Историко-біографическій очеркъ. Спб. 1901 г. Ц. 20 к.

Корсаковъ, В. В., д-ръ мед. Пять лѣтъ въ Пекинѣ. Изъ наблюденій надъ бытомъ и жизнью китайцевъ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Кузнецовъ, И. Д. Терскіе казаки и ихъ рыбные промыслы. Очеркъ съ иллюстраціями въ текстѣ. Спб. 1901 г. Ц. 20 к.

Кузьминъ, А. Запорожская сѣчь. Историческій и бытовой очеркъ. М. 1902 г. Цѣна 40 к.

Лавровъ, П. Труды В. Г. Васильевскаго по исторіи славянъ. Львовъ. 1901 г

Лсминскій, С. (Рэджэпъ). Персія и Персы. 1898—1899—1900 гг. Съ 44 рисунк. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Лупповъ, П. Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ историческихъ извѣстій о нихъ до XIX вѣка. Изд. 2-е, испр. и дополн. Вятка. 1901 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Ляпуновъ, В. Краткій очеркъ ученой дѣятельности ак. И. В. Ягича. Од. 1901 г.

Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губ., за 15 лѣтъ (съ конца 70 годовъ по 1893). Т. I. Историко-статистическое описаніе 100 поселковъ. Т. II. М. 1895—1897 гг. Ц. за 2 т. 1 р.

Модестовъ, В. И., проф. Введеніе въ римскую исторію. Вопросы доисторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ до-римскую эпоху въ Италіи и начало Рима. Ч. 1-я. Съ 35 фототип. таблиц. Спб. 1902 г. Ц. 4 р.

Надеждинъ, П. П. Кавказскій край. Природа и люди. Изд. 3-е просм. и дополн. Тула. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

Нибуръ, Г. І. Рабство, какъ система хозяйства. Этнологическое изслѣдованіе. М. 1902 г. Ц. 2 р.

Павловъ, Ѳ. За десять лѣтъ практики. (Отрывки воспоминаній, впечатлѣній и наблюденій изъ фабричной жизни). М. 1901 г. Ц. 50.

Павловъ-Сильванскій, Н. П. Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси. Спб. 1902 г. 82 стр. Ц. 60 коп.

Его же. Иммунитетъ въ удѣльной Руси. Спб. 1902 г. 48 стр. Ц. 40 к.

Памятная книжка и адресъ-календарь Карсской области на 1902 годъ. Съ этнографической картой Карсской области. Тиф. 1901 г. Ц. 1 р.

Памятная книжка Олонецкой губ. Петрозаводскъ. 349 стр. Ц. 1 р.

Панковъ, А. А. Нѣсколько замѣчаній по исторіи древне-русской общины. 1901 г. Ц. 25 к.

Папковъ, А. Православные приходы въ Финляндіи. Спб. 1901 г. Ц. 20 к.

Площанскій, В. М. Прошлое Холмской Руси по архивнымъ документамъ XV—XVIII вѣк. и др. источникамъ. Вып. II. Вильна. 1901 г. Ц. 1. 25 к.

Россовъ, П. Русскій Китай. Очерки занятія Квантуна и быта туземнаго населенія. Портъ-Артуръ. 1901 г. Ц. 2 р.

Семевскій, В. И. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Т. 2-й. Спб. 1901 г. Ц. 5 р.

Смоленскій, Ст. О древне-русскихъ пѣвческихъ нотаціяхъ. Историко-палеографическій очеркъ. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.

Тарасовъ, Е. А. Донской атаманъ Платовъ. (1751—1818). Его жизнь и подвиги. Съ иллюстр. Спб. 1902 г. 32 стр.

Филевичъ, И. П., проф. По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей. Львовъ. 1902 г. Ц. 50 к.

Филиппсонъ, М. Религіозная контръ-революція въ XVI вѣкѣ. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 60 к.

Францевъ, В. Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси. Варш. 1901 г.

Чернышевъ, В. Свѣдѣнія о говорахъ юрьевскаго, суздальскаго и владимирскаго уѣздовъ. Спб. 1901 г. Ц. 40 коп.

Digitized by Google

Чехъ, И. С. Разсказы изъ старокавказской жизни. 2 тома. Спб. 1901 г. Ц. тома по 1 р. 25 к.

Чечулинъ, Н. Памяти Л. Н. Майкова. Спб. 1901 г. Ц. 20 коп.

Штукенбергъ, А. А. Матеріалы для изученія мѣднаго (бронзоваго) вѣка восточной полосы Европейской Россіи (съ 4 таб. рис.). Каз. 1901 г. („Изв. Общ Арх. Ист. и Этн.").

Эзовъ, Г. А. Начало сношеній Эчміадзинскаго партіаршаго престола съ русскимъ правительствомъ. Историч. изслѣдованіе по неизданнымъ документамъ. Тифлисъ. 1901 г. Ц. 1 р.

Яворскій, Ю. А. Къ исторіи галицко-русскихъ колядокъ. Львовъ. 1901 г. Ц. 60 к.

Его же. Очерки по исторіи русской народной словесности. Львовъ. 1901 г. Ц. 50 коп.

Archiv für Religionwissenschaft 1901. 4 Heft. Ueber den Geisterglauben der Naturvölker, *Kohler*. (Свѣдѣнія о вѣрованіяхъ папуасовъ въ боговъ и духовъ, объ обычаяхъ, связанныхъ съ культомъ. Погребальные обряды, воззрѣнія на душу и будущую жизнь. Колдовство, заговоры, гаданья).

Arnold, R. Die deutschen Vornamen. Wien, Holzhausen, 1901.

Assyrian and babylonian literature. Selected translation. With a crit. introd. by R. F. Harper. New-York 1901. gr. 8°. X+362 стр.

Basset, R. Nédromah et les Traras. Paris. 1901. 8°. Avec 1 planche.

Batchelor, J. The Ainu and their folklore. London. 1901. 8°. With 137 illustr.

Bendall, M. A. Çikshāsamuccaya. A Compendium of buddhistic teaching compiled by Çāntidevo chiefly from earlier Mahāyāna-Sūtras (Bibliotheca buddhica. III) Спб. 1901. Отъ 217—312 стр. Ц. 1 р.

Bernstein, J. Katalog dzieł treści przysłowiowej składających bibliotekę I. Bernsteina. Warszawa, 1900. T. I — II i dodatek. (См.: Ж. м. н. п. 1901. № 12).

Bibliographie des ouvrages relatifs à l'amour, aux femmes et au mariage et des livres facétieux, pantagruéliques, scatologiques, satyriques, etc. par M. le C. D'i... 4 ed. entièrement refondue et augmentée par F. J. Lemonnyer. 4 vol. Lille. 1901. gr. 8°. Цѣна—120 мар.

Blochet, E. Les sources orientales de la Divine Comédie. Paris. 1901. 8°.

Brockelman (См. Horn).

Buch Henoch Das. Aethiopischer Text, hrsg. v. J. Flemming. Leipzig. 1902. 8°.

Buddist art in India. Transl. from the „Handbuch" of A. Grünwedel by A. C. Gibson. Rev. and enl. by J. Burgess. London. 1901. 8°.

Buttenwieser, M. Outline of the neo-hebraic apocalyptic literature. Cincinnati. 1901. 8°.

Čecetka, F. J. Od kolébky do hrobu. Obrázky lidopisné z Poděbradska. Ц. 3 кр.

Deasy, H. H. P. In Tibet and Chinese Turkestan: Record of 3-years' exploration. London. 1901. 8°.

Degrand, A. Souvenirs de la Haute Albanie. P. Welter. 1901. Попул.

Dietrich, C. Grundlagen der Völkerverkehrssprache. 8°. 70 s. Цѣна 1 р. 35 коп.

Donner, Otto j—or. Resa i Central-Asien. 1898. Helsingfors. 1901. Цѣна 5 мар.

Dwight. Constantinople and its Problem. (См. „М. Бож." 1902. II).

Einwald, A. Zwanzig Jahre in Süd-Afrika. Reisen, Erlebnisse und Beobachtungen. (См. „М. Бож." 1902. II).

Erman, A. Zaubersprüche für Mutter und Kinder. Aus dem Papyrus 3027 des Berliner Museums. Berlin. 1901. 4°. M. 2 Taf.

Digitized by Google

Fischer, H. Schwäbisches Wörterbuch. 1 Lief. A—Alter. Tübingen. Laupp. 1901. (Много нар. поговорокъ, присказокъ и т. п.).

Fountain, P. The great deserts and forests of North America. (См. „М. Бож.“ 1901. XII.).

Gaudefroy-Demombynes. Cérémonies de mariage chez les indigènes d'Algérie. P. Maisonneuve. 1901. Брош.

Goos, Die Spiele der Menschen. Jena. 1899.

Groot, J. J. M. de. The religiors system of China. Vol. 4. Book 2: on the soul and ancestral worship. Part 1. Leide. 1901 gr. 8⁰.

Grünbaum, M. Gesammelte Aufsätze zur Sprach- und Sagenkunde. Berlin. 1901.

Heigl, F. Die Religion und Kultur Chinas. 2 Theile. Berlin. 1900. 8⁰.

Hesse-Wartegg, E. von. Samoa, Bismarkarchipel und Neuguinea. 8⁰. 329 S. und 2 Karten. Цѣна 7 р. 50 коп.

Hoogerwoerd, Selim Khan Keun, de. Krit. Studien zur Einführung in das Recht des Islam. Erlangen. 1901. 8⁰.

Horn, P. d-r. Geschichte der persischen Litteratur, **Brockelmann, C. d-r.** Geschichte der arabischen Litteratur. (Die Litteraturen des Ostens in Einzeldarstellungen, Band VI). 8⁰, 493 S. Цѣна 3 р. 60 коп.

Hutchinson, H. Dreams and their meanings. (См. „М. Бож.“ 1901. XII).

Internationales Archiv für Ethnographie. Das Javanische Maskenspiel. Juynboll. 1901. 3 и 4 Hefte. (Подробное изслѣдованіе о происхожденіи масокъ, ихъ исторія, употребленіе, преданія о маскахъ, игры, связанныя съ масками, представляющія собою цѣлыя драматическія представленія).

James, William. The psychology of religion. (См. „М. Бож.“ 1901. XII).

Jolly, J. Indische Medicin. Strassburg. 1901. 8⁰. (Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde, Band. III, Hft 10).

Joret, Ch. La flore de l'Inde d'après les écrivains grecs. Paris. 1901. 8⁰. 54 стр.

Kałużniacki, E. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymus (1375—1393) nach den besten Handschriften. Wien. 1901. CXXVIII+450 стр.

Karst, Jos. Historishe Grammatik des Kilikisch-Armenischen. Strassb. Trübner. 1901.

Krahmer. Das nordöstliche Küstengebiet. (Russland in Asien, Bnd V.). 8⁰. 295 S. und 2 Karten. Цѣна 3 р. 60 коп.

Kreutz, Fr. Slovácké čepce. Narodopisná studie, maloval J. Uprka. Seš 1. Ц. по кр. 1. 50.

Kryptadia. Tome VII. Table des matières: Contes flamands de Belgique. Mélanges polonais et russes. Varia: 1. Un usage de guerre, 2. Hellenica, 3. Italicum e latrina. Die Zeugung in Sitte, Brauch und Glauben der Südslaven. Lieder.: erste Forstsetzung. Contes de la Croatie et du Montenégro. Chistes y desverguenzasdel, Rio de la Plata. 1 vol in 12. de 400 pag., relié toile. Prix—30 fr.

Kühnel, P. Die Slavischen Orts- und Flurnamen im Lüneburg, gesammelt und erklärt Th. 1. Hannov. 1902. 8⁰. 170 стр. Цѣна 3 мар.

Lehner, F Djêny umêní národa českého. Illustrováno. Lex. fol. Seš 1 až 6. Ц. по 0. 70.

Letourneau, Ch. La psychologie ethnique. In 12⁰.

Mathieu. A travers l'Italie, l'Autriche, la Suisse et l'Alsace. In 16⁰.

Michal-Dvorecký, Ian. O sv. Mikuláši v legendě a lidových povêstech i zvycich 8⁰. 240 стр. Ц. кр. 1. 10.

Netto u. Wagener, Japanischer Humor. Lpz. Brockhaus. 1901.

Osterlandsagen. Sagen, Bilder u. Geschichten aus dem Altenburger Ostkreise. Altenburg. 1901.

Paniagua, A de. Les temps héroïques. Etude préhistorique d'après les origines indo-européennes. Préface par L. Rousselet. Paris. 1901. gr. 8⁰.

Radlof, P. Les vieux Arabes (l'art et l'âme) Paris. 1901. 8⁰.

Digitized by Google

Raquez, A. Au pays des Pagodes. Notes de voyage, avec préface par le général Tcheng-Ki-Tong. Paris. 1900. 8°. Avec 56 grav. et photog.

Ribezzo, F. Nuovi studi sulla origine e la propagazione delle favole indo-elleniche communemente detto Esopiche. Napoli. 1901. 8°.

Rolland, E. Flore populaire ou histoire naturelle des plantes dans leurs rapports avec la linguistique et le folk-lore. Tome III. in 8° 378 pag. Prix: 8 fr.

Ryuhart, S. C. With the Tibetans in tent and temple. (См. „М. Бож.", 1901. XII).

Schaer, A. Die altdeutschen Fechter u. Spielleute. Ein Beitrag zur deutschen Culturgeschichte. Strassb. Trübner. 1901.

Schanz, M. Ost-und Süd-Afrika. 8°. 456 S. Цѣна 4 р. 50 коп.

Schrader, H. d-r. Der Bilderschmuck der deutschen Sprache in Tausenden volkstümlicer Redensarten. 8°. 541 S. Цѣна 2 р. 70 коп.

Ségur, de G. Au bout du monde. Une saison en Nouvelle Zélande. Avec 23 gravures. (См. „М. Бож." 1902. II).

Siecke, E. Mythologische Briefe. I. Grundsätze der Sagenforschung. II. Uhland's Behandlung der Thor-Sagen. B. Dümmler. 1901.

Smith Robertson, W. Die Religion der Semiten. Autorisierte deutsche Uebersetzung aus dem Englischen nach der zweiten Auflage, von d-r. R. Stübe. Leipzig und Tübingen. 1899. XX+372.

Winter, Zikmund. Doktoři a lékaři v XVI věku v Čechách. (Lidové rozpravy lékařské, II. č. 4). II. кр. 0. 40.

Wolf, E. Meine Wanderungen. (Im Innern Chinas). Mit 67 Illustrationen. Stuttgart und Leipzig. (См. „М. Бож." 1902. II).

Zimmern. Beiträge zur Kenntniss der Babylonischen Religion. H. 3. Lpz. Hinrichs. 1901.

Digitized by Google

Хроника.

Пѣсенная экспедиція въ Нижегородскую губернію. Рядъ экспедицій внутри Европейской Россіи съ цѣлью собиранія русскихъ напѣвовъ былъ снаряженъ въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ И. Р. Геогр. Обществомъ, съ Высочайшаго Е. И. Величества соизволенія, на Всемилостивѣйше особо дарованныя Его Величествомъ Государемъ Императоромъ средства. Въ 1900 году такая же, 11-я по счету, пѣсенная экспедиція, въ числѣ 3-хъ членовъ сотрудниковъ общества: И. В. Некрасова, Ѳ. И. Покровскаго и В. И. Чернышева, къ которымъ былъ присоединенъ еще и фотографъ, работала въ предѣлахъ Нижегородской губ. Для бо́льшаго успѣха работъ, члены экспедиціи, по прибытіи въ Нижній Новгородъ, обратились къ содѣйствію мѣстныхъ знатоковъ края и, получивъ отъ нихъ нужныя указанія, начали свои изысканія съ Балахнинскаго уѣзда, гдѣ и записали 46 пѣсенъ. Далѣе прошли въ сѣверную часть Семеновскаго уѣзда и, посѣтивъ скиты, черезъ Варнавинскій уѣздъ, Костромской губ. прибыли въ Макарьевскій уѣздъ. Въ Семеновскомъ уѣздѣ записано было 23, въ Макарьевскомъ — 12 пѣсенъ, а всего во всей губерніи 81 пѣсня. Въ высокой части губерніи работа усложнялась еще тѣмъ, что тамъ много инородцевъ, и надо было очень осторожно выбирать мѣстности съ чисто-русскимъ населеніемъ; здѣсь были обслѣдованы уѣзды: Арзамасскій и Лукояновскій, а въ уѣздахъ: Нижегородскомъ, Васильевскомъ, Сергачскомъ и Княгининскомъ работалъ одинъ изъ членовъ экспедиціи съ фонографомъ. На долю Арзамасскаго уѣзда приходится 9, Лукояновскаго — 34 и одна пѣсня записана въ самомъ Нижнемъ Новгородѣ. Всего въ нагорной части губерніи записано 44 пѣсни: итакъ общая сумма записанныхъ пѣсенъ доходитъ до 125. Изъ этого числа выдаются по своему интересу былины: о Добрынѣ Никитичѣ, Ильѣ Муромцѣ и тугаровыхъ звѣрьяхъ и птицахъ, объ Ильѣ Муромцѣ и Борькѣ-Королевичѣ; затѣмъ пѣсня въ родѣ былинъ о князѣ Михайлѣ, о сынѣ Стеньки Разина, Атаманская и пр., а также и духовные стихи — о Соловецкомъ разореніи, Асафѣ царевичѣ, предѣлѣ жизни человѣческой, Іосифѣ прекрасномъ и о Страшномъ судѣ. Большая часть былинъ и духовныхъ стиховъ записаны отъ

Digitized by Google

старообрядцевъ. За былинами и стихами по красотѣ и мелодіи и ритмическому разнообразію наибольшаго вниманія заслуживаютъ — бурлацкія пѣсни, свадебныя, хороводныя, шуточныя и плясовыя.

(„Спб. Вѣд." 1902. № 20).

Изученіе народной медицины. На засѣданіи VIII-го Пироговскаго съѣзда врачей въ Москвѣ *д-ръ А. П. Левицкій* сдѣлалъ сообщеніе „объ изученіи народной медицины". Сущность доклада сводилась къ слѣдующему.

Народная медицина — не медицина въ тѣсномъ смыслѣ слова: это — проявленіе разносторонней духовной дѣятельности народа. Народное врачеваніе, знахарство отвѣчаетъ на многіе запросы и потребности народной жизни; оно предлагаетъ средства, что нужно сдѣлать, когда жена хочетъ, чтобы мужъ ее любилъ, когда нужно „строить новый домъ", „водить пчелъ" и т. п. Есть ли наша народная медицина продуктъ самостоятельнаго народнаго творчества или же это — отпечатокъ другихъ посторонніхъ вліяній? Референтъ собралъ около 10-ти „Травниковъ" въ различныхъ районахъ Московской и Владимирской губерній и могъ убѣдиться, что эти знахарскіе травники въ большомъ употребленіи и спросъ на рекомендуемыя ими травы и медикаменты въ московскихъ москательныхъ лавкахъ весьма большой. Докладчикъ ознакомился съ двумя знахарскими рукописями XVI вѣка, изъ которыхъ одна хранится въ Успенскомъ соборѣ города Александрова, а другая — въ Петербургской Публичной Библіотекѣ. Эти рукописи цѣликомъ передаютъ то же, что заключаютъ въ себѣ современные „Травники" и наши лѣчебники XVIII вѣка, сосредоточившіеся въ рукахъ духовенства. Лѣчебники среднихъ вѣковъ, распространявшіеся въ Зап. Европѣ на латинскомъ языкѣ, въ родѣ „Огородъ здравія", лѣчебныя средства, упоминаемыя отъ разныхъ болѣзней у арабскихъ и римскихъ писателей и у Діоскура въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х., представляютъ въ общемъ то же, что и наши „Травники". Въ связи съ суевѣріями такихъ „Травниковъ" можетъ быть сопоставлена и цензурованная брошюра 1899 г. игумена московскаго Симонова монастыря Марка: „Злые духи и ихъ вліяніе на людей". Въ этой брошюрѣ, между прочимъ, говорится, что демоны питаются испареніями жертвенной крови такъ, какъ питаются устрицы, т.-е. всасываютъ ихъ всѣмъ своимъ тѣломъ. Въ „Травникахъ" интересно, между прочимъ, средство противъ лихорадки. Такъ какъ предполагается, что лихорадка происходитъ отъ діавольскаго навожденія, то рекомендуется сильная ругань противъ демона. Въ другихъ мѣстахъ крестьяне лѣчили розгами отъ лихорадки. Князь Вяземскій въ „Князѣ Серебряномъ" А. К. Толстого получилъ отъ мельника корешокъ, чтобы приворожить къ себѣ Морозову. Такіе корешки существуютъ и теперь, и доклад-

Digitized by Google

чикъ демонстрировалъ приворотный камень, „Адамову голову", какъ средство, чтобы не видѣть чертей, и другія. Вопросъ, заслуживаетъ ли народная медицина изученія, долженъ быть рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Въ народной медицинѣ мы имѣемъ богатый этнографическій матеріалъ для изученія русскаго народа. Желательно изученіе народной медицины врачами и учрежденіе центральнаго музея по народной медицинѣ.

Собраніе секціи земской и городской медицины, выражая сочувствіе предложенію д-ра Левицкаго объ учрежденіи центральнаго музея по народной медицинѣ, предложило правленію Общества разработать этотъ вопросъ къ слѣдующему съѣзду.

(„Русс. Вѣд.").

XI-й съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей имѣетъ быть въ Петербургѣ 20 — 30 декабря 1902 г. Идутъ подготовительныя работы. Одно изъ отдѣленій съѣзда будетъ посвящено географіи, этнографіи и антропологіи съ подотдѣленіемъ статистики.

(„Самообраз.").

Пермскій научно-промышленный музей (естественно-историческій, сельскохозяйственный и прикладныхъ знаній), находящійся въ вѣдѣніи м-ства земл. и гос. имуществъ, имѣетъ цѣлью не только собирать коллекціи, но и устраивать объясненія для публики, выставки, засѣданія, экскурсіи.

„Р. В.".

Недавно закончено устройство **отдѣла древностей каменнаго вѣка** въ зданіи **Кіевскаго музея** древностей и искусствъ. Средства на это пожертвованы, гл. обр., Н. А. Терещенкомъ. Въ залѣ отдѣла помѣщены коллекціи, найденныя при раскопкахъ стоянки первобытнаго человѣка въ Кіевѣ, на Кирилловской улицѣ; тамъ же имѣются предметы землянокъ кіевскихъ возвышенностей, многочисленные предметы трипольской или площадочной культуры („протославянской"), модель трипольской площадки и модель жертвенника той же эпохи, далѣе—погребеніе каменнаго вѣка (раскопки В. В. Хвойкомъ 1901 г. на берегу р. Роси), коллекція череповъ кам. вѣка и другіе предметы той же эпохи.

Тамъ же помѣщены предметы, найденные В. В. Хвойкомъ въ двухъ скиескихъ курганахъ близъ берега Днѣпра (3 версты отъ м. Ржищева): погребенія двухъ скиескихъ витязей.

(„Спб. Вѣд.").

Кіевское Церковно-историческое и археологическое о-во. При кіевской духовной академіи около 30 лѣтъ существуетъ церковно-археологическое общество, на засѣданіяхъ котораго читались ре-

Digitized by Google

фераты исключительно по церковной археологіи. Недавно Св. Синодомъ утвержденъ новый уставъ, по смыслу котораго въ засѣданіяхъ общества могутъ читаться рефераты по всѣмъ наукамъ академическаго преподаванія. О-ву дано названіе „Церковно-историческое и археологическое".

Фонографическій архивъ образованъ при парижскомъ антропологическомъ музеѣ имени Брока. Д-ръ Азуле воспользовался пребываніемъ на послѣдней парижской выставкѣ представителей разныхъ племенъ и собралъ около 400 фонограммъ, заключающихъ въ себѣ образцы нарѣчій, разговоровъ, сказокъ, пѣсенъ, музыкальныхъ отрывковъ. Записаны они отъ китайцевъ, индійцевъ, татаръ, сирійцевъ, арабовъ, суданцевъ, эѳіоповъ и многихъ другихъ народовъ. „Р. В.".

Новый трудъ по языку и цивилизаціи румынъ. Премія имени кн. Алек. Бибеско присуждены Парижскимъ Лингвистическимъ Обществомъ (Société de Linguistique de Paris) за трехтомный трудъ бывш. проф. при Бухарестскомъ Университетѣ *Saineanu*: Influences orientales sur la langue et la civilisation roumaine, отличающійся особенными достоинствами. (Rev. crit. d'hist. et de litt.).

Къ этнографіи вогуловъ, черемисъ, остяковъ, венгерцевъ и др. Въ XXX т. венгерскаго періодическаго изданія Nyelvtudományi Közlemények (1900 г.) помѣщено оконченіе статьи *Мункаччи* о религіозныхъ представленіяхъ вогуловъ и черемисскаго словаря, составленнаго Szilasi. Въ этомъ же томѣ начато печатаніе словаря иртышскихъ остяковъ, составленнаго *Паткановымъ* и статьи *Asboth*'а о славянскихъ словахъ перешедшихъ въ венгерскій. На ряду съ этимъ научнымъ журналомъ можно упомянуть о періодическомъ изданіи редакт. Simonyi-Magyar Nyelvöz („Стражъ чистоты венгерскаго яз."). Сотрудники г. Simonyi (ихъ около 180 чел.) выписываютъ изъ современныхъ книгъ, газетъ и т. п. новыя слова, въ которыхъ они видятъ порчу родного языка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они доставляютъ въ свой журналъ множество образцовъ чисто народнаго говора, пословицы, загадки и пр. (Revue crit. d'hist. et de litt.).

Къ этнографіи Тибета и изученію языковъ востока. На средства венгерскаго патріота г. Duka въ 1885 г. были изданы въ Будапештѣ сочиненія Александра Чомы (род. въ 1784 г. въ Семиградьи въ Кэрэсѣ, умер. въ 1842 въ Сиккимѣ), одного изъ первыхъ путешественниковъ по Тибету, составившаго грамматику и

Digitized by Google

словарь тибетскаго нарѣчія. Въ томъ же году Duka издалъ на англійскомъ языкѣ біографію Чомы (Life and works of Al. Csoma Körös). На средства, имъ же пожертвованныя, Академія Наукъ въ Будапештѣ каждые три года намѣрена издавать въ память извѣстнаго венгерскаго путешественника сочиненіе, посвященное изученію языковъ востока. Серію этихъ изданій она открываетъ брошюрой ученаго оріенталиста графа Géza Kuun: Is mereteink Tibetről (что намъ извѣстно о Тибетѣ?)—(Revue crit. d'hist. et de litt.).

Новая каѳедра антропологіи индѣйскихъ племенъ открыта въ Бекерлеискомъ Университетѣ (Калифорнія). На нее приглашенъ нѣмецкій ученый A. Körber. Кёрберъ намѣренъ заняться собираніемъ пѣсенъ, преданій и др. произведеній народнаго творчества среди краснокожихъ племенъ. Извѣстный Фр. Босъ (Boas) производитъ подобныя же изысканія среди индѣйскихъ племенъ сѣверо-западной части Америки. (Litt. Centralb.).

Къ этнографіи малайскихъ племенъ. Голландскіе ученые, изслѣдователи и писатели внесли не мало серьезныхъ вкладовъ въ изученіе области, населенной малайскимъ племенемъ. Ихъ труды, къ сожалѣнію, мало доступны, благодаря сравнительно рѣдкому знакомству европейскихъ ученыхъ съ голландскимъ языкомъ, но по достоинству оцѣнены новѣйшей западноевропейской научной критикой. Много весьма цѣнныхъ данныхъ возможно ожидать отъ обработки матеріаловъ экспедиціи голландскаго ученаго A. W. Nieuwenhans'a. Путешествіе Nieuwenhans'a длилось $2^1/_2$ года. Изслѣдованы имъ въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи центральныя части Борнео. На границѣ государства Саравакъ Nieuwenhans познакомился съ неизвѣстнымъ дотолѣ европейцамъ народцемъ—горцами, называемымъ Kenja.

Въ прошедшемъ году Кембриджскій Унив. получилъ интересное и рѣдкое приношеніе—**собраніе малайскихъ рукописей** (63) и литографированныхъ и печатныхъ малайскихъ книгъ (въ количествѣ 50 экз.) (Litt. Centralbl.).

Къ Этнографіи Индіи. Англійское правительство въ Индіи намѣрено приступить къ полному этнографическому описанію населенія индійскихъ колоній Великобританіи. Этотъ огромный трудъ предположено окончить въ теченіе пяти лѣтъ; ежегодно правительство ассигнуетъ на необходимыя издержки по 4 мил. рупій. (Litt. Centralb.).

Digitized by Google

Древняя рукопись на березовой корѣ. Библіотека Тюбингенскаго Университета является собственницей весьма рѣдкой рукописи Paippalâda - Atharvaveda, завѣщанной университету покойнымъ Dr. v. Roth'омъ. Въ настоящее время фирмой M. Rommel въ Штутгартѣ художественно воспроизведено fac-simile этой рукописи. Изданіе Rommel'a представляетъ три тома, украшенныхъ 544-мя таблицами; воспроизведена и березовая кора, на которой писанъ оригиналъ. Рукопись Тюбингенскаго Университета писана лѣтъ 400 тому назадъ. (Litt. Centralbl.).

Сборникъ „Entre camarades", появившійся въ прошедшемъ году въ Парижѣ (Alcan), составленъ трудами бывшихъ воспитанниковъ парижскаго филологическаго факультета, которые съ 1884 г. образовали товарищескій кружокъ (Association des anciens élèves de la Faculté des lettres). Между ними встрѣчаются имена, стяжавшія себѣ крупную извѣстность въ наукѣ и литературѣ. Настоящій сборникъ является лишь первымъ опытомъ. Статьи въ немъ посвящены преимущественно вопросамъ исторіи, философіи, литературы, филологіи. Для читателей „Э. Об." наибольшій интересъ представляютъ статьи Desdevises du Dézert: Théâtre populaire à Madrid и недавно скончавшагося L. Marillier: Notes sur la coutume, le tabou et l'obligation. (Revue crit. d'hist. et de litt.).

Парижская издательская фирма Hachette предприняла изданіе цѣлой серіи монографій преимущественно географическаго характера, касающихся отдѣльныхъ странъ и областей. Первый томъ этой серіи посвященъ южной Африкѣ (Afrique australe, 1 v. in. 8°, 360 p. 25 cartes dans le texte et 3 hors texte). Изданіе поражаетъ своеобразіемъ и изяществомъ. Текстъ взятъ изъ Всеобщей Географіи Э. Реклю, но пересмотрѣнъ и дополненъ новѣйшими данными О. Реклю. Въ концѣ приложенъ библіографическій указатель. (Revue crit. d'hist. et de litt.).

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ

въ статьѣ П. Гидулянова „Сословно-поземельный вопросъ и райятская зависимость въ Дагестанѣ".

Этнографическое обозрѣніе кн. XLIX, 1901 г., № 2.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
50	9 сверху	желаніе	усиленіе
51	16 снизу	пребываніе	пребыванія
54	16 сверху	Общестъ	Обществъ
59	23 „	Велтахъ	Вильтахъ
60	17 „	на другой день	На другой день
61	14 „	Чаноуйскихъ	Елисуйскихъ
62	4 „ пр. 1.	честнымъ видомъ	честнымъ видамъ
63	13 „ пр. 1.	а почему	а потому
64	3 „	Общество	Общества
64	2 снизу	Сухая-хана	Сурхая-хана
65	7 сверху	начальнику	Начальнику
66	3 „	русслой	русской
67	3 „	толаги	талаги
69	8 „	Терекамейскихъ	Терекемейскихъ
69	6 снизу	бековъ	бекамъ
72	3 сверху пр. 1.	7IX	т. IX
74	12 „	величины	объема
76	11 „	Бильчомъ-бильха	Бильчанъ-бильха
77	1 „ пр. 3.	Мимотинъ	Милютинъ
82	5 снизу	Гелги	Гелли
86	4 сверху пр. 3.	или же	имъ же
90	19 „	на пользу	не въ пользу

Этнографическое обозрѣніе кн. L, 1901 г. № 3.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
67	14 сверху	душѣ	душъ
78	1 „ пр. 1.	экиновъ	якиновъ
78	3 „ „ „	экиновъ	якиновъ
84	6 сверху	Атлы-боютъ	Атлы-боюнъ
84	21 „	Лубкунъ	Лудкунъ
85	7 снизу	тамагъ	тамачъ
94	17 сверху	Разаркентъ	Газаркентъ
96	3 „	Бубкентъ	Будкентъ

Digitized by Google

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.

(Адресъ: Москва, Политехническій музей, въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія“).

1) Русскія былины старой и новой записи. Подъ ред. акад. *Н. С. Тихонравова* и проф. *Вс. Ѳ. Миллера*. М. 1894. 8°. VIII + 305 стр. Ц. 2 р. 50 к. (за границу 3 р.).

2) Бѣломорскія былины, записанныя *А. Марковымъ*, съ предисловіемъ проф. *В. Ѳ. Миллера*. М. 1901. 8°. XV + 618 стр. Ц. 2 р. 75 к. (за границу 3 р. 50 к.). (Складъ въ Т-вѣ Скоропечатни А. А. Левенсонъ).

3) Юбилейный сборникъ въ честь *Вс. Ѳед. Миллера*, изданный его учениками и почитателями, съ портретомъ, подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1900. 4°. XXII+368 стр. Ц. 3 р. (за границу 3 р. 75 к.).

4) *П. С. Ефименко*, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи. Вып. I и II. М. 1877—78 гг. 4°. VII+221+X+276 стр. Ц., вмѣсто прежн. 6 руб.,—10 руб. (изданіе почти распродано). (За границу 11 руб.).

5) Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, подъ ред. *Ѳ. Я. Трейланда*. М. 1881. 4°. X+224 стр. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р.).

6) Протоколы засѣданій Этнографическаго Отдѣла 1874—1877 гг. (статьи и матеріалы по этнографіи). М. 1877. 4°. 190 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

7) То же. 1877—1884 гг. М. 1886. 4°. 186+7 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

8) То же 1885—1887 (статьи, а также полная программа: а) для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, б) для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ). М. 1888. 4°. VIII+217 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

9) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I, II и III. М. 1889, 1890 и 1891 г. 4°. Ц. 6 р. (за границу 7 руб.).

10) *Н. Н. Харузинъ*, Русскіе лопари (очерки прошлаго и современнаго быта). М. 1890. II+472 стр. 3 фототип. и карт. ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р. 50 к.).

11) *В. М. Михайловскій*, Шаманство (сравнительно-этнографическіе очерки). М. 1892. 4°. IV+115 стр. ц. 1 р. 50 к. (за границу 2 руб.).

12) *И. А. Житецкій*, Очерки быта Астраханскихъ калмыковъ. М. 1893. 4°. II+73 стр. 12 табл. рисунк. Ц. 1 р. 25 к. (за границу 1 р. 60 к.).

Digitized by Google

Digitized by Google

Годъ 14-й. Кн. LIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1902, № 2.

подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла **В. Ѳ. Миллера**

и

Товарища Предсѣдателя К. А. Яичука.

МОСКВА.

Т-во Скоров. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1902.

Digitized by Google

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Секта Исмаилья въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. Географическое распространеніе и организація. *Гр. А. А. Бобринского*. 1

II. Изъ поѣздки въ Литву. *Н. Н. Соколова* 21

III. У русскихъ подданныхъ султана. *В. Ѳ. Миноpскаго* . 31

IV. Св. Касьянъ и сказка о больной царевнѣ. *Г. Н. Потанина*. 87

V. Къ новымъ записямъ былинъ изъ Донской области. *Вс. Ѳ. Миллера*. Приложеніе *В. А. Харламова*. . . 125

VI. Смѣсь:

1. Преданіе о сорока новгородскихъ калликахъ. *А. В. Маркова*. 144
2. Замѣтка о двухъ лирникахъ Черниговской губерніи. *А. Н. Малинки* 148
3. Замѣтка о пѣснѣ «Ванька-Ключникъ». *Ф. Красильникова*. 161
4. О былинахъ на Печорѣ. *Н. В. В.* 162

VII. Критика и библіографія.

1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ:

В. Г. Богоразъ. Очеркъ матеріальнаго быта оленныхъ чукчей. *А. Н. Максимова* (165). — В. И. Іохельсонъ: Матеріалы по изученію юкагирскаго языка и фольклора, собранные въ Колымскомъ округѣ. Ч. 1-я. *Его же* (166). — Ермоловъ, А.: Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. I. Всенародный мѣсяцесловъ *Вл. Б.* (168). — Тумановъ, Г. М.: Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ. *А. С. Хаханова*. (171). — Извѣстія Имп. Русскаго Географическаго О-ва, т. XXXVII, в. 4-й и 5-й. *А. Н. Максимова*. (171). — Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. О-ва. Вып. 16-й. *Его же*. (172). — Tiersot Julien: Chanson d'amour des paysans des alpes françaises. *Е.* (173) — Edmond Doutté: Mahomet Cardinal. *Ея же* (174). — Heinrich Schurtz: Urgeschichte der Kultur. *Ея же* (175). — Sell, Rev. E.: Essays of

Digitized by Google

Стр

Islam. *Ея же* (175). — Hildebrand, Rudolf: Materialen zur Geschichte des deutschen Volkslied. *Ея же.* (175).—Памятная книжка Вятской губ. на 1902 г. *Вл. Б.* (176). — Памятная книжка Смоленской губ. на 1902 г. *Его же* (176) 165

2. Обзоръ журналовъ и газетъ 177

3. Новости этнографической литературы 180

VIII. Хроника:

Ф. Д. Нефедовъ. Некрологъ. *Вл. Б.* (185).—Шарль Летурно. Некрологъ. *А. Н. Максимова.* (186).—Двѣнадцатый Археологическій съѣздъ. *Б.* (190).—Третій международный конгрессъ американистовъ. *М.* (192). 6-й этнографическій конгрессъ и другія извѣстія (193) 185

IX. Объявленія 195

Digitized by Google

Секта Исмаилья въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи.

Географическое распространеніе и организація.

Приношу мою искреннюю благодарность многоуважаемому профессору Агаангелу Ефимовичу Крымскому, который любезно согласился просмотрѣть мою рукопись, исправить транскрипцію именъ собственныхъ и дать мнѣ нѣсколько цѣнныхъ указаній.

Въ 1901 году, лѣтомъ, мнѣ удалось побывать въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ. Между прочимъ, я посѣтилъ на верхнемъ Пянджѣ бѣдныя таджикскія [1]) общества Вахана, Ишкашима, Горона, Шугнана и Рошана [2]). Всѣ они расположены по обоимъ берегамъ рѣки, между отрогами сѣвернаго склона Гиндукуша и юго-западными склонами Памировъ. При посѣщеніи этого порубежнаго съ Афганистаномъ края, я, между прочимъ, задался цѣлью провѣрить на мѣстѣ свѣдѣнія, сообщаемыя англичанами о распространеніи въ данной мѣстности секты Исмаилья [3]). Разспрашивая жителей, я убѣдился, что англійскія свѣдѣнія вполнѣ правдивы и что, дѣйствительно, все населеніе края въ вышеименованныхъ предѣлахъ принадлежитъ не къ шіитскому толку, какъ у насъ до сихъ поръ предполагали, а къ сектѣ Исмаилья.

Короткое время, посвященное на поѣздку, и правила секты, предписывающія своимъ послѣдователямъ не только хранить тайну ученія, но даже вводить въ заблужденіе лицъ

---

[1]) О происхожденіи и значеніи слова Таджикъ написано очень много, но до сего времени вопросъ остается вполнѣ открытымъ. Въ Туркестанѣ называютъ себя Таджиками горныя племена и жители низменности, говорящіе на какомъ-нибудь иранскомъ нарѣчіи и считающіе себя не тюрко-монгольскаго происхожденія. По моему мнѣнію, со словомъ Таджикъ въ данное время трудно связывать понятіе объ особой расѣ или народности. Проф. А. Е. Крымскій съ своей стороны находитъ, что въ данномъ случаѣ меньше всего пригодно филологическое толкованіе этого слова (таджикъ-арабъ-таитъ).

[2]) По мѣстному произношенію Шугнонъ и Рошонъ.

[3]) По мѣстному произношенію Исмоилья.

Digitized by Google

непосвященныхъ и чуждыхъ сектѣ (притворяясь во время бесѣдъ съ шіитомъ—шіитомъ, съ суннитомъ—суннитомъ), заставили меня поневолѣ ограничиться вопросами, на которые охотнѣе отвѣчали мои собесѣдники, а именно о географическомъ распространеніи и о внѣшней организаціи секты. Даже на эти вопросы мои собесѣдники, большею частью главари секты, отвѣчали только тогда, когда убѣждались изъ моихъ разспросовъ, что я вполнѣ освѣдомленъ о существованіи секты въ данной мѣстности. Вслѣдствіе вышеприведенныхъ обстоятельствъ, читатель въ настоящихъ запискахъ не найдетъ новыхъ данныхъ ни по философіи ученія секты, ни по міровоззрѣнію сектантовъ.

Большая часть свѣдѣній записаны мною со словъ трехъ главарей секты, или, какъ туземцы ихъ называютъ, пировъ (старцевъ), живущихъ въ Шугнанѣ. Эти пиры, благодаря своему положенію, позволяли себѣ быть откровеннѣе своихъ подчиненныхъ. Провѣряя отвѣты одного отвѣтами другого, я убѣдился, что они вполнѣ правдиво отвѣчали на мои вопросы.

Роль пировъ или старцевъ въ жизни сектантовъ—огромная. Пиръ является полнымъ хозяиномъ души и тѣла своего подчиненнаго; онъ полновластный руководитель сектанта въ его духовной, семейной и гражданской жизни. Всѣ страны, заселенныя послѣдователями секты Исмаилья, распредѣлены между извѣстнымъ количествомъ пировъ. Каждый послѣдователь секты обязанъ подчиняться которому-нибудь изъ нихъ.

Не будучи достаточно знакомъ съ предметомъ, я, конечно, не намѣренъ представлять здѣсь всесторонняго обзора секты —приводить ея исторію и ученіе. Моя задача на много скромнѣе: сообщить лицамъ, интересующимся вопросомъ, сырой матеріалъ о сектѣ Исмаилья, собранный мною на мѣстѣ ея распространенія. Желающихъ познакомиться съ исторіей и ученіемъ секты, я отсылаю, между прочимъ, къ трудамъ иностранныхъ ученыхъ: Silvestre de Sacy. Exposé de la religion des Druzes 2 vol. Paris 1838. Defrémery. Essai sur l'histoire des Ismaéliens ou Batiniens de la Perse. Paris 1867. Guyard. Fragments relatifs à la doctrine des Ismaélis. Paris 1874. G. Du-

Digitized by Google

gat. Histoire des philosophes et des théologiens musulmans. Paris 1878. Dozy. Essai sur l'histoire de l'Islamisme. Leyde et Paris. 1879. Кромѣ вышеприведенныхъ трудовъ, укажу на краткій очеркъ секты, помѣщенный во второмъ томѣ исторіи Ислама Мюллера, на стр. 288—299, и въ особенности на описаніе секты, ея исторіи и ученія, проф. А. Е. Крымскаго, съ богатой библіографіей по данному вопросу [1]). Здѣсь же, въ заключеніе къ моимъ предварительнымъ словамъ, я ограничусь только напоминаніемъ о происхожденіи названія секты и о времени ея возникновенія.

Свое названіе секта получила благодаря тому обстоятельству, что, ограничивъ число имамовъ изъ потомковъ Алія семью, признала послѣднимъ изъ нихъ Исмаила, сына Джафара [2]). Возникла она около 765 года, т.-е. по кончинѣ Джафара Садика, отца Исмаила [3]). Вначалѣ секта составляла одно изъ развѣтвленій шіитскаго толка [4]). Въ 864 году Абдаллахъ, прозванный Каддахъ, настолько измѣнилъ первоначальное ученіе секты, что сами шіиты признали ее вредною, и всякаго, присоединявшагося къ ней, считали безбожникомъ [5]). Секта не разъ подвергалась преслѣдованіямъ. Въ 1256 году, въ Персіи, она подверглась особенно усиленному преслѣдованію со стороны монголовъ [6]). Хулагу-ханъ, между прочимъ, при разгромѣ секты уничтожилъ ея главный оплотъ, Аламутъ, при чемъ предалъ огню чудную библіотеку послѣдователей секты Исмаилья [7]). Несмотря на частые разгромы, секта въ Персіи не была уничтожена [8]), и послѣдователей ея можно найти по сіе время въ нѣкоторыхъ южныхъ частяхъ Персіи. Въ настоящее время, кромѣ Персіи, секта существуетъ на западномъ берегу Индіи и въ

---

[1]) Къ сожалѣнію, этотъ трудъ еще не напечатанъ.

[2]) Guyard-Fragments relatifs à la doctrine des Ismaélis p. 8 Introd.

[3]) Крымскій—рукопись. Мюллеръ т. II., 288 стр. Silvestre de Sacy t. I. Introd. p. LXV.

[4]) Guyard, Introd. p. 8.

[5]) Тамъ же Introd. p. 8.

[6]) Dugat. Histoire des Philosophes et des Théologiens musulmans etc. p. 198, прим. 2.

[7]) Guyard, Introd. p. 1 въ примѣчаніяхъ.

[8]) Dugat. p. 198, прим. 2.

Digitized by Google

окрестностяхъ Бомбея. Въ самомъ городѣ живетъ глава секты, официально признаваемый таковымъ англичанами. По англійскимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что секта имѣетъ послѣдователей въ горахъ по обоимъ склонамъ Гиндукуша. О распространеніи секты въ горахъ на сѣверъ отъ Гиндукуша, между прочимъ, упоминаютъ: Лейтнеръ въ добавленіяхъ (Appendix VII a и b) къ своему Dardistan in 1866, 1886 and 1893, а также майоръ Биддельфъ въ своемъ сочиненіи о народахъ Гиндукуша [1]). Относительно ученія скажу только, что секта Исмаилья одна изъ самыхъ радикальныхъ шіитскихъ сектъ: послѣдователи ея принадлежатъ къ такъ называемымъ моаттила, т.-е. лишающихъ Бога всякихъ атрибутовъ [2]). По словамъ проф. А. Е. Крымскаго, философская сторона ученья Исмаилья имѣетъ много общихъ чертъ съ радикальными вѣтвями суфизма, при чемъ, надо это замѣтить, историческое происхожденіе ихъ различно [3]). Внѣшняя организація секты очень напоминаетъ организацію дервишскихъ орденовъ [4]).

Желая возможно точнѣе передать мною собранныя свѣдѣнія, я ихъ излагаю въ видѣ отдѣльныхъ разговоровъ съ пирами, т.-е. въ томъ видѣ, въ какомъ они были записаны мною на мѣстѣ, ничего не измѣняя въ изложеніи и не приводя въ систему собранный матеріалъ.

Бесѣда съ пиромъ Саидъ Юсуфъ Али Шо [5]).

12 поколѣній тому назадъ его предокъ Шо Малангъ пришелъ сюда, въ горы, изъ Хоросана, изъ города Сабзи-

[1]) Народы, населяющіе Гиндукушъ. Соч. М. Биддёлфа, пер. Лессара. Асхабадъ. 1886 годъ, стр. 156 по 163.

[2]) Guyard. p. 199, Note 4.

[3]) О томъ же смотри: Очеркъ развитія суфизма, А. Е. Крымскаго. Москва. 1895, стр. 28 въ примѣч., а также стр. 47.

[4]) Поздневъ. Дервиши въ Мусульманскомъ мірѣ. Оренбургъ. 1886 года, глава III.

[5]) Необходимо замѣтить, что всѣ имена собственныя передаются въ этой статьѣ такъ, какъ они діалектически произносятся на мѣстѣ, т.-е. по произношенію сѣверно-персидскому, а не южно-персидскому, которое принято въ литературномъ языкѣ. Такъ, напр., „Шо“, а не „Шахъ“, „Малангъ“, а не „Мелекъ“, Саломатъ вмѣсто Селамэтъ, и т. п.

Digitized by Google

Пиръ Саидъ Юсуфъ Али Шо.

Digitized by Google

Digitized by Google

warъ [1]). Отецъ Саидъ Юсуфа—Саидъ Фарокъ Шо, дѣдъ его—Саидъ Шо Партови, прадѣдъ,—Саломатъ Шо, прапрадѣдъ—Шо Фозиль (Шах-Фазиль). Въ одно время съ его предкомъ Шо Малангъ изъ Хоросана, изъ города Сабзиwarъ, пришли въ горы три пира: Шо Бурхонъ (Борхâнъ), Шо Хомушъ (Хâмушъ) и Шо Кошонъ (Кâшâнъ). Шо Хомушъ поселился въ Кулябѣ, гдѣ и умеръ. Миры Шугнана считаютъ его своимъ предкомъ. Кромѣ нихъ у этого пира остались еще потомки, частью живущіе здѣсь, въ Шугнанѣ, частью въ Кулябѣ. Всѣ они бѣдные (факиры) и сунни. У Шо Кошонъ также существуютъ потомки, но пировъ между ними нѣтъ. Шо Бурхонъ потомковъ не оставилъ. Наибольшее число потомковъ саидовъ оставили Шо Малангъ и Шо Кошонъ—около двухсотъ домовъ.

На много ранѣе этихъ четырехъ пировъ пришелъ сюда, въ горы, также изъ Хоросана, Шо Носиръ [2]) (Шâхъ Нâсиръ). Кто онъ былъ въ молодости—шія или сунни—неизвѣстно. Учился въ Бухарѣ. Послѣ ученія онъ отправился путешествовать, искать пира-наставника. Наконецъ, послѣ долгихъ скитаній, нашелъ себѣ въ Хоросанѣ наставника въ лицѣ Мустансиръ-Биллâхъ-Ага-хана [3]). Сотворилъ онъ съ нимъ молитву фотha (фâтиha) и сдѣлался его ученикомъ и послѣдователемъ секты Исмаилья. Проживъ съ нимъ нѣкоторое время, онъ отправился вновь путешествовать и попалъ сюда, въ горы, гдѣ засталъ много разныхъ вѣръ,—здѣсь были: кафиры, сіяхпуши, шія и сунни. Онъ первый, здѣсь въ горахъ (кухистонъ-кohистâнъ), началъ проповѣдывать ученіе секты Исмаилья. Поселился Шо Носиръ около Мунджона въ кишлакѣ Іемгонъ, гдѣ впослѣдствіи умеръ и

---

[1]) Смотри: Voyages d'Ibn Batoutah trad. par Defremery et. le D-r Sanguinetti. P. 1877, Tome III, p. 65.

[2]) Потомокъ въ 8-мъ поколѣніи имама Али ер-Риза. Его предки покинули Багдадъ и переселились въ Балхъ или Кабадьянъ. Intr. p. XVII et XVIII. Родился въ 1003 году, умеръ въ 1088 году въ Іемгонѣ. Intr. p. XLV. Sefer Nameh, Relation du Voyage de Nassiri Khosrau etc. publ. trad. et annot. par Ch. Schefer. Paris Leroux 1881.

[3]) Смотри Sefer Nameh. Introd. p. V et XII.

Digitized by Google

похороненъ [1]). Потомковъ онъ не оставилъ. (Не былъ женатъ).

Секта Исмаилья распространена въ Ваханѣ, въ Зебакѣ, въ Мунджонѣ, въ Читралѣ, въ Канджутѣ, въ Ишкашимѣ, въ Горонѣ, въ Шугнанѣ, по обѣимъ сторонамъ Пянджа, въ Рошанѣ и въ Сарыколѣ [2]). Въ Яркентѣ 1500 домовъ, на Язгулемѣ 5—6 домовъ сектантовъ и домовъ 30 Асно-ашарія [3]). Въ Дарвазѣ на афганской сторонѣ сектанты живутъ въ кишлакахъ Warфъ, Гумай, Омурдъ, Джомарчъ. Ниже Калай Хума съ афганской стороны можно найти сектантовъ въ кишл. Ходора, Дзингиріо. Кишл. Іогидъ, на этой сторонѣ Пянджа, состоитъ наполовину изъ Исмаилья, наполовину изъ Асно-ашарія: Въ Катаганѣ, въ кишл. Гури—нѣсколько человѣкъ Исмаилья, остальные жители сунни (Чор-Іори [4]). Племя Хазâра [5]) около Кабула большею частью Исмаилья и незначительная только часть Асно-ашарія. Въ

---

[1]) Сравни этотъ разсказъ съ выдержками изъ апокриф. автобіограф. Насира Хосрау, приведенными въ Introduction Sefer Nameh, de la p. VII à la p. XVIII.

[2]) Общее количество послѣдователей секты, живущихъ въ русско-бухарскихъ предѣлахъ (не считая Дарваза, Ферганы и вообще городовъ низменности), распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ Ваханѣ съ Ишкашимомъ 219 дом., въ Шугнанѣ 512 дом., въ Рошанѣ 683 дома и въ Орошорской волости 116 домовъ. Эти цифры показываютъ состояніе всего населенія перечисленныхъ странъ къ 1 января 1901 года и приведены мною по офиціальнымъ даннымъ, которыя мнѣ были любезно сообщены начальникомъ Памирскаго отряда, подполковникомъ Бодрицкимъ.

[3]) Эсна-Ашерійе, т.-е. двоенадесятники, такъ называютъ шіитовъ, признающихъ 12 имамовъ.

[4]) Приверженцы 4 товарищей, т.-е. признающіе четырехъ злѣйшихъ враговъ шіитовъ: Абу-Бекръ, Омаръ, Османъ и Моавія. (На мѣстѣ сек. назыв. перв. Али, а Моавію не упоминаютъ). Этимъ прозвищемъ (Чор-Іори) шіиты и Исмаилья называютъ суннитовъ.

[5]) По мнѣнію „Bellew“ это племя монголо-тюркскаго происхожденія. Хазара занимаютъ обширную горную площадь, извѣстную въ древности подъ названіемъ Паропамизъ; эта площадь простирается отъ предѣловъ Кабула и Газни до Герата. Въ теченіе вѣковъ Хазара утеряли свой родной языкъ и теперь говорятъ на персидскомъ языкѣ, сохраняющемъ черты 13 вѣка. Непримиримые враги афганцевъ; подробности смотри: The Races of Afghanistan by H. W. Bellew. Calcutta 1880 года 113 to p. 117

Digitized by Google

Бухарѣ, въ Ошѣ, въ Коканѣ находятся выходцы изъ Шугнана и Вахана, которые также Исмаилья.

Всѣ послѣдователи секты Исмаилья въ горахъ (кухистонъ) распредѣляются между 15 главными пирами. Эти 15 пировъ размѣщены слѣдующимъ образомъ: три пира живутъ въ Сарыколѣ, одинъ пиръ находится въ Яркентѣ, 3 пира въ Читралѣ, 2 пира въ Ваханѣ, одинъ пиръ на Шахдарѣ (въ Шугнанѣ), одинъ пиръ въ кишл. Сучонъ на Гунтѣ (въ Шугнанѣ), 1 пиръ въ Поршнифѣ на Пянджѣ (въ Шугнанѣ), 1 пиръ въ кишл. Бар-Рушанъ (въ Рошанѣ), 1 пиръ въ кишл. Warфъ въ афганскомъ Дарвазѣ, 1 пиръ въ Кулябѣ (пиръ племени Хазара, переселившійся изъ Афганистана). Кромѣ этихъ, извѣстныхъ разсказчику, пировъ, можетъ быть, существуютъ въ горахъ еще и другіе, но они, во всякомъ случаѣ, менѣе важны. Много пировъ въ Индіи, по западному берегу, а также на югѣ Персіи; всѣхъ ихъ онъ, конечно, перечислить не можетъ. Имена нѣкоторыхъ пировъ, живущихъ въ горахъ, ему извѣстны: такъ, пиръ Хазаръ [1]), живущій въ Кулябѣ, называется Феридунъ Шо Саидъ, пиръ въ Рошанѣ называется Шо Зода (Shâh-zâde) Хасанъ, пиръ въ кишл. Warфъ, называется Шо Сафедъ Саидъ, три пира въ Сарыколѣ носятъ слѣдующія имена: Шо Зода Макинъ [2]), Шо Толибъ (Tâlibъ) и Саидъ-Ахматъ Хонъ (Ахмедъ-ханъ).

Въ Читралѣ разсказчикъ помнитъ имя только одного пира Шо Зода Лайсъ [3]).

Секту называютъ Маулави, отъ слова Мауло (владыка), одно изъ названій Алія [4]). Сами себя сектанты называютъ

---

[1]) По поводу этого пира, имѣющаго для насъ особо важное политическое значеніе, я хочу подчеркнуть, какъ вообще важно было бы всѣхъ пировъ, живущихъ въ нашихъ предѣлахъ, расположить въ пользу русскаго дѣла и заручиться ихъ содѣйствіемъ. Авторитетъ пировъ среди сектантовъ безграниченъ. Сектанты, подчиненные нашимъ пирамъ, разбросаны въ 4 государствахъ. Хазара, боевое племя, живетъ въ самомъ сердцѣ Афганистана.

[2]) Лейтнеръ упоминаетъ о немъ Appendix VII (a) p. 5.

[3]) Отецъ его—Шо Абдур-Рахимъ Зебакскій, о которомъ упоминаетъ Лейтнеръ, дѣдъ—Шо Зода Лайсъ, Іокутъ-Шо.

[4]) Не слѣдуетъ на основаніи этого названія смѣшивать исмаилитовъ

Digitized by Google

Исмаилья, и вотъ на какомъ основаніи. Они признаютъ имамами [1]): Али, Хасана, Хусейна, Зайнъ-алъ-Обедина [2]), Махометъ-Богира [3]) и Джафара-Садика. У этого послѣдняго были два сына,—имамъ Мусо-и-Косимъ и Шо Исмаилъ. Асно-ашарія признаютъ имамами Мусо-и-Косима и его потомковъ. Секта Исмаилья признаетъ имамами Исмаила и его потомковъ. Асно-ашарія остановились на двѣнадцати имамахъ, Исмаилья же продолжаютъ ихъ считать до сего времени въ родѣ Агахана.

Глава секты называется Ага-Ханъ [4]). Должность эта наслѣдственная. Родъ Ага-Хана ведется отъ Алія и Фотимы черезъ Шо Исмаила и сына его Махомета. Ага-Ханъ есть воплощеніе Алія; въ немъ его душа. Ага-Ханъ живетъ въ Бомбаѣ. Имя настоящаго султанъ Махометъ Шо [5]),

---

съ послѣдователями Джеляледдина Руми, которые тоже называются мевлевіями. Замѣтка проф. А. Е. Крымскаго.

[1]) Смотри преданія объ имамахъ въ восточн. Туркестанѣ. Dutreuil de Rhins Tome III P. 1 à la page. 46.

[2]) Въ память его мазаръ между Хорогомъ и Поршнифъ на Пянджѣ; имамъ въ немъ не похороненъ: виденъ только оставленный имъ слѣдъ на скалѣ его правой руки.

[3]) Мазаръ на рѣкѣ Гунтѣ; тѣла имама въ немъ нѣтъ. Сохранилась по этому поводу легенда. Имамъ пріѣхалъ сюда изъ Хоросана на бѣломъ верблюдѣ и поселился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь мазаръ. Проживъ нѣкоторое время, имамъ однажды рѣшилъ, что пора ему покинуть жизнь, Предупредилъ жителей долины о своемъ намѣреніи и при этомъ сказалъ, что въ случаѣ, если ихъ постигнетъ какое бы то ни было бѣдствіе: война, моръ, голодъ, онъ всегда вернется къ нимъ на помощь; для этого они должны будутъ прійти сюда, зарѣзать передъ пещерой барана и потомъ кричать какъ азанчи. „На этотъ кличъ я выйду къ вамъ“. Сказавъ это, имамъ удалился въ пещеру, которая за нимъ замкнулась. Черезъ нѣкоторое время недовѣрчивые жители долины рѣшили провѣрить слова имама Совершили все по его словамъ. Имамъ появился изъ пещеры, сидя на лошади, и спросилъ народъ, что ему нужно. Смущенные жители объяснили причину вызова. Имамъ разгнѣвался и сказалъ: „въ наказаніе за ваше невѣріе, пусть долина ваша по временамъ будетъ Гунъ (южн.-перс. ганъ – куча, собранная), а по временамъ паришонъ (разсѣянная)“. Долина Гунта сильно страдала отъ набѣговъ киргизовъ, шугнанцевъ и жит. дол. Шахдары, что заставляло жителей покидать свою долину, нѣкогда густо населенную. Теперь долина постепенно вновь заселяется.

[4]) По мѣстному произношенію Ого-хонъ.

[5]) Родился въ Карачи, ноября 2, 1877 года, получилъ прекрасное, вполнѣ

Digitized by Google

отца его—Али Шо, дѣда—Шо Саидъ Хасанъ. Переселились они изъ Хоросана, изъ кишл. Махалоти.

Всѣ пиры между собой равны, каждый изъ нихъ сносится непосредственно съ Ага-Ханомъ. Черезъ годъ-черезъ два посылаются ему подарки, главнымъ образомъ деньги. Для этого снаряжается кто-нибудь изъ жителей, иногда же одинъ изъ помощниковъ (халифа) пира. Должность пира наслѣдственная. Пиру наслѣдуетъ не обязательно старшій сынъ, а наиболѣе достойный. Не достаточно быть наслѣдникомъ пира, чтобы занять его мѣсто, необходимо согласіе общества подчиненныхъ умершаго пира и утвержденіе его приговора Ага-Ханомъ. Когда прямыхъ наслѣдниковъ у пира саида нѣтъ, то жители имѣютъ право выбирать кого-нибудь изъ его родственниковъ и просить объ утвержденіи его Ага-Ханомъ. Пиры могутъ быть не саиды. Ага-Ханъ можетъ утверждать пиромъ не саида, а всѣми уважаемаго муллу (челов. образов.), по просьбѣ жителей, или просто, по своему личному усмотрѣнію. Ага-Ханъ въ правѣ смѣщать кого угодно и когда ему угодно.

Разсказчикъ былъ назначенъ пиромъ послѣ кончины своего отца, пира, по желанію жителей. Эти послѣдніе, собравшись съ участка умершаго пира, пришли просить сына наслѣдовать отцу. Заручившись согласіемъ его, жители снарядили депутацію къ Ага-Хану, снабдивъ ее подарками и письмомъ, съ изложеніемъ своей просьбы. Ага-Ханъ согласился на ихъ выборъ и, въ знакъ утвержденія разсказчика въ должности пира, прислалъ ему бумагу съ печатью главы секты. Эта бумага показывается жителямъ.

Ага-Ханъ рѣшаетъ всѣ дѣла единолично. При немъ совѣта нѣтъ. При поѣздкахъ къ Ага-Хану по дѣламъ, обращаются не къ нему лично, а къ его служащимъ, и черезъ нихъ получаютъ приказанія и распоряженія главы секты.

Къ Ага-Хану пріѣзжіе допускаются только для представленія и на поклонъ. Иногда, послѣ доклада Арахтъ, 4-й ъ

в, въ кишл. Бозевропейское образованіе. Смотри подробн. у Лейт[illegible]. Коронъ, недалеко (b) p. 21. Въ послѣдн. № Review of Reviews за 1[illegible] кишл. Пью, 9-й въ появленіи новаго журнала въ Индіи: „East and W[illegible] ковъ, между прочимъ, указанъ: „His Highness t[illegible] въ Читралѣ, въ кишл.

Digitized by Google

дѣла, Ага-Ханъ выражаетъ желаніе повидать докладчика. Въ такомъ случаѣ пріѣзжій имѣетъ возможность бесѣдовать лично съ главой своей секты.

Каждый пиръ имѣетъ своихъ помощниковъ, которые распредѣляются по всѣмъ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ у него находятся подчиненные или мюриды.

Называются эти помощники халифа. Они служатъ посредниками между пиромъ и его мюридами. Главная ихъ обязанность собирать подаянія, предназначенныя пиру, а также, отчасти, справлять нѣкоторыя требы. Назначаются халифа пиромъ, который предпочтительно выбираетъ ихъ изъ саидовъ. Халифа зависитъ только отъ своего пира. Онъ не имѣетъ права ни судить, ни дѣлить по наслѣдству, все это лежитъ на обязанности пира.

Пиры полные хозяева надъ своими подчиненными; судятъ ихъ по своему шаріату. Въ настоящее время, какъ и прежде, къ пиру ходятъ за всякимъ дѣломъ: за совѣтомъ, на исповѣдь и на судъ. Въ Шугнанѣ всегда существовали судьи (кози-кâди), къ нимъ ходятъ судиться для вида, или же недовольные судомъ пира.

У пира Юсуфа Али Шо подчиненные распредѣляются слѣдующимъ образомъ: четыреста домовъ въ Шугнанѣ, 200 домовъ въ афганскомъ Дарвазѣ, въ Яркентѣ 50 домовъ, въ Ошѣ 20 домовъ, нѣсколько домовъ по Гунту отъ Сочарва до Сардива, нѣсколько домовъ въ афганскомъ Шугнанѣ. Въ Рошанѣ у пира нѣтъ ни одного подчиненнаго.

Помощники пира распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 11 халифа въ Шугнанѣ, 7 халифа въ Дарвазѣ и 1 въ Яркентѣ. Въ Ошѣ должность помощника справляетъ его братъ.

У шія и сунни послѣ смерти существуютъ два дома, хона (хâпѣ): рай и адъ. Секта Исмаилья ихъ не признаетъ.

Пусть долмерти человѣкъ остается живъ своею душою, на, собранная), а дитъ въ другое живое существо; отъ добрасильно страдала отъ добраго же человѣка, отъ дурного чедары, что заставляло жа еходитъ въ какое-нибудь животное. енную. Теперь долина пс змѣю, корову, осла, лошадь. Душа—

4) По мѣстному произноше ждаетъ. Наказанная душа, попавшая

5) Родился въ Карачи, ноя

Digitized by Google

въ животное„ можетъ долго терзаться, переходя изъ животнаго въ животное, пока Богъ не смилостивится и не вернетъ душу обратно въ человѣка, что̀ онъ можетъ сдѣлать, когда ему угодно.

На мой вопросъ: „неужели душа никогда не найдетъ покоя?“ пиръ отвѣтилъ: „душа найдетъ покой, когда попадетъ въ хорошаго человѣка, хорошимъ же человѣкомъ мы считаемъ того, кто не много думаетъ, не путешествуетъ, а сидитъ спокойно дома, выбравъ для него хорошее, красивое мѣсто, кто хорошо ѣстъ и чисто одѣвается“.

Постовъ нѣтъ; Богъ учитъ нравственному воздержанію,— не желать жены ближняго своего, не завидовать чужому богатству, счастью и т. п.

Все вышеписанное разсказано мнѣ въ Шугнанѣ, въ Поршнифѣ, въ кишл. Возмъ, на Пянджѣ, пиромъ Саидъ Юсуфъ Али Шо.

•

Бесѣда съ пиромъ Саидъ Ахмедъ, живущимъ на Шахдарѣ, въ Шугнанѣ.

Родъ свой пиръ ведетъ отъ имама Махометъ-Богира, черезъ сына его имама Ибрагима (sic).

Восемь поколѣній тому назадъ предки пира переселились изъ Медины въ Мунджонъ, гдѣ и жили до послѣдняго времени. Разсказчикъ перебрался оттуда въ Читралъ, но англичане попросили его удалиться изъ своихъ предѣловъ, находя, что у него слишкомъ много подчиненныхъ въ другихъ государствахъ. Здѣсь, на Шахдарѣ, онъ второй годъ. Семья только что пріѣхала кружнымъ путемъ черезъ Каракорумъ, афганцы не пустили ихъ черезъ свои владѣнія. Халифа̀ пира распредѣляются слѣдующимъ образомъ: одинъ на Шахдарѣ, въ кишл. Поршидъ, другой на Пянджѣ, по ту сторону рѣки, въ кишл. Воджъ, третій въ Дарморакъ, по ту сторону рѣки, въ кишл. Арахтъ, 4-й въ Горонѣ, въ кишл. Багушъ, 5-й въ Зебакѣ, въ кишл. Бозгиръ, 6-й въ Мунджонѣ, 7-й въ кишл. Коронъ, недалеко отъ Файзабада, 8-й въ Катаганѣ, въ кишл. Пью, 9-й въ Читралѣ, въ кишл. Инджигонъ, 10-й въ Читралѣ, въ кишл.

Digitized by Google

Маликдашть, 11-й въ Читралѣ, въ кишл. Когитъ, 12-й въ Яркентѣ, 13-й ниже Файзабада, въ кишл. Дораимъ.

Всѣхъ подчиненныхъ у пира около 1500 домовъ, изъ которыхъ наибольшая часть приходится на Читралъ.

Разбросанность подчиненныхъ, мюридовъ, у одного и того же пира объясняется частыми переселеніями горцевъ. Причинъ, послужившихъ поводомъ къ подобнымъ передвиженіямъ въ горахъ, было не мало: обиды и притѣсненія, которыя горцы постоянно терпѣли отъ своихъ правителей, постоянныя распри между сосѣдними ханами, жестокія расправы съ побѣжденнымъ краемъ, недостатокъ земли, тѣснота въ родномъ кишлакѣ и просто семейныя обстоятельства.

Покидая родину, послѣдователи секты ни въ какомъ случаѣ не мѣняютъ пировъ, а всегда продолжаютъ подчиняться своему старому пиру, оставшемуся на мѣстѣ. Мѣнять пировъ строго воспрещено сектой и считается большимъ грѣхомъ (ганда) [1]). Подчиненный принадлежитъ тому пиру, предкамъ котораго подчинялись его собственные предки.

Названіе трехъ пировъ, живущихъ въ Читралѣ, слѣдующее: Шо Зода Лайсъ (Шâхъ-Зâде Лейсъ), въ кишл. Анкеръ, Шо Абдулъ Хасанъ, въ кишл. Хасанободѣ, и Шо-и-Калонъ (Шâх-и Келанъ). Семь или восемъ поколѣній тому назадъ предокъ послѣдняго пира, Саидъ Джемли, переселился изъ Бухары въ Читралъ, въ кишл. Барандесъ.

Въ Ваханѣ два пира: Карамъ Али Шо, въ кишл. Зунгъ, и Саидъ Абдуррахманъ, въ кишл. Дриджъ.

У Шо Зода Лайса около 30 домовъ, подчиненныхъ на Шахдарѣ, и по нѣсколько домовъ въ Ваханѣ, Ишкашимѣ и Шугнанѣ.

Одинъ изъ халифâ Шо Зада Лайсъ живетъ на Шахдарѣ, въ кишл. Бедизъ (нижній). Гдѣ живутъ другіе его помощники, разсказчикъ не знаетъ.

Сектанты считаютъ Алія [2]) выше Мохаммеда. Душа Алія переходитъ отъ одного Ага-Хана къ другому.

---

[1]) Вонь, скверно.

[2]) Среди горцевъ сохранилось нѣсколько легендъ о пребываніи Алія въ кухистонъ (въ горахъ). Одна изъ нихъ записана мною въ Ваханѣ. Въ ней идетъ рѣчь о томъ, какъ Алій, прійдя съ войскомъ изъ Хоросана въ Ишкашимъ и Ваханъ, воевалъ тамъ съ кафирами сіяхпушами; завладѣлъ

Digitized by Google

Четыре главныхъ пира проповѣдывали ученіе Исмаилья: Шо Али Мусо-и-Ризо (Муса-Риза) въ Хоросанѣ, Шейхъ фарибъ Шакаръ Ганчъ (ферибъ Шекяръ Гянджъ) въ Индустанѣ, Хаджи Ахмедъ Ясawи въ Туркестанѣ и Саидъ Носиръ Хосрау (Hâсир-и-Хосровъ) въ кухистанѣ.

Когда Шо Носиръ пришелъ въ горы, то застaлъ здѣсь людей разной вѣры: шіитовъ и суннитовъ. Среди нихъ началъ онъ проповѣдь свою очень осторожно; ничего не отвергалъ изъ ихъ ученій, ничего не отрицалъ: ни молитвъ, ни постовъ, ни праздниковъ, ни рая, ни ада. Съ шіитами былъ шія, съ суннитами—сунни.

Говорилъ онъ о Богѣ, о добродѣтели, объ уваженіи къ старцамъ. Болѣе близкимъ своимъ ученикамъ понемногу открывалъ истинное ученіе секты. Признавая молитву, онъ пояснялъ, что истинная молитва заключается въ томъ, чтобы хорошо говорить, говорить чистое, помнить всегда Бога и хорошо во всемъ поступать. Не отвергая праздниковъ, говорилъ, что истинный праздникъ для послѣдователей секты—посѣщеніе своего наставника, пира, бесѣды съ нимъ, хорошій поступокъ, совершенный человѣкомъ. Не отказываясь отъ постовъ, говорилъ, что Богъ требуетъ не воздержанія желудка, а воздержанія нравственнаго, что и есть истинный постъ. Не отрицая рая и ада, онъ говорилъ, что они обрѣтаются не гдѣ-нибудь на небѣ, а находятся здѣсь, на землѣ, въ душѣ каждаго человѣка, у кого рай, у кого адъ, отъ человѣка зависитъ имѣть въ душѣ то или другое.

Послѣ смерти Шо Носира ученики его продолжали начатое имъ дѣло. Проповѣдники дѣйствовали крайне осторожно. Присоединеніе къ сектѣ горнаго народонаселенія происходило безъ насилія и очень медленно, въ продолженіе многихъ и многихъ десятковъ лѣтъ.

тремя замками трехъ братьевъ-царей, сіяхпушей: Кахкаха, Замръ-Аташъ-Парастъ и Зангибора. Какъ эти три брата погибли въ борьбѣ почти со всѣмъ своимъ народомъ, и только небольшая часть спаслась, бѣжавъ на югъ въ страну Катуаръ. По покоренью Вахана легенда гласитъ, что Алій совершилъ походъ въ Китай, гдѣ испуганный царь вмѣсто войска выслалъ навстрѣчу Алію толпу простоволосыхъ женщинъ, при видѣ которыхъ Алій остановился, сказалъ имъ Хато (отсюда названіе Китай) и повернулъ обратно.

Digitized by Google

До сего времени горцы, по привычкѣ, соблюдаютъ много старинныхъ обычаевъ [1]), ничего общаго съ сектой не имѣющихъ. Иногда, по необходимости, и только для вида, въ присутствіи чужихъ, горцы справляютъ обряды суннитовъ и шіитовъ. Мы имъ этого не запрещаемъ дѣлать, считая все это не важнымъ. Важно быть хорошимъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ.

Въ дѣйствительности у насъ нѣтъ ни праздниковъ, ни постовъ, ни намазовъ, ни общихъ молитвъ, ни мечетей. По пятницамъ, вечеромъ, у пира или у халифа, собираются старики, старухи, а изъ молодежи мужчины и женщины, болѣе достойные. Читаютъ книгу Каломи-пиръ [2]), объясняютъ читанное, разговариваютъ, поютъ извѣстныя мѣста изъ книги на-память, играютъ на музыкальныхъ инструментахъ и тутъ же ужинаютъ и такимъ образомъ просиживаютъ до разсвѣта.

Въ мазарахъ, у Шейховъ, иногда устраиваются подобныя сборища, рѣжутъ барашка, читаютъ, поютъ.

Главную книгу, Ваджхи-динъ [3]) или Каломи-пиръ, написалъ пиръ Калонъ Маулоно Шо Нузоръ (также Низоръ), сынъ Маликъ Соломъ, въ Хоросанѣ, въ Маалот-шаарѣ(шехръ). Шо Носиръ Хосрау перевелъ эту книгу на языкъ кухистана, Шо Али Мусо-и-Ризо—на языкъ Хоросана, Шейхъ Форибъ Шакаръ Ганчъ—на языкъ Индустана и Хаджи Ахмедъ Ясawи—на языкъ Туркестана.

Шо Носиръ въ продолженіе 72 лѣтъ прочиталъ четыре книги: Таурота-Мусо, Енжиль-Исо, Забуръ-Даудъ и Фирконъ-

[1]) Въ горахъ, въ особенности въ Шугнанѣ, распространено почитаніе священныхъ камней. Камни эти обыкновенно бываютъ облиты масломъ, обложены „ex voto“ въ видѣ мелкихъ камней причудливыхъ формъ; иногда на камнѣ насыпана небольшая горсть какого-нибудь зерна (не смѣшивать священныхъ камней съ мельничными, которые иногда встрѣчаются около кишлаковъ). По словамъ горцевъ, они почитаютъ священные камни съ разрѣшенья пировъ, въ память Сабзи-пушъ и другихъ святыхъ мужей. Присутствіе мазаровъ также не вяжется съ ученьемъ секты и какъ бы подтверждаетъ слова пировъ, что здѣсь въ горахъ раньше жили шіиты и сунниты.

[2]) Кялâми-пиръ (букв. „рѣчь старца“ или „слово старца“). Прим. проф. А. Е. Крымскаго.

[3]) Лицо вѣры—главное изложеніе о вѣрѣ. Прим. проф. А. Е. Крымскаго.

Digitized by Google

Махомета [1]). По прочтеніи этихъ книгъ Шо Носиръ нашелъ, что во всѣхъ нихъ написано одно и то же и все, что̀ въ нихъ напсано, можно найти въ Каломи-пиръ.

Изъ Каломи-пиръ Шо Носиръ составилъ болѣе удобную для чтенія и для пониманія книгу „Ишхоръ“ [2]). Умеръ онъ въ кишл. Іемгонъ и тамъ же похороненъ въ пещерѣ. Но, по книгѣ, его тѣла въ этой пещерѣ нѣтъ. Говорятъ, что она сквозная. Вѣрятъ, что онъ вошелъ въ пещеру со стороны Бадакшана, а вышелъ со стороны Читрала. Что съ нимъ стало послѣ—неизвѣстно.

На мой вопросъ: существуетъ ли у нихъ обрѣзаніе?—пиръ, не особенно удивившись вопросу, отвѣтилъ: „что̀-жъ у насъ сохранилось бы отъ мохаммеданства, если бы мы уничтожили и этотъ обрядъ!“

Все вышеписанное разсказано мнѣ въ кишл. Реджисъ, на Шахдарѣ, въ Шугнанѣ, пиромъ Саидъ Ахмедомъ.

Бесѣда съ пиромъ Саидъ Мурсалъ.

Отецъ его, Саидъ Мурза Ашрабъ, былъ пиромъ въ Сучонѣ въ продолженіе 75 лѣтъ. Родъ свой пиръ ведетъ отъ имама Мусо-и-Косима. Предокъ пира Саидъ-Сухробъ (Сохра̂бъ) пѣтъ триста послѣ смерти Мохаммеда переселился изъ города Іездъ въ Хоросанѣ въ Бадакшанъ, въ кишл. Іемгонъ.

Предки пира, проживъ въ этомъ кишлакѣ нѣсколько поколѣній, переѣхали въ Ваханъ, въ кишл. Шергинъ, гдѣ прожили три поколѣнія. Изъ Вахана предки его перебрались сюда, въ кишл. Сучонъ, три поколѣнія тому назадъ. Онъ, пиръ, представитель четвертаго поколѣнія.

Саидъ Мурсалъ состоитъ пиромъ только одинъ годъ. Назначенъ на должность Ага Ханомъ, по желанію жителей. Пиръ самъ ѣздилъ въ Бомбай и лично получилъ отъ главы секты бумагу съ печатью, утверждавшую его въ должности.

Халифа̀ пира Саидъ-Мурсала распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1) въ Читралѣ, въ кишл. Ричъ, 2) въ Читралѣ, въ кишл. Ярхонъ, 3) въ Ишкашимѣ и Зебакѣ,

[1]) Пятикнижіе, Евангеліе, Псалмы и Коранъ.

[2]) Ишка́ръ („возвѣщеніе, распространеніе“).

Digitized by Google

одинъ халифа̀ живетъ въ кишл. Дорwанъ, на афганской сторонѣ, 4) въ кишл. Баръ-Іомчъ, 5) въ кишл. Нимдана, на афганской сторонѣ, 6) въ кишл. Хуфъ, въ Рошанѣ на Пянджѣ, 7) въ кишл. Терзудъ, 8) въ кишл. Барзутъ, 9) въ Калаи-Вомарѣ, 10) въ кишл. Шуджонъ, 11) въ кишл. Іемцъ, 12) въ кишл. Роумитъ, 13) въ кишл. Сипунджъ, 14) въ кишл. Хазретъ-Имамъ на Гунтѣ, 15) въ кишл. Тангшебъ, въ афганскомъ Дарвазѣ, 16) въ кишл. Сучонъ, 17) въ Яркентѣ (ему же подчиняются нѣсколько домовъ въ Сарыколѣ); 18) въ Ошѣ общій халифа̀ съ пиромъ Юсуфъ Али-Шо.

Подчиненные пира распредѣляются, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: 100 домовъ въ Читралѣ и 400 домовъ въ Шугнанѣ, Рошанѣ, Дарвазѣ и Яркентѣ.

Въ Канджутѣ жители Исмаилья въ Нагарѣ, послѣдователи имама Мусо-и-Косима (Асно-Ашарія).

По поводу переселенія душъ пиръ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности.

По его словамъ, въ одномъ роду одна душа. Душа отца переходитъ къ сыновьямъ, при чемъ пиръ пояснилъ образно, какъ понять переходъ одной души, отца, къ нѣсколькимъ сыновьямъ. Въ домѣ (хона) горитъ нѣсколько огней, въ очагѣ большой огонь, въ свѣтильникахъ (чироги) малые, но какъ въ очагѣ, такъ и въ свѣтильникахъ свѣтится одно и то же пламя, происходящее отъ одного и того же огня. Вообще, душа постоянно блуждаетъ. При смерти душа переходитъ въ землю, изъ земли въ траву, изъ травы въ животное, изъ животнаго опять въ человѣка.

Книга Каломи-пиръ написана по приказанію Маулоно-Низоръ. Саидъ Носиръ перевелъ ее на языкъ горцевъ.

Люди должны быть какъ братья, другъ-друга не обижать. Важно быть добрымъ, честнымъ. Обряды: посты, молитвы, праздники не важны, справлять мы ихъ не запрещаемъ. Все это дѣлается для вида. Воръ, который будетъ поститься и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжать свое ремесло, поступаетъ одинаково скверно, какъ и воръ, промышляющій тѣмъ же, но безъ поста. Одинаково дурно поступаетъ человѣкъ, который съ одной стороны грѣшитъ, съ другой молится, надѣясь безъ раскаянья, одной молитвой,

Digitized by Google

отмолить грѣхи. Человѣкъ, который согрѣшилъ, долженъ прійти къ пиру, искренно раскаяться, помолиться съ пиромъ, и тогда только Богъ можетъ ему простить. Для того, чтобы человѣкъ не забывалъ совершеннаго имъ грѣха и чтобы удержать его отъ подобнаго же поступка въ будущемъ, пиръ накладываетъ на него извѣстную пеню, размѣръ которой, сообразуется съ совершеннымъ грѣхомъ. За большой грѣхъ взимается лошадь, за менѣе важный проступокъ корова, за болѣе легкія прегрѣшенія баранъ, птица, яйца и т. д.

Человѣкъ, который не пожелаетъ сознаться въ совершенномъ грѣхѣ, Богомъ не будетъ прощенъ и грѣхъ всей тяжестью своею ляжетъ на немъ.

Все вышеписанное разсказано мнѣ въ кишл. Сучонъ на Гунтѣ, въ Шугнанѣ, пиромъ Саидъ Мурсалъ.

Вотъ все, что я успѣлъ собрать относительно секты Исмаилья. Собранное я постарался передать возможно точнѣе, безъ всякихъ украсъ. Сообщая имена и указывая мѣста пребыванія моихъ собесѣдниковъ, я тѣмъ даю возможность каждому желающему лично провѣрить добытыя мною свѣдѣнія.

Относительно сектантовъ я долженъ сказать, что они произвели на моихъ спутниковъ и на меня вполнѣ благопріятное впечатлѣніе. Строгая, нравственная дисциплина, къ которой пиры въ продолженіе долгаго времени пріучали своихъ подчиненныхъ, выработала въ нихъ извѣстную выдержку и сдержанность въ общеніи съ людьми. Между собою они держатся съ достоинствомъ и съ самоуваженіемъ. Къ старшимъ относятся съ почтеніемъ, но безъ униженія.

Характеръ горца покойный, мягкій; онъ съ любовью относится къ своей сектѣ и къ своимъ пирамъ, привязанъ къ своему гнѣзду, не любитъ передвиженья, отхожимъ промысломъ занимается рѣдко и неохотно. На переселенье горецъ рѣшается только подъ гнетомъ крайне тяжкихъ обстоятельствъ.

Желаніе, которое намъ не разъ высказывали горцы,—выучиться русскому языку, просьба добыть имъ учебникъ русскаго языка, наконецъ, поступокъ одного волостного, отдавшаго своего сына въ обученіе къ солдатамъ, въ ка-

Digitized by Google

зармы, все это такія явленія, которыя ярко свидѣтельствуютъ о стремленіи горцевъ сблизиться съ русскими. Отсутствіе фанатизма въ общеніи съ христіанами, вражда и даже нѣкоторое презрѣніе къ шіитамъ и суннитамъ указываютъ намъ, какую благодатную почву представляютъ сектанты для насажденія среди нихъ русской культуры, какъ легко выработать изъ нихъ преданныхъ намъ друзей и тѣмъ самымъ создать на далекой окраинѣ, на рубежѣ трехъ государствъ, вѣрный и надежный оплотъ противъ враговъ русскаго владычества въ Азіи.

Благорасположеніе горцевъ къ русскимъ не должно насъ удивлять; они разсчитываютъ найти въ русскихъ покровителей своей секты и опору въ своей глухой, но упорной и постоянной борьбѣ съ суннизмомъ.

Сектанты прекрасно знаютъ, что глава ихъ секты въ Бомбеѣ офиціально признается таковымъ англійскимъ правительствомъ. Это обстоятельство пиры не разъ подчеркивали въ разговорахъ съ нами.

Почему бы намъ не подать сектантамъ руку помощи и не высвободить секту изъ-подъ спуда, въ которомъ она теперь обрѣтается? Почему не признать офиціально ея существованія и въ такомъ случаѣ, конечно, оградить ее отъ гнета офиціальнаго суннизма Бухарцевъ?

Въ заключеніе не могу не высказать моего мнѣнія по поводу нашихъ отношеній къ мусульманству въ Средней Азіи. Въ настоящее время мы покровительствуемъ только однимъ суннитамъ, игнорируя не только мелкія секты (Исмаилья, Бабидовъ), но даже шіизмъ, какъ будто наша цѣль—объединеніе мусульманства и поглощеніе всѣхъ его развѣтвленій суннизмомъ, что, какъ мнѣ кажется, не вполнѣ совпадаетъ съ нашими интересами. Я же думаю, что нашъ прямой, политическій расчетъ признавать за всѣми расщепленіями мусульманства право на офиціальную и самостоятельную жизнь и, какъ послѣдствіе этого признанія, считать обязательнымъ для насъ охрану этого права, даннаго для всѣхъ, отъ посягательствъ на него со стороны болѣе сильнаго и боевого исповѣданья.

8 февраля 1902 г. Бобрики. **А. Бобринской.**

Digitized by Google

Изъ поѣздки въ Литву.

Цѣлью моей поѣздки въ Литву лѣтомъ 1901 года было собственно изслѣдованіе нѣкоторыхъ чертъ говоровъ литовскаго языка. Въ зависимости отъ этого и маршрутъ мой былъ строго ограниченъ такими пунктами, которые могли давать матеріалъ для изученія извѣстныхъ говоровъ.

Однако для меня не могли пройти незамѣченными и нѣкоторые бытовые факты, съ которыми я впервые встрѣтился въ этой странѣ смѣшенія племенъ и нарѣчій. Не знаю, насколько мнѣ удалось придать моимъ наблюденіямъ достаточно стройный видъ, чтобы составить изъ нихъ общее представленіе о жизни въ этой мѣстности, но во всякомъ случаѣ считаю возможнымъ подѣлиться нѣкоторыми изъ нихъ въ надеждѣ на то, что въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ они являются болѣе новыми и непосредственными, чѣмъ то, что мы имѣемъ до сихъ поръ въ литературѣ предмета. Данныхъ же языка я коснусь лишь мимоходомъ, поскольку они стоятъ въ связи съ подмѣченными мною бытовыми явленіями.

Свою поѣздку я ограничилъ лишь незначительною частью Литвы, а именно нѣкоторыми пунктами трехъ смежныхъ уѣздовъ Ковенской губ.: Ковенскаго, Вилкомирскаго и Новоалександровскаго.

По языку Ковенская Литва дѣлится на восточную, среднюю и сѣверную, или Жмудь. Цѣлью моихъ наблюденій было восточно-литовское нарѣчіе литовскаго языка и опредѣленіе его границъ какъ со стороны средне-литовскаго нарѣчія, такъ и со стороны русскихъ поселеній. Изъ моего маршрута видно, что я не объ-

Digitized by Google

ѣхалъ всей территоріи восточно-литовскаго нарѣчія, а ограничился только болѣе южными ея частями. Это объясняется частью недостаткомъ времени, частью же и тѣмъ, что меня болѣе интересовали мѣстности, менѣе описанныя въ діалектическомъ отношеніи.

Провѣркѣ моихъ наблюденій способствовало то обстоятельство, что Ковенская губ. очень тщательно описана въ памятныхъ книжкахъ Ковенскаго Губернскаго Статист. Комитета. Эти книжки уже давно обратили на себя вниманіе ученыхъ, потому что, кромѣ официальныхъ свѣдѣній, которыя обыкновенно даются въ подобнаго рода изданіяхъ, въ нихъ изъ года въ годъ помѣщается подробное описаніе быта населенія различныхъ мѣстностей Ковенской губ., а также довольно подробная характеристика діалектовъ литовскаго языка въ предѣлахъ этой губерніи. Общей редакціей этнографическаго матеріала завѣдуетъ извѣстный знатокъ мѣстнаго быта, членъ этнографичекаго отдѣла К. П. Гуковскій. Свѣдѣнія по языку сообщаются такимъ же солиднымъ знатокомъ литовской діалектологіи, литовцемъ по происхожденію, проф. кс. Явнисомъ.

Ковенская губ.—это центръ Литвы. На всемъ ея протяженіи преобладающую массу населенія составляютъ литовцы. Въ предѣлахъ этой губерніи можно встрѣтить литовцевъ всѣхъ главныхъ разновидностей, которыя намѣчены въ наукѣ.

Въ этнографическомъ отношеніи Ковенская Литва, кромѣ самостоятельнаго интереса, обращаетъ на себя вниманіе путешественника еще и тѣмъ, что здѣсь почти въ каждой данной мѣстности происходитъ смѣшеніе различныхъ народностей, а именно на ряду съ чисто-лит. элементомъ можно почти вездѣ встрѣтить русскихъ, поляковъ и евреевъ. И въ этой повсемѣстной смѣси интересно и странно, то, что литовцы, составляющіе преобладающій элементъ населенія, вездѣ волею судебъ играютъ послѣднюю роль. Съ одной стороны, въ рукахъ русскихъ перевѣсъ всякихъ привилегій по закону, съ другой—поляки превосходятъ всѣхъ преимуществами своей культуры. Евреи же, если не имѣть въ виду мѣстности съ чисто-еврейскомъ населеніемъ, умѣютъ стоять въ сторонѣ и даже извлекать пользу изъ своего нейтральнаго положенія.

Эта картина смѣшенія съ особенной рельефностью наблюдается въ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ и болѣе всего въ мѣстностяхъ пограничныхъ.

Полякамъ литовцы поддаются легче, потому что съ ними ихъ

Digitized by Google

соединяетъ общность религіозныхъ интересовъ [1]). Къ русскимъ же одинаково недружелюбны какъ литовцы, такъ и поляки. Это еще больше сближаетъ литовцевъ съ поляками, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ русскіе являются лишь въ качествѣ представителей правительственной власти, а такихъ мѣстъ немало. Нехорошо тогда приходится русскимъ. Но на ихъ сторонѣ право, и они смѣло сѣютъ просвѣщенье среди литовцевъ. Одинъ учитель хвалился мнѣ, что, благодаря неустанному труду въ этомъ направленіи, уже $^2/_3$ его учениковъ-литовцевъ забыли свой родной языкъ и говорятъ по-русски. Не такъ легко справиться съ поляками, авторитетъ которыхъ поддерживается ихъ сравнительной культурностью и большимъ распространеніемъ ихъ религіи. Слово „полякъ“ считается въ Литвѣ равносильнымъ слову „интеллигентъ“. Говорить по-польски, придерживаться польскихъ обычаевъ считается хорошимъ тономъ. Въ нѣкоторыхъ приходахъ знать по-польски обязательно, такъ какъ ксендзы-поляки иного языка въ разговорѣ съ прихожанами не признаютъ. Отсюда происходитъ то, что въ отдѣльныхъ районахъ не только литовцы, но и русскіе которые цѣлыми селеніями исповѣдуютъ католическую религію, говорятъ часто по-польски и вообще находятся подъ сильнымъ польскимъ вліяніемъ, называютъ себя поляками, такъ что приходится доискиваться до ихъ національности. Такой вопросъ ставитъ, напримѣръ, Гуковскій въ своей статьѣ: „Свадьба у литовскихъ бѣлоруссовъ“.

Въ силу этой борьбы политическіе и религіозные интересы сильно обострены среди сельскаго населенія. Всякій имѣетъ здѣсь свои политическія и религіозныя убѣжденія и неуклонно старается провести ихъ въ жизнь. Но литовцы, къ сожалѣнію, направляютъ свои старанія на внѣшность и въ массѣ вообще мало дорожатъ своею національностью. При ихъ податливости, если бы не давали себя такъ сильно чувствовать матеріальныя нужды и политическое безправіе, они не сопротивлялись бы и русскимъ, и теперь, можетъ быть, не существовало бы ихъ уже, какъ отдѣльной народности.

Вообще, судя по матеріаламъ, собраннымъ въ Пам. Кн. Ков. губ., и по моимъ личнымъ впечатленіямъ, касающимся извѣстной

---

[1]) Есть въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и литовцы-протестанты, но ихъ немного, а въ предѣлахъ моего маршрута вовсе нѣтъ.

Digitized by Google

части Ковенской Литвы, быть литовскаго крестьянина представляется въ довольно печальномъ видѣ.

Литовцы занимаютъ довольно богатую природой страну, достаточно надѣлены землей и владѣютъ ею подворно и при такихъ условіяхъ все-таки цѣлыми массами бѣдствуютъ. Среди многочисленныхъ причинъ этого явленія на первомъ планѣ нужно поставить ихъ чрезмѣрную некультурность. Въ этомъ отношеніи они очень напоминаютъ нашихъ бѣлоруссовъ-полѣхъ. Разница лишь въ томъ, что тамъ некультурность—начало и конецъ всѣхъ бѣдствій, а здѣсь это не первопричина и не единственная причина упадка благосостоянія. Сама некультурность здѣсь развилась только въ связи съ неблагопріятными общественными условіями жизни. Школъ мало и даже очень мало, меньше, чѣмъ кое-гдѣ въ нашихъ лѣсахъ. Это бы еще не бѣда: мы и теперь не видимъ литовцевъ, которые бы дошли до такой степени некультурности, какъ полѣхи, ибо они не разобщены съ остальнымъ міромъ, а судя по печатнымъ отчетамъ о числѣ учащихся, можно даже заключить, будто въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ увеличеніи числа школъ вовсе нѣтъ потребности. А вся сила въ томъ, что, подъ вліяніемъ натянутыхъ отношеній, литовцы не отдаютъ своихъ дѣтей и въ тѣ школы, которыя есть. Литовцы почти всѣ отъ мала до велика грамотны настолько, чтобы читать свой молитвенникъ, нерѣдко, кромѣ того, читаютъ и по-польски, а грамотныхъ по-русски, по изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ началѣ 90-хъ гг., въ каждомъ уѣздѣ насчитывается отъ 5% до 7% и владѣющихъ русскимъ языкомъ отъ 10% до 15%. И этотъ фактъ вскрываетъ не только недостатокъ школъ, но и нерасположеніе къ нимъ. Наблюдаются, такимъ образомъ, почти на половину и случаи рецидива безграмотности.

При такихъ условіяхъ трудно ожидать культурной обстановки въ жизни литовца. По-литовски онъ читаетъ, но литовскихъ книгъ нѣтъ и не разрѣшается пріобрѣтать. По-русски онъ читать не желаетъ и не желаетъ даже слушать никакихъ устныхъ указаній со стороны русскаго. Поляки же, лучше ихъ надѣленные матеріальными и духовными условіями жизни, больше склонны къ промышленному образу жизни, который такъ выгоденъ среди столь инертнаго населенія, и для непосредственнаго заимствованія отъ нихъ чего-нибудь полезнаго рѣдко представляется случай.

Digitized by Google

Отсюда происходитъ то, что хозяйство ведется самымъ примитивнымъ способомъ, и усовершенствованій никакихъ ни въ хозяйствѣ, ни въ обыденной жизни не допускается. Инертность жизни доходитъ до того, что всякое новшество считается чуть не преступленіемъ, а новаторы, чтобы провести свою мысль, принуждены бываютъ оставить общій надѣлъ, а иногда и село. Новшества обыкновенно очень незатѣйливы. Насущнымъ вопросомъ сельскаго хозяйства на Литвѣ является, напр., вопросъ объ удобреніи почвы, ибо ее немилосердно истощаютъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, или—вопросъ объ осушеніи болотъ и эксплотаціи озеръ, которыхъ тамъ такъ много. Но искусственное удобреніе считается мѣстами какой-то ядовитой присыпкой, распространяемой будто-бы лицами изъ администраціи. Лѣнятся удобрять землю даже обыкновенными способами и при достаточномъ количествѣ скота и при этомъ, повидимому, они не совсѣмъ ясно себѣ представляютъ результаты подобной траты времени и труда, которые должны сказаться черезъ нѣсколько лѣтъ. Болота сохраняются, какъ воображаемыя мѣста жительства какихъ-то духовъ, покровительствующихъ хозяйству. Изъ-за озеръ постоянно возникаютъ непріятности по вопросу о способахъ общинной ихъ эксплотаціи, такъ какъ къ общественной дѣятельности населеніе вовсе не привыкло. Поэтому ихъ сдаютъ, какъ попало, въ аренду евреямъ.

Побочныя отрасли хозяйства почти совершенно отсутствуютъ и большею частью потому, что некому заботиться объ ихъ развитіи. Промыслы тоже не въ чести. Важно и то, что давно уже сильно испорчены отношенія съ сосѣдними помѣщиками. Пойти на работу къ сосѣду помѣщику считается неудобнымъ, ибо изъ этой сдѣлки какъ отдѣльныя личности, такъ и цѣлыя общества выносятъ однѣ непріятности, а пріютиться за кусокъ хлѣба у односельчанина, иногда на самыхъ позорныхъ условіяхъ—обычная мѣра обѣднѣвшаго литовца.

Кредитъ представленъ всего нѣсколькими ссудо-сберегательными товариществами и настолько далекъ отъ совершенства, что сплошь и рядомъ цѣлыя селенія оказываются въ кабалѣ у какого-нибудь корчмаря-еврея. Отъ кулачества не прочь и сами литовцы, и всевозможные виды кабалы развиты до тонкости.

Такимъ образомъ вся жизнь литовца сосредоточена на матеріальныхъ отношеніяхъ и сводится или къ вопросу о хлѣбѣ на-

Digitized by Google

сущномъ, или же у болѣе состоятельныхъ—къ вопросу о лучшихъ способахъ наживы. Духовные интересы почти отсутствуютъ. Это одна изъ интереснѣйшихъ иллюстрацій того, какъ слабая этническая группа, подавленная массой сложныхъ экономическихъ явленій, теряетъ всякое положительное выраженіе своего духовнаго существованія.

Всякая удача и неучача заливается виномъ, и все свободное время проводятся въ кабакахъ и пивныхъ. Монополія на первыхъ порахъ сдерживала пьянство, но уже давно здѣсь, какъ и вездѣ, найдены болѣе или менѣе удачные выходы изъ стѣснительныхъ условій. Подпольныхъ кабаковъ развелось видимо-невидимо, а во избѣжаніе большихъ расходовъ на казенное вино стали прибѣгать къ его суррогатамъ. Гуковскій въ описаніи Россіенскаго уѣзда разсказываетъ, что наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ противъ такой распущенности было воздѣйствіе духовенства. Но это было еще около эпохи 60-хъ годовъ, а послѣ эта проповѣдь оказалась подозрительной, и пьянству снова дана была полная свобода. Стали вывозить контрабандой дешевый спиртъ изъ Пруссіи, а когда и его не стало, прибѣгли къ анодину (Гофманскія капли). Имъ торгуютъ вездѣ и напиваться имъ считается чѣмъ-то хорошимъ, потому будто бы что весь организмъ послѣ этого на долгое время пропитывается пріятнымъ запахомъ. Благодаря этому, пьянство быстро распространилось и среди женщинъ. Дошли до того, что въ лавкахъ вошло въ обыкновеніе въ качествѣ похода подносить анодинъ на кускѣ сахару всѣмъ несговорчивымъ покупателямъ и особенно покупательницамъ.

Для характеристики крайне матеріальной окраски всѣхъ нравственно-юридическихъ отношеній среди литовцевъ Гуковскій приводитъ выдержки изъ дѣлъ волостныхъ правленій.

Подавляющее большинство дѣлъ падаетъ на аграрно-имущественныя и связанныя съ ними отношенія. Отношенія между родственниками даже одной и той же кровной семьи держатся только до тѣхъ поръ, пока находятся въ равновѣсіи ихъ матеріальныя отношенія. Отецъ семейства лишь до тѣхъ поръ сохраняетъ свой авторитетъ, пока онъ способенъ къ работѣ. Дѣти безъ родителей никогда не въ состояніи поддержать равновѣсіе ихъ взаимныхъ правъ и обязанностей и потому при первомъ удобномъ случаѣ дѣлятся и расходятся. Еще хуже приходится неприроднымъ членамъ

Digitized by Google

семьи, которые попали въ нее по браку, по найму или въ силу какой-либо другой сдѣлки. Браки заключаются на основаніи однихъ матеріальныхъ соображеній и прочны бываютъ лишь постольку, поскольку обѣ стороны выполняютъ условія договора. Приданое, смотря по матеріальнымъ соотношеніямъ брачащихся, приносится то женихомъ, то невѣстой. Всѣ виды примачества развиты до тонкости. Небезынтересно отмѣтить такіе оригинальные виды сожительства, какъ, напр., супружество на опредѣленное время или приглашеніе бобыля только для веденія хозяйства, а не для супружества. Нерѣдки также сожительства и безъ всякаго брака. И они влекутъ за собою много дѣлъ судебнаго характера, а главное нарождаютъ массу безправныхъ и безпріютныхъ гражданъ, которымъ впослѣдствіи не остается ничего иного, какъ сдѣлаться олицетвореніемъ всевозможныхъ пороковъ.

Со всѣми подобными взглядами приходится считаться суду, часто мѣстный судъ самъ не въ состояніи отрѣшиться отъ подобныхъ юридическихъ воззрѣній и согласовать мѣстное обычное право съ государственнымъ закономъ, что и влечетъ за собою отмѣну его постановленій съѣздомъ. Да часто такое согласованіе и невозможно.

Такимъ образомъ, матеріальное міросозерцаніе и отсутствіе почти всякихъ духовныхъ интересовъ дѣлаютъ жизнь литовца вѣчной борьбой за существованіе, которая мало-по-малу лишаетъ его человѣческаго облика, заставляя прибѣгать къ пьянству и всякаго рода раздорамъ и безнравственнымъ выходамъ изъ безпросвѣтной нужды.

Въ результатѣ—распаденіе семьи, раздѣлы, влекущіе за собою обѣднѣніе цѣлаго ряда дворовъ, а иногда и выселеніе за тридевять земель. А выселяться приходится именно за тридевять земель, такъ какъ въ сосѣднія губерніи съ русскимъ населеніемъ идти литовцу не желательно, а иной разъ по незнанію языка и дѣйствительно невозможно.

Литовцамъ уже давно указана та обѣтованная земля, куда они теперь изъ года въ годъ переселяются цѣлыми массами. Это—Америка. Уже по одной дальности разстоянія обыкновенный неподвижный литовецъ не рѣшится переселиться въ Америку. Идутъ туда большею частью люди передовые, энергичные и преимущественно новаторы, не ужившіеся съ родными порядками жизни.

Digitized by Google

А такъ какъ дома они воспитаны на чисто матеріальномъ міросозерцаніи и разочаровались въ земледѣльческомъ образѣ жизни, то въ Америкѣ они вовсе не занимаются земледѣліемъ, а идутъ на фабрики, на заводы, или же затѣваютъ собственное предпріятіе, сплошь и рядомъ очень сомнительнаго нравственнаго достоинства.

Въ Пам. Кн. Ков. губ. за 1901 годъ помѣщена статья Гуковской, гдѣ рисуется жизнь литовцевъ въ Америкѣ. Они тамъ перерождаются большею частью въ торговцевъ и кабатчиковъ и, не смотря на это, тѣсно сближаются между собою, наживаются по одиночкѣ и обществами и, такимъ образомъ, двигаютъ впередъ свою доморощенную культуру, строго оберегая себя отъ вліянія окружающихъ ихъ иноземцевъ. Въ настоящее время они имѣютъ уже собственныя типографіи и издаютъ нѣсколько собственныхъ газетъ на литовскомъ языкѣ.

Изъ приведенной характеристики литовской народности и жизни литовцевъ въ посѣщенныхъ мною уѣздахъ Ковенской губ. можно было бы заключить, что народность эта на краю погибели, и будущности ей никакой предсказать нельзя. Но я снова повторяю, что все сказанное касается главнымъ образомъ тѣхъ мѣстностей, которыя я посѣтилъ лично, а это именно и есть тѣ пункты, гдѣ Литва наиболѣе соприкасается съ другими болѣе сильными народами. Кромѣ того, мои наблюденія подтверждаются данными, собранными въ Пам. Кн. Ков. губ. Я ничуть не отрицаю, что есть мѣста на Литвѣ, гдѣ вовсе не замѣчается такого упадка силъ народныхъ и народнаго благосостоянія. Таковы болѣе сѣверныя части собственно Литвы въ Ков. губ., таковы извѣстныя части Жмуди.

Въ настоящее время г. Гуковскимъ составлена, но еще не издана этнографическая карта Ков. губ. Изъ нея видно, что пунктами наибольшаго подавленія литовской народности въ Ков. губ. являются западныя и восточныя границы восточно-литовцевъ. На западѣ они попадаютъ подъ сильное вліяніе поляковъ, на востокѣ—русскихъ. То же подтверждается и моими наблюденіями надъ языкомъ этихъ мѣстностей.

При опредѣленіи границы восточно-литовскаго нарѣчія въ предѣлахъ Ков. уѣзда я натолкнулся на тотъ фактъ, что въ сѣ-

Digitized by Google

верныхъ и среднихъ частяхъ этого уѣзда восточно-литовцы почти непосредственно соприкасаются со Жмудью или отдѣляются отъ нея польскими поселеніями. Область средне-лит. нарѣчія, или такъ называемыхъ „настоящихъ литовцевъ“ здѣсь очень не велика и ограничивается почти исключительно небольшой полосой по берегу Нѣмана. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о подмѣченномъ уже раньше распространеніи вост.-лит. нарѣчія на счетъ средне-литовскаго, а съ другой—о вторженіи въ литовскую среду польскаго элемента. Литовцы Ковенскаго уѣзда очень инертны и бѣдны съ духовной стороны. Здѣсь почти нельзя услышать ни собственныхъ пѣсенъ, ни сказокъ, ни проявленія народаго остроумія.

Еще больше въ этомъ отношеніи поражаетъ восточная часть Новоалександровскаго уѣзда. Здѣсь границу литовцевъ и русскихъ нельзя опредѣлить какой-нибудь сплошной линіей. Изъ добытыхъ мною данныхъ видно, что изъ всѣхъ семи волостей Новоалександровскаго уѣзда, лежащихъ къ востоку отъ СПБ.-Варш. ж. д., только одна—Рымшанская, непосредственно прилегающая къ ст. Дукшты этой дороги, населена почти сплошь литовцами. Затѣмъ литовскія поселенія идутъ, прерываясь, узкой полосой къ юго-востоку и доходятъ почти до Браславскаго озера. Такимъ образомъ, здѣсь не представляется возможнымъ заключить литовскія поселенія въ какія-либо опредѣленныя рамки. Волости по-старому дѣлятся на общества, состоящія изъ нѣсколькихъ селеній, и каждое общество поддерживаетъ у себя или литовскія, или русскія традиціи. Но это дѣленіе очень приблизительное, ибо иногда и въ литовскихъ обществахъ можно перечесть по пальцамъ говорящихъ по-литовски.

Какъ литовцы, такъ и русскіе здѣсь католики и такъ похожи во всѣхъ отношеніяхъ другъ на друга, что часто трудно ихъ отличить. Объединенію ихъ способствуетъ какъ церковь, такъ и школа. Здѣсь нѣтъ особенной вражды противъ школы, но, къ сожалѣнію, и церковь, и школа не стоятъ здѣсь на должной высотѣ. Ксендзы—большею частью поляки, которые одинаково не любятъ литовцевъ и русскихъ и ни тѣмъ, ни другимъ не позволяютъ даже говорить и молиться на собственномъ языкѣ. Школъ здѣсь меньше, чѣмъ гдѣ-либо, и учителя также не могутъ похвастаться подготовкой къ своей дѣятельности и большею частью

Digitized by Google

держатся очень примитивныхъ программъ, нерѣдко сильно тормозящихъ дѣло народнаго просвѣщенія.

Языкъ здѣшнихъ литовцевъ представляетъ такую смѣсь съ польскими и главнымъ образомъ русскими элементами, что мѣстные русскіе даже смѣются надъ нимъ, считая его извращеннымъ русскимъ языкомъ. Заимствованія простираются не только на отдѣльныя слова и корни, но и на формы словъ и цѣлыхъ оборотовъ рѣчи. Бываютъ случаи, что литовецъ и русскій объясняются между собою, говоря каждый на своемъ языкѣ.

Несмотря на такое жалкое положеніе литовцевъ, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, нельзя не пожелать возрожденія этой все-таки симпатичной и оригинальной націи. И надежда на это возрожденіе кроется не столько въ частныхъ дѣятеляхъ на этомъ поприщѣ, сколько въ національныхъ представителяхъ ихъ общественнаго управленія. Сейчасъ особенно много для этого дѣлаетъ цѣлый классъ литовцевъ-ксендзовъ, которые являются настоящими радѣтелями о нуждахъ своего народа. Это дѣйствительно тѣ люди, къ которымъ литовецъ-поселянинъ можетъ обратиться со всякимъ горемъ и со всякою радостью. Въ послѣднее время и въ правительственныхъ сферахъ Литвы начинаетъ проявляться интересъ къ этому обиженному судьбой народу, и подобнымъ начинаніямъ можно пожелать только полнаго успѣха.

Н. Соколовъ.

Digitized by Google

У русскихъ подданныхъ Султана.

I. Предварительныя свѣдѣнія.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Россіи мнѣ пришлось услышать мелькомъ о существованіи около Константинополя поселенія русскихъ казаковъ некрасовцевъ, и тогда же я рѣшилъ побывать у нихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Судьба мнѣ благопріятствовала.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Стамбулъ, я встрѣтилъ сидѣвшую пригорюнившись на крыльцѣ Аѳонскаго Пантелеймоновскаго подворья, одѣтую по-русски женщину съ дѣвочкой, которыя, какъ оказалось, пріѣхали изъ одного находящагося въ Румыніи некрасовскаго поселенія и уже нѣсколько дней мучились, желая получить здѣсь какія-то справки изъ архивовъ, относящихся ко времени до Берлинскаго трактата, когда еще ихъ село принадлежало Турціи. Женщина подтвердила мнѣ, что казацкая деревня, о которой я слышалъ, дѣйствительно существуетъ, но, что находится она довольно далеко отъ Константинополя, именно, около города Бандермы, на Мраморномъ морѣ.

Прежде чѣмъ пускаться въ путь, я навелъ какія могъ справки въ Русскомъ Археологическомъ Институтѣ и у д-ра. В. П. Щепотьева, который нѣсколько лѣтъ назадъ ѣздилъ на Майносъ и теперь любезно сообщилъ мнѣ различныя свѣдѣнія. Многихъ источниковъ въ Константинополѣ нельзя было достать, и лишь по пріѣздѣ въ Москву удалось собрать и перечесть касающуюся некрасовцевъ литературу. Пользуясь ею и, главнымъ образомъ, новымъ трудомъ П. П. Короленка, давшаго обстоятельное изслѣдованіе вопроса, мы попытаемся вкратцѣ напомнить исторію интересующихъ насъ казаковъ.

Изстари люди, недовольные Московскимъ государствомъ, выселялись на Кубань и въ окрестныя земли. Эмиграція, въ связи съ преслѣдованіемъ раскола, особенно усилилась послѣ 1688 года, а

Digitized by Google

въ 1690 на рѣчкѣ Аграхани за Терекомъ образовался уже крѣпкій оплотъ переселенцевъ, которые вели свободную веселую жизнь, приманивавшую отовсюду много народа.

Въ 1708 году вспыхнулъ на Дону бунтъ Булавина [1]), несмотря на первоначальный успѣхъ, скоро усмиренный княземъ Долгорукимъ [2]). Одинъ изъ ближайшихъ атамановъ Булавина, Игнатъ Некрасовъ, принужденъ былъ вмѣстѣ съ 2000 казаковъ [3]) искать убѣжища на Кубани, гдѣ поддался крымскому хану, вассалу Султана. Казаки вынесли съ Дону ненависть къ Россіи и въ союзѣ съ татарами часто и безпощадно грабили и избивали населеніе украинныхъ русскихъ городовъ [4]), при чемъ особенно усердно забирали церковную утварь [5]), чтобы украшать ею свои храмы. Русскіе, въ отвѣтъ, водили на кубанцевъ калмыковъ, и вражда такимъ образомъ росла. Уже послѣ Прутскаго похода казаки окончательно укрѣпились за Султаномъ, а послѣ 1736 г. появилось и оффиціаль-

---

[1]) Бунтъ произошелъ въ защиту права донцовъ давать пристанище бѣглымъ, но подкладка его была отчасти и религіозная, по крайней мѣрѣ такъ заявляла прокламація Булавина. См. Соловьевъ Т. XV, стр. 244. Субботинъ, И. Б. Е., 319. Въ пѣсняхъ сбор. Кирѣев., вып. 8 стр. 72 казаки такъ обращаются къ Долгорукому:

„Ты спасибо, нашъ батюшко,
Поилъ, кормилъ, берегъ и жаловалъ!
Ты въ одномъ же на насъ, батюшка, прогнѣвался:
Захотѣлъ старикамъ усы-бороды сбрить
И молодыхъ дѣтей въ солдаты брать"...

Нѣкоторую роль въ возбужденіи, вѣроятно, игралъ и Мазепа. Въ 1707 Булавинъ ѣздилъ въ Сѣчь и привелъ оттуда партію запорожцевъ. См. у Скальковскаго.

[2]) Братомъ князя Юрія, погибшаго въ первой стычкѣ съ донцами.

[3]) Соловьевъ XV, 265. Въ Сѣвер. Пчелѣ 1828 приводится число семей, вышедшихъ съ Некрасовымъ, 600, а общее число некрасовцевъ съ послѣдующими выселенцами дается 7000–8000. (Это же повторяетъ Короленко). Вымысломъ представляется поэтому пѣсня, сообщающая объ Игнатѣ:

Онъ ушелъ, увелъ 40 тысячей,
Кромѣ старыхъ, кромѣ малыхъ,
Молодыхъ ребятъ, малыхъ дѣтушекъ.

См. у Кельсіева и у Ганька (Буковина). Ср. также въ пѣсняхъ собр. П. В. Кирѣевскимъ, вып. 8, М. 1870, стр. 71.

[4]) Мельниковъ, стр. 469, сообщаетъ, что Петръ I въ 1710 г. посылалъ Ахмеду III особую жалобу на некрасовцевъ.

[5]) Славян. Сборникъ, 1875 г..

Digitized by Google

ное названіе турецкаго „кубанскаго войска". По Кючюкъ-Кайнарджійскому миру 1774 года Крымъ сталъ независимъ отъ Порты и всѣ кубанцы сдѣлались прямыми подданными Хана. Положеніе некрасовцевъ—враговъ Россіи—подъ властью ея зависимаго союзника оказалось крайне непрочно. Они попробовали получить разрѣшеніе возвратиться на родину, но Государственный Совѣтъ нашелъ, что со стороны Россіи это было бы нарушеніемъ принятыхъ на себя по отношенію къ хану обязательствъ, и ходатайство было отклонено. Послѣ этого казаки уже неизмѣнно держали сторону Турціи и поддерживали Девлетъ Гирея противъ русскаго ставленника Шагина Гирея. Впослѣдствіи русскіе (въ томъ числѣ Потемкинъ), понимая политическое значеніе некрасовцевъ, дѣлали неоднократно попытки ихъ привлечь [1]), но было уже поздно. Ханъ крымскій, обвиняя [2]) некрасовцевъ въ смутахъ на Кубани, въ 1777 году приказалъ переселить ихъ въ Крымъ; съ этимъ казаки никакъ уже не могли примириться и въ одну ночь въ количествѣ 3000 перешли на лѣвый берегъ Кубани. Часть ихъ въ 1778 году моремъ переплыла въ Добруджу, на рѣчку Дунавецъ, гдѣ имъ пришлось жить рядомъ съ запорожцами, явившимися въ Турціи послѣ разрушенія Сѣчи въ 1775 году драгунами Текелія [3]). Другая часть тоже лишь временно медлила за Кубанью. Русскіе предпринимали безуспѣшныя посольства, чтобы убѣдить ихъ остаться, но 24 іюня получили из-

[1]) П. И. Короленко приводитъ 6 такихъ попытокъ.

[2]) Вообще же ханы, какъ и турки впослѣдствіи, благоволили къ некрасовцамъ. Baron de Tott говоритъ въ своихъ мемуарахъ (1785 г.), что во время похода 1769 онъ былъ свидѣтелемъ, какъ Игнатъ-казаки со своими зелеными значками окружали священное знамя Пророка и Хана (Скальковскій).

[3]) Повторяя осторожное изложеніе г. Короленка, мы должны признаться, что для насъ непонятно одно противорѣчіе, которое обходитъ въ своей статьѣ цитируемый авторъ, не сопоставляющій прямо двѣ даты: 1775—разореніе Сѣчи и выселеніе запорожцевъ на Дунай, и 1778—переселеніе некрасовцевъ. Съ такой послѣдовательностью событій несогласно слѣдующее заявленіе Лупулеску (собственно, Антоновича, вѣроятно): К. С. 1889, № 1, стр. 123: „послѣ окончательнаго разоренія Сѣчи въ 1775 г., небольшая часть запорожцевъ перешла въ дельту Дуная... Мѣстность эта была уже въ то время занята перешедшими туда еще раньше съ Кубани... великорусскими казаками, извѣстными подъ именемъ некрасовцевъ или Игнатъ-казаковъ", также стр. 331. Не имѣя ни силъ, ни времени заниматься разрѣшеніемъ всѣхъ недоумѣній мы лишь довольствуемся сводкой, гдѣ можно, существующаго матеріала съ указаніемъ на непрочность соединительныхъ швовъ въ другихъ мѣстахъ.

Digitized by Google

вѣстіе, что, несмотря на учрежденную блокаду берега, некрасовцы уплыли въ Анатолію. Разселились они у Трапезунда, Самсуна и Синопа; впослѣдствіи остатки ихъ соединились, по словамъ Короленка, въ одно селеніе на рѣчкѣ Чаршамба, около Самсуна. Изъ Анатоліи скоро начались выселенія въ Добруджу. Отдѣльныя партіи переходили въ 1779, 1783 и 1784 годахъ, причемъ турецкое правительство отводило имъ земли у озера Разельмъ [1]). Въ 2 селахъ набралось до 1600 домовъ [2]). Султанъ гарантировалъ своимъ новымъ подданнымъ свободу отъ налоговъ, право вѣроисповѣданія и самоуправленіе. Обязательной воинской повинности не было, но казаки, какъ настоящіе вѣрноподданные, въ военное время сами выставляли до 3000 воиновъ, хотя активное участіе въ борьбѣ противъ русскихъ засвидѣтельствовано лишь одинъ разъ въ 1791 году [3]).

Замѣтимъ, что съ Кубани вышли не всѣ казаки; тамъ осталось ихъ 15 шалашей; на приглашеніе русскихъ вернуться они отвѣтили отказомъ, говоря, что находятся подъ присмотромъ черкесовъ, которые не допустили бы ихъ двинуться назадъ [4]).

Что касается до обитателей Чаршамбы, то они впослѣдствіи стяжали себѣ печальную извѣстность отвратительнымъ промысломъ—охотой на русскихъ, которыхъ продавали въ плѣнъ [5]). Послѣ 1878 года [6]) часть ихъ выселилась въ Россію и теперь живетъ

---

[1]) Равинъ, по казацкой терминологіи, пріуроченной къ мнѣу о подвигахъ Стеньки В. Г. Короленко, Рус. Бог. 1897. № 11, 151.

[2]) Сѣв. Пчела: Въ 1809 въ Дунавцахъ 1200, въ Сарыкёѣ 400.

[3]) Кельсіева (стр. 432) всѣ майносцы увѣряли, что на войнѣ казаки въ казаковъ не стрѣляютъ: „они черезъ насъ палитъ, а мы черезъ нихъ“; другое дѣло москаль, онъ аскéръ (солдатъ), и съ нимъ биться можно. Срав. у П. П. Короленка (27) разсказъ о дружбѣ некрасовцевъ съ терцами, которыхъ они во время осады ободряли, дѣлая предъ врымцами видъ, что сражаются.

[4]) Скальковскій: около 100 семействъ остались на Кубанской сторонѣ у Сукуровскаго залива.

[5]) Скальковскій. Въ 793 г. запорожскій полковникъ Савва Бѣлый поймалъ знаменитаго Андрея Мазанова, который, не считая убитыхъ имъ русскихъ, 11 человѣкъ продалъ черкесамъ. Интересный разсказъ о его дѣятельности у Короленка (65—69).

[6]) По поводу промежуточной исторіи ихъ, неизвѣстной Короленку, мы можемъ привести цитированную у Ламанскаго статью: „Еще одна русская колонія въ М. Азіи“, въ газетѣ Кавказъ 1856 (смотр. библіогр. въ концѣ); намъ, къ сожалѣнію, она была недоступна (въ Румянц. библ. журналы лишь съ

Digitized by Google

въ с. Высокомъ Даховскаго участка Черноморской губ. Посѣтившій ихъ П. П. Короленко говоритъ, что хотя они и слывутъ подъ именемъ „москóвъ", однако совершенно утратили національность и знаютъ лишь по-турецки. Интересно было бы болѣе подробно изслѣдовать ихъ этнографическій типъ, бытъ и нарѣчіе.

Что касается Добруджи, то тамъ съ самаго же начала у некрасовцевъ возгорѣлась вражда съ запорожцами, въ лицѣ которыхъ они, сами будучи раскольниками, ненавидѣли православныхъ. Постоянно происходили кровавыя стычки изъ-за мѣстъ рыбной ловли [1]). Украинцы были обязаны нести военную службу Султану, а казаки некрасовцы лишь добровольно поддерживали въ себѣ старый духъ, и не мудрено, что благодаря перевѣсу дисциплины и навыка, запорожцы одерживали верхъ. Хотя и игнатовцы одинъ разъ вырѣзали малорусское селеніе [2]), однако въ концѣ концовъ запорожцы правильнымъ походомъ взяли некрасовскую крѣпость Дунавецъ въ 1814 году [3]), послѣ чего уже нельзя было оставаться некрасовцамъ на мѣстѣ, и они получили разрѣшеніе выселиться къ устью Марицы [4]), на эносскій заливъ, гдѣ основали 7 большихъ селеній.

1862 г.) что касается до Rollier, то, на нашъ взглядъ, его свѣдѣнія о пресловутомъ селеніи Saporogi, у устья Кызыль Ирмака, гдѣ онъ лично не былъ, весьма сбивчивы. Врядъ ли тутъ дѣло идетъ о „запорожцахъ, выселившихся послѣ бѣгства Мазепы", а, вѣроятно, авторъ просто слышалъ о Чаршамбѣ и слово „казакъ" перетолковалъ по-своему. Относительно статьи Астафьева см. библіографію.

[1]) „До прихода запорожцевъ, устья Дуная и восточная Добруджа были заняты некрасовцами, и вотъ, когда въ концѣ прошлаго столѣтія появились въ дунайской дельтѣ запорожцы, между ними и некрасовцами, смотрѣвшими на себя уже какъ на хозяевъ мѣстности, неминуемо должны были произойти столкновенія". Лупулеску. 331.

[2]) Любопытно, до чего сильна была всегда ненависть запорожцевъ къ „липованамъ", т. е. позднѣйшимъ переселенцамъ, присоединявшимся къ некрасовцамъ. Не особенно давно еще жилъ въ Добруджѣ „одинъ невелыкый, такъ-непоказный соби чоловичокъ, то було якъ зійдутся, той каже: „я, каже, не баіацько (немного) липованъ выризавъ — тильки девятнадцятеро, а ще маю одного заризати-до двадцати... Тай й добре ихъ ризать: узявъ за бороду, голову одигнувъ назадъ та й чыкнувъ"... Лупулеску, К. Стар. 1889 г., февр., стр. 333.

[3]) Кондратовичъ 31—39, Лупулеску. 123.

[4]) Слав. Сборникъ 1875 г. сообщаетъ, что часть прямо отправилась на Майнссъ.

Digitized by Google

Во время войны 1828 года некрасовцы выставили 2500 всадниковъ; между тѣмъ, какъ они находились въ отсутствіи, турецкая крѣпость Эносъ была взята Мухановымъ, который былъ встрѣченъ затѣмъ въ казацкихъ селеніяхъ съ хлѣбомъ-солью. Однако не успѣли русскіе уйти, какъ некрасовцы, забравъ все, что могли, сожгли свои 7 деревень, а сами выселились въ Анатолію, на этотъ разъ на озеро Майносъ [1]), подъ Бруссой, куда къ нимъ присоединилась и возвратившаяся съ войны часть.

Такъ повѣствуютъ о возникновеніи Майноса воспоминанія Садыка Паши, которымъ слѣдуетъ г. Короленко. Правда, всѣ свѣ-

---

[1]) См. К. С. 1892 г., августъ, стр. 258; Рус. В. 1866, іюнь, 422. Въ разрѣзъ со всѣми другими источниками идутъ тѣ свѣдѣнія, которыя мы находимъ у г. Астафьева („Прир. и Люд." 1898, № 26). Онъ говоритъ, что большая часть некрасовцевъ выселилась съ Эноса въ 1827 г. къ устьямъ Кызыль Ирмака и образовала тамъ селеніе „Бинъ-эвле (читай эвли)" (sic). Казаки же, не входившіе въ эту „тысячу домовъ", раздѣлились на 2 части: одна осталась на прежнемъ мѣстѣ на Эносѣ, а другая, и самая меньшая изъ всѣхъ трехъ, образовала „деревушку" Майносъ. Было бы очень заманчиво объяснять такимъ выселеніемъ на Кызыль Ирмакъ громадное уменьшеніе число домовъ, которыхъ на Добруджѣ было 1600, тогда какъ въ 60-ыхъ гг. осталось на Майносѣ лишь около 300 семей. Но во 1-ыхъ около 1000 душъ въ 1830—1 вернулось въ Россію (Скальковскій), во 2—хъ не всѣ выселились съ Дуная и „некрасовскій корень" и до сихъ процвѣтаетъ въ Добруджѣ (ср. В. Г. Короленко), а въ 3-ыхъ, мы имѣемъ объясненіе сокращенія населенія въ страшныхъ опустошеніяхъ чумы, которымъ подвергся Майносъ (см. у Кельсіева и Ламанскаго). По поводу второй группы г. Астафьева замѣтимъ, что Чайковскій, посѣтившій Эносъ въ 1841 г. говоритъ что всѣ села были выжжены некрасовцами при выселеніи; слѣдовательно въ концѣ концовъ на Эносѣ никого не осталось. Что касается до названія „Бинъ-Эвли", то всѣ безъ исключенія источники даютъ его именно Майносу; двухъ селеній въ 1000 домовъ не могло образоваться уже потому, что и на Дунаѣ было лишь 1600 семей.. О выселеніи такого значительнаго числа подъ Самсунъ не могло бы не сохраниться воспоминаній, между тѣмъ какъ, напр., о выселеніяхъ изъ Анатоліи въ Добруджу у насъ есть прямыя свидѣтельства. Далѣе Чайковскій непремѣнно воспользовался бы такимъ богатымъ контингентомъ для комплектованія своихъ полковъ, а между тѣмъ онъ ни слова не говоритъ о селеніи, списываемомъ г. Астафьевымъ. Все, на что мы можемъ еще согласиться, это, что до настоящаго времени могли сохраниться остатки прежней Чаршамбы, но и это не обязываетъ принять насъ всѣ разсказы о православныхъ, женатыхъ на мусульманкахъ и т. д. Все это требуетъ большей доли вѣры, нежели та, которой мы располагаемъ и, право, въ виду общаго характера указанной статьи (см. библ.), mallem errare cum Platone...

Digitized by Google

дѣнія объ этомъ періодѣ не опираются на историческіе документы, но думается, что переселеніе все же должно было совершиться нѣсколько раньше. Некрасовцы теперь упорно относятъ его къ концу XVIII вѣка [1]). Цитируемый Ламанскимъ (с. 23) Hamilton [2]), бывшій у казаковъ въ 1837 году, выражается неопредѣленно: „оказалось, что это казацкое поселеніе устроено Портою по взятіи Измаила русскими [3])". Далѣе замѣтка другого путешественника Mc. Farlane [4]), о томъ, что во время войны 1828 г. Майносцы „выставили 160 всадниковъ, вооруженныхъ пиками и служившихъ въ иррегулярной конницѣ", какъ бы указываетъ на то, что Майносъ существовалъ и до войны, но въ меньшихъ размѣрахъ; отсюда и повинность его выражалась лишь въ небольшемъ числѣ ратниковъ [4]). Послѣ войны могло произойти окончательное переселеніе, а селеніе получитъ свое названіе „Бинъ эвли" (по-тур. „имѣющій 1000 домовъ"), забытое въ настоящее время. Впрочемъ, все это наши личныя догадки. Во всякомъ случаѣ два главныхъ источника: Чайковскій и Кельсіевъ [5])—въ общемъ согласны между собой. Записанный Кельсіевымъ со словъ одного казака разсказъ настолько интересенъ, что, мы не можемъ не привести его цѣликомъ [6]): „Сидѣли мы наперво, годовъ 50 тому на Дунавцѣ—я тебѣ все *по тонку* энто разскажу,—сидѣли мы на Дунавцѣ, только тамъ было намъ непокойно. Одно, *Москаль* подступаетъ все ближе да ближе, а другое, отъ хохловъ окаянныхъ житья нѣтъ. Тамъ у нихъ энто Сѣчь ихъ была, тоже значитъ отъ Москаля и они ушли, народъ буйный, разбойникъ народъ, злятся бывало на насъ, что мы старую вѣру держимъ, и что хозяйство у насъ хорошее, и воюютъ съ нами. Бои такіе бы-

---

[1]) См. О. Михаилъ (Душ. Ч. 1873), которому сообщали такой маршрутъ: Кубань-Анатолія-Дунай, а оттуда при Екатеринѣ II на Майносъ. Вожинъ (Н. Время) и Ганько (Буков.) передаютъ разсказъ, что переселеніе состоялось въ концѣ XVIII ст. То же пришлось слышать и намъ. Ср. также Мельникова.

[2]) См. библіограф. въ концѣ.

[3]) Неизвѣстно, про какое взятіе Измаила идетъ рѣчь: 1789 или 1809 года?

[4]) Срав. это съ общей цифрой 2500 казаковъ, выставленныхъ некрасовцами согласно Чайковскому.

[5]) Однако статья въ Слав. Сбор. 1875 г., вѣроятно, также принадлежитъ перу Кельсіева, а въ ней, какъ мы указывали, переселеніе на Майносъ относится къ одному времени съ выселеніемъ на Эносъ.

[6]) Рус. Вѣс., т. 63 стр. 421 и 422.

Digitized by Google

вали, что только Господи упаси. Старики и приговорили, уйдемъ дальше отъ Москаля и отъ запорожцевъ, и подали *разувалъ* [1]); садраза́мъ (великій визирь) говоритъ: садитесь, говоритъ, гдѣ хотите. А тутъ межъ нами самими неурядъ пошелъ. Насъ было 2 села: Дунавецъ и Сарыкёй. Дунавецъ весь пошелъ, а Сарыкёй на половину остался оттого, что тамъ было меньше казацкаго корене [2]). Сарыкёй и пононе стоитъ тамъ, на лиманѣ на Разинѣ, гдѣ Стенька Разинъ разбой держалъ; это по Стенькѣ и лиманъ такъ называется. Пошли дунавецкіе на Еносъ [3]) и большое село тамъ поставили и хорошо стали жить, и какъ завелся Еносъ, такъ что на Кара-Бурну [4]) сидѣли и что у Самсуна сидѣли, всѣ поразошлись, кто въ Сарыкёй, кто въ Еносъ. А тутъ опять война, опять Москаль наступаетъ, энто, слышь, за Гречина стоитъ. Еносскіе-то и говорятъ: нельзя, говорятъ, сидѣть у моря, гдѣ Москаль съ кораблями ходитъ; перейдемъ, говоритъ, въ такое мѣсто, гдѣ насъ Москаль не найдетъ. Раздѣлился кругъ, одни хотятъ остаться, а другіе хотятъ переходить. Тогда не было со-

---

[1]) Турец. арзыха́ль—прошеніе.

[2]) Происхожденіе отъ „некрасовскаго корення", а не отъ позднѣйшихъ пришельцевъ составляетъ понынѣ предметъ казацкой гордости. Сравн. напр. у Добруджинцевъ (В. Г. Короленко въ „Рус. Богатствѣ"). Эти два класса впослѣдствіи различались въ полкахъ Садыка паши. Мицкевичъ сообщалъ въ одномъ письмѣ: „Садыкъ имѣетъ разныя сотни, рядомъ съ украинскими, есть добруджинскія и кубанскія" см. въ К. Стар. 1886, апрѣль, статья „Михаилъ Чайковскій и козакофильство", стр. 774. Тѣ же слова казака подтверждаютъ справедливость мнѣнія г. Бв. (автора статьи въ Сѣв. Пчелѣ) относительно группировки населенія въ двухъ селахъ, вопреки позднѣйшему возраженію П. П. Короленко.

[3]) Эносскій заливъ (на эгейскомъ морѣ), куда впадаетъ Марица.

[4]) Мысъ на Черн. морѣ на ю. в. отъ Константинополя. Селенія Кара Бурну и Дерконъ (заливъ къ сѣв. отъ Босфора), упоминаемыя у Мельникова (П. Короленко о нихъ ничего не говоритъ), были, очевидно, крайними звеньями цѣпи некрасовскихъ поселеній въ Анатоліи и образовались послѣ выхода съ Кубани. Любопытно, что Мельниковъ наряду со всѣми ими называетъ Майносъ, хотя, къ сожалѣнію, не сообщаетъ источниковъ, почему онъ относитъ его возникновеніе къ этой эпохѣ. Кстати о Дерконѣ. М-г. Beaman, Константинопольскій корреспондентъ Times, разсказываетъ намъ, что на охотѣ наткнулся подъ Стефано (около станціи Кючюк-Чекмеджи) на селеніе русскихъ рыбаковъ, „которые жили тутъ круглый годъ". Намъ не удалось провѣрить этого сообщенія, но думается, что это были майносцы, которые обыкновенно рыбачатъ въ этихъ мѣстахъ.

Digitized by Google

гласія въ войскѣ: изъ-за вѣры раздоръ шелъ: одни были бурковцы, а другіе по старинѣ шли; бурковцы энто значитъ, что за аноимовскихъ владыкъ и поповъ стояли. Вотъ, которые хотѣли переселяться, побѣгли въ Цареградъ и подали садразаму *разувалъ*, что хотятъ всѣ, дескать, казаки на Майносъ, что они, дескать отъ всего круга просятъ. Садразамъ и подпиши. Началъ народъ переселяться, кто хотѣлъ пошелъ, кто не хотѣлъ остался, а тутъ чума. Привязалась энта чума къ Майносу, мретъ народъ, опущается село, старики опять къ садразаму: прикажи апаша́-афе́ндей [1]) еносскимъ къ намъ переселиться, а то совсѣмъ пропадетъ храброе войско кубанское. Бились они, бились, хлопотали, хлопотали, постановили таки по своему: велѣно еносскимъ переселяться. Переселились они [2]), пожили трошки—опять чума... да вотъ съ тѣхъ поръ, Василій, и не оправимся никакъ; ты говоришь, Бинъ Эвли (тысяча домовъ), а насъ, развѣ со вдовьими, да съ сиротскими дворами дворовъ 200 [3]) наберется".

Во времена Кельсіева [4]) на Майносѣ все же было 5 церквей и столько же „селеній" [5]), однако скоро число майносцевъ на много сократилось, вслѣдствіе выселенія 157 семей, составлявшихъ приходы трехъ церквей на островъ Маду около Коніи. Причиною явилось массовое движеніе изъ Россіи татаръ и черкесовъ послѣ крымской кампаніи [6]). Поселившись въ окрестностяхъ Майноса,

---

[1]) Т. е. паша-эфендимъ.

[2]) На это есть и подтвержденія. М. П. Ганько въ своей статьѣ (въ „Буковинѣ") говоритъ (мы переводимъ по-русски): „За Майносомъ прежде было еще 2 села казацкихъ, изъ которыхъ одно называлось Еносъ, отъ Эносскаго залива, потому что тамъ раньше жили эти казаки. Но эти 2 села, равно какъ и часть Майносцевъ, въ 60-хъ годахъ пошли на Маду". Отсюда очевидно, что переселеніе послѣдовало съ Эноса не разомъ, какъ сообщалъ Садыкъ, а согласно съ разсказомъ Кельсіева.

[3]) Это ужъ преувеличеніе. На Маду вышло 157 семей, да теперь есть еще 150 домовъ.

[4]) Былъ на Майносѣ въ ноябрѣ 1863 года.

[5]) Вѣроятно, просто приходовъ.

[6]) Черкесы издавна жили въ этихъ мѣстахъ. Если вѣрить Садыку, то, въ его бытность на Майносѣ, казаки въ честь его рѣшили „погулять", сѣли на коней, отправились, въ близлежащую черкесскую деревню, и скоро послышались выстрѣлы, а въ бинокль можно было даже наблюдать движенія противниковъ. Въ результатѣ такого „гулянья" на обѣихъ сторонахъ оказалось значительное число убитыхъ и раненыхъ. К. С. 1892 № 10.

Digitized by Google

эти новые пришельцы очень безпокоили казаковъ. Казаки купили казенную землю подъ Коніей за 300 тур. лир., но Султанъ велѣлъ взять лишь 100 лиръ, а 200 простить. Двигались переселенцы со всѣмъ скарбомъ черезъ Бруссу и находились въ дорогѣ 42 дня. Нездоровый климатъ оказалъ на нихъ губительное дѣйствіе и они довольно быстро вымираютъ [1]).

Въ 1853 году извѣстный польскій эмигрантъ Чайковскій, перешедшій въ мусульманство и принявшій имя Садыкъ—былъ назначенъ главнокомандующимъ „оттоманскихъ казаковъ". Мыслью его, какъ извѣстно, было оживить духъ казачества подъ властью Султановъ, въ жилахъ которыхъ течетъ славянская кровь [2]), и, создавъ мощную силу, воспользоваться ею для реорганизаціи славянскаго міра, которая всего лучше могла совершиться опять таки черезъ турецкихъ монарховъ, какъ не заинтересованныхъ лично въ дѣлѣ отдѣльныхъ народностей, и потому наиболѣе безпристрастно сумѣющихъ выполнить задачу. Извѣстно, что попытка Садыкъ-паши окончилась полной неудачей, и Гуссейнъ паша совершенно устранилъ изъ арміи славянскій элементъ. Въ эпоху формированія полковъ, привлечены были въ числѣ другихъ славянскихъ народностей и некрасовцы, вмѣстѣ съ добруджинцами и украинцами составившіе „Второй полкъ". Кельсіеву (стр. 420) приходилось слышать жалобы майносцевъ на притѣсненія Садыка, желавшаго преобразить въ аскеровъ (т. е. постоянныхъ солдатъ) славныхъ потомковъ „некрасовскаго корена", привыкшихъ отбывать воинскую повинность лишь въ „розмиръ" (т. е. войну), а въ мирное время рыбалить. Несмотря на энергичныя воздѣйствія, вродѣ порки, къ которымъ прибѣгалъ Чайковскій, казаки въ 1864 году [3]) добились освобожденія отъ военной службы [4]) и

---

[1]) Подробности въ статьѣ Я. И. Смирнова.

[2]) Султанъ Мурадъ былъ женатъ на сербской княжнѣ изъ рода Нѣговичей. Прахъ ея покоится въ Бруссѣ.

[3]) Славян. Сборникъ 1875 г. Въ 1864 году Султаномъ былъ Абд-уль-Азизъ. У г. Вожина, слѣдовательно, ошибочно сказано, что это случилось при Абдуль-Меджидѣ (1839—1861).

[4]) Намъ непонятно сказанное у г. Вожина, что въ 1854 г. противъ русскихъ ходило съ Майноса 2 сотни, а въ *1877* г.—50 человѣкъ? Срав. выше примѣч. 6 и ниже 2.

Digitized by Google

были приравнены ко всей остальной „райѣ“ [1]), которая платитъ взамѣнъ этой повинности извѣстный выкупъ („бедѣль“). Равняется онъ 2 „бѣлымъ“, т. е. 2 меджидіямъ (около 3 рублей) въ годъ съ каждой души мужескаго пола [2]).

Новѣйшимъ событіемъ [3]) въ жизни Майноса было образованіе по сосѣдству со старымъ некрасовскимъ селеніемъ новаго поселка, названнаго въ честь Султана „Хамидіе“, но въ просторѣчіи извѣстнаго подъ именемъ „Ѣни Казакларъ“ (Новые Казаки). Составилось оно изъ переселенцевъ Дуная послѣ 1877-8 г., когда Добруджа отошла къ Румыніи [4]). Въ 1899 году селеніе это увеличилось новымъ притокомъ эмигрантовъ, не вынесшихъ румынскаго режима съ его военной службой и тяжелыми налогами [5]). Надо замѣтить, что Новые казаки ничего не имѣютъ общаго со Старыми, по своему происхожденію. Большей частью, это простые

---

[1]) Тогда же, вѣроятно, произошло отбраніе фирмановъ на вольности и другихъ подарковъ, жалованныхъ Султанами; въ числѣ ихъ была и золотая булава, которую видѣлъ Садыкъ, сообщающій, что она была пожалована атаману Ивану Салтану за 1828 годъ. Срав. однако Рус. Стар. 1895 № 11 Стр. 155, къ портрету М. Чайковскаго, гдѣ пожалованіе Махмудомъ булавы относится къ Неджибскому сраженію 1839 г., въ которомъ казаки удержали натискъ египетской кавалеріи.

[2]) Такъ мы записали на Майносѣ. Кубан. Вѣдом. 1897 г. № 101 сообщаютъ что прежде съ 15 лѣтняго возраста платили по 3 медж. а послѣ отказа въ 1878 выставить солдатъ этотъ налогъ былъ увеличенъ до 10 медж. (?). Г. Вожинъ (Н. Время № 6059) говоритъ, что платятъ по 9 меджидіевъ съ дома. Въ концѣ концовъ, получается приблизительно тоже. что и у насъ Разнится лишь система обложенія; нѣсколько странно, пожалуй, было бы взимать воинскій налогъ по домамъ.

[3]) Не лишено интереса, что „пресловутый Ашиновъ, имѣвшій намѣреніе заселить черноморское побережье Кавказа казаками, не разъ пріѣзжалъ въ Майносъ и приглашалъ его обитателей вернуться въ Россію. Войсковой кругъ хотя немного и подозрительно отнесся къ этому предмету, но въ принципѣ его не отвергалъ“. „Прир. и Люди“, 1895—6, № 1 Д-ръ. Елисѣевъ. Послѣднее время къ Россіи замѣчается большое тяготѣніе.

[4]) Ганько, Майноськи козаки (въ „Буковинѣ“): „Як.... Добруджа дісталась під Румуна.... козаки побачили..., що з Румуном наші не наварять і втекли зараз під Турка“.

[5]) В. Г. Короленко (стр. 163) остроумно объясняетъ эти выселенія, какъ бѣгство передъ „спокойнымъ приливомъ самоувѣренной гражданственности и культуры“, столь страшной для остатковъ старинныхъ и отжившихъ вольностей, къ которымъ привыкли некрасовцы.

Digitized by Google

южно-русскіе переселенцы и бѣглецы, и лишь по недоразумѣнію именуются казаками.

Относительно религіи майносцевъ надо сказать, что хамидійцы принадлежатъ къ непріемлющимъ священство, а Старые Казаки [1]), хотя и признавали священство стараго рукоположенія, однако, съ того времени, какъ „утекъ“ послѣдній попъ Агаѳодоръ, оставались безъ священника и безъ отправленія многихъ требъ, несмотря на всѣ поиски, сопряженные съ большими расходами. Я. И. Смирновъ разсказываетъ, напр., что посланные съ Мады побывали за Багдадомъ, на Аѳонѣ, въ Ликіи, въ Египтѣ, на Кипрѣ, собрались бы и въ Абиссинію, если-бы добрые люди не отговорили,—но желаннаго старообрядческаго священника не нашли.

Некрасовцы [2]) часто бывали на Аѳонѣ, куда возили продавать рыбу. Такъ и въ мартѣ 1872 г. они явились туда, на сей разъ съ предложеніемъ одному изъ монаховъ о. Михаилу ѣхать къ нимъ во священники. О. Михаилъ объяснилъ, что это невозможно, и предложилъ лучше обратиться къ патріарху за правильнымъ постановленіемъ священника, и, какъ результатъ долгихъ увѣщаній, явилось требуемое прошеніе за подписью многихъ майносцевъ. На аудіенціи патріархъ хотя и пообѣщалъ на словахъ разрѣшить сохраненіе обрядовъ, однако по настоянію нѣкоторыхъ членовъ Синода объ этомъ не было упомянуто ни слова въ выданныхъ грамотахъ, и представителямъ аѳонскаго духовенства, командированнымъ для ознакомленія на Майносъ, не было позволено совершать таинствъ. Все это вызвало большое недовольство казаковъ, и безъ того не расположенныхъ къ греческой церкви. Произошелъ расколъ [3]), часть населенія предпочитала имѣть Австрійское священство [4]), идущее „отъ за-

---

[1]) Мельниковъ: Бѣглецы на Кубань были всѣ поповцы (469).

[2]) Душепол. Чтеніе, 1873 г. Любопытна здѣсь же характеристика прежнихъ майносскихъ священниковъ, изъ которыхъ каждый попадался прежде въ разныхъ преступленіяхъ: отъ кражи до побѣга заграницу и двоеженства включительно.

[3]) Это была не рѣдкость на Майносѣ, такъ на Эносѣ еще были люди ужасавшіеся старины и на ряду съ ними „бурковцы“ т.-е. приверженцы анонимовскихъ поповъ, какъ это явствуетъ изъ вышеприведеннаго разсказа одного изъ казаковъ Кальсіеву.

[4]) Ср. Н. И. Субботинъ. Ист. бѣл. свящ. по смерти инока Павла, Рус. Вѣс. 1900, VII, 161—5, сообщаетъ о попыткахъ, которыя въ 1854—6 годахъ дѣлали „австрійцы“ для склоненія майносцевъ къ принятію ихъ священства.

Digitized by Google

прещеннаго митрополита Амвросія", который установилъ въ 1841 г. новую іерархію, другая часть пожелала присоединиться къ единовѣрію и съ разрѣшенія Константинопольскаго патріарха послала въ Петербургъ начетчика Ивана Вощихина, который и былъ поставленъ во священники митрополитомъ Макаріемъ [1]). Посольскій настоятель освятилъ церковь, а книги были получены изъ Московской единовѣрческой типографіи. Много вещей изъ церковной утвари пожертвовалъ Хлудовъ. Д-ръ Щепотьевъ цитируетъ интересное письмо, полученное патрархомъ Іоакимомъ III отъ русскихъ единовѣрцевъ, благодарившихъ его за милостивое отношеніе къ „обитателямъ Майноса, предки коихъ свободы ради своихъ обрядовъ, связанной соборными постановленіями 1667 года, оставили нѣкогда свою родину".

Но вотъ 15 октября 1900 года умеръ о. Іоаннъ, и снова майносцы остались безъ священника. Въ тотъ же день собраніе „старичковъ соборной церкви" отправило настоятелю Пантелеймоновскаго подворья въ Константинополѣ, о. Мисаилу, письмо такого содержанія: „што Бога ради насъ сирых ни оставляйтя. Оу нас отецъ Іоанъ втри дни пиряставился бизизыка и нам никакова

Однако дѣло шло не особенно удачно и „въ виду особенной грубости (майносцевъ) и крайняго самомнѣнія, такъ какъ они считали себя наилучшими изъ всѣхъ старообрядцевъ, чистѣйшими хранителями древне-православія". Въ той же статьѣ сообщается, что старопечатными книгами майносцевъ неоднократно пользовались различныя партіи [раскольниковъ въ видѣ доказательствъ при спорахъ.

[1]) „Прир. и Люди" 1901 г. № 42 сообщаетъ, что Св. Синодъ субсидировалъ майносскому о. Ивану 300 рублей. Надо, вѣроятно, разумѣть единовременное пособіе. О времени пребыванія майносцевъ въ Москвѣ въ 1879 г. мы нашли кое какія указанія въ „Церк. Вѣстникѣ" (изд. при Спб. Дух. Семин.) 1879 г. № 25 (іюня 23), гдѣ со словъ „Нов. Вр." сообщается, что къ бѣлокриницкой епархіи присоединилось „40 номеровъ (т. е. домовъ) майносцевъ, получившихъ уже себѣ священника; что съ посвященіемъ единовѣрческаго кандидата, котораго ласково принялъ митр. Макарій, Майносъ разобьется на 3 группы: 1) старыхъ бѣглопоповцевъ, 2) приверженцевъ австрійскаго священства 3) единовѣрцевъ; наконецъ, что въ Москву одновременно пріѣхали какъ депутаты единовѣрцевъ, такъ и австрійцевъ, послѣдніе къ старообрядческому архіерею Антонію за совѣтами и сборомъ пожертвованій. Въ Мос. Вѣд. за май и іюнь 1879 г. намъ не удалось отыскать дальнѣйшихъ указаній о майносцахъ. Быть можетъ что нибудь есть о нихъ въ „Правосл. Обозр." 1879 г., которое осталось намъ недоступнымъ.

Digitized by Google

ответу ня далъ. Васъ Богым молимъ пысятитя нашу сирыю церковь а нас низабутя Бога ради для свяченника а оу нас нарочитый есть толкя пыстынавлять молим вас для христіанских душ".

Благодаря, главнымъ образомъ, хлопотамъ о. Мисаила, было получено отъ Синода необходимое разрѣшеніе на выѣздъ въ Россію для постановленія во священники упомянутаго „нарочитаго" избранника майносцевъ, до настоящаго времени исправлявшаго обязанности дьяка. Посвященіе его обошлось безъ особыхъ затрудненій, въ виду имѣющагося прецедента. Письмо о. Мисаила отъ 14 іюня, извѣщавшее казаковъ о томъ, что нѣтъ препятствій ѣхать дьяку въ Россію, было получено нѣсколькими днями раньше нашего посѣщенія майносцевъ, совпавшаго какъ-разъ съ проводами кандидата и двухъ выборныхъ. По возвращеніи въ Константинополь изъ поѣздки по М. Азіи мы узнали, что депутація уже выѣхала въ Одессу. Въ Москву депутаты Петръ Денисовъ и Ѳедотъ Никулевъ вмѣстѣ съ дьякомъ Иван. Игн. пріѣхали 9 іюля, 29 состоялось посвященіе во діаконы, а 6 августа и во священники въ Храмѣ Спасителя [1]). 14 сентября майносцы уже пустились въ обратный путь, увозя съ собой многочисленные подарки разныхъ предметовъ, относящихся къ богослуженію, которыми ихъ обильно снабжали москвичи, какъ это намъ передавали въ Никольскомъ Единовѣрческомъ Монастырѣ, за Покровской заставой, гдѣ останавливались майносцы.

Что касается исторіи описанія Майноса, то первымъ посѣтившимъ казаковъ путешественникомъ слѣдуетъ, согласно В. И. Ламанскому, считать англичанина Hamilton, бывшаго у нихъ въ 1837 году и упоминающаго объ этомъ въ своемъ путевомъ дневникѣ [2]).

Вторымъ по времени посѣтителемъ (около 1841 г.) нужно признать извѣстнаго польскаго эмигранта Чайковскаго (впослѣдствіи, Садыкъ Паша), который даетъ въ своихъ Запискахъ весьма интересное и подробное описаніе Майноса (Кіев. Стар. 1892 г. № 9 и 10).

Довольно полный отчетъ о Майносѣ оставилъ и другой англичанинъ M^c. (Farlane), заѣзжавшій въ Эски Казакларъ въ 1847 году.

---

[1]) См. московскія газеты 7 августа и „Природа и Люди" 1901, № 42, 679.

[2]) Elys. Reclus, въ изданіи 1884, XV т. своей Géogr. Génér. еще держится свѣдѣній этого путешественника. Неизвѣстно, на чемъ основано курьезное замѣчаніе Reclus, что казаки „уже эллинизировались" (591).

Digitized by Google

Въ его время населеніе деревни состояло изъ 500 мужчинъ съ семьями [1]); школа хорошо дѣйствовала; въ ней было 5 учителей; священниковъ было 2. M^c. (Farlane) отмѣчаетъ существовавшія тѣсныя сношенія съ Дунаемъ и цвѣтущее состояніе деревни, несмотря на страшныя опустошенія, которыя на Майносѣ произвела чума.

Послѣдовательность дальнѣйшихъ описаній мы изложимъ въ библіографіи, а теперь, сообщивъ эти предварительныя замѣчанія, переходимъ къ разсказу о впечатлѣніяхъ нашей собственной недавней поѣздки на Майносъ.

II. Поѣздка на оз. Майносъ въ селеніе Хамидіѐ [2]).

(Ѣнѝ Казаклáръ).

Добывъ, какія могъ, предварительныя свѣдѣнія, я сталъ собираться въ путь. Для выѣзда въ провинцію надо брать, такъ называемое, тезкерэ̀ (проходное свидѣтельство) изъ полицейскаго управленія въ Константинополѣ. Названное учрежденіе находится въ Стамбулѣ и носитъ въ народѣ названіе: „Эскѝ Забтіѐ“. Туда и направился я, чтобы, кстати, посмотрѣть обстановку турецкаго присутственнаго мѣста. Какъ только вошелъ я въ большой дворъ, гдѣ валялись собаки, бродили куры, копаясь въ мусорѣ, и томились кучами чаявшіе движенія своихъ дѣлъ, для развлеченія долгаго досуга которыхъ пристроившійся тутъ же „кахведжи“ разносилъ маленькія чашечки кофе, такъ въ мои глаза бросился сразу синій русскій кафтанъ, надѣтый на красную рубаху, и черная шляпа, контрастировавшая съ моремъ фесокъ. Догадавшись, что это кто-нибудь изъ майносцевъ, я сейчасъ же подошелъ къ интересному субъекту и чуть не вскрикнулъ отъ удовольствія, увидѣвъ необыкновенно типичное „рассейское“ лицо. Знакомецъ мой также былъ радъ видѣть русскаго и, когда я сообщилъ ему о намѣреніи посѣтить ихъ деревню, онъ одобрилъ

---

[1]) Интересно сравнить это число всѣхъ обывателей съ тѣми 2500 (?!) всадниковъ, которыхъ, по словамъ Чайковскаго, эносцы выставили въ 1828 году. Кіев. Стар. 1892, № 9, 258.

[2]) Вслѣдствіе недавности возникновенія, деревня Хамидіѐ вообще мало извѣстна и не обозначена еще на большей части даже самыхъ подробныхъ картъ.

Digitized by Google

мой планъ, сказавъ: „Что-жъ, доброе дѣло, пріѣзжай, посмотри, какъ живемъ“. Разузнавъ, что было нужно, и попросивъ мужичка предупредить своихъ односельчанъ о моемъ пріѣздѣ, я простился съ нимъ и черезъ 2 дня въ 11 часовъ вечера по-турецки, т.-е. за часъ до захода солнца, уже стоялъ со своимъ товарищемъ на палубѣ маленькаго, турецкаго пароходика.

Нагрузка, которая, почему-то началась за нѣсколько минутъ до назначеннаго для отхода времени, тянулась очень долго: слабосильная лебедка еле подымала здоровыхъ буйволовъ, которые, вися на особомъ набрюшникѣ въ воздухѣ, какъ бы замирали отъ испуга. Наконецъ раздался желанный свистокъ, и мы тронулись. Пароходъ выходитъ изъ Золотого Рога, и Константинополь съ его минаретами и дворцами, освѣщенными послѣдними лучами солнца, мало-по-малу теряется въ вечерней тьмѣ. Выведя пароходъ въ море, капитанъ уже больше не заботится о его участи, а разстилаетъ свое „седжадѐ“ и, ставъ на него, долго шепчетъ арабскія слова намаза. Затѣмъ на мостикъ являются и другіе правовѣрные и также совершаютъ молитву. Европейцевъ, кромѣ насъ съ товарищемъ, нѣсколько грековъ и тотъ же мужичекъ, котораго я встрѣтилъ въ Эски Забтіе. На сей разъ онъ съ женой; пріютившись у борта на носу, они заняты своимъ скромнымъ ужиномъ. Не желая возбуждать никакихъ толковъ среди турокъ, мы не подходимъ къ нимъ и лишь сверху умиляемся, какъ мужикъ чешетъ затылокъ, какъ баба кладетъ щеку на одну ладонь, а другой подпираетъ локоть; неподражаемые жесты, которые такъ не у мѣста среди этой толпы скученныхъ, какъ овцы, турецкихъ женщинъ, плотно закрывшихъ свое лицо. Всѣ мужчины мусульмане сидятъ отдѣльно, а нашъ знакомецъ, ничуть не смущаясь, очевидно, не хочетъ идти изъ женской части парохода, да и турки относятся къ этому вполнѣ индифферентно: ужъ очень у русскаго мужичка добродушный и безобидный видъ.

Послѣ короткаго, но безпокойнаго отдыха на койкахъ, напоминающихъ ложе Гватемозина, насъ будятъ часа въ 4 утра, говоря, что мы приближаемся къ Бандирмѣ [1]). Дѣйствительно, черезъ

[1]) Древ. Панормо—небольшой, но очень чистенькій городокъ на Мраморномъ морѣ. Отъ Константинополя на пароходѣ 8зды часовъ 7. Населеніе—7000 семействъ (?), изъ которыхъ половина греки и армяне. Есть англійское (оно же греческое) консульство, 3 аптеки, почта; строится очень хорошее зданіе при-

Digitized by Google

полчаса мы уже у берега въ прелестномъ заливѣ, но до схода на землю еще не скоро: долженъ прійти докторъ для санитарнаго осмотра. Напрасно гудитъ свистокъ, которымъ капитанъ мнитъ вывести его изъ царства сладкихъ утреннихъ сновъ, нетерпѣливые пассажиры начинаютъ перелѣзать черезъ бортъ, чтобы немножко разгуляться по пристани. Лишь черезъ долгое время показывается на горизонтѣ желанная фигура мѣстнаго врача, и тотчасъ же начинается спускъ пассажировъ. Платимъ искелѐ-парасы за прохожденіе по пристани, подвергаемся таможенному досмотру, ждемъ битый часъ мюдира-эфенди для полученія пропуска на фотографическій аппаратъ, и лишь когда приѝугиваемъ жалобой, это важное лицо оказывается „давно“ уже пришедшимъ. Знакомца нашего съ Майноса мы уговаривали подождать насъ, обѣщая подвести, но онъ пожелалъ идти „полегоньку“ впередъ, и когда мы пріѣхали въ Хамидіѐ, то нашли уже его тамъ.

Найдя себѣ при помощи содержателя „казацкой лавки“, еврея изъ Румыніи, знающаго немного и по-русски, извощика, сторговавшись съ нимъ и закупивъ незатѣйливой ѣды для путешествія, мы еще довольно рано успѣли выбраться изъ Бандермы и пустились въ путь. Сперва мы ѣхали по хорошему шоссе съ чуднымъ видомъ на чистенькій городокъ съ массой зелени и на синій, словно вправленный въ окружающія его горы, заливъ, но затѣмъ, свернувъ въ сторону, пустились прямо „цѣликомъ“ по неразработанному полю, подобныхъ которому мы въ этой сторонѣ встрѣчали не мало. Мѣстность довольно однообразная, если бы красивыя горы, затянутыя неуловимой, манящей дымкой [1]) не виднѣлись со всѣхъ сторонъ. Дорогой мы разспрашивали нашего „арабаджи“ Османа, оказавшагося прекраснымъ симпатичнымъ человѣкомъ, что за люди казаки изъ селенія Хамидіѐ, которое первымъ лежало на нашемъ пути. Онъ отзывался о нихъ одобрительно: „Люди правильные“—„догру адамляръ“, только до вина большіе охотники.

сутственныхъ мѣстъ. Идеальная гавань, защищенная отовсюду горами. Набережная — мѣсто прогулокъ вечеромъ—отлично содержится и устлана гранитными плитами. Лѣтомъ въ Бандерму наѣзжаютъ актеры и даютъ спектакли на греческомъ языкѣ.

[1]) Съ Майноса видна и вершина Брусскихъ горъ (Олимпъ Виѳинскій). До извѣстной въ древности горы Иды отъ озера 134 версты. См. Ганько, Сел. хоз., 369.

Digitized by Google

Придутъ въ праздникъ въ городъ, напьются и валяются, и бабы ихъ тоже пьяныя съ ними вмѣстѣ".—Какъ же османлы къ этому относятся: вѣдь они этого не любятъ?—„Пройдетъ, плюнетъ, да скажетъ: „домузъ гиби" („какъ свинья"), вотъ и все". Вообще извѣстно, что всякія мелкія оскорбленія, ссоры не въ характерѣ степеннаго, грубовато-добродушнаго турка простолюдина.

Послѣ двухчасовой ѣзды показалось громадное озеро Майносъ или Маньясъ [1]), какъ его иногда называютъ. Желтая, вѣроятно, отъ взмученнаго песка, поверхность его была прорѣзана синими полосами тамъ, гдѣ вѣтеръ подымалъ рябь. Съ виду оно было пустынно: не было замѣтно ни парусовъ, ни лодокъ, ни людей по берегамъ, однако строенія и вѣтряныя мельницы Хамидіѣ, въ народѣ и на картахъ, обыкновенно, называемаго Ѣни Казакларъ, быстро вынырнули изъ-за поворота.

Подъѣхавъ къ околицѣ, мы замѣтили толпу, разряженную въ праздничныя платья, такъ какъ въ этотъ день было воскресенье. Бабы обнаруживали обычное пристрастіе къ красному, мужики были въ парадныхъ жилетахъ, но по наружному виду толпа ничѣмъ не отличалась отъ нашихъ крестьянъ средней полосы: тѣ же обычныя косоворотки, тѣ же безвкусыя платья, вытѣсняющія повсюду старинные сарафаны, тѣ же смазные сапоги.

Мы окликнули народъ и попросили посмотрѣть деревню. Мужики отвѣтили на наше привѣтствіе сперва довольно нерѣшительно, такъ какъ наши фесы очевидно, смущали ихъ, но обращеніе тотчасъ измѣнилось, какъ только обнаружилось, что мы изъ Россіи. Лица повеселѣли, насъ благодарили за посѣщеніе: „вотъ спасибо, что пріѣхали, объ насъ вспомнили". Кто-то былъ отряженъ проводить насъ къ атаману, къ находившейся неподалеку хатѣ котораго мы и направились. Атаманъ, Григорій Силаевичъ, мужчина лѣтъ 35 на видъ, высокій, крѣпкій и солидный; длинная каштановая борода, свѣшиваясь на грудь, увеличиваетъ спокойное и важное выраженіе его строгаго и всегда нѣсколько потупленнаго лица. Онъ встрѣтилъ насъ у калитки и, узнавъ въ чемъ дѣло,

---

[1]) Древн. Милетополитесъ. Озеро очень мало надъ уровнемъ моря (Reclus IX, 502). Размѣры его 10 вер. ширины, 15 длины (Ганько), или по Елисѣеву 35×15 вер. Майносъ, равно, какъ и близлежащее озеро Аполлонія (Абулёнтъ) имѣютъ общій стокъ въ море.

Digitized by Google

немедленно пригласилъ къ себѣ. Бабы принесли стеганое ватное одѣяло, разостлали его на завалинкѣ подъ навѣсомъ, придѣланнымъ къ крышѣ со стороны двора, и Григорій Силаевичъ, попросивъ насъ усѣсться на немъ, самъ помѣстился рядомъ. Вслѣдъ затѣмъ начали сходиться люди со всего селенія и размѣщаться вокругъ насъ на цыновкахъ, привѣтствуя каждый разъ сперва атамана, а потомъ и насъ. Многіе, особенно молодежь, смотрѣли на насъ съ любопытствомъ и съ поощрительной улыбкой слушали нашу русскую рѣчь.

„Ну, какъ живется у васъ?“ задаемъ мы первый и естественный вопросъ. „Да плохо, отъ турчина утѣсненіе большое“. „Что такъ? Вѣдь они народъ смирный“. „Да старый-то турчинъ больно хорошъ[1]), подъ имъ и на Дунаѣ хорошо было, пока рамынъ не пришелъ“. Извѣстно, что Новые Казаки и переселились на Майносъ отъ тяжести румынскихъ налоговъ, главнымъ образомъ. Всѣ безпокойства, какъ оказывается, проистекаютъ отъ „мухаджировъ“, т. е., тѣхъ бѣглецовъ и переселенцевъ магометанъ изъ Россіи и Болгаріи, которые со времени войны 1878 года, толпами стремятся въ Турцію и размѣщаются правительствомъ въ сосѣдствѣ съ Казаками. Всѣ эти турки, черкесы, татары, лезгины люди голодные и въ борьбѣ за существованіе не брезгаютъ никакими средствами,—отъ мелкой кражи жалкой луковицы до убійства включительно. Ежегодный приливъ ихъ цѣлыми тысячами все болѣе и болѣе осложняетъ дѣло. Мухаджиры захватываютъ у казаковъ землю, отнимаютъ рыбу и т. д. Мы видѣли парня съ только начавшей подживать прострѣленой рукой, который пошелъ вынимать рыбу и встрѣтилъ одного изъ мусульманскихъ переселенцевъ. „Сперва то я не хотѣлъ было отдавать рыбы, а какъ онъ на меня съ ружьемъ бросился, я давай утекать; ужъ кинулъ все, а онъ все за мной, не далеко до деревни не добѣжалъ, онъ въ меня и выпалилъ“.

---

[1]) Таково всеобщее мнѣніе русскихъ выселенцевъ; объясняется оно, между прочимъ, легкостью турецкихъ налоговъ и вѣротерпимостью турокъ. Къ тому же турецкіе патріархальные порядки достаточно гармонируютъ съ нѣкоторой распущенностью и своеволіемъ нашихъ соотечественниковъ. Аналогичное заявленіе малоросса изъ Добруджи: „жылы мы у турка, якъ горобци у стриси“ Лупулеску, Рус. колон. въ Добруджѣ, Кіев. Стар., 1889, № 2, 332. Также у В. Г. Короленка, 160, дунайскій некрасовецъ замѣчаетъ: „Вѣра у него (турка) собачья, а самъ добряга былъ“.

Digitized by Google

Мы спрашиваемъ, куда же жалуются въ подобныхъ случаяхъ, и намъ, для примѣра, разсказываютъ длинный рядъ турецкихъ инстанцій, которыя казакамъ пришлось пройти, чтобы выиграть дѣло по захвату земли однимъ арнаутомъ. Сперва обращались въ Бандерму въ судъ, состоящій изъ каймакама, „азовъ да мухтарей“ [1]). „Сидятъ въ тѣмъ дѣлѣ всѣ языцы“, какъ разсказывалъ атаманъ. Проигравъ въ первой инстанціи и затѣмъ въ мутессарифлыкѣ въ г. Баликесерѣ, казаки взяли „авоката“ и явились въ Бруссу къ „валй-пашѣ“. Однако и этимъ дѣло не ограничилось, пришлось сѣсть на „семин-де-феръ“, потомъ на пароходъ и уже въ Константинополѣ „ударить телеграфъ самому Салтану“; послѣ этого, наконецъ, вышло милостивое возстановленіе правъ. Фактъ этотъ, однако, исключительный, а въ большинствѣ случаевъ, казаки бросаютъ дѣло, проигравъ его въ Бандермѣ, такъ какъ не въ состояніи нести „судебныя“ издержки.

Мелкія дѣла разрѣшаются самими казаками на сходѣ или „кругѣ“, какъ его здѣсь называютъ. Сперва эсаулъ, ходя по деревнѣ, собираетъ народъ, говоря: „Атаманы-молодцы, ступайте въ кругъ вѣстей слухать“. Когда всѣ придутъ, атаманъ спрашиваетъ: „Слыхали, что эсаулъ кричалъ?“ Всѣ отвѣчаютъ, что слышали. „Ну, вотъ что, есть вотъ обида“ говоритъ атаманъ и затѣмъ „все поряду разсказываетъ, не тая“. Послѣ всеобщаго обсужденія дѣла, атаманъ задаетъ вопросъ: „господа старички, что-жъ будемъ дѣлать съ этими людьми“, и начинается склоненіе сторонъ къ мировой сдѣлкѣ, а въ случаѣ несогласія или непокорности, виновнаго передаютъ турецкимъ властямъ, однако послѣдняго, кажется, еще никогда не случалось, такъ какъ перспектива турецкой юстиціи не многимъ улыбается.

Мы переходимъ къ вопросу о податяхъ и узнаемъ слѣдующее: платятъ 1) налогъ, который казаки называютъ „ушуръ“ [2]), составляющій $^1/_{10}$ зернового хлѣба, 2) налогъ въ 2 „бѣлыхъ“, т. е. меджидія, на наши деньги 3 р. 20 за каждое лицо мужескаго пола, въ видѣ замѣны (бедѣль) воинской повинности, 3) $20^0/_0$ съ суммы, вырученной за продажу рыбы. Точное взиманіе налога достигается

---

[1]) а'за—по-араб. „члены“, мухтаръ—выборный представитель.

[2]) Т. е. ёшюръ отъ арабскаго ашара — 10. Такова этимологія, но мы записали у казаковъ $^1/_8$, и тоже теперь находимъ въ замѣткѣ Куб. Вѣд.

Digitized by Google

благодаря тому, что рыба продается гуртомъ въ опредѣленномъ мѣстѣ „балы̀къ-паза́рѣ“. Этотъ сборъ идетъ въ пользу Dette publique Ottomane.

Главное занятіе населенія рыболовство. Земли у Новыхъ Казаковъ мало, скота также. На 180 семей приходится 70 лошадей и 70 штукъ рогатаго скота и 3000 дѣнюмовъ (или дилюмовъ) земли (около 222 десятинъ) [1]). Сѣятъ подъ плуги, получаемые съ Дуная [2]). Большинство, какъ сказано, живетъ одной рыбной ловлей, на которую отправляются съ осени послѣ 15 сентября, и возвращаются домой лишь къ маю. Въ Майносѣ рыбы много, ловится она неводами и „вентирями“, извѣстнымъ круглымъ снарядомъ изъ сѣтей и обручей. Цѣны на рыбу слѣдующія: за 100 окъ (ока около 3 фунтовъ) щуки платятъ 30 левовъ (т. е. піастровъ), на русскія деньги 2 р. 40; за сазана платятъ до 60 піастровъ, а за сома 80—100. Сомъ вообще считается самой дорогой рыбой.

Желая пораньше добраться до Старыхъ Казаковъ, мы уже собрались было ѣхать дальше, но хозяинъ пригласилъ насъ попробовать его хлѣба-соли, на что мы, конечно, и согласились. Угощеніе состояло изъ мелкихъ сладкихъ сливъ, меда и сметаны съ чернымъ хлѣбомъ. Конечно, подана была и „мастика“—довольно пріятная на вкусъ анисовая водка, которую, обыкновенно, здѣсь запиваютъ водой. Насъ, не насиловали потчиваніемъ, но сами не теряли золотого времени, и круговая чарка двигалась съ солидной скоростью. Нѣкоторые пункты того пути, который она проходила вдоль лавокъ избы, заслуживаютъ упоминанія.

Посадили насъ въ красный уголъ, подъ образа, кстати сказать, довольно новаго происхожденія. По лѣвую руку отъ насъ сидѣлъ отецъ атамана, почтенный старикъ съ лысой головой и нависшими, какъ крылья, бровями. Онъ прежде неоднократно исправлялъ должность атамана, а теперь несетъ обязанности дьяка. Онъ одинъ изъ старѣйшихъ обывателей Хамидіе и переселился сюда уже 23

---

[1]) Свѣдѣнія, сообщенныя намъ казаками, оказываются невѣрными. М. П Ганько въ своей статьѣ, посвященной хозяйству майносцевъ, говоритъ, что пришедшіе изъ Румыніи купили 6000 дѣнюмовъ (при перемѣркѣ 494 десятины) за 1000 лиръ. Итакъ десятина отличной земли обошлась 17 р. 42 к. Хуторянинъ, 1901, № 23., стр. 371.

[2]) Бороны, привезенныя оттуда же, возбудили всеобщее изумленіе мѣстныхъ жителей. ibid, 370.

Digitized by Google

года. Сперва онъ больше молчалъ, но потомъ, замѣтивъ, должно быть, что вопросы наши ни къ чьему вреду не клонились, разошелся, и почти все сообщенное выше было записано съ его словъ.

Рядомъ съ нимъ помѣщался сѣдой, беззубый старикъ, чистый типъ раскольничьяго начетчика. Его крючковатый носъ, приподнятая бровь, недовѣрчивый взглядъ, казалось, каждую минуту вопрошали: „Ну, а это какъ опровергнете? Что вы на это отвѣтите?“ Человѣкъ онъ очень тонкій и большой любитель политики: первымъ дѣломъ распросилъ насъ о положеніи Китая; многое изъ русской жизни было уже извѣстно ему: Богъ знаетъ, откуда дошли до него слухи и о студенческихъ дѣлахъ, и о графѣ Толстомъ. Своихъ убѣжденій держится крѣпко даже въ мелочахъ: тогда какъ другіе, напримѣръ, не задумывались сниматься, онъ одинъ рѣшительно и демонстративно отказался, заявивъ, что „этого древній законъ не разрѣшаетъ“. На разспросы о вѣрѣ, онъ, подобно большинству старообрядцевъ, сказалъ: „вѣра наша—старинное православіе“, и затѣмъ объяснилъ, что греки еще до принятія отъ нихъ русскими христіанства исказили его; а что вѣра, къ которой онъ принадлежитъ, какимъ-то образомъ восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ, минуя византійское посредство. Въ общемъ, получался фантастическій міоъ, гдѣ имена папъ, греческихъ царей и неизбѣжнаго Наполеона, были смѣшаны въ безпорядкѣ. Прощаясь съ нами, онъ сообщилъ, что скоро съ нѣкоторыми другими односельчанами собирается выселиться, что уже возвратился хожалый, и что земля найдена гдѣ-то за Антакіей (Антіохіей) у Скендеруна (зал. Александреттскій), „кто его знаетъ, Ляксандрія то, или другое мѣсто. Сказываютъ только, что арапы живутъ“. И затѣмъ, какъ-то задумчиво взглянувъ въ сторону, добавилъ: „жить здѣсь тяжело“. Грустно было смотрѣть на этого стоящаго уже на краю могилы человѣка, который обреченъ еще на долгія скитанья по чужой землѣ, на всякія невзгоды и волненья въ поискахъ обѣтованной страны, гдѣ можно спокойно исповѣдывать это наивное „старое православіе“.

Былъ среди присутствующихъ человѣкъ, нарядомъ своимъ рѣзко отъ другихъ отличавшійся. На немъ была синяя куртка и особая типичная шляпа, какую у насъ носятъ странники. Недоставало лишь посошка, ранца, да жестяного чайничка для полноты картины. Оказался онъ бывшимъ русскимъ солдатомъ, послѣ

Digitized by Google

крымской компаніи, будто бы, оставшимся въ турецкомъ плѣну, откуда онъ затѣмъ переѣхалъ на Дунай, разбогатѣлъ, завелъ хорошій домъ и скотъ. Нѣкоторыя неудачи въ связи съ румынскими налогами разстроили его хозяйство такъ, что онъ принужденъ былъ все распродать за гроши и водвориться на Майносѣ. Родомъ онъ былъ изъ Калужской губ. и очень обрадовался, когда я разсказалъ ему, что недавно проѣзжалъ мимо родныхъ его Сухиничей, разрастающихся въ важный торговый пунктъ. Онъ долго крестился, повторяя: „Дай-то Богъ“. Въ селѣ этотъ солдатъ несъ обязанности Балакирева, и одно уже появленіе его вызывало смѣхъ. Какъ только онъ увидалъ насъ, такъ немедля полились его, обильно пересыпанные шуточками, разсказы о какихъ-то давно умершихъ генералахъ „отъ афантэріи“, при чемъ онъ, какъ Ростаковскій, время отъ времени спрашивалъ насъ, не доводилось ли намъ съ ними встрѣчаться. „Въ 1856 году дѣло было, пришли мы на паазицію, а командиръ (слѣдуетъ полное перечисленіе всѣхъ титуловъ), може его знаете, да! и говоритъ: играй въ штыки! Тутъ онъ кыкъ рѣзанетъ картечью... и т. д.“ Въ концѣ концовъ, трудно было понять что-нибудь, но публика съ удовольствіемъ слушала, вѣроятно, чуть не въ сотый разъ эти повѣствованія бывалаго человѣка [1]).

Въ заключеніе, упомяну еще молодого парня, бывшаго румынскаго солдата, которому не по вкусу пришлась военная наука, вслѣдствіе чего онъ отъ нея и далъ тягу на румынскомъ же пароходѣ. „Какъ же ты это ухитрился?“ спросилъ я и услышалъ въ отвѣтъ: „А деньги-то на что?“ Такіе переселенцы служатъ звеньями между Майносомъ и Дунаемъ, откуда, вѣроятно, и доходятъ всѣ европейскія новости, моды, пѣсни и т. д. Сюда парень явился „одинъ, какъ палецъ“, но, кажется, скоро ожидаетъ пріѣзда еще какихъ-то родныхъ. Въ общемъ, несмотря на тѣсноту въ Хамидіѣ‘ притокъ новыхъ переселенцевъ продолжается безъ перерыва.

Намъ съ моимъ спутникомъ хотѣлось посмотрѣть деревню и, отблагодаривъ хозяевъ, мы въ сопровожденіи одного парня прошлись по улицѣ. Стройка здѣсь обычная южно-русская: крытыя соломой

---

1) Онъ же разсказалъ намъ про свою встрѣчу съ Садыкъ-пашой (Чайковскимъ), который пріѣзжалъ въ 60-ыхъ годахъ въ Добруджу для формированія своихъ „оттоманскихъ казаковъ“.

Digitized by Google

и обмазанныя глиной съ известкой хаты. На крышѣ классическіе аисты или бу́сла, по-здѣшнему [1]). По случаю воскреснаго дня видны гуляющіе парни. Нарядъ ихъ нѣсколько отличается отъ остальныхъ. Должно быть, для парада они надѣли высокія казацкія шапки и широченныя шаровары. Каждая группа конвоируетъ внушительную посуду, наполненную ракіей. Женщины, вообще, держатся въ сторонѣ, дѣвки при встрѣчѣ „стыдятся“. Впослѣдствіи мы слышали, какъ Старые казаки упрекаки Новыхъ, что они позволяютъ бабамъ пить. Дѣйствительно, войдя по приглашенію въ одинъ домъ, мы застали такую картину: въ сѣняхъ на пустой боченокъ положена доска, уставленная огурцами, снѣтками [2]) и ракіей. У стѣнки мужикъ между двухъ посоловѣвшихъ бабъ; напротивъ еще двѣ, и тоже навеселѣ. Мужья же ихъ были сложены направо и налѣво въ лѣтней и зимней избахъ. Какъ ни старалась одна женщина разбудить одного изъ спавшихъ, чтобы онъ посмотрѣлъ „на русскихъ людей“, такъ и не добудилась. Въ этой же хатѣ показывали мнѣ письмо изъ Константинополя отъ переселенцевъ съ Дуная, которые, не распросивъ ничего хорошо, двинулись въ Турцію и здѣсь были довольно долго задержаны. На берегъ ихъ не спускали, и мы, гуляя по набережной, часто видѣли ихъ грустныя лица надъ бортомъ маленькаго турецкаго парохода. Только недавно переселенческая канцелярія отправила ихъ неизвѣстно куда въ глубь страны. Они то писали своимъ родственникамъ и послѣ всѣхъ обычныхъ „съ любовію низкихъ поклоновъ“ излагали свое горестное положеніе и просили о помощи.

Россіи изъ нашихъ собесѣдниковъ никто не видывалъ, кромѣ стараго солдата, поэтому понятенъ интересъ, съ которымъ смотрѣли на пріѣзжихъ съ прежней далекой родины. На наше „здравствуйте“ вездѣ слышалось въ отвѣтъ ласковое: „здравствуйте и вы. Вотъ и спасибо, что заѣхали насъ провѣдать“ [3]).

---

[1]) У старыхъ казаковъ они называются „я́исъ“.

[2]) Собственно не снѣтки, а маленькая сушеная рыбка „чи́росъ“.

[3]) Какъ у Новыхъ такт и у Старыхъ казаковъ мы встрѣчали повсюду ласковый пріемъ. Подчеркиваемъ это въ виду многочисленныхъ нападковъ на „жестокій нравъ“ майносцевъ. См. Субб. въ „Рус. Вѣс.“ 1900, Вожинъ и т. д. Кельсіевъ даже начинаетъ свою статью словами: „Уходятъ меня или не уходятъ, думалъ я, собираясь въ путь“... Ему однако пришлось скоро разубѣдиться въ своихъ опасеніяхъ, но Чайковскаго въ 1841, дѣйствительно, казаки

Digitized by Google

Въ концѣ деревни стоитъ маленькая грязная, бѣдная церковь, а рядомъ съ ней колокольня, т. е. попросту навѣсъ, подъ которымъ пріютилось нѣсколько жалкихъ колоколовъ. Такъ какъ ключей, быть можетъ, и умышленно [1]), по близости не оказалось, то пришлось удовольствоваться осмотромъ черезъ пыльное, отливавшее всѣми цвѣтами радуги стекло окна, на подоконникѣ котораго виднѣлась съ другой стороны масса бутылокъ. Мы разсмотрѣли въ глубинѣ ветхій деревянный иконостасъ; все въ церкви было убого и бѣдно, но насколько можно было судить, не отличалось отъ обычнаго порядка. Напомнимъ, что Ѣни-Казакларъ безпоповцы, хотя сами называютъ себя просто исповѣдующими „древнее православіе“.

Въ разговорѣ съ хамидійцами мы спросили, не бывалъ ли кто на Мадѣ. Намъ назвали 2 казаковъ, ходившихъ туда. „Сказывали, сильно народъ мретъ; будто 25 семей толькя остается. Сказывали, они въ колодецъ убитаго вѣдмедя бросили, а кто говоритъ, надъ турецкой могилой онъ выстроенъ: черезъ яво и смерть пошла“.

Общее вниманіе отъ видѣннаго нами селенія осталось такое, что матеріальное положеніе его не важно: вездѣ покосившіеся заборы, грязноватыя хаты, плохія соломенныя кровли. Земля, очевидно, сосредоточена въ рукахъ у старыхъ переселенцевъ, которые играютъ здѣсь роль нѣкоторыхъ аристократовъ [2]). Въ числѣ присутствующихъ у атамана мы не замѣтили многихъ казаковъ, такъ напр., отсутствовалъ нашъ знакомецъ изъ Эски Забтіѣ, о которомъ, вообще, отзывались нѣсколько презрительно, хотя мы въ разговорѣ съ нимъ не замѣтили никакихъ отличій его отъ односельчанъ. У Новыхъ казаковъ нѣтъ никакихъ историческихъ воспоминаній. Очевидно, предки ихъ сильно смѣшались съ позднѣйшими переселенцами, приходившими въ разное время изъ Россіи,

---

хотѣли-было утопить, принявъ его за шпіона, и только заступничество узнавшаго его бѣглаго русскаго улана спасло его. Кіев. Стар. 1892, октябрь 108.

[1]) Старые казаки говорили, что хамидійцы не долюбливаютъ пускать постороннихъ къ себѣ въ церковь.

[2]) М. П. Ганько находитъ (статья въ „Буковинѣ“), что Новые казаки вообще культурнѣе Старыхъ. Это и понятно: все же большинство изъ нихъ видѣло порядки европейскаго государства, да и новые переселенцы вносили свѣжую струю, тогда какъ С. Казаки уже сколько лѣтъ живутъ на Майносѣ, почти отрѣзанные отъ другихъ мѣстностей и народностей. Зато снаружи старое селеніе выглядитъ гораздо зажиточнѣе и чище, чѣмъ новое.

Digitized by Google

а вслѣдствіе отсутствія общаго объединяющаго прошлаго не могло создаться и прочныхъ традицій и преданій.

Русскій типъ, конечно, хорошо сохранился, благодаря исключительности жизни и браковъ. Интересно, что Новые казаки взяли у Старыхъ замужъ до 10 дѣвокъ, а сами за нихъ никого не выдавали. Теперь, однако, всякіе браки между двумя селеніями прекратились. Старые казаки разсказывали намъ, что произошло это отъ того, что Новые плохо обращались съ своими женами и попрекали ихъ вѣрой.

Языкъ хамидійцевъ отразилъ на себѣ вліяніе народностей, которыми они были окружены еще въ Добруджѣ [1]). По-турецки довольно многіе, особенно новые переселенцы, совсѣмъ не знаютъ.

За всѣми разспросами и осмотрами пришло время трогаться дальше. Передъ отъѣздомъ нѣсколько человѣкъ вольнодумцевъ сами пожелали сняться, хотя раньше было довольно много скептиковъ. Они подходили къ намъ говоря: „Сшиби меня, сдѣлай милость". Аппаратъ всѣ съ любопытствомъ разглядывали и разспрашивали о его устройствѣ, однако сами къ собиранію всякихъ свѣдѣній объ ихъ деревнѣ относились довольно недовѣрчиво. Многихъ занималъ вопросъ, что мы за люди. Старый солдатъ прямо началъ съ того, что спросилъ, узнавъ наши имена, „а какъ же величать васъ прикажете?" Нашъ возница, Османъ, разсказывалъ, что и ему пришлось подвергнуться допросу о томъ, кого онъ везетъ.

Наступило прощанье, всѣ вышли за ворота и долго махали намъ руками, пока мы не скрылись за поворотомъ. На выѣздѣ намъ попался мужикъ на телѣгѣ. „Прощай, братъ", крикнули мы ему. Онъ медленно посмотрѣлъ на насъ, подумалъ, отдалъ по-турецки честь и сказалъ: „Прощайте, добрый путь!"; видно было, что онъ больше повѣрилъ нашимъ турецкимъ фескамъ, чѣмъ русскому языку.

Промелькнули вѣтряныя мельницы, пошли поля съ разгуливающими по нимъ важными аистами, овраги, ключи для утоленія жажды путниковъ [2]), и скоро русское селеніе исчезло въ дали.

---

[1]) Прекрасную имитацію этого характернаго говора можно найти въ очеркахъ В. Г. Короленко въ „Рус. Богат.".

[2]) „Чешме"—которыхъ въ Турціи повсюду бездна. Обыкновенно они состоятъ изъ мраморнаго небольшого водоема и плиты надъ нимъ съ изреченіемъ изъ Корана. Сооруженіе ихъ считается благочестивымъ дѣломъ.

Digitized by Google

III. Поѣздка въ селеніе Эски-Казакларъ.

Отъ Хамидіе до селенія Эски-Казакларъ ѣзды часа три. Дорога, идущая по близости озера, проходитъ по довольно пустынной мѣстности. На всемъ ея протяженіи встрѣтилась лишь одна турецкая деревня, имѣвшая, благодаря запертымъ дверямъ, закрытымъ ставнямъ и отсутствію людей на улицѣ,—какой то мертвый видъ. Лишь ребятишки, шаля и плескаясь у ключа, нѣсколько нарушали своими звонкими голосами общую тишину. Въ одномъ мѣстѣ мы видѣли высокій курганъ, верхушку котораго, очевидно, пробовали разрывать. Нашъ Османъ сообщилъ намъ, что подобный холмъ есть и на другой сторонѣ озера, что его раскопали недавно и нашли много старинныхъ могильныхъ остатковъ. Встрѣчныхъ намъ попадалось мало, да и тѣ на насъ посматривали подозрительно. Два юрюка,—такъ называются турки-кочевники,—въ яркихъ лохмотьяхъ ѣхали верхомъ впереди насъ, подгоняя верблюдицу съ дѣтенышемъ, и безпокойно оглядывались на насъ, пока не услышали отъ нашего возницы мирнаго: „Оурларъ олсунъ“.

Снова замелькали мельницы и дома, и Османъ предупредилъ насъ, что мы сейчасъ увидимъ зрѣлище гораздо болѣе интересное, чѣмъ у Новыхъ Казаковъ. Дѣйствительно, селеніе, въ которое мы теперь въѣзжали, имѣло гораздо болѣе благообразный видъ: улицы были широкія, хаты чистыя и крѣпкія, типы болѣе интересные. На краю деревни сидѣла группа турокъ, покуривая трубки; они указали намъ домъ по близости, гдѣ можно было найти казаковъ; оказалось, что насъ направили въ трактиръ. Размѣстившись удобно на возвышеніи въ родѣ наръ, казаки играли въ карты. Мы вошли и отрекомендовались. Въ отвѣтъ раздалось обычное „милости просимъ“, и тотчасъ одинъ молодой парень вызвался проводить насъ къ атаману. Первымъ дѣломъ бросился въ глаза костюмъ нашего новаго знакомаго: на немъ были широченные шаровары изъ краснаго кумача съ золотымъ позументомъ на лампасахъ; грудь рубашки была прекрасно вышита, на головѣ надѣта была высокая валяная казацкая шапка [1]). Мы свернули въ переу-

[1]) Обуваются казаки, какъ и большинство простонародья въ Турціи, въ подобіе нашихъ „опорокъ“. Эта обувь немало скандализировала принимавшихъ майносскую депутацію въ Москвѣ, и казакамъ немедленно были куплены сапоги.

Digitized by Google

локъ, по обѣимъ сторонамъ котораго тянулись бѣлые, какъ снѣгъ, домики; около одного изъ нихъ нашъ провожатый остановился и пригласилъ насъ зайти. Вокругъ чистаго дворика шелъ цвѣтничекъ; двѣ женщины вѣжливо отвѣтили на нашъ привѣтъ. Одной изъ нихъ—своей сестрѣ, нашъ проводникъ Иванъ Николаевичъ велѣлъ сорвать намъ по цвѣтку, что она и исполнила, скромно потупившись. Затѣмъ мы продолжали путь къ атаману, у котораго застали такую сцену: на низенькомъ крылечкѣ сидѣлъ человѣкъ въ стеганомъ бешметѣ, вытянувъ ноги. Рядомъ съ нимъ лежала трость въ родѣ тѣхъ, что у насъ носятъ обыкновенно священники, а съ другой стороны сидѣлъ молодой парень и что-то строчилъ въ большую книгу, которую держалъ на колѣняхъ. Лицо перваго было безстрастно, черты лица были нѣсколько азіатскаго склада, сидѣлъ онъ неподвижно съ какой-то восточной лѣнью, впечатлѣніе которой еще усиливалъ сильно косившій полузакрытый глазъ. Тутъ же стояло нѣсколько человѣкъ безъ шапокъ. Мы сразу догадались, что передъ нами атаманъ съ писаремъ и немедленно привѣтствовали власти предержащія. Однако не успѣли мы еще получить отвѣта, какъ произошелъ нѣсколько комическій эпизодъ. Изъ дверей хаты вышелъ казакъ навеселѣ и со смѣхомъ обратился къ намъ: „Ахъ, да это наши жидки изъ Бандорова (т. е. Бандермы)“. Нашему пріятелю стоило нѣкотораго труда разсѣять его сомнѣнія, на которыя навелъ его нашъ европейскій нарядъ и феска. Атаманъ между тѣмъ извинился, что занятъ собираніемъ денегъ за подорожную повинность и велѣлъ вести насъ къ дьяку. „У насъ сегодня торжество, говорилъ онъ, дьяка въ Россію въ попы ставить отправляемъ: у него всѣ казаки собрались“. Мы, конечно, охотно приняли предложеніе и опять вышли на улицу. Всюду виднѣлись бѣлоголовые ребятишки, казаки въ расшитыхъ рубахахъ, босыя бабы въ повойникахъ съ монистами въ красивыхъ яркихъ кофтахъ съ распущенными широко книзу отъ локтя полосатыми рукавами, перехваченными выше широкой лентой [1]);

[1]) Я. И. Смирновъ о женскомъ нарядѣ замѣчаетъ (стр. 29): „о сходствѣ (его) съ древне русскимъ мы судить не беремся, но никакому сомнѣнію подлежать, кажется, не можетъ, что этотъ нарядъ остался неизмѣннымъ со времени ухода некрасовцевъ съ Дона“. О. Михаилъ передастъ взглядъ самихъ казаковъ: „Тамъ (на Кубани) наши женщины усвоили одежду татарскихъ женщинъ“. См. фотографіи, прилож. къ статьямъ Я. И. Смирнова и К. Н. Смирнова.

Digitized by Google

слышался мягкій русскій говоръ. Все это было такъ странно и необычно, особенно, послѣ турецкихъ впечатлѣній.

Черезъ калитку мы проникли во дворъ, украшенный цвѣтами и поражавшій обычной чистотой. Направо была дверь, надъ которой висѣлъ маленькій мѣдный образокъ. Переступивъ порогъ, мы нашли въ сѣняхъ общество человѣкъ въ 10, сидѣвшее на циновкахъ на полу вокругъ низкаго столика, уставленнаго всякими яствами: сушеной рыбкой, огурцами, маслинами и т. п. Конечно, кругомъ ходила классическая чарка. Хозяина дома не оказалось, но гости, узнавъ, что мы русскіе, тотчасъ посадили насъ на почетное мѣсто, поставивъ для насъ два табурета и покрывъ ихъ небольшими перинами. По обѣимъ сторонамъ отъ насъ сидѣли въ нарядныхъ стеганыхъ на ватѣ бешметахъ, украшенныхъ серебряными филигранными пуговицами по вороту и груди, два крѣпкихъ мужчины, лѣтъ по 50 на видъ. Черты лица у одного такъ же, какъ и у атамана, напоминали что-то восточное; не даромъ Новые Казаки, провожая насъ, говорили: „Чтожъ, поѣзжайте посмотрите, какіе тамъ азіаты живутъ“. Очевидно, старинные кубанскіе браки оставили на типѣ населенія слѣды, которые затерялись у жившихъ на Дунаѣ, подъ вліяніемъ постояннаго прилива свѣжихъ русскихъ элементовъ. Другой нашъ сосѣдъ, лицо котораго было чисто-русскаго склада, очевидно, пользовался бывшимъ уваженіемъ; потомъ намъ сказали, что онъ долго былъ атаманомъ. Говорилъ онъ ясно, дѣльно и умно и вообще производилъ крайне пріятное впечатлѣніе. Оба эти казака были депутатами, избранными сопровождать дьяка.

Сѣни, въ которыхъ мы сидѣли, устроены были между зимней и лѣтней избой и изображали изъ себя нѣчто въ родѣ пріемной. По стѣнамъ были придѣланы полки, завѣшанныя кумачемъ; на нихъ стояли иконы, разная посуда и т. д. Въ углу находился столъ, заваленный старинными церковными книгами, напоминавшій о томъ, у кого въ гостяхъ мы находились.

Вскорѣ пришелъ и хозяинъ, дьякъ Иванъ Игнатьевичъ [1]), еще молодой брюнетъ, съ бѣгающими глазками и выраженіемъ „себѣ на умѣ“. Пошли разговоры о Стамбулѣ, о Россіи, Москвѣ, о нашей

[1]) Одна изъ московскихъ газетъ сообщала лѣтомъ, что ему 37 лѣтъ, а другая—44 года.

Digitized by Google

поѣздкѣ. Мы попросили дьяка показать замѣченную нами старую книгу, которая оказалась Кормчей [1]). Дьякъ особенно оттѣнилъ при чтеніи то мѣсто послѣсловія, гдѣ было сказано, что книга отпечатана въ 1550 году только въ числѣ 1200 экземпляровъ.

Какъ мы ни отнѣкивались, пришлось выпить за хозяина и присутствующихъ по стаканчику нарочно для насъ принесеннаго „легкаго винца", оказавшагося коньякомъ. Общая чарка продолжала ходить [2]), при чемъ тотъ, кто пилъ, приговаривалъ: „Христосъ посреди насъ", а насъ научили отвѣчать: „и есть, и будетъ".

Показавъ намъ письмо отъ настоятеля Пантелеймоновскаго константинопольскаго подворья, въ которомъ сообщалось, что къ выѣзду депутаціи въ Россію не будетъ препятствій, дьякъ всталъ, чтобы идти служить прощальную вечерню. Насъ также пригласили, и мы, перемѣнивъ всѣхъ смущавшія фески на предложенныя шляпы, отправились за толпой [3]). Деревянная церковь, крытая черепицей, стоитъ посреди деревни; она обнесена оградой, въ предѣлахъ которой находится могила, покрытая деревяннымъ футляромъ въ формѣ обыкновенной двускатой крыши. Надпись гласитъ, что тутъ покоится прахъ „священнаго іерея о. Іоанна, преставившагося въ 1900 г.", а внизу приписка попроще: „а такого-то числа умерла и бабушка Матрена попадья". Рядомъ съ церковью маленькая колокольня-навѣсъ, на которой устроился съ семьей какой-то немузыкальный аистъ. Внутри храма мы могли замѣтить слѣдующія части: 1) алтарь, запертый со смерти о. Іоанна [4]), 2) кли-

---

[1]) Много книгъ новаго происхожденія: онѣ были высланы Московской единовѣрческой типографіей послѣ посвященія перваго о. Іоанна (ср. Щепотьевъ).

[2]) Во времена Кельсіева пили, какъ онъ говоритъ, ужасную ракію, теперь же ее замѣнила пріятная на вкусъ и не особенно крѣпкая анисовая водка (мастика), которую пьютъ, запивая или доливая въ стаканчикѣ водой.

[3]) По старому обычаю большинство казаковъ ходитъ въ церковь съ непокрытой головой.

[4]) Намъ не пришлось, поэтому, побывать въ немъ, но мы приведемъ то, что сообщаетъ г. Вожинъ, бывшій на Майносѣ еще при жизни священника. Онъ упоминаетъ, прежде всего, старинное распятіе, окованное узорнымъ серебрянымъ бордюромъ; „прислано (sic?!) оно еще Игнатомъ". Хотя оружіе и 3 старыя пушки были отобраны у некрасовцевъ турками, однако бунчуки и хоругви остались и хранятся въ большомъ деревянномъ сундукѣ въ алтарѣ. „Игнатова хоругвь" представляетъ изъ себя квадратное красное полотнище съ изображеніемъ 6-конечнаго креста, по бокамъ котораго находятся звѣзда и

Digitized by Google

росъ, отдѣленный иконостасомъ отъ той части, гдѣ стоятъ мужчины (3), и, наконецъ, 4) отдѣленіе для женщинъ, также съ иконостасомъ, но лишь поверху уставленнымъ иконами. „Оржаницы", не принявшія молитвы черезъ 40 дней послѣ родовъ, и женщины, находящіяся въ періодѣ, должны стоять въ притворѣ. Иконы старыя, почернѣвшія, унесенныя еще съ Кубани. Стѣны, конечно, безъ живописи; онѣ защищены „отъ мухъ" четыреугольными платками восточнаго образца. Передъ образами горятъ, главнымъ образомъ, лампады, опускающіяся на шнурахъ, протянутыхъ по всей церкви. Вслѣдствіе отсутствія священника, служба велась сокращеннымъ порядкомъ и состояла изъ чтенія молитвъ и Евангелія. 2 раза дьякъ съ клирошанами („посовщики" т.-е. пособщики) выходилъ „на Славу" на середину церкви, и тогда начиналось громкое пѣніе, которому всѣ подтягивали. Напѣвъ, очевидно, очень старинный (поютъ здѣсь по крюкамъ) и поражалъ уши человѣка, не слыхивавшаго старообрядческаго пѣнія, страннымъ сходствомъ съ народными плясовыми. Служба продолжалась около получаса. Крестились всѣ, какъ по командѣ, усиленно махая руками. Старшіе стояли чинно и съ благоговѣніемъ, а ребятишки, какъ и у насъ въ деревняхъ, не очень заботились о благочиніи, такъ что для водворенія тишины со всѣхъ сторонъ слышались подзатыльники. Среди мальчиковъ бросался въ глаза одинъ лѣтъ 12, въ красномъ хорошемъ бешметѣ, рѣзко отличавшійся отъ сверстниковъ по типу. Потомъ намъ разсказали, что это чистокровный арабъ-сирота, котораго въ Сиріи отдала казакамъ сестра, желая избавить его отъ обращенія въ Исламъ. Теперь его принялъ кто-то изъ майносцевъ; мальчикъ совсѣмъ позабылъ свой родной языкъ, и казаки не отличаютъ его отъ своихъ ребятишекъ.

По окончаніи службы всѣ остались въ церкви, а мы занялись

полумѣсяцъ. Къ полотнищу прикрѣплены длинные (по 2 арш.) треугольные разноцвѣтные концы изъ шелковой матеріи. Одинъ казакъ упоминалъ о какой-то „коронѣ", но священникъ не могъ ея найти; при этомъ выяснилось, что ужъ съ „Пасхи ее не видали" и что, вѣрно, она, подобно многимъ вещамъ и документамъ, утерялась на рукахъ у кого нибудь изъ казаковъ. Въ алтарѣ же, намъ думается, должна хранится и пресловутая Игнатова книга, о которой г. Вожинъ узналъ лишь послѣ осмотра церкви. Вообще нельзя огульно утверждать, что старинные предметы и рукописи утеряны. Тщательные поиски у отдѣльныхъ казаковъ навѣрно увѣнчались бы успѣхомъ.

Digitized by Google

осмотромъ старыхъ книгъ и иконъ. Подошло еще нѣсколько казаковъ, и начались предварительные проводы. Дьякъ прослезился и не разъ подносилъ клѣтчатый платокъ къ глазамъ. Одинъ изъ депутатовъ обращаясь къ толпѣ, выставлялъ на видъ качества избранника и убѣждалъ просить его ѣхать въ Россію. Всѣ кланялись въ ноги, а дьякъ, по обычаю, отказывался, не забывая дѣлать довольно откровенные намеки по поводу вопросовъ частно-экономическаго характера. Было ясно, что задѣвались еще чьи-то интересы, потому что одинъ изъ присутствующихъ также хлопоталъ о прибавкѣ, указывая на потери, которыя онъ понесетъ при будущемъ порядкѣ вещей. Однако его скоро утѣшили какими-то обѣщаніями. Затѣмъ начались разные счеты и отчеты. Требовали денегъ съ тѣхъ, которые не додали, объясняли расходы по предшествующей поѣздкѣ, давая точныя разъясненія по всѣмъ пунктамъ: „тамъ-то, значится, купили 3 пирога—полтора лева“, и т. д. Въ уплату несли разнообразныя монеты; попались старинный русскій серебряный пятакъ и новенькій англійскій сикспенсъ, по поводу котораго мы были призваны высказать свое мнѣніе. Какую-то мелкую недохватку покрылъ атаманъ, размотавъ свой кошель, вродѣ кисета.

Еще долго велись мало интересные разговоры, и мы вышли на церковный дворъ, гдѣ насъ окружила толпа ребятишекъ, съ просьбой „вышибить“ (сфотографировать) ихъ. Они долго и много разспрашивали насъ, всѣмъ интересуясь. Дѣти вели себя очень вѣжливо, хотя, навѣрное, многое въ нашемъ нарядѣ и манерахъ казалось имъ страннымъ. Почти никто изъ нихъ никогда не видывалъ русскихъ, несмотря на то, что нѣкоторые бывали въ Константинополѣ. Надо замѣтить, что почти все чтеніе въ церкви лежитъ на мальчикахъ, которые довольно бѣгло и внятно читаютъ „по верхамъ“. Замѣтивъ одного изъ нихъ, мы задали вопросъ: „сколько тебѣ лѣтъ?“—„10“. „А зовутъ какъ?“—„Никифоръ Ивановичъ“, съ достоинствомъ отвѣчаетъ онъ. „А васъ какъ?“ Мы удовлетворяемъ его любопытству. „А что, хорошая Москва?“ Разсказываю и спрашиваю, хотѣлъ ли бы онъ тамъ побывать. „Вѣстимо дѣло, хотѣлъ бы: не хорошо здѣсь“.—Чѣмъ же?—„Да, азіатчина“, очевидно, выраженіе старшихъ повторяетъ онъ. „А что, если въ Рассеи мы будемъ жить, будемъ мы Царю служить?“—У насъ всѣ въ солдатахъ служатъ, и ты служилъ бы.—„Дай-то

Digitized by Google

Богъ", какъ-то не подѣтски серьезно говоритъ онъ. Очевидно, что жизнь на чужбинѣ, обставленная странными условіями, далекими скитаніями на рыбную ловлю, въ которыхъ съ дѣтства принимаютъ участіе казаки, рано развиваютъ дѣтскіе умы, хотя дома нѣтъ никакого обученія, за отсутствіемъ учителя.

Населеніе Эски Казакларъ состоитъ пополамъ изъ единовѣрцевъ и изъ старообрядцевъ, принявшихъ австрійское священство. Австрійцы живутъ всѣ въ одномъ концѣ, и, насколько мы могли судить по виду и по разспросамъ, ничѣмъ, кромѣ вѣры, отъ остальныхъ казаковъ не отличаются. У нихъ есть своя церковь и священникъ. Въ высшей степени жалко, что намъ не удалось ихъ посѣтить: съ вечера было уже поздно, а съ утра, въ общей суматохѣ, мы какъ-то позабыли объ этомъ. Приходится откровенно сознаться въ такомъ важномъ пробѣлѣ. Розни религіозной между населеніемъ не замѣчается. Говоря о туркахъ и Новыхъ Казакахъ безпоповцахъ, старые переселенцы не могутъ удержаться отъ самыхъ крѣпкихъ русскихъ словечекъ по ихъ адресу [1]), но ничего подобнаго не существуетъ по отношенію односельчанъ. Когда при отправкѣ дьяка мы разговаривали съ атаманомъ относительно вѣры, онъ подозвалъ одного изъ присутствовавшихъ тутъ же въ церкви и отрекомендовалъ его намъ, какъ австрійца, пришедшаго въ качествѣ зрителя. Кириллъ Игнатьевичъ также не имѣлъ ничего противъ посѣщенія нами австрійскаго священника, и визитъ не удался лишь по нашей забывчивости. Впослѣдствіи слышалъ я изъ одного посторонняго и достовѣрнаго источника, что не мало единовѣрцевъ склоняется къ австрійству вслѣдствіе того, что у нихъ жизнь вольнѣе, и священникъ смотритъ на все снисходительно. Періоды отсутствія правильнаго отправленія службъ и требъ, вродѣ переживаемаго единовѣрцами въ настоящее время, должны дѣйствовать въ томъ же направленіи.

Когда кончилось прощанье съ дьякомъ, атаманъ вышелъ изъ церкви и пригласилъ насъ къ себѣ. Сперва мы прошлись по деревнѣ всюду встрѣчая ласковое отношеніе. Атаманъ, а, можетъ быть, санъ его, пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Казаки, проходя снимали

[1]) Одинъ казакъ говорилъ намъ: „плохо намъ на томъ свѣтѣ достанется: ужъ больно мы ругаться здоровы". Замѣтимъ между прочимъ, что сквернословіе, какъ сообщали г. Вожину, составляетъ предметъ особаго запрета въ завѣщаніи Некрасова.

Digitized by Google

шапки, а бабы останавливались и отвѣшивали низкій поклонъ. Впрочемъ, послѣднее преимущество распространяется на всѣхъ мужчинъ. „Ежели эркекъ (по-тур. самецъ, мужчина) идетъ,—разсказывалъ намъ одинъ изъ майносцевъ,—иди себѣ съ Богомъ, а баба, баба стой. Ня то плохо". Что же плохо? „Да ничаво, а только плохо". Такъ мы и не добились отвѣта, хотя, сколько можно судить, съ прекраснымъ поломъ обращаются здѣсь строго. Старые некрасовцы смѣются надъ Новыми, что у нихъ бабы пьютъ, и, дѣйствительно, въ этомъ отношеніи мы можемъ засвидѣтельствовать между обоими селеніями полную противоположность, такъ жена атамана — наша хозяйка — отклонила предложеніе выпить вмѣстѣ съ другими присутствовавшими вечеромъ за бесѣдой. Отъ старыхъ временъ сохранились крутые семейные нравы. Д-ръ Щепотьевъ сообщаетъ, что въ русскую больницу не разъ привозили жестоко избитыхъ бабъ, надъ которыми произвели экзекуцію мужъ или свекоръ-батюшка. Возрастъ вступленія въ бракъ тотъ же, что и въ Россіи: для мужчины 18, для женщины 16, однако, денежныя соображенія заставляютъ почти всегда откладывать его до болѣе поздняго времени. Характерной чертой состава населенія является очень значительный перевѣсъ числа женщинъ. Ею же, вѣроятно, объясняется и упомянутый выше фактъ выдачи дѣвокъ замужъ отсюда въ Хамидіе, а не наоборотъ. Точныхъ цифръ, конечно, добыть нельзя, потому что мужчины со дня рожденія на счету для уплаты воинскаго налога, а бабьей статистикой никто не интересуется. Женщины, какъ и вездѣ, упорно тянутся къ старинѣ, оказывая нерѣдко значительное вліяніе на дѣла внутренней политики. Мы узнали, напримѣръ, что писарь только потому не выучился читать по-турецки, что этому рѣшительно воспротивилась его мать [1]). Изъ разговоровъ съ бабами было ясно, что онѣ, главнымъ образомъ, хранятъ воспоминанія о Россіи и побуждаютъ мужчинъ къ переселенію туда. Онѣ же, какъ говорятъ, тормозятъ переходы въ австрійство. Такъ какъ главное занятіе населенія рыболовство, то женщины, мало занятыя въ полѣ, работаютъ, большей частью, около дома: отсюда такая чистота и порядокъ въ хатахъ и искусство въ рукодѣліяхъ.

---

[1]) Писаремъ теперь служитъ молодой парень изъ казаковъ, а не бѣглый поляк, какъ при г. Вожинѣ. Онъ также на жалованьѣ.

Digitized by Google

На улицѣ мы замѣтили 3 лавки, содержимыя греками, какъ и вездѣ сильно обдирающими честной народъ. Кромѣ нихъ да человѣкъ 5—6 ночныхъ сторожей изъ мусульманъ, все населеніе состоитъ изъ старыхъ кубанскихъ выселенцевъ. Есть, впрочемъ, семей пять, явившихся недавно съ Дуная, но онѣ уже поговариваютъ о скоромъ своемъ переселеніи.

Въ домъ къ Кир. Куз. мы пришли, когда уже совсѣмъ стемнѣло, и усѣлись на широкой заваленкѣ, устроенной подъ навѣсомъ, отдѣльно отъ дома, противъ калитки. Принесли керосиновую [1]) лампу, и къ нашей компаніи скоро присоединились писарь и нашъ пріятель Ив. Ник. Появились неизбѣжные напитки, но насъ уже не принуждали, и мы могли приступить осторожно къ разспросамъ, стараясь вызвать хозяевъ на разговоръ.

Дворовъ въ Эски Казакларъ оказалось 150, мужчинъ, включая всѣхъ дѣтей, около 350. Управленіе тоже, что и въ Хамидіѣ, та же турецкая юрисдикція и налоги, общая сумма которыхъ равна 21000 піастровъ, то же „ставленіе круга“, которое, однако, сопровождается большими формальностями. Къ вышеприведенной формулѣ созыва добавляется еще: „а кто не придетъ, на томъ столько-то левовъ войсковой приговоръ“. Подробностей неудобно было записать, такъ какъ казаки, вообще, относятся къ карманнымъ книжкамъ съ большой недовѣрчивостью. Мы же съ самаго начала должны были попасть въ нѣсколько ложное положеніе. Уже всякій пріѣзжій изъ Россіи долженъ возбуждать любопытство и фантазію, а тутъ какъ разъ было время проводовъ дьяка и всякихъ ожиданій и чаяній. Насъ неоднократно спрашивали, не изъ консульства ли мы, не офицеры ли, такъ что приходилось вести себя крайне осторожно, чтобы не вызвать нежелательныхъ толковъ. Впрочемъ, обрядъ „круга“ детально описанъ у Кельсіева и у Я. И. Смирнова; а такъ какъ казаки на Маду выселились съ Майноса, то слѣдуетъ предположить тожественность подробностей. Замѣтимъ, что майносцы неизмѣнно величаютъ себя „кубанскимъ войскомъ“.

На Мадѣ же, какъ явствуетъ изъ того же описанія, находится

---

[1]) Керосинъ здѣсь, вообще, называется „газъ“.

[2]) Атаманъ на жалованьѣ; онъ получаетъ въ годъ 20 тур. лиръ (около 180 руб.) (Вожинъ).

Digitized by Google

и знаменитая „насѣчка Игната Некрасы“, т.-е. булава, о которой въ Эски Казакларъ намъ сказали лишь, что она затерялась неизвѣстно куда и что пришлось ее замѣнить новой. Обрядъ посыпанія земли на голову атамана со всякими пожеланіями при избраніи вышелъ изъ употребленія [1]). Кир. Куз. сообщилъ, что не запомнитъ и „выдачи головой“, при которой осужденнаго велъ по улицѣ потершѣвшій, спрашивая встрѣчныхъ: „Кому виновенъ этотъ человѣкъ?“—и когда тотъ отвѣчалъ незнаніемъ, билъ выданнаго по лицу, приговаривая: „мнѣ виновенъ“. Вообще, очевидно, что старые обычаи гаснутъ и вымираютъ, да и стоитъ ли грустить о многихъ изъ нихъ, жалко лишь, если ихъ не удастся записать, такъ какъ, врядъ ли, гдѣ еще уцѣлѣлъ остатокъ стараго русскаго быта, подобный майносскому.

На вопросъ, не уменьшается ли населеніе, мнѣ отвѣтили, что лихорадки, отъ которыхъ прежде много народу страдало, значительно сократились съ улучшеніемъ спуска изъ озера въ море [2]), но что дѣтей мретъ много. Климатъ на Майносѣ [3]) довольно мягкій, хотя зимой выпадаетъ снѣгъ вершка на четыре. Замѣтивъ между казаками, какъ и между османлы, не мало лицъ со слѣдами оспы, мы спросили, отчего ея не прививаютъ. „Да разъ отъ Царя пріѣзжалъ человѣкъ оспу прищеплять, мальчишкамъ 60 прищепилъ, а послѣ ихъ душъ 30 и померло“. (Замѣтимъ кстати, что Султанъ у Старыхъ Казаковъ неизмѣнно носитъ имя „Царя“). Въ послѣднія пять шесть лѣтъ большую роль въ оказаніи казакамъ медицинской помощи играетъ русская больница въ Константинополѣ, къ которой они относятся съ полнымъ довѣріемъ.

Языкъ Старыхъ Некрасовцевъ очень сильно пропитался иностранными, главнымъ образомъ турецкими элементами, и бесѣда

[1]) Кельсіевъ (Рус. Вѣс. 1866, іюнь, стр. 446) говоритъ и о слѣдующемъ оригинальномъ обычаѣ: „что атамана можно высѣчь и сѣкутъ, это не подлежитъ сомнѣнію и вовсе не выходитъ изъ ряда обыденныхъ событій майносской жизни“. Затѣмъ разсказывается про способъ производства экзекуціи, послѣ которой всѣ валятся въ ноги атаману, прося прощенія, а тотъ, почесываясь, отвѣчаетъ: „Богъ проститъ“. Врядъ ли подобные инциденты возможны теперь, хотя казаки, какъ и естественно, съ неохотой говорятъ о разныхъ „семейныхъ дѣлахъ“: наказаніяхъ, прежнихъ священникахъ и т. д.

[2]) Рѣчка Мухалыджъ служитъ стокомъ Майноса и сосѣдняго большого озера Аполлоніи (у турокъ Абу Лёнтъ).

[3]) Ср. Гапько, Сел. хозяйство и т. д.

Digitized by Google

пестрѣла словами и выраженіями: „ежели эркекъ идетъ“, „тютюнъ пьетъ“ т.-е. куритъ, „куражёй“ (коруджу) вмѣсто „сторожъ“; цѣликомъ заимствованы, конечно, всѣ техническіе и служебные термины. Вторглись даже частицы, напр., говорятъ: „хичъ ничего не знаю“, т.-е. ровно ничего не знаю, „аммà (=но) чужихъ не трогаетъ“. Это звучало такъ странно, что намъ сперва думалось, ужъ не ослышались ли мы. Сохранилось донынѣ много старинныхъ и мѣстныхъ словъ, такъ что смѣсь выходитъ еще удивительнѣе. Говорятъ, напр., „гóдя“ вмѣсто „довольно“, „допалъ“ вмѣсто „достигъ, нашелъ“. Война называется „розмиръ“, когда угощаютъ говорятъ: „питайтесь, пытайтесь“. Старые люди, какъ и на Мадѣ, любятъ употреблять славянскія выраженія: „а дохторъ сказалъ, пущай лежитъ мальчишка, доньдеже не оздоровѣетъ“. Строй фразы былъ часто совсѣмъ какъ въ нашихъ старинныхъ книгахъ. Лица болѣе или менѣе офиціальныя между собой говорятъ на какомъ-то загадочномъ жаргонѣ [1]), съ крайне неяснымъ произношеніемъ, въ которомъ разобрать можно было лишь отдѣльныя турецкія слова, произносимыя съ сильнѣйшимъ русскимъ акцентомъ. Курьезно коверканье на русскій ладъ географическихъ названій: Бандорово (Бандерма), Серяково (Сары кöй), Дюненй (Гöненъ).

По-турецки говорятъ многіе и довольно бойко. Нашъ пріятель И. Н. самодовольно какъ-то замѣтилъ: фарсúсини билúримъ“, т.-е. я знаю турецкій языкъ высшаго тона, а одинъ изъ депутатовъ въ Россію, сообщая эпизодъ относительно карантина, повторилъ цѣлую рѣчь, которую онъ произнесъ вали-пашѣ, щеголяя самыми изысканными турецкими причастіями и арабскими словами. Писарь знаетъ еще по-гречески и по-болгарски. Но зато читать, кромѣ какъ по-русски, никто не умѣетъ. „Только рака̀мы (цифры) знаемъ; сами турки сказываютъ, что лишнее съ насъ черезъ то забираютъ“. И, однако... извѣстна неудачная попытка обучить писаря. По-русски нѣкоторые бойко пишутъ полууставомъ, а „по гражданскому“ еле разбираютъ. Дѣти теперь, къ сожалѣнію, совсѣмъ не учатся. Школа, хотя и есть, но заколочена, такъ какъ нѣтъ „ученика“, какъ называютъ казаки учителя, забывъ настоящее слово. Обу-

[1]) М. П. Ганько сообщалъ намъ, впрочемъ, что находитъ его чистымъ русскимъ языкомъ. Опираясь на свой собственный слухъ, позволимъ себѣ съ этимъ не согласиться.

Digitized by Google

ченіе дѣтей представляетъ одну изъ самыхъ насущныхъ и неотложныхъ потребностей селенія, и хорошо бы было, если бъ казаки пригласили себѣ изъ Россіи какого-нибудь сельскаго учителя.

Мнѣ очень хотѣлось услышать и записать на образецъ что-нибудь изъ старинныхъ пѣсенъ, но лишь послѣ усиленныхъ просьбъ успѣлъ я въ этомъ. Ив. Ник. пропѣлъ мнѣ нѣсколько отрывковъ [1]). Напѣвы были, безъ сомнѣнія старинные: мажорные, тягучіе съ переливами и многочисленными повтореніями. Къ сожалѣнію, пришлось услышать немного: дѣло въ томъ, что мы были у некрасовцевъ Петровскимъ постомъ, а „играть пѣсни“ въ это время на Майносѣ, какъ и у нашихъ крестьянъ, считается дѣломъ неудобнымъ.

Кончивъ записываніе, я прислушался къ общему разговору, который велся съ моимъ товарищемъ. Хозяинъ разсказывалъ о знаменитомъ теперь разбойникѣ Карà Алѝ изъ сосѣдней черкесской деревни. Онъ, подобно древнему Сиду, мститъ своимъ сельчанамъ за оскорбленіе, нанесенное его отцу, и уже убилъ изъ нихъ 7 человѣкъ, да кромѣ того троихъ забтіе, присланныхъ для его поимки. Интересно, что постороннихъ онъ никого не трогаетъ. Казаки и нашъ арабаджи Османъ отзывались о немъ вообще одобрительно. „Хорошій человѣкъ, только обидѣли его“. Воспользовавшись случаемъ, мы перешли къ разспросамъ, какъ вообще живется съ сосѣдями, и получили обычный отвѣтъ, что старые турки народъ очень хорошій, но что мухаджиры причиняютъ постоянныя и тяжелыя безпокойства [2]). „Что же разбойничаютъ они?“ „А то какъ же. Изъ-за гроша человѣка можетъ зарѣзать“. Въ Хамидіѣ мы слышали, что Старые Казаки значительно посократили самоуправство мусульманскихъ переселенцевъ. Мы интересуемся, правда ли это? Намъ многозначительно отвѣчаютъ: „Что жъ, озеро у насъ близко“. „И много народу поймали?“ нескромно продолжаемъ мы. „Про то куражѐи знаютъ; ихъ дѣло“. Эта мѣстная

---

[1]) См. ниже, прибавленіе.

[2]) Въ одной изъ московскихъ газетъ сообщалось со словъ майносскихъ журналовъ, что за время отъ 21—30 мая въ окресностяхъ Майноса было убито 25 человѣкъ. Кажется, что это не совсѣмъ вѣрно. Нашъ возница Османъ увѣрялъ насъ, по крайней мѣрѣ, что теперь въ этихъ мѣстностяхъ довольно спокойно. Впрочемъ, ночью, какъ и вездѣ въ Турціи, никто не рѣшается ѣздить. Даже на анатолійской ж. д. поѣзда ходятъ лишь днемъ.

Digitized by Google

полиція, кажется, съ большой обдуманностью выбрана изъ мусульманъ, чтобы, слагая на нее всю отвѣтственность за разныя „проучки“, въ то же время не разжигать ненависти къ горсточкѣ гяуровъ, затерявшихся въ глубинѣ Анатоліи.

Уставъ отъ всѣхъ впечатлѣній дня, я вышелъ пройтись по улицѣ. Всюду была темнота и тишина. Слышно было лишь, какъ волъ, лежа посреди дороги, чавкалъ свою жвачку. Надъ рядами бѣлыхъ, едва виднѣвшихся хатъ разстилалось черное южное небо, на которомъ какъ бы застыли рои звѣздъ, поражавшихъ глазъ сѣверянина своимъ яркимъ блескомъ. Только оно, это небо, напоминало о томъ, гдѣ я находился. Думалось мнѣ о зимѣ, когда мужчины уходятъ далеко на промыслы, когда кругомъ лежитъ снѣгъ; какъ, навѣрное, боязливо прислушиваются проснувшіяся ночью бабы и дѣти къ вѣтру на чужой сторонѣ, гдѣ кругомъ бродятъ всѣ эти злые люди: переселенцы, татары, турки, черкесы. Думалось о томъ, какъ, навѣрное, встрѣчаютъ здѣсь праздники, какъ странно должны разноситься по пустынному озеру звуки дребезжащихъ колоколовъ этой маленькой колоніи, забытой въ той смутной, украшенной фантазіей Россіи, которая, какъ нѣчто далекое и прекрасное, теперь такъ тянетъ къ себѣ своихъ вольнолюбивыхъ сыновъ, нѣкогда промѣнявшихъ родину на свободу.

Голосъ атамана, звавшаго ужинать, прервалъ мои мысли. Хозяйка постелила на столъ чистую домотканную скатерть, поставила черный хлѣбъ изъ очень свѣтлой муки, 2 чашки съ мелкой жареной рыбкой, въ родѣ сардинокъ, и медъ. Лишнихъ орудій не полагалось, а потому мы рыбокъ безъ церемоніи вытягивали за хвосты, а въ медъ прямо макали хлѣбъ.

Послѣ ѣды насъ повели въ приготовленный для нашего сна аппартаментъ. Въ сѣняхъ были накрыты одѣяломъ высокія нары, приставленныя къ стѣнѣ. Подушки были турецкаго образца: длинныя и тонкія, какъ депешки; лежали онѣ въ разныя стороны, и намъ пришлось размѣститься такъ, что голова одного приходилась съ ногами другого. Одѣяло положили одно, громадное стеганое. Оно пришлось, какъ нельзя болѣе кстати, потому, что утромъ мы нашли всѣ наши вещи насквозь промокшими отъ сырости. Хаты построены изъ камыша обмазаннаго известью, по которой искусные женскіе пальцы провели длинныя, совершенно прямыя полосы.

Digitized by Google

Влага непремѣнно должна задерживаться въ стѣнахъ такой комнаты, лишенной печи и свѣта. Прилегающую къ сѣнямъ съ одной стороны зимнюю избу спасаетъ отъ этого недостатка прекрасная большая русская печь. Утромъ мы осматривали хату; по стѣнамъ она уставлена чистыми широкими лавками, въ углу образа и лампадка, подъ которыми у атамана хранятся всѣ оффиціальные документы. Одну изъ стѣнъ украшаетъ „балыкъ-тезкерэ“, т.-е. разрѣшеніе на рыбную ловлю, и вырѣзанный изъ „Нивы“ портретъ Эдисона, внимательно слушающаго свой фонографъ. Сосредоточенность выраженія знаменитаго изобрѣтателя вѣроятно увеличивается отъ испытываемаго имъ чувства одиночества между „балыкъ теськерёй“, какъ хозяйка называетъ этотъ документъ, и между плохой лубочной картинкой какой-то церкви, гдѣ красная и лиловая краски попали ровно двумя вершками лѣвѣе мѣста своего назначенія. Кстати сказать, майносцамъ хорошо извѣстны телеграфъ и фотографія [1]). Старые Казаки снимались съ полной охотой. Одна мать даже приказывала смирно стоять своему сыну, говоря: „не шевелись, ня то павѣсють тебя въ петлю“. Хотя дѣвки и жеманились нѣсколько, однако уже то, что онѣ являлись необыкновенно разодѣтыми, доказывало ихъ желаніе быть „вышибленными“. Что касается велосипеда, попадающагося въ Стамбулѣ довольно рѣдко, то его видѣлъ лишь одинъ казакъ, попавшій въ Марсилію (Марсель). Случилось это такъ: онъ съ товарищемъ ловилъ рыбу въ Александреттскомъ (Искендерунъ) заливѣ въ то время, какъ уходилъ пароходъ съ англійскими туристами. Такъ какъ не хватало оффиціантовъ, то буфетчикъ обратился къ казакамъ, и вотъ одинъ изъ парней, съ чисто-русской способностью къ приспособленію, преобразился на европейскій манеръ и, во фракѣ съ салфеткой въ рукахъ, быстро постигъ всѣ тонкости англійскихъ церемоній. „И угощали-жъ меня въ Марсиліи, разсказывалъ онъ,—куда ни придешь платить не даютъ: ты, гритъ, гость нашъ“.

Возвратимся, однако, къ прерванному повѣствованію. На утро насъ разбудили часовъ въ 5 утра нѣсколько мужчинъ, оказавшихся упомянутыми выше поздними пришельцами съ Дуная. Оче-

---

[1]) Еще во времена Кельсіева одинъ казакъ хвасталъ, что про некрасовцевъ такая слава идетъ „по всей Европіи“, что послѣ войны ихъ даже снимали „инглизы“ (англичане).

Digitized by Google

видно, не желая отказаться отъ мысли, что мы пріѣхали не спроста, они прямо спрашивали, не можемъ ли мы содѣйствовать ихъ переселенію въ Россію. Постаравшись разубѣдить ихъ въ нашей мнимой миссіи, мы вышли во дворъ, гдѣ уже собрались казаки, просившіе снять ихъ передъ тѣмъ, какъ идти на проводы дьяка. Утро было чудное и мы не пожалѣли, что встали рано. Деревня была уже на ногахъ, и всѣ ожидали торжественнаго отъѣзда. Мы сперва направились къ хатѣ дьяка, сѣни которой были набиты народомъ, старавшимся придать ракіей особую силу своимъ добрымъ пожеланіямъ. На крыльцѣ стоялъ взволнованный хозяинъ дома со старымъ требникомъ подъ мышкой и жена его, съ ребенкомъ на рукахъ, слезно глядѣвшая на супруга, отправлявшагося такъ далеко на трудное дѣло. Вскорѣ гурьбой мы всѣ отправились на берегъ озера, гдѣ дьяка и депутатовъ ожидала лодка. Тутъ же мы могли видѣть вытащенныя на песокъ обыкновенныя рыбачьи челны [1]). Можно лишь дивиться, какая нужна смѣлость, чтобы на этихъ жалкихъ суденышкахъ, вмѣщающихъ лишь по два человѣка, ходить по открытому морю, заплывая и въ Искендерунъ, и дальше въ „Арапію“, т.-е. Сирію, а на сѣверѣ добираясь до Дуная. Недаромъ отважные предки нынѣшнихъ майносцевъ удивили нѣкогда турецкаго султана своимъ появленіемъ на Босфорѣ на такихъ же челнахъ [2]).

Берегъ озера очень отлогій, такъ что депутаціи пришлось войти въ воду, чтобы сѣсть въ лодку. Интересенъ былъ видъ провожавшей толпы, разряженной въ своеобразные костюмы: бабы, подсучивъ юбки, съ ребятишками на рукахъ, молчаливо стояли въ

---

[1]) „Рыбалять“ обыкновенно отъ осеннаго Димитрія (26 октября) до весеннаго Георгія (23 апрѣля). Кельсіевъ (стр. 447) сообщаетъ о существовавшемъ въ его время обычаѣ составлять артель подъ начальствомъ выбраннаго атамана, который одинъ имѣетъ право продавать уловъ: „чтобъ казаки цѣны не сбивали другъ у друга“, причемъ лишь по возвращеніи домой выручка дѣлилась (дувалилась) на 3 части: на церковь, на войско и „на руки“. Намъ неизвѣстно, существуетъ ли это обыкновеніе и въ настоящее время, но во всякомъ случаѣ теперь надо высчитывать еще 20% подати съ полученной отъ продажи суммы.

[2]) См. Мельниковъ Рус. Вѣс. XLV, 469. Впрочемъ Кельсіевъ сообщаетъ (стр. 420) разсказъ казака, что „храброе войско кубанское пошло берегомъ съ пушками и знаменами, а женскій полъ и дѣти и старики на судахъ поѣхали и поддались турецкому царю“.

Digitized by Google

водѣ далеко отъ берега; дѣти, обрадовавшись случаю, летали съ крикомъ взадъ и впередъ, догоняя и обдавая другъ друга брызгами; на лицахъ казаковъ была замѣтна нѣкоторая серьезность. Когда гребцы ударили въ весла, всѣ еще долго смотрѣли вслѣдъ отъѣзжающимъ, махая шапками и платками. Не мало надеждъ, вѣроятно, возлагалось въ эту минуту на маленькое посольство, имѣющее, сколько можно судить, много важныхъ и деликатныхъ порученій...

Насъ очень интересовало, сохранились ли у казаковъ какія-нибудь историческія воспоминанія. Однако, большинство спрошенныхъ, кромѣ имени Игната Некрасова [1]), да того, что вышли майносцы съ Кубани, ничего не знали или не хотѣли сообщить. Одинъ изъ казаковъ, съ которымъ мы познакомились въ толпѣ на берегу, сказалъ, что у него есть старинная запись, которую мы и отправились къ нему смотрѣть. При входѣ во дворъ бабы поднесли намъ неизбѣжные цвѣты „васильки", нѣчто въ родѣ нашихъ піоновъ, попросили снять фотографію со всего семейства, и только послѣ этого явилась книга, въ которую занесены были всякія домашнія событія, приходы, расходы и т. п. Всего ея содержанія хозяинъ не расположенъ былъ показывать, а интересовавшая насъ запись полууставомъ съ ударѣніями и придыханіями гласила: „Лука Никановъ видѣлъ въ книги старай. Написано праигната некрасова оуконивски сюза игнатъ некрасывъ поднелъ си здону втуретшыну въ той союзъ неложно знаете братія 7217 году", т.-е. отъ сотворенія міра, что соотвѣтствуетъ 1709 году нашей эры. Выселеніе, какъ извѣстно, произошло, на самомъ дѣлѣ, въ 1708 году. Туретчиной же здѣсь называется, очевидно, Кубань, бывшая въ то время подъ властью крымскаго хана. Приведенная надпись, какъ намъ говорили, обычна на старыхъ молитвенникахъ, ею же, повидимому,

---

[1]) Какъ сообщаетъ „Оч. ист. старообр. въ Добр." у некрасовцевъ есть 2 варіанта пѣсни про „Игната сударь Некрасу"; одинъ, прославляющій его дѣйствія, а другой, осыпающій его бранью за выводъ изъ Россіи. Вообще обычное дѣло возгласы въ родѣ приводимаго у г. Вожина причитанія старухи: „Куда-же ты насъ завелъ, Игнатушка"! Ср. пѣсню у Кирѣевскаго, вып. 8, стр. 73 (записана въ З. Вой Дон.) гдѣ разсказывается про „козачка Игнатку измѣньшичка" какъ:

„Измѣнилъ онъ служить царю Бѣлому,
Провѣръ сдѣлалъ нашей государынѣ" (позднѣйш. вставка).

Digitized by Google

ограничиваются всѣ свѣдѣнія казаковъ о своей исторіи, такъ какъ не говоря уже объ отдаленныхъ временахъ, даже сравнительно недавнее выселеніе на Маду успѣло значительно изгладиться изъ памяти майносцевъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился за нами атаманъ, быть можетъ изъ вѣжливости, а можетъ и по другимъ соображеніямъ не особенно охотно спускавшій насъ съ глазъ. Онъ торопилъ насъ идти пить чай. Немного времени спустя мы уже сидѣли за столикомъ передъ чашками съ темнобурой, густой жидкостью, въ которую хозяинъ не поскупился всыпать сахару, чтобы засвидѣтельствовать особое почтеніе гостямъ.

Приходило, между тѣмъ, время разставаться съ нашими соотечественниками, такъ какъ мы собирались проѣхать въ тотъ же день въ городъ Гёненъ. Нашъ арабаджи быстро подалъ къ воротамъ повозку и мы, распростившись съ хозяевами и сошедшимися насъ проводить казаками, покатили по переулку въ поле. За околицей намъ попалась баба, имѣвшая видъ пожилой дѣвицы. Быстро сѣменя голыми ногами по неровному полю, она тащила на коромыслѣ 2 жестянки съ какими то помоями; въ отвѣтъ на наше привѣтствіе, она тотчасъ же отрекомендовалась: назвавши себя: „а я Марьюшка, дочка батюшки отца Ивана покойнаго“. Мы предложили подвезти ее до чифлика, куда она шла, но она продолжая бѣжать за повозкой, наивно отказалась: „а какъ завезете куда“. Говорила она высокимъ пѣвучимъ голосомъ, точно причитала, и, главнымъ образомъ, посвящала насъ въ тонкости генеалогіи своего рода. Однако нужно было спѣшить, и мы скоро попрощались съ Марьюшкой, нашей послѣдней знакомой въ селеніи Эски Казакларъ.

Заканчивая свое изложеніе поѣздки къ майносскимъ некрасовцамъ, авторъ долженъ признаться, что самъ чувствуетъ всѣ пробѣлы и неполноту своихъ замѣтокъ; однако, думается, что и въ этомъ видѣ не мѣшало вновь напомнить публикѣ о существованіи интересной русской колоніи. Было бы очень желательно, чтобы были собраны свѣдѣнія и объ остальныхъ русскихъ поселеніяхъ въ Малой Азіи, о которыхъ ходятъ смутные толки, при чемъ подвергается сомнѣнію даже фактъ ихъ существованія [1]). Вообще, весь вопросъ требуетъ долгаго и тщательнаго изслѣдованія, а от-

[1]) См. въ библіографіи замѣтку о статьѣ Астафьева.

Digitized by Google

носительно важности его намъ остается лишь сослаться на авторитетъ В. И. Ламанскаго: „Путешествіе по М. Азіи для этнографическаго изслѣдованія остатковъ бывшихъ въ ней славянскихъ поселеній могло бы, смѣю думать, принести пользу наукѣ". („О слав. въ М. Азіи", стр. 18).

IV. Литература.

Настоящая статья была написана въ Константинополѣ, и въ сокращенномъ видѣ помѣщена лѣтомъ въ „Рус. Вѣд." И теперь, возстановивъ пропущенное (около половины всего текста [1]), мы оставили ее въ прежнемъ видѣ, такъ какъ намъ не хотѣлось измѣнять носимаго ею характера личныхъ наблюденій, записанныхъ еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ поѣздки. Пришлось лишь заново переработать все введеніе на основаніи добытыхъ нами уже въ Москвѣ матеріаловъ. Принимая во вниманіе, что литература о некрасовцахъ очень разбросана, мы считаемъ небезполезнымъ для интересующихся вопросомъ дать общій перечень библіографіи. Считаемъ долгомъ выразить благодарность всѣмъ лицамъ, которыя помогли намъ при отысканіи литературы; въ особенности мы чувствуемъ себя обязанными проф. А. Е. Крымскому и Н. А. Янчуку.

А. Работы, посвященныя исключительно Майносу.

1. В. Желудковъ-Ивановъ (Кельсіевъ)—„Русское село въ Малой Азіи". Рус. Вѣстн. 1866, іюнь (413—451). Первое по времени появленія русское описаніе, къ тому же сдѣланное очень живо и содержащее большое количество фактовъ.

2. Записки М. Чайковскаго (Садыкъ Паши), Кіев. Старина 1892 г. №8 (описаніе Эноса) и № 10 (Майносъ). Чайковскій посѣтилъ эти мѣста около 1841 г.

2. Рядъ замѣтокъ о присоединеніи некрасовцевъ къ единовѣрію въ духовныхъ журналахъ: „Странникъ", сентябрь 1872 г. (стр. 204) и декабрь 1873 г. (187—215) [2]. „Православное Обозрѣніе", сент. 1872 г. Наконецъ „Голосъ", 3 авг. 1872 г. Но са-

[1]) Въ общемъ статья увеличилась раза въ 3.

[2]) Статья намъ неизвѣстна. Въ Румянцевской библіотекѣ экземпляръ журнала дефектный.

Digitized by Google

мая обширная и важная изъ статей этого рода принадлежитъ О. Михаилу, который самъ игралъ главную роль въ присоединеніи и составилъ интересный отчетъ о своей поѣздкѣ на Майносъ по перипетіямъ введенія единовѣрія: „Согласіе на присоединеніе къ единовѣрію переселенцевъ изъ Россіи и т. д.“ въ „Душеполезн. Чтеніи“, декабрь 1873 г. (451—478).

3. „Церковный Вѣстникъ“ (при Сиб. Дух. Сем.) 1879 г. № 25 (іюня 23). Слухи о движеніи среди раскольниковъ къ возсоединенію съ православною церковью. Перепечатка изъ „Нов. Врем.“ о пребываніи въ Москвѣ первой майносской депутаціи.

4. Д-ръ. В. П. Щепотьевъ—„Русская деревня въ азіатской Турціи“ „Вѣстн. Евр.“, августъ 1895 г.

5. Я. И. Смирновъ—„У некрасовцевъ на островѣ Мада и т. д.“ Спб. 1896, оттискъ изъ „Живой Старины“ в. I, 1896 г. Дѣло идетъ о части майносцевъ выселившихся, въ шестидесятыхъ годахъ въ Конійскій вилайетъ. Приложены фотографіи.

6. Докторъ Елисѣевъ—„Русскія колоніи въ Турціи—Майносъ“ „Природа и люди“ 1895/6 г. № 1. (2 нояб. 1895 г.). Крайне ничтожная статья, представляющая собой, очевидно, набросокъ изъ посмертныхъ бумагъ автора, не безъ промаховъ въ частностяхъ. Приложенныя двѣ картинки—чистѣйшая фантазія живописца, подисавшагося подъ ними.

7. Статья въ „Донской рѣчи“, 1896 г. № 40, (вѣроятно, замѣтка о предшеств. статьѣ).

8. „Кубанскія областныя вѣдомости“ № 101, 1897 г. „Казаки въ Турціи“ изложеніе помѣщенной въ „Котлинѣ“ [1]) статьи русскаго моряка. Очевидная перепечатка замѣтки К. О. В. въ малорусскомъ журналѣ „Зоря“, 1897 г. 15 мая: „Потомки козаків в Туреччині“.

9. П. Вожинъ—„Некрасовцы въ Анатоліи“. Н. Время, 1898 г. 5 авг. (№ 8509)

10. М. Ганько—„Майноськи казаки и іх земля“, въ малорусской газетѣ „Буковина“, (издается въ Черновицахъ въ Австріи [2])

---

[1]) Намъ неизвѣстно.

[2]) Считаемъ долгомъ выразить нашу глубокую признательность г. редактору этой газеты, который на нашу просьбу черезъ А. Е. Крымскаго, выслалъ собственноручно списанную копію статьи г. Ганька, такъ какъ старыхъ экземпляровъ газеты не имѣется.

Digitized by Google

1899 г. № 14—15. За исключеніемъ пѣсенъ и лингвистическихъ попытокъ эта статья вошла почти цѣликомъ въ другую работу того же автора.

11. М. Г-ко (М. П. Ганько) „Сельское хозяйство у Майносскихъ казаковъ", „Хуторянинъ" (изд. въ Харьковѣ) 1901 г. № 23. Очень дѣльная статья, дающая больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. По части сел. хоз. интересно мнѣніе автора, какъ спеціалиста.

12. К. Н. Смирновъ—„У русскихъ въ М. Азіи" Н. Время, 1901 г., іюля 11 и 12; приложены 3 фотографіи, снятыя авторомъ во время нашей совмѣстной поѣздки къ некрасовцамъ.

13. Настоящая статья, наполовину сокращенная, была помѣщена въ августѣ 1901 г. въ „Рус. Вѣд."

14. Въ іюлѣ и августѣ 1901 г. въ различныхъ московскихъ газетахъ было помѣщено не мало замѣтокъ по поводу пріѣзда майносцевъ въ Москву. (Ср., напр., въ церковномъ отдѣлѣ „Моск. Вѣд." 31 іюля, 6 и 7 авг.)

15. Въ журналѣ „Природа и Люди" 1901 г., № 42, стр. 679—помѣщена замѣтка о посвященіи новаго о. Іоанна и о майносской депутаціи.

В. Общія работы, касающіяся некрасовцевъ.

1. Бв. (вѣроятно В. Броневскій, авторъ Исторіи войска донского (Спб. 1834) „Исторія о некрасовцахъ". Сѣв. Пчела 1828 года, № 105 и 106; краткая, но очень содержательная и не устарѣвшая до сихъ поръ замѣтка.

2. А. А. Скальковскій—„Некрасовцы живущіе въ Бессарабіи" (заимствовано изъ Одесскаго Ген. Губ. Архива) въ Ж. М. В. Д. 1844 г., В., часть осьмая (61—82). Очень важная работа: Сообщается исторія возвращенія въ Россію въ 1830 г. около 1000 некрасовцевъ, понынѣ живущихъ подъ Измаиломъ, въ предмѣстьѣ „Тучково". Казаки обнаружили при этомъ трогательную привязанность къ своей старой церкви, которую они разобрали по частямъ и вновь поставили, перевезя ее въ Россію. Въ этой же статьѣ изложена, между прочимъ, судьба жалованныхъ турками грамотъ, которыя некрасовцы, возвратившіеся въ 1830 г. въ Россію, передали русскому начальству.

Digitized by Google

3. В. Ламанскій—„О славянахъ М. Азіи, Африки и Испаніи", Спб. 1859 о Майносѣ (стр. 23—38) со словъ старыхъ англійскихъ путешественниковъ W. Hamilton Researches in Asia Minor L. 1842 и Mc. Farlane Turkey and its destiny. Глава послѣдней книги, касающаяся Майноса, изложена Свенске въ Вѣс. Геогр. Общ. 1855 г. кн. III, отд. III („Русск. колон. въ М. Азіи"). Цитируемая Ламанскимъ книга Itinéraire de Tiflis à Constantinople par le Colonel Rottier, Brux. 1829 даетъ весьма скудныя указанія о предполагаемой Чаршамбѣ, именно стр. 271. C'est sur ce fleuve dans les vallées fertiles, au dessus de Bafra, qu' habitent les cosacs Saporovi. Казаки, будто бы, переселилась послѣ бунта Мазепы. Важнѣе было бы добыть замѣтку о Чаршамбѣ въ газетѣ „Кавказъ" 1856 г., (перепечатано въ Русс. Инв. 1856, 3 марта, и Спб. Вѣд. 1856, 6 марта): „Еще одна русская колон. въ М. А". Къ сожалѣнію, въ Румян. библ., журналы хранятся лишь съ 1862 г.

4. А. Щаповъ.—„Русскій расколъ..." Казань, 1859, стр. 325 (небольшое замѣчаніе).

5. Мельниковъ—„Старообрядческіе архиреи" (Рус. Вѣс. т. XLV стр. 469) въ отдѣльномъ изданіи „Ист. очерк. безпоповщины", ч. I, 1864, стр. 223.

6. Н. Субботинъ—„Исторія бѣлокриницкой іерархіи", т. I, М. 1874, стр. 319 и сл.

7. Н. И. Субботинъ. „Исторія бѣлокриницкаго священства по смерти инока Павла" въ Рус. Вѣс. 1900 г. О Майносѣ упоминается въ №№ VII (161—165). Много разъ упоминается „жестокій нравъ" майносцевъ; какъ сообщаетъ одно письмо, они чуть было не убили своего священника, который пробовалъ воспротивиться стрѣльбѣ изъ ружей при водосвятіи, назвалъ этотъ обычай еретическимъ. Всѣ австрійцы свидѣтельствуютъ о стойкости майносцевъ въ своей вѣрѣ. Въ № VIII приводятся однако слова одного бѣлокриницкаго архіерея, который не теряетъ надежды, „что Майносъ будетъ едино стадо" со временемъ. Въ № XII разсказываетъ о мечтахъ назначить на Майносъ даже особаго архіерея. Въ VII же № см. ссылку на „Брат Слово" 1899 г. стр. 479—482 и 489—493 о пребываніи Гончарова на Чифликѣ Садыка-паши по сосѣдству съ Майносомъ.

8. „Очеркъ исторіи старообрядцевъ въ Добруджѣ" въ Славян-

Digitized by Google

скомъ Сборникѣ, т. I, Спб., 1875. Хотя въ этомъ очеркѣ и разсказывается сочувственно о томъ, какъ Кельсіева не пустили къ себѣ для пропаганды добруджинскіе некрасовцы, однако, есть основанія для предположенія, что авторомъ былъ именно упомянутый публицистъ. Любопытно примѣчаніе редакціи, что статья, „отнюдь не есть важный и достовѣрный историческій источникъ о дѣятельности такихъ лицъ, какъ Гончаровъ и Чайковскій", но что помѣщается, какъ живо написанныя впечатлѣнія очевидца, проведшаго въ Добруджѣ 1863—6 года.

9. Далѣе нужно упомянуть „Записки М. Чайковскаго", печатавшіяся сперва въ „Кіев. Стар." О Турціи смотри 1892 г. августъ и октябрь. Въ полномъ видѣ „Записки" были напечатаны въ „Рус. Старинѣ": начало въ 1895 г., ноябрь. Срав. также „Р. Стар." 1895, ноябрь, стр. 155 „къ портрету М. Чайковскаго" и въ „К. Стар." 1886 г., апрѣль: „М. Чайковскій и казакофильство".

10. Сюда же слѣдуетъ отнести книгу Kozaczyzna w Turcyi, dzieło w 3-ch częściach przez X. K. O—Paryż 1857. Книги заключаетъ въ себѣ апологію дѣятельности Садыкъ Паши. Критика отнеслась къ ней очень неблагосклонно. Ср Кіев. Стар. 1883 № 1 и 1886 № 4. (Намъ неизвѣстна).

11. Нѣкоторыя свѣдѣнія о некрасовцахъ содержатъ и работы, касающіяся собственно запорожскаго элемента въ Добруджѣ: Кондратовичъ, „Задунайская сѣчь" (К. Стар. 1883, № 1, 2 и 4) и Лупулеску (редакція Антоновича) „Русскія колоніи въ Добруджѣ (К. С. 1889 № 1, 2 и 3.

12) Въ „Пѣсн. собр. П. В. Кирѣевскимъ", вып. 8. Москва, 1870 г. есть двѣ пѣсни о Некрасовѣ стр. 71—75, одна изъ которыхъ упоминаетъ о вышедшихъ съ нимъ 40000, ср. Кельс. и Ганько.

13. Быту добруджинскихъ некрасовцевъ посвящена статья „Надъ лиманомъ", В. Г. Короленко въ „Рус. Бог." 1897, № 11.

14. Наконецъ, самое крупное изслѣдованіе о некрасовцахъ принадлежитъ перу П. П. Короленка „Некрасовскіе казаки" въ Изв. Общ. Любит. Изученія Кубанской Области, выпускъ II, Екатеринодаръ, 1900. Авторъ работалъ отчасти и по первоисточникамъ (особенно въ началѣ статьи). Нѣсколько шаткими, повидимому, представляются даты выселенія въ Добруджу и на Майносъ (см. выше во введеніи). Впрочемъ, окончательное рѣшеніе этихъ вопро-

Digitized by Google

совъ, вѣроятно, будетъ возможно лишь тогда, когда можно будетъ найти и прочесть жалованные казакамъ турецкіе фирманы. Въ высшей степени важно было бы имѣть и „Игнатову книгу", сохраняемую, по словамъ Кельсіева, въ церкви на Майносѣ въ „восковомъ ларцѣ". Содержаніе ея—регламентація жизни казаковъ на чужбинѣ, родъ политическаго завѣщанія „Ликурга съ двойнымъ рядомъ зубовъ". (Кельсіевъ). Что книга не потеряна, объ этомъ свидѣтельствуетъ недавнее упоминаніе о ней въ статьѣ Вожина (1898 г.), хотя, конечно, добиться у казаковъ позволенія ее осмотрѣть, представитъ не мало затрудненій.

Отсылая читателя за ссылками на первоисточники и документы къ статьѣ П. П. Короленко, мы въ заключеніе позволимъ себѣ упомянуть о статьѣ нѣкоего г. С. Астафьева—Русскіе колонисты въ Турціи—„Природа и люди" 1898, № 25—31. Касается она русской колоніи у устьевъ Кызыль Ирмака, подъ названіемъ „Бинъ Эвле" [1]) (sic). Описаніе этого поселка(въ которомъ можно предположить ту деревню, которая извѣстна подъ именемъ Чаршамба), представляло бы громадный интересъ, еслибы г. Астафьевъ имѣлъ возможность привесть сколько-нибудь надежные факты... Написанная самымъ бульварнымъ тономъ, статья отличается крайнимъ невѣжествомъ: казаки называются то старыми запорожцами (№ 28 стр. 446), то некрасовцами (ibid 445 и № 29), выселившимися лѣтъ 50 тому назадъ съ Дону [2]) Примѣромъ повѣствованія можетъ служить трогательный разсказъ казака, какъ одинъ прежній атаманъ, по имени Костродымъ (sic), сталъ звать товарищей въ походъ на Персію (sic), но, плѣнившись красавицей Нуридой, „сходилъ для нея въ Мекку и принялъ Исламъ". (Интересно, что раньше?!). По возвращеніи его, Нурида объявляетъ, что не чувствуетъ больше любви, а онъ вызываетъ ее на свиданіе и сжигаетъ на кострѣ!... Автора искренне забавляютъ остроумныя восклицанія его спутника: „Monumentalle, piramidalle" (sic); тотъ же острякъ во время обѣда выплевываетъ кебабъ въ рукавъ, ночью идетъ въ садъ его вытряхать, и натыкается на любовную сцену. Да и не перечтешь всѣхъ перловъ пера игриваго туриста. Послѣ всего этого какъ-то спокойно

[1]) Какъ извѣстно, Бинъ-эвли—было старымъ названіемъ *Майноскаго* селенія.

[2]) „Наши казачки съ Дону перебрались—этому назадъ годовъ болѣе полсотни будетъ" № 31, 494.

Digitized by Google

относишься и къ другимъ фактамъ: что казакъ-старообрядецъ женатъ на двухъ мусульманкахъ, что въ годъ онъ зарабатываетъ 2400—4800 меджидіевъ (мед. = 1 р. 60 к.), что духовный надзоръ за населеніемъ мирно раздѣленъ между о. Илларіономъ и турецкими ходжами, (которыхъ авторъ называетъ хаджи [1]) Между тѣмъ вопросъ о селеніи на Чаршамбѣ крайне интересенъ. Выше мы приводили разсказъ П. П. Короленка объ отуреченныхъ выселенцахъ въ с. Высокомъ. Мы можемъ добавить, что С. Е. Саковъ, самъ родомъ изъ-подъ Трапезунда, передавалъ намъ, что отлично помнитъ, какъ въ 1861 году видалъ на базарѣ русскихъ, привозившихъ на продажу рыбу, причемъ они говорили по-русски и сохраняли свою старую одежду. Относительно вѣры, С. Е. помнитъ, что они были православные, но что греки смотрѣли на нихъ, какъ на отщепенцевъ. Лѣтомъ 1901 нашъ товарищъ К. Н. Смирновъ справлялся въ Трапезундѣ въ русскомъ консульствѣ о некрасовцахъ и получилъ отвѣтъ, что о нихъ теперь не слыхать и что, вѣрно, они отуречились. Если бы даже это было такъ, то интересъ къ казакамъ находящимся на такой удивительной стадіи, долженъ еще усилиться, и надо думать, что кто нибудь возьметъ, наконецъ, на себя трудъ провѣрить всякіе слухи на мѣстѣ и собрать всѣ возможныя данныя о положеніи нашихъ заброшенныхъ и забытыхъ соотечественниковъ.

---

[1]) Ходжа—учитель, духовное мусульманское лицо, а хаджи—всякій человѣкъ, совершившій паломничество въ Мекку.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Между тѣмъ какъ народное творчество потомковъ запорожскихъ казаковъ, живущихъ въ Добруджѣ, давно уже стало предметомъ внимательныхъ изслѣдованій, и изъ пѣсенъ ихъ извлечены интересные для исторіи факты и выводы [1]), эта сторона жизни некрасовцевъ была до сихъ поръ весьма мало затронута, и матеріаловъ по этому вопросу было собрано очень мало. Однако, уже и то, что имѣется, позволяетъ дѣлать нѣкоторыя заключенія, если не историческія, то филологическія. Редакціей „Живой Старины“ было дано описаніе и опредѣленіе говора некрасовцевъ, на основаніи записанныхъ на Мадѣ для Я. И. Смирнова 2 пѣсенъ. Въ результатѣ онъ былъ отнесенъ къ южновеликорусскимъ, сильно акающимъ говорамъ, на подобіе рязанскихъ. „Безударное *о*=*а*, *а* же подъ удареніемъ=*о* (срав. наше пальто, во мн. ч. по́льты, пло́тежъ), *е* съ удар.=*и*; безъ удар.=*я* (во чисту по́ля); *и* безъ удар. (послѣ шип.)=*у* (дарожунькая); *і*=*і'*=*h*, отсюда=*в* (вой вмѣсто гой); вм. *в*=*і'*=*и* въ концѣ слога *х* (казачькохъ, род. мн.), отсюда и конихъ род. мн. Любопытно употребленіе буквы *ю* вм. jo разабюмъ, пирялютъ (перелётъ) [2])... Вм. ка,—кя; ть въ 3 л. наст. мн. ч. (бягуть)“ [3]).

Съ этими замѣчаніями вполнѣ согласны и тѣ небольшіе отрывки пѣсенъ, которые намъ пришлось услыхать на Майносѣ. Ср. пакарѝтесь (съ удар. пако́ритесь), *зямля*, обогрѣйкя, сидя́ть, и т. д. Интересно управленіе предлога *за*: „за тѣхъ за столикахъ“. Отмѣтимъ также формы: спачярпнумши, лятаитъ, утираеца, лоточки (лодочкѣ). Скажемъ кстати, что, если аканье въ пѣсняхъ, записанныхъ для г. Смирнова, выступаетъ ярче, чѣмъ у насъ, то это объясняется тѣмъ, что мы писали обычное *о* всякій разъ, какъ *а* не рѣзало уха, особенно противъ московскаго говора.

Въ виду всего сказаннаго представляются крайне странными утвержденія г. Ганька, въ „Буковинѣ“, что наряду съ произношеніемъ безударнаго *о*, какъ *а* казаки „выговариваютъ *ѣ* какъ *і* (!?)“ и что „рѣчь ихъ не великорусская (не московська), но и не украин-

[1]) См. Кондратовичъ, задунайская сѣчь по воспоминаньямъ и т. д. Въ К. С. 1883 г.

[2]) Намъ это замѣчаніе непонятно: въ текстѣ Ис. Петр. стоитъ *пирляютъ*.

[3]) Живая Старина. 1896 г. вып. I, стр. 121—122.

Digitized by Google

ская". Въ послѣднемъ, конечно, никто не сомнѣвался, и потому именно, что всѣ имѣвшіе случай бесѣдовать съ некрасовцами сразу улавливали яркія черты великорусскаго говора. (Ср. пѣсни, воспроизведеніе разговора казаковъ у Кельсіева, В. Г. Короленка и т. д.). На томъ же основаніи мы должны отвергнуть и другое замѣчаніе Ганька, что лексика казаковъ преимущественно малорусская [1]): что касается приводимыхъ имъ словъ: хата, шматокъ, кутокъ, то они всѣ извѣстны и въ нашихъ великорусскихъ нарѣчіяхъ. Записи г. Ганька поражаютъ пестротой и смѣшеніемъ говоровъ. Впрочемъ, не повинна ли въ этомъ была редакція „Буковины", которая могла передѣлать нѣкоторыя выраженія и звуки; въ одномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, это можно удостовѣрить съ несомнѣнностью [2]). Для примѣра приведемъ одну изъ пѣсенъ г. Ганька:

Якъ по степу по широкому
А по морю по глыбокому
Залегала там дороженька простїсїнька
Та нїхто тою дороженькою
Та не хажувал, та не їзджувал
Якъ прохожал, як проїзджал да Ігнат козак
Он не сам проїзджал, козаков прівожал
Та не мало не багато, опріч старого (віс?!) опріч малого
У Ігната козаков сорок тысячів [3]) на коня то сїсть...

---

[1]) Малорусскія слова несомнѣнно есть, и понятно, откуда они заимствованы: некрасовцы въ Добруджѣ жили рядомъ съ русначками, (такъ называются на Дунаѣ украинцы); въ полкахъ Садыка, гдѣ служили они, офиціальнымъ языкомъ былъ малорусскій и т. д. Но въ общемъ такая примѣсь крайне незначительна, и великорусскій элементъ ярко преобладаетъ надъ всѣми заимствованіями.

[2]) См. ниже примѣч. А. Е. Крымскаго.

См. также, у Кирѣевскаго, в. 8, стр. 71, пѣсня изъ Обл. В. Донского:

„Онъ-то (Некрасовъ) ушелъ-увелъ силы рати сорокъ тысячъ,
Окромѣ стариковъ староженныхъ,
Опричь малолѣтковъ малолѣтнихъ,
И отъ пимовъ прирожденныхъ (ублюдковъ)".

[3]) Срав. у Кельсіева стр. 419 и Славян. Сборн. 1875, отрывокъ пѣсни:

„Онъ-ушелъ увелъ сорокъ тысячей
Кромѣ старыхъ, кромѣ малыхъ
Молодыхъ ребятъ, малыхъ дѣтушекъ".

Въ другой пѣснѣ (ibid, 74) говорится, что съ Дону „Игнатка—измѣнщичекъ" бѣжалъ за Дунай (віс), уведя съ собой казачковъ,

„Не служилыхъ старыхъ, а глупыхъ малолѣточковъ".

Digitized by Google

Случайно, одна изъ записанныхъ нами пѣсенъ оказалась записанной раньше г. Ганькомъ, и даже въ лучшей редакціи; что же касается до „системъ транскрипціи", то представляется возможность судить о нихъ изъ сравненія обѣихъ версій.

Наша запись:

Ты взойди взойди красное солнушко
Надъ горой [1]) взади надъ высокаю
А надъ рѣчушкой взади надъ глыбокаю
Надъ палянаю взади надъ широкаю
Обогрѣйия насъ сиротъ бѣдненькихъ
Сиротъ бѣдненькихъ, а ты бисьпереднинькихъ (?)
Они строили себѣ церковь знаменну,
Церковь знаменну, ани семиглавнію
На восьмой главѣ стоить кресьть серебряный
На крестѣ сидить черная галочка
Высако̀ сидить ана, далеко̀ смотрѝть,
Да смотрить ана ва синё море
Во синё море ана примаячилась
Черной лоточки бѣлыя паруса..

Запись г. Ганька:

Ты войди, войди ясне сонечко
Надъ горой войди надъ высокою
Надъ дібровою надъ зеленою
Обогрій ты насъ людый (sic) [2]) бідненькихъ
Добрыхъ молодцівъ, людей бігленькихъ.
Они ставили церкву знамюшку
Церкву знамюшку—семиглавную
На восьмой главі хрестъ посрібленый
На хрестї сидить чорна галочка
Чорна галочка, мала пташечка
Высоко сидить, далеко глядить,
А глядить вона, дивиться
Да на сине море.
А у морю синему приморянились три кораблика.
Три кораблика, иде й легкая лодочка.
Понагружена она свинцомъ—порохомъ
Подквіччана самопалами
Посередъ еі лежить золота казна
На казнї сидить золота дівчина
Асаулова сестра родная
Атаманова, она шельма полюбовница
Асаулови быть вбитому
Атаманови быть зарізану
Красній дівчині, та на волї быть [3]).

---

[1]) *Г* произносится какъ въ словѣ Бога.

[2]) „Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что форма „людый" вм. „людей" напечатана не по записи г. Ганька, а по корректурѣ буковинскаго редактора, который по установившемуся обычаю, исправляетъ правописаніе украинцевъ". Прим. А. Е. Крымскаго.

[3]) Мы замѣнили черезъ *и* стоящее въ оригиналѣ, но малопонятное для русскихъ читателей *ы*.

Digitized by Google

Остальные отрывки, которые намъ удалось услышать, таковы:

Плыветь, плыветь лодочка призукрашенная.
Какъ на той да на лодочки да два столика стоять.
Какъ за тѣхъ за столикахъ да два мо́лодца сидять.
Ани чешуть, они русы кудерки, свои русы волоса,
Пускають, да бросають ихъ вплынь за водой:
Пловитя мои чесочки ко моей да мило̀й.
Гдѣжъ моя мила̀я водицу она набрала
Спачерпнумши на ведёрки на гару́ сама взашла.
Ахъ ня тужить ли мила̀я, ахъ ня тужить ли по мнѣ
Нехай по мнѣ тужить земля и воды-а
Не я дѣвка молода̀.

—

„Нижменъ [1]) та соколъ самъ падъ небезью лятаитъ
„Добрый молодецъ самъ съ постелюшки вставаитъ;
„Умуваеца ключавой свѣтлой водой,
„Утираеца тонкаю, бѣлаю палатною".

—

Ужъ вы славные наши поляки, покаритесь и вы намъ,
Если вы намъ не пако́ритесь, мы васъ парубимъ, пасѣкемъ.

—

Для полноты картины позволяемъ себѣ переписать и двѣ пѣсни, приложенныя къ статьѣ Я. И. Смирнова (Жив. Стар. 1896, вып. I, стр. 122). Записывалъ ихъ на Мадѣ казакъ Исаакъ Петровичъ, но, конечно, и на Майносѣ онѣ хорошо извѣстны, какъ намъ это подтвердилъ нашъ знакомецъ казакъ Ив. Ник.

Зрѝ е́та пе́сня Игна́та Некра́сова

За го́рами да за кру́тами, брацы, было снигавыми
За ле́сами да за те́мънами, брацы, было снигавы́ми
Стайла тамъ да крашо́ная, бра́цы, царская діоге́юшка [2])
Какъ на тое то было ка діоге́юшъки они́ саніка́лися
Саніка́лися уздечья му́рзы брацы, мурзы̀ кабардитетии
Анѝ ду́мали да гада́ли, брацы, они думу кре́пкаю

[1]) Смыслъ слова утерялся майносцами. Присутствовавшая при записываніи хозяйка дома утверждала, что нужно говорить: „Не ишменъ".
[2]) Т.-е. дѣвушка (діовеюшка).

Digitized by Google

Присагу ани присягáли, брáцы, ани къ басурмáнину:
Пайдемъ, разабіóмъ ту армеюшку, брáцы, а мы царя белава,
Самовó то мы да царéвича, брацы, а мы̀ ва палонь взміóмъ,
А Илену мы да царúцу [1]), брацы, въ манастырь сашліомъ.
Зрѝте господà étаи песьни конéцъ.

Пéсня Игнáта Некрáсова.

Во из дóлика да далéка да было̀ ва раздóлика
Ай да а ишшоó да тавó да падóлика было̀ ва чисту́ пóльия,
Ай да тáмъ пралéгавала путь дарóжунькя, анà ни широóкая
Ай да далиноóю ана путь дарóжунькя анà канцà крáю нéтъ
Ай да ой нихтожъ та па той па дарóжуньки нихтожъ да ни хажавалъ
Вой ни хажавалъ па дорожуньки нихто да ня ежáвалъ
Ня два ліотъная два сакóлика ани в пиряліотъ лятять
Ай да два салтáнушки два тихóнскии (?) ани въ пирябéхъ бя́гуть
Ууть [2]) да прибягáли анѝ ка Игнатаву анѝ ка бялу шатъру,
Ани слазивали са добры́хъ кóнихъ ани на сы́ру зéмълю
Вой да анѝ влазивали ка Игънáту ани ва бялой шатеръ
Ее да какъ спасú та Хрістосъ два салтанушки два тихонскии
Ее да какъ зачеемъ жа вы два салтанушки ка мъне да приехали?
Ее да какъ с Богъ пóмочь табе бе (sic) та Игнатъ сударь а самъ да Некрасовицъ.
Какъ давá ня с табой мы Игнатъ сударь с табóй позасъпорáимъ [3])
Какъ давáй ня с табой мы Игънатъ сударь а мы казачькóхъ дялить
Ишшь дà казачькохъ та дялѝть Игнатъ сударь, на три съчастачьки
Ии да на трú счастаачьки казазачькохъ (sic) дялить на три шáичьки...
Етоú пéсьни канецъ писалъ Исаáкъ Петрóвичь.

---

[1]) Любопытно сравнить съ этимъ у Кельсіева (стр. 419) разсказъ некрасовцл: „А мы при царицѣ Еленѣ вышли“. На вопросъ автора: „когда же была такая царица? я что-то не припомню“, разскащикъ отвѣчалъ: „Еще бы тебѣ помнить: ты молодой человѣкъ“. Царица Елена, увидавъ что у Игната во рту въ 2 ряда зубы, испугалась, какъ бы такой человѣкъ не разорилъ ея царство и, въ предупрежденіе этого, стала засылать сватовъ къ Некрасѣ, но онъ отказался жениться на „еретичкѣ“, сказалъ „спасибо тебѣ на хлѣбѣ на соли, на твоемъ энто, царскомъ жалованьи“, взялъ народъ и пошелъ въ Туреччину.

Многочисленныя совпаденія именъ и фактовъ у Кельсіева съ другими независимыми отъ него источниками еще болѣе увеличиваютъ цѣну его прекрасной статьи.

[2]) По замѣчанію редакціи Ж. С. Ис. Пет. записывая, припѣвалъ.

[3]) Нѣсколько подобныхъ примѣровъ, гдѣ безударное *о* остается и у Ис. Петр. оправдываютъ также *о* нашей транскриціи, которыя мы писали всякій разъ, какъ не слышалось яркаго аканья.

Digitized by Google

Въ заключеніе, въ видѣ курьеза, приведемъ отрывокъ пѣсни который г. Астафьевъ „слышалъ“ у некрасовцевъ на Кызыль-Ирмакѣ въ селеніи, называемомъ имъ Бинъ Эвле:

„Ой дуб—дуба, дуба, дуба,
Дивчина моя люба“. (Прир. и люди 1898, № 26).

Жалко, что авторъ останавливается на именительномъ и родительномъ падежахъ слова „дубъ“; быть можетъ, продолженіе пѣсни пролило бы больше свѣту на особенности склоненія этой парадигмы у некрасовцевъ...

В. Минорскій.

Москва, 1902 г. марта 20.

Digitized by Google

Св. Касьянъ и сказка о больной царевнѣ.

Въ „Этногр. Об.“, кн. XLV, г. Мендельсонъ напечаталъ сказку о мужикѣ Касьянѣ, записанную К. В. Бѣляевымъ въ новгородской губ. Въ этой же мѣстности (т.-е. въ окрестностяхъ села Сеглина, валдайскаго уѣзда) г. Бѣляевъ записалъ другую сказку или, вѣрнѣе, легенду, въ которой также упоминается Касьянъ (св. Касьянъ) [1]).

Сказка о Николѣ и Кассіанѣ. Кажинный день и съ ранняго утра всѣ угодники Божіи являются къ Господу Богу, а Господь Богъ даетъ имъ разные приказы и направляетъ ихъ на добрыя дѣла. Весь день деньской они странствуютъ по землѣ, творя волю Божію, а къ ночи, когда солнышко сядетъ за лѣсъ, снова являются къ Богу и отдаютъ ему отчетъ о всѣхъ своихъ дѣяніяхъ.

Разъ раннимъ утромъ вышелъ угодникъ Кассіанъ отъ Бога съ приказомъ и идетъ онъ берегомъ рѣки, а на рѣкѣ баба мыла концы (холста) да и упустила конецъ въ рѣку. Сидитъ она и горько плачетъ. Увидѣла Кассіана да такъ и взмолилась къ нему: „Батюшка Кассіанушка, угодничекъ Божій, будь милостивъ, добудь конецъ, что я упустила въ рѣку, а то меня за него со свѣту сживетъ свекровь“!—„Некогда мнѣ, баба, съ тобой валандаться. Спѣшу отъ Бога съ приказомъ“, сказалъ Кассіанъ и пошелъ дальше. Еще горше баба залилась слезами.

Случилось, что слѣдомъ за Кассіаномъ шелъ и Никола угодникъ. Какъ только баба его увидѣла, начала ему низко кланяться и слезно просить: „Батюшка Никола угодникъ, пожалѣй меня, горемычную, поймай конецъ“! Никола и договорить ей не далъ, а по добротѣ своей живо скинулъ одеженку, прыгнулъ въ воду, досталъ

---

[1]) Св. Кассіанъ Римлянинъ, память котораго празднуется 29 февраля, жилъ въ V вѣкѣ, умеръ въ 435 г., родился въ Римѣ; онъ первый ввелъ монашеское общежитіе на Западѣ, основавъ этого типа монастырь въ Марселѣ, и извѣстенъ сочиненіемъ „о постановленіяхъ киновій“ или общежитій. Въ житіи его нѣтъ никакихъ намековъ на народныя легенды о Касьянѣ.

Digitized by Google

конецъ, отдалъ бабѣ и говоритъ: „Богъ съ тобой! вотъ твой конецъ“! и пошелъ самъ дальше.

На вечернемъ докладѣ, когда Кассіанъ разсказалъ, какъ онъ исполнилъ Божій приказъ, Богъ спросилъ его: „Все ли ты обсказалъ мнѣ“?—„Все, Господи“.—„А какъ же ты не сказалъ мнѣ, что видѣлъ бѣдную женщину въ бѣдѣ и не помогъ ей“?—Я торопился съ твоимъ приказомъ. „Никола тоже торопился, однако помогъ ей. Вотъ за его доброту я даю ему два праздника въ году, а тебѣ за твое нерадѣніе къ ближнему одинъ черезъ три въ четвертый годъ“. (Сказка разсказана мнѣ въ новгородской губ., валдайск. уѣздѣ, въ селѣ Глиненецъ въ 1900 г. *К. Б.*).

Эта вторая запись о Касьянѣ изъ новгородской губерніи не имѣетъ ничего общаго съ первой; она принадлежитъ къ другой категоріи сказаній о Касьянѣ, которая представлена въ собраніи Афанасьева (Народн. русск. легенды, лондонск. изданіе, 1859, стр. 42), № 11: „Касьянъ и Никола“, записанный въ Орловской губ. Вмѣсто бабы, утопившей конецъ холста, въ орловскомъ варіантѣ мужикъ, завязившій возъ въ грязи; Касьянъ отказался помочь, пожалѣлъ свое райское платье, а Никола помогъ; за это Богъ присудилъ Касьяну служить молебны только въ високосные годы, а Николѣ два раза въ годъ.

Къ той же категоріи легендъ о неотзывчивомъ святомъ относится и книжная легенда о св. Ѳеоктеристѣ (Лопаревъ, Слово о св. патріархѣ Ѳеоктеристѣ. Къ вопросу о 29-мъ февраля въ древней литературѣ. Памятники древней письменности. XCIV. Спб. 1893). За спасеніе отъ кораблекрушенія по обѣту построили церковь въ честь св. Николая; митрополитъ Ѳеоктеристъ берется вызвать самого святого, молится и ждетъ, что святой явится освятить приготовленную трапезу, но святой замѣшкался; онъ былъ занятъ спасаніемъ корабля, который тонулъ въ Тиверіадскомъ озерѣ. Когда Ѳеоктеристъ отъ пришедшаго наконецъ святого узналъ, какъ скудно его одарили спасенные имъ корабельщики, онъ сказалъ, что изъ-за такой малости онъ, Ѳеоктеристъ, и трехъ шаговъ не сдѣлалъ бы. За эти слова святые отцы приговорили память о св. Ѳеоктеристѣ праздновать только черезъ четыре года [1]).

---

[1]) Мусульманская легенда со сходнымъ содержаніемъ записана у киргизъ на Мангышлакѣ. (Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, VII, приложеніе въ концѣ

Digitized by Google

Св. Николай по преимуществу святой, который спасаетъ отъ кораблекрушеній; вѣроятно въ орловской и новгородской легендахъ первоначально также стоялъ корабль, а возъ, завязшій въ грязи, и конецъ холста явились позднѣе [1]).

Сюжетъ первой новгородской записи, напечатанной г. Мендельсономъ, былъ извѣстенъ и ранѣе, но безъ имени Касьяна. У Афанасьева это 12-я легенда; она носитъ названіе „Золотое Стремя“ (стр. 43). Вмѣсто мужика Касьяна у Афанасьева цыганъ, у котораго было *семеро* дѣтей; въ примѣчаніи подъ строкой сказано, что въ варіантѣ вмѣсто цыгана стоитъ бѣдный мужикъ Нестерка,

---

книжки: „Преданіе адаевцевъ о святыхъ“, стр. 8). Гакимъ-ата имѣлъ трехъ сыновей, младшаго звали Султанъ-эпэ. Гакимъ-ата однажды кликнулъ его, но Султанъ-эпэ не отозвался и даже послѣ третьяго зова не скоро пришелъ. „Не скоро пришелъ“, сердито выговорилъ ему отецъ. Султанъ-эпэ объяснилъ отцу, что на Каспійскомъ морѣ разбились два судна, люди просили его спасти ихъ, и онъ спасъ ихъ. Гакимъ-ата не повѣрилъ ему, но сынъ показалъ отцу свое мокрое платье и слѣды веревки, которою онъ вытаскивалъ лодки, на спинѣ. Спасенные люди обѣщали принести спасителю въ даръ десять тысячъ теньга. Когда Ходжа-Ахмедъ-Эсауй узналъ обо всемъ происшедшемъ, то сдѣлалъ Гакимъ-атѣ строгій выговоръ за грубое обращеніе съ сыномъ и сказалъ: „да течетъ вода надъ твоей могилой въ продолженіе сорока лѣтъ“. Въ мусульманской легендѣ Султанъ-эпэ на мѣстѣ св. Николая; онъ не скоро пришелъ на зовъ, за что получилъ выговоръ, какъ Николай отъ Ѳеоктериста. Причина замедленія та же—спасаніе тонущихъ въ морѣ. Слѣдъ веревки и мокрое платье также свидѣтельствовали о подвигѣ мусульманскаго святого, какъ запачканное платье христіанскаго въ легендѣ о Касьянѣ и св. Николаѣ. Гакимъ-ата за его черствость осужденъ высшимъ судомъ, какъ и Ѳеоктеристъ. Въ примѣчаніи сказано, что киргизы вѣрятъ, что если погибающіе на водѣ обратятся съ молитвой къ Султанъ-эпэ, то будутъ спасены непремѣнно.

[1]) Подобная замѣна корабля возомъ, завязшимъ въ болотѣ, въ польской сказкѣ: мужикъ обѣщаетъ чорту, если онъ вытащитъ завязшую въ болотѣ телѣгу, дать, чего дома не знаетъ, и ему приходится потомъ отдать родившихся въ его отсутствіе дѣтей, сына и дочь (Iagić, Archiv für slav Phylologie, VII, 573); въ другихъ варіантахъ на мѣстѣ воза корабль, который не двигается съ мѣста. На то, что въ легендѣ о Касьянѣ телѣга замѣнила корабль, было уже ранѣе указано г. Аничковымъ въ ст. „Микола угодникъ и св. Николай“ (въ „Запискахъ Нео-филологич. Общества“ при Имп. Спб. университетѣ, вып. II. № 2, стр. 45). Въ той же статьѣ г. Аничковъ отмѣтилъ сходство легенды о св. Ѳеоктеристѣ съ легендой о патріархѣ Аѳанасіи, который оскорбилъ икону св. Николая, и за это былъ наказанъ; корабль, на которомъ онъ плылъ, сталъ тонуть, и патріархъ спасся только тѣмъ, что сталъ молиться св. Николаю (стр. 22 и 44).

Digitized by Google

у котораго дѣтей шестерка; вмѣсто св. Николы здѣсь св. Егорій. Содержаніе легенды то же самое, только конецъ различный; шапки, подъ которою Касьянъ новгородской легенды будто бы хранитъ птицу, у Афанасьева нѣтъ; вмѣсто того баринъ и цыганъ идутъ судиться къ суцьѣ, и послѣдній принимаетъ сторону Касьяна.

Ту же сказку объ обманщикѣ записалъ Колосовъ въ каргопол. у. Олонец. губ., герой сказки здѣсь также Нестеръ, у него дѣтей шестеро (Сборникъ отдѣленія русск. яз. и словесности Имп. Акад. наукъ, т. XVII, № 3, Спб. 1877: Колосовъ. „Замѣтки о языкѣ и народн. поэзіи въ области сѣв.-великорусск. нарѣчія“, стр. 203).

Въ основѣ этой сказки лежитъ мысль о томъ, что воровство есть божеское установленіе. Касьянъ въ новгородской легендѣ, цыганъ у Афанасьева, Нестерко у Афанасьева и у Колосова, всѣ они просятъ ѣдущаго мимо святого, Егорія или Николая, спросить у Бога, какъ имъ поправить свое состояніе, и Богъ даетъ имъ разрѣшеніе жить обманомъ и воровствомъ. Та же мысль и въ монгольской сказкѣ о хитромъ ворѣ. Богъ создалъ людей съ простымъ сердцемъ и умомъ, но оказалось, что онъ сдѣлалъ ошибку; безъ остроты ума, на землѣ трудно было жить; чтобы привить людямъ остроту ума Богъ послалъ на землю вора и обманщика Балынъ-Сенге. Монгольскій Балынъ-Сенге въ родѣ нашихъ Сеньки Малаго, Яшки-шута, Климки-вора, Кузьки (въ самарской сказкѣ у Садовникова). Во многихъ изъ этихъ сказокъ, какъ русскихъ, такъ и монгольскихъ, герою приписывается ловкій обманъ, посредствомъ котораго онъ, обреченный на смерть или на неподвижное положеніе, ставитъ на свое мѣсто другого. Иногда онъ въ наказаніе за обманы привязанъ къ дереву, а горбатаго пастуха, пригнавшаго стадо, увѣряетъ, будто его привязали, чтобы выпрямить ему горбъ, и пастухъ позволяетъ привязать себя вмѣсто обманщика; иногда онъ лежитъ около проруби, завязанный въ мѣшкѣ, и увѣряетъ человѣка, проходящаго мимо со стадомъ, будто его хотятъ сдѣлать подводнымъ царемъ [1]).

[1]) Извѣстные мнѣ случаи этого рода указаны мною въ моихъ книгахъ: „Тангутотиб. окраина Китая“, II, 170, и „Восточн. мотивы въ средневѣк. европ. эпосѣ“, 479. Въ тангутской повѣсти о Гэсэрѣ подобный мотивъ пріуроченъ къ Чотону; см. Танг.-Тиб. окр. Китая, II, 29, 30. Въ кабардинской сказкѣ Насръ-Эдинъ обманомъ заставляетъ девять человѣкъ подширать береговой яръ, будто иначе онъ обрушится, а самъ уѣзжаетъ на девяти арбахъ

Digitized by Google

Въ обоихъ случаяхъ обманщикъ угоняетъ стадо обманутаго пастуха. Этотъ же мотивъ введенъ и въ новгородскую сказку; Касьянъ накрылъ шапкой какую-то гадость и увѣряетъ подъѣхавшаго барина, что ему поручили караулить диковинную птицу, спрятанную подъ шапкой [1]); баринъ вѣритъ и соглашается замѣнить Касьяна, а Касьянъ садится въ тарантасъ, запряженный шестеркой лошадей, и уѣзжаетъ. Въ самарской сказкѣ у Садовникова (Сказки и нар. пред. самарск. края, Спб., 1884, стр. 139—143) Кузька воръ въ числѣ разныхъ продѣлокъ надъ бариномъ наполняетъ сапоги гадостью; тутъ такая же нечистоплотная фантазія, но намека на неподвижное положеніе тутъ нѣтъ. Инцидентъ съ шапкой, какъ мы видимъ, сближаетъ новгородскую сказку о Касьянѣ со сказками о хитромъ обманщикѣ [2]).

Имя Нестерка, кромѣ сказки „Золотое стремя“, встрѣчается въ сказкахъ съ другими сюжетами. У Афанасьева (Народн. русск. сказки, № 203: „Убогой“) Нестерка, у котораго дѣтей шестерка, получаетъ богатство, двѣнадцать возовъ серебра за то, что пожалѣлъ убогаго безногаго и подвезъ его на своемъ возу. Сибирскую сказку о Нестеркѣ помѣщаю въ подстрочномъ примѣчаніи [3]).

(Сборн. матер. для описс. мѣстн. и пл. Кавказа, в. XXVIII, отд. III, стр. 28); ср. съ монгольскимъ повѣрьемъ о летучей мыши, поддерживающей будто бы готовую обрушиться скалу. (Очерки с.-з. Монг., IV, 175, 763).

[1]) Аку-ртомба, тибетскій Климка-воръ, обманомъ завладѣлъ лошадью одного человѣка, лошадь припряталъ, а самъ сталъ около тарчука (храмовой мачты) и держится за нее: владѣлецъ лошади нашелъ его въ этомъ положеніи и требуетъ лошадь. Воръ говоритъ, что лошадь цѣла, но ему нельзя отлучиться отъ мачты; монахи заставили его держать мачту, чтобъ не упала. Владѣлецъ лошади берется подержать мачту и отпускаетъ обманщика, который уѣзжаетъ на его лошади. (Танг.-тиб. окр. Китая, II, 169).

[2]) Имя Кузька, которое обманщикъ получилъ въ самарскомъ краѣ, можетъ быть, обязано татарскому вліянію. Хитрый человѣкъ въ киргизскихъ сказкахъ носитъ названіе Алдаръ-Косѣ. Какъ онъ называется въ сказкахъ поволжскихъ татаръ, мнѣ неизвѣстно. Въ татарско-мусульманскихъ легендахъ средняго Поволжья упоминается Балынъ-Гузя; не связывалось ли съ этимъ именемъ сюжетовъ въ родѣ сказокъ монгольской о Балынъ-Сенге, киргизскихъ объ Алдарь-Косѣ и русской о Кузькѣ?

[3]) *Сказка о Нестеркѣ.* Нестерка былъ совсѣмъ бѣдный человѣкъ; онъ пришелъ къ царю и спрашиваетъ, отчего онъ бѣдный. Царь сказалъ: „Развѣ я могу знать и разсудить такое дѣло“, и прогналъ его. Дочь царя сказала: „Дайте мнѣ, батюшка, вашу корону, и я его разсужу“. Когда царь отдалъ ей корону,

Digitized by Google

Изъ четырехъ записей сказки о золотомъ стремени, въ двухъ стоитъ имя Нестерка и только въ одномъ новгородскомъ—Касьянъ. Не случайно ли такое пріурочѣніе этого имени? Имѣетъ ли сюжетъ о Золотомъ стремени какое-нибудь отношеніе къ Касьяну, пожалѣвшему свое райское платье?

Мы имѣемъ о Касьянѣ двѣ темы:

1) Касьянъ не скорый на помощь; противоположность ему представляетъ св. Николай, который, не задумываясь, немедленно спѣ-

---

она сказала Нестеркѣ: „Ты женись; можетъ быть, когда у тебя будетъ жена и дѣти, ты будешь счастливъ и богатъ“. Отецъ осердился; отдалъ дочь за Нестерку и сказалъ: „Вотъ и посмотримъ, какъ вы будете богаты“. Они поселились въ худой избушкѣ и жили бѣдно; она соткала ширинку и велѣла снести на базаръ и продать за то, что дадутъ, хоть за одно слово. Мужъ пошелъ въ городъ, встрѣтилъ старика и предложилъ ему ширинку. А что просишь?—Что дашь. — Ну я дамъ тебѣ слово: „Безъ року смерти не будетъ“. — Вернулся Нестерка и разсказалъ женѣ; та сказала: Ну, хорошо. — Потомъ онъ несетъ другую ширинку; зашелъ въ другую улицу, чтобъ не встрѣтить того же человѣка, но опять долженъ былъ продать ему же за слово: „Суди ни потому, ни по другому“. И въ третій разъ продалъ ширинку ему же за слово: „Подними да не опусти“. Послѣ этого у нихъ уже вышли средства и на ширинки, и онъ нанялся на корабль, деньги оставилъ женѣ и отплылъ. На пути корабли стали; смотрѣли въ воду, спускали водолазовъ, камней и карчей не нашли. Рѣшили спустить кого-нибудь до дна; никто не соглашается спуститься. Тогда Нестерка подумалъ: Мнѣ сказано, безъ року смерти не будетъ! и согласился идти на дно, только съ тѣмъ, чтобъ ему дали за это три корабля. Спустили его на дно; тамъ дворецъ морского царя. Онъ вошелъ. Царь морской споритъ съ гостемъ своимъ, польскимъ (т.-е. полевымъ) царемъ; увидѣлъ Нестерку, говоритъ: „Вы живете на землѣ, торгуете, промышляете; скажи намъ, разрѣши споръ, что дороже: золото да серебро или мѣдь да желѣзо“. Нестерка вспомнилъ второе слово и сказалъ: „И безъ того нельзя и безъ другого; они въ равной цѣнѣ“. Тогда цари повеселѣли и царь морской сказалъ: „За тѣмъ я и корабли остановилъ, чтобы рѣшить этотъ споръ“. Далъ ему боченокъ золота и сказалъ, что онъ посылаетъ огурцы земному царю, чтобъ не отобрали у него,—и отпустилъ. Нестерка поднялся на корабль, получилъ три корабля ряженыхъ съ товаромъ, и корабли пошли. На золото онъ купилъ еще кораблей и товару, и съ тридцатью кораблями вернулся къ женѣ. Она все еще живетъ въ худой избушкѣ. Зашелъ, видитъ, она спитъ съ двумя взрослыми мужчинами, одинъ по правую, другой по лѣвую руку. Онъ замахнулся саблей, но вспомнилъ третье слово: Подними, да не опусти! и остановился; разбудилъ жену и спросилъ ее, что это за люди; она сказала, что это его сыновья; онъ оставилъ жену беременной, когда уѣзжалъ изъ дому. (Записано отъ В. Палкина въ городѣ Бійскѣ, Томск. губ.).

Digitized by Google

шитъ спасать корабль, тонущій въ водѣ, или возъ, завязшій въ топкомъ мѣстѣ. Въ монголобуддійскихъ легендахъ дѣла милосердія приписываются главнымъ образомъ богу Арья-Бало или Авалокитешварѣ; этотъ же богъ, подобно св. Николаю, по преимуществу представляется спасителемъ кораблей, тонущихъ въ морѣ.

2) Касьянъ хитрый обманщикъ; въ монгольскихъ сказкахъ это, какъ выше сказано, Балынъ-Сенге; и Монголы и Тибетцы утверждаютъ, что этотъ обманщикъ есть воплощеніе бога Арья-Бало.

Хотя пока не извѣстно ни одной легенды объ Арья-Бало, которая напоминала бы русскую о двухъ святыхъ, изъ которыхъ одинъ отзывчивый къ чужой бѣдѣ, другой нѣтъ, все же нельзя не принять къ свѣдѣнію, что въ монголотибетскомъ преданіи мы замѣчаемъ, какъ и въ русскомъ, какую-то связь между легендою о милосердномъ богѣ, спасающемъ корабельщиковъ, и разсказами о хитромъ обманщикѣ [1]).

По одной монгольской сказкѣ хитрый Балынъ-Сенге обманываетъ Ерлика, царя ада; онъ преувеличиваетъ быстроту бѣга своего быка, промѣниваетъ его Ерлику на дракона, даетъ Ерлику молотокъ, чтобы бить по лбу быка, если тотъ будетъ тихо бѣжать, а самъ на драконѣ уѣзжаетъ въ адъ и садится на тронъ Ерлика. Когда Ерликъ пришелъ въ адъ, адскіе слуги приняли его за самозванца и бросили въ адскую яму, а Балынъ-Сенге воцарился на его мѣстѣ; такимъ образомъ эта сказка сливаетъ хитраго обманщика Балына съ царемъ ада. Сходное сліяніе и въ русскомъ повѣрьѣ. По одной записи Касьянъ бьетъ безъ отдыху молотомъ сатану, и только 29 февраля, въ свои именины, прерываетъ эту работу, и сатана пользуется этимъ временемъ, чтобы пакостить людямъ; по другой записи черти бьютъ по головѣ Касьяна непрерывно въ теченіе четырехъ лѣтъ и только 29 февраля даютъ

---

[1]) Въ монголотибетскомъ преданіи милосердіе и обманъ приписываются одному и тому же лицу, хотя и являющемуся подъ разными именами (Арья-Бало и Балынъ-Сенге), въ русскомъ же съ Касьяномъ связанъ только обманъ, а милосердіе усвоено св. Николаю, Касьянъ же описывается немилостивымъ. Но въ указанной выше сказкѣ изъ собранія Афанасьева (№ 203) Нестеркѣ приписывается милосердный поступокъ: онъ подвезъ на своемъ возу безногаго человѣка; тогда какъ въ сказкѣ „Золотое стремя“ Нестерка является воровскимъ персонажемъ. И въ русскомъ преданіи, значитъ, есть случаи, когда милосердіе и обманъ пріурочиваются къ одному и тому же персонажу.

Digitized by Google

Касьяну отдыхъ. Народное повѣрье приписываетъ Касьяну демоническую природу; онъ сидитъ неподвижно съ опущенными рѣсницами (по-малорусски *віями*) и только 29 февраля его вѣки и рѣсницы поднимаются; тогда онъ смотритъ на міръ, и все, на что онъ взглянетъ, гибнетъ—представленіе, напоминающее кельтское преданіе о Balor'ѣ [1]).

Г. Милорадовичъ, собиратель народныхъ преданій въ лубенскомъ уѣздѣ полтавск. губ., доставилъ мнѣ слѣдующее извѣстіе о Касьянѣ: „Касьянъ у земли стоитъ; ёго ангелы забылы и у той день, якъ винъ прысне, подывыться на свитъ, то на що подывыться, те буде мертве. Сейчасъ ёго ангелы двонадцять молотьямъ бьють и пидъ камень пидвернуть и запечатають ёго на три года“ (с. Вильшанка отъ Вѣричъ [2]). „У касьяновскій (высокосный) годъ: 1) не можна братысь (вѣнчаться) и 2) молоко у коровъ одіймается“.

Идея о неподвижномъ положеніи въ трехъ случаяхъ связана съ именемъ Касьяна: 1) въ малорусскомъ повѣрьѣ о св. Касьянѣ, неподвижно сидящемъ въ креслѣ, 2) въ новгородской сказкѣ о

---

[1]) См. H. D'Arbois de Jubainville, Le cicle mythologique irlandais et la mythologie celtique, Paris, 1884, p. 218. Балоръ (Balor) имѣлъ одинъ глазъ въ серединѣ лба, другой сзади головы. Взглядъ послѣдняго причинялъ смерть. Балоръ держалъ его постоянно закрытымъ: открывалъ только, когда хотѣлъ освободиться отъ врага. Отсюда въ Ирландіи выраженіе „глазъ Балора“, *suil Baloir*, то же, что французское „le mauvais oeil“. Это взглядъ, который въ Mag-Tured'ской битвѣ поразилъ на смерть короля Nûadu. Одинъ кузнецъ ударилъ Балора сзади въ его волшебный глазъ раскалившимся на огнѣ желѣзомъ и Балоръ умеръ (стр. 207). Славянское книжное повѣрье смертоносный взглядъ приписываетъ аспиду: „аще что любо назираетъ, то умираетъ“ (Jagić Archiv, XV, S. 248). Неподвижное положеніе, нарушеніе котораго влечетъ гибель людей, связано съ птицей Страфиль, сидящей на яицахъ посреди моря; когда она встрепенется, океанъ море восколыхнется (Вост. мотивы, 650). Версіи имени: страхиль, естрафиль, кострохиль, аштраха, астрахтуръ. Ср. строфокамилъ, стрькокамилъ, щрькокамилъ, о которомъ повѣрье: птица не сидитъ на яицахъ, а не отрываясь смотритъ на нихъ; какъ только отвернется, яица портятся или ихъ похищаетъ аспина (аспидъ? Jagić, Archiv, XV, 250). О заповѣди: „не оглядывайся“! см. Тапг.-тиб. окраина Китая, II, 41, 213, 337.

[2]) Вѣроятно, три года тутъ по ошибкѣ вмѣсто четырехъ. Повидимому ангелы глубоко вгоняютъ Касьяна въ землю своими молотами, но онъ старается въ теченіе четырехъ лѣтъ вновь вылѣзти изъ-подъ земли подобно тому, какъ кавказскій Амиранъ постоянно тянетъ цѣпь и пытается порвать ее; цѣпь становится тонкой, готова порваться, но въ извѣстный день въ году кузнецы бьютъ молотами по наковальнямъ, и цѣпь становится снова толстою.

Digitized by Google

хитромъ Касьянѣ, караулящемъ шапку, и 3) въ былинѣ о сорока калѣкахъ, атаманъ которыхъ, Касьянъ, былъ закопанъ въ землю.

Если дѣйствительно въ дохристіанскомъ преданіи былъ образъ, который одновременно далъ элементы и для разсказа о пройдошливомъ мужикѣ Касьянѣ, и для легенды о святомъ Касьянѣ, то значитъ, этотъ образъ имѣлъ двойственный характеръ въ родѣ ламайскаго божества Арья Бало, бога свѣта, правды и человѣколюбія, воплощеніе котораго, однако, народное повѣрье видитъ въ безпутномъ и плутоватомъ Балынѣ-Сэнгэ (Вост. мотивы, 466). Такой же двойственный характеръ имѣетъ и герой монгольской книжной повѣсти о Гэсэръ-ханѣ; жизнь Гэсэра распадается на двѣ части: въ первой, когда онъ носитъ названіе Джоро, это продувной характеръ, озорникъ, который издѣвается надъ своимъ дядей Чотономъ, подводитъ своихъ товарищей и т. п.; во второй— это богатырь, истребитель злыхъ существъ на землѣ, въ родѣ нашего Егорія Храбраго, защитникъ и покровитель правовѣрія. Кажется, такой же двойственный характеръ имѣлъ и Іегешуа средневѣковой еврейской легенды (Вост. мотивы, 493); одни преданія придавали ему, повидимому, свѣтлыя черты, другія описывали докучливымъ озорникомъ [1]). На существованіе въ древнемъ

---

[1]) Есть одинъ мотивъ, общій и Касьяну и Іегешуа. Касьяна, хотя и неправильно, обвинили и уличили въ покражѣ чаши и толпа калѣкъ бьетъ его; егешуа похитилъ изъ храма имя Господне и за это толпа евреевъ побиваетъ его камнями (Вост. мотивы, 494). Мотивы монголотибетской Гэсэріады находятся въ киргизскихъ сказкахъ о Козаѣ и Козу-Курпешѣ; въ обоихъ сказаніяхъ содержится сюжетъ о соперничествѣ изъ-за женщины; Кодаръ, врагъ Козу, повидимому, отвѣчаетъ Чотону, врагу Гэсэра; объ отношеніяхъ Гэсэріады, а также тюркской сказки объ Идыге, къ египетскому роману о двухъ братьяхъ см. въ Восточн. мотивахъ, стр. 684 и Живая Старина, 1897 г., вып. IV, статья „Тюркская сказка о Идыге“ стр. 339). Въ концѣ сказки у Козу является другой противникъ Джиды бай; я догадываюсь, что это вставка изъ другого варіанта, въ которомъ Кодаръ вполнѣ замѣнялся Джиды-баемъ. Судя по сказкѣ объ Идыге съ формами Иды, Джиды соединялась роль не врага Козу-Курпеша, а роль его самого. Идыге, когда ему начала угрожать опасность, вылетѣлъ въ дымовое отверстіе юрты; то же самое при грозившей опасности сдѣлалъ и Козу; послѣ того, какъ Козу вылетѣлъ изъ юрты, сказка находитъ его на вершинѣ дерева; Кодаръ пускаетъ стрѣлу и заставляетъ его упасть съ дерева на землю; въ еврейской легендѣ Іегешуа, убѣгая отъ ловящихъ его евреевъ, поднимается на воздухъ; Іуда спускаетъ его на землю, окропивъ его нечистой жидкостью; случаи, въ которыхъ летающій противникъ низведенъ на землю при помощи дождя (мо-

Digitized by Google

народномъ повѣрьѣ такого двойственнаго персонажа указываетъ и русская сказка о кузнецѣ и чортѣ. Чортъ оказываетъ услугу кузнецу, вмѣстѣ съ нимъ перековываетъ старыхъ людей на молодыхъ и здоровыхъ; по уговору полученныя деньги они дѣлятъ пополамъ; кузнецу стало жалко уступать половину, онъ отдѣлился отъ товарища, но одинъ ничего не могъ сдѣлать и только погубилъ людей и попалъ въ тюрьму; тогда чортъ выручилъ его, и съ той поры кузнецъ сталъ относиться къ чорту почтительно. Тутъ очевидно чортъ въ роли бога. И дѣйствительно, въ варіантахъ на мѣстѣ чорта стоитъ Христосъ [1]).

жетъ быть вызваннаго при помощи камня джеда или дзада), приведены мною въ ст. „Змѣй Горынычъ и Тугаринъ Змѣевичъ“ (Этнограф. Обоз. кн. XXIV, стр. 117). Касьянъ обвиненъ въ похищеніи чаши у жены Владиміра; Гэсэръ похищаетъ у небожительницы не чашу, а драгоцѣнности (Эрдени), но чаша фигурируетъ и тутъ; Гэсэръ подноситъ небожительницѣ семь чашъ съ виномъ; можетъ быть, чудесныя силы, которыми были одарены Эрдени, приписывались также и чашамъ, и разсказъ былъ проще, вмѣсто двухъ процессовъ добыванія: сначала чашъ, а потомъ чудодѣйственныхъ Эрдени, добывались только чудодѣйственныя чаши. Касьяна за похищеніе чаши зарыли по поясъ въ землю и бьютъ; съ Гэсэромъ было поступлено иначе; небожительница столкнула его съ неба,—казнь, напоминающая болѣе судьбу Езопа, котораго жрецы обвинили въ покражѣ чаши изъ дельфійскаго храма и столкнули со скалы. Мотивъ вымоганія секрета у матери, причиняя ей боль (зажимая ея руку съ накаленнымъ жареным просомъ или прищемляя ея шею крышкой ящика) пристроенъ ко всѣмъ тремъ персоналамъ: и къ Гэсэру, и къ Козу и къ Іегешуэ́ (Потанинъ Тапг.—тиб. окраина Китая, II, 119, и Вост. мотивы, 496).

[1]) Этотъ разсказъ принадлежитъ къ категоріи легендъ, культивирующихъ уваженіе къ святымъ изображеніямъ, куда относится также и легенда, указанная г. Аничковымъ, о патріархѣ Аѳанасіи. Одному благочестивому человѣку указано во снѣ заказать три иконы: Спаса, Богоматери и св. Николая; Аѳанасій, приглашенный на пиръ вмѣстѣ съ вселенскимъ соборомъ, отслужилъ молебенъ передъ двумя иконами, а икону св. Николая велѣлъ вынести вонъ и назвалъ святого „смердовичемъ“. Послѣ того корабли, на которыхъ плылъ Аѳанасій со вселенскимъ соборомъ, стали тонуть; онъ взмолился Спасу и Богородицѣ, вселенскій соборъ былъ спасенъ, но корабль съ Аѳанасіемъ продолжаетъ тонуть; тогда онъ призвалъ св. Николая и „смердовичъ“ спасъ его (Аничковъ, указ. ст., 22). Въ томъ же смыслѣ русская народная легенда у Аѳанасьева (народн. русск. легенды, Лондонъ, 1859, стр. 141): Скупой человѣкъ далъ мужику въ долгъ денегъ, подъ поруку иконы св. Николая и не получивъ долга, топчетъ икону св. Николая или возитъ ее на возу по базару и бьетъ плетью; купеческій сынъ выкупаетъ икону. Святой является къ нему подъ видомъ нанимающагося прикащика, помогаетъ ему разбогатѣть, а потомъ

Digitized by Google

Опущенныя вѣки всѣмъ извѣстны изъ повѣсти Гоголя: „Вій“ Содержаніе повѣсти такое: бурсакъ возитъ на себѣ вѣдьму; при помощи молитвы освобождается и въ свою очередь садится на нее и ѣздитъ до тѣхъ поръ, пока она не упала замертво; передъ смертью она завѣщаетъ, чтобъ надъ гробомъ ея читалъ этотъ самый бурсакъ; онъ читаетъ три ночи; покойница по ночамъ встаетъ изъ гроба; церковь, въ которой стоялъ гробъ, наполняется нечистыми духами; они летаютъ по церкви, но не видятъ бурсака; потому что онъ очертился кругомъ: на третью ночь они призываютъ на помощь Вія; у Вія желѣзное лицо и желѣзный палецъ (можетъ быть и все тѣло) и опущенныя вѣки; нечистые поднимаютъ ему вѣки, Вій указываетъ пальцемъ на бурсака и тотъ падаетъ мертвый; раздается крикъ пѣтуха, черти бросились вонъ изъ церкви

помогаетъ излѣчить больную царскую дочь, на которой купеческій сынъ и женится. Въ другой легендѣ изъ Шенкурск. у. Арханг. губ. попъ осердился на св. Николая за то, что служилъ у него въ приходѣ и ничего не выслужилъ, ударилъ святого ключами по плѣши и ушелъ изъ прихода; дорогой встрѣтилъ старца; это конечно былъ св. Николай; старецъ предложилъ попу ходить вмѣстѣ, лѣчить народъ, но съ условіемъ деньги дѣлить пополамъ; старецъ уводилъ больного или больную въ баню, разрубалъ на части, перемывалъ ихъ, складывалъ и оживлялъ; жадный попъ хотѣлъ, чтобы всѣ деньги доставались ему одному, взялся лѣчить безъ помощи старца, разрубилъ больную на части, но оживить не могъ; его повели на висѣлицу, но старецъ оживилъ разрубленную и спасъ попа (Аѳан., легенды. 119). Въ варіантѣ изъ Чистопол. у. Казанск. губ. также жаднымъ до денегъ изображается попъ, но чудесныя исцѣленія производитъ Христосъ; св. Николай и тутъ упоминается; онъ сопутствуетъ Христу (ib., 15). Сюда же относится и сказка о кузнецѣ и чортѣ: сказка начинается разсказомъ о томъ, что у кузнеца былъ обычай, когда онъ утромъ входилъ въ кузницу, онъ каждый разъ билъ по лбу чорта изображеніе котораго висѣло на стѣнѣ; чортъ, чтобы проучить кузнеца, принимаетъ видъ подмастерья и нанимается къ кузнецу на службу. Въ этой сказкѣ чортъ на мѣстѣ св. Николая, кузнецъ на мѣстѣ попа. Тотъ же смыслъ у ламайской легенды объ Аю-бодисатвѣ (или Опо-нойонѣ; см. Очерки свв.-зап. Монг. IV, стр. 317); Аю вмѣстѣ съ своей матерью находятъ на степи человѣка, въ пыли, умирающаго отъ жажды; они очистили его тѣло, обмыли, напоили его и отнесли въ тѣнистое мѣсто. Это былъ богъ Бурханъ-бакши; впослѣдствіи богъ принялъ видъ коня, и въ этомъ видѣ привезъ Аю-бодисатвѣ невѣсту, царскую дочь. Я думаю, что подъ тѣломъ, найденнымъ въ степи и покрытымъ пылью, надо подразумѣвать статую бога—предположеніе, что подъ именемъ Бурхана-бакши тутъ скрывается богъ Арья-Бало, было мною высказано въ книгѣ „Вост. мотивы“, стр. 418.

Digitized by Google

но завязли въ окнахъ и дверяхъ. Повѣсть основана на народной сказкѣ, варіанты которой у Афанасьева (Народн. русск. сказки) помѣщены подъ названіемъ: „Разсказы о вѣдьмахъ“ (№ 208) [1]). Въ варіантѣ *в* волшебница—королевская дочь—умираетъ; ее три ночи отчитываетъ поповскій сынъ; ѣзды на волшебницѣ нѣтъ; поповскій сынъ остается цѣлъ. Въ варіантѣ *с* волшебница—купеческая дочь; вмѣсто поповскаго сына—„солдатъ“; волшебница хочетъ обратить солдата въ жеребца, но солдатъ предупредилъ—ее самоё обратилъ въ кобылу, и ѣздилъ на ней и билъ осиновымъ полѣномъ до тѣхъ поръ, пока не убилъ; отецъ волшебницы заставляетъ солдата три страшныя ночи читать надъ покойницей. На третью ночь солдатъ спасается на печномъ столбѣ, прикрывшись сковородкой; черти не видятъ его; приходитъ „самый старый чортъ“ (персонажъ, отвѣчающій Вію Гоголя) и указываетъ имъ на солдата; они поджигаютъ столбъ, но раздается крикъ пѣтуха и они бѣгутъ.

Въ другихъ сходныхъ сказкахъ вмѣсто умершей волшебницы живая, но заколдованная—царевна или дѣвица; чтобы освободить ее отъ чаръ, нужно три страшныя ночи отчитывать ее или играть на скрипкѣ; въ № 152, вар. *а*, у Афанасьева солдатъ проводитъ три ночи во дворцѣ, играя на скрипкѣ; черти пугаютъ его бурей, громомъ и другими ужасами; является „дѣдушка“ чертей и велитъ устроить кузницу, чтобы донять солдата накаленными прутьями. Въ этомъ варіантѣ заколдованное состояніе королевны выражалось тѣмъ, что тѣло ея было черное; послѣ трехъ ночей солдатскаго труда тѣло ея побѣлѣло. Въ № 90 черти не даютъ царевнѣ спать по ночамъ; избавляетъ ее солдатъ. Въ № 91 чертъ мучаетъ королевну; избавляетъ солдатъ.

Отъ крестьянки села Павлова Нижегородской губерніи, Авдотьи Артамоновны Грузинцевой я записалъ сказку, въ которой трудъ избавителя не ограничивается однимъ отчитываніемъ или бдѣніемъ у гроба, а за нимъ слѣдуетъ еще очищеніе утробы царевны. Разскащица озаглавила сказку: „Николай чудотворецъ и

[1]) О параллеляхъ къ гоголевскому „Вію“ см. въ статьяхъ: 1) Сумцовъ, Параллели къ повѣсти „Вій“, въ „Кіевской Старинѣ“, 1892, III, 472 и 2) Милорадовичъ, къ вопросу объ источникахъ „Вія“, въ „Кіевск. Старинѣ“, 1896 г., IX, 46—48. Г. Сумцовъ указываетъ между прочимъ на кельтскую сказку о Балорѣ.

Digitized by Google

отрокъ". Одинъ старичокъ спасался въ келейкѣ, къ нему ходилъ одинъ бѣдный отрокъ. Однажды отрокъ говоритъ старцу: нанялся бы я въ кашевары на корабль, да боюсь. Не бойся, сказалъ старичокъ. Я тебѣ помогу. Я вмѣстѣ съ тобой поѣду, только ты меня называй отцомъ и слушайся. Отрокъ обѣщалъ все дѣлать, хоть въ воду идти. Приплыли въ одно царство на *трехъ* кораблях, а тамъ у царя умерла дочь; каждую ночь къ ея трупу въ церковь посылаютъ караульщика и караульщикъ уже не возвращается; она ѣстъ ихъ. Царь позволяетъ купцамъ торговать, но подъ условіемъ—каждый изъ *трехъ* купцовъ долженъ по ночи простоять у царевны. Приходитъ первый купецъ къ старику и говоритъ: дѣдушка, пошли своего отрока караулить царевну, весь корабль ему отдамъ. Дѣдушка говоритъ отроку: ступай, покарауль!—Страшно, говоритъ, батюшка!—Ничего, не бойся! Ты тамъ помолись, а я здѣсь за тебя помолюсь, того пуще и ничего не будетъ. Вѣдь ты обѣщалъ въ воду идти, если прикажу, а я не въ воду посылаю, въ церковь; въ водѣ утонешь.—Отвелъ старикъ отрока въ церковь, очертилъ его кругомъ и далъ ему книгу; отрокъ грамотѣ не зналъ; онъ велѣлъ ему смотрѣть въ книгу, читать молитвы, а по сторонамъ не смотрѣть; „а то цѣлъ не будешь"! Отъ двѣнадцати часовъ до заутрени онъ долженъ былъ стоять. Царевна лежала въ гробу, подвѣшенномъ на желѣзныхъ ремняхъ; рели загремѣли, гробъ спустился, царевна вышла и начала бросаться, а въ кругъ попасть не могла. Пришелъ пономарь, нашелъ человѣка живымъ, доложилъ попу, тотъ владыкѣ, владыко царю; пришелъ самъ царь посмотрѣть. На другую ночь отрокъ идетъ за другого купца, на третью за третьяго. Въ послѣднюю ночь царевна бросилась изъ гроба и прямо попала въ кругъ; онъ читаетъ правую страницу, она лѣвую. Приходитъ на утро пономарь, опять докладываетъ по порядку. Приходитъ царь и видитъ стоитъ отрокъ и рядомъ съ нимъ его дочь, живая. Она говоритъ: Батюшка, это мой спаситель! Я иду за него замужъ.—Ихъ обвѣнчали; сколько пожили, дѣдушка говоритъ: теперь тебѣ сынокъ, пора домой отправляться.—Поѣхали домой. Остановились въ полѣ ночевать. Старикъ и говоритъ отроку: Сынокъ! ты не одинъ заработалъ это богатство; ты молился, а я пуще тебя. Давай дѣлить его!—Что-жъ, батюшка! говоритъ отрокъ. Дѣли, какъ знаешь.—Старикъ отдѣлилъ себѣ половину и говоритъ: И жена

Digitized by Google

твоя должна быть вмѣстишная. Отрокъ задумался.—Что жъ задумался? али жалко ее?—Отрокъ говоритъ: Да какъ же живого человѣка дѣлить?—Раздѣлимъ пополамъ.—Дѣли, батюшка, какъ знаешь.—Старикъ положилъ жену на землю, три раза провелъ ножомъ по ея брюху, разрѣзалъ ее пополамъ, вырѣзалъ изъ ея утробы дьявольское гнѣздо и ввергъ въ море, снова сложилъ обѣ половины и стала она живою. Вотъ, сказалъ старикъ, твоя жена; теперь она никогда не будетъ больною. Владѣй и всѣмъ этимъ богатствомъ, только не забывай молиться Николаю чудотворцу; самъ съ тобой былъ [1]).

Исцѣленіе больной женщины входитъ въ составъ сказки „Кривда и Правда“ (у Афанасьева № 66). Въ варіантѣ *а* царевну десять годовъ мучаетъ бѣсъ, никто не можетъ его изъ нея выгнать; герой сказки достаетъ образъ Смоленской Божьей Матери, опускаетъ его три раза въ воду и этою водою омываетъ больную; вражья сила клубомъ вылетѣла изъ нея. Въ варіантѣ *в* царевну сосутъ по ночамъ семьдесятъ семь чертенятъ; герой сказки вылѣчиваетъ ее тѣмъ, что срываетъ жаръ-цвѣтъ (есть такой цвѣтъ, когда онъ цвѣтетъ, море колыхается). Въ варіантѣ *с* царевна ослѣпла; ее исцѣляютъ травой; въ варіантѣ *д* дочь одного барина изсушена нечистымъ духомъ; герой сказки купаетъ ее въ отварѣ какой-то травы и она выздоравливаетъ; въ варіантѣ *д* герой сказки подслушиваетъ разговоръ *трехъ* старцевъ и узнаетъ изъ него причину болѣзни царевны, которою она три года больна; царевна уронила крошку просвиры, эту крошку подхватила лягушка и съѣла; нужно добыть эту крошку изъ лягушки, скормить царевнѣ и она выздоровѣетъ. Въ подстрочномъ варіантѣ заклятая царевна людей пожирала; нужно достать животворный

---

[1]) Въ монгольскомъ преданіи мотивъ очищенія утробы, повидимому, приписывался Арья-Бало. Мачеха-вѣдьма преслѣдуетъ пасынка и падчерицу или двухъ пасынковъ, велитъ убить ихъ; но палачи пожалѣли дѣтей и дали имъ возможность убѣжать; потомъ одинъ изъ нихъ (царевичъ Ойо—чикиту), выросши на сторонѣ, возвращается во дворецъ, застаетъ отца-хана еле живымъ, убиваетъ вѣдьму, куритъ во дворцѣ травами, поитъ хана молокомъ и такимъ образомъ очищаетъ его отъ вредныхъ запаховъ, напущенныхъ вѣдьмой. (Bergmann, Nomadische Streifereien unter d. Kalmüken, Riga, 1805; Потанинъ Очерки с. з. Монг., IV, 283). Бергманъ говоритъ, что сама редакція заявляетъ, что Ойо—Чикиту есть воплощеніе бога Арья-Бало.

Digitized by Google

крестъ, который скрытъ въ горѣ, и имъ благословить больную; герой сказки достаетъ крестъ, идетъ на съѣденіе царевнѣ вмѣсто другого лица, которому выпалъ жребій, и исцѣляетъ царевну. Почти во всѣхъ варіантахъ царь выдаетъ свою дочь замужъ за ея исцѣлителя

Варіантъ этой сказки записанъ на Кавказѣ; подобно, какъ въ русской сказкѣ „Правда и Кривда“, и здѣсь два брата, богатый и бѣдный, и, какъ тамъ, богатый выткнулъ глаза бѣдному; бѣдный попадаетъ въ пещеру говорящихъ звѣрей (У Афанасьева вмѣсто звѣрей черти или нечистые духи, но въ одномъ варіантѣ, именно f, тоже звѣри) и уноситъ у нихъ яму съ золотомъ, и ткань, дающую пищу, и узнаетъ секретъ о деревѣ, исцѣляющемъ болѣзни; при посредствѣ этого секрета онъ вылѣчилъ больного князя. (Сборникъ свѣдѣній о кавказск. горцахъ, вып. III, Осетинскія сказанія, стр. 10—14).

Осетинская сказка представляетъ переходъ къ сказкамъ о трехъ талисманахъ, изъ которыхъ одинъ исцѣляетъ больную царевну. Помѣщаю здѣсь цѣликомъ въ „приложеніи“ [1]) варіантъ этой сказки, записанный г. Лесевичемъ отъ крестьянина Чмыхала въ селѣ Денисовкѣ, лубенск. у., полтавск. губ., и нигдѣ еще ненапечатанный.

У Афанасьева напечатано три варіанта этой сказки, изъ которыхъ одинъ записанъ въ Орловской, другой въ Архангельской губ.; третій безъ указанія мѣста записи; сказкѣ дано названіе „Рога“ (№113). Въ орловскомъ варіантѣ герой называется батракомъ, въ архангельскомъ Мартышкой, въ третьемъ „дохторомъ“. Въ орловскомъ пріобрѣтаются три талисмана: скатерть-самобранка, коверъ-самолетъ [2]) и сапоги-скороходы; въ архангельской кошелекъ, въ которомъ не убываетъ золото, однозолотныя карты, въ которыя никогда не проиграешься; въ третьемъ варіантѣ у дохтора были три вещи: шапка-невидимка, неисчерпаемый кошелекъ и тросточка, отъ удара которой по землѣ являются три молодца и начинаютъ служить. Царская дочь выигрываетъ талисманы въ карты; прежній ихъ обладатель, скитаясь въ полѣ, находитъ двѣ яблони; отъ съѣденнаго яблока съ одной изъ нихъ тѣло царевны обро-

---

[1]) См. стр. 116—124.

[2]) Коверъ, слѣдовательно, на мѣстѣ коня Гиверя полтавской сказки.

Digitized by Google

стаетъ рогами, отъ яблоковъ съ другой пропадаютъ. Въ архангельскомъ варіантѣ Мартышка сначала одѣвается маркитантомъ, продающимъ яблоки, а когда у царевны выросли рога, онъ одѣвается докторомъ, идетъ мимо дворца и выкрикиваетъ: „Нѣтъ ли дохтуру работы?“ Въ третьемъ варіантѣ вмѣсто яблонь три куста, одинъ съ черными, другой съ красными, третій съ бѣлыми ягодами; бѣлыя ягоды исцѣляютъ царевну. Во всѣхъ варіантахъ мнимый докторъ ведетъ царевну въ баню, сначала наказываетъ ее за отобранные талисманы, бьетъ ее желѣзными прутьями, а потомъ даетъ яблоко или ягоды, отъ которыхъ рога сваливаются.

Въ бѣлорусскомъ варіантѣ изъ рогачскаго уѣзда (Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, в. III, № 23 „Роги“, стр. 181—186) отецъ, умирая, надѣляетъ своихъ трехъ сыновей подарками, которые хранились у него въ скрынѣ на морскомъ островѣ подъ зеленомъ дубомъ; старшему сыну онъ далъ неисчерпаемую трубочку, среднему рожокъ: затрубишь, изъ него пойдетъ войско, и младшему рушникъ, который переноситъ, куда захочешь. Младшій братъ играетъ съ царевной картежницей и она овладѣваетъ всѣми тремя подарками. Ограбленный и прогнанный человѣкъ находитъ яблоню, отъ яблоковъ которой наростаютъ на тѣлѣ рога, и другую, отъ яблоковъ которой рога отпадаютъ. Царевна обросла рогами; ограбленный ею человѣкъ берется излѣчить ее; онъ читаетъ надъ ней книгу, возвращаетъ отобранные подарки, ведетъ ее въ баню, бьетъ ее и потомъ даетъ яблоковъ, снимающихъ рога.

Въ смоленскомъ варіантѣ (Добровольскій, Смоленскій Сборникъ, ч. I, Спб., 1891, № 27, стр. 561—568) курица снесла яйцо; кто съѣстъ крылышко цыпленка, у того подъ головой послѣ сна будетъ являться сто золотыхъ. Съѣвшій крылышко мальчикъ изгнанъ, дошелъ до царя; царевна играетъ съ нимъ въ карты, обыграть не можетъ, у него денегъ безъ конца; она вырвала у него у пьянаго косточку изъ-подъ бороды и прогнала его. Онъ встрѣчаетъ людей, спорящихъ о трехъ вещахъ: шапкѣ-невидимкѣ, мошнѣ-трясейкѣ и плети. Но и эти вещи отобрала царевна. Далѣе разсказъ о двухъ сортахъ яблоковъ; одно яблоко съѣлъ, на на лбу выросъ рогъ, съѣлъ другое, рогъ отпалъ. И у царевны послѣ съѣденнаго яблока выросъ рогъ. Обиженный ею человѣкъ снялъ съ нея рогъ, потомъ ударилъ ее „батаўёмъ“; она обрати-

Digitized by Google

лась въ кобылицу, а онъ, надѣвъ шапку-невидимку, убѣжалъ. Конецъ: отъ удара плетью царевна снова принимаетъ человѣческій образъ и выходитъ замужъ за обиженнаго ею человѣка.

Вологодскій варіантъ (Иваницкій, Матеріалы по этнографіи вологодской губерніи, въ Извѣстіяхъ Имп. Общества любит. естествозн. антроп. и этн. при московскомъ университетѣ, т. LXIX; Труды этногр. Отдѣла т. XI, вып. 1, стр. 166—168): Кто съѣстъ голову птицы, будетъ плевать червонцами; царевичъ, съѣвшій ее, бѣжалъ изъ отцовскаго дома. Внучка волшебницы люта играть въ карты; не можетъ его обыграть; напоила виномъ, и все, выплюнутое имъ, съѣла, самого прогнала. Онъ встрѣчаетъ чертенятъ, спорящихъ изъ-за кошелька-самотряса, но картежница отнимаетъ у него кошелекъ; царевичъ пріобрѣтаетъ отъ чертей же коверъ-самолетъ, и когда царевна всходитъ на коверъ, имѣя заднюю мысль снова напоить его виномъ, онъ произноситъ: „коверъ, неси выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго“. Коверъ занесъ ихъ на островъ; здѣсь дѣвица-картежница вытащила коверъ изъ-подъ соннаго царевича и вернулась на немъ домой. Царевичъ слышитъ разговоръ трехъ голубей о трехъ вѣткахъ: одна можетъ обратиться въ мостъ, другая въ карету, запряженную тройкой лошадей, третья въ золотую уздечку, накинешь на дѣвицу, дѣвица обратится въ кобылицу. Царевичъ заломалъ три вѣтви, переѣхалъ въ каретѣ по мосту и накинулъ на внучку волшебницы уздечку, обратилъ ее въ кобылицу, помучилъ ее ѣздой на ней, вновь сдѣлалъ дѣвицей и женился на ней.

Въ армянской сказкѣ (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстн. и плем. Кавказа, вып. XXVIII, отд. II, стр. 80) два брата, съѣдающіе головку и сердце птицы; кошелекъ съ золотомъ, появляющійся всякій разъ послѣ сна; царевна, играющая въ карты; четыре диковинки, которыя не могутъ раздѣлить дѣвы: 1) сабля, отъ удара которой является все, что захочешь, 2) коверъ, уносящій куда хочешь, 3) скатерть и 4) феска-невидимка; яблоки, отъ которыхъ человѣкъ становится вверхъ ногами, листья травы. „Эвлицагика“, употребляемой на вѣнки, которые исцѣляютъ болѣзнь, происшедшую отъ яблоковъ; обувь изъ „Заячьей травы“, въ которой можно перейти черезъ море; обращеніе царицы въ бѣлую ослицу.

Сказку съ подобнымъ сюжетомъ я записалъ въ г. Тарсандо

Digitized by Google

(Да-цзянъ-лу) на восточной окраинѣ Тибета, отъ гурьтунъ-ламы изъ ламайскаго монастыря Дочжичжа, находящагося въ окрестностяхъ Тарсандо. Это одна изъ главъ сборника тибетскихъ сказокъ въ родѣ монгольскаго сборника Шиддикуръ.

Были три товарища: сынъ царя, сынъ вельможи и сынъ тархана (мастера) [1]). Они сговорились странствовать и предварительно посадили три дерева и заключили договоръ, что они разойдутся по разнымъ дорогамъ, чтобы чему-нибудь научиться, что если кого изъ нихъ въ дорогѣ постигнетъ несчастье, дерево, посаженное тѣмъ человѣкомъ, посохнетъ, и что если кто изъ нихъ вернется къ деревьямъ и увидитъ посохшее дерево, долженъ идти и выручить товарища изъ бѣды. Они разошлись по разнымъ дорогамъ; сынъ царя женился на царской дочери и остался жить въ домѣ ея родителей; сынъ вельможи женился на дочери вдовы и также остался въ домѣ жены. Сынъ тархана встрѣтилъ на своемъ пути толпу тирановъ [2]), которые о чемъ-то спорили. „О чемъ вы спорите?“—спросилъ ихъ сынъ тархана. Тѣ говорятъ: Мы нашли шапку, палку и мѣшокъ и не можемъ раздѣлить. „Дайте, я вамъ раздѣлю эти вещи. Оставьте ихъ здѣсь, а сами отойдите подальше и оттуда пуститесь въ бѣгъ; кто первый прибѣжитъ ко мнѣ, тому я и отдамъ вещи“. Тираны согласились, оставили вещи около сына тархана, а сами пошли на указанное вдали мѣсто. Въ это время сынъ тархана надѣлъ на себя шапку и сдѣлался невидимъ; онъ взялъ палку и мѣшокъ и пошелъ прочь. Тираны прибѣжали, вещей нѣтъ и не знаютъ, куда ушелъ сынъ тархана, потому что его въ шапкѣ-невидимкѣ не было видно. Сынъ тархана идетъ со своими вещами дальше и видитъ, какой-то человѣкъ идетъ съ двумя дѣтьми, сыномъ и дочерью. Этотъ человѣкъ подошелъ съ своей семьей къ дереву, на которомъ росли плоды, поднялъ съ земли красныя листья, потеръ ими себѣ лицо и обратился въ обезьяну, залѣзъ на дерево, началъ срывать плоды и бросать внизъ своимъ дѣтямъ. Сынъ тархана, не снимая своей шапки-невидимки, принялся собирать падающіе плоды. Потомъ

---

[1]) Лама былъ уроженецъ Тарсандо, но онъ зналъ монгольскій языкъ и разсказывалъ сказку по-монгольски. По-монгольски тарханъ значитъ кузнецъ, а также мастеръ, художникъ.

[2]) Тиранъ-дьяволъ, злое существо.

Digitized by Google

обезьяна спустилась съ дерева, подняла съ земли бѣлые листья, потерла себѣ ими лицо и обратилась въ человѣка, человѣкъ этотъ осмотрѣлся вокругъ и не видитъ ни одного плода изъ тѣхъ, которые онъ сбросилъ съ дерева. Онъ подивился, потому что не видѣлъ никого, кромѣ своихъ дѣтей. Сынъ тархана взялъ себѣ красныхъ и бѣлыхъ листьевъ. Дочь этого человѣка понравилась сыну тархана и ему захотѣлось овладѣть ею. Онъ просилъ ея отца выдать за него дочь; тотъ не согласился. Тогда онъ взялъ свою палку, отнятую у тирановъ, и сказалъ: „Отнеси меня съ этой дѣвицей на пустой островъ!“ Тотчасъ же онъ вдвоемъ съ дѣвицей очутился на островѣ, гдѣ, кромѣ нихъ, другихъ людей не было и на которомъ росли всякіе плоды въ изобиліи. Стали они вдвоемъ жить и прижили ребенка.

Сынъ тархана отправился за яйцами птицы Гаруди, гнѣздо которой находилось на островѣ. Жена догадалась, что палка ея мужа отличается чудеснымъ свойствомъ, въ отсутствіе его взяла ее въ руку и сказала: „Перенеси меня къ моему отцу вмѣстѣ съ моимъ ребенкомъ“. И тотчасъ она была перенесена на родину. Сынъ тархана добылъ три яйца птицы Гаруди; приходитъ, ни жены, ни ребенка, ни палки нѣтъ. Сынъ тархана началъ высиживать трехъ птенцовъ; одного кормилъ мясомъ, другого сухожильемъ, а третьяго костями. Когда птенцы выросли, онъ сначала испыталъ того, котораго кормилъ мясомъ; онъ привязалъ ему камень на шею; эта птица была не въ силахъ перелетѣть черезъ море, упала на половинѣ дороги и погибла. Тогда онъ пустилъ съ камнемъ на шеѣ другую птицу, выкормленную сухожильемъ; и эта не могла перелетѣть черезъ море и также погибла. Только третья птица, выкормленная костями, перелетѣла черезъ море; когда она вернулась на островъ, сынъ тархана сѣлъ на нее, и она перенесла его на другой берегъ моря.

Сынъ тархана приходитъ туда, гдѣ живетъ его жена: ему нужно вновь завладѣть чудесной палкой. Подошедши къ дому жены, онъ принялъ видъ ламы, началъ бить въ бубенъ и читать „лучжинъ“. За ворота выбѣжали дѣти его жены. Онъ потеръ имъ лица красными листьями и они обратились въ обезьянъ. Когда они прибѣжали къ матери, та не знаетъ, что случилось съ ея дѣтьми. Она выходитъ изъ дому, видитъ ламу и спрашиваетъ, не можетъ ли онъ объяснить, отчего случилось съ ея дѣтьми такое превра-

Digitized by Google

щеніе. Лама говоритъ, что въ ея домѣ находится вещь, принесенная изъ-за моря, и что отъ присутствія этой-то вещи и случилось несчастье съ ея дѣтьми; нужно только выбросить ее изъ дома и дѣти примутъ прежній видъ. Тогда жена его, не узнавши въ ламѣ своего мужа, выбросила палку. Послѣ этого лама потеръ лица дѣтей бѣлыми листьями, они стали опять людьми. Затѣмъ сынъ тархана взялъ выброшенную палку и пошелъ прочь.

Въ монгольскомъ сборникѣ „Шидикӱръ“ эта сказка составляетъ II-ю главу („Шидикӱръ“, перев. Г. Гомбоева въ Этнограф. Сборн., изд. И. Русск. Географ. Общ., т. VI, Спб., 1864 г., стр. 16). Посадки деревьевъ въ монгольской редакціи нѣтъ [1]), начинается сказка иначе. Двѣ лягушки, золотая и синяя, заградили источникъ воды, и жители царства, чтобы получить воду, ежедневно отдавали человѣка на съѣденіе лягушкамъ; идетъ наконецъ на съѣденіе царевичъ, его сопровождаетъ его другъ; изъ подслушаннаго разговора лягушекъ они узнаютъ, что, кто поѣстъ ихъ мясо, будетъ выпускать изо рта золото и бирюзу; товарищи убили лягушекъ, поѣли ихъ мясо, начали икать и ронять золото и бирюзу. Затѣмъ товарищи попадаютъ къ женщинамъ, которыя спаиваютъ ихъ виномъ, чтобы побольше извлечь изъ нихъ золота и бирюзы; догадавшись о хитрыхъ планахъ этихъ жадныхъ женщинъ, товарищи убѣгаютъ отъ нихъ; дорогой встрѣчаютъ мальчиковъ, которые спорятъ изъ-за найденной шапки-невидимки (нидунъ туйтукчи), потомъ другую толпу, спорящую изъ-за сапоговъ-скороходовъ; товарищи пріобрѣтаютъ эти вещи хитростью; предлагаютъ спорщикамъ бѣжать въ запуски, а сами покрываются шапкой и удаляются.

Добывъ эти вещи, они пожелали очутиться въ царствѣ, гдѣ требуется новый хаганъ (царь), и тотчасъ же были доставлены въ такое царство. Они были перенесены въ дупло дерева, на которое съ неба спустилась дурма (конусообразное тѣсто, приносимое въ жертву). Народъ принялъ эту дурму за указаніе свыше, и одного изъ мальчиковъ избралъ въ хаганы [2]); другой товарищъ отпра-

[1]) Этотъ мотивъ въ монгольскомъ сборникѣ перенесенъ въ I главу (стр. 11).

[2]) Вѣроятно уже въ разговорѣ лягушекъ заключалось предсказаніе, что кто поѣстъ мяса лягушки (вѣроятно одной изъ нихъ, золотой?), тотъ сдѣлается потомъ царемъ.

Digitized by Google

вился странствовать; въ какомъ-то монастырѣ онъ укралъ изображеніе осла, посредствомъ котораго можно было обращать человѣка въ осла, и съ этимъ талисманомъ онъ отправился къ тѣмъ жаднымъ женщинамъ, которыя спаивали двухъ товарищей, чтобы воспользоваться золотомъ и бирюзой [1]). Отъ поворота бумажки съ изображеніемъ осла обѣ женщины превратились въ ослицъ; три года ослицы должны были возить тяжести, и спины ихъ покрылись ранами; отъ новаго поворота бумажки онѣ снова стали женщинами [2]).

Къ разсказу объ исцѣленіи болѣзни ближе эпизодъ, которымъ кончается IV глава Шиддикўра. Это сказка о глупомъ или простоватомъ человѣкѣ, который по недоразумѣнію попалъ въ знахари и случайно излѣчиваетъ царскаго сына. Было семь братьевъ царевичей; ракшаса (вѣдьма), принявъ видъ красивой женщины и обративъ своего мужа въ буйвола, вышла на встрѣчу братьямъ; они взяли ее въ свой домъ, послѣ чего братья одинъ за другимъ стали умирать; шесть умерло, остался седьмой, но и тотъ заболѣлъ. Призвали мнимаго знахаря; тотъ въ изголовьи больного поставилъ дурму, и воткнулъ въ нее свою палку, а на верхній конецъ ея надѣлъ свиную голову, и сталъ читать заклинанія, но потомъ пустился бѣжать изъ дворца и спрятался въ хлѣвѣ; здѣсь онъ подслушалъ разговоръ ракшасы съ буйволомъ, узналъ, кто виновники болѣзни царевича и приказалъ сжечь буйвола и ракшасу на кострахъ, послѣ чего больной выздоровѣлъ.

Я записалъ въ Монголіи разсказъ, близкій къ II-й главѣ Шиддикўра, но не тожественный. (Очерки с. з. Монголіи, II, 163, 164). Банди (молодой монахъ) встрѣтилъ людей, спорящихъ изъза Эрдени; онъ предложилъ имъ пуститься въ бѣгъ, а самъ проглотилъ Эрдени (драгоцѣнный камень) и убѣжалъ отъ нихъ; послѣ этого онъ сталъ ронять изо рта и сорить золото; царская дочь велѣла связать его подпругой, напоить соленой водой и бить, камень вылетѣлъ изъ него [3]), и царевна проглотила его. Банди на-

---

[1]) Вѣроятно, женщины былй болѣе виноваты, чѣмъ представлено въ сказкѣ Шиддикўра; онѣ вѣроятно совсѣмъ лишили человѣка способности выпускать изо рта золото и бирюзу.

[2]) Въ Гэсэріадѣ лама-волшебникъ обращаетъ Гэсэра въ осла, и на немъ возятъ тяжести.

[3]) Здѣсь женщина наноситъ молодому человѣку болѣе чувствительный ударъ, чѣмъ въ тибетской сказкѣ.

Digitized by Google

шелъ средство наказать ее; у него было въ рукахъ письмо, отъ чтенія котораго царевна превратилась въ ослицу [1]). О возвращеніи въ прежній видъ этотъ баріантъ не говоритъ.

Другой варіантъ, записанный у дархатовъ (Оч. с. з. Монг., IV, 535—539) начинается, какъ и II-я глава Шиддикўра, разсказомъ о съѣденномъ мясѣ, одаренномъ особеннымъ свойствомъ, о съѣденныхъ головкѣ и крылышкахъ воробья. Съѣвшій головку молодой человѣкъ получилъ удачу въ торговлѣ, но одна дѣвица опоила его виномъ; съ нимъ случилась рвота и головка воробья выпала изъ его рта. Затѣмъ онъ встрѣчаетъ *семь* братьевъ, которые спорятъ изъ-за отцовскаго наслѣдства, состоявшаго изъ трехъ вещей: шапки невидимки, ящика, дающаго все, чего захочешь, и посоха, съ которымъ можно по водѣ ходить. Слѣдуетъ бѣгъ братьевъ взапуски; молодой человѣкъ уноситъ вещи, но та же дѣвица опять отнимаетъ ихъ у него, а его самого велитъ выбросить въ поле. Въ наказаніе за это онъ потомъ обращаетъ ее въ лошадь въ то время, какъ она купалась вмѣстѣ съ *семью* своими служанками; это онъ дѣлаетъ при помощи цвѣтовъ. Потомъ, по просьбѣ отца дѣвицы, молодой человѣкъ возвращаетъ ей человѣческій видъ и отецъ выдаетъ ее за него замужъ.

Угорусская сказка о диковинкахъ, записанная Верхратскимъ (Записки наукового товариства імени Шевченка, т. XXIX (1899, т. III), Львовъ, стр. 132 [2]) не имѣетъ эпизода о рогахъ или объ обращеніи царевны въ кобылицу. Три голубки, три обращенныя дѣвицы посадили середи царскаго двора грушу; царскій сынъ Юрко сталъ ходить къ нимъ спать подъ грушей; когда царская служанка, подосланная царемъ, отрѣзала у старшей изъ дѣвицъ косу, голубки улетѣли. Царевичъ идетъ искать дѣвицъ; встрѣчаетъ трехъ братьевъ, у которыхъ умеръ отецъ и оставилъ двѣ вещи: шапку, положишь на голову, тебя не видно, и колесо, встань на него и скажи: де хóчю, там скóчю! оно туда и скочитъ; братья дрались изъ-за шапки и колеса; царевичъ берется разсудить ихъ, садится на колесо, переносится къ тремъ дѣвицамъ и женится на старшей изъ нихъ.

---

[1]) Царевну въ это время сопровождало *семь* служанокъ.

[2]) Я помѣщаю эту сказку не въ ряду русскихъ и малорусскихъ, а послѣ монгольскихъ и тибетскихъ потому, что о деталяхъ ея можно говорить, только ознакомивъ прежде съ монгольскими и тибетскими версіями.

Digitized by Google

Въ угорусской сказкѣ слиты мотивы о трехъ диковинкахъ (въ угорусской только двѣ, третья пропущена) съ мотивами изъ I-й главы монгольскаго Шиддикўра; шестеро товарищей воткнули при устьѣ одной рѣки шесть прутиковъ, чтобы выросли деревьями, и разошлись; одинъ изъ нихъ нашелъ на своемъ пути дѣвицу и сталъ жить съ ней; ея перстень былъ снесенъ рѣкой и попался въ руки царю, и царь отобралъ женщину у молодого человѣка. Въ другихъ сходныхъ сказкахъ (Очерки с. з. Монголіи, IV, 240., Тангутотиб. окраина Китая, II, 148) рѣка сноситъ къ царскому дворцу не перстень, а волосы, которые дѣвица вычесала изъ своей головы и которые ея мужъ опустилъ въ рѣку; въ угорусской сказкѣ осыпавшіеся отъ чесанья волосы обратились въ отрѣзанную косу; разлука съ молодымъ человѣкомъ представлена не въ видѣ насилія со стороны царя, какъ въ Шиддикўрѣ, а въ видѣ послѣдствія обиды. Шестеро товарищей въ Шиддикўрѣ вновь соединяются и летятъ на деревянной птицѣ Гаруди отнимать женщину у царя. Въ угорусской сказкѣ на мѣстѣ птицы Гаруди колесо, въ тибетской изъ Тарсандо птенецъ птицы Гаруди; въ русскихъ сказкахъ можетъ быть родственный образъ надо видѣть въ коврѣ-самолетѣ (въ тибетской на этомъ мѣстѣ трость), въ малорусской изъ полтавск. губ. въ конѣ Гиверѣ.

Сказки эти основаны на народныхъ повѣрьяхъ о болѣзняхъ. Въ приведенныхъ сказкахъ болѣзнь или причиняется дѣйствіями нечистыхъ силъ, или насылается человѣкомъ, обладающимъ знаніемъ скрытыхъ силъ природы. Въ одномъ случаѣ симптомы болѣзни принимаютъ сверхъестественную форму; тѣло обростаетъ рогами; въ другихъ случаяхъ они болѣе реальны; женщину мучитъ бѣсъ, сушитъ ея тѣло, по ночамъ мучитъ ее безсонницей; такимъ воздѣйствіемъ нечистыхъ духовъ народное повѣрье объясняетъ происхожденіе нѣкоторыхъ внутреннихъ болѣзней; когда больной женщинѣ дано лѣкарство, нечистая сила выходитъ изъ нея клубкомъ; иногда, какъ мы видѣли, цѣлитель разрѣзываетъ животъ больной и вычищаетъ внутренности отъ заведшихся въ нихъ гадовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣзнь еще проще: это слѣпота; въ одномъ случаѣ (въ норвежской сказкѣ, приведенной Афанасьевымъ въ примѣчаніи къ № 66, т. е. къ сказкѣ „Правда и Кривда“, н. Р. ск., т. I, стр. 108) царская дочь глухонѣмая, онѣмѣла оттого, что уронила крошку св. хлѣба, а жаба ее проглотила.

Digitized by Google

Иногда больная представляется уже мертвою, она лежитъ въ гробу, въ церкви, но это какъ будто только обмираніе, временная смерть; отчитываніе въ теченіе трехъ ночей воскрешаетъ мнимо умершую. По шаманскому повѣрью болѣзни и смерть происходятъ отгого, что злые духи, слуги или послы Ерлика, царя ада, овладѣваютъ душой человѣка въ то время, какъ она отдѣлилась отъ тѣла (во время сна); человѣкъ, оставшійся безъ души, заболѣваетъ смертельно. Призывается шаманъ, который начинаетъ бормотать заклинанія и бить въ бубенъ, чтобы отнять душу у нечистыхъ духовъ и прогнать ихъ; духи ведутъ борьбу съ шаманомъ, но бормотаніе заклинаній даетъ шаману перевѣсъ. Въ варіантахъ, въ которыхъ царевна является умершею, она выдается часто за вѣдьму; она пожираетъ людей; вѣроятно не она сама, а злой духъ, вселившійся въ ея тѣло.

Процессъ исцѣленія различный; если царевна представлена мертвою, то ее нужно отчитывать въ теченіи трехъ ночей или просто только караулить три ночи ея гробъ. Если же царевна живая, то для ея исцѣленія употребляются или особая трава, или ягоды, или яблоки; въ одномъ осетинскомъ варіантѣ, какъ мы видѣли, упоминается дерево, доставляющее исцѣленіе; въ другомъ жаръ-цвѣтъ [1]). Въ варіантахъ сказки „Рога“ исцѣленіе происходитъ въ банѣ; въ одномъ варіантѣ сказки „Правда и Кривда“ (Афан., т. I, стр. 104, вар. *d*) больную купаютъ въ отварѣ какой-то травы. Въ сказкѣ „Рога“ больную въ банѣ хлещутъ желѣзными прутьями; это дѣйствіе выдается за кару, которую женщина заслужила своимъ коварнымъ поведеніемъ.

Въ русской сказкѣ у Верхратскаго (Записки науков. товарищества імени Шевченка, т. XXIX, 1899 г., т. III, Львовъ, стр. 138—145) царская дочь отсулена по недоразумѣнію чертямъ и въ опредѣленный срокъ выставлена, чтобы они могли ее унести; Король спасаетъ ее; онъ мажетъ ея тѣло какою-то мазью и черти не могутъ къ ней подступиться; Король избиваетъ ихъ мѣднымъ

---

[1]) Афанасьевъ видитъ въ этомъ жаръ-цвѣтѣ папоротникъ, добываніе котораго обставлено ужасами въ родѣ описываемыхъ въ сказкѣ объ умершей и отчитываемой царевнѣ. Названіе папороть, папортникъ ср. съ паперть; входъ въ храмъ греки называли partex по имени растенія, въ которомъ Прометей принесъ похищенный огонь.

Digitized by Google

прутомъ, потомъ смываетъ мазь съ тѣла царевны и въ заключеніе женится на ней [1]).

Сказка о Королѣ состоитъ изъ трехъ эпизодовъ: 1) встрѣча съ чортомъ, 2) плѣнъ у песиглавцевъ и 3) избавленіе царевны. Содержаніе первыхъ двухъ эпизодовъ не напоминаетъ сказки о больной царевнѣ, но во второмъ эпизодѣ есть какъ будто отголосокъ этихъ послѣднихъ. Король встрѣчаетъ въ лѣсу отшельника, который даетъ ему рушникъ, доставляющій пищу; этотъ рушникъ напоминаетъ скатерть-самобранку и это заставляетъ предполагать, что въ сказкѣ о Королѣ находился эпизодъ о пріобрѣтеніи трехъ талисмановъ.

Слѣды вліянія сказки о добываніи трехъ талисмановъ можно замѣтить и въ сказкѣ о Бормѣ [2]), доставившемъ изъ Вавилона три инсигніи. Въ варіантѣ г. Барсовъ (Ждановъ, Русскій былевой эпосъ, Спб., 1895, стр. 11) Борма по дорогѣ въ Вавилонъ приходитъ къ морю; черезъ море перевозитъ его какой-то человѣкъ, который назвалъ себя Правдою и который познакомилъ его съ положеніемъ дѣлъ въ Вавилонѣ. Внутри этого города Борма находитъ дѣвицу, которая въ однихъ варіантахъ относится къ нему благосклонно, въ другихъ враждебно; въ одномъ изъ варіантовъ послѣдняго рода о ней сказано, что она наполовину дѣвица, наполовину змѣя; она грозится съѣсть Борму и гонится за

---

[1]) Комочки той же мази онъ разложилъ по кресламъ; черти усѣлись въ кресла и прилипли; это облегчило ему избіеніе ихъ; когда онъ сталъ ихъ бить прутомъ, они не могли двинуться съ мѣста. Этотъ мотивъ замѣчается и въ другихъ варіантахъ, на которые указываетъ Аѳанасьевъ въ примѣч. къ № 113: герой, встрѣтивъ чертей, спорящихъ изъ-за трехъ диковинокъ (Нар. русск. ск., т. I, стр. 332), предлагаетъ имъ пуститься въ бѣгъ съ горы, а предварительно онъ облилъ эту гору смолой; черти побѣжали и прилипли къ смолѣ, онъ воспользовался этимъ и удалился съ талисманами. Въ кавказской сказкѣ четыре нарта, товарищи Сирдона, были прилѣплены воскомъ къ кресламъ, на которыхъ сидѣли (Сборникъ свѣдѣній о кавк. горцахъ, вып. VII, отд. II. Изъ осетинск. народн. сказаній, стр. 11). Въ повѣсти Гоголя „Вій“ черти бросились утекать изъ церкви, когда запѣли пѣтухи, но завязли въ окнахъ и дверяхъ.

[2]) Въ толковомъ словарѣ Даля: 1) Барма мск. бормотунъ, не внятно, не ясно говорящій; 2) перм., чрд. воръ; 3) вят. изнанка, ничка, мездра. Въ Ботанич. Словарѣ Анненкова (стр. 398) „борма-трава“, Epilobium angustifolium (Олонецк. губ. Понев. у.); это можетъ быть заимствованіе у финновъ; по-карельски это растеніе называется хорма, горма; по-фински horma, vormuruoho.

Digitized by Google

нимъ. Эта дѣвица-змѣя сближаетъ сказаніе о Бормѣ съ тѣми сказками, въ которыхъ царевна изображается коварной дѣвицей, какъ наприм., въ сказкѣ „Рога“. Имя перевозчика Правды напоминаетъ сказку о двухъ братьяхъ Правдѣ и Кривдѣ, изъ которыхъ первый узнаетъ нѣкоторые секреты и исцѣляетъ больную царевну; безъ вліянія этой сказки имя Правды въ сказаніи о Вавилонѣ является въ нѣкоторой степени неожиданнымъ. Въ сказаніи, правда, нѣтъ исцѣленія больной дѣвицы, но г. Ждановъ сближаетъ съ сказаніемъ сказку о Весельчакѣ пьяницѣ (ibid., стр. 18); Весельчакъ берется вылѣчить глазъ у кривой царевны и съ этою цѣлью отправляется за мазью въ змѣиное царство; дальнѣйшія его приключенія совершенно тѣ же, что у Бормы въ его поѣздкѣ въ Вавилонъ. Въ виду сказки о Весельчакѣ можно допустить, что сказаніе о вавилонскомъ царствѣ мы имѣемъ не въ полной редакціи, что оно было полнѣе, это была сказка въ родѣ сказки о Правдѣ и Кривдѣ и о рогахъ, которая подъ давленіемъ новыхъ редакціонныхъ требованій стала утрачивать цѣлые эпизоды.

Къ той же категоріи, кажется, принадлежитъ и легенда поволжскихъ татаръ о трехъ шейхахъ, которые пришли въ городъ Болгары и посредствомъ трехъ подарковъ, полученныхъ отъ Мухаммеда, исцѣлили царевну, болѣвшую въ теченіе *семи* лѣтъ (см. мои „Вост. мотивы въ средневѣков. европ. эпосѣ, Спб., 1899, стр. 530).

Болѣзнь царевны, какъ сказано въ одномъ мѣстѣ, заключалась въ параличѣ рта; повидимому, царевна была въ теченіе семи лѣтъ нѣмая. Въ сказкахъ, упомянутыхъ выше, нѣмота является въ числѣ болѣзней, которыя приписываются царевнѣ; именно въ норвежскомъ варіантѣ царевна онѣмѣла оттого, что жаба проглотила уроненную крошку св. хлѣба. Подобно тому, какъ въ русскихъ сказкахъ больная царевна иногда отчитывается, въ татарской легендѣ шейхи также читаютъ, и вслѣдствіе этого чтенія проростаетъ сухой посохъ [1]) и обращается въ дерево *сарбанъ*—березу; шейхи рѣжутъ вѣтви дерева, вяжутъ вѣники, ведутъ больную царевну въ баню и тамъ парятъ ее этими вѣниками. Въ русскихъ

[1]) Посохъ былъ воткнутъ въ чернильницу (дуатъ); въ Шиддикўрѣ; человѣкъ, исцѣляющій царевича (одного изъ семи царевичей братьевъ) на время чтенія заклинаній втыкаетъ палку въ дурму.

Digitized by Google

сказкахъ, указанныхъ выше, исцѣленіе также иногда происходитъ въ банѣ, только вмѣсто вѣниковъ изъ древесныхъ вѣтвей тамъ желѣзные и мѣдные прутья; впрочемъ баня и прутья встрѣчаются только въ сказкахъ о царевнѣ, обросшей рогами и обращенной въ кобылицу, въ сказкахъ же о царевнѣ, одержимой нечистыми силами, бани нѣтъ. Въ осетинской сказкѣ, какъ мы видѣли, является и дерево, дающее исцѣленіе; чаще же упоминается трава; можетъ быть и татарская легенда имѣла варіанты съ травой вмѣсто дерева. *Сарбанъ* въ спискѣ поволжскихъ названій растеній, записанныхъ мною (Извѣстія общества археол. и этногр. при казанск. универс., т. III (1882—1880 г.) стр. 246) присвоено травѣ Melilotus которая по-русски называется *донникъ*, *донная* трава, *дойникъ* (Анненковъ, Ботан. слов., 212, 213). Въ примѣчаніи у Анненкова сказано: Названіе донника произошло вѣроятно отъ названія какой-то болѣзни, что подтверждается словами одного стариннаго рукописнаго цвѣтника, гдѣ говорится: „Донникъ употребляется отъ выхожденія *донной*; пить, тереться и посыпать на *донную*“ [1]).

Именемъ дна у русскихъ называлась какая-то женская болѣзнь, какъ это видно изъ заговоровъ, въ связи съ которыми находятся амулеты особого рода, такъ называемые „змѣевики“. Значеніе этого слова выяснено подробно г. Соколовымъ въ его статьѣ: „Новый матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками“ (Древности, труды славянск. комиссіи Им. Моск. археолог. общества, т. I, М. 1895, стр. 134). Подъ словомъ дна, дъна, дьна, по изслѣдованію г. Соколова, разумѣлись: 1) matrix ὑστέρα, матица, чрево, желудокъ, 2) болѣзнь а) этихъ частей тѣла, б) вообще тяжелая внутренняя болѣзнь и 3) демоническое существо,

---

[1]) Имя *таинственная трава*, которое у Анненкова стоитъ при растеніи Asarum europaeum L., можетъ быть видоизмѣненіе имени донникъ или дойникъ. Въ примѣчаніи у Анненкова (стр. 52) сказано: Таинникомъ въ Сибири называется дѣтскій родимецъ и это растеніе съ успѣхомъ употребляется отъ этой болѣзни. Свѣдѣніе это доставлено о. Вербицкимъ, жившимъ въ кузнецк. окр. Томск. губ.; въ бійскомъ на р. Чарышѣ я слышалъ это имя въ примѣненіи къ Geum, но это тоже можетъ быть не вѣрно; Geum безъ цвѣтовъ можно смѣшать по сходству листьевъ съ растеніемъ Agrimonia Eupatorium L., а послѣднее растеніе можетъ быть смѣшиваемо съ Melilotus'омъ по сходству желтыхъ цвѣтовъ; у Анненкова для Agrimonia есть имена *донна* и *дона*. Въ Малороссіи донникъ называется *буркуномъ*, *воргуномъ*, *барко*; въ Польшѣ ostrzek.

Digitized by Google

причиняющее эту болѣзнь. Въ бѣлорусскихъ заговорахъ той же болѣзни даются имена: *золотой* донникъ, серебряный донникъ, *золотникъ* [1]). Существо, причиняющее болѣзнь, представляется чернымъ, лютымъ, со множествомъ ногтей, волосатымъ. Оно лежитъ внутри человѣка около пупа неподвижно; когда оно сдвинется съ мѣста, начнетъ бродить по тѣлу, происходитъ болѣзнь. Для излѣченія этой болѣзни мажутъ животъ и пупъ больного масломъ изъ горькихъ миндалей, варятъ салатову траву въ водѣ и парятъ ею брюхо больной женщины (стр. 138); парятъ больную въ банѣ, какъ видно изъ этого отрывка изъ заговора „якъ етому древу (вѣнику) на корнѣ не стояць, вѣтками не махаць, такъ етому доннику у дыни́ не уступаць"! Къ этому заговору сдѣлано примѣчаніе: „говорится парючи въ лазьни (стр. 139).

Въ заговорахъ просятъ донникъ лечь на своемъ мѣстѣ, свернувшись; по животу не ходить, сѣсть на *золотое* кресло и тутъ вѣкъ вѣковать; стать на „пупищу". Иногда отправляютъ его на синее море, на *золотой* камень или про́сятъ его обернуться *золотымъ* камнемъ (стр. 140). Въ литовскихъ заговорахъ также „мать" сидитъ въ *золотомъ* креслѣ и схожденіе ея съ мѣста причиняетъ болѣзнь; литовскіе заговоры также просятъ „мать": „Сядь въ кресло... кровь по серединѣ, въ морѣ *желѣзный* столбъ".

Выраженія: золотой камень на синемъ морѣ, желѣзный столбъ въ морѣ, и повѣрья, что донникъ лежитъ неподвижно свернувшись около пупа человѣческаго тѣла или сидитъ тутъ на золотомъ креслѣ, заставляютъ вспомнить о терминахъ: пупъ океана, пупъ земли, и о неподвижномъ положеніи Полярной звѣзды, которой даются иногда имена: Желѣзный столбъ или Золотой колъ. Тѣ же отраженія и въ заговорахъ съ именемъ Сисинія; одинъ заговоръ начинается словами: „При Черномъ *морѣ* въ островѣ *каменномъ* молился св. Сисиній", изъ моря выходятъ двадцать дочерей Ирода (стр. 166) [2]). Начало другого: „При *морѣ* Чермнѣмъ *столпѣ* и

[1]) На змѣевикахъ греческаго происхожденія съ греческими подписями вмѣсто славянскаго дна стоитъ ἰστέρα.

[2]) Въ одномъ заговорѣ (стр. 164) не 12, а семь дочерей Ирода. Число семь указывается также въ заговорахъ на стр. 152: „Двинулись 77 вѣръ кровикровницы съ кровавыми одеждами, съ кровавыми мечами"... они пьютъ человѣческую кровь: или шли 77 вѣръ злыхъ... они испиваютъ сердце (человѣка), его печень его кровь, его мозги; на стр. 157: авра 77 нечистыхъ. .(ср. 77 чертенятъ,

Digitized by Google

св. мученикъ Синей"...; выходятъ двѣнадцать дочерей Ирода (167). Въ другихъ заговорахъ съ именемъ Сисинія вмѣсто двѣнадцати страшныхъ дѣвицъ одно чудовище Гилу [1]); Сисиній закидываетъ въ море „удицу" и вытаскиваетъ его; здѣсь удочка на мѣстѣ молитвъ вышеприведеннаго заговора; вѣроятно, Сисиній молился на каменномъ островѣ на Черномъ морѣ такими молитвами, которыя должны были вызвать изъ воды дочерей Ирода. Эта форма заговора ближе къ венгро-славянскому повѣрью о Garabonzas djak' ахъ, которые чтеніемъ особой книги заставляютъ дракона выйти изъ озера или болота; другая же форма безъ молитвъ ближе къ одному изъ эпизодовъ Гэсэріады, къ разсказу о томъ, какъ Гэсэръ или Тӧрӧнъ-Музыкай осушилъ дно моря, чтобы обнажить и убить чудовище Анъ-Долмана.

Въ одной изъ сказокъ у Афанасьева (113, *а*) больная царевна, которую исцѣляетъ батракъ, добывающій потомъ диковинки, скатерть-самобранку и проч., заболѣла оттого, что къ ней по ночамъ леталъ змѣй; сказка заставляетъ предполагать зачатіе отъ этого сверхъестественнаго любовника; лѣченіе должно въ такомъ случаѣ имѣть изгнаніе нечистаго зародыша или его истребленіе. Сказки иногда разсказываютъ, что зародышъ отъ нечистаго любовника былъ вырѣзанъ изъ утробы матери. Такъ, наприм., Гэсэръ убиваетъ злое чудовище Анъ-Долмана, а потомъ распарываетъ животъ его жены и убиваетъ вышедшаго изъ ея утробы мальчика (Танг.-тиб. окр. Китая, II, 113). Въ тибетской версіи Гэсэръ убиваетъ сына собственной жены, зачатаго отъ враждебнаго царя (ibid., 37); кажется, дѣло идетъ объ одномъ и томъ же мальчикѣ; сынъ Анъ-Долмана точитъ стрѣлу и хочетъ убить Гэсэра; сынъ жены Гэсэра согнулъ матицу дома вмѣсто лука и также направляетъ стрѣлу на Гэсэра. Нѣсколько строкъ выше (ibid., стр. 33) объ этомъ зломъ сынѣ Гэсэра сказано, что половина его тѣла была золотая, поло-

---

которые въ сказкѣ у Афанасьева, № 66, вар. *в*, сосутъ царевну). Въ заговорѣ въ которомъ вмѣсто Сисинія стоитъ св. Георгій (стр. 170), ребенка сестры святого уноситъ не Гилу, какъ въ разсказѣ о Сисиніи, а сѧ́тунѧ вичерньа.

[1]) У Мелентіи, сестры Сисинія, чудовище Гилу унесло уже шесть младенцевъ тотчасъ по ихъ рожденіи; Мелентія собирается родить седьмого, но и этотъ былъ унесенъ чудовищемъ. Сисиній добываетъ чудовище со дна моря и заставляетъ его возвратить всѣхъ проглоченныхъ имъ дѣтей. Ср. въ Шиддикӯрѣ, ракшаса съѣла шесть братьевъ царевичей и собирается съѣсть седьмого.

Digitized by Google

вина серебряная. Въ другихъ случаяхъ матери, родивъ ребенка отъ сожительства со злымъ существомъ, сами убиваютъ его (Тангутотиб. окраина Китая, II, 271 и 291). Въ русской былинѣ богатырь Дунай разрѣзаетъ животъ своей жены и находитъ зачатаго ребенка съ золотыми руками; былина, кажется, подразумѣваетъ, что это ребенокъ,, зачатый отъ него самого. Во всѣхъ ли однако, варіантахъ такъ понимались отношенія ребенка къ Дунаю? Не приближалась ли иногда былина къ сказкѣ (Афанас., № 119, вар. *а*) объ Иванѣ-царевичѣ, мать котораго живетъ съ Огненнымъ-царемъ (т. е. съ огненнымъ змѣемъ)? Мать пытается отравить сына ядовитыми лепешками, но собаки вырываютъ лепешки изъ рукъ Ивана-царевича. О Дунаѣ г. Макаренко записалъ въ Енисейск. губ. отрывокъ, разсказывающій, какъ на кружалѣ поднесли Дунаю чашу съ виномъ, по краямъ которой бѣгали огоньки, а на днѣ лежала шипящая змѣя; повидимому, это была попытка отравить богатыря.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Сказка про козака Мамарыгу.

Жывъ соби козакъ Мамарыка; служывъ у мужыковъ 25 лѣтъ, не заслужывъ ни вола, ни коня, ни доброго слова; тоди пишовъ у службу. служывъ 25 лѣтъ, не заслужывъ ни вола, ни коня, ни доброго слова и отъ царя. Прійшовъ тоди опъять домой и пойшовъ у путь-дорогу, куды Богъ дасть. Теперъ, якъ узявъ иты, идеть тыждень, або два,—усе стовповою дорогою.. Зострічайе його парнюга.—Здраствуйте, говорыть, що вы есть таке?—Я есть, каже, козакъ Мамарыка, служывъ мужыкамъ 25 лѣтъ, не заслужывъ ни вола, ни коня, ни доброго слова, и царю 25 лѣтъ служывъ и не заслужывъ ни вола, ни коня, ни доброго слова; теперь прійшовъ соби домой, то и пійшовъ куды Богъ дасть. А ты, каже, шо есть таке?—Я, каже, у пана, у такого-то, бувъ за поваря, та нисъ посуду большую, дорогую, та спѣткнувся, упавъ, побывъ посуду, такъ на меня учерашній день наготовылы много розогъ, шобъ мене сикты, такъ я оце втикъ. Такъ прыймы мене, брате, козакъ Мамарыка, за меньшого брата; буду тоби служыть.

Побраталысь воны та й йдуть соби.

Тамъ много, немного шлы воны,—тыжднякy, чы болѣе, теперъ зострічайе ихъ третій, зъ батижкомъ.—Здраствуйте, каже, братья! Що вы за люде? Сей каже:—Я есть козакъ Мамарыка; а я, другій однича, бувъ у пана за поваря, та такъ, якъ мене малы сикты, такъ я утикъ,

Digitized by Google

а оце мы побраталысь.—Ну, каже, прыймить и мене за третёго брата.—А ты, шо есть зе чоловикъ.—Я, каже, чумакъ бувъ, гнавъ 12 возовъ зъ рыбою чы зъ силью. Розбойныкы набиглы, та й забралы у мене деньгы и худобу мою, та зъ душею тилькы я и убрався, та отъ зъ цимъ батижкомъ.

Прынялы, и оце сталы тры браты; и идуть соби дорогою стовповою: де выпросють соби хлиба, тай идуть. Теперычкы дойшлы, що стоить соби стовпъ и тры дороги наризно. Подывывся козакъ Мамарыкга и каже: ттутъ, браты мои, треба намъ рызныться. Теперъ попрощаемось соби; который на котору хоште, туды и ступайте, а мени, яку покынете, така й буде. Теперычкы узялысь—роспрощалысь и пишлы, той на ту дорогу, той на ту.

Якъ узявъ козакъ Мамарыкга ходыть, ходывъ соби годовъ десятокъ. Ходывъ и убрався у лисъ. Ходывъ у лису довго—недовго, находыть соби хатку. Кынувся до дверей, заперти двери.—Одчынить! каже, а дви женщыны сміютьця, не одчыняють. Просывсь, просывсь, не одчыняють. Узявъ тоди,двери выставывъ, иуходыть у хату.—Здраствуйте, каже.

Лежыть чоловикъ на печи.—Що ты такой за самоволець, що прыйшовъ до мене, та двери выставывъ? Вотъ я, говорыть, якъ устану, та тозьму мъяло, то я тебе попомну, щобъ ты знавъ мене. Що ты йе такое?—Я, говорыть, есть козакъ Мамарыкга!—Э, говорыть, просты, братъ, що я тебе наругавъ; ты мени есть братъ старшый меня.—Якой же, каже, ты мени братъ?—А той, каже, що я отъ пана утикъ, а ты мене прынявъ за брата.—Ну, теперь за стилъ брата. Садыть його за стилъ, йисты и пыть братови даёть.—Якъ же ты, брате, доси соби помѣста не найшовъ?—А нѣтъ, говорыть, не найшовъ и доси!

Ну, попылы, погулялы тамъ соби.—Ось, каже, брате, у мене дви жинки, такъ беры, яку хочешъ соби за жинку.—Нѣтъ, каже, брате, благодарю; я не хочу.

Побувъ трое сутокъ у того брата, одыхнувъ соби; тоди сказавъ:—прощай, брате, благадарю, пойду, куды Богъ дасть.

Пійшовъ отъ того брата у путь-дорогу, тай иде соби, куды Богъ дасть. Ишовъ винъ безъ мѣста дней тры, або чотыри, отъ того брата. Дывытьця—гоныть панъ зайця, и бижыть той зайиць дорогою прямо на його; винъ ударывъ палкою, тай вбывъ и сивъ тамыньки коло його. Прыбиглы хорты, подывылысь и полягалы коло його. Добигайте панъ.—Здраствуй, говорыть, мужыкъ! Тутъ, говорыть, зайиць; ты не выдавъ?—Нѣтъ, каже, я, вотъ, зайця убывъ.—Каже:—що есть ты такое?—Я, каже, есть козакъ Мамарыкга!—Э, говорыть, брате, просты, може я тебе наругавъ якъ-небудь? — Схвачуетьця зъ лошади, беретьця за рукы и цилуетьця.—Ты, говорыть, есть мени братъ старшый мене. Помлышъ, говорыть, якъ вы два браты йшлы, а мене третёго прынялы? Такъ, говорыть, помлю, якъ же не помлыть?—Ну, прошу, брате, до меня у гости; я теперъ жыву харашо. Садысь братъ, на коня на мого.—Нѣтъ, говорыть, благадарю брате, за лошадь, бо я не умію йиздыть. Ну, идуть соби, побралысь за рукы, коня закынувъ панъ соби на другу

Digitized by Google

руку. Идуть и розговорюють соби.—Що ты, брате, козакъ Мамарыка, и доси соби мѣста не найшовъ? Ось я, говорыть, восимнадцять литъ якъ женывся и жыву тутъ.

Прыйихалы домой до того пана; уводыть онъ його у свой домъ. Вишлы, поздравствовалысь.—Это, говорыть, жена, я знайшовъ свого старшого брата у степу, у дорози. Теперъ, посадылы, давай пыть, гулять; и не знають де його и дить: таки ради вже воны йому. Теперъ прысоглашайе винъ брата свого Мамарыкгу на свойе жытельство; каже:—я тоби, брате, половыну усёго оддамъ. Тебе, братъ, оженю, говорыть; ось, каже, хочъ у оцихъ комнатахъ будешъ, або выстроимъ тоби, або мени. Нѣтъ благадарю, брате, говорыть, за твойе слово. Слава Богу, що ты соби нажывъ, и я соби нажыву, то мойе буде.

Побувъ винъ цилый мисяць у сёго брата, погостювавъ. Ну, теперь, каже, брате, прощай, пойду соби, куды Богъ дасть. Братъ и плакавъ, и уговарювавъ: що, брате, оставайся туть; такъ каже: благадарю, не хочу.—Може, каже, брате, дать тоби лошадь хорошу на дорогу?—Благадарю, каже, за лошадь. Теперь давъ винъ йому сотъ чы дви, чы три, на дорогу, попрощалысь; пійшовъ соби у путь-дорогу опъять.

И шовъ опъять довго-не-недовго, дывытьця, ажъ три чоловикы, бьйетьця на могыли. Винъ тоди навпростець швыдче туды.—Здраствуйте, господа, та защо вы бьетесь?—За свою батькивщину, кажуть; насъ три браты есть.—Какая жъ у васъ батькивщина?—Оце у насъ конь Гыверь, та торба-волосянка, така, що дайе йисты и пыть, та ще роботи таки, що поверхъ воды ходять. Оце тилькы у насъ и батькивщины. Такъ отой каже, я возьму те, а отой каже, що я возьму те; то мы и бьемось за те. А ты, каже, що есть за землякъ?—Я, каже, есть козакъ Мамарыка. Ну роздилы, каже, брате, козакъ Мамарыка, нашою батькивщыною —Я, каже, браты, васъ роздилю; нихто васъ чыще не роздилыть, якъ я! Согласны на се, що я вамъ буду говорыть?—Согласны, кажуть воны, абы ты, козакъ Мамарыка, насъ роздилывъ!—Ну, каже, я буду вамъ, братья, говорыть. Ступайте, каже, за повторы гоны одъ меня, а когда я махну, вы бижить уси разомъ; хто по переду прибижыть, яка любымая твоя штука, ту и беры, а который второй прибыжыть, той беры соби тожъ любыму штуку, а заднему те, що останетьця.. Воны пишлы соби зо повторы гоны, тоди онъ махнувъ. Конь Гыверь у йихъ стоить осидланный, готовый. Теперъ винъ забирайе соби торбу-волосянку черезъ плечо, сапаги обувайе, тоди у стремено ножку и сидайе соби на коня, на Гыверя,—Эй! каже конь Гыверь, якъ, пане, тебе несты: чы поверхъ дерева, чы уплынъ дерева, чы поверхъ комышу?—Несы, говорыть, мене уплынъ дерева. Браття бижать назадъ, увыдилы, що винъ подався, воны пидняли рукы у—гору. А винъ и крыкнувъ йимъ: я-жъ вамъ казавъ, що чыще, якъ я, нихто васъ не роздилыть!

Винъ пойихавъ, а воны почухалы соби головы, та и пишлы домой.

Янъ узявъ йихать козакъ Мамарыка цією лошадью йихавъ поки и самъ, и лошадь не потомылысь; тоди, сталы соби палаткы розбылы.

Digitized by Google

Торбочку-волосяночку тоди винъ розшиоргуйе;—торбочка-волосяночка, дай йисты й пыты. Тутъ де узявся столъ:—напытки и найидки разни, и йому и лошади. Найилысь, напылысь.—Торбочка, уберысь! Воно убралось зновъ у торбу: нѣтъ того ничого. Ну, теперъ, хазяинъ, лошадь пыта, куды будемъ йихать?—Каже: я й самъ не знаю. Ось, якъ я пійшовъ изъ свого мѣста, такъ хожу больше двадцяты лѣтъ.—Куда же, каже, вы думаете?—Та, каже, я не знаю самъ; куды Богъ пройзведёть!—Ну, лошадь каже, поѣдьмо у чужу землю; тамъ оддайе король свою дочъ за-мижъ; тамъ, у його стойить дубъ у дворци; хто можеть його зрубать, за того оддайе дочъ свою и царство одпысуйе. Можете, каже лошадь, той дубъ зрубать?—Ну, каже, зрубайемъ не зрубайемъ, а попробуйемъ.

Ну, теперъ и пойихалы туды; йихалы сутокъ тамъ тройе, чы тамъ четверо; подийижають у лѣсъ, черезъ лѣсъ перейизжають; чують, що у лису, то рубають, то пыляють, то гемблюють; смотрють,—не выдать людей ниде. Потыхоньку ще блыще, дали уставъ зъ лошади, веде йийи у рукахъ, прыслухуетьця. Дывыться, ажъ на дуби торба высыть дротянка. Винъ ухватывъ орапныкъ у руки, якъ лясне, ажъ луна пишла по усему лису; и крыкнувъ тоди:—у торбу убирайтесь соби! Тоди брязчыть усе, да усе у торбынку убирайетьця. Убралось; уже не чуть того ничого. Лизе тоди винъ на дуба, пидхвачуйе тую торбышку у свойи руки, сидайе на лошаль и гайда.

Прыбигайе у тую землю, до того короля, и оповищаетьця, що прыйихавъ зъ такойи земли. Потребовавъ король його у свой домъ.—Ну, зачѣмъ, господынъ ты забывся у мою землю?—Вы, ваше сіятельство, свою дочъ отдаете за-мижъ за того, хто може дуба зрубать вашого.—Это вѣрно, говорыть король; такъ; абы ты зрубавъ, то ты мени зятько будешъ. Тильвы, шобъ зрубавъ и кориньня зъ його повытягавъ, поколовъ и склавъ, и спалывъ. Ежели не зробышь того, що я говорю,—то бачышъ тамъ чоловичы головы,—то тамъ и твоя голова буде.

Давъ винъ йому выпыть, закусыть.—Ступай теперъ; застунай у роботу. Ось тамъ, дубъ стойить одъ крильця недалеко, такъ иды, зрубай його.

Онъ пійшовъ до того дуба: розшиоргуйе дротянку.—Ну, теперъ, говорыть, робята, у этотъ дубъ, у середку; и рубите тамъ пры нызу. Убралось усё у дуба, такъ шо и не выдать. Винъ соби лигъ оддыхать. Довго-недовго, а його клычуть обидать. Онъ узявъ-пійшовъ.—Вы, робята, немножко оддохните, пока я покушаю. Пишовъ винъ кушать, а робята оддыхають.

Выйшла короливна смотрить на этого дуба; чы винъ много його врубавъ, колы винъ и не трогавъ його. Пидходыть до батюшкы и каже:—се, каже, якойсь ледарь до насъ прыбувъ. Ось, каже, иншы хочъ почнуть, а сей не почынавъ и доси.—Ну, каже, то ничого; його голова буде тамъ, де и тихъ.

Покушавшы, сей зновъ прыходыть до дуба.—Що, робята, говорыть, оддихнулы? Оддихнулы, говорять, господынъ хазяинъ.—Ну, беритьця ро-

Digitized by Google

бята, опъять за роботу; узялысь за роботу опъять. Тутъ, довго-недовго, черезъ часа—мѣста, дубъ брязнувъ объ землю, ажъ земля здвыгнулась и комнаты забрящалы.

Выбигайе король на крыльцё, колы лежыть дубъ доли.—Эй, дочь моя, выходь сюды! Се, говорыть, найшовся молодець: дуба звалывъ. Пойдить, його позовить у комнату мою, та дайте покушать!

Прыходыть винъ.—Ну, говорыть, ты молодець, козакъ Мамарыкга! Можеть, будешъ у мене затькомъ! Это я, говорыть, головъ больше сотни на дубъяхъ положывь за того дуба. Прышанувавъ його, давъ йому стаканъ водкы, балакавъ зъ йимъ;—усе хараше.

Покушавшы пійшовъ зновъ козакъ Мамарыкга до свойей роботы.—Ну, робята, оддохнулы? говорыть винъ на свій струментъ.—Уже оддохнулы! говорять.—Ну, старайтесь, робята, щобъ сегодня його скласты, бо уже не рано, и шобъ спалыть и розвіять попелъ по витру. Ухватылысь за роботу робята опъять. Черезъ часъ-мѣста склалы усе у кучу, у-вышкы якъ дзвиныця, и подпалылы, и згорило чысто, тоди и попелъ розвіялы.—Ну, теперычкы, робята, збирайтесь у свое мѣсто, у торбочку дротяну. Собралысь воны у мѣсто, узявъ винъ зашморгнувъ.

Посмотрювайте король та короливна.—Се, кажуть, не съ простыхъ-що такый узявся!

Ще сонечко не зайшло, пойшовъ козакъ Мамарыкга на базарь, купывъ соби скрыпочку, оришкивъ, пивъ кварты лютого спырту поскладавъ соби у торбочку прыходыть до короля зъ базаря. Вечоръ.—Дайте, каже король, перекусыть йому де-чого! Далы йому. Винъ перекусывъ. И загадавъ король свойимъ жандарамъ:—укыньте його у комнату до ведмедя, то той його, каже, оженыть! Узялы його, ухватылы його сылою, и убросылы туды, у комнату, до ведмедя.

Ушовъ онъ до ведмедя и здраствуетця.—Здраствуйте, говорыть, ведмедь! Той кывнувъ головою. Прохожуйе соби козакъ Мамарыкга по хати тулы-сюды, выймайе свою скрыпочку, изъ торбочкы, торбочку-волосянку звимайе зъ свойихъ плечей:—торбочка-волосянка, дай мени йисть и пыть. Тутъ де узявся столъ, набрався усякыми найидками и напытками. Сивъ, кушайе.—Прошу, говорыть, ведмедь, кушать до меня идить! Прыступывъ ведмедь до його стола:—ну, каже, що ты есть такое? Я, скилькы тутъ людей пойивъ, ну, такого не выдывъ, щобъ поставывъ на столъ найидки и напыткы, що и у короля такихъ нема! Ну, даёть; ведмедь себѣ берёть, кушайе. Налывайе того спырту у румочку козакъ Мамарыкга, здоровается до ведмедя, пъеть.—Що то, говорыть, вы пьете такое?—Се, каже, водка така, хороша.—Для чого, каже, вы йійи пъете?—Это, каже, для смѣлосты мы пьемо водку.—А дайте и мени, я попробую. Налывъ винъ стаканъ йому. Роззявывъ винъ ротъ; узявъ—высыпавъ йому у ротъ. Давъ закусыть.—Ну, каже, не розобравъ, дайте ще другу. Налывайе винъ другу; той выпыва. Выпывъ закусывъ. Теперь бере козакъ Мамарыкга свою скрыпочку, давай грать. Пойшовъ ведмедь танцювать.—Выпейте ще стаканчикъ для смѣлосты. Давъ, винъ выпывъ и той. Теперъ пойшовъ ведмедь зновъ танцювать. Ну, козакъ

Digitized by Google

Мамарыкга, колыбъ ты выучывъ мене такъ грать, якъ самъ грайешъ!—Я, каже, могу выучыть сій-часъ, абы охота.—Ну, это моя охота; выучы, пожалуста! Протиморгуйе винъ свою дротяную-торбу, вытягайе клынья зализни и молотъ, а у комнати лежыть половына дуба товстого. Винъ узявъ, клынъями набывъ, росколовъ той дубъ харашенько.—Ну, стромляй, каже, сюды лапы, я буду тоби выправлять, щобъ ты перебиравъ харашо, такъ якъ я. Давай винъ устромлять у коливатыну свойи лапы, а той каже: ще дали стромляй! Стромляй, покудова що дальше нигде стромлять! Узявъ винъ тоди клынья повбываъ, и сступывся дубъ, а ведмедь крутыть задомъ и каже:—выпусты мене, козакъ Мамарыкга, уже ты мене повыправлявъ рукы!—Нѣтъ каже, ще не пора тебе выпускать. Вотъ, говорыть, я столъ уберу, та тогда покажу!.. Торбочка-волосяночка, уберысь! Торбочка убралась. Повисывъ винъ торбочку; вынимайе орапныкъ дротяной и давай тоди ведмедя зъ заду почыщать.—Эй, каже, козакъ Мамарыкга, пусты! Защо ты мене бъйешъ? А ты каже, нашого брата уже много пойивъ! Вотъ я тебе нагодую, ты больше не схочешь насъ йисты! Тоди ставъ його кнутомъ чыстыть иззаду таъ, що шерсть летыть тилькы. Ведмедь ревёгъ, та просыться, а той чыстыть. Ну, бывъ, бывъ, утомывсь, лигъ одхнуть. Оддыхнувъ, опъять за свою роботу, опьять бъйе. На половыни ведмедя зъ обохъ бокивъ выбывъ йому шерсть усю чысто. Лигъ, заснувъ козакъ Мамарыкга.

Теперъ розвыднилось, свитъ.—Пойдить, посылайе король, выкиньте кости козака Мамарыкги! Подходять до окошка,—окошко перегорожено зализомъ,—смотрять у окошко. Увыдивъ ведмедь йихъ, що прыйшлы. Воны обзываютьця до ведмедя.—Мовчить, каже ведмедь, бо панъ мій спыть; бо якъ устане, то буде опъять быть. Воны услышылы, назадъ пишлы, говорять: щось обзываетьця ведмедь; должно буть, козакъ Мамарыкга—живой!—Нѣтъ, не можеть буть, а пойдить—узнайте!

Пишло йихъ чоловика чотыри, чы що. Подходять до дверей, одпирають двери. Одчынылы, колы ведмедь у дубови стромыть и каже:—мовчить, бо панъ мій спыть; ступайте соби, бо якъ устане, то буде быть!

Подходять воны до короля, кажуть:—козакъ Мамарыкга спыть, а ведмедь у дубови стромыть.—Нѣтъ, говорыть, я не повѣрю! Хтобъ його у той дубъ засадывъ? Ну, пойдемте теперъ!

Узявъ соби чоловика изъ шесть и пишовъ. Подходять, а тои соби спыть, а ведмедь у дубови стрымыть, и шерсть лежыть ведмедови по колины. Увійшлы; встайе козакъ Мамарыкга.—Що, каже, куды вы мене, господынъ, заперлы на ноч? Щобъ ведмедь мене зъѣлъ! Вотъ я нагодувавъ його; винъ больше не схоче нашого брата йисты!—Ну, козакъ Мамарыкга, выпусты, пожалуста, ведмедя изъ этого дуба.—Можно, каже; по вашому слову я могу выпустыть. Вынимайе клынки изъ торбочкы и молотъ, наставляйе у росколыну и розводыть дуба опъять.—Ну, выдергувай теперъ лапы! Узявъ винъ повытягавъ. Повкыдавъ винъ свой струментъ у торбу опъять.—Ну, пойдемъ теперъ, козакъ Мамарыкга, теперь ты будешь менѣ зятькомъ: такого нѣту и у свѣтѣ, якъ ты!

Digitized by Google

Прыводыть його у домъ, угощайе його.—Ну, дочъ моя, это твой мужъ, а мій зять; колы вонъ съ ведмедемъ переночувавъ, то дѣлать уже нечего.

Сей-часъ убрялы козака Мамарыкгу у одежу, у саму перву, до священныка—винчать. Обвинчалы йихъ: святьбу давай гулять. Святьбу одгулялы; давъ нимъ комнату:—оттутъ соби живите, у тій комнати! Одпысуйе козакови Мамарызи половыну царства. Козакъ Мамарыкга каже:—я не хочу половыны царства: у васъ царство малое; одпышить мене усё царство, а половыны я не хочу.—Нѣтъ, каже, я усёго не оддамъ; якъ умру, то тоди буде твое усё, а теперъ,—твоя половына и моя половына.—Нѣтъ, говорыть, половыны я не хочу.—Нехочъ-не хочъ, то твоя воля, а я другой половины не оддамъ, покы не умру.

Выводыть козакъ Мамарыкга свого коня Гыверя зъ конюшни, бере жену за руку;—прощайте, говорыть; когда не хочете одпысувать усего царства, такъ я поѣду у свое царство зъ женою. Сидайе на коня и жену сажайе.—Эй, пане мій мылый, конь пытайе, якъ тебе несты, чы поверхъ дерева, чы уплинъ дерева, чы поверхъ комышу?—Несы, каже, поверхъ дерева!

Понись конь-Гыверь, тилькы кура схватылась. Несёгъ його сутокъ двойе; на Чорнойе море знисъ. Моря больше, нижъ земли. Сколько не йиде, усе море Чорнойе. Найшовъ камень середъ моря; остановывся на этому камни, розбывъ соби палатку, надымайе торбу-волосянку изъ плечей, изъ свойихъ;—торба-волосянка, дай намъ йисты и пыть! Тутъ столъ сійчасъ де узявся: найидкы, напыткы на столи, що королівна-другівна не выдала и у свого батька такыхъ найидкивъ и напыткивъ. Найилысь, напылысь;—торба-волосянка, уберысь! Не стало ничого, усе у торбу убралось. Зашморгнувъ. Теперъ оддыхають соби на камени.—Положыте мени голову на колины, то я подывлюсь, чы йе що? Положывъ винъ голову на колины, давай вона шукать у голови. Довго-недовго вона довбалась у його у голови, покудова винъ заснувъ. Заснувъ харашо, мицно; давай вона тоди платье вытягать, и назадъ соби одсовуватыця. Высунулась, а винъ лежыть соби—спыть. Вона у стремено ногу; конь Гыверь пытайе:—сударыня, куда тебе несты?—Несы мене, каже, до мого отця! И забрала вона ти торбочкы, и волосянку, и дротянку. Понисъ йийи конь до батька.

Выспався козакъ Мамарыкга, устайе; нѣту, ни лошади, ни жены.—Э, козакъ Мамарыкга! Вонъ когда пропавъ! Пишовъ, по камени, тудысюды; дывытыця, лежать сапаги.—Э, слава Богу, еще козакъ Мамарыкга не сгыне! Обувайе чоботы, пійшовъ соби поверхъ воды.

Перейшовъ море, пройшовъ суходоломъ одни гоны; стоить кущъ вышвёвый изъ ягодыны. Вырывае ягодку, кыдайе у ротъ: становытыця у його рогъ у боци; вырывайе другу, кыдайе у ротъ: стало два рогы.—Э! Пропавъ козакъ Мамарыкга! Рогы, по аршыну, по крамарському... Якъ я буду жыть? Полно йихъ кушать! Сколько я йихъ буду кушать, то усе будуть рогы на мени! Пойшовъ одъ тыхъ вышень шаговъ десятокъ,—другой кущыкъ стоить ягодъ. -А, дай, каже, вырвать и сю

Digitized by Google

попробовать! Що, каже, буде? Вырвавъ и зъйивъ, и спавъ рогъ одынъ, другу укыда у ротъ ягодку,—и спавъ и той.—Ну, слава Богу, теперъ козакъ Мамарыкга волной! Нарву я сихъ у платочокъ, вернусь, та нарву и тихъ!Нарвавъ, и тихъ, и тихъ, по платочку, и теперь двынувъ у те царство, де його жена.

Подходыть туды до крыльця, до ограды, гука по ягоды. — Пойды, на служабку, каже короливна, що воно за ягоды? Та прыходыть, здраствуетьця: — здраствуйте, каже. — Здраствуй.—Какія ягоды, звидкы, чы свѣжы? — Нѣтъ, каже, свѣжы; у насъ харошы ягоды. — Какъ у васъ рано поспиваютъ! У насъ цвитуть, а у васъ уже и готови! — Дороги, каже, ягоды; хорошы, такъ дороги!—Почомъ?—По рублю серебра ягода, каже. Пошла вона, одказала короливни:—се, каже, оттаки ягоды. Одщытала вона рублей пивъ сотни:—На, каже, возьмы, однесы. Прыйшла вона, оддала деньгы; винъ давъ ягоды на щотъ. Прыносыть ягодкы вона назадъ. Бере короливна-другивна ягодкы, укылайе у ротъ становыться у йийи тры рога, два по бокахъ, а третій—на мывоти. Зострахнулась вона:—що се таке? Дай—ище укынуть у ротъ! Укынула ще штукы тры: ще стало тры рогы. Ну, и смаковыти таки ягоды, що не могла удержатьця, и стало по йийи, по усій, рогы. Сорокъ ягодъ якъ изъйила и сорокъ рогавъ стало по йій, по усій. И такъ вона на тихъ рогахъ и высыть.

Тутъ сійчасъ до короля:—идыть! Що тамъ сталось зъ барышнею? Убигайе король,острахнувся:—що се таке? Що ты йила?—Купыла ягодокъ, каже, носывъ якійсь-то мужыкъ, такъ попойила, и оце стало на мени!—Бижить, посылайе салдатъ. Хто носыть ягоды? Сюды його тащить!.. Шукалы, шукалы, никого не найшлы зъ ягидьмы. Такъ и сыдыть короливна на рогахъ. Давай король одпысувать у чужы царства, щобъ булы таки доктори и ликари, щобъ оти рогы зогнать. Позъиздылысь изъ чужыхъ царствовъ и изъ свого царства доктори и ликари. Посмотрилы, посмотрилы,—ничого не здѣлають: не зходыть, чымъ тамъ не мазалы,—одынаково!

Розъйихалось те усё опъять по свойимъ мистамъ, а чоловикъ ходыть по базарю и каже:—я могу эти рогы изогнать короливни безъ зилья. Тутъ далы знать королю сійчасъ же.—Де вонъ есть той молодець? Преставте його у мой домъ! Узялы—преставылы його королю.—Можешъ ты изогнать рогы безъ зилья у мойеи дочери?—Могу!—Вотъ одпысую тоби царство, и ось твоя жена! — Вывезить мени возовъ изъ два трисокъ на площадь, и выйиздить уси городяне за 25 верстъ отъ города. Буду таки ликарства роспускать, що якъ зайде, то умре народъ увесь. Вытащить йийи у садъ до этои купы дровъ! Вытаскалы воны йийи до дровъ и тоди убралыся воны уси. Узявъ винъ дрова запалывъ, тры быча вырубывъ дубовыхъ, запарывъ; бере тоди бычы и потягайе минъ рогамы. Вона крычыть.—Се, каже бьеть тебя козакъ Мамарыкга, твой мужъ. Де ты мого коня Гыверя дила?—Твой конь жывой,—на станку; не мучъ меня!—А торба—волосянка, та дротянка, — де?—Это у батюшки усе поховане. Буде тоби передъ лыце усё, тилькы мене не мучъ!—Больше жъ мене не будешъ кыдать? — Не буду до вику вичнёго! Ну тоди онъ бере ягодку,

Digitized by Google

роздавлюйе йій у ротъ, и спадайе рогъ, подіймайе вона тоди голову выше, а то винъ бычамы йійи зовсимъ уныччожывъ. Укыдайе йій изнову ягодъ дви, тры у ротъ: пойила, ще тры рогы спало. Осильныла вона ище.. Тоди ще дайе йій ще побольше: ти рогы на йій осыпаютьця. И зъйила штукъ 40 ягодъ;—побсыпалысь рогы, стала короливна-другивна така, якъ и була. — Ну, смотры, щобъ ты знала, якъ за-мижъ ныты! Пошлы у комнаты, тамъ найшлы, що пыть, що йисты; попылы, нойилы.

Черезъ часъ-мѣста бижять городяне у городъ. Прыбигайе король у комнаты, зостричайе його дочъ. Слава Богу, слава Богу, що Господь пустывъ тебе на сей свитъ!

Теперычкы давай пыть-гулять... — Зъ какой ты земли, хто ты есть, пытайе король того, що зигнавъ рогы.—Я есть козакъ Мамарыкга, говорыть, вашъ зять первый; мени винчатьця не нада: я уже винчаный.— Такъ это ты?—Я, говорыть.—Ну, одпысую тоби усе царство.

На томъ оснуваніи и царствуйе козакъ Мамарыкга у томъ царстви. Винъ почытайе жену, а жена його, и жывуть воны соби у томъ царстви[1]).

Г. Потанинъ.

---

[1]) Въ сказкѣ изъ Черниговской губ. (Гринченко, Этнограф. матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ, вып. 2, 1896 г., стр. 247: № 183„ Про гусочку, що несла Золоти Яйця„) двѣ яблони; отъ яблоковъ одной тѣло человѣка покрывается шерстью и выростаютъ рога (какъ будто человѣкъ превращается въ рогатаго звѣря), отъ другой безобразіе смѣняется красотой.

Digitized by Google

Къ новымъ записямъ былинъ изъ Донской области.

Три былины, записанныя въ Донской области г. Харламовымъ и помѣщенныя въ „приложеніи“ къ настоящей статьѣ, являются интереснымъ пополненіемъ къ скудному остатку былевыхъ пѣсенъ, извѣстныхъ въ той же области и изданныхъ въ сборникѣ А. Пивоварова [1]). При отсутствіи прочной былинной традиціи повсюду въ Россіи, кромѣ губерній Олонецкой и Архангельской, мы, конечно, не можемъ надѣяться найти на Дону тѣхъ обширныхъ стройныхъ „старинъ“, которыя были записаны изъ устъ сѣверныхъ „сказителей“. Въ появившихся въ послѣдніе годы записяхъ былинъ въ Пермской губерніи (г. Косвинцева), въ Терской области и на Дону приходится постоянно отмѣчать такія же черты захуданія и путанности, которыя характеризуютъ большую часть былинъ, записанныхъ въ западныхъ, центральныхъ, южныхъ и восточныхъ частяхъ Великороссіи и вошедшихъ въ сборникъ Кирѣевскаго. Но собираніе и такихъ убогихъ былинъ не лишено научнаго интереса. То немногое, что уцѣлѣло въ этихъ областяхъ отъ стариннаго былевого инвентаря, показываетъ, какія эпическія личности и какіе сюжеты пользовались наибольшей популярностью и распространенностью.

Разсмотримъ три новыхъ былины, записанныя г. Харламовымъ.

1-я былина о Добрынѣ, какъ и обѣ другія, замѣнила эпическій длинный стихъ короткимъ (б. ч. четырехстопнымъ) пѣсеннымъ. Сюжетъ ея, несмотря на порядочное для донскихъ былинъ число стиховъ (150), не развитъ: очевидно, на Дону помнили коечто о Добрынѣ, но помнили нетвердо и не умѣли довести до конца ни одного сюжета. Въ длинныхъ пѣсняхъ, каковы эпическія, какъ

[1]) Послѣднія тоже приводятся въ „приложеніи“, равно какъ и былина, записанная А. М. Листопадовымъ и еще имъ не напечатанная.

Digitized by Google

извѣстно, окончаніе всего чаще комкаются. Какъ многія былины о Добрынѣ, такъ и донская начинаетъ разсказъ о немъ издалека: упоминаетъ объ его умершемъ отцѣ, о матери „молодой вдовѣ", о его воспитаніи. Но сейчасъ же начинается путаница, объясняющаяся тѣмъ, что слагатели смутно помнятъ о девятилѣтней службѣ Добрыни (въ приворотникахъ, стольникахъ, ключникахъ) у князя Владимира. Въ записи отъ казака Мартынова оказывается, что девятилѣтняя служба Добрыни началась въ люлькѣ: три года богатырскій младенецъ въ люлькѣ лежалъ, затѣмъ три года золоты ключи держалъ и три года былъ ключникомъ. Послѣ этихъ девятилѣтнихъ занятій Добрыню отдаютъ учить грамотѣ къ князю Владимиру, какъ будто князь содержалъ школу грамотности. Въ болѣе толковыхъ былинахъ о Добрынѣ, какъ извѣстно, сначала упоминается обученіе грамотности, а затѣмъ ужъ девятилѣтняя служба при дворѣ Владимира. Далѣе Мартыновъ (или его источникъ) приписалъ Добрынѣ-мальчику молодецкія шуточки („ково за руку возьметь,—руку прочь оторветь, ково въ голову ударить,—голова съ плечь слятить"), которыя свойственны Василію Буслаевичу или Борису-Збуту королевичу, а не былинному Добрынѣ, отличающемуся „вѣжествомъ". Упоминается и жалоба на Добрыню за его шуточки передъ княземъ, но всколзь, безъ всякихъ послѣдствій. Нѣкоторыя воспоминанія изъ хорошей традиціи замѣтны въ дальнѣйшихъ стихахъ, разсказывающихъ объ обращеніи Д. съ просьбой къ матери, Амельфѣ Тимофеевнѣ, его отпустить и объ его сборахъ. Эпическая картинка сѣданія коня еще сохранилась въ памяти Мартынова. Интересна и дальнѣйшая черта: встрѣча Добрыни съ Ильей Муромцемъ, старымъ-старичкомъ, отъ котораго онъ узнаетъ, гдѣ Маринкинъ дворъ. Такая роль указанія старикомъ юношѣ, гдѣ живетъ прелестница—положимъ, не совсѣмъ пристала старому казаку. Но она навязана ему не впервые въ этой былинѣ: она встрѣчается еще разъ въ небольшой былинѣ о Добрынѣ и Маринѣ, записанной въ Москвѣ г. Лапшинымъ и представляющей (съ 16 стиха.) самый близкій варіантъ къ донской. Послѣдняя, впрочемъ, въ этомъ эпизодѣ толковѣе московской. По записи г. Лапшина [1]), на слова Добрыни:

— Хожу ли я, ищу ли я Маришкина двора—

[1]) Былины старой и новой записи, II, стр. 80.

Digitized by Google

Илья сообщаетъ ему, что Маришкинъ дворъ стоитъ середь Кіева, середь площади и затѣмъ описываетъ его тынъ и терема. Въ донской былинѣ Илья поясняетъ, откуда онъ знаетъ про Маринкинъ дворъ:

Какъ мы съ батюшкой Твоимъ погуливали, Разговоръ у насъ былъ Про Маринкинъ дворъ.

И далѣе, упомянувъ о желѣзномъ тынѣ съ головой на каждой тыниночкѣ, Илья предостерегаетъ Добрыню, прибавляя:

Быть то Добрыня Твоей тамъ головѣ.

Дальнѣйшія подробности—стрѣляньe Добрыни въ цѣлующихся голубей на теремѣ Марины, нечаянное убіеніе змѣя лютаго въ отсутствіе Марины, приходъ ея и встрѣча съ Добрыней—описаны довольно полно въ былинѣ, но на этихъ обоюдныхъ угрозахъ она обрывается, такъ же какъ записанная въ Москвѣ г. Лапшинымъ. Объ обращеніи Добрыни въ тура и избавленіи его отъ звѣринаго образа его сестрой или матерью уже забыли на Дону и, вѣроятно, давно, если заключать по аналогичному окончанію московскаго варіанта. Обѣ записи, совпадающія въ главнѣйшихъ чертахъ содержанія и въ окончаніи, повидимому, указываютъ на то, что существовала „упрощенная“ редакція былины о Маринѣ, въ которой встрѣча ея съ Добрыней кончалась взаимными угрозами обратить противника въ то или другое животное. Такая редакція подтверждается и краткой былиной, записанной среди уральскихъ казаковъ [1]). Въ ней нѣтъ встрѣчи Добрыни съ Ильей, но во всемъ прочемъ она совпадаетъ съ Лапшинской и Харламовской и кончается угрозой Добрыни обернуть Маринку „сорокой бѣлобокой, кобылицей водовозною“.

Во 2-ой донской былинѣ, разсказывающей о состязаніи конями между кн. Владимиромъ и Иваномъ Гостинымъ, послѣдній названъ Иваномъ Гардиновичемъ по смѣшенію съ другимъ богатыремъ Иваномъ Годиновичемъ, называющимся иногда въ былинахъ Гордеовичемъ. Такое же смѣшеніе въ именахъ находимъ въ былинѣ Гильфердинга № 307. Начало былины—пиръ у Владимира, хвастанье присутствующихъ кто чѣмъ можетъ, похвальба князя своими конями, вызовъ желающихъ состязаться съ нимъ въ скачкѣ, со

[1]) Былины старой и новой записи, стр. 280.

Digitized by Google

гласіе Ивана принять вызовъ—разсказано довольно стройно. Упомнилъ пѣвецъ былины также, какъ конь рветъ на хозяинѣ шубу ударомъ копыт и отвѣтъ Ванюши дивящимся боярамъ:

„Я поболѣ поживу Себѣ шубу наживу"...

Но весь дальнѣйшій разсказъ уже не соотвѣтствуетъ обычному эпическому преданію. Въ извѣстныхъ былинахъ объ Иванѣ Гостиномъ до настоящаго бѣга коней—Иванова и княжескихъ—дѣло не доходитъ. Конь Ивана уже на княжескомъ дворѣ разгоняетъ жеребцовъ Владимира и производитъ своимъ страшнымъ видомъ такой переполохъ среди князей и бояръ, что состязаніе не можетъ состояться. Въ донской же былинѣ дѣло разсказано иначе: Владимиръ серьезно готовится къ скачкѣ, причемъ

Разстанавливаетъ князь На каждой верстѣ
Своихъ добрыхъ лошадей И на полверстѣ.

Затѣмъ онъ, повидимому, въ скачкѣ сначала опередилъ Ивана, а затѣмъ тотъ нагналъ его на девятой верстѣ и хотѣлъ по уговору срубить ему голову. Князя спасъ конь Ивана, посовѣтовавъ хозяину пощадить Владимира, взявъ съ него вмѣсто головы все его имѣніе. Въ такомъ окончаніи былины можно видѣть продуктъ мѣстнаго творчества. Казаки, извѣстные кавалеристы, не удовлетворялись обычной редакціей былины безъ настоящей скачки и передѣлали старую пѣсню по своему, внеся въ нее невозможную въ нашемъ эпосѣ картинку—скачущаго князя Владимира и готовящагося снести голову Ивана Гардиновича. Такую же попытку окончить старую былину скачкой находимъ въ „старинкѣ" объ Иванѣ Кулаковѣ, записанной въ Якутской области г. Богоразомъ [1]). Здѣсь Владимиръ ставитъ призомъ скачки руку своей племянницы Марфы Сеславьевны, а Иванъ бьется о своей буйной головѣ. Скачка состоялась, но разсказчикъ (Кулдарь) не помнилъ окончаніи былины стихами и досказалъ словами, что Иванъ Кулаковъ успѣлъ доскакать изъ Кіева до Чернигова и вернуться въ Кіевъ, пока еще длилась обѣдня, и взялъ племянницу Владимира.

Третья короткая былинка о *Дюкѣ Степановичѣ* ограничивается описаніемъ выѣзда этого богатыря, его коня, вооруженія и стрѣлъ, въ томъ числѣ чудесныхъ трехъ, которымъ цѣна не сказана, не объявлена. Не болѣе того помнятъ былину о Дюкѣ казаки на

[1]) Издана мною въ Изв. Отд. р. яз. и слов. И. А. Наукъ т. V., кн. 1-я.

Digitized by Google

Уралѣ и Терекѣ, а также крестьяне въ Пермской губерніи. Съ донской пѣсней очень близки варіанты Кирѣевскаго [1]) и Мякушина [2]), записанные среди уральскихъ казаковъ. Варіантъ г. Карпинскаго изъ станицы Червленой на Терекѣ у гребенскихъ казаковъ [3]) и варіантъ г. Косвинцева изъ Кунгурскаго уѣзда Пермской губерніи [4]). Какъ въ гребенской, такъ и въ донской пѣснѣ Дюкъ Степановичъ выѣзжаетъ изъ села Карачаева, попавшаго сюда некстати изъ былинъ о выѣздѣ Ильи Муромца. Любопытно отмѣтить полное забвеніе среди казаковъ конской породы, извѣстной встарину подъ названіемъ *бахмата*. Уральскіе казаки сблизили устарѣлое слово *бахматъ* повидимому съ *бешметомъ* и поютъ:

„Выѣзжалъ-то тутъ добрый молодецъ Дюкъ Степановичъ. На своемъ-то на добромъ конѣ *въ буромъ бахматѣ*“. А донскіе казаки пошли еще дальше въ непониманіи этого названія, видя въ бахматѣ какое то свойство копытъ:

Подъ нимъ конь— Копытъ—бахматомъ,
Рогно лютай звѣй (т.-е. звѣрь), Грива—волесомъ,
Буръ—косматъ:

Кстати, приведу сообщеніе о коняхъ-бахматахъ, занесенное Бопланомъ въ его описаніи Украйны (изд. 1660 г., стр. 38). По его словамъ, бахматы лошади нескладныя и некрасивыя по виду, но крайне выносливыя. Онѣ могутъ безъ отдыху скакать отъ 20 до 30 льё. Грива у нихъ густая, длинная, доходящая до земли; хвосты также длинные, волочащіеся позади ихъ [5]). Это напоминаетъ былиннаго коня бурушку-косматочку.

Вс. Миллеръ.

---

[1]) Пѣсни т. III., стр. 100.

[2]) Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ, стр., 7-я, перепечатано въ Былин. стар. и новой записи II, стр. 188.

[3]) Сборн. матеріаловъ для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа Вып. XXII Отд. III, стр. 37.

[4]) Этнограф. Обозр. кн. XLIII, стр. 93.

[5]) „C'est une certaine sorte de chevaux mal faits et laids, mais bon au possible pour la fatigue, car pour faire des courses de 20 à 30 lieues d'une traite il n'appartient qu'à ces *baquemates* (ainsi apellent-ils ces sortes de chevaux) qui ont le crin du col fort touffu et pendant jusqu'en terre et celui de la queue leur traine derrière“. Beauplan—Description d'Ukranie, изд. 1660 г. стр. 38.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Былины изъ Донской области.

Предлагаемыя здѣсь и разсмотрѣнныя выше проф. Вс. Ѳ. Миллеромъ три былины записаны мной въ Донской области, въ станицахъ Усть-Быстрянской и Нижне-Кундрюческой. Въ лѣтніе мѣсяцы 1899 и 1900 годовъ я занимался собираніемъ народныхъ пѣсенъ и заговоровъ. Вслушиваясь въ пѣсни, которыя поетъ молодежь обоего пола, я замѣчалъ, что пѣсни эти недавняго происхожденія, что онѣ въ большей части представляютъ продуктъ заимствованія и своеобразной переработки текста и мелодіи модныхъ фабричныхъ романсовъ и пѣсенъ: «Чудный мѣсяцъ», «Потеряла я колечко», «Разлука» и проч. — Чаще всего мнѣ приходилось слышать ихъ въ исполненіи молодежи. Желаніе найти пѣсню чисто народнаго творчества заставило меня обратиться къ старикамъ. Правда, ихъ пѣсенка уже спѣта, но они сохранили преданія своей молодости и рѣдко отказываются подѣлиться ими. Я просилъ пѣть и разсказывать старинныя пѣсни,—и однѣ изъ первыхъ, которыя были сообщены мнѣ, это—былины. Всѣ пѣвцы называли эти былины *старинными пѣснями*; другого названія для нихъ мнѣ не пришлось услышать.

Въ районѣ двухъ указанныхъ станицъ мнѣ удалось записать только эти три былины. Лучшія редакціи первыхъ двухъ—о Добрынѣ Никитичѣ и Иванѣ Гардиновичѣ—я записалъ на хуторѣ Кременскомъ Усть-Быстрянской станицы отъ казака Федора Максимовича Мартынова. Знали эти былины и другія лица, преимущественно пожилыя и старыя женщины, но не въ цѣломъ видѣ, а въ бо́льшихъ или мéньшихъ отрывкахъ. Варіанты этихъ записей приведены мной подъ текстомъ. Былина о Дюкѣ Степановичѣ записана въ Нижне-Кундрюческой станицѣ отъ урядника Петра Алексѣевича Рышкина. Отъ другихъ пѣвцовъ мнѣ не удалось услышать ее. Этотъ первый опытъ записи былинъ, конечно, не лишенъ недостатковъ техническаго характера, такъ какъ записывалъ я не съ пѣнія, а съ говора.

Мнѣ кажется, что на основаніи незначительнаго количества записанныхъ мною былинъ нельзя говорить вообще о бѣдности былиннаго матеріала на Дону. Лица изъ мѣстной интеллигенціи, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать по поводу собиранія былинъ и народныхъ пѣсенъ, указывали на среднее теченіе Дона съ его населеніемъ, гдѣ, по ихъ наблюденіямъ, можно больше всего найти и былинъ, и старинныхъ мѣстныхъ народныхъ пѣсенъ. Здѣсь большая часть населенія—старообрядцы, а этотъ элементъ народа лучше сохраняетъ, какъ извѣстно, традиціи своей жизни во всемъ ея объемѣ. Жители тѣхъ станицъ, въ которыхъ записаны мною былины, принадлежатъ къ такъ называемымъ «низовымъ

Digitized by Google

казакамъ». Составъ этой части населенія Донской области и характеръ его народной жизни значительно отличаются отъ тѣхъ же сторонъ жизни населенія средняго и верхняго теченія Дона, отъ «верховыхъ казаковъ».

«Верховые казаки» — это исторически позднѣйшіе насельники, выходцы изъ центральныхъ великорусскихъ областей, до сихъ поръ еще сохранившіе и въ говорѣ, и въ складѣ жизни, и въ народномъ характерѣ черты своего происхожденія. Здѣсь значительно раньше жизнь стала осѣдлой, земледѣльческой, утратила чисто-военный, гулевой, казачій характеръ.

«Низовые казаки», первоначальное ядро Донского казачества, хотя въ бо́льшей своей части и были великорусскими выходцами, но въ значительной степени подверглись вліянію малорусскаго племени и сосѣднихъ кочевыхъ племенъ. Въ ихъ языкѣ попадаются слова татарскія и турецкія, въ своемъ характерѣ они болѣе «казаки», въ техническомъ значеніи этого слова, болѣе подвижны, воспріимчивы, впечатлительны, чѣмъ верховые, въ ихъ обычаяхъ и быту семейномъ много малорусскихъ чертъ. Любопытно, что сами «низовые казаки» сознаютъ это различіе и нѣсколько съ презрѣніемъ смотрятъ на верховыхъ за то, что тѣ больше походятъ на «русаковъ», «кацаповъ»; говорятъ, что они не настоящіе казаки.

Эти этнографическія особенности казачьяго населенія Донской области, мнѣ кажется, могутъ служить подтвержденіемъ высказаннаго предположенія, что въ среднемъ теченіи Дона, среди «верховыхъ казаковъ», долженъ оказаться болѣе обильный былинный эпосъ, чѣмъ среди «низовыхъ», и, въ частности, въ той мѣстности, гдѣ мнѣ пришлось записать былины.

Текстъ помѣщаемыхъ здѣсь былинъ записанъ съ тѣми особенностями народнаго говора, которыя свойственны той мѣстности.

I. Былина о Добрынѣ Никитичѣ.

Жилъ то былъ Микитушка
Богатай человѣкъ.
Не богатай онъ былъ
Не убогай слылъ [1]),
А тапе́рича Микита
Самъ сыстарился (2)
Микита переславился.
Аставалася въ нево́
Вся житья́ево́ бытье́ (2)
Вся имѣньица ево,
А ишо та аставалась
Малада ево́ жена (2)
Съ малымъ дѣтишшаю
Сы Добрынюшкою.
Онъ три года Добрыня—
У ли́чики лежалъ;
Ишо три́ года Добрыня—
Золоты ключи держалъ;
Ишо три́ года Добрыня—
Онъ ключничкомъ былъ,—
И таму, сему было́
Ровно девять лѣтъ.
На десятомъ то году
Отдавала ево матушка
Грамоту учить
Кы тому то князю,
Князю Володимеру.
Онъ грамоту училъ

[1]) Варіантъ:
Онъ богатый не убогай Многомилосливай.

Digitized by Google

И по улицамъ ходилъ (2)
Шуточки шутилъ
Онъ шуточки шутилъ
Все не маленькія:
Кавò за руку взяметь,—
Руку прочь атарветь;
Кавò въ голову ударить,—
Галава съ плечь слятѝть.
Тутъ многа на Добрыню
Люди жаловались:
«Батюшка ты нашъ,
Володимеръ князь,
Ты вайми этаво юнашу.»
Маладецкая сердечушка
У Добрынюшки загарчивая.
Какъ приходя то Добрыня
Къ родной мамушкѣ сваёй:
«Ты родимая мая,
Родная матушка,
Ты Анельѳа Тимоѳеевна,
Ты позволь мнѣ, мамушка,
Во чисто поле поѣхати,
Свою силу богатырскую
Все воспробовать».
Отвѣчала ему мамушка:
«Ты чадò, мая чадушка,
Ты ишò малёхонекъ».
«Родная мая мамушка,
Позволь мнѣ поѣхати»
Сѣдлаить Добрынюшка
Атцовскава каня,
Накладаить Добрынюшка
Черкеская сѣдло,
Подтягаить Добрынюшка
Двѣнадцать подпрухъ (2)
Сы подпружечкаю—
Не для красоты
А для крѣпости
Подпружечки у невò—
Все шалкòвыя,
На нихъ пряжечки—
Все булатныя.
Садится Добрыня
На сваво добрава коня,
Выѣзжаить Добрыня
Во чистò поле гулять.
На устрѣчу Добрынѣ
Старъ старичекъ идѣть,
Старъ старичекъ—
Илья Муромецъ.
У старинушки
Галовушка бѣлёхонька,
А бородушка сѣдёхонька.
Ты скажи, скажи, старинка,
Гдѣ Маринка живеть (2)
Гдѣ Маринкинъ дворъ.
Какъ и сталъ старичекъ
Добрыню журить и бранить
И рѣчью гаварить:
«Ты далека, мая чадушка,
Загуливасси!
Какъ мы съ батюшкой
Твоимъ погуливали,
Разговоръ у насъ былъ
Про Маринкинъ дворъ.
Маринкинъ дворъ
Отсудова семь верстовъ,
Отсудова семь сталбовъ:
Около Маринкина двора
Тынъ желѣзнай стаить.
На всякой тыниночкѣ—
По маковочкѣ (2)
По буйнòй галавѣ.
На адной тыниночкѣ
Нѣтъ маковочки,
Нѣтъ буйной галавы,—
Быть то, Добрыня,
Твоей тамъ галавѣ».
Малодецкая сердечушка
У Добрынюшки загарчивая,
Какъ и быть то Добрыня
Сваво дòбраво коня
По крутымъ ево бедрáмъ
Пріѣзжаить то Добрыня
Къ широку её двору.
На Маринкиномъ теремѣ
Сидять два голубя
Цѣлуются, милуются
Они обнимаются.
Онъ узводить Добрыня
Свой тугой лукъ,
Онъ и быть то Добрыня

Digitized by Google

По этымъ голубямъ.
Ево правая нога оступилася,
Ево лѣвая рука обмишулилася.
Не попалъ онъ голубей,—
Попалъ въ стѣну сѣ.
Онъ разбилъ то Добрыня
Стѣну каменную, (2)
Грубу́ ка́хальную.
Онъ убилъ то Добрыня
Змѣя лю́таво,—
Маринкинова друга милава.
Какъ и тутъ то Маринка
Не случилась во дворѣ:
Маринка была—
Въ банѣ парилася.

Какъ приходя Маринка
Къ ширяку́ сваму́ двару́,
Кричить то Маринка
Громкимъ голосомъ своимъ:
«Ой што это такое
За невѣжа пришелъ, (2)
Не отеческай сынъ?
Я тибе, Добрыня,
Какъ хочу ворочу́:
Издѣлаю тибе Добрыня
Сѣрымъ заюшкай».
Врешь ты, шельма,
Маринка, облыгаешься,
Я издѣлаю тибе
Кабы́лаю вадавознишшай!

II. Былина объ Иванѣ Гардиновичѣ.

Ой да какъ леталъ то, леталъ
Младъ сизой арёлъ
По крутымъ горамъ.
Какъ летаючи арелъ
Самъ сыстарился:
Ой да пробивала у арла
Она бы сьдунушка
Между сизыхъ крылъ;
Побѣлѣла у арла
Буйная головушка
Ровно бѣлай снѣгъ [1]).
Какъ во стольномъ было
Во городѣ, славномъ Кіевѣ [2]).
Какъ у князюшки было,

---

[1]) Начало этой былины не имѣетъ никакой связи съ ея дальнѣйшимъ содержаніемъ. Я передаю ее такъ, какъ записалъ въ разсказѣ многихъ пѣвцовъ. На мои замѣчанія, что первые стихи объ орлѣ не имѣютъ никакого отношенія къ разсказу о князѣ Владимирѣ и Иванѣ Гардиновичѣ, пѣвцы отвѣчали, что они „играютъ эту пѣсню такъ, какъ заучили отъ отцовъ и дѣдовъ“. Былина эта исполняется протяжнымъ напѣвомъ, съ повореніями словъ и вставками частицъ между отдѣльными словами стиха. Такъ наприм., первые два стиха въ исполненіи пѣвца имѣютъ такой видъ:

Ай да какъ леталъ та, бы да леталъ
Вотъ и младъ сизой, младъ сизой арелъ...

У А. Пивоварова это начало былины объ Иванѣ Гардиновичѣ служитъ первыми строфами пѣсни о старости орла, которая продолжается такъ:

Потусмѣлъ у него, сиза орла, очи ясныя,
Примахалъ сизой орелъ свои крылья рѣзвыя,
Обломалъ свои остры когти вплоть до пальчиковъ.
Прилетали къ сизу орлу три черныхъ ворона,
Прилетѣли къ нему и въ глаза глядятъ ему,
Во глаза то глядятъ, ему рѣчи говорятъ:
Полно, полно тебѣ, старъ сизой орелъ,
По крутымъ горамъ летать, гусей лебедей бивать....

Пѣсня оканчивается смертью орла. (Донскія казачьи пѣсни, отдѣлъ 1-й стр. 53).

[2]) По одному изъ пѣвцовъ—Черниговъ.

Digitized by Google

Князя Владимира,
Собиралась у нево
Пиръ да бесѣдушка,
Она все почёстная.
Ой да честна, хвальна
Пиръ бесѣдушка,
Она многорадостная.
Во пиру то сидять
Они князья, бояры.
Они пьють то ѣдать,
Да все похваляются:
Какъ богатый то хвалится
Онъ богатствомъ своимъ;
Сильнай—своей силою:
А убогай хвалится
Божьей милостью,
А князь Владимеръ—
Своими добрыми каньми:
Какъ и есть то у мине
Полтараста миряньевъ, (2)
Девяносто жеребцовъ;
Какъ и хто бъ то са мной
Заспорилъ бы скакать?
Всѣ то князья-бояры
Умолчали отъ нево,
А одинъ то абозвался—
Сынъ Ванюша Гардиновичь:
Какъ и я съ тобой
Князь Владимиръ,
Заспорѣю скакать.
И заспорили они
Не объ сто то рублей,
Не объ тысячу,—
Объ своихъ то о буйныхъ
Объ головушкахъ.
Назначали ани
Мѣстечка урочная.
Разстанавливать князь
Своихъ добрыхъ лошадей
На каждой верстѣ
И на полъ верстѣ.
Какъ выводить то Ванюша
Сваво добраво коня,
Сѣдлать онъ черкеская сѣдло
Подтягать двѣнадцать подпругъ
Не для красоты—ради крѣпости.
Тутъ конечекъ сталъ возыгрывать,
Поводьица попрашивать,
Онъ за плечики пощипывать [1]).
Ванинъ конь заигралъ,
На немъ шубу разорвалъ.
Тутъ то князья—бояры
Сильно дивовалися:
„Ванюшка, Ванюша,
Твой конь заигралъ,
На табѣ шубу порвалъ».
— Я паболѣ поживу, —
Себѣ шубу наживу,
А такова коня —
Мнѣ во вѣкъ не нажить [2])
Садится Ванюша
На сваво добраво коня
Догонять то князя
На девятой на верстѣ,
И хотить то съ князя
Срубить голову,

---

[1]) Строфъ: сѣдлать онъ черкеская сѣдло.....
..... онъ за плечики пощипывать..... не было въ редакціи былины, записанной отъ Ф. М. Мартынова, онѣ вставлены изъ неполной записи отъ другого пѣвца.

[2]) Варіантъ:
Ванинъ конь заигралъ,
Князю шубу разорвалъ.
Какъ возговорилъ то князь:
Что съ тобой дѣлать?
Не судъ съ тобой судить,
Не полъ судъ отдавать,
А лучше съ коня голову снять.
Вынимать князь шашку острую,
Хотитъ снять съ коня голову.
Тутъ конь рѣчь возговорилъ:
Глупые вы, князья—бояры,
Неразумные дѣти отеческіе!
Вы поболѣ поживете,—
Себѣ шубу наживете,
А такова конечка
Вамъ во вѣкъ не нажить.

Digitized by Google

70. Какъ и конь то возговорилъ евó:
Не руби ты князю голову.
А сайдися съ нимъ доброй волею:
Возьми съ него всю имѣнія евò,
А оставь его живова.

III. Былина о Дюкѣ Степановичѣ.

Изъ за горъ то было,
Изъ за крутыхъ горъ,
Изъ за лѣсу было—
Лѣсу тёмнава.
Изъ провалья глубокова,
Изъ ущелья Егимова—
Не ясменъ сокòлъ
Съ горъ вылетывàлъ,
Не бѣлòй кречетъ
Перепархивалъ,—
Изъ таво то села
Карачаева
Выѣзжалъ добрай молодецъ,
Русскай богатырь
Дюкъ Стопановичъ.
Подъ нимъ конь—
Ровно лютай змѣй,
Буръ—косматъ;
Копытъ—бáхматомъ,
Грива—кóлесомъ.
На добру младцý
Стальной панцàрь
Какъ заря осиетъ,
На боку два колчана.
Во колчáнахъ было
Тридцать стрѣлъ,
Еще три стрѣлы.
Всѣмъ то стрѣламъ
Цѣна сказана,
Всѣмъ объявлена;
А тремъ стрѣламъ—
Цѣны нѣ было,
И не сказано, не объявлено.
Какъ набиты то стрѣлы
Мелкимъ земчугомъ:
По днямъ стрѣлы стрѣлять,
По ночамъ—собирать,—
Гдѣ стрѣла лежить,
Тамъ свѣча гарить
Воску ярова.

Мнѣ представляется не лишнимъ привести здѣсь еще нѣкоторыя былины, записанныя раньше въ Донской области. Одна изъ нихъ нигдѣ не напечатана; это отрывокъ былины о Добрынѣ Никитичѣ, записанный А. М. Листопадовымъ въ станицѣ Екатерининской 1-го Донского округа. Остальные отрывки былинъ напечатаны въ 3-емъ отдѣлѣ Сборника донскихъ казачьихъ пѣсенъ А. Н. Пивоварова подъ заглавіемъ «Пѣсни разнаго содержанія». Этотъ отдѣлъ сборника не поступалъ въ продажу и извѣстенъ въ очень немногихъ экземплярахъ; поэтому помѣщенные въ немъ отрывки былинъ и воспроизводятся здѣсь.

А. Былина о Добрынѣ Никитичѣ.

(Записана *А. М. Листопадовымъ*).

По полюшку было, да было жа полю Куликовскому.
Тамъ ходилъ жа вотъ бы младъ Добрынюшка,
Да гулялъ жа онъ не годъ, гулялъ онъ не годъ, не два:
Прогулялъ жа вотъ бы младъ Добрынюшка
Да гулялъ онъ ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ, еще три года,

Digitized by Google

Да всего жа тридцать три года.
На четвертомъ али все годочку
Сталъ коникъ, сталъ коникъ спредвѣщивать:
«Ты хозяинъ мой, ты хозяинъ,
Да хозяинъ мой ласковый,
Ты утѣха, вотъ моя утѣха,
Да моя жа молодецкая!
Ничево жа ты, моя утѣха,
Да не знаешь (2) не вѣдаешь,—
Родимую али свою мамушку,
Да ее жа не спровѣдаешь (sic):
Какъ твоя то родимая мамушка,
Да мамушка сыстарилась
Молода твоя шельма-жаненочка,
Да жаненка просваталась
Не за князя, али не за барина—
За Алешу за Поповича,
За такова то за хорошава,
Да за горькаво пьяницу,
Да за бабьева за насмѣшничка,
Да за дѣвичья все же перелестничка».
Опустилъ жа вотъ бы младъ Добрынюшка
Да свою буйну голову,
Опустилъ жа ее младъ Добрынюшка
Опустилъ ниже плечъ, плечъ могучіихъ;
Опускалъ жа вотъ бы младъ Добрынюшка
Да онъ ручки во кармашики,
Доставалъ жа вотъ бы младъ Добрынюшка
Доставалъ золоты, вѣть онъ золоты ключи,
Отмыкалъ жа вотъ бы младъ Добрынюшка
Да свою жа онъ конюшенку;
Выводилъ жа сваво коня добраво,
Да коня, коня богатырскава,
Осѣдлалъ-то коня богатырскава,
Осѣдлалъ ево черкескимъ сѣдломъ,
Да поѣхалъ вотъ бы младъ Добрынюшка
Ко своей родной мамушкѣ.

Б. Добрыня просится показаковать.

(Изъ сборника *А. Пивоварова*, стр. 223.)

Просился Добрынюшка у родной матушки своей:
Мать моя, матушка, ты родимая!
Благослови меня, ты пусти меня, матушка,
Попить, погулять, показаковати!
Богъ благословитъ, мое чадушко!

Digitized by Google

Идетъ, идетъ на квартирушку,
Беретъ уздечку тесьменную, идетъ въ конюшенку
Обратовалъ коня сваво нетка отцовскаго, богатырскаго,
Накладывалъ сѣделичко бухарское,
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шолковыхъ,
Не для красоты, а для крѣпости.
Поѣхалъ Добрыня во чисто поле гулять,
Богатырскую силу испробовать,
Добра коня свово понаѣзживати,
Приказывалъ своей молодой женѣ:
Жена моя, сударыня!
Не ходи ты ровно тридцать лѣтъ замужъ,
А пойдешь ты за сына, за Поповича:
Мнѣ Поповичъ—названный братъ.

В. Дорбыня возвращается со службы.

(Изъ сборника *А. Пивоварова*. стр. 223—224. Сообщилъ *П. Г. Никулинъ*).

Какъ и съ вечера Добрынюшка вѣдь онъ пилъ гулялъ,
Со полуночи, добрый молодецъ, онъ коня сѣдлалъ,
Кы бѣлóй зарѣ онъ, Никитьевичъ, со двора съѣзжалъ;
Его родная матушка провожать пошла.
Провожала его родная матушка, слезно плакала,
Во слезахъ то родная стала спрашивать:
Ты когда же, мое чадушко, вотъ домой будешь?
—Да и жди меня, родная матушка, ровно въ три года,
Если въ три года не буду, жди меня въ шесть годовъ,
Если въ шесть годовъ не буду, жди меня въ девять лѣтъ,
А въ девять лѣтъ я не буду, тогда поминай меня;
Молодая мая жена пущай она замужъ идетъ,
Мои мелкія дѣтушки тогда сироты будутъ.
Не свѣтило бы красное солнышко оно девять лѣтъ,
На девятый годъ красное солнышко оно просіяло
Да надъ тѣми надъ сѣнями надъ вдовиными
И надъ тѣми надъ воротами надъ рѣшетчатыми,
Воротился добрый молодецъ на родиму сторону—
Покончилъ Добрынюшка службу царскую!

Г. Разбойники нападаютъ на Илью Муромца.

(Изъ Сборника *А. Пивоварова*. стр. 224—225. Доставлена Атаману Хомутову изъ 2-го Донского округа).

Воздалече, воздалече было во чистомъ полѣ,
Пролегала тамъ дороженька не широкая,
Долинбю она конца краю нѣтъ,
Шириною дорожечка не широкая,

Digitized by Google

Заповѣдала дороженька ровно тридцать лѣтъ,
Никто по той дороженькѣ не хаживалъ,
Ни коннаго, ни пѣшаго слѣду не было,
Только шолъ, прошолъ старой старикъ,
Старой старикъ—Илья Муромецъ,
На старому шубеночка худымъ худа,
Худымъ худа, вся излатана
Лѣвая пола стоитъ пятьсотъ рублей,
А правая пола стоитъ тысячу,
А станъ съ рукавами и цѣны нѣтъ.
На правой рукѣ держитъ онъ тугой лукъ
Пристигала старика темная ноченька.
Сворачивалъ онъ сы дороженьки,
Выходилъ старичекъ на высокъ курганъ,
На восходъ солнца Богу молится,
На всѣ стороны покланяется,
Помолемши онъ Богу, ложился спать,
Лѣвую полу подъ себя стелилъ,
Свой тугой лукъ въ голова кладетъ,
А правою полою одѣвается.
Середи то ночи, середь полночи
Наѣзжали на старика охотнички
Сорокъ четыре разбойничка,
Хотѣли со старова шубенку снять,
Шубенку снять, да сагайдакъ отнять.
Ото сна старикъ пробуждается,
Онъ за тугой свой лукъ хватается,
Накладываетъ калену стрѣлу;
Его тугой лукъ какъ левъ реветъ,
Каленыя его стрѣлы какъ змѣи свищутъ.
Какъ и тутъ то охотнички попужалися,
По темнымъ лѣсамъ разбѣжалися!

Д. Севрукъ.

(Изъ сборн. *А. Пивоварова* стр. 225—226. Напечат. изъ сборника *Савельева*).

А кто бы то дозналъ,
Когда бѣлый свѣтъ насталъ,
Праведно солнце взошло,
Ясенъ мѣсяцъ восходилъ, —
Севрукъ тое дозналъ,
Когда бѣлый свѣтъ насталъ,
Праведно солнце взошло,
Ясенъ мѣсяцъ восходилъ.
— «А вы люди стародавніе,
А давно вы живете—

Digitized by Google

Ничего не смыслите,
Либо мнѣ хлѣба-соли ставьте,
Либо мнѣ борцовъ дайте,
Либо мнѣ голову срубите!»
— «Вотъ тебѣ хлѣбъ-соль на столѣ
И бойцы на дворѣ,
А головушки не будемъ рубить!»
Распился Севрукъ
Разгулялся Севрукъ
Семьсотъ казаковъ заборолъ,
Восемьсотъ татариновъ,
Девятьсотъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Что идутъ, пройдутъ Донцы,
Добры удалы молодцы,
На бокъ колпаки посбрпвляючи,
Подъ бокъ кулаки зазымляючи,
Своего Бога похваляючи:
А дай намъ, Боже, Севрука подолѣть
И съ кореньями повывертѣть.
Пришли они, подивилися,
За бѣлыя груди взялися,
Какъ подымутъ Севрука
Вонъ выше себя,
Какъ ударятъ Севрука
Объ сыру землю!
Севрукъ глаза вытрещилъ,
Севрукова кожа лопнула,
Всѣ ребрушки посыпались,
Всѣ косточки повыломались,
А Севрукова мать
По новытъ сѣнцамъ похаживаетъ,
Бѣлы ручки поламливаетъ:
«А скурвій сынъ,
А проклятый сынъ!
И нашто было завѣдиться?
И на што было зазымливаться?
Пошла слава по всемъ сѣверу—
Очутилася и въ Кіеву.

Е. Туры златорогіе.

(Изъ сборн. *А. Пивоварова*. стр. 226—227. Доставлено Атаману Хомутову изъ 2-го Донского округа).

Вечоръ-то мы, братцы, очень пьяны были,
Заутра мы, братцы, чѣмъ похмѣлимся?
Болятъ у насъ буйныя головушки,

Digitized by Google

Щемятъ наши ретивыя сердечушки,
Скинемся мы, братцы, по одной гривенкѣ,
Зайдемте мы, братцы, во царевъ кабакъ,
Возьмемте мы, братцы, по одной рюмочкѣ,
Похмѣлимъ свои буйныя головушки,
Взвеселимъ свои ретивыя сердечушки,
Пойдемте мы за городъ, проходимся,
За стольной за Кіевъ прогуляемся,
Выйдемте на вышку, на высокій курганъ,
Глянемъ, поглянемъ во всѣ сторовы—
Не пыль, не кура въ полѣ подымается,
Не туманушка въ полѣ растилается,
Бѣгутъ, пробѣгаютъ тамъ гнѣдые туры,
Гнѣдые туры златорогіе.
Пробѣгаютъ туры ко синю морю,
Въ синемъ морѣ воды напиваются,
Въ зеленыхъ лугахъ травы наѣдаются,
Напились, наѣлись, сами поплыли,
На бѣломъ на камушкѣ спочинули,
Спочинувши туры опять поплыли,
Приплываютъ туры къ брутому берегу,
На встрѣчу турамъ родная матушка,
Старая турица златорогая
Стала добрыхъ молодцевъ распрашивать:
Гдѣ вы были, дѣти, гдѣ гуляли вы?
— Что были мы, матушка, во Шаховѣ,
Гуляли мы, матушка, во Ляховѣ,
Бѣлорусскую землю мы насквозь прошли
А стольный то Кіевъ на бѣлой зарѣ,
Нигдѣ такой диковинки не видѣли,
У того было собора у Никольскаго
Стояла тамъ красная дѣвица,
Лицомъ она бѣла, волосомъ черна,
Въ рукахъ держитъ книгу незнакомую,
Читаетъ ту книгу незнакомую,
Сама плачетъ какъ рѣка льется,
Говоритъ она громко, какъ въ трубу трубитъ:
Придетъ то побѣда на нашъ стольный градъ!

Ж. Сватовство за Софію царскую дочь.

(Изъ сборника *Пивоварова*, стр. 228. Сообщ. *П. Г. Никулинъ*).

Какъ во славномъ во городѣ, въ Цареградѣ
У того то князя Володиміра
Собиралася пиръ-бесѣдушка почестная
Какъ честна хвальна бесѣда, многорадостна,

Digitized by Google

Во бесѣдѣ сидѣли князья, бояре,
Они пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются,
Промежду собою похваляются,
У нихъ рѣчь зашла про Васильюшку,
Про Василія сына Долгорукова,
Какъ ты что, Васильюшка, не женишься,
Что не женишься не женатъ ходишь,
Не женатъ ходишь, холостъ гуляешь?
— Я бы радъ жениться—да мнѣ негдѣ взять:
Гдѣ мнѣ хочется, тамъ мнѣ не даютъ,
Гдѣ не хочется,—хоть двѣ, три возьми!
Какъ и кто бы мнѣ службу сослужилъ,
Да поѣхалъ въ Ерусалимъ городъ,
Къ тому царю, ны Солопону,
За его-бъ дочку мнѣ посватался,
За тою Софьюшку прекрасную,
Прекрасную, очень мудрую,
Не ученая, уроженая, (?)
Брови черныя, соболиныя
Глаза желтые, соколиные!
Какъ и тутъ князья перпужалися,
Всѣ визирушки разбѣжалися,
Остался одинъ Донской казакъ,
Младой ключничекъ,
Онъ съ мѣста на мѣсто передвигается,
На царя смотритъ, усмѣхается—
— Какъ ты батюшка нашъ, православный царь!
Не вели казнить, вели рѣчь говорить:
Нагружай ты, царь, три корабличка
Первый грузи златомъ, серебромъ,
А второй грузи мелкимъ жемчугомъ,
А третій грузи сладкимъ пойлицемъ,
Отправляй ихъ, царь, во сине море!

3. Змѣй Тугаринъ и княгиня Омельфа.

(Изъ сборника *А. Пивоварова*, стр. 229—230. Сообщилъ *Г. П. Никулинъ*).

Солнышко было на вечеръ,
У князя была бесѣдушка.
Княгиня по сѣнюшкамъ похаживала,
Крупными бедрами поворачивала,
Широкими рукавами поразмахивала,
Ну часто въ окошечко посматривала,
Ждала, пождала друга милаго къ себѣ
Того-то вѣдь змѣя ну Тугарина,
Немножко княгиня чуть изнѣжилася—

Digitized by Google

Не стукъ то стучитъ, не громъ то гремитъ:
Тутъ ѣдетъ собака Тугарининъ.
Какъ конь то подъ нимъ будто лютый звѣрь,
А онъ на конѣ—что сѣнная копна,
Что сѣнная копна неподкопненная.
Голова у собаки сы пивной, большой котелъ,
Глаза у собаки ровно чашинишни,
Между то очей кленова стрѣла лежитъ.
Подъѣзжалъ собака кы широкому двору,
Сказано отъ собаки своему доброму коню:
—Заржи ты мой конь по звѣриному,
А я засвищу по змѣиному!
Не жилецкія кони всѣ пошарахнулися,
Порвали они чумбуры шолковые,
Поломали колушки всѣ позлащеные.
Овечинъ (?) конь не ворухнется стоитъ,
Только ушами конь поваживаетъ,
Глазками на собаку онъ посматриваетъ.
Какъ не тутъ то собака догадался:
— Мнѣ тутъ супротивничекъ есть!
Въѣзжаетъ собака на широкъ свѣтлый дворъ,
Слѣзаетъ собака сы добра своего коня,
Ни къ чему своево коня не привязываетъ,
Никому свово добраго не приказываетъ.
Онъ входитъ въ палаты въ бѣлокаменныя,
Чуднымъ образамъ Богу не молится,
Князей то бояръ самъ не здравствуетъ,
Онъ здравствуетъ княгиню Омельфу;
Беретъ ее за бѣлыя груди,
Цалуетъ въ уста ее сахарныя;
Садится въ большое мѣсто:
Пониже садится чудныхъ образовъ,
Повыше садится всѣхъ князей, бояръ
Какъ тутъ то ковши напередъ ему несли,
Онъ пойло то пьетъ, по ведру беретъ,
По цѣлому быку онъ закусываетъ,
Сѣрую утицу онъ за скулъ положилъ.
Алеша сидитъ, самъ рѣчь говоритъ:
Какъ что это къ намъ за невѣжа пришелъ?
Чуднымъ образамъ Богу не молится,
Князей, да бояръ самъ не здравствуетъ,
Здравствуетъ Омельфу Тимофеевну.
У моего у батюшки у родимаго,
Кобыла была она обжорлива,
Она сѣна ѣла и на ж..у сѣла!
«А у моего у батюшки у родимаго

Digitized by Google

Собачка была она звегливая.
Что намъ тутъ спориться?
Въ чужомъ домѣ не приходится,
А пойдемъ съ тобой во чистомъ полѣ перевѣдаемся!»
Змѣй Тугаринъ натягалъ себѣ крылья бумажныя;
Алеша Евсегнѣевичъ просилъ Бога:
Создай мнѣ, Боже, тучу грозную, полуденную,
Со сильнымъ дождемъ, съ буйнымъ вѣтромъ!
Тутъ ни откель туча собралася,
На Тугарина змѣя она опускалася,
Намочила ему крылья бумажныя—
Упалъ на сыру землю змѣй Тугаринъ.

В. Харламовъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Преданіе о сорока новгородскихъ каликахъ.

Преданіе о хожденіи въ Іерусалимъ сорока каликъ изъ Новгорода было издано въ 1897 г. Бычковымъ [1]). Указанное издателемъ акад. Пыпину, оно обратило на себя его вниманіе и вызвало съ его стороны двѣ замѣтки, въ которыхъ онъ провелъ взглядъ на преданіе о каликахъ, какъ на «новый фактъ изъ исторіи древняго паломничества», послужившій, повидимому, основой для былины о сорока каликахъ со каликою; память о каликахъ вѣрно хранилась въ теченіе полутораста лѣтъ въ видѣ «сказанія, быть можетъ, эпической пѣсни» [2]). Проф. В. Ѳ. Миллеръ въ своемъ обстоятельномъ разборѣ былины [3]) видитъ въ преданіи о каликахъ воспоминаніе о дѣйствительномъ фактѣ, имѣвшемъ мѣсто въ шестидесятыхъ годахъ XII вѣка, а самую запись преданія относитъ къ первой половинѣ XIV ст. Кромѣ того, В. Ѳ. Миллеръ замѣчаетъ, что свѣдѣнія о новгородскихъ каликахъ вмѣстѣ съ сопровождающими ихъ лѣтописными замѣтками составляютъ лѣтопись, веденную въ XIV в. при церкви Спаса въ Торжкѣ. Но какъ ведена была эта лѣтопись? писалъ ли ее очевидецъ или она составлена на основаніи литературнаго матеріала? Вотъ этому вопросу, оставленному въ сторонѣ проф. Миллеромъ, я и посвящаю свою замѣтку.

Передъ разсказомъ о хожденіи каликъ въ записи стоятъ слѣдующія слова, почти тождественныя съ извѣстіями новгородскихъ лѣтописей:

Въ лѣто 6671 (1163). Поставиша Іо(а)на архіепископомъ Новугороду. При семъ ходиша во Іерусалимъ каліицы и при князѣ рустемъ Ростиславѣ.

Въ лѣто 6671... Поставиша Іоанна... архіепископомъ Новугороду... при князѣ рустемъ Ростиславѣ [4]).

---

[1]) Отчетъ И. Публичной библіотеки за 1894 годъ, отд. V, стр. 111, 113—6.

[2]) Вѣстникъ Европы 1897 г., октября; Исторія русской литературы, т. I. Спб. 1899 г., стр. 378, 406—7.

[3]) „Къ былинѣ о сорока каликахъ со каликою". Журналъ Министерства нар. просвѣщенія 1899 г., № 8, отд. 2.

[4]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей XVI, 45; III, 13,125; IV, 11; XV, 236. Этотъ годъ только въ лѣтописи Абрамки; въ остальныхъ—6673.

Digitized by Google

Несомнѣнно, свѣдѣнія эти взяты изъ какой-нибудь старой лѣтописи: кіевскій князь былъ «русскимъ» только въ глазахъ стараго лѣтописца, а никакъ не книжника XIV в. Въ преданіи Ростиславъ не упоминается, но «святый владыка Иванъ» играетъ въ немъ нѣкоторую роль: онъ принимаетъ у каликъ святыни и благословляетъ ихъ. Конечно, имя святого Іоанна (Илія), фигурировавшее въ преданіи, дало поводъ книжнику XIV в. отнести его ко времени епископства Іоанна, а слѣд. и княженія Ростислава. Въ глазахъ записавшаго преданіе архіепископъ былъ святымъ, чего бы не могъ сказать его современникъ. Что касается самого имени Іоанна, то оно легко могло зайти въ преданіе о хожденіи каликъ въ Іерусалимъ, такъ какъ объ этомъ архіепископѣ была составлена легенда, будто онъ путешествовалъ въ Святую землю на бѣсѣ,—легенда, повторявшаяся въ Новгородѣ даже въ концѣ XV в.

Вслѣдъ за записью преданія о сорока каликахъ идетъ продолженіе исторіи чаши, которую принесли калики изъ Іерусалима. Въ этой части преданія фигурировалъ Иванъ Калита, что дало поводъ прикрѣпить ее къ 1329 году:

Въ лѣто 6837. Ходи князь великій Иванъ Даниловичь въ Великій Новгородъ на миру. И постояше въ Торжку, и пріидоша къ нему святого Спаса притворяне...

1328 г. Ходи князь великій Иванъ Даниловичь (въ орду)... 1329 г. Прінде въ Новгородъ на столъ кн. в. Иванъ въ Торжекъ съ всѣми князи..., а самъ сѣдѣ въ Торжьку отъ Крещенія до Сбора. 1335 г. А кн. Иванъ пріѣха въ Торжокъ; а Литва воеваша на миру волость Новоторжскую, и посла кн. Иванъ, пожже городки литовскіи [1]).

Изъ этого сопоставленія видно, какъ механически пользуется старой лѣтописью записавшій преданіе: онъ беретъ изъ нея выраженія, занесенныя подъ разными годами, и бѣлыми нитками пришиваетъ къ нимъ интересующее его преданіе. Выраженія, имѣвшія смыслъ въ лѣтописи, въ насильственной комбинаціи являются уродливыми и невразумительными. Такъ, обычное выраженіе лѣтописей «ходить въ орду» передѣлано въ неупотребительное сочетаніе словъ: «ходать въ Новгородъ»; «воевать на миру», т. е. во время мира, имѣетъ ясный и опредѣленный смыслъ, между тѣмъ какъ къ хожденію по дѣламъ въ Новгородъ выраженіе, «на миру» вовсе не пристало.

Вслѣдъ за преданіемъ идутъ лѣтописныя замѣтки о поставленіи новгородскаго архіепископа Василія въ 1331 г., о началѣ ежедневной службы въ церкви Преображенія въ Торжкѣ, подъ 1338 г. Послѣднее извѣстіе составитель лѣтописи могъ почерпнуть изъ какой-нибудь церковной записи. Затѣмъ слѣдуетъ извѣстіе, опять взятое изъ старой лѣтописи:

---

[1]) Ibid., IV, 51, 53; XVI, 65—6; III, 76.

Digitized by Google

Въ лѣто 6880 (1372).

Князь Михаиль тверьскій повоева Торжокъ, подведъ втаю рать литовъскую, князя Андрѣя Полотцкаго, и Дмитрея Дрютцкаго и иныхъ многихъ *и т. д.*

Въ лѣто 6880.

Князь Михайло Тферьскый подвелъ рать литовскую втаю, князя... Андрѣя Полоцкого, и Дмитрія Дрютьского... и ины князи многи [1]) *и т. д.*

Таково же и слѣдующее извѣстіе; но въ концѣ его сдѣлана приписка уже самимъ авторомъ, записавшимъ преданіе:

Въ лѣто 6881 (1373). Пріиде князь великы Дмитрей Ивановичь со всѣми князи русьскими... ко Твери... Онъ же пріятъ полбу и иде къ Великому Новугороду, и кончаша миръ. На ту же осень сыпаша валъ въ Торжку. Той же зимѣ и градъ то ставиша Торжекъ.

1375 г. Князь Дмитрій пойде ратью ко Тферн... и вси князи рустіи... Князь Дмитрій взя миръ съ княземъ Михаиломъ... и тако докончаша [2]).

Самое интересное извѣстіе заключается въ послѣдней замѣткѣ, касающейся Торжка, несомнѣнно, написанной человѣкомъ, близкимъ къ Преображенской церкви:

Въ лѣто 6885 (1377). После взятия навоторжьскаго отъ князя Михаила тверьскаго поновися вседневная служба у Спаса въ Торжку при благовѣрномъ великомъ князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ и при архіепископе новгородцкомъ Алексѣи [3]). Поставиша церковь преже сего лѣта въ Торжку Спасъ, каменъ храмъ замышленіемъ и строеніемъ купцовъ новгородцкихъ, а святилъ ю владыка Алексѣй.

Эта замѣтка свидѣтельствуетъ прежде всего о составленіи лѣтописи при *каменномъ* храмѣ Спаса около 1377 г. Авторъ послѣдней не нашелъ въ лѣтописяхъ года его построенія, но помнитъ, что это было при кн. Дмитріи Донскомъ и при архіеп. Алексѣѣ. Въ дѣйствительности, каменная церковь Спаса въ Торжкѣ поставлена въ 1364 г.; слѣд., лѣтопись составлена позже этого года. Мы видѣли, что въ описаніи событія 1375 г. авторъ ея слѣдуетъ чужой лѣтописи, но прибавляетъ къ нему, вѣроятно, по памяти, замѣтки о событіяхъ въ Торжкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняя годъ, стоявшій въ его оригиналѣ, на болѣе ранній (1373), въ теченіе котораго происходили эти событія. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что преданіе о сорока каликахъ было записано въ концѣ семидесятыхъ годовъ XIV в.

Замѣтимъ, что къ лѣтописи Преображенской церкви впослѣдствіи было приписано еще два извѣстія. Лѣтописный разсказъ «О княгинѣ Ульянѣ княжь-Семенове Мьстиславича Вяземскаго», помѣщаемый подъ 1406 г., относится къ смоленскому князю Юрію, княжившему въ это время въ Торжкѣ; немудрено, что такой разсказъ нашелъ себѣ мѣсто въ

[1]) Ibid., IV, 67; III, 89—90, 230; XVI, 95—8.
[2]) Ibid. IV, 70—1; XVI, 99—101; XV, 434—5.
[3]) 1358—1389 гг.

Digitized by Google

лѣтописи этого города; трудно сказать, кому онъ принадлежитъ, такъ какъ въ Отчетѣ Публичной библіотеки онъ не помѣщенъ. Другое извѣстіе, несомнѣнно, было приписано другимъ лицомъ, что видно изъ его безграмотности, а также изъ выраженія «лѣта», вмѣсто—«въ лѣто»; этой замѣткой оканчиваются всѣ лѣтописныя замѣтки:

Лѣта 6940 (1432), въ Петрова говѣйна монастырьу святаго Савы минуло 35 лѣтъ, а смерти великаго (князя?) Михаила 34 лѣта на Пиминовъ день [1]).

Сдѣланный мною выводъ о записи преданія въ концѣ XIV столѣтія подтверждается присутствіемъ въ ней старыхъ словъ, не попадающихся въ памятникахъ позднѣе этого вѣка: притворяне, вкладъ (=плата), гривна новая, гривна золота, берковскъ, вотола (въ качествѣ одежды духовныхъ лицъ), бракъ (въ смыслѣ свадебнаго пира [2]).

Записанное въ семидесятыхъ годахъ XIV в. преданіе касается двухъ событій: принесенія чаши каликами въ Торжокъ и поднесенія ея Ивану Калитѣ причтомъ Спасской церкви. Московскій князь былъ въ Торжкѣ въ 1333 г.; слѣд., между поднесеніемъ чаши и временемъ записи преданія прошло около 40 лѣтъ, такъ что оно могло сохранить почти въ полной неприкосновенности дѣйствительный фактъ. Но могла быть и другая основа второй части преданія. Оно записано въ городѣ, принадлежавшемъ къ Новгородской области; Иванъ Даниловичъ называется въ немъ «благовѣрнымъ» княземъ; онъ оказываетъ особое вниманіе церковному причту, предоставляя ему право ходить къ нему самому, а также къ его намѣстникамъ, посадникамъ, по свадьбамъ и пить пиво и медъ, и ограждая неприкосновенность церковниковъ. Слѣдовательно, преданіе было записано при Спасской церкви изъ корыстныхъ видовъ ея причта и могло тенденціозно исказить дѣйствительный фактъ. Не рѣшая этой альтернативы, я замѣчу только, что имя Ивана Калиты было популярно въ Новгородской землѣ и вызывало особенное сочувствіе сѣвернаго духовенства. Монахи Антоніева Сійскаго монастыря (на С. Двинѣ) пишутъ въ 1339 г. похвалу московскому великому князю, который, по ихъ словамъ, способствовалъ распространенію церковныхъ книгъ, «ревнуя правовѣрному царю греческому Манулу»; онъ имѣлъ «правый судъ паче мѣры... по правиломъ монокануньнымъ» [3]). Сопоставленіе Калиты съ Мануиломъ и представленіе московскаго князя поборникомъ церковнаго суда по византійскому Номоканону тѣсно соприкасается съ былиной о сорока каликахъ, которые выставляютъ на первый планъ свое право самосуда и, дѣйствительно, казнятъ одного члена своей дружины со всей жестокостью греческаго свода церковныхъ законовъ [4]). Вотъ эта парал-

---

[1]) „Отчетъ“, стр. 111.

[2]) *Срезневскій*, Матеріалы для словаря др.-р. яз. SS. YY.

[3]) *Срезневскій*, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизв. и неизв. пам. 1879, стр. 146 – 7.

[4]) О самосудѣ каликъ упоминается въ Бѣломорскихъ былинахъ, 140, 445, 494, 524; въ Русскихъ былинахъ, *Тихонравова и Миллера*, II, 255; выраженіе „казнь калицкая“ у *Гильфердинга* (Онежскія былины, № 173) намекаетъ также на самосудъ.

Digitized by Google

лель позволяетъ предполагать, что записавшій преданіе о каликахъ и ихъ чашѣ недаромъ сопоставилъ два факта, раздѣленные промежуткомъ времени болѣе, нежели въ сто лѣтъ. Если бы между ними не было внутренней связи, онъ, вѣроятно, не изложилъ бы такъ подробно первую часть преданія, разсказывающую исключительно о новгородскихъ каликахъ.

А. Марковъ.

Замѣтка о двухъ лирникахъ Черниговской губ.

Обыкновенно, при упоминаніи лирника, намъ рисуется старикъ, неспособный къ работѣ и добывающій себѣ пропитаніе сборомъ подаяній за его игру и пѣніе, преимущественно духовныхъ стиховъ. Число такихъ старцевъ, по общему убѣжденію, съ каждымъ годомъ уменьшается, также какъ и число бандуристовъ: старые вымираютъ, молодые не являются имъ на смѣну. Но эти мнѣнія, какъ оказывается, предвзяты и несправедливы. Мнѣ пришлось натолкнуться въ г. Глуховѣ на двухъ лирниковъ, доказывающихъ какъ разъ обратное. Вотъ какъ было дѣло.

I. Алексѣй Терентьевичъ Маслюковъ.

Съ улицы послышалось—все ближе и ближе—какое-то заунывное пѣніе; вскорѣ стали доноситься и звуки лиры. Подъ ея аккомпаниментъ два голоса тянули—довольно, впрочемъ, складно—псальму:

«Суда-аръ батюшка, князь милослывый,
Не нада мнѣ зла-ата, не нада и серебра,
Построй мнѣ въ своемъ двори да келію...»

По улицѣ, ощупывая палками дорогу, шли двое слѣпцовъ-нищихъ и пѣли стихъ про Алексѣя, Божьяго человѣка; одинъ изъ нихъ, помоложе, игралъ на лирѣ. За ними усталой походкой тянулся съ высокой палкой въ рукѣ мальчикъ-поводарь. На мою просьбу зайти ко мнѣ старшій нищій отвѣтилъ отказомъ: онъ несъ уже своимъ дѣтямъ собранное подаяніе. Зашелъ младшій съ мальчикомъ.

Алексѣй Терентьевъ Маслюковъ, мѣщанинъ м. Серединой Буды Новг.-Сѣверскаго у. Черниг. г., родился въ 1879 г. Въ дѣтствѣ онъ былъ зрячимъ и до 16-лѣтняго возраста помогалъ своему отцу-кузнецу.

Отецъ и старшій братъ Алексѣя были грамотными; отъ нихъ незамѣтно перенялъ грамоту и послѣдній и въ быстротѣ чтенія перегналъ даже своего брата, окончившаго школу; тогда же научился онъ и писать; пишетъ Маслюковъ еще кое-какъ карандашомъ и теперь. Золотушный отъ природы, Алексѣй къ 16-годамъ сталъ терять зрѣніе; родители его обратились за помощью къ ворожкамъ, и результатъ ихъ лѣченія не замедлилъ дать себя чувствовать: мальчикъ вскорѣ совершенно ослѣпъ и те-

Digitized by Google

перь еле только отличаетъ свѣтъ отъ темноты. Ослѣпъ онъ какъ-то сразу: «Узявъ кружку воды напыця; напывся; потомъ дывлюсь—нема кружкы, паче у воду упала... и такъ пошло, пошло... Прыйиждавъ, годовъ изъ пъять тому буде, якійсь докторъ изъ Петербурга, дывысь мене, да каже, шо уже ничого не вріешъ». И теперь еще не можетъ Маслюковъ примириться съ тяжелой мыслью о потерѣ зрѣнія: «Давъ бы токмо Богъ зреніе, скынувъ бы заразъ рубашку, штаны, усе оддавъ бы, пошовъ бы хочъ на яку роботу. А то теперъ, яке мое жытьте! Народъ зробывся якійсь-то угрюмый: зайдешъ куды,—не ходите, кажуть, не шалайтеся! Кидаеця прямо быцця; подмѣтка твого не стойить, а сміеця съ тебе, каменюкою кидае, ругае всякимы словамы. Зайду въ одно село; дня 3—4 похожу, тоди дальше и дальше. Залышнёго ничево не остаёця: рубашку заразъ треба помыть,—дакай грошы; да и не токмо, шо на то—на всё нужны деньги».

Узнавъ, что существуютъ училища, въ которыхъ слѣпыхъ учатъ ручному труду, Маслюковъ воскликнулъ: «Отъ якъбы попасть у школу таку! Зъ радостю-бъ кинувъ усе и пошовъ бы на роботу».

Первое время послѣ потери мальчикомъ зрѣнія у Алексѣева отца хватало еще средствъ содержать слѣпого сына, но потомъ дѣла пошатнулись, и Алексѣй вынужденъ былъ поступить въ науку въ Глуховъ къ слѣпцу Николаю Иван. Слидюку. Слидюкъ за годъ выучилъ Маслюкова пѣть псальмы и играть на лирѣ. Въ уплату за науку шелъ весь тотъ доходъ, который собиралъ Маслюковъ въ теченіе этого года.—«Лѣра зовеця скивлѣра, а се вже по-нашему, попростому, лѣра. Взята вона одъ 36 струнъ,—була музыка такая у царя Давыда,—а потомъ сошла на 3 струны, извѣсно, якъ кажуть: Господь слѣпцы умудряетъ... Доходу лѣра не доставляе неякого, а такъ, охотнѣй поёться, да якъ малчыка немае, то веселій ходышъ зъ нею. Даютъ всё-едыно, хоть съ лѣрой, хоть безъ нейи. Отъ теперъ прошлы мы зъ Максымомъ Дубыною четыры улыци; заработалы по 12 копіёкъ на кажного. Якъ заработаешъ на день, то не ходышъ, оддыхаешъ, а не хватыть—изновъ идешъ». Подобную безпечность можно объяснить тѣмъ, что Маслюковъ холостъ и не имѣетъ близкихъ родныхъ.

Мальчика-поводаря (лѣтъ 14, незаконор., Артемъ Дихтеровъ, изъ с. Черторыя Глух. у.) нанялъ онъ себѣ отъ Петровскаго заговѣнья до Пасхи за 5 р. на готовой одеждѣ. Артемъ перенялъ много пѣсенъ у Маслюкова, но играть на лирѣ не умѣетъ: Маслюковъ еще не имѣетъ права учить. Хорошимъ учителемъ считается «дядинька Хвылыпъ» (фамиліи его не помнитъ) въ с. Обложкахъ Глух. у.; онъ учитъ по 1—2 года съ платой по 10 р въ годъ; ходитъ онъ на клиросъ пѣть и знаетъ наизусть псалтырь.

Но и Филиппъ, какъ и Маслюковъ, не знаетъ никакихъ думъ. На вопросъ, нѣтъ-ли какого-либо извѣстнаго Маслюкову кобзаря или лирника, который бы зналъ думы, Алексѣй назвалъ «Мыкыхвбра Егоровыча Дудкына» (родомъ изъ с. Марчихиной Буды Глуховск. у.), знающаго думу про Алексѣя Поповича; этотъ же Дудкинъ знаетъ пѣсни про Сковороды-

Digitized by Google

на́, Чечотку, Дворянку, про Удову и 3 сыновъ (въ данное время Дудкинъ гдѣ-то въ Херсонщинѣ),—Маслюкову же эти пѣсни неизвѣстны. Я прочелъ ему думы, записанныя отъ Вересая; слушатель остался къ нимъ вполнѣ равнодушнымъ; даже дума про бѣгство изъ Азова трехъ братьевъ не произвела на него, повидимому, особеннаго впечатлѣнія. Но зато онъ искренно обрадовался, узнавъ, что у меня есть записи Дворянки, Чечотки, Тещи, Соцького..., и благодарностямъ его не было конца, когда я подарилъ ему нѣсколько брошюръ съ этими пѣснями: «Я уже найду такого спеціалыста, шо вынъ буде чытать, а я заразъ перейму,—у мене памъять гарна дуже».

Репертуаръ пѣсенъ у Маслюкова слѣдующій:

I. *Пѣсни духовнаго содержанія.*—а) п с а л ь м ы: 1) про Алексѣя, Божого человѣка, 2) Лазаря, 3) Пьятныцю, 4) Сонъ Пресв. Богородицы, 5) Горе мыни, грѣшныку сущу, 6) Ужасныся, человѣче, 7) Когда бъ я зналъ, когда бъ я вѣдалъ свой препослѣдній день, 8) А мы гласъ поемъ и возвищаемъ, на безсмертный часъ помышляемъ, 9) А ще сонце не заходыть, 10) Возстань ты, душе, 11) А это въ мири являетъ, 12) Свят. Ныколая, 13) другого Ныколая («Возславного чудеса пастеру преславный»), 14) гору Ахвонъ, 15) Почаевську Божу Маты («Паслы пастыры..»); б) п р е с т о л ь н ы: 1) Покрову («Склонитеся вѣки.»), 2) Успенію («О пречудная помошни́це, пречыстая Маты»), 3) на Преображеніе («Іисусе мой прелюбезный..»).

II. *Наружни писни* (т. е. свѣтскаго характера): 1) По горо́ду хожу, руту мъяту я сажу, 2) Говорылы врагы люде, што я замужъ не пойду, 3) Что по Волги рѣки лёгка лодка плывёть, 4) Громъ гремитъ, слава трубомъ, по горамъ Кавказскимъ раздаёца слава въ насъ, 3) Дуютъ вѣтры, дуютъ буйны, 6) Бычка (сквернословная), 7) Камарынского и др.

Пѣснямъ духовнымъ Маслюковъ научился у «дядиньки» Слидюка. Свѣтскія—нѣкоторыя помнитъ съ дѣтства, другія заимѣчаетъ и теперь. Комаринскую, напр., научился пѣть у солдата; играть ее можетъ и «подскрыбочнымъ строемъ, дудочкой», и подъ гармонію.

№ 1. Про Алексѣя, Божого человѣка.

Какъ у славному гради а въ Оврыміи
Какъ било пры царю пры Онохрыю,
Пры великому князю Евхиміону
Какъ жилъ себѣ—былъ Евхиміонъ князь
Изъ своею обручо́ною княгинею,
Да не имѣли у себе отъ роду дѣтища,
Ни йединого любезного чада.
Што й речеть Евхиміонъ князь своей княгыни:
«Княгыня моя обручо́ная,
Княгыня моя возлюблёная,
Давай мы съ тобою Богу моли́ця,
Давай мы съ тобою Богу трудя́ца,

Digitized by Google

Чы не создасть намъ Господь дѣтѝща
И всё единого любезного чада,
Пре младости лѣтъ на утѣшеніе,
Пры старости лѣтъ на збереженіе,
По смерть жывота на вспомынавіе».
Оны въ Божыйи церквы ухождалы,
Частыйи молебни нанималы:
«Свѣтъ—пресвятая мать Богородица,
Што и свѣтъ-пресвятая Владычица,
Увоздры ты на нашее богомоленіе
И на Господнее всё боготружденіе!»
Погрядивъ Евхиміонъ зъ Божойи церквы,
Забеременила княгыня одъ Духа Святого
И отъ мать-пресвятой Богородицы;
Спорадыла себѣ отъ чрева младенца.
Евхиміонъ князь израдовался,
По Врим по граду прохождался,
Собиралъ онъ поповъ и патріарховъ,
Царей, князей и бояровъ
И всѣхъ православныхъ хрыстіянъ:
«Што вы жъ бо, попы и патріархи,
Што вы, цари, князь и бояры,
И всѣ православныйи хрыстіане!
Наречите мойму младенцу имя святое».
Нареклы ему имя Алексѣя,
Свѣтъ-предбожого человѣка.
Становывся Алексѣй на зрощенье;
Оддаёть ёго батюшка на изученіе
Святой Божой грамотѣ учыться.
Семи лѣтъ Алексѣй грамотѣ учывся,
Восьмы лѣтъ Алексѣй грамотѣ узявся.
Выходило Алексѣю на десять сѣмъ лѣтъ;
Похотѣвъ ёго батюшка оженыты,
Восемнанцати лѣтъ одружыты,
Молодую княгыню за него взять.
Повелы Алексѣя въ Божую церковъ,
Становылы Алексѣя среды церквы,
Становылы Алексѣя, обручалы,
Золотыйи, царськыйи венцы воздержалы,
Перепойную чашу перепывалы.
Повелы Алексѣя зъ Божой церквы
Икъ тому граду къ Ауримію,
Къ тому князю Евхиміону.
Евхиміонъ князь израдовався,
Постречавъ свое чадо съ хлѣбомъ-солію;
Прыналъ онъ свойи белійи руки

Digitized by Google

Подъ Лексѣевы могучыйи плечи.
Уводылы Алексѣя въ каменійи палаты,
Посадылы Алексѣи за столамы,
Кормылы Алексѣя хлѣбомъ-солею.
Алексѣй хлѣба-соли не вкушаеть,—
Всё на нышыхъ и убогыхъ роздаряеть,
Дарылы Алексѣя сребромъ и златомъ;
Алексѣй сребро-злато прынимаеть
И всё на Божыйи церквы розсылаеть.
Што у первому часу было ночы
Повелы Алексѣя до спокою,
Кладовылы Алексѣя на тёмную ложу.
Во второмъ часу было ночы
Устававъ Алексѣй со постели,
И молывся Алексѣй Богу со трудамы
И зъ гарячымы со слезамы:
«Не дай мни, Господь, на согрѣшенье,
Создай мни, Господь, душы спасеніе».
И речеть Алексѣй своей княгыни:
«Княгыня моя обручонная,
Княгыня моя взлюблённая!
Давай мы съ тобою Богу молыця,
Давай мы съ тобою Богу трудыця
И за оца, и за мать, и за всю кревную родыну».
Княгыня на это сомовчала,
Отвѣту-прывѣту не сказала.
Алексѣй на это усердывся,
Изброшáлъ изъ себе шовкóвый поясъ,
Съ правой руки золотой перстень;
Надывавъ Алексѣй чорную расу,
Погрядывъ Алексѣй въ сущую землю
Къ тому граду къ Іерусалиму,
Къ той Божой церквѣ Матеръ-Богородицы,
Доходывъ Алексѣй до сыняго моря;
Становывся Алексѣй на корабль.
Тыхая погода вознялася;
Прывазывъ Алексѣя самъ Святой Духъ,
Мать Пресвятая Богородица.
Устававъ Алексѣй со корабля,
И входывъ Алексѣй въ Божую церковъ;
Становывсь Алексѣй на колѣнахъ
По правой руки всё за двермы;
Молывся Алексѣй Богу со трудамы
И зъ гарячымы со слизамы.
И не много онъ молився—
Всего трыдцять лѣтъ,

Digitized by Google

Трыдцять лѣть и чотыры.
И воздрила Алексѣя Мать Богородица
И речеть ко святому Володычыца;
— За младости Алексѣй Богу молився,
За младости Алексѣй Богу трудився,
Прыподобенъ Алексѣй въ церквы быты,
Прыподобенъ Алексѣй обѣдни служыты,
Каждое пъятныци споведаця,
Каждой день суботной прыобщаця
И вкушать хлѣба-соли поуременно,
Каждый день воскресной по просвыри.—
И речеть ко святому Володычыца:
— Гряды ты, Алексѣй, зъ Божой церквы,
Гряды ты, Алексѣй, въ свой Времій градъ:
Теперъ тебѣ отець-матушка не вознають,
Ны княгыня твоя обручоная.—
Поградывъ Алексѣй зъ Божой церквы,
Поградывъ Алексѣй въ свой Авремій градъ.
Доходилъ Алексѣй до сыняго моря,
Становился Алексѣй на корабель.
Тыхáя погода возняласа;
Пырывбзылъ Алексѣя самъ Святой Духъ
И Мать Пресвятая Богородица.
Уставалъ Алексѣй со корабля
И входилъ Алексѣй въ свой Авремій градъ.
Тотчасъ ёго батюшка случывся;
А сынъ ихъ отцу уклонывся:
«Сударъ батюшка, князь мылослывый!
Создай мнѣ, странному, милостыну,
Не ради меня, ради своего сына,
Ради своего сына Алексѣя,
Свѣтъ—предбожого человѣка».
Ивхиміонъ тотъ князь сопынывся;
За слезамы онъ свѣта не бачыть,
За рыданіемъ онъ слова не промовыть,
И стыха слово промовляеть;
— Страннику, страннику Божый!
Почему жъ ты Алексѣя знаешъ,
Што мнѣ радосное слово возвищаешъ
Про моего сына Алексѣя,
Свѣтъ-предбожого человѣка?—
«Сударъ батюшка, Евхиміонъ князь!
Какъ же мнѣ его, свѣта, не знаты?
Што мы въ одной странѣ прожывалы,
Въ йдиной мы школи обучалысь,
Едину грамоту съ нымъ чыталы,

Digitized by Google

Едину хлѣбъ-соль мы зъ нимъ вкушалы,
На единой ложи мы зъ нимъ спочывалы,
Едину одежду мы съ нимъ носылы,
Потому я его, свѣта, й знаю,
Вамъ радосное слово предвозвѣщаю
Про вашого сына Алексѣя,
Свѣтъ предбожого человѣка».
Евхиміонъ князь сопынився,
И горячымы слезамы облився,
И тихо слово промовляеть:
— Самъ я не знаю и не вѣдаю,
Каковую тебѣ, страннику, милостыну дать:
Или тебѣ накормить хлѣбомъ-солію,
Или тебѣ надарыть сребромъ-златомъ?—
«Сударъ батюшка, князь мылослывый!
Не нада мнѣ злата, не нада и сѣребра;
Построй мнѣ въ свсёмъ дворѣ келію,
И поставъ Божыю келію не такую,
А поставъ Божыю келію каменую,
Поближе свойихъ бѣлыхъ каменыхъ палатъ,
И по правой рукѣ на переходѣ,
Игдѣ твойи рабыны не захождають,
Перемойной посуды не возмываютъ,
Возмойной воды не возливають».
Евхиміонъ тотъ князь не дослышавъ,
Построивъ ему келію не такую,
Построивъ ему келію дровяную,
Подале свойихъ бѣлыхъ камъянныхъ палатъ
И по лѣвой рукѣ, въ переходѣ,
Игдѣ его рабы всегда захождають,
И перемойной посуду всегда возмываютъ,
И возмойную воду возливаютъ.
Алексѣй на это не угнѣвыся;
Да изъ радосчу Алексѣй Богу молился,
Да изъ радосчу Алексѣй Богу трудился,
И не много молился—всего трыдцять лѣтъ,
Трыдцять лѣтъ и чотыры.
И освятилася келія Божимъ Духомъ.
И воздрила Алексѣя смерть-скончаніе.
Напысавше рукопысьмо, переславився.
Святымъ Божымъ Духомъ звоны зазвонылы,
Святымъ Божымъ Духомъ книги зачыталыся,
Святымъ Божымъ Духомъ свѣчи зажыгалися,
Святымъ Божымъ Духомъ ладаны запахли
По всему по граду по Аврімію
И по всему по царствію по небесному.

Digitized by Google

Устававъ антрепо́лецъ [1]) ихъ заутрени,
И речеть антреполицъ попамъ и патріархамъ,
И речеть царямъ, князямъ и боярамъ;
И всѣмъ православнымъ хрестіянамъ:
— Штось у нашому гради самъ Святой Духъ:
Што Святымъ Духомъ звоны зазвонылыся,
Святымъ Божымъ Духомъ книгы зачыталыся,
Святымъ Божымъ Духомъ свѣчы зажыгалыся,
Святымъ Божымъ Духомъ ладаны запахлы.—
Ухо́дывъ антреполецъ у Божую келію,
И лежать святійи мощы переславлени,
А въ руцахъ держать рукописаніе.
Антреполецъ ихъ мощамъ преклонывся,
И гарячымы слизамы вынъ облывся,
И стыха слово промовляеть:
— Мощы, вы мощы, мощы святыйи!
Издавайте вы свое рукописаніе
И являйте своё вы похожденіе.—
Не далось рукопысьмо антрепольцу,
Дамось пысьмо князю Евхиміону.
Евхиміонъ князь пысьмо прочытае,
И дочытався свого сына Алексѣя,
Свѣтъ-предбожого человѣка,
И грядеть ко святому, сыльно плачеть,
Гробницу слезамы облываеть
И стыха слово промовляеть:
— Сыну мой, сыну, сыну Алексѣю!
Почему ты долго жылъ, не сознался?
То бъ ты у насъ такъ не страдалъ бы:
Построилъ бы я тебѣ келію не такую,
Построилъ бы я тебѣ каменю́ю:—
Какъ дослышалась ёго родная матушка,
Грядеть ко святому сыну, сыльно плачеть,
Гробницу слезамы облываеть
И стыха слово промовляеть:
«Сыну мой, сыну прылюбезный!
Серцю моему сладость есть болѣзни:
Почему ты долго жылъ и не сознался?
То ты бъ у насъ такъ не страдалъ бы:
Носылъ бы въ насъ рызу шовковую».
Какъ дослышалась его обручная княгыня;
Грядеть ко святому, сыльно плачеть,
Гробницу слезамы облываеть

[1]) антреполецъ—антреполи́тъ (митрополитъ) значыть, отъ якъ у Черниговщ.—Поясненіе пѣвца.

Digitized by Google

И стыха слово промолвляетъ:
«Ой другъ ты мой, другъ возлюбленный!
Почему ты долго жилъ и не сознался?
То ты бъ у насъ такъ не страдалъ бы:
Ходила бъ я до тебе всегда тайно,
Молылыся бъ мы Богу съ тобой вмѣсти,
Простывъ бы Господь насъ заедыно».
Съ етимъ понеслы Алексѣя хороныть,
Хоронылы святыйи мощы а во Времійи;
Спочываютъ святыйи мощы въ Ерусалыми гради.
Немного неслы—всего три дня,
Тры дня и тры ночы.
За мыромъ Алексѣя не воззриты,
За мыромъ Алексѣя не проглянуты.
Евхиміонъ князь назадъ воротился
Въ свойи бѣлыйи палаты,
Набыралъ сребра-злата по карманахъ
И разбропалъ сребро-злато на сырую землю,
Чи не обозрыть мыръ на ко́зну,
А мыръ на казну́ не обозрывся,
А къ святымъ мощамъ прыложылся,
А исъ святыхъ мощей было прощѐнно:
Слипымъ Господь даровавъ воззреніе,
Безрукимъ, безногамъ на исцѣленіе,
А всему мыру на спасеніе
За Алексѣево богомоленіе,
За Алексѣево боготрудженіе.
Аллилуя, аллилуя, аллилуя!
Со святымы упокой. Мы славимъ Тебе,
Хрысте Боже нашъ.

№ 2. А ще сонце не заходыть.

А ще сонце—сонце не заходыть,
Я спать не ложуся;
До спо́види готу́юся—
Богу не молюся.
Спамятай же, грѣшный человѣче,
На прежнійи дары,
Або какъ возьмутъ твое грѣшное тѣло,
Положуть на мары,
И понесутъ твоё грѣшное тѣло
До глыбокойи ямы,
И упустютъ твое грѣшное тѣло
Во глыбокую яму,

Digitized by Google

И насыплютъ песку на очы,
То й не глянешь некóлы.
Охъ, не дай, Боже, мнѣ сейчасъ умерты,
Охъ, мой крѣпкой Боже!
Останёця много сребра й злата,
Дорогыйи шаты.
Роздавъ бы я на Божыйи на церквы,
Помершы, не встану;
Забралъ бы я съ собою на той свѣтъ,
Тамъ сего не нада.
Какъ исыдетъ Мыханаъ Архангелъ
На сіяньскую гору,
И въ симыгласную трубу онъ вострубыть:
«Уставайте, праведнійи и грѣшныйи душы,
Васъ Господь судыть буде».
Праведныимъ душамъ рай прославляеця,
А грѣшныимъ душамъ адъ растворяеця.

№ 3. Говорылы вражы люды...

Говорылы вражы люды, что я замужъ не пойду.
Посѣяла васылёчки во зеленому саду.
Ростить, мойи васылечки, да й повыше буръяну;
Когда выростете больши, тогда я васъ прополю;
Пополовше васылёчки, слёзонькамы оболью.—
Выходыла красна дѣвка за новыйи ворота,
Закладала бѣлы руки къ свойму мылому въ карманъ
А съ кармана вынимала бѣлой розовый платокъ
И втырала кары очы ше й румъяное лицо,
А втеравше говорыла:—Теперъ вже я не твоя,
Шукай соби чернавойи, штобъ васъ парочка была.—

№ 4. Ишовъ улыцей Варваркою [1]).

Ишовъ улыцей Варваркою
По прызнанію съ кухаркою.
По недѣлямъ, понедѣльникамъ,
По хорошымъ всё издѣлицамъ.
Заходылы въ заведеніе.
Заказавъ чайку двѣ парочки
Зли сибе и зли кухарочки,
Повилѣлъ увять бутылочку
Угостити свою милочку;

---

[1]) Передѣлка стихотворенія Трефолева: „Февраля двадцать девятаго..." *Ред.*

Digitized by Google

Давъ двадцать рублей бумажками,
Полтора рубля монетами:
Подай порцію съ катлетами!
Фивраля двадцять дивятаво—
Это было на Касьянова—
Провожала мужа пьянова;
Вона въ тотъ день була сказница:
Гдѣ мой милый безобразница?
Пресвятая Богородицѣ,
Гдѣ жъ мой милый скороходица?
А въ прикрасномъ кабакѣ-кабакѣ,
И побивъ свойи смазныйи сапоги,
На гармошечку тыли-тыли-тыли!

II. Ягоръ Ёсыповычъ Охременко.

Это—парень 19 лѣтъ, родомъ изъ с. Литвиновичи Глуховск у., холостъ, одинокъ, слѣпой отъ рожденія; опредѣленнаго мѣстожительства теперь не имѣетъ, а ходитъ по Глухову и разнымъ селамъ Глуховскаго у. Въ дѣтствѣ слѣпого мальчика не пріучали ни къ какой работѣ, а лѣтъ 10 онъ, по желанію отца, поступилъ въ науку къ слѣпцу Хведоту Зазирьскому, жившему въ томъ же селѣ и умершему уже лѣтъ шесть тому назадъ. Проживъ у Зазирскаго года два, Охременко научился пѣть нѣсколько псальмъ и сталъ самостоятельно ходить собирать милостыню. Годъ тому назадъ онъ купилъ себѣ «лѣру» въ с. Березѣ Глуховск. у. у мастера Федора Григорьевича Ходорыча, который продаетъ ихъ рубля по два за штуку. (Гораздо лучшія лиры выдѣлываются въ Глуховкѣ на Усовкѣ по 5 р.). Доходу лира Охременку не прибавила; пѣвцу самому веселѣе съ нею ходить. Слушатели, по словамъ Охременка, мало интересуются содержаніемъ пѣсни: что ни пой, имъ все равно; дастъ тебѣ копейку, и отправляйся дальше. Зарабатываетъ Егоръ рублей по 10 въ мѣсяцъ. Своему поводарю—сиротѣ изъ того же села Литвиновичи, Павлу Базырову, Охременко платитъ по 6 р. въ годъ.

Репертуаръ пѣсенъ у Охременка не великъ: псальмы про Лазаря, Алексѣя Б. человѣка, Миколая («Охъ хто-хто Миколая любыть»), Пѣятницю, Сонъ пресв. Богородицы, Горе мынѣ грѣшнику, Когда бъ я зналъ; нѣсколько «наружныхъ» пѣсенъ, которыя распѣваютъ на улицѣ да по огородамъ дивчата,—и все. Зазирскій зналъ больше псальмъ; умѣлъ онъ пѣть и сатирическія пѣсни (Чечотку, Тещу, Хому и Ярему); Охременко ихъ не знаетъ.

№ 1. Горе мынѣ, грѣшнику...

Горѣ мынѣ грѣшнику сущы,
Горе мынѣ блáгійи-дѣлныйи мощи!
Какъ я предъ судъ Божый явлюся,

Digitized by Google

Такъ я со святыми уселюся.
Отступныхомъ отъ Бога злобою,
Грѣхъ возлюбывъ самыхъ собою.
Темность плачыть и въ свѣти каханой,
А въ свѣти благодати не маю;
Совлѣкуся съ первойи одежды,
Облѣшуся зъ Божойи надежды,
Памалюся безсмертному Владыки;
Недастоенъ быты человѣки;
Адайду я далече на страну.
Какъ мынѣ бѣдному сатварыты,
Какъ прыдеть Господь усѣхъ судыты?
Горе мынѣ грѣшному суще,
Горѣ мынѣ благійи-дѣльныйи мощи!

№ 2. Сонъ Богородицы.

Да и сонъ Багародыцы явися.
И свѣтъ-Матеръ Марыя пресвятая,
Што изъ вечера Матушка мало спала,
Да неможко воснула, сонъ выдала
Да про свое Чадіе превесвятое:
Какъ бы я сибе Чадіе спорадыла,
Да и спорадывшы, спеленыла,
Да шелковымъ поясомъ сповывала.
Залатою рызою лыкъ покрывала,
Какъ у славному гради ивъ Ирусалыми
На святой рики было на Іордани,
На Сіянськой горы было на вертепійи
Выростало тамъ древо привосвятое;
Што на томъ древи прысвятомъ да на кинпарысовойи
Пречудовный Хрыстосъ образъ явывся;
Онъ явывшыся, сонъ прамовывся:
«Што я й сонъ этотъ, Матушка, знаю,
Сонъ воистину, Дѣва, расуждаю;
Што какъ быть минѣ, Матушка, на крестѣ роспятому,
Што быть минѣ збіенному, мукы скривавленному,
Да во груди капьёмъ прагруженному
И руце-нозе гвоздемъ прыбіенному,
Тростю по глави разбіенному,
Да терновый винець на главу изложылъ еси».
Какъ расплачеця Матеръ пресвятая,
Какъ расплачеця Матеръ Марія:
— Ой Сыну мой, Сыну, Царь нѣбесной мой!
На каго минѣ, Матеръ пресвятую, спокидаешъ?

Digitized by Google

На каго Дѣву привосвятую спокидаешъ?—
Што пророкъ (=прорёкъ) Исусъ Хрыстосъ Матеръ Марійи:
«Не плачъ, не рыдай, Матеръ Марія!
Не йидину тибе, Матушка, спокидаю,
Не йидину Дѣву привосвятую оставляю:
Спакидаю тибе, Матушка, оставляю,
Спакидаю тибе, Матушка, на святого Іоанна Богослова,
На хторого сына, на дру́зя Хрыстова;
Пакудова тѣло со́ймуть,
Кровъ ёго святую разо́льють,
Тагда я, Матушка, изнагражду́ся
И у новому гроби спалажуся,
Самъ у плащаницю запышуся,
Самъ на нибеса вознесуся
Съ сима́ грознымы херувимамы,
Съ сима́ страшнымы серахвимамы,
Со свойима двинацятма апостольми;
По твою, Матушка, душу ангели со́шлють,
А по мощи твойи сами со нибесъ со́йдуть;
Икъ святымъ тво́ймъ мощамъ прыклонюся,
Преклонывшыся къ святымъ мо́щамъ, Матушка, самъ пращуся:
Прасты, Матушка Марія,
Прасты, Дѣва пресвятая!
Напышу я твой лыкъ, Боже, на икони,
Паставлю твой образъ на престоли,
Во святой Божіей церквы Матери въ собори
Передъ Царьскимы вратамы,
Передъ чудовнымы образамы:
Што туда будуть, Матушка, люде прыхождаты
И службы и молебны будуть наныматы,
Земляныйи поклоны будуть уклоняты,
Васкавы́йи свѣчи будуть зажыгаты,
И тибе будуть, Матушка, велычаты,
И во векъ Суса Крыста будуть прославляты».
И хто жъ этоть сонъ, Боже, выслуша́е,
Господь ему гриховъ уменьшае.
Хто жъ этоть сонъ, Боже, перепо́йме,
Избавле́нъ будеть царства небесного,
Насле́дованъ будеть царства небесного,
Удобенъ вонъ быты у раю пресвѣтлому.
Вѣрнымъ Богъ даруе на спасеніе,
Безвѣрнымъ Богъ даруе вѣчную муку,
А мы сти́хи поемъ: аллилуя!
Мы жъ славымъ тибе, Хрысте Боже нашъ!

А. Малинка.

Digitized by Google

Замѣтка о пѣснѣ „Ванька-Ключникъ“.

Эта старинная русская пѣсня въ настоящее время распѣвается фабричными и мастеровыми промышленнаго центральнаго района [1]) совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ она извѣстна по записямъ Кирѣевскаго, Рыбникова, Шейна и др. Текстъ современной русской пѣсни «Ванька-Ключникъ» близко подходитъ къ балладѣ того же названія, написанной В. Крестовскимъ, авторомъ «Петербургскихъ Трущобъ», въ первоначальномъ видѣ въ 1861 г. [2]). Затѣмъ уже онъ, при выпускѣ своихъ «Стихотвореній» [3]) отдѣльно, много прибавилъ, и нѣкоторыя мѣста измѣнилъ.

Привожу сначала текстъ такъ, какъ онъ былъ напечатанъ впервые въ журналѣ «Время».

1. Словно ягодка лѣсная,
И укрыта и спѣла,
Свѣтъ-княгиня молодая
Въ княжемъ теремѣ жила.

* * *

2. У княгинѣ мужъ ревнивый,
Хоть и сѣдъ, а нравомъ крутъ,
Царской милостью спѣсивый,
Вѣдалъ Думу лишь да судъ.

* * *

3. А у князя Ваня-Ключникъ
Кудреватый, удалой,
Ваня-Ключникъ—злой разлучникъ
Мужа стараго съ женой.

* * *

4. Хоть не даривалъ княгинѣ
Ни монистъ, ни кумачу,
А вѣдь льнула же къ дѣтинѣ,
Что сорочка ко плечу!

* * *

5. Цаловала, миловала,
Подносила къ чаркѣ хмѣль,
И тайкомъ съ собою клала
Что на княжую постель.

* * *

6. Да извѣстнымъ наговоромъ,
Князь дознался всю вину,—
Какъ дознался, такъ съ покоромъ
И замкнулъ на ключъ жену.

8. «Гой, холопья, вы подите,
Быть на дыбѣ вамъ въ огнѣ!
Вы подите, приведите
Ваньку-Ключника ко мнѣ!»

* * *

9. Охъ, ведутъ къ нему Ванюшу,
Вѣтеръ кудри Ванѣ бьетъ;
А княгиня-то всю душу
За Ванюшу отдаетъ!..

* * *

17. «Ты скажи ли мнѣ, Ванюшка,
Какъ съ княгиней жилъ досель?»
— «Охъ, то вѣдаетъ подушка
Да пуховая постель!

* * *

18. Ай и хмѣль-то былъ угаренъ,—
Такъ позволь же мнѣ скорѣй
Спѣть въ послѣдній разъ, боярынь,
Пѣсню милости твоей:

* * *

19. «Много тамъ было попито
«Да поругано тебя,
«А и въ-краснѣ-то помито,
«И цѣловано, любя!

* * *

20. «На кровати, въ волю княжью,
«Тамъ полежано у насъ
«И за грудь-ли, грудь лебяжью
«Было хватано не разъ!» —

---

[1]) Я слышалъ въ Московской и Ярославской губ.
[2]) Журналъ „Время“ 1861 г.
[3]) Стихотворенія В. Крестовскаго. Изд. Спб. 1862 г. А. Озерова и К°. Т. I

Digitized by Google

21. —«Ай да пѣсня!.. видно хвата!
Исполать, за то люблю!—
Вы повѣсьте-ка, ребята,
На шелковую петлю!»

22. Вѣтеръ Ванюшку качаетъ,
Что былинку на межѣ,—
А княгиня умираетъ
Во свѣтлицѣ, на ножѣ...

Въ собраніи же стихотвореній Крестовскаго (изд. 1862 г.) сдѣланы слѣдующія дополненія:

7. И дозналася изъ передней,
Отъ ревнивыхъ отъ очей,
Что отъ самой отъ послѣдней
Сѣнной дѣвушки своей.

* * *

10. «Отвѣчай-ка, сынъ ты вражій,
Разскажи-ка, варваръ мой,
Какъ гулялъ ты въ спальнѣ княжей
Съ нашей княжеской женой?»

* * *

11. — «Ничего, сударь, не знаю,
Я не вѣдаю про то!»..
«Ну, не знаешь, допытаю! —
А застѣнокъ-то на что?..» —

* * *

12. И работаютъ въ застѣнкѣ —
Только кости, знай, хрустятъ!
Перешиблены колѣнки,
Локти скручены назадъ.

13. Но молчкомъ—молчитъ Ивашка,
И опять его ведутъ:
Въ дырьяхъ мокрая рубашка,
Кудри клочьями встаютъ;

* * *

14. —Канделы на рѣзвыхъ ножкахъ,
А идетъ онъ, словно въ рай,
Только хлюпаетъ въ сапожкахъ
Кровь ручьями черезъ край...

* * *

15. Видитъ—два столба кленовыхъ,
Перекладинка на нихъ:
Знать, ужъ мукъ не будетъ новыхъ,
Знать, готовятъ про другихъ,—

* * *

16. «Отведу же я, молъ, душу,
Распотѣшусь предъ концомъ —
Ужъ пускай же, князь, Ванюшу
Хоть вспоминаешь ты добромъ!»..

Выпущена совершенно 18-ая строфа, а измѣнены:
Въ строфѣ 9-ой послѣднія двѣ строчки, напечатанныя такъ:

Вѣетъ шелкову рубашку, Къ бѣлу-тѣлу такъ и льнетъ.

Въ строфѣ 5-ой сказано вмѣсто словъ:

«Подносила къ чаркѣ хмѣль» — — Обвивала словно хмѣль.

Остальныя измѣненія незначительны и касаются только отдѣльныхъ словъ; такъ, напримѣръ: въ 1-ой строфѣ вмѣсто «княжемъ» напечатано «к ѣнкомъ»; въ 2-омъ—вмѣсто—«судъ»—«кнутъ»; въ 9-омъ—вмѣсто—«Ванюшу»—«Ивашку»; въ 21-мъ—вмѣсто—«пѣсня»—«сказка» и вмѣсто «На» шелковую—«да» шелковую.

Ф. Красильниковъ.

О былинахъ на Печорѣ.

А. Д. Григорьевъ въ отчетѣ о своихъ поѣздкахъ въ Архангельскую г. сообщалъ, что, какъ можно было узнать изъ опросовъ, «старины» поются между прочимъ и на Печорѣ (см. Извѣстія Отд. р. яз. и слов.

Digitized by Google

И. А. Н., т. V, кн. 2-ая). Это сообщеніе вполнѣ подтверждается теперь статьей г. *Н. Ончукова*, помѣщенной въ № 9311 «Нов. Вр.» отъ 4-го февраля текущаго года, съ которой небезынтересно познакомиться.

Лѣтомъ прошлаго года г. Ончукову пришлось быть въ селѣ Усть-Цыльмѣ, на Низовой Печорѣ; явился онъ не спеціально для записыванія былинъ, но, услыхавъ отъ крестьянъ, что старины о богатыряхъ поются въ самомъ селѣ, рѣшился провѣрить, дѣйствительно ли это былины, или что-нибудь другое. Въ первое же воскресенье черезъ посредство хозяина квартиры г. Ончуковъ пригласилъ къ себѣ «пѣвуновъ-знатоковъ» старины и послѣ предварительныхъ пустыхъ разговоровъ завелъ рѣчь о «старинахъ», и гости согласились ему спѣть ихъ. Пока хозяинъ отправился за виномъ, чтобы пѣвцы могли для храбрости промочить горло, въ избѣ шла бесѣда о старинѣ: «Все было не такъ въ старину-то, эхъ-ма! Старинщики хорошіе вымираютъ, старины забываются... Пѣсни новыя начинаютъ появляться какія-то смѣшныя, куцыя, точно топоромъ ихъ рубятъ, отсѣкаютъ концы (частушки). А по старинному, заведешь старину, когда изъ двора выѣдешь, дорога двадцать верстъ, а на дорогу хватитъ. Ѣдешь и поешь, и выводишь, а самому жалостно, да хорошо и товарищу, если съ тобой онъ, не скучно. Поешь другой разъ и надорвешь сердце, и поплачешь, а дорога и прошла незамѣтно». Ожиданія г. Ончукова не были обмануты: пѣсни дѣйствительно оказались былинами. «Когда пѣвцу кончили первую былину, говоритъ онъ, то стало совершенно ясно уже, что Печорскія былины не только прекрасно сохранились качественно и удержали свой, можетъ быть, очень древній напѣвъ, но и уцѣлѣли въ большомъ количествѣ». Автору удалось записать только 7 былинъ, такъ какъ вскорѣ наступилъ Петровъ день, когда все взрослое населеніе отправляется на покосъ и на ловлю сёмги, и этнографу пришлось прекратить такъ удачно начатое дѣло, «имѣя въ виду дальнѣйшія записи напредки». Жаль, что авторъ мало сообщаетъ свѣдѣній о состояніи былинной традиціи въ Усть-Цыльмѣ, умалчивая о томъ, сколько тамъ «старинщиковъ», каковъ ихъ репертуаръ, какія именно былины онъ записалъ и т. п. Судя по тому, что одинъ изъ пѣвцовъ, Дмитрій Дуркинъ («лѣтъ 40, высокій, здоровый мужикъ съ большимъ лбомъ и съ бородой лопатой») знаетъ, по собственнымъ его словамъ, до 70 штукъ былинъ, и другой пѣвецъ, старикъ, до 50; можно надѣяться въ будущемъ на новое пополненіе нашего эпоса.

Приведу теперь начало былины о Мамаевомъ побоищѣ въ томъ видѣ, какъ оно печатается г. Ончуковымъ.

Аи бѣжала-ле Калика Перехожая
А отъ того отъ моря отъ студеного,
Алатыря камешка, Алатыря;
Она по три дня бѣжитъ, по три ночи.
Прибѣжала Калика ко маткѣ Клесей-рѣкѣ [1]),

[1]) Надо бы „Къ Лесей-рѣкѣ", вѣроятно, вм. Енисей-рѣки.

Digitized by Google

Захотѣла Калика тутъ попить, поись,
Она попить, поись и тутъ огня добыть,
Огня добыть, платье повысушить.
Не успѣла Калика опочиниться [1]),—
Накатается вдругъ туча темная,
А бы темна туча, туча грозная;
Навалилася орда невѣрная;
Прибѣгалъ собака Кудреванко-царь;
Онъ со тимъ со зятемъ, со Киршиномъ,
Онъ со тимъ со сыномъ, со Миршиномъ;
У его, собаки, силы множество.
Прибѣгалъ собака къ Клесей-рѣкѣ;
Онъ мосты мостилъ тутъ калиновы,
Перекладины, кладетъ дубовыя,
Переносится собака, перевозится...
Становился собака на поле Куликово;
Ставилъ онъ шатры да чернобархатны.
У его, собаки, силы множество:
Отъ того отъ пару лошадинаго,
Отъ того отъ духу человѣческа
А и поблёкло красно солнышко,
Помертвѣлъ батюшко свѣтелъ мѣсяцъ,
А и потерялися-ле тутъ да звѣзды частыя,
Звѣзды частыя, да зори ясныя...
А и силы у собаки числа-смѣту нѣтъ...
Кабы самъ онъ, собака, заговорщикъ злой;
А и сталъ онъ по силы поѣживать,
Кабы сталъ онъ силу заговаривать—
Не брала чтобы силу сабля вострая,
Не ломила бы палица буёвая
Не кололо бы копейцо бурзомецкое...

Конечно, трудно сказать что-нибудь опредѣленное на основаніи одного отрывка, но сразу бросается въ глаза сходство именъ царя и его зятя съ именами ихъ въ старинѣ о Василіи Пьяницѣ, записанной А. Марковымъ («Бѣломорскія былины», стр. 409): Кудреванко-Царь и зять его Кыршикъ). Имена Киршинъ и Миршинъ—парныя, т.-е. представляютъ образованіе такого же рода, какъ Кастрюкъ-Мастрюкъ и т. п. Странное начало былины можно объяснять какъ искаженіе зачина былины о Василіи Пьяницѣ, которой присвоенъ древній зачинъ, изображающій бесѣду туровъ и турицы. Важно названіе поле—Куликово, сохранившееся также въ петербургскомъ варіантѣ этой былины (*Кирѣевскій*, *1*, стр. 58).

Н. В. В.

---

[1]) Отъ слова „опочинъ“=„опочивъ“, обыкновенно употребляющагося въ былинахъ (опочивъ держать).

Digitized by Google

Критика и библіографія.

В. Г. Богоразъ. *Очеркъ матеріальнаго быта оленныхъ чукчей, составленный на основаніи коллекцій Н. Л. Гондатти, находящихся въ этнографическомъ музеѣ Императорской Академіи Наукъ. Съ XXV таблицами рисунковъ въ концѣ текста.* (Сборникъ музея по антропологіи и этнографіи при Императорской Академіи Наукъ). Спб. 1901 г. 65 стр.+XXV таблицъ.

Настоящая книга представляетъ весьма крупный вкладъ въ русскую этнографическую литературу и даетъ подробное и отчетливое понятіе о всѣхъ сторонахъ матеріальной жизни одного изъ племенъ крайняго сѣверо-востока Сибири. Въ связи съ предшествующими работами того же автора, основанными на близкомъ и продолжительномъ знакомствѣ съ даннымъ народомъ, она впервые даетъ намъ систематическое и строго научное представленіе о чукчахъ, о которыхъ въ литературѣ раньше имѣлись довольно случайныя и разрозненныя свѣдѣнія.

Работу г. Богораза отнюдь нельзя назвать простымъ описаніемъ коллекцій этнографическаго музея Академіи Наукъ, и заглавіе не вполнѣ вѣрно опредѣляетъ содержаніе «Очерка», говоря, что онъ составленъ на основаніи коллекцій Н. Л. Гондатти. Личное знакомство автора съ описываемымъ народомъ играло несравненно бо́льшую роль, чѣмъ изученіе собранныхъ другимъ коллекцій, и безъ него было бы положительно невозможно такое обстоятельное и отчетливое описаніе, какое мы имѣемъ въ настоящей книгѣ. Съ одной стороны, только такое знакомство и даетъ возможность разобраться въ коллекціи и оцѣнить, какъ слѣдуетъ, назначеніе каждаго отдѣльнаго предмета, а съ другой, г. Богоразъ затрогиваетъ въ своемъ описаніи многіе такіе факты, которые не могутъ быть иллюстрируемы никакими коллекціями. Такимъ образомъ, правильнѣе было бы сказать, что книга составлена преимущественно на основаніи личныхъ наблюденій, а коллекціи этнографическаго музея послужили для нея лишь матеріаломъ для иллюстрацій.

Книга состоитъ всего изъ двѣнадцати главъ: «Пища», «Одежда», «Украшенія», «Жилище», «Утварь», «Оружіе», «Орудія», «Оленеводство», «Охота», «Игры и игрушки», «Идолы и домашнія святыни», «Костяныя издѣлія». Рисунки, приложенные къ книгѣ, достаточно обильны (266 предметовъ на 25 таблицахъ) и по своему исполненію вполнѣ удовлетворительны. Можно было бы пожелать большей отчетливости и

Digitized by Google

большихъ размѣровъ рисунку 2-му таблицы XIX; на этомъ рисункѣ, представляющемъ снимокъ съ чукотской карты рѣки Анадыра, совершенно не вышли изображенные на ней олени и охотники за ними, людскія жилища и лѣса, медвѣди и т. п., о которыхъ говорится въ текстѣ (стр. 55).

Не довольствуясь описаніемъ чукотскаго быта, авторъ постоянно проводитъ параллель между бытомъ чукчей и бытомъ ихъ ближайшихъ сосѣдей, ламутовъ, коряковъ и др.; изъ рисунковъ тоже очень многіе, иногда цѣлыя таблицы, представляютъ изображенія предметовъ обихода этихъ народовъ. Разумѣется, что отъ такого сравнительнаго описанія матеріальной культуры чукчъ, значеніе книги еще больше увеличивается.

Въ заключеніе необходимо указать очень существенный корректурный недочетъ. Вторая половина 56-й страницы совершенно искажена и, повидимому, набрана съ какого нибудь случайно попавшаго и неисправленнаго чернового листка. Благодаря этому она отчасти повторена вторично на 57-й стр., а въ прочихъ строкахъ номера рисунковъ, даваемые въ текстѣ, не сходятся съ номерами, проставленными на таблицѣ XIX.

А. Максимовъ.

В. И. Іохелсонъ. *Матеріалы по изученію юкагирскаго языка и фольклора, собранные въ Колымскомъ округѣ. Часть I-ая. Образцы народной словесности юкагировъ (тексты съ переводомъ). Изданіе Императорской Академіи Наукъ* (Труды Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отдѣлъ III. Томъ IX. Часть III.) Спб. 1900 г. VIII+XV+240 стр.

Нѣтъ сомнѣнія, что изслѣдованія В. И. Іохельсона надъ юкагирами представляютъ самый крупный фактъ въ исторіи русской этнографіи за послѣднее время, такъ какъ можно сказать, что г-ну Іохельсону удалось открыть совершенно новый и необслѣдованный народъ. То что можно найти объ юкагирахъ у прежнихъ авторовъ (Врангеля, Августиновича и Майделя) на столько скудно, что не можетъ собственно говоря идти въ счетъ, тѣмъ болѣе, что даже и эти скудныя свѣдѣнія относятся не столько къ юкагирамъ, сколько къ нѣкоторымъ смѣшаннымъ племенамъ, живущимъ съ ними въ сосѣдствѣ. Настоящихъ юкагировъ этнографы уже готовы были признать вымершимъ народомъ, и вдругъ оказалось, что они не только существуетъ, но и сахранили въ полной неподдѣльности свою своеобразную культуру. Насколько интересны для этнографа юкагиры, можетъ служить примѣромъ хотя бы тотъ фактъ, что они одни изъ всѣхъ народовъ сѣверной Азіи сохранили такой любопытный институтъ, какъ материнское право.

Настоящая книга г. Іохельсона имѣетъ прежде всего особую цѣнность для лингвистовъ, и на этомъ обстоятельствѣ нѣтъ никакой надобности останавливаться. Достаточно указать на то, что юкагирскій языкъ былъ раньше извѣстенъ только по нѣсколькимъ отрывочнымъ и къ тому же невѣрно записаннымъ фразамъ, собраннымъ бар. Майделемъ и дру-

Digitized by Google

гими путешественниками [1]) .Только теперь и является возможность дѣйствительнаго серьезнаго изученія юкагирскаго языка и надо надѣяться, что спеціалисты-лингвисты не замедлятъ воспользоваться новымъ богатымъ матеріаломъ и помогутъ намъ рѣшить загадку о происхожденіи этого народа.

Приводимые г. Іохельсономъ матеріалы не только важны, какъ образцы народнаго творчества, но и какъ лингвистическіе матеріалы. Съ внѣшней стороны народное творчество юкагировъ представляетъ много своеобразія, и прежде всего бросается въ глаза одна черта, подчеркиваемая самимъ г. Іохельсономъ, это сухость и схематичность разсказа. Среди собранныхъ въ книгѣ произведеній юкагирскаго творчества есть и очень коротенькія, есть и сравнительно очень длинныя, но сухи они одинаково. Юкагиръ старается всячески избѣгать лишнихъ отступленій, не относящихся непосредственно къ дѣлу описаній, вводныхъ подробностей и т. д.; однимъ словомъ, онъ старается какъ можно сжатѣе передать самую фабулу разсказа, нисколько не заботясь объ ея украшеніи. Часто онъ ведетъ разсказъ отрывочными фразами, съ пропусками, предоставляя самому слушателю восполнить недостающее и оживить по мѣрѣ силъ, сухую фабулу.

По содержанію собранные г. Іохельсономъ матеріалы отличаются большимъ разнообразіемъ; здѣсь есть и сказки (27 номеровъ), и историческія преданія, и разсказы о современномъ бытѣ, и шаманскіе тексты, и пѣсни, и формулы сватовства, и номенклатуры родства и т. д.; отсутствуютъ вполнѣ лишь космогоническія сказанія, изъ нихъ не удалось записать ни одного. Про сказки можно думать, что многія изъ нихъ заимствованы юкагирами у сосѣдей, и за такое предположеніе говоритъ не только то, что сюжеты большинства юкагирскихъ сказокъ можно встрѣтить и у другихъ народностей сѣверо-востока Сибири, но и то болѣе вѣское соображеніе, что черты быта, рисуемыя въ этихъ сказкахъ, сплошь да рядомъ непохожи ни на древній, ни на современный юкагирскій бытъ. Такъ, для юкагирской семьи характерно отсутствіе калыма и переселеніе мужа въ домъ жены, а въ сказкахъ очень часто мужъ покупаетъ жену у тестя и беретъ ее къ себѣ въ домъ (сказки 5-я, 6-я, 7-я, 12-я). Съ большою вѣрностью бытовыя особенности юкагировъ сохранились въ историческихъ преданіяхъ, которыя, впрочемъ, очень интересны и помимо того, что представляютъ извѣстныя воспоминанія о былыхъ отношеніяхъ между племенами и отдѣльными родами, о пришествіи русскихъ и т. д. Такъ, напримѣръ, чрезвычайно интересно и во многихъ отношеніяхъ поучительно преданіе о первоначальномъ крещеніи юкагировъ (стр. 84—86). Шаманскіе тексты, заклинанія и формулы сватовства тоже весьма важны и интересны, чего нельзя сказать про пѣсни и загадки, очень слабо представленныя въ сборникѣ; такъ, загадокъ всего записано только четыре. Система родства у юкагировъ записана г. Іохель-

---

[1]) Можно также указать статью С. М. Шаргородскаго—Объ юкагирскихъ письменахъ. Съ таблицею рисунковъ. „Землевѣдѣніе“ 1895 г., кн. 2—3, стр. 135—148. *Ред.*

Digitized by Google

сономъ съ образцовой обстоятельностью и отличается большою оригинальностью. Старшаго брата матери юкагиры называютъ такъ же, какъ дѣда, старшую сестру отца такъ же, какъ бабку, но зато младшій братъ матери, старшій братъ отца, младшій братъ отца, младшая сестра отца, старшая сестра матери и младшая сестра матери всѣ имѣютъ каждый особое для себя названіе. Такое строгое обособленіе отцовскихъ родственниковъ отъ материнскихъ тѣмъ болѣе интересно, что экзогамія, въ связи съ которой обыкновенно наблюдается подобная черта, у юкагировъ нѣтъ.

Большинство матеріаловъ записано на верхне-колымскомъ нарѣчіи, наиболѣе чистомъ, и только нѣсколько номеровъ представлены двумя параллельными текстами: на верхне колымскомъ нарѣчіи и на тундренномъ, испытавшемъ вліяніе тунгусскаго языка. Подлиннымъ текстамъ всегда слѣдуютъ русскіе переводы, снабженные обильными примѣчаніями.

Какъ видимъ, работа г. Іохельсона, по своему богатому содержанію представляетъ крупный интересъ для самыхъ разнообразныхъ отраслей этнографіи, и можно лишь пожелать, чтобы и другіе собранные имъ среди юкагировъ матеріалы были изданы поскорѣе и съ такою же тщательностью, какъ настоящій выпускъ.

А. Максимовъ.

Ермоловъ, А. *Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. I. Всенародный мѣсяцесловъ.* Спб. 1901. 8°. IX+620 стр. Ц. 3 руб.

Авторитетный знатокъ русскаго сельскаго хозяйства, его практическихъ и научныхъ положеній, А. С. Ермоловъ является теперь передъ читателемъ съ своимъ въ высшей степени интереснымъ трудомъ по народнымъ пословицамъ. Въ этомъ трудѣ сгруппированъ цѣлый рядъ явленій въ сельскохозяйственной жизни народа, освѣщенныхъ не поучительнымъ опытомъ интеллигентнаго агронома и не какими-либо изысканіями агрономической науки вообще, а простою мудростью самого народа, сказавшеюся въ его пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ.

Въ послѣднее время, кажется, все ярче и ярче обнаруживается въ русскомъ просвѣщенномъ человѣкѣ сознаніе, что ни съ какими благими цѣлями или результатами науки нельзя подойти къ народу, не зная самого народа: во-первыхъ, потому, что у него есть свои знанія, которыя надо или разрушить или признать, прежде чѣмъ давать новыя, во-вторыхъ, потому, что эти его знанія часто бываютъ такъ основательны, детальны, точны, что сама наука нуждается въ нихъ.

Въ рѣчи, произнесенной авторомъ разбираемой книги при открытіи 1-го метеорологическаго съѣзда въ Петербургѣ, онъ привѣтствуетъ объединеніе общихъ усилій русскихъ ученыхъ метеорологовъ и въ то же время выражаетъ пожеланіе, «чтобы при такомъ объединеніи наука не забыла своей старшей годами, но донынѣ, къ сожалѣнію, пребывающей еще въ загонѣ сестры—вѣковой народной мудрости, являющейся результатомъ вѣками накопленнаго, почти безсознательнаго, изъ рода въ родъ передаваемаго опыта и наблюденія, производимаго не точными физиче-

Digitized by Google

сними приборами, но повседневнымъ общеніемъ съ природой чуткаго къ ея явленіямъ, съ которыми связаны всѣ его жизненные интересы, простого земледѣльца-крестьянина». Они выразились въ цѣломъ рядѣ примѣтъ, пословицъ и поговорокъ, и авторъ называетъ ихъ «колыбелью нашей настоящей науки». (2—3 стр.). Народная религія, поэзія, семейно-правовыя отношенія уже давно служатъ источникомъ разныхъ научныхъ изысканій, теорій и размышленій о вліяніи исторической культуры на укладъ народной жизни; но народная мудрость въ пословицахъ для этого еще почти не бралась въ соображеніе. Ни изслѣдованія Снегирева, ни собранія Сахарова, Шейна, Максимовича, Щурова, Чубинскаго, Михельсона и др., ни «Толкованія» Даля не имѣли въ виду этой связи народной мудрости и современнаго научнаго критерія. Правда, можно указать на прекрасные сборники А. А. Коринескаго («Народная Русь»), П. К. Симони («Старинные сборники русскихъ пословицъ XVII—XIX ст.»), А. В. Смоленскаго («Чувашскія примѣты») и нѣкоторые другіе; но всѣ они, при большихъ достоинствахъ содержащагося въ нихъ этнографическаго матеріала, лишены такой систематической группировки, которая одно, другое, третье мудрое народное изреченіе ставила бы не въ узкія рамки эпохи, быта или племени, а развернулась бы на обширномъ пространствѣ многихъ эпохъ, многихъ племенъ, многихъ послѣдовательно-связанныхъ условій быта. Въ такомъ видѣ для сжатой, не рѣдко какъ бы отъ чего-то оторванной мысли легко находится ея надлежащее мѣсто. Этимъ путемъ авторъ думалъ «подкрѣпить то, что подмѣтилъ и закрѣпилъ своимъ мѣткимъ словомъ русскій простолюдинъ,—такимъ же опытомъ и наблюденіемъ земледѣльцевъ другихъ странъ, при другихъ условіяхъ климата, почвы, хозяйственной обстановки, но въ области этой же кормилицы и русскаго и чужеземнаго крестьянина — матери-природы». (3 стр.). Конечно, не къ чему напоминать, насколько этотъ сравнительный методъ сопоставленій оказался полезнымъ во многихъ другихъ вопросахъ этнографической науки.

Что касается самой обработки имѣвшихся у автора матеріаловъ, то онъ самъ указываетъ, что не могъ «взять на себя научной разработки, такъ какъ подобная работа требуетъ и слишкомъ много времени и такихъ спеціальныхъ познаній, которыми я (авторъ) не обладаю». (стр. 7). Позволительно сомнѣваться, чтобы вообще наступило время «научно разработать» такой матеріалъ. Сколько другихъ этнографическихъ данныхъ нужно для этого, такихъ данныхъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ: хотя-сколько-нибудь научно-основательная исторія религій, семейнаго и общественнаго быта, экономическихъ теченій, народныхъ и политическихъ передвиженій—все это должно быть разработано прежде, потому что все это есть матеріалъ, надъ которымъ оперировала народная мудрость.

Такимъ образомъ, полная систематическая сводка пословицъ, примѣтъ и поговорокъ, которую предпринялъ уважаемый авторъ, является единственной возможной научной работой въ этой области, научной, потому что это требуетъ большихъ знаній, научной опытности и умѣнія изъ разрозненныхъ частей составить цѣлое.

Digitized by Google

Авторъ и здѣсь указываетъ, что его трудъ не можетъ претендовать и на полноту, но и въ томъ огромномъ матеріалѣ, которымъ онъ пользовался, нельзя не указать на такую, напр., цѣнную въ отношеніи полноты особенность, какъ на слѣдующую: сначала авторъ хотѣлъ собрать пословицы и примѣты только на погоду и на урожай; но, плѣнившись «кладеземъ народной мудрости», онъ расширилъ рамки своего труда, «счелъ себя не въ правѣ подходить къ этому дѣлу съ какимъ бы то ни было предвзятымъ субъективнымъ взглядомъ», «не сталъ даже отдѣлять пшеницу отъ плевелъ, а сталъ собирать и систематизировать все, придя къ тому убѣжденію, что, быть можетъ, тотъ уровень научныхъ знаній, которыми мы можемъ теперь располагать, недостаточенъ еще для того, чтобъ безошибочно отбирать одно доброе зерно». (8 стр.).

По содержанію весь трудъ А. С. Ермолова разсчитанъ на три части (собственно двѣ, съ двумя подотдѣлами въ первой). I. Всенародный мѣсяцесловъ. II. Народныя сельскохозяйственныя пословицы, поговорки и примѣты—своего рода народный оракулъ или угадчикъ. III. Сюда «войдетъ то, что характеризуетъ сельскохозяйственный годъ въ его совокупности, весь циклъ народной сельскохозяйственной жизни, и затѣмъ тутъ же будутъ приведены пословицы, поговорки и примѣты на солнце, мѣсяцъ, звѣзды, на разныя явленія природы, громъ, дождь, вѣтры, туманъ, утро, вечеръ, день, ночь, на почву, урожай, на животныхъ, на растенія и т. п.» (стр. 9). Такъ какъ разбираемый выпускъ помѣченъ просто цифрой I, безъ указанія подраздѣленія, то, надо полагать, что второй выпускъ придется отмѣтить цифрой II, а вторую часть или 3-й выпускъ, цифрой III. Впрочемъ, это несущественный вопросъ.

Итакъ, всѣ эти 620 страницъ убористой печати посвящены «всенародному мѣсяцеслову». Кстати, отмѣтимъ здѣсь одно общее интересное явленіе: народы Зап. Европы, живя теперь по новому стилю, въ пословицахъ руководствуются старымъ стилемъ; авторъ убѣдился въ этомъ на такихъ явленіяхъ, какъ равноденствіе, солнцестояніе и т. п. Матеріалъ расположенъ такъ, что мѣсяцы, числа идутъ въ хронологическомъ порядкѣ; кромѣ того, времена года, праздники, посты и другія годичныя перемѣны тоже послѣдовательно проходятъ одни за другими. «Мудрость» русскаго человѣка доминируетъ все время; но, кромѣ того, пословицы и другихъ славянъ, а также русскихъ и другихъ инородцевъ, народовъ Зап. Европы вплетаются, особенно тамъ, гдѣ чувствуется что-нибудь или недосказанное, или неубѣдительное у русскаго сельскаго хозяина. Получается цѣлая наглядная картина жизни, которую яркой, сжатой и выразительной мыслью рисуетъ простой человѣкъ. Скажемъ больше: этотъ обильный фактическій матеріалъ въ такой систематической группировкѣ легко будитъ отвлеченную мысль этнографа, зоветъ ее къ спеціальнымъ вопросамъ этнографіи и, если не разрѣшаетъ ихъ, зато даетъ весьма сильный толчокъ къ тому. Особенно это надо сказать относительно религіозныхъ воззрѣній на природу въ связи съ экономическимъ бытомъ. Здѣсь тѣ разнообразныя гипотезы, которыя существуютъ въ наукѣ, являются какъ бы на смотръ и значительно должны видоизмѣнить или подкрѣпить свои положенія.

Digitized by Google

Вообще, почтенный трудъ А. С. Ермолова, очень важный и своевременный не только для сельскохозяйственной, но и для этнографической науки, долженъ встрѣтить полное сочувствіе у русскаго читателя. Объ одномъ можно пожалѣть, что въ концѣ не приложенъ «указатель» предметный, географическій и т. д., столь необходимый въ такихъ изданіяхъ. Впрочемъ, б. м., онъ и имѣется въ виду, когда выйдетъ послѣдній выпускъ. Указатель источниковъ (на русскомъ, польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и англійскомъ языкахъ), приложенный въ концѣ 1-го выпуска на четырехъ страницахъ, еще больше подтверждаетъ уже высказанный здѣсь отзывъ о солидности и полезности этого выпуска.

Вл. Б.

Тумановъ, Г. М., князь. *Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ.* Спб. 1901 г.

Экономическіе и соціально-политическіе вопросы на Кавказѣ еще не имѣютъ достойнаго изслѣдователя въ то время, какъ географически и этнографически названный край изученъ достаточно. Авторъ вышеупомянутаго сочиненія восполняетъ существующій въ кавказовѣдѣніи пробѣлъ, касающійся изученія «человѣка и жгучихъ вопросовъ въ жизни» на основаніи свѣжихъ матеріаловъ и непосредственнаго знакомства съ бытомъ края. «О вопіющихъ нуждахъ современнаго Кавказа» кн. Г. М. Тумановъ помѣщалъ статьи частью въ «Вѣстникѣ Евр.» и «Рус. Мысли», частью же въ редактируемой имъ тифлисской газетѣ «Новое Обозрѣніе». Нынѣ онъ эти отдѣльныя разбросанныя статьи соединилъ въ одну книгу подъ заглавіемъ: «Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ». Связь между этими двумя факторами авторомъ установлена яркими доказательствами: земельная неурядица, отсутствіе окончательнаго размежеванія, слабое развитіе выкупныхъ сдѣлокъ временно-обязанныхъ крестьянъ съ бывшими помѣщиками, самоуправство при распредѣленіи общественной воды, неудовлетворительность разрѣшенія вопроса о хизанахъ (чиншевики грузинскіе) и неопредѣленность сословныхъ правъ обусловливаютъ саморасправу и разбои, вызываемые неудовлетворительнымъ чувствомъ справедливости и неудовлетворительными имущественными требованіями. Основное положеніе автора — «неудовлетворенность экономическихъ интересовъ является единственнымъ мотивомъ многихъ и многихъ преступленій на Кавказѣ» — не подлежитъ никакому сомнѣнію и на разрѣшеніе этого вопроса прежде всего должно быть обращено вниманіе.

А. Хахановъ.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XXXVII. 1901 г., вып. IV и V.

Весь 4-й выпускъ занятъ исключительно письмами къ секретарю начальника Тибетской экспедиціи, П. К. Козлова, и одного изъ его спутниковъ, фельдфебеля Иванова. Помѣщенныя въ этомъ выпускѣ письма охватываютъ какъ разъ наиболѣе интересный, по крайней мѣрѣ въ этнографическомъ отношеніи, періодъ дѣятельности экспедиціи, а именно—

Digitized by Google

ея пребываніе въ Восточномъ Тибетѣ, въ бассейнахъ рѣкъ Хуанъ-хэ, Ян-цзы-цзяна и Меконга. Экспедиціи пришлось близко сталкиваться съ мѣстнымъ населеніемъ и, какъ сообщаетъ письмо отъ іюня 1901 г., ею «получено много интересныхъ свѣдѣній по этнографіи и исторіи обитателей Кама», т.-е. тангутовъ, живущихъ въ горной области рр. Ян-цзы-цзяна и Меконга и подчиненныхъ вѣдѣнію Синиискаго губернатора. Такъ какъ эти тангуты почти совершенно не обслѣдованы въ этнографическомъ отношеніи, то можно надѣяться, что когда будутъ опубликованы подробные результаты экспедиціи П. К. Козлова, они составятъ цѣнное пріобрѣтеніе для этнографіи. Пока въ своихъ предварительныхъ замѣткахъ П. К. Козловъ преимущественно подтверждаетъ то, что уже было извѣстно о тангутахъ-камъ изъ работъ покойнаго Н. Г. Пржевальскаго, но кое-что новое можно найти даже и въ этихъ замѣткахъ. Такъ, напримѣръ, Пржевальскій просто ограничивается указаніемъ на существованіе у тангутовъ поліандріи, Козловъ же сообщаетъ, что наряду съ поліандріей встрѣчается, у богатыхъ разумѣется, и полигинія.—5-й выпускъ «Извѣстій» тоже весь цѣликомъ посвященъ одной статьѣ, а именно отчету Г. Н. Потанина о «Поѣздкѣ въ среднюю часть Большого Хингана лѣтомъ 1899 года». Г. Н. Потанину приходилось проходить по мѣстамъ, еще не посѣщавшимся европейцами и представляющимъ значительный географическій интересъ. Этнографическіе результаты поѣздки менѣе значительны; краткость времени, отсутствіе продолжительныхъ остановокъ и еще болѣе недовѣрчивое отношеніе къ путешественникамъ мѣстнаго населенія были существенной помѣхой для собиранія этнографическихъ свѣдѣній. Кое-что все таки удалось собрать, между прочимъ и о баргутахъ, одномъ изъ наименѣе извѣстныхъ подраздѣленій монголовъ. Г. Н. Потанинъ думаетъ, что основу баргутовъ составляютъ омонголившіеся тунгусы, къ которымъ лишь впослѣдствіи присоединились дѣйствительные монголы. Насколько основательно такое предположеніе, покажутъ, разумѣется, лишь болѣе детальныя изслѣдованія.

А. Максимовъ.

Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Вып. 16 й. Оренбургъ. 1901 г.

Изъ статей этнографическаго содержанія наибольшій интересъ представляетъ маленькая замѣтка А. И. Добросмыслова, «Салы у киргизовъ». Салами въ старину назывались у киргизовъ особые щеголи, посвятившіе себя ухаживанію за женщинами. Нарядившись въ изысканный костюмъ и на богато украшенной лошади «салъ» отправлялся въ какой-нибудь аулъ, извѣстный красотою своихъ дѣвушекъ. Здѣсь по срединѣ аула онъ останавливалъ коня и, держа его за поводъ, ложился на землю, оставаясь въ такомъ положеніи иногда болѣе сутокъ, пока дѣвушки не поднимали его и не относили на рукахъ въ кибитку. Въ кибиткѣ салъ проводилъ за разными увеселеніями ночь съ дѣвушками или съ одной дѣвушкой, но передъ разсвѣтомъ долженъ былъ покинуть аулъ, оставивъ при этомъ всѣ свои одежды, украшенія и коня съ уборомъ; одежда и украшенія

Digitized by Google

шли дѣвушкамъ, а лошадь хозяину кибитки, такъ что салъ возвращался домой пѣшкомъ и въ одной рубашкѣ. Такія похожденія продолжались до тѣхъ поръ, пока салъ не проживалъ всего своего состоянія.— Кромѣ этой статьи, необходимо отмѣтить обстоятельную работу А. А. Петрова, «Библіографическій перечень книгъ, статей и замѣтокъ, касающихся черемисъ», не свободный, къ сожалѣнію, отъ существенныхъ пробѣловъ: не упомянуты, напр., статья Мендіарова въ Этногр. Обозр., статьи А. Ѳ. Бомова въ Уфимск. Губ. Вѣд. 1889 г. и т. д.; г. Петровъ не включилъ въ свой указатель даже и нѣкоторыхъ изъ тѣхъ работъ, которыя отмѣчены Е. И. Якушкинымъ въ его „Обычномъ Правѣ". Кромѣ того, указателю сильно вредитъ полное отсутствіе указаній на содержаніе и цѣнность отдѣльныхъ статей; несомнѣнно, что авторъ могъ бы до извѣстной степени дать и оцѣнку если не всѣхъ, то многихъ работъ, и этимъ бы онъ во много разъ увеличилъ цѣнность своего указателя.—Въ приложеніи къ «Извѣстіямъ» печатается обширное изслѣдованіе А. И. Добросмыслова „Тургайская область. Историческій очеркъ", дающее много матеріаловъ для исторіи киргизовъ и ихъ отношеній къ русскимъ, но затрогивающее попутно и другіе народы: калмыковъ, башкиръ и т. д.

А. Максимовъ.

Tiersot Julien «*Chanson d'amour des paysans des Alpes françaises*». (Статья въ февральской книжкѣ 1902 г. «La Grande Revue»).

Жюльенъ Тіерсо (Julien Tiersot), издавшій въ 1889 году интересную книгу о французской народной пѣснѣ [1]), до сихъ поръ не перестаетъ заниматься собираніемъ и изученіемъ народныхъ пѣсенъ. Результатомъ его занятій появилась вышепоименованная интересная статья.

Въ ней авторъ разбираетъ пѣсни, записанныя въ провинціяхъ Дофинэ (Dauphiné) и Савойя (Savoie), при чемъ замѣчаетъ, что пѣсни эти не могутъ считаться исключительною принадлежностью этихъ провинцій, такъ какъ онѣ, измѣняясь лишь въ незначительной степени, поются во многихъ мѣстностяхъ Франціи.

Разсматриваемыя пѣсни сохранились въ устной передачѣ и лишь очень немногія попадаются записанными въ различныхъ сборникахъ; пѣсни эти, несмотря на нѣкоторую небрежность формы и несвязность въ мысляхъ, отличаются жизненностью, искренностью чувства, образностію выраженій, красотою непосредственности. Вліяніе природы мѣстности отозвалось на характерѣ разбираемыхъ пѣсенъ: тѣ, которыя поются въ провинціи Дофинэ—на сѣверѣ,—отличаются сдержанностью и нѣкоторою блѣдностью красокъ, между тѣмъ какъ пѣсни Савойи отражаютъ въ себѣ блескъ южной природы и звучатъ тонами провансальской поэзіи. Нѣкоторыя пѣсни отличаются выдержанною литературною формою, такъ что наводятъ на мысль объ участіи въ ихъ сложеніи невѣдомыхъ поэтовъ, которымъ было не чуждо знаніе стихосложенія.—

---

[1]) Julien Tiersot: Histoire de la chanson populaire en France. Paris. 1889.

Digitized by Google

Лирическія пѣсни, приводимыя Tiepco, изображаютъ зарожденіе чувства любви, которое еще неопредѣленно и неясно:

Rossignolet du bois, rossignolet sauvage!
Apprends-moi ton langage, apprends moi-z-à parler,
Apprends-moi la manière comment il faut aimer.

Выразительницами сильнаго чувства служатъ серенады (ébaudes, провансальскія aubades), носящія ясные слѣды провансальской поэзіи. Обычай пѣть серенады подъ окнами любимой дѣвушки [1]) въ настоящее время исчезъ, но самыя серенады сохранились въ большомъ количествѣ и поются народомъ. Обыкновенно онѣ представляютъ собою діалогъ между дѣвушкой и юношей съ сантиментальнымъ или шутливымъ оттѣнкомъ:

Belle faites moi un bouquet
Qui soit de rose et de muguet.
Nous le lierons
Nous l'attacherons
Avec un fil d'argent
Que nos amours y soient dedans.

Серенады носятъ также спеціальное названіе «Les réveillez», такъ какъ онѣ начинались по большей части со словъ: «réveillez-vous (проснись) по адресу любимой дѣвушки. Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ постоянно упоминается соловей, къ которому обращаются поющіе. Въ пѣсняхъ, воспѣвающихъ любовь, рѣдко говорится о бракѣ, съ другой стороны, въ свадебныхъ пѣсняхъ не упоминается про любовь. Въ этомъ сказывается вліяніе провансальской поэзіи, которая никогда не соединяла понятіе любви съ бракомъ.

Споры влюбленныхъ, постепенное охлажденіе, разлука—служатъ, темами лирическихъ пѣсенъ, приведенныхъ авторомъ. Такія пѣсни отличаются грустнымъ характеромъ, заключаютъ въ себѣ жалобы на то, что «l'amour n'est qu'un badinage l'amour n'est qu'un passetemps»; полны тоскливыхъ обращеній къ птицамъ, бабочкамъ.—Діалогическая форма преобладаетъ, причемъ на нѣжные упреки получаются равнодушные, иногда довольно грубые отвѣты.—Многія пѣсни изображаютъ печальный конецъ отвергнутаго поклонника, заливающаго свою печаль виномъ.

Несмотря на то, что пѣсни провинцій Савойи и Дофинэ подъ вліяніемъ современныхъ понятій и особенностей быта нѣсколько измѣнились, по опредѣленію автора, всѣ онѣ относятся къ далекимъ временамъ, нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ къ 15 в. Такая живучесть пѣсни можетъ быть объяснена любовію народа къ родной поэзіи и художественнымъ изображеніемъ тѣхъ чувствъ, которыя и теперь, какъ и прежде, волнуютъ, тревожатъ и радуютъ человѣческое сердце.

Е.

Edmond Doutté. *Mahomet Cardinal*. Chalons-sur-Marne. 1899.
Работа названнаго автора знакомитъ насъ съ интересной формой средне-

[1]) Серенады пѣлись цѣлымъ хоромъ, при звукѣ скрипки или др. инструмента, и слушались всѣми желающими.

Digitized by Google

вѣковой легенды о Мухаммедѣ, которая сохранилась въ романѣ Renart le Contrefait (состав. въ первой половинѣ 14 в. Jean Leclerc'омъ von Troyes). По этой легендѣ Мухаммедъ былъ очень ученымъ и краснорѣчивымъ кардиналомъ; ему было поручено обратить сарацинъ въ христіанство. Онъ согласился на это подъ условіемъ быть со временемъ папой. Сарацины были обращены въ христіанство, но Мухаммедъ папой не сдѣланъ; тогда онъ своимъ краснорѣчіемъ заставилъ сарацинъ опять стать язычниками. Дутте указываетъ, что приведенная легенда стоитъ въ связи съ личностью монаха Bahira, отъ котораго, по преданію, Мухаммедъ получилъ познаніе о Богѣ.

E.

Heinrich Schurtz. *Urgeschichte der Kultur.* Leipzig und Wien. 1900 г.

Названная книга представляетъ собою интересный матеріалъ по исторіи культуры. Въ ней отведенъ обширный отдѣлъ, касающійся религіи, суевѣрій, магіи, колдовства, миѳовъ, представленій о загробной жизни у различныхъ народовъ. Книга написана легкимъ языкомъ и чтеніе ея можетъ дать интересныя свѣдѣнія по исторіи сравнительной культуры; въ ней мелочамъ, утомляющимъ вниманіе, отведено мало мѣста.

E.

Sell, Rev. E. Essays of Islam. London. 1901.

Названной книгѣ предшествовали труды того же автора «The Faith of Islam» и «The Historical Development of the Quran». Въ этихъ работахъ авторъ предлагаетъ свѣдѣнія о развитіи ислама въ Персіи, Китаѣ, о различныхъ сектахъ мусульманъ, объ историческомъ развитіи корана и о современномъ состояніи ислама.

E.

Hildebrand, Rudolf. *Materialien zur Geschichte des deutschen Volkslieds.* 1-я часть. Das ältere Volkslied. Leipzig 1900.

Гильдебрандъ, любитель и знатокъ народной поэзіи, приступилъ къ печатанію своихъ университетскихъ чтеній, касающихся нѣмецкой народной пѣсни. Первая часть его труда посвящена разбору старинныхъ народныхъ пѣсенъ. Здѣсь авторъ приводитъ образцы древнихъ пѣсенъ, связанныхъ съ обычаями народными, причемъ отмѣчаетъ 16 вѣкъ, какъ время особеннаго развитія пѣсни. Гильдебрандъ считаетъ народную пѣсню открытою силою какъ въ общественной, такъ и въ духовной жизни народа, крѣпко связанною съ бытомъ и съ міровоззрѣніемъ народными. Приводя историческія, бытовыя, дѣтскія пѣсни, авторъ отмѣчаетъ особенности техническихъ пріемовъ: напр., частое употребленіе розы, какъ символа. Книга Гильдебранда снабжена словаремъ собственныхъ именъ и предметовъ. (Deutsche Rundschau, янв. 1902).

E.

Digitized by Google

Памятная книжка Вятской губерніи на 1902 годъ.

Это полезное изданіе ежегодно даетъ, помимо спеціальныхъ справочныхъ свѣдѣній, нѣкоторыя статьи и замѣтки, относящіяся къ этнографіи. Такъ, здѣсь помѣщена статья *А. С. В-на:* Вятскій Успенскій монастырь при преп. Трифонѣ (по подлинному документу 1601 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями. Здѣсь, между прочимъ, приводятся выдержки изъ сказаній объ отношеніяхъ преп. Трифона къ Григорію Огрепьеву. Даны поясненія словамъ: алтабасъ, басмяный, ворворка, зендень, кулига, курья, перевѣсье, тека (тцка, цка), тябло, шти (щести) и др.—Далѣе статья *того же автора*: «Почитаніе Николы Можайскаго въ XVII вѣкѣ», интересна по матеріаламъ, относящимся къ Вятскому краю. *А. Буевскій* помѣстилъ продолженіе своей статьи: «Эпизоды изъ жизни основателя Вятской семинаріи. IV. Архіерейство по Вяткѣ (1733—1737)» (см. календари 1899—1901 гг.). Эта статья можетъ быть важна для бытовыхъ справокъ, которыя такъ часто нужны даже въ вопросѣ о бытовыхъ основахъ былинныхъ сюжетовъ.—*В. Ф. Кудрявцевъ* помѣстилъ продолженіе своего очерка (см. пам. кн. 1901 г.): «Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края». Эта часть очерка посвящена почти исключительно Ананьинскому могильнику.

Пожелаемъ редакціи календаря продолжать обогащеніе его подобными статьями и матеріалами.

Вл. Б.

Памятная книжка Смоленской губерніи на 1902 годъ.

Въ этой книжкѣ *Я. А. Пилецкій* помѣстилъ очеркъ «Промыслы государственныхъ крестьянъ Смоленской губерніи въ 1850-хъ годахъ». Очеркъ этотъ разработанъ по даннымъ, собраннымъ въ 1850 г. чинами Министерства Госуд. Имуществъ для цѣлей кадастраціи. Представляя изъ себя рядъ цифръ, они дѣлаютъ очень достовѣрными выводы, построенные на нихъ. Населеніе и разселеніе, занятія и землевладѣніе, отходъ на заработки, урожаи и другія экономическія выгоды, разные виды промысловъ извозчики, деревенскіе ремесленники и кустари, сельскохозяйственные рабочіе и пастухи, плотники, рабочіе на баркахъ и плотахъ, землекопы, фабричные и заводскіе рабочіе, торговцы и предприниматели—все это, основанное на цифрахъ, представлено въ цѣлой картинѣ народнаго быта. Далѣе—*М. Н. Неклюдовъ* и *С. П. Писаревъ* въ очеркѣ «О раскопкахъ въ Смоленскѣ» даютъ описаніе собранію предметовъ, найденныхъ въ 1900 г. при сооруженіи электрической станціи на берегу Днѣпра. Авторы систематизируютъ ихъ, какъ «остатки новѣйшей эпохи», «эпохи до нашествія французовъ въ Смоленскъ», «Польской эпохи», «Московскаго владычества въ Смоленскѣ», «Литовскаго періода», «Княжеской эпохи» и «Языческаго періода Смоленска». Къ статьѣ приложены таблицы снимковъ съ описываемыхъ коллекцій. Предоставляемъ судить о нихъ и о самомъ описаніи спеціалистамъ-археологамъ.

Вл. Б.

Digitized by Google

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

Archiv für Religionswissenschaft. 1902 г. Fünfter Band. Erstes Heft. *Julius von Negelein:* Bild, Spiegel und Schatten im Volksglauben. Изложеніе вѣрованій, повѣрій, обычаевъ и обрядовъ, связанныхъ съ зеркаломъ, изображеніемъ человѣка и его тѣнью у народовъ различныхъ странъ. Изображеніе человѣка, его тѣнь и его отраженіе въ зеркалѣ въ вѣрованіяхъ народа имѣютъ таинственную связь съ душою человѣка и вліяніе на нее. Вѣрованіе въ непосредственное отношеніе тѣни къ человѣческой душѣ порождаетъ убѣжденіе въ существованіи двойниковъ. Приведенныя повѣрія имѣютъ интересъ потому, что выясняютъ общенародныя воззрѣнія на жизнь души, на ея связь съ тѣломъ и на ея загробное существованіе.

Естествознаніе и Географія. 1901. 5. *Эриксонъ, Э. В.* На Амурѣ (очеркъ).—7. *Его же.* Въ Сайгонѣ (очеркъ).—9—10 *Рейнъ, І.* проф. Отъ Баку до Батума.

Живописная Россія 1902. (съ 53 номера) 53 и 54 *Рукавишниковъ, Г.* Гдѣ лучше всего говорятъ по-русски? — 53, 54, 55, 56. *Порошинъ Ив.* Вокругъ Бѣлаго озера. Путевые очерки.—53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63. *Сулима:* По Ленѣ. Путевые очерки (прод. см. „Э. Об." кн. 52).—58. Кокшайскіе музыканты. (Русс. нар. типы).—59. *Торіовъ, А.* Посидѣлки. Этнографич. очеркъ.—62. *Рукавишниковъ, Г.* Еще о „посидѣлкахъ".—63. Таджикъ (Типы русск. Туркестана).—64. Старый Мулла (Этн. альбомъ).—Женщины съ острова Мэона въ національныхъ костюмахъ и прическахъ (Этн. альбомъ).—*Надеждинъ Н.* Переворотъ въ народной пѣснѣ.—65. Литовскіе типы (Этн. альбомъ).—66. Узбекская женщина изъ Кокана. (Этн. альбомъ).—65. *Шмурло Е. Ф. проф.* Взерхъ по Иртышу. Путевые очерки (не ок.)

Журн. Мин. Нар. Просв. 1902. Янв. *Н. П. Павловъ-Сильванскій.* Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси (окончаніе, см. іюльскую кн. за 1901 г.)—*С. К. Шамбинаго.* Старины о Святогорѣ и поэма о Калеви-повтѣ.—*В И. Модестовъ.* Воспоминанія о пр. В. Гр. Васильевскомъ.—Рец. *П. А. Лаврова* на 1) Словинско-русск. словарь. Горица 1901, 2) Грамматику словинскаго языка. Горица 1900, составленные *М. Хостникомъ.*—*Н. П.* Разборъ труда *С. Г. Вилинскаго* „Сказаніе черноризца Храбра о письменахъ славянскихъ". Одесса. 1901.—Рецензіи на: 1) Лѣтопись занятій Археографической комиссіи за 1895—99 гг. Вып. XII. Тоже за 1900 г. Вып. XIII. С.-ПБ. 1901. 2) Брошюру *Д. К. Тренева,* Иконы царскаго изографа Симона Ушакова въ Моск. Новодвиженъ мон. Съ прил. 5 фототипій. М. 1901. 3) *В. Н. Перетцъ.* Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. II. Къ исторіи лунника. Введеніе и сравнительные тексты. Доп. къ исторіи Громника и указ. къ вып. I и II С.-ПБ. 1901 (Отт. изъ „Изв. отд. р. яз. и сл. И. А. Н. т. VI). 4) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXIX. Тифлисъ 1901.—*И. В Нетушилъ.* Легенда о близнецахъ Ромулѣ и Ремѣ. **Февр.** *А. В. Семека.* Розенкрейцеры и сочиненія имп. Екатерины II противъ масонства. — *Е. Ф. Шмурло.* Польскій источникъ о воцареніи Петра Великаго (о памятникѣ, извѣстномъ подъ заглавіемъ „Diariusz zabóystwa tyrańskiego senatorów moskiew-

Digitized by Google

skich w stolicy roku 1682 y o obraniu dwóch carów Ioanna y Piotra"). — *С. Ѳ. Ольденбургъ*. Новый русскій трудъ по исторіи буддизма о работѣ *И. А. Подгорбунскаго*, Буддизмъ, его исторія и основныя положенія его ученія. Вып. I. Очеркъ исторіи буддизма. Иркутскъ, 1900, — напечатанный въ № 3. Трудовъ Вост.-Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. О.).—*М. А. Веневитиновъ* († 83 сент. 1901 г., некрологъ и замѣтка о трудахъ покойнаго по археологіи) *И. В. Нетушилъ*. Легенда о близнецахъ Ромулѣ и Ремѣ (окончаніе въ март. книжкѣ). **Мартъ.** *В. И. Сергѣевичъ*. Древности русскаго землевладѣнія. IV (см апрѣльск. кн. за 1901 годъ).— *Ю. В. Готье*. Изъ исторіи хозяйственныхъ описаній Московскаго у. въ XVI—XVII вв.—*С. К. Буличъ*. Разборъ труда *В. И. Петра*, „О составахъ, строяхъ и ладахъ въ древне-греческой музыкѣ". Кіевъ 1901. — *В. М. Истринъ*. Рецензія на книгу проф. *П. В. Владимирова*. Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII вв. Кіевъ 1900.

Землевѣдѣніе. Періодическое изданіе Географическаго Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э. **1901. кн. I—II** *Богоявленскій, Н. В.* Въ верховьяхъ Аму-Дарьи (съ 8 рис.). Есть свѣдѣнія о населеніи (таджикахъ).—*Андрусовъ, Н. И.*: Поѣздка въ Дагестанъ лѣтомъ 1898 г. (съ 15 рис.). Есть свѣдѣнія объ аварцахъ.— *Хаджи-Селимъ-Гирей Султановъ*: Священная область мусульманъ въ Аравіи (съ 2 рис.) Авторъ, изучавшій шаригатъ, т. е. науку о мусульманской религіи и ея законахъ, въ глуши Башкиріи у башкирскаго муллы, рѣшилъ побывать и въ странѣ Могомета въ Аравіи. Изъ этого путешествія авторъ вынесъ много интересныхъ воспоминаній, которыя и предлагаются въ настоящемъ очеркѣ. — Древность земли. (Это небольшая замѣтка, написанная по поводу рѣчи проф. А. П. Соколова—„Возрастъ Земли"). — *Адлеръ, Б.*: Лейпцигскій этнографическій музей. (Авторъ обращаетъ особое вниманіе на обиліе коллекцій музея и научность современной его постановки).—Географія и отечествовѣдѣніе въ реформированной средней школѣ. (Замѣтка касается спорнаго вопроса о содержаніи этого курса и преподаваніи его).

Миссіонерское Обозрѣніе 1902 г. 2.—„Новая секта хехулитовъ или каюковъ", *Н. Булгакова*. — Секта распространена преимущественно среди финляндскаго простонародья, но проникла и въ чисто-русское населеніе Петербурга и его окрестностей. Одной изъ главныхъ особенностей секты служатъ покаянія и отпущенія грѣховъ на общихъ собраніяхъ сектантовъ (отсюда простонародное названіе „каюки" отъ слова „каяться"). „Въ нѣкоторыхъ общинахъ хехулитовъ исповѣдь и отпущеніе грѣховъ соединяется съ обрядами, поражающими посторонняго наблюдателя своимъ реализмамъ; такъ, въ дер. Ку-но, Ямбургскаго уѣзда, въ собраніе приносится небольшая кадочка; каждый изъ присутствующихъ подходитъ къ этой кадочкѣ и, наклонясь надъ ней, шепотомъ исповѣдуетъ свои грѣхи; послѣ того наставникъ покрываетъ верхъ кадочки полотномъ, тщательно и крѣпко увязываетъ это полотно бечевкой, затѣмъ эту кадочку, „наполненную грѣхами", выноситъ вонъ и зарываетъ въ землю гдѣ либо въ укромномъ мѣстѣ".

Наблюдатель 1901. 6. *Хаджи-Селимъ-Гирей Султановъ*. Наблюденія надъ жизнью казанскихъ татаръ. — *М. В.* Сибирскіе сектанты (этнографическій очеркъ). О скопцахъ въ Якутской области; описаніе радѣній; приводятся пѣсни

Нива. 1902. Ежемѣс. литерат. приложенія 1-2. *В. А. Мошковъ*. У могилевскихъ бѣлоруссовъ. Путевыя впечатлѣнія.

Revue de deux mondes. 1901 г. 1 и 15 ноября. *André Bellessort*: Voyage au Japon. Въ беллетристическомъ очеркѣ даются свѣдѣнія о бытѣ японцевъ, особенностяхъ японской семейной жизни, нравахъ японской женщины и характерѣ ея воспитанія.

Русское Богатство. 1902. 1. *Горнфельдтъ, А. Г.*: Книга о языкѣ Гоголя. (I. Мандельштамъ. О характерѣ Гоголевскаго стиля. Глава изъ исторіи русскаго литературнаго языка. Гельсингфорсъ 1902). **3.** *Арцыбашевъ, М.* Купріанъ. Разсказъ I-VIII Не окончен. Деревенскій бытъ ярко обрисованъ въ этомъ разсказѣ.— *Швецовъ, С.* „Молочные бунты" въ Сибири и ихъ причины. (Послѣднія не только экономическія, но и суевѣрно-религіозныя).

Digitized by Google

Русская Мысль. 1902. 1 и 3. *Семеновъ, С. Т.*: Изъ исторіи одной деревни. (Записки волоколамскаго крестьянина). Добросовѣстный очеркъ, наглядно рисующій экономическое положеніе деревни въ отношеніи къ частному и общинному хозяйству, а также отхожимъ промысламъ на фабрикѣ и въ городѣ.—1 и 2. *Вольфензонъ, Б.* Изъ жизни еврейскаго пролетаріата. — 2 и 3. *Уманьскій, А.* Бытописатель переходнаго времени. (О литературной дѣятельности Г. И. Успенскаго). — 3. *Довнаръ-Запольскій, М. В.*: Историческій процессъ русскаго народа въ русской исторіографіи.—4. *Русова, С. В.*: Современная провансальская литература. (Говоря о децентрализаціонномъ движеніи въ Провансѣ, авторъ видитъ его въ освобожденіи языка, возстановленіи народной провансальской литературы и т. п., останавливаясь особенно на дѣятельности Мистраля). — *Гольцевъ, В. А.*: Памяти Глѣба Ивановича Успенскаго.

Ярославск. еп. вѣд. 1899. 51—2. *В. Преображенскій.* Полемическія сочиненія противъ латинянъ, какъ одинъ изъ моментовъ вліянія церкви на образованіе русской народности. **1900. 1.** *А. Титовъ.* Вепрева пустынь въ Ростовскомъ уѣздѣ (бывшій монастырь). Историческій очеркъ. — Исторія поминаній. **3.** *Ар. Израилевъ, прот.* Водружальный крестъ. **4.** *И. Н.* О церемоніи открытія „святыхъ дверей“ на всеобщій юбилей 1899—1900 г. (въ Римѣ). **10.** О юбилеѣ П. А. Гильтебрандта (біогр. оч.).

Digitized by Google

Новости этнографической литературы.

Аданъ, П. Византія. **М. 1902. Ц. 1 р.**

Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. **Томы первый и второй. Предисловіе и** примѣчаніе В. А. Бильбасова. **Спб. 1901. Ц. кажд. тому 5 р.**

Библіографическіе матеріалы, собранные Андреемъ Поповымъ. XXV. „Слово кратко" въ защиту монастырскихъ имуществъ. Съ предисловіемъ *А. Д. Григорьева*. М. 1902. 4°. XXX+68 стр. Ц. 50 к.

Бобринскій, А—ѣй, А—ѣевичъ, гр. Секта Исмаилья въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. Географическое распространеніе и организація. М. 1902. 8°. 18 стр. (Оттискъ изъ „Этн. Обозрѣнія").

Бобрищевъ-Пушкинъ, А. М. Судъ и раскольники-сектанты. **Спб. 1902.** Ц. 1 р. 35 к.

Богоразъ, В. Г. Матеріалы по изученію чукотскаго языка и фольклора, собранные въ Колымскомъ округѣ. Ч. I. Образцы народной словесности чукочъ. Тексты съ переводомъ и пересказы. Спб. 1900. 4°. XXXVI+417 стр.

Борисовъ, В. А. Древнее поселеніе близъ деревни Старый Урматъ, Каз. уѣзда. Каз. 1901. („Изв Общ. Ист., Арх. и Этн.").

Бородинъ, М. (собралъ). Финляндія въ русской печати. Матеріалы для библіографіи. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Брайловскій, С. Н. Письма Сильвестра Медвѣдева. Спб. 1901. Ц. 50 к.

В. Д. К. Кавказская музыка. Библіографическія замѣтки. Тифл. 1900. 8° 46 стр.

Его же. Взглядъ и нѣчто. (Грузинская мелодія. Статьи гг. Багдасарьянца, Папазьяна, Мошорьяна и Тьерсо объ армянской музыкѣ. Музыка кавказская на выставкѣ и др.). Оттискъ.

Васильевъ, А. Объ исконныхъ творческихъ началахъ и бытовыхъ особенностяхъ русскаго народа. Петроградъ. 1902. Ц. 20 к.

Введенскій, А. Ф., проф. Религіозное сознаніе язычества. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій. Томъ I. М. 1902. Ц. 3 р.

Вегнеръ, Г. Римъ. Исторія и культура римскаго народа. Вып. IV. Спб. 1902. Ц. по подпискѣ 6 р. съ перес. 7 р.

Герихъ, П. (фонъ). Краткій очеркъ военнаго искусства въ древніе вѣка. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Глаголевъ, С. С. Религіи Китая. М. 1901. Ц. 35 к.

Головачевъ, П. М. Сибирь. Природа, люди, жизнь. Изд. Ю. Н. Базановой. М. 1902, 8°. 300 стр. 66 рис., 2 карты. Ц. 1 р.

Готтенротъ, Ф. Исторія внѣшней культуры. Одежда, домашняя утварь, полевыя и военныя орудія народовъ древнихъ и новыхъ временъ. Томъ II, вып. I (11—61). Подписная цѣна за 20 вып. 20 р., съ перес. 25 р.

Дитмаръ (фонъ), **Карлъ.** Поѣздка и пребываніе въ Камчаткѣ въ 1851—1855. Спб. 1901 Ц. 7 р. 75 к.

Digitized by Google

Добротворскій, П. Въ глуши Башкиріи. Разсказы, очерки и наброски изъ башк. жизни. Екатеринбургъ. 1901. Ц. 50 к.

Замотинъ, И. И. Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ. Воронежъ. 1901. Ц. 75 к.

Ивановъ, И. М. Русскіе кустари. Научно-популярный очеркъ. Спб. 1902 Ц. 60 к.

Іохельсонъ, В. И. Матеріалы по изученію юкагирскаго языка и фольклора, собранные въ Колымскомъ округѣ. Ч. I. Образцы народнаго творчества юкагировъ. Тексты съ переводомъ. Спб. 1900. 4°. XV+240 стр.

Карѣевъ, Н. Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени (1300—1800). Введеніе въ исторію XIX вѣка. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Каманинъ, И. Очеркъ гетманства Петра Сагайдачнаго. Съ приложеніями. Кіевъ. 1901. Ц. 1 р.

Китицынъ, П. А. Заселеніе Устинской волости Костромской губерніи. Каз. 1901. („Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн.").

Клочковъ, М. Указатель словъ и выраженій, встрѣчающихся въ Судебникахъ 1497, 1550 и 1589 гг. Подъ ред. проф. М. Дьякова. Юрьевъ. 1902. Ц. 25 к.

Конъ, Ф. Я. Историческій очеркъ минусинскаго музея за 25 лѣтъ (1877—1902). Каз. 1902. 260+VIII стр.

Корсаковъ, В. В., д—ръ мед. Пять лѣтъ въ Пекинѣ. Изъ наблюденій надъ бытомъ и жизнью китайцевъ. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Кузнецовъ, И. Д. Терскіе казаки и ихъ рыбные промыслы. Очеркъ съ иллюстраціями въ текстѣ. Спб. 1901. Ц. 20 к.

Куланжъ-де, Фюстель. Исторія общественнаго строя древней Франціи. Перев. подъ редакц. И. И. Гревса. Томъ I. Римская Галлія. Спб. 1901. Ц. 3 р.

Кулишеръ, М. Мнѣ о ритуальномъ убійствѣ у евреевъ. (Возникновеніе и развитіе его). М. 1901. Ц. 20 к.

Лазаревскій, Ал. Описаніе Старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣлія и управленія. Томъ III. Полкъ Прилуцкій. 1901. Ц. 3 р.

Левицкій, Ор. Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII столѣтія. Кіевъ. 1902. Ц. 2 р.

Лядовъ, Анат. 35 пѣсенъ русскаго народа для 1 голоса съ сопровожденіемъ ф.-п. изъ собранныхъ въ 1894—5 гг. *И. В. Некрасовымъ* и *Ѳ. М. Истоминымъ*. Издано съ Высочайшаго соизволенія пѣсенною комиссіей И. Р. Г. О. Спб. 63 стр. Ц. 2 р.

Ляпуновъ, С. 35 пѣсенъ русскаго народа для 1 голоса съ сопровожденіемъ ф.-п. изъ собранныхъ въ 1893 г. *С. М. Ляпуновымъ* и *Ѳ. М. Истоминымъ*. Изд. съ Высочайшаго соизволенія пѣсенной комиссіи И. Р. Г. О. 94 стр. Ц. 2 р.

Лясковронскій, В. Г. Гильомъ Левассеръ-де-Бопланъ и его историко-географическіе труды относительно Южной Россіи. Кіевъ. 1901. Ц. 4 р.

Магницкій, В. К. Чувашинъ-этнографъ Спиридонъ Михайловичъ Михайловъ (къ исторіи мѣстной этнографіи). Каз. 1901. („Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн.).

Максимейко, Н. А. Сеймы литовско-русскаго государства до люблинской уніи. 1569 г. Харьковъ. 1902. Ц. 2 р.

Малинка, Ал. Н. Сборникъ матеріаловъ по малорусскому фольклору. (Черниг., Волынск., Полт. и нѣкот. др. губерній). Черниговъ. 1902. XXI+388 стр.

Маллицкій, Н. Г. Мусульманскій сонникъ. Казань 1902. 8°. 36 стр. (Уч. Зап. Каз. Унив. 1901).

Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губ. за 15 лѣтъ (съ конца 70-хъ годовъ по 1893 г.). 2 т. Москва 1893—1895 гг. Ц. 1 р.

Digitized by Google

Михѣевъ, И. С. Нѣсколько словъ о бесермянахъ. Каз. 1901.- („Изв. Общ. И. А. и Э.“).

Н. П. Изъ коллекцій Казанскаго Городского Музея. (I. „Описаніе Іерусалима“ въ народн. картинахъ. II. Рукопись съ повѣстью о Брунцвикѣ. III. Рукопись съ „Исторіей о храбромъ рыцарѣ Францынѣ Венціанѣ и о прекрасной королевнѣ Ренцывенѣ). Каз. 1901. („Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн.“).

Надеждинъ, П. П. Кавказскій край. Природа и люди. Изд. 3-е, просмотр. и дополн. Ц. 2 р. 50 к.

Некрасовъ, И. В. 50 пѣсенъ русскаго народа для мужск. хора, собранныхъ *И. В. Некрасовымъ*, *Ѳ. М. Истоминымъ* въ 1894—7 гг. Издано съ Высочайшаго соизволенія пѣсенной комиссіей И. Р. Г. О. Спб. 51 стр. Ц. 75 к.

Никифоровъ, Д. Сокровища въ Москвѣ. М. 1901. Ц. 4 р. 50 к.

Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго общества любителей древней письменности въ 1899—1900 г. съ приложеніями. Спб. 1901. Ц. 60 к.

Памятная книжка Вятской губерніи на 1902 г. (Со статьями: 1) *А. С. В—ъ*: Вятскій Устинскій монастырь при преп. Трифонѣ (по подлинному документу 1601 г.) 2) *Его же*: Почитаніе Николы Можайскаго на Вяткѣ въ XVII в. 3) *В. Ф. Кудрявцевъ*: Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго Края (продолж.).

Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 г. со статьями: 1) *В. фонъ Гернъ*: Киргизскія пословицы. 2) *Ф. Зобнинъ*: къ вопросу о невольникахъ, рабахъ и тюленгутахъ въ киргизской степи (См. отзывъ въ „Этн. Обозр.“ кн. 52). 3) *Н. Коншинъ*: Матеріалы для исторіи Степного края: III. „О заграничныхъ обстоятельствахъ“. IV. Замѣтка о киргизскихъ родахъ и султанахъ въ Каркаралинскомъ краѣ) 4). *А. Букейхановъ*. Изъ переписки киргизскихъ хановъ, султановъ и проч.

Памятная книжка Смоленской губерніи на 1902 г. Со статьями: 1) *Я. А. Пилецкій*: Промыслы государственныхъ крестьянъ смоленской губерніи въ 1850-хъ годахъ. (8⁰. 36 стр. 2) *М. Н. Неклюдовъ* и *С. П. Писаревъ*: О раскопкахъ въ Смоленскѣ. 8⁰. 33 стр. и 2 таблицы рисунковъ).

Пантусовъ, Н. Н. Изъ замѣтокъ о путешествіи по Алтынъ-Эмельской волости (Копальскаго уѣзда Семирѣч. обл.) Каз. 1901. („Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн.“).

Петровъ, А. 50 русскихъ народныхъ пѣсенъ, переложенныхъ для 3-голоснаго и 4-голоснаго смѣшаннаго хора. Для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ. Издано съ Высочайшаго соизволенія пѣсенной комиссіей И. Р. Г. О. Спб. 56 стр. Ц. 75 к.

Пирлингъ, Н. Изъ смутнаго времени. Статьи и замѣтки. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Плотниковъ, А. Ѳ. Нарымскій край. Историко статистическій очеркъ. (Записки Имп. Русск. Геогр. О—ва по отдѣленію Статистики. Т. X, вып. 1-й, изд. подъ ред. Н. В. Латкина). Спб. 1901. 8⁰. II+366+17 стр. и 1 геогр. карта въ масштабѣ 50 верстъ въ англ. дюймѣ.

Потанинъ, Г. Н. Поѣздка въ среднюю часть Хингана лѣтомъ 1899 г. (Изв. И. Русс. Геогр. О—ва, т. 37, 1901. вып. V). Спб. 1901, 4⁰. 483 стр. и карта.

Программа для собиранія народныхъ пѣсенъ и другихъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ. Сост. подъ ред. *А. Л. Маслова*. Изданіе Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. Э.: Труды Музыкально-Этнографической Комиссіи. Вып. 1. М. 1902. 8⁰. 8 стр. Безплатно. (Адресъ: Москва, Дашковскій Этнографическій Музей—Н. А. Янчуку).

Розановъ, В. В. Религія и культура. Сборникъ статей. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 20 к.

Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, органъ за всестранно изучване на етнографска България. Издава Министерството на Народно Просвѣщение. Книга XVIII. София 1901. 8⁰. I. Наученъ отдѣлъ. II+818+59+190 стр. 1 фототип. 2 геогр. карты, 10 статист. таблицъ. II. Материали. 201 стр. Ц. за двата отдѣла 5 лева.

Digitized by Google

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. Управл. Кавк. уч. окр. Вып. XXIX Тифлисъ. 1901. Стр. X+148+220+96+162+58.

Сборникъ статей по классической филологіи въ честь Петра Васильевича Никитина. Спб. 1901 Ц. 2 р.

Сказочное сокровище забытаго уголка. Собраніе румынскихъ сказокъ съ рис. Перев. А. И. Яцимирскаго. Стр. 183. Ц. 80 к.

Славяновѣдѣніе въ повременныхъ изданіяхъ. Систематическій указатель статей, рецензій и замѣтокъ за 1900 г. Спб. 1901. Ц. 1 р. 20 к.

Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ. Вып.: Закрѣплять—Заносить. Спб. 1902.

Соболевскій, А. И., проф. Великорусскія народныя пѣсни. Томъ VII. Спб. 1902. Ц. 3 р.

Срезневскій, И. И. Матеріалы для словаря древне - русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Томъ II, вып. 4-й Спб. 1902. Ц. 1 р.

Столпянскій, П. Описаніе старинныхъ книгъ Публичной Самарской Александровской Библіотеки (1724—1825 г.). Самара. 1901. 12°. IV+2 нен.+160 стр. (Тамъ встрѣчаются: „Грамматика Черемисскаго яз., 1775 г.; Разсужденіе о русскомъ языкѣ Е. Станевича, 1808).

Суховскій. О. В О шаманствѣ въ Минусинскомъ краѣ. Каз. 1901. (Изв. Общ. Ист., Арх. и „Этн.").

Танъ. Очерки и разсказы. Т. II. 1902. 8°. 6+312 стр. Ц. 1 р.

Харламповичъ, К. В. Къ вопросу о просвѣщеніи на Руси въ до-монгольскій періодъ. Львовъ 1902. Ц. 25 к.

Хрѣновъ, К. А. Поэты изъ народа. Избранныя стихотворенія русскихъ народн. поэтовъ, съ приложеніемъ свѣдѣній о жизни ихъ и 7 портр. М. 1902. Ц. 60 к.

Чернышевъ, В. Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещевскаго уѣзда: 1. Говоръ деревни Калужкина. (Пѣсни, сказки, разсказы, загадки, по записямъ Андрея Косогорова). 2. Говоръ села Шалова. (Пѣсни и сказки по записямъ Ивана Кортукова) Въ приложеніи письмо ак. Ѳ. Е. Корша объ удареніяхъ въ русскихъ пѣсняхъ и стихахъ. Спб. 1901. 8°. VIII + 216 стр.

Чехъ, И. С. Разсказы изъ старо - кавказской жизни. Спб. 1901 г. Ц. кажд. т. 1 р. 25 к.

Штукенбергъ, А. А. Матеріалы для изученія мѣднаго (бронзоваго) вѣка восточной полосы Европейской Россіи. Съ четырьмя таблицами. Казань 1901. („Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн.").

Энгельгардтъ, А. П. Черноземная Россія. Очеркъ экономическаго положенія края. 1902. 8° 233 + XXXII + 2 стр., карты, чертежи и фототипіи. Ц. 2 р.

Ясинскій, А. Н. Очерки и изслѣдованія по соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка. Томъ I. Основы соціальнаго строя чешскаго народа въ эпоху господства обычнаго права. Юрьевъ. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Его же. Причина паденія древней Ливоніи. Ю. 1898. Ц. 40 к.

Его же. Содѣйствіе чеховъ успѣхамъ германизаціи на берегахъ Балтійскаго моря. Ю. 1898. Ц. 25 к.

Его же. Чешское свидѣтельство XIV вѣка о русскомъ металлическомъ производствѣ. Ю. 1901. Ц. 10 к.

Bogusławski, E. Metoda i środki poznania czasów przedhistorycznych u przeszłości Słowian Krakow-Warszawa. 1901. VI + 100 стр. Ц. 80 к.

Вѣстникъ. Іазыковѣдѣнія, словесности, людовѣдѣнія и древности словѣнскихъ. Věstník slovanské filologie a starožitnosti s podporou carské Akademie věd v Petrogradě, Akademie české pro vědy a umění, c. k. Ministerstva kultu a vyučování ve Vídni. Vidávají. *L. Niederle, F. Pastrnek, J. Polívka, J. Zubaty.* Ročnik. I. Praha. 1901. 262 str.

Digitized by Google

Czermark, W. Martini Cromeri Polonia sive de situ, populis, moribus, magistratibus et Republica regni Polonici libri duo. 1578 Krakow 1901. XIII+160 (wydawnictwa Akad. Um. w Krakowie. Biblioteka Pizarzow Polskish. T. 40).

Dorsey George, A. Recent. progress in anthropology at the field Columbian Museum. (From the American Anthropologist (N-S.) Vol. 3. 1901).

Hall. The oldest. civilisation of Greece, staudies of the Mycenaean age. London. 1901.

Hesse-Wartegg, E. von. Samóa, Bismarkarchipel und Neuguinea. 8°. 329 S. und. 2 Karten.

Melodje ludowe litewskie, zebrane przez ś. p. księdza *Antoniego Juszkiewicza*, opracowywane przez ś. p. *Oskara Kolberga* i. ś. p. *Izydora Kopernickiego*, a ostatecznie opracowane, zredagowane i wydane przez *Zygmunta Noskowskiego* i *Jana Baudouin'a de Courtenay*. Część I. (Z portretami braci Juszkiewiczów. Kraków. 1900. 4°. XLIV + 247 str. (Wydawnictwo Akademji Umiejętności).

Niederle. Slovanske starožitnosti. Díe I. Puvoda počátki národa slovanskeho. Svazak I. Praha. XV + 205 str. (Bibliotéka Historická).

Soukup, Jan. Památky, obyčeje a povêry Kovářské. Praga. 1902. („Česky Lid").

Digitized by Google

ХРОНИКА.

Филиппъ Діомидовичъ Нефедовъ.

Некрологъ.

12-го марта въ 11 час. вечера скончался извѣстный писатель Ф. Д. Нефедовъ. Родомъ изъ Иванова-Вознесенска, получивъ тамъ и начальное образованіе, Ф. Д. всю жизнь провелъ больше съ народомъ, чѣмъ въ шумныхъ столицахъ. Но мысль его всегда стремилась къ свѣту; ею онъ руководился и самъ и другихъ руководилъ. Уже въ качествѣ вольнослушателя, онъ прослушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ московскаго университета; потомъ отдался чтенію, любилъ посѣщать литературные кружки; больше же всего его влекло къ изученію народа и литературной работѣ. Еще въ 1859 г. появился его этнографическій очеркъ „Изъ путевыхъ замѣтокъ“ (въ „Костр. губ. Вѣдом“), въ 1868 г. въ „Отеч. Зап“. появился его разсказъ „Дѣвичникъ“, въ 1871 г. въ „Вѣстникѣ Европы“ — „Святки“. Въ 1872 г. въ „Русс. Вѣд“. печатались его очерки „Наши фабрики и заводы“. Къ этому же времени относится и первое собраніе его очерковъ „На міру“. Въ 1874 г., въ качествѣ члена-сотрудника Этнографическаго Отдѣла, Ф. Д. сталъ работать въ нашемъ Обществѣ и совершилъ потомъ рядъ этнографическихъ поѣздокъ по Россіи: въ Ряз. губ., на Уралъ, въ центальныя губ. и т. д. Въ „Трудахъ Этнографическаго Отдѣла“ (кн. IV, 1877 г.) помѣщены его „Этнографическія наблюденія по Волгѣ и ея притокамъ;“ въ „Трудахъ“ Антроп. отдѣла — Очерки Пріуралья, мѣстныхъ древностей и башкиръ. Объ эти. изслѣдованіи Костромской губ. имъ помѣщенъ былъ отчетъ въ „Извѣстіяхъ“ Общества Люб. Естествознанія, т. 37.; тамъ же, т. 51, вып. 1-й—Отчетъ о поѣздкѣ въ Таврическую и Владимирскую губернію. Но далеко не всѣ этнографическіе матеріалы Ф. Д. Нефедова, собравшіеся у него за долголѣтній періодъ скитаній, напечатаны. Большое собраніе пѣсенъ, причитаній, сказокъ, легендъ, повѣстей, обрядовъ и другихъ наблюденій не увидѣло печати. Во вниманіе къ такимъ плодотворнымъ трудамъ,

Digitized by Google

Ф. Д. былъ избранъ нашимъ Обществомъ сначала въ дѣйствительные, а потомъ и въ непремѣнные члены.

Не будемъ здѣсь говорить о такихъ же многолѣтнихъ и цѣнныхъ археологическихъ работахъ покойнаго. Они какъ бы дополняли его этнографическіе труды во время его частыхъ поѣздокъ по Россіи.

Какъ писатель-беллетристъ, Ф. Д. былъ также всецѣло этнографомъ и, несмотря на свою нѣкоторую идеализацію, порой восторженность и даже чувствительность, воспроизводилъ бытовые сюжеты изъ народной жизни страждущихъ, забитыхъ, удрученныхъ, такъ вѣрно и глубоко-сознательно, что являлся въ этомъ родѣ однимъ изъ популярнѣйшихъ писателей у молодежи, особенно провинціальной; нѣкоторые же его разсказы („Безоброчный", „Перевозчикъ Ванюша") весьма распространены и у читателей изъ народа.

Въ жизни Ф. Д. былъ скорѣе неудачникомъ. Рѣдко улыбалась ему судьба. Но онъ всегда работалъ и вѣрилъ въ свой трудъ. Среди молодежи его пріятно было видѣть почти такимъ же, какъ и всѣ, молодымъ по духу; среди деревенской глуши — добрымъ сосѣдомъ, услужливымъ другомъ, прекраснымъ собесѣдникомъ. Умеръ онъ въ возрастѣ около 60-ти лѣтъ. Да не умрутъ собранныя имъ сокровища народнаго міропониманія и пролитый имъ свѣтъ художественной мысли.

Вл. Б.

Щ. Летурно.

(*Некрологъ*).

9-го февраля сего года скончался въ Парижѣ одинъ изъ наиболѣе популярныхъ писателей по соціологіи и исторіи культуры, Шарль Летурно. Летурно родился въ 1831 г., получилъ медицинское образованіе и нѣкоторое время занимался врачебной практикой, но потомъ весь отдался чисто теоретическимъ интересамъ. Отчасти онъ работалъ по общимъ вопросамъ біологіи и физіологіи (сюда принадлежатъ его работы „La physiologie des passions", „La biologie" и т. д.), интересовался физической антропологіей, но широкую извѣстность доставили ему лишь работы по этнографической соціологіи или по соціологической этнографіи, къ которымъ онъ приступилъ сравнительно очень поздно, имѣя безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ отъ роду.

Первымъ его трудомъ въ этой области и, пожалуй, лучшимъ его произведеніемъ была извѣстная книга „La sociologie d'après l'ethnographie", вышедшая въ свѣтъ въ 1880 г. Въ свое время она была встрѣчена очень сочувственно критикой, выдержала въ

Digitized by Google

подлинникѣ 2 изданія и переведена на разные европейскіе языки и между прочимъ имѣется и на русскомъ языкѣ, даже въ двухъ различныхъ переводахъ.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы у Летурно не было предшественниковъ или чтобы онъ шелъ совершенно новой дорогой. Не говоря уже про „Основанія соціологіи" Спенсера, широко воспользовавшагося этнографическими фактами, можно указать цѣлый рядъ авторовъ, изслѣдовавшихъ общественныя отношенія у первобытнаго человѣка и тѣмъ самымъ рѣшавшихъ соціологическіе вопросы на почвѣ этнографическихъ данныхъ. Но кое-что новое Летурно всеже вноситъ, и это новое не такъ ужъ мало, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Разумѣется, что для всякаго спеціалиста безусловно очевидно громадное соціологическое значеніе работъ Мэна, Бахофена, Макъ Леннана и другихъ историковъ первобытнаго общества, выступившихъ на литературное поприще раньше Летурно, но для читателя неспеціалиста необходимо было подчеркнуть это значеніе и ту тѣсную связь, которая существуетъ между соціологіей и этнографіей. Эту именно задачу Летурно и выполнилъ. Одинъ изъ его критиковъ, Л. Гумпловичъ (Соціологія и политика, стр. 104), дѣлаетъ Летурно упрекъ, что онъ излишне ввелъ въ заглавіе своей книги слово „соціологія", „такъ какъ книга заключаетъ лишь то, что до сихъ поръ называлось этнографіей, народовѣдѣніемъ, также антропологіей". Послѣднее въ значительной степени вѣрно, но именно тотъ фактъ, что Летурно назвалъ свою книгу не какъ-нибудь иначе, а именно „Соціологіей, основанной на этнографіи", и показываетъ, что французскому ученому была видна вся великая важность для соціологіи этнографическихъ данныхъ, и своей книгой онъ сумѣлъ указать на эту важность широкимъ кругамъ читающей публики.

Да и помимо этого, „Соціологія" Летурно является очень полезной работой. Она представляетъ сжатый, очень популярный и удобочитаемый обзоръ довольно богатаго, хотя и не особенно хорошо систематизированнаго этнографическаго матеріала. Широкихъ обобщеній въ ней нѣтъ, но Летурно самъ въ предисловіи отрицаетъ ихъ возможность въ настоящее время. Свою задачу онъ формулируетъ очень скромно: „Мы задумали послѣдовательно описать лишь главныя проявленія человѣческой дѣятельности у важнѣйшихъ расъ, сопоставляя ихъ, гдѣ возможно, съ аналогичными явленіями, наблюдаемыми у животныхъ", и эта задача имъ выполнена очень удовлетворительно. Читатель, во всякомъ случаѣ, получаетъ довольно отчетливое представленіе о различныхъ сторонахъ жизни разнообразныхъ человѣческихъ рассъ.

Начиная съ 1887 г. въ дѣятельности Летурно наступаетъ періодъ наибольшаго оживленія; почти ежегодно онъ выпускаетъ въ свѣтъ по объемистой книгѣ, посвященной разработкѣ того или другого изъ вопросовъ излюбленной имъ науки, этнографической

Digitized by Google

соціологіи. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ этихъ работъ: „L'évolution de la morale" (1887), „L'évolution du mariage et de la famille" (1888), „L'évolution de la propriété" (1889), „L'évolution politique" (1890), „L'évolution juridique" (1891), „L'évolution religieuse" (1892), „L'évolution littéraire" (1894), „La guerre dans les diverses races humaines", „L'évolution de l'education", „L'évolution de la commerce", „L'évolution de l'esclavage" (1897), La psychologie ethnique" (1901 г.) и т. д. Въ своемъ цѣломъ всѣ эти книги представляютъ какъ бы новое, переработанное и расширенное до громадныхъ размѣровъ изданіе однотомной „Соціологіи", но нельзя сказать, чтобы цѣлое отъ этого выиграло. Правда, по своимъ научнымъ пріемамъ Летурно нисколько не измѣнился и остался одинаковымъ въ различныхъ своихъ книгахъ, но присущіе ему недостатки, имѣющіе сравнительно мало значенія въ „Соціологіи", предназначенной для широкихъ круговъ публики, несравненно ощутительнѣй въ спеціальныхъ монографіяхъ, къ которымъ приходится предъявлять болѣе строгія требованія.

Научными *изслѣдованіями* книги Летурно назвать нельзя, потому что онѣ представляютъ лишь обзоръ фактовъ, не подвергнутый никакой обработкѣ, и лишены всякихъ выводовъ. Уже характеренъ тотъ фактъ, что различныя „эволюціи" у Летурно нисколько не связаны во-едино и онъ даже не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки установить какія бы то ни было взаимоотношенія даже между наиболѣе крупными фактами. Да, по правдѣ сказать, это было бы очень трудно при тѣхъ результатахъ, къ которымъ Летурно приходилъ по поводу исторіи развитія любого изъ изслѣдованныхъ имъ институтовъ. Эти результаты чрезвычайно бѣдны и безсодержательны и въ большинствѣ случаевъ сводятся къ слишкомъ общей и ничего не говорящей ссылкѣ на прогрессивную эволюцію или къ указанію на разнообразіе формъ данныхъ явленій. Очень характерна въ этомъ отношеніи его книга „L'évolution du mariage et de la famille". Здѣсь Летурно, съ одной стороны, постоянно ссылается на улучшеніе съ ходомъ эволюціи семейныхъ отношеній, но именно только ссылается, а не только не объясняетъ, но даже не прослѣживаетъ детально этого явленія. Съ другой же стороны, мы находимъ заявленіе, что на первоначальныхъ стадіяхъ развитія человѣкъ прибѣгалъ къ самымъ разнообразнымъ формамъ семьи и брака; чѣмъ обусловливалось такое разнообразіе, остается совершенно неизвѣстно.

Только что названная книга интересна для насъ и въ другомъ отношеніи. Какъ извѣстно, исторія семьи и брака у первобытныхъ народовъ вызвала большую литературу, и съ этой литературой Летурно знакомъ очень плохо. Даже труды Бахофена онъ знаетъ лишь по изложенію Жиро Телона, другіе же нѣмецкіе авторы, писавшіе по исторіи семьи, остались ему совершенно неизвѣстны, а ихъ было не мало (Бастіанъ, Постъ, Каутскій, Липпертъ, Дар-

Digitized by Google

гунъ и др). Въ виду этого Летурно, возражая часто противъ тѣхъ или другихъ обобщеній въ данной области, предпочитаетъ не называть имени, а говорить о „des sociologistes, trop théoriciens". Другими авторами онъ зато пользуется слишкомъ усердно, заимствуя у нихъ цѣлый рядъ фактовъ не безъ указанія источника (Макъ Леннанъ, Жиро Телонъ, отчасти Леббокъ).

Такимъ образомъ, все значеніе книгъ Летурно сводится къ ихъ фактическому содержанію, и поэтому цѣнность ихъ очень не одинакова въ зависимости отъ того, насколько разработанъ въ наукѣ данный вопросъ. Однѣ изъ нихъ и въ самый моментъ появленія своего на свѣтъ не имѣли значенія, такъ какъ были уже лучшія работы по этому предмету, такова только что названная L'évolution du mariage et de la famille". Другія какъ „L'évolution de l'esclavage", имѣли въ свое время нѣкоторое значеніе, но потомъ утратили его въ виду появленія новыхъ сводныхъ работъ. Наконецъ, третьи и теперь представляютъ полезныя справочныя работы, хотя и страдающія очень существенными недостатками, но являющіяся единственными въ своей области.

Какъ сводка матеріаловъ, книги Летурно страдаютъ прежде всего полнѣйшею случайностью подбора фактовъ. Особенно рѣзко выступаетъ это обстоятельство въ почти полномъ, за очень малыми исключеніями, незнакомствѣ его съ богатѣйшей нѣмецкой литературой. Подборъ англійской и французской литературы тоже крайне далекъ хотя бы отъ самой приблизительной полноты. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что множества народовъ даже и имени не встрѣтишь у Летурно, о другихъ же приведены случайные разрозненные факты. Критическая провѣрка отдѣльныхъ сообщеній, разумѣется, совершенно отсутствуетъ, а потому пользоваться данными Летурно всегда надо съ осторожностью.

Но было бы ошибкой судить и эти произведенія Летурно лишь съ спеціально научной точки зрѣнія, такъ какъ ихъ читаютъ опять-таки не одни спеціалисты, а несравненно болѣе широкіе круги вообще образованной читающей публики. Этому способствуетъ не только замѣчательно простое и занимательное изложеніе Летурно, не только широкая важность затрогиваемыхъ имъ темъ, но и весь позитивно-гуманный складъ его ума. Во всѣхъ его книгахъ, на какія бы темы онѣ не были написаны, всегда можно найти двѣ черты: вѣру въ свѣтлое лучшее будущее, ожидающее человѣчество, и неустанное стремленіе къ точному позитивному знанію, враждебному всякой метафизикѣ. Эти черты невольно подкупали читателя и заставляли его многое прощать ученому; онѣ освѣщали и дѣлали интереснымъ предметъ, который безъ того показался бы, можетъ быть, сухимъ и скучнымъ, заставляли внимательнѣй слѣдить за аргументаціей автора и такимъ образомъ вводили въ кругъ извѣстныхъ вопросовъ. Насколько популярныя книги Летурно, мы можемъ судить потому, что многія

Digitized by Google

изъ нихъ существуютъ въ русскомъ переводѣ, хотя русская публика вообще очень мало интересуется соотвѣтственными вопросами; такъ, на русскій языкъ, кромѣ уже упомянутой „Соціологіи", переведены: „Эволюція собственности", „Эволюція морали" (переводъ уничтоженъ цензурой), „Литературное развитіе", „Эволюція воспитанія" „Эволюція торговли", „Эволюція рабства", и т. д.

Въ заключеніе необходимо упомянуть про практическую дѣятельность Летурно въ качествѣ одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Парижскаго антропологическаго общества и профессора антропологической школы. Въ связи съ положительными сторонами его книгъ эта дѣятельность обезпечиваетъ за покойнымъ французскимъ ученымъ глубокую признательность со стороны всѣхъ, кому дороги интересы этнографіи и родственныхъ ей наукъ. Если онъ и не двинулъ ихъ сильно впередъ, зато никто больше него не поработалъ надъ распространеніемъ ихъ вширь, надъ привлеченіемъ къ нимъ интереса и сочувствія большихъ массъ читающей публики. Это заслуга не малая, и за нее можно помянуть покойнаго добрымъ словомъ.

А. Максимовъ.

Двѣнадцатый археологическій съѣздъ будетъ открытъ въ Харьковѣ 15-го августа 1902 года. Правила этого съѣзда такія же, какъ и правила XI-го кіевскаго съѣзда. Закроется съѣздъ 27-го августа. При съѣздѣ предполагается открыть выставки предметовъ доисторической эпохи, историческихъ и этнографическихъ. Между прочимъ, проф. А. Н. Красновъ представилъ краткую программу Этнографической выставки, долженствующей заключать въ себѣ матеріалы по исторіи культуры южно-русской народности (изъ губ. Харьковск., Курск., Екатериносл., Воронеж., Черниг., Таврич., Донск. обл., Куб. обл. и др.) съ цѣлью отмѣтить видоизмѣненія культуры подъ вліяніемъ географическихъ перемѣнъ, пережитой старины и вліяніе сосѣднихъ народностей, а равно антропологическія данныя и памятники духовной культуры. Проф. Н. П. Дашкевичъ (изъ Кіева) предлагаетъ разослать приглашенія къ собиранію остатковъ стараго казацкаго эпоса („думы"), какіе могли уцѣлѣть до настоящаго времени, и свѣдѣній о послѣднихъ кобзаряхъ, а равно старинныхъ историческихъ легендъ и преданій (мѣстныхъ). Предполагается составить археологическія карты губерній: Харьковской (проф. Д. И. Багалѣй), Воронежской (Л. М. Савеловъ), Черниговской и Полтавской (проф. Д. Я. Самоквасовъ), Курской (В. К. Трутовскій), Кубанской обл. (Г. Д. Фелицынъ или В. М. Сысоевъ).

Въ программѣ съѣзда въ отдѣлѣ „Древности первобытныя" отмѣтимъ вопросы: 4. Н. Е. Бранденбургъ: слѣды печенѣговъ на Днѣстрѣ и 8 Ѳ. Г. Мищенко: скиѳскіе курганы и извѣстія древнихъ о скиѳахъ.

Digitized by Google

Въ отдѣлѣ „Древности историко-географическія и этнографическія“ — вопросы: 3) В. В. Ивановъ: Мевлипы и ихъ говоръ; 7) В. Ѳ. Миллеръ: къ вопросу объ Алланахъ; 8) Ѳ. Г. Мищенко: пріёмы этнографіи у древне-греческихъ историковъ; 11 и 12) Н. Ѳ. Сумцовъ: Мѣстныя названія Харьковской губ., какъ матеріалъ для изученія старины, и Архаическія черты въ орнаментѣ писанокъ; 16) М. Г. Халанскій: о древне-русскихъ переводахъ географическихъ терминовъ и названій.

Въ отдѣлѣ „Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики“ — вопросы 6 и 7) Е. К. Рѣдинъ: а) матеріалы къ исторіи древне-русскаго искусства, б) русскія лицевыя рукописи Козьмы Индикоплова въ связи съ византійскими.

Въ отдѣлѣ „Бытъ домашній, хозяйственный, общественный, юридическій и военный“ — вопросы — 2) Д. И. Багалѣй: Цехи и братства въ лѣвобережной и слободской Украйнѣ; 7) В. В. Ивановъ: Новѣйшіе матеріалы по этнографіи и обычному праву Харьковской губ.; 23) Н. Ѳ. Сумцовъ: о выдѣленіи въ заговорахъ древнѣйшихъ бытовыхъ мотивовъ. Кромѣ того, нѣсколькими авторами поставлены вопросы по исторіи землевладѣнія въ Слободской Украйнѣ, у донскихъ казаковъ, въ рязанскомъ уѣздѣ и др.

Въ отдѣлѣ „Памятники языка и письма“ вопросы: 3, 4, 5, 6 и 7) А. А. Кочубинскій: а) время появленія славянскаго (кирилловскаго) письма въ румынской письменности; б) время появленія народнаго элемента въ славянскихъ текстахъ румынъ; в) критическая провѣрка этимологіи въ лексическихъ трудахъ румынской науки (Massimu, Hâsdeu и др.); г) роль малорусскаго языка въ старѣйшей письменности румынъ; д) румынскій элементъ въ лексическомъ составѣ малорусскаго языка; 8) А. В. Лонгиновъ: значенія Траяна въ русской исторіи, русскомъ правѣ и русской поэзіи. 9 и 10) В. Ѳ. Миллеръ: а) народный эпосъ на Бѣломъ морѣ (по новымъ записямъ былинъ); б) пересмотръ вопросовъ, вызываемыхъ личностью Ильи Муромца и былинами о немъ; 11, Н. Ѳ. Сумцовъ: отраженія каменнаго вѣка въ народныхъ сказаніяхъ, преданіяхъ, повѣрьяхъ и обрядахъ; 14, 15, 16, 18, и 19) М. Г. Халанскій: О народныхъ говорахъ въ Курской губ., о происхожденіи славянскаго эпическаго стиха, о происхожденіи имени и прозвища Ильи Муромца, объ употребленіи члена въ русскомъ языкѣ, сказанія о Маркѣ проклятомъ въ малорусской поэзіи

Въ отдѣлѣ „Древности классическія, восточныя, византійскія и западно-европейскія“ — вопросы: 7) В. М. Сысоевъ: обзоръ древнегреческихъ колоній на восточномъ берегу Азовскаго и Чернаго морей; 8, 9, и 10) М. Г. Халанскій: о Руссахъ и русскомъ князѣ Иліасѣ въ германскомъ эпосѣ, Южно-славянскія пѣсни о смерти Марка Кралевича и разсказъ въ Chanson de Roland о смерти Роланда, объ отношеніяхъ южно-славянскаго германскаго

Digitized by Google

эпоса къ нѣмецкимъ средневѣковымъ рыцарскимъ поэмамъ; 11) Э. Р. Фонъ-Штернъ: точное опредѣленіе района культурнаго вліянія греко-римскаго міра на народы юга Россіи по совокупности археологическихъ и историческихъ данныхъ.

Въ отдѣлѣ „Памятники археографическіе" поставлены вопросы объ архивахъ губернскихъ, монастырскихъ, областныхъ и друг.

Кромѣ того, на съѣздѣ желательно получить отвѣты на цѣлый рядъ „запросовъ", изъ которыхъ приводимъ нѣкоторые:

Возможно ли установить погребальные типы кочевниковъ въ курганахъ южныхъ степей отъ Днѣпра до Дона? О происхожденіи русскаго казачества вообще и запорожскаго въ частности? Кто были „севрюки", упоминаемые въ актахъ XVII и начала XVIII вв., имѣющихъ въ виду Черниговскую область? Почему въ Москвѣ XVI—XVII вв. называли жителей южной Россіи „черкасами" — нѣтъ ли связи между этимъ названіемъ и тожественнымъ съ нимъ названіемъ сѣверныхъ кавказскихъ горцевъ? Какіе изъ говоровъ и повѣрій населенія средней Волги (отъ Нижняго-Новгорода до Казани) сохранились доселѣ съ точнымъ сходствомъ и въ населеніи верхняго и средняго Дона? Образованіе отечественнаго стиля архитектуры въ связи съ историческими условіями русской жизни? Туземность малорусскаго языка? О происхожденіи древнихъ македонянъ? О финикійскомъ вліяніи на грековъ?

Новые „вопросы" и „запросы" могутъ быть присылаемы въ Предварительный Комитетъ съѣзда на имя гр. П. С. Уваровой— Москва, Берсеневка.

Лица, предложившія „вопросы", вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ на себя обязанность представить по нимъ съѣзду докладъ или сообщеніе.

Б.

Третій международный конгрессъ американистовъ. Очередной (III-й) международный конгрессъ американистовъ, какъ видно изъ разосланнаго недавно Американскимъ музеемъ естественной исторіи циркулярнаго письма, будетъ происходить съ 20-го по 25-е октября (по новому стилю) въ г. Нью-Іоркѣ. Главною цѣлью конгресса является желаніе собрать всѣхъ, интересующихся вопросами этнологіи и доисторической археологіи обѣихъ Америкъ, чтобы они, такимъ образомъ, могли „расширить свои свѣдѣнія въ этихъ отрасляхъ знанія, какъ чтеніемъ докладовъ, такъ и преніями по различнымъ вопросамъ".

Матеріалъ, подлежащій изученію и обсужденію гг. конгрессистовъ, редактированъ организаціоннымъ комитетомъ въ слѣдующихъ двухъ подраздѣленіяхъ: 1) Первобытныя расы Америки; ихъ происхожденіе, распредѣленіе, исторія и физическая характеристика; ихъ языки, обычаи, религіи, изобрѣтенія; 2) Исторія первыхъ сношеній стараго свѣта съ Америкою.

Digitized by Google

Засѣданія конгресса будутъ происходить въ зданіи Американскаго музея естественной исторіи. Сообщенія будутъ допущены на языкахъ: англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и испанскомъ. Чтеніе сообщеній не должно превышать получасового срока. Члены конгресса, имѣющіе прочесть какое-либо сообщеніе, приглашаются заявить заблаговременно заглавія и краткое содержаніе своихъ рефератовъ. Доложенныя на конгрессѣ рефераты будутъ изданы въ „Proceedings“ конгресса.

Желающіе записаться членами конгресса, должны внести членскій взносъ въ три американскихъ доллара, дающій право на полученіе всѣхъ оффиціальныхъ изданій конгресса.

Адресъ генеральнаго секретаря организаціоннаго комитета слѣдующій: Mr. Marchall H. Saville, general secretary of the commission of organisation of the International Congress of Americanists, American Museum of Natural History, New York (U. S. A.). Адресъ казначея: Mr. Harlan I. Smith, American Museum of Natural History, New York (U. S. A.).

М.

6-й этнографическій концертъ Этнографическаго отдѣла, устроенный состоящей при Отдѣлѣ музыкально-этнографической комиссіей 20-го апрѣля 1902 г., помимо вокальнаго отдѣленія (великорусскія, малорусскія и кавказскія пѣсни), на этотъ разъ обогатился еще и инструментальнымъ отдѣленіемъ: исполнены были русскія мелодіи на гусляхъ и свирѣли, малорусскія—на лирѣ и сопилкѣ, польскія и болгарскія—на дудочкѣ и „диплѣ“ (двойной свирѣли), еврейскія—на скрипкѣ, кавказскія—на саламури съ аккомп. ударныхъ инструментовъ дайры и доли, а также на зурнѣ съ аккомп. доли и другія.

Чердынскій музей древностей, недавно основавшійся для историко-археологическаго изученія Камско-Волжскаго края, въ настоящее время озабоченъ проектомъ основанія при музеѣ „Общества любителей археологіи, исторіи и этнографіи Чердынскаго края“. Уставъ о-ва выработанъ и представленъ на утвержденіе. („Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн. при Каз. Унив.“ 1901, XVII, 5—6).

Тверской историко-археологическій съѣздъ, какъ предполагается, долженъ состояться въ 1903 году. Имѣются въ виду изслѣдователи древностей Новгородско-Ростово-Суздальскаго края.

Коллекція предметовъ буддійскаго культа, собранная въ Китаѣ кн. Э. Э. Ухтомскимъ, пріобрѣтена Этнографическимъ Отдѣленіемъ русскаго музея императора Александра III за 100.000 рублей.

Digitized by Google

Это замѣчательное собраніе въ нѣкоторой части своей экспонировалось на послѣдней парижской выставкѣ. О значеніи этой коллекціи спеціально написано сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ, съ массою рисунковъ, д-ромъ Грюнведелемъ, извѣстнымъ знатокомъ буддизма.

Выставка народныхъ музыкальныхъ инструментовъ и демонстрація ихъ. Секретарь пѣсенной комиссіи Императорскаго русскаго географическаго общества В. И. Гоффе (Инженерная, 4) обращался съ просьбою ко всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи народные музыкальные инструменты, какъ вышедшіе изъ употребленія, такъ и нынѣ существующіе (варганы, гусли, рожки, жалѣйки, гудки, кобзы, бандуры, лиры, цимбалы, дуды, торбаны, канклесы, зурны и проч.) не отказать временно предоставить ихъ въ распоряженіе пѣсенной комиссіи для пополненія коллекціи инструментовъ въ витринѣ на всероссійской кустарно-промышленной выставкѣ, имѣвшей открыться 3-го марта этого года въ Таврическомъ дворцѣ въ Петербургѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссіи было желательно получить свѣдѣнія о лицахъ, играющихъ на этихъ инструментахъ и могущихъ публично выступать на предположенныхъ народныхъ концертахъ („Р. В.“).

„Мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ о происхожденіи румынъ“ — подъ такимъ заглавіемъ А. Я. Яцимирскій прочелъ докладъ въ Славянской комиссіи Московскаго Археологическаго общества. Румынскіе ученые приходятъ къ выводу, что румыны—прямые потомки римскихъ колонистовъ. Самое названіе „румыны“ и $^1/_3$ латинскихъ словъ въ румынскомъ языкѣ—какъ бы подтверждаютъ это. Не всѣ западно-европейскіе ученые держатся того же взгляда на румынъ, видя въ нихъ народность, смѣшанную изъ многихъ этническихъ элементовъ и сильно романизированную. Нѣкоторые славянскіе изслѣдователи видятъ въ румынахъ элементы славянскаго племени и даже остатки скиѳовъ; славянскіе элементы въ румынскомъ языкѣ, къ тому же, мало чѣмъ уступаютъ, по количеству и качеству, элементамъ романскимъ. Своего опредѣленнаго мнѣнія о происхожденіи румынъ не высказалъ, однако, и г. Яцимирскій. Итальянцы ли, вообще ли пролетаріатъ изъ римскихъ провинцій, кельты ли или другія этническія группы были зародышемъ румынской національности—этотъ вопросъ остается открытымъ.

Digitized by Google

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.

Адресъ: Москва, Политехническій музей, въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія").

1) Русскія былины старой и новой записи. Подъ ред. акад. *Н. С. Тихонравова* и проф. *Вс. Ѳ. Миллера.* М. 1894. 8°. VIII + 305 стр. Ц. 2 р. 50 к. (за границу 3 р.).

2) Бѣломорскія былины, записанныя *А. Марковымъ,* съ предисловіемъ проф. *В. Ѳ. Миллера.* М. 1901. 8°. XV + 618 стр. Ц. 2 р. 75 к. (за границу 3 р. 50 к.). (Складъ въ Т-вѣ Скоропечатни А. А. Левенсонъ).

3) Юбилейный сборникъ въ честь *Вс. Ѳед. Миллера,* изданный его учениками и почитателями, съ портретомъ, подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1900. 4°. XXII + 368 стр. Ц. 3 р. (за границу 3 р. 75 к.).

4) *П. С. Ефименко,* Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи. Вып. I и II. М. 1877—78 гг. 4°. VII + 221 + X + 276 стр. Ц., вмѣсто прежн. 6 руб.,—10 руб. (изданіе почти распродано). (За границу 11 руб.).

5) Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, подъ ред. *Ѳ. Я. Трейландъ.* М. 1881. 4°. X + 224 стр. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р.).

6) Протоколы засѣданій Этнографическаго Отдѣла 1874—1877 гг. (статьи и матеріалы по этнографіи). М. 1877. 4°. 190 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

7) То же. 1877—1884 гг. М. 1886. 4°. 186 + 7 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

8) То же 1885—1887 (статьи, а также полная программа: а) для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, б) для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ). М. 1888. 4°. VIII + 217 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

9) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I, II и III. М. 1889, 1890 и 1891 г. 4°. Ц. 6 р. (за границу 7 руб.).

10) *Н. Н. Харузинъ,* Русскіе лопари (очерки прошлаго и современнаго быта). М. 1890. II + 472 стр. 3 фототип. и карт. ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р. 50 к.).

11) *В. М. Михайловскій,* Шаманство (сравнительно-этнографическіе очерки). М. 1892. 4°. IV + 115 стр. ц. 1 р. 50 к. (за границу 2 руб.).

12) *И. А. Житецкій,* Очерки быта Астраханскихъ калмыковъ. М. 1893. 4°. II + 73 стр. 12 табл. рисунк. Ц. 1 р. 25 к. (за границу 1 р. 60 к.).

Digitized by Google

Digitized by Google

Годъ 14-й. Кн. LIV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1902, № 3.

подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла **В. Ѳ. Миллера**

и

Товарища Предсѣдателя К. А. Ячука.

МОСКВА.

Т-во Скоров. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры Императорскаго Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1902.

Digitized by Google

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Гагаузы Бендерскаго уѣзда. Этнографическіе очерки и матеріалы, гл. XI—XIII. *В. А. Мошкова* 1

II. Изъ области обычнаго права карачаевцевъ, гл. IV и V. *Б. В. Миллера*. 67

III. Вѣтры-духи въ сказаніяхъ раскольниковъ Смоленской губерніи. *В. Н. Добровольскаго* 88

IV. Петръ Великій въ народномъ преданіи. Пѣсни и сказки о Петрѣ Великомъ. *В. И. Стражева*. 94

V. Изъ иностранной этнографической литературы: Роль ритма въ жизни народовъ. *А. А. Берсъ* 122

VI. Смѣсь:

1. Служители Христа «Папи» и христіанскіе обряды, ими отправляемые въ Сванетіи. *А. С. Хаханова*. . . . 137
2. Общественное моленіе у бурятъ. *В. В. Николаева*.. 141

VII. Критика и библіографія.

1. Отчеты объ новыхъ изданіяхъ.

L'Année sociologique publiée sous la direction de E. Durkheim. *В. X—ой.* (145).—Federowski Michał. Lud. Białoruski na Rusi Litewskiej. *Вл. Б.* (153).—А. И. Соболевскій. Великорусскія народныя пѣсни. *Е.*(155).—Савва Е. Московскіе цари и византійскіе василевсы. *А. С. Хаханова.* (157).—Конъ, Ф. Я. Историческій очеркъ Минусинскаго мѣстнаго музея за 25 лѣтъ. *Вл. Б.* (158).—Историческій очеркъ горнаго дѣла на Кавказѣ. *А. С. Хаханова.* (159) 145

Digitized by Google

Стр.

2. Обзоръ журналовъ и газетъ. 162

3. Новости этнографической литературы 165

VIII. Хроника.

12-й археологическій съѣздъ въ Харьковѣ. Извѣстія изъ области русскихъ и иностранныхъ учрежденій, изданій, изслѣдованій и экспедицій. Некрологи . . 172

IX. Объявленія объ изданіяхъ Этнографическаго Отдѣла. 185

Digitized by Google

Гагаузы Бендерскаго уѣзда.

(Этнографическіе очерки и матеріалы *).

XI **)

Смерть, представленіе о загробной жизни и похоронные обычаи.

Душа, по мнѣнію гагаузовъ, находится у человѣка въ сердцѣ; вылетая изъ тѣла, она принимаетъ видъ бабочки, называемой „Джян бёджя“ (Махаонъ) [1]).

Смерть представляется гагаузу въ видѣ живого существа: она называется „Джян-алыджи“ (Душу берущій). Роль этого духа съ принятіемъ христіанства перешла къ Михаилу Архангелу, который, вынимая у человѣка душу, наступаетъ на него правою ногой.

Первые три дня послѣ смерти душа человѣческая остается въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, а когда несутъ хоронить, то идетъ передъ гробомъ и указываетъ дорогу. Послѣ похоронъ она возвращается домой и только на четвертый день уходитъ оттуда къ Богу. Тамъ она „вамада гезёер“ (т.-е. проходитъ рогатки, разныя препятствія, которыя поставляются ей на пути) до 9-го дня [1a]). Отъ 9-го до 20-го всѣ души пребываютъ въ раю, а отъ 20-го до 40-го—въ аду. Послѣ 40-го дня душа выходитъ изъ ада; тамъ остаются души только явныхъ грѣшниковъ. Впрочемъ, всѣ эти

*) Помѣщая продолженіе этихъ очерковъ, напечатанныхъ ранѣе въ „Этн. Обозр.“ кн. 44, 48, 49 и 51, редакція для удобства оставляетъ общее имъ заглавіе „Гагаузы Бендерскаго уѣзда“, хотя отдѣльныя главы могли бы составить и совершенно отдѣльные, законченные по содержанію очерки. *Ред.*

**) См. „Этн. Обозр.“ кн. 51.

Digitized by Google

странствованія не мѣшаютъ душѣ возвращаться домой до 40-го дня и только съ этого дня она уже болѣе не возвращается [2]).

Но такой путь проходитъ душа только у человѣка, умершаго своей смертью, если же онъ утонулъ или покончилъ жизнь самоубійствомъ, тогда она идетъ прямо въ адъ (къ шейтану).

Адъ находится подъ землей. Дымъ вѣчно застилаетъ тамъ воздухъ, такъ что видѣть ничего нельзя, можно только слышать. Въ аду живутъ черти и самый главный изъ нихъ Юда, который прикованъ Богомъ на 1000 лѣтъ; у него самые большіе рога и изо рта вѣчно выходитъ пламя. На дверяхъ ада повѣшена таблица, на которой для каждой души записаны всѣ ея грѣхи. Св. Апостолъ Петръ, у котораго находятся ключи отъ рая, каждую субботу подходитъ къ дверямъ ада и прочитываетъ списокъ грѣховъ. Если за кого-либо изъ грѣшниковъ, томящихся въ аду, одинъ изъ живыхъ людей подастъ въ субботу бѣдному человѣку хлѣба, то одинъ грѣхъ его вычеркивается изъ таблицы. Если со временемъ всѣ грѣхи покойника будутъ такимъ образомъ вычеркнуты, то онъ перейдетъ изъ ада въ рай. Говорятъ, впрочемъ, что адъ въ настоящее время переполненъ грѣшниками и что тамъ нѣтъ болѣе мѣста для новыхъ, а потому души грѣшниковъ, по недостатку мѣста, ходятъ себѣ на свободѣ въ ожиданіи Страшнаго Суда.

О мѣстѣ, гдѣ находится рай, одни говорили, что онъ не на небѣ и не на землѣ, но будетъ впослѣдствіи на землѣ. Другіе,—что онъ находится на землѣ, на югѣ, но что на небѣ приготовляется новый рай, который будетъ украшенъ самыми лучшими драгоцѣнными камнями (какъ-то: „Джяфаир таши“, „Маргарит таши“, „Пак кристал“ и др.). Въ рай ведутъ трое дверей, отъ которыхъ ключи находятся у Св. Петра. Одна, отпираемая золотымъ ключомъ, назначается для царей, другая—желѣзнымъ, для бояръ и людей богатыхъ, и третья—деревяннымъ,—для бѣдняковъ.

Окончательное распредѣленіе душъ человѣческихъ между раемъ и адомъ наступитъ только послѣ Страшнаго Суда („Сон шараатта“), который послѣдуетъ черезъ 105 лѣтъ, такъ какъ Іисусъ Христосъ опредѣлилъ стоять міру ровно 2000 лѣтъ. Къ тому времени всѣ люди помрутъ. Богъ соберетъ ихъ души въ Іерусалимѣ и будетъ судить. Судъ будетъ производиться при помощи вѣсовъ, на одну чашку которыхъ будетъ положена душа человѣка и зернышко проса, а за другую будетъ тянуть шейтанъ. Если послѣдній пе-

Digitized by Google

ретянетъ вѣсы на свою сторону, то душа пойдетъ въ адъ, если же не перетянетъ, то—въ рай.

Послѣ Страшнаго Суда праведныя души будутъ жить въ раю и наслаждаться блаженствомъ, а грѣшныя—мучиться въ котлахъ съ кипящею смолой: кто—до колѣна, кто—до пояса, кто—до горла, кто—совсѣмъ съ головой, смотря по количеству грѣховъ. Тогда же Христосъ опредѣлитъ срокъ для новаго Страшнаго Суда. Но все-таки когда-нибудь придетъ конецъ свѣта, всѣ души помрутъ, а на землѣ вмѣсто насъ будутъ жить такіе маленькіе человѣчки, которые вдесятеромъ будутъ поднимать одно куриное яйцо.

Если человѣкъ умретъ съ открытыми глазами, то говорятъ, что онъ хотѣлъ еще пожить на свѣтѣ и это унесетъ съ собой кого-нибудь изъ родственниковъ, если же—съ закрытыми, то уже достаточно пожилъ и болѣе жить не хотѣлъ [3]).

Если кто сильно боленъ, то передъ иконами зажигаютъ свѣчи на случай его кончины. Когда родственники умирающаго замѣтятъ, что кончина близка, то зажигаютъ восковую свѣчу и даютъ ему въ руку [4]). Всѣ молятся при этомъ, чтобы Богъ простилъ его, чтобы онъ умеръ безъ мученій [5]). Молитвъ никакихъ не читаютъ, а просто крестятся. Если ранѣе кто-нибудь въ домѣ умеръ безъ свѣчи, то умирающій держитъ свѣчу за предшествовавшаго ему покойника, а за него самого держитъ кто-нибудь изъ присутствующихъ.

Когда смерть человѣка уже констатирована, то всѣ родственники его, мужчины и женщины, начинаютъ громко рыдать и причитать до полной устали, а потомъ возобновляютъ причитанія всякій разъ, когда войдетъ въ домъ кто-нибудь посторонній [6]). Если нужно бываетъ извѣстить о смерти родственниковъ покойнаго, живущихъ въ другомъ селѣ, то думаютъ, что лошади, везущей эту вѣсть, бываетъ очень тяжело, а потому для облегченія ея посланному даютъ въ карманъ мѣрку съ роста покойнаго. Эта мѣрка облегчаетъ и того, кто везетъ печальную вѣсть, и его коня. Ее кладутъ потомъ въ гробъ вмѣстѣ съ покойникомъ.

Умершаго относятъ прежде всего въ „дам“ (хлѣвъ), сажаютъ [7]) на доску и обливаютъ: мужчину—старикъ, женщину—старуха, а ребенка, хотя бы и мальчика,—тоже старуха [8]). Если въ это время придетъ кто-нибудь въ „дам“, то берутъ кусочекъ „питты“

Digitized by Google

(опрѣснока) и угощаютъ пришедшаго. Хлѣбъ этотъ приготовляютъ нарочно по этому случаю и называютъ—„джян питасы“ (хлѣбъ души). Говорятъ, что такое угощеніе дѣлается для того, чтобы въ послѣдній разъ исполнить за покойника долгъ гостепріимства.

Затѣмъ одѣваютъ покойника во все чистое и новое [9]) и кладутъ на „долму“ (глиняную лавку) [10]) въ „кухнѣ“, стараясь направить ногами на востокъ [11]).

Гробъ дѣлаетъ кто-нибудь изъ родственниковъ или знакомыхъ покойнаго, знающихъ столярное ремесло, и непремѣнно даромъ [12]), потому что считается весьма богоугоднымъ дѣломъ состроить человѣку, какъ выражаются гагаузы, домъ [13]). Гробъ („табут“) приготовляется исключительно сосновый, формы нѣсколько отличной отъ нашего, съ вертикальными боковыми стѣнками, съ плоскимъ дномъ и крышкой и очень просторный (фиг. 1 № 22) [13a]). У бѣдныхъ онъ не красится и никакихъ крестовъ и украшеній на немъ не дѣлается. У богатыхъ же красится иногда красной клеевой краской, да, кромѣ того, противъ головы, живота, ногъ и на бокахъ наклеиваются кресты изъ синей бумаги. Стружки отъ гроба тщательно собираются и сохраняются въ такомъ мѣстѣ, гдѣ народъ не ходитъ [14]).

Когда гробъ готовъ, то приносятъ его въ домъ умершаго, ставятъ посреди комнаты, накрываютъ крышкой и обѣдаютъ на немъ, послѣ чего кладутъ въ него покойника [15]). Вмѣстѣ съ нимъ кладутъ и ту мѣрку (камышевую) [16]), по которой гробъ дѣлался. Если мужъ и жена помрутъ одновременно, то ихъ кладутъ въ одинъ гробъ. Прежде чѣмъ положить покойника, въ гробъ кладутъ подушку, набитую „феслиномъ“ [17]). Это растеніе разводится у каждаго въ саду; букетикъ его обязательно долженъ принести съ собою каждый изъ родственниковъ покойнаго, пришедшій его навѣстить. Поверхъ подушки настилаютъ „палу“ (грубый коверъ) и на нее уже укладываютъ покойника. Руки складываютъ на животѣ, кисть на кисть, правую сверху [18]). Въ руки покойному вставляютъ восковую свѣчу, которая горитъ во все время, пока онъ въ домѣ.

Костюмъ покойника—обыкновенный современный, только на ноги надѣваются чулки и кожаные башмаки безъ каблуковъ. На голову мужчины надѣвается барашковая шапка [19]). На шапку хо-

Digitized by Google

лостого парня навѣшиваются тѣ „китки“ (гаруспыя кисточки), которыя онъ получалъ отъ своей возлюбленной дѣвушки.

Возлѣ тѣла ставится большой церковный подсвѣчникъ, въ который втыкаются восковыя свѣчи, приносимыя всѣми навѣщающими умершаго. Если покойникъ уже положенъ въ гробъ, то свѣчи эти прилѣпляются, кромѣ того, и къ краямъ гроба [20]).

Въ ногахъ покойнаго ставится тарелочка, на которую уложена спиралью такъ называемая „бой муму“, т.-е. восковая свѣча, приготовленная въ ростъ покойника. Она горитъ во все время, пока покойникъ въ домѣ, а когда похоронятъ, то зажигается ежедневно по вечерамъ вплоть до 40-го дня.

У молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ волосы заплетаются въ двѣ косы и кладутся по плечамъ. На голову и на грудь прикалываются искусственные или живые цвѣты.

Въ головахъ покойника становится тикъ называемый „дал“, т.-е. маленькое деревцо,—преимущественно изъ фруктовыхъ: яблоня, груша или слива, вырытое съ корнемъ, на которое вѣшаются бублики („коврик“), покупные пряники въ видѣ кольца („пи́тичка“), конфекты, яблоки, нитки изюма и полный костюмъ покойника, а также прилѣпляются зажженныя восковыя свѣчи [21]). У молодой женщины, на похоронахъ которой мнѣ случилось быть, изъ платья ея на „далѣ“ висѣли: юбка, кофта, чемберъ, башмаки и полотенце („пешкир“), а у мальчика, вмѣсто всего костюма, былъ повѣшенъ только платокъ, предназначавшійся для того́, кто понесетъ „дал“ на кладбище.

На домѣ, гдѣ есть покойникъ, на столбы, поддерживающіе крышу, на концы балокъ, проходящихъ сквозь стѣны дома наружу, или на стрѣху привѣшивается полотенце или платокъ, который остается висѣть до 40-го дня [22]). Каждый вечеръ платокъ этотъ зачѣмъ-то обливаютъ водой изъ ведра и обкуриваютъ ладаномъ.

Всѣ пришедшіе въ домъ навѣстить покойника, вмѣсто обычнаго привѣтствія говорятъ хозяевамъ: „Бо да прости“, а при прощаніи: „простить Аллахым гюнахларна“ (прости Боже его грѣхи) [23]). Ему даютъ ручную кадильничку покадить надъ покойникомъ, а потомъ хозяинъ подноситъ рюмку водки и угощаетъ вмѣсто закуски пшеничной кутьей („ко́лева“), которая наложена на тарелочкѣ. Посрединѣ тарелки укладывается крестъ изъ

Digitized by Google

чернаго или желтаго изюму и втыкается зажженная восковая свѣча [24]).

Во время пребыванія покойника въ домѣ никто надъ нимъ ничего не читаетъ по той простой причинѣ, что читать некому. Однако при тѣлѣ покойнаго постоянно сидятъ молча нѣсколько человѣкъ, а по ночамъ его караулятъ мужчины [25]).

Отпѣваніе совершается обыкновенно на дому, въ церковь покойника не носятъ. Приходитъ священникъ съ причетникомъ и служатъ панихиду. Ко времени отпѣванія заготовляется въ домѣ 9 „колачей“ („ёл колач“—дорожный колачъ) и 7 „капити“, т.-е. треугольныхъ колачей. Въ каждый колачъ втыкаютъ по мелкой монетѣ. „Дорожные колачи“ дѣлаются такой формы: 8 и нанизываются на шнурокъ, какъ баранки. По окончаніи погребенія 8 колачей раздаются присутствующимъ, шнурокъ отъ нихъ привязывается на могильный памятникъ, а девятый оставляется для себя. Печенья эти во время отпѣванія кладутся въ сито и накрываются полотенцемъ. Когда священникъ кадитъ надъ покойникомъ, то ближайшіе родственники берутъ сито съ колачами и тарелку съ кутьей и поднимаютъ три раза вверхъ надъ покойникомъ, при чемъ всѣ присутствующіе стараются подержаться за эту пищу хотя бы однимъ пальцемъ [25a]). Когда священникъ читаетъ Евангеліе, то всѣ присутствующіе, смотря по близости ихъ къ покойнику, держатъ два пальца или на его лбу, или на краю гроба.

Выносъ покойника изъ дому бываетъ или утромъ или послѣ полудня, но отнюдь не въ самый полдень [26]). Несутъ непремѣнно ногами впередъ [27]) и наблюдается это во всю дорогу до самаго кладбища. Того же правила придерживаются и въ томъ случаѣ, если гробъ не несутъ, а везутъ на телѣгѣ.

Если умершій—ребенокъ или молодой человѣкъ, то его несутъ на рукахъ, если же свыше 30 лѣтъ, то везутъ на лошади. На телѣгу, рядомъ съ гробомъ, кладется деревянный надгробный памятникъ изъ деревяннаго бруска, если же гробъ несутъ, то памятникъ также несется въ рукахъ однимъ изъ родственниковъ [27a]). Кромѣ возницы, въ телѣгу, на которой везутъ покойника, дозволяется садиться только старымъ и больнымъ женщинамъ, неспѣвающимъ за другими. Гробъ везется или несется до кладбища непремѣнно открытымъ.

Впереди похоронной процессіи несутъ обыкновенно „шамдал“

Digitized by Google

(подсвѣчникъ со свѣчами), стоявшій при покойникѣ фонарь, крестъ и хоругвь, а рядомъ съ гробомъ „дал“ со всѣмъ, что на немъ повѣшено. На всѣ эти вещи навязываютъ по платку [28]), какъ награду носильщикамъ. Если же несутъ двухъ покойниковъ разомъ, то всѣ платки навѣшиваются въ двойномъ количествѣ за каждаго изъ покойниковъ отдѣльно. Кромѣ того, такіе же платки привязываются на лѣвую руку носильщиковъ.

При выносѣ изъ дому, гробъ на минуту ставятъ на землю, при чемъ подстилаютъ подъ него полотенце, которое называется „ёл бези“ (дорожный холстъ) [29]). У гагаузовъ Измаильскаго уѣзда холстъ этотъ называется „кёпрю бези“ (мостовой холстъ). Богатые завязываютъ въ каждый изъ четырехъ угловъ полотенца по 7, 9 или 12 коп. „кёпрю паасы“ (мостовой платы). У бѣдныхъ деньги эти не завязываются, а старшій родственникъ покойнаго кидаетъ ихъ подъ „ёл бези“ въ количествѣ 5—10 коп. Вѣрятъ, что изъ этихъ денегъ покойнику на томъ свѣтѣ будетъ четыре мостовыхъ столба, а изъ полотенца—мостовая настилка.

Опуская гробъ на „ёл бези“, его поворачиваютъ ногами непремѣнно на востокъ, хотя бы направленіе это было поперекъ или даже въ противоположную сторону пути. Опусканіе гроба на землю и подкладываніе подъ него „ёл бези“ повторяется во время пути на кладбище три раза (во имя Отца и Сына и Святаго Духа), а иногда даже и больше, но никакъ не меньше. На тѣхъ похоронахъ, которыя я видѣлъ, такихъ остановокъ было четыре: одинъ разъ при выносѣ изъ дому, другой—на улицѣ въ ожиданіи другого покойника, котораго должны были нести вмѣстѣ, третій разъ — при переходѣ по мосту черезъ рѣку и четвертый — при входѣ въ ворота кладбища [29a]). Каждый разъ настилали „ёл бези“, а, поднявши гробъ, холстъ оставляли на мѣстѣ. Подбирать его предоставляется каждому, но брать родственнику покойнаго, человѣку, знакомому съ нимъ, или богатому, считается предосудительнымъ.

Во время остановокъ на пути гробъ окружаютъ родственники и знакомые покойнаго и причитаютъ. Заплачки, которыхъ, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось записать, составляются экспромтомъ, но подчиняются въ своемъ складѣ одному короткому напѣву, который постоянно повторяется. Каждый куплетъ заканчивается рыданіями безъ словъ, вначалѣ искусственными и вынужденными, а

Digitized by Google

чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе прочувствованными. Причитаютъ женщины, мужчины же только плачутъ и громко вторятъ ихъ рыданіямъ. Такія причитанія и рыданія обязательны для всѣхъ присутствующихъ, не исключая и мужчинъ [30]).

При встрѣчѣ съ похоронной процессіей всѣ прохожіе снимаютъ шапки и говорятъ: „Аллаа рамет елесинь, топраджи йілинь олсун“ (Богъ да посѣетъ миръ, земля да будетъ легка) [31]).

Кладбище помѣщается на концѣ села, въ сторонѣ отъ него. Это—просто четыреугольное пространство земли, окруженное глубокимъ рвомъ и валомъ для защиты отъ скота. Впрочемъ, въ тѣхъ селахъ, гдѣ я видѣлъ кладбища, ограда эта была очень ненадежная; мѣстами во рву были обвалы, черезъ которые легко могла перейти всякая скотина. Въ этомъ отношеніи гагаузы представляютъ середину между ихъ сосѣдями молдаванами и болгарами. У молдаванъ (въ с. Мал. Кёзели) кладбище не окружено никакой оградой и лишено всякой растительности, скотина можетъ по немъ ходить, сколько ей угодно. У болгаръ (въ с. Кирютня), напротивъ, кладбище окружено очень высокой и крѣпкой земляной оградой и потому заросло высокими густыми деревьями. На гагаузскомъ же, хотя скотина и не пасется, но все-таки, вѣроятно, по временамъ бываетъ, потому что растительность невысока и жидка. Больше всего видно касатиковъ и „катраники“ (родъ полыни). Есть акаціи, груши, яблоки и орѣховыя деревья, но все это только маленькія вѣточки или кустики.

Въ валу, окружающемъ кладбище, со стороны села, сдѣланы ворота изъ жердей, такія низенькія, что взрослому человѣку, проходя подъ ними, приходится нагибаться. На самомъ кладбищѣ помѣщается сторожка, гдѣ живетъ особый кладбищенскій сторожъ.

Могила роется глубиною въ сажень и болѣе, въ головахъ шире, чѣмъ у ногъ. Участвовать въ рытьѣ могилы добивается каждый изъ мужчинъ, потому что за это часть грѣховъ прощается. Устройство могилы приравнивается опять-таки къ постройкѣ для человѣка дома. Внутренность ея такая же, какъ и у насъ, но нѣкоторые изъ стариковъ завѣщаютъ, чтобы ихъ похоронили постаринному, т.-е. чтобы у дна могилы, въ стѣнкѣ ея, была сдѣлана ниша [32]). Думаютъ, что при такомъ способѣ погребенія тѣло никогда не испортится.

Если при откапываніи могилы встрѣтятся кости ранѣе похо-

Digitized by Google

роненныхъ людей, то ихъ обливаютъ виномъ и снова закапываютъ [31a]). Умершихъ, принадлежащихъ къ одному семейству, стараются похоронить вмѣстѣ.

Когда принесутъ покойника на кладбище, то кладутъ рядомъ съ могилой, и священникъ читаетъ молитвы. На грудь кладется икона, которая будетъ зарыта вмѣстѣ съ гробомъ. Всѣ родственники прикладываются къ ней. Затѣмъ лицо покойника прикрывается бумагой, а все тѣло вмѣстѣ съ головой—полотномъ [32a]) и на длинныхъ полотенцахъ опускается въ могилу. Тѣ гагаузы, которые бываютъ на поклоненіи въ Кіевѣ и на Аѳонѣ, привозятъ оттуда своимъ родственникамъ въ видѣ подарка кисейныя покрывала съ нарисованной на нихъ иконой, и тогда вмѣсто обыкновеннаго полотна накрываютъ ими покойника. Отецъ семейства старается запастись такими покрывалами для всѣхъ членовъ своего семейства. У богатыхъ людей передъ накрываніемъ полотномъ на руки покойнаго кладется крестъ, сдѣланный изъ двухъ восковыхъ свѣчей, на пересѣченіи которыхъ прилѣпляется серебряная монета. Возлѣ вырытой могилы приготовляется обыкновенно бутылка съ виномъ. Священникъ беретъ ее и поливаетъ холстъ, которымъ покрытъ покойникъ, крестообразно вдоль и поперекъ тѣла. Послѣ того два человѣка спускаются въ могилу и накрываютъ гробъ крышкой.

Затѣмъ слѣдуетъ обрядъ печатанія покойника, которому придается особенно важное значеніе. Заключается онъ въ томъ, что священникъ беретъ въ руки заступъ и ставитъ имъ кресты по четыремъ сторонамъ могилы. Думаютъ, что послѣ исполненія этого обряда, покойникъ уже не можетъ выходить изъ могилы и дѣлаться Хобуромъ (вампиромъ) [33]).

Землю для зарыванія берутъ прежде всего ближайшіе родственники покойнаго обѣими руками въ пригоршню, дышутъ на нее и кидаютъ въ могилу, при чемъ повторяютъ этотъ пріемъ до трехъ разъ [34]). Могила закапывается землею съ такою поспѣшностью, какъ будто бы боялись, что покойникъ сію минуту выскочитъ изъ нея [34a]). При этомъ стараются однако, чтобы впопыхахъ не задѣть какъ-нибудь нечаянно лопатою священника, а то онъ тогда въ скоромъ времени помретъ.

„Дал“ послѣ похоронъ сажаютъ на могилу, если онъ съ корнемъ и не сухой, но если дѣло происходитъ зимой и вѣтка „дала“

Digitized by Google

корня не имѣетъ, то ее временно втыкаютъ въ землю съ тѣмъ, чтобы, при первой возможности, замѣнить свѣжей. Лакомства съ „дала“ снимаются и тутъ же раздаются присутствующимъ, а платье покойнаго, висѣвшее на немъ, отдаютъ донашивать бѣднымъ сиротамъ для того, чтобы онѣ были счастливы. Жерди, на которыхъ несутъ гробъ, кладутъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу.

Копавшіе могилу возвращаются съ кладбища, неся лопаты непремѣнно остріемъ внизъ. Придя домой, они моютъ руки надъ этими лопатами [35]).

Насыпи на могилахъ или вовсе не дѣлаются, или очень малыхъ размѣровъ. Надгробные памятники ставятся обязательно, но самые разнообразные. Въ Бешалмѣ мнѣ случилось видѣть старое заброшенное кладбище, находившееся за селомъ и ничѣмъ не огороженное. На немъ въ головахъ каждой могилы помѣщались зарытые стоймя небольшіе, необдѣланные камни разныхъ формъ и величинъ. На новомъ теперешнемъ кладбищѣ самыя старыя могилы окружены оваломъ изъ такихъ же вертикально поставленныхъ камней, но уже въ нѣкоторомъ порядкѣ [36]). Самые обыкновенные современные памятники дѣлаются изъ досокъ или брусковъ. Быть можетъ, что они существовали и прежде, но не сохранились на старомъ кладбищѣ вслѣдствіе ихъ непрочности и весьма незначительной величины, хотя ихъ и называютъ „круча“ (крестъ), но съ крестомъ они имѣютъ очень мало общаго. Дѣлаются такіе памятники изъ досокъ шириною дюйма 4—5, толщиною дюйма въ 2, а длиною въ $1^1/_2$—2 аршина. Зарытые вертикально въ землю, они поднимаются не больше аршина надъ нею, при чемъ верхняя часть ихъ украшается весьма разнообразными вырѣзками и зарубками (фиг. 1, № 24—29) [37]).

Въ этого рода памятникахъ замѣчательно то, что они непремѣнно должны указывать на полъ похороненнаго, при чемъ мужскіе (фиг. 1, №№ 24, 25 и 26) оканчиваются сверху горизонтальной плоскостью, а женскіе—(фиг. 1, №№ 28 и 29) закруглены. Насколько мнѣ удалось замѣтить, памятники съ такими отличіями по поламъ встрѣчаются только у гагаузовъ. Въ молдаванскомъ селѣ на кладбищѣ вовсе нельзя было различить, гдѣ похоронены мужчины, а гдѣ женщины. А у болгаръ въ с. Кирютня, по словамъ мѣстнаго духовенства, разницу между полами можно замѣтить только по черточкамъ, начерченнымъ на памятникѣ [37a]).

Digitized by Google

На видѣнныхъ мною гагаузскихъ кладбищахъ вышеописанный надгробный памятникъ преобладалъ. Но кромѣ него встрѣчались сравнительно рѣже деревянные кресты изъ жердочекъ въ $^3/_4$ арш. высоты и съ перекладиной въ двѣ четверти длиной. Такіе миніатюрные крестики общи гагаузамъ съ молдаванами и, вѣроятно, заимствованы у этихъ послѣднихъ, потому что у молдаванъ они попадаются очень часто. Наконецъ встрѣчаются, какъ произведеніе новѣйшаго времени, въ небольшомъ количествѣ памятники очевидно городской работы изъ бѣлаго мягкаго камня въ формѣ крестовъ. Такіе памятники ставятся на могилы самыхъ богатыхъ гагаузовъ и общи имъ какъ съ молдаванами, такъ и съ болгарами, съ тѣмъ только различіемъ, что у молдаванъ они встрѣчаются какъ рѣдкость, а у болгаръ преобладаютъ, что находится, конечно, въ зависимости отъ большей или меньшей состоятельности ихъ обладателей. Но и на этихъ новѣйшихъ каменныхъ памятникахъ проводится то же правило, что и при деревянныхъ, т.-е. чтобы вершина мужского памятника была угловатая, а женскаго — округленная.

Надписи на памятникахъ не только у гагаузовъ, но и у болгаръ составляютъ величайшую рѣдкость, а если и дѣлаются, то по-русски и очень кратко, въ родѣ: „упокой Господи“, и то только на каменныхъ памятникахъ, сдѣланныхъ городскими мастерами. Что же касаатся вырѣзки фамилій и именъ, то мнѣ ни разу не удазалось ихъ встрѣтить, за исключеніемъ развѣ могилъ духовенства.

На многихъ изъ памятниковъ, въ особенности деревянныхъ, я видѣлъ прикрѣпленные къ нимъ кубическіе и четыреугольные деревянные ящики, обращенные отверстіемъ внизъ. Они дѣлаются для того, чтобы на могилѣ можно было зажигать свѣчи въ дни поминокъ, чтобы пламя ихъ не затушило вѣтромъ.

Къ числу украшеній деревянныхъ памятниковъ принадлежитъ окраска ихъ въ цвѣта: красный, малиновый, фіолетовый, синій и зеленый. Такихъ окрашенныхъ памятниковъ я особенно много видѣлъ въ большомъ и богатомъ селѣ Конгазѣ Измаильскаго уѣзда. Интересно, что на вершинѣ всѣхъ памятниковъ, деревянныхъ и каменныхъ, дѣлается небольшая ямочка, какъ мнѣ объяснили, для того, чтобы въ ней собиралась вода и чтобы птицы, прилетая сюда, могли напиться. Такого рода забота о птицахъ считается

Digitized by Google

однимъ изъ видовъ такъ называемаго „хаира“, т. е. добраго дѣла на пользу общую.

Въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ похоронный обрядъ гагаузовъ претерпѣваетъ нѣкоторыя видоизмѣненія: 1) Малыхъ ребятъ, умершихъ некрещенными, хоронятъ внѣ кладбища безъ гроба, въ рубашкѣ или въ одѣяльцѣ, 2) при погребеніи холостыхъ парней и дѣвицъ въ обрядѣ есть нѣкоторые намеки на свадьбу. Такъ, на похоронахъ холостыхъ парней назначается, также какъ и на свадьбѣ, „девер“ (шаферъ) и „изметчи“ (дружки), которые получаютъ въ подарокъ рубашку, а на похоранахъ дѣвицъ „зылва“ (подружка), которая получаетъ въ подарокъ „чембер“ (шальный платокъ) [38]).

Трауръ по покойникѣ не соблюдается, если не считать того, что въ домѣ, гдѣ былъ покойникъ, брачныя пары воздерживаются отъ половыхъ сношеній до сороковаго дня, а такъ же того, что мужчины послѣ смерти кого-либо изъ родственниковъ не бреются до 40-го дня, а по смерти жены до полугода, и во все время, пока покойникъ въ домѣ, не надѣваютъ шапки даже на улицѣ [39]). До 40-го дня женщины, родственницы покойнаго, каждую субботу ходятъ на могилу и поливаютъ воду въ подножіе памятника.

Поминки по покойникѣ („ёлю екьмяа“) справляются на 3-й день послѣ кончины, 9-й, 20-й, 40-й, черезъ годъ, черезъ 2 и черезъ 3 [40]). На всѣ поминки, исключая 3-го дня, ходятъ на кладбище и носятъ съ собою: 1) пшеничную кутью („кòлева“) съ зажженной на ней восковой свѣчей, 2) „колачъ“ и 3) графинъ или „чотру“ вина. Мать или старшая сестра покойника зажигаетъ на могилѣ восковую свѣчу и ладанъ въ ручной кадильничкѣ и обхаживаетъ вокругъ могилы. Принесенная провизія дѣлится между всѣми, кто случится по близости. Могилу поливаютъ виномъ. Это послѣднее гагаузы объясняютъ словами: „бизь ичеерис, ко о да ичсин“ (мы пьемъ, пусть и онъ выпьетъ [41]).

Но одна изъ этихъ поминокъ, соотвѣтствующая нашей тризнѣ, чаще всего на 9-й день, непремѣнно должна сопровождаться обѣдомъ [42]). Хозяинъ созываетъ человѣкъ 20 изъ своихъ родныхъ, бывшихъ на похоронахъ, разставляетъ большіе столы и ставитъ на нихъ глиняныя блюда или тарелки по числу гостей. На каждое блюдо кладется „колачъ“ съ воткнутой въ него восковой свѣчей. Приходитъ сельское духовенство, и тогда всѣ свѣчи зажигаются.

Digitized by Google

Священникъ служитъ панихиду, и всѣ садятся за столъ, на который подаются 2 или 3 блюда. Когда гости расходятся по домамъ, то хозяинъ раздаетъ имъ всѣмъ по платку, въ которомъ завязана тарелка съ малымъ „колачемъ“ и съ восковой свѣчей.

Вмѣсто обыкновеннаго привѣтствія на такихъ обѣдахъ гости здороваются съ хозяиномъ словами: „Бо да прости“ (да проститъ Богъ), а прощаются: „простить Аллахым гюнахларна“ (прости, Боже, грѣхи его). Угощеніе на поминкахъ каждый старается дѣлать какъ можно лучше, изъ боязни, что кто-нибудь изъ гостей будетъ недоволенъ и осудитъ хозяина, а это очень повредило бы покойнику на томъ свѣтѣ. Про этотъ обѣдъ говорятъ, что онъ идетъ покойнику, что покойникъ питается паромъ отъ кушаній.

Кромѣ частныхъ поминовеній, существуютъ общественныя, на которыя собирается чуть не все село. Одно изъ такихъ поминовеній мы опишемъ въ главѣ „Народный календарь“ *); оно совершается въ Воскресенье на Ѳоминой недѣлѣ.

Разсказывая о „Хобурѣ“ (Упырѣ, Вампирѣ), гагаузы прибавляютъ, что въ настоящее время такихъ существъ нѣтъ или почти нѣтъ. Они появлялись тогда, когда священниковъ было мало, по одному на 10 приходовъ, а потому не успѣвали покойниковъ припечатывать, какъ слѣдуетъ. Если „Хобуры“ и могутъ появиться, то только изъ людей убитыхъ и умершихъ не своею смертью, а потому не получившихъ правильнаго погребенія. Но даже и такого человѣка можно лишить способности дѣлаться „Хобуромъ“, если разрѣзать ему сердце [43]).

„Хобуръ“ встаетъ изъ могилы и выходитъ уже послѣ 40-го дня. Судя по записаннымъ мною разсказамъ, онъ или остается по ночамъ лежать въ могилѣ, а на день выходитъ изъ нея черезъ маленькое отверстіе, или совершенно оставляетъ могилу и поселяется между людьми [44]).

Такъ какъ, выходя изъ могилы, „Хобуръ“ лицомъ не измѣняется, то его родственники и знакомые могутъ его узнать, а потому онъ уходитъ въ другое государство и тамъ поселяется между живыми людьми. Чтобы скрыть свое истинное занятіе, людоѣдство, онъ принимается за ремесло мясника, близкое къ его дѣлу, и не только самъ ѣстъ человѣческое мясо безпрепятственно,

*) См. ниже гл. XIII.

Digitized by Google

но продаетъ его и другимъ людямъ подъ видомъ говядины или дѣлаетъ изъ него колбасы. Впрочемъ „Хобуръ“ не только питается человѣчьимъ мясомъ, онъ не пренебрегаетъ и говядиной, молокомъ и масломъ отъ чужихъ коровъ, а кромѣ того, высасываетъ кровь изъ овецъ, дѣлая ранку у нихъ на носу. Отъ прочихъ людей какъ самъ „хобуръ“, такъ и его потомство, если онъ вступитъ въ бракъ, отличаются тѣмъ, что въ субботу не могутъ жить такъ, какъ всѣ прочіе люди, а должны лежать цѣлый день лицомъ внизъ.

Если „хобуръ“ только по временамъ является на свѣтъ Божій, то отверстіе, черезъ которое онъ выходитъ, можно узнать при помощи нѣкоторыхъ особенныхъ иконъ, которыя бываютъ у людей знающихъ. Такая икона прямо приводитъ къ могилѣ, „хобура“, стоитъ только держать ее передъ собою и слѣдовать за всѣми ея движеніями.

Между прочими несчастіями, которыя „хобуръ“ можетъ причинить людямъ, ему приписывается также появленіе въ данной мѣстности холеры. Въ такихъ случаяхъ, нужно отыскать „хобура“, разрыть его могилу и вбить въ сердце осиновый колъ или сжечь тѣло [45]).

Всѣ эти вѣрованія предполагаютъ, что тѣло „хобура“ не подлежитъ тлѣнію, а потому нѣкоторые полагаютъ, что обыкновенный человѣкъ, чтобы не быть хобуромъ и чтобы загробная жизнь его была благополучна, долженъ желать, чтобы тѣло его, по зарытіи въ могилу, разлагалось [46]). Поэтому блуждающіе огни на кладбищѣ нѣкоторые объясняютъ тѣмъ, что Ангелъ Хранитель ставитъ за человѣка свѣчу передъ Богомъ, чтобы тѣло его разлагалось.

Но возвращаясь къ „Хобуру“, нужно добавить, что человѣкъ можетъ спастись отъ несчастій, которыми ему грозитъ это существо, если заведетъ съ нимъ знакомство. Такъ въ с. Бешалма разсказывали, что тамъ была одна старуха, которая задабривала хобура тѣмъ, что каждую пятницу кормила его лепешками.

Въ одной изъ сказокъ, которыя мнѣ удалось записать, „хобуру“ приписываются такія свойства, которыя у нашего народа принадлежатъ обыкновенно многоголовому змѣю. Одну дѣвушку, которая явилась за полученіемъ какого-то волшебнаго сита, онъ заставляетъ играть на скрипкѣ, а въ это время точитъ свои зубы,

Digitized by Google

чтобы ее съѣсть; когда же она отъ него убѣжала, гонится за ней, уничтожаетъ препятствія, выпиваетъ рѣку, ломаетъ лѣсъ и т. под.

ПРИМѢЧАНІЯ *).

[1]) У галицкихъ малороссовъ Стрыйскаго округа и у малороссовъ украинскихъ вѣрятъ, что душа человѣка вылетаетъ изъ него при смерти въ видѣ мухи. У болгаръ—въ видѣ птички или бабочки. У смоленскихъ бѣлоруссовъ—въ видѣ бабочки, мухи или птички. У ногайцевъ—душа маленькая, величиной съ муху. У вотяковъ есть такъ называемая «бабочка покойниковъ», убивать которую запрещается.

А. I, с. 149 и 211; И. XIII, с. 150; М. XII, в. I, с. 61; З. III, с. 810; В. II с. 307; К., с. 76.

[1а]) По-болгарски «вама» (отъ турецк. «вам»—долгъ)—торговая пошлина за право въѣзда въ городъ съ товаромъ.

БЩ., с. 564.

[2]) У малороссовъ Купянскаго уѣзда вѣрятъ, что частный судъ надъ душой каждаго умершаго бываетъ въ 40-ой день, а до этого дня души усопшихъ проходятъ рядъ мытарствъ, по однимъ—20, а по другимъ—гораздо больше, даже до 40 мытарствъ. У бѣлоруссовъ вѣрятъ, что душа покойника до 40-го дня можетъ возвращаться въ свой домъ.

Г. 1894, № 2; П. 1890, с. 519.

[3]) У малороссовъ повсемѣстно вѣрованіе, что если у покойника не совсѣмъ закрыты глаза, то кто-нибудь еще вскорѣ умретъ въ томъ же домѣ. У бѣлоруссовъ есть то же вѣрованіе въ Могилевской губ. Есть оно также у великороссовъ въ Вологодской губ. и у якутъ.

А. IV, с. 699; П. 1890, с. 552 и 562; М. XII, в. 5, с. 460; I., с. 115.

[4]) У малороссовъ также даютъ умирающему въ руку громничную, страстную, или богоявленскую свѣчу. Тотъ же обычай есть у бѣлоруссовъ, у македонскихъ болгаръ и у черногорцевъ.

А. IV, с. 699; Р. III, кн. VII, с. 139; БК., с. 53; Ъ. 1895, в. III и IV, с. 503; П. 1890, с. 518, 530, 532, 542 и др.

[5]) Обычай, чтобы всѣ присутствующіе въ домѣ во время кончины молились, соблюдается въ Каневскомъ уѣздѣ.

А. IV, с. 698.

[6]) Обычай въ моментъ кончины поднимать надъ трупомъ плачъ, вой и крикъ есть у бѣлоруссовъ, а обычай причитать всѣмъ родственникамъ покойнаго въ то время, когда въ домъ входитъ кто-нибудь посторонній, практикуется также у осетинъ.

П. 1890, с. 511 и 518; Л. IV, с. 77.

[7]) Обычай сажать покойника на доску при обмываніи есть также у галицкихъ малороссовъ и у бѣлоруссовъ Могилевской губ.

И. XIII, с. 147; П. 1890, с. 561 и 571.

[8]) У великороссовъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ мужчину должны обмывать непремѣнно мужчины. У бѣлоруссовъ повсемѣстно мужчину—муж-

*) Объясненія знаковъ см. въ концѣ статьи.

Digitized by Google

чины, женщину—женщины, тоже и у якутъ. У малороссовъ же Каневскаго уѣзда обмываютъ покойниковъ только однѣ старухи.

А. IV, с. 699; П. 1890, с. 518, 533, 552 и 577; М. XII, в. 5, с. 460; І., с. 115.

[9]) У малороссовъ и бѣлоруссовъ также одѣваютъ покойника въ лучшую праздничную одежду.

А. IV, с. 699; П. 1890, с. 531 и 577.

[10]) Въ Каневскомъ уѣздѣ на столъ кладутъ умершихъ дѣтей только до 6-ти лѣтъ, а съ этого возраста уже кладутъ на лавкахъ.

А. IV, с. 700.

[11]) Тотъ же обычай соблюдается въ Подольской губ. У бѣлоруссовъ Могилевской губ. хоронятъ ногами на востокъ.

И. XII, с. 227; П. 1890, с. 564.

[12]) У малороссовъ гробъ дѣлать приглашаютъ сосѣдей или дальнихъ родственниковъ. Приглашенные никогда не отказываются и за свой трудъ никакого вознагражденія не получаютъ. Тоже и у бѣлоруссовъ.

А. IV, с. 706; П. 1890, с. 529 и 544.

[13]) У малороссовъ, приглашая родственниковъ дѣлать гробъ, обыкновенно выражаются такъ: «прийдіть, будьте ласкаві, до насъ, та поможете построіть моему батькові (чи тамъ матері) нову хату, не схотівъ у старій жить».

А. IV, с. 706.

[13а]) Такой же формы гробъ, судя по описанію, дѣлается и у гуцуловъ: «изъ пяти досокъ въ формѣ длиннаго сундука, въ головахъ—широкъ, а въ ногахъ—узокъ».

Щ. IV, с. 541.

[14]) У малороссовъ Переяславскаго уѣзда щепки эти выносятъ за ворота. У вотяковъ ихъ или сжигаютъ или складываютъ въ особо отведенное мѣсто. У великороссовъ сжигаютъ или кладутъ въ гробъ.

А. IV, с. 708; І., с. 115. О вотяцкомъ обычаѣ я записалъ отъ вотяка Сарапульскаго уѣзда, Большедоранской вол., д. Вишуръ-Норья.

[15]) У Витебскихъ бѣлоруссовъ «возница (который повезетъ гробъ на кладбище) обыкновенно обѣдаетъ при гробѣ и самыя кушанья подаются ему одновременно со столомъ и ставятся на гробъ, который въ этомъ случаѣ замѣняетъ столъ».

П. 1890, с. 520.

[16]) У болгаръ тѣло покойнаго измѣряютъ ниткой, которая потомъ завязывается вокругъ одного изъ столбовъ хаты. У чувашей, какъ только умретъ человѣкъ, ростъ его сейчасъ же измѣряется ниткой.

АД. VII, с. 150; БЛ. XII, в. II, 1891, с. 112.

[17]) У поляковъ, у галицкихъ малороссовъ Стрыйскаго уѣзда и у малороссовъ Подольской губ. подушку покойника набиваютъ «свяченными травами», у остальныхъ малороссовъ подъ голову покойному кладутъ сѣно и васильки.—У бѣлоруссовъ подушку наполняютъ листьями вѣника и сѣномъ. У великороссовъ и якутовъ стружками отъ гроба. У мордвы подъ голову покойника вмѣсто подушки кладутъ вѣникъ.

И. XIII, с. 148; А. IV, с. 707; П. 1890, с. 513, 529, 563 и 572; Ъ. 1898, в. II, с. 230; М. XI, в. 6, с. 538; Ibid. XII, в. 5, с. 461; БЦ., с. 80; ВЕ., с. 21; Е. 1890, XXX, с. 319

Digitized by Google

[18]) У галицкихъ малороссовъ: «руки складаютъ—лѣвую подъ споду, а правую сверху».
Щ. IV, с. 540.

[19]) Въ д. Малая Дубровица (Сѣдлецк. губ. Бѣльск. уѣз.) на покойника также надѣваютъ шапку. (Запис. мною). Тоже въ Гродненской губ. и повсюду у бѣлоруссовъ. Тотъ же обычай есть у Зырянъ Вологодской губ. и у черемисъ Яранскаго уѣзда Вятск. губ. (Запис. мною).
А. с. 704; П. 1890, с. 512, 518, 533, 543 и 559; I., с. 116.

[20]) Тоже у гуцуловъ.
БМ. XVII, № 428, с. 170.

[21]) Гагаузскій «далъ» представляетъ собою варіантъ Рождественской елки, обычая, широко распространеннаго по земному шару. А этотъ послѣдній—не что иное какъ остатокъ одного изъ самыхъ распространенныхъ культовъ, культа деревьевъ. У народовъ нецивилизованныхъ мы находимъ еще и до настоящаго времени культъ этотъ въ его первобытной чистотѣ. У прочихъ же онъ сохраняется въ видѣ осколковъ. Вотъ, напримѣръ, каково было поклоненіе дереву сравнительно еще недавно у мордвы-мокши: «На Духовъ день ходили на кладбище всей деревней въ обѣденную пору. Здѣсь передъ бѣлой березой совершалось поминальное моленіе. Ставши передъ березой, просили ее: «кормилецъ-бѣлая береза, вотъ мы даемъ тебѣ отъ міра жертву, не допусти никакой нечисти ни къ намъ, ни къ нашимъ дѣтямъ, ни къ нашимъ полямъ». Закалалась скотина, кровью которой обрызгивалась береза, а кожа развѣшивалась на деревѣ. Со всѣхъ присутствующихъ собирались кольца, кресты, сюльгамы, шурьки и все это или бросали въ дупло березы или нанизывали на проволоку и вѣшали на вѣтви».

Что касается народовъ цивилизованныхъ, то у нихъ поклоненіе деревьямъ приняло уже иную форму: или молятся не дереву, а иконамъ, на немъ повѣшеннымъ, или совершаютъ рядъ обычаевъ, значеніе которыхъ забыто: украшаютъ дерево зажженными свѣчами, сластями и разными подарками и ставятъ его у себя въ домѣ, ходятъ съ такимъ деревомъ по селу съ пѣснями, наконецъ одѣваютъ соотвѣтствующимъ образомъ дѣвушку, долженствующую изображать собою дерево, и водятъ ее по селу. Время, въ которое совершаются такого рода обряды у разныхъ народовъ, различно: они бываютъ въ ночь на 1—2 сентября, 26 сентября, въ Рождественскій сочельникъ, 26 декабря (въ день Св. Стефана), на Новый годъ, на Масляницу, въ 3 и 4-ое воскресенье Великаго поста, въ понедѣльникъ и вторникъ на страстной недѣлѣ, въ понедѣльникъ и вторникъ въ пасхальную недѣлю, въ день весенняго равноденствія, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ первые дни мая, на Троицу, въ Духовъ день и въ ночь на Ивана Купалу. Кромѣ того, такое же деревцо устраивается на свадьбѣ. Къ этому же послѣднему обычаю ближе всего подходитъ и гагаузскій «далъ», такъ какъ онъ приготовляется также въ неурочное время: на похоронахъ. Но онъ вовсе не можетъ считаться единственнымъ въ своемъ родѣ и оригинальнымъ, такъ какъ имѣетъ свои варіанты. Напримѣръ, у абхазцевъ на похоронахъ держатъ «вѣтвеобразную» во-

Digitized by Google

сковую свѣчу. На вершинѣ вѣтокъ и вѣточекъ навѣшиваются лоскутки. У мордвы Симбирской губ. въ былое время надъ могилой врывался столбъ съ развилинкой на вершинѣ. На этомъ столбѣ вѣшали послѣ тризны шкуру жертвеннаго животнаго.

Что касается другой черты обряда съ «даломъ», вѣшанья на него одежды покойнаго и раздачи этой одежды послѣ похоронъ, то для этого обычая есть также варіанты. А именно: у гуцуловъ одежда покойника раздается присутствующимъ при отпѣваніи, у малороссовъ приданое умершей дѣвушки раздается ея подругамъ. У Царевококшайскихъ черемисъ на похоронахъ вывѣшиваютъ на шестѣ самую лучшую одежду покойнаго (Запис. мною). У хевсуръ раздача платья покойника его родственникамъ совершается черезъ годъ послѣ его смерти на годовыхъ поминкахъ.

БМ. 1872. № 429, с. 183; Ж. XVII, в. II, с. 112; Л., кн. XIV, в. I., с. 187; Ibid., кн. XVI, с. 30; А. IV, с. 709; М. XI, в. 6, с. 543; Ibid., с. 561.

[22]) Странный обычай вывѣшивать на домѣ покойника флаги, какъ оказывается, принадлежитъ къ числу международныхъ. Въ Почепскомъ уѣздѣ Ярославской губ. послѣ кончины больного употребителенъ обычай вывѣшивать въ окно полотенце и сохранять въ рукомойникѣ воду, «чтобы душа могла обмыться». Въ Вологодской губ. въ углу окна вывѣшиваютъ полотенце, которое никто не смѣетъ тронуть въ теченіе 40 дней, тоже и у тамошнихъ зырянъ. Въ Смоленской губ. на окнѣ избы (гдѣ есть покойникъ) вывѣшиваютъ полотенце, которое остается тамъ до 6 недѣль. У бѣлоруссовъ Витебской губ. за окно, передъ которымъ находится покойникъ, перевѣшивается полотенце, съ одной стороны, какъ знакъ траура, а съ другой, для нуждъ покойника, который иногда возвращается въ покинутый домъ. У корель Олонецкой губ. при выносѣ изъ дому покойника въ отворенное окно опускаютъ конецъ полотенца и тѣмъ «устраиваютъ путь для умершаго». У Познанскихъ поляковъ, если кто умретъ, то вѣшаютъ полотенце или бѣлый платокъ въ хатѣ и къ нему прицѣпляютъ образокъ одного изъ святыхъ, чтобы душа покойника имѣла мѣсто, гдѣ спрятаться и «притулиться» (пріютиться) къ чему-нибудь «блогему» (хорошему), пока тѣла не вынесутъ изъ дому». Такой же обычай есть и у чеховъ. У поляковъ—курпей (Ломжинской губ.) «передъ хатой, гдѣ лежитъ тѣло человѣка женатаго или замужней женщины, стоитъ черная, т. е. траурная хоругвь. Тамъ же, гдѣ лежитъ тѣло парня или дѣвушки, стоитъ красное или бѣлое знамя».

У евреевъ въ теченіе 7-ми дней гоеванія о покойникѣ на стѣнѣ виситъ кусокъ того полотна, изъ котораго былъ сшитъ саванъ покойника. У калмыковъ надъ погребенными ставятъ четыре шеста, обращенные на всѣ четыре стороны свѣта. На шестахъ вѣшаютъ значки съ надписью года и числа рожденія и кончины покойника и съ молитвою къ «бурханамъ». У киргизовъ, со дня смерти покойнаго, на кибиткѣ его выставляется бѣлый флагъ, если умершій—мужчина, и черный, если—женщина, и этотъ флагъ не снимается въ продолженіе цѣлаго года. А въ другихъ мѣстахъ у того же народа ставятъ шестъ съ конскимъ хвостомъ у две-

Digitized by Google

рей юрты, гдѣ есть покойникъ, и проѣзжающій, увидя еще издали этотъ траурный знакъ, начинаетъ громко плакать, хотя бы онъ не зналъ не только покойника, но и родственниковъ его. У китайцевъ на Амурѣ, если есть въ домѣ умершій, вывѣшивается красный флагъ на очень высокомъ шестѣ, поставленномъ на дворѣ; шестъ возвышается на столько, что флагъ виденъ издали надъ крышами фанзъ.

Можно думать, что всѣ эти обычаи представляютъ собою только частный случай еще болѣе широкаго обычая выставлять на домахъ молитвенные флаги, вѣроятно съ цѣлью предохранить домъ отъ нечистой силы. Объ этомъ есть двѣ замѣтки. Въ одной говорится о Тибетѣ: «обыкновенно издалека уже, прежде чѣмъ вы увидите самый храмъ, вамъ кидаются въ глаза длинные бамбуковые шесты, на которыхъ, на подобіе вымпеловъ, развѣваются или висятъ вертикально бѣлые флаги съ написанными (на нихъ) черными буквами тибетскими заклинаніями. Такія же, предохраняющія отъ злыхъ духовъ, знамена бываютъ разставлены тамъ и здѣсь по холмамъ, разбросаннымъ около могилъ ламъ».

Въ другой замѣткѣ также о Тибетѣ передается, что «почти всегда можно видѣть (въ Тибетѣ) веревки, протянутыя отъ одной стойки палатки до другой, на которыхъ развѣваются по вѣтру гирлянды изъ мелкихъ лоскутковъ ситца, называемыхъ «лунгъ-та» или «вѣтряными лошадьми». На нихъ нарисованы изображенія боговъ, молитвы, заклинанія или мистическія изреченія». О народѣ Бутеасахъ въ Индіи путешественники разсказываютъ, что надъ ихъ жилищами развѣваются бѣлые молитвенные флаги. Въ заключеніе не мѣшаетъ упомянуть, что у нашихъ малороссовъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, къ крестамъ прибиваютъ на небольшихъ палочкахъ хусточки, т. е. холщевые платки, а въ Сѣдлецкой губ. у тамошнихъ малороссовъ есть обыкновеніе вѣшать на могильныхъ памятникахъ (крестахъ) своихъ родственниковъ кусочки полотна съ разными вышивками въ видѣ маленькихъ фартучковъ съ вышивками. Фартучки эти ежегодно замѣняются новыми. (Запис. мною).

БН. Мартъ 1896, с. 25; П. 1890, с. 520; Г. 1889, кн. II, с. 226; Ibid., 1891 № 4, с. 25; В. II, с. 307; АС. II, с. 194; А. VII, с. 55; БЖ., ч. I, с. 170; Бі., с. 219 и 205; БО. Приложеніе къ тому XIV, №№ 1—2, 1883, с. 12; БП., с. 134. З. III, с. 813; Ъ. 1890, в. I, с. 62; Ibid., 1893, в. III, с. 432; А. IV, с. 710; БГ. XII, в. I и II, с. 278; І., с. 116; Бі. IV, с. 147.

[23]) У великороссовъ Тобольской губ. люди, встрѣчающіе похоронную процессію, крестятся и говорятъ: «прости, да благослови». У гуцуловъ по погребеніи хозяинъ приглашаетъ всѣхъ гостей къ себѣ на обѣдъ: «за прôсти Бôгъ», «за Бôгъ да прости».

Ъ. 1898, в. II, с. 153; Щ. IV, с. 542.

[24]) Въ великорусскомъ словарѣ В. И. Даля сказано: «кòливо», «кòлево»—поминальная кутья, каша изъ пшеницы съ изюмомъ. У малороссовъ «якъ вернуться зъ гробовища, то прямо идутъ у ту хату, де бувъ мертвий. Тамъ уже на столі стоіть приготовленне «кòливо»—кутя, прилитая ситою. Попередъ піпъ, а тоді і всі, хто на похоронахъ, пробуютъ тиэі кути, колива, по три ложки, за душу покойного и тоді вже

Digitized by Google

сідаютъ обѣдать». У бѣлоруссовъ на похоронномъ обѣдѣ тоже прежде всего ѣдятъ кутью. У турецкихъ сербовъ кутья также называется «коливо».

А. IV, с. 710; П. 1890, с. 514, 527, 555 и 561; БС., с. 5; ВЕ., с. 34.

[25]) У малороссовъ обыкновенно къ покойнику приглашаются на ночь женщины не моложе сорока лѣтъ, но въ Переяславскомъ уѣздѣ допускаются сидѣть такія женщины, которымъ никакъ не меньше 60 лѣтъ, въ крайнемъ только случаѣ допускаются 50-ти-лѣтнія. Въ Подольской губ. въ домѣ, гдѣ есть покойникъ, приходятъ на ночь не только женщины, но и холостые мужчины. При этомъ мужчины заводятъ даже игры: «бьютъ лубка». Такое же бдѣніе по покойникѣ, сопровождаемое играми, практикуется у галицкихъ малороссовъ и у угроруссовъ. У бѣлоруссовъ Могилевской губ. собирается много народу бодрствовать при покойникѣ.

[26]) У малороссовъ Подольской губ. при пѣніи «вѣчная память» на поминкахъ домашніе поднимаютъ вверхъ «кутю» или «колачъ».

ВЕ., с. 38.

[26]) О важномъ значеніи полуденнаго времени въ вѣрованьяхъ малороссовъ и др. народовъ см. статью: Культурныя переживанія, Н. Сумцова. У малороссовъ во время обѣда соблюдается тишина, нельзя стучать ложками по столу и качать ногами. У великороссовъ Архангельской губ. «Полудница»—охранительница полей, засѣянныхъ хлѣбомъ, ею пугаютъ дѣтей. Старообрядцы-безпоповцы вѣруютъ въ «бѣса полуденна». Въ южной Сибири «Полудница»—старуха со всклокоченными волосами, одѣтая въ лохмотья, она живетъ въ банѣ или въ кустахъ крапивы и оберегаетъ огороды отъ дѣтей. У поляковъ — «Пшиполудница»—духъ отвратительной наружности, большого роста, одѣтый въ бѣломъ. Она жжетъ огонь въ полѣ, видно, что горитъ, но это только такъ кажется, въ сущности тамъ огня нѣтъ. Она ходитъ по полю между 12 и 1 часомъ съ 7-ю собаками и не даетъ жать въ полдень. Если встрѣтитъ ребятъ, то велитъ имъ искать у себя въ головѣ и что найдутъ, ѣсть, а если не съѣдятъ, то заберетъ съ собой или изобьетъ немилосердно. Другіе говорятъ, что этотъ духъ показывается какъ въ полдень, такъ и въ полночь и, если кого встрѣтитъ въ полѣ, то оторветъ голову. У чеховъ этотъ духъ называется «Poledníce». У этихъ послѣднихъ и у лужичанъ полудница—вооруженная дѣвушка, которая ходитъ по полямъ и лѣсамъ въ полдень въ бѣломъ или красномъ. У лужичанъ есть такіе же духи и мужского пола. Въ классической древности богъ Панъ спалъ въ полдень, утомленный охотой и пастухи не смѣли играть на свирѣли, чтобы его не разбудить. У древнихъ персовъ «дивы» (демоны) спятъ въ полдень. Въ Германіи водяныя дѣвы любятъ полдень. Въ Вестфаліи въ полдень не приступаютъ къ посѣву. У вотяковъ Инъ-Вожо—богъ полдня, онъ господствуетъ только въ полдень, не любитъ чернаго цвѣта, шуму и работы. Въ полдень нельзя рвать цвѣтовъ, травы и рыть землю, выносить изъ избы чугунъ и котелъ.

Е. XXVI, іюль, с. 39; И. X, с. 91; Ibid., XI, с. 5; АА., с. 113; БЖ., ч. 7, с. 37; БР., с. 90; Д., а можетъ быть и К., с. 30.

Digitized by Google

[27]) Тоже у малороссовъ, бѣлоруссовъ и великороссовъ.
А. IV, с. 708; П. 1890, с. 546; Ъ. 1898, в. II, с. 230.

[27а]) У бѣлоруссовъ, когда поставятъ гробъ на возъ, то на гробъ кладутъ надмогильный крестъ.
П., с. 558.

[28]) У малороссовъ Подольской губ. крестъ, несомый впереди похоронной процессіи, также перевязывается полотенцемъ.
И. XII, с. 228.

[29]) У малороссовъ Подольской губ. при выносѣ покойника изъ дома постилаютъ, такъ же какъ и у гагаузовъ, полотно. Обрядъ этотъ, надо полагать, основывается на широко распространенномъ вѣрованіи, которое особенно ясно формулируется у месховъ (грузинскаго племени), которые думаютъ, что грѣшники и праведники по смерти своей для достиженія царства небеснаго должны пройти черезъ мостъ изъ одного волоса, перекинутаго черезъ ущелье (расплавленной) смолы. Другіе, хотя ничег не знаютъ о мостѣ, который придется покойнику переходить, но вѣрят. въ существованіе рѣки, черезъ которую ему придется переправляться. Такое вѣрованье было, какъ извѣстно, у древнихъ грековъ. Великороссы Ярославской губ. думаютъ также, что на томъ свѣтѣ будутъ перевозить покойника черезъ невѣдомую рѣку и тогда ему нужно будетъ платить за перевозъ. У корелъ Олонецкой губ., какъ мы уже говорили ранѣе, въ отворенное окно опускаютъ конецъ полотенца и тѣмъ устраиваютъ путь для умершаго. Они же въ могилу бросаютъ монету и откупаютъ ему мѣсто. У малороссовъ, какъ только вынесутъ покойника изъ дома, то накрываютъ гробъ кускомъ полотна или «рушникомъ». У бѣлоруссовъ подстилаютъ холстъ подъ гробъ, когда его ставятъ въ экипажъ, а въ могилу кидаютъ деньги.
Г. 1891, № 3, с. 6; Ъ. 1893, в. III, с. 432; И. XII, с. 228; З. I, с. 577; П. 1890, с. 513, 531, 541, 564 и 569.

[29а]) У бѣлоруссовъ похоронная процессія останавливается передъ домами родственниковъ покойнаго и на перекресткахъ.
П. 1890, с. 578.

[30]) Кромѣ гагаузовъ, плачъ по покойникѣ на похоронахъ обязателенъ для мужчинъ еще у хевсуръ и у корейцевъ.
БЛ. 1884, XII, с. 147; Л., кн. XIV, в. I, с. 190.

[31]) У малороссовъ говорятъ: «нехай ёму перомъ земля лежить» или «легко ёму лежать, перомъ землю держать». У бѣлоруссовъ Витебской губ. желаютъ покойнику царства небеснаго и «пяромъ ему земля» или: чтобы «земелька была пухомъ».
А. IV, с. 710; П. 1890, с. 511 и 579; И. III, с. 133, № 14.

[31а]) У бѣлоруссовъ въ томъ же случаѣ кидаютъ въ могилу деньги.
П. 1890, с. 554 и 559.

[32]) Такой способъ погребенія сохранился еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи. Такъ, въ «Кіевской Старинѣ» мы находимъ замѣтку, что «въ с. Краснополья могилу роютъ чаще такъ, что на уровнѣ дна ея дѣлаютъ нишу, въ которую всовываютъ гробъ». У киргизовъ встарину «могила копалась въ глубину по поясъ умершаго человѣка, а затѣмъ со стороны

Digitized by Google

Каабы (съ юга) продолжали копать въ бокъ, причемъ въ высоту такъ, чтобы могъ сидѣть живой человѣкъ, не касаясь головой земли, а въ длину въ ростъ умершаго человѣка. У башкиръ въ южной стѣнкѣ могилы выкапываютъ нишу, въ которой мулла укладываетъ покойника. То же и у астраханскихъ ногайцевъ.

Г., кн. XVIII, с. 83; М. XII, в. I, с. 60; Ibid. XIV, в. 2, с. 183; Е. XXX, іюль, с. 323.

[33]) Въ Могилевской губ. и уѣздѣ, опустивши гробъ въ могилу считается необходимымъ печатать, т.-е. сдѣлать надъ могилой съ четырехъ сторонъ заступомъ крестики, «штобы помершій въ повночь и въ полдень ни выходывъ оттулитьки». По словамъ П. В. Шейна, печатаніе могилъ практикуется еще въ Чаусскомъ и Оршанскомъ уѣздахъ и, кромѣ того, крѣпко держится въ Полтавской и въ особенности въ Черниговской губ., несмотря на борьбу съ нимъ мѣстнаго духовенства и администраціи. Тотъ же авторъ приводитъ извлеченіе изъ «Руководства для сельскихъ пастырей» (№ 4, с. 94—102 и № 5, с. 138—147), гдѣ говорится, что, «по убѣжденію нашего простолюдина, печатаніе составляетъ сущность всего погребенія и непремѣнное условіе неприкосновенности могилы умершаго». О печатаніи могилы у малороссовъ есть упоминаніе и у Чубинскаго.

П. 1890, с. 554, 572 и 573; А. IV, с. 710.

[34]) У малороссовъ «всѣ присутствующіе (при похоронахъ) подходятъ къ могилѣ, берутъ рукой разрыхленную землю и бросаютъ на гробъ три раза». У бѣлоруссовъ Гомельскаго уѣзда бросаютъ въ могилу также по три горсти, но въ остальныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, повидимому, число это не соблюдается, но кинуть горсть земли считается обязательнымъ. У якутъ первую щепотку земли бросаетъ ближайшій родственникъ покойнаго, а затѣмъ по щепоткѣ бросаютъ и всѣ участвующіе въ похоронахъ.

А. IV, с. 710; П. 1890, с. 530, 545, 559, 569 и 578; М. XII, в. 5, с. 462.

[35]) У великороссовъ Вологодской губ. моются съ земли, принесенной съ могилы. У бѣлоруссовъ, по возвращеніи съ кладбища, для всѣхъ хоронившихъ обязательно вымыть руки. Тоже у евреевъ. У хевсуръ есть особые люди, называемые «нервеби», на обязанности которыхъ лежитъ обмываніе покойника, рытье могилы и проч. Послѣ похоронъ они должны шесть дней подрядъ купаться для очищенія себя. У вотяковъ Глазовскаго уѣзда Лудошурской волос., д. Качкашуръ всѣ участвующіе въ похоронахъ ходятъ въ баню, а одежду провѣтриваютъ, чтобы не заразить другихъ (Запис. мною). У черемисъ также моются въ банѣ и надѣваютъ чистое бѣлье. У мордвы переобуваются, а телѣгу оставляютъ въ теченіе 40 дней на улицѣ и моютъ водой, чтобы отъ нея отстала могильная земля.

Л., с. 115; П. 1890, с. 521, 554, 559, 569; Л., кн. XIV, в. I, с. 189; М. XI, в. I, с. 77; Ibid., в. 6, с. 544; БГ. XII, в. 1 и 2, с. 281.

[35а]) У мордвы «гробъ наскоро забрасываютъ землей и бѣгутъ опрометью по домамъ.

М. XI, в. 6, с. 543.

Digitized by Google

[36]) Обычай обставлять камнями вокругъ могильной насыпи есть и у курдовъ.

Л. IV, с. 55.

[37]) Обычай ставить на могилы вмѣсто крестовъ не бруски квадратнаго сѣченія, какъ у гагаузовъ, а доски, но съ такими же вырѣзками въ видѣ разной формы зарубокъ, мнѣ пришлось наблюдать въ одной изъ малороссійскихъ деревень, Рыпище, Острожскаго уѣзда, недалеко отъ с. Крупцы. Рисунки такихъ памятниковъ отправлены мною въ Городецкій музей Барона Штейнгеля (близъ г. Ровно Волынской губ.).

[37a]) У великороссовъ Вологодской губ. на могилы женщинъ ставятъ кресть съ дощечками (провелькой), а надъ мужчинами—простой крестъ.

I., с. 115.

[38]) У малороссовъ «когда выносятъ изъ дому умершую дѣвицу, то собираютъ дружекъ, старостъ, бояръ и сваху; всѣхъ ихъ бываетъ такое число, какъ на свадьбѣ. Тутъ же раздаютъ и тѣ подарки, какіе слѣдовало раздавать при шествіи къ вѣнцу. Въ иныхъ же мѣстахъ Малороссіи хлопецъ, перевязанный черезъ плечо хусткою, изображаетъ жениха.

А. IV, с. 708; Е. 1890, іюль, XXX, с. 319.

[39]) Обычай у мужчинъ, въ видѣ траура, не бриться существуетъ у турецкихъ сербовъ до 20—40-го дня послѣ смерти родственника, у грузинъ-магометанъ — въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, и у хевсуръ.

Что касается обычая не надѣвать шапки на голову тоже въ видѣ траура, то онъ соблюдается у гуцуловъ въ Галиціи и у малороссовъ Подольской губ.

БМ. XVII, № 428, с. 170; И. XII, с. 229; Л., кн. XVI, с. 287; Ibid., кн. XIV, в. I, с. 86; Щ. IV, с. 542.

[40]) У малороссовъ поминовеніе усопшаго бываетъ на 3-й день послѣ кончины и на 40-ой. У бѣлоруссовъ — въ 3-й, 6-ой, 9-ый, 40-ой, черезъ полгода и годъ.

А. IV, с. 710; П. 1890, с. 583.

[41]) Малороссы носятъ на кладбище на поминки: хлѣбъ, яйца и водку. Кромѣ того, берутъ съ собой бумажку съ ладаномъ. Бѣлоруссы зажигаютъ на могилахъ восковыя свѣчи, приносятъ кутью, хлѣба и разныхъ печеній, а вмѣсто вина—водку.

А. IV, с. 711, П. 1890, с. 615, 616, 623 и 627.

[42]) У малороссовъ на третій день дѣлаютъ обѣдъ, на которомъ бываютъ только «родичі покойного, да близкі сусіди-уличане». У бѣлоруссовъ поминки различаются частныя и общественныя. Первыя совершаются «въ кругу семьи или близкихъ родныхъ».

А. IV, с. 710; П. 1890, с 582.

[42a]) У малороссовъ Подольской губ. на поминкахъ, также какъ у гагаузовъ, ставится длинный столъ, на него кладутъ колачи или книши съ зажженными свѣчами.

ВЕ., с. 38.

[43]) Гагаузское «Хобуръ» или «Обур»—только измѣненное «упырь» или «вампиръ». Всего ближе къ нему, какъ кажется, звучитъ чуваш-

Digitized by Google

ское — «вобур», а затѣмъ нѣсколько дальше «убыр» кавказскихъ татаръ, русское «упырь», у вотяковъ «убир» или «увир», у галицкихъ малороссовъ «опырь», у поляковъ «upiór», у хорватъ, словенцевъ и болгаръ — «вампир», у болгаръ кромѣ того — «вапир», «вепир», «вупир», у сербовъ — «вампиръ», «лампир», «лапир,» «апир», и «апирина».

Объ этомъ миѳическомъ существѣ много написалъ и собралъ источниковъ профессоръ Н. Ф. Сумцовъ. Кромѣ того, о томъ же писалъ Фр. С. Крауссъ въ польскомъ журналѣ — «Wisła» (т. IV, в. 3). А потому я не буду здѣсь останавливаться на вѣрѣ въ упырей или мертвецовъ, выходящихъ изъ могилы и вредящихъ живымъ людямъ, скажу только со словъ проф. Сумцова, что это вѣрованіе международное, что, кромѣ всѣхъ племенъ русскаго народа, оно есть: у поляковъ, словенцевъ, хорватъ, сербовъ, болгаръ, англичанъ, шотландцевъ, нѣмцевъ, грековъ, литовцевъ, вотяковъ, татаръ, чувашей, мордвы и др.

АА., с. 271 и 273; АВ. I, с. 357; АБ., с. II; Ъ. 1897, в. I, с. 107; М. XI, в. 6., с. 543 и 553; В. I, с. 113; Д, с. 86; БГ. VII, в. I, с. 105, 111 и 113; К., с. 83.

[44]) Вѣрованье гагаузовъ въ возможность для покойника выходить на свѣтъ Божій черезъ отверстіе въ могилѣ основывается, какъ намъ кажется, на существованіи обычая, имѣющагося у нѣкоторыхъ народовъ нарочно оставлять отверстіе въ могилѣ или въ гробѣ, для того, чтобы дать возможность покойнику выходить изъ могилы. Такъ, ирокезы въ Сѣв. Америкѣ оставляютъ маленькое отверстіе въ могилѣ, чтобы душа могла проникнуть черезъ него къ покойнику. Тоже и на о--вѣ Фразеръ въ Квинсленде. Тамъ «кладутъ сверху на тѣло кусокъ коры, чтобы оставить мѣсто для движенія духа и чтобы онъ могъ выйти наверхъ. А въ другихъ случаяхъ та же причина заставляетъ пробуравливать дырки въ гробахъ. Такъ, у мордвы старуха просѣкаетъ въ гробу три окошечка: черезъ одно — смотрѣть, а черезъ другое — выходить въ гости.

М. XI, в. 6, с. 538, БТ., с. 27.

[45]) Вѣрованье, что подозрѣваемаго во вредѣ живымъ людямъ покойника можно обезоружить, вбивши ему въ тѣло осиновый колъ, чрезвычайно широко распространено.

Кромѣ русскаго народа, оно есть у поляковъ, мордвы и вотяковъ. У послѣднихъ, вмѣсто кола, употребляется раскаленный до красна сошникъ. (Послѣднее записано мною отъ вотяка Глазовскаго уѣзда).

М. XI, в. 6, с. 543; БЦ., с. 100.

[46]) Относительно вопроса о гніеніи человѣческаго тѣла взгляды различныхъ народовъ расходятся между собою. Такъ, болгары вѣрятъ, что, если тѣло покойника совершенно истлѣетъ, то онъ человѣкъ праведный. Вотяки думаютъ, что неотпѣтый покойникъ не гніетъ и блуждаетъ по землѣ, не находя себѣ покою.

Наоборотъ, русскій народъ склоненъ къ противоположному мнѣнію. Въ д. Малая Дубровица я записалъ отъ малороссовъ-крестьянъ, что если тѣло человѣка въ гробу долго не гніетъ, то онъ праведный, а тѣло грѣшника гніетъ очень скоро.

Digitized by Google

То же самое вѣрованіе записано у полѣшуковъ Пинскаго уѣзда. У малороссовъ Купянскаго уѣзда чѣмъ грѣшнѣе человѣкъ, тѣмъ скорѣе разложится его тѣло. На этомъ же вѣрованіи, какъ извѣстно, основана вѣра въ существованіе мощей, принятая у православныхъ и у католиковъ.

АЩ., с. 191; Г. 1894, № 2, с. 70; АД., кн. VII, с. 152; К., с. 83.

XII.

Талысымъ.

Гагаузы принадлежатъ къ числу тѣхъ народовъ, которые, кромѣ души и тѣла, признаютъ у человѣка еще третью духовную субстанцію, что-то въ родѣ тѣни, и называютъ ее—„талысымъ“. Вѣрованье это у нихъ очень неясно, такъ что, если начать разспрашивать о немъ, то нельзя добиться какого-либо толку, а потому приходится строить догадки по тѣмъ разсказамъ, въ которыхъ фигурируетъ „талысымъ“.

По мнѣнію гагаузовъ, только простую деревенскую глиняную мазанку можно построить безъ человѣческой жертвы, но если строить что-нибудь болѣе крупное и сложное, какъ напримѣръ: церковь, мостъ или городской каменный домъ, то безъ такой жертвы обойтись положительно невозможно. Жертва же эта нужна для того, чтобы „талысымъ“ убитаго человѣка денно и нощно охранялъ постройку, для которой понадобилась его жизнь, а въ противномъ случаѣ она рухнетъ, какъ карточный домикъ. Поэтому гагаузы, пріѣхавшіе на военную службу въ Варшаву, глядя на ея многочисленныя каменныя постройки, удивлялись больше всего тому, какую массу людей пришлось погубить, чтобы построить такой громадный городъ [1]).

Вѣрованье это сохранилось отъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда ни одной крупной постройки не начинали безъ человѣческой жертвы, но, сохранивъ свою первобытную живость, оно не могло дойти до нашего времени безъ всякихъ измѣненій. И, дѣйствительно, гагаузы думаютъ, что нѣтъ надобности приносить жертву такъ, какъ это дѣлали ихъ отдаленные предки, т.-е. замуровывать человѣка въ стѣну или зарывать подъ фундаментъ; достаточно произвести надъ нимъ нѣсколько таинственныхъ операцій, и человѣкъ самъ

Digitized by Google

умретъ, а его „талысымъ“ сдѣлается сторожемъ будущей постройки. Очевидно, что предки гагаузовъ были глубоко убѣждены, что безъ человѣческой жертвы зданіе стоять не будетъ, а когда убѣдились воочію, что оно стоитъ и безъ человѣческой жертвы, если его строить по отвѣсу, то объяснили этотъ фактъ магической силой, заключающейся въ отвѣсѣ, и стали его бояться. Современные гагаузы думаютъ, что достаточно подержать отвѣсъ за спиной человѣка, такъ, чтобы онъ этого не замѣтилъ, и человѣкъ вскорѣ умретъ, а его „талысымъ“ будетъ охранять постройку отъ паденія. Идя еще далѣе въ томъ же направленіи, они утверждаютъ, что можно обойтись даже и безъ отвѣса, чтобы достигнуть тѣхъ же самыхъ результатовъ, а именно, смѣрить ростъ человѣка простымъ шнуркомъ или камышинкой, зарыть эту мѣрку подъ фундаментъ, и тогда, по однимъ черезъ 3, а по другимъ черезъ 40 дней, человѣкъ помретъ. Но необходимо, чтобы мѣрка была зарыта не мельче, какъ на три сажени. Поэтому гагаузы страшно боятся, когда мѣрятъ ихъ ростъ или подходятъ къ нимъ съ отвѣсомъ въ рукахъ [2]).

Что касается „талысым'а“, охраняющаго зданіе, то онъ иногда показывается людямъ, но только не всѣмъ. Такъ, напримѣръ, очень храбрымъ людямъ не показывается, потому что храбрый человѣкъ можетъ чѣмъ-нибудь ударить. А если кто ударитъ „талысыма“, тому не сдобровать. Очень трусливымъ онъ также не показывается, потому что у трусливаго человѣка при видѣ „талысыма“ отъ страха лопнетъ желчный пузырекъ („шиширекъ“), желчь разольется и черезъ три дня онъ помретъ. Показывается „талысымъ“ только среднимъ людямъ, не очень храбрымъ и не совсѣмъ трусливымъ.

Въ связи съ этимъ вѣрованьемъ стоитъ, вѣроятно, и другое весьма распространенное между нецивилизованными людьми вѣрованье, что на мостахъ и въ старыхъ домахъ показываются привидѣнія. Такое вѣрованье я записалъ въ с. Бешалма. Тамъ на мосту показываются солдатъ и баранъ.

Что касается „талысыма“, то кромѣ вѣрованія, соединеннаго съ постройками, по которому этотъ духъ представляется чѣмъ-то въ родѣ тѣни, мнѣ удалось записать одну сказку, изъ которой видно, что талысымъ человѣка можетъ принимать видъ какого-нибудь животнаго или даже неодушевленнаго предмета. Въ сказкѣ

Digitized by Google

передается, что дѣвушка попала противъ своей воли къ великану, отъ котораго хочетъ освободиться. По совѣту своего покровителя, она пытается вывѣдать отъ великана, какой у него „талысым“. Великанъ изъ предосторожности скрываетъ свой „талысым“ и называетъ имъ сначала столбъ, потомъ метлу. Дѣвушка, по совѣту того же мудраго покровителя, украшаетъ эти предметы лентами и танцуетъ вокругъ нихъ, желая тѣмъ показать великану свою любовь. Растроганный великанъ открываетъ ей наконецъ свой настоящій „талысым“. Въ такомъ-то лѣсу, есть, говоритъ, озеро, на томъ озерѣ плаваютъ три утки и селезень. У селезня въ желудкѣ есть трехфунтовый камень, а внутри камня сидятъ три мухи. Эти три мухи и есть мой „талысым“.

Покровитель дѣвушки отправляется, по указанію великана, и убиваетъ селезня, достаетъ изъ него трехъ мухъ. Когда онъ отрываетъ голову одной изъ нихъ, великанъ заболѣваетъ немного, когда онъ дѣлаетъ тоже со второй мухой, болѣзнь великана усиливается, а когда онъ отрываетъ голову третьей мухѣ, великанъ умеръ, и дѣвушка отъ него освобождается.

Клады, которые гагаузы приписываютъ, также какъ и насыпку кургановъ, татарамъ, прежде нихъ жившимъ въ Бессарабіи (ногайцамъ), то же охраняются „талысымомъ“ [3]). Мѣсто клада можно узнать по тому, что тамъ играютъ деньги („пара ойнэр“) въ видѣ блуждающихъ огней. Если кто-нибудь увидитъ такой огонь въ степи, то нужно прежде всего узнать, есть ли въ томъ мѣстѣ кладъ, потому что блуждающіе огни могутъ происходить и отъ другихъ причинъ, а именно, ихъ могутъ производить желѣзо, желѣзная окалина („демир боку“) и кости. Затѣмъ надо узнать, кто у клада „талысым“. Для этого нужно взять горсть земли и бросить ее въ блуждающій огонь, держа руку наизнанку, тогда на мѣстѣ огня, если тамъ есть кладъ, на слѣдующее утро появится слѣдъ человѣка или животнаго. Но шейтанъ старается всегда заступить песокъ своей ногой, чтобы человѣкъ не увидѣлъ слѣда „талысыма“. Въ такомъ случаѣ ищущій кладъ увидитъ слѣдъ шейтановой ноги, она такая же, какъ и человѣческая, но когти какъ у кошки. Если шейтанъ почему-либо слѣда не заступитъ и человѣкъ увидитъ слѣдъ ноги человѣческой или ноги животнаго, тогда, чтобы достать кладъ, нужно принести въ жертву кого-либо изъ своихъ родныхъ, напримѣръ, сына или жену или же то животное, слѣдъ котораго

Digitized by Google

былъ виденъ. Для этого достаточно только пообѣщать дьяволу жертву, и она сама черезъ три дня умретъ [1]).

Мнѣ разсказывали, что одинъ человѣкъ изъ с. Дизгинджя встрѣтилъ разъ въ степи блуждающій огонь, засыпалъ его землей, увидѣлъ на томъ мѣстѣ слѣдъ человѣческой ноги и пообѣщалъ сына. Когда онъ вернулся домой, то видитъ, что сынъ его плачетъ, „оретъ какъ скотина“. А реветъ онъ отъ того, что чортъ его шиломъ колетъ. На разспросы отца сынъ ничего не отвѣчалъ, а черезъ три дня померъ. Когда жертва принесена, тогда уже очень легко найти деньги: стоитъ немножко порыть, и онѣ найдутся.

ПРИМѢЧАНІЯ*).

[1]) Въ журналѣ Wisła (т. IV в. 3) въ статьѣ: «Powrót umarlych na swiat» Fr. S. Krauss приводитъ очень интересныя данныя о «талысымѣ». Онъ говоритъ слѣдующее: «совершенно особеннымъ является вѣрованіе магометанъ въ обращеніе умершихъ ихъ единовѣрцевъ въ свиней, которыя распространяютъ смерть и разрушеніе особенно между домашними. Вѣра эта существуетъ между сербами и болгарами всѣхъ трехъ вѣроисповѣданій и особенно между помаками, магометанами въ Родопскихъ горахъ. Покойника, возвращающагося на свѣтъ, называютъ «talasum» или «tilisum» (отъ арабскаго tilisin, tilsem множ. чис. talisum — чародѣйство), а обращеніе въ свинью «посвиньити се». Если магометанинъ занимается ростовщичествомъ, лжетъ и обманываетъ, что, впрочемъ, случается чрезвычайно рѣдко, то его единовѣрцы говорятъ, что по смерти онъ обратится въ свинью, чтобы понести наказаніе за свои безчестные поступки. Въ Родопскихъ горахъ случается, что цѣлыя семейства на долгое время уходятъ въ другія деревни, чтобы избавиться отъ бродящаго талысыма. Такіе духи навѣщаютъ всѣ мѣста, гдѣ только они жили, и приносятъ много бѣдъ.

По болгарско-русскому словарю Дювернуа «таласъмъ» или «таласкмъ» значитъ привидѣніе. Судя по тому толкованію, которое авторъ даетъ этому слову, видно, что представленія о талысымѣ у болгаръ и у гагаузовъ весьма близки. По мнѣнію болгаръ, когда плотники начинаютъ строить новое зданіе, то мѣрятъ тѣнь какого-нибудь человѣка или животнаго. Существо, у котораго такимъ образомъ смѣрена тѣнь, черезъ 40 дней умираетъ и становится талысымомъ, который каждую ночь ходитъ по дому до первыхъ пѣтуховъ, а когда эти послѣдніе пропоютъ, исчезаетъ. Онъ показывается людямъ или въ видѣ человѣческой тѣни въ бѣлой одеждѣ, или въ видѣ курицы съ цыплятами, пѣтуха, кошки и т. под.

*) Объясненія знаковъ см. въ концѣ статьи.

Digitized by Google

[2]) У малороссовъ, когда строятъ хату, то обыкновенно просятъ плотниковъ и, упрашивая, поятъ ихъ, чтобы не закладывали хату на голову хозяина или кого-либо изъ его семейства. А когда ямы выкопаны и нужно ставить столбы, то смотрятъ около себя: если пробѣжала собака, то говорятъ: «ото на собачу голову», если воробей или ворона пролетитъ, то говорятъ: «ото на воронячу или горобыну голову». Когда завязываютъ крышу, то также считаютъ необходимымъ задумать на чью-нибудь голову.

И. III 130; Ibid. IV с. 69. № 6.

[3]) Русскій народъ думаетъ, что клады охраняетъ нечистая сила.

И. III с. 97. № 13.

[4]) Весьма сходное съ этимъ вѣрованье существуетъ и у вотяковъ. «Вотяки вообще того мнѣнія, что кладъ можетъ появиться въ видѣ живого существа: человѣка, медвѣдя, гуся и т. под. Если дотронуться до него, то онъ тотчасъ же превращается въ деньги, которыя можно взять, если принести въ жертву такое существо, въ видѣ котораго кладъ появился. Одному богатому вотяку кладъ появился въ видѣ человѣка. Онъ долженъ былъ принести въ жертву собственнаго сына. Отецъ пустилъ изъ мизинца своего сына немного крови, которую и принесъ въ жертву. Но мальчикъ вскорѣ послѣ того занемогъ и умеръ.» У казанскихъ татаръ думаютъ, что стерегутъ клады «Дивъ-пäри». Когда онѣ явятся человѣку, то нужно на то мѣсто, гдѣ было видѣніе, насыпать золы и посмотрѣть, какой на немъ слѣдъ, кошки, собаки или человѣка — такое животное и нужно зарѣзать.

М. XI в. 3 с. 292; Ж. VI с. 269.

XIII.

Народный календарь.

Въ с. Бешалма мнѣ случилось видѣть у одного пожилого крестьянина, Тодура Кара, гагаузскій народный календарь, вырѣзанный на палкѣ въ видѣ крестиковъ и зарубокъ. Хозяинъ этой палки называлъ ее „йортулук“ (т.-е. въ буквальномъ переводѣ — праздничникъ) и разсказывалъ, что палка эта досталась ему въ наслѣдство отъ отца и дѣда, что она сохраняется въ ихъ роду уже три поколѣнія. Тодуръ съ удовольствіемъ объяснилъ значеніе всѣхъ зарубокъ на своемъ первобытномъ календарѣ и предложилъ даже сдѣлать его точную копію, но самый оригиналъ не соглашался уступить ни за что на свѣтѣ, потому что чтилъ въ немъ фамильную святыню. Точная копія, о которой я говорю, дѣйствительно была имъ приготовлена и послѣ свѣрки съ ориги-

Digitized by Google

наломъ отправлена въ музей Императорской Академіи Наукъ. Палка была четыреугольнаго сѣченія и такой длины, чтобы можно было на нее опираться при ходьбѣ. На одной сторонѣ были вырѣзаны дни перваго полугодія, отъ января до іюня включительно, а на другой, противоположной—дни второго полугодія. Всѣ будничные дни были обозначены въ видѣ прямой поперечной зарубки, малые праздники отличались такой же зарубкой, но расширенной на одномъ концѣ, а большіе—зарубкой въ видѣ креста. Что касается переходныхъ праздниковъ, то ихъ въ календарѣ вовсе не было.

Такъ какъ при составленіи настоящей главы я руководствовался между прочимъ указаніями календаря-палки, то буду отмѣчать раздвинутыми буквами всѣ дни, необозначенные въ этомъ послѣднемъ, а обозначенные у него большими праздниками—курсивными буквами. Переходные праздники, чтобы не нарушать связи ихъ съ праздниками постоянными, я буду помѣщать подъ тѣми мѣсяцами, въ которые они пришлись въ годъ моего пребыванія въ Бессарабіи 1895.

Относительно названій мѣсяцевъ нужно замѣтить, что гагаузы иныхъ не знаютъ, кромѣ русскихъ, и произносятъ ихъ совершенно чисто, безъ всякихъ искаженій. Можетъ быть эти названія заимствованы ими отъ русскихъ, а можетъ быть еще и ранѣе отъ болгаръ.

Январь.

Новый годъ (йени йыл). Наканунѣ Новаго года ребята подростки отъ 7 лѣтъ и больше ходятъ попарно или вчетверомъ по всѣмъ домамъ своего села, а взрослые парни партіей, въ количествѣ до 7—8 человѣкъ, только по тѣмъ домамъ, гдѣ у нихъ есть возлюбленныя. Подойдя къ окну дома, колядовщики звонятъ въ колокольчикъ [1]) и читаютъ по-молдавански заученныя наизусть, но непонятныя для нихъ слова: „буна време, буна време, ласара луй Свынту Васыля мылцанъ кубини сускулат бади ынтрыжой куплугу доис пречи бой арават дяла гаралимо луй валя Русалимо луй Хей, шымынац мей...“ и т. д. Мы привели здѣсь только одинъ куплетъ стиховъ. Каждый изъ нихъ оканчивается словами: „Хей, шымынац мей“, которыя читающимъ выкрикиваются громче другихъ.

Digitized by Google

Въ отвѣтъ на эти слова всѣ остальные парни, сопровождающіе чтеца, кричатъ хоромъ: „Хей, хей“. Тоже самое повторяется при каждомъ куплетѣ. Въ заключеніе кричатъ: „дай баба колак (по-молдавански калачъ) шы пятакъ“.

Хозяева выходятъ изъ дому и даютъ на партію колядовщиковъ калачъ въ видѣ буквы В, а иные, кромѣ того, денегъ. Собранныя такимъ образомъ деньги и хлѣбы дѣлятъ между собой. Хожденіе по селу продолжается такимъ же образомъ до полуночи.

Интересно замѣтить по поводу новогоднихъ поздравленій, что у гагаузовъ вообще дорого цѣнятся монеты въ одну копѣйку, такъ что ихъ всегда бываетъ очень трудно достать въ селѣ. Большинство хозяевъ собираютъ эти монеты, гдѣ только придется, а нѣкоторые изъ лавочниковъ въ с. Камратъ устраиваютъ себѣ даже изъ этого аферу. Собирая въ теченіе года одно-копѣечныя монеты, они передъ Новымъ годомъ за размѣнъ на эти монеты каждаго рубля берутъ 25 коп., получая такимъ образомъ за свои труды 25% чистой прибыли. Дѣло въ томъ, что на Новый годъ ходитъ съ вышеописанными поздравленіями множество мальчиковъ со всего села. Къ каждому хозяину ихъ придетъ по крайней мѣрѣ сотня, а то и больше. Обычай требуетъ дать каждому мальчику непремѣнно по мелкой монетѣ. Если давать по одной копѣйкѣ, то можно израсходовать 1 р. съ небольшимъ, а если по 3 по 5 коп., то расходъ можетъ дойти до трехъ и до 5-ти руб.

Въ канунъ Новаго года считается хорошимъ предзнаменованіемъ, если кто-нибудь въ домѣ чихнетъ, а потому отецъ, дѣдъ или вообще старшій въ домѣ дарить чихнувшему ягненка или теленка [2]).

Въ самый день Новаго года съ ранняго утра ребята подростки ходятъ по улицамъ села и по домамъ съ вѣтками вербы, бьютъ ими одинъ другого и приговариваютъ по-болгарски, тоже не понимая значенія этихъ словъ:

«Сурава, сурава гудина
Пак гудина» [3]).

А взрослые парни въ этотъ день обходятъ своихъ родственниковъ съ графиномъ водки и угощаютъ въ видѣ поздравленія.

Въ этотъ же день принято гадать о томъ, каковъ будетъ наступающій годъ. Вотъ нѣкоторыя изъ такихъ гаданій:

Digitized by Google

1) Наливаютъ воду въ чашку и наблюдаютъ, убавится-ли она въ теченіе дня отъ испаренія. Если убавится, то годъ будетъ сухой, если нѣтъ, то—мокрый.

2) Наканунѣ Новаго года берутъ нѣсколько луковицъ, разрѣзаютъ ихъ на 12 кусковъ, по числу мѣсяцевъ въ году и, насыпавши во внутрь соли, кладутъ на полку. Въ самый день Новаго года луковицы осматриваются и наблюдается, въ которой изъ нихъ соль растаяла. Каждая луковица соотвѣтствуетъ одному изъ мѣсяцевъ, и та изъ нихъ, въ которой соль растаяла, предвѣщаетъ, что мѣсяцъ, ей соотвѣтствующій, будетъ мокрый [4]).

Въ Новый же годъ существуетъ обычай „подметанія хлѣва“ („дам кюрюмяк“). Состоитъ онъ въ томъ, что нѣсколько парней, условившись заранѣе, собираются вечеромъ, часовъ въ 11, къ одному изъ хорошихъ хозяевъ, къ знакомому имъ всѣмъ, или къ такому, у котораго въ домѣ есть парочка („яфкулу“) одного изъ участниковъ.

Секретно отъ хозяина парни очищаютъ его хлѣвъ отъ навоза и насыпаютъ чистой соломы. Если это удастся сдѣлать секретно, то хозяинъ долженъ пригласить ихъ всѣхъ дня черезъ три или черезъ недѣлю къ себѣ на угощеніе, которое называется съ молдаванскаго „лóнжа“. Если бы хозяинъ пренебрегъ этимъ обычаемъ, то тѣ же парни отмстятъ ему на слѣдующій Новый годъ тѣмъ, что не только не очистятъ его хлѣвъ, но нарочно привезутъ и свалятъ туда возовъ 5—6 навозу.

Если хозяинъ замѣтитъ, что въ его сарай собрались парни, и запретъ ихъ тамъ или отберетъ у нихъ шапки, то онъ уже не долженъ давать „лóнжи“, а самъ получаетъ ее отъ пойманныхъ.

Объ обычаѣ для женившихся въ прошломъ году обносить всѣмъ своимъ родственникамъ „колачъ“ съ вареной курицей нами было сообщено раньше.

На второй день Новаго года тѣхъ, которые оженились въ истекшемъ году, обливаютъ водой, а они должны поставить угощеніе тѣмъ, кто первый ихъ облилъ [4a]).

6 Января *Крещеніе (ай Йордан)*. На крещеніе всѣ иконы въ домѣ моютъ водой. Когда ударитъ первый колоколъ къ обѣднѣ, молодые парни садятся на лошадей и катаются по селу и за селомъ, щеголяя передъ дѣвушками своей удалью и быстротою коней [5]).

Digitized by Google

Самое водосвятіе въ с. Бешалма производится въ колодцѣ на дворѣ одного изъ крестьянъ, пользующихся въ селѣ наибольшимъ почетомъ. Освященную воду наливаютъ въ бутылки и приносятъ домой [6]). Послѣ освященія водой этой поятъ лошадей, при чемъ стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ [7]).

На Крещеніе наблюдается слѣдующая примѣта: если крестъ, погруженный въ прорубь при освященіи воды, покроется льдомъ, то въ наступающемъ году будетъ урожай на хлѣбъ и плоды, а въ противномъ случаѣ урожая не будетъ [7a]).

Кромѣ Новаго года и Крещенія, на „Календарѣ-палкѣ“ были отмѣчены въ Январѣ мѣсяцѣ малыми праздниками: 7 Января—Соборъ Іоанна Крестителя (Свети Юван), 11-го Св. Феодосіи, 16-го—Св. Петра, 17-го—Св. Антонія, 19-го—Св. Антонія, 24-го—Св. Ксеніи, 26-го—Св. Маріи и большимъ праздникомъ—30—*Трехъ Святителей*.

Февраль.

(Кючюк ай—Малый мѣсяцъ).

1 Февраля—Св. Трифун.

2 Февраля—*Срѣтеніе*.

3 Февраля—Симеона Богопріимца („Св. Симон“). Въ этотъ день нельзя брать въ руки ничего остраго. Если ледяныя сосульки подъ стрѣхой хоть немного отстаютъ, то говорятъ, что лѣто будетъ теплое.

4 Февраля—Св. Харлампій („Св. Араламбу“).

24 Февраля—„Св. Юван“.

Масляница („Пїнир афтасы“—Сырная недѣля). Во время масляницы катаются въ саняхъ или въ телѣгахъ, смотря по состоянію погоды. Говорятъ, что свѣтопреставленіе будетъ непремѣнно на мясляницѣ, потому что въ это время всѣ бываютъ пьяны. А свѣтопреставленіе должно случиться именно тогда, когда человѣкъ будетъ менѣе всего къ нему приготовленъ и менѣе всего ожидаетъ [7б]).

Для каждаго дня масляницы есть своя шуточная характеристика, сложенная въ рифму:

Воскресенье: „Пазар—попазлар язы язар“—Воскресенье—попы буквы пишутъ.

Digitized by Google

Понедѣльникъ: „Пазы-ертеси — шінир афтасы“ — Понедѣльникъ—сырная недѣля.

Вторникъ: „Салы салланыр гидяр“—Вторникъ идетъ, качается.

Среда: „Чаршамбя—чаршав докур“—Среда занавѣску ткетъ (?).

Четвергъ: „Першембя пешкир докур“—Четвергъ полотенце ткетъ.

Пятница: „Джюма—хайгыр чума“—Пятница—лошадиная чума или: „Джюма—кызлары онур“—Пятница—дѣвокъ зовутъ.

Суббота: „Джюма-ертеси—безьлери докур“—Суббота холсты ткетъ.

Воскресенье: „Пазар гюню—вар дююню“—Воскресный день—есть свадьба.

Въ масляничную недѣлю бѣлья не стираютъ, чтобы не одолѣвали блохи, и не мѣсятъ тѣста, чтобы хлѣбъ не портился въ квашнѣ.

Въ теченіе мясяной недѣли, какъ было уже описано раньше *), обязательно ходятъ въ гости ко всѣмъ своимъ старшимъ родственникамъ, соблюдая очередь старшинства. Такъ, напримѣръ, въ понедѣльникъ ходятъ къ старшему брату, во вторникъ—ко второму и т. д. А въ послѣднее Воскресенье, тоже какъ было уже описано **), собираются цѣлыми семействами въ домъ къ старшему въ родѣ, чтобы испросить другъ у друга прощеніе передъ наступающимъ Великимъ постомъ [8]). Здѣсь послѣ ужина начинается игра „Хамам“, пріуроченная исключительно къ этому дню. Подвѣшивается къ потолку на длинной веревочкѣ облупленное яйцо. Подъ этимъ мѣстомъ ставится столъ, вокругъ котораго садятся мальчики и дѣвочки до 10 лѣтъ съ завязанными руками. Одинъ изъ старшихъ, который устраиваетъ игру, раскачиваетъ веревочку съ яйцомъ и старается попасть въ ротъ каждаго изъ ребятъ по три раза. Задача состоитъ въ томъ, чтобы поймать яйцо ртомъ и откусить отъ него. За каждый такой удачный пріемъ даютъ ребенку по пятачку. На этомъ игра и кончается [9]). А затѣмъ наливаютъ полную чашку водой и тѣ же ребята должны достать изъ нея ртомъ мелкія монеты. То же самое повторяется кромѣ чистой воды еще съ такой, въ которую насыпаны, для образованія мути, отруби.

---

*) См. „Этн. Обозр.“, 49 кн., 12 стр.

**) Тамъ же.

Digitized by Google

Въ заключеніе этого вечера, кто умѣетъ, играетъ на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ, а остальные танцуютъ.

Къ этому же дню пріурочено слѣдующее гаданіе: Пекутъ блинникъ („дёшемя“) и запекаютъ въ него бумажки съ надписями: корова, лошадь, овца, свинья, гусь, курица, индѣйка и пр. Если грамотныхъ въ домѣ не имѣется, то бумажки съ надписями замѣняютъ палочками съ извѣстнымъ числомъ зарубокъ, подъ которыми условленно понимать то или другое изъ домашнихъ животныхъ. Когда блинникъ спеченъ, его подаютъ на столъ и рѣжутъ по числу присутствующихъ. Кто найдетъ въ своей порціи палочку или бумажку, означающую корову, будетъ счастливъ въ текущемъ году на коровъ, кто лошадь—на лошадей и т. д. [10]).

Въ послѣднее воскресенье на масляницѣ послѣ полудня, также какъ и у болгаръ, разводятъ на улицахъ костры изъ соломы. Малые парни прыгаютъ черезъ огонь на своихъ ногахъ, а взрослые—на лошадяхъ, для того чтобы шейтаны уходили дальше и чтобы блохи не кусали. Обычай этотъ называется „Уллю брати“, потому что сопровождается криками „Уллю брати“, значенія которыхъ гагаузы и сами не понимаютъ [11]).

На масляницѣ совсѣмъ не ѣдятъ мяса, а оставшееся отъ мясоѣда даютъ съѣсть малымъ дѣтямъ для того, чтобы родились пестрые ягнята.

Великій постъ („Бююк хоруджъ“). Въ Чистый понедѣльникъ дѣвки и бабы начинаютъ „тримирить“ („тримур тутаёрлар“—тримуръ дѣлаютъ), т. е. три дня ничего не ѣдятъ и не пьютъ [12]). На третій день пекутъ „колачи“ и варятъ „кôлеву“ (кутью), свеклу и сливы. Съ этой стряпней державшія „тримур“ идутъ въ церковь, служатъ молебенъ и по окончаніи богослуженія угощаютъ другъ друга (мѣняются своими кушаньями), но въ церкви ихъ не ѣдятъ. Когда придутъ домой, то прежде всего ѣдятъ вареные бураки, но къ хлѣбу приступаютъ не ранѣе, какъ черезъ часъ послѣ этого, и съѣдаютъ его на первый разъ не болѣе четверти фунта, потому что иначе можно умереть. Такой же постъ нѣкоторые держатъ отъ четверга на страстной недѣлѣ до Свѣтлаго Христова Воскресенья.

Въ четвергъ на первой недѣлѣ великаго поста у каждаго дома въ селѣ зажигаютъ костеръ изъ соломы. Въ четвергъ на пятой недѣлѣ въ церкви бываетъ чтеніе трехъ Евангелій, а въ страст-

Digitized by Google

ной четвергъ, такъ же какъ и у насъ, читается 12 Евангелій. Всѣ эти чтенія называются „Денія“, а послѣднее — „Бююк денія“ (большая денія) [12a]). На каждомъ изъ нихъ народъ стоитъ съ зажженными свѣчами, а съ послѣдняго, какъ и у насъ, несутъ огонь до дома. Огонь этотъ считается священнымъ и называется „Окунмуш ателіи“ (т. е. Читанный огонь). Нѣкоторые парни въ этотъ день купаются и говорятъ, что это прибавляетъ человѣку силы [13]). Вообще во всѣ четверги великаго поста работать нельзя, а иначе градъ побьетъ поле [14]).

Въ каждую субботу великаго поста заготовляютъ малые „колачи“ и такъ называемыя „куклы“ (т. е. крендели изъ пшеничнаго тѣста самыхъ разнообразныхъ формъ) и разнаго сорта вареныя блюда, какъ-то: „Колева“, вареные бобы, вареная свекла, каша и т. под. „колачи“ и „куклы“ кладутъ въ корзины, а отъ остальныхъ блюдъ кладется понемножку на тарелки и въ серединѣ тарелокъ прилѣпляются восковыя свѣчи. Все это несутъ въ церковь святить. Обрядъ этотъ называется „Панагія“. По окончаніи богослуженія одинъ „колачъ“ даютъ въ пользу священника, а остальными „колачами“ и тарелками съ кушаньями, на которыхъ зажжены въ это время восковыя свѣчи, мѣняются со своими сосѣдями, получая взамѣнъ такія же блюда и „колачи“. Дѣлается это на поминъ души умершихъ родственниковъ и, очевидно, имѣло когда-то значеніе жертвы или раздачи пищи бѣднымъ, какъ актъ христіанской благотворительности. Но, такъ какъ всѣ дѣлаютъ приготовленіе одновременно, а бѣдныхъ на лицо не оказывается, то раздача пищи по необходимости свелась на обмѣнъ ея, что въ настоящее время уже успѣло войти въ привычку. Такъ что, если бы при исполненіи этого обряда и появились бѣдняки, нуждающіеся въ пищѣ, то обмѣнъ ея между людьми состоятельными отъ этого бы не прекратился, такъ какъ настоящее значеніе обряда уже забыто. Кромѣ вышеупомянутой пищи, въ тѣ же дни на поминъ души покойниковъ приносятъ въ церковь медъ въ стаканѣ, къ которому прилагаются двѣ восковыя свѣчи [14a]).

У дѣвушекъ есть обыкновеніе въ великомъ посту приготовлять изъ зеренъ кукурузы такъ называемый „каук“. Зерна бросаются на горячій песокъ, отъ котораго они вспучиваются и лопаются. Получается любимое лакомство, которымъ дѣвушки и угощаютъ всѣхъ своихъ гостей.

Digitized by Google

Что касается соблюденія гагаузами великаго поста въ отношеніи пищи, то они не только воздерживаются отъ всего скоромнаго, но даже считаютъ грѣхомъ употребленіе въ это время всякихъ спиртныхъ напитковъ. „Человѣкъ, говорятъ они, отъ спиртныхъ напитковъ можетъ сблевать, а сблевать въ великомъ посту, это—величайшій грѣхъ".

Лазарево воскресенье. Въ день Св. Лазаря маленькія дѣвочки, до 7-8 лѣтъ, ходятъ съ пѣснями по селу и заходятъ въ дома. Одна изъ нихъ изображаетъ невѣсту; она ходитъ съ лицомъ, завѣшаннымъ платкомъ, и все время держится за конецъ платка, другой конецъ котораго находится въ рукахъ дѣвочки, изображающей жениха. Всѣ остальныя дѣвочки изображаютъ свадебную дружину и переходятъ изъ дома въ домъ съ пѣніемъ лазаревскихъ пѣсенъ. Подъ тактъ этого пѣнія дѣвочки, изображающія жениха и невѣсту, переступаютъ съ ноги на ногу и переходятъ одна на мѣсто другой. Хозяева тѣхъ домовъ, которые посѣщаются этими малютками, даютъ имъ въ награду сырыя яица [13]).

Вотъ два образчика лазаревскихъ пѣсенъ:

№ 1.

Уштум, гиттим, дала кондум.
Припѣвъ: Лазаре, Лазаре.
Дал да бана емишь верди,
Бян емиши ери ектимь,
Ерь да бана чимень верди,
Бян чимени коюна вердимь,
Коюн бана кузу верди,
Бян кузую бея вердим,
Бей да бана катыр верди,
Ниньдим, гиттим Кара суя,
Кара суда каннар акар,
Ики дильбер дурмуш бакар
Бири кючюкь, бири—бююкь
Кючюджеея алма аттым
Бююджеея селям вердимь

Прилетѣлъя, прибылъ, на вѣтку я сѣлъ.
Припѣвъ: Лазарь, Лазарь.
Вѣтка мнѣ ягоду дала;
Я ягоду въ землю посадилъ;
Земля мнѣ траву дала;
Я траву овцѣ далъ;
Овца мнѣ ягненка дала;
Ягненка я помѣщику отдалъ;
Помѣщикъ мнѣ лошака далъ;
Сѣлъ я, поѣхалъ я на Черное море.
На Черномъ морѣ кровь течетъ,
Двѣ красавицы стоятъ, смотрятъ:
Одна маленькая, другая—большая;
Младшей я яблоко бросилъ,
Старшей я отдалъ поклонъ.

Digitized by Google

№ 2.

Менефша, менефша, Кадын менефша,
Бян сени, бян сени дередя булдум
Кызлан гелинь бирердя сордум
Бирердя сордум: «евлерьниз нередя»?
Бизимь евлеримиз каршыда,
Каршыда, каршыда, мермер ташында.

Фіялка, фіялка, Кадын фіялка,
Я тебя, я тебя на рѣкѣ нашелъ.
Дѣвушку съ молодкой вмѣстѣ я спросилъ,
Вмѣстѣ спросилъ: «гдѣ ваши дома»?
Наши дома напротивъ,
Напротивъ, напротивъ, на мраморномъ камнѣ.

Вербное воскресеніе. („Сюють пазары“). Въ этотъ день дозволяется ѣсть рыбу.

Мартъ.

1-е марта Св. Евдокія („Св. Докія“) или Бабинъ день („Баба гюню“). Въ этотъ день утромъ старухи выносятъ изъ дому всѣ шерстяныя вещи, зажигаютъ солому и, развѣсивши вещи по направленію вѣтра, окуриваютъ ихъ дымомъ, для того чтобы ихъ моль не ѣла.

Въ то же время выметаютъ блохъ изъ хаты, приговаривая: „пиря дышары, март ичери“ (блохи—вонъ, мартъ—въ домъ). Впрочемъ, чтобы совершенно избавиться отъ этого надоѣдливаго насѣкомаго, нужно въ день 1-го марта при закатѣ солнца раздѣться до нага, обѣжать хату внутри три раза, повторяя: „пиря дышары“ (блохи вонъ). А другой кто-нибудь долженъ въ это время стоять снаружи хаты и отвѣчать первому: „Март ичери“ (мартъ въ домъ) [15a]).

Въ этотъ же день къ повивальной бабкѣ собираются всѣ женщины, у которыхъ она принимала, и приносятъ по графину вина и по „канискѣ“ (большой „колачъ“ съ вареной курицей или рыбой [16]). Затѣмъ возлгъ ее въ саняхъ за длинную веревку, обливаютъ водой у колодца и везутъ къ себѣ угощать (см. прим. [4a]): Потомъ собираются къ ней, баба ставитъ отъ себя еще ведра 3—4 вина и всѣ угощаются [17]). Мужчины на этомъ празднествѣ никогда не присутствуютъ, имъ входъ запрещенъ. Разсказываютъ, что одинъ еврей, не знавшій такого правила, зашелъ на угощеніе повивальной бабки. Женщины схватили его, сняли съ него панталоны и въ такомъ видѣ пустили на улицу.

Digitized by Google

На 1-е марта женщины и дѣвушки берутъ красныя и бѣлыя нитки и дѣлаютъ себѣ изъ нихъ браслетъ и кольцо, а потомъ, когда прилетятъ аисты, кладутъ эти нитки около ихъ гнѣздъ и говорятъ: „возьмите эти нитки для своего гнѣзда. У васъ будутъ дѣтки, а вы молите за насъ Бога".

Работать въ день 1-го марта, въ особенности женщинамъ, нельзя. Про одну женщину, которая не почитала Бабина дня, разсказываютъ, что она на 1-ое марта отправилась въ поле пасти козъ. И вотъ съ этого дня испортилась погода: сначала пошелъ дождь, а потомъ снѣгъ и начался морозъ. На 9-й день послѣ того баба замерзла въ полѣ, хотя была въ шубѣ, и обратилась въ камень, изъ котораго сталъ течь фонтанъ [18]).

9-е марта—День сорока мучениковъ „(кырк аёз" или „кырк кашык"). Въ этотъ день все сдѣланное 40 разъ считается богоугоднымъ. Пекутъ 40 маленькихъ „колачей" и мѣняются ими съ сосѣдями. Очень полезнымъ для здоровья считается 40 разъ выпить вино по капелькѣ [18a]).

11-е марта *Федоровъ день* („*Тодуръ юню*" или *Ай Тодур*"). Наканунѣ этого дня женщины ходятъ въ конюшню и кричатъ по-молдавански: Тодурисын, Тодури, де косыца фетилор, кыт кода етилор". Онѣ просятъ у Св. Тодора, чтобы онъ далъ имъ такую же длинную косу, какъ конскій хвостъ. Произносить эти слова погагаузски считается грѣхомъ, такъ какъ Св. Тодуръ былъ молдаванинъ и потому по гагаузски не понимаетъ.

Вообще Св. Тодуръ считается покровителемъ коней и потому въ день его бываютъ всегда состязательныя скачки, которыя уже описаны мною въ Извѣстіяхъ Общ. Арх., Истор. и Этнограф. при Имп. Каз. Унив., т. XII, вып. I, стр. 53.

25 марта — *Благовѣщеніе* („*Благуштене*"). Въ этотъ праздникъ постникамъ также разрѣшается рыба.

На Благовѣщеніе парни снова прыгаютъ на коняхъ черезъ огонь и приговариваютъ при этомъ:

Атлайын, атлайлым,	Скачите, будемъ скакать,
Пиреляр янсын атештя.	Блохи пусть горятъ въ огнѣ ([18b]).

Съ Благовѣщенія можно начинать купанье въ рѣкѣ и продолжать его до Успенья.

Digitized by Google

На Благовѣщеніе, по словамъ гагаузовъ, воры и разбойники собираются въ пустынныхъ лѣсахъ большими толпами и совершаютъ тамъ обрядъ, угодный шейтану, для того, чтобы была удача въ ремеслѣ. Они воруютъ барана и варятъ его въ котлѣ живымъ, а котелъ закрываютъ вмѣсто крышки тоже живымъ человѣкомъ. Человѣкъ кричитъ, кричитъ и такъ умираетъ. Тогда котелъ открываютъ и съѣдаютъ барана. Потомъ старшій разбойникъ говоритъ: „ну, теперь пойдемъ въ лѣсъ, и кто намъ первый попадется, убьемъ и вымажемъ его кровью наши шапки“. И дѣйствительно, тогда, кто бы имъ ни попался, хотя бы родной отецъ или мать, они убиваютъ, потому что иначе имъ не было бы удачи въ ремеслѣ. Затѣмъ расходятся во всѣ стороны, а черезъ три дня снова собираются, дѣлятъ вырученныя деньги и расходятся на все лѣто [19]). Подобныхъ разсказовъ про разбойниковъ много ходитъ между гагаузами. Очевидно, что они вывезли ихъ изъ своей прежней родины, Турціи, гдѣ, какъ извѣстно, разбойники грабятъ безнаказанно и съ такою наглостью и жестокостью, что наводятъ на мирныхъ жителей паническій, суевѣрный страхъ, который не скоро забывается.

27 марта—Св. Ѳеодосія. Въ этотъ день бываетъ такъ называемая „мошя“, т.-е. жертва за умершаго, состоящая, какъ уже было выше описано, въ обмѣнѣ блюдами между сосѣдями. Думаютъ, что такая жертва пойдетъ на пользу умершимъ родственникамъ. Этотъ день называется „Кара Чаршамба“ (черная середа). Откуда произошло такое названіе, мнѣ объяснить не могли, но передавали, что въ этотъ день нельзя запрягать воловъ. Говорятъ, что вола, котораго въ этотъ день запрягали, когда онъ сдохнетъ, не будутъ ѣсть ни птица, ни червь.

Апрѣль.

Пасха („Паскелля“). Пасха считается очень большимъ праздникомъ. Къ этому дню производится полный наружный и внутренній ремонтъ дома, который лежитъ на женщинахъ. Перемазываются начисто глиняные полы въ хатахъ, поправляются печки и украшаются новыми лѣпными фигурами. Перекрашивается внутри и снаружи хаты все, что только подлежитъ окраскѣ, т.-е. стѣны, столбы, подпирающіе крышу, ставни и пр. Все въ хатѣ вымывается и вычищается.

Digitized by Google

Пасхальная заутреня начинается такъ же, какъ и у насъ, ровно въ полночь. Огонь свѣчъ, съ которыми стоятъ богомольцы въ церкви, называется „нур“ и считается священнымъ. Такъ же, какъ и послѣ чтенія 12-ти Евангелій, онъ приносится домой, гдѣ отъ него зажигаются на короткое время вѣнчальныя свѣчи, сохраняющіяся въ каждомъ семейномъ домѣ. Послѣ заутрени никто не цѣлуется, но обмѣниваются крашеными яйцами (писанками) и привѣтствуютъ другъ друга по-славянски: „Христосъ воскресе“ и „воистину скресе“. Этими словами замѣняютъ всѣ другія многочисленныя привѣтствія на все время отъ пасхальной заутрени и до Вознесенія.

Молодые парни бьются между собою крашенками, но при этомъ разбитое яйцо не беретъ, какъ у насъ, тотъ, кто его разбилъ, а только считаетъ, сколько яйцъ побило его яйцо, причемъ яйцо, побившее одно яйцо, называется „бир яшында“ (однолѣтнее), побившее два яйца—„ики яшында“ (двухлѣтнее) и т. д. Если какое-нибудь яйцо побило другое, напр. четырехлѣтнее, то оно прямо становится пятилѣтнимъ и т. д. [20]).

Среди гагаузовъ такъ же, какъ и у нашего народа, распространено повѣрье, что родившійся во время пасхальной недѣли непремѣнно будетъ великимъ воромъ.

Въ первый день Пасхи рѣжутъ лучшаго ягненка, котораго и ѣдятъ за обѣдомъ. Но отъ яицъ, которыхъ на Пасху варится и красится очень много, въ этотъ день воздерживаются, чтобы лѣтомъ, во время жаровъ, не страдать отъ жажды. [21]).

Каждая хозяйка печетъ къ этому празднику пасхальный хлѣбъ („Паска“), ватрушки и множество „колачей“. Послѣдніе, какъ было описано выше, разносятся по всѣмъ семейнымъ родственникамъ такъ же, какъ и на Новый годъ [21 а]).

Въ селѣ Конгазѣ Измаильскаго уѣзда устраивается на второй день Пасхи состязательная борьба („гюреш“), которая повторяется потомъ каждое воскресенье, вплоть до Георгіева дня, когда бываетъ послѣдняя въ томъ году борьба [22]). Потерпѣвшій неудачу на первыхъ состязаніяхъ можетъ поправить свою репутацію на одномъ изъ послѣдующихъ, такъ что одни и тѣ же лица борются иногда по нѣскольку разъ, и вопросъ о томъ, кого нужно считать первымъ борцомъ или силачемъ въ селѣ, рѣшается окончательно не ранѣе, какъ къ Георгіеву дню. Мнѣ случилось быть въ с. Кон-

Digitized by Google

газѣ въ послѣднее воскресенье передъ Георгіевымъ днемъ. Вопросъ о первомъ силачѣ къ тому времени уже былъ рѣшенъ, а потому въ тотъ день не предполагалось никакой борьбы. На огромной площади села передъ церквью, гдѣ обыкновенно производится борьба, въ одномъ изъ концовъ ея, были разбиты палатки съ разными деревенскими товарами, а на другомъ концѣ нѣсколько сотъ народу обоего пола собралось, чтобы посмотрѣть хороводные танцы.

Конгазскій батюшка, родомъ молдаванинъ, разговаривая со мной о разныхъ мѣстныхъ обычаяхъ, упомянулъ между прочимъ и о состязательной борьбѣ и предложилъ устроить ее. Онъ познакомилъ меня съ однимъ молодымъ человѣкомъ изъ мѣстныхъ богачей, котораго рекомендовалъ какъ большого любителя всякаго рода состязаній и постояннаго ихъ иниціатора. „Я самъ, говорилъ священникъ, нѣкоторымъ образомъ причастенъ къ такого рода состязаніямъ, потому что, по мѣстному обыкновенію, долженъ платить половину приза, выдаваемаго побѣдителямъ въ борьбѣ, а другую половину платитъ или вотъ этотъ молодой человѣкъ, или кто-нибудь изъ сельскихъ богачей“. На этотъ разъ батюшка, вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ, сложились по 50 коп., привязали желтенькую бумажку на длинную палку и мы отправились на площадь. Войдя въ середину толпы, молодой человѣкъ высоко надъ головой поднялъ палку съ призомъ и сталъ громко вызывать желающихъ бороться. Желающіе не являлись, пришлось прибавить къ призу еще одну желтенькую, но и тутъ желающихъ не нашлось. Въ толпѣ объяснили это обстоятельство тѣмъ, что на площади было много дѣвушекъ. Ни одинъ парень не рѣшится бороться въ ихъ присутствіи, боясь быть побѣжденнымъ и осрамиться передъ ними. „Обыкновенно у насъ, объясняли окружающіе, въ такихъ случаяхъ женщины совсѣмъ не бываютъ“. Но однако черезъ нѣсколько времени нашлись-таки два парня, которые соблазнились призомъ. Они выступили впередъ и заявили свое желаніе бороться. Тотчасъ же въ серединѣ толпы очистили для нихъ большой кругъ, при чемъ нѣсколько стариковъ добровольно приняли на себя обязанности полицейскихъ, такъ какъ любопытная толпа напирала со всѣхъ сторонъ и не было возможности сдержать ее безъ полицейскихъ мѣръ. А мѣры эти заключались въ томъ, что импровизованные блюстители порядка воору-

Digitized by Google

жились хорошими палками и, когда народъ началъ сильно напирать, бѣгали по кругу и били переднихъ по ногамъ. Передніе, избѣгая ударовъ, напирали на заднихъ, и кругъ раздавался въ стороны. Молодой человѣкъ, распорядитель состязанія, находился все время возлѣ борцовъ, поощрялъ то того изъ нихъ, то другого похвалами, наблюдалъ, чтобы борьба велась по всѣмъ правиламъ искусства, безъ подножекъ и безъ всякихъ иныхъ ухищреній, недозволяемыхъ правилами борьбы. Для подкрѣпленія своихъ словъ, онъ безпрестанно потрясалъ въ воздухѣ палкой съ призомъ. Борцы сняли шапки, обувь и верхнее платье, оставшись въ рубашкахъ и шароварахъ, подвязанныхъ красными кушаками. Во время борьбы они нѣсколько разъ стягивали другъ съ друга кушаки и каждымъ своимъ движеніемъ приводили въ волненіе толпу. Когда наконецъ борьба закончилась тѣмъ, что одинъ изъ борцовъ приподнялъ другого на воздухъ и повалилъ на землю, то толпа пришла въ неистовый восторгъ и уже никакія палки домороценыхъ полиціантовъ не въ силахъ были ее сдержать. Долгое время послѣ того толпа все еще волновалась разговорами и спорами о сегодняшней борьбѣ.

Всѣ четверги отъ Пасхи до Вознесенія празднуютъ, т.-е. въ эти дни работаютъ только около дома, но въ поле не выходятъ, изъ боязни, чтобы градъ не побилъ поля.

Ѳомина недѣля („Кючюкъ Паскаля“. — Маленькая Пасха). Въ воскресенье на Ѳоминой недѣлѣ устраиваются общественныя поминки по усопшимъ родственникамъ на кладбищѣ [23]). Еще съ утра въ этотъ день можно видѣть, какъ семейства въ полномъ своемъ составѣ двигаются за село въ сторону кладбища. Отецъ несетъ подъ полою графинъ или „чотру“ (фляжку) вина и стаканъ; черезъ плечо у него перекинуты ковры, которые будутъ разстилаться на кладбищѣ. Женщины несутъ корзинки съ малыми колачами „куклами“ и яйцами или узелочки со съѣстными припасами, повѣшенные какъ ведра на обоихъ концахъ обыкновеннаго коромысла. Маленькія дѣти несутъ такіе же узелочки съ тарелками, на которыхъ также разложена разная пища. Собравшись на кладбище въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ, гагаузы разстилаютъ ковры и полотна рядами въ той части кладбища, гдѣ еще нѣтъ могилъ. Посреднѣ ковра раскладывается пища, а съ обѣихъ сторонъ отъ него садится народъ. Такихъ рядовъ я насчиталъ въ с. Бешалма шесть

Digitized by Google

и въ каждомъ изъ нихъ сидѣло до сотни человѣкъ. Разсаживаясь по мѣстамъ, стараются, чтобы все семейство сидѣло въ одномъ мѣстѣ и чтобы сосѣди у него были по возможности родственники или хорошіе знакомые. На ковры кладутся корзины, тарелки, графины и выгружается вся принесенная провизія. Для священника въ сторонѣ отъ рядовъ становится аналой съ большимъ подсвѣчникомъ, чтобы можно было прилѣпить какъ можно больше свѣчей, и кладется отдѣльный коверъ, на который каждый изъ присутствующихъ откладываетъ, сколько можетъ, изъ своей провизіи въ пользу духовенства. Когда священникъ отслужитъ передъ аналоемъ общую панихиду, то всѣ садятся на свои мѣста и начинается взаимное угощеніе. Сидящіе другъ противъ друга члены различныхъ семействъ угощаютъ одинъ другого со словами „на, мари булю, анамын (бобамым, ушаамын) джяны ічин“. (На, тетушка, (съѣшь) за душу моей матери (отца, сына). Когда окончится взаимное угощеніе пищей и виномъ, берутъ ручныя кадильнички, которыя есть у каждаго, или просто глиняные черепки съ горящими угольями и курятъ ладаномъ надъ могилами своихъ родственниковъ, а въ деревянномъ ящикѣ, прикрѣпленномъ къ каждому памятнику для защиты пламени свѣчи отъ вѣтра, зажигаютъ восковую свѣчу.

23 апрѣля—*св. Георгій („Ай Йорги или Хедерлес“)*. Въ этотъ день, такъ же, какъ у болгаръ, рѣжутъ жертвеннаго ягненка, но при выборѣ его цвѣтъ шерсти не играетъ никакой роли. На рогу ягненка прилѣпляютъ восковую свѣчу и зажигаютъ, въ роть его кладутъ соль и траву, потомъ перекрестятся, ягненка перекрестятъ и рѣжутъ, подкаживая ладаномъ изъ ручной кадильнички. Кровь ягненка тщательно собирается, ею дѣлаютъ на дверяхъ кресты, а остальное выливаютъ въ землю и зарываютъ куда-нибудь подъ амбаръ, гдѣ народъ не ходитъ [23a]). Ягненка отнюдь нельзя рѣзать на части для его приготовленія, а нужно запечь цѣлымъ, набивая его внутренности рисомъ или пшеничной крупой. Когда онъ спеченъ, несутъ въ церковь святить и шкуру отдаютъ священнику [24]). Послѣ окончанія обѣдни всѣ садятся на церковномъ дворѣ, внутри ограды и, оставаясь все время безъ шапокъ, съѣдаютъ своихъ ягнятъ и угощаютъ ими другихъ. Вмѣстѣ съ ягненкомъ въ церковь приносится также, нарочно для этого случая спеченый, круглый пшеничный хлѣбъ съ изюмомъ и

Digitized by Google

съ крестомъ на верхней коркѣ, который называется „курбанъ екмя“ (жертвенный хлѣбъ). Послѣ трапезы кости жертвеннаго ягненка не бросаются, а тщательно собираются и уносятся домой, гдѣ ихъ зарываютъ въ землю. Косточками этими считается очень полезнымъ ударять женившихся въ прошломъ году молодыхъ супруговъ для того, чтобы у нихъ было многочисленное потомство и всякое изобиліе въ хозяйствѣ.

Въ день св. Георгія молодежь качается на качеляхъ, чтобы лѣтомъ работа была легка, и взвѣшивается на вѣсахъ, чтобы узнать, сколько прибыло или убыло вѣсу въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ.

По вѣрованію гагаузовъ, въ день св. Георгія надо особенно опасаться посѣщенія колдуновъ („джяды“), которые отбираютъ у коровъ молоко или урожай въ полѣ. А потому полезно въ этотъ день разсыпать свяченое на Пасхѣ просо по всему двору, приговаривая, что пусть „джяды“ возьметъ свою „ману“ (добычу) тогда только, когда соберетъ до послѣдняго зернышка все разсыпанное просо.

25 апрѣля. Св. Евангелистъ Маркъ („Марко Вангелец“).

Русальскіе праздники („*Русали* ёртуларъ“). Въ день Преполовенія начинаются такъ называемые русальскіе праздники. Въ этотъ день не выходятъ въ поле, потому что русалки могутъ унести. Въ особенности же нельзя въ этотъ день спать въ степи, потому что чаще всего русалки воруютъ именно спящихъ людей. Вѣрятъ также, что если въ этотъ день сдохнетъ какая-нибудь скотина, то черви ее не съѣдятъ [25]).

Май.

1-го мая — („Пипируда)“. Въ этотъ день обманываютъ другъ друга, такъ же какъ это дѣлаютъ у насъ 1-го апрѣля.

Въ этотъ же день дѣвушки устраиваютъ похороны куклы, которую называютъ „германчу“. Кукла приготовляется изъ глины или изъ сѣна въ полъ-аршина длиной. Собирается 10—30 дѣвушекъ, выбираютъ изъ своей среды одну, которую называютъ „Пипируда“, несутъ куклу въ поле и зарываютъ въ землю или топятъ въ колодцѣ, причемъ поютъ по-болгарски:

Digitized by Google

Папируда лётала, лётала.
Дай булю гулям даш,
Да саруду жету-ту,
Жету-ту, просу-ту,
Игна моле молелай,
Дай Боже намур (дождь).

(Надо замѣтить, что гагаузы по-болгарски вовсе не понимаютъ, а потому быть можетъ сильно искажаютъ болгарскій оригиналъ пѣсни. Мы передаемъ его здѣсь такъ, какъ его поютъ, не измѣняя ни одного звука).

Пропѣвъ эту пѣсню, дѣвушки брызгаютъ одна другую водой и обходятъ все село по домамъ съ пѣснями. При этомъ говорится, что онѣ собираютъ на поминки куклѣ. Обычай этотъ заимствованъ отъ болгаръ и, какъ видно, еще недавно. По словамъ самихъ гагаузовъ, въ с. Бешалма онъ завелся не болѣе 5-ти лѣтъ тому назадъ.

2-го мая—св. Афанасія („св. Танас“).

8-го мая—св. Ивана („св. Юванъ“).

9-го мая—св. Николай чудотворецъ („Никул гюню“). Святому Николаю молятся о томъ, чтобы хозяйство шло хорошо, ему же служатъ молебны паломники, отправляющіеся на богомолье, чтобы онъ спасалъ на водахъ. Этотъ святой вмѣстѣ съ Георгіемъ и св. Димитріемъ пользуются исключительнымъ уваженіемъ гагаузовъ. Если кто-нибудь опасно заболѣетъ, то ставятъ свѣчки передъ иконами всѣхъ этихъ трехъ святыхъ, зажигаютъ одновременно и смотрятъ, которая загорится скорѣе. Тому святому служатъ молебенъ и приносятъ жертву.

Вознесеніе („Испасъ“) [27]. О празднествахъ, которыя устраиваются въ этотъ день, о скачкахъ и проч. мною было уже сообщено въ Изв. Об. Арх., Ист. и Этн. при Имп. Каз. Унив., т. 12, в. 1 стр. 54.

21-го мая—св. Константина и Елены („св. Константин Иляна“).

Троицынъ день („Трӧица“). Въ этотъ день посыпаютъ полъ хаты травой, кромѣ того привязываютъ ее къ столбамъ, поддерживающимъ крышу, и затыкаютъ въ стрѣху [28]).

Іюнь.

4-го іюня бываетъ такая же „мопя“, какъ и на 27 марта, но нѣсколько болѣе торжественная. А именно, собираются на клад-

Digitized by Google

бищѣ съ „колевой“ на блюдахъ и съ графинами, наполненными водой. Пріѣзжаетъ священникъ, служитъ молебенъ и благословляетъ „колеву“ и воду. Послѣ того, „колевой“ угощаютъ другъ друга, а воду изъ графина выливаютъ на могилу противъ того мѣста, гдѣ приходится голова покойника. Въ заключеніе дарятъ другъ друга деревянными чашками и ложками. Подарки эти идутъ на поминъ души кого-либо изъ умершихъ родственниковъ. Тотъ, кто ихъ получаетъ, говоритъ: „Аллаа рамет елесинь“ (посѣй, Боже, миръ). При этомъ считается грѣшно подарить другому такую посуду, которая тонетъ въ водѣ; вотъ почему она бываетъ не иначе какъ деревянная.

Отъ 7-го до 10-го іюня считаются тоже русальными праздниками. Говорятъ, что въ эти дни русалки („русали“) устраиваютъ хороводъ („хору“). На томъ мѣстѣ, гдѣ это бываетъ, трава въ тотъ годъ уже не растетъ. Въ русальные праздники роженицы не должны работать, потому что русалки могутъ ихъ забрать [28a]).

24 іюня—Рождество Предтечи и Крестителя Іоанна („Драгайка“) [29]). Въ этотъ день вывѣшиваютъ все платье на улицу для просушки, чтобы его моль не ѣла, а также собираютъ въ степи высокія травы на метлы. Молодыхъ супруговъ, обвѣнчавшихся въ текущемъ году, обливаютъ водой изъ колодца или фонтана. (См. прим. [4a].) Съ этого же дня начинаютъ косить ячмень.

29-го іюня—„св. Петри“.

30-го іюня—„св. Паулъ“.

Іюль.

8-го іюля—Казанской Божьей Матери („Панаія“).

15-го іюля—„св. Кирика“.

17-го іюля—„св. Марина“.

20-го іюля—*Ильинъ день („св.. Илія“).* Св. Илья завѣдуетъ небомъ, вѣтрами, облаками и дождемъ. Моряки, отправляющіеся въ море, молятся, чтобы онъ не пускалъ вѣтровъ и чтобы не случилось кораблекрушенія. Думаютъ, что до Ильина дня облака идутъ по вѣтру, а послѣ Ильина дня противъ вѣтра [29a]).

22-го іюля св. Фока. Въ этотъ день считается праздникъ огня и говорятъ, что день этотъ опасный („хатылы гюню“). Если кто

Digitized by Google

въ этотъ день работаетъ, то у него непремѣнно случится пожаръ: либо домъ сгоритъ, либо снопы въ полѣ, либо сѣно [30]).

27-го іюля „св. Пантилимон".

Августъ.

Этотъ мѣсяцъ называютъ въ просторѣчіи „Лобут ай", т.-е. битый, потому что въ этомъ мѣсяцѣ бываетъ деревенская страда, въ теченіе которой всѣ бываютъ биты: и люди, и животныя.

1-го августа—„*св. Макавей*".

6-го августа—Второй Спасъ („Благуштене" (?)). Въ этотъ день носятъ въ церковь виноградъ, чтобы его освятить [30a]).

8-го августа—Преображеніе Господне („Пробежен"). Въ этотъ день грѣшно ѣсть всякія овощи.

15-го августа—Успеніе Пресвятой Богородицы („Панаія") Говорятъ, что наканунѣ этого дня, наканунѣ Пасхи и наканунѣ Георгіева дня появляются огни надъ тѣми мѣстами, гдѣ зарыты клады („мал ойнээр"—кладъ играетъ) [31]).

16-го августа—„св. Анна".

29-го августа—Усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя. Въ этотъ день нельзя ѣсть краснаго винограду и арбуза, краснаго внутри [32]). Въ этотъ же день носятъ въ церковь святить всѣ фрукты.

Сентябрь.

1-го сентября—св. Симеона Столпника („св. Симона"). Считается праздникомъ домового.

8-го сентября—Рождество Богородицы. („Кючюкь Панаія"—Малая Богородица). Съ этого дня начинается сборъ винограда.

14-го сентября—*Воздвиженіе Честнаго Креста („Крестов")*.

26-го августа—св. Іоанна Богослова („св. Юван").

Октябрь.

1-го октября—Покровъ.

14-го октября—„св. Петкоф" (?).

26-го октября—св. Димитрія Солунскаго („св. Димитри"). Праздникъ этотъ называютъ „Касым". Въ день его происходятъ разсчеты со всѣми пастухами, которые нанимаются на лѣто сро-

Digitized by Google

комъ отъ св. Георгія до „Касыма", а на зиму—отъ „Касыма" до св. Георгія.

Ноябрь.

1-го ноября—св. Демьянъ („св. Диман").

8-го ноября—Архангелъ Михаилъ („Архангиль Михаил").

Волчьи праздники (Джянавар ёртулар). Относительно этихъ праздниковъ показанія разныхъ лицъ расходятся: въ с. Бешалма мнѣ говорили одни, что эти праздники считаются отъ 11-го до 14-го ноября включительно, другіе, что отъ 10-го до 15-го ноября, а въ с. Конгазѣ—отъ 12-го до 17-го. Отсюда можно заключить, что праздники эти приходятся отъ 10-го до 17-го ноября [33]). Это, какъ намъ кажется, весьма любопытный остатокъ культа волка. Если кто-нибудь изъ женщинъ во время Волчьихъ праздниковъ шьетъ или тчетъ что-нибудь изъ шерсти или даже заплаты ставитъ мужчинѣ на платье, то мужчина въ этомъ платьѣ не можетъ выйти, потому что волкъ непремѣнно его схватитъ. А если онъ даже и не выйдетъ въ поле, то все равно волки надѣлаютъ порчи его скоту.

21 ноября Введеніе во храмъ („Веденіе гюню"). Если на этотъ праздникъ погода будетъ облачная, то на слѣдующее лѣто будетъ урожай, если же—ясная, то урожая не будетъ.

Этотъ праздникъ называется также праздникомъ Хромого волка („Топал джянавар").

Если въ этотъ день человѣкъ встрѣтитъ въ полѣ волка, то нужно снять съ себя платье, бросить и убѣжать, а иначе волкъ непремѣнно съѣстъ. Вотъ что разсказываютъ гагаузы о происхожденіи этого праздника:

Бирь вакыт вармыш бирь адам, авланырмыш, да гидеер бирь даа-ичиня авланмаа, да пинеёр бирь бююк аач-ўстюня, да отураёр орда. Бирь да бакса, башланмышь топланмаа джянавварлар о ааджин-алтына. Топланмышларчок, да башламышлар улумаа. Улуркан оннар, гелѣер

Одинъ человѣкъ отправился въ лѣсъ на охоту, вскарабкался на большое дерево и сидитъ тамъ. Смотритъ, подъ дерево начали собираться волки. Много ихъ собралось и стали выть. На ихъ вой пришелъ старикъ и сталъ посылать ихъ во всѣ стороны: „ты иди овцу схвати, ты козла схвати,

Digitized by Google

оннарын-янына бирь дяду да башлаёр оннары ёлламаа херь тарафа, да дярьмишь: „сянь гить коюн кавра, сянь гить кечи кавра, сянь гить кули кавра, сянь гить быза кавра". Хепьси гитьмишь, калмыш бирь топал джянавар. Она да демишь: „сянь да іясинь бу фидан-усьтюньдя адамы". Да гитьмишь о дяду (о-сайды Аллах-мышь). Шиньди пайсынаёр о джянавар ешьмяа о фиданын кёкюню йыксын филаны да йисинь о адамы. Адам да алаёр ону кіизя да ёльдюреер да гелеер евя да аннадаёр, йе не гельмишь башина. Да озамандан бари топала да тутаёрлар ёрту бизя адамлар. О гюннердя кыра чыкмаёрлар, джянаварлар йіме-синняр-деи.

ты—жеребенка, ты—теленка".

Всѣ пошли, остался одинъ хромой волкъ. Ему старикъ и говоритъ: „а ты съѣшь того, который сидитъ на деревѣ".

Ушелъ дѣдъ (онъ былъ Богъ); начинаетъ волкъ подрывать корни дерева, чтобы свалить и съѣсть человѣка, на немъ сидящаго. Человѣкъ прицѣлился въ волка, убилъ, пришелъ домой и разсказалъ, что съ нимъ случилось.

Съ тѣхъ поръ наши люди празднуютъ праздникъ Хромому волку. Въ этотъ день въ поле не выходятъ, чтобы волки не съѣли [34]).

30 ноября—Св. Андрея. На Св. Андрея дѣвушки, ложась спать, кладутъ себѣ подъ голову платокъ, а парни кушакъ, чтобы увидѣть во снѣ своего суженаго или суженую. Кромѣ того, дѣвушки гадаютъ еще слѣдующимъ образомъ: кладутъ на тарелку луковки чесноку по числу гадающихъ. Если чья-нибудь луковка пристанетъ къ другой, то та дѣвушка выйдетъ замужъ [35]).

На Св. Андрея, такъ же, какъ и на Св. Георгія, ходятъ „джяды" (колдуны), и чтобы отъ нихъ спастись, единственное средство — разсыпать по двору просо.

Декабрь.

4-го декабря—Св. Варвара.
5-го декабря—Св. Савва.
6-го декабря—Св. Николай.
12-го декабря—Св. Спиридонъ.
20 декабря—Игнатьевъ день („Игнаждын"). Наканунѣ Игнать-

Digitized by Google

ева дня вечеромъ варятъ „кòлеву“ и ѣдятъ ее съ медомъ и изюмомъ. Въ ночь на Игнатьевъ день надо остерегаться колдуновъ („Джяды“), отбирающихъ молоко у коровъ.

Отъ Игнатьева дня до Рождества нельзя прясть, потому что въ это время Богородица зачала. У той женщины, которая этого правила не держится, будутъ трудные роды.

25-декабря—*Рождество Христово („кòлада“).*

Къ празднику Рождества рѣжутъ кабановъ и обдираютъ съ нихъ шкуру на лапти. Въ это время смотрятъ на селезенку („далак“) кабана. Если передняя часть ея будетъ тоньше задней, то зимы больше не будетъ, она уже назади, а если толще, то зима еще впереди [36]).

Наканунѣ Рождества молодые парни ходятъ по домамъ съ колядой. Еще въ Рождественскомъ посту желающіе колядовать выбираютъ себѣ домъ, куда должны сходиться на репетиціи колядныхъ пѣсенъ, а также выбираютъ старшаго коляловщика („Цара“). Пѣсни, которыя поются на коляду, исключительно болгарскія, т. е. на болгарскомъ языкѣ. Вотъ одна изъ такихъ, записанныхъ мною въ с. Конгазѣ:

Сѣднали се Светим Петар йі Димитар,
Сѣднали се да совѣтват,
Сѣднали се малу млогу (:)
Два дня три дня (:)
И три ношти.
Йутговаря Свети Димитар:
—Ай гиде время, лятну время,
Се попоташа сас таргофче
Се чаире соси вчаре».
Йутговара свети Петар:
«Ай гиде время зимни время,
Всихъ амбары з желту жыту,
Се миханы з ройну вину».

Всѣ колядовщики раздѣляются на партіи по числу улицъ въ селѣ. „Царь“ рѣшаетъ, какой партіи по какой улицѣ ходить. Лучшей партіи по пѣнію изъ взрослыхъ парней дается самая большая главная улица села, а по маленькимъ переулочкамъ ходятъ колядовать маленькіе ребятишки. Колядники въ отличіе отъ прочихъ парней прицѣпляютъ себѣ подъ шапку съ праваго боку большую кисть, сдѣланную изъ разноцвѣтныхъ бумажекъ, а „царю“, кромѣ того, на шапку надѣваютъ корону, которая составлена изъ трехъ кусковъ обруча. Одинъ обручъ обнимаетъ голову кругомъ, а два куска упираются въ него концами въ серединѣ, перекрещи-

Digitized by Google

ваясь между собою подъ прямымъ угломъ. Все это обвѣшивается бумажками бѣлыми и цвѣтными и называется „веньчу́ла“.

Колядники носятъ съ собой, какъ и въ Малороссіи, звѣзду („йылдыз“), приготовленную изъ круглой деревянной рамки (отъ стараго рѣшета) и укрѣпленной на длинномъ древкѣ. Съ обѣихъ сторонъ рамки наклеиваются двѣ бумажныя иконы. Въ самую рамку снаружи ея втыкаютъ по направленію радіусовъ деревянныя палочки, изображающія собою лучи. На каждую изъ этихъ палочекъ вѣшаются платки. Въ с. Бешалма съ такой звѣздой ходятъ днемъ, а въ с. Этулія Измаильскаго уѣзда вечеромъ, при чемъ въ серединѣ рамочки помѣщается свѣчка, которая при колядованіи зажигается. Обычай носить при колядованіи звѣзду, повидимому, новый въ с. Бешалма, его называютъ съ молдаванскаго „Стяфаджи“, а пѣсни, которыя при этомъ поются, называются „Стя́фа тюркюсю“. Колядники со звѣздой ходятъ отдѣльно отъ прочихъ колядниковъ, они въ числѣ 2—3 обходятъ всѣ хаты села, начиная съ 1-го дня Рождества и до Крещенія. На какомъ языкѣ поютъ свои пѣсни эти послѣдніе колядовщики, мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось узнать. Хозяева даютъ имъ по платку и по 5—10 к. Собранныя деньги передаются въ церковь, а платки колядовщики оставляютъ себѣ [37]).

Встарину колядовщики вооружались еще оригинальнымъ инструментомъ, который называется „бугай“ (дикій быкъ). Инструментъ этотъ мнѣ удалось видѣть у одного изъ гагаузовъ с. Бешалма, сохраняемый въ качествѣ старины. Онъ состоялъ изъ маленькаго деревяннаго боченка, у котораго одно дно было выбито и вмѣсто него натянута туго, какъ въ барабанѣ, овечья шкура. Сквозь шкуру, изъ середины боченка, продѣтъ не особенно толстый пукъ длинныхъ конскихъ волосъ, завязанный узломъ внутри боченка. Если по волосамъ, держа ихъ между большимъ и указательнымъ пальцами правой руки, проводить, намочивъ предварительно пальцы, то получается звукъ весьма похожій на мычаніе быка [38]).

Въ послѣднее время гагаузы оставляютъ колядованіе, потому что священники и полицейскія власти его запрещаютъ. Дѣло въ томъ, что за колядованіе хозяева даютъ колядовщикамъ деньги и съѣстные припасы. А при дѣлежѣ ихъ всякій разъ начинаются споры и ссоры, переходящія иногда въ драки и кончающіяся всеобщимъ побоищемъ.

Digitized by Google

Когда разговляются въ первый день Рождества, то не ѣдятъ сразу свиного или овечьяго мяса, а передъ нимъ ѣдятъ птичье, изъ боязни, что заболѣютъ и умрутъ.

26 декабря Св. Константинъ.

27 декабря Св. Степанъ.

Гагаузы соблюдаютъ всѣ четыре поста, принятые Православною церковью. Но между ними дѣлается большая разница. Важнѣе всего считается Великій постъ („Бююк хоруджю“) и Успенскій („Панаія хоруджю“). Отъ нихъ никто не позволитъ себѣ отступить и въ эти два поста молодежь, противъ своего обыкновенія, по воскресеньямъ не танцуетъ и не поетъ пѣсенъ. Петровскій же постъ („Петро хоруджю“) и Рождественскій („Колада хоруджю“), въ особенности первый изъ нихъ, считаются менѣе важными. Не только молодежь во время ихъ танцуетъ и поетъ, но даже и старики не всѣ ихъ соблюдаютъ. Кромѣ этихъ постовъ гагаузы, такъ же какъ и русскій народъ, постятся круглый годъ въ каждую среду и пятницу. 12 пятницъ, о которыхъ поется въ духовномъ стихѣ, празднуютъ тѣмъ, что въ эти дни не пашутъ. Руководятся при этомъ сказаніемъ о 12-ти пятницахъ, обращающимся въ рукописи на молдаванскомъ языкѣ.

Праздники случайные и мѣстные

Изъ числа такихъ праздниковъ справляютъ храмовые отдѣльные у каждаго села, которые называются „Храм“, „Собор“ или просто „Сбор“ [39]).

Каждое село проводитъ храмовой праздникъ посвоему. Такъ, напримѣръ, въ с. Бешалма онъ приходится въ день Св. Георгія. Въ этотъ день, какъ уже было описано выше, ѣдятъ жертвенныхъ ягнятъ въ церковной оградѣ. Другія села уславливаются справлять свои храмовые праздники вмѣстѣ. Такъ, три гагаузскихъ села: Чадырлунга, Копкуй и Джялтай условились разъ навсегда праздновать „Сбор“ въ Вознесенье („Испас“). Они выбрали себѣ для этого мѣсто въ степи возлѣ креста. По словамъ духовенства, крестъ этотъ былъ поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ останавливались съ Гербовицкой чудотворной иконой Божьей Матери, которая въ настоящее время находится въ Кишиневѣ, а въ 1883—84 годахъ возилась по деревнямъ по случаю появленія огромнаго количества

Digitized by Google

саранчи. О томъ, какъ празднуютъ этотъ „Сборъ", я уже писалъ въ Изв. Об. Арх. Ист. и Эти. при Имп. Каз. Ун. т. 12, в. I, стр. 54. Точно такъ же три сосѣднія гагаузскія колоніи: Дмитровка, Александровка и Траянъ празднуютъ свой „храмъ" 2-го мая. А колоніи Этулія, Аджяплы, Балбока и Пуциты (болгарск.) устраиваютъ „Сборъ" на Троицу, около колодца.

Къ числу мѣстныхъ праздниковъ нужно отнести и именины, которыя каждый гагаузъ справляетъ обязательно. Тотъ, кто первый увидитъ именинника въ день его именинъ, старается облить его водой. Вѣрятъ, что такое обливаніе приноситъ ему счастье, а потому онъ долженъ угостить того, кто первый его облилъ.

Наканунѣ каждаго праздника и въ каждую субботу съ наступленіемъ темноты кадятъ въ домѣ ладаномъ изъ глиняной ручной кадильнички („гюннюк тютюдеджя"—букв. ладонная дымильница. То же самое дѣлается въ каждый праздникъ и въ каждое воскресенье утромъ [40]).

Не пойти въ церковь въ воскресенье и въ большіе праздники считается грѣхомъ. Грѣшно также, даже для малаго ребенка, проспать въ праздникъ восходъ солнца. Говорятъ, что у того, кто этого обычая не исполняетъ, не будетъ ни хлѣба, ни денегъ и никакой удачи. „Подъ нимъ, говорятъ гагаузы, земля горитъ на 40 сажень въ глубину".

ПРИМѢЧАНІЯ *).

[1]) Колядованіе съ колокольчикомъ практикуется и у малороссовъ галицкихъ и украинскихъ. У послѣднихъ оно записано въ с. Тулинѣ Житомірскаго уѣзда.

А. III, с. 265; Б. II, с. 88 и 92.

[2]) У малороссовъ Каневскаго уѣзда тотъ же обычай наблюдается въ канунъ Крещенія: «если во время ужина въ этотъ день кто-нибудь изъ присутствующихъ чихнетъ, то хозяинъ что-нибудь даритъ ему: овечку, теленка».

А. III, с. 3.

[3]) Этотъ обычай несомнѣнно заимствованъ отъ болгаръ.

Я. с. 173.

[4]) У малороссовъ наканунѣ Новаго года «кладутъ нѣсколько луковицъ, посыпанныхъ солью, утромъ хозяинъ разсматриваетъ ихъ: если соль на луковицѣ будетъ влажная, — то впереди надобно ожидать не-

*) Объясненія знаковъ см. въ концѣ статьи.

Digitized by Google

много дождя, если соль совершенно мокрая — будетъ ливень (Въ Переяславскомъ уѣздѣ).

А. III, с. I.

[4а]) У поляковъ существуетъ обычай обливанія, который въ разныхъ мѣстахъ Польши практикуется то на первый, то на второй день Пасхи.

ВІ. IV с. 126 и ВГ. I. 1888. с. 158.

[5]) У малороссовъ Екатеринославскій губ. также существуютъ Крещенскія скачки.

Е. XXXIV, Сентябрь, с. 486.

[6]) Тотъ же обычай соблюдается у малороссовъ.

А. III, с. 3.

[7]) Стрѣльба изъ ружей на Крещенье производится также у великороссовъ Саратовской губ.

Г., кн. XIII. — XIV, с. 240.

) Таже примѣта существуетъ у турецкихъ сербовъ.

БС.

[7б]) Малороссы Купянскаго уѣзда говорятъ, что страшный судъ будетъ непремѣнно въ день заговинъ на Филипповъ постъ.

Г. 1894, № 2, стр. 98.

[8]) Тотъ же обычай существуетъ у турецкихъ сербовъ и у великороссовъ.

БС., с. 90; Х. VII, с. 346; АЧ., с. 172.

[9]) Игра эта оказывается международной. Она есть у малороссовъ подъ названіемъ «калыту кусаты», но только практикуется на Св. Андреи, у болгаръ, у турецкихъ сербовъ и, какъ это ни странно, у туземцевъ, на о—ахъ Самоа. У этихъ послѣднихъ игра называется «туимури». Садятся нѣсколько человѣкъ въ кружекъ, играющіе раздѣляются на двѣ партіи. Посреди̇нѣ укрѣпленъ апельсинъ въ висячемъ положеніи на длинной ниткѣ. Апельсинъ летаетъ кругомъ такъ, что минуетъ всѣхъ играющихъ. Задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобы острыми палочками при полетѣ проколоть апельсинъ.

Я., с. 189; БС., с. 90; И. V, с. 64; АГ, с. 358.

[10]) Такой же обычай существуетъ у крестьянъ великороссовъ Петрозаводскаго уѣзда и у мѣщанъ г. Петрозаводска. Въ канунъ Новаго года въ пирогъ запекается серебряная монета и при разрѣзаніи пирога смотрятъ, кому достанется кусокъ съ монетой. Тотъ считается особенно счастливымъ (Запис. мною). Въ Вологодской губерніи, также у великороссовъ на крестопоклонной недѣлѣ пекутъ изъ тѣста кресты. Въ одинъ крестъ запекаютъ печинку (кусочекъ глины), въ другой—крестикъ изъ лучинки, въ третій — серебряную монету. За обѣдомъ кресты разбираютъ всѣ семейники. Кому придется крестъ съ монетой, тому жить богато, кому съ печинкой, тому печально, а кому съ крестикомъ, тому въ томъ году умереть.

I., с. 128.

[11]) Обычай этотъ есть видоизмѣненіе, распространеннаго чуть ли не по всему міру, обычая періодическаго изгнанія бѣсовъ, сопровождающагося шумомъ разнаго рода, зажиганіемъ огней, криками и проч. Мате-

Digitized by Google

ріалъ для изслѣдованія этого обычая этнографическая литература даетъ въ такомъ изобиліи, что о немъ можно бы было написать не одинъ томъ. Я — слегка коснулся его въ статьѣ «Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ». (Живая Старина 1900 г. в. 3). и намѣреваюсь когда-нибудь къ нему возвратиться въ отдѣльной статьѣ, потому что имѣю относительно его не мало матеріала. Теперь же скажу нѣсколько словъ только о тѣхъ варіантахъ обычая «изгнанія бѣсовъ», которые, также какъ и у гагаузовъ, приходятся именно на масленицѣ. Сюда прежде всего относится, очень близкій къ гагаузскому, обычай бессарабскихъ болгаръ. Онъ совершается также въ послѣднее воскресенье масляницы. Дѣти разводятъ съ закатомъ солнца костеръ изъ можжевельника, стрѣляютъ изъ ружей и кричатъ: «Ерле-бабо ерле». Здѣсь даже и крикъ сходенъ по своимъ звукамъ съ гагаузскимъ. У болгаръ задунайскихъ тотъ же обычай сопровождается криками: «урбалеле», также близкими къ гагаузскимъ. Далѣе по времени совершенія гагаузскому обычаю соотвѣтствуетъ великорусское сжиганіе «масляницы», изображаемой въ видѣ соломенной куклы. Но детали этого обычая менѣе подходятъ къ гагаузскимъ, чѣмъ вотяцкій обычай, называемый «урвесь». Несовершеннолѣтніе парни раскладываютъ костеръ, на которомъ варятъ кашу и яйца, а потомъ, отошедши въ сторону, кричатъ хоромъ: о! о! о!, а также «урвесь вуиз» (урвесь поспѣлъ); слово «урвесь», непонятно для кричащихъ такъ же, какъ для болгаръ ихъ «урбалеле», а для гагаузовъ «уллю брати». Однако между болгарскимъ крикомъ и вотяцкимъ есть нѣкоторое сходство, почему мы и упомянули здѣсь о вотяцкомъ обычаѣ, хотя онъ совершается не на масленицѣ, а въ Іюнѣ и въ Декабрѣ. Сходный съ гагаузскимъ обычаемъ и также на масляницѣ есть у турецкихъ сербовъ.

Я., с. 189; Г. 1891, № 4, с. 262; БС., с. 90; I, с. 128; X, с. 331; К., с. 61 и 62.

12) Обычай «тримирить» есть и у болгаръ. У малороссовъ д. Малая Дубровица (Сѣдлецкой губ. Бѣльскаго уѣзда) есть также обычай сходный съ этимъ, тамъ «постять страсть». «Одъ велыкаго четверга, разсказывала мнѣ тамъ одна старушка, якъ повечерають, ажь на Велыкъ день обідають. Я сама, якъ дужша була, разовъ 20 постыла, нашъ батька постывъ до старосты. А найбульшъ дівкы постять». Тотъ же обычай существуетъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи.

Я., с. 191; А. III, с. 22.

12а) Повидимому гагаузская «Денія» есть не что иное, какъ малороссійскія «Діяніе». У Чубинскаго говорится, что «въ (страстную) субботу на «діяніе»... идутъ съ тѣми же свѣчами, съ которыми ходили на страсти».

А. III, с. 15.

13) Такой же обычай есть и у малороссовъ.

А. III, с. 13.

14) Такое же вѣрованье есть у галицкихъ малороссовъ и у болгаръ.

Б. III, с. 154; У., кн. VI, с. 92; Р. III, кн. 7, с 168.

14а) У малороссовъ «въ субботу первой недѣли поста зажиточныя женщины собираются въ церковь давать на литургію приношеніе въ.

Digitized by Google

церковь: хлѣбъ и «коливо». Надъ ними просятъ пѣть большія панихиды. Коливо и медъ приносятъ въ большихъ сосудахъ, обвернутыхъ бумагой съ прилѣпленными къ сосудамъ свѣчками».

А. III, с. 12.

[15]) Смотр. ниже примѣчаніе 26.

[15a]) Подобнымъ же образомъ въ Вологодской губ. изгоняютъ таракановъ: баба въ одной рубахѣ три раза объѣзжаетъ на помелѣ свой домъ съ приговоромъ. Тамъ же старуха объѣзжаетъ домъ на помелѣ, когда заблаговѣстятъ къ Христовской заутренѣ, чтобы изгнать изъ дому клоповъ.

І., с. 129; Ъ. 1898, в. І., с. 72.

[16]) Сравн. тотъ же обычай съ болгарскимъ.

Я, с. 180.

[17]) У малороссовъ подобный же обычай соблюдается на «похрестынахъ»: кумовья, подхмелившись, сажаютъ бабку въ соломенную корзину и въ импровизованномъ экипажѣ о двухъ колесахъ везутъ въ корчму, чтобы ее тамъ угостить. То же самое дѣлается и у бѣлоруссовъ: берутъ повивальную бабку, убираютъ ее лѣтомъ цвѣтами, а зимою — лентами... Потомъ берутъ обороченную вверхъ зубьями борону (лѣтомъ) или дровни (зимою), садятъ бабку на борону или дровни и везутъ ее на себѣ въ ближайшую корчму съ «пѣснями».

И. III, с. 121; П. 1874, с. 13.

[18]) Такой же разсказъ записанъ у сербовъ.

Ф., с. 25.

[18a]) У малороссовъ въ этотъ день дѣвушки варятъ сорокъ варениковъ.

А. III, с. 9.

[18б]) Великороссы Тульской губ. подъ Благовѣщеніе скачутъ черезъ огонь и окуриваютъ себя отъ призора.

Ц., с. 41.

[19]) Сравн. у болгаръ. У русскаго народа «на Благовѣщеніе воры стараются что нибудь украсть, чтобы имѣть успѣхъ на цѣлый годъ.

Я., с. 194; Ж, VII, с. 379.

[20]) Яйца на Пасхѣ, или (у нехристіанъ) на соотвѣтствующихъ ей весенникъ праздникахъ принадлежатъ къ числу международныхъ. Уже не говоря о христіанахъ, у которыхъ почти повсюду на Пасхѣ не обходятся безъ красныхъ яйцъ, мы встрѣчаемъ тотъ же обычай у черкесовъ (магометанъ) на праздникъ «Кутиш», соотвѣтствующій нашей Пасхѣ. У нихъ въ этотъ день яйца непремѣнная принадлежность стола. Въ Японіи обмѣниваются красными яйцами на Новый годъ; тоже у армянъ. Что касается обычая биться яйцами, то онъ былъ у древнихъ евреевъ и персовъ и принятъ въ настоящее время во Франціи и въ Сербіи. Въ Швеціи вечеромъ наканунѣ Пасхи каждый ѣстъ крутыя сваренныя яйца.

Что касается крашеныхъ яицъ, т.-е. разукрашенныхъ рисунками, то они приготовляются преимущественно на Пасху: у чеховъ, моравовъ, у поляковъ въ 12-мъ столѣтіи и въ настоящее время въ Ломжинской Люблинской губ., у малороссовъ въ Сѣдлецкой, Волынской и Подольской губ., у галицкихъ малороссовъ, у жмуди, латышей, эстовъ и въ Италіи.

БУ. Cilso I Ročnik V с. 67; Ibid. Cilso V Ročnik V с. 429; БГ. V С. 156,

Digitized by Google

167, 199; Ibid. IV с. 216, 818 и 819; АА. с. III; И. XIV с. I, 69, 70, 71, и 72; Ibid. XI с. 163; АУ. с. 117; И. III с. 125 № 9; Л. V 1862 с. 127; АЫ. II с. 491; БФ. с. 356; Л. IV 1873—74 с. 103.

[21]) Нѣчто подобное существуетъ въ Вологодской губ., тамъ въ первый день Рождества за обѣдомъ воздерживаются отъ воды, чтобы лѣтомъ не страдать отъ жажды. У малороссовъ говорятъ, что кто на Пасху пьетъ за обѣдомъ воду, тотъ никогда не пообѣдаетъ безъ воды.

А. Ш, с. 24; I., с. 142.

[21а]) У малороссовъ понедѣльникъ на Пасхальной недѣлѣ называется «волочінникомъ». Ходятъ съ поздравленіями (преимущественно дѣти) къ роднымъ, повивальнымъ бабкамъ, знакомымъ, къ священнику и помѣщику своего села, принося въ даръ «волочильнее», состоящее обыкновенно изъ пшеничнаго калача и нѣсколькихъ крашенокъ.

А. Ш, с. 24.

[22]) О борьбѣ и состязательныхъ скачкахъ во время весенниxъ праздниковъ у гагаузовъ, татаръ, ногайцевъ, вотяковъ, черемисовъ, калмыковъ, чувашей см. мою статью въ Изв. Общ. Арх. Ист. и Эгн. т. XII, в. I, с. 47—60. Здѣсь можно еще прибавить, что такія же скачки и состизанія въ борьбѣ и бѣгѣ бываютъ у якутовъ во время весенниxъ праздниковъ «исех».

Ж. VIII, с. 274.

[23]) У малороссовъ поминовеніе усопшихъ, совершаемое послѣ Пасхи, называется проводами. Поминаютъ умершихъ въ Ѳоминъ понедѣльникъ. У бѣлоруссовъ поминанья общественныя «радивошныя» бываютъ на 2-ю недѣлю по Паслѣ въ понедѣльникъ. У великороссовъ Рязанской губ. въ «Новской» (Навскій) вторникъ (на Ѳоминой недѣлѣ). Въ другихъ мѣстахъ Великороссіи весеннія поминки справляютъ въ день «Радуницы» (Новій день), т.-е. также во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Сербо-Хорваты справляютъ «Радуницу» въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ. У болгаръ поминки бываютъ въ извѣстныя субботы въ теченіе весны. У поляковъ въ Сѣдлецкой губ. поминки справляютъ весною на третій день Пасхи, хотя церковь этого не требуетъ. Но весеннія поминки вовсе не составляютъ исключительной принадлежности христіанъ, такъ какъ онѣ совершались въ это время и у многихъ язычниковъ. Въ древнемъ Иранѣ вѣрили, что души усопшихъ пробуждаются весною. Въ теченіе послѣднихъ 5 дней стараго года (въ февралѣ) и первыхъ 5-ти новаго (въ мартѣ) онѣ сходили на землю. У древнихъ Римлянъ dies parentales (родительскіе дни) справлялись во второй половинѣ февраля съ 13 по 21 число. У китайцевъ также посѣщаютъ могилы весною. У черемисъ поминки бываютъ на первой недѣлѣ Великаго поста и въ четвергъ на страстной недѣлѣ.

БХ. II къ рисунку GE; Г. 1895 № 3, с. 22; БЦ., с. 87; БЧ., с. 13; Ъ. 1893, в. Ш, с. 420; Ibid. 1898, в. II, с. 231; А. Ш, с. 27.

[23а]) У малороссовъ въ день Св. Георгія крестьяне, «наѣвшись и напившись, зарываютъ въ землю, какъ бы для удобренія ея, остатки пасхальнаго «свячоного».

А. Ш, с. 30.

Digitized by Google

[24]) У болгаръ с. Карагачъ Измаильскаго уѣзда отъ жертвеннаго ягненка, котораго рѣжутъ на праздникъ Св. Георгія, отдаютъ священнику шкуру и правую переднюю ногу (Запис. мною). У бурятъ съ задней ноги каждаго жертвеннаго животнаго вырѣзаютъ «хадахан» и мясо это идетъ шаману за его труды.
Г. 1894, № 2, с. 135.

[25]) Смотр. въ главѣ «Вѣрованія» примѣч. 24.

[26]) Этотъ чрезвычайно интересный обрядъ имѣетъ всемірное значеніе, а потому мы позволимъ себѣ на немъ остановиться нѣсколько дольше.

Хотя у гагаузъ обычай съ пипирудой очевидно заимствованъ отъ болгаръ, но у нихъ есть свой варіантъ того же обычая, о заимствованіи котораго отъ кого-либо намъ ничего неизвѣстно,—это хожденіе дѣвочекъ по домамъ въ Лазаревскую субботу съ такъ называемыми Лазаревскими пѣснями. Въ этомъ можно убѣдиться изъ всего того, что будетъ приведено нами ниже. Похороны куклы во время засухи, кромѣ гагаузовъ и болгаръ, существуетъ еще у турецкихъ сербовъ; тамъ обрядъ этотъ называется «Додолу». Но особенно сильно онъ распространенъ между кавказскими народами. Въ Кахетіи во время засухи крестьянскія дѣвочки собираются вмѣстѣ и, надѣлавъ куколъ, называемыхъ «Лазаре», ходятъ съ пѣснями по селу. «Лазаре, Лазаре", поютъ онѣ: Дай Богъ намъ грязи, не хотимъ засухи». Изъ дому, передъ которымъ онѣ поютъ, выходитъ хозяинъ, выноситъ въ подарокъ нѣсколько яицъ или немного муки и обливаетъ водою куклу, а иногда и самихъ дѣвочекъ. У грузинъ для того, чтобы во время засухи испросить у Бога дождя, а съ нимъ вмѣстѣ хорошій урожай, собираются женщины цѣлаго села или даже нѣсколькихъ селеній и цѣлою гурьбою съ босыми ногами ходятъ по разнымъ дворамъ, выпрашивая подобно нищимъ и собирая милостыню, въ видѣ денегъ или же восковыхъ свѣчей. При такомъ хожденіи толпа женщинъ хоромъ распѣваетъ слѣдующую пѣсню Лазаря: «Лазарь подступилъ къ дверямъ, походилъ у «таро» (полки для посуды), сталъ похожъ на луну, рѣшето расходилось, дождь поспѣшилъ. О, Св. Илья, что пригорюнился? бѣлыхъ козлятъ съ ягнятами мы тебѣ приносимъ. Ты пошлешь дождь, а мы тебѣ зарѣжемъ козленка». Собранныя при такомъ хожденіи свѣчи зажигаются въ церкви, а деньги употребляются на покупку барашковъ и козлятъ, которые приносятся въ жертву Богу, т.-е. рѣжутся и поѣдаются ходившими женщинами сообща.

Въ другомъ мѣстѣ у грузинъ въ томъ же случаѣ женщины и дѣвицы дѣлаютъ большую куклу и потомъ обносятъ ее по деревнѣ изъ одного двора въ другой съ пѣніемъ пѣсенъ. По окончаніи пѣсни, куклу и «лазаристокъ» обливаютъ водою и дарятъ имъ масло, яйца, свѣчи и проч.

Въ Кварели Телавскаго уѣзда во время засухи дѣти дѣлаютъ «Лазаря»: берутъ метлу, прикрѣпляютъ къ концу метлища поперечную палку, напяливаютъ на эту поперечину архалукъ или чоху, надѣваютъ

Digitized by Google

на конецъ метлища шапку, и чучело готово. Съ «Лазаремъ» дѣти ходятъ по селенію, имъ подаютъ милостыню со словами: «мы тебѣ даемъ и ты намъ дай дождь», послѣ чего обливаютъ чучело водой.

Въ городѣ Душетѣ во время засухи женщины дѣлаютъ куклу изъ глины, обходятъ съ нею дома и на собранныя деньги покупаютъ свѣчи. Въ пѣсняхъ онѣ упоминаютъ Илью, повелѣвающаго громами.

У кабардинцевъ такимъ же образомъ устраивается общественное моленіе объ урожаѣ. Женщины и дѣвушки дѣлаютъ изъ лопаты чучело женщины. Это чучело ведутъ медленнымъ шагомъ, какъ бы женщину, двѣ выбранныя дѣвушки подъ руки. Такъ онѣ съ пѣснями обходятъ все село, причемъ каждая хозяйка обливаетъ куклу водой со словами: «Боже, прими благосклонно». Потомъ отправляются на рѣку, рѣжутъ тамъ барана и съѣдаютъ его. Затѣмъ всѣ женщины купаются и тащатъ въ воду недавно вышедшихъ замужъ или имѣющихъ только одного ребенка, причемъ всѣ поочередно брызгаютъ водою куклу. Затѣмъ вся процессія возвращается на площадь, приходятъ парни и начинаются танцы вокругъ куклы. Эту послѣднюю снова обливаютъ водой и оставляютъ на площади на ночь.

Въ Абхазіи, въ Самурзаканѣ, во время засухи дѣлаютъ куклу изъ соломы, кладутъ на плотъ, зажигаютъ и пускаютъ по теченію.

У армянъ также устраиваютъ куклу, ходятъ съ нею по домамъ, собираютъ пожертвованія и деньги.

У новогрековъ, когда долго не бываетъ дождя, выбираютъ мальчика лѣтъ 8—9-ти, обыкновенно бѣднаго сироту, раздѣваютъ его догола, убираютъ полевыми цвѣтами и водятъ по городу или по деревнѣ.

Такой же обычай существуетъ и у валаховъ; тамъ болгарская Пипируда измѣнилась въ «Папалюгу», о ней поютъ: «Папалюга, взойди на небо, отвори ворота и пошли сверху дождь, чтобы хорошо росли хлѣба».

У древнихъ германцевъ также было въ обычаѣ вызывать дождь такимъ образомъ, что молодыя дѣвушки вели одну изъ своихъ подругъ, совершенно голую, къ ближайшему источнику или рѣкѣ и тамъ обливали водой.

Этотъ странный весьма древній и международный обычай станетъ для насъ понятнымъ, если ко всему сказанному мы прибавимъ, что въ древней Мексикѣ дѣти приносились въ жертву богу дождя, такъ какъ считалось, что богъ этотъ любилъ нѣжное дѣтское мясо, а на полуостровѣ Юкатанѣ особенную славу пріобрѣли потопленія въ колодцѣ Шишена. Этотъ колодецъ широкій и глубокій представлялъ нѣчто въ родѣ бездны, въ которую вела спиральная лѣстница, доходившая до воды. Тамъ топили молодыхъ дѣвушекъ, если ожидался плохой урожай или какое-либо другое бѣдствіе.

Можно думать, что всѣ нами приведенные обычаи только остатки древняго человѣческаго жертвоприношенія богу дождя или воды. Изъ сопоставленія между собою варіантовъ обычая, становится яснымъ, что въ глубокой древности для такихъ жертвоприношеній брали преимущественно

Digitized by Google

женщинъ и дѣтей, раздѣвали догола, вели къ рѣкѣ, источнику или колодцу съ соотвѣтствующими пѣснями и топили или сжигали.

Остатокъ того же обычая, по нашему мнѣнію, есть и ежегодное періодическое сожиганіе куколъ, въ родѣ нашей великороссійской «Масляницы» или «Костромы». Мѣстами этотъ обычай перешелъ въ періодическое обливаніе мужчинъ или женщинъ, совершающееся въ извѣстные праздники. Ясно, что съ распространеніемъ цивилизаціи и съ уничтоженіемъ человѣческихъ жертвъ, людей стали замѣнять куклами или животными, или же, вмѣсто того чтобы ихъ топить, стали только обливать водой, а весь остальной ритуалъ жертвоприношенія сохранился въ своей первобытной чистотѣ. Мнѣніе это какъ нельзя лучше подтверждается обычаями, сохранившимися у Мордвы и приводимыми профессоромъ И. Н. Смирновымъ, въ его монографіи «Мордва». Мы позволяемъ себѣ сдѣлать оттуда нѣсколько выписокъ. «Богиня воды (Ведь-ава) является у Мордвы и богиней любви и дѣторожденія... Въ честь ея около 29 іюня устраивается спеціальный молянъ—такъ называемая «бабья каша» и на этомъ молянѣ по мѣстамъ до сихъ поръ символизируется человѣческое жертвоприношеніе... Въ день этого праздника берутъ вдову, кладутъ ее поперекъ двухъ срубленныхъ деревьевъ, привязавши къ нимъ ея руки и ноги. Выборные, на которыхъ возлагается обязанность принести жертву, дѣлаютъ видъ, какъ будто перерѣзываютъ связанной женщинѣ горло. По окончаніи этой символической операціи, неподвижную, какъ трупъ, женщину кладутъ на телѣгу, отвозятъ въ деревню и закалываютъ назначенное въ жертву животное. Отвезенная женщина не имѣетъ въ этотъ день права показываться болѣе на моленьи». Въ другомъ мѣстѣ также у Мордвы въ день «бабань каши» старухи уходятъ въ лѣсъ, на берегъ рѣчки. Одна изъ нихъ ложится здѣсь на землю, ей проводятъ нѣсколько разъ ножемъ по горлу, затѣмъ снимаютъ кафтанъ и развѣшиваютъ на подобіе того, какъ это дѣлалось съ кожами жертвенныхъ животныхъ. Въ Пензенской губ. описанный обрядъ извратился, утратилъ смыслъ и пріобрѣлъ характеръ праздничной забавы, но представленіе о томъ, что богинѣ нужны человѣческія жертвы, сохранилось въ молитвенной формулѣ: «дай намъ полны лавки ребятъ, на твое имя надо было бы колоть двухъ бабъ, а мы рѣжемъ двухъ овецъ».

АЦ. 1868 Апрѣль, кн. 4, с. 568; БШ., 1897, Сентябрь, с. 161 и 166; АС. II, с. 238; АЗ, XIII, 1892, с. 116; Ibid., XIX, с. 79; Ibid, XVII, 1893, с. 149 и 177; Ibid., XVIII, с. 261; Л. V, 1862, с. 67; Ъ. 1893, в. III, с. 324; Г. 1900, № 2, с. 175, М. XII, в. 4, с. 310—311; Л. XVI, с. 57.

[27]) Слово «Испас», повидимому, происходитъ отъ слова «Спасъ» съ прибавленіемъ къ нему въ началѣ звука «і, подобно тому какъ въ Россіи 8-е Сентября слываетъ нерѣдко подъ именемъ «Аспасова» дня. Но слово это всетаки должно быть очень древняго происхожденія, потому что въ Галиціи есть село «Испасъ» (подъ Коломыей).

Ж. VII, с. 295; Б. I, с. 77.

[28]) У малороссовъ въ субботу передъ Троицынымъ днемъ, при захожденіи солнца, натыкаютъ вѣтки деревьевъ передъ дверями построекъ и

Digitized by Google

на воротахъ, чтобы отогнать вѣдьмъ; ставятъ зелень внутри домовъ по угламъ; посыпаютъ полы зеленью, осокой и другими травами. У великороссовъ, какъ извѣстно, въ этотъ день съ незапамятныхъ временъ принято украшать дома березками. У поляковъ-курпей посыпаютъ передъ домомъ «tatarakiem» (трава), а крыльца украшаютъ березками.

А., III, с. 185; Bl., IV, с. 130.

[28a]) У малороссовъ вся недѣля, начиная съ субботы передъ Троицынымъ днемъ называется «русальною». Въ это время русалки выходятъ изъ рѣкъ, манятъ прохожихъ и, если кого поймаютъ, — защекочутъ на смерть. Дѣвушки не выходятъ въ это время въ поле въ одиночку и не купаются.

А. III, с. 185 — 186.

[29]) По болгарскому словарю Дювернуа, «Драгайка» — это болгарская Иродіада. У болгаръ въ этотъ день шесть дѣвушекъ въ сопровожденіи музыкантовъ ходятъ по домамъ и пляшутъ, а одна, изображающая Иродіаду въ мужской шапкѣ на головѣ и съ ятаганомъ въ рукахъ вертитъ имъ въ знакъ отсѣченія главы Іоанна Предтечи (обычай въ Систовѣ).

[29a]) Примѣта, что облака до Ильи ходятъ за вѣтромъ, а послѣ Ильи — противъ вѣтра есть и у малороссовъ. Но надо полагать, что эта примѣта широко распространена въ Россіи, такъ какъ мнѣ случалось слышать ее отъ крестьянъ Олонецкой губ.

А. III, с. 224.

[30]) Обычай этотъ, повидимому, могъ быть заимствованъ гагаузами у молдаванъ, такъ какъ по-молдавански слово «фок» значитъ огонь. Тотъ же праздникъ огня есть и у гуцуловъ въ Галиціи.

БД., с. 79.

[30a]) Въ этотъ день у малороссовъ освѣщаютъ въ церкви яблоки, груши и пр.

А. III, с. 225.

[31]) У малороссовъ нѣкоторые мужчины ходятъ смотрѣть, не горитъ ли гдѣ кладъ наканунѣ Пасхи.

А. III, с. 22.

[32]) Тоже у болгаръ. Въ д. Малая Дубровица (Сѣдлецк. губ. Бѣльск. уѣзд) есть пословица: «будутъ тебе нарвы (нарывы) рваты, якъ ты на Головосіка плоды рвавъ». У малороссовъ въ этотъ день нельзя есть вещей, напоминающихъ собою голову, потому что отъ этого будутъ чиряки (вереды).

БЩ., с. 14; А. III, с. 254.

[33]) У болгаръ волчи праздники называются «Влъчи-то праздници» или «Вучлеци». По Каравелову они приходятся отъ 1-го до 20 ноября, а по Качановскому — отъ 11-го до 13-го Ноября.

БЩ; Я., с. 265.

[34]) Варіанты этой сказки: Чубинскій Труды I, с. 51; Ibid II, с. 113, № 36; с. 124, № 42; с. 126, № 43; Glinsk Bajarz. polsk. III, с. 158; Matija kračmanov Narodne pripovjesti. u Zagr. 1890, с. 267; Ibid, с. 93, № 4; Романовъ. Бѣлорусск. сказ. I, в. 3, № 12, 13 и 25;0. Kolberg. Lud. Ser. XIV, cz. 6, str. 318; Ibid. Przemyskie c.

Digitized by Google

202; Wisła. VI, s. 142; Сборн. за народ. умотвор. I, с. 130; V, с. 188 VI, с. 144; VIII, с. 223; Аѳанасьевъ, Русск. сказ. VI, с. 50; Трейландъ Латышск. сказ. с. 112, № VII; Г. Верещагинъ. Вотяки Сарапульск. уѣз., с. 140.

Вѣрованье сходное съ гагаузскимъ относительно волковъ есть у полѣшуковъ Пинскаго уѣзда. Они говорятъ, что осенній Юрій отмыкаетъ рты волкамъ и съ этого времени они начинаютъ ходить стадами.

АЩ., с. 179.

[35]) У поляковъ и малороссовъ съ днемъ Св. Андрея также соединены гаданія, и также любовнаго свойства.

И. III, с. 120, № 6 и 7; Б. II, с. 77 — 79; А. III, с. 257 — 262.

[36]) Въ д. Малая Дубровица, если убиваютъ зимою свинью, то смотрятъ, какая у нея бываетъ внутри «коса». Если тонкая, то зима будетъ не морозная, если же толстая и длинная, то зима будетъ суровая. О томъ же смотр.

З. II, с. 259.

[37]) Колядованіе со звѣздой принято повсюду у малороссовъ, у великороссовъ, у поляковъ и кромѣ того есть въ Швеціи подъ именемъ «Виѳлеемской звѣзды».

И. III, с. 126, № 19; А. III, с. 264; АФ. ч. I, с. 54 и 66; Х. VII, с. 46.

[38]) Такой же инструментъ употребляется при колядованіи и въ Румыніи.

И. VIII, с. 196.

[39]) У малороссовъ такой праздникъ также называется «Храмъ», у великороссовъ — «Храмовой праздникъ». У болгаръ храмовой праздникъ называется «Соборъ», а у помаковъ (потурченныхъ болгаръ) «Сборомъ» называется праздникъ обрѣзанія.

И. III, с. 126, № 19; У. V, с. 215; БЩ, с. 12.

[40]) Ручныя кадильнички, какъ мнѣ приходилось видать самому, приняты у старобрядцевъ великороссовъ въ Олонецкой губ.

Digitized by Google

ОБЪЯСНЕНІЯ ЗНАКОВЪ.

А. — Чубинскій. Труды.
Б. — O. Kolberg. Pokucie.
В. — Добровольскій. Смоленскій сборникъ.
Г. — Этнографическое Обозрѣніе.
Д. — Г. Верещагинъ. Вотяки Сарапульскаго края. Спб. 1889.
Е. — Кіевская старина (журналъ).
Ж. — Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи.
З. — Аѳанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Москва, 1869
І. — Иваницкій. Вологодская губ.
И. — Zbiór Wiadomosci do Antropol.
К — Г. Верещагинъ. Вотяки Сосновск. края. Спб. 1886.
Л. — Запис. Кавказ. Отд. Рус. Геогр. Обществ.
М. — Извѣст. Общест. Археол. Истор. и Этнограф. при Императр. Казанск. университетѣ
Н. — Антоновичъ и Драгомановъ. Малоросс. пред.
О. — И. Н. Смирновъ. Пермяки.
П. — Шейнъ. Бѣлорусск. пѣсни.
Р. — К. А. Шапкаревъ. Сборникъ отъ болгар. народн. умотворен. Софія 1891.
С. — Зинаида Радченко. Народныя пѣсни Гомельскаго уѣзда.
Т. — Пословицы. В. И. Даля.
У. — Сборникъ за народн. умотворен. и книжнина.
Ф. — Караджіч. Обычаи.
Х. — Терещенко. Бытъ русскаго народа.
Ц. — Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. Изд Суворина.
Ч. — O. Kolberg. Chełmskie.
Ш. — Германъ Куляковскій. Словарь областного олонецкаго нарѣчія. Спб. 1898.
Щ. — Головацкій. Пѣсни галицкой и угорской руси. Москва. 1878.
Ъ. — Живая старина (журналъ).
Ы. — Н. Харузинъ. Сборникъ для изученія крестьянскаго быта. Москва 1890.
Э. — Извѣстія Обществ. Любит. Естествозн. Антр. и Этногр. Труды этнограф. отд.
Ю — H. Machal. Nakres. slovens. bajesl.
Я. — Каравеловъ. Памятники.
АА. — Н. Сумцовъ. Культурн. переживан.
АБ. — Де-Волланъ. Угро-русскія народн. пѣсни. Спб. 1885.
АВ. — Dzieje starożytne narodu litewskiego. F. Narbutt. Wilno 1835..
АГ. — Новая Зеландія и остальные острова Южнаго океана. Исторія открытія и постепенной колонизаціи Полинезіи. Соч. Ф. Кристмана и С. Оберлендера, кн. 1 — 1872, кн. 2 — 1875 г.
АД — Сборникъ матеріаловъ, издаваемый при Дашковскомъ музеѣ.
АЕ — Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Berlin.
АЖ — А. Н. Красновъ. Изъ колыбели цивилизаціи. Письма изъ кругосвѣтн. путешествія. Спб. 1898.
АЗ. — Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.
АІ. — Melusine. (Франц. этногр. журн).
АИ. — Folke-lore. London. (Англійск. этногр. журн).
АК. — Geschichte des alten Aegyptens von Eduard Meyer. Berlin. 1887.

Digitized by Google

АЛ. — Algemeine Ethnographie von Friedr. Müller. Wien. 1879.
АМ. — Revue des traditions populaires. Paris.
АН. — Начала цивилизаціи. Сера Джона Лёббока. 2 изд. подъ редакц. Коропчевскаго. Спб.
АО. — La tradition. Paris.
АП. — А. С. Дембовецкій. Опытъ описанія Могилевской губ. Могилевъ на Днѣпрѣ. 1882.
АР. — Ф. Гельвальдъ. Естественная исторія племенъ и народовъ. Изд. Суворина. Спб. 1885.
АС. — Народы Россіи. Изд. журнала „Природа и люди". Спб. 1878.
АТ. — Illustrirtes Wörterbuch der römischen Alterthümer von Anthony Rich.
АУ. — O. Kolberg Lud. Serya VII. Lubelskie.
АФ. — O. Kolberg. Lud Serya XIX. Kaliskie.
АХ. — Журналъ министерства народнаго просвѣщенія.
АЦ. — Вѣстникъ Европы (журналъ).
АЧ. — Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. Изд. Суворина.
АШ. — Толковый словарь русскаго языка. В. И. Даля.
АЩ. — Пинчуки. Д. Г. Булгаковскій. Спб. 1890.
АЪ. — Русскія древности въ памятникахъ искусства. Изд. графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Спб. 1889.
АЫ. — Е. Н. Водовозова. Жизнь европейскихъ народовъ.
АЭ. — П. Я. Пясецкій. Путешествіе по Китаю. Спб. 1890.
АЮ. — Н. Я. Никифоровскій. Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ. 1895.
БА — Э. А. Вольтеръ. Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губ. Спб. 1890.
ББ. — Bojary Międzyrzeccy. Studium etnograficzne prz. Adolfa Pleszczynskiego. Warsz. 1893.
БВ. — Первобытная культура. Э. Тейлоръ. Изд. редакц. журнал. „Знаніе". Спб. 1872.
БГ. — Wisła (Польск. этнограф. журн).
БД. — Die Huculen. R. Kaindl.
БЕ. — Н. О. Эминъ. Изслѣдованія и статьи по армянской миѳологіи, археологіи, исторіи и исторіи литературы. Москва. 1896.
БЖ. — O. Kolberg. Lud. Serya XV. Poznańskie.
БЗ. — Н. Сумцовъ. Къ вопросу о происхожденіи пѣсни и обряда „Сая". (Отдѣльный оттискъ Р. Ф. Вѣстника).
БІ. — Historya literatury powszechnej J. A. Swięcickiego. Z biblioteki dzieł wyborow. Warsz. 1901.
БИ. — Скифы и ихъ соплеменники ѳракійцы. В. Мошковъ. Варшава. 1896.
БК. — Животъ и обычаи црногорца написао В. М. Г. Медаковичь. У Новомъ Саду. 1860.
БЛ. — Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.
БМ. — Kłosy. (Польскій иллюстр. журн).
БН. — Естествознаніе и Географія. (Журн).
БО. — Извѣст. Восточно-Сибирск. Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ.
БП. — Преданія о народныхъ русскихъ суевѣріяхъ, повѣрьяхъ и нѣкоторыхъ обычаяхъ. Заимствовано изъ „Словаря Русскихъ суевѣрій", изданнаго въ 1782 г. Москва. 1861.
БР. — O. Kolberg. Lud. Ser. XVII.
БС. — Ястребовъ. Обычаи турецкихъ сербовъ. Спб. 1886.
БТ. — Гербертъ Спенсеръ. Таинственный міръ. Переводъ съ англійск. Спб. 1899.
БУ. — Česky Lid (Чешск. этногр. журн).
БФ. — Живописная Японія. Эме Бомбера. Спб. 1870.
БХ. — M. A. Racinet. Le costume historique... Paris. 1888.

Digitized by Google

БЦ. — Bojary Międzyrzeccy. Studium etnograficzne prz. Adolfa Pleszczynskiego. Warz. 1893.
БЧ. — Черемисы Арбанской волости. Н. Троицкой. Казань. 1893.
БШ. — Міръ Божій. (Журн).
БЩ. — В. Качановскій. Памятники болгарскаго народнаго творчества. Спб. 1882.
БЪ. — Das Fürstentum Bulgarien von Constantin Jireček. Wien. 1891.
БЬ. — О. Партицкій. Древняя исторія Галичины. Львовъ 1894.
БЭ. — Исторія внѣшней культуры. Ф. Готтентротъ. Изд. М. О. Вольфа.
БЯ. — И. Казанцевъ. Описаніе киргизъ-кайсакъ. Спб. 1867.
БЮ. — Das deutsche Volk. in Schilderung, von Eduard Duller. Leipzig, 1847.
ВА. — O. Kolberg. Lud. Ser. IX.
ВБ. — O. Kolberg. Lud. Ser. XVIII. Kieleckie.
ВВ. — Чтенія въ Общест. исторіи и древн. Росс.
ВГ. — Biblioteka Wisły. Warsz. 1899.
ВД. — O Huculach. Rys historyczny. Sofron Witwicki. Lwow, 1873.
ВЕ. — Шейковскій. Бытъ подоянъ. Кіевъ. 1860.
ВЗ. — Сборникъ матеріаловъ по этногр., изд. при Дашковскомъ музеѣ.
ВІ. — O. Kolberg. Mazowsze. Kraków. 1888.

В. Мошковъ.

Digitized by Google

Изъ области обычнаго права карачаевцевъ.

IV [1]).

Черты обязательственнаго права.

Переходя къ описанію нѣкоторыхъ видовъ обязательственныхъ отношеній, съ которыми мнѣ удалось познакомиться по книгамъ рѣшеній аульныхъ судовъ, я не коснусь тѣхъ договоровъ, которые, возникши уже въ послѣднее время подъ русскимъ вліяніемъ, не представляютъ ничего сколько-нибудь оригинальнаго, и остановлюсь только на тѣхъ обязательственныхъ соглашеніяхъ, въ которыхъ болѣе всего высказываются архаическія черты карачаевскаго обязательственнаго права. Цѣлый рядъ тѣхъ договоровъ, которые только и могутъ быть опредѣлены общимъ именемъ долговыхъ соглашеній, относится къ числу реальныхъ. Съ консенсуальными договорами карачаевцы познакомились только въ послѣднее время, когда получилъ распространеніе (особенно послѣ эмансипаціи крѣпостныхъ) договоръ личнаго найма. Условіями дѣйствительности договоровъ является имущественная правоспособность контрагентовъ, вслѣдствіе чего, напр., подвластный сынъ не можетъ безъ согласія отца вступить въ договоры; далѣе—отсутствіе обмана; послѣднее условіе особенно требуется въ договорахъ купли-продажи; попослѣдняя считается недѣйствительной, если продавецъ скрылъ недостатки или пороки вещи, напр., обязавшись продать стельную корову, продалъ нестельную. Такъ какъ обманъ есть проявленіе злого умысла, то обычай не оставляетъ безнаказаннымъ такого продавца. Присуждая его къ возвращенію полученной суммы, аульный судъ кромѣ того налагаетъ на него штрафъ въ пользу истца-покупателя [2]). Вообще, проявленіе злого умысла, напр., умыш лен-

[1]) См. Эти. Обозр., кн. 52.

[2]) По рѣшеніямъ Картъ-Джюртскаго аульнаго суда.

Digitized by Google

ное отрицаніе поручителемъ своего поручительства и т. п., влекутъ за послѣднее время строгую репрессію со стороны суда въ видѣ наложенія большихъ штрафовъ, доходящихъ до 30 рублей и поступающихъ частью въ пользу контрагента, частью же аульнаго общества, если затронуты общественные интересы,—или въ видѣ назначенія на общественныя работы. Особенно рѣзко сказывается это по отношенію къ кражѣ, влекущей для виновнаго неодинаковыя послѣдствія, смотря по тому, что является ея предметомъ—скотъ, или-же деньги и вещи. Тогда какъ кража перваго рода считается гражданскимъ правонарушеніемъ, влечетъ за собой только требованіе вознагражденія потерпѣвшаго стоимостью украденной скотины и даже допускаетъ право регресса одного вора, уплатившаго всю стоимоть, къ другимъ своимъ сотоварищамъ по кражѣ [1]), и возможность примиренія потерпѣвшаго съ воромъ, которое можетъ избавить вора отъ суда,—кража вещей и денегъ считается гораздо болѣе серьезнымъ преступленіемъ, проявленіемъ особенно опасной воли, и, облекаясь постепенно въ форму уголовнаго правонарушенія, теперь уже влечетъ для виновнаго, кромѣ частнаго вознагражденія, и общественную кару—арестъ на нѣсколько сутокъ и присужденіе къ общественнымъ работамъ. Тогда какъ кражи скота, чрезвычайно многочисленныя, считаются самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, такъ сказать, въ порядкѣ вещей, денежныя кражи считаются позоромъ для всего общества. Впрочемъ, въ послѣднее время подобный же взглядъ начинаетъ прилагаться и къ кражамъ скота, проявляясь въ запрещеніи суда потерпѣвшему кончать дѣло миромъ съ воромъ, не доводя о кражѣ до свѣдѣнія суда [2]).

Изъ видовъ обезпеченія договоровъ, изъ которыхъ карачаевцамъ знакомы задатокъ, залогъ и поручительство, остановимся на послѣднемъ, въ виду того, что есть возможность предположить, что не всегда ему давалась та конструкція, въ какой поручительство примѣняется въ настоящее время въ Карачаѣ, нисколько не отличаясь отъ обычнаго, намъ знакомаго, поручительства. Въ доказательство приведу одно рѣшеніе аульнаго Учкуланскаго суда за 1879 г., т.-е. болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. „Нѣкто Коркмазовъ

[1]) Рѣш. Картъ-Джюртскаго аульн. суда за 1896 г.
[2]) См. рѣш. Учкул. суда за 1898 г.

Digitized by Google

предъявляетъ жалобу, что онъ продалъ въ одно время собственныхъ своихъ трехъ быковъ ногайцамъ за 30 р.; деньги эти поручился уплатить за нихъ житель аула Учкуланъ, Байчоровъ, который за многими требованьями не отдаетъ, почему истецъ и проситъ о взысканіи. Байчоровъ отъ поручительства отказывается. Свидѣтели подтверждаютъ поручительство. Судъ опредѣлилъ: Коркмазову сначала нужно обратиться съ требованіями къ ногайцамъ, и если они не приступятъ, то тогда долженъ уплатить Байчоровъ, какъ поручитель". Судъ, какъ мы видимъ, считаетъ своей обязанностью подтвердить различіе между главнымъ должникомъ и поручителемъ и тѣмъ исправить неправильность народнаго воззрѣнія, не всегда различавшаго ихъ. Карачаевское поручительство, повидимому, прошло тѣ же стадіи, что и древнеримское.

Практика третейскихъ судовъ, дѣйствовавшихъ, по преданіямъ, съ древнѣйшихъ временъ, и современныхъ аульныхъ почти изгладила въ воспоминаніи карачаевца періодъ самоуправства, самоуправнаго исполненія договоровъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ удалось познакомиться лишь со слабыми пережитками эпохи самоуправства, къ числу которыхъ можно отнести самоуправное установленіе залога въ обезпеченіе денежнаго займа,—обыкновенно захватъ нѣсколькихъ пітукъ барановъ, противъ чего теперь особенно возстаетъ аульный судъ. Хотя, съ другой стороны, въ этомъ актѣ, при томъ отсутствіи всякихъ сроковъ [1]), которое характеризуетъ карачаевскій заемъ или ссуду, можно видѣть и самоуправное принужденіе должника къ исполненію имъ его обязательства Какъ оригинальный видъ самоуправнаго вознагражденія за убытки, мы встрѣчаемъ слѣдующій, довольно распространенный, обычай: хозяинъ потравленнаго скотомъ участка, не желая судомъ взыскивать убытковъ, предпочитаетъ, поймавши виновное животное, зарѣзать его. Затѣмъ, если хозяинъ животнаго не пожелаетъ примириться съ этимъ фактомъ и будетъ требовать судомъ вознагражденія, на судѣ производится зачетъ обоюдныхъ требованій. Часто также, удовлетворяя чувству мести, хозяинъ потравленнаго участка рѣжетъ хвосты пойманнымъ животнымъ. Съ своей стороны судъ, въ случаѣ неисполненія однимъ контрагентомъ своего

[1]) Въ судебныхъ рѣшеніяхъ встрѣчаешься только съ такимъ опредѣленіемъ сроковъ: „Такой-то взялъ *на время*".

Digitized by Google

обязательства, старается устранить самоуправство тѣмъ, что, расторгнувши договоръ, налагаетъ на неисправнаго контрагента сверхъ того обязанность вознаградить другого контрагента нѣсколькими рублями [1]). Вмѣшательство суда и регулированіе имъ взаимныхъ обязанностей сторонъ выражается и въ запрещеніи самовольнаго зачета долга (что, какъ мы видѣли, онъ допускаетъ по отношенію къ требованіямъ изъ правонарушеній), къ чему особенно склонны карачаевцы: сплошь и рядомъ должникъ, участокъ котораго потравила скотина кредитора, зачитываетъ въ сумму своего долга размѣръ убытковъ, ему причиненныхъ; но если кредиторъ на это не согласенъ, то и судъ не признаетъ подобнаго зачета.

Судебная практика проводитъ различіе, опредѣляя размѣръ отвѣтственности за правонарушеніе между намѣреніемъ и простой неосторожностью; послѣдняя влечетъ болѣе легкую отвѣтственность, нежели первая. Иной взгядъ примѣняется къ отвѣтственности хозяина животнаго за вредъ, причиненный этимъ послѣднимъ: въ данномъ случаѣ достаточно простой неосторожности, чтобы отвѣтственность наступала въ полномъ размѣрѣ. Главнымъ объектомъ долговыхъ соглашеній является скотъ, и чаще всего корова, которая называется борч-нех, долговой коровой. Она, служа вмѣстѣ съ тѣмъ мѣновой единицей, не должна отличаться какими-либо недостатками, равно какъ и выдающимися достоинствами, должна, т. ск., быть во всѣхъ отношеніяхъ средней коровой, дающей среднее количество молока и т. д. Цѣна средней коровы опредѣляется по обычаю, и ежегодно въ каждомъ ауль-номъ правленіи дѣлается эта обычная оцѣнка разнаго рода скота, чѣмъ значительно облегчается задача суда при опредѣленіи количества штрафовъ или долга, къ которому присуждается отвѣтчикъ. Корова чаще всего служитъ предметомъ займа, называемаго по ея имени борч-нек. Занявшій борч-нек, обыкновенно на неопредѣленное время, обязывается возвратить такую же, иногда, по условію, тельную. Въ связи съ этимъ договоромъ выработ-

[1]) Мѣняется револьверъ на кобылицу, которую покупатель не уплачиваетъ. Судъ постановляетъ: „возвратить револьверъ продавцу и, кромѣ того, за неисполненіе обязательства взыскать съ покупателя 2 рубля и тоже удовлетворить продавца“. (Изъ учк. суд. рѣш.).

Digitized by Google

тался въ Карачаѣ и оригинальный счетъ процентовъ, соотвѣтственно естественному размноженію скота. Система счета процентовъ по приплоду, быть можетъ, самая архаическая форма процентнаго счета, еще и понынѣ практикуется въ Карачаѣ, особенно, если договоръ займа исполняется черезъ небольшой срокъ, годъ или два. Но, очевидно, при многолѣтнемъ займѣ мы имѣемъ дѣло уже со сложными процентами, возрастающими въ геометрической прогрессіи; по прошествіи десяти лѣтъ, напр., занявшій корову уже обязанъ былъ бы вернуть кредитору чуть ли не цѣлое стадо. Неудивительно поэтому, что ни горскій судъ, проводникъ русскихъ законовъ, ни даже судъ аульный теперь уже не признаютъ подобныхъ требованій кредиторовъ, заставляя ихъ ограничиваться казенными процентами и переводить свои „натуральныя" требованія на деньги. Размѣръ процентовъ въ настоящее время не превышаетъ 6 годовыхъ; но еще очень недавно карачаевцы не удовлетворялись такой ничтожной суммой и, привыкши къ вычисленію ихъ по нормальному приплоду скота, требовали не менѣе 5% мѣсячныхъ т.-е. 60% въ годъ. Какъ видно изъ судебныхъ рѣшеній за прежніе годы, судъ признавалъ подобныя требованія и удовлетворялъ истцовъ. По адатному постановленію стариковъ, раньше (а отчасти и теперь, если дѣло идетъ о небольшихъ срокахъ [1]) за взятую корову черезъ годъ платилась корова съ теленкомъ; черезъ два года—корова и двухлѣтній теленокъ и одинъ однолѣтній; черезъ три года—2 коровы, 2 годовалыхъ теленка и 2 двухлѣтнихъ и т. д., по тому же расчету. При этомъ предполагалось, что взятая въ заемъ корова ежегодно приноситъ по теленку, что приплодъ состоитъ исключительно изъ телятъ, а не бычковъ, и, наконецъ, что телка телится на 3-мъ году [2]). При опредѣленіи величины займа и переводѣ его на деньги, принимается въ соображеніе обычная оцѣнка скота, о

---

[1]) Вотъ, напр., одно изъ рѣшеній учкуланскаго аульнаго суда за 1896 г. „Адиѣвъ заявилъ суду, что ему уже три года тому назадъ состоитъ должнымъ одну корову съ теленкомъ Темирѣзовъ, почему проситъ взыскать съ него трехъ штукъ, т. к. она 2 раза отелилась". Но по обоюдному согласію стороны помирились на одной коровѣ.

[2]) См. статью Петрусевича въ 4 вып. Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, гдѣ подробно изложена карач. система счета процентовъ соотвѣтственно приплоду скота, какъ она практиковалась 30 лѣтъ тому назадъ.

Digitized by Google

которой я говорилъ выше. Какъ видно изъ судебныхъ рѣшеній, кредиторъ по займу часто требуетъ, особенно, если договоръ заключенъ на короткій срокъ, а при отсутствіи срока, если ему вздумается требовать долгъ черезъ годъ или два,—возвращенія той же самой коровы съ ея же приплодомъ, которую онъ далъ въ заемъ. Если же заемная корова остается много лѣтъ во владѣніи должника, то послѣдній возвращаетъ не ее, а таковую же и приплодъ, который по расчету могла бы дать заемная корова. Въ первомъ случаѣ, очевидно, карачаевскій заемъ существенно отличается отъ нашего, налагающаго на должника обязательство возвратить лишь то же количество замѣнимыхъ вещей (fungibiles res) того же качества, и лишь съ натяжкой можетъ быть подведенъ подъ понятіе займа, имѣя болѣе чертъ сходства со ссудой, отъ которой, въ свою очередь, онъ отличается своей возмездностью. Карачаевскій „заемъ“ часто даетъ должнику не право собственности на вещь, а лишь право пользованія ею, причемъ собственность остается за кредиторомъ; напр., „занявшій“ корову имѣетъ право лишь доить ее и обязывается возвратить хозяину кромѣ нея нѣсколько рублей за доеніе; тогда въ этомъ соглашеніи ясно проступаютъ черты имущественнаго найма; иногда же, получившій въ такую ссуду корову, не платитъ за молоко ея хозяину, такъ какъ онъ ее за это прокармливаетъ; на подобныхъ условіяхъ, придающихъ долговому соглашенію характеръ ссуды въ настоящемъ значеніи этого слова, часто заключаются договоры въ голодныя зимы бѣдными хозяевами. Къ числу договоровъ послѣдняго рода надо отнести и тѣ очень многочисленныя соглашенія ссуды, по которымъ лицо, взявшее на прокормъ лошадь, имѣетъ право взамѣнъ того работать на ней; мотивъ, которымъ вызывается подобная сдѣлка,—оказаніе взаимныхъ услугъ: бѣдный хозяинъ освобождается отъ необходимости кормить свою лошадь; его же контрагентъ пріобрѣтаетъ возможность за ничтожные сравнительно расходы пользоваться ея рабочей силой. Въ этомъ отношеніи карачаевская ссуда отличается отъ нашей, въ которой услуга исходитъ съ одной только стороны, и commodator, т. ск., благотворитъ коммодаторію, что и дѣлаетъ безвозмездность услуги существеннымъ признакомъ этого договора. Возмездность всѣхъ долговыхъ карачаевскихъ соглашеній дѣлаетъ то, что не представляется возможности провести рѣзкую грань между ссудой и

Digitized by Google

займомъ [1]); ссуда возмездна въ сущности даже и тогда, когда, повидимому, не представляется таковой съ внѣшней стороны. Все зависитъ отъ сравнительнаго экономическаго положенія контрагентовъ; долговое соглашеніе можетъ быть квалифицировано и какъ ссуда, и какъ заемъ (плата % приплодомъ), не подходя всецѣло ни подъ одно изъ этихъ опредѣленій, смотря по тому, насколько данный объектъ сдѣлки—скотъ—является необходимымъ для того или другого контрагента. Но, повидимому, черты ссуды болѣе архаичны (возвращеніе того-же предмета, отсутствіе опредѣленнаго срока). Скотоводческій бытъ необходимо долженъ былъ вызвать именно такого рода соглашенія. Заемъ, требующій возвращенія *таковой же* вещи, повидимому, уже позднѣйшаго происхожденія и развился изъ „ссуды", чѣмъ только и можно объяснить переносъ на него счета %% приплодомъ скота, какой могла выработать только ссуда, и отсутствіе при займѣ опредѣленныхъ сроковъ, необязательныхъ и для ссуды. Когда, наконецъ, за пользованіе скотомъ назначается денежная плата, соглашеніе, какъ я упоминалъ, принимаетъ характеръ договора имущественнаго найма. Для иллюстраціи приведенныхъ положеній приведу одно судебное рѣшеніе, въ которомъ ясно можно усмотрѣть, какое незначительное различіе проводится между послѣднимъ договоромъ и ссудой въ карачаевскомъ быту. „Ижаевъ заявляетъ суду, что Байрамкуловъ доилъ его двухъ коровъ все лѣто, за что обязанъ былъ уплатить 5 рублей, каковые и проситъ взыскать съ него. Байрамкуловъ объяснилъ, что Ижаевъ отдалъ тѣхъ коровъ ему изъ-за того, чтобы онѣ не подохли, такъ какъ въ ихнемъ аулѣ существовала болѣзнь въ это время на скотъ, но условія, чтобы заплатить 5 р. за молоко, не было".—Изъ всего этого видно, какъ трудно подвести карачаевское соглашеніе [2]) подъ какую-нибудь римскую дефиницію; послѣднія, какъ выраженія болѣе развитого юридическаго быта, плохо передаютъ содержаніе обязательствъ первобытныхъ племенъ. Такъ, довольно неопредѣленной конструкціей отличается слѣдующій, довольно распространенный въ Карачаѣ договоръ, называемый кач-нек — осенней телкой.

[1]) Хотя возмездность и не составляетъ существеннаго атрибута займа. См. Мейеръ. Русское гражд. право. стр. 460.

[2]) Замѣтимъ, что всѣ виды долгового соглашенія карачаевцы безразлично именуютъ займомъ: „Такой-то занялъ".

Digitized by Google

Обыкновенно осенью для расплатъ, по окончаніи сельскихъ работъ, карачаевцы нуждаются въ деньгахъ; занимая нѣсколько рублей, они разсчитываютъ долгъ на стоимость скота по обычной его оцѣнкѣ. Такъ, напр., занявшій пять рублей деньгами считается занявшимъ теленка (стоимость годовалаго теленка 5 р.) и обязуется весною вернуть кредитору двухлѣтнюю, предполагается стельную, корову. Таковъ размѣръ процентовъ за осеннюю телку! Въ виду чрезмѣрно тягостныхъ условій, въ которыя ставится должникъ, этотъ договоръ (кач-нек) начинаетъ выходить изъ употребленія: одни видятъ въ немъ ростовщическіе проценты, которые выжимаетъ кредиторъ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ должника, прибѣгающаго къ займу; другіе же, преимущественно богачи, имѣющіе свободныя деньги, видятъ въ этомъ договорѣ просто выгодную куплю скота въ кредитъ, причемъ покупатель впередъ уплачиваетъ деньги. Лишь въ послѣднее время начинаетъ входить въ употребленіе денежный заемъ, по которому должникъ расплачивается также деньгами, а не скотомъ. Несмотря на низкій сравнительно размѣръ законныхъ процентовъ (всего 6), карачаевцы и до сихъ поръ чаще расплачиваются не деньгами, а скотомъ и высчитываютъ его дѣйствительный или возможный приплодъ—проценты, какъ это можно видѣть на цѣломъ рядѣ судебныхъ рѣшеній. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что и понынѣ мѣновой единицей служитъ скотъ [1]); онъ у всякаго есть, хотя бы и въ небольшомъ количествѣ, между тѣмъ какъ деньги нужны преимущественно только для уплаты податей, и отчасти въ опредѣленное время года (осенью) для расплатъ за сельскохозяйственныя работы. У немногихъ денежныхъ тузовъ скопленная монета хранится непроизводительно въ мѣдныхъ кубышкахъ или служитъ фондомъ для ростовщическихъ операцій, подобно описанной выше. Неудивительно, поэтому, что бо́льшая часть услугъ вознаграждается или исключительно натурой, баранами и коровами, или же какъ деньгами, такъ и скотомъ, что и приводитъ къ заключенію цѣлаго ряда договоровъ съ трудомъ квалифицируемыхъ и допускающихъ только описаніе ихъ. Скотоводческій бытъ

[1]) Вообще торговля въ предѣлахъ Карачая и сейчасъ носитъ мѣновой характеръ: такъ, продукты домашняго издѣлія, бурки вымѣниваются карачаевцами въ мелочныхъ лавкахъ на ситцы, платки и т. п.

Digitized by Google

налагаетъ свой отпечатокъ почти рѣшительно на всѣ обязательственныя соглашенія. Съ другой стороны, потребности скотоводческаго хозяйства часто вызываютъ и заключеніе договоровъ личнаго найма. Отдавая, напр., свой скотъ на прокормленіе болѣе состоятельному лицу, карачаевецъ обязывается личными услугами, отработкой на поляхъ своего кредитора. Такіе договоры чрезвычайно многочисленны.

Къ числу также часто заключаемыхъ относятся и т. наз. ортачные договоры, соглашенія ортака, вызываемые условіями скотоводства. Имѣя сходство и съ наймомъ пастуха, и съ договорами товарищества, и, наконецъ, съ отношеніями, возникающими изъ поклажи между поклажедателемъ и депозитаріемъ, они не поддаются никакимъ опредѣленіямъ и требуютъ особаго описанія. Отличаясь большой архаичностью, и, съ другой стороны, будучи несомнѣнно оригинальнаго происхожденія, они даютъ возможность отмѣтить нѣкоторые существенные элементы древняго долгового соглашенія, именно, опредѣлить размѣръ отвѣтственности должника (въ широкомъ смыслѣ) за гибель и порчу вещи. Условія скотоводства заставляютъ карачаевцевъ проводить большую часть года на кошахъ, или на лѣтнихъ пастбищахъ, или же на зимовкахъ, въ томъ и другомъ случаѣ далеко отъ ауловъ. Въ каждой большой семьѣ, по крайней мѣрѣ, половина членовъ ея живетъ внѣ дома, пася стадо на кошахъ, а лѣтомъ, даже почти все населеніе Карачая цѣлыми семьями переселяется на лѣтнія пастбища, возвращаясь въ аулы только къ октябрю; лѣтомъ въ аулахъ можно встрѣтить лишь стариковъ и старухъ и немногихъ членовъ семьи, остававшихся для наблюденія за домашнимъ хозяйствомъ. Отсюда видно, какія трудности налагаетъ занятіе скотоводствомъ на одинокихъ людей и на семьи, не имѣющія много взрослыхъ работниковъ. Этимъ вызывается заключеніе договоровъ ортачныхъ, которые бываютъ двухъ видовъ. Первый видъ состоитъ въ томъ, что одинокій хозяинъ отдаетъ свой скотъ въ управленіе другому лицу, обыкновенно родственнику или хорошему другу на пять лѣтъ; управитель прибавляетъ отъ себя свой скотъ въ половинномъ размѣрѣ, напр., на 100 головъ хозяйскаго скота 50 головъ своего; по прошествіи 5 лѣтъ весь скотъ съ приплодомъ дѣлится пополамъ. Другой видъ ортака состоитъ въ томъ, что скотъ сдается на 4 года, но управитель отъ себя не прибавляетъ ничего, и, по

Digitized by Google

истеченіи 4 лѣтъ, скотъ и приплодъ дѣлятся на три части; двѣ изъ нихъ идутъ хозяину скота, а одна—управителю въ видѣ вознагражденія за трудъ. Договоръ ортака имѣетъ нравственный характеръ, такъ какъ контроль надъ злоупотребленіями управителя (которыя, конечно, возможны)—немыслимымъ. Интереснѣе всего то, что, въ случаѣ гибели скотины отъ дикихъ звѣрей, управитель обязанъ только доставить хозяину шкуру ея или ухо, на которомъ дѣлается мѣтка; тогда онъ избавляется отъ всякой отвѣтственности; въ случаѣ пропажи скотины онъ долженъ какъ-нибудь удостовѣрить фактъ пропажи, засвидѣтельствовать несчастный случай и тѣмъ отвести отъ себя подозрѣніе. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то заподозрѣвается въ воровствѣ, даже квалифицированномъ; какъ нарушившій довѣріе, которое ему оказывалъ контрагентъ, заключившій съ нимъ ортачный договоръ, онъ присуждается не къ простому вознагражденію хозяина стоимостью пропавшей скотины, а in duplum.—Итакъ, поклажепринимателъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться и въ цѣломъ рядѣ судебныхъ рѣшеній, избавляется отъ отвѣтственности за пропажу и гибель предмета отъ несчастнаго случая, только доказавши свою невиновность (хотя бы только присягой). Но эта норма примѣнима и къ другимъ видамъ долговыхъ соглашеній, требующихъ возвращенія того же самаго предмета, слѣдовательно и къ ссудѣ. Получившій вещь въ ссуду тоже не отвѣчаетъ за гибель ссуженной вещи, если она произошла отъ несчастнаго случая, и онъ доказалъ это. Но съ другой стороны, такъ какъ предметъ долгового соглашенія долженъ быть возвращенъ кредитору въ томъ же видѣ, то отвѣтственность за порчу предмета всецѣло ложится на должника (въ широкомъ смыслѣ). Поэтому также, получившій вещь въ ссуду можетъ пользоваться ею только выговореннымъ образомъ, напр., получившій лошадь на проѣздъ въ одинъ конецъ, до своего коша, не можетъ проѣхать на ней бо̀льшее разстояніе; нарушитель этого условія отвѣчаетъ за гибель вещи отъ несчастнаго случая, хотябы онъ доказалъ свою невиновность, въ данномъ случаѣ, что „онъ не заѣздилъ лошади“ [1]). Поклажепринимателъ, далѣе, не въ правѣ пользоваться отданной на сохраненіе вещью, иначе онъ отвѣтственъ передъ депонентомъ.

---

[1]) Учкул. суд. рѣш. за 1879 г.

Digitized by Google

Аналогичные принципы поклажи примѣняются и къ отвѣтственности главныхъ „пайщиковъ“ въ такъ наз. сборныхъ табунахъ. Иногда нѣсколько хозяевъ, владѣющихъ каждый нѣсколькими десятками лошадей, для сокращенія расходовъ составляютъ общіе, сборные табуны и нанимаютъ сообща пастуховъ-табунщиковъ. Первенство среди сотоварищей принадлежитъ владѣльцу наибольшаго числа лошадей, онъ лично даетъ согласіе на принятіе чужихъ косяковъ въ общій табунъ и заключаетъ условія съ новыми компаніонами. „Но“, читаемъ мы въ одномъ рѣшеніи хумаринскаго суда — „по горскому обычаю за случай непредвидѣнной гибели онъ не отвѣчаетъ, обязываясь лишь съ растерзанныхъ звѣрями лошадей доставлять шкуры“. Припускаемые новые пайщики, обязавшись извѣстной платой за пастьбу ихъ лошадей, могутъ, однако, поставить условіемъ отвѣтственность товарищества за потерю лошадей по ихъ стоимости. Упомянемъ еще объ очень распространенныхъ договорахъ товарищества по арендѣ, обыкновенно у аульнаго общества, земли для пастьбы скота; кошевые товарищи или компаніоны въ складчину арендуютъ землю, нанимаютъ пастуховъ, словеснымъ договоромъ опредѣляютъ свои взаимныя отношенія; нарушеніе однимъ товарищемъ опредѣленныхъ договоромъ условій пользованія пастбищемъ ведетъ къ предъявленію другимъ actio pro socio. Договоръ этотъ представляетъ мало оригинальнаго, и я упомянулъ о немъ, лишь чтобы показать, какія разнообразныя отношенія вызываются однимъ только скотоводческимъ хозяйствомъ. Въ тѣсной связи съ послѣднимъ стоитъ и институтъ „сыщиковъ“, отыскивающихъ пропавшій скотъ за извѣстное вознагражденіе деньгами. Иногда сыщикъ нанимается цѣлымъ ауломъ для отысканія затерявшагося на общинныхъ пастбищахъ скота, и расходы общества въ случаѣ находки скота распредѣляются слѣдующимъ образомъ: сперва уплачиваются расходы по прокормленію скота тому лицу, у котораго онъ найденъ; остальная сумма дѣлится на 3 части: одна идетъ въ пользу благотворительныхъ и учебныхъ заведеній, другая—тому обществу, которому принадлежитъ сыщикъ и, наконецъ, третья ему самому.—Упомяну въ заключеніе о нѣкоторыхъ договорахъ по недвижимому имуществу, которые мнѣ пришлось встрѣтить въ Карачаѣ. М. Ковалевскій показалъ, что древнее право не ограничивало ссуды однимъ движимымъ имуществомъ и распространяло ее и на недвижимо-

Digitized by Google

сти [1]), чѣмъ онъ и объясняетъ происхожденіе т. наз. половничества. Половничество мы застаемъ и въ Карачаѣ, и его слѣдуетъ отличать отъ обыкновенной аренды земли. Съ послѣдней карачаевцы познакомились очень недавно, уже послѣ Петрусевича, т.-е. въ 70-хъ годахъ, и особенно развился этотъ договоръ съ того времени, какъ общее разграниченіе земель между отдѣльными аулами повело къ установленію какъ-бы верховныхъ правъ собственности аула на общественныя земли и къ арендованію земли одноаульцами у общества, оплачиваемому деньгами. Половничество-же примѣняется, главнымъ образомъ, къ частнымъ землямъ, носитъ болѣе архаическія черты, что вполнѣ объясняется древностью и распространенностью этого института по всему земному шару, такъ какъ онъ вездѣ вызывается одинаковыми причинами. Болѣе богатый землевладѣлецъ „ссужаетъ“ землю бѣдному и въ видѣ процентовъ требуетъ или службы себѣ должника, которая продолжается до тѣхъ поръ, пока продолжается ссуда, или же половины ежегоднаго урожая. — Въ Карачаѣ половникъ своими орудіями вспахиваетъ и засѣваетъ землю, снимаетъ хлѣбъ, отдавая хозяину за пользованіе силами природы половину урожая въ видѣ ренты. Тутъ мы видимъ въ половникѣ или арендатора-должника, платящаго натурой за ссужаемую землю, или-же работника, (какъ половниковъ и называютъ карачаевцы), который за свою работу своими орудіями получаетъ половину урожая. — При „ссудѣ“ сѣнокосныхъ участковъ уже яснѣе проступаютъ черты обыкновеннаго найма для работъ, при чемъ наймитъ получаетъ натурой одну треть скошеннаго сѣна, а двѣ трети идутъ собственнику участка. Послѣдній можетъ претендовать на большую часть ($^2/_3$, а не $^1/_3$), очевидно, въ силу того, что никакихъ почти затратъ работникъ-наниматель сѣнокоснаго участка не производитъ.

V.

Карачаевскій процессъ (судебныя доказательства).

Переходя въ заключеніе къ защитѣ правъ, которую карачаевцы находятъ въ своихъ аульныхъ судахъ, я остановлюсь сперва на нѣкоторыхъ видахъ судебныхъ доказательствъ, а затѣмъ и на самомъ ходѣ процесса. Упомяну, кстати, что аульные суды

[1]) М. Ковалевскій: Соврем. обычай и древній законъ, т. I, стр. 197.

Digitized by Google

разрѣшаютъ лишь мелкія дѣла—до 30 рублей,—какъ уголовныя, такъ и гражданскія; уголовными я буду называть тѣ, которыя, кромѣ вознагражденія за ущербъ потерпѣвшему, оканчиваются оштрафованіемъ виновнаго въ пользу аульнаго общества или назначеніемъ его на общественныя работы.

Карачаевцы въ настоящее время знаютъ лишь два вида доказательствъ: свидѣтелей и очистительную присягу. Преобладаютъ, особенно въ гражданскихъ дѣлахъ, свидѣтели, что, повидимому, не совсѣмъ мирится съ общественнымъ бытомъ карачаевцевъ и лишь недавно пережитой ими ступенью сожительства родовыхъ союзовъ. Какъ извѣстно, свидѣтельскія показанія лишь довольно поздно включаются въ число судебныхъ доказательствъ, что намъ показываетъ сравнительная исторія права. Поэтому я предполагаю, какъ это дѣлаетъ и М. Ковалевскій въ своихъ изслѣдованіяхъ по обычному праву осетинъ, что свидѣтели въ той формѣ, въ какой они и сейчасъ выступаютъ въ аульныхъ судахъ горскихъ обществъ, своимъ распространеніемъ обязаны русскому вліянію. Но и сейчасъ еще въ Карачаѣ свидѣтельскія показанія не имѣютъ того характера, какъ у насъ, а скорѣе напоминаютъ наши дореформенные порядки, когда свидѣтели составляли предустановленное, формальное доказательство и лишь въ опредѣленномъ числѣ обладали полной убѣдительной силой. О нихъ я скажу ниже, а теперь перейду къ очистительной присягѣ, т. н. *анть*. Подъ этимъ словомъ разумѣется, во-первыхъ, очистительная присяга самого отвѣтчика или обвиняемаго, который лично присягаетъ на судѣ въ своей невиновности. Принимается она имъ чаще всего въ тѣхъ случаяхъ, когда свидѣтельскими показаніями его виновности установить нельзя. Карачаевцы ей придаютъ чрезвычайно важное значеніе: принимается она отвѣтчикомъ при торжественной обстановкѣ, на Коранѣ; ей предшествуетъ назидательная рѣчь муллы, выясняющаго присяжнику всю отвѣтственность, которую онъ принимаетъ на себя присягой, и тѣ кары, которыми не преминетъ его поразить Аллахъ, если онъ покажетъ ложно. Второй видъ анта—очищеніе посредствомъ *атауловъ*, постороннихъ лицъ, готовыхъ присягнуть въ невинности обвиняемаго. Въ настоящее время это доказательство воспрещено русской администраціей; воспрещеніе послѣдовало сравнительно недавно, именно въ концѣ 70-хъ годовъ. Мотивировано оно было тѣмъ, что будто бы благодаря атауламъ

Digitized by Google

увеличивается количество ложныхъ присягъ, появляется цѣлый классъ лицъ, спекулирующихъ на свою совѣсть, и, какъ результатъ всего этого, умножается число преступленій, именно кражъ скота, такъ какъ вору ничего, будто-бы, не стоитъ оправдаться, поставивъ за себя атауловъ. Таковъ взглядъ на эту присягу—русской администраціи, но карачаевцы, какъ мнѣ лично пришлось убѣдиться, съ этимъ взглядомъ не согласны и желаютъ возстановленія этого института; не отрицая случаевъ принесенія атаулами ложныхъ присягъ, они объясняютъ это лишь плохой организаціей этого института; самъ-же по себѣ этотъ институтъ чрезвычайно полезенъ для выясненія истины въ уголовныхъ дѣлахъ. Замѣчу что атаулы фигурировали только въ случаѣ уголовныхъ обвиненій. Изъ просмотра судебныхъ рѣшеній за тѣ годы, когда атаулы еще дѣйствовали, я вынесъ то впечатлѣніе, что, дѣйствительно, поставить за себя атауловъ было не особенно трудно. Объяснить это можно тѣмъ, что атауловъ ставилъ самъ обвиняемый по своему выбору; впрочемъ, за послѣднія нѣсколько лѣтъ существованія этого иститута присяга атауловъ получила нѣсколько другую организацію [1]). Реформа имѣла цѣлью выработать гарантіи большаго безпристрастія атауловъ; было допущено вліяніе потерпѣвшаго на ихъ избраніе; онъ сталъ приводить на судъ троихъ атауловъ, изъ которыхъ одинъ, по выбору обвиняемаго, уже принималъ присягу. Интересно, что ту же ступень въ развитіи института сопричастниковъ мы наблюдаемъ въ древнемъ германскомъ процессѣ. Иногда же атауловъ уже прямо указывали различныя почетныя лица, пользующіяся общимъ уваженіемъ, и наконецъ сами судьи. На каждаго обвиняемого въ такомъ случаѣ назначалось по 2 атаула; одного изъ нихъ обвиняемый и выбиралъ для присяги. Стали наблюдать, далѣе, за тѣмъ, чтобы очиститель былъ одинаковаго общественнаго положенія съ обвиняемымъ. Результаты, повидимому, получились другіе, и какъ видно изъ тѣхъ судебныхъ рѣшеній, гдѣ сами судьи предлагаютъ обвиняемому подставить атаулами опредѣленныхъ лицъ, которыхъ называютъ поименно, послѣднія иногда отказываются принести присягу въ невиновности обвиняемаго.

Присяга современныхъ законодательствъ, какъ извѣстно, но-

---

[1]) Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось ознакомиться лишь съ немногими судебными дѣлами, относящимися къ этимъ годамъ.

Digitized by Google

ситъ характеръ совершенно отличный отъ присяги древняго права. Между тѣмъ какъ культурный человѣкъ видитъ въ присягѣ лишь клятвенное обѣщаніе говорить на судѣ истину, для члена первобытнаго общества она является своего рода испытаніемъ, ордаліей. Только съ этой точки зрѣнія можно объяснить карачаевскую судебную практику и абсолютный характеръ очищенія присягой, вполнѣ освобождающей присягающую сторону. Присяга въ карачаевскихъ судахъ—совершенно самостоятельный, отдѣльный видъ доказательствъ, способный раскрыть истину не хуже, если не гораздо лучше всякихъ свидѣтелей. Что касается атауловъ, то они являются съ характеромъ не поручителей въ добромъ имени отвѣтчика, а свидѣтельствуютъ самый фактъ, утверждаемый послѣднимъ, и своей присягой замѣняютъ клятву самого обвиняемаго. Въ судебныхъ рѣшеніяхъ мы читаемъ: „судъ предложилъ такому-то поставить *за себя* атауловъ въ своей невинности". Атаулы также не свидѣтели-очевидцы, дающіе показаніе о неприкосновенности обвиняемаго къ данному дѣлу, и въ послѣднемъ фазисѣ развитія этого института стали приводиться, какъ я сказалъ, самимъ потерпѣвшимъ или безпристрастными лицами, которыхъ нѣтъ основанія упрекать въ благожелательномъ отношеніи къ обвиняемому. Но, какъ очистительная присяга самого отвѣтчика освобождаетъ его отъ обвиненія, такъ точно къ подобному-же результату приводитъ и присяга атауловъ. Juramentum, приносимое коньюраторами въ пользу обвиняемаго, какъ показываетъ сравнительно-историческое разъясненіе этого вопроса, первоначально всегда было de veritate и лишь впослѣдствіи стало доказывать одно bonum nomen отвѣтчика, преобразовываясь въ juramentum de credulitate. Въ первомъ своемъ видѣ этотъ институтъ могъ возникнуть въ Карачаѣ только на почвѣ родового сожительства, солидарности интересовъ родичей, когда контроль послѣднихъ за поведеніемъ члена своего рода не представлялъ никакихъ затрудненій, такъ что первые во всякое время могли свидѣтельствовать самый фактъ несовершенія имъ преступленія, отказывая, въ противномъ случаѣ, въ присягѣ. Повидимому, таково могло быть и происхожденіе атауловъ въ Карачаѣ, если мы вспомнимъ довольно многочисленные пережитки родовыхъ отношеній; но въ ту эпоху, когда мы застаемъ у карачаевцевъ атауловъ, послѣдними выступаютъ уже не родичи, а постороннія лица, и приносятъ они присягу

Digitized by Google

не вмѣстѣ съ обвиняемымъ, а вмѣсто него. Все это приходится объяснить ослабленіемъ родовыхъ связей, результатомъ чего явилось вырожденіе этого института. Можно было бы ожидать, что постороннія лица только и могутъ подтвердить bonum nomen обвиняемаго, не касаясь вопроса о конкретномъ фактѣ его виновности; а между тѣмъ ихъ присяга вполнѣ очищаетъ заподозрѣнное лицо. Въ этомъ нельзя не видѣть нѣкотораго „переживанія“ этого института, — перенесенія значенія очистительной присяги de veritate сородичей на присягу посторонних лицъ.

Переходя теперь къ описанію самого процесса, какъ его и сейчасъ можно наблюдать въ карачаевскихъ аульныхъ судахъ, я остановлюсь на тѣхъ его моментахъ, которые, отличаясь порядочной архаичностью, могутъ представить нѣкоторый интересъ съ сравнительно исторической точки зрѣнія.

Какъ извѣстно, доказательство въ древнемъ процессѣ, напр. въ германскомъ, имѣло цѣлью не убѣжденіе судей въ матеріальной истинѣ утвержденій, а противопоставленіе противной сторонѣ истины формальной. Доказательство служило оружіемъ, средствомъ борьбы. Противная сторона должна была быть принуждаема къ выслушанію доказательства. Доказывать было правомъ каждой стороны, а не ея обязанностью, не бременемъ, на нее возложеннымъ. Говорили не объ onus probandi, а о томъ, кто стоитъ къ доказыванію ближе, кто имѣетъ на него больше правъ. Отсюда односторонній характеръ доказыванія въ древнемъ процессѣ. Сами доказательства, далѣе, въ немъ предустановлены, облечены въ опредѣленную форму, т. сказ., фиксированы; содержаніе ихъ опредѣлено заранѣе и они неопровержимы. Всѣмъ этимъ объясняется странное для современнаго пониманія распредѣленіе доказательствъ; напр., отвѣтчикъ, сплошь и рядомъ, противъ иска, ничѣмъ (на нашъ взглядъ) не подтвержденнаго, считаетъ нужнымъ защищаться, приводитъ доказательства своей невиновности. Онъ стоитъ къ доказательству ближе нападающаго. Далѣе, приговоръ древняго суда преслѣдуетъ совершенно другія цѣли, нежели судъ современный, заимствованный новыми народами изъ римскаго права. Тогда какъ наши судьи постановляютъ рѣшеніе о матеріальной обоснованности притязаній истца, въ древнемъ процессѣ рѣшался вопросъ о процессуальной дѣйствительности иска и возраженія на него. Сознающійся отвѣтчикъ присуждается къ удовлетворенію

Digitized by Google

истца; отрицающій-же эти притязанія, — *къ представленію доказательствъ* своей правоты. Такимъ образомъ этотъ *условный* приговоръ предшествуетъ приведенію доказательствъ, и притомъ доказательствъ формальныхъ, предустановленныхъ.

Обращаясь къ карачаевскому процессу, я постараюсь въ краткихъ чертахъ обрисовать его ходъ, основываясь, главнымъ образомъ, на судебныхъ рѣшеніяхъ Учкуланскаго общества за 70-ые годы, которыми мнѣ пришлось по-преимуществу пользоваться. За исключеніемъ присяги атауловъ, которой сейчасъ, какъ упомянулъ, уже нѣтъ, общій ходъ процесса остался и понынѣ тотъ-же. Судьи сперва выслушиваютъ взаимныя объясненія сторонъ; пренія эти или совсѣмъ не вносятся писаремъ въ судебный журналъ, или вносятся очень сокращенно. Затѣмъ, смотря по тому, на чью сторону склоняется мнѣніе суда, онъ предоставляетъ противной сторонѣ привести доказательства своего иска (для истца), или обоснованности своихъ возраженій (для отвѣтчика). Въ этомъ-то постановленіи суда о приведеніи той или другой стороной доказательствъ я и вижу условный приговоръ древнихъ германскихъ судовъ. „Судъ постановилъ, чтобы обвиняемый... поставилъ за себя такого-то атаула“... или „принесъ лично присягу въ своей невиновности“... или „чтобы истецъ... поставилъ въ такой-то срокъ двухъ свидѣтелей“,—таковы обычныя формулы этого предварительнаго приговора. Въ зависимости отъ того, насколько стороны сумѣли удовлетворить этому приговору суда, онѣ оправдываются или обвиняются, ихъ притязанія получаютъ удовлетвореніе или отвергаются. Такимъ образомъ, матеріальный приговоръ суда является неизбѣжнымъ логическимъ результатомъ того или иного сочетанія доказательствъ, обусловленнаго этимъ предварительнымъ приговоромъ о представленіи доказательствъ. Такой ходъ процесса одинаковъ какъ въ уголовныхъ, такъ и чисто-гражданскихъ дѣлахъ. Далѣе, въ дѣлахъ того и другого типа не трудно замѣтить различіе въ распредѣленіи бремени доказыванія. Тогда какъ въ дѣлахъ гражданскихъ отвѣтчикъ не вынужденъ защищаться своими доказательствами противъ иска, не подтвержденнаго двумя свидѣтелями, въ дѣлахъ уголовныхъ (о кражѣ скота, напр.) отвѣтчикъ и въ такомъ случаѣ остается какъ-бы въ подозрѣніи, и ему предлагается поставить за себя атаула-очистителя; и если онъ его поставитъ, и тотъ за него принесетъ присягу, обвиняемый оправдывается;

Digitized by Google

если же ему атаула поставить не удается, то, несмотря на недоказанность обвиненія, онъ все-же подвергается „надлежащей“ (какъ мы читаемъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ) отвѣтственности, обвиняется во взведенномъ на него преступленіи. Итакъ, при уголовныхъ обвиненіяхъ то, что мы называемъ onus probandi, падаетъ всецѣло на обвиняемаго: онъ долженъ отпарировать обвиненіе, ничѣмъ не подтвержденное. Въ древнемъ германскомъ процессѣ „ближе“ къ доказательству стоялъ истецъ, могущій подтвердить свою жалобу свидѣтелями; если-же онъ того не дѣлалъ, то ближе къ доказыванію стоялъ отвѣтчикъ, который и пользовался своимъ правомъ, принося очистительную присягу, обыкновенно съ соприсяжниками. Нельзя ли и карачаевскую судебную практику объяснить переживаніемъ того древняго процессуальнаго правила, по которому при необоснованныхъ уголовныхъ искахъ ближе къ доказательству стоялъ отвѣтчикъ? Вѣдь подобное распредѣленіе доказательствъ мы находимъ во многихъ древнихъ процессахъ, такъ какъ оно „характеризуетъ не столько чей-нибудь національный духъ, сколько извѣстную стадію общественнаго развитія, когда состязаніе сторонъ передъ судомъ еще сохраняетъ въ себѣ черты прежней внѣсудебной борьбы за свое право [1])“. Судъ лишь регулируетъ пользованіе оружіемъ доказательствъ, устанавливая для этого очередь.—Помощь атауловъ можетъ быть замѣнена присягой самого обвиняемаго. Присяга-же обвинителя-истца въ уголовныхъ дѣлахъ является крайне рѣдкимъ исключеніемъ: его оружіе—это неизмѣнные два свидѣтеля. Впрочемъ, въ уголовныхъ дѣлахъ свидѣтели со стороны истца, въ силу вышеописаннаго положенія отвѣтчика, пожалуй, даже излишняя роскошь, хотя судъ всякій разъ ихъ требуетъ отъ обвинителя, вѣроятно, по привычкѣ, безсознательно, не производя различія между дѣлами „гражданскими“ и „уголовными“, дѣлами о кражахъ скота и о неисполненіи условій договора. Почти ни въ одномъ изъ тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, съ которыми мнѣ удалось ознакомиться, истцамъ не удалось поставить двухъ свидѣтелей, а въ иныхъ они не могли достать даже одного,—что не помѣшало имъ получить полное удовлетвореніе при непринесеніи присяги обвиняемымъ или его атауломъ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что, какъ способъ доказательства, свидѣтели весьма мало пригодны

[1]) М. Ковалевскій. Соврем. обычай и древн. законъ.

Digitized by Google

въ дѣлахъ о кражахъ скота, лошадей и т. п., дающихъ главный матеріалъ для уголовныхъ обвиненій. Въ виду разбросанности кошей и отдаленности ихъ другъ отъ друга и отъ ауловъ, лишь счастливая случайность позволитъ потерпѣвшему констатировать свидѣтелями самый фактъ преступленія.

Для иллюстраціи всего вышеизложеннаго приведу слѣдующее судебное рѣшеніе: „Кораби Боташевъ приноситъ жалобу на одноаульца Уртабая Боташева въ томъ, что послѣдній съ коша Кораби укралъ трехъ барановъ. Уртабай себя въ томъ виновнымъ не признаетъ. Судъ, не имѣя въ доказательство свидѣтелей, опредѣлилъ Кораби Боташеву въ теченіе трехъ дней достать суду свидѣтелей, но такъ какъ таковой ихъ не досталъ, то для ясности (!) преступленія было опредѣлено Уртабаю Боташеву поставить въ невинности своей за себя атаула, котораго Уртабай также не доставилъ;—то судъ ввиду этого опредѣлилъ Кораби Боташеву въ теченіе 10 дней доставить оцѣнщиковъ о стоимости его барановъ для взысканія съ Уртабая“.—Итакъ, здѣсь мы видимъ, что судъ, несмотря на непредставленіе истцомъ доказательствъ, составилъ себѣ достаточное представленіе о виновности отвѣтчика и лишь для „ясности преступленья“ предлагаетъ ему поставить за себя очистителя; и когда тотъ этого сдѣлать не можетъ, его виновность остается внѣ сомнѣній. Вотъ нѣсколько странный для современнаго процесса способъ выясненія истины. Но не слѣдуетъ заблуждаться и полагать, что карачаевскіе судьи дѣйствительно составили себѣ мнѣніе о виновности обвиняемаго, на основаніи своего болѣе или менѣе свободнаго убѣжденія, что предоставляемое отвѣтчику средство борьбы—присяга очистителя—было лишь послѣдней попыткой обвиняемаго разубѣдить судей, доказавъ свою невиновность; не слѣдуетъ думать, чтобы въ Карачаѣ презумпція невиновности обвиняемаго замѣнялась совершенно противоположной. Вовсе нѣтъ; роль суда здѣсь чисто формальная: онъ предоставляетъ сторонамъ поочереди представлять доказательства, руководствуясь самъ той „пошлиной и стариной“, которая сохраняетъ въ себѣ глубоко-архаическія черты внѣсудебной борьбы за право; матеріальная же истина не интересуетъ судей. Отвѣтчикъ обвиняется, потому что не сумѣлъ отразить нападеніе обвинителя предоставленнымъ въ его распоряженіе средствомъ борьбы—присягой атаула. Для поясненія приведу слѣдующія наблюденія М. Ковалевскаго

Digitized by Google

надъ очистительной присягой у осетинъ. Осетины прибѣгаютъ къ ней даже тогда, когда дѣло еще и не дошло до суда. „Въ случаяхъ кражи скота или угона лошадей, потерпѣвшій считаетъ себя въ правѣ обратиться къ любому изъ своихъ соплеменниковъ съ слѣдующимъ заявленіемъ: „Дѣло мое никуда не должно направляться отъ тебя, сердце мое неспокойно въ отношеніи къ тебѣ; подозрѣвать мнѣ некого, кромѣ тебя; потому я требую выполненія тобою обычая страны". Тотъ, кому сдѣлано такое обращеніе, считаетъ себя обязаннымъ явиться въ судъ и принять здѣсь очистительную присягу, одинъ или съ большимъ или меньшимъ числомъ родственниковъ". — Обычай очень характерный и хорошо характеризуетъ ту ступень общественнаго развитія, когда отдѣльное лицо, поддерживаемое своей родовой группой, противостояло таковому-же, когда идея объективнаго суда еще не зараждалась, и исполненіе „обычая страны" предупреждало самоуправство. Стоитъ только обвинителю сдѣлать дальнѣйшій шагъ и предъявить свое обвиненіе на судѣ, и мы получимъ картину уголовнаго процесса карачаевцевъ.

На дѣлахъ гражданскаго характера я долго останавливаться не буду; замѣчу только, что въ нихъ роль суда, значеніе его внутренняго убѣжденія и свидѣтельскія показанія имѣютъ несравненно большее значеніе, чѣмъ въ дѣлахъ уголовныхъ. Атаулы замѣняются актомъ — присягой отвѣтчика. Но она вовсе не такъ неизбѣжна какъ атаулы, приносится лишь при искахъ, подтвержденныхъ свидѣтелями, и съ нею конкурируютъ и свидѣтельскія показанія, даваемыя въ пользу самого отвѣтчика.

Если присяга отвѣтчикомъ принята, истецъ окончательно проигрываетъ дѣло. Въ связи съ этимъ, повидимому, стоятъ и случаи отвода истцомъ, не представившимъ свидѣтелей, отвѣтчика отъ присяги, которую онъ готовъ принять. Въ такомъ случаѣ судъ прекращаетъ дѣло за неимѣніемъ доказательствъ къ иску. Въ судебныхъ протоколахъ не встрѣчается никакой мотивировки отвода отвѣтчика отъ присяги. Изъ содержанія дѣлъ можно, однако, заключить, что отводъ дѣлается тогда, когда истецъ не теряетъ надежды выиграть дѣло впослѣдствіи, когда ему, наконецъ, удастся достать свидѣтелей, а вовсе не изъ благочестиваго опасенія послужить косвенной причиной принесенія противникомъ ложной присяги и гибели его души для будущей жизни (какъ мнѣ какъ-то пришлось слышать въ Карачаѣ).

Digitized by Google

Таковы главныя черты карачаевскаго процесса, которыя отчасти подтверждаютъ нѣкоторыя положенія сравнительной исторіи права: во-первыхъ, атаулы, въ которыхъ, на мой взглядъ, нельзя не видѣть прежнихъ соприсяжниковъ, долѣе удерживаются при уголовныхъ обвиненіяхъ, нежели въ гражданскихъ дѣлахъ; во-вторыхъ, при немотивированныхъ искахъ присяга отвѣтчика ведетъ къ проигрышу дѣла истцомъ; вспомнимъ schlichte Klagen um Gut и um Schuld германскаго процесса; въ-третьихъ, какъ въ послѣднемъ истецъ, желающій отклонить подобный результатъ, отводитъ отвѣтчика отъ присяги, преобразовывая свою schlichte Klage въ мотивированную, такъ и въ практикѣ карачаевскаго суда такіе отводы, повидимому, вызываются аналогичными соображеніями.

Таковы немногія архаическія черты карачаевскаго процесса, послѣдніе свидѣтели тѣхъ примитивныхъ формъ общественнаго быта, въ которыхъ издавна жило карачаевское племя, и которыя съ каждымъ годомъ измѣняются, правда, переходя въ формы болѣе культурныя, но зато менѣе интересныя для историка права или этнографа.

Борисъ Миллеръ.

Digitized by Google

Вѣтры-духи въ сказаніяхъ раскольниковъ Смоленской губерніи.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ юхновскаго и гжатскаго уѣздовъ, гдѣ живутъ раскольники, замѣчается сильное вліяніе книжнаго элемента на міросозерцаніе народа, которое, очевидно, видоизмѣнилось подъ вліяніемъ различныхъ преданій, попавшихъ въ Смоленскую губернію неизвѣстными путями [1]).

Вотъ ученіе раскольниковъ о вѣтрахъ.

Вѣтры, по мнѣнію раскольниковъ, суть духи грѣшныхъ людей, которымъ назначено отъ Бога безпрестанно носиться по землѣ. По степени грѣховности эти духи раздѣляются на три разряда. Къ первому разряду принадлежатъ духи очень грѣшныхъ и злыхъ людей; они производятъ ураганы и бури. Ко второму разряду относятся духи людей менѣе грѣшныхъ и менѣе злыхъ; они образуютъ сильный вѣтеръ. Къ третьему разряду относятся духи не особенно грѣшныхъ людей и добрыхъ; они даютъ землѣ пріятный и прохладный вѣтерокъ, освѣжающій уставшаго отъ труда человѣка.

Духи эти, или вѣтры, находятся во власти четырехъ ангеловъ. Одинъ изъ этихъ ангеловъ находится на восточной сторонѣ, другой на закатѣ, третій на полднѣ, четвертый на полночи;—поэтому и вѣтры дуютъ не съ одной стороны, а съ четырехъ. Ангелы, власти которыхъ подчинены вѣтры, могутъ однимъ словомъ посылать ихъ въ какое-угодно мѣсто и однимъ словомъ вернуть ихъ съ самаго дальняго разстоянія.

---

[1]) Укажемъ, съ своей стороны, на статью г. Вл. Б.: Народная космографія. Какъ устроены земля и небо, по представленіямъ нѣкоторыхъ крестьянъ Смоленской губерніи („Землевѣдѣніе“, 1895 г., I кн.) Статья эта значительно обнаруживаетъ присутствіе личнаго сознанія у крестьянъ, составившихъ извѣстное понятіе о явленіяхъ природы. *Ред.*

Digitized by Google

Тотъ или другой вѣтеръ посылается въ какое-нибудь мѣсто на землѣ при извѣстныхъ условіяхъ. Духи перваго разряда посылаются въ такія мѣста, жители которыхъ чѣмъ-нибудь прогнѣвили Бога. Вѣтры эти, какъ и грозы, посылаются человѣку въ наказаніе: они разбиваютъ на моряхъ корабли, разрушаютъ дома, срываютъ крыши съ домовъ, ломаютъ деревья и, вообще, причиняютъ человѣку большой вредъ. Съ яростью налетая на постройки и другіе предметы, они стонутъ и плачутъ, когда бываютъ безсильны разрушить ихъ.

Вѣтры второго разряда посылаются также вмѣсто наказанія отъ Бога. Вѣтры эти такъ же, какъ и первые, считаются вредными. Они приносятъ человѣку болѣзни, причиняя ему простуду, убытокъ, разбрасывая сѣно на лугу, хлѣбъ на поляхъ, и нерѣдко разрывая крыши на домахъ и прочихъ строеніяхъ. Вѣтры же третьяго разряда считаются добрыми и служатъ знакомъ милости Божьей къ людямъ. Прохлаждая накаленный дневнымъ зноемъ воздухъ и освѣжая людей и животныхъ, они приносятъ великую пользу и радость; эта чужая радость служитъ облегченіемъ въ выполненіи назначеннаго наказанія и для самихъ вѣтровъ. Вѣтры всѣхъ трехъ разрядовъ дуютъ безпрестанно, только въ разныхъ мѣстахъ земли. Мѣста эти указываются Богомъ ангеламъ, которымъ дана власть надъ вѣтрами, а ангелы приказываютъ вѣтрамъ переноситься изъ одного мѣста въ другое, которое указано Богомъ. Такимъ образомъ, вѣтры непрестанно несутъ свое наказаніе, непрестанно носятся они изъ края въ край по всей землѣ и будутъ носиться до самаго второго пришествія Христа на землю, когда имъ дано будетъ другое соотвѣтственное наказаніе.

Чтобы освѣтить это вѣрованіе смоленскихъ раскольниковъ о вѣтрахъ, обратимся къ нѣкоторымъ письменнымъ источникамъ.

Различные апокрифы распространялись въ Россіи изъ Византіи, Болгаріи, Сербіи; кромѣ того, нѣкоторые апокрифы приходили и съ Запада. Такъ въ XVI вѣкѣ съ нѣмецкаго языка на славянскій былъ переведенъ какимъ-то Георгіемъ апокрифическій сборникъ Луцидаріусъ. Прототипомъ этой народной книги Западной Европы, говоритъ Н. С. Тихонравовъ, былъ Elucidarium, sive dialogus de summa totius christianae theologiae, который приписывается Ансельму Кентерберійскому, Гонорію Отёнскому и другимъ.

Digitized by Google

Богословскія разсужденія этого сочиненія современемъ замѣнились разными свѣдѣніями о мірѣ и разныхъ странахъ міра, о людяхъ и животныхъ, заимствованными изъ апокрифическихъ книгъ, средневѣковыхъ повѣстей, гадательныхъ книгъ, бестіаріевъ и космографій,—и изъ богословскаго сочиненія образовалась апокрифическая книга.

На Западѣ большою также популярностью пользовалась книга Исидора Севильскаго: „De natura rerum (Isidori Hispanensis de natura rerum. Liber recensuit Gustavus Beccer). Въ этой книгѣ XXVI и XXXVI главы посвящены вѣтрамъ [1]). Подъ вѣтрами разумѣется дыханіе ангеловъ, которые тайными путями Провидѣнія разсылаются по всей вселенной для спасенія рода человѣческаго. Иногда возбудителями дыханія считаются вѣтры, но, конечно, идущіе не со стороны ангеловъ: дурныя внушенія идутъ отъ нихъ — дуновеніемъ этихъ вѣтровъ располагаются сердца нечестивыхъ къ земнымъ страстямъ и пожеланіямъ; недаромъ пишется: „Уноситъ его жгучій вѣтеръ“.

По мнѣнію Исидора Севильскаго — четыре главныхъ вѣтра. Съ сѣвернымъ, Бореемъ, соединено мистическое представленіе. Аквилонъ (онъ же и Борей) дуетъ съ вышины; холодный и сухой, безъ дождя, онъ не разгоняетъ облаковъ, а сковываетъ ихъ; отчего Исидоръ приписываетъ ему обличье дьявола, такъ какъ онъ сжимаетъ сердца людей холодомъ несправедливости [2]).

Самое обычное средневѣковое изображеніе вѣтра было въ видѣ человѣчьей дующей головы.

Данте въ третьей книгѣ описываетъ, какъ онъ и Виргилій попали въ круговоротъ дикаго вихря, со стономъ носящагося взадъ и впередъ. Это—безбожные ангелы да души людей ничтожныхъ отбывали свое наказаніе.

---

[1]) XXXVI De ventis. Venti autem interdum angelorum intelleguntur spiritus, qui a secretis Dei ad salutem humani generis per universum mundum mittuntur. Item nonnumquam venti incentores spiratus poni solent pro eo quod malae suggestiones flatu ad terrena desideria iniquorum corda succedunt secundum quod scriptum est: „Tollet eum ventus urens“.

[2]) Aquilo qui et boreas vocatur ex alto flans gelidus atque siccus et sine pluvia qui non discutit nubes sed stringit, unde et non immerito diaboli formam induit, quia iniquitatis frigore gentilium corda constringit. De ventis XXVI.

Digitized by Google

«И руку мнѣ подавши съ добротой,
Онъ ввелъ меня во тьму глубокой бездны,
Гдѣ небосводъ, зловѣщій и беззвѣздный,
Былъ воплями и крикомъ оглашенъ.
Заплакалъ я, печалью пораженъ.
Рыданія, исполненныя муки
И ярости, рѣчей безумныхъ звуки,
И всплески рукъ, тяжелый топотъ ногъ —
Сливалось все, крутилось, какъ песокъ,
Вздымаемый порывомъ вихря дикимъ.
Охваченный смятеніемъ великимъ,
Воскликнулъ я: — Скажи, учитель мой,
Но кто-же тѣ, чьи вижу я страданья!
Отвѣтилъ онъ: «Влачатъ существованье
Такое тѣ, кто, живши на землѣ,
Былъ порицанью чуждъ и похвалѣ.
Печальный родъ! Союзниковъ ничтожныхъ
Нашли они межъ ангеловъ безбожныхъ,
Которые, Творцу не измѣнивъ,
Но вѣрности въ душѣ не сохранивъ,
Лишь о себѣ имѣли попеченье.
Не приняли къ себѣ ихъ небеса,
Дабы небесь чистѣйшая краса
Не омрачилась тѣнью преступленья,
И самый адъ отвергнулъ ихъ въ презрѣньѣ.

Переводъ О. Чюминой.

По мнѣнію крестьянъ Порѣчскаго уѣзда, села Мамошекъ, смерчъ или вѣтеръ, приводящій во вращательное движеніе облако пыли, песку или воду [1]), имѣетъ человѣческій образъ. Если въ круговоротъ пыли или песку бросить ножъ, то можно ранить человѣка, отчего даже кровь поплыветъ.

---

[1]) Водяной смерчъ—рѣдкое явленіе въ центральныхъ губерніяхъ. Впрочемъ, разъ, какъ извѣстно старожиламъ г. Дмитровска, Орловской губерніи, онъ былъ на рѣкѣ Неруссѣ и проявился съ большою силою, разметавъ находившійся по близости скотъ въ разныя стороны. Что смерчъ считается въ Порѣчскомъ уѣздѣ явленіемъ опаснымъ или, по крайней мѣрѣ, загадочнымъ, страшнымъ, видно изъ того, что противъ него существуетъ особый заговоръ.

Digitized by Google

Нѣтъ сомнѣнія, что Данте хорошо былъ знакомъ съ средневѣковой космографіей, которая имѣла въ наукѣ представителей, въ родѣ Исидора Севильскаго и Георгія Отенскаго; но ему, какъ предполагаетъ Ѳ. И. Буслаевъ, хорошо была извѣстна книга Еноха. Въ 75 главѣ книги Еноха довольно подробно излагается происхожденіе вѣтровъ.

„На предѣлахъ земли я видѣлъ 12-ть воротъ для всѣхъ вѣтровъ, которые выходятъ изъ нихъ въ опредѣленныя времена и распространяются по землѣ.

Трои изъ нихъ на востокѣ, трои на западѣ, трои на сѣверѣ и трои на югѣ. Изъ четырехъ воротъ выходятъ вѣтры благодѣтельные, а изъ восьми другихъ—разрушительные; когда они дуютъ, то наносятъ вредъ землѣ и водѣ и всему, живущему на нихъ.

Первый вѣтеръ выходитъ изъ воротъ на востокѣ, изъ первыхъ воротъ отъ полудня, этотъ вѣтеръ приноситъ разрушеніе, удушливый жаръ, засуху и гибель. Изъ вторыхъ воротъ, находящихся въ срединѣ, выходятъ умѣренные вѣтры, дождь, плодоношеніе, благораствореніе.

Изъ послѣднихъ воротъ, обращенныхъ на сѣверъ, выходятъ стужа и сухость, потомъ выходятъ южные вѣтры, которые дуютъ черезъ трои воротъ. Чрезъ первыя, обращенныя къ восточной сторонѣ, выходитъ жаркій вѣтеръ, чрезъ среднія—пріятный запахъ, роса и дождь, благораствореніе и жизнь, чрезъ третьи къ востоку—роса, дождь, ржавчина и гибель. Сѣверные вѣтры выходятъ также чрезъ трои ворота... Чрезъ трои ворота выходятъ и западные вѣтры“ [1])...

Въ Маломъ Бытіи или книгѣ юбилеевъ упоминается объ ангелахъ вѣтровъ:

„Въ первый день сотворилъ Онъ (Господь) небо и всѣхъ духовъ... и ангеловъ огня, и ангеловъ вѣтра“...

Раскольникамъ, какъ и многимъ любознательнымъ крестьянамъ вообще, была извѣстна, въ выдержкахъ, Палея, книга юбилеевъ, Голубиная книга, въ которой вѣтры производятся отъ дыханія Божія, тѣ псалмы Давида, въ которыхъ вѣтры духотво-

[1]) Порфирьевъ. Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ.

Digitized by Google

рятся. Но слишкомъ подробная квалификація вѣтровъ въ сказаніяхъ раскольниковъ заставляетъ насъ предполагать въ раскольничьей средѣ обстоятельное знакомство съ ученіемъ о вѣтрахъ по книгѣ Еноха или по трактату о нихъ въ космографіи Исидора Севильскаго. Въ старину частенько заходили къ намъ выдержки изъ западныхъ космографій; такія выдержки наполняли страницы печатныхъ или рукописныхъ календарей.

В. Добровольскій.

Digitized by Google

Петръ Великій въ народномъ преданіи.

(Пѣсни и сказки о Петрѣ Великомъ.)

Вторая половина XVII и первая четверть XVIII вѣка въ исторіи русской жизни и мысли были напряженной переходной эпохой. Колебались вѣковые устои „стараго порядка", создавшаго силу и крѣпость московскаго царства. Жизнь, до тѣхъ поръ медленно двигавшаяся отцовской и дѣдовской дорогой, круто измѣнила ее, ускорила темпъ своего движенья и утратила то исконное единство чувствъ, настроеній и симпатій, которое такъ опредѣленно характеризуетъ весь ея укладъ во времена до-петровской Руси. Часть общества, во главѣ съ великимъ царемъ, сбросивъ вмѣстѣ со старой одеждой и старый образъ мыслей, устремилась къ инымъ, невѣдомымъ раньше, идеаламъ, пошла въ науку къ просвѣщенному Западу и скоро оказалась далеко впереди отъ сѣрой простонародной массы. Незадолго до этого, сама сѣрая простонародная масса, въ потемкахъ своего непробужденнаго ума и религіозныхъ возбужденій, распалась на двѣ части: болѣе неудовлетворенные и сильные духомъ, болѣе чуткіе и болѣе привязанные къ вопросамъ религіи ушли въ расколъ старообрядства, тогда какъ болѣе индифферентные, быть можетъ, болѣе практическіе, но едва ли менѣе косные, вмѣстѣ со своими руководителями сдѣлали прогрессивный шагъ назадъ.

Достаточно извѣстно, какое исключительное положеніе въ событіяхъ русской жизни конца XVII и начала XVIII вѣка занимаетъ личность Петра Великаго. „На что въ Россіи ни взгляни, все *его* началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ" [1]). Эти слова, сказанныя уже совре-

[1]) Записки Неплюева. Рус. Арх. 1871 г., стр. 651

Digitized by Google

менникомъ Петра, даютъ краткое, но сильное и справедливое опредѣленіе исторической роли Преобразователя. Впрочемъ, кажется, даже и въ наши дни возможно еще различное отношеніе къ петровской эпохѣ и ея главному герою. Личность Петра и великія событія его эпохи до послѣдняго времени въ культурныхъ слояхъ русскаго общества находили различную оцѣнку, и это, можетъ быть, краснорѣчивѣе всего говоритъ о томъ исключительномъ положеніи, которое занимаетъ Петръ Великій въ исторіи русской жизни.

Но если въ сознаніи русскаго культурнаго общества, этого истиннаго дѣтища петровскихъ реформъ, мало-по-малу укрѣпляется, наконецъ, истинный образъ великаго Преобразователя, создаваемый силою научной мысли,—въ сознаніи народной массы этотъ образъ на пространствѣ двухъ столѣтій живетъ въ своеобразномъ и яркомъ отраженіи, какъ одинъ изъ героевъ народнаго преданья—исторической пѣсни и сказки. Какимъ же образомъ отразилась въ сознаніи народной массы личность Петра?

Въ 1872 году вышла отдѣльной брошюрой журнальная статья (помѣщенная въ „Бесѣдѣ“, 1872 г., V) Е. В. Барсова—„Петръ Великій въ народныхъ преданьяхъ сѣвернаго края“. (М. 1872 г.) Матеріалъ, собранный Барсовымъ, заключается въ нѣсколькихъ отрывочныхъ прозаическихъ—несомнѣнно сѣвернаго происхожденія—разсказахъ, „дорогихъ“, по мнѣнію собирателя, „тѣми нравственными чертами, въ которыхъ рисуется народный образъ Петра I-го“ (4 стр.). Не излагая подробно содержанія каждаго разсказа, я постараюсь выдѣлить только тѣ *типическія* черты нравственнаго облика Петра, которыя создались и удержались въ народной памяти въ глухомъ краю Вологодской, Архангельской и Олонецкой губерній.

При довольно частыхъ, но случайныхъ и мимолетныхъ встрѣчахъ съ царемъ, не имѣвшихъ никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ пріятныхъ воспоминаній, простой крестьянскій людъ—и не только въ сѣверной глуши—быть можетъ, всего болѣе поражался той простотою обращенія и той доступностью, которыя всегда были свойственны Петру. Блескъ и пышность и неприступное величіе прежнихъ государей того полу-азіатскаго, полу-византійскаго покроя, который съ завиднымъ успѣхомъ прививался въ

Digitized by Google

цѣломъ рядѣ московскихъ вѣнценосцевъ, не находили себѣ сторонника въ основателѣ Петербурга. И вполнѣ понятно, что народъ, привыкшій видѣть своего царя лишь на большихъ и торжественныхъ выходахъ и церковныхъ парадахъ въ ослѣпительномъ облаченіи, окруженнаго цвѣтникомъ свиты,—съ особенной любовью сберегалъ въ своей памяти тѣ случаи, когда сходились и бесѣдовали не столько царь съ мужикомъ, сколько человѣкъ съ человѣкомъ. Въ разсказахъ, собранныхъ Барсовымъ, прежде всего обращаютъ на себя вниманіе именно слѣды этой симпатичной черты въ характерѣ Петра. „Надежда Государь", разсказывалъ въ началѣ минувшаго столѣтія современникъ полтавской битвы старикъ Пахомъ: „не гнушался нашего житья-бытья, кушивалъ нашу хлѣбъ-соль и пожаловалъ отцу моему серебряный полтинникъ". (10 стр.) [1]). Тотъ же Пахомъ подробно вспоминаетъ, какъ въ селѣ Святозерѣ, во время остановки и перемѣны лошадей, Петръ крестилъ у мужика-хозяина дочку, принималъ участіе въ угощеньи по случаю крестинъ и, добродушно заигрывая, угощалъ водкой свою куму, старшую сестру крестницы (10—11 стр.). Подобный же разсказъ прямо изъ устъ народа былъ записанъ въ 70-хъ годахъ В. Н. Майновымъ, въ Выгозерской области. „Привелось Осударю и въ нашихъ мѣстахъ побывать,—разсказываютъ, напримѣръ, въ Вожмосальмѣ,—о ту пору онъ у моего падѣда (предокъ) дитя крестилъ"... И дальше сообщаются подробности о томъ, какъ Петръ Великій самъ напросился къ этому „падѣду" въ кумовья, какъ велѣлъ пригласить непремѣнно кумою самую „ледащую бабенку" и какъ угощалъ своей знаменитой анисовкой—„и куму, и падѣда, и роженицу, и новокрещенному младенцу въ ротъ капельку влилъ" [2])... „Весь путь отъ Петрозаводска до Повѣнца, говоритъ В. Н. Майновъ, какъ и многія иныя селенія въ Олонецкой губерніи, полны воспоминаніями о Петрѣ Великомъ; здѣсь онъ крестилъ у мужика, тамъ онъ выпилъ, угостилъ, балагурилъ съ хозяйкой, толковалъ о дѣлахъ съ хозяиномъ; то и дѣло, куда ни пріѣдешь,—глядь, хозяинъ попьетъ чайку съ портвейнцемъ, раздобрится и сейчасъ припомнитъ: „Вотъ,

[1]) Тоже у В. Н. Майнова. Поѣздка въ Обонежье и Корелу. СПБ., 1874 г., стр. 28.

[2]) Древ. и Нов. Россія, 1876 г., № 2. В. Майновъ. Осударева дорога въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи, стр. 185.

Digitized by Google

постой-кось, я тебѣ принесу!" Пойдетъ и тащитъ изъ посуднаго шкапа какой-то стаканчикъ. „Вотъ изъ этого самаго стаканчика своей анисовочки выкушалъ". Ставитъ стаканчикъ на столъ бережно, словно святыню" [1]).

Разсказъ (въ брошюрѣ Барсова) о томъ, „какъ Петръ Великій хлопоталъ объ устройствѣ Маріинской системы", передаетъ любопытную бесѣду царя съ крестьянами (8—9 стр.): „Другожды Петръ I имѣлъ проѣздъ при деревнѣ Шéстовой, черезъ Вянги ручей; ѣхалъ онъ въ Архангельскъ; почтовая дорога тутъ пролегала и теперь видиѣетъ. Крестьяне изъ окольныхъ мѣстъ собрались во множествѣ, видимо-невидимо, на горѣ, верста будетъ отъ деревни; день былъ гулярный. Намѣстный староста съ выборными на встрѣчу вышли съ хлѣбомъ-солью, какъ водится, по русскому обычаю. Выступилъ Петръ I изъ коляски; росту онъ высокаго, ученья великаго; хлѣбъ-соль принялъ и съ крестьянами разговоръ держитъ: „Каково да вы крестьяне поживаете и за (?) какой же у васъ промыселъ есть?" Тутъ крестьяне пословечно ему стали высказывать и о томъ, какъ они хлѣбъ гужемъ возятъ „съ Бадогъ до Вянги", гдѣ нельзя ѣхать на судахъ, такъ какъ „вода не сошлась", и о томъ, какъ они строятъ „корабли мореходные, гальеты, водовики и соймы", и о томъ, какъ ходятъ „шкиперами по Онегу, и по Свири и по Ладожскому". „Пріудумался Петръ I, головой потряхиваетъ и видитъ: живутъ тутъ люди не слѣпцы, не по канату ходятъ, народъ смѣтливой, работной. Заложилъ себѣ это слово на умъ и поѣхалъ далѣе. Съ тѣхъ поръ эта гора зовется „бесѣдная гора".

Вступая въ непосредственную, живую связь съ простымъ народомъ, цѣлыми днями блуждая по лѣсамъ и болотамъ и осматривая тѣ мѣста, гдѣ предполагалось соединить Ковжу съ Вытегрой, не гнушаясь никакой работой, Петръ вызываетъ удивленіе и удовольствіе въ сѣрой массѣ своей трудоспособностью и своей пытливостью. „Вотъ оно—царь такъ царь", наивно и простодушно замѣчаетъ Щеголенковъ: „даромъ хлѣба не ѣлъ; лучше бурлака работалъ" (13 стр.). Народъ помнитъ, какъ „подъ Пулозеромъ", гдѣ на бурливой и „бѣдовой" рѣчкѣ нужно было „по серединѣ свайку вбить", Петръ подалъ примѣръ и увлекъ за собой

[1]) В. Н. Майновъ. Поѣздка въ Обонежье и Корелу. СПБ., 1874 г., стр. 77—78.

Digitized by Google

на трудную работу окружавшихъ крестьянъ; какъ не терпѣлъ онъ лѣнивцевъ, и, когда на работѣ одинъ „бояринъ у Осударя заортачился, сѣлъ подъ елочку да сладкіе пироги убираетъ", царь, въ наказанье и для „сраму", „приказалъ ему обрядиться пирожникомъ, да на ямахъ пироги-рыбники разносить" [1]).

Одно изъ самыхъ выдающихся положительныхъ свойствъ Петра—его пытливость, его никогда не устававшее стремленье все постичь и разузнать самому, очень типично обрисовано въ небольшой полу-сказкѣ, полу-анекдотѣ, записанной въ Самарскомъ краю.

Какъ только время свободное ему отъ черной работы, такъ онъ все по кабакамъ ходилъ да у мастеровъ вывѣдывалъ о ихъ мастерствѣ: все научиться хотѣлось всему. Приходитъ разъ въ кабакъ и встрѣтилъ тамъ оборваннаго пьянчужку; взялъ водки, а его не потчуетъ. „Ты, видно, ничего не умѣешь?" спрашиваетъ. „Что больно обтрепанъ?"—„Нѣтъ", говоритъ,—„умѣю вотъ такое то ремесло". „А какъ вотъ эту вещь дѣлать?" „Такъ вотъ", говоритъ. „Врешь!" „Нѣтъ, ты врешь!" Поднялся споръ, и пьянчуга доказалъ Петру, что онъ вретъ. Петръ остался этимъ очень доволенъ, потому что о мастерствѣ все, что надо, разузналъ; и напоилъ мастерового въ лоскъ" [2]).

Въ разсказѣ (въ брошюрѣ Барсова) о „войнахъ Петра Великаго со шведами" удержалась, правда, въ довольно бѣгломъ штрихѣ,—память объ эпизодѣ, несомнѣнно очень характерномъ для личности Петра. Хорошо извѣстно, что протодіаконъ „всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора" не отличался тою примѣрной религіозностью, которая была такъ свойственна его „благочестивѣйшимъ" предкамъ. „Однажды Петръ I поѣхалъ воевать со шве-

---

[1]) Древ. и Нов. Россія, тамъ же, стр. 184.

[2]) *Д. И. Садовниковъ*. Сказки и преданья Самарскаго края. СПБ. 1884 г., стр. 371—372. (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отд. Этногр., т. XII).—Рядомъ съ приведенной сказкой можно поставить еще разсказъ *отца* М. В. Ломоносова, записанный *Штелинымъ* (см. Полное собраніе анекдотовъ о Петрѣ Вел., 2 ч., М., 1801 г.—ч. 1-ая, стр. 169), о томъ, какъ Петръ Вел., увидѣвъ на Двинѣ барки холмогорскихъ мужиковъ, захотѣлъ „Самъ *поговорить съ сими мужиками и разспросить ихъ*". „Между тѣмъ, какъ Онъ, ходя по судамъ, все осматривалъ и разспрашивалъ людей, подломилась подъ нимъ доска, и Онъ упалъ въ одно судно, нагруженное горшками, и хотя самъ не потерпѣлъ ни малаго вреда, но горшечнику причинилъ довольно убытка", возмѣстивъ его послѣ червонцемъ.

Digitized by Google

домъ и патріарху велѣлъ служить на-скоро, а тотъ развелъ обѣдню на-долго. Горяченъ былъ Петръ I; не могъ вытерпѣть, что растянулъ патріархъ службу долгую, не выждалъ конца и уѣхалъ въ походъ подъ шведа. И тотъ походъ его былъ ему несчастливой; подъ Нарвой попался онъ въ *обтокъ* и самъ едва спасся. Пріѣхалъ онъ домой съ горячностью и хотѣлъ патріарху изъ своихъ царскихъ рукъ голову срубить. Патріархъ, въ усмиреніе его, встрѣтилъ его во всемъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ. Петръ I къ кресту приложился, закручинился и говоритъ патріарху: „Ахъ, старецъ, говоритъ, сгубилъ ты меня". Тогда старецъ ему въ отвѣтъ: „Царю! пошто ты не дождался окончанія литургіи и молебна; я бы, говоритъ, далъ тебѣ миръ и благословеніе, и былъ бы походъ твой счастливый и благополучный". И только тогда Петръ „побѣдилъ шведа и разбилъ Карлу", когда патріархъ отслужилъ молебенъ и отпустилъ его съ благословеніемъ (16 стр.). Несомнѣнно, самъ разсказчикъ стоитъ на точкѣ зрѣнія патріарха, но любопытно то, что православный сѣверянинъ не бросаетъ въ лицо Петру рѣзкаго упрека за его поступокъ; наоборотъ, онъ самъ-же старается подыскать какъ бы оправданіе царю: „горяченъ былъ Петръ I".

„Горячность", вспыльчивый и самовластный характеръ Петра обнаруживаются также и въ разсказѣ о томъ, „какъ Петръ Великій ѣздилъ въ Соловки на богомолье", гдѣ жертвою горячей крови царя палъ нѣкій „Бутманъ", т. е. датскій королевскій факторъ Андрей Бутенантъ. Впрочемъ, гораздо любопытнѣе другой фактъ, о которомъ сообщаетъ этотъ разсказъ. По дорогѣ въ Соловки проѣзжаетъ царь мимо олонецкаго монастыря Клименцы „Пристали къ пристани... Царь къ Іонѣ преподобному зашелъ въ храмъ — испытать, есть-ли мощи. Отдернувъ половицу, тыкнулъ тростью царской — жезломъ, и искра его оттуды засыпала. Царь скорѣе приказалъ устроить раку преподобному" (5 стр.). Сопоставимъ этотъ разсказъ съ нижеслѣдующимъ мѣстомъ „Духовнаго Регламента", и мы получимъ небезынтересный историческій комментарій къ приведенному народному преданію. „О мощахъ святыхъ, гдѣ какія явятся быть сумнительныя, розыскивать: много бы и о семъ напутано. Напримѣръ, предлагаются чуждыя нѣкія. Святаго первомученика Стефана тѣло лежитъ и въ Венеціи на преградіи, въ монастырѣ Бенедиктинскомъ, въ церкви святаго

Digitized by Google

Георгія, и въ Римѣ въ загородной церкви святаго Лаврентія; тако-жъ много гвоздей креста Господня, и много млека Пресвятыя Богородицы по Италіи, и иныхъ симъ подобныхъ безъ числа. Смотрѣть же, нѣсть ли и у Насъ таковаго бездѣлія" [1]).

Всѣ разсмотрѣнные выше историко-анекдотическіе разсказы о Петрѣ, возникшіе, главнымъ образомъ, въ глуши сѣвернаго края, могутъ быть сведены въ одну группу, которая представляетъ какъ-бы *первую ступень* въ развитіи народно-поэтическаго преданія о великомъ царѣ. Почти всѣ они взяты изъ устъ современниковъ или въ ближайшемъ, по времени, пересказѣ, всѣ носятъ отрывочный характеръ: случайныя встрѣчи оставляли и случайныя впечатлѣнія. Эти полусказки [2]), полуанекдоты—осколки живой личности Петра; это—отрывки изъ народнаго дневника; это куски преданія, проникнутые исторической правдой, еще не успѣвшіе отлиться въ законченныя художественныя формы; это—память о Петрѣ, какъ о человѣкѣ. И потому въ разсмотрѣнныхъ выше разсказахъ нѣтъ типичнаго облика Петра, какъ государя, нѣтъ той цѣльности и выпуклости образа, которыя присущи народнымъ героямъ.

Въ общемъ, эти разсказы рисуютъ личность Петра въ очень привлекательномъ свѣтѣ. Трудолюбіе, простота въ обращеніи и доступность, пытливый умъ „вѣчнаго работника на тронѣ" нашли себѣ въ нихъ благодарную оцѣнку. Но не нужно забывать тѣхъ, нѣсколько особыхъ, условій, при которыхъ создалась эта оцѣнка, и того сравнительно небольшого мѣста, какое занимаютъ эти воспоминанія сѣверянъ о случайныхъ встрѣчахъ съ царемъ въ ряду всѣхъ довольно многочисленныхъ и, какъ увидимъ, разнообразныхъ отраженій личности Петра въ сознаніи всей простонародной массы.

Вторую ступень въ развитіи народныхъ преданій о Петрѣ Великомъ можно усматривать, главнымъ образомъ, въ двухъ очень обособленныхъ группахъ произведеній народнаго поэтическаго слова.

---

[1]) Полн. Соб. Зак., Т. VI., № 3718.

[2]) Сказочный элементъ выступаетъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ преданіи: „Сильно разгнѣвался Осударь—разсказываетъ народъ—на Ладогу, что она его не пущаетъ дальше погодами, не стерпѣлъ, вышелъ на берегъ и высѣкъ Ладогу плетью — и стала Ладога смиряться и повѣтеръ подулъ, съ нимъ видно и озеро-то спорить не осмѣливалось. Ну, и то сказать: къ дѣлу шелъ, за дѣло и свѣкъ" (Майковъ, Поѣздка.., стр. 15). Аналогичное преданіе, лично слышанное мною въ г. Переяславлѣ-Залѣсскомъ, говоритъ о томъ, какъ Петръ Великій наказывалъ плетью озеро Плещеево.

Digitized by Google

Эти двѣ группы—пѣсни солдатскія и пѣсни раскольническія. Героемъ первыхъ является Петръ, какъ вождь и императоръ, героемъ вторыхъ—Петръ, какъ антихристъ. И тѣ и другія создались или при жизни Петра или въ ближайшее къ нему время; и тѣ и другія дышатъ подлиннымъ настроеніемъ своей эпохи, носятъ рѣзкую соціальную окраску. Но тѣ и другія видятъ уже въ личности Петра—героя, рисуютъ общій и цѣльный образъ великаго царя. „Первый императоръ“ и „злой антихристъ“ вырастаетъ въ крупную историческую величину, будитъ *творчество* и порождаетъ созданіе пѣсни, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является и самъ авторъ—народъ—въ его отношеніяхъ къ эпохѣ и личности царя, гдѣ въ художественной и потому болѣе устойчивой и долговѣчной формѣ отливается не случайное впечатлѣніе отдѣльнаго лица, но мысль и убѣжденіе цѣлаго класса людей, не голый пересказъ событія, но пониманіе и объясненіе его, какъ историческаго факта.

8-ой выпускъ „Пѣсенъ“ П. В. Кирѣевскаго посвященъ исключительно петровской эпохѣ. Громадную, первенствующую долю петровскаго пѣсеннаго репертуара составляютъ *солдатскія* пѣсни. Это именно *солдатское* происхожденіе вполнѣ очевидно. Помимо того, что только событія военной жизни—и внутренней и лицевой—составляютъ ихъ содержаніе, самая форма исключаетъ всякую возможность сомнѣваться: многія пѣсни поются прямо отъ перваго лица—солдатъ, стрѣльцовъ и козаковъ.

Стрѣлецкій элементъ какъ-бы вводитъ насъ въ петровскую военно-поэтическую атмосферу. Это—„лебединыя“ самопогребальныя пѣсни умирающаго войска, являющіяся вмѣстѣ съ тѣмъ переходнымъ звеномъ между цикломъ военныхъ пѣсенъ прежняго времени и позднѣйшимъ военнымъ репертуаромъ [1]).

Въ четырехъ варіантахъ Сборника Кирѣевскаго темою служатъ „возстанія и казни стрѣльцовъ“.

Бывало, де, православный царь
Любилъ стрѣльцовъ, много жаловалъ:
Нынче государь на насъ прогнѣвался
И хочетъ стрѣльцовъ казнить-вѣшати,
Съ самóго съ атамана голову рубить (16 стр.).

---

[1])... въ этихъ (стрѣлецкихъ) пѣсняхъ позволительно видѣть только примѣненіе старыхъ казацкихъ пѣсенъ къ новому однородному факту“. Н. Лавровскій. О Петровскихъ пѣсняхъ. Филолог. Зап. 1872 г., Вып. I—II, стр. 7.

Digitized by Google

Атаманъ является къ царю съ просьбой „о большой милости“— простить стрѣльцовъ, обѣщая взять „ему городъ, который надобно“. Но немилостивъ царскій отвѣтъ:

Охъ ты гой еси, стрѣлецкій атаманушка!
И нѣтъ отъ меня вамъ милости.
Ступай, сбирай стрѣлецкое свое войско. . . .
. . . . . .
Кого стану казнить, кого вѣшати,
Съ тебя, съ атамана, голову рубить (17 стр.).

Съ грустной вѣстью приходится уходить отъ царя атаману:

Охъ вы гой еси, стрѣлецкія головушки!
Еще хочетъ насъ православный царь всѣхъ жаловать,
Жаловать хоромами, хоромами высокими,—
Двумя столбами дубовыми
И петлями шелковыми!“ (19 стр.).

Въ одномъ изъ варіантовъ къ царю является съ повинной головой стрѣлецкій „атаманушка“, по имени Иванушка Ивановичъ, и за это получаетъ прощенье. Но кромѣ него *никто не приноситъ повинной*, и разсерженный царь приказываетъ „всѣхъ казнить вѣшать“. „Казнь Князя, Большого Боярина, Атамана Стрѣлецкаго“ выдѣляется, какъ отдѣльный эпизодъ въ стрѣлецкой эпохѣ. Князю отрубаютъ буйную голову

За измѣну противъ царскаго Величества.

Но любопытная и чрезвычайно характерная черта заключается въ томъ, что, идя на казнь, атаманъ стрѣлецкій

...и тутъ царю не покоряется... (22 стр.)
...и тутъ царю нѣтъ повинности... (26 стр.)

Другими словами, пѣсня *подчеркиваетъ* твердость и упорство идущаго на казнь атамана, который

...противится царю, упрямствуетъ,
Отца—матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ (23 стр.).

Въ этомъ, какъ кажется, нельзя не видѣть указанія на то, что пѣсня *сочувствуетъ* гибнущему атаману, видитъ въ немъ стойкаго *борца*, тѣмъ болѣе, что признаковъ сочувствія царю,

Digitized by Google

какъ правой сторонѣ, въ пѣснѣ отмѣтить нельзя [1]). Такимъ образомъ пѣсня о „Большомъ Боярине“ сохранила слѣды того упорства, той сильнѣйшей привязанности къ истребленной старинѣ, которыя противопоставлялись стрѣльцами, какъ политической партіей, петровскому режиму [2]).

Если стрѣлецкія пѣсни видятъ въ Петрѣ своего политическаго противника, то послѣдующія пѣсни военнаго репертуара—солдатскія и казацкія,—воспѣваютъ Петра, какъ полководца и царя, который своею энергіей и отвагой, своими заботами о войскѣ, наконецъ, своими громкими побѣдами вызываетъ въ солдатскомъ сердцѣ восторгъ и поклоненіе [3]). Солдатская пѣсня отмѣчаетъ и воспѣваетъ почти всѣ крупныя военныя событія петровской эпохи и главныхъ участниковъ этихъ событій, и очень рѣдко забываетъ ихъ главнаго героя—„нашего батюшку православнаго царя“. Она очень цѣнитъ личное участіе Петра въ военныхъ походахъ:

Самъ сивой орелъ пробуждается:
Самъ Петро царь подымается (59 стр.).
. . . . . .
Случалось ѣхать *самому-то царю*.
Петру Первому,
Со любимыми-то казаками своими со гвардейскими (96 стр.).

---

[1]) Варіантъ № 3 (26—27 стр.) несомнѣнно противорѣчитъ такому выводу. Тамъ мы читаемъ:

...надежды нѣтъ упросить царя,
Царя грознаго, *справедливаго*;
. . . . . .
Милосерды всѣ цари Русскіе . . . .
. . . . . .
Сердце *каменно* молодецкое
Леденѣетъ лишь да упорствуетъ,
На царя дышетъ *злобой дерзкою*,
Злобой дерзкою, *богомерзкою* (27 стр.).

Но, во-первыхъ, мы это читаемъ лишь въ *одной* редакціи; а во-вторыхъ, самъ Безсоновъ, редактировавшій и значительно дополнившій количество пѣсеннаго матеріала, собраннаго А. В. Кирѣевскимъ, при всѣхъ своихъ оптимистическихъ взглядахъ на содержаніе народной русской поэзіи, признаетъ эту редакцію „наивной романтической передѣлкой“.

[2]) Считая, вѣроятно, авторомъ пѣсенъ о стрѣлецкихъ казняхъ „народъ“, О. Миллеръ (Ист. рус. слов. Галахова. Т. I, отд. I, изд. 2-е. Спб. 1880 г., стр. 137) утверждаетъ, что въ этихъ пѣсняхъ сказывается „не что иное, какъ состраданіе... къ несчастью“ (чьему?).

[3]) Сравн. любопытный анекдотъ, какъ старый петровскій солдатъ ставилъ портретъ Петра Вел. вмѣстѣ съ иконами и молился на него. *Ив. Голиковъ.* Анекд., касающ. до Гос. Имп. Петра Вел. М. 1798 г., стр. 531—535.

Digitized by Google

Три варіанта одной пѣсни повѣствуютъ о томъ, какъ Петръ Великій выѣхалъ „во легкомъ стружкѣ", а казаки, принявъ его за Шведскаго короля, приготовились „стрѣлять по своемъ царѣ", но во-время услышали голосъ царскій и

. . . кидались-бросались на легокъ стружокъ,
Приклонили свои буйны головы:
„Ты прости, прости, нашъ батюшко, православный царь!
Еще мы тебя, государь-царь, не опознали,
Намъ подумалось—король земли Шведскія".
Что возговоритъ нашъ батюшко, православный царь:
„Вамъ спасибо ли, робята, казаки Донски,
Что Донскіе, Гребенскіе, Запорожскіе!
Съ осторожностью вы по рѣкѣ Невѣ гуляете,
Своего царя вы защищаете!" (157 стр.)

Царь цѣнитъ вѣрную службу своего войска. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и „грозный" царь. Атаманъ Флоръ Минаевичъ говоритъ царю:

„Ахъ! ты свѣтъ нашъ, надежа, благовѣрный царь,
А и грозенъ, сударь, Петръ Алексѣевичъ! [1])

Въ одной исторической пѣснѣ разсказывается о томъ, какъ царь борется съ драгуномъ. Ученая прозорливость видитъ въ ней отголоски старыхъ эпическихъ мотивовъ. Яснѣе всего въ ней просвѣчиваетъ та простота въ обращеніи со всѣми, которая характеризуетъ личность Петра и которая, какъ мы видѣли выше, была отмѣчена народнымъ преданіемъ. Драгунъ, вызвавшійся бороться съ царемъ и рисковавшій головой въ случаѣ своего пораженія, побѣдилъ. „Благодарю тебя, говоритъ побѣжденный царь,

. . . молодой драгунъ, за бороньице!
Чѣмъ тебя, молодой драгунъ, дарить-жаловать:
Селами ли те—деревнями,
Али те золотой казной?"
— Не надо мнѣ ни селóвъ, ни дéревневъ,
Ни матушки золотой казны:
Дай ты мнѣ безденежно
По царевымъ кабакамъ вино пить.

Но далеко не одинъ мажорный тонъ отличаетъ солдатскія пѣсни петровской поры. Въ нихъ звучатъ и иные мотивы, иныя чувства. Тяжесть походовъ, „грозна служба государева", называемая „не-

[1]) Кирша Даниловъ. Др. росс. стих. Изд. Суворина. Спб., стр. 451.

Digitized by Google

волюшкой", „всегдашней заботушкой",—составляютъ также темы солдатской поэзіи.

Ахъ, бѣдныя головушки солдатскія.
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ! (60 стр.)

Сынъ жалуется своей матери на свою горькую участь:

. . . состарила меня, матушка,
Что чужая-дальна сторонушка,
Грозна служба государева,
Что часты-дальные походы всѣ (84 стр.).

Молодой солдатъ съ большою неохотой выступаетъ въ походъ:

Куды-то нашъ батюшка,
Православный царь, собирается.
Собирается-соряжается въ дальную сторону . . .
. . . . . .
Меня, добраго молодца, съ собой беретъ.
Не хотѣлось доброму молодцу въ походъ идти,
Хотѣлось мнѣ, доброму молодцу, въ Москвѣ пожить,
Во Москвѣ пожить, при дворцѣ служить (123 стр.).

И потому съ невеселыми думами и тяжелымъ сердцемъ отправляется „добрый молодецъ" въ далекій походъ:

Молодой солдатъ, полковой сержантъ,
. . . . . .
Онъ не пьянъ идетъ, а шатается,
На всѣ стороны покланяется,
Съ отцемъ-матерью онъ прощается,
Съ родомъ-племянемъ разставается,
Самъ слезами онъ обливается (218—220 стр.).

Того же „добраго молодца"

Нужда крайняя, служба царская,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго [1])

заводитъ на Петербургскую сторону, гдѣ онъ долженъ нести тяжелую строевую службу.

Порою слышатся нѣсколько иные мотивы. „Солдаты новобранцы" плачутся на то,

„Что гораздо мы предъ Богомъ согрѣшили,
Государя мы царя распрогнѣвали!
Ужъ какъ отдалъ насъ не русскому началу,

[1]) См. варіантъ на стр. XXVI—XXXIV, 9 вып. „Пѣсенъ" П. В. Кирѣевскаго.

Digitized by Google

Что не Русскому начальнику,—Нѣмчину;
Онъ и бьётъ-губитъ солдатушекъ напрасно [1]).

Весьма многочисленные варіанты, посвященные смерти Петра Великаго, заслуживаютъ особеннаго вниманія въ виду того, что они составляютъ какъ-бы военную монополію. Въ народномъ преданіи только одна солдатская пѣсня плачетъ о Петрѣ.

Изъ № 21, собраннаго у Безсонова-Кирѣевскаго, самъ собиратель соединяетъ въ одну группу „плачъ войска“—15 №№. Но и остальные, почти всѣ, могли бы войти въ составъ той же группы. Два варіанта (по Безсонову) составляютъ „плачъ государыни“ (277—278 стр.). О чемъ же плачетъ она?

Ужъ ты встань, встань, благовѣрный царь,
Благовѣрный царь Петръ Алексѣевичъ!
Посмотри ты на свою армію
И на конную па всю гвардію:
Всѣ солдатушки во походъ идутъ,
Барабанщики въ барабаны бьютъ (277 стр.).

Въ другомъ варіантѣ:

Разступися, мать сыра земля,
Откройся, гробова доска,
Распахнися, бѣлъ-миткалинъ саванъ,
Возстань, нашъ батюшка, православный царь,
Всей Россіюшки самодержецъ, Петръ сынъ Алексѣевичъ!
Всѣ графы—генералы измѣну сдѣлали.
Царски знамена врагу приклонилися,
Россійску армеюшку во полонъ взяли (278 стр.).

Такимъ образомъ, „россійска армеюшка“ выдвинута на первый планъ; она, а не кто-либо другой,—истинная вдовица по смерти Петра.

„Померъ нашъ батюшка, православный царь“, говоритъ одна самарская пѣсня, „и оставилъ три „обузушки“: первую „обузушку“—„мать Россіюшку“, „другую-то обузушку—молодыхъ солдатъ“, „третью-то обузушку—бѣлокаменны палаты (276 стр.). Въ другой, тоже самарской пѣснѣ, слышна та же солдатская грусть:

Померъ, померъ у насъ, братцы, Бѣлый царь, и вотъ „его слуги вѣрные, генералушки, генералушки, чиновны господа“ соби-

[1]) „Пѣсни“ Кирѣевскаго. 9 вып. Допол. стр. V—VI.

Digitized by Google

раются устраивать „Царю Бѣлому гробницу кипарисову“, увивать ее „плисомъ-бархатомъ“, нести „за Неву рѣку“ „во сыру землю“ и засыпать тамъ „желтымъ пескомъ“ (276—277 стр.). Въ двухъ остальныхъ варіантахъ нельзя указать такихъ-же опредѣленныхъ слѣдовъ солдатскаго происхожденія пѣсенъ [1]), но нѣтъ въ нихъ и ничего такого, что могло бы не согласиться съ этимъ происхожденіемъ.

Въ остальныхъ 15 №№, созданныхъ на тему смерти Петра и помѣщенныхъ у Безсонова-Кирѣевскаго подъ общимъ заголовкомъ „плачъ войска“,—главный сюжетъ состоитъ въ томъ, что молодой солдатъ стоитъ на часахъ у дворца (или въ Петропавловскомъ соборѣ, у праваго клироса, у гробницы Государевой) и „плачетъ—что рѣка льется, возрыдаетъ—что ручьи текутъ“ о смерти „полковничка Преображенскаго, капитана бомбардирскаго“.

Таковы въ общихъ чертахъ мотивы солдатскихъ пѣсенъ петровской эпохи. Личности Петра въ нихъ отведено самое видное мѣсто. Однако ей поются не одни хвалебные гимны; рядомъ съ ними—жалобы на тяжесть службы, на дальніе походы, въ которыхъ нельзя, конечно, не видѣть скрытаго и робкаго упрека по адресу Петра.

Не робкимъ упрекомъ, не затаенной жалобой, но истерическимъ рыданьемъ, безысходнымъ отчаяніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то мрачнымъ паѳосомъ звучатъ раскольническія пѣсни, въ которыхъ образъ Петра Великаго сливается съ чудовищнымъ фантастическимъ обликомъ Антихриста.

Уже XVI вѣкъ создалъ въ широкихъ слояхъ русскаго общества ту тревожно настроенную атмосферу, въ которой суевѣрнымъ и возбужденнымъ умамъ чудились всѣ ужасы страшной

---

[1]) Впрочемъ, у изголовья умирающаго царя стоятъ „всѣ старшіе фельдмаршалы“ и выслушиваютъ послѣднюю волю царя:

Сенатъ судить князьямъ-бо́ярамъ,
Всѣмъ старшимъ фельдмаршаламъ;
Каменная Москва тебѣ, моя государыня,
Каменная Москва и Россія вся (274 стр.).
. . . . . .
Санъ-Петербургъ приказанъ фельдмаршалу,
Каменная Москва приказана тебѣ, царица православная.
Царевичу приказана вся имперія (275 стр.).

Digitized by Google

кончины міра. „Всѣ вообще памятники нашей письменности XVI вѣка проникнуты, такъ сказать, чаяніемъ близкой кончины міра. Свято-отеческія и собственно-русскія сочиненія объ антихристѣ, о второмъ пришествіи Христовомъ, о страшномъ судѣ, о кончинѣ міра, толкованія на Апокалипсисъ: вотъ что составляетъ главное содержаніе тогдашнихъ сборниковъ, въ которыхъ книжные люди того времени высказывали свои мысли и гаданія (хотя большею частію и не отъ своего лица) о судьбахъ міра и Церкви“ [1]).

XVII вѣкъ еще болѣе сгустилъ черныя мистическія тучи надъ головой напуганнаго книжника суевѣра. Въ средѣ раскольниковъ всѣ чаянія близкой гибели пріобрѣли особенную интенсивность, тѣмъ болѣе, что гоненія при Софьѣ особенно содѣйствовали удушью атмосферы. „Костры горѣли, рѣзались языки, рубились головы, удары кнута раздавались въ застѣнкахъ и на площадяхъ, тюрьмы и монастыри были полны раскольниками“ [2]). Толпы гонимыхъ бросались или въ пламя костра, чтобы избѣгнуть преслѣдованія и пріять мученическій вѣнецъ, или бѣжали въ глушь лѣсовъ и болотъ, въ Поморье, за границу. Чѣмъ ближе приближался роковой 1666 годъ, когда, по толкованію Апокалипсиса и всѣхъ другихъ „писаній“, долженъ былъ явиться Антихристъ, тѣмъ ужаснѣе становились всѣ грядущіе страхи. Было хорошо извѣстно, что „власть антихриста продолжится на землѣ два съ половиною года, т.-е. съ 1666 по 1669, а затѣмъ начнется свѣтопреставленіе: солнце померкнетъ, звѣзды спадутъ съ неба, сгоритъ земля и, наконецъ, послѣдняя труба архангела призоветъ на страшный судъ праведныхъ и грѣшныхъ.

„Протопопъ Аввакумъ, въ разгарѣ этихъ ожиданій, уже видѣлъ антихриста собственными глазами. „Я, братія моя“, пишетъ онъ, „видѣлъ антихриста, собаку бѣшеную,—право, видѣлъ! Плоть у него вся смрадъ и зѣло дурна, огнемъ пышетъ изо-рта, а изъ ноздрей и изъ ушей пламя смрадное исходитъ; по немъ царь нашъ послѣдуетъ, и власти, и множество народа“. Подъ вліяніемъ подобныхъ страховъ, вѣроятно, по всей русской землѣ происходили явленія, о которыхъ дошли до насъ извѣстія относительно Ниже-

---

[1]) *А. С. Павловъ*. Происх. раскол. ученія объ Антихристѣ. Правосл. Собесѣд. 1858 г. Казань. Май. Стр. 154.

[2]) *Мельниковъ*. Историч. очерки поповщины. М. 1864. Стр. 59.

Digitized by Google

городскаго края. Съ осени 1668 года тамъ забросили поля, не пахали и не сѣяли; по наступленіи рокового 1669 года бросили и избы. Собираясь толпами, люди молились, постились, каялись другъ другу въ грѣхахъ, пріобщались святыми дарами, освященными до никоновскихъ новшествъ, и, приготовившись такимъ образомъ, съ трепетомъ ожидали архангельской трубы. По старинному повѣрью, кончина міра должна прійтись ночью, въ полночь; и вотъ, при наступленіи ночи, ревнители стараго благочестія надѣвали старыя рубахи и саваны, ложились въ долбленые изъ цѣльнаго дерева гробы и ждали трубнаго гласа" [1]).

Но время шло и шло, канулъ въ вѣчность весь грозный годъ— ни трубы, ни свѣтопреставленія не было. Тогда отыскали ошибку въ исчисленіи срока. Пришествіе антихриста по новому и самому вѣрному счету падало на 1699 годъ.

Всѣ тревожныя ожиданія воскресли вновь: антихристъ долженъ былъ явиться. И онъ явился.

„25 августа 1698 года, т.-е. за пять дней до того страшнаго новаго года, въ которой долженъ былъ объявиться антихристъ, вернулся изъ заграничнаго путешествія Петръ. Стрѣльцы задумали было загородить ему дорогу въ Москву и истребить его вмѣстѣ со всѣми нѣмцами; но планъ этотъ остался неосуществленнымъ. Петръ пріѣхалъ въ столицу и, не заѣзжая въ Кремль, не поклонившись ни Иверской, ни московскимъ чудотворцамъ, „къ общему удивленію", по словамъ одного иностраннаго наблюдателя, проѣхалъ прямо въ Нѣмецкую слободу къ Аннѣ Монсъ. Затѣмъ, часть ночи онъ пропировалъ у Лефорта, а остальную ночь провелъ не въ своемъ царскомъ дворцѣ, а въ гвардейской казармѣ, въ Преображенскомъ. Удивленіе перешло въ ужасъ, когда на слѣдующее утро, принимая поздравленія съ пріѣздомъ, царь собственноручно обстригъ нѣсколько боярскихъ бородъ". „Наступилъ черезъ пять дней и новый годъ. Царь, вмѣсто того, чтобы, по старому обычаю, присутствовать въ этотъ день на торжественной церемоніи въ Кремлѣ, принять поздравленіе отъ патріарха и „здравствовать народъ" съ новолѣтіемъ, провелъ весь день на пиру у Шеина. Шуты его рѣзали послѣднія бороды при

[1]) Милюковъ. Очерки по ист. рус. культ. Ч. II, гл. IV. Міръ Бож. 1896 г. Апрѣль. Стр. 198.

Digitized by Google

громкомъ хохотѣ присутствующихъ, тогда какъ у жертвъ этихъ шутокъ скребло на сердцѣ. Затѣмъ началась суровая расправа со стрѣльцами, въ которой царь принималъ личное участіе. Казни чередовались съ пирами" [1]).

Легко понять, что послѣ подобныхъ происшествій Петръ и антихристъ слились въ одно лицо. Въ одномъ сборникѣ XVIII вѣка мы можемъ прочесть такой обвинительный актъ Петру:

„.... святыхъ постовъ не содержитъ, въ церковь не ходитъ, въ банѣ каждую субботу не бываетъ, живетъ блудно, съ погаными нѣмцами заедино... съ блудницами нѣмками всенародно пляшетъ... Бояръ перебилъ и въ нѣмецкіе кафтаны обрядилъ и всѣхъ русскихъ людей велѣлъ бороды лишать и всѣмъ нѣмецкіе кафтаны носить. Пьетъ вино не во славу Божію, а нѣкако нелѣпо и безобразно, яко кабацкіе пропойцы, безобразно во пьянствѣ валяяся, и глумяся во пьянствѣ; своихъ же пьяницъ, оваго святѣйшимъ патріархомъ нарицаетъ, овыхъ же митрополитами и архіепископы и епископы, себя же протодіакономъ, горло веліе имѣяй и срамоты со священными глаголы смѣшивая, велегласно вопія на потѣху своимъ нѣмецкимъ людямъ, паче же на поруганіе святыни. Самъ табакъ пьетъ и другимъ пить сіе треклятое зеліе повелѣваетъ, а при благочестивыхъ царяхъ тѣмъ, кто табакъ пьетъ, носы рѣзали" [2]).

Возникаетъ легенда, что царя „подмѣнили", что настоящій царь остался у нѣмцевъ, а въ Россію явился самозванецъ, антихристъ... Молва о томъ, что царь—антихристъ, растетъ все больше и больше, принимая самыя прихотливыя формы. Такъ, напр., какъ обнаружило одно изъ многочисленныхъ и чрезвычайно любопытныхъ дѣлъ Преображенскаго приказа, нѣкто Иванъ Андреевъ „въ домѣ у ямщика Степана Леонтьева говорилъ: государь-де нашъ принялъ звѣриной образъ и носитъ собачьи кудри" [3]). О томъ, что царь—антихристъ, свидѣтельствуютъ многочисленныя показанія того же приказа. Распространяясь и книжнымъ и устнымъ путемъ, эта идея становится чрезвычайно популярной. Ея отраженіе мы видимъ и въ поэзіи раскола.

---

[1]) Тамъ-же. Стр. 199, 200.

[2]) Мельниковъ. Тамъ-же. Стр. 73—74.

[3]) Пыпинъ. Ист. рус. лит. Т. III, стр. 305.

Digitized by Google

Разъ явился антихристъ,—настали послѣдніе дни міра; нужно отрѣшиться отъ земной жизни, уйти въ пустыню, сгорѣть на кострѣ, постоявъ до конца за правую вѣру... Такова одна основная тема унылыхъ и мрачныхъ похоронныхъ пѣснопѣній раскольниковъ.

Самъ „Христосъ Царь Небесный“ говоритъ въ одной нѣтовщинской пѣснѣ старцу-черноризцу:

Народился духъ нечистый,
Духъ нечистый—злой антихристъ,
И пустилъ онъ свою прелесть
По городамъ и по селамъ.
Людей моихъ изгоняетъ,
Въ свою вѣру принуждаетъ,
Въ свою церковь ходить заставляетъ,
Своихъ поповъ поставляетъ,
Своихъ судей посылаетъ
Свои письма разсылаетъ
По селамъ и по деревнямъ,
По прекраснымъ пустынямъ.
Не сдавайтесь вы, мои свѣты,
Тому змію седмиглаву,
Вы бѣгите въ горы, вертепы,
Вы поставьте тамъ костры большіе,
Положите въ нихъ сѣры горючей,
Свои тѣлеса вы сожгите.
Пострадайте за меня, мои свѣты,
За мою вѣру Христову:
Я за то вамъ, мои свѣты,
Отворю райскія свѣтлицы,
И введу васъ въ царство небесно,
И самъ буду съ вами жить вѣковѣчно [1]).

Съ подобными же словами обращается Христосъ и къ женѣ Аллилуевой, наказывая ей сказать

Всѣмъ православнымъ христіанамъ,
Чтобы ради меня въ огонь они кидались,
. . . . . .
Не давались бы въ прелесть хищнаго волка,
Хищнаго волка, антихриста злого.
Что антихристъ на землѣ взялъ силу большую,
Погубитъ во всемъ свѣтѣ вѣру Христову,
Постановитъ свою злую церковь.
Онъ бороды всѣмъ брить повелѣваетъ,
Креститься щепотью всѣмъ завѣщаетъ,
Мою вѣру Христову хощетъ искоренити [2]).

Угасаетъ „древнее правовѣріе“, ибо

Десято-рожный звѣрь сіе погуби,
Седмиглавый змій тако учини...[3])

Въ противовѣсъ царству антихриста выставляется спасительная пустыня, гдѣ можно избѣжать когтей діавола и сѣтей обольстительнаго міра.

---

[1]) Варенцовъ. Сб. духов. стих. Стр. 185—186.
[2]) Тамъ-же. Стр. 176.
[3]) Тамъ-же. Стр. 179 и слѣд.

Digitized by Google

Охъ ты, матушка пустыня,
Распрекрасная равнина!
Еще кто бъ тебя поставилъ;
Середи темнаго лѣсу,
Во зеленой во дубравѣ?
Не слыхать бы въ тебѣ было
Прелестнаго злого міра.

И дальше опять варіируется та же упорная тема:

Пришло времячко гонимо:
Народился злой антихристъ;
Въ сію землю онъ вселился,
На весь міръ вооружился.
Стали его волю творити
Усы, бороды стали брити,
Латынскую одежду носити,
Трепроклятую траву пити [1]).

Хорошо извѣстно, какъ зло оплакивали раскольники кончину Петра знаменитой картинкой „Мыши кота погребаютъ“. [2])

Итакъ, личность Петра Великаго въ народной раскольнической массѣ, подъ вліяніемъ особыхъ мистическихъ представленій, отразилась въ образѣ „злого антихриста“, „десято-рожнаго звѣря“ „седмиглаваго змія“ и „хищнаго волка“.

Внѣ сферъ солдатской и раскольнической, петровскія историческія пѣсни носятъ случайный, отрывочный характеръ. Изъ всей ихъ, сравнительно небольшой суммы трудно составить одинъ, цѣльный образъ. Характерно и то, что нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ всего лишь въ одной редакціи; скудость варіантовъ другихъ свидѣтельствуетъ объ ихъ непопулярности въ народѣ.

Въ Сборникѣ П. В. Кирѣевскаго находимъ мы „пѣсню о постриженной царицѣ“, которая, несомнѣнно, популярнѣе другихъ просто народныхъ, т. е. такихъ, происхожденіе которыхъ нельзя пріурочить, за скудостью данныхъ, къ какой-либо одной общественной группѣ.

Меня милый другъ журитъ-бранитъ,
Онъ-то журитъ бранитъ,
Въ монастырь идти велитъ:
„Постригись, моя немилая,
Поснимися, постылая!
На постриженіе выдамъ сто рублей,
На посхиненіе тебѣ тысячу,
Я поставлю нову келейку,
Въ зеленомъ саду подъ яблоней,
Прорублю я три окошечка,
Первое ко Божьей церкви,
Другое-то во зеленый садъ,
Третье-то во чисто поле:
Въ Божьей церкви ты намолишься,
Въ зеленомъ саду нагуляешься,
Во чисто поле насмотришься“.

---

[1]) Тамъ-же. Стр. 202.

[2]) См. также В. Н. Щепкинъ. Два лицевыхъ сборника Историческаго Музея. М. 1897 г.

Digitized by Google

Ѣдутъ мимо кольи князья-бояра, спрашиваютъ: „что за келейка“, „что въ ней за монашенка за молóденька“?

Отвѣчала имъ монахиня:
Я постри́жена самимъ царемъ,
Я посхимлена Петромъ Первымъ,
Чрезъ его змѣю лютую (106—107 стр).

Эта пѣсня, по замѣчанію Безсонова, „записана кн. В. Ѳ. Одоевскимъ въ половинѣ 1862 года съ голоса 80-ти-лѣтней дамы, а та въ дѣтствѣ переняла (ее) отъ няни, слѣдственно съ пѣнія 1790-хъ годовъ“ (Прим. къ 107 стр.). Безсоновъ приводитъ еще варіанты записи В. И. Даля, Костомарова и изъ сборника Варенцова. Въ этихъ варіантахъ, съ утратою имени (царицы), исторія постриженія получила общій типическій характеръ и потому утратила свой первоначальный смыслъ. Любопытно, между прочимъ, то указаніе на исторію этой „пѣсни о постриженной царицѣ“, которое находитъ Безсоновъ въ бумагахъ историка И. П. Шульгина. „При Петрѣ Великомъ, по случаю постриженія царицы Евдокіи, сложена была (и запрещена) слѣдущая пѣсня:

Постригись моя немилая,
Посхимися моя постылая! и пр.

За эту пѣсню при Петрѣ II канониръ Носовъ, пѣвшій ее, былъ битъ шпицрутеномъ“ (9 вып., XLI стр.) [1])

Одно изъ самыхъ знаменательныхъ событій жизни Петра—его заграничное путешествіе,—нашло отголосокъ въ народной массѣ и отразилось въ интересной пѣснѣ, записанной еще въ 1791 году и пѣвшейся въ городѣ Починкахъ, Нижегородской губерніи.

---

[1]) Въ недавнее время „дѣло“ канонира Носова было извлечено изъ архива и напечатано А. Н. Пыпинымъ въ Извѣст. Отд. рус. яз. и слов. (т. V, в. II). Тамъ же (стр. 579, 581) напечатано „Дѣло о дьячкѣ Тимоѳеѣ Делифовскомъ, доносившемъ на пристава Трофима Спиридонова, что онъ пѣлъ пѣсню объ Императорѣ Петрѣ I-мъ и Императрицѣ Екатеринѣ I-й“. Оказывается: какъ-то „между протчихъ партикулярныхъ разговоровъ“ Тимоѳей разговорился со Спиридоновымъ о Петрѣ I, и Спиридоновъ „завелъ пѣсню такую: зверочикъ мой, зверочикъ, полуношный мой зверочикъ, повадился зверочикъ во садочикъ к Катюше ходить,—і при томъ і протчие слова пелъ же, а какие, того (Тимоѳей) не упомнитъ“. По поводу этой пѣсни, Спиридоновъ, на вопросъ Тимоѳея, объяснилъ: „за эту-де песню напредь сего кнутомъ бівали, что-де Гдрь Императоръ съ Гдрнею Императрицею Екатериною Алексѣевною жилъ когда она еще въ девицахъ імелась, і для того де ту песню і сложили“...

Digitized by Google

Какъ никто-то про то не знаетъ не вѣдаетъ,
Что куда-то нашъ государь-царь собирается...
Онъ беретъ-то съ собой силушки очень мало,
Что однихъ только Преображенскіихъ гренадеровъ,

и отдаетъ такой приказъ:

„Ой вы слушайте, офицерики и солдаты!
Не зовите вы меня ни царемъ своимъ ни государемъ,
А зовите вы меня заморскіимъ купчиной".

„Носило" царя по морю двѣ недѣли и „принесло" его „ко Стекольному государству"

Что къ тому ли Шведскому королевству.

Гуляетъ „купчинушка" по городу, никто его не узнаетъ.

Узналъ только его гетманъ земли Шведской и донесъ о томъ королевнѣ. Та

. . . семи земель царей портреты выносила:
По портрету царя Бѣлаго узнавала:
Закричала королевна громкимъ голосомъ:
— Ой вы гой еси, мои Шведскіе генералы!
— Запирайте вы воротички покрѣпче,
— Вы ловите царя Бѣлаго скорѣе!" [1]

Царя спасаетъ крестьянинъ, который вывозитъ его „на край синя моря", и царь, счастливо избѣгнувъ погони, „во святую Русь возвратился" [2].

Рядомъ съ этимъ можно поставить любопытную сказку о томъ же заграничномъ пребываніи царя, приводимую С. М. Соловьевымъ. Въ ней „жена дворцоваго повара" разсказываетъ о томъ, какъ государь былъ „въ Стекольномъ, а въ Нѣмецкой землѣ Стекольное царство держитъ дѣвица, и та дѣвица надъ царемъ ругалась, ставила его на горячую сковороду и, снявъ съ сковороды, велѣла его бросить въ темницу", какъ въ именины этой дѣвицы „князи" и бояре выпросили у нея царя на свободу, какъ „наши бояре" „сдѣлали бочку и въ ней набили гвоздья, и въ тое бочку хотѣли его положить", но царя спасъ стрѣлецъ, увѣдомивъ его

[1] Пѣсни П. В. Кирѣевскаго, вып. 8. Стр. 166.

[2] Ср. также разсказъ—„Воръ збаўлянъ Питра отъ смерти", гдѣ отразились воспоминанія о заговорахъ и покушеніяхъ на жизнь Петра. Смол. Этногр. Сборн. В. Н. Добровольскаго. Ч. I. Стр. 384—385. № 26.

Digitized by Google

объ опасности и тѣмъ, что „на постелю легъ на его (царя) мѣсто, и бояре пришли, и того стрѣльца съ постели схватя и положа въ тое бочку, бросили въ море“ [1]). Всѣ эти досужіе вымыслы, созданные пылкой фантазіей „жены дворцоваго повара“, интересны, главнымъ образомъ, тѣмъ, что краснорѣчиво указываютъ— насколько народная масса имѣла смутныя представленія о цѣли путешествія Петра, и какъ прихотливо возмѣщала она собственнымъ творчествомъ отсутствіе точныхъ свѣдѣній и яснаго пониманія иныхъ событій своей эпохи.

Въ одной петровской исторической пѣснѣ, въ бѣглыхъ, но очень характерныхъ чертахъ, отразился подлинный историческій фактъ—прорытіе Ладожскаго канала.

Ахъ далече-далече, въ чистомъ полѣ,
Расплачется травушка зеленая;
Уминаетъ ее мати земля сыра:
„Не плачь, не плачь, трава-мурава,—
Не одной тебѣ въ чистомъ полѣ тошнехонько,
И мнѣ еще того тошнѣе.
Какъ ѣхалъ государь-царь изъ подъ Риги,
Велѣлъ меня, землюшку, копати,
И рвы колодези вырывати,
Ключевую воду испускати“ (261 стр. Пѣсни Кир.).

Этотъ поэтическій стонъ звучитъ, несомнѣнно, какъ бы укоромъ Петру, мотивъ котораго трудно себѣ уяснить, но который достаточно ясно обнаруживаетъ присутствіе въ народной массѣ скрытой глухой оппозиціи многимъ событіямъ петровской государственной жизни.

Въ недавно вышедшихъ „Бѣломорскихъ былинахъ“ г. Маркова находится чрезвычайно любопытный былинный разсказъ „о семейной жизни Петра“. „Интереснѣйшій unicum среди историческихъ пѣсенъ, говоритъ въ предисловіи къ Сборнику проф. В. Ѳ. Миллеръ, представляетъ № 60 „Семейная жизнь Петра I-го“. Въ этой обширной пѣснѣ (въ 316 стиховъ) мы находимъ въ своеобразной народной переработкѣ біографическія данныя: рожденіе Петра I, женитьбу его на Настасьѣ-королевичнѣ (=Евдокіи), рожденіе царевича Ѳедора (=Алексѣя), столкновенія отца съ сы-

[1]) Пыпинъ. Ист. рус. лит. Т. III. Стр. 329.

Digitized by Google

номъ, являющимся сторонникомъ старой вѣры [1]), смерть царевича, постриженіе его матери въ монастырь, занятіе Петра плотничествомъ, знакомство съ Екатериной Алексѣевной и вторичную женитьбу" [2]).

Начало пѣсни совпадаетъ съ пѣсней сборника Кирши Данилова, начинающейся словами:

Когда свѣтелъ, радошенъ во Москѣ
Благовѣрный царь Алексѣй, царь Михайловичъ [3])...

Въ остальномъ былинная традиція Бѣломорскаго края сохранила оригинальную и, дѣйствительно, неизвѣстную ранѣе обработку біографіи Петра. Искаженіе фактическихъ данныхъ [замѣна однихъ именъ (царицы и царевича) другими, основаніе Петербурга при Алексѣѣ Михайловичѣ] указываетъ, кажется, на то, что созданіе этихъ ложныхъ извѣстій относится къ позднѣйшему времени, когда событія петровской эпохи уже минули и стали забываться. Чрезвычайно характерной особенностью бѣломорской пѣсни является и то, что образъ Петра рисуется въ ней въ *безразличномъ* свѣтѣ: сочувствіе или несочувствіе автора-пѣвца скрывается за подробнымъ *объективнымъ* изложеніемъ событій „давно минувшихъ дней".

Въ этомъ отношеніи бѣломорская былина принадлежитъ уже болѣе къ тому кругу народно-поэтическихъ преданій о Петрѣ, который составляетъ *третью ступень* въ исторіи ихъ развитія.

Въ разсказѣ, находящемся въ брошюрѣ Барсова, о томъ, „какъ Петръ Великій ѣздилъ въ Соловки на богомолье", Петру приписывается сверхъестественная чудодѣйная сила: онъ укротилъ своимъ словомъ „глупое" Ладожское озеро. „Народъ подмѣтилъ, говоритъ Барсовъ, что стихія его генія это—море" (4 стр.). Разсказъ этотъ, по мнѣнію собирателя, въ художественномъ отноше-

[1]) „Замѣчательно и то, писалъ одинъ изслѣдователь въ 1872 г. (Н. А. Лавровскій, Фил. Зап. Вып. I—II. Стр. 29, 30): что не сохранилось въ пѣсняхъ воспоминанія о несчастной судьбѣ царевича, извѣстной всѣмъ, такъ какъ о ней въ свое время обнародовано было во всеобщее свѣдѣніе"... „едва ли можно допустить, что пѣсня о судьбѣ царевича существуетъ и поется гдѣ-нибудь и только не записана". Бѣломорская былина „Семейная жизнь Петра I-го" не оправдываетъ послѣдняго предположенія.

[2]) Бѣломор. былины, запис. А. Марковымъ. М. 1901 г. Стр. XIII.

[3]) Кирша Даниловъ. Изд. Суворина. СПБ. Стр. 236.

Digitized by Google

ніи такъ превосходенъ, что мы ничего не знаемъ подобнаго въ русской повѣствовательной литературѣ. По мѣстамъ мы можемъ приравнивать его только къ „Слову о полку Игоревѣ“ (14 стр.).

Если отнестись съ довѣріемъ къ тексту разсказа и воздержаться отъ тѣхъ замѣчаній, которыя онъ могъ бы вызвать, то, во всякомъ случаѣ, необходимо признать за нимъ своеобразное мѣсто въ ряду преданій о Петрѣ Великомъ. „Разсказъ о встрѣчѣ Петра I со шведскимъ королемъ на Ладожскомъ озерѣ“ созданъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ эпоху, очень отдаленную отъ времени Петра, т.-е. уже въ XIX вѣкѣ.

Прежде всего, на это прямо указываютъ первыя строки („Досюль,—еще насъ на свѣтѣ не было, да и дѣды дѣдовъ нашихъ не были, да на свѣтѣ не жили, а и народа-то на земли была малость-мальская,—цари въ ту̀-поръ дѣлили межъ собой свои владѣнія“). Нѣсколько далѣе, разсказъ самъ усиленно подчеркиваетъ время дѣйствія—„ты-то поры давнія“, надѣляя эту давнюю пору своеобразнымъ эпическимъ колоритомъ. Личность царя, утративъ всякую индивидуальность, окружена такимъ ореоломъ легендарнаго героя, который создается „рѣкой временъ“ лишь на извѣстномъ разстояніи. Не лишено значенія и то, что въ разсказѣ совершенно отсутствуютъ топографическія указанія; между тѣмъ, какъ мы видѣли выше, всѣ преданья о Петрѣ сѣвернаго края какъ-бы прикрѣплены къ извѣстнымъ, точно указаннымъ, мѣстамъ.

Такимъ образомъ, „Разсказъ о встрѣчѣ Петра I со шведскимъ королемъ на Ладожскомъ озерѣ“ смотритъ на Петра поэтическими глазами далекаго потомка, сохранившаго лишь смутное воспоминаніе о борьбѣ Россіи въ петровскія времена со „свейскимъ государствомъ“. Историческія черты сгладились и исчезли. Встрѣча Петра съ королемъ „свейскимъ“ важна лишь какъ сюжетъ для поэтическаго созданія, въ которомъ громадное значеніе получаетъ форма.

Въ самарскомъ краю Д. Н. Садовниковымъ была записана сказка о встрѣчѣ Петра Великаго съ бѣглымъ солдатомъ, изобилующая многочисленными и витіеватыми подробностями. Вмѣстѣ съ только что упомянутымъ разсказомъ, она составляетъ одну группу. Петръ является въ ней дѣйствующимъ лицомъ довольно длинной и сложной исторіи, не имѣющей никакой реальной исторической подкладки. Это обстоятельство заставляетъ предположить,

Digitized by Google

что созданіе сказки (въ той редакціи, какую представляетъ сборникъ Садовникова) относится уже къ той эпохѣ, когда личность Петра въ народныхъ представленіяхъ сдѣлалась *популярнымъ* героемъ. Именно эта популярность (правда, довольно относительная) и дѣлаетъ Петра героемъ событій, созданныхъ народной фантазіей и не связанныхъ ни съ какимъ историческимъ фактомъ.

Нѣсколько уцѣлѣвшихъ бытовыхъ чертъ проливаютъ довольно яркій свѣтъ на самое происхожденіе сказки: несомнѣнно, она вышла изъ солдатской среды. Въ ней главнымъ героемъ является бѣглый солдатъ; она говоритъ о солдатской жизни, указывая темныя стороны ея („Отчего ты бѣжалъ?“ спрашиваетъ Петръ у солдата. „Да вина-то небольшая: потерялъ всего только одну пуговицу, да замучилъ меня полковникъ мукой и каженъ день бьетъ. Оттого я и бѣжалъ“. „Ну, а какъ, землякъ, у васъ въ полку пищая? Говядины по сколько варятъ?“ „А такъ варятъ, только славу дѣлаютъ“. Петръ Великій назвался земляком, Петрушей. Его солдатъ и спрашиваетъ: „А у васъ въ полку какъ?“ „У насъ варятъ по фунту на каждаго солдата“. „Нѣтъ, у насъ этого, Петруша, нѣтъ ничего“. „А варятъ ли крутую кашу?“ „Варятъ да никогда, а такую только варятъ, что крупинка за крупинкой, и на ложку не поймать“.—Садовниковъ. Сказ. и пред. самар. края, 372 — 373 стр.) [1]); она,—это очевидно, — симпатизируетъ хмѣльному и добродушному „солдатику“, невинной жертвѣ грубаго начальства; въ своихъ заключительныхъ словахъ (солдатъ заступаетъ мѣсто, по распоряженію Петра, полковника, а полковникъ—мѣсто солдата) она награждаетъ героя идеальнымъ солдатскимъ благополучіемъ.

Уже выйдя изъ круга собственно солдатскихъ преданій, сказка вбираетъ въ себя иные элементы (пребываніе солдата и Петра у разбойниковъ) и получаетъ иной смыслъ: изъ живого историческаго лица Петръ Великій превращается въ сказочнаго героя.

Популярность личности Петра, какъ героя народныхъ преданій, дѣлаетъ его соперникомъ и замѣстителемъ другого типичнаго героя—Владиміра. Въ бѣломорской былинѣ „Добрыня и Змѣя“ [2]) Петръ является современникомъ богатыря владимірскаго цикла—

[1]) Ту же сказку см. у В. Н. Добровольскаго.—Смоленскій Этнографич. Сборникъ. СПБ. 1891 г. Ч. I. № 24. Стр. 381—383.

[2]) Бѣломорскія былины, запис. А. Марковымъ. М. 1901 г. Стр. 59—63.

Digitized by Google

Добрыни Никитича; былина наградила Петра „племянёнкой“ Забавой Путятишной и посадила на княжескій столъ въ „Кіевѣградѣ“, хотя и не отняла у него „княгини“ Катерины [1]).

Послѣ разбора содержанія народныхъ преданій можно отвѣтить на поставленный вопросъ: какимъ образомъ отразилась въ сознаніи народной массы личность Петра?

Безсоновъ, характеризуя общее значеніе петровскихъ пѣсенъ, находитъ, что онѣ „даютъ болѣе или менѣе живую картину и высокаго лица, и обстоятельствъ его времени, притомъ, что особенно замѣчательно, въ выраженіяхъ искренняго сочувствія къ истинному смыслу великихъ событій той эпохи“; онъ видитъ въ нихъ „любовь народа къ Петру и искреннее къ нему сочувствіе... воплощенное представленіе всего величія тогдашнихъ событій и сознаніе далеко проникающее впередъ, въ ожиданіи знаменательныхъ плодовъ отъ будущаго; указывая на солдатскія жалобы, Безсоновъ считаетъ ихъ выраженіемъ „личнаго и частнаго горя“...—не больше: а личное и частное, разумѣется, всегда легче принести въ жертву требованіямъ высшимъ“ [2]). Г. Пыпинъ пола-

---

[1]) По всей вѣроятности, по той же причинѣ — популярности—выведенъ Петръ В. въ роли царя, награждающаго доблесть храбреца и его открытое признаніе, въ пѣснѣ „объ удаломъ добромъ молодцѣ и казнѣ сорокъ тысячей“. (Гильферд. Онежс. былн. 567—569 стр.; Кирѣевск. пѣсни, 8 вып., 31—33 стр.; Рыбниковъ, Ч. II, стр. 42). То-же объясненіе можно дать и записанной Рыбниковымъ (Ч. II, 243 — 244 стр.) сказкѣ о встрѣчѣ Петра съ мужикомъ въ лѣсу, помѣщенной у Безсонова (вып. 8, стр. 343—344) и Пыпина (Ист. рус. лит., т. III, стр. 330). См. также Смоленскій Этнографическій Сборникъ, В. Н. Добровольскаго. Ч. I, стр. 380—381, № 23.

[2]) Доп. къ 8 вып. стр. I, XVI, XXVI.—Тотъ же Безсоновъ усматриваетъ крайне тѣсную связь между цикломъ петровскихъ пѣсенъ и пѣсенъ эпохи Ивана Грознаго. „Не смотря на особыя отличія двухъ историческихъ эпохъ, въ самой личной жизни Петра, въ характерѣ его, положеніи и даже въ нѣкоторыхъ событіяхъ его времени давно замѣчено проницательными, хотя и не многотомными, историками разительное сходство съ Иваномъ Грознымъ: отношенія къ супругамъ и къ сыну дополняютъ собою параллель. Творчествомъ народнымъ развито это сближеніе почти до единства образовъ, до повторенія пріемовъ и красокъ, до тождесловія выраженій. Казни Грознаго какъ будто оживаютъ и умножаются казнями стрѣльцовъ и Большого Боярина; умолчанная въ пѣсняхъ судьба Петрова сына съ избыткомъ обрисована покушеніемъ Грознаго на собственное дитя свое; Флоръ со своими товарищами отвѣчаетъ

Digitized by Google

гаетъ, что „народная поэзія, насколько она до сихъ поръ извѣстна, почитаетъ въ Петрѣ великаго православнаго царя“ [1]).

Этими опредѣленіями не дается однако полнаго рѣшенія вопроса. Личность Петра Великаго въ народномъ представленіи дробится и порождаетъ различныя впечатлѣнія. Мужикъ-сѣверянинъ, видѣвшій царя на работѣ, съ топоромъ въ рукахъ, создаетъ представленіе о Петрѣ, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій, какъ о доступномъ, ласковомъ, трудолюбивомъ и энергичномъ царѣ-работникѣ. Солдатская среда воспѣваетъ Петра, какъ доблестнаго вождя, „перваго императора“, заглушая въ себѣ—въ силу своего особаго положенія — прорывающіеся стоны и жалобы на трудную службу и дальніе походы. Въ глуши раскольническихъ скитовъ Петръ пугаетъ простодушныхъ, но суевѣрныхъ людей, какъ страшный образъ антихриста. Остальная часть преданій, внѣ этихъ опредѣленныхъ сферъ,—отрывочна и случайна: сочувственный откликъ на горе постриженной царицы сплетается съ фантастической болтовней дворцовой бабы о заграничномъ путешествіи

Ермаку; борьба императора съ драгуномъ напоминаетъ собою живо борьбу Кастрюка, и если Грозный любуется, какъ „Русакъ тѣшится“, то въ Петрѣ творчество ступило лишь далѣе, переведя эту потѣху на единоборство самого государя. Въ особенности же сопоставляетъ народъ того и другого, выражая ясно свой сходный взглядъ на обоихъ, когда Монастырь Румянцевъ и Правежъ повторяются тамъ и здѣсь; Плачъ отверженной супруги до того роднится при обоихъ, что нужна большая опытность въ признакахъ творчества, дабы различить здѣсь эпохи, отстоящія на полтораста лѣтъ; покореніе Азова передается тѣми же почти образами и словами, что покореніе Казани; Плачъ по умершемъ царѣ, начатый въ былинахъ съ Ирана, прошедши промежутокъ годовъ, со всею силою воскресаетъ при гробѣ Петра и лишь отсюда дѣлается первообразомъ для подобныхъ Плачей послѣдующихъ“. (XVII стр.).

Но едва ли связь между пѣснями обѣихъ эпохъ можетъ быть признана такой тѣсной, какъ это представляется Безсонову. Совпадающія мѣста можно отыскать лишь въ плачахъ объ умершемъ царѣ (какъ вдовы-царицы, такъ и войска), и, болѣе ясно, въ пѣсняхъ „Правежа“, гдѣ одна и та же тема пріурочена къ Ивану Грозному и Петру Великому. Но и только. Въ описаніяхъ взятія Казани и взятія Азова единственная черта сходства—подкопъ подъ стѣны и взрывъ бочекъ съ порохомъ отъ зажженныхъ свѣчей „воску яраго“. Но это такое „общее“ мѣсто, что едва-ли здѣсь можно говорить о какой-либо особой связи. Между разсказомъ о борьбѣ Кастрюка и борьбѣ императора съ Драгуномъ нѣтъ ни одной сходственной черты.

[1]) Ист. рус. лит., т. III, стр. 330.

Digitized by Google

царя, и остается безъ всякаго отраженія „вся внутренняя сторона дѣятельности Петра, превышавшая разумѣніе народа“ [1]).

Преданіе о Петрѣ не застываетъ въ однѣхъ опредѣленныхъ формахъ: оно живетъ и имѣетъ свою исторію. Ее трудно, даже невозможно уложить въ какія либо точныя хронологическія рамки. Это—исторія безъ хронологіи. Но зато съ вполнѣ достаточнымъ, кажется, основаніемъ въ развитіи народнаго преданія о Петрѣ Великомъ можно установить три послѣдовательныхъ ступени. Полусказка, полу-анекдотъ, рожденный личнымъ воспоминаніемъ, является первой ступенью. На второй — историческая пѣсня, творческій продуктъ, отраженіе многихъ впечатлѣній, воплощенное въ художественную форму и переходящее изъ устъ въ уста. На третьей ступени, Петръ — популярный герой, утратившій всякую индивидуальность, оторванный отъ своей эпохи, вступившій въ ряды традиціонныхъ былинно-сказочныхъ персонажей.

В. Стражевъ.

---

[1]) Н. А. Лавровскій. О Петровскихъ пѣсняхъ. Фил. Зап. 1872 г. Вып. I—II, стр. 29.

Digitized by Google

Изъ иностранной этнографической литературы.

VII [1]).

Роль ритма въ жизни народовъ.

(*Karl Bücher*: Arbeit und Rhytmus. Leipzig, 1-е изд. 1896 г., 3-е изд. 1902 г).

Наше время характеризуется стремленіемъ къ историческому объясненію общественныхъ явленій, которыя, на первый взглядъ, кажутся иногда или незначительными, или неподлежащими вѣдѣнію серьезной науки, но которыя на самомъ дѣлѣ оказываются продуктомъ долгаго историческаго развитія и имѣютъ свои законы, требующіе внимательнаго изученія. Такъ, напр., мы почти не обращаемъ вниманія на естественныя движенія ногъ и рукъ при ходьбѣ, которыя на самомъ дѣлѣ принадлежатъ къ той же категоріи ритмическихъ явленій, какъ и музыкальные такты или стихотворныя стопы съ ихъ правильно чередующимся удареніемъ, повышеніемъ и пониженіемъ. Подобныхъ естественныхъ ритмическихъ явленій въ области движеній и звуковъ множество въ жизни человѣка и окружающаго міра.

Спрашивается, что же такое ритмъ и откуда онъ взялся? [2]) Что заставило человѣка облечь свою рѣчь въ извѣстную метрическую форму, подчинить свои движенія извѣстной равномѣрности? Извѣстному лейпцигскому историку — экономисту Карлу Бюхеру,

---

[1]) См. Этн. Обозр. XLIV.

[2]) *Ритмомъ* называется извѣстная характерная послѣдовательность движеній или звуковъ во времени; такимъ образомъ, въ мазуркѣ—одинъ ритмъ, въ полькѣ—другой; метрика ямба и хорея тоже различная; ритмъ молотьбы въ четыре цѣпа совсѣмъ иной, чѣмъ ритмъ молотьбы въ три цѣпа, и проч. Не слѣдуетъ смѣшивать *ритмъ* съ *темпомъ*: ритмъ есть характерная послѣдовательность звуковъ и движеній, а темпъ — быстрота этой послѣдовательности, которая можетъ быть весьма различная. *Авторъ.*

Digitized by Google

трудъ котораго „Arbeit und Rhythmus“ вышелъ въ 1902 году уже третьимъ, значительно дополненнымъ изданіемъ, удалось пошире другихъ взглянуть на вопросъ о роли ритма въ народной жизни [1]). Его основная мысль заключается въ томъ, что въ ритмѣ наистарѣйшей изъ пѣсенъ, а именно рабочей, надо усматривать ту скрытую силу, которая, облегчивъ трудъ и сдѣлавъ его продуктивнѣе, тѣмъ оказала громадное дѣйствіе на соціальное развитіе человѣчества. Наиболѣе сильную сторону его труда составляетъ изученіе и систематизація, по ритмичнымъ группамъ, разнообразныхъ процессовъ работы. До него никто не считался съ рабочей пѣсней, какъ съ самостоятельной единицей и важнымъ фактомъ въ процессѣ физической работы, никто не развивалъ такъ многосторонне идею о психологическомъ значеніи труда и всюду сопутствующей его ритмичной рабочей пѣсни.

Благодаря только массѣ собраннаго имъ матеріала, ему удалось освѣтить весьма многое изъ области физіологіи, психологіи, языкознанія; музыки, поэзіи, метрики, техники и проч. Онъ задалъ новыя въ этихъ наукахъ задачи, указалъ новые пути; онъ кинулъ взглядъ на развитіе работы со стороны психо-физики, чего до сихъ поръ не дѣлали экономисты, подходившіе къ ней только со стороны психологическаго и соціальнаго значенія, которое она имѣла для развитія общества. Бюхеръ же разобралъ работу по существу и указалъ на нее, какъ на источникъ, изъ котораго вытекло многое, что мы привыкли считать дѣломъ чисто духовнаго происхожденія, какъ, напр., музыка, поэзія; онъ сдѣлалъ попытку разрѣшить крайне спорный вопросъ о происхожденіи музыки и поэзіи, ставя ихъ въ генетическую общность съ ритмичной рабочей пѣсней, отъ которой онѣ, по его мнѣнію, произошли. Своимъ оригинальнымъ взглядомъ онъ заинтересовалъ ученый міръ и заставилъ многихъ высказаться. Онъ не фанатикъ своей идеи, и не смотритъ на нее какъ на нѣчто законченное. И дѣйствительно, въ западной литературѣ появились поправки, дополненія, возра-

---

[1]) Изслѣдованіе Бюхера въ русскомъ переводѣ издано фирмою О. Н. Поповой въ ея „Экономической библіотекѣ“, подъ загл.: „Работа и ритмъ. Рабочія пѣсни, ихъ происхожденіе, эстетическое и экономическое значеніе. Переводъ съ нѣм. И. Иванова, подъ ред. Д. Коробчевскаго“. СПБ. 1899 г. Кромѣ того, содержаніе этой книги было изложено въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ („Русское Богатство,“ 1899, октябрь). *Ред.*

Digitized by Google

женія, которыя необходимо принять во вниманіе [1]). Между прочимъ, въ Deutsche Litterarische Zeitung Вилямовицъ выразился о Бюхерѣ весьма мѣтко: „автору удалось найти въ ритмичной рабочей пѣснѣ если не корень вообще, то одинъ изъ корней поэзіи".

Трудъ Бюхера можетъ служить существеннымъ дополненіемъ къ Дарвино-Спенсеровскому ученію о происхожденіи музыки и поэзіи. Дарвинъ усматриваетъ зачатки музыки въ звукахъ, предшествующихъ возникновенію рѣчи и сопутствующихъ половой подборъ; а Спенсеръ усматриваетъ генезисъ музыки въ интонаціи эмоціональной рѣчи первобытнаго человѣка, которая сначала перешла въ пѣсню, а затѣмъ ужъ въ инструменты, подражающіе голосу. Оба они правы, ибо Дарвинъ разбиралъ происхожденіе звука, а Спенсеръ — происхожденіе музыки, уже какъ искусства; и Бюхеръ ихъ не оспариваетъ; онъ только опирается, при разрѣшеніи этихъ вопросовъ, на соціологическій факторъ — работу; и благодаря этому ему удалось гораздо больше, чѣмъ Дарвину и Спенсеру, прослѣдить развитіе различныхъ видовъ искусства.

Связь ритмичной рабочей пѣсни съ музыкой и поэзіей не сразу очевидна; для того же, чтобы понять мысль Бюхера, надо обратиться къ жизни первобытнаго человѣка, образчикъ которой мы имѣемъ въ жизни современнаго малокультурнаго дикаря, и посмотрѣть, какъ онъ пользуется ритмомъ.

Всѣ путешественники твердятъ въ унисонъ, что дикарь лѣнивъ къ работѣ и выполняетъ ее только въ крайней нуждѣ или по принужденію. Можно ли назвать волка, избѣгавшаго полсотню верстъ ради того, чтобъ добыть себѣ пищу, лѣнивымъ животнымъ? Въ добываніи себѣ необходимаго онъ проявляетъ значительную энергію, но добывать себѣ что-нибудь для будущаго, когда онъ чувствуетъ себя сытымъ, онъ не въ состояніи. Дикарь дѣлаетъ то же самое; жизнь дается ему нелегко, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ его выносливость и терпѣніе въ работахъ не подъ силу

---

[1]) Preuss. Jahrb., Schmollers Jahrb., Beilage zur Allg. Ztg., Deutsch. Litt. Ztg., Mitt. z. bayer Volksk., Zeitschr. für deutsch. Altert., Monatschr. für Mus. Gesch., Zeitschr. für die Staatswiss. *Авторъ.*

Кромѣ періодическихъ изданій, въ нѣмецкой литературѣ трудъ Бюхера комментировался и въ отдѣльныхъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, напр.: *Wilh. Wundt*, Sprachgeschichte und Sprachpsychologie, Leipz. 1901, S. 105. *B. Delbrück* Grundfragen der Sprachforschungen. Strassb. 1901. 88 — 93. *Ред.*

Digitized by Google

даже культурному европейцу. Ему тягостно добывать только то, что онъ не можетъ сразу утилизировать. А потому, если мы не можемъ обвинить въ лѣности волка, то не можемъ обвинить въ ней и дикаря, ибо иначе мы впадемъ въ ошибку, т.-е. вложимъ въ дикаря соціально-этическія представленія культурнаго человѣка, другими словами, скажемъ: онъ можетъ, да не хочетъ. Но дѣло въ томъ, что онъ не можетъ справиться со своей мало дрессированной волей; въ этомъ онъ гораздо ближе къ волку, чѣмъ къ культурному человѣку. Онъ работаетъ въ общемъ не меньше, чѣмъ культурный человѣкъ, но онъ работаетъ неравномѣрно, урывками, безъ выдержки и вполнѣ зависитъ отъ своего настроенія; онъ не лѣнивъ, но распущенъ. Его можно признать лѣнивымъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ чувствуетъ, что работаетъ какъ рабъ для другого; онъ смотритъ на колонизаторовъ какъ на посягателей на его свободу; онъ видитъ, что ужъ не можетъ жить такъ, какъ бы ему хотѣлось. — При такой его распущенности и бѣдности инструментовъ, которыми приходится дикарю работать, нечего и ждать отъ его работы большой продуктивности. Природная любовь всего живого къ ритму подсказала и дикарю направить работу ритмично и ухватиться за рабочую ритмичную пѣснь или за ритмичные звуки ударныхъ инструментовъ, какъ за силу, способную поддержать ритмичность работы, облегчить ее и сдѣлать болѣе продуктивной.

Напрасно думаютъ многіе, что ритмичность присуща только культурному человѣку; она встрѣчается вездѣ, даже въ мірѣ животныхъ; крикъ перепела, движеніе крыльевъ летящей птицы, бѣгъ лошади и проч. —все это совершается ритмично. Но на чемъ основана любовь всего живого къ ритму? Что заставляетъ такъ цѣпко за него хвататься?

Въ каждой работѣ, напр., въ косьбѣ, работникъ дѣлаетъ періодичныя напряженія, между которыми онъ точно также періодично отдыхаетъ, дѣлаетъ передышки. Организмъ живо приспособляется къ этимъ смѣнамъ напряженія и отдыха. Въ этомъ то и состоитъ благотворное физіологическое значеніе ритма, какъ установителя правильной экономичной траты силъ. Если неопытный кучеръ задергаетъ на бѣгу лошадь и не дастъ ей правильно, экономично тратить свои силы, то она живо вспотѣетъ. По той же причинѣ ритмично бьется сердце, ритмично совершается дыханіе. Ритмъ такъ

Digitized by Google

глубоко сидитъ въ насъ отъ природы, онъ такъ тѣсно съ нами связанъ, что оторвать его отъ насъ нельзя. Вязанье, шитье, посѣвъ, косьба и проч.,—все это мы любимъ дѣлать ритмично; ритмъ намъ пріятенъ тѣмъ, что мы подготовлены къ размѣру и ждемъ его; расходъ же нервной силы идетъ правильно. Кто не знаетъ, что отъ неожиданности можно даже потерять сознаніе. Вотъ почему человѣкъ тѣмъ съ большею жадностью, чѣмъ ниже культура, хватается за ритмъ, вкладывая его, гдѣ только возможно, въ свои работы; онъ всецѣло отдается ему, какъ силѣ правильно руководящей работой и самимъ работникомъ [1]). Кромѣ того, ритму присуще и возбуждающее дѣйствіе; такъ что, въ особенности при гуртовыхъ работахъ, ритмъ пѣсни или барабана можетъ служить дисциплинирующей силой, не позволяющей работникамъ отставать отъ другихъ, онъ дѣйствуетъ воодушевляюще на тѣлодвиженія и имѣетъ, слѣдовательно, большое соціальное значеніе. Рабовладѣльцы умѣло пользуются этой силой, дабы заставить продуктивнѣе работать своихъ рабовъ во время мѣшанія ногами глины, толченія въ ступахъ орѣховъ, трамбованія земли и проч.

Еще болѣе тѣсную связь ритма съ тѣлодвиженіями мы замѣчаемъ въ танцахъ; это мы видимъ даже на ребенкѣ: стоитъ ему только услышать ритмичную веселую пѣсенку, у него сейчасъ же заходятъ руки и ноги. А дикарь, не чувствуя въ себѣ большого импульса къ упорной работѣ, въ то же время можетъ плясать до упаду, до изнеможенія. Какъ объяснить это противорѣчіе — въ одномъ случаѣ онъ бережетъ свою силу, а въ другомъ готовъ пожертвовать ею всецѣло? Больше ничѣмъ, какъ сильной физіологической, еще мало выясненной связью ритма съ тѣлодвиженіями; дикарю лиха бѣда только начать танцовать, а уже далѣе ноги сами пойдутъ за ритмомъ. Это-то блаженное состояніе, когда не надо самого себя заставлять, когда мускулы сами двигаются, нравится не только дикарю, но и всякому рабочему человѣку, которому приходится работать мускулами. Дикарь не дѣлаетъ разницы между работой и танцами, которыя для него не веселье, а та же работа.

[1]) Графъ Л. Н. Толстой въ своемъ романѣ „Анна Каренина“ художественно описалъ власть ритма; все вниманіе Левина сосредоточилось, въ то время, когда онъ косилъ траву, на ритмичныхъ шумахъ его косы; онъ почувствовалъ, что не онъ, а ритмъ руководитъ работой, ритмъ не позволяетъ ему отставать, ритмъ даетъ ему силу.

Digitized by Google

Работаетъ ли онъ что-нибудь для себя ногами (мѣшаніе глины, молотьба), онъ дѣлаетъ это съ ритмичной пѣсней; танцуетъ ли онъ, мимически передавая въ танцахъ какое-нибудь событіе, онъ трудится при этомъ своими мускулами, точно работаетъ: всегда и вездѣ достается не мало работы его мускуламъ.

По разсказамъ путешественниковъ, въ поселкахъ дикарей съ утра до вечера раздаются самые разнообразные ритмичные звуки; то выколачиваютъ изъ растеній волокно, то мелютъ муку, то бьютъ палками по кожѣ, подготовляя ее для одежды и проч. И въ нашей русской деревнѣ всякая работа имѣетъ свой собственный ритмъ, свою собственную пѣсенку; всякое время года имѣетъ свои характерные ритмы: осенью слышна молотьба цѣпами, лѣтомъ слышны въ полѣ взмахи косъ, зимой уныло-ритмично скрипитъ колесо прялки, и т. д.

Звуки, издаваемые работой, могутъ, уже сами по себѣ, производить музыкальное впечатлѣніе, такъ какъ они разнятся между собой и по высотѣ и по силѣ тона, а вниманіе къ нимъ работника уже можетъ, и безъ пѣсни, урегулировать работу; но онъ всетаки начинаетъ рефлекторно подражать этимъ звукамъ своимъ голосомъ. Такимъ образомъ, зарождается рабочая пѣсня, сначала колеблющаяся, а затѣмъ принявшая уже болѣе акустическую физіономію; организмъ человѣка цѣпко за нее хватается, такъ какъ видитъ, что голосъ помогаетъ регулировать ритмичность работы и, кромѣ того, живительно дѣйствуетъ на работника.

Въ тѣхъ же работахъ, которыя сами по себѣ не издаютъ шумовъ (напр., бурлацкая совмѣстная тяга судовъ), дружное напряженіе силъ, ритмичными толчками, достигается искусственно-придуманнымъ ритмомъ пѣсни или ритмичными звуками какого-нибудь ударнаго инструмента. Такимъ образомъ, греки гребли подъ звуки флейты, африканскіе дикари работаютъ подъ удары въ барабанъ. Безъ искусственно установленнаго ритма, работа можетъ выйти не дружной, не спорой, а не то и вовсе не можетъ быть выполнена, какъ напр., передвиженіе съ мѣста на мѣсто большихъ тяжестей.

Главное значеніе рабочей пѣсни заключается не въ текстѣ, не въ мелодіи, а въ ритмѣ; такъ что въ рабочихъ пѣсняхъ особенной музыкальности нечего и искать; это скорѣй наборъ звуковъ и словъ, но подобранныхъ такъ, что при каждомъ повтореніи ритма, работникъ могъ бы періодично и равномѣрно дѣлать налеганіе сво-

Digitized by Google

ихъ силъ на работу. Конечно, чѣмъ ниже культура народа, тѣмъ рѣже встрѣчается въ пѣсняхъ мелодія, тѣмъ безсмысленнѣе въ нихъ текстъ; такъ, напр., пѣсня египетскаго водовоза состоитъ только изъ одного такта, который онъ повторяетъ все время покуда черпаетъ изъ колодца воду. Она монотонная, унылая, но за то поразительно вѣрно передаетъ, въ своихъ звукахъ, однообразное черпаніе воды; словъ нѣтъ, одни только междометія. Но эти междометія народная мудрость подбираетъ всегда такъ умно, что вмѣстѣ съ нажимомъ на работу, приходится такой слогъ, который, по своему фонетическому значенію, можетъ облегчить работнику сдѣлать этотъ нажимъ, въ родѣ того, какъ, при сильномъ ударѣ топора, плотники любятъ одновременно испускать изъ себя междометія: а-ахъ! о-охъ! Въ нашей православной „дубинушкѣ“ возгласъ *ухнемъ!*—есть не что иное, какъ фонетическое подражаніе тяжелому, но облегчающему грудь, вздоху. Построеніе бурлацкой пѣсни, сохранившейся только въ Россіи и на верховьяхъ р. Эльбы, основано на томъ же фонетическомъ началѣ. Происхожденіе подобныхъ пѣсенъ надо отнести къ глубокой старинѣ, когда разговорная рѣчь была еще мало развита и состояла, какъ утверждаютъ ученые лингвисты, изъ самыхъ простыхъ натуральныхъ звуковъ, которые, и по сіе время, съ поразительною живучестью сохранились въ пѣсняхъ поморовъ на островѣ Гельголандѣ и въ пѣсняхъ греческихъ матросовъ, въ которыхъ мы находимъ тѣ же самые возгласы, о которыхъ писалъ за пять вѣковъ до Р. Хр. Аристофанъ: ho! ho!—въ пѣсняхъ индѣйскаго кули, hu! hu!—въ пѣсняхъ китайца, la-la, hi-hi,—у новозеландца, li-li bei, ho-ho bei,—эльбскаго бурлака, ай да да, ай да да!—нашего волжскаго бурлака и проч.; всѣ эти звуки не выдуманы народомъ, а вылились изъ глубины его души. Надо полагать что въ свое время, очень и очень давно, эти естественные звуки служили людямъ тоже и выраженіемъ ихъ чувствъ, въ родѣ того какъ и теперь для выраженія боли мы произносимъ: ой-ой!, а для выраженія страха: ай-ай!

По характеру работъ сложился и характеръ рабочихъ пѣсенъ. Къ *первому* отдѣлу можно отнести рабочія пѣсни, сопровождающія такія работы, которыя сами по себѣ уже издаютъ ритмичные шумы (работы за прялкой); онѣ поются въ одинъ голосъ или хоромъ въ унисонъ, смотря по тому, сколько людей участвуютъ въ работѣ. Ко *второму* отдѣлу принадлежатъ пѣсни съ

Digitized by Google

перемѣннымъ тактомъ (два плотника ударяютъ въ перебой топорами, отбиваніе въ перебой двухъ косъ, молотьба въ нѣсколько цѣповъ и проч.), при чемъ работники одновременно поютъ одну и ту же пѣсню, дѣлая, всякій изъ нихъ, ударевіе на тѣ слоги, которые сходятся съ ударами его инструмента. Къ *третьему* отдѣлу принадлежатъ пѣсни, извѣстныя мѣста которыхъ дѣйствуютъ на рабочихъ, какъ команда для *совмѣстнаго* налеганія силъ на работу (вбиваніе свай, бурлацкая тяга судовъ, передвиженіе большихъ тяжестей и проч.).

Въ трудѣ Бюхера мы находимъ поразительное богатство собранныхъ со всего свѣта самыхъ разнообразныхъ рабочихъ пѣсенъ, сопровождающихъ помолъ муки, воздѣлываніе прядильныхъ растеній, плетеніе кружевъ, рогожъ, снурковъ, даже доеніе коровъ. Содержаніе всѣхъ этихъ пѣсенъ не замысловатое: или женщина оплакиваетъ свою каторжную жизнь, или молодой парень подсматриваетъ, какъ трудится за работой дѣвушка, и намѣчаетъ ее себѣ въ жены, или же затрогивается какой-нибудь иной жизненный вопросъ. Бюхеръ съ необыкновеннымъ вниманіемъ отдѣлилъ въ своемъ трудѣ пѣсни, сопровождавшія доброхотный трудъ, отъ пѣсенъ, сопутствующихъ кабальный трудъ; это слишкомъ ясно видно изъ ихъ текстовъ.—Весьма часто проглядываетъ въ нихъ юморъ и наивность; напр., въ одной нѣмецкой пѣснѣ, которую хоромъ поютъ за прялкой мамаша съ дочерьми, мать обѣщаетъ имъ послѣдовательно сперва чулки, затѣмъ башмаки, платье и т. д. и наконецъ жениха. Ритмичная пѣснь не позволяетъ лѣниться, всѣ работаютъ въ тактъ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ послѣдній стихъ пѣсни, послѣ чего имъ дается отдыхъ. Наша русская „рѣпка“ [1]) зародилась у прялки; все вниманіе работницъ направлено на то, чтобъ не перепутать послѣдовательность прибывающихъ для выкапыванія рѣпки силъ; всякая ошибка работницы вноситъ веселый духъ въ душную плохоосвѣщенную деревенскую избу, въ которой въ зимніе вечера собираются на посидѣлки скучающія бабы.

Въ одномъ романѣ Золя женщина выколачиваетъ бѣлье и поетъ:

---

[1]) Дѣдка за рѣпку, Внучка за бабку,
Бабка за дѣдку, Жучка за внучку, и т. д

Digitized by Google

pan! pan! Margot au lavoir
pan! pan! à coups de batoir
pan! pan! Va laver son coeur
pan! pan! tout noir de douleur и т. д.

Но подъ эту же пѣсню никто не мѣшаетъ прачкамъ подраться и наносить другъ другу, подъ ритмичные звуки pan! pan! энергичные удары, въ родѣ того, какъ для нанесенія болѣе энергичныхъ ударовъ приговариваютъ: вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! дѣлая голосомъ удареніе на первомъ словѣ:

Какъ примѣръ остроумной фактуры рабочей пѣсни, можно привести пѣсню китайца-носильщика паланкиновъ, состоящую всего только изъ одного такта въ четыре четверти, изъ которыхъ три четверти онъ поетъ, а на четвертую дѣлаетъ ритмичныя вдыханія воздуха; китаецъ поетъ ее быстро, частитъ ногами, и, благодаря ритмично направленному дыханію, способенъ пробѣжать въ часъ отъ 5 до 6 верстъ.

Не менѣе остроумно поступаетъ народъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда ритмъ работы самъ по себѣ рѣдкій, а потому не совсѣмъ удобный для строгаго регулированія работы. Кузнецъ, поневолѣ, принужденъ *рѣдко* ударять тяжелымъ молотомъ по желѣзу, все равно какъ молотьба въ одинъ цѣпъ не можетъ быть частой; въ противномъ случаѣ, у работающихъ не хватитъ на долго силъ. Чтобъ облегчить себѣ болѣе правильную смѣну напряженія съ передышкой, внутреннее чувство подсказываетъ работнику, ради облегченія работы, пригласить, для совмѣстной работы, другого работника; они налаживаютъ работу такъ, чтобъ ея ритмъ сдѣлался вдвое чаще, т. е. вмѣсто одного кузнеца бьютъ по желѣзу уже двое въ перебой, при чемъ напряженіе одного сходится съ передышкой другого. Все равно, какъ частый ритмъ ходьбы всегда легче направить правильно, точно такъ же и молотьба въ три или четыре цѣпа легче поддается ритмичному регулированію, чѣмъ молотьба въ одинъ цѣпъ.

Въ Россіи не особенно любятъ пѣть во время молотьбы; но въ Литвѣ еще кое-гдѣ можно услышать молотильную пѣснь; всѣ работающіе поютъ одну и ту же пѣсню, но всякій дѣлаетъ удареніе голосомъ только на тѣ слоги, которые сходятся съ ударомъ его цѣпа.

Digitized by Google

Весьма своеобразное впечатлѣніе производитъ молотьба хлѣба ногами, практикуемая часто среди дикарей. Одна партія ударяетъ ногами по снопамъ въ то время, когда другая подпрыгиваетъ; далѣе подпрыгиваетъ первая, а ударяетъ ногами по снопамъ вторая, причемъ поется пѣсня, въ которой слышатся послѣдовательныя ударенія голосомъ обѣихъ партій. Со стороны даже трудно отгадать, работаютъ ли люди или пляшутъ.

Въ караванѣ Стэнли носильщики клыковъ устроили себѣ, ради облегченія ходьбы, такую музыку: они привѣсили себѣ къ каждой ногѣ по колокольчику, которые звонили разно. Собственно говоря, для регулированія шага было бы достаточно и одного колокольчика; но другой колокольчикъ удвоилъ ритмъ и тѣмъ облегчилъ имъ движеніе, все равно какъ два молотобойца облегчили кузнечную работу. Вообще среди дикарей можно многому поучиться относительно правильной траты своихъ силъ.

Совсѣмъ особаго рода пѣсню придумала народная мудрость въ тѣхъ случаяхъ, когда работа не подъ силу одному человѣку и требуется одновременное, дружное налеганіе силъ (вбиваніе свай и проч.). Во всѣхъ подобныхъ пѣсняхъ мы видимъ одинъ и тотъ же пріемъ—запѣвало начинаетъ пѣть одинъ, остальные же набираются силъ. Затѣмъ, при извѣстныхъ словахъ пѣсни, всѣ дружно налегаютъ на работу, какъ мускулами, такъ и голосомъ,—и тяжесть въ тысячу пудовъ задвигалась. Голландія особенно богата подобными пѣснями, ея города построены на сваяхъ, такъ что народная фантазія имѣла тамъ удобный случай широко развернуться. Пѣсни судовщиковъ, пѣсни при греблѣ, при вытягиваніи невода и другія имѣютъ за собой большую древность; о нихъ упоминаетъ Діодоръ Сицилійскій (1 стол. по Р. Хр.) въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ описываетъ ихтіофаговъ (рыбоѣдовъ) древняго Египта.

Путешественники съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаютъ свои поразительно быстрыя катанія на джонкахъ по водамъ теплаго индѣйскаго архипелага. Одновременное окунаніе веселъ въ воду направлялось до смѣшного разукрашеннымъ перьями и стоящимъ на кормѣ дирижеромъ изъ мѣстныхъ аборигеновъ; онъ билъ въ барабанъ или въ гонгъ, или же неистово размахивалъ въ тактъ своимъ мечомъ. Сначала путешественники приходили въ ужасъ отъ музыкальной какофоніи, но ухо привыкало, и

Digitized by Google

впечатлѣніе изъ прогулки выносилось самое пріятное. Римскіе hortator и pausarius исполняли на лодкахъ ту же функцію.

Пѣсни этого рода, предназначенныя для держанія въ порядкѣ большихъ массъ людей, дѣлаютъ чудеса; ритму пѣсни послушны тысячныя массы народа, полки идутъ въ ногу, тысячи пѣвцовъ поютъ какъ бы одинъ; а въ Африкѣ, въ странѣ базутосовъ, рабовладѣльцы ухитрились сдѣлать ритмичными, при помощи пѣсни, даже такія работы, которыя для европейца никоимъ образомъ не мыслимы, какъ таковыя: они ставятъ рабовъ въ рядъ и заставляютъ ихъ ритмично опускать и подымать, для взрыхленія земли, кирки. У насъ на Кавказѣ совершается нѣчто подобное при рубкѣ кукурузы; начинаютъ работать въ тихомъ темпѣ, но по мѣрѣ возрастанія ритма пѣсни, возрастаетъ и стараніе работниковъ.

Выше мы сказали, что дикарь не дѣлаетъ разницы между работой и танцами, для него работа и танцы сливаются въ одну общую идею, и въ обоихъ случаяхъ его мускуламъ достается не мало работы. Для него, наоборотъ, и танецъ не есть веселіе, а скорѣй трудъ, требующій затраты силъ. Работа необходима ему для удовлетворенія экономической жизни, а танцы необходимы ему для удовлетворенія эстетическихъ его наклонностей, состоящихъ въ его желаніи разсказать, изобразить нѣчто интересное при помощи музыки, текста, тѣлодвиженій, мимики. Напр., желая сдѣлать угодное своему божеству, покровителю посѣва, онъ изображаетъ въ танцахъ именно посѣвъ, а не что иное; для бога войны онъ вкладываетъ въ свои танцы жесты, соотвѣтствующіе сражающимся людямъ, и т. д. Этимъ путемъ танцы вошли въ религіозный культъ.

Происхожденіе наклонностей къ эстетикѣ, къ искусству, теряется во мракѣ первобытной исторіи человѣчества; Спенсеръ видитъ наклонность къ художественному подражанію, даже въ игрѣ собакъ, притворяющихся злыми, дѣлающихъ видъ какъ будто онѣ другъ отъ друга удираютъ, другъ друга грызутъ и проч. А развѣ нашъ славянскій хороводъ не есть первобытная форма, въ которую выливалось желаніе народа изобразить нѣчто изъ жизни? Тутъ мы находимъ и музыку, и текстъ, и танцы, и мимику, при помощи которой парень и дѣвушка, окруженные хороводомъ, изображаютъ свои взаимныя отношенія.

Digitized by Google

Мы всѣ знаемъ, что ритмъ присущъ и музыкѣ, и поэзіи, но не всѣ задавались вопросомъ, откуда онъ заимствованъ. Бюхеръ обратилъ вниманіе на это обстоятельство, и задаетъ такой вопросъ: были ли, при самомъ возникновеніи труда, музыка и поэзія отдѣлены отъ работы, другими словами, развивалась ли эта тріада сперва самостоятельно, и уже потомъ соединилась воедино, или же ея три элемента (работа, музыка, поэзія) развивались одновременно, и не иначе, какъ въ зависимости другъ отъ друга, и уже потомъ разъединились, дифференцировались, какъ это мы видимъ въ настоящее время.

Разрѣшеніе этой проблемы преставляетъ въ трудѣ Бюхера гораздо болѣе интереса, чѣмъ его разборъ неоспоримаго, по своей сущности, экономическаго значенія ритма; онъ затронулъ такой вопросъ, который базируетъ, съ одной стороны, на физіологіи и психологіи, а съ другой, на языкознаніи и музыкѣ, т. е. онъ затронулъ вопросъ о происхожденіи поэзіи, по преимуществу, метрики. Исходя изъ того, что человѣку незачѣмъ было сообщать своей поэтической рѣчи ритмичный строй (ямбъ, хорей, дактиль и проч.), Бюхеръ говоритъ, что онъ заимствовалъ его извнѣ, и именно изъ рабочей, ритмичной пѣсни, которая и передала поэзіи свой ритмъ, въ свою очередь, заимствованный ею отъ ритма самой работы. Такъ, напр., въ древней метрикѣ ямбъ и хорей соотвѣтствуютъ ритму топтанія ногами (сильно и слабо ступающая нога), дактиль и анапестъ—это метры ударовъ кузнечнаго молота (кузнецъ послѣ удара по раскаленному желѣзу дважды слабо ударяетъ по наковальнѣ), и т. д. Только этимъ путемъ, говоритъ Бюхеръ, и можно объяснить, отчего музыка и поэзія, отдѣлившись впослѣдствіи въ самостоятельныя искусства, сохранили свой ритмичный строй.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Бюхера, рабочая пѣсня, въ силу стремленія человѣка къ искусству, перешла въ танецъ и приняла плясовую форму; музыка и текстъ, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, усовершенствовались, а тѣлодвиженія тоже не отставали въ своей выработкѣ болѣе сложныхъ формъ. Современемъ, тѣлодвиженія отпадаютъ отъ тріады первыми, превращаясь просто въ пляску, а музыка остается неразрывно связанной съ текстомъ; затѣмъ отдѣляются и они другъ отъ друга въ самостоятельныя искусства, и вотъ мы добрались до самостоятельной лирической поэзіи.

Digitized by Google

Путь, пройденный поэзіей отъ рабочей пѣсни до нашего культурнаго времени, весьма длинный; да и то мы видимъ ея полную самостоятельность только среди образованныхъ классовъ, народъ же, и по сіе время, иначе не понимаетъ поэзію, какъ только въ пѣснѣ. Подобно поэзіи преобразовалась и музыка; сначала были только ударные инструменты, затѣмъ появились уже музыкальные инструменты съ длительными звуками. Вмѣстѣ съ тѣмъ преобразовался и трудъ: сначала человѣкъ пользовался только инструментами, могущими замѣнить его собственные члены, какъ-то, руки, ноги, ногти, зубы и проч. Затѣмъ слѣдуютъ инструменты, могущіе не только замѣнить, но даже замѣтно усилить работу его членовъ, какъ-то: молотокъ усилилъ ударъ кулака, пила замѣнила работу ногтей, раковинъ, и т. д. Число ритмовъ работъ стало увеличиваться, а рабочая пѣсня, подражая имъ, тоже стала развиваться.

Итакъ, Бюхеръ ставитъ въ зависимость отъ развитія работъ не только развитіе экономическаго труда, любви къ нему, трудолюбія, бережливости и проч., но и развитіе музыки и поэзіи, которыя онъ ставитъ въ генетическую связь съ работой, — это основная мысль его труда; онъ видитъ въ рабочей пѣснѣ не только носительницу музыки и поэзіи, но даже ихъ первоисточникъ.

Мы изложили въ общихъ чертахъ содержаніе труда Бюхера, не вдаваясь въ подробности· въ ритмѣ онъ видитъ скрытую силу, которая оказывала свое дѣйствіе въ хозяйственномъ и соціальномъ развитіи человѣчества въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій. Бюхеръ обнажилъ массу широко раскинувшихся по всему свѣту нитей, выходящихъ изъ одной точки, которую, хотя она и теряется во мракѣ первобытнаго существованія человѣчества, можно назвать органическимъ, природнымъ человѣку стремленіемъ, природною физіологическою его любовью къ ритму, т. е. природною потребностью равномѣрно тратить свою мускульную силу, свою жизненную энергію, свое вниманіе. Затѣмъ онъ говоритъ, что, разработывая исторію человѣчества, мы слишкомъ много приписываемъ духовной сторонѣ человѣка; было бы, пожалуй, справедливѣе поменьше искать причинъ развитія въ стремленіяхъ духа, и побольше въ автоматизмѣ, въ чисто физическихъ двигателяхъ въ родѣ ритма, двинувшаго поэзію гораздо сильнѣе, чѣмъ любовь или религіозное чувство человѣка. Бюхеръ полагаетъ, что многіе взгляды на

Digitized by Google

происхожденіе права, нравовъ, общества, религіи и проч. неминуемо должны будутъ измѣниться, если наука станетъ доискиваться до этихъ стихійныхъ, физическихъ двигателей.

Въ нѣкоторыхъ своихъ выводахъ Бюхеръ ужъ слишкомъ категориченъ, какъ, напр., въ вопросѣ о происхожденіи музыки и поэзіи изъ работы; онъ какъ будто не хочетъ допустить возможности того, что вездѣ, гдѣ только требуется облегченіе траты силъ, ритмъ можетъ появиться самъ по себѣ, безъ всякаго заимствованія со стороны. Если дикарь ходитъ ритмично, то онъ можетъ ритмично и танцовать, и ему незачѣмъ заимствовать ритмъ танцевъ изъ работы; а если онъ это дѣлаетъ, то только тогда, когда изображаетъ въ танцахъ не событіе, а работу; тогда поневолѣ приходится ему подражать ритму работы. Намъ кажется, что Бюхеру не удалось убѣдить, происходятъ ли танцы отъ работы, или наоборотъ; онъ только натолкнулъ ученый міръ на этотъ спорный вопросъ и тѣмъ вызвалъ не мало возраженій, разъясненій, дополненій, которые въ обшемъ сходятся къ тому, что ритмъ гораздо ближе къ танцамъ, чѣмъ къ работѣ, такъ какъ въ танцахъ дикарь изображаетъ не только работу, но еще многое другое изъ жизни, придавая танцамъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ совершенно произвольный ритмъ. Точно такъ же трудно рѣшить, развилась ли раньше музыка или рѣчь? Вѣрнѣе будетъ сказать, что музыка развивалась одновременно съ рѣчью; гдѣ рѣчь груба, тамъ груба и музыка, гдѣ рѣчь развита, тамъ встрѣчаемъ нюансированную музыку [1]). Такъ и въ данномъ случаѣ человѣкъ могъ вложить свою природную любовь къ ритму одновременно и въ работу, и въ танцы; а потому, какъ работа могла передать свой ритмъ танцамъ, такъ и наоборотъ, ритмъ танцевъ могъ перейти въ работу и придать ей ритмичность.

Намъ кажется, что если Бюхеръ смотрѣлъ бы на свой трудъ, какъ на добавленіе къ идеямъ Дарвина и Спенсера, то онъ могъ бы отъ этого только выиграть. И дѣйствительно, соглашаясь съ ними, что первобытная пѣсня и поэзія имѣли форму безсвязной

---

[1]) Вопроса о происхожденіи музыки изъ эмоціональной рѣчи мы коснулись въ другой нашей статьѣ: „Психологическое воздѣйствіе музыки. Смыслъ музыки и ея значеніе въ жизни“, — въ журн. „Научное Обозрѣніе“, 1902 г., № 4, стр. 101 — 123. *Авторъ.*

Digitized by Google

смѣны звуковъ и словъ, было бы весьма послѣдовательно искать дальнѣйшее ихъ развитіе и упорядоченіе въ удобной для того рабочей пѣснѣ, которая и дала имъ ритмичное построеніе. Во всякомъ случаѣ значеніе труда Бюхера заключается не столько въ указаніи новаго источника музыки и поэзіи, сколько въ установленіи найтѣснѣйшей связи, существовавшей между трудомъ, музыкой и поэзіей, что не безынтересно для изучающихъ исторію развитія культуры.

А. А. Берсъ.

1 марта 1902 г.
С.-Пб.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Служители Христа „папи“ и христіанскіе обряды, ими отправляемые въ Сванетіи [1]).

(Слѣды народнаго быта).

Сванетія, представляющая по своему географическому положенію мѣстность, наиболѣе отрѣзанную отъ культурныхъ центровъ, съ давнихъ временъ служила убѣжищемъ и пріютомъ всего архаическаго и первобытнаго. Составляя часть грузинскаго царства, Сванетія оставалась страною независимой и мало подверженной вліянію гражданственности. Христіанство, когда-то сюда занесенное, получило своеобразное развитіе и сохранялось въ искаженныхъ обрядахъ и переработанныхъ молитвахъ священно-служителей, извѣстныхъ подъ именемъ «папи» и «деканози». Было время, когда такъ называемая Дадешкеліановская Сванетія въ церковномъ отношеніи подчинялась епископу Цагерскому, а Вольная Сванетія находилась въ зависимости отъ Цайшскаго епископа. (Нынѣ обѣ эти каѳедры, находящіяся въ предѣлахъ Кутаисской губ., упразднены). Но съ теченіемъ времени религіозныя связи Сванетіи ослабѣли, и духовныя лица здѣсь ставились уже не названными епископами, а посвящались самими мѣстными священнослужителями. *Папи и деканози* (произношеніе грузинское для един. и множ. числа) обучали у себя священному писанію низшихъ церковниковъ, именуемыхъ „диквнари“ (дьяконъ, дьячекъ) и отправляли ихъ прежде для рукоположенія архіерямъ Цагерскимъ и Цайшскимъ, которые за трудъ ихъ посвященія получали въ видѣ дара по одному быку съ каждаго кандидата на церковную должность. Впослѣдствіи «папи» и «деканози» присвоили себѣ право посвящать «диквнаровъ», и отсюда-то породилось огромное число лицъ духовнаго званія, доходящее въ иной деревнѣ до 15 душъ.

По внѣшнему одѣянію *бап* или *пап* (сванет. произ. для един. числа) ничѣмъ не отличается отъ прочихъ сванов. На головѣ онъ носитъ войлочную остроконечную шапку или «папанаки», кусокъ той же ма-

[1]) Изложено на основаніи статей свящ. Маргіани въ грузинскомъ духовномъ журналѣ *Мнкемси* (1902, №№ 1 — 4). О религіозномъ состояніи сванетовъ см. статьи Д. Маргіани и свящ. Гулбіани въ *Сбор. матеріаловъ*, изд. Кавказ. Учебн. Округомъ, вып. X, Тифлисъ 1890.

Digitized by Google

терія, прикрывающій лишь часть черепа, тѣло покрываетъ грязной сорочкой изъ грубаго холста, домашняго издѣлія, воротникъ которой завязывается толстой коноплей, сверхъ накидываетъ толстую шерстяную чоху (родъ черкески), изъ той же шерсти приготовляетъ *шалваръ* — т.-е. шаровары и ноговицы. Обувь его составляютъ круглыя лапти, опоясывается онъ кожанымъ поясомъ, на который онъ надѣваетъ большой неуклюжій мѣстнаго производства кинжалъ. Чрезъ плечо у него перекинуто кремневое ружье («кирим» или «стамболь»). Все это не выдѣляло «папи» отъ членовъ его паствы. Онъ пахалъ и воевалъ наравнѣ съ ними и предводительствуя ими, но одновременно онъ священнодѣйствовалъ, отстаивалъ христіанство, защищалъ крестъ и иконы отъ расхищенія.

Среди убѣленныхъ сѣдинами сванов и понынѣ встрѣчаются почтенные старцы, которые прежде были *папи*, а въ одной деревнѣ, Мжацли, живъ еще старецъ священникъ Георгій Маргіани, исполнявшій нѣкогда обязанности *папи*. Со словъ его записаны свящ. Г. Маргіани молитвы, произносимыя папи при крещеніи, бракѣ и погребеніи. Число папи въ настоящее время уменьшается. Съ водвореніемъ русскаго владычества въ Сванетію стали назначать священнослужителей, посвящаемыхъ согласно каноническимъ правиламъ. Сваны приняли навязанныхъ имъ духовныхъ лицъ съ недовѣріемъ и подвергли ихъ гоненіямъ. Въ видѣ иллюстраціи отношенія сванов къ духовенству, назначенному администраціей, можетъ служить убійство отца упомянутаго выше священника Маргіани, который взялся присланныхъ священнослужителей сопровождать и водворить по назначенію. Хотя *папи* офиціально утратилъ право отправлять церковныя требы, но тайно продолжалъ священнодѣйствовать, сохраняя за собою высокое уваженіе, которымъ его окружаютъ сваны.

Обращаемся къ обрядамъ, которые совершались папи. Нѣсколько словъ объ облаченіи и утвари. Чаша, дискосъ и звѣзда, необходимые для отправленія литургіи, заготовлялись на мѣстѣ; они были деревянные или мѣдные. Копье — желѣзное, а воздухи — ситцевые. Антиминсъ вовсе не имѣлся. Епитрахиль и фелонь—также ситцевыя, стихарь, поясъ и поручи не были вовсе въ употребленіи. Орарій дьякону замѣнялъ кусокъ ситца, перекинутый черезъ плечо, а кто и ситца не имѣлъ по бѣдности, то роль орарія игралъ собственный поясъ дьякона. На просфорѣ изображали крестъ и клали туда кусокъ соли. Аракъ или медъ съ водой замѣнялъ церковное вино.

Служба отправлялась въ слѣдующемъ порядкѣ. Собирались 10 — 20 *папи* и шли въ церковь совершать литургію. Приближаясь къ церкви, начинали по-грузински молитву: «помилуй насъ, Господи... Двери милости отверзи намъ». Вступивъ въ церковь, приступали сначала къ молитвамъ заутрени: одни читали изъ часослова, другіе пѣли «слава въ вышнихъ Богу», иные еще что-либо. За заутреней слѣдовала обѣдня. Старшій папи, именующійся *зедамугирвели*, предлагалъ своимъ сослуживцамъ-*папи*, чтобы одни изъ нихъ служили во имя Спасителя, другіе—Пресв. Богородицы, третьи—архангеловъ, четвертые—разныхъ святыхъ. Старшій папи бралъ кондакъ и надъ преклонившими колѣна папи читалъ на гру-

Digitized by Google

зинскомъ языкѣ молитву собственнаго сочиненія: «молитва Іерусалима, крестомъ ихъ, устами ихъ, Христосъ да благословитъ тебѣ ризу, епитрахиль, орарій, фелонь, руку облеченную священнику (имя рекъ) или дьякону (имя рекъ) Аминь». Папи на этотъ наборъ словъ отвѣчаютъ: «кириелейсонъ, кириелейсонъ» и совершаютъ при этомъ крестное знаменіе. Послѣ этой молитвы папи облачались въ ситцевые фелони и орарія, становились на колѣни и произносили молитву на свано-грузинскомъ языкѣ: «Великій Боже и Творецъ, Господи загробной жизни, сегодняшнюю нашу недостойную литургію (жертву) прими достойно, святой обладатель благодати и небесный обладатель благодати, будь милостивъ Беніа» (или тому, для кого приносится въ тотъ день жертва). Старшій папи входитъ чрезъ царскія двери въ алтарь и, размахивая кондакомъ, произноситъ: «Господи, благослови храмъ сей, Господи, благослови алтарь сей, Господи, Создатель, осѣни крестомъ твоимъ, кириелейсонъ!» При чтеніи этого воззванія, онъ растягиваетъ послѣдвія слова каждаго возгласа. Въ это время прочіе папи стоятъ въ центрѣ церкви, нѣкоторые изъ нихъ читаютъ по кондаку, другіе устно произносятъ, что придетъ въ голову. Опираясь на посохи, которые хранятъ помѣтки о числѣ совершенныхъ литургій, папи поютъ, не соблюдая правилъ гармоніи. Начинаетъ литургію старшій папи возгласомъ: «Божественный часъ жертвы Св. Іоанна Златоуста», растягивая послѣдній звукъ *а*, какъ принято въ возгласахъ грузинской церкви. При этихъ словахъ онъ бралъ копье и приступалъ къ проскомидіи. Частицы агнца онъ клалъ въ деревянную чашу. Бралъ звѣзду деревянную или желѣзную, говоря: «концы неба ты еси, Христосъ ученикамъ, аминь». Присутствующіе папи съ пѣніемъ повторяли: «Ты еси! Господу помолимся, кириелейсонъ!» растягивая слогъ *онъ*. Старшій папи дѣлаетъ возгласъ: «Господь облекся славой! Ты еси Христосъ ученикамъ, аминь». И при этомъ покрывалъ чашу ситцевыми воздухами. Прочіе папи отвѣчаютъ: «Ты еси! Господу помолимся». Кириелейсонъ...Слѣдуетъ малый выходъ. Старшій папи поднималъ кондакъ и дѣлалъ возгласъ: «Премудрость прости. Вонмемъ. Миръ всѣмъ». Одинъ изъ папи отвѣчалъ: «Посланіе къ евреямъ апостола Павла чтеніе. Братіе»... и читалъ апостолъ. Старшій папи вновь возглашалъ: «Премудрость прости», на что прочіе папи поютъ: «Слава Господу». Старшій папи возглашалъ: «Четыре Евангелія: Матѳея, Луки, Марка и Іоанна чтеніе». При каждомъ растяженіи голоса въ чтеніи Евангелія, прочіе папи воздымали руки къ небу, говоря: «Слава Господу» и эти же слова произносили по окончаніи чтенія евангелія.

При великомъ выходѣ старшій папи возглашалъ долгоденствіе царю, католикосу и архіепископамъ, на что папи отвѣчали «аминь» и пѣніемъ Херувимской пѣсни. Когда старшій папи звѣздой стучалъ о дискосъ, то произносилъ: «Поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще» и далѣе: «Святъ, Святъ Господь Богъ Саваоѳъ», — слова эти повторялись прочими папи. Слова старшаго папи: «Пріимите и ядите, сіе есть тѣло мое... и кровь моя во оставленіе грѣховъ. Твоя отъ твоихъ»... также повторялись прочими папи, затѣмъ пѣли «Достойно есть» и поминали усопшаго и его фа-

Digitized by Google

милію, напр.: «благослови Ивиліани и помилуй ихъ усопшаго». Старшій папи: «Со страхомъ Божіимъ и вѣрой приступите». Прочіе папи при этихъ словахъ оборачивались, произнося: «Мы со страхомъ Божіимъ, аминь», при этомъ становились на колѣна, гасили свѣчи и произносили проклятіе: «Господи, кто не вѣруетъ въ христіанство, нарушитъ праздничный день и насъ не послушается, того такъ лиши зрѣнія». Старшій папи принималъ изъ чаши причастіе, а прочіе папи дѣлили между собою просфору. Такъ оканчивалась литургія. Папи шли въ домъ тѣхъ, которые заказали имъ обѣдню, освящали имъ трапезу, съѣдали изрядное количество мяса и выпивали аракъ и, нагруженные остатками своей порціи, возвращались домой. За обѣдомъ папи благословлялъ домъ длинной молитвой на свано-грузинскомъ языкѣ: «Господи Создателю Слава, Христу-Богородицѣ Слава, Гавріилу-Михаилу-архангелу Слава, Серафиму-Херувиму Слава, Іоанну Крестителю Слава, Іоанну Златоусту Слава, Благовѣстителю Благовѣщенія Слава. Благовѣщеніе, ты благовѣститель человѣка, возвѣщай дому сему все доброе! Семь небесныхъ сонмовъ Слава! Семь соборовъ небесныхъ Слава!.. На седьмой лунѣ въ небесахъ устроили соборъ, восьмой передали людямъ на землю, если между небомъ и землей, моремъ и сушей со временъ Евы и Адама счастливый человѣкъ возносилъ молитву, такъ воздай и дому сему».

Крещеніе. Оставшееся отъ канонически посвященныхъ іереевъ муро, папи впослѣдствіи разбавляли елеемъ и эту смѣсь хранили въ рогахъ для крещенія. Домъ, гдѣ родился младенецъ, папи окропляли св. водой и читали очистительную молитву. На восьмой день папи приглашался на крестины. Родильница оставалась изолированной. Къ ней и ребенку не прикасаются папи и крестный отецъ. При дуновеніи на ребенка, папи простиралъ руки къ небу и произносилъ: «пуh... мальчикъ—твой сынъ» или «дѣвочка—твоя дочь». Въ воду сажала младенца сама мать, а папи издали читалъ: «крещается рабъ Господа (имя) во имя Отца, аминь; во имя Сына, аминь; во имя Духа Св., аминь» (трижды). Крестный отецъ бралъ длинную палочку и мазалъ младенца муромъ, а палочку сжигали въ огнѣ.

Вѣнчаніе происходило дома. Оно совершалось по волѣ родителей, иногда противъ желанія брачущихся. Жениха и невѣсту сажали на скамью и иголкой сшивали полы ихъ платья. Затѣмъ совершали бракъ по обрывкамъ изъ церковныхъ обрядовъ.

Елеосвященіе. Къ этому таинству приготовлялись съ большой торжественностью. Тотъ, надъ кѣмъ совершалось елеосвященіе, покупалъ 45 быковъ, заготовлялъ большіе запасы хлѣба и арака. Затѣмъ онъ приглашалъ 20—30 папи; эти послѣдніе возжигали елей, усаживались за столъ, на которомъ стоялъ елей. Въ теченіе одной недѣли ежедневно совершалось елеосвященіе. Въ концѣ недѣли каждый членъ исповѣдывался предъ папи и, держа въ рукахъ букетъ разныхъ травъ, объявлялъ о своихъ грѣхахъ.

Похоронные обряды. Новопреставленному папи ежедневно читалъ кое-что изъ книги. Въ саванъ облекалъ его папи, клалъ ему нитки въ

Digitized by Google

видѣ креста съ головы до ногъ, затѣмъ сбсыпалъ его истолченнымъ орѣхомъ, говоря: «Господи Іисусе, аминь; Сынъ Бога Отца, аминь; Духъ Святой, аминь; разъ сказалъ, два сказалъ, три сказалъ. Съ головы до ногъ будь помазанъ муромъ до второго пришествія Господа нашего Іисуса Христа»—и затѣмъ влали въ гробъ. Предавая покойника землѣ, папи произносилъ: «могила Лазаря, кость Іова, душа Авраама, *мостъ этотъ для всѣхъ, кто спускается* (?).

Пасха (ѣанай). Съ пѣніемъ пѣтуховъ собирались папи въ церкви, одинъ входилъ въ нее и запиралъ ее, а другой извнѣ произносилъ: «отверзите двери ваши вельможи и отверзите двери вѣчности и войдетъ Господь Славы!» Изнутри папи отвѣчалъ: «Кто сей Господь Славы?»— При словахъ «Я Господь силъ славы» — входили въ церковь и начинали пѣть: «Христосъ воскресе, радуйтесь, кто слышите и не слышите, словесные и безсловесные, лѣса и горы, Христосъ воскресе!»

Въ такомъ видѣ сохранялись въ теченіе многихъ лѣтъ обряды православной церкви подъ наблюденіемъ папи. Народъ чтилъ папи и строго соблюдалъ ихъ распоряженія. Къ сожалѣнію, духовенство, поставленное канонически и посвященное изъ лицъ, имѣющихъ право на это званіе, не пользуется такимъ уваженіемъ, какъ малограмотные папи. Этимъ объясняется, что христіанство не только не дѣлаетъ успѣховъ въ Сванетіи, но съ каждымъ годомъ замѣтно падаетъ, вытѣсняясь все болѣе языческими вѣрованіями.

А. Хахановъ.

Общественное моленье у бурятъ.

(Изъ письма инженера В. В. Николаева со станціи Оловянной Забайкальск. ж. д.)

8 іюля въ Цугольскомъ дацанѣ былъ большой годовой праздникъ бурятъ. Дацанъ этотъ находится въ 11 верстахъ отъ Оловянной. Когда я прибылъ къ дацану, процессія только собиралась выходить и нарядилась еще за стѣнами дацана. Слышны были удары тарелокъ, литавръ, барабановъ, вродѣ турецкихъ, и звуки трубъ. Трубы, употребляемыя при этомъ, деревянныя, по типу отчасти напоминающія кларнетъ. Монахи, играющіе на нихъ (6 человѣкъ), тянутъ въ унисонъ одну ноту, не переставая, затѣмъ вмѣстѣ съ ударомъ въ тарелки и барабаны переходятъ на другую, потомъ на третью, четвертую и затѣмъ опять сначала. Переходы съ ноты на ноту не лишены музыкальности, присутствіе же музыкантовъ за стѣной сглаживаетъ всѣ диссонансы; кромѣ того, эта музыка выдѣлялась своимъ мистическимъ оттѣнкомъ. Но когда музыканты вышли изъ-за стѣнъ, диссонансъ сталъ

Digitized by Google

рѣзать уши, и все впечатлѣніе сразу исчезло. Впереди процессіи шелъ толстый, обрюзгшій лама, напоминавшій католическихъ монаховъ. Какъ этотъ лама, такъ и прочіе (въ процессіи участвуетъ около 150 ч.) обернуты кускомъ красной шелковой матеріи на подобіе римской тоги. Матерія крайне грязная и переходитъ, вѣроятно, отъ поколѣнія къ поколѣнію. На головѣ у него, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ участниковъ процессіи, надѣта шерстяная каска съ киверомъ желтаго цвѣта, формой напоминающая каски нашихъ пожарныхъ. Каска эта еще грязнѣе матеріи. Онъ шелъ медленными, торжественными шагами и, плавно размахивая въ воздухѣ голыми руками, изрѣдка ударялъ въ тарелки, давая этимъ сигналъ прочимъ музыкантамъ, которые поднимали ударными инструментами адскій шумъ, а трубачи подъ шумокъ перемѣняли ногу, которую они тянули. Вслѣдъ за нимъ шелъ такой же толстый лама съ серебрянымъ сосудомъ въ рукахъ и кропилкой. Кропилка представляла изъ себя пучекъ павлиньихъ перьевъ, бородки которыхъ заканчивались однимъ общимъ остріемъ, которое и окуналось въ жидкость; кропилъ же онъ другой, широкой стороной пучка, которая оставалась сухой и, благодаря этой разумной предосторожности, жидкости не расходовалось ни капли. Вслѣдъ за ними мальчики-монахи везли двѣ телѣжки, на которыхъ было по два барабана на подобіе турецкихъ. За телѣжками показались монахи, шедшіе въ двѣ шеренги; они несли длинные шесты, на которыхъ укрѣплены какіе-то значки изъ разрисованнаго шелка, частью очень напоминающіе наши хоругви и частью похожіе на зонтики. Значки эти обшиты мелкими колокольчиками, которые при порывахъ вѣтра издавали очень мелодичный звонъ, издали напоминающій стрекотаніе массы кузнечиковъ. Въ промежуткѣ между этими шеренгами везли два божества: впереди—изображеніе бѣлаго слона, не особенно большихъ размѣровъ, сдѣланное, повидимому, изъ дерева, довольно хорошо, и украшенное золотомъ, а за нимъ—крытую повозку довольно грубой работы, въ которой помѣщался какой-то идолъ; разсмотрѣть его мнѣ не удалось.

Шествіе замыкалось 10 или 12 человѣками, одѣтыми на подобіе индѣйцевъ изъ Южной Америки: на головахъ уборы изъ павлиньихъ перьевъ и вдобавокъ черные парики, юбка до колѣнъ и голыя икры; они также несли значки на шестахъ. У нѣкоторыхъ изъ этихъ знаменосцевъ были трубы, сдѣланныя изъ морскихъ раковинъ, но звучали эти трубы ужасно. Выйдя изъ дацана, процессія направилась въ поле, гдѣ были заготовлены скамейки, и усѣлась четыреугольникомъ. Въ серединѣ этого квадрата были поставлены идолы и помѣстились знаменосцы. Началось богослуженіе. Въ промежуткахъ между молитвами молодые монахи разносили ламамъ чай въ особыхъ кувшинахъ и тарелки съ конфетами. Чай разливался въ особыя деревянныя чашки, вродѣ нашихъ полоскательницъ. Все, конечно, въ достаточной степени грязно. Мое вниманіе обратилъ на себя мальчикъ лѣтъ пятнадцати, одѣтый богаче и опрятнѣе другихъ и сидѣвшій въ центрѣ между двухъ престарѣлыхъ ламъ. Онъ былъ единственнымъ въ этой компаніи, лицо котораго носило слѣды

Digitized by Google

умыванія. Кожа очень нѣжная и бѣлая, изъ чего я заключилъ, что онъ рѣдко бываетъ на солнцѣ. На вопросъ мой, кто это, одинъ бурятъ объяснилъ слѣдующее. Въ Лхассѣ, священномъ ихъ городѣ, ламы предсказываютъ, въ какомъ мѣстѣ и въ какой семьѣ долженъ народиться богъ. Обыкновенно это бываетъ очень бѣдная семья, которая затѣмъ быстро богатѣетъ, благодаря массѣ приношеній. Родившійся мальчикъ берется въ дацанъ и живетъ тамъ до опредѣленнаго возраста, а затѣмъ (кажется, по наступленіи 19 лѣтъ) отвозится въ Тибетъ, гдѣ его убиваютъ, а ламы предсказываютъ о рожденіи новаго. Говорятъ, что одинъ изъ этихъ боговъ не такъ давно убѣжалъ въ Россію, чувствуя, что ему скоро будетъ «карачунъ». Думается мнѣ, что это сказки, хотя я слышалъ объ этомъ отъ многихъ; буряты же въ большинствѣ случаевъ убійство отрицаютъ.

Помолившись на этомъ мѣстѣ, процессія отправилась кругомъ селенія, останавливаясь и продѣлывая всю эту церемонію на каждомъ перекресткѣ. Процедура эта заняла почти цѣлый день. Къ вечеру всѣ возвратились въ дацанъ, гдѣ послѣ короткой молитвы боги были водворены на свои мѣста. Дацанъ представляетъ изъ себя красивое, основательно построенное трехъэтажное зданіе, по типу напоминающее китайскія постройки съ загнутыми на крышѣ углами. Расположенъ онъ очень живописно, на горѣ.

Кругомъ идетъ невысокая каменная стѣна. Я былъ въ двухъ нижнихъ этажахъ. Нижній представляетъ изъ себя громадный залъ съ массой колоннъ, между которыми поставлены мягкіе диваны безъ спинокъ. У задней глухой стѣны стоятъ нѣсколько небольшихъ позолоченныхъ идоловъ въ стеклянныхъ ящикахъ. Залъ очень темный, такъ что подробности разглядѣть трудно. Во второмъ этажѣ идоловъ больше, одинъ изъ нихъ величиной въ сажень. Всѣ эти идолы, очевидно, добрые. Заключаю изъ того, что у всѣхъ улыбающіяся лица, не имѣющія въ себѣ ничего безобразнаго. Въ третій этажъ публику не пускаютъ. Говорятъ, что тамъ еще больше идоловъ, часть которыхъ изображена въ весьма неприличныхъ позахъ, что давало поводъ нашей «интеллигентной» публикѣ оскорблять религіозное чувство бурятъ, а это и вызвало запрещеніе проходить туда. Вообще публика наша вела себя возмутительно. Явилась на праздникъ масса пьяныхъ. Хорошо еще, что былъ жандармъ, при содѣйствіи котораго большинство изъ нихъ убрали. Сами же буряты относятся къ русскимъ очень хорошо и пускаютъ ихъ всюду безпрепятственно (исключая только третьяго этажа). Недалеко отъ дацана стоитъ двухэтажное зданіе (собственно въ два свѣта, такъ какъ этажей въ немъ нѣтъ). Въ зданіи этомъ помѣщается самый большой идолъ—женщина, вышиной сажени въ три, очень хорошо сдѣланная, вся позолоченная. (Между прочимъ, буряты не цѣлуютъ своихъ боговъ, а только прикладываются къ нимъ лбомъ). Передъ идоломъ находится столъ; на немъ стоятъ деревянныя (изъ какого-то особаго сорта дерева) вазы, роскошно отдѣланныя серебромъ. Въ вазахъ какое-то масло. Нѣсколько серебряныхъ чеканныхъ кувшиновъ со святой водой и подсвѣчникъ съ воско-

Digitized by Google

выми свѣчами. Все это красиво убрано шелковыми матеріями, на этотъ разъ совершенно чистыми. Заходилъ я между прочимъ въ типографію, гдѣ печатаются ихъ молитвы. Способъ печатанія самый примитивный. Каждая молитва вырѣзается вручную на дощечкѣ особаго дерева, привозимаго, изъ Индіи. Вырѣзанныхъ такимъ образомъ дощечекъ по приблизительному подсчету до 7.000, т. е. на сумму до 50.000 руб. Все это помѣщается въ полуразвалившейся избушкѣ, и достаточно одной искры, чтобы всѣ эти богатства, плоды многолѣтнихъ трудовъ, превратились въ пепелъ.

Digitized by Google

Критика и библіографія.

L'Année sociologique publiée sous la direction de E. Durkheim. *5-ème Année. 1900—1901. Paris. Alcan, 1902.*

Въ пятой книгѣ этого интереснаго и очень полезнаго изданія, наряду съ обширной библіографіей трудовъ по соціологіи и этнографіи въ обширномъ смыслѣ этого слова за 1899—1900 г., мы находимъ статью самого редактора Дюркгейма: Sur le totémisme.

Какъ извѣстно, изученію тотемизма въ его различныхъ проявленіяхъ и у различныхъ народовъ дали толчокъ англійскіе ученые, представители такъ-называемой антропологической школы. Правда, на него обратилъ вниманіе впервые Макъ Ленанъ еще въ 1869 г., и этой, необъяснимой на первый взглядъ для культурнаго человѣка, формѣ религіознаго мышленія старались дать объясненіе Тэйлоръ, Спенсеръ и Лёббокъ. Но заслуга обратить вниманіе изслѣдователей на тотемическія воззрѣнія и тотемическія основы культа принадлежитъ всего болѣе Фрэзеру. Его книжка Totémisme, вышедшая въ 1887 г., стала классической. Несмотря на нѣкоторыя ограниченія и дополненія, внесенныя трудами послѣдующихъ изслѣдователей вопроса, его книжка до сихъ поръ не утратила своего значенія. Фрэзеръ, сгруппировавъ весьма богатый фактическій матеріалъ изъ быта различныхъ народностей, предложилъ опредѣленіе слова тотемъ, вошедшее въ научную литературу, и намѣтилъ характерныя черты тотемизма, какъ религіозной, съ одной стороны, и соціальной, съ другой стороны, системы. Таковыми для религіозной стороны тотемизма являются вѣра въ фактическое происхожденіе данной группы населенія отъ родоначальника—животнаго (растенія, неодушевленнаго предмета)—тотема, сознаніе существованія тѣсной связи между группой и ея тотемическимъ видомъ (животнымъ, растеніемъ, неодушевленнымъ предметомъ)—и отсюда запрещеніе вредить своему тотему, какъ своему сородичу, употреблять его въ пищу и т. д., предписанія почитать его всячески, желаніе уподобиться ему. Характернымъ для соціальной стороны тотемизма является, по мнѣнію Фрэзера, дѣленіе группы населенія на тотемическіе рода, непремѣнно экзогамные. Имъ же были отмѣчены различные виды тотемовъ, которые часто смѣшивались прежними изслѣдователями: тотемы отдѣльнаго рода (группы) (clan totem), тотемы лицъ одного пола (sea totem) и тотемы отдѣльнаго индивида (individual totem).

Digitized by Google

Эта столь первобытная и столь интересная форма религіознаго мышленія возбудила интересъ многихъ ученыхъ. Если Фрэзеръ въ своей книжкѣ только отмѣтилъ существованіе тотемизма въ Египтѣ, у классическихъ народовъ древности, то трудами другихъ это было точно установлено. Рядъ переживаній указывалъ, что тотемизмъ былъ распространенъ среди многихъ народностей земного шара. Въ тотемизмѣ видѣли зародышъ всѣхъ позднѣйшихъ формъ религіозной мысли человѣчества. Изучали слѣды его въ *табу*—запретительныхъ правилахъ, въ культѣ предковъ, культахъ аграрныхъ и въ теріолатріи; въ антропоморфизаціи божества; въ жертвоприношеніяхъ животнымъ и въ обрядовомъ ѣдѣніи разъ въ годъ священнаго животнаго; его вліяніе на приручение и одомашненіе животныхъ, на культуру полезныхъ растеній (вопросъ лишь намѣченный Фрэзеромъ въ Totémisme), на созданіе общественной морали; наконецъ, усиленно стали доискиваться до генезиса тотемизма,—до вопроса, въ 1887 г. Фрэзеромъ оставленнаго открытымъ. Отмѣтимъ главнѣйшія сочиненія, на которыхъ въ большей или меньшей степени сказалось вліяніе антропологической школы и въ которыхъ затронутъ тотемизмъ: *Frazer*, The Golden Bough, необыкновенно важное по обилію собранныхъ данныхъ сочиненіе и интересное по выводамъ, съ которыми не всегда согласна научная критика, вышло въ значительно дополненномъ, противъ перваго, второмъ изданіи въ 1901 г. (London, Macmillan).—*Lang*, A. Myth, Ritual a. Religion, 2-е изд. Lond. 1899.—Его же: Modern Mythology. Lond. 1897.—*Hartland*, E. S. The Legend of Perseus. Lond. 1897—95.—*Jevons*, F. B. An Introduction to the History of Religion. Lond. 1896.

Какъ всегда, болѣе детальное и внимательное изученіе вопроса, провѣрка матеріала и собраніе новаго подготовленными научно изслѣдователями возбудила и критику, и живой обмѣнъ мыслей, и новыя теоріи. Джевонсъ, напримѣръ, выводилъ тотемическія воззрѣнія изъ союза крови, который будто бы группа первобытныхъ людей заключала съ цѣлымъ видомъ животнаго или растенія. Древнѣйшей формой общежитія ему представляется группа, члены которой связаны между собой кровными узами; въ такую группу принимаютъ чужеродца, лишь установивъ съ нимъ союзъ крови. Такой же кровной группой должно было представляться первобытному человѣку общество всѣхъ другихъ существъ: вѣдь дикарь долженъ былъ скоро замѣтить, что и въ животномъ и въ растительномъ царствѣ существуютъ рода и виды. Если благодаря кровному союзу съ однимъ чужеродцемъ, кровная связь, по мнѣнію Джевонса, заключалась со всей его группой, то союзъ, скрѣпленный съ однимъ представителемъ вида животнаго, имѣлъ силу и относительно цѣлаго вида. Но разъ союзъ былъ заключенъ и группа людей становилась въ исключительно дружественное отношеніе съ группой животныхъ, естественно было предположить между ними родственныя отношенія, вытекающія изъ общаго происхожденія отъ одного родоначальника: въ первобытномъ обществѣ не враждебны другъ другу лишь лица одной крови. Такъ какъ отношеніе къ тотемическому виду покоится, по мнѣнію Джевонса, на представленіи о кровномъ союзѣ, тотемы-животныя, по его понятію, пред-

Digitized by Google

ществовали тотемамъ-растеніямъ: лишь позднѣе возникаетъ представленіе, что сокъ въ растеніяхъ есть кровь, которая необходима для заключенія кровнаго союза. Изъ почитанія тотемовъ Джевонсъ выводитъ и одомашненіе животныхъ. Прирученіе тотемическихъ животныхъ наталкиваетъ дикаря на мысль о прирученіи животныхъ вообще, которое, такимъ образомъ, является слѣдствіемъ опыта первобытнаго человѣка или желанія заготовить себѣ пищу въ случаѣ неудачной охоты, и не можетъ имѣть также своимъ основаніемъ, какъ думали нѣкоторые авторы, привычку для удовольствія имѣть при себѣ ручныхъ животныхъ. Для Джевонса тотемизмъ является точкою отправленія всѣхъ другихъ стадій религіознаго міровоззрѣнія.

Изъ мноа о родоначальникѣ-животномъ, носящаго объяснительный характеръ, какъ большинство миѳовъ дикарей, у наиболѣе передовыхъ людей группы, являющихся двигателями религіозной мысли, зарождается идея объ отцѣ-богѣ. Далѣе развивается тенденція придать божеству антропоморфныя черты. Съ расширеніемъ племени (Джевонсъ признаетъ, что тотемическія группы соединяются во фратріи, а не наоборотъ, что фратрія распадается на тотемическіе роды), развивается и культъ многихъ тотемовъ, присоединяется и культъ сверхъестественныхъ силъ-духовъ, не связанныхъ ни съ одной человѣческой группой и враждебныхъ всѣмъ одинаково. Въ пространной статьѣ покойный французскій этнографъ *L. Marillier*. La place du totémisme dans l'évolution religieuse à propos d'un livre récent. Rev. de l'Hist. des Rel. 1897 IX—X, XI—XII, и 1898, III—IV, V—VI) сдѣлалъ много возраженій Джевонсу. Онъ отрицалъ, чтобы тотемизмъ могъ способствовать прогрессу религіозной мысли. Съ особенной силой онъ настаивалъ на томъ, что слѣдуетъ проводить глубокую разницу между тотемическими и теріоморфическими культами; что культъ предковъ такъ же, какъ культъ растительной силы существовалъ совмѣстно въ первобытномъ обществѣ; что аграрные культы и почитаніе небесныхъ свѣтилъ нельзя сводить къ тотемизму. Религія первобытной группы выражалась не въ одномъ тотемизмѣ исключительно, и различные виды жертвоприношенія имѣли мѣсто на-ряду съ торжественнымъ закланіемъ тотема съ цѣлью пріобщиться его жизни.—Съ мало удачной теоріей происхожденія тотемизма выступили два нѣмецкихъ ученыхъ *Pic.ler* и *Somlo* (Der Ursprung des Totemismus. Berlin. 1900). Основываясь на томъ, что племена, не знакомыя съ пиктографіей, не знаютъ и тотемическихъ представленій, они старались доказать, что отдѣльные рода получали названіе отъ знаковъ собственности, тамгъ и т. д., которые обыкновенно представляютъ изъ себя изображенія животныхъ и растеній, т. к. рисовать послѣднія всего легче первобытнымъ рисовальщикамъ. Позднѣе появилась будто бы увѣренность, что животное или растеніе родового знака были дѣйствительными родоначальниками. *Л. Я. Штернбергъ* (см. Энц. Сл. слово Тотемизмъ) справедливо замѣчаетъ, что генезисъ тотемизма нельзя выводить изъ одной какой-нибудь причины; что его вызываетъ къ жизни цѣлый рядъ причинъ, кроющихся въ своеобразномъ міровоззрѣніи первобытнаго человѣка. Главнѣй-

Digitized by Google

шими изъ нихъ Штернбергъ признаетъ родовой культъ и вѣру въ «чудесныя рожденія».

Цѣлый переворотъ во взглядахъ и мнѣніяхъ ученыхъ на тотемизмъ вызвало крупное изслѣдованіе *Спенсера* и *Гиллена* быта туземцевъ центральной Австраліи (*Spencer*, B. a. *Gillen*, F. The Native Tribes of Central Australia, London, 1899). Изслѣдуя бытъ цѣлаго ряда племенъ, въ особенности же племени Arunta, Спенсеръ и Гилленъ натолкнулись на факты, на первый взглядъ, противорѣчащіе чертамъ, признаннымъ характерными для тотемизма. Ихъ показанія были особенно цѣнны. Оба автора владѣли языкомъ туземцевъ, обладали серьезной научной подготовкой и съ выдающейся добросовѣстностью отнеслись къ своей задачѣ. Прежде всего они отмѣтили, что тотемизмъ туземцевъ центральныхъ частей Австраліи лишенъ «соціальной стороны». Ребенокъ обыкновенно не принадлежитъ къ тотемической группѣ матери. Тотемъ ребенка опредѣляется особымъ образомъ. Мать замѣчаетъ мѣсто, гдѣ, по ея понятіямъ, она зачала; и духъ предка, жительствующій тамъ, дѣлается тотемомъ ребенка. Женщина тотемической группы Эму, зачавшая близъ дерева, считающагося мѣстопребываніемъ тотемическаго духа-Куколки, причисляетъ своего ребенка къ группѣ Куколки и т. д. Обязанности и права, налагаемыя на индивида, принадлежатъ къ той или другой тотемической группѣ, чисто и исключительно религіознаго свойства. Обязательной экзогаміи въ тотемическихъ группахъ не наблюдается; мало того,—въ преданіяхъ Arunta можно отмѣтить указаніе на то, что въ былое время браки были, напротивъ того, обязательны въ предѣлахъ одной и той же тотемической группы. Особенный интересъ вызвало въ книгѣ Спенсера и Гиллена описаніе церемоніи *intichiuma*,—ежегоднаго празднества, справляемаго различными тотемическими группами. Цѣль его поддержать существованіе и умноженіе тотемическаго вида животнаго или растенія. Въ празднествѣ принимаютъ первенствующее участіе члены данной тотемической группы, которые исполняютъ рядъ обрядовъ, основанныхъ на вѣрѣ въ симпатическую магію. Группа Эму, напримѣръ, исполняетъ слѣдующій обрядъ: члены ея открываютъ себѣ жилы и въ запекшейся крови, оставшейся на землѣ, рисуютъ отдѣльныя части птицы, посредствомъ заклинаній зовутъ ее, просятъ положить яйца и т. д. Группа Кенгуру собирается въ мѣстности, гдѣ обитаютъ духи кенгуру и въ скалѣ, заставляютъ течь свою кровь на эту скалу и т. д. Празднество оканчивается «тотемическимъ таинствомъ». Члены другихъ группъ приносятъ главнымъ участникамъ intichiuma ихъ тотемное животное, и тотемъ, почитаемый обыкновенно священнымъ и неприкосновеннымъ, торжественно съѣдается членами его группы. Это обрядовое ѣдѣніе тотема почитается обязанностью.

Трудъ Спенсера и Гиленна заставилъ самого Фрэзера измѣнить свой взглядъ на тотемизмъ. Въ двухъ статьяхъ (The origin of Totemism. Fortn. Rev. 1899. IV и V и Observations on central australian Totemism. Jour. Anthr. Inst. of G. Britain. N. S. I, 3 и 4) онъ выступилъ съ новой и менѣе удачной характеристикой тотемизма. То-

Digitized by Google

тенизмъ представляется ему теперь видомъ магіи, имѣющимъ главной цѣлью поддержаніе необходимыхъ для всего племени видовъ животныхъ и растеній. Каждая изъ группъ населенія представляетъ отдѣльный животный или растительный видъ; отдѣльныя группы составили какъ бы кооперацію, договоръ, по которому каждая изъ нихъ обязана магическими обрядами и дѣйствіями вызывать изобиліе представляемаго ею вида. Приблизительно тотъ же взглядъ на тотемизмъ высказали и Спенсеръ и Гилленъ въ статьѣ Some Remarks on Totemism. Jour. Anthr. Inst. N. S. I.

Противъ крайности этого новаго взгляда на тотемизмъ и направлена статья Дюркгеймъ: Sur le totemisme въ 5-й книгѣ Année Sociologique.

Фрэзера заставили измѣнить первоначальную теорію два разительныхъ факта изъ жизни тотемистовъ-Arunta. Употребленіе въ пищу тотемовъ у нихъ разрѣшается съ извѣстными ограниченіями, а въ преданіяхъ ихъ, предки Arunta свободно вкушали мясо тотемныхъ животныхъ и растеній. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, у племени Arunta тотемическія группы не только не играютъ никакой роли въ брачныхъ предписаніяхъ, но преданія указываютъ и браки, заключаемые въ прежнія времена между лицами одного тотема. Оба факта противорѣчили основнымъ положеніямъ Фрэзера о тотемизмѣ. Бытъ же Arunta былъ сочтенъ за наиболѣе примитивный: далеко затерянное въ центрѣ материка племя долгое время было изолировано отъ европейскаго вліянія. Но, справедливо замѣчаетъ Дюркгеймъ, соціальный бытъ низшихъ обществъ хотя и развивается медленно, все же способенъ эволюціонировать самобытно, безъ воздѣйствія болѣе культурныхъ народовъ, подъ вліяніемъ времени, внутреннихъ событій, сношеній съ сосѣдними племенами и т. д. Есть ли основаніе считать архаичнымъ общественный строй Arunta, у которыхъ существуетъ нечастое въ Австраліи сознаніе племеннаго единства, у которыхъ отдѣльныя группы населенія имѣютъ уже наслѣдственныхъ вождей и брачные союзы утратили въ значительной степени ту неустойчивость, какой они отличаются у другихъ австралійскихъ племенъ? И Дюркгеймъ пытается въ обстоятельной критикѣ доказать, что явленія, отмѣченныя въ быту Arunta, надо считать не первичными, но послѣдующими, носящими слѣды позднѣйшихъ измѣненій.

Все племя Arunta подраздѣляется на двѣ большихъ группы (съ двумя подгруппами въ каждой), которыя Дюркгеймъ (см. также у Фрэзера въ Totemism) называетъ фратріями, и эти фратріи строго экзогамны. Дѣленіе же племени на двѣ такихъ фратріи очень обычно въ Австраліи и встрѣчается въ Америкѣ. Фратрія же, доказываетъ Дюркгеймъ,—это разросшійся родъ (clan), который современемъ распался на отдѣльныя группы, чему доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что очень часто тотемы отдѣльныхъ группъ фратріи представляютъ лишь разновидности тотема фратріи. Но если это такъ, то принципъ экзогаміи между двумя тотемическими группами былъ нѣкогда извѣстенъ Arunta, и утверждать возможно лишь одно: что экзогамія, соблюдаемая въ перво-

Digitized by Google

начальныхъ родахъ, не была проведена лишь въ позднѣйшихъ ихъ подраздѣленіяхъ.

Въ настоящее время лица одного и того же тотема встрѣчаются въ обѣихъ экзогамныхъ фратріяхъ, благодаря чему браки между однототемными лицами оказываются возможными. Но Дюркгеймъ предполагаетъ, что это явленіе позднѣйшее. Дѣйствительно, количество лицъ, имѣющихъ общій тотемъ, далеко неравномѣрно распредѣляется между обѣими фратріями; напримѣръ, на 40 лицъ одного тотема тридцать четыре приходилось на одну фратрію. Слѣдовательно, возможно предположить, что первоначально лица одного тотема непремѣнно входили въ составъ одной и той же фратріи. На такой порядокъ вещей указываютъ и преданія туземцевъ: въ этихъ преданіяхъ первобытная организація племени представляется въ слѣдующемъ видѣ: племя дѣлится на двѣ фратріи, изъ которыхъ каждая распадается на тотемическія группы, строго опредѣленныя, не допускающія перехода лицъ даннаго тотема въ противоположную фратрію. Такое дѣленіе племени *обычное* въ *Австраліи*; оно сохранилось и у сосѣдей Aruntа—Urabunna, въ племени гораздо менѣе развитомъ и съ которымъ Aruntа находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ. Но если фратріи строго экзогамны, то и тотемическія группы, входившія въ ихъ составъ, должны были быть экзогамными, и разрѣшеніе браковъ между однототемными должны были появиться лишь позднѣе. Правда, въ преданіяхъ Aruntа эндогамія въ предѣлахъ тотемическихъ группъ не только не запрещается, но является вполнѣ нормальнымъ видомъ брачныхъ союзовъ. Однако не слѣдуетъ забывать, что миѳъ обыкновенно творится дикаремъ, который ищетъ при помощи его объяснить уже существующіе факты, отношенія и т. д. Преданія же Aruntа, указываетъ Дюркгеймъ, допускаютъ явную ошибку: они предполагаютъ, что тотемическіе рода существовали раньше фратріи. Эти рода вели будто бы бродячій образъ жизни независимо другъ отъ друга; эндогамные браки являлись какъ бы естественнымъ слѣдствіемъ такой обособленности. Лишь позднѣе рода будто бы соединились во фратріи. Однако и преданія отмѣчаютъ, что всякій разъ, какъ входили въ сношенія различныя тотемическія группы, устанавливалась экзогамія.

Остается, однако, фантомъ, что тотемическіе рода (группы) Aruntа въ настоящее время уже не экзогамны. Дюркгеймъ стремится объяснить происшедшую въ брачныхъ правилахъ перемѣну измѣненіемъ счета родства. Хотя счетъ родства теперь и ведется у Aruntа по мужской линіи, Дюркгеймъ считаетъ возможнымъ признать, что нѣкогда онъ слѣдовалъ линіи материнской. Доказательства этому онъ видитъ, во-первыхъ, въ томъ, что повсемѣстно въ Австраліи изслѣдователями отмѣчено, что материнская филіація предшествовала отцовской; далѣе, роль женщины въ религіозной жизни племени настолько значительна, что она указываетъ на высокое сравнительно положеніе ея въ давнее время, которое зачастую выпадаетъ на долю женщины въ обществахъ съ материнской филіаціей (не говоря о случаяхъ матріархата и гинекократіи); отецъ и мать называютъ ребенка двумя различными словами (отецъ говоритъ: *allira*, мать—*umba*),

Digitized by Google

и этотъ обычай встрѣчается у племенъ съ женскимъ счетомъ родства, тогда какъ одно слово для обозначенія дѣтей со стороны отца и матери встрѣчаются у племенъ съ отцовскимъ счетомъ родства; этотъ обычай Дюркгеймъ объясняетъ такъ, что отецъ лишь временно посѣщалъ жену и дѣтей въ группѣ жены, что вслѣдствіе этого отношенія отца къ дѣтямъ было иное, чѣмъ отношеніе къ нимъ матери и соотвѣтственно этому оно обозначалось и другимъ словомъ. Вѣское указаніе на бывшую нѣкогда женскую филіацію Дюркгеймъ основательно видитъ въ той зависимости, въ которой до сихъ поръ мужъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ къ роднымъ жены. Наконецъ дѣленіе фратріи на подгруппы совершенно такое, какое въ чистомъ видѣ имѣетъ мѣсто у австралійскихъ племенъ, ведущихъ счетъ родства по женской линіи. Интересно ближе взглянуть на организацію племени Arunta. Каждая фратрія I и II дѣлятся на подгруппы, по двѣ въ каждой: фратрія I на подгруппы Panunga и Bulthara; фратрія II на подгруппы Purula и Kumara. Лица, принадлежащія къ Panunga, могутъ заключать браки лишь съ членами Purula; Bulthara лишь съ Kumara. Дѣти не входятъ въ классъ родителей, въ который возвращаются, однако, внуки.

Дюркгеймъ останавливается на вопросѣ, какую перемѣну въ подгруппахъ фратріи должно было произвести измѣненіе въ счетѣ родства, и доказываетъ, что слѣдствіемъ этого должно было быть перемѣщеніе одной подгруппы каждой фратріи съ соотвѣтствующей подгруппой фратріи противоположной. Если такимъ образомъ въ настоящее время фратрія I состоитъ изъ подгруппъ Bulthara и Panunga, а фратрія II изъ Kumara и Purula, то въ прежнее время, при господствѣ материнской филіаціи, подгруппы фратріи должны были располагаться такъ: фратрія I—Kumara и Panunga, фратрія II—Bulthara и Purula. Слѣды такого дѣленія фратрій дѣйствительно возможно отмѣтить у Arunta.

Сосѣднее Arunta племя—Urubanna, какъ было сказано, поддерживаетъ съ Arunta постоянныя сношенія; браки между представителями обоихъ племенъ не рѣдкость. Но и въ такихъ бракахъ строго проводится экзогамія фратрій. Чтобы не оказалось нарушеній въ этомъ основномъ правилѣ, фратріи Urubanna, ведущія счетъ родства по матери, приведены въ соотвѣтствіе съ фратріями Arunta. Фратріи I—II Urubanna, носящія названія Kirarawa и Mathurie, соотвѣтствуютъ фратріямъ I—II Arunta, но не съ тѣмъ распредѣленіемъ подгруппъ, которое существуетъ теперь у Arunta, при агнатической филіаціи, а какъ разъ съ тѣмъ, которое можно было предположить при существованіи предшествующей материнской филіаціи. Такъ фратрія Kirarawa соотвѣтствуетъ I фратріи Arunta, но съ подгруппами Kumara и Panunga; фратрія Mathurie—II фратріи съ подгруппами Bulthara и Purula. Браки могутъ заключаться лишь между членами соотвѣтствующихъ фратрій. Такимъ образомъ племя Arunta признаетъ въ сущности двѣ организаціи, функціонирующихъ параллельно. Возможно предположить, что вначалѣ у Arunta, такъ же, какъ у Urubanna, существовала материнская филіація. Когда же она была замѣнена отцовской, перемѣстились и под-

Digitized by Google

группы; но въ бракахъ, заключаемыхъ съ сосѣдями, у которыхъ еще сохранился материнскій счетъ родства, соблюдалась прежняя организація и связанныя съ ней брачныя ограниченія.

Перемѣщеніе подгруппы фратрій при перемѣнѣ счета родства съ материнскаго на отцовскій обусловливалось тѣмъ, что дѣти не входили въ подгруппы родителей. Благодаря же перемѣщенію подгруппъ, лица одного и того же тотема оказались въ обѣихъ фратріяхъ—и этимъ, очевидно, была нарушена экзогамія тотемическихъ группъ. Тотемическія группы постепенно утрачивали значеніе; онѣ уже не представляли единаго цѣлаго. Даже въ церемоніи intichiuma теперь участвуютъ иногда на-ряду съ членами тотемическихъ группъ посторонніе лица, непремѣнно, однако, члены одной съ ними фратріи. Исчезли постепенно и брачныя ограниченія, и экзогамія тотемическихъ группъ стушевалась предъ экзогаміей фратріи.

Если материнская филіація была замѣнена отцовской только во фратріи, а не въ тотемической группѣ (послѣднее гораздо проще привело бы къ тѣмъ же результатамъ, такъ какъ ребенокъ, не слѣдуя тотему отца, оказался бы тѣмъ самымъ и членомъ его фратріи, разъ тотемическая группа непремѣнно входила въ составъ одной фратріи),—то объясняется это тою ролью, которую играетъ въ религіозномъ воззрѣніи почитаніе тотема. Его мѣнять нельзя произвольно. И если у нѣкоторыхъ племенъ и народностей ребенокъ, наслѣдовавшій въ прежнее время тотему матери, принимаетъ теперь тотемъ отца, то эта замѣна имѣетъ мѣсто обыкновенно тамъ, гдѣ почитаніе тотема уже пришло въ упадокъ. У Arunta же, полагаетъ Дюркгеймъ, оно было въ полной силѣ при перемѣнѣ филіаціи и таковая произошла только въ отношеніи фратріи. (Дюркгеймъ высказываетъ мнѣніе, что способъ назначенія тотема ребенка, о которомъ было сказано выше, страдаетъ слишкомъ большой неопредѣленностью, чтобы быть принятымъ за первичный).

Если современный соціальный строй Arunta, въ которомъ играютъ такую незначительную роль тотемическія группы, не стѣсненныя предписаніями экзогаміи, по понятію Дюркгейма, является лишь результатомъ разложенія первоначальнаго строя,—то и разрѣшеніе вкушать, съ извѣстными ограниченіями, тотемовъ кажется ему слѣдствіемъ ослабленія первоначальныхъ запретовъ. Трудно дѣйствительно предположить, чтобы первоначально существовала полная свобода вкушеній тотема, которую бы стоило ограничивать позднѣе различными предписаніями. Гораздо естественнѣе предположить обратное явленіе—тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ еще полный запретъ положенъ на нѣкоторыя части тѣла тотемнаго животнаго. Все, что извѣстно намъ о тотемическихъ воззрѣніяхъ различныхъ народностей, позволяетъ предполагать, что запрещеніе вредить, убивать своего тотема, употреблять его въ пищу вытекаетъ неизбѣжно изъ самой сущности этихъ воззрѣній: слишкомъ близка и тѣсна связь между человѣкомъ и его тотемомъ. Если же въ преданіяхъ Arunta ихъ прародители свободно вкушаютъ тотемной пищи, то этому можно легко найти объясненіе. Потомки ихъ ежегодно одинъ разъ дѣлаютъ то же самое съ

Digitized by Google

тѣмъ, чтобы этимъ пріобщеніемъ къ тотему сдѣлаться участниками особенныхъ силъ, могущества, качествъ, вытекающихъ изъ родства съ тотемомъ. Не естественно ли было созданіе мифа, въ которомъ предки-герои, существа, одаренныя сверхчеловѣческими свойствами, вкушаютъ этой особой пищи и чаще, и больше? Существуютъ же преданія у другихъ племенъ, объясняющія родство отдѣльныхъ группъ съ тѣмъ или другимъ тотемическимъ видомъ происхожденіемъ группъ отъ родоначальниковъ, употреблявшихъ главнымъ образомъ въ пищу тотемное животное.

Что касается до церемоніи intichiuma, то и въ ней слѣдуетъ видѣть нѣкоторыя отклоненія отъ первоначальнаго смысла и цѣли, преслѣдуемой ею. Дѣйствительно, возможно ли считать первобытной такую сложную идею о взаимной помощи всѣхъ группъ населенія, о кооперації между ними, имѣющей цѣлью обезпечить всему племени обиліе видовъ животныхъ и растеній? Первобытныя группы живутъ обособленными интересами, эгоистическими заботами. И празднество intichiuma, очень старинное, имѣло первоначально цѣлью сохраненіе тотемнаго вида,— но исключительно въ видахъ пользы данной тотемической группы, потому что существованіе группы было тѣсно связано съ существованіемъ тотемическаго вида. Въ настоящее время тотемическія воззрѣнія Arunta исчезаютъ за другими представленіями. При рожденіи ребенка въ немъ воплощается и даруетъ ему таинственныя силы одинъ изъ духовъ предковъ Alcheringa— существа, имѣющія человѣческую природу и въ то же время близкія къ тотемическому животному; иногда болѣе близкія къ тотему, чѣмъ къ человѣку. Intichiuma постепенно утрачивала первоначальное значеніе и получала новую цѣль: размноженіе видовъ на благо всѣхъ соплеменниковъ. Празднество, съ замиреніемъ племени, съ его развитіемъ, перестаетъ быть исключительнымъ празднествомъ группы, но объединяетъ все племя.

Такимъ образомъ, Дюркгеймъ вовсе не видитъ причины измѣнить кореннымъ образомъ опредѣленіе тотемизма и характеристику его, представленныя въ прежнихъ трудахъ Фрэзеромъ и принятыя въ научной литературѣ. Arunta въ прежнее время соблюдали тѣ же брачныя ограниченія и запреты относительно употребленія въ пищу тотемовъ, которые считаются характерными признаками тотемизма. И если въ настоящее время можно наблюдать нарушеніе этихъ предписаній, то это еще не значитъ, чтобы тотемизмъ самъ по себѣ не налагалъ таковыхъ. Это означаетъ лишь то, что у Arunta, какъ и у всѣхъ племенъ земного шара, у которыхъ былъ до сихъ поръ наблюдаемъ тотемизмъ, онъ находится въ періодѣ упадка.

В. Х—на.

Federowski Michał. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej, zgromadzone w latach 1877—1893. Tom II. Baśnie, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. Część I. Baśnie fantastyczno-mityczne. (Wydawnictwo Komisyi Antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie). 1902. 8°. XXXII+359 str.

Digitized by Google

Г. Федеровскій въ своемъ введеніи указываетъ на труды другихъ этнографовъ, касающихся того же предмета: Gliński Antoni Józef—„Bajarz Polski“, cztery tomy (Wilno, 1853, 62, 88 i 99); Дмитріевъ, М. Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края (Вильна, 1861); Karłowicz, Jan, dr.—„Podania i bajki ludowe, zebrane na Litwie“, (Krak., 1889); Weryha Władysław—„Podania białoruskie“ (Lw. 1899); Шейнъ, П. В.—«Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края». Кромѣ того, въ данномъ имъ библіографическомъ указателѣ (стр. XVII—XVIII) встрѣчаются: Barszczewski Jan – „Szlachcic Zawalnia, czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach. Cztery tomy. (Petersburg 1844—46); „Hutorka staroho Dzieda“ (Paryż, 1862); Романовъ «Бѣлорусскій сборникъ» и нѣкоторыя другія статьи и матеріалы въ «Минск. губ. Вѣд.», «Этнографическое обозрѣніе», «Витеб. губ. Вѣд.», «Кіев. Старина» и др. Но библіографія эта далеко не полна. Здѣсь отсутствуютъ «Смоленскій сборникъ» Добровольскаго, статьи и матеріалы Никифоровскаго, ст. А. К. Киркора и С. В. Максимова «Бѣлорусское полѣсье» («Живоп. Россія» т. 3, ч. 2), П. Н. Батюшковъ «Бѣлоруссія и Литва» («Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ», 6 вып.); Пыпинъ «Бѣлорусская этнографія», Е. Ф. Карскій «Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи», Ю. Ѳ. Крачковскій «Бытъ западно-русскаго селянина», «Календарь по народнымъ преданіямъ въ Воложинскомъ приходѣ“ (Вил. губ.), составленный Л. Т. Берманомъ; П. А. Безсоновъ «Бѣлорусскія пѣсни, съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ очерками народнаго обряда, обычая и всего быта (М. 1871), И. Н. Носовичъ «Словарь бѣлорусскаго языка», Его же «Бѣлорусскія пѣсни», А. С. Дембовецкой «Описаніе Могилевской губ.». (М. 1882), Зин. Радченко «Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ Гомельскаго уѣзда. (Спб. 1881), Гильдебрантъ «Сборникъ памятниковъ народнаго творчества Сѣв.-Зап. Края», «Описанія губерній, произведенныя офицерами генеральнаго штаба» (Минской, Гродненской, Виленской, Смоленской) и мног. другое.

Такъ какъ почтенный собиратель самъ отдаетъ предпочтеніе чисто-научнымъ пріемамъ изслѣдованія и обработки матеріаловъ, то, думается, не слѣдовало ему упускать изъ виду обширную имѣющуюся по бѣлорусской этнографіи литературу. Впрочемъ, какъ видно изъ разсматриваемаго его труда, онъ не воспользовался и тѣмъ, на что указано въ предисловіи и указателѣ. Тексты его записей не снабжены примѣчаніями со ссылками на варіанты, параллели, изслѣдованія и т. п. литературу.

Въ томъ же введеніи собиратель даетъ схематическій очеркъ западно-бѣлорусскаго говора („o narzeczu zachodnio-białoruskiem“). Прежде всего приводится алфавитный списокъ выраженій и формъ, въ которыхъ ударяемое е послѣ у или і произносится вмѣстѣ съ послѣдними какъ дифтонгъ: abamlíéć, ciél, céły, chlieb и т. д. Списокъ этотъ очень важенъ для изученія русскихъ дифтонговъ. Далѣе приводитъ списокъ словъ и формъ, въ которыхъ передъ ударяемымъ о появляется неслого-

Digitized by Google

вое *u*: abńuós, adnuój, buók, uósim, uón и т. д. Затѣмъ собиратель указываетъ на бѣлорусское «аканье» и «яканье», причемъ отмѣчаетъ для нѣкоторыхъ мѣстностей сближеніе звука *a* со звукомъ *e* въ звукѣ *ä*: wiäruóuka (вяроўка). Далѣе въ словахъ, начинающихся звуками *a* или *o*, является придыханіе h вмѣсто w или оно опускается: oharuód (вм. waharuód), hóstry (вм. wójstry). Характерныя для б-р. говора окончанія существ. на nnie,—ccie,—lle (wiasiélle), встрѣчаются не вездѣ, наоборотъ, употребительны окончанія и безъ удвоенія. Отмѣчается также двоякое удареніе въ однихъ и тѣхъ же формахъ (ahłablách—ahłóblach), особенно въ мѣстностяхъ сосѣдящихъ съ Польшей. Окончаніе им. пад. прилаг. м. р. ед. ч. всегда слышится какъ *y* (=ы) и только въ пѣсняхъ иногда удается слышать *yj* (=ый). Окончаніе 3 лица ед. ч. возвратныхъ глаголовъ въ наст. времени, смотря по мѣстности, бываетъ:—cca,—csia,—ćsia,—csa,—ccia,—csio,—c(s)ie,—sie.

Фонетическая запись собирателя сообразована съ польскимъ алфавитомъ и польскимъ произношеніемъ. Это выгодно отразилось на обозначеніи мягкости и твердости согласныхъ, звука j и h; но зато въ другихъ случаяхъ получились фонетическія условности, которыя пришлось оговорить. (XXIX—XXXII стр.).

Записи разсказовъ размѣщены въ трехъ отдѣлахъ: I. Міръ животный (1. животныя, 2. животныя и люди, 3. животныя и духи). II. Міръ фантастическій (1. говорящія животныя, 2. говорящія животныя и миѳическія чудовища, 3. животныя, чудовища миѳическія и богатыри, 4. miscellanea). III. Міръ духовъ (1. человѣкъ, 2. болѣзни въ человѣческомъ образѣ, 3. люди-духи, 4. духи, вѣдьмы и божества, 5. Богъ, святые и священники, 6. преданія о существующихъ мѣстностяхъ). Въ концѣ приложенъ указатель именъ и названій.

Изъ приведенныхъ оглавленій отдѣловъ сборника не трудно заключить о его цѣнности для изслѣдователя бѣлорусскаго фольклора. На ряду со сборниками Шейна, Романова, Добровольскаго и другихъ, сборникъ г-на Федеровскаго даетъ обильный и очень важный матеріалъ. Когда же всѣ части сборника выйдутъ вмѣстѣ, онѣ представятъ еще болѣе внушительную картину бѣлорусскаго быта и творчества. Нельзя не пожелать труду почтеннаго краковскаго ученаго скорѣйшаго окончанія и полнаго успѣха.

Вл. Б.

Великорусскія народныя пѣсни. *Изданы профессоромъ А. И. Соболевскимъ Прб. 1895—1902.*

Обширный трудъ профессора А. И. Соболевскаго «Великорусскія народныя пѣсни», первый томъ котораго отпечатанъ въ 1895 г., оконченъ. Въ 1902 г. вышелъ 7-ой и послѣдній томъ сборника. Этотъ сборникъ, по словамъ самого почтеннаго составителя, представляетъ сводъ печатнаго пѣсеннаго матеріала, находящагося въ разныхъ, уже вышедшихъ изъ печати, сборникахъ въ различныхъ спеціальныхъ изданіяхъ и журналахъ, сводъ неполный, такъ какъ проф. Соболевскій, ввиду изоби-

Digitized by Google

дія уже напечатанныхъ записей пѣсенъ, не нашелъ возможнымъ воспользоваться еще и рукописнымъ матеріаломъ (кромѣ нѣсколькихъ рукописныхъ сборниковъ XVIII ст.); а перепечатку пѣсенъ изъ новѣйшихъ изданій счелъ неудобной и неполезной. Въ сборникѣ проф. Соболевскаго помѣщено 4,772 пѣсни; главнымъ ихъ содержаніемъ служатъ чувства человѣческой души, вызванныя разнообразными явленіями внѣшней жизни, вслѣдствіе чего онѣ могутъ быть названы лирическими пѣснями по преимуществу.

Въ первомъ томѣ сборника приведены низшія эпическія пѣсни на разныя темы: любовь королевской дочери къ слугѣ отца-короля (княгини къ ключнику, барыни къ лакею), убійство свекровью невѣстки, мужемъ жены, женою мужа, сестрою брата, дѣвушкою молодца, разбойникомъ родныхъ жены; вѣщія сновидѣнія; постриженіе жены, дочери въ монахини; горе, преслѣдующее молодца и дѣвицу; пѣсни о птицахъ и животныхъ. Лирическія отступленія, нарушающія повѣствовательный характеръ этихъ пѣсенъ, даютъ поводъ относить низшія эпическія пѣсни къ лирическимъ, тѣмъ болѣе, что сюжеты первыхъ часто встрѣчаются и варьируются въ народной лирикѣ. Второй и третій томы посвящены пѣснямъ, въ которыхъ изображаются чувства дѣвушки до замужества, ея отношенія къ родной семьѣ и настроенія послѣ брака подъ вліяніемъ измѣнившихся условій жизни. Сюда же относятся пѣсни, касающіяся различныхъ семейныхъ отношеній. Темою пѣсенъ 4 и 5 томовъ служитъ любовь съ ея радостями, страданіями, печальными и веселыми развязками.

Шестой томъ заключаетъ въ себѣ пѣсни, сложенныя подъ вліяніемъ событій, выходящихъ изъ рамокъ обычныхъ бытовыхъ условій: это пѣсни солдатскія, казацкія, разбойничьи и острожныя. Пѣсни эти расположены по группамъ, что даетъ возможность замѣтить воздѣйствіе однѣхъ пѣсенъ на другія и постепенную смѣну одного сюжета другимъ. Наконецъ послѣдній седьмой томъ представляетъ образчики народнаго остроумія и юмора. Зачастую грубоватыя и тяжелыя пѣсенныя шутки обнаруживаютъ степень наблюдательности народа и характеризуютъ его отношенія къ событіямъ и явленіямъ жизни.

Каждая пѣсня сборника снабжена многочисленными варіантами, что даетъ возможность прослѣдить какъ территоріальное распространеніе пѣсни, такъ и постепенное ея измѣненіе по мѣрѣ ея распространенія; обозначенія источниковъ, откуда взяты пѣсни, служатъ данными для приблизительнаго опредѣленія того времени, когда пѣвалась та или другая пѣсня.

Группировка пѣсенъ по содержанію, принятая проф. Соболевскимъ, даетъ довольно полную картину тѣхъ явленій и событій, которыя по преимуществу возбуждали поэтическое творчество народа.

Въ послѣднемъ томѣ проф. Соболевскій помѣстилъ нѣсколько замѣчаній, касающихся современнаго положенія великорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Уважаемый авторъ не находитъ основательнымъ воззрѣніе на современную народную поэзію, какъ на поэзію упадка, и показанія о

Digitized by Google

печальномъ состояніи ея считаетъ, въ большинствѣ случаевъ, результатомъ поверхностнаго изслѣдованія дѣла. Фабричныя пѣсни, разсматриваемыя обыкновенно, какъ губительницы старыхъ пѣсенъ, по мнѣнію, проф. Соболевскаго, суть лишь плохіе варіанты извѣстныхъ пѣсенъ или «частушки»—нѣчто среднее между короткою пѣсней и прибауткою.

«Частушки» же никакъ не могутъ быть признаны за продуктъ новѣйшаго народнаго творчества ввиду того, что старшія записи ихъ относятся къ 18 вѣку.

Ставя пѣсни старыхъ записей выше во всѣхъ отношеніяхъ пѣсенъ новѣйшихъ, проф. Соболевскій объясняетъ недостатки послѣднихъ тѣмъ, что приступающіе къ собиранію пѣсенъ «этнографы» мало знакомы съ ними и записываютъ отъ перваго попавшагося парнишки перепутанныя, недосказанныя, исковерканныя пѣсни, между тѣмъ какъ для полученія хорошихъ текстовъ пѣсенъ нужно разыскивать знатоковъ, заставлять ихъ повторять и припоминать пѣсни. Вышеизложенное мнѣніе проф. Соболевскаго о состояніи народной пѣсни въ настоящее время не сдѣлало его однако односторонникомъ при составленіи его сборника. Выборъ пѣсенъ, сдѣланный составителемъ, знакомитъ читателя съ различными степенями народнаго поэтическаго творчества: на ряду съ интересными по содержанію, художественными по формѣ и глубокими по чувству пѣснями имъ приводятся такія, содержаніе и изложеніе которыхъ заставляетъ желать многаго, но число послѣднихъ пѣсенъ значительно меньше числа первыхъ, такъ что сборникъ проф. Соболевскаго представляетъ собою сводъ лучшихъ произведеній народной лирики и является цѣннымъ вкладомъ въ литературу по народной поэзіи. Въ каждомъ томѣ есть указатель пѣсенныхъ сюжетовъ, указатель собственныхъ именъ въ текстѣ пѣсенъ и словарь мѣстныхъ словъ.

Прекрасная бумага, отчетливый шрифтъ, тоненькая красная рамка оживляющая страницы книги, дѣлаютъ изданіе сборника очень нарядными, такъ что цѣна по три рубля за томъ не кажется высокой сравнительно съ достоинствами изданія, хотя въ общей сложности и дѣлаетъ сборникъ проф. Соболевскаго доступнымъ не всѣмъ, о чемъ приходится жалѣть, ввиду значенія этого труда для всѣхъ, интересующихся русской народной поэзіей.

Е.

Савва, В. Московскіе цари и византійскіе василевсы. *Харьковъ, 1901 г.*

Это любопытное изслѣдованіе В. Саввы посвящено вопросу о вліяніи Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей. Видными проводникомъ византійскаго вліянія въ Кремлѣ была Софія Палеологъ: бракъ Іоанна III съ нею далъ московскому государю возможность смотрѣть на себя, какъ на наслѣдника византійскихъ императоровъ и ихъ титуловъ. Съ этою цѣлью авторъ обратилъ вниманіе на придворные обряды московскіе и византійскіе, такъ какъ въ нихъ обрисовывается московскій царь и византійскій василевсъ. Вопросы, здѣсь

Digitized by Google

разбираемые, имѣютъ ближайшее отношеніе къ строю грузинскаго царства и церкви. Такъ, по словамъ проф. Курганова («Отношенія между церковною и гражданскою властью въ византійской имперіи», 35; ср. Gasquet «De l'autorité imperiale en matière religieuse à Byzance», 31, Paris. 1879), съ Константина В. до послѣдняго представителя изъ Палеологовъ въ византійскомъ законодательствѣ приняты и развиты три главныя положенія, опредѣляющія отношенія государства къ церкви: а) признаніе двухъ властей духовной и свѣтской и ихъ равноправное положеніе въ государствѣ; в) ихъ взаимное согласіе въ области дѣйствованія на подданныхъ и с) признаніе за церковными канонами и догматами не только равнозначущей силы съ государственными законами, но и превосходства предъ ними въ случаѣ враждебнаго столкновенія между государствомъ и церковью. Эти отношенія отразились въ грузинскихъ законахъ.

Любопытными являются строки автора, гдѣ онъ, слѣдуя нашимъ византинистамъ, сообщаетъ объ обычаяхъ византійскихъ императоровъ совершать кажденіе въ храмѣ, знаменовать съ трикиріемъ, вести учительныя бесѣды съ христіанами и принимать участіе въ совершеніи богослуженія. Императоры Византіи назывались «святыми», и это названіе за ними признавалось въ Россіи. Изъ византійской табели о рангахъ въ Грузіи были извѣстны нѣкоторые придворные чины, при чемъ куропалаты—титулъ, жалуемый византійскими императорами-грузинскимъ царямъ—не занимали никакой должности, точно такъ же, какъ протоспаѳарій. Авторъ собралъ мнѣнія ученыхъ объ этимологіи и значеніи слова: «царь». Прозоровскій и проф. Соболевскій производятъ это слово изъ термина цесарь. Уже при Іоаннѣ III и Василіи III извѣстны случаи усвоенія этого титула, а Іоаннъ IV требовалъ отъ германскаго императора признать за нимъ царскій титулъ, впослѣдствіи это требованіе предъявилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ къ польскому королю. Папа призналъ этотъ титулъ за Петромъ I.

Любопытенъ отдѣлъ о происхожденіи вѣнчанія на царство московскихъ государей, описаніе обряда въ недѣлю Ваій въ Византіи и на Руси.

А. Хахановъ.

Конъ, Ф. Я. *Историческій очеркъ Минусинскаго мѣстнаго музея за 25 лѣтъ (1877—1902 г.). Казань. 1902. 8° 260 + VI + + II стр. + фототипіи.*

Интересную страницу изъ жизни русскаго ученаго учрежденія въ провинціи представляетъ этотъ трудъ г-на Кона. Кто хорошо знакомъ съ русскимъ провинціальнымъ городомъ, тому не менѣе хорошо извѣстны и ничтожныя крупицы вниманія, удѣляемыя наукѣ въ провинціи. Отыщутся въ городѣ два-три человѣка, а то и одинъ, которые воспламенятся желаніемъ послужить научному дѣлу, поволнуются, поговорятъ, съ большимъ трудомъ обратятъ на себя чье-нибудь благосклонное вниманіе, иногда дойдутъ до того, что положатъ основаніе мѣстному музею и даже

Digitized by Google

мѣстному ученому обществу, а потомъ ужъ и силъ не хватаетъ, чтобы съ такимъ же напряженіемъ, въ такомъ же одиночествѣ вести трудное дѣло науки безъ матеріальныхъ средствъ, безъ научныхъ пособій, безъ ободряющаго сочувствія со стороны общества. Тогда такой музей или такое ученое общество переступаютъ въ длинный періодъ своего бездѣйствія.

Идею мѣстныхъ музеевъ проповѣдуютъ давно. Цѣлесообразность этой идеи настолько очевидна, что не зачѣмъ и оправдывать ее. И все-таки мы видимъ, что русскіе мѣстные музеи въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ прозябаютъ. Происходитъ это отъ того, что опредѣленныхъ мѣстныхъ научныхъ силъ въ русскихъ провинціяхъ почти еще нѣтъ, а есть лишь случайныя; опредѣленной мѣстной научной программы тоже нѣтъ, а есть лишь жалкое подражаніе большимъ центрамъ и любительская страсть къ коллекціонерству. Оттого въ русскихъ провинціальныхъ музеяхъ такъ много ненужныхъ, неважныхъ, ничтожныхъ и несистематизированныхъ предметовъ; музей по содержанію получаетъ случайный характеръ и въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи не привлекаетъ ни дѣятелей, ни жертвователей, ни посѣтителей.

Мы знаемъ музеи, въ которые собираются образчики деревьевъ, выросшихъ на городской стѣнѣ, костюмы недавнихъ предковъ, не спасшихъ никого, портреты директоровъ гимназіи, орудія наказанія въ сумасшедшемъ домѣ и т. п. Все это складывается въ одной комнатѣ, за неимѣніемъ мѣста. Да и хорошо, что для такихъ коллекцій нѣтъ мѣста. Спрашивается, по какому принципу музей выдѣлялъ бы изъ себя отдѣлы для такихъ предметовъ. Это полное отсутствіе сколько-нибудь трезваго научнаго плана бросается въ глаза самому неприхотливому посѣтителю. Въ результатѣ—равнодушіе въ обществѣ и безплодность въ наукѣ.

Итакъ, прежде всего нужны люди науки, искренно ей преданные, понимающіе ея цѣли, разумно считающіеся съ мѣстными условіями края. Кромѣ того, они должны чутко слѣдить за настроеніемъ мѣстнаго общества и не игнорировать его интересовъ и вниманія. Фактъ что въ нѣкоторыхъ уголкахъ Россіи, въ томъ числѣ и г. Минусинскѣ, процвѣтаютъ образцовые музеи, какъ нельзя больше можетъ поддерживать вѣру въ полезность и возможность этихъ учрежденій. Повторяемъ, трудъ г-на Бона, подробно рисующій всѣмъ извѣстную выдающуюся дѣятельность П. М. Мартьянова и состояніе основаннаго имъ Минусинскаго музея, можетъ ободряюще дѣйствовать на всѣхъ, кто близко стоитъ къ дѣлу русской науки въ провинціи.

Вл. Б.

Историческій очеркъ развитія горнаго дѣла на Кавказѣ. *Подъ редакціей М. А. Шостака. Къ столѣтнему юбилею присоединенія Грузіи къ Россіи. Тифлисъ 1901.*

При составленіи настоящаго труда имѣлось въ виду дать, по возможности, систематическій очеркъ столѣтней дѣятельности по развитію горнаго дѣла на Кавказѣ, съ момента присоединенія Грузіи къ Россіи. Въ частности, здѣсь много и бытового матеріала. Къ сожалѣнію, недо-

Digitized by Google

статокъ времени не позволилъ автору вполнѣ исчерпать богатые матеріалы, имѣющіеся по этому вопросу въ дѣлахъ, переданныхъ въ текущемъ году изъ тифлисской казенной палаты въ кавказское горное управленіе и въ архивъ канцеляріи главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ. Пришлось ограничиться выборкой однихъ лишь крупныхъ фактовъ, которые могли бы послужить канвой будущему изслѣдователю горнаго дѣла на Кавказѣ въ большихъ подробностяхъ.

Разработка полезныхъ ископаемыхъ на Кавказѣ производилась еще въ самомъ раннемъ періодѣ исторіи человѣчества. По сказаніямъ древнихъ писателей, горы Кавказа и вообще вся страна изобиловала разнаго рода металлами. Древніе историки, Геродотъ и Діодоръ, называютъ Колхиду по теченію р. Ріона, гдѣ добывалось золото.

Извѣстенъ походъ Аргонавтовъ въ Колхиду за золотымъ руномъ. Что же касается серебра, желѣза, мѣди, свинца, нефти и минеральныхъ углей, то употребленіе ихъ на Кавказѣ засвидѣтельствовано еще въ древности и современными остатками древнихъ выработокъ. Съ древнихъ временъ въ Мингреліи, Имеретіи, Дагестанѣ разрабатывали свинцово-серебристыя руды самымъ примитивнымъ способомъ. Болѣе или менѣе прочно установленное горное производство началось на Кавказѣ около половины XVIII вѣка при грузинскомъ царѣ Ираклія II на заводахъ Ахтальскомъ и Алавердскомъ подъ руководствомъ грека изъ Турціи Хаджифотоза. На Ахтальскомъ заводѣ добывалось въ годъ отъ 600 до 1000 пуд. серебра при 1000 рабочихъ въ годъ. Царь Грузіи, прибѣгая къ покровительству Россіи, просилъ русскихъ императоровъ оказать содѣйствіе въ дѣлѣ разработки горныхъ богатствъ на Кавказѣ. Командированный въ 1799 году съ этой цѣлью въ Грузію графъ Мусинъ-Пушкинъ желалъ выговорить уступку Россіи у грузинскаго царя заводскаго и горнаго производства, но вскорѣ Грузія была присоединена къ Россіи и это обстоятельство дало ей полныя права на рудныя богатства Кавказа. 19 ноября 1801 года Императоръ Александръ I далъ указъ объ учрежденіи главной экспедиціи по устроенію горнаго производства въ Грузіи подъ главнымъ начальствомъ гр. Мусина-Пушкина. Но горное дѣло, благодаря тревожной жизни на Кавказѣ, медленно развивалось въ первой половинѣ XIX вѣка и сохраняло свою жизнеспособность не содѣйствіемъ крупнаго капитала, совершенной техникой или широкой частной предпріимчивостью, а исключительно покровительствомъ администраціи, подъ защитой войскъ, при чемъ вся активная дѣятельность Кавказа въ области горнаго дѣла выражалась тогда лишь однимъ мѣднымъ производствомъ въ Грузіи, при условіи сбыта продуктовъ на мѣстѣ и въ небольшомъ количествѣ въ Персіи. Дѣло измѣняется послѣ умиротворенія Кавказа. Существовавшая до того времени разработка мѣди получила болѣе прочныя основанія. Открытіе новыхъ мѣсторожденій сильно расширило горное производство Кавказа, и нѣкоторые продукты его, какъ напр., марганецъ, нефть, заняли видное мѣсто на заграничныхъ рынкахъ.

Достигнутые результаты, однако, говорятъ за то, что населенію Кавказа обезпеченъ въ будущемъ значительный промышленный заработокъ

Digitized by Google

особенно послѣ того, какъ будутъ разрѣшены многіе земельные вопросы.

Книжка полна, съ сожалѣнію, корректурныхъ опечатокъ и противорѣчій. Такъ, въ ней сообщается, что съ учрежденіемъ казеннаго горнаго производства, въ Грузіи былъ учрежденъ и монетный дворъ, между тѣмъ извѣстно, что монетный дворъ существовалъ при грузинскихъ царяхъ. Къ числу досадныхъ погрѣшностей принадлежитъ сообщеніе, по которому «тушинскіе старшины отыскали свинцовую руду въ 1817 г. при рѣкѣ Іорѣ, въ мѣстности называемой Талаша». Это курьезное мѣсто слѣдуетъ читать иначе, а именно: нашли руду не при рѣкѣ *Іорѣ*, а при рѣкѣ и *горѣ*, называемыхъ Талаша. Подобныхъ курьезовъ не мало.

А. Хахановъ.

Digitized by Google

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

Архангельскія Еп. Вѣд. 1901. 2—3. *О. Н.* По Мезенскимъ тундрамъ (краткія путевыя замѣтки) **6.** *Е. Н.* Старые синодики Соловецкаго монастыря. **9—11.** *Н. Козминъ.* Печенгскій монастырь въ Лапландіи (историческій очеркъ; есть нѣсколько географическихъ и этнографическихъ данныхъ). **18—20,—22—24.** Кожеозерскій монастырь (историческій очеркъ). **1902. 2.** *Григорій Богуславскій.* Рукописное евангеліе Никольской церкви села Порьегубы, находящееся въ древнехранилищѣ Архангельскаго церковно-археологическаго комитета (авторъ относитъ его къ XVI в.).

Волынскія Еп. Вѣд. 1900. 13—33. *Н. Теодоровичъ.* Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. **17—20.** *Св. А. Песоцкій.* Предшественники духовныхъ консисторій—соборные „крылосы" въ Западной Русской Церкви въ XV и XVI вв. **27—32.** *А. Малевичъ.* Къ исторіи древней Жидичинской архимандріи (нѣсколько грамотъ и другихъ актовъ XV—XVII вв., извлеченныхъ изъ связокъ архива Жидичинскаго монастыря на Волыни). **1901. 1—3.** *Г. Рафальскій.* Главный источникъ Острожской Библіи (о генна-діевой библіи). **4—14.** *А. Малевичъ.* Древняя Жидичинская архимандрія на Волыни. **4.** Юбилей ученаго священника А. С. Петрушевича (археолога-слависта во Львовѣ, въ Галиціи). **27.** Уставъ Общества изслѣдователей Волыни (секціи: естественныхъ наукъ, этнографическая, экономическая и историческая). **28.** *А. И.* О руковязаніи при совершеніи чина вѣнчанія (изъ „Подольск. Еп. Вѣд."). **33—34.** *Н. Теодоровичъ.* Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи (описываются свадебные обряды, приводятся пѣсни).

Живописная Россія. 1902. 66. Типы: узбекская женщина изъ Ташкана.—**67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75. 76** и **77.** *Шмурло Е. Ф.* Вверхъ по Иртышу. Путевые очерки.—**68.** *Бородинъ К.* Всероссійская кустарно-промышленная выставка. (Приложены фототипіи хора владимирскихъ „жалѣйщиковъ" и отдѣловъ разныхъ вѣдомствъ, съ очень отчетливо вышедшими этнографическими группами и коллекціями.—*Львовскій Л.* Пятница въ жизни русскаго народа.—Типы: группа сартовъ.—**69.** Типы: мулла изъ Туркестана.—**70.** *Львовскій Л.* Русское народное чернокнижіе.—Типы: портикъ гробницы шаха Зинче, панорама Самарканда (съ группою лицъ).—**71, 72, 73, 74, 75, 76** и **77.** *Передольскій Т. В.* Енисейскіе остяки съ рисунками видовъ и типовъ.—**71.** Типы: еврейка изъ Самарканда въ парадномъ костюмѣ.—**72.** Типы: сарта за чаепитіемъ.—**73.** Типы: молодой Таджикъ.—**74.** Типы: старуха крестьянка Кіевской губ; Узбекъ изъ Ходжента.—**76.** Типы: зажиточный хозяинъ Каменецъ-Подольскаго уѣз.; крестьянинъ с. Мліево Кіевской губ. Черкасск. уѣзда.—**77.** Типы: крестьянская дѣвушка с. Мліево, Кіев. губ. Черкасск. уѣз.—**78.** *Львовъ Л.* Русская простонародная медицина.—Типы: крестьянская семья г. Петрокова, Люблинской губ.; крестьянинъ изъ окрапнъ Каменецъ-Подольска; крестьянинъ Люб. губ. Холмскаго уѣз.; крестьянка Люб. губ. Холмскаго уѣз.—**79.** Типы: черна эстонская изба (кухня съ группой лицъ.—**80.** Типы: Великорусскій крестьянинъ.—**81.** Типы: крестьянинъ м. Корсуня, Кіевской губ. Каневскаго уѣз., Русскіе и татарскіе сельскіе старшины передъ зем. начальникомъ Нижегород. губ.—**82.** *Быковъ П. В.* Изслѣдователи Россіи. *А. Н. Пыпинъ.* Опытъ характеристики.—Типы: крестьянскій мальчикъ Пинчукъ (Пинскій уѣздъ Минской губ.).—**83.** Типы: богатая башкирка Уфимской губ въ дорогомъ національномъ платьѣ.—**85.** Типы: еврей-торговецъ Витебской губ.—**86.** Типы: эстонки и эстонцы, собирающіе картофель.—**88.** Типы: нищіе эстонцы.—**89.** Типы: старая крестьянка Петерб. губ.

Digitized by Google

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1902. Апр. *С. Н. Эверлингъ* Новые отрывки евангельскаго текста на коптскомъ языкѣ).—Рецензія *Н. Каринскаго* на т. 68 Сборника Отдѣл. русск. яз. и слов. И. Ак. Н. СП-б. 1902. *Н. Довнаръ-Запольскій.* Рецензія на „Записки Серг. Гр. Волконскаго (декабриста)". Изд. кн. М. С. Волконскаго. СП-б. 1901 г. (VII+546 in 8°) *М. Любавскій.* Разборъ труда *И. И. Лаппо*, Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія (1569—1586). Опытъ изслѣдованія политическаго и общественнаго строя. Т. 1. СП-б. 1901. Стр. I+XVI+1+780. *Е. Будде.* Сборникъ Кирши Данилова. Изд. Публ. Библ. по рукописи, пожертвованной въ библіотеку кн. М. Р. Долгоруковымъ подъ ред. П. Н. Шеффера. Съ фототипическ. снимкомъ СП-б. 1901 (довольно полный обзоръ особенностей языка и нѣсколько выводовъ).—*А. Миловидовъ.* Виленскій центральный архивъ. **Май.** *М. Г. Попруженко.* Матеріалы для библіографіи по Кирилло-Меѳодіевскому вопросу.—*А. Погодинъ.* Рецензія на Věstník slovanské filologie a starožitnosti, vydávají *Z. Niederle*, *F Pàstrnek*, *J. Polívka*, *J. Zubaty.* Ročnik I. Praha 1901. **Іюнь.** *Е. Ф. Шмурло.* Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго XIV (продолженіе, см. апрѣльскую книжку). *Н. Н. Дурново.* Мелкія замѣтки по русскому языку.—Рецензія *А. И. Соболевскаго* на книгу: Slovanské starožitnosti. Sepsal *Dr. Lubor Niederle*, professor České university v Praze. Díl. I. Úvod a počátky národa slovanského. Svazek I. V. Praze. 1902 *Г. З. Кунцевичъ.* Объ изданномъ подъ редакціею *Н. Ѳ. Катанова* „Сказаніи о зачатіи царства Казанскаго". Казань 1902. *И. А. Тихомировъ.* Замѣтка объ оглавленіяхъ, помѣщенныхъ предъ Воскресенскимъ лѣтописнымъ сводомъ. *Н. В. Ястребовъ.* Г. А. Ильинскій, Грамота царя Іоанна Асѣня II. Отд. отт. изъ „Изв. Русск. Археологическ. института" въ Константинополѣ, томъ VII Софія. 1901. *В. Н. Перетцъ.* Разборъ книги: Библіотека Московской Синодальной типографіи. Ч. I. Рукописи. Вып. 3. Псалтири. Описалъ *Валеріи Погорѣловъ.* Съ приложеніемъ статьи „О редакціяхъ славянскаго перевода Псалтири" и 4 фототипическ. таблицъ. М. 1901. **Іюль.** *Б. П. Китерманъ.* Нѣсколько соображеній по физіологіи рѣчи. *С. Н. Эверлингъ.* Новые отрывки евангельскаго текста (продолж., см. апрѣльскую книжку).—*Е. К. Рѣдинъ.* Разборъ труда *Н. П. Кондакова.* Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ. Изд. И. Ак. Наукъ. С.-Пб. 1902.—Некрологъ *Н. К. Шильдера.* († 6 апр 1902 г.). **Августъ.** *М. Г. Халанскій.* Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ. Глава I. *В. М. Истринъ.* Окончаніе рецензіи на книгу *П. В. Владимирова.* Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII вв. Кіевъ, 1900 (см. мартовскую книжку). *В. Ѳ. Шишмаревъ.* Новыя работы по финскому фольклору. *Н. Я. С. К.* Отчетъ объ изслѣдованіи: *Dr Fr. Pastrnek*, Dejiny, Slovanskich apostolu Cyrilla a Methoda. Praha. 1902[4].

Землевѣдѣніе. Періодич. изданіе Географическаго Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э. **1901 кн. III—IV.** *Житковъ Б.* и *Бутурлинъ С.* По сѣверу Россіи. (Съ 3 планами и 16 рисунками). Среди чисто-географическаго матеріала въ этой работѣ встрѣчается описаніе занятій жителей Саввинской волости и Новой Земли.—**1902. кн. I.** *Беркенгеймъ, А. М.* Переселенческое дѣло въ Сибири. Авторъ, знакомый съ переселенческимъ дѣломъ въ другихъ странахъ, даетъ сравнительный очеркъ переселенія тамъ и у насъ въ Сибири.—Литература о Китаѣ. Это очень полезная замѣтка для интересующихся Китаемъ и его прошлымъ. Географія на XI-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей.—*Адлеръ Б.* Бременскій этнографическій и торгово-географическій музей. (Дано краткое описаніе этого молодого учрежденія, возникшаго при дѣятельномъ участіи д-ра Шурца въ 1896 г.).—Сѣверная Россія въ Верхне-Пермскую эпоху. (Замѣтки по поводу раскопокъ В. П. Амалицкаго по Сѣверной Двинѣ). **II—III.** *Беркенгеймъ, А. М.* Переселенч. дѣло въ Сибири (окончаніе).—*Головачевъ, П. М.* Взаимное вліяніе русскаго и инородческаго населенія въ Сибири.—*Круберъ, А. А.* Новая Гвинея I (съ картою и тремя таблиц.).—*Лурье А.* Мѣстный Минусинскій Музей.

Извѣстія по Казанской епархіи. 1901. 8. Изъ церковнаго архива с. Удѣева,

Digitized by Google

Ядринск. у., Каз. г. (о чувашахъ и черемисахъ; краткія свѣдѣнія объ ихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ). *И. Михеевъ.* Легенды Казанскихъ вотяковъ: 1) Храмъ, построенный нечистыми (чтобы получить дочь священника, которая, однако, не достается имъ, такъ какъ отецъ заставляетъ пѣтуха пѣть раньше времени и нечистые исчезаютъ, не достроивъ храма). 2) Два вотика (замѣтивъ, что небо отверзлось на мгновеніе, спѣшатъ высказать въ это время свои желанія, которыя должны исполниться по повѣрію, но отъ поспѣшности произносятъ несообразности, сейчасъ же исполняющіяся). 3) Поръ нычеремиска (происхожденіе фигуры на мѣсяцѣ). 4) Съ какого времени пошли клещи и молотъ кузнечные.—Наканунѣ Пасхи въ „Старой Москвѣ".—Некрологъ *В. К. Магницкаго* († 2 марта), автора „Матеріаловъ къ объясненію старой чувашской вѣры" и многихъ статей по археологіи и этнографіи Казанскаго края, преимущественно касающихся чувашъ. **12.** *И. Михеевъ.* Буддисты ли вотяки? (По поводу книги *св. Н. Блинова* „Языческій культъ вотяковъ". Вятка, 1898 — опроверженіе мнѣнія автора о буддизмѣ у вотяковъ). **1902. 4—6.** Царскія грамоты Казанскимъ Архіепископамъ (относятся къ XVI—XVII вв.; особенно интересна гр. № 4 по заключающимся въ ней бытовымъ даннымъ). **6.** *И. Михеевъ.* Лихорадка по вѣрованіямъ вотяковъ.

Орловскія Еп. Вѣд. 1900. 25—8, 34, 37, 40, 44—45, 49—51. *И. Богдановъ.* Празднованіе Новаго года на зарѣ христіанства (церковно-историческій эскизъ). **1901. 48.** Штундизмъ (по сообщеніямъ на Орловск. миссіонерскомъ съѣздѣ). Пашковщина (тоже). **49.** Синодикъ Одрино-Николаевскаго монастыря.—Краткій обзоръ занятій Орловск. миссіонерск. съѣзда по исторіи и характеристикѣ раскола старообрядчества. **1902. 1—2.** Хлыстовщина (по сообщеніямъ на Орловск. миссіонерск. съѣздѣ). **3.** Скопчество (тоже). **9.** *Е. Н.* Синодикъ Брянскаго Петропавловскаго мужского монастыря (упраздненнаго). **11, 13—15.** *Свящ. Вл. Фіалкинъ.* Кто былъ 1-й митрополитъ въ Россіи при Св. Владимірѣ?

Пермскія Еп. Вѣд. 1900. 1. Прекрасный обычай въ С. Америкѣ („День благодаренія" въ С. Штатахъ). **2.** Безпечность крестьянъ (изъ Кунгурскаго у.). **3.** Секта „Деснаго братства" или „Сіонская вѣсть" въ Пермской губ. (исторія возникновенія, сущность ученія; приводится гимнъ).

Рязанскія Еп. Вѣд. 1900. 8. Обычай дарить другъ другу красныя яйца въ праздникъ Пасхи. **1901. 3.** Христіанство въ Китаѣ. (Изъ Пековск. еп. вѣд.). **4—6.** *Ив. Проходцевъ.* Такъ называемый „Олеговъ Дворецъ" въ Рязани, нынѣ Архіерейскій Домъ. **1902. 2.** Расколъ и сектантство въ Россіи (статистическія данныя). **3.** Вѣроисповѣдный составъ Россіи.—Количество раскольниковъ и сектантовъ въ Рязанской губерніи.

Русскій Архивъ 1902. 1. Русскіе люди въ 1812 году. Отзывъ современника-иноземца. *(Г. Ѳ. Фабера).* **5.** *А. А. Титовъ.* Къ исторіи виленскихъ евреевъ. Акты, издаваемые Виленскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. XXVIII. Акты о евреяхъ. Вильна 1901 (обвиненія евреевъ въ ритуальныхъ убійствахъ; употребленіе ими христіанской крови). *А. П. К.* Русскіе въ южной Бессарабіи (къ исторіи колонизаціи).

Тверскія Еп. Вѣд. 1900. 2—8. Михаилъ Александровичъ, кн. Тверской и Микулинскій. **7—8.** Публичное чтеніе о православныхъ церковныхъ братствахъ (подробное изложеніе лекціи *А. А. Папкова* о просвѣтительной дѣятельности братствъ въ древней Россіи и въ настоящее время). **1901. 9.** Письмо въ редакцію (просьба Костромского губернскаго пчеловода Г. А. Кузьмина присылать на его имя въ Кострому повѣрія и заклинанія по части пчеловодства). **21—22.** *Вл. Колосовъ.* Лѣтопись о событіяхъ въ г. Твери тверского купца Михаила Тюльпина. 1762—1823 (съ рукописи, принадлежащей Тверскому музею, писанной скорописью XVIII вѣка).

Уфимскія Еп. Вѣд. 1901. 6—7. *К. Херувимовъ.* Къ столѣтію епископской каѳедры и консисторіальнаго управленія въ Уфѣ (есть краткія свѣдѣнія объ инородцахъ Оренбургско-Уфимскаго края—башкирахъ, татарахъ, мещеряцахъ).

Ярославскія Еп. Вѣд. 1900. 41—6. Матеріалы для исторіи Ярославской епархіи.

Digitized by Google

Новости этнографической литературы.

Агабабянъ, А. Умственная жизнь авлабарцевъ (на армянскомъ языкѣ). Тифлисъ, 1901. Ц. 20 к.

Алексѣевъ, С. Г. Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ XVIII—XIX вв. Спб., 1902. 313+IX стр. Ц. 2 р. 50 к.

Байэ, К. Исторія искусствъ. Перев. подъ ред. и съ добавл. проф. Г. Г. Павлуцкаго и съ прибавл. главы о древне-русскомъ искусствѣ *В. Т. Георгіевскаго.* Съ 350-ю рис. въ текстѣ, 28-ю фототип. табл. и 2 табл. въ краск. Кіевъ, 1902. Ц. 4 р.

Бакунинъ, М. Тропическая Голландія. Пять лѣтъ на островѣ Явѣ. Съ 6 картами. Спб., 1902. Ц. 2 р. 50 к.

Быстровъ, Н. Народное творчество по пѣснямъ крестьянъ Островскаго уѣз., Псковской губ. Этнографическій очеркъ. Изд. Псков. губерн. статистич. комитета. Псковъ, 1901.

Бѣльскаго, Л. П. (переводъ). Калевала. Финская народная эпопея. Спб., 1902. Ц. 50 к.

Вегнеръ, В. Римъ. Исторія и культура римскаго народа. 3-е русское изданіе подъ ред. проф. В. И. Модестова, вып. V.

Ветуховъ, А. Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. Изъ исторіи мысли. Варшава, 1902. Ц. 1 р.

Владимирскій-Будановъ. М. В., проф. Судебникъ 1589 года. Его значеніе и источникъ. Кіевъ, 1902. 8⁰ 65 стр. („Унив. Изв". № 3).

Волжско-Камская справочная книжка. 2-ое изд. Казань, 1902. Ц. 80 к.

Державинъ, Н. Звуковыя особенности говора болгаръ-поселенцевъ Бердянскаго уѣзда, Таврич. губ. („Изв. Р. Я. и Сл." 1902, т. VII, кн. 1, стр. 137—151).

Диваевъ, А. Промыслы и занятія туземцевъ азіатскаго города Ташкента. Брош. 16'. 10 стр. (изъ „Турк. Вѣд." за 1901 г.).

Древнѣйшая разрядная книга оффиціальной редакціи (по 1565 г.), изданная подъ наблюденіемъ П. Н. Милюкова М., 1902. 4⁰. VIII+314 стр. („Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древ. Росс." кн. I и II).

Дягилевъ, С. Русская живопись въ XVIII вѣкѣ. Томъ первый. Д. Г. Левицкій (1735—1822). Спб., 1902. Ц. 30 к.

Житецкій, Ир. Евреи въ южной Россіи. II. Формы труда у евреевъ въ южной Россіи. (Историко-этнографическія замѣтки). (Отт. изъ жур. „Кіевская старина"). Кіевъ, 1901.

Забѣлинъ, И. Исторія города Москвы. Часть первая. М., 1902. Ц. 2 р. 50 к.

Загоровскій, А. И. Курсъ семейнаго права. Од., 1902. Ц. 3 р. 50 к.

Записки Читинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла, Имп. Русск. Геогр. Общества. Вып. IV. 1901. Чита, 1901.

Зеленинъ, Д. Н. И. Ильминскій и просвѣщеніе инородцевъ. Къ десятилѣтію со дня смерти Н. И. И-го. Спб., 1902. („Русск. Школа", № 3).

Извѣстія Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи. Подъ ред. А. А. Курбатова. Вып. XLV. Т. 1901. 8⁰ 122 стр.

Ильенко, И. Закаспійская область. Очеркъ. М. 1902. Ц. 25 к.

Digitized by Google

Ильенко, И. Очерки Персіи (съ картою Персіи). Спб., 1902. VI+174 стр. Ц. 1 р.

Іонинъ, А. С. По Южной Америкѣ. Томъ 4-ый. Спб., 1902. Ц. 2 р.

Кадлубовскій, Арс. Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ. 1—5. Варш., 1902. Ц. 2 р. 50.

Канадѣевъ, И. Н. Очерки закавказской жизни. Т. I. Спб. 1902. 280 стр. Ц. 2 р.

Каталогъ изданій Императорской Академіи Наукъ. I Изданія на русскомъ языкѣ (по 1-е дек. 1901 г.). Сбп. 1902. 8° 188 стр.

Киплингъ, Р. По склонамъ нагорья и трущобамъ Калькутты. Перев. съ англ. Кіевъ, 1902. Ц. 65 к.

Клочковъ, М. Указатель словъ и выраженій, встрѣчающихся въ Судебникахъ 1497, 1550 и 1589 гг. 8⁰ 26 стр. („Уч. Зап. Имп. Юрьев. Унив." 1902, № 1).

Книповичъ, Н. М. Экспедиція для научно-промысловыхъ изслѣдованій у береговъ Мурмана. Т. I. Спб. 1902. Ц. 6 руб.

Когутъ, Адольфъ, д-ръ. Знаменитые евреи мужчины и женщины въ исторіи культуры человѣчества. Біографіи и характеристики великихъ людей настоящаго и прошлаго на всѣхъ поприщахъ дѣятельности. Переводъ съ нѣмец. А. А. Френа. Вып. 5. 8⁰ стр. съ 99 по 120 и 1 груп. портрет. Ц. 25 к.

Коршъ, Ѳ. Е., акад. Объ удареніяхъ въ русскихъ пѣсняхъ и стихахъ. („Сборникъ Отд. Р. Я. и Сл. И. А. Н.", т. 70. 1902. № 7. Стр. XVII+216).

Коршъ, Ѳ. Е. О русскомъ правописаніи. Спб. 1902. 8° („Изв. Отд. Р. Я и Сл." 1902. т. VII, кн. 1, стр. 39—94).

Косичъ, М. Н. Литвино-Бѣлоруссы Черниговской губерніи, ихъ бытъ и пѣсни. Спб. 1901. 8⁰. („Жив. Стар.").

Кругловъ, А. В. Пэдэръ и Одэ. Повѣсть изъ Зырянскаго быта. М. 1902. Ц. 30.

Кудрявскій, Д. (проф.). Какъ жили люди въ старину. Очерки первобытной культуры. Изд. 2-ое, исправл. и дополн. Юрьевъ. 1902. Ц. 40 к.

Курскій сборникъ. Изданіе Курскаго Губерн. Стат. Комитета. Подъ ред. Н. И. Златоверховникова. Вып. III. Матеріалы по этнографіи Курской губер. Приготовилъ къ печати К. А. Рѣзановъ. К. 1902. 4⁰. XIII+122 стр. Ц. 65 к.

Лебедевъ Н. Роль караимовъ въ девонскихъ отложеніяхъ Россіи. Спб. 1902. Ц. 3 руб. 50 к.

Лернеръ, О. М. Одесская старина. Историческіе очерки. Од. 1902. 36 стр.

Лукьянская, В. Три тысячи лѣтъ тому назадъ. О войнахъ и мирной жизни греческаго народа и о греческихъ мудрецахъ. Съ рисунками. Изданіе „Посредника". Ц. 40 к. (Хорошо и понятно составленный очеркъ для неподготовленнаго читателя).

Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта старой Малороссіи. Изд. подъ ред. Н. П. Василенка. Вып. I. Генеральное слѣдствіе о мѣстностяхъ Нѣжинскаго полка. 1729—1730. Черниг. 1902. XII+417 стр. Ц. 1 р.

Меліоранскій, П. М. Турецкіе элементы въ „Словѣ о Полку Игоря" („Изд. О. р. я. и сл." 1902, т. VII, кн. 2. стр. 273—302).

Мендельсонъ, Н. М. Демонологическое сказаніе XVIII вѣка. Спб. 1902. 8⁰ (Изд. Отд. Р. я-ка 1902, т. VII. кн. 2, стр. 79 –96).

Миллеръ, В. Ѳ. Къ былинѣ о Камскомъ побоищѣ. Спб. 1902. 8⁰ („Изд. Отдѣл. Русс. яз. и Слов." 1902, т. VII, кн. 2, стр. 1—31).

Минаевъ, И. П. Путешествіе Марко Поло. Перев. старо-франц. текста Изд. Геогр. О-ва подъ ред. В. В. Бартольда. Спб. 1902. 351 стр.

Нарцовъ, А. Н. Проектъ программы общихъ работъ на областномъ археологическомъ съѣздѣ. Т. 1902. 8⁰. 7 стр.

Никольскій, А. Земля, община и трудъ, особенности крестьянскаго правопорядка, ихъ происхожденіе и значеніе. Спб. 1902. Ц. 1 руб.

Оглоблинъ, Н. Н. Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа (1592—1768). Часть IV. Документы Центральнаго Управленія. М. 1902. мал. 4⁰. 288 стр. („Чтен. въ Имп. Общ. И. и Д. Р." кн. I).

Ончуковъ, Н. О расколѣ на низовой Печорѣ. Спб. 1901. („Жив. Старина" 1901. III—IV).

Digitized by Google

Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1901. Спб. 1902. XXVIII+400 стр.

Отчетъ по Кавказскому Музею и Тифлисской публичной библіотекѣ за 1901. Т. 1902. 8°. 26 стр.

Побойнинъ, Ив. Торопецкая старина. Историческіе очерки г. Торопца съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII вѣка. М. 1902. мал. 4°. („Чтен. въ И. О. И. и Д. Р." 1901 и 1902 г.).

Поржезинскій, В. К. Замѣтки о языкѣ Полабскихъ славянъ. Отчетъ о поѣздкѣ въ Германію лѣтомъ 1901. („Изв. отд. Русс. яз. и слов." 1902. т. VII, кн. 2. 192—203).

Путеводитель по Уралу. 2-ое изд. Екатеринбургъ. 1902. Ц. 1 руб.

Рагозина, З. Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи. Съ 112 рис. и 2-мя картами. Спб. 1902. Ц. 2 руб. 50 к.

Райскій, Д. Ѳеодоръ Ивановичъ Іезбера и его „Всероссійскій музей". Спб. 1902. Ц. 30 к.

Самоквасовъ, Д. Я. Архивное дѣло въ Россіи. Кн. 1-я. Современное русское архивное нестроеніе. Кн. 2-я Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивнаго дѣла въ Россіи. 1852—1902. 7 іюля. М. 1902. больш. 8°. 131+37 стр. и IV+179 стр. Ц. 1 р. 25 к. и 1 р. 75 к.

Свѣнціцкій, И. С. Начало философіи въ русской литературѣ XI—XVI вв. Львовъ. 1901. Ц. 30 к.

Сиповскій, В. В. Изъ исторіи русскаго романа XVIII в. (Ванька Каинъ) I. („Изв. р. яз. и сл." 1902. т. XII, кн. 2, 97—191).

Смирновъ, И. Т. Кашинскій словарь. Спб. 1901. 8°. II+212 стр. („Сбор. Отд. р. яз. и сл.", т. 70).

Срезневскій, Вс. И. Отчетъ Отдѣленія русс. яз. и словесности Имп. Академіи Наукъ о поѣздкѣ въ Вологодскую губернію. (Май—іюнь 1901). Спб. 1902. 8°. („Изв. О. р. яз. и сл.„, т. VII, кн. 2, стр. 232—272).

Срезневскій, И. И. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. т. II. вып. 4. пра-пар. Изд. Отдѣленія русс. яз. и сл. И. А. Н. Спб. 1902. 4°. 1346—1802 столбцы+дополненіе къ указанію сокращеній, помѣщенному при 1 томѣ. 4°. 15 стр.

Указатель содержанія неоффиціальной части „Владимирскихъ губ. Вѣдомостей" съ 1838 по 1900 г. включительно. Прилож. къ № 21 „Вл. губ. Вѣд." неоф. ч. 25 мая 1901. 8°. 561 стр.

Улановъ, Н. Буддійско-Ламайское Духовенство Донскихъ Калмыковъ, его современное положеніе. Спб. 1902. Ц. 20 к.

Успенскій, Н. Охранная опись рукописямъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Филевичъ, П. (проф). Вопросъ о двухъ русскихъ народностяхъ и „Кіевская Старина". Варшава. 1902. Ц. 35 к.

Флоринскій. Т. Д. Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію. Кіевъ. 1902. 8°. 42 стр. („Унив. Изв.", № 3).

Францевъ, В. А. Остатки языка славянъ полабскихъ, собранные и объясненные Ф. Л. Челоковскимъ. (Спб. 1902. „Сбор. Отд. р. я. и слов", т. 70. № 3. стр. IV+1—26).

Хрущовъ, И. П. Сборникъ литературныхъ, историческихъ и этнографическихъ статей и замѣтокъ. Спб.

Чернышовъ, В. Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго уѣзда. I. Говоръ деревни Калужкина. II. Говоръ села Шалова. Спб. 1901. 8°. XV+216 стр. (Помѣщено много сказокъ, легендъ, разсказовъ, пѣсенъ и т. д.) „Сб. отд. р. я. и сл." т. 70. № 7.

Чтенія въ Историческомъ обществѣ Нестора-Лѣтописца. Кіевъ, больш. 8°. 1901. Кн. XV (вв. 1, 2. 3).

Шейнфайнъ, С. Л. Мишле Израель. Сборникъ еврейскихъ оригинальныхъ басенъ изъ Талмуда и Мидраша. обработ. по первоисточникамъ и изложен. въ стихахъ для еврейск. юнош. Книга 1-ая. Од. 1901.

Digitized by Google

Шмаковъ, И. Н. Замѣтка о народной медицинѣ на крайнемъ сѣверѣ Россіи: роды, дѣтскія болѣзни, и болѣзни взрослыхъ. („Вѣстникъ гигіены", кн. II 199—209 стр.).

Шурцъ, Генрихъ, д-ръ. Краткое народовѣдѣніе. Перев. съ нѣмецк. Изд. 2-е М. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Шухевич, Володимир, проф. Гуцульщина. Третья часть. 1901. Львів. 8°. 256 стр. (Наукове Товариство Ім. Шевченка у Львові: Матеріяли до Українсько-Руської етнології, видані етнографічної комісиї за редакциєю Хв. Вовка). Содержаніе: Родини, гуцульске весіля, гуцульскі струменти, гуцульскі танцї, гуцульскі пісні, смерть і похорони. (Въ книгѣ много рисунковъ).

Щ-въ, А. Матеріалы для библіографіи Томской губерніи. Вып. 1-й. Т. 1900 8°. 80 стр.

Щеголевъ, А. Тоже. Вып. 2. Т. 1901. 8°. 100+12 стр.

Щербатовъ, М. кн. Сочиненія. Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Томъ четвертый. Часть I. Спб. 1902. Ц. 3 р. 50.

Adler, Br. Der nordasiatische Pfeil. Leiden, Brill, 1902.

Andrae, A. Hausinschriften aus Holland, Emden, Haynet, 1902.

Bénazet, A. Le Théatre au Japon; ses rapports avec les cultes locaux. (Ann. du Musée Guimet, T. XIII) Paris. Leroux. 1901.

Bérard, V. Les Phéniciens et l'Odyssée. T. I. Paris, Collin, 1902.

Bericht über die Literatur zur Religionsgeschichte (оттискъ изъ Theolog. Jahresbericht) Berlin, Krüger, 1901.

Boas, Fr. The Eskimo of Baffin Land a. Hudson Bay. Bull. of the Am. Mus. of. Nat. His. Vol. 15. New-Iork. 1901.

Boas, Fr. a. Hunt G. Kwakiutl Texts. Mem. of the Am. Mus. of Nat. His. Vol. 5 New-Iork, 1902.

Bogusławski, E. Methode u. Hülfsmittel der Erforschung d. Vorhistorischen Zeit in d. Vergangenheit d. Slaven. Aus d. polnischen von Wl. Osterloff. Berlin, Costenoble, 1902.

Brandstetter, R. Tagalen u. Madagassen. Luzern, 1902.

Brensztein, Michał Eustachy. Cmentarzyska (кладбища) „Gargzdi-Kałnas" i „Szyluke" we wsi Iudsodzie w powiecie i parafii telszewskiej na Żmudzi. („Mat. antrop.-archeol. i etnograf." Krak. 1901 V 31—37 str).

Burghold, J. Ueber die Entwickelung der Ehe. Breslau. 1902.

Cabaton, A. Nouvelles Recherches sur les Chams. Publ. de l'Ecole Française de l'Etrême Orient. Paris; Leroux, 1901.

Czarnowski, Stanisław. Iaskinia „Okepy" Wielka nad rzeką Prądnikiem w. okolicy Ojcowa. („Mater. antrop-archeol. i etnogr. Krak 1901. 52—89. XI tabl.).

Das überseeische Deutshland. Die deutschen Kolonien in Wort u. Bild. Stuttgart, Berlin, Leipzig, 1902 (?) (популярн).

Delitzsch, Fr. Babel u. Bibel. Leipzig, Hinrichs, 1902.

Deutsche Erde. Beitr. z. Kenntniss deutschen Volkstums. Herausg. v. P. Langhans. Gotha, 1902.

Eichen, E. Die norddeutschen Volksstämme im Hausgewande. Stuttgart. Heimdall, 1902.

Encyclopaedia. Biblica. A Dictionary of the Bible. Edited by T. K. Cheyne a. J. Sutherland Black. T. III. London. 1902.

Federowski, Michał. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej, zgromadzone w latach 1877—1893. Tom II. Baśnie, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. Część I. Baśnie fantastyczno-mityczne. (Wydawnictwo Komisyi Antropologiczne Akademii Umiętności w Krakowie). 1902. 8°. XXXII+359 стр.

Ferrand, Cl. Fables et Légendes du Japon, Tokio, 1901.

Digitized by Google

Finnisch-Ugrische Forschungen Zeitschrit für f.-u. Sprach-und Volkskunde. B. II. H. I. 1902. 8⁰.

Franke, O, Beschreibung des Iehol-Gebietes in der Proviuz Chihli. (Китай), Lepzig, 1902.

Geiger, W. Litteratur u. Sprache der Singhalesen. (Grundriss d. Indo-Arischen Philologie u. Alterthumskunde. B. I. H 10) Strassburg, Trübner, 1901.

Gering, H. Ueber Weissagung u. Zauber im nordischen Alterthum, Kiel 1902.

Giamil, S. Monte Singar. Storia di un popolo ignoto, con note storiche. Roma. Loescher. 1900.

Grandidier, Al. Histoire physique, naturelle et politique de Madagascar. L'origine des Malgaches, Paris, 1901.

Gritzner, E. Symbole u. Wappen des alten deutschen Reiches. Leipzig, Teubner, 1902.

Gunkel, H. Die Sagen der Genesis. 2 Auf. Göttingen, 1901.

Hall, H. The oldest Civilization of Greece. Studies of the Mycenaean age. London, Nutt, 1901.

Hansen, Quellen u. Untersuchungen zur Gesch[illegible] Hexenverfolgung im Mittelalter, Bonn, Georg [illegible]hte des Hexenwahns u. der

Hartenstein, O. Studien zur Hornsage. H[illegible]. 1901.

Hiecli, Jac. Urgeschichte der Schweiz [illegible]idelberg Winter, 1902.

Hintner, V. Die St[illegible]baier Ortsnam[illegible] Zurich, 1901.

Kungsnamen. Wien. H[illegible]er. 19[illegible] [illegible]en mit Einschluss d. Flur- u. Gemar-

Histoire de l'art du Japon. [illegible] à l'Exposition Universelle d[illegible] Publiée par la Commission Impériale du Japon

Hoffmann-Krayer. Die V[illegible] [illegible]e Paris. 1900. Paris M. de Brunoff.

Höfler, M. Altgermani[illegible] [illegible]olkskunde als Wissenschaft. Zurich, 1902.

chichte der M[illegible] [illegible]sche Heilkunde. Jena, Fischer, 1902. (Handbuch d. Ges-

Hovorka v. Zderas. [illegible] Neuburger u. Pagel. B. I.).

tien. Wien. Ge[illegible]

Hunziker, J. [illegible] Volksmedizin auf der Halbinsel Sabbion cello in Dalma-

Hutter. Fr. [illegible] 1901 6pom.

Hutter, Fr. [illegible] Schweizerhaus. 2 Abschn. Das Tes in. Aarau. 1902.

[illegible] Stuttgart. 1902.

Jacob, G. [illegible] Wanderungen u. Forschungen im Nord Hinterlande von Kame-

[illegible] Vieweg, 1902.

Jacob, G. [illegible] Bibliographie über das Schattentheater. 2 Auf. Erlangen, 1902

[illegible] (popisab.)

Jacob. [illegible] Das Schattentheater in seiner Wanderung vom Morgenland zum

[illegible] Berlin, 1901.

Jahr [illegible] O. Oestliche Kulturelemente im Abendlande. Berlin, Mayer. u. Mül-

[illegible]

Ka[illegible]sbericht über die Entwickelung der deutschen Schutzgebiete in Afrika

[illegible] Sudsee im Jahre 1900 1901. Berl. Mittler, 1902.

K[illegible]lias, O. Die Wiederholungslieder der estnischen Volkspoesie. Helsingfors.

[illegible]

[illegible]atalog dzieł treści przysłowiowej składających bibljotekę Ignacego Bern-

[illegible] 2 t. Warszawa, 1900.

Kippenberg, Die Sage vom Herzog von Luxemburg u. die historische Per-

[illegible]lichkeit ihren Traegers. Leipzig, 1901.

Kirchhoff, A. Mensch u. Erde. Skizzen von d. Wechselbeziehungen zwischen

[illegible]den Lpz. Teubner, 1901

Krämer, A. Die Samoa Inseln. Stuttgart, 4 Lief. 1902.

Lampert, K. Die Völker d. Erde. 1 Lief. Stuttgart 1902, (?).

Langen, H. G. Die Key oder Kir Inseln d. Ostindischen Archipelage. Wien. 1901

Langer, I. Deutsche Volkskunde aus d. östlichen Böhmen. B. I. H 1 u 2. [illegible]rauau 1901.

Lehmann, Filhe's, Marg. Ueber Brettchenweberei. B. Reimer, 1901.

Leite de Vasconcellos I. Estudos de philologia mirandesa. Lisbôa, 1900 - 1901.

Digitized by Google

Lerond, H. Lothringische Sammelpappe. № 2–10. 1891—1901.

Maas, A. Bei liebenswürdigen Wilden. Berlin. Süsserott, 1902.

Mac Ritchie, D. The Testimony of Tradition, London, Kegan, French, Trübner, 1900.

Mac Ritchie, Fians. Fairies a. Picts. London. Kegan; French, Trübner, 1893.

Martin, R. Anthropologie als Wissenschaft u. Lehrfach. Eine akademische Antrittsrede. Jena, Fischer, 1901.

Maynadier, G. H. The Wife of Bath's Tale, its Sources and Anologues. London, Nutt (Grimm Library) 1901.

Mehlis, C. Von den Burgen der Pfalz. Freiburg in B. Lorenz, 1902.

Merker, M. Rechtsverhältnisse u. Sitten d. Wadschagga. Gotha, J. Perthes, 1902.

Much, M. Die Heimath der Indogermanen, im Lichte der urgeschichtlichen Forschungen. Berlin, Costenoble, 1902.

Müller-Brauel. Niedersächsische Volkstrachten. Bremen, Schünemann.

Murad, Fr. Ararat u. Masis. Studien zur armenischen Alterthumskunde u. Literatur. Heidelberg, 1901.

Neumann, L. Der Schwarzwald. Bielefeld u. Leipzig, 1902 (популяр.).

Nicolay, F. Histoire des croyances et des coutumes. 3 vol. Paris, 1901.

Pavolini, P. Mahâbhârata. Episodi scelti e traditti, collegati col racconto dell'intero poema. Milano, Palermo e. Napoli. Sandron, 1902.

Pène-Siefert, J. Jaunes et Blancs en Chine. Les Jaunes. Nancy, Berger-Levrault, 1902.

Peterson. Latweeschu mahte ar behrnu. Мать и дитя въ вѣрованіяхъ латышей. Митава, 1901.

Poppe, F. Zwischen Ems u. Weser. Land u. Leute in Oldenburg u. Ostfriesland. 2 Auf. Oldenburg u. Leipzig. 1902.

Reclus, El. et. On. L'Empire du Milieu. Paris, Hachette, 1902 (?).

Reinisch, L. Die Somalisprache, I. Texte. 1900. II Wörterbuch. 1902. Wien. Hölder.

Rijks. Ethnographisch Museum te Leiden. Verslag van den Directeur over het tijdvak van 1 Oct. 1900 tot 30 Sept. 1901 Met 16 platen. 's Gravenhage. 1901. 8°. 57 crp.

Rutkowski, Leon. Charakterystyka antropologiczna ludności wiejskiej (nieschlacheckiej) płońskiego i sąsiednich powiatów, gub. płockiej. („Materyały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne" W. Krakowie, tom V 1901 str. 1—31 str.).

Sagen aus dem alten Irland übers. v. R. Thurneysen. Berlin, Wiegandt u. Grieben, 1901.

Samter E. Familienfeste der Griechen u. Römer. Berlin, Reimer, 1901.

Schoenfeld, E. Der isländische Bauernhof u. sein Betrieb zur Sagazeit nach d. Quellen dargestellt. Strassburg, Trübner, 1902.

Schurtz, H. Altersklassen u. Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen d. Gesellschaft. Berlin, 1902.

Sewell. R. A. Forgotten Empire. (Vijayanagar), a contribution to the History of India. London, 1900.

Sievers W. u. Kükenthal, W. Australien, Ozeanien u. Polarländer. 1 Lief. Leipzig u. Wien, 1902.

Söderblom, N. La vie future d'après le Mazdéisme, à la lumière des croyances parallèles dans les autres religions. Etude d'eschatologie comparée. T. 1901. (Annales du Musée Guimet. T. IX).

Suau, P. L'Inde Tamoule. Paris, 1901.

Supper, K. Mittelamerikanische Reisen u. Studien aus d. Jahren 1888—1900. Braunschweig, Vieweg, 1902.

Tetzner, Fr. Die Slawen in Deutschland. Beiträge z. Volkskunde d. Preussen, Litauer, Letten, der Masuren u. Philipponen, d. Tschechen, d. Mährer u. Sorben, Polaben u. Slowinzen, Kaschuben u. Polen. Braunschweig. 1902.

Digitized by Google

Thilenius, G. Ethnographische Ergebnisse aus Melanesien. Nova Acta Abh. d. Kais. Leop. Carol. Deutschen Akademie d. Naturforscher. Halle, 1902.

Voth, H. K. The oraibi powamu ceremony: The Stanley Mecormick opi expedition. Chicago. December 1901. 8°. 158 стр. (со многими фототипиями). (Field Columbian Museum Publication 61. Antropological Series. Vol. III № 2).

Wawrzeniecki Maryan. Drobne wiadomości o wykopaliskach przedhistorycznych w Królewstwie Polskiem. („Mater. antr-arch. i. etnogr". Krk. 1901. V. 36—52.).

Wilhelm E. a. Bomonji Byramji Patel, Catalogue of Books on Irânian Literature published in Europe a. India. Bombay, 1901.

Wimmer, De danske Runemindesmaerker. Kobenhaven. 1899—1901.

Winckler, H. Himmels u. Weltenbild d. Babylonier als Grundlage d. Weltanschauungen u. Mythologie aller Völker. Lpz. Hinrich. 1901.

Wundt, W. Sprachgeschichte u. Sprachpsychologie mit Rücksiht auf B. Delbrücks „Grundfragen d. Sprachforschung". Leipzig, Engelmann, 1901.

Zemmrich, J. Sprachgrenze u. Deutschtum in Böhmen. Braunschweig, Vieweg. 1902.

Zürcher, G. Kinderlied u. Kinderspiel im Kanton Bern. Zürich, Cotti, 1902.

Digitized by Google

ХРОНИКА.

XII-ый археологическій съѣздъ открылся въ Харьковѣ 15 августа текущаго года. Послѣ обычныхъ привѣтствій предсѣдательница московскаго предварительнаго комитета съѣзда, гр. Пр. Серг. Уварова, прочитала отчетъ о дѣятельности этого комитета, равно и проф. Д. И. Багалѣй—о дѣятельности Харьковскаго комитета. Оба докладчика указали на чрезвычайную трудность, какую пришлось испытать въ дѣлѣ устройства Харьковскаго съѣзда. Необслѣдованность «половецкой степи», т. е. Харьковской и смежныхъ губерній, значительное отсутствіе коллекцій древности ослабляли интересъ съѣзда; но сочувствіе, встрѣченное ими всюду, дало всеже возможность достигнуть немаловажныхъ результатовъ: устроить богатую и разнообразную выставку, организовать этнографическій отдѣлъ съѣзда, привлечь много интересныхъ и важныхъ докладовъ. Труды Харьковскаго комитета уже изданы въ двухъ томахъ подъ ред. Е. К. Рѣдина. Изданъ также «Южнорусскій орнаментъ» П. Я. Литвинова и «Атласъ Х-го намѣстничества».

Открывшаяся при съѣздѣ выставка имѣла 8 отдѣловъ: 1. Древности, добытыя изъ раскопокъ, и случайныя находки. Здѣсь собраны предметы изъ раскопокъ могильниковъ Харьк. губ.; могильники относятся къ различнымъ эпохамъ—отъ каменнаго, бронзоваго и начала желѣзнаго періодовъ до X—XII вѣковъ (могилы кочевниковъ). 2. Церковныя древности изъ церквей и монастырей Харьк. губ. не древнѣе конца XVII вѣка. 3. Историческія древности: портреты, виды, картины, коллекціи оружія и проч. 4. Нумизматика—преимущественно монеты, найденныя въ Харьков. губ. 5. Этнографія. Здѣсь помѣстились манекены малороссовъ, бѣлоруссовъ и великороссовъ, малороссійскія хаты въ натуральную величину съ полной обстановкой, костюмы, предметы домашняго хозяйства, рыболовныя принадлежности, фотографіи видовъ, типовъ и т. д. 6. Старопечатныя книги, преимущественно изъ церквей Харьковской епархіи. 7. Рукописи—преимущественно изъ мѣстныхъ церквей и собраній. 8. Картографія.

Въ засѣданіи 16-го августа заслушанъ докладъ В. А. Городцова: «Погребенія съ конемъ въ Европейской Россіи». Обрядъ этотъ въ предѣлахъ южной Россіи докладчикъ относитъ къ концу бронзовой эпохи (ко второй половинѣ 2-го тысячелѣтія до Р. Х.), при чемъ въ это время погребался съ покойникомъ не цѣлый конь, а только часть его. Болѣе,

Digitized by Google

чѣмъ у другихъ славянъ, обычай этотъ распространялся у кривичей. Вывелся онъ въ XIII—XIV вѣкѣ по Р. Х. Раскопки Михайловскаго могильника (подъ Ярославлемъ) даютъ полную иллюстрацію погребенія богатаго русса, которое описалъ еще Ибнъ-Фоцланъ.

Затѣмъ, вмѣсто отсутствовавшаго В. В. Хвойко, проф. И. А. Линниченко доложилъ его рефератъ: «Городища средняго Приднѣпровья, ихъ значеніе, древность и народность». Размѣры городищъ разные: отъ 4 тыс. кв. метровъ до 200 тыс. кв. метр. Они относятся къ разнымъ эпохамъ: великокняжеской и другимъ, даже къ древнѣйшей скиѳской. Докладчикъ думаетъ, что назначеніе городищъ достовѣрно опредѣлить трудно: вѣроятно, это были оборонительные пункты. Народность, судя по найденнымъ въ нихъ предметамъ древности, опредѣлить можно, но это еще не значитъ, что и сооруженіе городищъ принадлежитъ этимъ народностямъ. Найдены предметы скиѳской и готской культуры. Древнѣйшей культурой является лишь культура погребальныхъ площадокъ и земляновъ, со всѣми признаками древне-арійскаго характера. Повсюду въ изслѣдуемой мѣстности встрѣчался народъ, отличавшійся устойчивостью обряда и обладавшій опредѣленной культурой, опиравшейся на земледѣліе. Отсюда и выводъ: народъ, никогда за все указанное время не покидавшій своего мѣста пребыванія, естественно долженъ быть арійскаго происхожденія, а именно—древніе славяне. На этомъ докладѣ были высказаны замѣчанія и сомнѣнія В. З. Завитневичемъ и Э. Р. фонъ-Штерномъ.

Въ вечернемъ засѣданіи 4-го отдѣленія съѣзда (бытъ домашній, хозяйственный, общественный, юридическій и семейный) В. Н. Поливановъ прочелъ рефератъ: «Очеркъ казацкой колонизаціи въ Симбирскомъ поволжьѣ». Первыя извѣстія о поволжскомъ казачествѣ относятся къ 1372 году. Во времена же Грознаго мещерскіе и касимовскіе казаки нападали на ногайскихъ князей и мурзъ. Въ составъ симбирскаго казачества вошли донскіе и днѣпровскіе казаки; выходъ въ другія сословія не былъ стѣсненъ; въ хозяйственномъ быту интересно указаніе на разведеніе тутовыхъ деревьевъ. Въ 1658 г. часть этихъ казаковъ была переселена на Терекъ и положила начало терскому казачеству. Другая часть позднѣе была переведена въ Азовъ и пополнила собою донское казачество; они же послужили къ образованію оренбургскаго казачьяго войска.

Проф. С. Ѳ. Платоновъ, по поводу прочитаннаго реферата, высказалъ мысль, что нужно строго различать различные виды казачества въ Поволжьѣ XVI—XVII вв. Упоминаемые въ лѣтописи XV вѣка московскіе казаки несомнѣнно были татары, служившіе въ Москвѣ.

Въ XVI вѣкѣ появляются на «Полѣ» и на Волгѣ «многіе люди казаки» русскаго происхожденія: станицы не отличаются подвижностью и потому неспособны къ колонизаціи. Рядомъ съ ними на московскихъ окраинахъ быстро умножаются казаки «служилые» или «городовые»—особый видъ пограничной милиціи. Служилые казаки отличались отъ вольницы какъ хозяйственнымъ бытомъ, такъ и служебной организаціей. Они представляли особый «чинъ» «приборной» службы. Только объ этомъ

Digitized by Google

чинѣ и можетъ быть рѣчь, когда говорятъ о правительственной колонизаціи сибирскаго поволжья. Вольные казаки нападали на это поволожье не для хозяйственныхъ занятій, а для грабежей. Х. И. Поповъ сообщилъ: «Краткій историч. очеркъ казачьихъ поселеній на Дону.

17-го августа проф. А. Н. Красновъ сдѣлалъ сообщеніе «объ эволюціи крестьянскихъ построекъ въ Харьковской губ.» (съ демонстраціей фотографій). Е. П. Раданова сообщила объ этнографической экскурсіи въ Екатеринославскую губернію для собиранія этнографическихъ коллекцій. Л. В. Падалка сдѣлалъ сообщеніе: «Что сказалъ народъ Полтавской губерніи относительно своего быта». Основное населеніе губерніи называло себя «казаками» и «мужиками»; великороссъ называется «рускы»»; «малороссъ» — названіе книжное, мало знакомое народу; «хохлы» часто понимается какъ бранное слово; мѣстами еще попадается названіе «запорожское поколѣніе». Измѣненія въ бытѣ народа происходятъ медленно и главнымъ образомъ у зажиточныхъ крестьянъ.

Въ вечернемъ засѣданіи секціи церковныхъ древностей, послѣ вступительной рѣчи проф. Н. В. Покровскаго, сдѣлалъ докладъ Н. П. Троицкій о древнѣйшемъ храмѣ Херсонеса Таврическаго по результатамъ новѣйшихъ раскопокъ. Въ этихъ развалинахъ докладчикъ видитъ русскую Помпею и даже русскій древній Римъ. Референтъ остановился подробно на рисункѣ «древо жизни», исторіи и значеніи этого заимствованнаго съ Востока символа.

А. С. Хахановъ сообщилъ о своихъ изысканіяхъ на Аѳонѣ для изученія грузинскихъ рукописей въ иверскомъ монастырѣ, основанномъ въ IX вѣкѣ (между прочимъ, списокъ библіи 987 г., по сравненію съ греч. библейскимъ текстомъ, указываетъ на переводъ съ сирійскаго языка).

18-го августа состоялась поѣздка членовъ съѣзда на Донецкое Городище, гдѣ, по сказаніямъ, отдыхалъ князь Игорь Новгородъ-Сѣверскій, бѣжавшій изъ половецкаго плѣна. Открыты были слѣды землянокъ и очаговъ съ остатками горшковъ, костей лося, быка, медвѣдя, свиньи, лошадей, рыбъ. Вскрытыя по близости могилы указали на языческое погребеніе—съ горшкомъ и головой барана у ногъ покойника

19 августа въ засѣданіи секціи древностей классическихъ и византійскихъ (почетный предсѣдатель проф. Ю. А. Кулаковскій) проф. В. П. Бузескулъ сообщилъ: «Историческій процессъ съ точки зрѣнія греческихъ историковъ». В. И. Савва сдѣлалъ сообщеніе «Выходъ византійскихъ и московскихъ царей въ праздникъ Рождества». Рѣчь шла о вліяніи византійскаго народа на московскій. Мнѣнія референта и оппонентовъ разошлись.

Въ засѣданіи секціи церковныхъ древностей прочитали доклады: А. М. Остроумовъ «Къ вопросу о происхожденіи греческаго текста, послужившаго оригиналомъ для текста славянской печатной «кормчей» и проф. А. М. Голубцовъ: «О мѣстѣ среди церкви, въ связи съ вопросомъ о происхожденіи орлеца».

Вечеромъ было засѣданіе этнографическаго отдѣленія съ участіемъ кобзарей, лирниковъ и другихъ исполнителей народной музыки и пѣнія.

Digitized by Google

Послѣ вступительной рѣчи проф. А. Н. Краснова, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ прочелъ замѣтку о кобзаряхъ Харьковской губ., а г. Ивановъ и И. М. Хоткевичъ «Нѣсколько словъ о бандуристахъ и лирникахъ». Послѣ докладовъ состоялось музыкальное отдѣленіе; особенный успѣхъ имѣли бандуристы Терентій Пархоменко и Михайло Кравченко.

20 августа проф. Э. Р. фонъ-Штернъ прочелъ сообщеніе о своихъ раскопкахъ въ имѣніи г-жи Бузни (Петрёны, Бѣлецкаго уѣзда, Бессар. губ.), сдѣлавъ предположеніе, что въ находкахъ его мы имѣемъ древнѣйшую культуру грековъ, до-микенскую, болѣе древнюю, чѣмъ троянская.

Въ засѣданіи секціи первобытныхъ древностей В. И. Сизовъ сдѣлалъ сообщеніе: «Гончарное дѣло въ Гнѣздовскихъ курганахъ Смоленской губерніи». В. З. Завитневичъ сообщилъ «О культурномъ вліяніи Византіи на бытъ русскихъ славянъ курганнаго періода».

Въ засѣданіи IV-й секціи А. Я. Ефименко сдѣлала докладъ. «О литовско-русскихъ данникахъ и ихъ бытѣ», а Л. В. Падалка «Историческая обстановка формированія стараго народнаго быта въ Полтавщинѣ». Авторъ видитъ три элемента: 1) старорусскій, 2) элементъ тюркскихъ, чернобуцкихъ и другихъ потомковъ степняковъ и 3) элементъ пятигорскихъ черкасъ (въ концѣ XIV в.; отсюда—«черкасскій край»). Докладчикъ отмѣтилъ періодъ Вишневетчины, какъ начальный моментъ въ формированіи стараго для нашего времени народнаго быта въ Полтавщинѣ; этотъ моментъ подготовилъ продолжающуюся и до настоящаго времени историческую традицію формированія типа, именуемаго «малорусскимъ».

Въ засѣданіи VI-ой секціи (памятники языка и письма) Д. И. Абрамовичъ сообщилъ «О чертахъ южно-русскаго до-монгольскаго быта по даннымъ житійной литературы». Авторъ смотритъ на русскую житійную литературу, какъ на далеко не безразличный историческій источникъ, видя въ ней много чертъ, краснорѣчиво характеризующихъ свою эпоху въ политическомъ, общественномъ и бытовомъ отношеніяхъ.

Н. С. Державинъ сдѣлалъ докладъ: «Степенная книга, какъ литературный памятникъ». (Укажемъ, что и П. Г. Васенко уже почти закончилъ изслѣдованіе Степенной книги по многимъ спискамъ).

21 августа въ засѣданіи секціи географіи и исторической географіи (почетный предсѣдатель Н. А. Янчукъ) В. Н. Мочульскій прочиталъ рефератъ: «Смерть казака по народнымъ пѣснямъ и думамъ», В. И. Василенко: «Къ вопросу объ областной этнографіи». Г. Василенко проводитъ мысль о необходимости организаціи по губерніямъ обществъ любителей изученія края для всесторонннхъ мѣстныхъ изслѣдованій и для собиранія матеріаловъ по этнографіи, а также устройства мѣстныхъ этнографическихъ музеевъ при содѣйствіи земствъ.

22 августа въ зданіи I-ой секціи (поч. предсѣдатель В. И. Сизовъ) А. М. Покровскій доложилъ о Верхне-Салтовскомъ могильникѣ».—Весь характеръ погребенія въ могильникѣ аналогиченъ съ погребеніемъ въ могильникахъ Сѣв. Кавказа, почему можно заключить, что Верхне-Салтовскій могильникъ принадлежалъ какимъ-нибудь кочевникамъ.

Digitized by Google

Въ III-ей секціи доложенъ былъ рефератъ проф. К. К. Рѣдина. «Религіозные памятники искусствъ Харьковской губерніи». Отмѣчая въ различныхъ памятникахъ сильное западное вліяніе, докладчикъ полагаетъ, что оно находитъ себѣ достаточное объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что Харьковская губернія въ значительной степени заселилась выходцами изъ-за польскаго рубежа; есть свидѣтельство и Павла Алепскаго о томъ же западномъ вліяніи въ памятникахъ «казацкой живописи». Въ засѣданіи секціи памятниковъ языка и письма А. К. Бородинъ прочиталъ рефератъ «о современныхъ задачахъ изученія старой русской литературы». Въ исторіи древней русской словесности мы имѣемъ сейчасъ литературную «статику», а нужно имѣть литературную «динамику». Нужно обратить вниманіе на воздѣйствіе писателя на среду (публицистика, проповѣдь, поэзія).

Въ засѣданіи секціи славянскихъ древностей А. Л. Липовскій сдѣлалъ сообщеніе: «Параллель къ южно-русскому казачеству въ исторіи славянъ». Параллель эту авторъ видитъ въ ускокахъ, славянахъ—бѣглецахъ отъ турецкаго ига, съ конца XIV по XVII в., дѣйствовавшихъ на побережьѣ Далматіи. Въ народной памяти адріатическихъ славянъ ускоки представляются оплотомъ христіанства и поборниками правды.

23 августа сообщили: проф. С. Ѳ. Платоновъ «Къ вопросу о Никоновомъ сводѣ», проф. Д. Я. Самоквасовъ «Русское архивное законодательство», Е. П. Трефильевъ «Археологическая экскурсія въ Купянскій уѣздъ» (погребенія каменнаго вѣка, римской эпохи II—III вв. по Р. Х. и кочевническія), Н. И. Веселовскій «Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества на сѣв. Кавказѣ» (Погребенія устроены на рѣкахъ, главн. обр. Кубани; Птоломей упоминаетъ два города по среднему теченію Кубани—Vardanes fl.—Corusia и Ebriapa и третій дальше—Seraca; одно изъ открытыхъ референтомъ погребеній относится, какъ онъ думаетъ, ко II—III в. по Р. Х.)

А. Ѳ. Музыченко доложилъ «Наблюденія надъ народнымъ творчествомъ крымскихъ болгаръ». А. І. Степовичъ «Къ литературной исторіи Краледворской рукописи.

Е. Ѳ. Карскій доложилъ сообщеніе «Къ вопросу о распространеніи русскихъ нарѣчій», Г. Ю. Тиховскій «Малорусскія и западно-русскія учительныя евангелія», Л. Г. Лопатинскій «О нѣкоторыхъ суффиксахъ русскаго языка, образовавшихся подъ вліяніемъ кавказскихъ языковъ», А. М. Кадлубовскій «О старопечатныхъ южно-русскихъ тріодяхъ».

24 августа Е. Н. Мельникъ-Антоновичъ прочла докладъ «Раскопки въ Ахтырскомъ и Купянскомъ у.у»., проф. Д. И. Богалѣй «Объ археологической картѣ Харьковской губерніи», А. М. Покровскій «Раскопки въ Зміевскомъ уѣздѣ».

В. М. Сысоевъ прочелъ рефератъ: «Киммерійцы», проф. М. Г. Зиланскій прочиталъ рефератъ «Славянскія пѣсни о смерти Марка Кралевича» (южно-славянскія пѣсни, по мнѣнію референта, излагаютъ историческій сюжетъ о смерти Роланда, занесенный на полуостровъ въ эпоху крестовыхъ походовъ).

Digitized by Google

25 августа состоялась экскурсія въ имѣніе г. Харитоненка, въ д. Ницаху Ахтырскаго у., гдѣ и произведены были раскопки. Вскрыто было нѣсколько кургановъ и въ нихъ открыто 11 погребеній.

26 августа Д. Я. Самоквасовъ прочиталъ рефератъ «О будущей архивной реформѣ», Д. И. Богалѣй «Объ основаніи г. Харькова».

27 августа состоялось заключительное засѣданіе съѣзда и закрытіе его. Послѣ закрытія члены съѣзда чествовали своего предсѣдателя гр. П. С. Уварову.

Б.

Открытіе Семипалатинскаго Подъотдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества состоялось 31 марта текущаго года. Вопросъ объ открытіи его былъ поднятъ еще въ 1898 году. Въ первомъ засѣданіи былъ выслушанъ докладъ т. *Зобнина*: «О рабствѣ въ киргизской степи». („Спб. Вѣд.“).

Программа 2-го областного Тверского археологическаго съѣзда, выработанная организаціоннымъ Комитетомъ, касается слѣдующихъ пунктовъ: I. Первобытныя древности (каменный вѣкъ; курганная эпоха). II. Областная исторія. III. Живая старина (особенности языка, обряды, обычаи, повѣрья, пѣсни, преданія и сказки). IV. Памятники церковной и гражданской старины (зодчество, надгробные и другіе памятники, иконопись, домашняя утварь и одежда). V. Областная этнографія (изслѣдованіе современнаго этнографическаго состава населенія области и его прошлаго). VI. Вопросы архивовѣдѣнія. VII. Архивныя комиссіи и ихъ современное положеніе. Для экскурсій комитетъ намѣтилъ Торжокъ, Старицу, Ржевъ, Калязинъ, Кашинъ и Красный Холмъ („Спб. Вѣд.“).

Музей антропологіи и этнографіи при Императорской Академіи Наукъ въ маѣ мѣсяцѣ подвергся спѣшному ремонту. Противъ прежнихъ, новыя помѣщенія музея будутъ вдвое обширнѣе, такъ какъ для него отведенъ еще цѣлый нижній этажъ, гдѣ раньше помѣщался книжный складъ. Въ новомъ помѣщеніи музея будетъ выставлено много цѣнныхъ коллекцій, которыя, за отсутствіемъ мѣста, находились раньше въ кладовой. Въ верхнемъ этажѣ музея будутъ находиться отдѣлы Южной Азіи, (Океаніи), Африки и Австраліи, въ нижнемъ—Сѣверной Азіи и Америки. Несмотря на значительное расширеніе, музей все еще не удовлетворяетъ своему назначенію, такъ какъ много вещей, въ томъ числѣ и коллекцій по этнографіи, не будутъ въ немъ выставлены. („Спб. Вѣд.“).

Новый конкурсъ на премію имени Н. И. Костомарова за составленіе «Словаря малорусскаго нарѣчія», съ объясненіемъ словъ на русскомъ языкѣ, объявленъ Академіей Наукъ на три года. Срокъ представленія

Digitized by Google

трудовъ назначенъ на 1 января 1905 года. Премія состоитъ изъ 4,000 рублей вмѣстѣ съ процентами, которые наростутъ на эту сумму съ 1881 года по день присужденія премія. („Спб. Вѣд.“).

„Русь-Украіна и Московщина“, вышедшая въ 1901 году въ изданіи русинскаго общества «Просвіта», повела къ столкновенію между русинами и мѣстными галиційскими властями, а также къ оживленной полемикѣ въ польской и галиційской печати. Причиной тому послужило содержаніе названной брошюры, желавшей удостовѣрить, что русинскій народъ представляетъ самостоятельную народность, ничего общаго съ великорусской не имѣющую. („Спб. Вѣд.“).

Антропологическое Общество основалось лѣтомъ 1902 г. въ Питсбургѣ; оно примкнуло къ American Association for the Advancement of Science. Въ составъ новаго общества вошли наиболѣе выдающіеся американскіе антропологи и этнографы. Президентомъ избранъ Mac Gee, вицепрезидентами Putnam, Boas и Holmes, секретаремъ—Dorsey (Globus).

XIII международный конгрессъ оріенталистовъ происходилъ съ 4-го по 10-е сентября нов. ст. текущаго года въ Гамбургѣ. Первый съѣздъ лицъ, занимающихся изученіемъ востока, по иниціативѣ проф. Léon de Rosny, былъ созванъ въ Парижѣ въ 1873 году. Съ этого времени программа съѣздовъ все расширялась, и уже на послѣднемъ конгрессѣ въ Римѣ (1889) въ нее вошла секція для изученія эволюціи языковъ и культуры американскихъ племенъ (въ связи съ эволюціей языковъ и культуры азіатскихъ племенъ). На Гамбургскомъ конгрессѣ фигурируютъ слѣдующія девять секцій: 1) лингвистика, общая индо-европейская секція, 2) Индія, Иранъ, 3) Индо-Китай и Океанія, 4) Центральная и Восточная Азія, 5) общая семитическая секція, 6) исламитская секція, 7) египетскіе языки, африканскіе языки, 8) взаимное вліяніе между Востокомъ и Западомъ, 9) колоніальное дѣло.

По предложенію администраціи Германскаго Восточнаго Общества («Deutsche Morgenländische Gesellschaft»), назначены были для подготовительныхъ работъ каждой секціи отдѣльные предсѣдатели: проф. Б. Бругманъ (секція литвистики), проф. Г. Ольденбергъ (индійская), проф. К. Крумбахеръ (8-я секція). Доклады допускались на нѣмецкомъ, англійскомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ. Предложенія докладовъ (съ краткими resumé содержанія) направлялись генеральному секретарю конгресса Dr. F. Sieveking—Hamburg, Börsenbrüke, 2.

Конгрессъ оріенталистовъ. Съ 1—6-е декабря 1902 г. въ Ганои будутъ происходить засѣданія международнаго конгресса оріенталистовъ. Это первая попытка, быть можетъ, нѣсколько смѣлая своей новизной,

Digitized by Google

созвать ученыхъ такъ далеко отъ европейскаго культурнаго міра. Нельзя, однако, не признать, что дальняя поѣздка съ избыткомъ можетъ вознаградить всякаго оріенталиста, рѣшившагося пуститься въ это путешествіе. Французское правительство Индо-Китая, заинтересованное въ успѣхѣ своего предпріятія, обставило поѣздку на конгрессъ очень большими льготами: такъ, напримѣръ, всѣ лица, командированныя правительствомъ, учеными обществами и т. д., получаютъ право на безплатный проѣздъ въ первомъ классѣ до Ганои; члены конгресса, не командированные, пользуются скидкой на проѣздныхъ билетахъ и въ пароходныхъ буфетахъ въ размѣрѣ 33%.

Къ изученію мусульманства. Въ Парижѣ появилось новое изданіе: La Revue Franco-Musulmane et Saharienne. Цѣль его—изученіе мусульманскаго міра, съ политической и религіозной стороны, ознакомленіе широкихъ круговъ французской публики съ этимъ міромъ и съ задачами Франціи въ мусульманскихъ странахъ Африки. Подписная цѣна 15 фр. (18 фр. за границей). Адресъ редакціи: Paris, 5, Square de l'Opèra. (Rev. de l'Hist. des Rel.).

Къ изученію Сіама. Въ Bulletin de l'Ecole française d'Extrême Orient T. II, № 2 за 1902 г. читается любопытное описаніе музеевъ въ столицѣ Сіама Бангкокѣ. Музеямъ отведены два строенія въ королевскомъ дворцѣ Ванъ На. Въ одномъ изъ нихъ размѣщены коллекціи зоологическія и геологическія и богатое собраніе этнографическихъ предметовъ: матеріи, костюмы, оружіе, музыкальные инструменты и пр., издѣлія бронзовыя, фарфоровыя, образцы рѣзьбы по дереву и плетенія. Въ другомъ зданіи хранятъ знаменитыя бронзы изъ Saj—janolaya, одежды, надѣваемыя во время торжественныхъ церемоній, богато украшенныя кресла, театральныя маски и шлемы, множество небольшихъ статуэтокъ изъ бронзы, хрусталя и нефрита и пр. Въ королевской пагодѣ Prah Keo хранятся также многіе интересные для этнографа предметы: множество идоловъ и др. вещицъ, размѣщенныхъ въ стеклянныхъ шкафахъ. Тутъ же можно видѣть старинныя скульптуры, а также подлинную стелу изъ Angkor-ы съ изображеніемъ появленія на свѣтъ Будды. (Globus).

Къ этнографіи гайда. Въ высшей степени цѣнные для науки результаты добыты изслѣдованіями F. R. Swanton въ области, населенной индѣйскимъ племенемъ гайда. Суэнтонъ провелъ больше года среди гайдаховъ острововъ королевы Шарлотты и сѣверо-зап. побережья С. Америки. Имъ собраны богатые матеріалы по обычаямъ и обрядамъ гайдаховъ, вѣрованьямъ и миѳологіи, по языку ихъ. Суэнтону удалось записать объясненіе высокихъ тотемическихъ столбовъ, которыми украшены дома гайдаховъ. При этомъ Суэнтону пришлось предъявлять туземцамъ

Digitized by Google

для объясненія фотографій различныхъ этнографическихъ предметовъ, находящихся въ настоящее время въ различныхъ коллекціяхъ, такъ какъ подлинныхъ предметовъ въ настоящее время осталось очень мало среди туземнаго населенія (Globus).

Къ изученію народной драмы въ Японіи. Томомъ XIII «Annales du Musée Guimet» вышелъ обстоятельный трудъ Al. Bénazet: Le Théâtre au Japon, ses rapports avec les cultes locaux. (Paris, Leroux, 1901), украшенный многочисленными иллюстраціями японскихъ художниковъ. Авторъ знакомитъ читателя съ исторіей театральнаго искусства и литературы и съ современной постановкой театральнаго дѣла въ Японіи. Онъ подробно разсматриваетъ различные виды драматическихъ произведеній японцевъ: мистеріи (matzouri), причемъ сравниваетъ ихъ съ народными религіозными представленіями другихъ странъ; драму религіозную (nô) и драму свѣтскую (shibaï) съ XII в. до нашихъ дней. Добросовѣстно исполненный трудъ, основанный на изученіи многочисленныхъ источниковъ, составляетъ цѣнный вкладъ въ научную литературу объ Японіи; онъ даетъ также много интереснаго матеріала для исторіи религіи (Le Muséon. Rev. de l'H. des Rel.).

«Le Muséon» обращаетъ вниманіе на вышедшее въ Бомбеѣ (Education Society's Press, 1901) цѣнное изданіе: Wilhelm E. a. Bomonji Byramji Patel, Catalogue of Books on Irânian Literature published in Europe a. India. Этотъ библіографическій указатель (въ 125 стр.) заключаетъ въ себѣ названія не только книгъ и брошюръ, но и статей въ періодическихъ изданіяхъ до 1898 г. по религіи, языкамъ, литературѣ, исторіи и древностямъ иранскихъ народностей.

Камни-деньги. Бременскій городской музей недавно обогатился новымъ интереснымъ предметомъ: каменными пластинками, замѣняющими деньги. Доставлены эти камешки-деньги съ западнаго побережья Африки, изъ области, населенной евеянами. Камни-деньги до сихъ поръ встрѣчены были изслѣдователями лишь въ одномъ мѣстѣ земного шара, а именно въ западной части Тихаго Океана. У евеянъ каменныя деньги встрѣчаются не часто; они были найдены всего въ одной мѣстности области разселенія евеянъ, въ Аватимѣ. Находятъ ихъ преимущественно въ землѣ; старики туземцы говорятъ, что они были въ общемъ употребленіи до введенія новой монеты—раковины ужовки (каури). Болѣе молодые же помнятъ только, что такія пластинки носили въ видѣ украшенія. Камешки Бременскаго музея представляютъ изъ себя округлыя и отшлифованныя болѣе или менѣе тщательно пластинки съ крохотнымъ отверстіемъ посрединѣ (для нанизыванья?). Вокругъ отверстія съ обѣихъ сторонъ сдѣлано воронкообразное углубленіе, надъ которымъ навѣрное пришлось потрудиться не мало. Нѣкоторыя интересныя данныя относительно каменныхъ денегъ,

Digitized by Google

изготовляемыхъ на о-вахъ Палау, сообщаетъ Kolonialblatt (1. XII. 1901). Изготовленіе денегъ изъ камня требуетъ не мало искусства; цѣнится величина и тонина камня. Самые большіе изъ нихъ достигаютъ 4 м. въ поперечникѣ и называются fä; но каждый изъ такихъ камней имѣетъ еще собственное наименованіе. Подобные камни-деньги перевозятся съ мѣста изготовленія (о-въ Палау) на Яп; для этого ихъ нагружаютъ на плоты, которые везутъ на буксирѣ туземцы, сидя въ челнахъ. Цѣна одному такому камню доходитъ до $83^1/_2$ марокъ. Множество камней-денегъ находятся въ частной собственности туземцевъ или ими владѣютъ отдѣльныя деревни. Небольшія деревни не имѣютъ права пріобрѣтать себѣ камни, превышающіе извѣстную величину. Нѣмецкое колоніальное управленіе взимаетъ штрафы этими деньгами и платитъ ими при производствѣ туземцами общественныхъ работъ. Камень, полученный управленіемъ, мѣтится буквами B A (Bezirkamt) и оставляется на мѣстѣ. При уплатѣ буквы B A зачеркиваются (Globus).

Бумага на Мадагаскарѣ. Въ Globus-ѣ (1902, 10) находимъ интересное сообщеніе объ изготовленіи писчей бумаги хорошаго качества изъ древесной коры однимъ изъ древнѣйшихъ племенъ Мадагаскара, антаиморо. Изготовленіемъ этой бумаги, напоминающей пергаментъ, занимается лишь небольшое количество лицъ, которыя всѣ считаютъ себя потомками одной семьи; секретъ приготовленія строго соблюдается ими. Отдѣльные листы этой бумаги сшиваютъ, на нихъ пишутъ семейныя преданія, описанія пережитыхъ битвъ, совѣты и предписанія прадѣдовъ и т. п. Такія тетрадки берегутся и передаются по наслѣдству. Рѣдкіе послѣдователи ислама пишутъ на нихъ изреченія изъ Корана.

Надписи на домахъ, надгробныхъ памятникахъ, утвари и проч. Globus обращаетъ вниманіе на выходъ новой книги: Dr. Andrae, Hausinschriften aus Holland. Emden, Haynel, 1902. Справедливо отмѣчаетъ нѣмецкій журналъ, что эти надписи исчезаютъ съ каждымъ годомъ вмѣстѣ съ перестройкой старинныхъ домовъ, и что поэтому желательно какъ можно скорѣе собрать ихъ. Эти краткія надписи, иногда изреченія, нерѣдко ярко рисуютъ національныя черты характера. Онѣ же, по мнѣнію Globus-a, представятъ особенный интересъ, если будутъ записаны въ многочисленныхъ мѣстностяхъ и если будетъ возможно прослѣдить ихъ происхожденіе. Небезынтересно будетъ указать здѣсь на статьи того же Dr. Andrae въ Globus-ѣ за 1897 и 99 гг. (T. LXXII, № 24—LXXV, № 24) о надписяхъ на домахъ въ Вост. Фрисландѣ и Голландіи. По нимъ можно убѣдиться, съ какой добросовѣстностью Андрэ собиралъ свой матеріалъ. Онъ не только придерживается точной транскрипціи, но отмѣчаетъ годъ, зарисовываетъ тамгу, если таковая при надписи имѣется, описываетъ изображеніе часто символическое, сопровождающее то или другое изреченіе. Западно-европейская этнографическая литература за послѣдніе годы все больше обогащается собраніемъ надписей на домахъ, над-

Digitized by Google

гробныхъ. памятникахъ, утвари и т. п. Записывать надписи, встрѣчающіяся на различныхъ предметахъ обихода въ Россіи, было бы также вполнѣ своевременнымъ. Украшать свои дома изреченіями, въ которыхъ сказывается народная мудрость, религіозное чувство, иногда юморъ или эгоистическое міровоззрѣніе (напр.: Heiliger Florian, Sei unser Patrian, Verschone unsere Häuser, Schür andere dafür an [1])—у насъ, какъ извѣстно, не было въ обычаѣ. Можно, однако, указать, что старовѣры Петрозаводскаго и Повѣнецкаго у.у. пишутъ надъ дверями и окнами своихъ избъ: «Христосъ съ нами уставися вчера и днесь тѣмъ же и во вѣки. Аминь». (Майковъ, Поѣздка въ Обонежье и Корелу). На нѣкоторыхъ вывѣскахъ, конечно, исчезающихъ теперь, встрѣчаются также небезынтересныя надписи. Небезынтересны были бы и надписи на обѣтныхъ крестахъ, иконахъ и т. п., хотя бы онѣ содержали только однѣ молитвы. Онѣ дали бы возможность прослѣдить, въ какомъ видѣ церковныя молитвы и пѣснопѣнія обращаются въ народѣ. Надписи на утвари и др. предметахъ обихода, встрѣчающіяся хотя и не часто, нельзя оставить безъ вниманія. Кромѣ пословицъ (встрѣчаются варіанты), попадаются и такія изреченія: «Лѣтитъ время въ нощи яко крилами» (на дерев. шкапчикѣ, рисован. отъ руки крестьяниномъ Повѣнецкаго у., вокругъ эмблематическаго изображенія времени—песочныхъ часовъ, украшенныхъ крыльями), или: «Купи денегъ не жалѣй со мной ездить веселѣй. 1881» на валдайскомъ колокольцѣ и т. п. Внимательный взглядъ этнографа не долженъ пренебрегать такими мелочами. Нѣтъ сомнѣнія, что такого рода матеріалъ собирается годами и кропотливо.

Герм. Альмерсъ. 9-го марта н. ст. скончался 82 л. отъ роду Herm. Allmers. Альмерсъ происходилъ изъ крестьянской семьи, зналъ превосходно родной край—Остерстадеръ Маршъ (нижн. теч. Везера) и оставилъ до сихъ поръ не утратившее значенія описаніе его: «Marschenbuch». Оно вышло перв. изданіемъ въ 1857 г., а 4-мъ въ послѣдніе годы. Въ Marschenbuch онъ касается не только страны, но и населенія, имѣющаго много своеобразныхъ и типичныхъ чертъ. (Globus).

Gaetano Casati. 7-го марта н. с. скончался въ Комо Gaetano Casati, личность кот. ярко очерчена Стэнли въ его кн. «Въ дебряхъ Африки». Казати около десяти лѣтъ провелъ въ Африкѣ, и результатомъ его знакомства съ посѣщенными имъ областями явились отдѣльныя статьи въ миланскомъ період. изданіи Bolletino dc la Soc. d'Esplorazione и книга: «Diéci anni in Equatoria e ritorno con Emin Pascia». 2 т. 1891 (сущ. нѣмец. пер., изд. также въ 1891 г.). Въ 1880 г. онъ посѣтилъ земли ніамъ-ніамъ и монбутту, встрѣтился съ Юнкеромъ, а съ 1883 г. пребывалъ съ Эминомъ пашой. Въ 1886 онъ отправился

[1]) Св. Флоріанъ считается покровителемъ отъ пожаровъ въ Тиролѣ, Каринтіи, Крайнѣ и др.

Digitized by Google

въ государствѣ Уніоро, но жилъ тамъ при дворѣ властителя въ качествѣ военноплѣннаго и былъ, наконецъ, приговоренъ къ смертной казни. Ему удалось бѣжать къ Эмину пашѣ; вмѣстѣ съ послѣднимъ онъ былъ освобожденъ Стэнли (Globus).

Edward John Eyre. 30-го ноября н. с. 1901 г. скончался 86 л. извѣстный австралійскій путешественникъ Edward John Eyre. Его изслѣдованія относятся къ 1830—41 г.г. Извѣстное сочиненіе его: Journal of expeditions of discovery into Central Australia and overland to King Georges Sound in 1840—41 вышло въ 1845 г. Съ 1846 г. Эйръ занималъ мѣсто исправляющаго должность губернатора въ Н. Зеландіи; въ 1862 г. сдѣлался губернаторомъ Ямайки. Въ 1864 г. Эйръ, покинувшій Англію 17 лѣтъ, вернулся туда и прожилъ здѣсь до послѣднихъ дней (Globus).

Emil Holub. 8—21-го февраля с. г. скончался въ Вѣнѣ 55 л. отъ роду извѣстный путешественникъ по Африкѣ Emil Holub. Его путешествія 1873 г. по южной части области, заселенной племенами банту, 1875—79 въ области р. Замбези отличались богатыми научными результатами; въ частности имъ были собраны цѣнные этнографическіе матеріалы. По возвращеніи въ Европу, Голубъ во многихъ городахъ читалъ рефераты и публичныя лекціи, знакомя слушателей съ посѣщенными имъ странами. Въ 1883 г. Голубъ предпринялъ новое путешествіе по Африкѣ; онъ намѣревался, отправясь изъ Капштадта, пройти черезъ область Великихъ Озеръ вплоть до Судана и Египта. Враждебныя дѣйствія машукулумбовъ заставили его вернуться съ верхняго теченія Кафуэ, сѣверн. притока Замбези. Во время этого путешествія Голуба сопровождала его жена. Богатыя коллекціи отважнаго путешественника были выставлены въ Вѣнѣ въ 1891 и въ Прагѣ въ 1892 г. Изъ трудовъ Голуба назовемъ: Sieben Iahre in Südafrika, 2 B. Wien, 1880—81 и Kulturskizze des Marutse—Mabundareich, Wien, 1879 (Globus).

Эм. Селенка. 21-го января н. ст. скончался зоологъ Em. Selenka. Въ сопровожденіи своей жены, Селенка совершилъ нѣсколько путешествій въ тропическія страны преимущественно ради зоологическихъ изысканій; однако, и географъ и этнографъ почерпнетъ интересныя свѣдѣнія въ его сочиненіяхъ: Sonnige Welten. Wiesbaden, 1896; Ein Streifzug durch Indien. Wiesbaden, 1890 (Globus).

Тиле. Въ первой книжкѣ текущаго года Revue de l'Histoire des Religions маститый профессоръ Альберъ Риволь посвятилъ нѣсколько прочувствованныхъ страницъ памяти скончавшагося голландскаго ученаго C. P. Thiele. Несмотря на преклонный возрастъ (Тиле родился въ 1830 г.), покойный до конца своей жизни неутомимо работалъ въ той области

Digitized by Google

науки, изученію которой отдался съ молодыхъ еще лѣтъ, а именно исторіи религій. Съ 1877 г., когда любимой имъ наукѣ впервые открылись двери Лейденскаго Университета, онъ занялъ новую каѳедру и до послѣднихъ лѣтъ читалъ высокоцѣнимый слушателями курсъ по исторіи религій. Въ 1896 г. онъ выступилъ въ Соединенныхъ Штатахъ однимъ изъ лекторовъ Gifford-Lectures. Онъ отличался необычайнымъ трудолюбіемъ, яснымъ и безпристрастнымъ умомъ, обширной эрудиціей. Обладая большой способностью къ языкамъ, онъ свободно писалъ на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. Сотрудничалъ онъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: въ Revue de l'Histoire des Religions, Zeitschrift für Assyriologie, Encyclopedia Biblica. Въ трудахъ амстердамской Академіи Наукъ появлялись его изслѣдованія и работы. Отмѣтимъ еще слѣдующіе труды его: De Godsdienst van Zarathustra (Религія Заратустры) 1864 г., Vergelijkende Geschiedenis der Egypt en Mesopot, Godsdiensten (Сравнительная исторія религій Египта и Месопотаміи) 1869—72 г. Babylonische—Assyrische Geschichte 1886—87. Geschiedenis van den Godsdienst in de Oudheid (Исторія религіи въ древнія времена) 1895—1900.—La déesse Istar, surtout dans le mythe babylonien. 1884.—Inleiding tat de Godsdienstwetenshop. (Введеніе въ науку исторіи религій). Gifford Lectures. 1897—98.

Д-ръ Янко. «Globus» съ сожалѣніемъ отмѣчаетъ преждевременную кончину молодого венгерскаго этнографа Dr. J. Janko. Покойный занималъ мѣсто хранителя этнографическаго отдѣленія венгерскаго національнаго музея. Его участіе въ третьей поѣздкѣ графа Евгенія Зичи (Zichy) извѣстно. Обратилъ также вниманіе и его трудъ, явившійся результатомъ этой экспедиціи: Die Herkunft der magyarischen Fischerei. Leipzig, Hiersemann, 1900. Далѣе: Magyarische Typen I. Die Umgebung des Balaton. Budapest, 1900—результатъ антропологическихъ изысканій Д-ра Янко.

Digitized by Google

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.

Адресъ: Москва, Политехническій музей, въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія".

1) Русскія былины старой и новой записи. Подъ ред. акад. *Н. С. Тихонравова* и проф. *Вс. Ѳ. Миллера.* М. 1894. 8°. VIII + 305 стр. Ц. 2 р. 50 к. (за границу 3 р.).

2) Бѣломорскія былины, записанныя *А. Марковымъ,* съ предисловіемъ проф. *В. Ѳ. Миллера.* М. 1901. 8°. XV + 618 стр. Ц. 2 р. 75 к. (за границу 3 р. 50 к.). (Складъ въ Т-вѣ Скоропечатни А. А. Левенсонъ).

3) Юбилейный сборникъ въ честь *Вс. Ѳед. Миллера,* изданный его учениками и почитателями, съ портретомъ, подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1900. 4°. XXII+368 стр. Ц. 3 р. (за границу 3 р. 75 к.).

4) *П. С. Ефименко.* Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи. Вып. I и II. М. 1877—78 гг. 4°. VII+221+X+276 стр. Ц., вмѣсто прежн. 6 руб.,—10 руб. (Изданіе почти распродано). (За границу 11 руб.).

5) Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, подъ ред. *Ѳ. Я. Трейландъ.* М. 1881. 4°. X+224 стр. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р.).

6) Протоколы засѣданій Этнографическаго Отдѣла 1874—1877 гг. (статьи и матеріалы по этнографіи). М. 1877. 4°. 190 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

7) То же. 1877—1884 гг. М. 1886. 4°. 186+7 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

8) То же 1885—1887 (статьи, а также полная программа: а) для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, б) для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ). М. 1888. 4°. VIII+217 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

9) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I, II и III. М. 1889, 1890 и 1891 гг. 4°. Ц. 6 р. (за границу 7 руб.).

10) *Н. Н. Харузинъ.* Русскіе лопари (очерки прошлаго и современнаго быта). М. 1890. II+472 стр. 3 фототип. и карт. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р. 50 к.).

11) *В. М. Михайловскій,* Шаманство (сравнительно-этнографическіе очерки). М. 1892. 4°. IV+115 стр. Ц. 1 р. 50 к. (за границу 2 руб.).

12) *И. А. Житецкій.* Очерки быта Астраханскихъ калмыковъ. М. 1893. 4°. II+73 стр. 12 табл. рисунк. Ц. 1 р. 25 к. (за границу 1 р. 60 к.).

Digitized by Google

Digitized by Google

Годъ 14-й. Кн. LV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1902, № 4.

подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла В. Ѳ. Миллера

и

Товарища Предсѣдателя Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1903.

Digitized by Google

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Гагаузы Бендерскаго уѣзда. Главы XIV—XXIV. *В. А. Мошкова* 1

II. О современной народной пѣснѣ. *К. С. Кузьминскаго.* 92

III. Р. Вирховъ, какъ этнологъ. *Н. Ѳ. Сумцова* 105

IV. Смѣсь:

1. Къ вопросу о некрасовцахъ-чаршамбинцахъ. *Б. В. Миллера.* 112

2. Пророкъ Илья-сапожникъ. Грузинская легенда. *А. С. Хаханова* 115

3. Месть за обиду (Изъ Рыбинскаго уѣзда). *И. В. Костоловскаго* 115

4. Завѣтные знаки и слова на предметахъ собственности (Изъ Рыбинскаго уѣзда). *Его же* 117

5. Вѣрованія крестьянъ Шапшинской волости Кадниковскаго уѣзда. *А. Д. Неуступова* 118

6. Ночь на Ивановъ день (по вѣрованіямъ крестьянъ Касьяновской волости). *Его же.* 120

V. Критика и библіографія:

1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ.

Русскій Антропологическій журналъ. 1900—1902. *Вл. Б.* (122).—Юбилейный сборникъ Западно-Сибирскаго Отдѣла. *Его же* (123).— П. В. Шейнъ. Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Т. I, вып. 2-й. *А. В. Маркова* (123). — Володимир Гнатюк. Галицько-руськи народні легенди. Т. III. *Вл. Б.* (125). — М. Н. Косичъ. Литвино-бѣлоруссы Черниговской губерніи, ихъ бытъ и пѣсни. *Его же* (127).—Курскій Сборникъ. Вып. III. *Его же* (127). 122

Digitized by Google

Стр.

2. Обзоръ журналовъ и газетъ 129

3. Новости этнографической литературы 135

VI. Хроника.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла и состоящей при немъ Музыкально-Этнографической Комиссіи за 1901—1902 годъ. Премія Имени Его Императорскаго Высочества Вел. Кн. Сергія Александровича по Этнографіи. Чествованіе 30-лѣтія ученой дѣятельности Ф. Ѳ. Фортунатова.—Извѣстія изъ области русскихъ и иностранныхъ учрежденій, изданій и изслѣдованій. 139

VII. Объявленія объ изданіяхъ Этнографическаго Отдѣла и другія 151

VIII. Приложеніе. Указатель къ Этнографическому Обозрѣнію, кн. XXXII—LI, составленный *Г. И. Куликовскимъ* 1

Digitized by Google

Гагаузы Бендерскаго уѣзда [1]).

XIV.

Домъ и надворныя постройки.

Гагаузскія села располагаются всѣ въ долинахъ, по берегамъ рѣчекъ, въ разстояніи 5, 6 или 7 верстъ одно отъ другого. А такъ какъ мѣстность между ними—вполнѣ голая степь, безъ кустика, безъ деревца и безъ малѣйшаго признака жилья, то села выглядятъ здѣсь какъ бы оазисами въ пустынѣ, живущими каждый совершенно отдѣльною жизнью. Такому впечатлѣнію способствуетъ и то обстоятельство, что, вслѣдствіе холмистой мѣстности, очень рѣдко изъ одного села видно другое сосѣднее. Такая изолированность селъ изъ кажущейся переходитъ въ дѣйствительную въ дождливое время. Грунтовыя дороги по черноземной почвѣ, въ сухое время года чрезвычайно пыльныя, послѣ дождя обращаются въ непроходимое болото изъ густой липкой грязи. Словомъ, картина здѣсь та же, что и во всей остальной южной, черноземной Россіи. Села здѣсь, также какъ и казачьи станицы сѣвернаго Кавказа, хотя рѣдки, но зато чрезвычайно многолюдны, такъ что поселеніе съ 2000 жителей принадлежитъ къ числу самыхъ мелкихъ. Въ большинствѣ случаевъ это маленькіе городки съ 4 – 5 тысячами жителей.

Каждое гагаузское село представляетъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ и приходъ, въ которомъ есть своя церковь съ однимъ или двумя священниками, съ дьякономъ и причетникомъ, своя школа, свое сельское управленіе, состоящее изъ старосты, писаря, сотскаго и нѣсколькихъ десятскихъ.

---

1) Окончаніе. См. „Этн. Обозъ“., кн. 54.

Digitized by Google

Село, расположенное на плоскомъ мѣстѣ или на скатѣ горы, смотря по тому, въ широкой или узкой долинѣ оно построено, пересѣкается прямыми и широкими улицами, продольными и поперечными, сходящимися между собою, если позволяетъ мѣстность, подъ прямыми углами.

Въ центрѣ села, на самомъ высокомъ мѣстѣ, обыкновенно посреди обширной площади располагается церковь, вокругъ которой группируются общественныя зданія и дома церковнаго причта. Церковь окружается заборомъ, внутри котораго посажены фруктовыя деревья и прокладываются дорожки съ лавочками. Въ тѣхъ гагаузскихъ селахъ, которыя мнѣ приходилось видѣть, церкви всѣ каменныя новѣйшаго архитектурнаго типа, просторныя и свѣтлыя. Кое-гдѣ рядомъ съ ними остаются еще доживать свой вѣкъ деревянныя церкви, помнящія то время, когда бессарабскія колоніи гагаузовъ еще только что строились.

Дома выходятъ на улицу или своимъ главнымъ длиннымъ фасадомъ или узкимъ боковымъ. Иногда они отдѣляются со стороны улицы заборомъ, иногда—нѣтъ. Повидимому, заборы дѣлаются здѣсь исключительно противъ скота, а не отъ воровъ. Желаніе закрыть свой дворъ заборомъ отъ непрошенныхъ посѣтителей и постороннихъ лицъ здѣсь вовсе не замѣтно. Кромѣ самыхъ богатыхъ крестьянъ, гагаузы не проявляютъ ни малѣйшаго намѣренія изолироваться отъ улицы и отъ сосѣдей.

Заборы строятся самыхъ разнообразныхъ видовъ и изъ самыхъ различныхъ матеріаловъ, но всегда невысоки и большей частью прозрачны. Они бываютъ: 1) деревянные, 2) глиняные и 3) изъ хворосту. Деревянные заборы строятся или досчатые („тафта аулъ“) или плетни („парды аул“). Первые состоятъ изъ ряда кольевъ или столбовъ („дирекь“), забиваемыхъ или зарываемыхъ концомъ въ землю съ большими промежутками (около $1^1/_2$—2 сажень), къ нимъ прибиваются горизонтально 3—4 продольныя доски. Такой заборъ изъ деревянныхъ встрѣчается чаще всѣхъ. Другое видоизмѣненіе досчатаго забора („дикиня тафта аул“) отличается отъ перваго тѣмъ, что продольныхъ досокъ не 3 или 4, а только двѣ: одна—вверху, другая—внизу. Къ этимъ двумъ доскамъ прибиваются гвоздями вертикально, съ промежутками, узенькія дощечки (вершка 2—3 шириною), заострен-

Digitized by Google

ныя наверху. Такой заборъ бываетъ только у самыхъ богатыхъ крестьянъ, потому что онъ сравнительно болѣе дорогой.

Плетень дѣлается почти такъ же, какъ въ Малороссіи, т. е. изъ ряда кольевъ („казык“) на разстояніи одинъ отъ другого около аршина, оплетаемыхъ прутьями горизонтально черезъ одинъ колъ. Черезъ два кола третій укрѣпляются подпорками („даюк“).

Глиняные заборы („топракъ аул“) складываются изъ глины съ навозомъ и обмазываются снаружи чистой глиной. Они дѣлаются около аршина шириной и почти такой же или немного большей высоты. Верхніе края стѣнокъ закругляются.

Заборы изъ хворосту („чалы аул“) обыкновенно очень низенькіе и состоятъ изъ длинной груды сухихъ вѣтвей, свален-ныхъ безъ всякаго порядка.

Изрѣдка можно встрѣтить у гагаузовъ живыя изгороди изъ цвѣтущаго колючаго кустарника, который растетъ въ большомъ количествѣ и въ Польшѣ и тамъ употребляется также для живой изгороди. Не знаю, какъ этотъ кустарникъ называется по-русски, но гагаузы называютъ его „катйнка чалысы“.

Есть здѣсь и земляные заборы, состоящіе просто изъ глубокой канавы („хеньдекь“) и земли, вынутой изъ нея и насыпанной въ видѣ валика.

Наконецъ, вмѣсто забора часто служатъ полѣнницы, сложенныя изъ сухого кизяка. Такіе заборы бываютъ по большей части временные, но иногда ихъ оставляютъ совсѣмъ, и тогда они густо обростаютъ травой.

Въ с. Чадырлунга, въ Баурчи, въ Хайдарѣ и въ Томаѣ попадаются кромѣ того заборы, сложенные изъ мягкаго мелкаго камня известняка, сложенные безъ всякаго цемента.

Обязательная постройка забора здѣсь требуется только вокругъ небольшой части двора, прилегающей къ хлѣву („дам“), въ особенности если этотъ послѣдній трехстѣнный, а также вокругъ того двора, на которомъ располагается „арман“ (круглая площадка для молотьбы хлѣба лошадьми). На этомъ же дворѣ сложены обыкновенно и стоги соломы и сѣна („саманнькъ“).

Въ тѣхъ хозяйствахъ, гдѣ устраиваются сплошные заборы, окружающіе дворъ, и гдѣ приходится черезъ нихъ часто перелѣзать, поперекъ забора, на половинѣ его высоты, дѣлается скамеечка изъ двухъ кольевъ и доски, къ нимъ приколоченной,

Digitized by Google

облегчающая перелѣзаніе черезъ заборъ. Такой перелазъ называется „басамак“.

Ворота, тамъ гдѣ они необходимы, устраиваются въ видѣ простого отверстія въ заборѣ, ничѣмъ не закрытаго, а если и затворяются дверью, привѣшенной къ столбу на петляхъ, то только тамъ, гдѣ заборъ сплошной. Тогда дверь эта дѣлается большей частью изъ одной половины и притомъ такъ же, какъ одно звено обыкновеннаго досчатаго забора, т. е. изъ двухъ вертикальныхъ стоекъ, соединенныхъ между собою тремя или четырьмя горизонтальными досками.

Что касается фруктовыхъ садовъ и палисадниковъ съ цвѣтами, то они устраиваются при домахъ очень рѣдко. Но отдѣльныя деревья, преимущественно акаціи, сажаются часто въ видѣ украшенія или для тѣни вдоль стѣнъ дома или вдоль заборовъ.

Дома у гагаузовъ („евь“)—обыкновенныя мазанки. Стѣны ихъ лѣпятся изъ глины съ навозомъ. Глину для этого берутъ тутъ же около дома съ улицы. Поэтому среди улицъ гагаузскаго села, въ особенности тамъ, гдѣ стоятъ новыя хаты, часто можно видѣть круглыя ямы („кую“), въ которыхъ глина перемѣшивалась съ соломой ногами лошадей. Ямы эти обыкновенно не зарываютъ по минованіи въ нихъ надобности, а постепенно заваливаютъ всякимъ домашнимъ соромъ.

Каждый порядочный хозяинъ имѣетъ по двѣ хаты, одну большую—„евь“, а другую рядомъ съ ней маленькую—„кухня“ (старинное ея названіе „хашкана“). Обѣ эти хаты построены по одному и тому же типу, но первая изъ нихъ нежилая, а строится только для пріема гостей[1]), во второй же тѣснится все семейство, здѣсь проходитъ его жизнь и готовится пища.

Въ одномъ такомъ домѣ съ прилегающей къ нему кухней живетъ обыкновенно только одно семейство, т. е. отецъ, мать и ихъ холостыя или незамужнія дѣти. Но чуть только кто-нибудь изъ этихъ послѣднихъ женится или выйдетъ замужъ, онъ долженъ отсюда выселиться и сейчасъ же обзавестись своимъ собственнымъ отдѣльнымъ домомъ, за исключеніемъ младшаго сына, который считается наслѣдникомъ отцовскаго имущества.

Когда старшій сынъ подростетъ и его пора женить, то отецъ, если это мало-мальски состоятельный человѣкъ, даритъ на свадьбу пару воловъ, корову, лошадь или виноградникъ. Если къ

Digitized by Google

этому прибавить, что и „саадыч“ тоже что-нибудь подаритъ, то вотъ и все, съ чѣмъ молодой гагаузъ приступаетъ къ устройству своего новаго хозяйства. Но если отецъ человѣкъ бѣдный, то и такого фундамента у него нѣтъ, а просто на деньги, собранныя по грошамъ на свадьбѣ, купитъ онъ пару воловъ, да съ тѣмъ и начинаетъ.

Когда его обвѣнчаютъ, то даютъ изъ общественной земли или изъ оставшейся отъ умершаго половинный надѣлъ, т. е. семь съ половиною десятинъ.

То же самое повторяется и со всѣми остальными сыновьями, кромѣ, какъ я сказалъ, младшаго сына, который за наслѣдуемый имъ отъ отца домъ и земельный участокъ долженъ кормить своихъ родителей до самой смерти[1]а). Поэтому положеніе младшаго сына въ семьѣ самое выгодное; ему не надо заботиться о постройкѣ дома, не надо обзаводиться никакимъ домашнимъ скарбомъ, и вотъ почему младшіе сыновья всегда считаются самыми завидными женихами.

Кромѣ земельнаго участка въ семь съ половиною десятинъ, вновь обзаводящійся своимъ хозяйствомъ молодой гагаузъ получаетъ еще мѣсто для постройки на краю села также изъ общественной земли („толдка“), такъ называемый, „планъ“, т. е. кусокъ земли въ 40 саженъ длиной и 20 шириной.

Новый хозяинъ, разумѣется, прежде всего строитъ себѣ самое необходимое, т. е. „кухню“ и навѣсъ для скота. Если отецъ у него богатый, то, разумѣется, построитъ сыну не только „кухню“, но и „евь“; но такихъ счастливчиковъ бываетъ очень немного, а большинство начинаетъ съ „кухни“ собственноручной постройки.

Если затѣмъ ему повезетъ, т. е. случится въ полѣ хорошій урожай, и если самъ онъ трезвый, работящій и бережливый мужикъ, да если и хозяйка ему попадется хорошая, то черезъ годъ, черезъ два онъ можетъ приняться и за постройку „еви“. Но если обстоятельства ему не благопріятствуютъ, то придется еще очень долго обходиться только съ одной „кухней“.

Само собой разумѣется, что молодой человѣкъ, предоставленный самому себѣ, безъ посторонней помощи и безъ денегъ, строитъ кухню самымъ дешевымъ экономическимъ способомъ, т. е. самую маленькую, какую только можно. Самой дешевой

Digitized by Google

кухней считается здѣсь землянка, которая строится слѣдующимъ образомъ.

Въ землѣ вырывается четыреугольная продолговатая яма, глубиною почти въ человѣческій ростъ, такъ что поломъ и стѣнами для ней служитъ окружающая почва, остается построить только крышу. Эту послѣднюю составляютъ изъ четырехъ пяти „маказовъ“ (кӧзелъ-стропилъ), сложенныхъ изъ кривыхъ сучковатыхъ жердей акаціи. На вершину всѣхъ „маказовъ“ кладется длинная жердь, составляющая гребень („ійбикъ“) крыши. Образовавшійся такимъ образомъ остовъ оплетается прутьями или просто заваливается сухимъ хворостомъ, а затѣмъ обсыпается землей и обмазывается изнутри и снаружи глиной. Изъ такихъ же жердей и хворосту дѣлается и крыльцо („кырлич“) съ земляными ступеньками. Потолка въ такой землянкѣ вовсе не дѣлается, а освѣщается она однимъ или двумя маленькими оконцами въ боковомъ срѣзѣ двускатной крыши или черезъ слуховыя окна.

Такая землянка дѣлится поперечной перегородкой („ара-дуваръ“) на двѣ равныя половины, изъ которыхъ та, въ которую ведетъ крыльцо и которая играетъ роль прихожей, называется „хаята“, а вторая, жилая комната,—собственно „евь“. Въ „хаятѣ“, въ одномъ изъ угловъ, образуемыхъ перегородкой, устраивается очагъ („атешлик“), т. е. четыреугольное земляное возвышеніе, надъ которымъ поднимается четыреугольная же, слегка суживающаяся кверху труба („баджя“), проходящая сквозь крышу. Она дѣлается изъ плетня, обмазаннаго внутри и снаружи глиной. По другую сторону перегородки рядомъ съ трубой, но со стороны „еви“ примыкаетъ невысокая, почти кубическая печь („фырын“) для согрѣванія жилой комнаты и для печенія хлѣба, съ полукруглымъ устьемъ („фырын аазы“), выходящимъ сквозь перегородку подъ трубу въ „хаятѣ“ и съ душникомъ надъ нимъ („деликъ“). Въ жилой комнатѣ, къ стѣнѣ, противоположной „хаятѣ“, пристраивается невысокая (поларшина или даже менѣе вышиной) земляная скамейка, шириной доходящая до половины комнаты. Эта полка называется „долма“ и служитъ для хозяевъ одновременно и скамейкой для сидѣнія и кроватью.

Для дешевизны ничего здѣсь не красится и даже не бѣлится, но смазывается ровнымъ слоемъ глины, который по временамъ, передъ большими праздниками, ремонтируется. Полъ же перема-

Digitized by Google

зывается каждую недѣлю, что составляетъ спеціальность женщинъ и дѣвушекъ [2]).

Мнѣ пришлось быть въ одной изъ такихъ землянокъ на похоронахъ молодой женщины — хозяйки. Покойница лежала на „долмѣ", вдоль стѣны, что немало тревожило ея родныхъ. По обычаю, покойникъ долженъ лежать ногами на востокъ, а если бы такъ сдѣлать, то пришлось бы положить ее поперегъ долмы, чего не дозволяла ширина этой послѣдней. Оставалось положить вдоль, но тогда ноги были направлены къ югу, т.-е. не по обычаю, что, какъ видно, больше всего смущало хозяевъ.

Дверь въ жилую комнату изъ хаяты была такъ низка и узка, что приходилось буквально пролѣзать черезъ нее, согнувшись вдвое. Всѣ родственники молча сидѣли возлѣ покойницы на „долмѣ", а когда пришелъ священникъ съ причетникомъ для отпѣванія, то пришлось всѣмъ имъ вылѣзти вонъ, а духовенство заняло весь кусочекъ комнаты, оставшійся свободнымъ отъ „долмы" и печки. Дверь изъ хаяты въ жилую комнату была такъ мала и тѣсна, что черезъ нее нельзя было даже внести гроба. Пришлось этотъ послѣдній, противъ обычая, поставить на улицѣ и тамъ же укладывать въ него покойницу.

Такой хатѣ соотвѣтствуютъ и всѣ остальныя хозяйственныя постройки. Сюда относятся: 1) навѣсъ на четырехъ столбахъ съ крышей изъ плетня, сверху засыпанной землей (для воловъ) и 2) двѣ крошечныя четыреугольныя плетушки, обмазанныя глиной: одна—для свиней, а другая для куръ. Вотъ и все несложное хозяйство начинающаго семейную жизнь молодого крестьянина.

Впрочемъ, во всей Бешалмѣ я нашелъ только одну такую землянку, всѣ остальныя жилыя постройки молодыхъ хозяевъ значительно превосходили ее размѣрами и имѣли кромѣ крыши еще и глиняныя стѣны.

Кухни строятся у гагаузовъ или отдѣльно, или подъ одну крышу съ хлѣвомъ („дам"). У состоятельныхъ крестьянъ онѣ отличаются между прочимъ тѣмъ, что бѣлятся внутри и снаружи и кроются на два или на четыре ската крѣпкой камышевой крышей. Но потолокъ въ нихъ даже и у состоятельныхъ крестьянъ бываетъ чрезвычайно рѣдко. Въ числѣ необходимой принадлежности кухни надо упомянуть: 1) шкафчики съ посудой, помѣщающіеся въ хаятѣ или въ жилой комнатѣ, чаще всего въ видѣ

Digitized by Google

ниши въ стѣнѣ съ деревянными полочками („дулап"), 2) полку („сергень") для посуды же и для хлѣба, прикрѣпленную къ стѣнѣ хаяты, 3) деревянную вѣшалку для ведеръ („бакырлык"), вмазанную въ стѣну, 4) двѣ три иконы, обязательно повѣшенныя въ красномъ, правомъ отъ входа, углу жилой комнаты, и 5) такъ называемый „юклюкь", т.-е. стопочка сложенныхъ на день постелей на долмѣ, влѣво отъ входа.

По тому же типу, какъ кухня, строится и чистая хата гагаузовъ („евь"), но только всѣ размѣры ея больше, сама она чище и несравненно болѣе вниманія обращается на ея украшеніе.

Стѣны „еви" дѣлаются также изъ глины съ навозомъ, но выше, чѣмъ у кухни. Для постройки ихъ существуютъ особые мастера, которые берутъ за свою работу отъ одной „еви" рублей 17—20. Стѣны строятся безъ всякаго фундамента и даже почва подъ ними не углубляется, а только выравнивается, такъ какъ грунтъ земли здѣсь повсюду или черноземъ, смѣшанный съ глиной, или чистая глина, а слѣдовательно даетъ достаточныя гарантіи прочности.

Главный длинный фасадъ „еви" („евин каршысы"), съ выходной дверью, обращенъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ на югъ. А потому, если улица села идетъ съ востока на западъ. то всѣ хаты южной ея стороны обращены къ улицѣ заднимъ фасадомъ. Исключенія изъ этого правила рѣдки [2]а).

Подошва южной и западной стѣнъ хаты съ наружной стороны укрѣпляются завалинкой („долма" или „приспа"). Для этого на разстояніи около полутора аршина отъ стѣны забиваютъ въ землю рядъ кольевъ. Вершины ихъ скрѣпляются продольнымъ брусомъ („арыш"), который связывается со стѣнами хаты поперечными брусьями („шарампой"). Промежутки между кольями обшиваются досками, а въ образовавшійся такимъ образомъ ящикъ („сундук") набивается глиняная масса. Въ завалинкѣ у южной стѣны иногда оставляется прорѣзъ для входной двери. А если такого прорѣза не оставлено, то на заваленку поднимаются по глинянымъ или каменнымъ ступенькамъ. Сдѣланъ ли этотъ прорѣзъ или нѣтъ, но полъ хаты располагается всетаки нѣсколько выше окружающей почвы и на него ведетъ по крайней мѣрѣ одна ступенька съ улицы („ешикь" или „басамак"). Цѣль устройства завалинки — это, во-первыхъ, укрѣпить стѣну

Digitized by Google

хаты въ самомъ опасномъ сѣченіи, а во-вторыхъ, предохранить отъ подрыванія скотомъ и подмыванія водой. Лѣтомъ во время жаровъ на завалинку выходитъ спать все семейство.

Восточная стѣна „еви“ укрѣпляется такой же долмой, но уже изнутри дома, и только одна сѣверная стѣна („евин арды“) остается безъ всякаго укрѣпленія. Западная стѣна въ домахъ, построенныхъ на двѣ половины, укрѣпляется долмами и изнутри и снаружи.

У хозяевъ средняго достатка чистая хата („евь“) раздѣляется перегородкой на двѣ половины: „хаята“ или сѣни и чистая комната—собственно „евь“. Входная дверь ведетъ обыкновенно въ середину „хаяты“, а уже оттуда входятъ въ чистыя комнаты черезъ дверь.

Крыша хаты („ёртю“) лежитъ на четырехъ или пяти „маказахъ“ (стропилахъ), концы которыхъ съ сѣверной стороны поставлены на стѣну и укрѣплены деревянными колышками („чиви“), а съ южной выдаются надъ стѣной и поддерживаются цѣлымъ рядомъ (5—6 штукъ) столбовъ или колонокъ („дирекь“), которые сами укрѣпляются въ колья, образующія ящикъ „приспы“. Такимъ образомъ, съ южной стороны крыша выдается надъ стѣной на ширину „приспы“ и образуетъ родъ навѣса. То же самое дѣлается и съ западной стороны, гдѣ нижніе концы послѣдняго „маказа“ выносятся за стѣну. Такой навѣсъ устроенъ для того, во-первыхъ, чтобы закрыть „приспу“ отъ дождя, а во-вторыхъ, получить тѣнь съ западной и южной стороны. Впрочемъ, послѣднее очень мало достигается при узкой (около 1 аршина) „приспѣ“. Образцомъ для такихъ крышъ послужили, конечно, постройки болѣе южнаго климата, нуждающіяся въ тѣни съ юга и запада, но надо полагать, что на югѣ навѣсы эти гораздо шире.

Такимъ образомъ, крыша „еви“ съ южной и западной стороны заканчивается навѣсомъ и стрѣхой („сачак“), а съ сѣверной и восточной только стрѣхой.

Крыши строятся здѣсь двумя способами: 1) на четыре ската („русь евь“—русская хата) и 2) на два ската („немце ёртюсю“—нѣмецкая крыша). Первый случай встрѣчается чаще. При немъ крайніе „маказы“ поставлены не вертикально, какъ всѣ другіе, а наклонно въ середину, и верхніе концы ихъ сходятся съ верхними концами ближайшихъ къ нимъ среднихъ „маказовъ“. При

Digitized by Google

нѣмецкой же крышѣ они стоятъ такъ же, какъ и всѣ остальные „маказы", т.-е. вертикально.

На верхушки „маказовъ" кладется балка, называемая „йібикь", гребень крыши.

Въ серединѣ своей высоты каждый „маказъ" укрѣпляется поперечиной—„билу".

На ножки „маказовъ" снаружи кладутся продольныя жерди („ляца"), служащія для поддержки обшивочнаго матеріала крыши. На „ляцы" прибивается гонтъ („шиндилла") или пришивается камышъ („камыш").

Чаще всего крыши гагаузскихъ хатъ кроются камышомъ, рѣже гонтомъ или дрянью [3]) и еще рѣже соломой въ щетку или черепицей („керемид").

Верхняя линія гребня украшается иногда вертикально или наклонно поставленной на него доской, въ которой сдѣлана сквозная рѣзьба, у богатыхъ весьма затѣйливая.

У нѣмецкихъ крышъ, построенныхъ на два ската, крайніе „маказы" обшиваются снаружи досками, и такой щитъ называется „евь башы".

Въ крышахъ оставляются слуховыя окна („ёртю пеньчереси"), не имѣющія рамъ, а задѣланныя досками, въ которыхъ прорѣзаны круглыя отверстія для вентиляціи чердака. У гагаузовъ Измаильскаго уѣзда такія отверстія назначаются для голубей, живущихъ подъ крышей, а потому и самыя слуховыя окна называются „гювердживник" — (голубятникъ), но у Бендерскихъ гагаузовъ голубей не держатъ.

Мы уже сказали, что вся хата внутри дѣлится поперечной перегородкой на хаяту или сѣни и чистую комнату. Но у самыхъ богатыхъ крестьянъ хата дѣлится двумя поперечными перегородками на три части: въ серединѣ хаята, направо большая комната („бююк евь") и налѣво — малая („кючюкь евь"). Хата съ двумя чистыми комнатами называется— „икибашлы евь", а съ одной— „бирьбашлы".

Если въ кухнѣ почти не бываетъ потолка, то въ „еви" онъ обязателенъ. Основаніе его составляетъ толстая балка („зифть киреши"), на половину своей толщины вмазанная въ восточную и западную стѣны и идущая вдоль всей хаты. Въ большинствѣ домовъ она бываетъ въ единственномъ числѣ, но мнѣ случилось

Digitized by Google

видѣть домъ одного богатаго крестьянина въ с. Конгазѣ, гдѣ такихъ балокъ было двѣ, на что мнѣ указывали, какъ на явный признакъ зажиточности. На „зифть киреши“, поперекъ ея кладутъ болѣе тонкія поперечныя балки („таван киреши“) въ количествѣ 5 — 6 надъ одной только чистой комнатой и 2-хъ надъ хаятой.

На эти балки кладется досчатая настилка („тафта таван“) или камышевая („саз таван“), которая сверху замазывается слоемъ глины. Но такая настилка дѣлается только надъ чистой комнатой, надъ хаятой же кромѣ балокъ ничего нѣтъ.

Какъ потолокъ, такъ и чердакъ называются у гагаузовъ „таван“. Родъ потолка („колтук“) дѣлается также и подъ той частью крыши, которая составляетъ навѣсъ надъ „приспой“.

На чердакъ складываются: упряжь, мелкія орудія и инструменты въ родѣ лопатъ, граблей, вилъ и другія хозяйственныя принадлежности. Для влѣзанія на него въ хаятѣ всегда имѣется наготовѣ деревянная рѣшетчатая приставная лѣстница.

Полъ во всей хатѣ на четверть аршина толщины намазывается глиной съ конскимъ навозомъ. Онъ дѣлается гладкимъ и ровнымъ и перемазывается каждую недѣлю. У богатыхъ гагаузовъ полъ хаяты устилается цыновками („хасыр“), на которыя кладутся длинныя подушки съ наволочками изъ домотканныхъ узорчатыхъ тканей. Здѣсь гости сидятъ иногда прямо на полу, подкладывая подъ сидѣнье подушку. Полъ чистой комнаты у богатыхъ покрывается или тоже цыновками, или коврами домашней работы.

Входная дверь („ёнь капу“) вѣшается желѣзными петлями („баалама“) на деревянныхъ косякахъ („сёвя“) и имѣетъ деревянный же порогъ („ешикъ“), а изнутри желѣзную задвижку („земпелекъ“). Надъ дверью устраивается во всю ширину ея узкое и длинное окно съ рамой и со стеклами. Самая дверь, также какъ ставни у оконъ, расписывается краснымъ, синимъ, зеленымъ и коричневымъ цвѣтами.

Противъ входной двери въ сѣверной стѣнѣ дѣлается иногда другая, ведущая на дворъ („арт капу“).

Войдя черезъ дверь въ хаяту, мы видимъ возлѣ южной стѣны направо дверь въ чистую комнату. Она тоже по большей части окрашена въ красный цвѣтъ. Лѣвѣе этой двери, у перегородки,

Digitized by Google

помѣщается кирпичный сводъ („базелак“ или „баджялык“), къ которому сверху примазана труба („баджя“) такая же, какъ въ хаятѣ кухни, т.-е. сплетенная изъ хворосту и обмазанная внутри и снаружи глиною. Верхушка трубы, поднимающаяся надъ крышей, дѣлается изъ досокъ, обмазанная также, какъ и вся труба внутри и снаружи глиной. Земля надъ сводомъ нѣсколько приподнята надъ поломъ хаяты. Это очагъ, который по-гагаузски называется „ватра“ или „атешликъ“. Надъ нимъ въ перегородкѣ вырѣзано полукруглое устье печи. Самая печь („соба“ или фырын“) помѣщается за стѣной въ чистой комнатѣ. Устье печи („фырын аазы“), когда нужно, закрывается полукруглой, деревянной, обмазанной глиной, заслонкой. Надъ устьемъ въ той же стѣнѣ сдѣланъ круглый душникъ („фырын дели“) для выхода дыма изъ печи въ трубу. Поперекъ трубы на высотѣ человѣческаго роста вмазана деревянная или желѣзная перекладина („герме“), на которую вѣшается на желѣзной цѣпи („синджир“) чугунный котелъ („чювень“). Содержимое котла разогрѣвается обыкновенно на кизякѣ, а самая печь топится соломой или бурьяномъ. Для разогрѣванія сковороды, если приходится что-нибудь жарить, она ставится на желѣзный треножникъ („саджяк“) или на глиняную подставку, которую въ послѣднее время стали строить въ одномъ изъ угловъ „атешлика“ около стѣны („котлон“).

Стѣны хаяты внутри и труба снаружи красятся въ бѣлый цвѣтъ, а труба кромѣ того въ тѣхъ домахъ, гдѣ есть дѣвушки или молодыя женщины, разрисовывается разноцвѣтными узорами, о которыхъ будетъ говорено ниже.

Промежутокъ между трубой и сѣверной стѣной иногда задѣлывается досками въ формѣ шкафа („шкаф“) съ двумя или тремя полками для различной посуды. Къ западной стѣнѣ хаяты на высотѣ человѣческаго роста прибивается полка („сергень“) тоже для посуды. Если въ домѣ нѣтъ малой чистой комнаты налѣво отъ хаяты, то въ западной стѣнѣ дѣлается небольшое окошечко съ рамой о четырехъ небольшихъ стеклахъ.

Мебели въ хаятѣ не полагается никакой.

Покончивши съ хаятой, перейдемъ въ чистую комнату. Прямо противъ входа въ нее изъ хаяты, по восточной стѣнѣ, какъ я уже говорилъ, тянется „долма“ изъ глины, обитая коврами („килим“) домашней работы всевозможныхъ рисунковъ.

Digitized by Google

По лѣвой стѣнѣ отъ входа дѣлается или такая же глиняная „долма", или широкая деревянная скамейка („пат"), тоже обитая и обвѣшанная коврами. Въ углу, гдѣ сходятся обѣ долмы, помѣщается „юклюкъ", т. е. куча постельныхъ принадлежностей, уложенная въ порядкѣ. Подъ „юклюкомъ" ставится деревянный нѣмецкой работы окованный желѣзомъ сундукъ, окрашенный большею частью въ красный цвѣтъ съ узорами бѣлаго, чернаго, зеленаго и другихъ колеровъ. Въ немъ хранится самое цѣнное движимое имущество хозяевъ, т. е. лучшія платья, приданое матери, приданое взрослыхъ дочерей и т. п. Тюфяки и одѣяла, сложенныя въ величайшемъ порядкѣ въ „юклюк", въ самомъ верху, подъ потолкомъ, заканчивается рядомъ подушекъ, а самъ „юклюк" прикрывается отъ постороннихъ взоровъ бѣлой коленкоровой занавѣсочкой („чаршаф"), свѣшивающейся съ потолка. На „долмѣ" кладется въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько подушекъ („ястык") для подкладыванія ихъ подъ сидѣніе гостямъ. Онѣ имѣютъ значеніе нашихъ диванныхъ подушекъ, а потому заключены въ наволочки изъ шерстяныхъ тканей самыхъ разнообразныхъ и яркихъ рисунковъ. Немного меньшія подушки („гёт ястык") у богатыхъ крестьянъ кладутся кромѣ того на обыкновенные деревянные со спинкою стулья, составляющіе меблировку комнаты.

Въ переднемъ углу чистой комнаты помѣщаются иконы. У богатыхъ людей этотъ уголъ украшается особой драпировкой, замѣняющей кіотъ, у бѣдныхъ же просто завѣшивается бѣлой кисеей, чтобы предохранить отъ пыли и мухъ. Иконы, которыя я видѣлъ, большею частью лубочно-литографированныя, олеографическія и писанныя масляными красками, иконы же съ металлическими ризами довольно рѣдки. Происхожденія онѣ были то русскаго, то греческаго, то болгарскаго. У тѣхъ изъ болѣе состоятельныхъ гагаузовъ, которымъ приходилось бывать на Аѳонѣ или въ Іерусалимѣ и которые поэтому носятъ почетный титулъ „хаджи" или „хаджійка", иконы были чаще всего съ Аѳона, на что хозяева и обращали особенное вниманіе своихъ гостей.

Изъ числа прочихъ иконъ предпочитаются изображенія: Богородицы, св. Георгія, св. Николая Чудотворца, св. Иліи Пророка и Михаила Архангела.

Подъ иконами обыкновенно вѣшаются, такъ называемыя, бо-

Digitized by Google

роды („сакал“). Это плоскій четыреугольникъ, сплетенный очень искусно и даже пожалуй изящно изъ пшеничной соломы съ цѣлыми колосьями. Самая солома сплетается въ четыреугольникъ, колосья же съ зернами свѣшиваются внизъ и образуютъ родъ бахромы или бороды. Происхожденіе этой бороды то же самое, что и у насъ въ Малороссіи, гдѣ есть особыя пѣсни о бородѣ и гдѣ приготовленіе ея составляетъ еще живой обычай, какъ остатокъ язычества, воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда часть колосьевъ приносилась въ жертву богамъ. У гагаузовъ, по крайней мѣрѣ Бендерскихъ, утратилось воспоминаніе о религіозномъ происхожденіи соломенной бороды и объ этомъ напоминаетъ только мѣсто сохраненія ея, подъ иконами. На вопросъ, для чего дѣлаются бороды, обыкновенно отвѣчаютъ, что, во-первыхъ, это хорошее украшеніе для иконъ, а во-вторыхъ, часто заходятъ разговоры и споры, когда былъ лучше урожай и когда колосъ больше, въ текущемъ, въ прошломъ или въ позапрошломъ году. И вотъ, въ случаѣ такихъ споровъ, берутъ съ иконъ бороды разныхъ годовъ, сравниваютъ ихъ между собою [4]).

Въ правой отъ входа стѣнѣ чистой комнаты дѣлаются обыкновенно два окна („пѣньчере“), довольно близко одно отъ другого, высокія и свѣтлыя, въ шесть стеколъ („гёзь“), съ рамой („черчеве“) и подоконникомъ („сеть“). Съ наружной стороны они защищаются отъ воровъ двумя-тремя вертикальными желѣзными прутьями, вмазанными въ стѣну и образующими нѣчто въ родѣ тюремной рѣшетки [4]а). Ставни къ нимъ („капак“) привѣшиваются чаще всего снаружи, но иногда бываютъ и внутреннія. Онѣ разрисовываются масляными красками: красной, синей, зеленой и черной, а иногда окрашиваются сплошь въ красный, черный или вишневый цвѣта. Ночью, а если въ домѣ нѣтъ гостей, то и днемъ, особенно въ лѣтніе жары, всѣ окна закрываются ставнями. Послѣднее дѣлается, во-первыхъ, для образованія въ домѣ пріятнаго холодка, а, во-вторыхъ, для предохраненія ковровъ и другихъ комнатныхъ украшеній отъ выцвѣтанія и засиживанія мухами. Впрочемъ, лѣтомъ ставни на солнечную сторону не открываются даже и при гостяхъ.

Въ восточной стѣнѣ, обыкновенно посрединѣ ея, дѣлается одно окно.

Digitized by Google

Изнутри дома окна чистой половины украшаются ситцевыми или красными кумачовыми занавѣсочками („пердя“). Иногда онѣ бываютъ собственной тамбурной работы или замѣняются сильно насиненными полотенцами („пешкиръ“) съ тамбурными кружевами на концахъ. Этими же полотенцами обвѣшивается вся внутренняя поверхность стѣнъ въ чистой комнатѣ; изъ нихъ составляются болѣе или менѣе замысловатыя фигуры. Кромѣ полотенецъ, здѣсь можно видѣть: розетки изъ цвѣтной бумаги, бантики изъ ленточекъ, „китки“ (кисточки) изъ разноцвѣтнаго гаруса, мелкія картинки, фотографическія карточки, кусочки зеркалъ, искусно сплетенныя фигуры изъ соломы и, словомъ, все, что попадется на глаза гагаузской женщинѣ и покажется ей красивымъ, такъ какъ всѣ стѣнныя украшенія—дѣло ея рукъ. Впрочемъ, такими украшеніями покрывается только средняя по высотѣ часть стѣны, вверху же около потолка налѣпляются куски обоевъ разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ, а нижняя часть стѣны непосредственно надъ долмой, завѣшивается ковромъ („палатар“).

Въ промежуткѣ между окнами южной стѣны вѣшается обыкновенно большое зеркало, также украшенное полотенцами. Во всѣхъ этихъ полотенцахъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ, сохраняется иногда порядочный для крестьянина капиталъ. Кромѣ украшенія, они являются еще выставкою богатства или зажиточности хозяина, а также трудолюбія и искусства женской половины.

Если ко всему сказанному прибавить, что печка въ чистой комнатѣ украшается ярко размалеванными выпуклыми рисунками, то ясно, что на посторонняго посѣтителя „евь“ производитъ впечатлѣніе чего-то восточнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой комнатѣ чувствуется нѣкоторое удобство и даже комфортъ, о которыхъ нѣтъ и помину въ избахъ и хатахъ русскаго простонародья.

Изъ мебели, которой уставляется чистая комната, надо, во-первыхъ, упомянуть обыкновенный четыреугольный столъ („маса“), покрашенный черной масляной краской и накрываемый чистой бѣлой скатертью или клеенкой („мушама“). У очень богатыхъ крестьянъ такихъ столовъ можно встрѣтить и по два. Затѣмъ шкафъ двухъ-ярусный со стеклами или безъ нихъ для посуды. Онъ окрашивается въ черный или темнокрасный цвѣтъ съ рисунками, изображающими цвѣты, или украшается точеными полуколонками, раскрашенными во всевозможные яркіе цвѣта.

Digitized by Google

Для сидѣнья употребляются деревянные стулья со спинками и табуреты („скéмля“).

Но такая меблировка принята только для комнаты показной, предназначенной для гостей; если же мы пожелали бы видѣть болѣе старинную мебель, то нужно искать ее только въ кухнѣ. Интересно, что гагаузъ, принявши кое-какую мебель европейскаго образца, т. е. стулья, табуреты и высокіе столы, предоставилъ все это только своимъ гостямъ, а самъ въ обыденной жизни попрежнему придерживается своихъ древнихъ привычекъ кочевника, т. е. ѣстъ не на высокомъ столѣ, а на низенькомъ („софра“), сидя просто на землѣ, безъ всякихъ скамеекъ и табуретовъ, въ лучшемъ лишь случаѣ подкладывая себѣ подъ сидѣнье подушку. Что касается круглаго стариннаго стола („софра“), то онъ по своему устройству очень близокъ къ прототипу всѣхъ столовъ, къ простой доскѣ, кладущейся на землю, подъ которую позже стали подкладывать куски дерева, впослѣдствіи обратившіеся въ ножки. Дѣйствительно, ножки этого стола имѣютъ всего только 3 дюйма высоты при діаметрѣ его около $^3/_4$ аршина. Ѣсть съ такого столика можно только ставши на колѣни и усѣвшись на свои собственныя пятки, какъ и поступаютъ гагаузы, когда у нихъ нѣтъ гостей. Кромѣ „софра“ обыкновеннаго вида, встрѣчается у гагаузовъ такъ называемый „паралія софра“, съ небольшими закраинами наверху и съ деревянной кольцеобразной подставкой снизу вмѣсто ножекъ. Если такой столъ перевернуть кольцеобразной подставкой кверху, то онъ похожъ на круглую шляпу съ полями, которую гагаузы называютъ „паралія“.

Въ числѣ непарадной мебели встрѣчается у гагаузовъ и наша русская скамейка, состоящая изъ длинной узкой доски на четырехъ высокихъ, расходящихся въ стороны, ножкахъ, которая такъ и называется по-русски „скамѣйка.

Потолокъ чистой комнаты красится обыкновенно желтой масляной краской цвѣта глины, а главная балка потолка („зифть киреши“) въ темно-красный цвѣтъ.

Для освѣщенія комнаты на главную балку подвѣшивается дешевенькая лампа съ рефлекторомъ или желѣзнымъ абажуромъ. Но зажигается она очень рѣдко и неохотно, потому что съ лампой трудно уберечься отъ копоти, а копоть даже за одинъ ве-

Digitized by Google

черъ можетъ испортить всѣ матеріи, которыми украшена комната и которыя дорого обходятся хозяину. А потому нѣкоторые гагаузы даже предпочитаютъ освѣщать свою чистую комнату стеариновыми свѣчами, хотя онѣ дороже керосина.

Сѣверная стѣна въ чистой комнатѣ отъ „юклюка“ до печи обвѣшивается обыкновенно платьями хозяевъ мужскими и женскими, которыя завѣшиваются иногда одной общей длинной бѣлой занавѣсочкой.

Въ малой комнатѣ, находящейся по другой сторонѣ хаяты, мы встрѣчаемъ все то же, что и въ большой, но только уголъ съ иконами будетъ юго-западный, а „юклюкъ“ помѣщается въ сѣверо-западномъ углу.

Снаружи хата („евь“) бѣлится известкой съ западной и южной стороны, а иногда (довольно рѣдко) къ известкѣ прибавляется въ небольшомъ количествѣ синяя или зеленая краска. Восточная же и сѣверная стороны „еви“ остаются почему-то вовсе не крашенными, а лишь ровно смазываются глиной.

Нижняя часть западной и южной сторонъ кромѣ того украшается снизу широкой черной полосой („перваз“) или только узенькимъ черным бордюромъ на высотѣ около $1^1/_2$ аршина отъ земли. „Приспа“ иногда бѣлится, такъ же какъ и соотвѣтствующія стѣны, а иногда остается вовсе не крашенной.

Столбы или колонки, поддерживающіе навѣсъ крыши съ западной и южной стороны „еви“, дѣлаются большей частью шести или восьмигранными. На срединѣ своей высоты они кромѣ того иногда украшаются шарообразными яблоками. Вершина столбовъ увѣнчивается кускомъ дерева, представляющимъ нѣкоторое подобіе капители („шапка“). Колонки эти красятся въ разные цвѣта, онѣ бываютъ или сплошь черными, коричневыми, красными, зелеными или синими, или же столбъ красится однимъ цвѣтомъ, напримѣръ, краснымъ, а его яблоко и капитель—другимъ, напримѣръ, синимъ.

Ставни дома раскрашиваются также масляною краскою или въ одинъ изъ вышеперечисленныхъ цвѣтовъ, или же въ видѣ трехъ-и четырехъугольниковъ, окрашенныхъ разными цвѣтами. Чаще всего встрѣчается здѣсь комбинація синяго или зеленаго цвѣтовъ съ краснымъ.

О раскрашиваніи входной двери мы говорили уже выше.

Digitized by Google

Наконецъ косяки оконъ и дверей также красятся по большей части въ тотъ же цвѣтъ, какъ двери и ставни.

Что касается раскраски хозяйственныхъ надворныхъ построекъ, то изъ нихъ иногда бѣлится только входъ въ винный погребъ, всѣ же остальныя строенія, не исключая и кухни, остаются не бѣленными, цвѣта желтой глины.

У богатыхъ крестьянъ домъ строится иногда и въ два этажа, но тогда потолокъ перваго этажа дѣлается гораздо ниже, чѣмъ второго. Вмѣсто „приспы“ съ южной и западной стороны, наравнѣ съ поломъ второго этажа, дѣлается деревянная галлерея, на которую противъ входной двери ведетъ деревянная лѣстница. Какъ галлерея, такъ и лѣстница ограждаются деревянными рѣзными перилами („пармаклык“). Въ нижнемъ этажѣ располагается тогда кухня и „мааза“ или кладовка, а въ верхнемъ „евь“.

Въ с. Камратѣ, столицѣ гагаузовъ, есть и каменные дома городского типа, но въ то же время они сохраняютъ и мѣстный колоритъ, обнаруживающійся въ устройствѣ обязательныхъ галлерей съ колоннами.

Въ заключеніе не лишнее будетъ представить приблизительный разсчетъ, во что обходится гагаузамъ хата средней величины:

Работы по кладкѣ стѣнъ и плотничныя 75 р. Главная балка потолка („зифть киреши“) 3 р.; 8 паръ топкихъ балокъ (по 1½ р. пара) 12 р.; 30 досокъ (по 80 к. пара) 24 р. Брусьевъ на „ляцы“ (по 25 к. штука) 12 р. 50 к. Около 800 сноповъ камыша на крышу (сотня сноповъ до 4 р.) 32 р. Итого 158 р. 50 к.

Если же хата кроется не камышемъ, а гонтомъ („шиндила“), то „шиндилы“ потребуется около 12 тысячъ, по 8 р. тысяча, 96 р., и тогда цѣна хаты поднимается до 254 р. 50 к.

Если же принимать въ расчетъ и другіе мелкіе и непредвидѣнные расходы, то на постройку хаты нужно отъ 200 до 300 руб.

Хозяйственныя надворныя постройки.

Къ дому гагауза бываетъ иногда пристроенъ такъ-называемый „килеръ“, т. е. конюшня. Крыша его обыкновенно односкатная и вершиной своей примыкаетъ къ стѣнѣ дома. Изъ всѣхъ помѣщеній для скота, строящихся обыкновенно отдѣльно отъ дома, для „килера“ дѣлается исключеніе, потому что въ Бесс-

Digitized by Google

рабіи очень развито конокрадство и естественно, что хозяинъ старается помѣстить лошадь, какъ самый дорогой скотъ, возможно ближе къ своему жилищу. Если у хозяина нѣтъ „килера", то онъ строитъ конюшню подъ одной кровлей съ кухней, которая отъ этого дѣлается очень длинной, или же отдѣльное зданіе въ общемъ похожее на кухню, въ которомъ помѣщеніе для лошадей всегда имѣетъ дверь, запирающуюся на замокъ.

Крупный рогатый скотъ сравнительно рѣдко помѣщается въ зданіи съ четырьмя стѣнами, гдѣ можно бы было запирать его на замокъ.

Такое зданіе называется „дам" или „сайван". Гораздо чаще можно встрѣтить хлѣвы безъ передней стѣнки, т. е. изъ задней и двухъ боковыхъ съ кровлей. Такая постройка называется „даяма". У самыхъ же бѣдныхъ крестьянъ для крупнаго рогатаго скота устраивается только навѣсъ на четырехъ столбахъ („чардакъ"). Но тогда его дѣлаютъ или съ одной задней стѣной или вмѣсто глиняной стѣны кладутъ полѣнницу кизяка („тизекъ"), смазанную глиной.

„Дам" и „даяма" кроются такъ же, какъ и „евь", на два или на четыре ската на „маказахъ", а „даяма" кромѣ того иногда и на одинъ скатъ, и тогда она называется „чалмар".

Матеріаломъ для покрышки всѣхъ этихъ хлѣвовъ чаще всего служитъ камышъ, а иногда кукурузная солома.

Потолка въ такихъ постройкахъ, конечно, никогда не дѣлается.

Вдоль задней стѣны „дама" ставятся обыкновенно длинныя деревянныя ясли, въ которыхъ закладывается кормъ скоту, и больше ничего кромѣ нихъ въ „дамѣ" увидѣть нельзя. Иногда подъ крышей „дама" устраиваютъ временный потолокъ изъ досокъ или жердей, если нужно спрятать сѣно, скошенное до Троицы (раньше времени), чтобы скрыть его отъ посторонняго глаза [1]).

Что касается овецъ, то онѣ зимуютъ большей частью въ степи, а если остаются на зиму при домѣ, то никакого особеннаго хлѣва для нихъ не дѣлается, а только къ „даму" или къ „далмѣ" пристраиваютъ небольшой дворикъ, окруженный плетневымъ заборомъ съ калиткой. Среди такого дворика въ нѣсколькихъ мѣ-

[1]) Косить раньше Троицына дня общество не позволяетъ и съ нарушителей этого правила берется штрафъ.

Digitized by Google

стахъ устраиваются изъ плетня же круглыя или продолговатыя ясли въ видѣ корзинъ для корму и деревянный желобъ („холлук“) для воды. Вотъ и все помѣщеніе для овецъ.

Само собой разумѣется, что въ ночное время изъ-за такой загородки очень легко украсть скотъ, но, къ счастію, кража скота здѣсь явленіе довольно рѣдкое и гораздо большею опасностью для овецъ можетъ быть нападеніе волковъ.

Для свиней, которыхъ гагаузы держатъ въ небольшомъ количествѣ, устраивается хлѣвушокъ изъ плетня, обмазаннаго внутри и снаружи глиной и изъ такой же или досчатой крыши, который называется „кочана“.

Если прибавить, что такой же, но еще меньшій домикъ дѣлается и для куръ и называется „кюмесъ“, то вотъ и всѣ надворныя постройки гагаузовъ, устраиваемыя для домашнихъ животныхъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ другимъ надворнымъ постройкамъ, скажемъ нѣсколько словъ о приготовленіи кизяка, который гагаузу даютъ его домашнія животныя и который въ экономической жизни этого народа играетъ не послѣднюю роль. Навозъ начинаютъ собирать на кизякъ съ осени, когда и скотъ уже болѣе не выгоняется въ поле. Для этого настилаютъ на дворѣ солому и на нее ежедневно утромъ и вечеромъ выкидываютъ навозъ и разсыпаютъ его ровнымъ слоемъ. Навозъ вывозится изъ хлѣва либо въ обыкновенной тачкѣ („тачка“) съ однимъ колесомъ и съ двумя ручками, или, когда выпадетъ снѣгъ, на маленькихъ ручныхъ санкахъ („маис кызаа“) или, наконецъ, просто выносятъ въ корзинахъ („читень“).

Когда такимъ образомъ накопится слой навозу съ полъ-аршина въ высоту, то выбирается новое мѣсто, куда его свозятъ и также застилается соломой. Весной, когда снѣгъ начинаетъ таять, устраивается такъ-называемый „дѣнеджекь“ (см. въ главѣ объ играхъ), при помощи котораго навозъ разминается ногами и уплотняется. Послѣ того берутъ отъ плуга сошникъ, придѣлываютъ къ нему ручку и полученнымъ такимъ образомъ инструментомъ разрѣзаютъ навозъ на кирпичи. Потомъ даютъ кирпичамъ подсохнуть и укладываютъ ихъ въ полѣнницы, называемыя „докурджюн“, въ которомъ кирпичи окончательно просушиваются. Совершенно сухіе кирпичи укладываются въ иного вида полѣнницы, занимающія гораздо менѣе мѣста, въ которыхъ они рас-

Digitized by Google

полагаются такъ, какъ въ обыкновенныхъ кирпичныхъ стѣнахъ. Въ этихъ полѣнницахъ („тизекьликь“) кизякъ уже сохраняется на зиму. Такимъ образомъ онъ поступаетъ въ топливо только черезъ годъ послѣ того, какъ его соберутъ.

Изъ числа прочихъ надворныхъ построекъ необходимо упомянуть слѣдующія:

1) Амбаръ для немолоченной кукурузы—„чить“.

2) Амбаръ для остальныхъ хлѣбовъ—„амбар“.

3) Небольшая постройка для сохраненія мякины—„плевник“.

4) Винный погребъ—„мааза“.

Амбаръ для хлѣбныхъ зеренъ („амбар“) строится слѣдующимъ ояразомъ:

На большихъ камняхъ кладется продолговатая четыреугольная рама изъ четырехъ толстыхъ бревенъ („кенть“), составляющая основаніе амбара. На углахъ ея утверждаются четыре вертикальныя стойки („дирекь“), которыя скрѣпляются между собою четырьмя косвенными, діагонально поставленными, поперечинами („паяѝнта“). Промежутки между четырьмя стойками заплетаются изнутри обыкновеннымъ плетнемъ изъ вертикальныхъ жердей („еришь“) и горизонтальныхъ вицъ. Кроется такое зданіе крышей на четыре ската изъ камыша, или кукурузной соломы. Внутри амбара ставятся перегородки изъ плетня высотой въ человѣческій ростъ, которыя дѣлятъ его на сусѣки („гёз“). Въ заключеніе всего какъ плетеныя стѣны амбара, такъ и его перегородки обмазываются слоемъ глины, а въ одной изъ стѣнъ надъ перегородками, т. е. подъ самой крышей, оставляется четырехъугольное отверстіе, запираемое досчатой дверцей на петляхъ. Такимъ образомъ лазить въ этотъ амбаръ для насыпки зерна и для вынимания можно не иначе, какъ подставляя къ его дверцамъ лѣстницу. Въ общемъ такая житница очень похожа на большую корзину съ крышкой. У богатыхъ гагаузовъ ее одѣваютъ изнутри вмѣсто плетня досками, а все остальное остается такъ же. Размѣры амбара около $1\frac{1}{2}$ сажени въ ширину и въ высоту и около 2 саж. въ длину.

Въ такомъ же родѣ строится и амбаръ для кукурузы („чить“), но менѣе основательно, чѣмъ „амбар“. Въ основаніе его также кладутся камни и на нихъ четыреугольная рама, въ углы которой ставятся четыре стойки, но эти послѣднія соединяются между

Digitized by Google

собою уже не косвенными перекладинами, а простыми горизонтальными сверху стоѣкъ („кирешь“). Изнутри этотъ амбаръ также оплетается плетнемъ или обивается досками, но не обмазывается глиной, а, наоборотъ, между досками оставляются большіе промежутки и плетень дѣлается менѣе плотнымъ для того, чтобы внутри такого амбара свободно гулялъ вѣтеръ и не скоплялась сырость, очень вредная для кукурузы. Съ тою же цѣлью „чить“ дѣлается длиннѣе обыкновеннаго амбара, уже его (около $1^1/_2$ арш. ширин.) и выше (до 2 саж. высот.).

Никакихъ отверстій и дверецъ въ такомъ амбарѣ не дѣлается. Нагрузка въ него кукурузы (немолоченной) производится сверху, для чего въ крышѣ прорѣзывается отверстіе, задѣлываемое по окончаніи нагрузки, а если нужно бываетъ зимою достать изъ него кукурузу, то часть стѣны разбирается или прорубается и потомъ снова закладывается или заплетается. Но такую операцію приходится производить очень рѣдко, такъ какъ запасъ обмолоченной кукурузы на расходъ держится вмѣстѣ съ прочими хлѣбами въ „амбарѣ“. Въ „чить“ помѣщаются только кукурузныя шишки, а стебли складываются кучами прямо на дворѣ; ими кормятъ коровъ и овецъ.

На многихъ дворахъ, кромѣ такихъ амбаровъ, въ послѣднее время начали строить, вѣроятно заимствуя отъ болгаръ, такъ-называемый „плевникъ“, помѣщеніе для „тозаклыка“ т.-е. сору, сгребаемаго съ „армана“ во время молотьбы и получаемаго при вѣяніи зерна, который состоитъ изъ размельченной соломы и идетъ въ кормъ скоту. Плевники, мною видѣнные, состояли просто изъ двухскатной плетневой крыши, поставленной прямо на землю, что-то въ родѣ шалаша. Въ такомъ плевникѣ у хорошаго хозяина держится постоянно сито для просѣиванія „тозаклыка“, такъ какъ въ корму скоту идетъ только крупная его часть.

Въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ кромѣ всѣхъ этихъ построекъ бываетъ еще такъ называемая „струнга“, т.-е. загонка для овецъ. Она представляетъ изъ себя отдѣльный небольшой четыреугольный дворикъ, окруженный плетневымъ заборомъ съ одной или нѣсколькими узкими щелями, черезъ которыя можетъ протискаться только одна овца. Такая загородка устраивается спеціально для доенія овецъ. Такъ какъ овцы доятся всегда большимъ стадомъ, то въ массѣ ихъ весьма затруднительно различить, которая овца

Digitized by Google

уже подоена, а которая нѣтъ. Поэтому овецъ загоняютъ въ „струнгу“, противъ щелеобразныхъ выходовъ ея сидятъ доильщики на табуретахъ съ подойниками въ рукахъ. Дозволяя овцѣ протискаться головой и передними ногами въ щель, доильщикъ хватаетъ ее за вымя, выжимаетъ изъ него молоко и выпускаетъ овцу изъ загородки. Вмѣсто выдоенной овцы подходитъ новая и подвергается той же операціи и т. д., пока всѣ овцы не будутъ выпущены изъ „струнги“. „Такъ какъ передъ „дамомъ“ всегда бываетъ дворикъ для помѣщенія овецъ, о которомъ было уже говорено выше, то чаще всего отдѣльной загородки для доенія ихъ не дѣлаютъ, а просто прорѣзываютъ въ плетнѣ, окружающемъ дворикъ, щели для выпусканія овецъ, что и замѣняетъ „струнгу“.

Для помѣщенія экипажей на дворахъ гагаузовъ строится иногда навѣсъ на четырехъ столбахъ, крытый камышемъ или хворостомъ и прислоняемый обыкновенно къ стѣнѣ одной изъ хозяйственныхъ построекъ.

Въ заключеніе, о надворныхъ постройкахъ необходимо сказать еще нѣсколько словъ о погребѣ для храненія вина („мааза“). Эта постройка наравнѣ съ „евью“ составляетъ предметъ особенной заботливости гагауза. Видно это хотя бы уже изъ того, что „мааза“, наравнѣ съ домомъ, удостаивается наружныхъ украшеній, считаемыхъ излишними для остальныхъ построекъ. Въ погребѣ украшается главнымъ образомъ его входъ; у нѣкоторыхъ хозяевъ онъ дѣлается въ видѣ полукруглой арки изъ мягкаго камня, тщательно вымазанной глиной и выбѣленной. На вершинѣ такой арки и по ея бокамъ дѣлаются изъ того же камня или изъ глины украшенія въ видѣ шаровъ или нѣкоего подобія урнъ, также выбѣленныхъ или раскрашенныхъ разными яркими красками. Иногда на выбѣленной наружной поверхности такой арки кромѣ того дѣлаются такіе же рисунки, размалеванные красками, какіе украшаютъ печи и наружныя стѣны гагаузскихъ хатъ.

Что касается внутренности погреба, то она устраивается различно, смотря по состоянію хозяина. Простѣйшее устройство состоитъ въ томъ, что вырывается четыреугольная яма съ вертикальными стѣнками. (Это не представляетъ здѣсь особаго затрудненія, такъ какъ почва состоитъ изъ чернозема или глины). Надъ ямой строится деревянный навѣсъ на шести столбахъ съ

Digitized by Google

двускатной крышей или полукруглый сводъ изъ мягкаго камня. Въ первомъ случаѣ для поддержанія крыши устанавливается по двумъ длиннымъ сторонамъ ямы шесть стоекъ, поддерживающихъ крышу, а въ середину двухъ короткихъ сторонъ еще два высокіе столба, на которыхъ кладется „зифть“, т.-е. балка, служащая гребнемъ крыши. Затѣмъ обыкновеннымъ порядкомъ дѣлается крыша, такая же какъ въ домѣ, изъ трехъ „маказовъ“ съ „ляцами“. На „ляцы“ вмѣсто гонту или камышу кладется слой хворосту, а на него слой соломы. Такая же крыша строится и надъ лѣстницей, ведущей въ погребъ, а потомъ все засыпается сверху землей. Если у хозяина есть въ запасѣ мягкій камень, то надъ ямой погреба и надъ лѣстницей ставятся деревянныя лекала въ формѣ полукруга, на нихъ настилаются доски и все обкладывается слоемъ мягкаго камня на глиняной массѣ вмѣсто цемента.

Когда такой сводъ высохнетъ, то лекала и доски убираются и получается погребъ съ каменнымъ полукруглымъ сводомъ, который сверху также засыпается землей. Лѣстница въ погребъ дѣлается пологая со ступеньками изъ глины, которыя у состоятельнаго хозяина обшиваются досками или обкладываются мягкимъ камнемъ. Входъ въ погребъ закрывается широкой деревянной двухстворчатой дверью на петляхъ. Иногда, впрочемъ довольно рѣдко, такіе погреба устраиваются подъ домомъ, обыкновенно подъ хаятой. Тогда уже приходится въ хаятѣ дѣлать досчатый полъ, который въ то же время служитъ потолкомъ погребу.

Стѣны погреба и лѣстницы, въ него ведущей, изнутри обыкновенно гладко обмазываются глиной и бѣлятся. Въ нѣкоторыхъ погребахъ устраивается въ задней ихъ стѣнкѣ глубокая, но вдвое болѣе низкая и втрое болѣе узкая, чѣмъ погребъ, ниша („бечь“), въ которой лѣтомъ получается болѣе низкая температура, чѣмъ въ остальномъ погребѣ. Вслѣдствіе этого она бываетъ очень удобна для сохраненія молочныхъ и другихъ легко портящихся продуктовъ.

Главнымъ образомъ такіе погреба назначаются для вина, бочки котораго укладываются лежмя на полу, но тамъ же помѣщаются кромѣ того всѣ консервы, заготовленные на зиму, въ боченкахъ, кадушкахъ и глиняныхъ горшкахъ, а къ потолку прикрѣпляются желѣзные крючки въ формѣ якорей („ченгель“),

Digitized by Google

на которые вѣшается сыръ въ сѣткахъ или мѣшкахъ, мясо и т. под. На зиму туда же убираются ульи съ пчелами.

Если случится хорошій урожай винограда и хозяинъ наготовитъ много вина, но погребъ его тѣсенъ, то излишнія бочки оставляются на всю зиму прямо на дворѣ. Только при этомъ наблюдается, чтобы бочки, разъ положенныя на мѣсто, не подвергались ни малѣйшему передвиженію и вообще не трогались, потому что въ противномъ случаѣ съ наступленіемъ весны вино въ такихъ бочкахъ начнетъ быстро портиться. Тѣ хозяева, которые желаютъ получить лучшіе сорта вина и имѣть у себя старыя вина, пользуются этимъ удобнымъ случаемъ. Оставивши бочку на дворѣ, они даютъ ей замерзнуть, при чемъ весь ледъ соберется по стѣнкамъ бочки, а въ серединѣ остается крѣпкое вино, которое уже не замерзаетъ. Это-то незамерзшее вино сливаютъ изъ нѣсколькихъ бочекъ вмѣстѣ и ставятъ его на погребъ, гдѣ уже можно сохранять его очень долго безъ всякой порчи, тогда какъ обыкновенное вино долгаго сохраненія въ погребахъ не выдерживаетъ, оно закисаетъ.

Ночью надворныя постройки, разумѣется, ничѣмъ не освѣщаются, но когда бываетъ надобность зайти въ нихъ въ темное время, то для освѣщенія употребляются обыкновенные фонари („фенер“) домашняго приготовленія съ сальной свѣчей, тоже приготовляющейся дома по способу маканія. Эти фонари бываютъ двухъ сортовъ, или 1) изъ жести, въ которой натыкано много дырокъ, такъ что она представляетъ собою какъ бы рѣшето, или 2) фонари обыкновеннаго вида съ бычачьимъ пузыремъ вмѣсто стеколъ.

Взаимное расположеніе всѣхъ вышеперечисленныхъ построекъ на дворѣ бываетъ чрезвычайно разнообразно, такъ что какого-либо общепринятаго порядка или однообразія въ этомъ отношеніи положительно нельзя замѣтить. Для примѣра укажу здѣсь на планъ расположенія надворныхъ построекъ у крестьянина средней руки, Янчу Кёся, у котораго я жилъ въ с. Бешалма. Домъ его стоитъ на углу двухъ улицъ у него имѣются: „евь“, „хаята“, передній дворъ, ничѣмъ не огороженный винный погребъ, „кухня“, „дамъ“, „амбар“, заборъ, отдѣляющій задній дворъ отъ передняго, ворота въ немъ, „саманнык“ (стогъ соломы), „арман“. Два послѣдніе

Digitized by Google

помѣщаются на заднемъ дворѣ, окруженномъ заборомъ, но не имѣющемъ никакихъ построекъ.

ПРИМѢЧАНІЯ *).

[1]) У гуцуловъ одна половина хаты дѣлается для себя, другая для гостей. Извѣстенъ также обычай кавказскихъ горцевъ устраивать для гостей «кунацкую».

ВД. с. 42.

[1]а) У якутъ, если отца нѣтъ, а есть братья холостые и мать, то мать остается по большей части съ меньшимъ сыномъ, присоединяя къ его хозяйству и свою наслѣдственную долю. У бурятъ старшихъ сыновей отдѣляютъ, а младшіе остаются у родителей. У Сахалинскихъ гиляковъ самые младшіе сыновья, какъ жившіе съ отцомъ до смерти, пользуются при наслѣдованіи особыми преимуществами.

Г. 1893 № 2 с. 32; Ibid. 1894 № 2 с. 137; Ж. XVII в. II с. 26.

[2]) То же самое у малороссовъ.

А. VII с. 383.

[3]) О гуцулахъ пишутъ, что они кроютъ крышу своихъ хатъ не такъ, какъ большинство малороссовъ, соломою, а «дранищами» или гонтами.

Щ. I с. 692.

[4]) Обычай оставлять въ полѣ по окончаніи жатвы горсть несжатыхъ колосьевъ, очень древній и принадлежитъ къ числу международныхъ. Повидимому, онъ относился не къ однимъ только зерновымъ хлѣбамъ, а вообще къ сбору всѣхъ плодовъ земли. Такъ, у евреевъ учили: «не возвращайся за забытымъ снопомъ, когда будешь обивать маслину, не пересматривай за собой вѣтвей, когда будешь снимать плоды въ виноградникѣ твоемъ, не обирай остатковъ за собою». У чеховъ есть обыкновеніе на плодовыхъ деревьяхъ оставлять не снятымъ по крайней мѣрѣ по одному плоду. У сербовъ даже есть пословица: «прокльата нива, на коіеі клас не остаіе».

Такимъ образомъ обычай оставлять на полѣ бороду является только частнымъ случаемъ болѣе общаго обычая приносить Богу жертву отъ всѣхъ плодовъ земли, въ видѣ благодарности за ихъ изобиліе. Библейское сказаніе о Каинѣ и Авелѣ передаетъ намъ тотъ моментъ, когда оба брата приносили такого рода благодарственную жертву. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ до насъ дошелъ этотъ обычай, онъ далеко не новъ. Еще древніе германцы оставляли на своихъ нивахъ часть несжатаго хлѣба, какъ они выражались, «для лошади Одина». Въ настоящее время бороду оставляютъ съ исполненіемъ различныхъ обрядовъ у великороссовъ (въ губ. Архангельской, Костромской, Самарской, Воронежской, Курской, Новгородской и Сибири). Самый обычай вездѣ одинъ и тотъ же: послѣднюю горсть колосьевъ оставляютъ не сжатой, перевязываютъ ее,

*) Объясненіе знаковъ см. „Этн. Обозр.“, кн. 54.

Digitized by Google

или завязываютъ узломъ, иногда украшаютъ полевыми цвѣтами и говорятъ, что она оставляется для Ильи Пророка, Миколы угодника или для самого Христа «на бородку». У малороссовъ этотъ обычай извѣстенъ въ Кіевской, Волынской и въ Сѣдлецкой губ. Тамъ жнецы оставляютъ несжатыми нѣсколько стеблей ржи, связываютъ изъ нихъ «Спасову бороду», обращенную колосьями внизъ, выминаютъ изъ этихъ колосьевъ зерно и сѣютъ между корнями оставленныхъ стеблей, приговаривая: «роди, Боже, на всякого долю—и бѣдного, и богатого».

Кромѣ того у нихъ поютъ пѣсни съ упоминаніемъ о бородѣ. Подобнымъ же образомъ завиваютъ бороду и у бѣлоруссовъ. У поляковъ въ Сѣдлецкой губ. обрядъ сходенъ съ малороссійскимъ: несжатые колосья также оставляются въ полѣ. Тамъ даже и называется горсть несжатаго хлѣба «broda». Но въ другихъ частяхъ Польши это названіе неизвѣстно, а вмѣсто него употребляется «pępek» (пупокъ). На полѣ его не оставляютъ, а сжинаютъ и несутъ къ помѣщику. Есть тотъ же обычай у новогрековъ на островѣ Лесбосѣ. Тамъ онъ, повидимому, совершенно одинаковъ съ гагаузскимъ. У вотяковъ Сарапульскаго уѣзда Большедораинской волости дер. Вишуръ-нирья въ полѣ оставляютъ горсть несжатаго хлѣба, чтобы былъ урожай на слѣдующій годъ. (Записано мною).

[4]а) У гуцуловъ на окнахъ хатъ также дѣлаются желѣзныя рѣшетки. ВД. с. 42.

XV.

Домашняя посуда и утварь для приготовленія пищи.

Воду носятъ съ колодца женщины въ двухъ ведрахъ, повѣшенныхъ черезъ плечо на деревянномъ коромыслѣ („суваджи“). Хотя названіе ведра „бакыр“ значитъ мѣдь, но мѣдныя ведра встрѣчаются очень рѣдко, развѣ только у богатыхъ; „бакыромъ“ же называется обыкновенное жестяное луженое ведро. Но иногда въ домѣ не бываетъ и такого, а только обыкновенныя деревянныя, которыя называются „вѣдря“ или „кѫфа“. Принеся воду, хозяйка переливаетъ ее въ круглую деревянную кадушку, которая закрывается крышкой и называется „ятык“. То же названіе носитъ и деревянный небольшой боченокъ, въ которомъ возятъ воду въ полѣ, когда ѣдутъ на полевыя работы. Если кто-либо желаетъ напиться воды, то беретъ для этого жестяную кружку („тенеки“) или глиняную съ ручкой („гѫрненц“). Чтобы вода для питья была всегда холодна, ее держатъ въ кувшинѣ съ

Digitized by Google

длинной шейкой („йыбрык“) изъ немурованной глины, который привозится изъ Турціи, а потому имѣется не у каждаго.

Для кипяченія воды держатъ большіе и маленькіе чугунные котлы („чювень“); въ большихъ варится бѣлье со щелокомъ, а маленькіе употребляются кромѣ того для вытопки сала и вообще для варки всякой пищи.

Глиняная посуда разныхъ формъ и величинъ покупается на базарѣ. Сюда относятся, во-первыхъ, большіе глиняные горшки („кюпь“), въ которыхъ сохраняются на зиму сало и другіе консервы, во-вторыхъ, горшки средней величины для сохраненія разнаго рода пищи и, наконецъ, глиняныя чашки („чанак“), въ которыхъ пища подается къ столу.

Для жаренья употребляется металлическая посуда разнаго вида и величины. Между нею различаются: 1) „Тава“—большая чугунная или мѣдная кострюля съ ручкой, 2) „Тенджера“—мѣдная, поменьше, тоже съ ручкой и 3) „Тепси“—большая мѣдная сковорода. Къ числу этой посуды надо отнести и кострюли въ формѣ горшка („бакыр чёльмекь“).

Муку держатъ въ большой круглой, плетеной изъ вѣтокъ, корзинѣ („унч тени“), вымазанной внутри глиной (около $2^1/_2$ футъ въ діаметрѣ и въ вышину). Для просѣиванія муки употребляются обыкновенныя рѣшета и сита.

Мѣсится тѣсто въ деревянномъ корытѣ („текня“) круглой палкой („дінекь“) около аршина длиной и около $1^1/_2$ дюйма толщиной, и раскатывается деревяннымъ каткомъ („оклава“).

Если нужно что-нибудь растолочь, то употребляется деревянная ступка („дюбекь“), для которой особаго пестика не полагается, его замѣняетъ первый попавшійся подъ руку кусокъ дерева или желѣза.

Подается пища на столъ въ глиняныхъ чашкахъ и мискахъ, а ѣдятъ ее изъ деревянныхъ раскрашенныхъ чашекъ русскаго издѣлія („папу̀рка“) или съ фаянсовыхъ тарелокъ („фарфури“) бѣлыми деревянными ложками („кашык“) и оловянными или жестяными вилками („фаркулица“). Вино подается въ стеклянномъ графинѣ или въ круглой плоской фляжкѣ („чотра“), приготовляемой изъ дерева или изъ коры тыквы „сусак“, и наливается въ стеклянные стаканы („фильджян“), которые подаются гостямъ на металлическихъ подносахъ съ высокими краями („табол“).

Digitized by Google

XVI.

П и щ а.

Главная составная часть пищи гагауза, такъ же, какъ и нашего русскаго крестьянина, это — хлѣбъ различныхъ видовъ и наименованій. Поэтому-то завтракъ и ужинъ называются: утренній хлѣбъ („сабаа екмяа") и вечерній хлѣбъ („авшам екмяа), поэтому же, говоря объ угощеніи, не называютъ никакой другой пищи, кромѣ хлѣба. Какъ у нашего крестьянина есть фигуральное выраженіе: „пожалуйте къ намъ нашего хлѣба-соли откушать" и говорится это даже тогда, когда на угощеніе подается самая изысканная и разнообразная пища, такъ и у гагаузовъ есть подобныя же выраженія. Напримѣръ; „они садятся есть хлѣбъ" („отураёрлар оннар екмекь йимяа"), что означаетъ въ переводѣ собственно: „они садятся за столъ".

Матеріаломъ для хлѣба служитъ мука пшеничная, ржаная и кукурузная.

Самый древній хлѣбъ — это, разумѣется, опрѣснокъ въ видѣ плоской лепешки, который называется „пита" или „чёрекь" изъ пшеничной муки. Въ сказкахъ всѣ приключенія героевъ начинаются съ того, что они обращаются къ матери или къ женѣ со словами: „яп бана бирь пита" (т.-е. спеки мнѣ лепешку), я пойду туда-то" [1]).

Слово „пита" болѣе новое, что же касается древняго названія опрѣснока, „чёрек", общаго гагаузамъ съ другими народами тюркской расы, то оно въ настоящее время въ разговорномъ языкѣ не употребительно, но извѣстно изъ старинныхъ пословицъ. Напримѣръ: „о истеер карнын ток олсун, хемь чёряан бютюнь олсун" (онъ хочетъ, чтобы и желудокъ былъ сытъ да и лепешка цѣла, т.-е. онъ требуетъ невозможнаго).

Кромѣ „питы" различаютъ еще одну лепешку „турта", которая дѣлается меньше „питы" около 1 четверти въ діаметрѣ, тогда какъ „пита" имѣетъ въ діаметрѣ около полуаршина. „Пита" дѣлается прѣсной и печется прямо на очагѣ или на кострѣ, а „турта" въ печкѣ при печеніи хлѣбовъ изъ того же кислаго тѣста, какъ и хлѣбъ, въ видѣ лакомства для ребятишекъ.

Переходной ступенью отъ опрѣснока къ болѣе позднему хлѣбу,

Digitized by Google

изъ кислаго тѣста, является такъ-называемый „хамурлу“ (отъ слова „хамур“—тѣсто). Это тоже лепешка изъ кислаго тѣста, которую приготовляютъ лѣтомъ во время полевыхъ работъ или молотьбы, когда всѣ семейные заняты и некогда печь настоящихъ хлѣбовъ. Тогда изъ смѣси пшеничной, ржаной и кукурузной муки дѣлаютъ кислое тѣсто, отгребаютъ въ одномъ мѣстѣ „ватры“ (т.-е. очага) огонь и золу, выметаютъ начисто, посыпаютъ мукой, кладутъ кусокъ кислаго тѣста и разминаютъ въ лепешку. А затѣмъ тѣсто прикрываютъ сверху листьями хрѣна и сгребаютъ на него горячую золу и уголья.

Хлѣбы изъ кислаго тѣста приготовляются такъ же, какъ и у насъ, т.-е. мѣсятся въ квашнѣ, закисаютъ и пекутся круглыми ковригами (въ 7 — 10 фунтовъ) въ печкѣ. Чаще всего такимъ образомъ пекутъ кислый ржаной хлѣбъ („чавдар екьмяа“), который здѣсь получается нѣсколько бѣлѣе, чѣмъ у насъ.

Сравнительно рѣже печется чисто пшеничный хлѣбъ („боодай екмяа“ или „пак екмяа“—чистый хлѣбъ). Довольно часто приготовляется также хлѣбъ изъ смѣси: пшеницы съ рожью, пшеницы съ кукурузой („сомун“) или изъ смѣси всѣхъ трехъ хлѣбовъ.

Наконецъ есть у гагаузовъ хлѣбъ изъ одной кукурузной муки, весьма тяжелый для желудка. Онъ печется или обыкновеннымъ способомъ въ печкѣ и называется тогда — „малай“, или поджаривается на сковородѣ, которая смазывается саломъ или масломъ. Такой кукурузный хлѣбъ считается вкуснѣе и называется „тепсидя малай“ (сковородный).

Хлѣбы, печеніе которыхъ связывается съ какимъ-либо обрядомъ или обычаемъ, всегда дѣлаются только изъ чистой пшеничной муки. Къ числу ихъ принадлежатъ: 1) Свадебный хлѣбъ („хамур“)—большой круглый плоскій, намазанный сверху медомъ, 2) „Прошка“—свадебный же хлѣбъ—то же, что „колачъ“, 3) „Колачъ“, которымъ называютъ круглый плоскій хлѣбъ въ $^1/_2$ или въ $^3/_4$ аршина въ діаметрѣ, украшенный сверху плетеніями изъ тонкихъ полосокъ тѣста или выдавленнымъ на верхней коркѣ клеймомъ отъ „просорника“ [1а] (деревянная форма, привозимая съ Аѳона и употребляемая тамъ для верхней корки просфоръ. Этимъ хлѣбомъ обмѣниваются родственники, какъ это описано въ главѣ „Семейныя отношенія“. „Колачомъ“ же называютъ крендели большіе и малые изъ тонкихъ полосъ тѣста, раскатанныхъ

Digitized by Google

въ видѣ кишки и сплетенныхъ въ формѣ кольца или буквы в, въ отличіе отъ кренделей изъ такого же тѣста, сплетенныхъ въ формѣ различныхъ другихъ болѣе или менѣе замысловатыхъ фигуръ, которыя называются „кукла", а также въ отличіе отъ кренделей, пекущихся исключительно на похоронахъ, которые получаютъ форму или простой круглой петли съ длинными концами („ёл колач") или равносторонняго треугольника („капити"). 4) „Паска"—хлѣбъ, который печется на Пасхальные праздники, кислый или на дрожжахъ („дрòжди") съ яицами, изюмомъ и шафраномъ. На верхней коркѣ его дѣлается изъ тонкаго тѣста крестъ. „Паской" же гагаузы называютъ и ватрушки съ тонкимъ слоемъ творогу, помазанныя яицомъ, которыя пекутся также только на Пасху.

Кромѣ обыкновенныхъ хлѣбовъ и обрядовыхъ изъ пшеничнаго же тѣста дѣлаются еще ржаные маленькіе хлѣбцы, колобки, и пирожки, употребляющіеся какъ лакомство или десертъ, какъ-то: 1) „песьмет", отличающійся отъ обыкновеннаго хлѣба только своею формой или величиной. Онъ дѣлается четыреугольнымъ, дюйма 3 длиной, 2 шириной и $1^1/_2$ вышиной. Затѣмъ 2) „гёзлемяа" — круглые плоскіе колобки около двухъ дюйм. въ діаметрѣ, поджаренные на салѣ. 3) „Кывырма" — полоски изъ тонкаго раскатаннаго тѣста, сплоенныя въ ровныя складки, посыпанныя сыромъ и поджаренныя въ сметанѣ. 4) „Каук" — пирожки изъ тончайшаго тѣста, безъ начинки, замѣшанные на молокѣ и яицахъ въ формѣ треугольниковъ, трапецій, параллелограммовъ, прямоугольниковъ и квадратовъ, вареныя и жареныя въ салѣ (въ родѣ нашего „хвороста" и олонецкихъ „сканцевъ"). „Каукомъ" же гагаузы называютъ кукурузныя зерна, вспучившіяся на горячемъ пескѣ или въ растопленномъ салѣ, которыя тоже ѣдятъ какъ лакомство. 5) „Плачинта" — такіе же какъ „каук" пирожки, но съ творожной начинкой. 6) „Пирýшка" (съ русскаго)—маленькій треугольный пирожекъ съ начинкой изъ сыра и рубленыхъ яицъ.

Далѣе необходимо упомянуть о кушаньяхъ изъ жидкаго тѣста. „Акытма" — соотвѣтствуетъ нашему блину. Тѣсто для него приготовляется изъ пшеничной муки на водѣ съ масломъ, творогомъ и яицами. Жарится этотъ блинъ на салѣ. Блюдо, приготовленное изъ такихъ блиновъ, положенныхъ одинъ на другой, пересыпанныхъ творогомъ, называется „дёшемяа". Нашему киселю

Digitized by Google

соотвѣтствуетъ „кàша“ (вѣроятно съ русскаго), сваренная изъ пшеничной муки съ водой.

Изъ цѣлыхъ пшеничныхъ зеренъ варятъ только „кòлеву“—кутью, употребляющуюся на похоронахъ и поминкахъ. Но изъ пшеничной крупы существуютъ нѣсколько сортовъ каши: 1) „Булгур“—каша изъ крупы, сваренной на водѣ, а затѣмъ поджаренная съ лукомъ, съ мясомъ или съ рыбой на салѣ. 2) „Сютлю булгур“—каша, сваренная на молокѣ съ картофелемъ и 3) „Кускус“—такая же каша на молокѣ съ яицами, но безъ картофеля. Изъ этой каши кромѣ того дѣлаются клецки для супа. Каша берется кусками и катается въ мукѣ.

Изъ числа клецекъ надо упомянуть еще: 1) „Тарана“. Пшеничную муку замѣшиваютъ съ теплой водой и кладутъ дня на три киснуть, а потомъ прибавляютъ свѣжей и дѣлаютъ тѣсто. Тѣсто это сушатъ и сухари вмѣстѣ съ творогомъ кидаютъ въ супъ. 2) „Ума чорба“—такія же клецки изъ пшеничной крупы, какъ „кускус“, но каша для нихъ сварена не на молокѣ, а на водѣ.

Изъ кукурузы, кромѣ хлѣба, варятъ еще кисель или кашу. Это извѣстная намъ, хотя, кажется, только по названію, „мамалига“. Дѣлается она такъ: въ котелкѣ кипятятъ воду и всыпаютъ туда, просѣянную сквозь сито, кукурузную муку. Мука тотчасъ же втягиваетъ въ себя всю воду котелка, разбухаетъ и принимаетъ видъ крутой каши. Ее выкладываютъ на доску, разрѣзываютъ ниткой на куски и ѣдятъ съ варенымъ кислымъ молокомъ.

Суповъ различаютъ три сорта: 1) „Чорба“ изъ говядины или рыбы съ вермишелью или картофелемъ. 2) „Борчу“ кислый супъ изъ закисшаго пшеничнаго клейстера съ мясомъ, рыбой, курицей или постный безъ всякой живности. Прибавляются къ нему кислая капуста, картофель, бураки или вермишель, а въ видѣ приправы: петрушка, лавровый листъ или „левуштан“ (несъѣдобная у насъ трава, называемая „зарей“). 3) Супъ изъ сырыхъ или сушеныхъ фруктовъ, въ родѣ нашего компота, „хошав“. Въ видѣ приправы къ нему прибавляется только лукъ. Фрукты, которые въ него могутъ входить, это—яблоки, персики и вишни. На зиму ихъ сушатъ, для чего просто вялятъ ихъ въ пустой комнатѣ, разложенными на коврѣ.

Digitized by Google

Мясо, чаще другихъ употребляемое въ пищу, это—баранина и телятина. Говядину и свинину приходится ѣсть сравнительно рѣдко. Что же касается баранины и телятины, то въ селѣ они всегда имѣются на продажу въ такъ-называемой „касапіи", т. е. мясной лавкѣ, которая устраивается съ разрѣшенія сельскаго общества, съ платой, назначенной этимъ обществомъ, въ свою пользу (рублей 30 въ годъ) и съ цѣнами, обществомъ установленными. Чаще всего такую „касапію" содержитъ „корчмаръ". Мясо, кромѣ супу, ѣдятъ жареное на сковородѣ или печеное на вертелѣ. То и другое называется „кебап".

Необходимое для заготовленія каждой пищи, свиное и говяжье сало запасается на зиму въ соленомъ видѣ.

Что касается рыбы, то ее гагаузы Бендерскаго уѣзда большей частью покупаютъ на базарѣ въ с. Камратъ, это преимущественно: окунь („ак балык"), карпъ („сазан"), линь („линь"), плотва („кызыл канат") и снѣтки („тюлькю"). Но въ иныхъ мѣстностяхъ и сами ловятъ рыбу сѣтями. Такъ, напримѣръ, гдѣ есть проточная вода во время разливовъ въ Дунаѣ, рыба черезъ лиманы („гёль") поднимается и въ рѣки, а гдѣ есть постоянныя запруженныя озерки (остатки прежней рѣки), тамъ попадаются караси („карас").

Изъ молочныхъ продуктовъ ѣдятъ молоко коровье и овечье сладкое и заквашенное. Въ свѣжемъ видѣ молока не любятъ, но непремѣнно варятъ. Кислое ѣдятъ тоже вареным („юурт"), а чтобы заквасить, употребляютъ оригинальный способъ: кладутъ въ свѣжее молоко нѣсколько серебряныхъ монетъ. Но „юуртъ" это цѣльное молоко, вмѣстѣ со сметаной; отъ него отличается такъ-называемый „уйнук", т. е. простокваша безъ сметаны, которую ѣдятъ, какъ отдѣльное блюдо. Творогу различаютъ нѣсколько сортовъ: „іишимик" обыкновенный творогъ изъ коровьяго молока и „нур" изъ сыворотки коровьяго молока; если сыворотку варить, то на четыре-пять ведеръ получается 4—5 фунтовъ „нуру". Далѣе „брынза" творогъ или сыръ изъ овечьяго молока. Его хорошо размѣшиваютъ и въ полужидкомъ видѣ сохраняютъ въ мѣхахъ („тулум"). Но если „брынзу" кипятить, то она дѣлается желтой и тягучей; тогда ее отливаютъ въ формы и называютъ „кашкавал". Сметану („каймак") употребляютъ, какъ приправу ко многимъ кушаньямъ; напримѣръ, ее ѣдятъ съ „мамалигой", съ

Digitized by Google

жаренымъ стручковымъ перцемъ или просто свѣжую смѣшиваютъ съ творогомъ.

Яйца, кромѣ приправы къ кушаньямъ, ѣдятъ въ видѣ яичницы („каурулмуш йыммырта“) и въ вареномъ видѣ. На Пасхѣ и на Ѳоминой недѣлѣ яйца красятъ („язылы йыммырта“). Самое яйцо чаще всего остается бѣлымъ и изрѣдка красится въ красный цвѣтъ, но оно разрисовывается узорами различныхъ цвѣтовъ. Преобладающимъ цвѣтомъ рисунка является—черный, но кромѣ того употребляются цвѣта: ярко-красный („ал“), темно-красный („пеньчере буясы“—оконная краска) и зеленый. Между частями рисунка различаютъ нѣсколько фигуръ, подражающихъ виду разныхъ предметовъ и животныхъ, какъ-то: „пулук“ (плугъ), „каплын бува“ (черепаха), „синекь“ (муха), „енгеч“ (ракъ), „дюмюклю“ (петли), „япраклы“ (листья), „коч кофасы“ (баранья голова), „тырмык“ (грабли) и др.[2]).

Видную роль въ пищѣ гагаузовъ играютъ консервы изъ овощей, а потому надо и о нихъ сказать нѣсколько словъ:

Капусту солятъ тѣмъ же способомъ, какъ и у насъ, разрѣзая кочанъ вдоль на 4 части. Арбузы, тыквы и огурцы солятъ цѣликомъ. Стручковый перецъ самый мягкій, бѣлый, поджариваютъ на маслѣ или на салѣ, а затѣмъ или прямо складываютъ въ глиняную посуду и такъ сохраняютъ, или кладутъ въ кадочку и заливаютъ уксусомъ съ душистыми травами. Кромѣ того, стручковый перецъ консервируется еще иначе: приготовляется такъ-называемый „долма бибер“ (т. е. наполненный перецъ). Со стручковъ перца часть ихъ, прилегающую къ стебельку, срѣзаютъ и, получивши чашечку, опускаютъ ее на короткое время въ кипящую воду; потомъ наполняютъ рубленою и поджареною на салѣ смѣсью: капусты, моркови, стручковаго перцу, чернаго перцу, порея, петрушки и немного чесноку. Чашечки перцу, нафаршированныя смѣсью, ставятъ на дно кадки отверстіемъ кверху, плотно одна къ другой и закрываютъ ими дно, а затѣмъ вторымъ слоемъ закупориваютъ отверстія перваго и т. д. до самаго верху кадочки. Затѣмъ все это заливаютъ виноградымъ сокомъ, обкладываютъ виноградными листьями, закрываютъ кадочку крышкой, замазываютъ отверстія глиной и ставятъ на погребъ. Красные баклажаны варятъ и потомъ сушатъ, сушеные же прибавляютъ къ „борчу“. Синіе баклажаны разрѣзаютъ вдоль пополамъ,

Digitized by Google

а затѣмъ мелко рубятъ и смѣшиваютъ: капусту, порей, петрушку, стручковый и черный перецъ и „чубрицу“ вмѣстѣ съ сурепнымъ масломъ и солью. Смѣсью этой фаршируютъ разрѣзанный баклажанъ, затѣмъ завертываютъ каждую штуку вѣтками сельдерея, солятъ, кладутъ въ боченокъ и наливаютъ сверху свѣжій виноградный сокъ или воду, настоянную въ теченіе 3—4 дней на виноградныхъ выжимкахъ („джибря“), выходящихъ изъ-подъ пресса.

Въ заключеніе о пищѣ не мѣшаетъ упомянуть и о лакомствахъ.

Кромѣ пряниковъ, орѣховъ и конфектъ базарныхъ, лакомятся еще сѣмечками подсолнечными, тыквенными „пындыкомъ“ (земляной орѣхъ, состоящій изъ твердыхъ клубней какого-то дико-растущаго корнеплода. Внутри орѣхи имѣютъ сладковатое бѣлое мясо). Затѣмъ деревенскіе мастера, такъ-называемые „халваджи“, приготовляютъ домашнимъ способомъ дешевыя конфекты, „хальвица“, которыя они и продаютъ, держа на металлическомъ блюдѣ по праздникамъ при выходѣ народа изъ церкви и на сельской площади, когда тамъ соберется хороводъ. Приготовляется „хальвица“ слѣдующимъ образомъ: растворяютъ сахаръ въ водѣ и увариваютъ растворъ до густоты сиропа, а когда загустѣетъ по охлажденіи, то катаютъ изъ него на гладкомъ камнѣ тонкія („около $^1/_2$ дюйма) палочки. Пока онѣ еще не совсѣмъ застыли, разрѣзываютъ на куски вершка въ 2 длиною и слегка перекручиваютъ. Такія конфекты бываютъ бѣлыя и розовыя.

Изъ напитковъ, кромѣ виноградnаго вина, еще очень любятъ „бозу“. Этотъ напитокъ варится или изъ кукурузной муки или изъ проса, которое нарочно для этого сѣется. Приготовляется этотъ напитокъ въ родѣ нашего квасу, т. е. мука заваривается горячей водой, закисаетъ и т. д. Приготовленіемъ его занимаются не всѣ хозяева, а только спеціалисты[3]).

Ѣдятъ четыре раза въ день. Утромъ часовъ въ шесть — завтракъ („сабаа екьмяа“), въ полдень—обѣдъ („ӱӱленъ“), часа въ въ 4—паужинокъ („икиньди“) и наконецъ часовъ въ 9 вечера—ужинъ („авшам екьмяа“). Чаю и кофе вовсе не пьютъ, даже богатые, и самоваровъ не держатъ, а потому всѣ 4 раза готовится что-нибудь жареное или вареное, не дѣлая различій въ пищѣ по часамъ дня: готовится и подается то, что есть или чего захо-

Digitized by Google

чется хозяйкѣ и членамъ ея семьи. На обѣдъ ѣдятъ больше, чѣмъ въ остальное время, и тогда бываетъ два-три разныя блюда. Лѣтомъ, когда работы въ полѣ много, правильность питанія нарушается. Горячей пищи тогда подолгу не ѣдятъ, а готовятъ что-то въ родѣ окрошки изъ квасу, собственнаго домашняго приготовленія, съ огурцами, лукомъ, чеснокомъ и хлѣбомъ. Когда созрѣютъ фрукты, то питаются только ими, а когда наконецъ созрѣетъ и виноградъ, на другіе фрукты перестаютъ и смотрѣть, а ѣдятъ только виноградъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) У болгаръ «пита»—кислый хлѣбъ.
БЩ. с. 581.
[1]а) У турецкихъ сербовъ на «колачъ» также ставятъ печать просорникомъ.
БС. с. 4.
[2]) У малороссовъ, также какъ и у гагаузовъ, для каждаго отдѣльнаго рисунка, изображаемаго на яйцѣ, существуютъ особыя названія, взятыя изъ міра животныхъ и растеній, какъ напримѣръ: «баранячы рогы», «кленовый лыстъ», «квіткі», «паучкы», «лапкы сорочы», «гусячы», «шулячы» и т. под.
И. III с. 125 № 8; Б. I с. 149; Е. т. 31, 1890 с. 131.
[3]) «Боза» или «буза» хорошо извѣстна въ Крыму, кромѣ того ее варятъ и кабардинцы на Кавказѣ.

XVII.

Куреніе табаку.

Хотя, по мнѣнію гагаузовъ, табакъ произошелъ изъ крови шейтана, но курить его не грѣшно. Почти всѣ мужчины большіе любители табаку. Грѣшно, по ихъ мнѣнію, курить только натощакъ, до обѣда.

Легенду о происхожденіи табака разсказываютъ слѣдующимъ образомъ:

Шли четыре монаха собирать подаяніе на монастырь и пришлось имъ дорогою проходить черезъ лѣсъ. Вдругъ изъ лѣсу послышался звукъ, похожій на плачъ ребенка. Монахи пошли по направленію звука и нашли маленькаго грудного ребенка мужского пола. Они взяли его къ себѣ въ монастырь, выкормили, воспитали, выучили грамотѣ и приготовили изъ него хорошаго

Digitized by Google

пѣвчаго. Когда онъ выросъ, то поступилъ въ одну церковь причетникомъ. Службу свою онъ зналъ и исполнялъ очень хорошо, но при чтеніи Евангелія никогда въ церкви не оставался, всегда выходилъ, потому что онъ былъ щейтанъ. Люди это замѣтили и въ одинъ изъ праздниковъ, какъ только началась служба, заперли и запечатали церковныя двери. Причетникъ, по своему обыкновенію, хотѣлъ выйти изъ церкви, но не могъ, а потому прыгнулъ вверхъ подъ потолокъ, упалъ на полъ и разбился. Кровь его облила церковный полъ. Священникъ обратился по этому дѣлу къ своему начальству. Архіерей приказалъ похоронить тѣло причетника въ церковной оградѣ. Такъ и сдѣлали. На могилѣ его выросла какая-то трава съ большими и красными цвѣточками. Священникъ прежде другихъ увидалъ ее, сорвалъ листъ, высушилъ, понюхалъ и сталъ чихать. „Это, говоритъ, псаломщикъ меня поминаетъ“. Пошелъ домой и разсказалъ про свою находку попадьѣ. Между тѣмъ кустъ отцвѣлъ и засохъ.

Попъ собралъ его сѣмена и на слѣдующую весну посѣялъ въ церковной оградѣ. Это и былъ табакъ. Отъ священника онъ разошелся потомъ по всему свѣту.

Мальчики начинаютъ курить съ 12—14 лѣтъ, но для женщинъ куреніе считается предосудительнымъ. „Только цыганки курятъ табакъ, говорятъ гагаузки, а мы не хотимъ быть цыганками“. Своего табаку не сѣютъ, но покупаютъ обыкновенную махорку („марфотка“) въ городѣ и прибавляютъ къ ней для запаху корень какой-то степной травы, которую называютъ „андыз“. Молодежь куритъ папиросы („цыгарка“), свертывая ихъ изъ кукурузнаго листа („папшой япраа“ или „казал“), а старики—трубки („люлька“). Кромѣ удовольствія отъ куренія считаютъ табакъ хорошимъ средствомъ отгонять сонъ, если приходится всю ночь пасти скотъ. Въ кисетѣ для табаку всегда носятъ съ собою кремень („чакмак ташы“), кусочекъ стали („чакмак“) и мохъ, вываренный въ золѣ вмѣсто трута („каф“). Къ этому способу добыванія огня прибѣгаютъ въ степи во время сильнаго вѣтра и при полевыхъ работахъ или при работѣ на арманѣ, гдѣ отъ спички легко можетъ загорѣться солома и случиться пожаръ.

Нюхательный табакъ въ большомъ употребленіи у стариковъ обоего пола.

Digitized by Google

XVIII.

О д е ж д а.

Судя по описанію Иречка [1]), Бендерскіе гагаузы уже успѣли нѣсколько измѣнить свой костюмъ сравнительно съ тѣмъ, который носили предки ихъ въ прежнемъ отечествѣ, на западномъ берегу Чернаго моря. Въ особенности это можно сказать о женщинахъ. Къ этимъ измѣненіямъ я еще вернусь ниже, а теперь перейду къ описанію современнаго костюма.

Женская сорочка („гёльмекь“) дѣлается длинною, безъ воротника, но съ рукавами. Она шьется исключительно изъ „бези“, очень тонкой бумажной матеріи домашняго тканья. На сорочку надѣвается бѣлая юбка („фуста“) изъ той же ткани, а сверхъ нея такъ называемый „фистан“, т.-е. платье, у котораго лифъ съ рукавами и юбка сшиты вмѣстѣ или сдѣланы изъ одного куска матеріи. Такой „фистан“ у молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ шьется иногда и изъ покупного ситцу, а у старыхъ и пожилыхъ всегда только изъ домотканной шерстяной матеріи. У молодыхъ цвѣтъ его всегда яркій: красный, голубой и лиловый, а у пожилыхъ—темный.

Эта, самая главная, часть костюма у бендерскихъ гагаузокъ значительно отличается отъ того, что носятъ ихъ соплеменницы за Дунаемъ. По описанію Иречка, „женская одежда (задунайскихъ гагаузовъ) состоитъ изъ короткой безрукавой куртки и широкихъ турецкихъ шальваръ пестрыхъ матерій“. И дѣйствительно, у бендерскихъ гагаузовъ сохранилось преданіе, что ихъ бабки, когда переселились изъ-за Дуная, носили не юбки, а шальвары. Что же касается безрукавой куртки, то она еще сохранилась подъ именемъ „колсуз фистан“ (безрукавый фистанъ), но надѣвается поверхъ фистана и уже выходитъ изъ моды, замѣняясь кофтой съ рукавами городского фасона, называемой „баска“, всегда чернаго цвѣта. Лѣтомъ надѣваютъ старинную безрукавку прямо на сорочку.

Безрукавка или кофта у дѣвушекъ, даже самыхъ маленькихъ, подпоясывается кушакомъ („колан“) изъ золотой или серебряной галунной ткани съ посеребренной пряжкой („пахта“), украшенной выпуклыми узорами. Этотъ кушакъ, покупаемый въ городѣ,

Digitized by Google

вытѣснилъ собою старинный, который еще сохраняется у нѣкоторыхъ пожилыхъ женщинъ и, по словамъ ихъ, обязательно долженъ надѣваться невѣстой на свадьбѣ, для чего, если его нѣтъ въ домѣ, берется на подержаніе у сосѣдей. Онъ называется „гюмюш кушак“ (т.-е. серебряный), но дѣлается изъ мѣди (посеребренной) и состоитъ изъ ряда мѣдныхъ колецъ, надѣтыхъ на кожаный ремень. Въ томъ экземплярѣ, который мнѣ показывали, кольца и пряжки были очень грубой отливки и потому въ общемъ кушакъ былъ тяжелъ и массивенъ.

Сверхъ „фистана“ женщины и дѣвушки носятъ передникъ („фута“) всегда чернаго цвѣта.

У задунайскихъ гагаузовъ, по словамъ г. Иречка, „женщины носятъ на головѣ платокъ, но разсказываютъ, что еще лѣтъ 40 тому назадъ, на памяти живущихъ, дѣвушки, въ отличіе отъ женщинъ, носили красныя фески“. У бендерскихъ гагаузовъ такихъ разсказовъ мнѣ не приходилось слышать, но у нихъ принято, чтобы на свадьбу дѣвушка надѣвала красный платокъ („ал дуак“), и въ пѣсняхъ ее называютъ—„алдуаклы“, т.-е. краснoплаточная. Можетъ быть, краснымъ платкомъ была замѣнена феска, которая въ Турціи составляетъ предметъ особой фабрикаціи, а у насъ въ Бессарабіи въ продажѣ не имѣется.

Въ настоящее время у бессарабскихъ гагаузовъ женщины и дѣвушки по головному убору вовсе не различаются. Всѣ онѣ надѣваютъ на голову „барис“, шелковый платокъ, который складывается по діагонали и повязывается на лобъ, такъ что узелъ находится на затылкѣ, а свободный уголъ накрываетъ затылокъ. „Барисъ“ у дѣвушекъ бываетъ яркихъ и свѣтлыхъ цвѣтовъ, ярко-голубой или красный, а у замужнихъ—темно-синій („мор барис“) или вообще темный. Поверхъ „бариса“ и женщины и дѣвушки надѣваютъ большой, всегда черный, платокъ („чембер“), покупной, изъ тонкой шерстяной матеріи, который тоже складывается по діагонали. Концы платка перекрещиваются подъ подбородкомъ и завязываются на затылкѣ. На лбу изъ подъ „чембера“ всегда виднѣется край „бариса“.

Такой способъ повязыванья платка называется „дартылы“ въ отличіе отъ другого, когда „чембер“, такъ же какъ и „барис“, повязывается на затылкѣ. Послѣдній способъ называется „мода“ или „намда“ и только что начинаетъ входить въ употребленіе

Digitized by Google

у дѣвушекъ. Но, впрочемъ, онѣ еще стыдятся показываться въ такомъ уборѣ на общественныхъ собраніяхъ и носятъ его только изрѣдка и то дома, на посидѣлкахъ. „Намода“ заимствуется отъ сосѣдей, молдаванъ, и потому называется также „влашка“.

На „чемберъ“ дѣвушки лѣтомъ прицѣпляютъ себѣ въ видѣ украшенія натуральные садовые цвѣты, а зимой „китки“ (кисточки изъ гаруса краснаго, зеленаго, синяго, чернаго и бѣлаго цвѣтовъ, съ заплетенной въ нихъ ниткой канители („тель“). Эти кисточки онѣ дарятъ и парнямъ въ знакъ расположенія къ нимъ, а парни, осчастливленные такимъ подаркомъ, прикалываютъ ихъ себѣ на шапку съ праваго боку.

Зимой, вмѣсто „чембера“, употребляются теплые тоже черные платки („шал“). Впрочемъ старыя старухи носятъ такіе платки круглый годъ.

На ногахъ женщины и дѣвушки носятъ вязанные на спицахъ, бумажные чулки („чырап“) и кожаные башмаки („емени“). Въ послѣднее время дѣвушки и молодыя женщины стали носить модные полусапожки („чепич“). Кромѣ длинныхъ чулковъ до колѣна, маленькія дѣти и старые старики носятъ еще теплые носки изъ грубой шерсти, которые обхватываютъ только одну ступню и называются „томак“. Въ пѣсняхъ сохраняется воспоминаніе, что женщины носили когда-то красные сапожки [1].

Зимой, какъ верхнее платье, женщины носятъ овчинный полушубокъ длиною до колѣнъ съ карманами („капавѣка“) или коротенькій безрукавый полушубокъ („кӯртка“). Въ отличіе отъ мужскихъ шубъ такого рода, которыя имѣютъ на бортахъ и рукавахъ мѣховую выпушку („прим“), женскія обшиваются по бортамъ и отверстіямъ для рукавовъ только черной тесьмой.

Богатыя женщины, кромѣ полушубка, надѣваютъ въ праздничные дни длинную лисью шубу съ широкими рукавами, крытую чернымъ сукномъ („джянынкер“) или короткую лисью же шубу, также съ широкими рукавами—„салтамарка“. Эти шубы дѣлаются также и на черномъ барашкѣ.

На рукахъ зимой носятъ вязанныя изъ овечьей шерсти рукавицы („ельдивень“) съ однимъ пальцемъ.

Волосы женщины носятъ заколотыми на головѣ подъ платкомъ и никогда не открываютъ ихъ, а дѣвушки заплетаютъ въ двѣ косы и распускаютъ по спинѣ, вплетая въ концы косъ

Digitized by Google

узенькія шелковыя ленточки („ширит“) красныя, синія и зеленыя.

На ушахъ всѣ женщины носятъ серьги („кюпя“) мѣдныя или оловянныя, покупаемыя на базарѣ, съ дешевенькими камешками.

Въ праздники дѣвушки надѣваютъ на шею ожерелье изъ тонкихъ золотыхъ кружковъ, о которыхъ мы писали выше въ главѣ о свадьбѣ. Такіе кружки приготовляются нарочно для гагаузовъ и болгаръ особыми мастерами „куюмджю“; на нихъ оттискиваются разные выпуклые узоры, которые должны придавать кружкамъ подобіе монеты. Такого рода ожерелья вѣшаются на шею въ три ряда одинъ надъ другимъ. Самые большіе („лефть“) вѣшаются выше всѣхъ, подъ шеей. Во второмъ ряду, пониже, вѣшаются кружки средняго размѣра („махмудя“) [3]). Наконецъ въ самомъ нижнемъ ряду—самые мелкіе („алтын“). Несомнѣнно, что названія этихъ кружковъ произошли отъ названій старинныхъ турецкихъ монетъ [4]).

Кромѣ золотыхъ кружковъ, дѣвушки носятъ на шеѣ кораллы и ожерелья изъ стеклянныхъ бусъ всевозможныхъ видовъ и цвѣтовъ. Въ общемъ всѣхъ этихъ украшеній вѣшается такъ много, что они закрываютъ всю грудь до самаго пояса. На нѣкоторыхъ ожерельяхъ бываютъ крестики изъ кости (привезенные изъ Кіева) или стеклянные.

На рукахъ дѣвушки и молодыя женщины носятъ недорогіе браслеты металлическіе и стеклянные.

Украшать лица бѣлилами и румянами не принято и даже считается грѣхомъ. Если нѣкоторыя дѣвушки иногда и нарушаютъ это правило, то не иначе, какъ подъ строгимъ секретомъ.

Что касается мужского костюма, то въ немъ еще меньше разницы между бессарабскими и задунайскими гагаузами, чѣмъ въ женскомъ.

Мужчины носятъ короткую сорочку, такъ же какъ и женщины, изъ „бези“ домашняго приготовленія или же изъ покупного пестраго ситцу („чить“). Воротникъ рубашекъ—стоячій, застегивающійся на пуговкѣ. Разрѣзъ ворота очень длинный, прямой и идетъ по серединѣ груди почти до пояса. Грудь мужской сорочки дѣлается иногда плоеной („борушуклу гёльмекь“).

На ногахъ носятъ кальсоны изъ такой же „бези“, какъ и сорочки, или изъ пеньковой домотканной парусины.

Digitized by Google

Сверхъ сорочки надѣвается короткая фуфайка („фанела“) изъ шерстяной матеріи — домашняго приготовленія, клѣтчатой или полосатой. Цвѣтовъ она бываетъ большею частью зеленаго или краснаго съ чернымъ. Узкіе въ обтяжку рукава „фанелы“ обшиваются обыкновенно неширокимъ чернымъ бархатнымъ обшлагомъ („ень“). Вырѣзъ для шеи и небольшой разрѣзъ, идущій внизъ не по серединѣ груди, также обшивается чернымъ бархатомъ. Изъ того же матеріала на груди „фанелы“ дѣлаются вышивки.

„Фанела“ надѣвается такъ же, какъ сорочка или какъ обыкновенная фуфайка, черезъ голову. Такъ же какъ и сорочка, она заправляется въ шаровары. Верхній край этихъ послѣднихъ всегда заматывается длиннымъ шерстянымъ вязанымъ кушакомъ, съ которымъ гагаузская молодежь никогда не разстается, даже во время самыхъ сильныхъ лѣтнихъ жаровъ. Кушакъ у стариковъ дѣлается гораздо шире, чѣмъ у молодыхъ. У молодыхъ онъ бываетъ только краснаго цвѣта, а у пожилыхъ синяго. Въ отношеніи кушака между бессарабскими и задунайскими гагаузами нѣтъ никакой разницы. Про этихъ послѣднихъ Иречекъ пишетъ, что они также носятъ „красный кушакъ“.

Что касается шароваръ („чаашыр“), то молодежь носитъ ихъ болѣе узкими, а старики—такими же какъ, по описанію Иречка, задунайскіе гагаузы, т.-е. очень широкими. Цвѣтъ ихъ всегда черный. Въ нѣкоторыхъ селахъ, какъ въ Хайдарѣ и Джялтаѣ, молодежь подшиваетъ подъ шаровары красную подкладку, которую, подсучивая низъ шароваровъ во время танцевъ, выставляютъ наружу [5]).

Сверхъ „фанелы“ надѣваютъ короткую безрукавку въ родѣ жилета („минтан“) [6]). Она имѣетъ стоячій невысокій воротникъ и застегивается на петли и застежки изъ толстаго шнурка („гайтан“) на одинъ бортъ. Край воротника и бортъ у „минтана“ обшиты тѣмъ же гайтаномъ чернаго цвѣта. „Минтан“ дѣлается настолько короткимъ, что едва только закрываетъ кушакъ, въ шаровары онъ не заправляется. Нужно думать, что эта часть костюма принадлежитъ къ числу старинныхъ, потому что такія же куртки-безрукавки, по описанію Иречка, носятъ и задунайскіе гагаузы.

Даже цвѣтъ „минтана“ у тѣхъ и другихъ сходенъ: у заду-

Digitized by Google

найскихъ онъ голубой, и бессарабская молодежь также носитъ „минтан“ ярко-голубой, но, кромѣ того, онъ бываетъ здѣсь ярко-краснаго и зеленаго цвѣтовъ. Впрочемъ, такой „минтан“ парни надѣваютъ только по праздникамъ въ церковь, онъ дѣлается тогда даже атласный или изъ чернаго бархата. Но дома и въ будни носятся болѣе простые, изъ ситца или изъ тонкаго домашняго сукна („лйту“) чернаго или темнаго цвѣта. Зимой носится теплый „минтан“ изъ толстаго тоже домашняго сукна („дими“).

Г. Иречекъ не упоминаетъ о другой верхней одеждѣ у задунайскихъ гагаузовъ, кромѣ „минтана“, и надо думать, что минтаномъ прежде и кончался костюмъ, потому что въ одномъ „минтанѣ“ ходятъ и въ церковь и дома въ теплое время года, тогда какъ въ одной рубашкѣ и „фанелѣ“ не ходятъ ни въ церковь, ни на общественныя собранія: это считается неприличнымъ. Но теперь сверхъ «минтана» носятъ еще „антыре“ [7]), тоже короткую, однобортную куртку со стоячимъ воротникомъ и узкими рукавами. (Такая же куртка въ Бессарабіи есть у болгаръ и молдаванъ и носитъ такое же названіе). Она дѣлается изъ чернаго или темно-синяго сукна и обшивается гайтаномъ. Молодежь надѣваетъ ее сравнительно рѣже, чѣмъ старики. (У болгаръ, на сколько мнѣ приходилось ихъ наблюдать, всякихъ украшеній на груди и по бортамъ „антыре“ изъ гайтана и даже изъ кусковъ краснаго сукна несравненно больше, чѣмъ у гагаузовъ).

Длина „антыре“ совершенно равняется длинѣ минтана, т. е. закрываетъ только кушакъ. Лѣтомъ ее носятъ въ накидку.

Въ дорогу надѣваютъ длинный армякъ изъ толстаго сѣраго или бѣлаго домашняго или покупного сукна („аба“) съ широкими рукавами и съ остроконечнымъ капюшономъ въ родѣ башлыка („гугла“). Армякъ этотъ надѣвается на случай дождя, какъ это видно изъ его названія „яамурлук“ (отъ слова „яамур“—дождь).

Въ холодное время года и зимой носятся нагольные овчинные полушубки („кюркь“) различныхъ видовъ. Есть полушубокъ, соотвѣтствующій минтану, т. е. въ видѣ короткой безрукавки („минтан кюркь“), есть въ видѣ антыре короткая и съ узкими рукавами („кыса кюркь“). Далѣе есть короткая шуба-безрукавка („кептар“), заимствованная гагаузами отъ моканъ (трансильванскихъ молдаванъ-горцевъ), отличающаяся отъ „минтан кюркь“ только тѣмъ, что она застегивается не на груди, а на бокахъ

Digitized by Google

и надѣвается, какъ фанела, черезъ голову. Наконецъ, есть еще полушубки длинные съ гальей и съ рукавами въ родѣ русскихъ („белли кюркь"), которые считаются старинными и теперь носятся довольно рѣдко. Такіе же самые полушубки но безъ тальи („тулуп") носятъ только старики. Всѣ эти сорта полушубковъ остаются бѣлыми, никогда не красятся ни въ какой цвѣтъ и не покрываются сукномъ. Но на груди они почти всегда украшаются, какъ и у нашихъ крестьянъ, различными узорами, вышитыми черной ниткой. Овчина для полушубковъ выдѣлывается домашнимъ способомъ въ бочкахъ безъ одного дна, которыя называются „сепи фычи". Для этого приготовляется крѣпкій растворъ соли и насыпается въ него кукурузная мука, которая должна закиснуть. Продержанная въ такомъ растворѣ кожа дѣлается мягкой и очень бѣлой. Позже, когда полушубокъ загрязнится и бѣлизна кожи утратится, его подновляютъ, натирая мѣломъ.

Кромѣ обыкновенныхъ суконныхъ шароваръ, старики носятъ зимою еще шаровары изъ овчины, мѣхомъ во внутрь, которые называются „мешин" [8]). Въ с. Бешалма они еще есть, но въ Конгазѣ ихъ уже оставили и смѣются надъ тѣми, кто ихъ носитъ, называя ихъ „коч" (т. е. баранъ).

На ногахъ носятъ лапти („чарык") изъ воловьей или свиной шкуры. Кожа для этого берется не выдѣланная, шерсть счищается ножомъ. Вырѣзывается продолговатый четыреугольникъ, задняя сторона котораго, приходящаяся на пятку, закруглена. Углы четыреугольника, приходящіеся впереди, завертываются вверхъ, образуя острый носокъ, и сшиваются по линіи ихъ прикосновенія, а задняя часть лаптя нанизывается на узенькій ремешокъ, на которомъ стягивается вокругъ пятки. Подъ эти лапти на ногу наматывается портянка („саргы") изъ бѣлой шерстяной матеріи, въ которую завертывается и нижняя часть панталонъ. Привязываются лапти къ ногѣ толстымъ снуркомъ („кара баа"), сплетеннымъ изъ чернаго конскаго волоса; имъ же заматывается и портянка, поднимающаяся до колѣнъ.

Зимою эта обувь замѣняется у старниковъ сапогами съ высокими голенищами („чизьмя"), а молодые франты замѣняютъ ее въ послѣднее время модными штиблетами („чепичь"), причемъ шаровары носятъ тогда на выпускъ.

По словамъ Иречка, задунайскіе гагаузы „носятъ на головѣ

Digitized by Google

красныя фески, которыя замѣняются въ послѣднее время болгарскими барашковыми шапками". У бессарабскихъ не сохранилось даже и воспоминанія о томъ, что они когда-то носили фески. Лѣтомъ носятъ круглыя войлочныя городского типа шляпы съ полями, которыя называются „паралія", а зимой и въ холодное время—невысокія, круглыя, барашковыя бѣлыя и черныя шапки съ плоскимъ верхомъ („калпак") или же высокія съ острымъ верхомъ („сиври калпак"). Кромѣ того, существуютъ еще зимнія шапки съ пришитыми къ нимъ мѣховыми наушниками, которыя сохраняются кое-гдѣ у стариковъ какъ рѣдкость („кулаклы калпак"—ушатая шапка).

На шеѣ мужчины носятъ покупной шарфъ („гарус"), вязанный изъ шерсти яркихъ цвѣтовъ. Но молодежь такой шарфъ носитъ только зимой, а лѣтомъ надѣваетъ на праздникъ и въ церковь черную шелковую повязку, въ родѣ галстуха („батист"). Концы шарфа или галстуха завязываютъ узломъ спереди и прячутъ подъ минтанъ.

Шейныхъ крестовъ не носятъ и даютъ по поводу этого очень странное объясненіе: „Ходить съ такимъ крестомъ за нуждой было бы большимъ грѣхомъ, а снимать его всякій разъ было бы чрезвычайно неудобно".

Волосы на головѣ у мужчинъ подстригаются довольно коротко, но старики помнятъ, что прежде носили длинные волосы до плечъ, а на вискахъ висѣли длинныя пряди волосъ, въ родѣ еврейскихъ пейсовъ, которые назывались „сія перчан" (бѣлые виски). Кромѣ того, сохранилось преданіе, что когда предки нынѣшнихъ гагаузовъ пришли въ Бессарабію изъ Добруджи, то ихъ старики носили еще косу.

Усовъ никогда не брѣютъ и безусаго человѣка считаютъ до нѣкоторой степени уродомъ, но бороду брѣютъ всѣ, какъ старые, такъ и молодые, и надъ бородатыми смѣются. Этотъ послѣдній обычай старики объясняютъ слѣдующимъ образомъ: „Богъ и святые, говорятъ они, всегда изображаются на иконахъ съ бородой, но мы ея не носимъ потому, что считаемъ себя грѣшными и недостойными походить на Бога даже по внѣшности".

Употребительная у нашего русскаго народа серьга, носимая въ одномъ ухѣ, встрѣчается иногда и между гагаузами, но очень рѣдко, потому что у большинства подвергается осмѣянію.

Digitized by Google

Палки, носимыя въ рукахъ, составляютъ, какъ и вездѣ, принадлежность старости и власти, ихъ начинаютъ носить съ 35—40 лѣтъ, но лица, выбранные „касиромъ“ (сборщикомъ податей), носятъ ихъ и раньше этого возраста, какъ признакъ своей власти.

Исключеніе изъ этого правила составляютъ палочки съ желѣзнымъ топорикомъ на концѣ („кюлюнкъ“), съ которымъ всѣ парни ходятъ зимою на посидѣлки. Въ другое время носить ихъ не принято [9]).

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) **БЪ.** с. 142.

[2]) Хотя ношеніе обуви изъ краснаго или желтаго сафьяна вовсе не представляетъ рѣдкости, но нельзя сказать, чтобы оно было принято у всѣхъ народовъ, а потому не мѣшаетъ перечислить народы, о которыхъ удалось собрать свѣдѣнія положительныя. У арабовъ XVI стол. носили обувь изъ краснаго сафьяну, а женщины египетскихъ арабовъ и до настоящаго времени носятъ родъ подбащмачковъ («мэзд») изъ желтаго сафьяна. Такого же сафьяна носятъ туфли современныя турчанки. У персовъ временъ сасанидовъ носили красные сапоги. Такіе же сапоги носятъ до сихъ поръ богатые монголы и калмыки. У мордвы Саратовской губерніи невѣсты надѣваютъ на свадьбу красные чевяки. У насъ въ Россіи князья XI стол. изображаются на древнихъ картинахъ въ красныхъ сапогахъ. Женщины малороссіянки носятъ красные и желтые сапоги въ Кіевской губ. (Сквирскій, Каневскій и Васильковскій уѣз.) и въ восточной Волыни (Новоградъ-Волынскій уѣз.); въ этой же послѣдней носятъ и сапоги желтаго цвѣта. Наконецъ гуцулки въ Галиціи въ с. Доры Коломыйскаго уѣзда носятъ красные и желтые сапоги, а въ с. Ермаковкѣ Чортковскаго уѣзда—только желтые.

А. VII с. 430; **БЬ.** с. 122; **Щ.** I с. 8 и 15; **Г.** 1892 № 4 с. 149; **АЛ.** с. 431; **И.** VIII с. 117; **Ъ.** 1895 в. I с. 34; **АЫ.** (Турки) с. 50; **БЭ.** с. 148; **АР.** II с. 742.

[3]) По объясненію г. Ястребова, у турецкихъ сербовъ «махмудіиа» — золотая монета временъ султана Махмуда.

БС. с. 482.

[4]) Обычай у женщинъ носить на шеѣ золотыя или серебряныя деньги извѣстенъ: у болгаръ, эстовъ, вотяковъ и черемисъ, но онъ вовсе не принадлежитъ къ числу рѣдкихъ. О гуцулкахъ пишутъ, что онѣ любятъ украшать шею огромнымъ количествомъ бусъ, изъ которыхъ предпочитаютъ подражающія цвѣтомъ и блескомъ золоту. У малороссовъ украинскихъ дѣвушки въ старину носили на шеѣ «дукаты»: Въ Галиціи въ г. Печенѣжинѣ горожанки носятъ на шеѣ «дукачи» вверху меньшіе, внизу—большіе. Иная богатая повѣситъ 8—12 дукачей.

Д. с. 47; **Г.** 1892 № 1 с. 162; **И.** XIII с. 28; **Е.** XXXI с. 49; **Ж.** VII с. 502.

[5]) По словамъ Кайндля, у гуцуловъ штаны также дѣлаются длиною до пятъ и также подкручиваются кверху, но только такой костюмъ носится постоянно.

Digitized by Google

БД. с. 50.

[6]) Не одного ли происхожденія названіе гагаузскаго «минтана» съ названіемъ лисьей шубы, которая носится галиційскими лемками и называется «мента»?

Щ. I с. 6.

[7]) У турецкихъ сербовъ «антериіа»—длинная поддевка съ перехватомъ въ тальѣ; одежда въ родѣ поповскаго подрясника.

БС. с. 468.

[8]) Обычай носить кожаные шаровары извѣстенъ у слѣдующихъ народовъ: въ древности ихъ носили фракійцы, сарматы и скиѳы; въ настоящее время у нѣмцевъ (въ Каринтіи, въ Игляу, въ Богеміи, въ Баваріи и въ Бёмервальдѣ), у поляковъ (въ Познани, на Куявахъ, въ Петроковской губ. и въ Келецкой), у киргизовъ и у турокъ.

АЪ. II с. 61, 63; **БЯ.** с. 32; **БЮ.** с. 203, 220, 222, 223, 224; **Г.** 1893 № 2 с. 228. **АЕ.** 1896 в. 3 с. 276; **ВА.** I с. 66; I bid. II с. 156; **ВБ.** с. 37; **АЫ.** (Германія) с. 163; **ВВ.** 1846 № 1 с. 35.

[9]) Такія же палочки съ молоткомъ на концѣ носятъ и гуцулы. Онѣ называются тамъ «келевъ».

БД. (рисунокъ костюма); **Ж.** VII с. 560.

XIX.

Ткацкое дѣло.

Описавъ одежду гагаузовъ, необходимо остановиться и на состояніи у нихъ ткацкаго дѣла, во первыхъ, потому, что оно играетъ важную роль въ жизни народа и въ его хозяйствѣ, а, во вторыхъ, потому, что гагаузскія женщины большія мастерицы въ тканьѣ.

Пишущему настоящія строки пришлось составлять коллекцію образчиковъ домотканныхъ матерій изъ царства Польскаго и изъ нѣкоторыхъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ губерній (коллекція эта въ настоящее время находится въ этнографическомъ музеѣ Императорской с.-Петербургской Академіи Наукъ). И вотъ изъ сравненія всѣхъ сказанныхъ образчиковъ съ гагаузскими невольно убѣждаешься, что гагаузы въ ткацкомъ дѣлѣ ушли не только дальше бѣлоруссовъ Минской губ. и малороссовъ Волынской, но даже и поляковъ. Ихъ можно поставить на одинъ уровень развѣ только съ латышами Витебской губерніи, которые, какъ кажется, переняли свое искусство отъ нѣмцевъ [1]).

Правда, что гагаузы отстали отъ этихъ послѣднихъ въ разнообразіи рисунковъ, но зато они ткутъ не только въ 4 или 5

Digitized by Google

ничельницъ, что для ручной работы считается очень труднымъ дѣломъ, но еще, кромѣ того, работаютъ по способу, который они называютъ „кырма“, составляющему соединеніе тканья съ вязаньемъ, между тѣмъ какъ малороссы, бѣлоруссы и поляки не ушли далѣе тканья въ 3 ничельницы, а ткущіе на 4 ничельницы считаются даже и у польскихъ крестьянъ большой рѣдкостью.

Въ послѣднее время у насъ въ большихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Варшавѣ, вошли въ моду такъ называемыя, „болгарскія“ ткани. Но извѣстно, что гагаузы не только въ центральвой Россіи, а и въ самой Бессарабіи причисляются къ болгарамъ. А потому возможно, что нѣкоторая доля въ работѣ болгарскихъ тканей принадлежитъ и гагаузамъ.

Матеріалами для ткацкаго дѣла служатъ больше всего: хлопчатая бумага, шерсть и отчасти конопля. Ленъ же и шелкъ входятъ въ ткани рѣдко или только въ самомъ ограниченномъ количествѣ.

Нѣмецкія прялки съ колесомъ, употребляющіяся повсюду въ Польшѣ, гагаузамъ еще неизвѣстны, у нихъ есть только стариннаго устройства прялка („рöке“), состоящая изъ точеной ножки („рöке“), вставленной въ небольшую горизонтальную доску („сталка“). На верхній конецъ ножки кладется волокнистый матеріалъ, притягивается къ палкѣ ремнемъ („харты“) и покрывается сверху точеной деревянной шапкой („башлык“). Прядутъ этой прялкой, сидя на полу, при помощи веретена („іи“) обыкновеннымъ способомъ. Кромѣ этой прялки, есть еще маленькая ручная прялка („фурка“), которая затыкается за поясъ и съ которой можно прясть даже на ходу. Съ такими прялками въ рукахъ женщины ходятъ одна къ другой въ гости.

Съ веретена пряжа перематывается на „аршин“ для ея измѣренія. Эта мѣра не соотвѣтствуетъ въ точности нашему аршину, но выходитъ длиною около локтя, т. е. разстоянія отъ локтя до конца пальцевъ вытянутой кисти, 60 оборотовъ нитки на такомъ аршинѣ составляетъ мѣру „чиля“, а 6, 8, 10, 12 „чиля“ называется „келеб“.

Съ „аршина“ мотокъ нитокъ перекладывается на „илемня“, съ котораго при помощи „чикрыка“ пряжа навивается на тростниковыя трубочки („калем“), съ которыхъ на рамкѣ „чёзгю“

Digitized by Google

снуется въ основу („ериш“) и навивается на валъ („кросна“) ткацкаго станка („дюзень“). При навиваніи основы на „кросна“, чтобы она не путалась, нити ея время отъ времени перекладываются кусками камыша. Если же нужно приготовить утокъ („аргач“), то нитки навиваются „чакрыкомъ“ на тростниковую трубочку („масур“), которая надѣвается на ось („гёбекь“) челнока („мекикь“).

Ткацкій станокъ можетъ разбираться весь по частямъ и собирается только тогда, когда въ немъ есть необходимость. Стойки и продольныя перекладины, изъ которыхъ состоятъ боковыя рамы станка, называются „харапка“, ничельницы — „гюджю“, бердо—„тарак“, а деревянная досечка съ отверстіями, которой натягивается туго валъ съ готовой матеріей, почему-то называется по-русски—„запрягалка“.

При работѣ ткацкій станокъ ставится на кухнѣ, той стороной, гдѣ сидитъ ткачиха, противъ окна, на долмѣ (глиняной скамейкѣ, идущей вдоль передней стѣны), а другой его конецъ на деревянную скамейку, поставленную на полу хаты.

Количество сотканнаго полотна измѣряется „натрами“, а „натра“—это разстояніе вдоль по станку отъ вала, на который намотана основа, до того, на который навивается готовая ткань.

Всѣ ткани, приготовляемыя женщинами на ткацкомъ станкѣ, нужно прежде всего различать по числу ничельницъ, на которыхъ онѣ сотканы.

При работѣ двумя ничельницами („ики гюджюя“) получается ткань самая простая и обыкновенная. Рисунки на ней могутъ быть только полосы или клѣтки, смотря по тому, изъ какого цвѣта нитокъ составлена основа и утокъ. Если основа взята полосатая, а утокъ одноцвѣтный, то ткань получается съ полосами вдоль, если наоборотъ, т. е. основа одноцвѣтная, а въ уткѣ цвѣта мѣняются, то получаются поперечныя полосы. Если же наконецъ и основа и утокъ разноцвѣтные, то получается ткань клѣтками. Другихъ рисунковъ при двухъ ничельницахъ получить нельзя, а ея лицо и изнанка совершенно одинаковы („бирь узлю“—одноличная ткань).

Только съ тремя ничельницами („учь гюджюя“) можно получить ткань, у которой лицо и изнанка различны, двуличную ткань („ики узлю“).

Digitized by Google

Далѣе при работѣ въ 4 ничельницы („дерть гюджюя“) можно получить рисунки на тканяхъ, но число такихъ рисунковъ все-таки еще весьма ограничено.

Съ каждой слѣдующей прибавкой числа ничельницъ число и разнообразіе рисунковъ все увеличивается. Но свыше однако 5 ничельницъ („бешь гюджюя“) работа уже недоступна или очень трудна для ручного ткацкаго станка и возможна только при механическихъ.

Такъ что въ ткацкой работѣ гагаузы достигаютъ того высшаго предѣла, до котораго можетъ дойти домашній ткачъ, тогда какъ польское простонародье въ пять ничельницъ вовсе не умѣютъ работать, а въ четыре весьма рѣдко.

Ткани домашняго приготовленія получаютъ названія, какъ и вездѣ, отъ тѣхъ частей костюма, для которыхъ онѣ приготовляются. Перечислю главнѣйшія изъ нихъ:

„Безь“ — бѣлое съ легкой желтизной полотно на рубашки изъ тончайшихъ бумажныхъ нитокъ, тчется всегда въ ничельницы [2]). Такъ же, какъ безь, ткутся и полотенца („пешкирь“), но только въ нихъ для украшенія по утку дѣлаются узкія полосы изъ шелку, изъ бѣленой бумаги, изъ красной и изъ синей.

Есть у гагаузовъ и другой сортъ бумажнаго полотна, которое называется „безь сакыз памуундан“. Эта ткань дѣлается въ 4 ничельницы съ основой изъ тонкой бумаги, а съ уткомъ изъ толстой. Она получается безъ всякой желтизны и чрезвычайно красива, потому что имѣетъ видъ какъ бы тисненой съ выпуклымъ простенькимъ рисункомъ. Изъ нея приготовляются скатерти для столовъ („маса бези“) и легкія лѣтнія фанелы.

„Безью“ же называютъ и такое полотно, у котораго основа дѣлается бумажная, а утокъ—пеньковый. Это бываетъ тогда, когда у хозяина посѣяна своя конопля, а на бумагу не хватаетъ средствъ.

Наконецъ „безью“ же называютъ и грубую пеньковую парусину, идущую главнымъ образомъ для приготовленія мѣшковъ.

„Чукман“ — полушерстяная или чисто шерстяная матерія на женскія платья. Она работается въ 2, 3 и 4 ничельницы. Между „чукманами“ различаютъ: 1) полосатые („еллу“ т. е. дорожками), 2) клѣтчатые („корафлы“ 3), дѣвическіе—красные или другихъ яркихъ цвѣтовъ съ тоненькими черными полосочками и 4) чукманы замуж-

Digitized by Google

нихъ женщинъ—или черные съ тоненькими красными полосочками или изъ густой смѣси (черезъ одну-двѣ нитки) черной и зеленой или синей шерсти, или же, наконецъ, безъ всякихъ клѣтокъ и полосокъ изъ шерсти, окрашенной въ темные цвѣта: темно-красный, темно-синій темно-зеленый и т. д.

„Фанела“ или „бабчина“ — полубумажная или шерстяная матерія для приготовленія мужскихъ фуфаекъ („фанелъ“). Ткутъ ее только въ 3 или въ 4 ничельницы, т. е. болѣе замысловато, чѣмъ чукманъ. „Фанела“, также какъ и чукманъ, различается по своимъ рисункамъ на: 1) полосатую („ёллу“) 2), клѣтчатую („корафлы“) 3), глазками (гёзлю) и 4) мраморную („мармородно“). Приготовляется она изъ смѣси трехъ цвѣтовъ: чернаго, зеленаго и краснаго въ различныхъ комбинаціяхъ, а также и чисто лиловая.

„Кундак“ — полубумажная или чисто шерстяная матерія на дѣтскія пеленки, чаще всего краснаго цвѣта въ 2 или 3 ничельницы.

„Ф у т а“—матерія шерстяная на женскіе передники всегда въ 2 ничельницы. Тчется изъ бѣлой шерсти съ полосками или клѣтками изъ синей, а потомъ въ совершенно готовомъ видѣ красится въ черный цвѣтъ, при чемъ синяя шерсть полосокъ своего цвѣта не мѣняетъ.

„Саргы—бѣлая чисто шерстяная матерія въ 3 ничельницы для мужскихъ портянокъ.

„Йорган астары“—полушерстяная бѣлая матерія въ 3 ничельницы для подкладки подъ одѣяла.

„Дёшемя“ или „дёшекь“ — шерстяная или полубумажная матерія въ 2 или 3 ничельницы на тюфяки или для застиланія „долмы“. Она дѣлается или черною съ тоненькими полосками другого цвѣта или вся темныхъ цвѣтовъ: темно-синяго, темно-зеленаго.

„Пала“ или „Кадрель“ — шерстяная матерія изъ темной крученой шерсти въ 2, 3 или 4 ничельницы. Тчется крупными полосами или клѣтками изъ различныхъ комбинацій цвѣтовъ: краснаго, зеленаго, желтаго, голубого и чернаго. Употребляется въ качествѣ ковра для вѣшанья на стѣну, для накрыванія скамеекъ въ домѣ или въ бричкѣ. У богатыхъ „палой“ покрываютъ полы, а бѣдные шьютъ изъ нея подушки для сидѣнія. Гагаузы Измаильскаго уѣзда ткутъ „палы“, кромѣ того, изъ полосокъ разно-

Digitized by Google

цвѣтныхъ тряпокъ, перемежаемыхъ по утку полосками изъ толстой цвѣтной шерсти. Такая „пала“ тчется всегда въ двѣ ничельницы и называется „парчадан“ (т. е. изъ кусочковъ).

„Улама“ — полушерстяная матерія для подушекъ и одѣялъ съ замысловатыми рисунками краснаго, голубаго, свѣтло-зеленаго, розоваго, лиловаго и ярко-желтаго цвѣтовъ. Двумя ничельницами работается фонъ изъ бѣлой бумажной нитки, а тремя—ткутся рисунки изъ толстой шерсти.

„Кырма“ — матерія изъ толстой шерсти въ 2 ничельницы, въ утокъ которой вводятся уже не ничельницами, а иглой отъ руки гарусъ яркихъ цвѣтовъ, изъ котораго образуются рисунки. Изъ этой матеріи приготовляются ковры („килим“) и лицевая сторона подушекъ для сидѣнія, другая сторона которыхъ дѣлается изъ какой-нибудь болѣе простой матеріи.

Послѣдніе два рода матерій ткутся почти исключительно дѣвочками-подростками. Каждая изъ нихъ годами заготовляетъ ихъ себѣ для будущаго приданаго. Онѣ хранятся въ сундукахъ.

Суконъ ткутъ три сорта: 1) „литу“— самое тонкое, 2) „дики“— среднее и 3) „аба“—толстое солдатское. Первыя два изъ черной шерсти въ 2 или 3 ничельницы, а послѣднее въ 2 ничельницы, изъ сѣрой или бѣлой.

Валяются всѣ эти сукна домашнимъ способомъ. Операцію производятъ четыре человѣка. На столъ кладется большая корзинка, нарочно для того плетеная изъ вербы съ очень низкими краями. Два человѣка становятся съ одной стороны стола, а два — съ другой. Сукно наматывается на длинную круглую палку и катается по корзинѣ то въ ту, то въ другую сторону, причемъ его отъ времени до времени поливаютъ горячей водой.

Въ заключеніе нужно замѣтить, что на гагаузскихъ женщинахъ, кромѣ тканья матерій, лежитъ также обязанность шить платья какъ на себя, такъ и на мужчинъ.

Гайтаны, которыми обшивается верхній мужской костюмъ, приготовляются также домашнимъ способомъ. Они крутятся на особомъ веретенѣ—„прястук“.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Въ этомъ отношеніи гагаузы, какъ кажется, имѣютъ сходство съ гуцулами, о которыхъ пишутъ, что у нихъ «не только перерабаты-

Digitized by Google

вается въ ткань весь запасъ домашнихъ рунъ, но иная деревня прикупаетъ для того же нѣсколько сотъ пудовъ волны. Замѣчательно, что это искусство вовсе не перенято отъ нѣмцевъ, ни отъ запада, а все у нихъ своедѣльно... отъ самыхъ, можетъ быть, доисторическихъ временъ».

Щ. I с. 705.

[2]) Слово «безъ» — общетюркское: такъ, напримѣръ, въ Заравшанѣ (въ средней Азіи) полотно называется «бязь», у саларовъ — «бӧзь» — матерія.

Ж. VI с. 43; Г. XVI с. 33.

XX.

Ручныя ремесла.

Ручныя ремесла, за исключеніемъ ткацкаго дѣла, у гагаузовъ развиты весьма слабо. Вся дѣятельность ихъ направлена исключительно на сельское хозяйство во всѣхъ его видахъ. Впрочемъ, я долженъ прежде всего оговориться, что мои наблюденія надъ этой стороной народной жизни ограничивались только однимъ селомъ Бешалма. Если же я рискую обобщать эти наблюденія на всѣхъ бендерскихъ гагаузовъ, то вотъ какими соображеніями я при этомъ руководствуюсь: 1) всякій народъ принимается за ручныя ремесла не изъ одной только любви къ искусству, но потому главнымъ образомъ, что къ этому его побуждаетъ необходимость, или, попросту сказать, нужда. Въ другихъ мѣстностяхъ Россіи побудительной причиной для занятія ручными ремеслами являются или малоземелье, или неплодородіе почвы, или же полное отсутствіе въ данной мѣстности ремесленниковъ. Но ничего подобнаго не существуетъ въ гагаузскихъ селахъ Бендерскаго уѣзда. Земли тамъ пока еще много и самой лучшей, черноземной, что же касается ремесленниковъ, то ихъ больше, чѣмъ нужно, даютъ другія народности, населяющія или колонизирующія Бессарабію, и менѣе, чѣмъ гагаузы, обезпеченныя въ земельномъ отношеніи, какъ молдаване, русскіе, евреи и нѣмцы.

2) Гагаузскія села въ Бендерскомъ уѣздѣ, какъ я уже говорилъ, расположены въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, такъ что между собой находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ, а потому естественно ожидать однородности населенія въ этихъ селахъ, въ ихъ нравахъ, обычаяхъ и привычкахъ, тѣмъ

Digitized by Google

болѣе, что въ земельномъ и хозяйственномъ отношеніи всѣ они обставлены болѣе или менѣе одинаково. А при такихъ условіяхъ, мнѣ кажется, позволительно по части судить и о цѣломъ.

Изъ числа прочихъ ремесленниковъ гагаузы, повидимому, болѣе всего нуждаются въ плотникахъ и кузнецахъ,—въ особенности въ послѣднихъ, судя по тому, что для обученія кузнечному мастерству, нѣкоторые изъ нихъ поступаютъ въ науку къ нѣмецкимъ колонистамъ. Впрочемъ, это послѣднее, т.-е. „нѣмецкая наука", дѣло самаго новѣйшаго времени, ранѣе же довольствовались кузнецами-цыганами. Такая перемѣна во взглядахъ на кузнечное дѣло вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что между гагаузами въ послѣднее время все болѣе и болѣе начинаютъ распространяться черезъ посредство нѣмецкихъ колонистовъ новѣйшія, усовершенствованныя земледѣльческія орудія, въ которыхъ преобладающимъ матеріаломъ является желѣзо. А потому потребность въ хорошихъ и недорогихъ мастерахъ желѣзнаго дѣла съ каждымъ годомъ чувствуется все сильнѣе и сильнѣе. То же самое явленіе, только еще въ большей степени, можно наблюдать и у бессарабскихъ болгаръ, какъ въ этомъ мнѣ пришлось убѣдиться лично въ болгарскомъ селѣ Кирютня. Обучившись у нѣмца кузнечному дѣлу, болгаринъ или гагаузъ заводятъ у себя въ селѣ не простую деревенскую кузницу, а настоящую мастерскую желѣзнаго дѣла. Здѣсь вамъ не только сумѣютъ подковать лошадь или нагнать на колесо шину, но могутъ приготовить на продажу совершенно новый, нѣмецкаго образца плугъ, который если въ чемъ и уступаетъ настоящему нѣмецкому, то только въ легкости и изяществѣ, но въ прочности нисколько не уступитъ и много превосходитъ въ дешевизнѣ. Благодаря тому, что издѣлія такихъ мастеровъ находятъ большой спросъ между односельчанами, а также и тому, что здѣшнія села очень многолюдны, мастера эти строятъ свои заведенія на широкую ногу и не только присоединяютъ къ кузнечному дѣлу слесарное, но нѣкоторые изъ нихъ мечтаютъ даже объ устройствѣ собственной чугунно-литейной мастерской.

Домашнимъ образомъ и въ небольшомъ размѣрѣ гагаузы занимаются столярнымъ мастерствомъ, а нѣкоторые, кромѣ того, и бочарнымъ, такъ какъ винодѣліе, безъ котораго не обходится ни одинъ порядочный хозяинъ, требуетъ большого количества

Digitized by Google

этой посуды. Сверхъ того, въ домашнемъ хозяйствѣ очень часто требуются разнаго рода мелкія подѣлки, поправки и починки, а потому каждый хозяинъ долженъ быть немножко плотникомъ и столяромъ. И дѣйствительно, въ каждомъ домѣ здѣсь можно найти слѣдующіе плотничные и столярные инструменты: топоры разнаго вида и величинъ. Между ними гагаузы различаютъ: „наджяк", „брадва", „топор" и „кесер",—родъ топора для обтесыванія дерева. Инструментъ подъ названіемъ „брадва" по всей вѣроятности заимствованъ гагаузами отъ молдаванъ, такъ какъ топоръ того же вида есть у молдаванъ подъ названіемъ „барда". Далѣе топоръ № 3, сохранившій даже русское свое названіе, очевидно заимствованъ отъ русскихъ и только № 1 имѣетъ болѣе всего шансовъ считаться національнымъ инструментомъ гагаузовъ. Но и относительно его невольно бросается въ глаза слѣдующій фактъ: любопытно, что турецкаго названія топора „балта" гагаузы вовсе не знаютъ и словомъ этимъ называютъ болото или мокрое мѣсто, а ихъ старинное названіе для топора „наджяк", повидимому, происходитъ отъ славянскаго „ножик".

У каждаго хозяина найдутся еще и другіе плотничные и столярные инструменты: „тестеря"—обыкновенная ленточная пила, „далта"—долото, „тёрпю"—рашпиль, „фуган"—фуганокъ, „хреньдя"—рубанокъ и „бургу"—буравъ. Этотъ послѣдній различается по величинѣ на нѣсколько сортовъ: „бабиля бургусу"—самый крупный, для высверливанія дыръ въ бревнахъ и въ ступицу колеса, „билекь бургусу"—поменьше, „дингиль башбѣ ргусу"—для высверливанія отверстія для чеки на концѣ оси, „енсерь бургусу"—обыкновенный маленькій буравчикъ, употребляемый для заколачиванія гвоздей и завинчиванія винтовъ и наконецъ „чепь бургусу"—спеціальный буравчикъ для просверливанія дна винной бочки, когда изъ нея нужно выпустить содержимое.

При помощи названныхъ инструментовъ гагаузъ сумѣетъ поправить поломки въ деревянныхъ частяхъ телѣги, починить заборъ, сдѣлать новую полку и т. п. Но кромѣ того при помощи тѣхъ же инструментовъ сооружаютъ всю необходимую мебель, какъ-то: столы, шкафы, скамейки, табуреты и т. п. Все это сдѣлано прочно и пожалуй не особенно грубо, но придать своему издѣлію изящный видъ гагаузы не умѣютъ, потому что не знаютъ ни полировки, ни лакировки. Но, заботясь все-таки о красотѣ

Digitized by Google

своей мебели, не жалѣютъ для нея масляной краски всевозможныхъ цвѣтовъ: бѣлой, красной, желтой, черной, зеленой, синей и фіолетовой.

Къ числу столярныхъ затѣй, не имѣющихъ другихъ цѣлей, кромѣ эстетическихъ, нужно причислить точеныя полуколонки, которыми украшаются шкафы. Для этого вытачиваютъ изъ дерева затѣйливой формы колонки, распиливаютъ ихъ вдоль пополамъ и приклеиваютъ къ боковой поверхности шкафа.

Для токарныхъ работъ по дереву („чекмеджя“) употребляется оригинальнѣйшій токарный станокъ, по всей вѣроятности прототипъ нашихъ теперешнихъ станковъ. Онъ состоитъ изъ небольшой деревянной рамки, которую можно поставить на любой столъ. При помощи отверстій въ одной сторонѣ и колышка четыреугольнаго сѣченія въ ней можно утвердить на осяхъ обтачиваемый кусокъ дерева. Самая обточка производится при помощи смычка („яй“) и рѣзца съ ручкой („туджюргу“). Такой станокъ называется „тезге“. На немъ вытачиваютъ, между прочимъ, и подножку для ручной прялки, которая непремѣнно должна быть точеная и чѣмъ замысловатѣе, тѣмъ лучше.

Кромѣ столярныхъ и плотничныхъ инструментовъ, въ домашнемъ хозяйствѣ употребляются еще нѣсколько инструментовъ изъ рода ножей. Сюда относятся: „вöучак“ или „косаджик“—ножъ, приготовляемый домашнимъ способомъ изъ обломковъ косы, „чакы“—складной покупной ножъ съ костяной ручкой и „косор“—кривой ножикъ съ деревянной ручкой для срѣзанія виноградной лозы.

Сравнительно много есть у гагаузовъ орудій для земляныхъ работъ, какъ напр. „хырлец“ — заступъ, „калиштыр“—мотыга, „казма“, „тырнакоп“—въ родѣ „калиштыра“ для раскапыванія мерзлой земли, „дикель“—колѣнчатый ножъ съ деревянной ручкой для высверливанія твердой земли при посадкѣ виноградной лозы и „китонок“—ножикъ съ изогнутой ручкой для посадки огородныхъ сѣмянъ въ твердую землю. Всѣ эти инструменты предназначаются почти исключительно для полевыхъ и хозяйственныхъ работъ, что же касается собственно земляныхъ работъ, то въ этомъ гагаузы не мастера. Могилу или колодецъ для себя они еще выроютъ, но для болѣе сложныхъ работъ, какъ, напримѣръ, проведенія фонтановъ, спеціалистами здѣсь считаются наши великороссы.

Digitized by Google

Кожевенное производство, какъ я уже описалъ его въ главѣ объ одеждѣ, настолько незамысловато, что врядъ ли его можно даже назвать производствомъ. Что же касается гончарнаго и шорнаго, то ими гагаузы вовсе не занимаются. Всѣ глиняныя издѣлія покупаются на базарѣ, это—спеціальность молдаванъ, а шорничествомъ занимаются евреи и нѣмцы. Евреи же занимаются и вставкою стеколъ въ окнахъ.

XXI.

Хлѣбопашество.

Главное занятіе бессарабскихъ гагаузовъ это—земледѣліе. Изъ хлѣбовъ они сѣютъ: пшеницу обыкновенную („боодай“) и безусую („кызылджя“ или „азимка“), рожь („чавдар“), ячмень безусый („чыплак арпа“), полбу („хырка“), овесъ, („юлаф“), кукурузу („пашпой“), горохъ („грах“), чечевицу („мерджимекь“), желтое обыкновенное просо („сары дары“) и красное просо („кызыл дары“); послѣднее какъ кормовую траву для скота. Кромѣ того въ полѣ же сѣются картофель („картофли“) и бобы („фасюле“).

Озимыми изъ всѣхъ хлѣбовъ сѣются только рожь и оба перечисленные вида пшеницы, а все остальное—яровымъ.

Какъ отдѣльный сортъ хлѣба гагаузы отличаютъ еще „гюзлюкь“, смѣсь пшеницы съ рожью, въ которой около $^2/_3$ пшеницы, а остальное—рожь. По словамъ ихъ, озимую пшеницу нужно ежегодно хорошо чистить просѣиваньемъ сквозь рѣшето, а иначе она будетъ всегда содержать въ себѣ примѣсь ржи. Если же этимъ правиломъ пренебречь и хоть одинъ годъ своевременно не сдѣлать чистки, тогда и получится то, что они называютъ „гюзлюкь“. Но если такой чистки не дѣлать вовсе, то черезъ три-четыре года въ „гюзлюкѣ“ совсѣмъ не останется сѣмянъ пшеницы, а будетъ одна только рожь.

Гречихи гагаузы не знаютъ, а изъ волокнистыхъ растеній сѣютъ только коноплю („кеневир“). Ленъ, говорятъ они, прежде сѣяли, когда земли было больше, а теперь уже перестали: земли

Digitized by Google

мало и притомъ же онъ хорошо родится только на цѣлинѣ, гдѣ никогда не росъ бурьянъ. Въ настоящее время ленъ сѣется только у богачей гагаузовъ, которыхъ здѣсь называютъ помѣщиками. А такъ какъ помѣщики эти сѣютъ ленъ не для волокна, а только для сѣмени, изъ котораго выжимаютъ масло, то волокно они отдаютъ крестьянамъ за уборку, себѣ же берутъ только „дыжму“ (по молдавански десятую часть).

Землепашество гагаузы крестьяне, разумѣется, ведутъ варварскимъ, первобытнымъ способомъ, какъ вели его ихъ отдаленные предки, и если до сихъ поръ они еще не голодаютъ, то потому, что почва у нихъ чистѣйшій черноземъ, который былъ впервые тронутъ плугомъ всего только лѣтъ 80—90 тому назадъ, а потому еще не успѣлъ окончательно истощиться. Хозяйство это состоитъ только въ распахиваніи одной и той же земли изъ году въ годъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. О томъ, что черноземъ со временемъ такъ же истощается, какъ и всякая другая почва, а потому потребуетъ унаваживанья и отдыху, гагаузы еще не имѣютъ пока никакого представленія. Вся ихъ земля распредѣляется слѣдующимъ образомъ.

Низкія земли, лежащія въ долинахъ по берегамъ рѣкъ и подвергающіяся заливанію во время дождей, называютъ „толока“ или „чаир“ и отводятъ частью подъ пастбища, а частью подъ сѣнокосъ. Сѣно, собранное съ такой земли, по здѣшнему считается средняго качества и называется „чаир оту“ въ отличіе отъ худшаго—„корайлык“, скошеннаго на пахатной землѣ, почему-либо оставленной безъ посѣва. Такая земля покрывается бурьяномъ, годнымъ въ пищу только для овецъ. Лучшее же сѣно собирается съ цѣлины и называется „негара“ или „негарлык“. Въ долинахъ же кое-гдѣ располагаются и огороды („градина“) тамъ, гдѣ есть вода, не пересыхающая во все лѣто, необходимая для искусственнаго орошенія. Наконецъ въ долинахъ же находятся неудобныя земли, такъ называемый „геринник“. Послѣднихъ здѣсь не особенно много, но все-таки онѣ тянутся узкой полосой почти непрерывно вдоль по теченію рѣкъ. Земля въ этихъ мѣстахъ покрыта, какъ снѣгомъ, глауберовой солью. Ни одно растеніе не можетъ существовать на такой почвѣ. „Герпникомъ“ же называютъ здѣсь и маленькіе кусочки земли, встрѣчающіеся на горахъ, свободные отъ чернозема и состоящіе изъ

Digitized by Google

чистѣйшей глины, которая съ трудомъ поддается плугу и безъ удобренія не даетъ хорошей растительности.

Далѣе на склонахъ горъ, спускающихся въ долины, въ самой нижней части ихъ, по возможности близко отъ селенія, помѣщаются виноградники („баа“) и фруктовые сады („башча“).

Затѣмъ крутые склоны горъ, овраговъ и балокъ, неудобные для обработки плугомъ, и потому цѣлинные („пекликъ“) оставляются для сѣнокоса и даютъ лучшее сѣно „негара“. Надо замѣтить, что къ числу луговъ причисляются также и тѣ земли, которыя хотя не заливаются водой и годны для посѣва, но составляютъ принадлежащій всему обществу земельный запасъ, изъ котораго надѣляется землей подрастающее поколѣніе. Форму владѣнія землей, мнѣ кажется, скорѣй всего здѣсь можно было бы назвать общиной, такъ какъ вся земля считается принадлежащей обществу, а каждый крестьянинъ владѣетъ отведеннымъ ему участкомъ земли впредь до новаго передѣла. Вновь надѣляемые землею, молодые члены общества получаютъ свои участки съ краю, тамъ, гдѣ кончается пашня и начинаются пастбища. Такого рода владѣніе, по мѣстнымъ условіямъ, считается крайне невыгоднымъ, потому что скотъ чаще всего портитъ только крайніе участки, не трогая среднихъ. Вотъ почему черезъ каждые 8—9 лѣтъ производится общій передѣлъ земли, который начинается по иниціативѣ всего общества и производится подъ его надзоромъ. Для этого нанимаются одинъ или два человѣка, такъ называемые „ёльчюджю“ (мѣряльщики) преимущественно изъ старыхъ, опытныхъ людей, обязанность которыхъ перемѣрять всю пахатную землю и раздѣлить ее на участки по одной десятинѣ въ каждомъ. Трудъ этотъ весьма не легкій, потому что земли приходится перемѣрять очень много и сдѣлать эту работу необходимо очень тщательно, такъ какъ малѣйшее неравенство служитъ причиной безконечныхъ споровъ и дракъ и возбуждаетъ противъ мѣряльщиковъ неудовольствіе всего общества. Поэтому на такую работу не всегда легко найти охотника и приходится платить ему довольно дорого (до 400 рублей). Шириною десятинные участки дѣлаются обыкновенно въ 12 саженъ. Черезъ каждыя 12 саженъ вырывается яма маленькая и круглая, а черезъ каждые 10 участковъ (по 12 саж.)—крестообразная яма. Въ ширину обыкновенно мѣряютъ землю деревянной саженью, а въ длину,

Digitized by Google

для скорости, числомъ оборотовъ колеса двухколесной телѣжки, на одной изъ спицъ котораго навязанъ платокъ. Получаемые при измѣреніи линіи проводятся вѣхами. При такомъ раздѣлѣ принимаются конечно въ разсчетъ всѣ неудобныя земли и, по возможности, исключаются изъ счета. Когда вся земля такимъ образомъ перемѣряна и раздѣлена на участки, какъ по одной, такъ и по 10 десятинъ, то всѣхъ жителей, имѣющихъ право на владѣніе землей, дѣлятъ на десятки и разыгрываютъ между ними по жребію всѣ участки по 10 десятинъ. Каждый десятокъ, получивши себѣ во владѣніе участокъ земли по 10 десятинъ, распредѣляетъ между собою отдѣльныя десятины тоже по жребію. Такимъ образомъ каждый хозяинъ получитъ себѣ участки по одной десятинѣ въ разныхъ мѣстахъ, то въ серединѣ пахатной земли, то въ концѣ поля, смотря по тому, гдѣ укажетъ жребій. Этимъ способомъ устраняется неравенство между отдѣльными хозяевами и неудобство владѣть землей однимъ на краю пахотной земли, другимъ въ ея серединѣ.

Что касается земли сѣнокосной, то она дѣлится каждый годъ старостой съ участіемъ стариковъ, но уже только приблизительно, на глазъ, между партіями въ 10—15 человѣкъ. Участники же партіи дѣлятся между собою какъ хотятъ, по взаимному соглашенію. Органомъ, рѣшающимъ поземельные споры между крестьянами и надѣляющимъ домохозяевъ участками, является собраніе 12-ти довѣренныхъ („довѣренны“), выбираемое на мірской сходкѣ срокомъ на 1 годъ. Сельское же начальство, состоящее изъ старосты съ вольнонаемнымъ писаремъ, одного сотскаго и одного или нѣсколькихъ десятскихъ, никакого касательства къ земельнымъ дѣламъ не имѣетъ, его обязанности чисто полицейскія.

Итакъ, вся земля, за исключеніемъ луговъ и неудобныхъ земель, распахивается и засѣивается изъ году въ годъ. При этомъ, разумѣется, не руководятся никакими расчетами плодопеременнаго хозяйства, т. е. сѣютъ гдѣ что придется и, если соблюдаютъ правило, чтобы кукурузу не сѣять два года на одномъ и томъ же мѣстѣ, то потому только, что кукурузное поле все лѣто подвергается вскапыванію съ цѣлью освободиться отъ сорныхъ травъ, а потому послѣ уборки кукурузы поле это безъ всякой обработки можно прямо засѣять озимой пшеницей, прогнавши по ней лишь бороной. Но въ то же время картофель годъ отъ году

Digitized by Google

неизмѣнно сѣютъ все на одномъ и томъ же мѣстѣ, а потому и жалуются, что полевой картофель совсѣмъ плохо родится.

Пашутъ землю на волахъ и на лошадяхъ и, конечно, только исключительно плугомъ. Плугъ здѣсь извѣстенъ трехъ сортовъ: 1) самый старинный деревянный („аач пулук"), который гагаузы, вѣроятно, привезли съ собою еще изъ-за Дуная, 2) желѣзный плугъ нѣмецкій („немце пулук"), заимствованный какъ гагаузами, такъ и болгарами отъ сосѣднихъ нѣмцевъ колонистовъ, и, наконецъ, 3) чугунный плугъ („чаун" или „туч пулук")—самый новѣйшій, фабричной работы. Преимущество нѣмецкаго плуга передъ деревяннымъ состояло въ его сравнительной легкости: для деревяннаго нужно было 3—4 пары воловъ, а для желѣзнаго при той же работѣ достаточно 2—3-хъ паръ, такъ что въ экономіи получалась пара воловъ. Въ виду этого преимущества, гагаузы охотно отказались отъ деревяннаго плуга, несмотря на его сравнительную дешевизну. Прежде нѣмецкіе плуги приготовляли только нѣмецкіе кузнецы и брали за нихъ 30—40 руб., а теперь, когда болгарскіе и гагаузскіе кузнецы стали поступать въ науку къ нѣмцамъ, они сами стали заготовлять желѣзные плуги не только для себя, но и на продажу, и тогда цѣна ихъ упала до 12—15 р., причемъ уже самый лучшій плугъ такого рода обходится теперь 20—23 р. Что касается чугунныхъ плуговъ, то ихъ преимущество заключается въ сравнительно большей крѣпости, вслѣдствіе чего ими можно пахать глубже, чѣмъ нѣмецкими и, во вторыхъ, они вовсе не боятся кустарниковъ. Но эти плуги пока еще очень дороги (рублей 150), а потому доступны только помѣщикамъ и самымъ богатымъ изъ крестьянъ. Эти послѣдніе, кромѣ плуговъ, употребляютъ еще такъ называемую здѣсь „тарапашку", произведеніе тоже фабричное, состоящее изъ нѣсколькихъ рядовъ сошниковъ, прикрѣпленныхъ къ низенькой четыреугольной телѣжкѣ.

Пашутъ чаще всего на волахъ, но у кого мало воловъ, то припрягаютъ въ помощь имъ лошадей, а иногда нѣсколько сосѣдей собираются вмѣстѣ, складываются лошадьми и пашутъ тогда поочередно на четырехъ лошадяхъ. Лошади при паханіи предпочитаются воламъ, потому что съ ними дѣло идетъ скорѣе. Тогда какъ на волахъ можно вспахать едва $1^1/_2$ десятины въ

Digitized by Google

2 дня, на лошадяхъ легко распахиваютъ по десятинѣ въ день. Зато кормить лошадей труднѣе и стоятъ онѣ дороже.

Относительно того, какъ вести запашку, у гагаузовъ выработалось два пріема: при одномъ („кенарларындан сюрьмяа“) начинаютъ пахать съ краевъ участка и постепенно по спирали, подвигаются къ серединѣ, такъ что борозда отъ плуга будетъ снаружи („дыш аннык“), а при второмъ—наоборотъ, начинаютъ съ середины и по спирали же подвигаются къ краямъ („аулуя сюрмяа“), причемъ борозда придется въ середину („орта аннык“). Оба эти пріема практикуются черезъ годъ, такъ что участокъ, вспаханный въ этомъ году по первому способу, на будущій годъ будетъ пахаться по второму, потомъ опять по гервому и т. д. Этимъ стараются достигнуть лучшаго перемѣшиванія земли.

Пашутъ свою землю гагаузы на одинъ разъ и только участокъ подъ огородъ пашутъ два раза, одинъ разъ вдоль, другой—поперекъ.

Дальнѣйшая обработка поля производится бороной („борна“) и волокомъ („сюргю“). Борона у гагаузовъ нѣсколько иного вида, чѣмъ у насъ, а именно деревянная рама, на которую укрѣпляются желѣзные зубцы, не четыреугольная, а треугольная и безъ всякихъ рѣшетокъ. Дѣлается она домашнимъ способомъ и только желѣзные зубья заказываются кузнецамъ. Вслѣдъ за бороной идетъ обыкновенно и волокъ, состоящій изъ ряда терновыхъ вѣтокъ („гювемь“), заплетенныхъ въ деревянную раму. Назначеніе волока расчесать верхній слой земли болѣе мелко, чѣмъ борона, и пригладить землю, чтобы удобнѣе было косить поле, чтобы отъ вѣтру оно не такъ скоро высыхало и чтобы земля лучше накрывала зерна. Волока бываютъ двухъ сортовъ: 1) „ёрмя сюргю“—плетеный и „какма сюргю“ или „тафта сюргю“ (с. Этулія)—воткнутый. Первый изъ нихъ состоитъ изъ рода саней, въ которыя вплетены комли терновыхъ вѣтокъ, нагрѣтые предварительно.. Концы этихъ комлей образуютъ внизу саней родъ частаго гребня, такъ что самый волокъ представляетъ собою гребенку, соединенную со щеткой. Для болѣе сильнаго дѣйствія волока, на терновыя вѣтки кладется доска, на которую погружается дернъ. Этотъ волокъ гораздо сильнѣе и основательнѣе дѣлается, чѣмъ „какма сюргю“ и потому употребляется при посѣвѣ кукурузы весной, когда земля тверже. Его можно гонять

Digitized by Google

даже безъ бороны. Что касается волока второго сорта, то онъ представляетъ изъ себя настоящую щетку, состоящую изъ доски, въ которую вмѣсто щетины вставлены вѣтки терна.

Посѣвъ производится ручнымъ способомъ, для чего существуютъ особые мѣшки („хіибя“) изъ „саргы“ (домотканной шерстяной матеріи) или покупного сукна. Такихъ мѣшковъ берется два и въ каждый изъ нихъ насыпается по одной мѣркѣ („демірли“) зеренъ. Оба мѣшка, соединенные между собой перевязью, вѣшаются черезъ лѣвое плечо, такъ что одинъ виситъ на груди, а другой на спинѣ сѣющаго. Когда передній мѣшокъ высѣянъ, то его поворачиваютъ назадъ, а задній—напередъ и посѣвъ продолжается [1]). Вслѣдъ за сѣятелемъ идетъ борона и волокъ.

Но совершенно иначе сѣется кукуруза, для которой существуетъ особое приспособленіе, заимствованное гагаузами у нѣмцевъ. Оно состоитъ изъ жестяной кольцеобразной коробки, которая надѣвается на ступицу большого колеса плуга. Коробка эта черезъ особое отверстіе, закрываемое дверцей, наполняется кукурузными зернами. На наружной цилиндрической поверхности ея дѣлается рядъ круглыхъ отверстій діаметромъ по величинѣ кукурузнаго зерна. При поворотѣ колеса плуга поворачивается коробка и черезъ ея отверстія, приходящіяся внизъ, выпадаютъ въ борозду одно зерно за другимъ и тотчасъ же закрываются землей, отворачиваемой плугомъ. Принято это приспособленіе главнымъ образомъ потому, что при обыкновенномъ посѣвѣ, ручномъ, зерна кукурузы легко отыскиваютъ овражки („келемя сычан“), которыхъ здѣсь на поляхъ большое количество, и поѣдаютъ ихъ иногда раньше, чѣмъ успѣваютъ забороновать, тогда какъ теперь зерна, во-первыхъ, ложатся ровнѣе и правильнѣе, а во-вторыхъ, закрываются землей при самой распашкѣ. Впрочемъ, у гагаузовъ с. Этулія, гдѣ вышеупомянутое приспособленіе было также принято, въ настоящее время его бросили, потому, какъ говорятъ, что посѣвъ получается очень неровный.

Передъ началомъ посѣва приглашаютъ священника обойти поля, отслужить молебенъ и окропить святой водой иногда два-три раза [1a]). Кромѣ того, передъ началомъ посѣва соблюдаютъ слѣдующій обычай.

Пекутъ хлѣбъ и запекаютъ въ него 5-ти копѣечную монету.

Digitized by Google

Затѣмъ запрягаютъ воловъ въ телѣгу и кладутъ на нее борону, волокъ и хлѣбъ. Хозяйка беретъ ручную кадильницу, зажигаетъ въ ней ладанъ и обходитъ вокругъ телѣги три раза. Потомъ хозяинъ ѣдетъ на свой участокъ. Пріѣхавши туда, останавливается, снимаетъ съ телѣги борону, запрягаетъ въ нее воловъ и начинаетъ сѣять. За нимъ кто-либо другой идетъ сзади съ бороною и съ волокомъ. Пройдутъ такимъ образомъ три раза вдоль своего участка, останавливаютъ воловъ, даютъ имъ по шишкѣ кукурузы, а сами садятся обѣдать. Хлѣбъ съ запеченной въ него монетой катаютъ тогда три раза по полю. Если краюшка упадетъ верхней коркой кверху, то будетъ урожай, если же нижней, то урожая не будетъ.

Такъ начинаютъ посѣвъ въ с. Бешалма, а въ с. Этулія обычаи нѣсколько иные. Тамъ, кромѣ посѣва, соблюдаютъ нѣкоторые обычаи еще и передъ началомъ первой весенней пахоты. Когда, выѣзжаютъ въ поле, чтобы въ первый разъ начать пахоту, то хозяйка одной рукой беретъ на лопатку горящихъ угольевъ („кор“), а въ другую—горшочекъ со свяченой водой и яйцо, связанное красной ниточкой съ зубкомъ чесноку. Держа все это въ рукахъ, она обходитъ кругомъ плугъ, причемъ посыпаетъ угольями вокругъ плуга и воловъ, а воду выливаетъ на этихъ послѣднихъ. Что касается яйца съ чеснокомъ, то ихъ кладутъ въ мѣшокъ, несутъ на поле и кидаютъ въ борозду. При этомъ говорятъ, что уголья берутся для того, чтобы хлѣбъ былъ красный, т. е. хорошо вызрѣлъ, а вода, чтобы онъ не пострадалъ отъ засухи [2]).

Посѣвъ стараются начать въ новолуніе, причемъ такъ же, какъ и въ Бешалмѣ, избѣгаютъ для этого начала понедѣльника [3]). Когда идутъ въ первый разъ сѣять, то приготовляютъ „колеву“ и мѣняются ею съ сосѣдями. Затѣмъ пекутъ „чурек“ (прѣсный тонкій хлѣбецъ), въ который также запекается 5 коп. Его несутъ въ поле. Здѣсь хозяинъ со своимъ сосѣдомъ по полю становятся другъ противъ друга и катаютъ чурекъ по мягкой распаханной землѣ отъ одного къ другому, въ ту и въ другую сторону. Тотъ, къ кому брошенъ чурекъ, ловитъ его и поднимаетъ на мгновеніе вверхъ надъ своей головой. Прокативши чурекъ по одному направленію и образовавши черту на мягкой почвѣ, катающіе его перемѣняютъ свои мѣста и второй разъ катаютъ чурекъ такъ, чтобы новая черта на землѣ составляла съ первой крестъ. Въ

Digitized by Google

заключеніе ломаютъ чурекъ надъ головами воловъ и даютъ имъ его съѣсть [4]).

Если по дорогѣ въ поле попадется на встрѣчу заяцъ, то это считается очень худо, такъ что лучше отложить посѣвъ до другого раза, а если волкъ, то—хорошо. Для предохраненія поля отъ сглазу привязываютъ красныя ниточки воламъ на рога и на волокъ. Въ день посѣва никому и ничего изъ дому не даютъ [5]).

Весною начинаютъ посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ съ половины или конца марта и кончаютъ къ половинѣ апрѣля; около этого времени приходятся обыкновенно пасхальные праздники. Покончивши съ ними, сѣютъ кукурузу и затѣмъ дѣлаютъ недѣли на двѣ, на три перерывъ въ полевыхъ работахъ, пока кукуруза не взойдетъ. Въ этотъ промежутокъ времени окапываютъ виноградъ.

Когда кукуруза взойдетъ, то ее проходятъ бороной, окапываютъ и полютъ. Въ этой работѣ проходитъ недѣли три или мѣсяцъ, причемъ хозяинъ ведетъ своимъ полямъ нѣкоторую очередь. Но къ тому времени, когда дойдетъ очередь до послѣдняго кукурузнаго поля, тѣ поля, которыя были въ первой очереди, уже успѣютъ вторично порости травой.

А потому принимаются за ихъ чистку вторично, что называется „икилемяа“ или „бувазламаа“ (повторять). Впрочемъ, во второй разъ рѣдко удается очистить всѣ кукурузныя поля до послѣдняго; окопаютъ и выполютъ сколько успѣютъ, а затѣмъ наступаетъ время сѣнокоса и потому работы съ кукурузой бросаютъ, какъ менѣе важныя, и все свое вниманіе посвящаютъ сѣну.

Къ концу сѣнокоса поспѣваютъ ячмень и рожь. Уборку ихъ кончаютъ къ Петрову дню, а черезъ недѣлю послѣ Петрова дня принимаются за пшеницу.

Покончивши съ уборкой хлѣбовъ, начинаютъ тотчасъ же молотить ихъ на „арманѣ“. Молотьба эта продолжается съ 10—15 іюля до 20—25 августа.

На малую Богородицу („Кючюкъ Панаія“) 8-го сентября наступаетъ сборъ винограда, а черезъ недѣлю по его окончаніи, въ первыхъ числахъ октября,—уборка кукурузы (молотьба ея оставляется на раннюю весну). Въ то же время сѣютъ озимое и косятъ траву во второй разъ.

Гагаузы Бендерскаго уѣзда прежде жали хлѣбъ, а теперь всѣ

Digitized by Google

хлѣба, кромѣ кукурузы, косятъ, а потому сноповъ вовсе не вяжутъ, а собираютъ скошенный хлѣбъ въ небольшіе стоги („тепя"), для чего употребляются нѣмецкія грабли („немце тырма") очень большихъ размѣровъ съ желѣзными зубьями. Къ такимъ граблямъ припрягается мужчина на лямкѣ и тащитъ ихъ вдоль скошеннаго поля. Ему помогаютъ собирать хлѣбъ съ мелкими обыкновенными граблями.

Но въ Измаильскомъ уѣздѣ и теперь еще всѣ хлѣба, кромѣ овса, жнутъ обыкновеннымъ серпомъ („орак"). То количество колосьевъ, которое человѣкъ можетъ захватить въ руку за одинъ разъ, что у малороссовъ называется „жменя", а у болгаръ „ракойка", гагаузы называютъ „тутам". Одинъ снопъ („деметь") составляетъ около 20 такихъ „тутамовъ", а 13 сноповъ—стогъ („докурджюм"). Для образованія этого послѣдняго снопы кладутся въ три ряда одинъ надъ другимъ по четыре снопа въ каждомъ. Въ каждомъ ряду снопы укладываются въ видѣ креста, колосьями въ середину. Три ряда по 4 снопа составитъ—12, а послѣдній, 13-й, кладется на вершину стога.

Что касается кукурузы, то для срѣзанія ея стволовъ употребляется особая пила съ ручкой „зывана".

Полевыя работы распредѣляются между мужчинами и женщинами слѣдующимъ образомъ: пашутъ, боронятъ и сѣютъ только мужчины, косятъ преимущественно мужчины, но иногда и дѣвушки, замужнія же—никогда. Женщины сгребаютъ хлѣбъ граблями и наблюдаютъ за молотьбой на „арманѣ".

„Арманомъ" или „харманомъ" называютъ круглую и ровную площадку, съ которой снятъ дернъ, а земля утрамбована, однимъ словомъ то, что великороссы называютъ „ладонью", а малороссы—„токомъ". У каждаго крестьянина „арман" устраивается на дворѣ, причемъ та отдаленная отъ дома часть двора, на которой онъ располагается, вся огораживается заборомъ съ одними воротами. Навѣсовъ надъ „арманомъ" никогда не дѣлаютъ. Для приготовленія „армана" берутъ веревку сажени въ $2^1/_2$ длиной и два кола. Одинъ изъ кольевъ забиваютъ въ землю, чтобы намѣтить центръ, а другимъ, при помощи веревки, описываютъ окружность. Внутри намѣченнаго круга землю очищаютъ отъ травы, постилаютъ соломой и гоняютъ лошадей, вслѣдствіе чего земля выравнивается и уплотняется.

Digitized by Google

Встарину, когда гагаузы имѣли болѣе земли, чѣмъ теперь, и держали болѣе лошадей, молотьба производилась исключительно лошадьми, которыхъ гоняли вокругъ „армана“. Хотя и теперь считаютъ такой способъ молотьбы наилучшимъ; но такъ какъ онъ требуетъ содержанія излишнихъ лошадей, которыя круглый годъ не имѣютъ другой работы, кромѣ молотьбы, то такую роскошь могутъ себѣ дозволить только помѣщики, крестьяне же, даже самые богатые, оставили этотъ способъ и замѣнили его молотильнымъ камнемъ („харман таши“). Это продолговатый, цилиндрическій камень, на поверхности котораго вырублены во всю его длину зубцы. На концахъ такого каменнаго вала по его оси сдѣланы два цилиндрическія углубленія, въ которыя вбиты деревянные чурбаны („гёбекъ“). Въ чурбаны вбиваются болѣе длинныя желѣзныя оси („нодул“). На концы осей надѣваются два желѣзныхъ кольца, соединяющіяся между собою желѣзной или деревянной скобой, къ которой, въ ея серединѣ, привѣшиваются одинъ или два обыкновенныхъ валька („гётлюк“). Къ валькамъ припрягается на постромкахъ одна или двѣ лошади, и молотильный камень возится вокругъ армана по разсыпаннымъ на немъ снопамъ хлѣба. Такимъ способомъ молотьба ведется скорѣе, нежели одними лошадьми, но зерно получается грязнѣе, такъ какъ къ нему гораздо болѣе примѣшивается земли.

Хлѣбъ, который нужно обмолотить, насыпается на „арманъ“ слоемъ аршина въ $1^1/_2$ въ вышину, а лошади, возящія молотильный камень, привязываются на длинной веревкѣ, другой конецъ которой привязанъ къ колу, вбитому въ центрѣ „армана“. Лошадь двигается по окружности, на сколько ей позволяетъ длина веревки и по мѣрѣ того, какъ эта веревка наматывается на серединный колъ и укорачивается, приближается къ центру „армана“, дѣлая на своемъ пути пологую спираль. Когда вся веревка замотается, лошадь поворачиваютъ въ противоположную сторону; веревка начинаетъ разматываться съ кола и молотильный камень по спирали же удаляется отъ центра къ окружности. Если же не хотятъ безпрестанно поворачивать лошадь то въ ту, то въ другую сторону, поступаютъ слѣдующимъ образомъ: въ центрѣ „армана“ зарываютъ обыкновенное колесо отъ телѣги, въ горизонтальномъ положеніи такъ, чтобы только одинъ конецъ ступицы виднѣлся изъ земли. Затѣмъ берутъ колъ, заостряютъ его оди-

Digitized by Google

наково съ обоихъ концовъ и однимъ концомъ вставляютъ плотно въ ступицу колеса. Къ колу, какъ обыкновенно, привязываютъ веревку отъ лошади, возящей молотильный камень. Когда лошадь завернула свою веревку вокругъ кола и приблизилась къ центру „армана", то колъ вынимаютъ изъ ступицы колеса, переворачиваютъ верхнимъ концомъ внизъ и продолжаютъ гонять лошадь. Тогда эта послѣдняя, при своемъ дальнѣйшемъ движеніи, направляясь въ ту же сторону, куда и раньше, будетъ развертывать веревку и удаляться отъ центра „армана". Когда веревка развернется съ кола, этотъ послѣдній снова вынимаютъ изъ ступицы, снова перевертываютъ и продолжаютъ гонять лошадь, которая будетъ приближаться къ центру „армана" и т. д.

Вслѣдъ за молотильнымъ камнемъ на одной или на двухъ лошадяхъ везутъ такъ называемый „дювень". Это просто щитъ (около 1-го аршина ширины и 2-хъ длины) изъ толстыхъ досокъ, въ нижнюю поверхность котораго натыканы въ шахматномъ порядкѣ острые кремни или, въ послѣднее время, куски тонкаго полосового желѣза, исполняющіе роль ножей для дробленія соломы. Къ дювеню припрягаются одна или двѣ лошади; для тяжести на него, если онъ кремневый, кладется камень, а если желѣзный, садится человѣкъ, и приборъ этотъ волокутъ, какъ сани, по соломѣ. Чтобы передній конецъ его не зарывался въ солому, доски спереди закругляются или, какъ у полозьевъ, загибаются вверхъ. Если желаютъ, чтобы солома была какъ можно мельче, то пускаютъ по „арману" не одинъ „дювень", а три или четыре.

Когда прогонятъ молотильнымъ камнемъ по спирали отъ окружности къ центру и обратно два раза, то хлѣбъ переворачиваютъ двузубой вилой („диирень") и начинаютъ операцію сначала. Повторивши все это до трехъ разъ, прогоняютъ по арману нѣсколько разъ однихъ лошадей, для того чтобы отрясти зерно отъ соломы. Послѣ того собираютъ крупную солому пятизубой вилой („яба") и снова пускаютъ молотильный камень и „дювень". Такъ дѣлаютъ до трехъ разъ.

Когда снимутъ всю крупную солому, то остается смѣсь изъ мелкой соломы, зеренъ, колосьевъ и земли. Смѣсь эту переворачиваютъ деревянной лопаткой („кюрекь"), производя эту операцію по спирали, начиная съ центра, и затѣмъ въ послѣдній разъ прогоняютъ по арману молотильнымъ камнемъ.

Digitized by Google

Собственно молотьба этимъ и кончается. Все намолоченное сгребаютъ деревяннымъ скребкомъ („сыиргы“) съ ручкой въ одну кучу, подметаютъ арманъ метлой и начинаютъ вѣять зерно.

Если во время молотьбы пойдетъ дождь, то все намолоченное сгребаютъ наскоро въ кучки и накрываютъ рогожами, а когда дождь кончится и арманъ высохнетъ, кучки разсыпаютъ и продолжаютъ молотьбу. Если случится, что во время молотьбы лошадь помочится или испражнится на арманъ, отбросы тотчасъ же собираютъ вмѣстѣ съ зерномъ и соломой и даютъ самой ей съѣсть.

Вѣянье производится сначала четырехзубой вилой съ частыми зубьями, при чемъ солома отдѣляется отъ зерна и другихъ тяжелыхъ частицъ, а потомъ зерна начисто провѣиваютъ лопатой. Въ то время, когда одинъ подбрасываетъ зерно на вѣтеръ, другой проводитъ по провѣянной порціи мокрой веревочной сѣткой („мряжа“ или „аа“), привязанной къ длинной палкѣ, какъ флагъ. Къ ней пристаютъ щепки и другой крупный соръ. То, что отдѣлится отъ зерна во время вѣянья, называется „кясьмикь“.

Чтобы очистить зерно отъ пыли, земли и мелкихъ сѣмянъ сорныхъ травъ, его кладутъ на большое кожаное сито съ мелкими отверстіями и съ двумя ручками, подвѣшенное на трехъ веревкахъ къ высокой треногѣ. Одинъ изъ работающихъ насыпаетъ лопатой зерно въ сито, а другой качаетъ его за ручки.

Вотъ и всѣ операціи, продѣлываемыя съ зерномъ при его молотьбѣ; остается только перемѣрять его мѣрками и всыпать въ амбаръ.

Нашъ способъ молотьбы цѣпомъ („цапой“ или „молоток“) также извѣстенъ гагаузамъ, но они примѣняютъ его исключительно для кукурузы.

Мѣрятся зерно деревянной мѣркой („дмерли“), хотя названіе ея (отъ слова „демир“ — желѣзо) указываетъ, что прежде она дѣлалась желѣзной; „демирли“ считается 8 гарнцевъ, а 21 „демирли“ составляетъ „кило“.

Перемѣрявъ зерно, его переносятъ въ амбаръ, у кого есть, а у кого нѣтъ, зарываютъ въ ямы. — Гагаузы, такъ же какъ и бессарабскіе болгары, различаютъ два сорта такихъ ямъ-амбаровъ: 1) „Молдуванъ куюсу“—молдаванская яма (у болгаръ Измаильскаго уѣзда—„куя“ или „руска кувія“). Для ея устройства выкапы-

Digitized by Google

вается въ землѣ круглое углубленіе такого діаметра, чтобы черезъ него могъ пролѣзть только одинъ человѣкъ. Подвигаясь внизъ, копающій все болѣе и болѣе расширяетъ яму въ стороны, такъ что формы ея внутри—конусъ основаніемъ внизъ и дно шире входа.

2) „Гювечь" (у Измаильск. болгаръ—„Гивечь" или „Гилечь") наоборотъ имѣетъ широкое отверстіе сверху, а внизъ суживается воронкой.

Ямы обоихъ сортовъ внутри обжигаются. На дно ихъ кладутъ крупную солому и ею же обкладываютъ бока по мѣрѣ того, какъ насыпаютъ зерно. Сверху также засыпается солома, а потомъ перемежаются слоями то солома, то земля до самаго верху [6]).

Крупную и мелкую солому, полученную при молотьбѣ, складываютъ на томъ же дворѣ, гдѣ и арманъ, въ стогъ, имѣющій форму двускатной крыши и называемый „саманнык" или „скрыта".

Мякина, отлетающая отъ зерна при вѣяньѣ, вмѣстѣ съ мелкой соломой, называется „тозак саман" и складывается въ „плевник" или „тозаклык"; онъ идетъ въ кормъ скоту. Впрочемъ, отдѣльный „тозаклык" у гагаузовъ строится довольно рѣдко, а чаще всего „тозак" складывается въ какую-нибудь пустую коморку или въ старую хозяйственную постройку.

Чтобы покончить съ зерномъ, необходимо упомянуть о мельницахъ, на которыхъ его перемалываютъ. Еще не такъ давно были у гагаузовъ ручныя мельницы („рышница"), состоявшія изъ двухъ камней: верхній съ круглымъ отверстіемъ въ серединѣ и съ прикрѣпленной къ нему палкой, за которую его вертѣли, а нижній—сплошной; но теперь онѣ совершенно вышли изъ употребленія.

Такъ какъ водяныхъ мельницъ здѣсь строить нельзя по недостатку проточной воды, то гагаузы ихъ вовсе и не знаютъ. Чаще всего можно встрѣтить вѣтряныя мельницы („люзгяр дермени"), окружающія гагаузское село со всѣхъ сторонъ. Строятся онѣ объ одномъ поставѣ („бирь каялы") и о двухъ („ики каялы"); ихъ заводитъ почти каждый сколько-нибудь состоятельный крестьянинъ.

Основаніе мельницы („темель") дѣлается очень низкимъ. На большихъ камняхъ укладывается квадратная рама изъ толстыхъ деревянныхъ брусьевъ, а на нее правильный восьмиугольникъ изъ такихъ же брусьевъ. Все это вмѣстѣ называется зеркаломъ („айна"). Въ центрѣ его укрѣпляется вертикально толстая дере-

Digitized by Google

вянная ось мельницы („боба"), на которую надѣта крестовина изъ четырехъ толстыхъ брусьевъ. Въ отверстіе, образуемое брусьями, входитъ ось мельницы, а на крестовину настилается полъ мельничнаго зданія. При вращеніи вокругъ оси нижняя поверхность крестовины скользитъ по зеркалу.

Вращеніе мельницы вокругъ оси производится, какъ обыкновенно, при помощи длиннаго рычага („арыш"), на концѣ котораго надѣвается телѣжное колесо. Рычагъ двигается не руками, а переноснымъ деревяннымъ воротомъ („келебекъ"), укрѣпляемымъ на одной изъ врытыхъ въ землю тумбъ, окружающихъ мельницу.

Внутреннее устройство мельницы то же самое, что и у насъ. Постройка дѣлается чисто и прочно.

Всѣ вѣтряныя мельницы—о шести крыльяхъ („канат"), парусность которыхъ увеличивается или уменьшается надѣваніемъ или сниманіемъ маленькихъ дощечекъ („облон") [7].

Сравнительно рѣже встрѣчаются въ гагаузскихъ селахъ конныя мельницы („ак дермени"). Единственное заведеніе такого рода, приходящееся на 56 вѣтряныхъ мельницъ, мнѣ удалось видѣть въ с. Бешалма. Оно было построено въ центрѣ села подъ улицей, противъ дома хозяина. Это было прочное подземелье съ деревяннымъ, засыпаннымъ землею, потолкомъ, вродѣ того, какія строятся для винныхъ погребовъ у богатыхъ крестьянъ. Во внутрь мельницы спускалось крыльцо съ глиняными ступеньками. Свѣтъ проникалъ сквозь широкую настежь отворенную дверь. Вертикальная ось, за которую лошади вращали мельничный механизмъ, проходила сквозь потолокъ, а на самомъ потолкѣ, слегка возвышавшемся надъ уровнемъ улицы, былъ устроенъ топчакъ для лошадей. Отъ вертикальнаго вала при помощи шестерни и большого горизонтальнаго зубчатаго колеса вращеніе передавалось вертикальной же оси жернововъ. Во всемъ остальномъ внутреннее устройство конной мельницы было одинаково съ вѣтряной.

За помолъ муки у гагаузовъ берутъ на вѣтряныхъ и конныхъ мельницахъ $^1/_{11}$ часть зеренъ по объему, а на паровыхъ $^1/_8$ часть.

Чтобы закончить настоящую главу о земледѣліи бендерскихъ гагаузовъ, необходимо еще упомянуть о маслобойкахъ („холойница"), на которыхъ перерабатываются отбросы крестьянскаго хозяйства. Почти въ каждомъ изъ гагаузскихъ селъ можно видѣть большіе круглые дома съ конической крышей, съ виду напоминающіе ба-

Digitized by Google

лаганы для цирка. Здѣсь-то и помѣщаются маслобойки, содержимыя, такъ же какъ и мельницы, мѣстными богачами-крестьянами. Дѣйствуютъ онѣ конным приводомъ, такъ же, какъ и конныя мельницы, а иногда оба эти заведенія соединяются въ одномъ домѣ и имѣютъ одинъ общій двигатель.

Главнымъ продуктомъ, который вырабатывается на здѣшей маслобойкѣ, является масло, приготовляемое изъ сурѣпицы („хардал"). Любопытно, что хозяева маслобойки сами сурѣпицы не сѣютъ, да и вообще у гагаузовъ не принята культура этого растенія: оно растетъ въ большомъ изобиліи въ хлѣбѣ, какъ сорная трава. Особенно много „хардала" попадается вмѣстѣ съ зернами пшеницы, „гюзлюка" и ячменя. Иногда на 10 мѣрокъ пшеницы и ячменя получается 1 мѣрка „хардалу". Отсѣивается она отъ хлѣба при помощи особаго сита изъ тонкой проволоки („тель калбур"). Вотъ эту-то сурѣпицу и скупаютъ хозяева маслобоекъ отъ крестьянъ по 1 р., по 1 р. 25 к. за мѣрку.

Кромѣ сурѣпицы, на здѣшнихъ маслобойкахъ выжимается масло изъ конопляного сѣмени, изъ подсолнечниковъ и изъ сѣмянъ абрикоса („зердели"). Выжимки, получающіяся при этомъ въ формѣ кирпичей, продаются какъ хорошее топливо на мѣстную жлѣзную дорогу. По словамъ гагаузовъ, онѣ очень хорошо горятъ и даютъ мало золы.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Такіе же мѣшки употребительны и у гуцуловъ. У турецкихъ сербовъ ихъ называютъ «бисаги», у болгаръ «дисаги».
БМ. № 428 с. 167. **БС.** с. 442.

[1]а) У галицкихъ малороссовъ тоже.
Б. III с. 152.

[2]) Въ Галиціи, у тамошнихъ русскихъ это дѣлается такимъ образомъ: хозяйка идетъ въ поле, беретъ съ собой кусокъ свяченой вербы и, обмочивши ее въ святой водѣ, кропитъ на хозяина, плугъ и скотъ, потомъ вербу эту кидаетъ въ борозду вмѣстѣ съ сырымъ яйцомъ и туда же выливаетъ остатокъ святой воды. Дѣлаетъ она это для того, чтобы Богъ далъ урожай, чтобы весна была круглая, чтобы не было бурь и градовъ, долгихъ непогодъ и жаровъ.

У вотяковъ передъ посѣвомъ хозяинъ въ жертву Му Кылдысину кладетъ въ ямку (вырытую въ землѣ) яйцо, кусокъ говядины, яичный блинъ и пр. и льетъ туда же стаканъ пива и рюмку кумышки. А когда начинаетъ сѣять, то беретъ съ собой лубокъ съ 15 яйцами, изъ кото-

Digitized by Google

рыхъ бросаетъ на поле по одному послѣ каждыхъ 2—3 горстей посѣяннаго зерна.

У кахетинцевъ (Телавск. уѣзд.) при началѣ жатвы хозяинъ бросаетъ нѣсколько горстей сѣмянъ, говоря: «это червямъ, это крысамъ, это птицамъ». А къ сѣменамъ прибавляетъ нѣсколько крупныхъ орѣховъ.

У болгаръ, выѣзжая пахать или сѣять, посыпаютъ около повозки пепломъ и горячими угольями.

У поляковъ кропятъ святой водой воловъ въ ярмѣ и обсыпаютъ вокругъ ихъ солью. Къ ярму привѣшиваютъ ломоть хлѣба, который отдаютъ потомъ воламъ.

Б. III с. 153; **К.** с. 36—37; **З.** II с. 13; **БЦ.** с. 93.

[2]а) У гуцуловъ окна и двери обращены обыкновенно «къ полдню» — одно окно къ востоку. Съ крыльца входятъ въ «сѣнь», оттуда направо въ избу.

Щ. I с. 692.

Б. III с. 153 № 43.

[4]) У галицкихъ малороссовъ хозяинъ кладетъ краюшку хлѣба на ниву и говоритъ: «зароды, Боже, на все дыханіе». А когда засѣвъ окончитъ, поднимаетъ снова хлѣбъ, везетъ его домой и каждому изъ домашнихъ даетъ по кусочку хлѣба.

Б. III с. 153.

[5]) Тоже у галицкихъ малороссовъ. У великоруссовъ, когда выѣзжаютъ въ первый разъ въ поле пахать, то ни за что не даютъ изъ своего дома огня.

З. II с. 12; **Б.** III с. 153 № 31.

[6]) Въ старину въ Малороссіи зерно также сохраняли въ ямахъ.

И. III с. 127 № 25.

[7]) Изъ русскихъ вѣтряныхъ мельницъ ближе всего подходятъ къ гагаузскимъ, по крайней мѣрѣ по наружному виду, мельницы Черниговской губерніи. Онѣ такія же низенькія и также имѣютъ шесть крыльевъ, тогда какъ въ остальной Малороссіи и въ Польшѣ четыре крыла, а въ Великороссіи (Костромская губ.) — 8. (Изъ моихъ наблюденій).

XXII.

Огородничество.

Огородничествомъ у гагаузовъ занимаются очень немногіе, потому что для этого занятія нужны спеціальныя знанія. Дѣло это чаще всего находится въ рукахъ у болгаръ. Подобно тому какъ на нашемъ сѣверѣ великороссы, въ особенности ростовцы, стяжали себѣ извѣстность въ качествѣ спеціалистовъ-огородниковъ, такъ на югѣ пальма первенства въ огородномъ дѣлѣ при-

Digitized by Google

надлежитъ болгарамъ. Наши великороссійскіе огородники распространились на западъ вплоть до самой Варшавы, и до сихъ поръ большинство варшавскихъ огородниковъ—великороссы. А болгары-огородники изъ Бессарабіи разошлись на востокъ по всему югу Россіи: ихъ одиночныхъ поселенцевъ-огородниковъ можно встрѣтить въ Херсонской губ., въ Таврической, въ Екатеринославской и въ Землѣ Войска Донского. Очень понятно поэтому, что и здѣсь, въ Бессарабіи, болгары въ огородномъ дѣлѣ не имѣютъ себѣ соперниковъ. Такъ что если огородничество и существуетъ въ маломъ видѣ въ гагаузскихъ селахъ, то имъ занимаются или болгары, или тѣ изъ гагаузовъ, которые почему-либо близко соприкасались съ болгарами и выучились отъ нихъ этому дѣлу.

Огороды устраиваются, какъ я уже говорилъ, въ долинахъ рѣкъ, поближе къ водѣ, потому что безъ искусственнаго орошенія они здѣсь не мыслимы. Кромѣ того, огородныя овощи весьма требовательны въ отношеніи почвы. Только перецъ и помидоры любятъ почву черноземную, для всѣхъ же остальныхъ необходимъ песокъ. Въ Бессарабіи удобны въ этомъ отношеніи только глубокія долины и берега рѣкъ, такъ какъ почва въ этихъ мѣстахъ содержитъ въ себѣ такъ называемую здѣсь „молитуру“, т.-е. землю, снесенную съ полей дождевою или вешнею водою, состоящую изъ размельченнаго чернозема съ примѣсью песка. Но такъ какъ подобныхъ мѣстъ здѣсь вообще немного, то приходится съ огородами уходить не только за 5—6 верстъ отъ села, а даже арендовать землю подъ огородъ въ чужихъ селахъ за десятки верстъ отъ дому. Вѣроятно въ погонѣ за такими-то мѣстами, удобными для огородовъ, болгарскіе огородники, такъ же какъ и наши великорусскіе, и привыкаютъ уходить все дальше и дальше отъ своего дома и не стѣсняться разстояніями. Въ этомъ отношеніи гагаузы имъ уступаютъ и менѣе рѣшительны въ своихъ передвиженіяхъ: для нихъ уже и 20—30 верстъ отъ дому—разстояніе очень большое.

Искусственное орошеніе огорода производится при помощи водоподъемной машины („дулап“). Такая машина состоитъ въ общемъ изъ большого деревяннаго колеса, ободъ котораго составляетъ досчатое, пустое внутри, кольцо, раздѣленное радіальными перегородками на нѣсколько ящиковъ. Каждый ящикъ имѣетъ отверстіе на боковой сторонѣ обода ближе къ центру.

Digitized by Google

Колесо вертится на горизонтальной оси въ канавѣ, наполненной водой, которая проведена изъ ближайшей рѣчки. Ящики, приходящіеся внизу, погружаясь при оборотѣ колеса въ воду, наполняются ею черезъ отверстія, а поднявшись наверхъ, выливаютъ ее черезъ тѣ же отверстія въ подставленный подъ нихъ желобъ, отводящій воду въ огородъ.

Колеса водоподъемной машины бываютъ различной величины и даютъ отъ 18 до 40 ведеръ при одномъ оборотѣ. Тогда какъ самыя маленькія изъ нихъ приводятся въ движеніе одной лошадью, для большихъ требуется пара. Лошади иногда замѣняются волами.

Передача движенія отъ вертикальной оси къ горизонтальной производится при помощи шестерни („фенер“) и зубчатаго колеса („чарк“). Но такое устройство водоподъемной машины дѣло сравнительно новаго времени, тогда какъ машина эта существовала, повидимому, съ незапамятныхъ временъ и, какъ надо полагать, распространилась по южной Европѣ и Азіи изъ Египта, съ береговъ Нила. Очевидно поэтому, что у современной машины былъ первообразъ несравненно болѣе простого устройства. И дѣйствительно, даже въ Бессарабіи можно видѣть нѣчто близкое къ этому первообразу, но только уже сравнительно рѣдко. Такъ, напримѣръ, вмѣсто колеса съ пустымъ кольцеобразнымъ ободомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на колесо, не имѣющее никакой внутренней пустоты, вѣшаются ведра, которые зачерпываютъ воду и выливаютъ въ желобъ, замѣняя собою ящики. А вмѣсто шестерни и зубчатаго колеса употребляется иногда сцѣпленіе двухъ деревянныхъ крестовъ, укрѣпленныхъ на горизонтальной и вертикальной оси.

Устройство грядъ („карык“) въ здѣшнихъ огородахъ иное чѣмъ у насъ. Онѣ дѣлаются въ видѣ неглубокихъ четыреугольныхъ ямъ длиною около 5 шаговъ, а шириною около $1^1/_2$. Гряды размѣщаются ровными рядами съ узкими промежутками между ними („кавал“). Такіе же промежутки отдѣляютъ ихъ и отъ канавъ, идущихъ вдоль всѣхъ грядъ („вада“), которыя наполняются водой изъ водоподъемной машины, а также и отъ поперечныхъ канавъ („штанц“), соединяющихъ между собой продольныя.

Система, состоящая изъ двухъ рядовъ продольныхъ канавъ, одного ряда грядъ и одной поперечной канавы, называется „табла“. Величина „таблы“ и число грядъ, въ ней заключающихся, зави-

Digitized by Google

сятъ отъ мѣстности, но приблизительно можно считать на десятину около 100 „таболъ“, а въ одной „таблѣ“ отъ 30 до 50 „карыковъ“. Направленіе отдѣльныхъ „таболъ“ и ихъ взаимное расположеніе вполнѣ зависятъ отъ мѣстныхъ топографическихъ условій. „Вода сама укажетъ, какъ надо располагать „таболы“, говорятъ гагаузы. При орошеніи огородовъ ведется очередь между всѣми таболами въ порядкѣ ихъ наливки, въ зависимости, во-первыхъ, отъ погоды, т.-е. сухости ея, во-вторыхъ, отъ того, какое огородное растеніе приходится поливать. Такъ, напримѣръ, больше всего требуютъ поливки: порей, перецъ и синіе баклажаны. Если дождя нѣтъ, то эти овощи нужно поливать не рѣже одного раза въ недѣлю. Наименьшей поливки требуютъ помидоры или красные баклажаны. Достаточно полить ихъ въ двѣ недѣли разъ, потому что густая зелень этого растенія совершенно покрываетъ землю и мѣшаетъ влажности скоро испаряться.

Въ день поливаютъ изъ одного дулапа до 30—40 „таболъ“ и больше. Если огородъ около трехъ десятинъ, то весь онъ можетъ быть политъ изъ одного „дулапа“ за одну недѣлю, но если въ огородѣ десятинъ 5, то приходится дѣлать поливку днемъ и ночью, и тогда люди и лошади распредѣляются на двѣ смѣны. На одну смѣну нужно одного человѣка къ „дулапу“ и одного или двухъ для поливки, т.-е. для распредѣленія воды по „таболамъ“ и „карыкамъ“,

Парниковъ въ своихъ огородахъ гагаузы не дѣлаютъ, но нѣчто подобное парникамъ устраивается для раннихъ овощей и называется „ястык“ (подушка). „Ястык“ состоитъ изъ ямы глубиною аршина два, шириною 1 шагъ и длиною 4 шага. Туда кладутъ соломы, навозу и сверхъ всего землю. На ночь и при облачной погодѣ такой „ястык“ закрывается, а какъ только покажется солнце, открывается.

Весь огородъ окружается канавой съ валикомъ земли, вырытой изъ нея. Сторожъ огорода помѣщается въ особомъ шалашѣ („бордей“).

Въ огородѣ гагаузы сѣютъ: арбузы („карпуз“), дыни („каун“), тыквы („кабак“), капусту разныхъ сортовъ („лахна“); здѣсь различается: 1) „маави лахна“ (синяя), 2) „алабаш“ (бѣлая внутри), 3) „кёся алаба“ (безусая, малолистная), 4) „кааби лахна“ (съ очень крупными кочнами), 5) „базовская“ (Азовская?), 6) „остри-

Digitized by Google

ганскій“ (Австрійская), 7) „американскій“ и 8) „греческій“) огурцы („хыяр“), свеклу („чукундур“), брюкву („алабаш“), рѣпу („труп“), рѣдьку („труп“), морковь („моркув“), красные и синіе помидоры („кырмызы“ и „мор патладжян“), лукъ („суван“), порей („прасо“), чеснокъ („сармусак“), перецъ („бибер“), укропъ („марар“), петрушку („петрушка“), тминъ („патраджиль“), салатъ („салáта“), сельдерей („целина“) и картофель („картóфли“).

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что арбузы и дыни сѣялись прежде у всѣхъ на поляхъ и такія поля назывались „бостан“, но теперь это почти совсѣмъ прекратилось, потому что сильно размножились овражки и стали поѣдать такіе „бостаны“ безъ остатка; нѣтъ никакой возможности съ ними бороться. Что касается картофеля, то онъ кромѣ полей разводится и въ огородѣ, потому что здѣсь, при лучшемъ уходѣ, родится гораздо лучше, чѣмъ въ полѣ. Да кромѣ того въ огородѣ выращиваютъ картофель два раза въ лѣто. Въ первый разъ онъ садится обыкновеннымъ способомъ, т.-е. закапываніемъ клубней, а во второй разъ вѣтки, съ которыхъ собраны клубни, пригибаютъ и вершины зарываютъ въ землю. Тогда отъ вершинъ растутъ новые корни, а къ концу лѣта вырастаютъ клубни, хотя и безплодные, но годные въ пищу.

Уходъ за огородомъ представляетъ въ своей совокупности цѣлую науку, которая передается въ семействѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Изъ нея я передамъ только кое-какія отрывочныя свѣдѣнія, которыя случайно собралъ.

Начну съ посѣва овощей. Наиболѣе оригинальный способъ посѣва наблюдается въ отношеніи лука. Этого растенія гагаузы различаютъ два сорта: 1) „арпаджик суван“ (съ мелкими луковицами) и 2) „каба суван“ (съ крупными луковицами до 1 фунта вѣсомъ). Первый изъ этихъ сортовъ разводится отъ сѣмени, которое прямо насыпаютъ въ „карыкъ“, загребаютъ граблями и покрываютъ сверху, пальца на два, старымъ, перегорѣвшимъ навозомъ. Черезъ нѣсколько времени сѣмена дадутъ ростки, и когда листья поднимутся около четверти, ихъ топчутъ ногами или катаются по нимъ, для того чтобы листья эти поломались и повяли. Когда это случится, то навозъ разгребаютъ и вынимаютъ маленькія луковки, выросшія изъ сѣмянъ. Ихъ собираютъ, сохраняютъ до слѣдующей весны и уже только тогда сажаютъ въ огородъ.

Digitized by Google

Что касается другого сорта луку „каба суван", то его сѣютъ такъ: насыпаютъ въ чашку столько сѣмянъ, сколько нужно для одного „карыка", чтобы лукъ росъ не слишкомъ рѣдко и не слишкомъ часто, что опредѣляется изъ опыта. Къ сѣменамъ прибавляется земля и перемѣшивается съ ними. Такая смѣсь сѣется по „карыку", загребается граблями, покрывается слоемъ навозу и поливается. Когда лукъ подрастетъ, то остается только его пересадить. Такъ же сѣютъ и всѣ остальныя овощи, т.-е. капусту, баклажаны красные и синіе, свеклу, брюкву, рѣпу, чеснокъ, порей и сельдерей, т.-е. всѣ тѣ овощи, которыя необходимо пересаживать. Порядокъ посѣва разныхъ овощей наблюдается такой: раньше всего сѣютъ чеснокъ, потомъ лукъ „арпаджик", свеклу и рѣдьку, потомъ баклажаны, перецъ, „целину", петрушку и всѣ остальные овощи съ тѣмъ расчетомъ, чтобы съ ними покончить въ половинѣ апрѣля, т.-е. къ Пасхѣ, а капусту—сейчасъ же послѣ Пасхи.

Пересадку всѣхъ овощей, посѣянныхъ до Пасхи, начинаютъ около дня св. Георгія, а капусту за недѣлю до Ильина дня. При этомъ разстояніе между отдѣльными кустами наблюдается различное, въ зависимости отъ рода растенія.

Такое разстояніе бываетъ около четверти аршина для порея и „кабаа суван". Затѣмъ свекла, перецъ и целина сажаются на разстояніи около полуаршина, капуста и брюква—около одного аршина. Для синихъ баклажановъ это разстояніе немного больше, т.-е. до $1^1/_4$ арш., и наконецъ рѣже всего (отъ $1^1/_2$ до 2-хъ аршинъ) сажаются красные баклажаны. Эти послѣдніе, вслѣдствіе ихъ рѣдкой посадки, оказываются легче всѣхъ другихъ овощей въ отношеніи ухода за ними.

Вслѣдъ за этими правилами идутъ другія, касающіяся наиболѣе успѣшнаго роста овощей. Такъ, напримѣръ, у капустной разсады („расат") и у помидоровъ нужно отрѣзать корень и сажать ихъ какъ можно глубже. Далѣе кочны капусты, чтобы они осенью не трескались, для уменьшенія силы ихъ роста, нужно немного покрутить, чтобы порвать часть ихъ корней, а у помидоровъ, тоже для уменьшенія силы роста, прокалываютъ стволъ крестъ-накрестъ и раздѣляютъ его въ этомъ мѣстѣ на четыре части, иначе плоды помидоровъ не покраснѣютъ, какъ бы слѣдовало, а останутся зелеными.

Digitized by Google

Больше всего на огородѣ сажаютъ капусты и стручковаго перцу, все остальное—въ меньшемъ количествѣ, а огурцы изъ экономіи мѣста сѣются тамъ, куда предполагается впослѣдствіи пересадить капусту и, когда настанетъ время этой пересадки, вырываютъ, хотя бы они были еще въ полной силѣ. Арбузовъ и дынь сѣютъ обыкновенно не болѣе полудесятины.

Большинство перечисленныхъ овощей сѣется преимущественно на продажу. Лучшіе изъ нихъ продаются на базарѣ, а худшіе развозятся по селамъ и промѣниваются на пшеницу, рожь, ячмень и другіе хлѣба, частью же распродаются тѣмъ, кто приходитъ на огородъ или на домъ къ его хозяину.

Изъ числа орудій, употребляемыхъ гагаузами при огородномъ дѣлѣ, нужно упомянуть жестяной топоръ для срубанія капустныхъ кочновъ—„сатыр“.

XXIII.

Винодѣліе и садоводство.

Сады и виноградники устраиваются всегда за селомъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, иногда версты за 3 за 4, преимущественно на склонахъ горъ. Фруктовые сады бываютъ не у каждаго хозяина, но виноградникъ разводитъ всякій самый бѣдный гагаузъ. Ни сады, ни виноградники не огораживаются никакими заборами, но ихъ охраняютъ отъ порчи сторожа, нанимаемые отъ всего сельскаго общества съ платою по 7—10 коп. съ каждой квадратной сажени и по одному „оку“ (3 ф.) пшеничной муки отъ каждаго хозяина. Въ сторожа поступаютъ чаще всего русскіе или же изъ гагаузовъ: старики и „лѣнтяи“. Сторожъ строитъ себѣ шалашъ („бордей“), въ которомъ и поселяется на все лѣто.

Въ садахъ („баща“) разводятся: яблоки („алма“), груши („армут“), абрикосы („зердели“), персики („шефтели“), сливы („ерик“), вишни („кирес“), грецкіе орѣхи („джевис“), а у нѣкоторыхъ кромѣ того крыжовникъ („татар юзюм“). Вмѣстѣ съ фруктовыми растеніями тутъ же разводятъ и цвѣты. Изъ этихъ послѣднихъ на первомъ планѣ стоитъ „феслин“ (родъ бѣлой мяты),

Digitized by Google

имѣющій для гагауза священное значеніе, по его употребленію при многихъ обрядахъ. Далѣе разводятъ георгину („гергѝна“), розу („гюль“), макъ („хашиш“), астру („гюзь чича“), гвоздику („каранфил“), василекъ („митлига“), мяту, среди которой различаютъ нѣсколько сортовъ, напримѣръ: „кара“ (черная), „ясы“ (плоская), тюлю“ (пушистая), мальву („гюль фатма“), тюльпанъ („лааля“), гіацинтъ („зюмбюль“), одинъ родъ полыни („катранѝка“), касатики („замбак“), celozia („кадифя“) и многіе другіе садовые цвѣты, русскаго названія которыхъ мнѣ не удалось узнать, какъ, напримѣръ: „осурганга“, „баща герджи“, „бусиляк“, „алтынджик“, „седефь“, „бужор“ и др. Цвѣты эти разводятся или просто любителями ихъ, или же для молоденькихъ дѣвушекъ, имѣющихся въ семействѣ, которыя украшаютъ ими свои головы.

Что касается винодѣлія, то сами гагаузы сознаются, что оно стоитъ у нихъ не очень высоко. Настоящихъ образцовыхъ винодѣловъ они видятъ въ своихъ сосѣдяхъ, молдаванахъ, и прибавляютъ, что молдаванинъ, если ему нужно сдѣлать какую-нибудь работу въ виноградникѣ, и въ церковь не пойдетъ и Богу помолиться забудетъ.

Виноградные сады, конечно, далеко не одинаковы по величинѣ у разныхъ хозяевъ. Земля подъ виноградникъ считается взятой въ аренду у сельскаго общества, и потому всѣ платятъ въ общественную кассу съ 1 квадр. сажени 5 коп. и больше, смотря по условію.

Сорта винограда различаются слѣдующіе: 1) „Гордина“ (зеленый), 2) „Даржан“ (зеленый), 3) „Кара кечи мемеси“ (Вымя черной козы)— синій продолговытый, 4) „Куш юзюм“ — мелкій зеленый, 5) „Балая“ — зеленый, 6) „Топ кара“—черный круглый, 7) „Пембя юзюм“ — розовый и 8) „Корук“ — самый плохой сортъ.

Работъ по устройству виноградника у гагаузовъ не мало. Осенью молодую часть лозы, выросшую въ текущемъ году, пригибаютъ къ землѣ и зарываютъ, чтобы она не померзла, оставляя снаружи корень и старую часть лозы, которые не такъ боятся холоду. Весной вынимаютъ лозу изъ земли, окапываютъ виноградникъ и чистятъ его отъ травы. Если лоза перестала давать виноградъ, то ее срѣзаютъ до земли, а если погибла окончательно, то разводятъ вмѣсто нея новую отводками („кырлига“) или отъ побѣговъ („далдырмаа“).

Digitized by Google

Начинаютъ собирать виноградъ не раньше какъ 8-го сентября. Въ собираніи этомъ участвуетъ обыкновенно вся семья, не исключая и малыхъ дѣтей, но процедура эта не сопровождается, какъ въ западной Европѣ, никакими торжествами или праздниками.

Самую операцію выдѣлки вина производятъ съ начала до конца только мужчины, а для женщины считается грѣшно не только приготовлять вино, но даже присутствовать при такого рода работахъ. Работы эти состоятъ въ слѣдующемъ.

Когда привезутъ виноградъ въ корзинахъ домой, берутъ деревянную кадку („када“) изъ разрѣзанной поперекъ 60-ти ведерной бочки. Въ нее всыпаютъ виноградъ и давятъ его сначала сучковатой палкой („чатал чибук“), а потомъ прямой, толстой дубиной („кросна“). На половину раздавленный виноградъ перекладывается въ веревочный мѣшокъ („юзюм торбасы“) и кладется въ такъ называемую „шарапану“, т.е. кадку, расширяющуюся книзу на трехъ высокихъ ножкахъ. Здѣсь виноградъ давятъ уже босыми ногами, соблюдая, разумѣется, возможную чистоту, а сокъ сливаютъ черезъ отверстіе въ днѣ „шарапаны“ по деревянному желобу въ подставленный подъ него чугунный котелъ. Изъ котла сокъ мѣряютъ квартами въ ведро, и когда это послѣднее наполнится, переливаютъ въ бочку.

Оставшіеся послѣ этой операціи виноградныя выжимки („чепка“) переносятъ въ веревочномъ мѣшкѣ подъ ручной прессъ („тяска“), гдѣ изъ нихъ выжимаются послѣдніе остатки сока, а сухія выжимки („джибря“) бросаютъ свиньямъ.

Сокъ, налитый въ бочки, оставляютъ незакупореннымъ въ погребѣ („мааза“), пока не кончится въ немъ броженіе, а затѣмъ закупориваютъ и пробку замазываютъ глиной.

Для того, чтобы лучше слѣдить за процессомъ броженія, нѣкоторые дѣлаютъ такое приспособленіе.

Въ дно бочки вставляютъ трубчатую деревянную втулку, запертую съ наружнаго конца. Сбоку ее просверливаютъ. Въ отверстіе вставляется камышевая трубочка, конецъ которой погружается въ воду. По количеству пузырьковъ газа, выходящаго по трубочкѣ черезъ воду, судятъ о быстротѣ или медленности процесса и объ его окончаніи.

При броженіи винограднаго сока поверхность его покрывается

Digitized by Google

въ видѣ корочки слоемъ пѣны и грибковъ виноградного броженія. Эту корочку называютъ „пердя“ (занавѣска) и очень заботятся, чтобы ее не прорвать до тѣхъ поръ, пока вино не выльется изъ бочки. Думаютъ, что если прорвать ее, то вино закиснетъ и испортится.

Если понадобится разлить вино изъ бочки въ болѣе мелкіе сосуды, то въ днѣ ея буравчикомъ просверливается отверстіе, сквозь которое и выливаютъ вина столько, сколько нужно, а потомъ отверстіе забивается деревянной конической втулкой.

Дубовыя бочки для вина покупаются въ с. Камратъ, куда онѣ привозятся изъ Кишинева. Цѣна ихъ въ среднемъ около 18—20 рублей. Въ неурожайные для винограда годы цѣна эта понижается, а въ урожайные настолько поднимается, что для вина не хватаетъ бочекъ, и тогда хозяева лишній сокъ продаютъ за 10—15 к. ведро. Обыкновенно такой сокъ скупаетъ сельскій корчмарь, у котораго всегда большой запасъ бочекъ, а потомъ зимой продаетъ вино изъ купленнаго сока тѣмъ же хозяевамъ, у которыхъ онъ купленъ, по 5 к. за кварту.

Чаще всего выдѣлывается бѣлое вино („біаз шарап“), а красное („кырмызы шарап“) приготовляется сравнительно рѣдко. Но, кромѣ этихъ двухъ сортовъ естественныхъ винъ, гагаузы приготовляютъ еще и искусственныя. Между ними различаютъ:

1) „Гюльгюлю шарап“—розовое вино. Оно приготовляется изъ смѣси бѣлаго вина съ краснымъ. Приготовленіе этого сорта вина вызывается не чѣмъ инымъ, какъ только недостаткомъ посуды. Когда нѣтъ отдѣльныхъ бочекъ для бѣлаго и для краснаго вина, то сливаютъ ихъ въ одну и получается вино розовое.

2) „Аджи шарап“—горькое вино. Такое вино получаютъ прибавкой къ обыкновенному листьевъ полыни („пелинь“). Оно считается лѣкарственнымъ и полезнымъ для здоровья, какъ наша полынная водка.

3) „Татлы“ или „кесьтерьмя шарап“—сладкое вино. Получается слѣдующимъ способомъ:

Берутъ 50-ти ведерную бочку, наливаютъ въ нее 40 ведеръ соку и оставляютъ бродить. Когда броженіе кончится, въ ту же бочку наливаютъ еще 10 ведеръ свѣжаго соку и даютъ вину перебродиться вторично. Тогда получается вино сладкое и очень крѣпкое.

Digitized by Google

Сохранять виноградъ въ сушеномъ видѣ гагаузы не умѣютъ, такъ что, несмотря на изобиліе у нихъ этого фрукта, изюмъ, въ случаѣ надобности, покупаютъ въ городѣ. Изъ ягодъ приготовляется только квашеный консервъ: виноградъ закладываютъ въ бочки вмѣстѣ съ хрѣномъ, гдѣ онъ и закисаетъ.

Къ садоводству же гагаузовъ нужно отнести и разведеніе дерева, какъ матеріала для деревянныхъ работъ. Это—зачатокъ искусственнаго лѣсоразведенія. Нѣкоторые хозяева, арендуя у общества землю, на такихъ же условіяхъ, какъ и подъ виноградники, разводятъ акацію, какъ самое живучее и легко разводимое въ здѣшнемъ климатѣ дерево. Образуется изъ такихъ посадокъ маленькая роща, которая срубается на домашнія подѣлки у кого каждый годъ, у кого черезъ два года или черезъ пять лѣтъ, смотря по тому, какой кому нуженъ лѣсъ и для какихъ цѣлей.

Кромѣ акаціи, въ садахъ же разводятъ еще и тутовое дерево для шелководства, которымъ здѣсь занимаются исключительно женщины и молодыя дѣвушки. Если въ какомъ-нибудь семействѣ есть кому заниматься шелководствомъ, то семейство это разводитъ тутовое дерево для себя, если же нѣтъ, то продаютъ листья съ него по фунтамъ тѣмъ, кто хотя и занимается выводкой шелковичныхъ червей, но своихъ деревьевъ не имѣетъ.

XXIV.

Скотоводство.

Скотоводство составляетъ одну изъ главныхъ отраслей хозяйства у Бессарабскихъ гагаузовъ. Средній хозяинъ держитъ у себя 3—4 лошади, 2—3 пары воловъ, 2—3 коровы для молока и сыра и 50—100 овецъ, а богатый—5—8 лошадей, до 6 паръ воловъ и до 300 и болѣе овецъ.

Каждая порода скота пасется отдѣльно, особымъ пастухомъ, нанимаемымъ отъ всего села или отъ извѣстной его части, если оно очень велико. Пастухъ долженъ быть спеціалистомъ по своей части, потому что на немъ, кромѣ пастушества, лежитъ уходъ за скотомъ и лѣченіе. Онъ носитъ названіе по своей спеціальности и получаетъ плату со штуки, измѣняющуюся въ зависимости отъ

Digitized by Google

рода скота и отъ времени года. Такъ какъ зимы бываютъ здѣсь теплыя и малоснѣжныя, то весь скотъ, кромѣ свиней, выгоняютъ на пастьбу почти круглый годъ.

Пастухи, какъ уже было говорено выше, нанимаются въ два срока: первый отъ весенняго Георгія („Хедерлес“) до осенняго Димитрія („Касым“), а второй отъ „Касыма“ до „Хедерлеса“. Для иллюстраціи приведу здѣсь плату, получаемую разными пастухами въ с. Бешалма: Овечій пастухъ („Чобан“) получаетъ по 25 к. съ каждой овцы лѣтомъ и по 20 к. зимой. Для телятъ имѣется особый пастухъ („Бузааджи“), который получаетъ съ каждаго теленка лѣтомъ по 3 к., а зимой по оку (3 ф.) пшеницы. Свиной пастухъ („Домузчу“) иногда пасетъ вмѣстѣ со свиньями и телятъ, а иногда только свиней. Какъ было сказано, онъ нанимается только на лѣто и получаетъ за каждую свинью по 3 к. и по 3 ф. пшеничной муки. Маленькихъ бычковъ и телокъ до трехлѣтняго возраста пасутъ опятъ таки отдѣльные пастухи („Кысырджи“) по 35 к. со штуки въ лѣто. Коровьи пастухи („Сыртмач“) получаютъ лѣтомъ по 50 к. съ коровы, а зимою по 3 к. и по „оку“ пшеничной муки. Далѣе волы имѣютъ своего пастуха („ёкюзчю“), который получаетъ по 1 руб. съ вола за лѣто и столько же за зиму. Наконецъ лошадиные пастухи („Хергеледжи“)—лѣтомъ по 1 р. съ лошади, а зимой столько же, какъ и коровьи. Въ числѣ этихъ послѣднихъ пастуховъ служатъ почти исключительно молдаване, такъ какъ они считаются лучшими спеціалистами по лошадиной части, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ пастухахъ служатъ свои гагаузы. Не даромъ же и Св. Тодуръ, покровитель лошадей, считается молдаваниномъ.

Тѣ изъ гагаузовъ, которые служатъ въ пастухахъ, обыкновенно сами хлѣбопашествомъ не занимаются и отдаютъ свою землю въ аренду другимъ крестьянамъ. Ихъ въ селѣ не много и потому имъ не приходится самимъ подыскивать себѣ работу, а, наоборотъ, къ нимъ приходятъ остальные крестьяне съ предложеніемъ взять ихъ скотину въ стадо. Насколько трудно найти здѣсь хорошихъ пастуховъ, и какъ цѣнится спеціальность пастуха, видно, между прочимъ, изъ того, что крестьяне отзываются о своихъ пастухахъ, какъ о первыхъ ворахъ и бездѣльникахъ въ селѣ, постоянно подозрѣваютъ ихъ въ кражѣ, а между тѣмъ все-таки продолжаютъ ихъ нанимать. По словамъ крестьянъ,

Digitized by Google

пастухи очень часто рѣжутъ извѣстную часть скота и мясо продаютъ мяснику, а хозяевамъ скотины объявляютъ, что она сдохла или что ее съѣлъ волкъ, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ они не несутъ никакой отвѣтственности.

Непремѣнная принадлежность каждаго здѣшняго пастуха это собаки. Въ каждомъ стадѣ ихъ по 4—5, а про одного пастуха, молдаванина, говорятъ, что у него ихъ больше сотни.

Зимой нанимаютъ гораздо меньше пастуховъ, чѣмъ лѣтомъ, потому что тогда весь скотъ, кромѣ овецъ и свиней, пасется вмѣстѣ. Въ это время онъ можетъ ходить по всѣмъ полямъ, гдѣ только вздумается, тогда какъ лѣтомъ нужно остерегаться, чтобы не попортить засѣяннаго поля, да кромѣ того для каждаго рода скота назначается опредѣленный районъ, разграниченный бороздою („чизи"), а потому и надзору за нимъ нужно больше.

Породъ скота гагаузы не различаютъ, кромѣ овечьихъ. Изъ этихъ послѣднихъ отличаютъ: 1) обыкновенныхъ овецъ и 2) голыхъ („шпанки"), разводимыхъ на мясо. Впрочемъ, „шпанка" разводится только у богатыхъ помѣщиковъ изъ гагаузовъ, въ крестьянскомъ хозяйствѣ она вовсе неизвѣстна.

Коровы здѣсь всѣ одной мѣстной породы, мелкорослыя и маломолочныя. Обыкновенный ихъ удой отъ 6 до 7 кварть въ день.

Хотя въ настоящее время скотоводство у гагаузовъ стоитъ не выше, чѣмъ хлѣбопашество или винодѣліе, но несомнѣнно, что отъ нихъ еще не очень далеки тѣ времена, когда скотоводство было главнымъ ихъ занятіемъ, судя потому, что ни для какого другого занятія у нихъ нѣтъ столько спеціальныхъ терминовъ. А извѣстно, что термины для какого-либо ремесла плодятся тѣмъ болѣе, чѣмъ больше имъ занимаются. Такъ, у гагаузовъ существуетъ множество такихъ названій для овецъ и коровъ разнаго возраста, которыхъ нѣтъ у нашего народа. Вотъ эти термины:

„Сюрю"—стадо овецъ, „коюн"—овца, „коч"—баранъ, „кузу"—новорожденный ягненокъ, „толку"—ягненокъ на второй годъ жизни, „шишек"—трехлѣтній ягненокъ, „бирь кузу аламыш"—четырехлѣтній, „бобана"—старая 7—8-ми лѣтняя овца, „хазман" и „еркекь"—холощеный баранъ, „джиба"—баранъ съ короткой шерстью. Затѣмъ у нихъ есть цѣлый рядъ названій для знаковъ („нышан"), которыми каждый хозяинъ отмѣчаетъ сво-

Digitized by Google

ихъ овецъ и которые дѣлаются на ушахъ: „зымба“—круглое отверстіе по серединѣ уха, „басамак геридян“ или „илердян“—прямой уголъ, вырѣзанный изъ края уха, „кырлангач“—острый уголъ тоже съ краю, „оюк“—небольшая остроугольная вырѣзка въ вершинѣ уха, „дюскесек“—такая же прямоугольная вырѣзка, „ерик“—ухо разрѣзано вдоль пополамъ. Кромѣ того, изъ такихъ знаковъ составляются многочисленныя комбинаціи.

А вотъ термины для коровъ: „сыр“—стадо крупнаго рогатаго скота, „бува“—быкъ, „инекь“—корова, „буза“—новорожденный теленокъ, „ташаа чыкмыш“—бычекъ годовалый, „дана“—бычекъ двухгодовалый, „дювя“—телка двухгодовалая, „буа алты“—или „тосун“—трехгодовалый бычекъ, „бирь буза аламыш“—четырехгодовалый быкъ, „екюз“—волъ, „тулук“ или „хулуп“—корова съ рогами, расходящимися въ стороны, „цап“—съ прямыми рогами, „челекь“—однорогая, „галба“—съ рогами, загнутыми въ середину, „бужор“—желтая корова, „сарбаш“—съ желтой головой, „брязгу“ или „сакар“—съ бѣлыми пятнами на лбу, „пріян“—съ бѣлой полосой на спинѣ, „гюверджин“—сама сѣрая, а голова и грудь черная, „япурян“—безъ всякихъ пятенъ, „мурго“—вся чорная и т. д.

Эти послѣднія названія для коровъ по цвѣту ихъ шерсти вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ обыкновенно и ихъ прозвищами, рядомъ съ которыми употребляются и другія прозвища, значенія которыхъ уже позабыты, какъ, напр.: Пору, Салман, Талашман, Унгурян, Нецарян и др. Для отличія хозяева клеймятъ свою скотину, выжигая клеймо („дамга“) на заднихъ ляшкахъ въ видѣ треугольниковъ, круговъ и другихъ геометрическихъ фигуръ.

Для лошадей употребительны слѣдующіе термины: „хергеля„—табунъ лошадей, „бегир“—лошадь вообще и меринъ, „хайгыр“—жеребецъ, „кысырак“—кобыла, „кули“—новорожденный жеребенокъ, или одногодокъ, „елек тай“—двухгодовалый (ему подстригаютъ въ первый разъ гриву („еля“), „керенджи“—трехгодовалый, „бирь сни“—четырехгодовалый (первая перемѣна зубовъ). Затѣмъ лошади различаются по внѣшнему виду и по мастямъ такъ: „чиль“—пестрая, „балан“—бѣлая, „кула“—каурая, „кара“—вороная, „доору“—гнѣдая, „ал“—рыжая, „гёк“ темносѣрыя яблоки на бѣломъ, „аладжя“—съ бѣлой или свѣтлой поло-

Digitized by Google

сой на спинѣ, „чашкын“—иноходецъ, „секир“ или „секиль“—съ бѣлой ногой, „чалак“—съ бѣлымъ пятномъ на лбу и т. д.

Если мы прибавимъ сюда многочисленные термины для отдѣльныхъ органовъ животнаго, напримѣръ; „кыл“—шерсть на хвостѣ у коровы или „калак“—оконечность носа у животныхъ и т. д., да если мы припомнимъ сравнительную бѣдность языка у гагаузовъ, то станетъ понятнымъ, что всѣ перечисленные термины указываютъ на слѣды у гагаузовъ древняго кочевого быта, обыкновенно неразрывно связаннаго со скотоводствомъ.

Доеніемъ коровъ занимаются женщины, овецъ же доятъ исключительно одни мужчины. Коровы ежедневно пригоняются въ село и такъ же, какъ у насъ, расходятся по домамъ, а утромъ снова собираются пастухомъ. Пастухи, выходя утромъ, не играютъ ни на какихъ музыкальныхъ инструментахъ, а даютъ знать о своемъ приходѣ только криками: „инеклери урадын, бей“—„коровъ выгоняйте, эй“.

Что касается овецъ, то такъ какъ ихъ держится очень много, то было бы очень затруднительно угонять и пригонять ихъ ежедневно, такъ же, какъ и коровъ, а потому практикуется тотъ способъ поочереднаго доенія, который мы описали выше въ главѣ объ общественныхъ отношеніяхъ.

Стрижкой овецъ занимаются также мужчины, преимущественно старики. Операція эта начинается въ маѣ мѣсяцѣ, когда тепло установится и нельзя ожидать холодовъ. Стрижка производится не за одинъ разъ, а понемногу, овцы по 4 по 5 въ день. Стригущій ходитъ для этого ежедневно въ стадо, а иногда пригоняетъ къ себѣ овецъ 15—20 и, когда обстрижетъ, пригоняетъ новыхъ.

Изъ овечьяго молока женщины приготовляютъ сыръ, который запасается на зиму. Для этого въ молоко кладутъ сычугу („мая“), и когда творогъ осядетъ, пропускаютъ сквозь сито въ бочку. Здѣсь его солятъ и оставляютъ стоять недѣли на двѣ, а потомъ размѣшиваютъ палкой, чтобы не было комковъ, и складываютъ въ мѣхъ („тулум“), въ которомъ и сохраняютъ на чердакѣ дома. Сыворотку отдаютъ свиньямъ и собакамъ.

Коровье молоко или ѣдятъ прямо, или даютъ закиснуть, или же снимаютъ сметану, изъ которой бьютъ масло въ особыхъ маслобойкахъ. Онѣ сдѣланы въ видѣ деревянной кадушечки съ порш-

Digitized by Google

немъ, за который двигается доска съ отверстіями. Изъ сыворотки приготовляютъ коровій сыръ („брынза“).Свѣжаго масла не ѣдятъ, а непремѣнно солятъ его. Приготовленіе брынзы совершенно такое же, какъ и овечьяго сыра. Сохраняютъ его также въ „тулумахъ“.

Очень серьезнымъ врагомъ скотоводства у гагаузовъ является волкъ. Онъ здѣсь очень смѣлъ и нападаетъ на овецъ не только въ степи, но и въ самомъ селѣ. А потому если пастухамъ приходится угнать скотъ очень далеко отъ жилья, такъ что нельзя поспѣть домой къ ночи, то, чтобы предохранить овецъ отъ волка, устраивается что-то въ родѣ маленькой крѣпости. Выбирается такое мѣсто, гдѣ сходятся подъ угломъ двѣ глубокія балки. На такой мысъ съ крутыми обочинами загоняютъ скотъ, а съ той стороны, откуда онъ загнанъ, вырываютъ поперекъ мыса глубокую канаву, оставляя только узенькій перешеекъ въ видѣ мостика, на которомъ и располагаются на ночлегъ сами пастухи. Такая загородка называется „тырма“.

Въ селѣ же, гдѣ овцы помѣщаются на ночь въ сараѣ только о трехъ стѣнахъ, или просто за плетенымъ заборомъ, нѣтъ другого средства спастись отъ хищника, какъ только собаки, которыя лаемъ своимъ даютъ знать о приближеніи врага, и, во-вторыхъ, помогаютъ пугала, устраиваемыя на крышахъ хлѣвовъ, преимущественно у богатыхъ крестьянъ въ видѣ человѣка въ мѣстномъ костюмѣ съ палкой въ рукахъ.

Кромѣ вышеперечисленныхъ породъ скота, въ нѣкоторыхъ гагаузскихъ селахъ, какъ, напримѣръ, въ Конгазѣ, разводятъ еще козъ для молока, а пастухи держатъ при стадѣословъ для перевозки тяжестей на вьюкахъ.

Изъ прочей домашней живности разводятъ на мясо кроликовъ („евь тавшаны“), а изъ птицъ держатъ куръ и изрѣдка индюшекъ; тамъ же, гдѣ есть непересыхающая вода, кромѣ того—утокъ и гусей. Но все это въ небольшомъ количествѣ только для собственныхъ надобностей. Птица помѣщается въ особомъ курятникѣ въ видѣ маленькаго глинянаго домика („кюмесь“). Лѣтомъ, для высиживанія яицъ, подъ стрѣхой хлѣва подвѣшивается холстъ въ видѣ гамаковъ. Тутъ же помѣщается и пугало („куркулук“) для воронъ, чтобы онѣ не таскали яицъ. Такое пугало состоитъ изъ тыквеннаго сосуда, подвѣшеннаго на веревкѣ подъ стрѣху,

Digitized by Google

въ стѣнки котораго натыканы перья. Вѣтеръ, дуя въ перья, безпрестанно поворачиваетъ свободно висящій сосудъ во всѣ стороны и своимъ движеніемъ пугаетъ воронъ.

Описаніе домашняго хозяйства гагаузовъ было бы не полно, если бы не упомянуть о собакахъ, которыхъ гагаузы держатъ всегда помногу. У каждаго хозяина ихъ по 3—4 штуки. Жизнь этихъ животныхъ самая жалкая, такъ какъ для нихъ не полагается ни помѣщенія, ни пищи, кромѣ той, которую онѣ добудутъ себѣ сами. Питаются онѣ разными отбросами хозяйства и потому вѣчно голодны. У гагаузовъ почти ни у кого не имѣется отхожихъ мѣстъ, но, благодаря собакамъ-санитарамъ, на дворахъ чистота образцовая. Собакъ рѣдко сажаютъ на цѣпь, потому что тогда пришлось бы ихъ кормить, по большей части онѣ бѣгаютъ на полной свободѣ, а потому если придти въ домъ гагауза, то собаки сейчасъ же сбѣгаются со всѣхъ сторонъ и встрѣчаютъ посѣтителя неистовымъ лаемъ, который замѣняетъ для хозяина колокольчикъ. Впрочемъ, окружая прохожаго съ громкимъ лаемъ и завываніемъ, здѣшнія собаки почти никогда не укусятъ, потому что очень робки и запуганы. Здѣсь кстати привести и прозвища, которыя гагаузы даютъ своимъ собакамъ: Копча (пуговица), Канджик (сучка), Азык, Заншерика, Рошка, Куцубай, Алабай, Харашка, Таркуш, Айдук и др.

Для передвиженій гагаузы обыкновенно употребляютъ лошадей въ упряжкѣ и подъ верхъ, воловъ же запрягаютъ только тогда, когда приходится везти большой грузъ, когда не нужно торопиться или когда на дворѣ стоитъ распутица.

Для полевыхъ работъ существуетъ старинная повозка съ древнимъ названіемъ „арба“ или „араба“. Это длинная четырехколесная телѣга съ рѣшетчатыми боковыми стѣнками кузова („ангыш“) на деревянныхъ осяхъ и съ колесами безъ шинъ, у которыхъ ободъ составленъ изъ шести отдѣльныхъ косяковъ. Такой ободъ называется „еспить“ въ отличіе отъ новѣйшаго цѣльнаго и гнутаго обода, носящаго славянское названіе „обода“. Повозка новѣйшаго типа, употребляемая для ѣзды самихъ хозяевъ, четырехколесная, на желѣзныхъ осяхъ и короткая называется также со славянскаго „талига“. Этотъ экипажъ сходенъ съ нашей русской телѣгой.

Digitized by Google

У самыхъ состоятельныхъ крестьянъ въ послѣднее время входитъ въ употребленіе повозка еще болѣе новаго типа, заимствованная отъ нѣмцевъ колонистовъ, извѣстная между гагаузами подъ именемъ „немце-талигасы“ (нѣмецкая телѣга). Въ этой повозкѣ передокъ, боковыя стѣнки и дно короба всегда досчатые и окрашены масляной, большею частью зеленой краской. Кромѣ того, по зеленому фону расписываются красные и бѣлые узоры.

Между различными колесами, употребляемыми въ гагаузскихъ повозкахъ, различаются два главные сорта: 1) „Молдуван текерле“ (молдаванское колесо) и 2) „Русча текерле“ (русское колесо). Первое состоитъ изъ шести отдѣльныхъ косяковъ, задній ходъ ихъ діаметромъ больше передняго, а у второго ободъ гнутый, цѣльный и всѣ четыре колеса одинаковаго діаметра.

Оглобельная упряжка съ дугой здѣсь вовсе не принята, всѣ ѣздятъ на парѣ въ дышло („ок“) съ веревочными или кожаными постромками („палдым“) и съ обыкновенными вальками („гётлюк“).

Сбруя стариннаго типа состоитъ только изъ веревочной шейки („шилля“), къ которой привязываются постромки, а для поддержанія дышла на шею лошадей надѣваются веревочныя петли („попряла“), другой конецъ которыхъ привязывается къ дышлу. Но такая первобытная упряжь надѣвается только на работу, а если выѣзжаютъ сами хозяева въ городъ или въ сосѣднее село, то шейка замѣняется хомутомъ, а веревочныя петли, поддерживающія дышло, нашильными ремнями. Хомутъ называется тюркскимъ словомъ „боюндрук“, а словомъ „хомут“ называется вся сбруя вмѣстѣ, т. е. хомутъ со шлеей.

На голову лошади надѣвается веревочный или кожаный недоуздокъ („юлар“), въ которомъ удила замѣняются петлей („дишиньдирик“), дѣлаемой изъ веревочнаго повода, которой затягивается нижняя челюсть лошади. Болѣе новаго образца уздечка называется „кантарма“ ;она снабжается желѣзными удилами („аазлык“).

Въ поле на работы ѣздятъ верхомъ на обыкновенномъ сѣдлѣ („калтак“ или „ерь“) со стременами („ёзенги“).

Волы запрягаются въ обыкновенное ярмо съ занозами („зевле“), которое прикрѣпляется къ дышлу („чавгар“).

Digitized by Google

Управляютъ лошадьми, запряженными въ повозку, кожаными возжами, а волами при помощи криковъ: вправо—„ча“ или „ча гарей“, влѣво—„хысь“, стой—„огагога“.

Съ колокольчиками и бубенчиками здѣсь не ѣздятъ, потому что такого рода добавки къ упряжи, равно какъ и украшеніе сбруи кожаными кистями и краснымъ сукномъ осмѣиваются, а того, кто ихъ употребляетъ, называютъ цыганомъ.

В. Мошковъ.

Digitized by Google

О современной народной пѣснѣ.

Давно уже подмѣчены и по достоинству оцѣнены жалобы нѣкоторыхъ поклонниковъ старины на настоящее и восторги прошлымъ. Этимъ людямъ не нравится ни современная жизнь, ни современные общественные идеалы; они убѣждены, что раньше были и люди лучше, и лучше жилось, и жизнь была пріятнѣе. Такіе люди никогда не переводились. Какъ слышно, и теперь въ Петербургѣ даже учреждено общество, которое намѣрено пропагандировать древній русскій костюмъ, древне-русскій стиль и русскую пѣню, которая, по мнѣнію учредителей, стала вырождаться и терять національныя особенности.

Вопросъ о пропагандированіи старой русской пѣсни въ обществѣ и народѣ не новъ. Раньше объ этомъ мечтали, какъ извѣстно, славянофилы, но мы оставимъ въ сторонѣ ихъ взгляды, такъ какъ они въ достаточной степени выяснены, и перейдемъ къ взглядамъ людей нашего времени.

Въ 1893 г. на IX археологическомъ съѣздѣ [1]) въ Вильнѣ былъ прочитанъ докладъ Н. Тиховскимъ, который пришелъ къ тому заключенію, что историческая пѣсня совсѣмъ вымираетъ, обрядовая держится только силою народнаго консерватизма, а *бытовая вытѣсняется новой фабрично-заводской*. Грамотность и всеобщая воинская повинность стираютъ всѣ народныя и мѣстныя особенности, а потому народъ бросаетъ свои старинныя пѣсни и поетъ солдатскія и заимствованныя изъ пѣсенниковъ. По мнѣнію г. Тиховскаго, нужно всѣми способами заставить народъ вернуться къ старой пѣснѣ „и грустной, и мелодичной, и за душу хватающей“.

Одинъ изъ оппонентовъ г. Тиховскаго, пр. М. И. Соколовъ, не согласился съ мнѣніемъ, что народную пѣсню вытѣсняетъ фа-

[1]) Извѣстія IX Арх. Съѣзда.

Digitized by Google

брично-заводская. По его мнѣнію, болѣе сильное вліяніе имѣетъ кафе-шантанная пѣсня, заносимая въ деревню городскимъ элементомъ. Съ послѣднимъ мнѣніемъ соглашается Н. Позняковъ, который въ 1897 г. въ № 1 „Вѣстника воспитанія“ говорилъ, что 20—30 лѣтъ тому назадъ, т.-е. въ концѣ 60 и началѣ 70-тыхъ годовъ народная пѣсня была очень въ ходу. Воспитанники учебныхъ заведеній собирались вмѣстѣ и пѣли народныя пѣсни. „Въ эти часы, говоритъ онъ, воображеніе работало живѣй, переносило къ милой далекой деревнѣ; чувство смягчалось, какъ-то прояснялось; жилось хоть на время иною жизнью и какъ-то горячѣй любилось... То ли теперь въ нашихъ школахъ? спрашиваетъ онъ. Немного времени прошло, какихъ-нибудь лѣтъ 30,—а какъ перемѣнилась эта сторона жизни! Осталось всего какихъ-нибудь 5—6 пѣсенъ болѣе извѣстныхъ, да и тѣхъ-то молодежь пѣть не умѣетъ... Хоръ составить нельзя, всѣ упираются, не хотятъ, а соберутся—сейчасъ кто въ лѣсъ, кто по дрова. Даже „Внизъ по матушкѣ“ не споютъ стройно“.

По мнѣнію Н. Познякова, причиной такого явленія слѣдуетъ считать всеобщее увлеченіе опереткой съ ея веселыми, задорными, неглубокими и мало-музыкальными мотивами. Оперетка „вытѣснила мелодичную—то заунывную, то удалую родную пѣсню, и *эта послѣдняя стала чужда для нашей молодежи съ самыхъ раннихъ, съ колыбельныхъ лѣтъ*... И это не только въ столицахъ, это повсемѣстно. Прошлымъ лѣтомъ, говоритъ онъ, я объѣздилъ не мало по Россіи, и у пароходныхъ пристаней, и изъ окна вагона, и изъ окна гостинницы въ далекомъ отъ столицы городѣ слышалъ все тѣ же пѣсенки, которыя пришли туда изъ „Аркаліи“, изъ „Эрмитажа“, отъ „Омоновъ“ и пр.

Разсмотримъ взглядъ еще одного типичнаго противника современной пѣсни, который въ „Нов. Вр.“ въ началѣ 1894 г. писалъ слѣдующее: „Отчего бы, говоритъ онъ, не основаться обществу „Русская пѣсня“ и не приняться за нее? *Перерабатывать не надо*. Угадайте только ея душу и покажите публикѣ ее во всей ея красѣ, въ строгомъ стилѣ, съ ея глубиною... У насъ въ настоящее время моръ пошелъ на старинную пѣсню. Пѣсня общая не ладится—*сочиняютъ свою*... Вотъ этой закройте двери: эта оскорбить можетъ. Ну, а та, что создалась на могучихъ рѣкахъ бурлаками, „протяжными извозчиками среди лѣсовъ и полей, ли-

Digitized by Google

хими ямщиками, неустанной работницей, русской женщиной, что полила пѣсню горькими слезами любящей и страдающей души,— та пѣсня уходитъ въ туманную даль и звенитъ еще только тамъ, гдѣ мужикъ еще не тронутъ фабричной цивилизаціей. Догораетъ „березовая лучинушка"; „дорожку", что въ полѣ пролегла, перерѣзали чугунки; „Маша", что ягоды искала въ бору, исчезаетъ вмѣстѣ съ боромъ и замѣняется маскарадной „Сашей", а „вечернюю зорьку" задернуло тучей романсовъ Никольскаго рынка.

„Общ-во русск. пѣсни", заключаетъ онъ, могло бы подобрать исчезающія сокровища,—а ихъ бездна. Тогда польется пѣсня широкою волной (?), не стѣсняемая ничѣмъ, зальетъ она всѣ невзгоды, въ своей величавой картинности предстанетъ она и подниметъ духъ, исторгнетъ искреннія слезы, вызоветъ молодецкую удаль! Затрепетать можно, когда она зарокочетъ на струнахъ сердца и вызоветъ чудныя грезы. Не шутка тогда пѣсня...

Разберемся теперь въ вышеприведенныхъ взглядахъ и посмотримъ, насколько они отвѣчаютъ дѣйствительному положенію вещей.—Тиховскій говоритъ, что *бытовая* пѣсня вытѣсняется фабрично-заводской, книжной и солдатской пѣсней. Отчасти онъ правъ, но онъ забываетъ, что роль народной пѣсни и въ томъ заключается, чтобы она живо рисовала тотъ бытъ, который въ настоящее время является преобладающимъ. Нынѣшняя народная пѣсня строго придерживается своей роли и даетъ намъ яркую картину современнаго быта, и въ этомъ смыслѣ за ней остается прежнее названіе—*бытовой*.

Позняковъ говоритъ, что всему причиной является опереточная пѣсня, она вытѣсняетъ народную пѣсню. Если 30 лѣтъ тому назадъ всюду распѣвали народныя пѣсни, то это объясняется только увлеченіемъ всѣмъ народнымъ. Тогда не только пѣли, но и ходили въ народъ. Но мы знаемъ, что это явленіе было мимолетно и кратковременно. По словамъ того же Познякова, народная пѣсня стала чужда нашей молодежи съ *самыхъ ранних*ъ, *съ колыбельныхъ лѣтъ*, т. е. тоже приблизительно лѣтъ 20—25 назадъ. Очевидно, не долго пѣли отцы, если ихъ дѣти еще съ колыбели были чужды народной пѣснѣ.

Но интереснѣе всего, по своей ненаучности и непониманію хода исторіи, приведенный выше взглядъ Богатырева. Онъ полагаетъ, что стоитъ только основать общество „Русская пѣсня",

Digitized by Google

и вся Россія станетъ распѣвать старинныя пѣсни. Но тотъ же Богатыревъ даетъ намъ нѣкоторыя цѣнныя указанія для пониманія современной народной пѣсни. Онъ говоритъ: „Пѣсня общая не ладится,—сочиняютъ свою“. И это понятно. Прошли тѣ времена, когда въ деревняхъ молодежь и старики имѣли возможность собираться вмѣстѣ и пѣть хоромъ. Прошли времена, когда помѣщикъ собиралъ крестьянъ на свое поле, въ свое гумно, на сѣнокосъ и пр. Теперь всякій въ одиночку трудится на своей полосѣ или стоитъ за станкомъ на фабрикѣ, гдѣ шумъ колесъ не даетъ возможности пѣть хоромъ. Быть можетъ, что этотъ учащенный и равномѣрный шумъ колесъ способствовалъ до нѣкоторой степени и смѣнѣ протяжнаго пѣнія учащеннымъ. Старая народная пѣсня не имѣла опредѣленнаго размѣра, а нынѣшняя склонна къ выработкѣ $5^1/_2$ стопнаго хорея, какъ это полагаетъ Львовъ.

Богатыревъ требуетъ, чтобы пѣлись бурлацкія пѣсни, пѣсни „протяжныхъ“ извозчиковъ и т. п. Но гдѣ эти бурлаки и извозчики? Каждый поетъ ту пѣсню, которая подходитъ, а если бы осуществился проектъ Богатырева, то машинисту парохода пришлось бы пѣть бурлацкую пѣсню, а кочегару паровоза пѣсню ямщика и т. п.

Врядъ ли когда-нибудь осуществится этотъ проектъ. Итакъ, волей-неволей приходится признать, что современная народная пѣсня есть явленіе вполнѣ законное, имѣющее оправданіе въ самомъ ходѣ русской исторіи. Дѣлаютъ еще упрекъ современной пѣснѣ, что она нецензурна, что она „оскорбить можетъ“. Отчасти это такъ, но кто хочетъ отыскивать нецензурности, тотъ можетъ отыскать ихъ въ изобиліи и въ былинахъ.

Хулители нынѣшней пѣсни забываютъ, что у всякой данной эпохи есть своя, соотвѣтствующая ей, поэзія, чему способствуетъ народная отзывчивость и воспріимчивость. Народъ поетъ только то, что переживаетъ и притомъ въ той формѣ, на которую наталкиваетъ его окружающая дѣйствительность. Многія компетентныя лица высказываютъ мнѣніе, что никакого упадка нѣтъ, есть только развитіе. А. И. Соболевскій полагаетъ [1]), что многія записи указываютъ на высокое качество современной пѣсни.

[1]) Изв. IX Арх. Съѣзда.

Digitized by Google

Пошлыя же пѣсни есть явленіе временное. Всѣ серьезные изслѣдователи пришли къ тому заключенію, что *напливъ новыхъ потребностей новой деревни поколебалъ* и творческую мысль, *вызвалъ новыя выраженія новыхъ началъ жизни и въ народной пѣснѣ.*

Посмотримъ же, какъ народъ въ современной пѣснѣ рисуетъ свой бытъ.

Начнемъ съ костюма, такъ какъ заимствованія во внѣшности всегда бываютъ особенно полны при встрѣчѣ менѣе культурныхъ народовъ съ болѣе культурными. Пѣсенъ, рисующихъ костюмъ современнаго героя, очень много [1]).

Какъ на Ванюшкѣ, на Степанычѣ,
Сюртукъ бархатный,
Жилетъ розовый,
Галстукъ шелковый,
Платъ въ рукѣ батистовый.

Въ другой пѣснѣ поется:

Ваня въ зеркало глядѣлся,
Самъ собою засмотрѣлся:
Какой я хорошій,
Какой я пригожій!
Рубашка французска,
Жилетка съ цвѣтами,
Шляпа со перами,
Голова съ кудрями.

Чтобы дать полную картину костюма, я приведу еще одинъ отрывокъ.

Сюртукъ тонкій со манишкой,
Штаны триковые,
Трубочка пенковая,
Табакъ жуковъ подмоченый,
Кисетъ новый, парчевый.

Какъ видите, описаніе детальное и по-моему ничуть не уступающее слѣдующему эпическому описанію костюма Чурилова отца, стараго Пленка:

Изъ того ли изъ Чурилова широкаго двора
Выходилъ тутъ старый матерый человѣкъ,
Шуба-то на старомъ соболиная,
Подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ знаметомъ,
Пуговки все вальячныя,
Литъ-то вальякъ красна золота
По тому ли по яблоку по любскому;
Петельки изъ семи шелковъ,
Шляпа на старомъ съ полимажами.

Женскій костюмъ описанъ тоже подробно. Дѣвица „по-нѣмецкому розубрана“, на ней „цвѣтно платьице“, шуба шелковая,

[1]) См. Ист. Вѣст. 1880 г. 3 т.

Digitized by Google

куцубеечка пяльцевая, въ ушахъ серьги брилліантовыя, „при помадѣ всегда, у дѣвицы голова очень мило убрана; при томъ походка дворянская и рѣчи деликатныя“. Румяна и бѣлила тоже въ ходу. Въ одной пѣснѣ дѣвушки требуютъ денегъ.

Намъ на бѣлыя бѣлилы,
На красныя румяны.
Мы набѣлимся нарумянимся
Добрымъ молодцамъ
Лучше попригляжемся.

Женскій костюмъ:

Какъ на Грунѣ сарафанъ
Полтораста рублей данъ.
Какъ на Грунюшкѣ перо
Шестьдесятъ рублей дано.
А второе то перо
Изъ Парижа везено,
Везено, дарено
И пожаловано.

Обстановка и мебель тоже подробно перечисляется. Въ одной пѣснѣ пируютъ

Во столовой бѣлой горницѣ,
На ломберномъ столикѣ,
На фабричной на салфеточкѣ,
На фарфоровой тарелочкѣ.

Произошла сильная перемѣна и въ семейныхъ отношеніяхъ. Въ одной пѣснѣ говорится:

Ты, мамаша, золотая,
Не брани за молодца.
Если будешь ты бранить,—
Буду крадучи любить.

А въ другой дѣвица грозитъ [1]):

Не дашь мнѣ, мама, воли,
Улечу какъ птичка въ поле;
Не увидишь отъ крыльца,
Какъ проѣду отъ вѣнца.

Жениха дѣвушка выбираетъ сама и притомъ вотъ чѣмъ руководствуется:

Своего я милова
Изъ артели выбрала.
Очень просто выбирать:
Онъ *ловчѣе* всѣхъ ребятъ.

За крестьянина выходить замужъ не стоитъ:

Съ крестьяниномъ жить трудиться,—
Рано вставать—поздно ложиться.

---

1) Н. Смирновъ. Русск. нар. пѣсня „Нов. Вр.“

Digitized by Google

Гораздо интереснѣе выдти за боярина, такъ какъ

Жизнь боярина что твой рай,
Только знай себѣ гуляй;
Въ клубъ, театръ, на балъ катайся,
Или дома забавляйся.

Это, очевидно, идеалъ горничной, позавидовавшей жизни своей барыни.

Но есть и такія дѣвушки, которыя признаютъ свободную любовь. У Шейна записана слѣдующая пѣсня:

Молодецъ дѣвушку
Распрекраснымъ своимъ
взоромъ заразилъ.
Танцовать съ собой просилъ.
Долго, долго танцовали,—
Появился жаръ въ лицѣ.

Дѣвушка вышла на крыльцо, чтобы „простудить лицо“ и „не слыхала, какъ упала“. Вотъ ее молодецъ спрашиваетъ:

Если любишь, другъ, скажи,
А не любишь—откажи,

А дѣвушка отвѣчаетъ:

Я любить—не люблю
Отказаться-жъ не могу.

Идеалъ милого тоже носитъ яркій отпечатокъ новаго времени. Дѣвушка, хвастаясь своимъ миленькимъ, говоритъ [1]):

Мой миленькій хорошъ таки хорошъ,
Онъ все ходитъ безъ резинковыхъ
калошъ.
У него калоши модненькія,
Страсть какія переводненькія.

Посмотримъ теперь, какъ отражается въ народномъ представленіи современная дѣйствительность. Надо сознаться, что народъ, видя неизбѣжность новаго строя, не всегда относится къ нему одобрительно. Проводя лѣто въ деревнѣ за сохой, крестьянинъ съ грустью помышляетъ, что зиму ему придется провести на фабрикѣ.

Лѣто красное проходитъ,
Зима морозна настаетъ.
У фабричныхъ сердце мретъ.
Съ полуночи встаетъ,
На работу поспѣетъ.
На машинѣ задремалъ,
Праву ручку оторвалъ,
Къ отцу-матери послалъ.
Отецъ съ матерью идутъ,
Слезы въ три ручья текутъ.
А въ народѣ говорятъ,
Фабриканта все бранятъ...
Ахъ, постылый ты заводъ,
Перепортилъ весь народъ,
Перепортилъ, перегадилъ
Никто замужъ не беретъ,
И ни баринъ, ни купецъ,
Ни фабричный молодецъ.
Тотъ лишь замужъ ихъ возьметъ,
Кто свиней въ лѣсу пасетъ [2]).

[1]) И. Львовъ. „Новое Время“, новыя пѣсни.
[2]) Соболевскій Т. 6, № 563.

Digitized by Google

Жизнь въ рудникахъ тоже оцѣнивается по достоинству [1]):

Что шахтерска жизнь проклята,
Кто не вѣдаетъ про то?
Въ Божью церковь онъ не ходитъ,
Онъ не знаетъ про нее.
День и ночь онъ работаетъ,
Ровно въ каторгѣ всегда!
Придетъ праздникъ—воскресенье,
Ужъ шахтеръ до свѣта пьянъ!
Въ кабачекъ бѣжитъ дѣтина,—
Словно маковка цвѣтетъ;
Съ кабака ползетъ дѣтина—
Какъ лукошечка гола!
Ой гола—гола—гола
Въ чемъ мамаша родила.

Не всегда народъ ослѣпляется наружнымъ блескомъ современныхъ молодцовъ. Онъ подмѣчаетъ и оборотную сторону:

Половые мастера,
Половые, молодые,
Ребятушки щеголя:
Безъ подошевъ сапоги,
Верхи смазанные,
А кудри завитыя.

Надъ деревенскимъ франтомъ тоже подсмѣиваются:

Какъ у нашего у Пети,
Есть тальянка есть часы,
Есть тальянка, есть часы,
Да нечѣмъ сѣять полосы.

Петербургъ особенно заманчивое мѣсто, куда стремятся изъ деревни. Парень, уходя въ Петербургъ, говоритъ отцу:

Прощай, батюшна родной,
Не работничикъ я твой,—
Я изъ трактира половой.

Но нѣтъ сомнѣнія, что изъ деревни въ городъ и на фабрику гонитъ нужда, такъ какъ, несмотря на то, что всѣ знаютъ, что въ городѣ и на заводѣ живется трудно, все-таки идутъ. Бросая деревню, народъ думаетъ найти въ городѣ что-нибудь получше деревенской жизни и часто обманывается. На этой почвѣ составилась слѣдующая шутка: „Куда ѣдешь?“ спрашиваютъ мужика. „Въ Питенбургъ!“ заявляетъ онъ съ гордостью. Потомъ того же мужика спрашиваютъ черезъ нѣкоторое время: „Откуда идешь?“— „Изъ Питера... Подай Христа ради“, отвѣчаетъ онъ смиренно.

Обратимся теперь къ формѣ народной пѣсни. Не трудно замѣтить, что онѣ почти всѣ риѳмованы. Риѳму народъ очень любитъ и пользуется ею иногда въ ущербъ смыслу. Вотъ нѣсколько такихъ примѣровъ:

1) Пиджачокъ—коротокъ
Его не наставишь.
Меня миленькій не любитъ,
Никакъ не заставишь.
2) Вылѣзъ Миша на машину,
Видѣлъ Питера вершину.

[1]) Г. Успенскій. Соч. III т.

Digitized by Google

3) Продамъ карты, продамъ тузъ,
Куплю милому картузъ.
Чашки ложки продала,
И сапожки завела.

Само названіе новыхъ пѣсенъ показываетъ, что темпъ ихъ ускоренный. Ихъ называютъ „трясогузками", „вертушками", „частушками". Въ послѣднее время въ деревню стали проникать стихотворенія нашихъ поэтовъ, которыя обыкновенно поются съ большими измѣненіями. Такъ „Братья разбойники" Пушкина поются слѣд. образомъ:

Насъ было трое: братъ да я,
Да сабля вострая моя...
Съ молодости вскормила насъ чуждая семья.
И взяла насъ непомѣрная зависть.
Бросили мы хлѣбопашество, и т. д.

Въ Саратовской губ. вотъ какъ передѣлали стихотв. Никитина:

Румяной зарею покрылся востокъ.
Ночной темнотою
Всѣ покрылись небеса.
Люди для спокою
Сомыкали всѣ глаза,
Внезапно кто-то постучалъ
И сонъ пріятный перервалъ.

Но особенно популярно среди народа стихотвореніе Пушкина „Узникъ". Г. Дурново въ своей статьѣ „Узникъ" Пушкина въ народной передѣлкѣ приводитъ 8 варіантовъ. Я приведу одинъ—самый первый [1]).

Орелъ, ты орлище,
Орелъ молодой!
Летаетъ по волѣ
Орелъ молодой,
Кровавую пищу
Клюетъ подъ ногой.
Клюетъ и бросаетъ
Самъ смотритъ въ окно.
Къ нему прилетаетъ
Товарищъ его.
Товарищъ мой милый,
Давай, улетимъ.
За темныя горы,
Высоки лѣса,
Гдѣ солнце не свѣтитъ,
Зоря—никогда.

Въ другихъ варіантахъ примѣшанъ еще любовный элементъ. Орелъ зоветъ товарища туда, гдѣ „ходитъ, гуляетъ дѣвчонка одна, слезами улита", которая тоскуетъ по другѣ, сидящемъ за рѣшеткой.

Вообще относительно заимствованій народомъ поэтическихъ произведеній можно сказать, что онъ усвоиваетъ чаще всего только сюжетъ, передѣлывая по своему его форму. Народу еще не

[1]) Пушкин. сборникъ студ. М. Ун.

Digitized by Google

всегда доступна та изящная сложная форма, которую придаютъ поэты своимъ произведеніямъ. Кромѣ того, народъ очень разборчивъ, не всякое произведеніе ему нравится. Кольцовъ и Дельвигъ мало популярны, потому что въ нихъ много субъективнаго. Если творцомъ старой народной пѣсни былъ личный поэтъ, близко знакомый съ народной фантазіей и народнымъ языкомъ, то все-таки его пѣсня обобщалась, видоизмѣнялась и тогда уже становилась „народной". Но условія ея установленія, говоритъ акад. Пыпинъ, были иныя: если у личнаго поэта позднѣйшихъ временъ всегда болѣе или менѣе ярко высказывается его индивидуальность, создаваемая единичными данными его воспитанія и обстановки, если эта индивидуальность нерѣдко становится въ противорѣчіе съ его общественной средой, то здѣсь поэтъ бывалъ именно типическимъ представителемъ своей среды, развивался въ ея условіяхъ, высказывалъ только ея содержаніе. Народная поэзія можетъ быть отраженіемъ только установившагося быта практическаго и нравственнаго; только здѣсь является возможность ея распространенія и утвержденія въ массѣ: поэтому народная пѣсня и поэзія падаетъ съ измѣненіемъ условій быта.

Быть можетъ, русскій народъ, стоящій еще на довольно низкой ступени и отдѣленный отъ интеллигенціи цѣлою пропастью, потому и не понимаетъ нашихъ поэтовъ, что въ нихъ слишкомъ много индивидуальности, слишкомъ много интересовъ, чуждыхъ народу. Если народу мало доступно содержаніе произведеній нашихъ поэтовъ, то еще менѣе доступна форма. Однако можно указать много примѣровъ, когда народная пѣсня приняла почти правильную литературную форму. Въ этомъ году я записалъ въ Моск. губ. слѣдующую пѣсню [1]):

Голова-ль ты моя удалая,
Долго-ль буду тебя я носить?
Ахъ, судьба ты моя лиходѣйка,
Загубила меня молодца,
Молодую ты жизнь загубила
И къ могилѣ меня привела.
Ахъ, зачѣмъ я съ тюрьмою спознался,
Ахъ, зачѣмъ родила меня мать?
Для того-ль, чтобъ сидѣть въ этой клѣткѣ
И тюремную жизнь проклинать?
Посмотрите, что стало со мною,
Гдѣ дѣвалась моя красота.
Знать, помру на тюремной подушкѣ,
Похоронятъ меня молодца,
И я не увижу ни друга,
Ни старушки родимой лица.

[1]) Въ Братцевѣ, фабрика Суворова.

Digitized by Google

Эту пѣсню, насколько мнѣ извѣстно, поютъ и на другихъ фабрикахъ, съ небольшими измѣненіями. Ее поютъ въ Орѣховѣ-Зуевѣ и Дулевѣ (см. „Курьеръ“ № 88), въ Ивановѣ-Вознесенскѣ и др. мѣстахъ. Вотъ что пишетъ одинъ земскій статистикъ [1]):

„Фабричная молодежь, разряженная и раскрахмаленная, къ вечеру высыпаетъ на улицу. Дѣвицы ходятъ толпой, за ними парни; всѣ хоромъ поютъ пѣсни, пѣсни свои, особыя не деревенскія. Тутъ вы услышите и „Чудный мѣсяцъ“—романсъ, распѣваемый повсюду, и „Подъ вечеръ осени ненастной“, и „Черную шаль“, и даже, вообразите, „Наша жизнь коротка“. Можно весь вечеръ сидѣть и слушать стройный хоръ молодыхъ голосовъ, совершенно правильно выводящій извѣстную студенческую пѣсню.

Но если и признать, что форма многихъ произведеній, которыми откликается народъ на разнообразныя явленія новой жизни, въ большинствѣ случаевъ и очень несовершенна, не всегда эстетична, то имѣемъ ли мы право игнорировать ихъ подобно Тиховскому, Познякову и Богатыреву? Мнѣ кажется, и въ этомъ я согласенъ съ В. Н. Перетцомъ, что при изученіи народной поэзіи важно обращать вниманіе не столько на мотивы, поражающіе чувство изслѣдователя, сколько на имѣющіе наибольшее распространеніе среди цѣлаго народа. Для характеристики народныхъ массъ нельзя брать исключительно художественныя пѣсни, понятныя немногимъ и представляющія остатки старины, но слѣдуетъ обратить вниманіе на всю массу ходячихъ въ народѣ пѣсенъ, которыя при всей своей, быть можетъ, нехудожественности, болѣе могутъ характеризовать его идеалы, нежели вышеназванныя исключенія. „Напрасно, говоритъ г. Перетцъ, многіе видятъ въ современной русской народной пѣснѣ исключительно результатъ разложенія и паденія. Какъ трудно предположить, что родъ человѣческій, начавъ съ благороднаго первобытнаго состоянія, опускался затѣмъ все ниже и ниже, такъ же мало правдоподобно будетъ то же предположеніе относительно народной пѣсни; врядъ ли ея историческая задача заключается въ томъ, чтобы угасать и служить какъ бы доказательствомъ ослабленія творческой силы народа. И напрасно многіе ищутъ въ новой пѣснѣ того, что имъ нравится въ старинной, а не найдя, чего искали, осуждаютъ и

[1]) Курьеръ, 88.

Digitized by Google

не обращаютъ на нее вниманія: они забываютъ, что эта пѣсня—неизбѣжная переходная ступень въ жизни народнаго творчества, что она—законное явленіе, ибо появленіе ея вытекаетъ прямо изъ условій исторической жизни народа“ [1]).

Этнографы въ большинствѣ случаевъ мало обращали вниманія на новыя пѣсни. У Шейна этихъ пѣсенъ очень мало, у Истомина, участвовавшаго въ экспедиціи, снаряженной этнографическимъ отд. Имп. Геогр. Общ. въ 1886 г., почти нѣтъ; въ Сборникѣ проф. Соболевскаго тоже сравнительно мало. Вообще, взявъ сборники народныхъ пѣсенъ, можно подумать, что русскій народъ все еще распѣваетъ свои архаическія пѣсни. Что же касается того утвержденія, что хоровая пѣсня вырождается, то это лучшее доказательство того, что для народа наступило переходное время, настала другая эпоха—эпоха личныхъ интересовъ, личнаго творчества, могущаго совершенствоваться лишь при условіи развитія образованности.

Итакъ, по моему, задача русскаго общества заключается вовсе не въ томъ, чтобы всѣми силами заставить народъ вернуться къ старой пѣснѣ. Это совершенно невозможно, такъ какъ крестьянинъ, работая при керосиновомъ или другомъ освѣщеніи, не станетъ пѣть „Лучинушки“, паровозный машинистъ не станетъ пѣть „Тройку“ и т. д. Русское общество должно всѣ свои усилія приложить къ тому, чтобы развить умственную способность народа и дать ему возможность пользоваться богатѣйшими сокровищами нашей поэзіи. Этнографы же должны обратить особенное вниманіе на современную народную пѣсню, на то, какъ произведенія *личнаго* творчества на нашихъ глазахъ становятся народными, что очень важно въ *методическомъ* отношеніи, иначе любопытная переходная эпоха останется не изслѣдованной именно въ то время, когда изученіе народнаго творчества поставлено, болѣе или менѣе, на научную почву.

Только любовное, а не презрительное отношеніе къ дѣлу собиранія и изученія современной народной пѣсни можетъ кореннымъ образомъ измѣнить взглядъ на нее нашихъ ученыхъ, которые очень ее не жалуютъ до сихъ поръ. Въ книгѣ „Россія“ дается такая характеристика: „Городская и фабрично-заводская „циви-

[1]) „Современная русская народная пѣсня“, стр. 5.

Digitized by Google

лизація“ не преминула оказать вліяніе и на народную поэзію: появилась *лишенная поэзіи* фабрично-городская пѣсня... Напѣвъ ихъ (пѣсенъ) въ большинствѣ случаевъ однообразный; музыкальная тема бѣдна по замыслу, съ *пошлымъ* оттѣнкомъ, распѣваемая хоромъ въ унисонъ“.

Впрочемъ, авторъ этихъ словъ, какъ говорится, заслуживаетъ снисхожденія, такъ какъ эпиграфомъ къ указанной книгѣ взяты слова Гоголя: „Велико незнаніе Россіи посреди Россіи“.

Но не всегда же слѣдуетъ прикрываться фразами, имѣвшими мѣсто лѣтъ 50 тому назадъ и высказывать сужденія, мало обоснованныя. Пора уже послѣдовать совѣту Н. С. Тихонравова [1]), который сказалъ: „Въ интересахъ серьезнаго изученія русской народности, потребность котораго такъ живо чувствуется всѣми въ настоящее время, надобно желать, чтобы безыскусственныя изліянія народныхъ вѣрованій и мысли находили себѣ возможно широкій доступъ въ печать и подвергались возможно спокойному и безпристрастному изслѣдованію со стороны ученыхъ“.

К. Кузьминскій.

---

[1]) Соч. т. I, стр. 324.

Digitized by Google

Р. Вирховъ, какъ этнологъ [1]).

(† 5 сентября 1902 года).

Въ спеціальномъ медицинскомъ изданіи „Berliner klinische Wochenschrift“ 1893 г. извѣстный нѣмецкій этнографъ Краузе помѣстилъ библіографическій указатель статей Вирхова по антропологіи, археологіи и этнологіи. По подсчету оказывается 1102 статьи, при чемъ самъ Краузе оговариваетъ, что составленный имъ указатель еще не полный. Въ указателѣ помѣчены лишь статьи Вирхова съ 1869 по 1893 г., но этотъ неутомимый ученый, несмотря на преклонные годы, работалъ и въ послѣдующее время, какъ видно по его многочисленнымъ замѣткамъ въ „Zeitschrift für Ethnologie“ за послѣдніе годы.

Если опираться на указатель Краузе, то большая часть статей отойдетъ къ антропологіи и археологіи, такъ что собственно для этнологіи остается нѣсколько десятковъ изслѣдованій и замѣтокъ; но ограничиться только этими статьями при оцѣнкѣ дѣятельности Вирхова, какъ этнолога, значитъ впасть въ односторонніе представленія о кругѣ его этнологическихъ интересовъ. Во многихъ статьяхъ по антропологіи и археологіи встрѣчаются небольшія, но цѣнныя экскурсіи въ область этнологіи. Вообще, всѣ три отрасли знанія у Вирхова связаны, и если еще при большой осторожности можно выдѣлить этнологію, то въ приложеніи къ антропологіи и археологіи нельзя найти, гдѣ у Вирхова кончается одна отрасль и гдѣ начинается другая: такъ тѣсно сплетаются эти науки во всемъ ходѣ изслѣдованія и въ окончательныхъ выводахъ.. Во всякомъ случаѣ, въ приложеніи къ Вирхову терминъ „этнологія“ нужно понимать широко, со включеніемъ многихъ данныхъ антропологіи и археологіи.

Наука народовѣдѣнія, при современной широкой разработкѣ, распадается на нѣсколько отраслей — фольклоръ, этнографія, этнологія и всякая отрасль имѣетъ свой оттѣнокъ. Громадное

---

[1]) Эта статья пр. Сумцова, напечатанная имъ ко дню юбилея восьмидесятилѣтія рожденія Р. Вирхова, въ № 7163 „Южнаго Края“, перепечатывается здѣсь съ согласія автора. *Ред.*

Digitized by Google

большинство статей и замѣтокъ Вирхова относится къ тому кругу знаній, который съ наибольшей точностью можно наименовать археологической этнографіей. Фольклоръ, какъ описаніе современнаго состоянія народнаго быта, нашелъ мѣсто лишь въ немногихъ изслѣдованіяхъ Вирхова. Главные его интересы состоятъ въ опредѣленіи разныхъ антропологическихъ и этнологическихъ пережитковъ.

Во всякомъ случаѣ, этнологія, какъ родная сестра антропологіи, должна вспомнить о Вирховѣ съ благодарностью, какъ о человѣкѣ колоссальной эрудиціи, необыкновенно богатыхъ и разнообразныхъ умственныхъ интересовъ, какъ объ ученомъ, съ рѣдкой наблюдательностью проникшемъ во многіе темные уголки народовѣдѣнія. Вирховъ бросилъ въ нихъ свѣтъ знанія, и расчистилъ путь для дальнѣйшаго спеціальнаго ихъ изслѣдованія.

Изъ отдѣльныхъ статей Вирхова важное значеніе для этнолога имѣетъ его брошюра „Rassenbildung und Erblichkeit", написанная въ 1897 г. въ честь Бастіана, какъ Festschrift, т. е. юбилейная статья. Такъ какъ Вирховъ, по признанію нѣмецкихъ ученыхъ, въ настоящее время стоитъ во главѣ науки антропологіи, то понятно, что мнѣнія такого авторитетнаго ученаго о вопросѣ первостепеннаго интереса — происхожденіи расовыхъ отличій — представляются весьма важными. Особенно цѣннымъ представляется взглядъ Вирхова на значеніе краніологіи для этнолога. Шведскій анатомъ и антропологъ Ретціусъ († 1860 г.) въ основаніе классификаціи человѣческихъ расъ положилъ измѣреніе черепа. Вирховъ вноситъ большія ограниченія. Онъ говоритъ, что самый опытный краніологъ не въ состояніи опредѣлить по черепу принадлежность человѣка къ расѣ и племени, что система, такъ называемаго, индекса признаковъ не выдерживаетъ критики, такъ что въ этническихъ предѣлахъ дикихъ народовъ возможны весьма большія различія въ строеніи черепа. Такимъ путемъ Вирховъ выдвинулъ впередъ физическую антропологію и внесъ большія ограниченія въ соціальную и политическую антропологію, гдѣ на почвѣ національнаго пристрастія стали быстро расти произволъ и заблужденіе. Вирховъ расчистилъ путь для строгой науки. Профессоръ цюрихскаго университета Мартинъ во вступительной лекціи объ антропологіи, какъ наукѣ и предметѣ преподаванія, въ виду злоупотребленій соціальной и политической

Digitized by Google

антропологіей, прямо говоритъ, что „надо неустанно и громко заявлять, что черепъ человѣка никогда не выражаетъ его національности. Передъ лицомъ физической антропологіи нѣтъ ни нѣмца, ни француза, а есть просто морфологическіе типы. Каждый народъ, каждая нація есть всегда только этническая единица, а въ смыслѣ физической антропологіи представляетъ, наоборотъ, множество". Въ этихъ положеніяхъ Мартина обнаруживается прямое вліяніе критики Вирхова.

Вирховъ проводитъ различіе между терминами раса и типъ; далѣе онъ вноситъ различіе между простѣйшими расами (черные, желтые, бѣлые) и расами племенными или націями, представляющими уже много историческихъ наслоеній. Происхожденіе расъ лежитъ за предѣлами исторической жизни народовъ. Наука, по свидѣтельству Вирхова, еще не обладаетъ достаточными данными для рѣшенія вопросовъ о томъ, гдѣ, когда и подъ какими вліяніями возникли основныя расовыя отличія.

Общій широкій этнологическій интересъ имѣютъ многочисленныя статьи и замѣтки Вирхова о строеніи черепа, ростѣ, и др. чертахъ физической структуры разныхъ современныхъ народовъ, преимущественно африканскихъ, американскихъ и полинезійскихъ дикарей. Наибольшей полнотой и содержательностью выдается въ этомъ отношеніи статья о негритянскомъ племени съ верховьевъ Нила, Динка, напечатанная въ „Zeitschr. f. Ethn.", 1895 г. Здѣсь, между прочимъ, отведено нѣсколько страницъ татуировкѣ, по даннымъ изученія представителей Динка.

Излюбленная область Вирхова—краніологія. При изученіи строенія черепа, Вирховъ часто прибѣгаетъ къ методу сравнительнаго изученія. Въ этомъ отношеніи интересны такія статьи, какъ „Черепа древнихъ чилійцевъ и современныхъ обитателей пампасовъ", „Сравненіе финскихъ и эстонскихъ череповъ съ древними ископаемыми черепами обитателей сѣверной Германіи", „Черепъ изъ Аѳинъ и черепъ изъ Новой Гвинеи", „Объ итальянской краніологіи и этнологіи", „О волосахъ, какъ расовомъ признакѣ" и др. т. п. Хотя статьи этого рода входятъ, собственно, въ кругъ антропологіи, но и этнологамъ приходится принимать ихъ во вниманіе при изученіи расовыхъ особенностей.

Оставляя въ сторонѣ многочисленныя статьи и замѣтки Вирхова о свайныхъ постройкахъ, о каменныхъ и бронзовыхъ ору-

Digitized by Google

діяхъ, о пещерныхъ жилищахъ,—оставляя эти статьи для спеціальной оцѣнки археологовъ, и выбирая лишь статьи преимущественно этнографическія, нужно прежде всего остановиться на большой статьѣ о германскихъ и швейцарскихъ крестьянскихъ избахъ въ „Zeitschrift für Ethnologie“ 1888 и 1890 годовъ. Въ этой статьѣ опредѣлены наиболѣе характерныя ступени въ эволюціи развитія германскихъ жилищъ. Попутно указаны черты сходства между строительнымъ и гончарнымъ искусствами.

Послѣ жилища на очереди стоитъ посуда. Вирховъ посвятилъ нѣсколько статей и замѣтокъ гончарнымъ издѣліямъ. Наибольшій интересъ представляютъ статьи о такъ наз. Gesichtsurnen, т.-е. о горшкахъ и кувшинахъ съ изображеніемъ человѣческой головы или лица на горлышкѣ сосуда или на крышкѣ. Лучшая статья этого рода напечатана въ „Zeitschr. für Ethnologie“ 1870 г. Лицевыя вазы встрѣчались въ древней Греціи, что подтверждаютъ раскопки Шлимана, встрѣчались въ древности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, что тщательно прослѣжено Вирховымъ по матеріаламъ, разбросаннымъ въ германскихъ музеяхъ древностей. Хотя всѣ статьи о лицевыхъ вазахъ относятся къ археологіи, но и современная этнологія можетъ ими воспользоваться, въ видѣ существованія нѣкоторыхъ интересныхъ параллелей въ гончарномъ производствѣ современныхъ дикихъ и варварскихъ народовъ.

Изъ мелкихъ замѣтокъ Вирхова, во множествѣ разбросанныхъ въ „Zeitschrift für Ethnologie“, заслуживаютъ вниманія этнографовъ замѣтки о посыльныхъ и символическихъ палкахъ дикихъ народовъ, такъ называемыхъ Botenstöcke, объ археологическомъ значеніи глиняныхъ дѣтскихъ игрушекъ, о современныхъ каменныхъ орудіяхъ дикарей, объ обрядовомъ запрещеніи разбивать кости жертвенныхъ животныхъ, съ какимъ обычаемъ въ тѣсной связи стоитъ древне-еврейское запрещеніе Passah (Zeitschr. f. Ethn. 1871), о символическихъ камняхъ въ формѣ яйца, о предпочтеніи правой стороны въ связи съ физическимъ строеніемъ человѣка. Въ этомъ отношеніи Вирховъ расходится съ мнѣніемъ этнолога Мейера, который на первое мѣсто выдвигалъ религіозно-обрядовое объясненіе въ зависимости отъ обращенія во время молитвы на востокъ (ib. 1873).

На страницахъ развитія науки необходимо отмѣтить въ вы-

Digitized by Google

сокой степени энергичную, живую и плодотворную дѣятельность Вирхова въ берлинскомъ этнографическомъ обществѣ. Онъ часто читалъ рефераты, давалъ отзывы о годовой дѣятельности общества, вообще, принималъ горячее участіе во всѣхъ его событіяхъ. Въ 1894 г., въ день 25-лѣтняго юбилея общества, Вирховъ сказалъ большую рѣчь объ успѣхахъ антропологіи и ея задачахъ, позднѣе, въ 1897 г. онъ принялъ участіе въ чествованіи знаменитаго географа и этнолога Бастіана. Онъ неоднократно отзывался некрологами по случаю смерти членовъ корреспондентовъ этнографическаго общества, напр., лифляндскаго ученаго графа Сиверса.

Участіе Вирхова въ обсужденіи докладовъ отразилось во множествѣ маленькихъ замѣтокъ въ отчетахъ и протоколахъ засѣданій этнографическаго общества. Мѣстами и въ очень краткихъ замѣткахъ Вирхова проскальзываетъ мѣткая и прозорливая научная критика. Такъ, по поводу весьма интереснаго и цѣннаго сообщенія Мейера о повѣрьяхъ, связанныхъ съ жабами, и объ отраженіи этихъ повѣрій на могильныхъ фибулахъ, Вирховъ вноситъ поправку, что въ изображеніяхъ на фибулахъ нужно отличать еще черепаху, и потому нужно внести ограниченіе въ сужденія объ археологическомъ значеніи такихъ фибулъ.

Сфера этнологическихъ интересовъ Вирхова обнимаетъ весь земной шаръ. Съ научной точки зрѣнія, ему дороги всѣ народы, цивилизованные и варварскіе. Отличный знатокъ германскихъ древностей, Вирховъ, въ то же время, хорошо знакомъ со многими странами Европы, Азіи, Африки и Америки по личному изученію. У него громадный личный опытъ. Европейскіе музеи у него на счету; онъ отлично знаетъ, гдѣ и что хранится и не упускаетъ случая воспользоваться своими знаніями для уясненія темныхъ сторонъ археологіи. Въ Россіи, Австро-Венгріи, Италіи, Франціи, Испаніи Вирховъ свой человѣкъ. Онъ неоднократно бывалъ въ Россіи, посѣщалъ научные конгрессы, осматривалъ русскіе университеты и музеи. Въ своихъ рефератахъ въ берлинскомъ этнографическомъ обществѣ онъ удѣлялъ мѣсто и минусинскому музею въ Сибири, и собранію кавказкихъ древностей. Это человѣкъ удивительно подвижной и разносторонній.

Возьмемъ безъ выбора какую-нибудь статью обычнаго смѣшаннаго типа, гдѣ археологія переплетается съ этнологіей, напр., статью

Digitized by Google

о бронзовыхъ вѣсахъ. На каждомъ шагу личное наблюденіе, личное изученіе, ссылки на личные осмотры. Такъ, изучая древніе вѣсы разныхъ формъ, вѣсы съ чашкой котломъ, вѣсы съ плоской чашкой, вѣсы съ звѣриными головками и др., Вирховъ въ одномъ мѣстѣ указываетъ на вѣсы въ музеѣ въ Грацѣ; другой образецъ онъ, оказывается, видѣлъ въ копенгагенскомъ музеѣ, третій на вѣнской археологической выставкѣ. Далѣе въ сравненіе идутъ ассирійскія изображенія вѣсовъ, которыя Вихровъ видѣлъ въ луврскомъ музеѣ въ Парижѣ, Повсюду „fand ich"—я нашелъ, „ich vor einigen Jahren gesehen habe"—я недавно видѣлъ, „ich hatte Gelegenheit auf der Austellung zu sehen"—я имѣлъ случай ознакомиться на выставкѣ.

Понадобилось Вирхову изучить вопросъ о доисторическихъ связяхъ Германіи съ Италіей, и онъ отправляется во Флоренцію, чтобы изучить здѣсь этрусскія древности. Одной изъ наиболѣе громкихъ и плодотворныхъ научныхъ экскурсій Вирхова была его поѣздка, вмѣстѣ съ Шлиманомъ, въ Малую Азію и его совмѣстныя съ Шлиманомъ раскопки на мѣстѣ классической Трои. Между Вирховымъ и Шлиманомъ до самой смерти послѣдняго господствовали теплыя дружескія отношенія. Вмѣстѣ съ Шлиманомъ Вирховъ объѣздилъ Египетъ, Нубію и Пелопонезъ.

Въ многочисленныхъ научныхъ экскурсіяхъ Вирховъ вызывалъ знакомства и научныя связи, которыя затѣмъ заботливо поддерживалъ, въ формѣ переписки съ иностранными учеными, обмѣна сочиненіями. Съ разныхъ сторонъ цивилизованнаго міра къ Вирхову шли доклады, рефераты, частныя сообщенія, которыя Вирховъ, по степени ихъ научнаго интереса, докладывалъ берлинскому этнографическому обществу.

Въ дѣятельности Вирхова вездѣ выступаетъ личное начало въ видѣ фактическаго, лично провѣреннаго сообщенія, осмотра или подтвержденія. Научная дѣятельность Вирхова представляетъ величественное зрѣлище грандіознаго размаха и чрезвычайно широкаго обхвата въ предѣлахъ индивидуальныхъ нравственныхъ силъ. Пріятно видѣть, какъ, въ лицѣ Вирхова, научная мысль смѣло, бодро, побѣдоносно шла отъ музея къ музею; отъ конгресса къ конгрессу, какъ искусно Вирховъ связывалъ прошлое и настоящее, какъ онъ сближалъ и освѣщалъ вѣка и народы въ необъятной области сравнительнаго научнаго изученія. Пріятно

Digitized by Google

видѣть въ Вирховѣ такого человѣка, который безъ перерыва, безъ отдыха работалъ 80 лѣтъ, высоко поднявшись надъ всѣми историческими перегородками, раздѣляющими человѣчество, религіозными, національными, политическими.

Вирховъ принадлежитъ къ тѣмъ ученымъ, которые умѣютъ соединять требованія науки съ требованіями современной общественности. Повинуясь въ одинаковой степени велѣніямъ могучаго ума и отзывчиваго сердца, такіе дѣятели заставляютъ общественность служить наукѣ и, гдѣ нужно, заставляютъ науку служить общественности въ силу того убѣжденія, что наука служитъ могучей силой для прогрессивнаго движенія въ необъятную область добра и познанія. На такомъ пути Вирховъ выдвинулся какъ общественный дѣятель и популяризаторъ научныхъ идей. Къ этому направленію примыкаетъ устройство въ Берлинѣ, по его почину, „Германскаго музея одеждъ и домашней утвари", одного изъ лучшихъ въ настоящее время этнографическихъ музеевъ.

Въ заключеніе можно сказать, что въ лицѣ Вирхова настоящая европейская наука и европейская общественность имѣли достойнаго представителя, которымъ могутъ гордиться въ лучшемъ смыслѣ слова. Вирховъ занялъ одно изъ первоклассныхъ мѣстъ въ исторіи новѣйшаго прогресса. Служитель и носитель науки, онъ являлся въ то же время ея лучшимъ проводникомъ и проповѣдникомъ. Служитель и носитель общественнаго прогресса, онъ являлся поучительнымъ человѣкомъ добра на широкомъ поприщѣ общественнаго и народнаго служенія.

Проф. Н. Сумцовъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Къ вопросу о некрасовцахъ-чаршамбинцахъ.

Въ 53-й кн. «Э. Об.» помѣщена была очень обстоятельная статья г. Минорскаго подъ заглавіемъ «Русскіе подданные султана», въ которой мы находимъ богатую литературу о казакахъ-некрасовцахъ, объ ихъ скитаніяхъ и поселеніяхъ, образованныхъ ими въ Малой Азіи. Менѣе подробно извѣстна исторія тѣхъ некрасовцевъ, которые съ Кубани прямо поплыли на анатолійскій берегъ, разселились тамъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ около Синопа, Самсуна и Трапезунда, а затѣмъ постепенно сгруппировались въ м. Чаршамбѣ. Значительная часть ихъ, какъ извѣстно, скоро выселилась въ Добруджу, а небольшая горсть оставшихся на мѣстѣ «чаршамбинцевъ» въ теченіе нѣкотораго времени заявляла о своемъ существованіи охотой на русскихъ съ цѣлью продажи ихъ въ рабство. Затѣмъ всякія свѣдѣнія о чаршамбинцахъ прекращаются. Лишь у Э. Реклю въ его Nouv. Geogr. univers. (IX, 551) мы находимъ неопредѣленное указаніе на то, что «религія привязала къ греческому міру» тѣхъ русскихъ казаковъ, которые въ концѣ 18-го вѣка поселились въ устьяхъ Кизиль и Йешиль ирмака. Послѣ русско-турецкой войны 77—78 г. съ анатолійскаго побережья много грековъ стало переселяться въ нынѣшнюю Черноморскую губ., занимая мѣста, оставшіяся свободными послѣ почти поголовнаго ухода черкесовъ въ Турцію. Часть населенія одного поселка Сочинскаго округа—с. Высокаго,—состоитъ, по словамъ изслѣдователя исторіи некрасовцевъ Короленка, изъ чаршамбинцевъ. Въ жителяхъ с. Высокаго г. Короленко думалъ встрѣтить прямыхъ потомковъ некрасовскихъ казаковъ, но ему пришлось разочароваться въ этомъ, такъ какъ они произвели на него впечатлѣніе «грязной азіатской орды», которая не сохранила ни малѣйшаго слѣда своей прежней національности.

Заинтересовавшись предполагаемыми потомками некрасовцевъ, я этимъ лѣтомъ посѣтилъ с. Высокое, а предварительно навелъ кое-какія справки въ правленіи сочинскаго округа. По даннымъ 1901 г. въ Высокомъ числилось 366 ж., изъ нихъ 47—русскихъ, остальные—греки. Селеніе образовалось въ началѣ 80-хъ годовъ; русскіе же, главнымъ образомъ изъ южной Россіи, стали приселяться уже въ 90-хъ годахъ. Фамиліи грековъ большей частью турецкія, какъ-то—Семпрджи, Соуксу, Чекиръ-оглы, Балукчи, хотя есть и греческія: Афоксопиди, Попандопуло и др. Изъ какихъ мѣстъ Малой Азіи выселились греки въ Высокое, мнѣ не могли сообщить въ правленіи, а это-то и было для меня всего интереснѣе; уже

Digitized by Google

при посѣщеніи мною Высокаго я изъ разспросовъ жителей узналъ, что большинство изъ нихъ вышло изъ окрестностей Самсуна, а меньшая часть изъ Трапезунда. Выходцевъ изъ Чаршамбы среди нихъ не было. О чаршамбинцахъ я кое-какія скудныя свѣдѣнія могъ получить только отъ священника с. Высокаго, о. Харлампія Семирджи, и гостя его, нѣкоего Харлама Левтерова, котораго я засталъ у батюшки. По ихъ словамъ, въ Высокомъ проживаетъ лишь *одинъ* чаршамбинецъ, по имени Дмитрій Московъ, земля котораго, впрочемъ, находится въ юртѣ сосѣдняго селенія Молдаванки. Этотъ Дмитрій Московъ [1])—бѣлокуръ и голубоглазъ. Почему его зовутъ Московомъ, ни онъ и никто не знаютъ. «Не потому ли, что онъ бѣлокуръ», предполагаетъ батюшка. Другихъ чаршамбинцевъ Московами не зовутъ. Всѣхъ ихъ очень немного: два семейства ихъ проживаютъ въ мѣстности Еровичи, недалеко отъ греч. сел. Лѣсного; они выселились изъ Турціи, кажется, вмѣстѣ съ Дмитріемъ Московомъ. Около Сочи, на дачѣ Краевскаго живетъ еще семейство чаршамбинца Шамлы оглы; наконецъ, въ Гаграхъ есть еще семействъ пять изъ Чаршамбы. Почти всѣ чаршамбинцы—турецкіе подданные, поддерживаютъ связи съ родиной, считаютъ себя самихъ греками и ничѣмъ ни по типу, ни по языку не отличаются отъ другихъ своихъ соотечественниковъ, выселившихся изъ Малой Азіи. Говорятъ всѣ по-турецки и такъ же какъ жители хотя бы того же с. Высокаго—другого языка не знаютъ [2]). На черноморскомъ побережьѣ они занимаются арендованіемъ садовъ и табаководствомъ. О томъ, чтобы чаршамбинцы были потомками нашихъ казаковъ-некрасовцевъ, ни батюшка, ни его гость и не слыхивали.

Мнѣ, къ сожалѣнію, не пришлось видѣть Дмитрія Москова, единственнаго сколько-нибудь интереснаго чаршамбинца: онъ работалъ довольно далеко отъ Высокаго, а я не располагалъ временемъ.

Итакъ, вовсе не часть жителей с. Высокаго вышла изъ Чаршамбы, а всего лишь одинъ Дмитрій Московъ; всего же семействъ чаршамбинцевъ въ Сочинскомъ округѣ и въ Гаграхъ—наберется не болѣе десяти. Весьма возможно, что бѣлокурый Дмитрій Московъ и является потомкомъ донскихъ бѣглецовъ; но трудно сказать что-нибудь опредѣленное о другихъ чаршамбинцахъ, такъ какъ они съ одинаковымъ правомъ могутъ быть представителями и коренного анатолійскаго греческаго населенія. Греки въ восточной части анатолійскаго побережья живутъ густыми массами, а мы вѣдь и не знаемъ, не было ли въ той же Чаршамбѣ и своего греческаго населенія. Долго ли въ такомъ случаѣ казаки могли бы сохранить свою національность?

Если казакамъ привелось жить бокъ-о-бокъ съ греками, разумѣется, условія для сохраненія ими своей религіозной обособленности были не такъ благопріятны, какъ въ томъ случаѣ, если бы они были окружены мусульманами. Кромѣ того, вспомнимъ, что число ихъ было, вѣроятно,

[1]) Не по нему ли г. Короленко заключилъ, что чаршамбинцы на Кавказѣ называются московами?

[2]) О. Харлампій, напр., мнѣ говорилъ, что исповѣдовать свою паству онъ долженъ на турецкомъ языкѣ, хотя службу, разумѣется, совершаетъ по-гречески.

Digitized by Google

очень небольшое. Всего въ Чаршамбѣ скопилось до 100 семействъ [1]), а затѣмъ, послѣ ряда выселеній въ Добруджу, возможно, что казаковъ осталось лишь два—три десятка; трудно предположить, чтобы такая маленькая горсть ихъ могла въ теченіе болѣе столѣтія сохранить свою вѣру и языкъ.

Г. Минорскій въ своемъ очеркѣ упоминаетъ объ одной статейкѣ, помѣщенной въ газ. «Кавказъ», которой онъ не могъ воспользоваться (Еще два русская колонія въ Малой Азіи, «Кавказъ», 1856 г., № 11). Хотя въ этой статьѣ и нѣтъ никакихъ новыхъ данныхъ для исторіи «чаршамбинцевъ», все же считаю не лишнимъ изложить вкратцѣ ея содержаніе. Авторъ ея (L.) въ 20-хъ годахъ по дѣламъ службы долго жилъ среди непокорныхъ натухайцевъ [2]) (натухайцевъ), и вотъ что онъ узналъ отъ ихъ старожиловъ о казакахъ-некрасовцахъ. «Когда Кубань стала русской, некрасовцы переселились къ югу отъ крѣп. Анапы въ долину Сукко. Тревожимые черкесами, они недолго тамъ жили и поплыли въ Анатолію, гдѣ турецкое правительство имъ отвело уроч. Чаршамбу. Свирѣпствовавшая въ то время въ Турціи чума заставила большую часть казаковъ оставить Малую Азію и переселиться на Дунай. Часть, оставшаяся въ Анатоліи, живетъ и понынѣ въ урочищѣ Кизиль Ильмакъ или Кунджувасъ, неподалеку отъ Синопа и преимущественно занимается рыбной ловлей. Въ памяти старожиловъ-натухайцевъ твердо сохранилось воспоминаніе о прибытіи къ нимъ, а впослѣдствіи и объ отплытіи казаковъ въ Анатолію. По изустнымъ преданіямъ, они извѣстны до сей поры у черкесовъ подъ двоякимъ названіемъ: «Джилаль казакъ» и «Урусезій».

Самъ авторъ статьи не видалъ казаковъ, но отъ турокъ, прибывавшихъ по торговымъ дѣламъ изъ разныхъ мѣстъ Анатоліи, убѣдился въ существованіи русской колоніи недалеко отъ Синопа.

Возвращаясь къ современнымъ чаршамбинцамъ, скажу еще, что въ Сочи мнѣ нѣсколько разъ приходилось разспрашивать анатолійскихъ турокъ, пріѣзжавшихъ на кавказское побережье изъ разныхъ мѣстъ Анатоліи недалеко отъ Чаршамбы, не слыхали ли они чего-нибудь о казакахъ или о томъ, чтобы какіе-нибудь чаршамбинцы назывались урусами или московами. Отвѣты были всегда отрицательные: Чаршамбинцы, занимающіеся рыбной ловлей, которыхъ приходилось встрѣчать моимъ знакомымъ, не знали другого языка, кромѣ турецкаго. О казакахъ никто ничего не зналъ. Повидимому, приходится признать, что казаки слились съ массой греческаго населенія; и если это такъ, то вполнѣ правъ Э. Реклю, когда говоритъ, что казаки «эллинизировались»; вѣдь не языкъ, а лишь религія и національная идея связываетъ позабывшихъ свою родную рѣчь малоазіатскихъ грековъ (какъ напр. самсунцевъ) съ остальнымъ греческимъ міромъ.

Б. Миллеръ.

---

[1]) Изв. Общ. люб. изуч. Куб. обл., вып. 2, ст. Короленка, стр. 47.

[2]) Натухайцы жили по берегу моря къ сѣверу отъ Цемесской бухты до впаденія Кубани.

Digitized by Google

Пророкъ Илья сапожникъ.

(Грузинская легенда).

Пророкъ Илья по своему общественному положенію былъ сапожникъ. Онъ отличался такой честностью и святостью, которая несвойственна простому смертному. Жилъ онъ въ простой, бѣдной хижинѣ. Чуждаясь людей, онъ избѣгалъ смотрѣть въ глаза своимъ заказчикамъ, — какъ мужчинамъ, такъ и въ особенности женщинамъ. Въ видахъ полнаго устраненія всякихъ соблазновъ, онъ завелъ такой обычай: заказчика, стучавшагося къ нему въ двери, онъ изнутри спрашивалъ, что ему надобно. «Обувь», — отвѣчалъ Ильѣ пришедшій. «Вставь ногу въ золу, которую ты видишь въ передней, и уходи, а по этой мѣркѣ завтра будутъ готовы твои сапоги». Такъ практиковалось въ теченіе многихъ лѣтъ. Но дьяволъ, замысливъ соблазнить Илью, пришелъ къ нему въ образѣ женщины и постучался въ дверь. По обычаю, Илья предложилъ заказчику - дьяволу вставить ногу въ золу. Но дьяволъ настаивалъ, чтобы Илья лично снялъ мѣрку съ его ноги. Илья не соглашался его впустить. Такъ происходили переговоры въ теченіе нѣсколькихъ дней между Ильей и дьяволомъ. Наконецъ, Илья рѣшился его впустить, въ увѣренности что заказчикъ вреда ему не можетъ принести. Посадивъ дьявола въ образѣ женщины на стулъ, онъ сталъ снимать мѣрку съ ея ноги, стараясь не обращать вниманія на ея тѣло. Но проклятый дьяволъ поднялъ платье и положилъ такъ ногу на ногу предъ стоявшимъ предъ нимъ Ильей, что все обнажилъ выше колѣна. Такъ огорчился Илья этимъ, что, взявъ шило, воткнулъ его себѣ въ глаза. Ослѣпленный Илья пошелъ на гору Голгоѳу и съ вершины ея скатился. Такъ онъ мучился многіе годы для искупленія своего невольнаго грѣха, несмотря на увѣщеванія ученика не налагать руки на себя. Доложили объ этомъ Господу. Вседержитель послалъ къ нему пять ангеловъ, которые объявили, что Господь за такую честную и святую жизнь соизволилъ взять его къ себѣ на небо. Илья возблагодарилъ Господа и послѣдовалъ за ангелами. Когда онъ поднялся, то и ученикъ Елисей воззвалъ къ нему съ плачемъ: «учитель, ты переселяешься на небо, какъ мнѣ теперь быть?». — Тогда Илья снялъ съ себя кожаный фартукъ и сбросилъ Елисею. «Этимъ живи въ мірѣ». Самъ скрылся въ облакахъ, а Елисей остался на землѣ сапожникомъ. Вотъ почему сапожники считаютъ свое ремесло ведущимъ начало отъ пророка Ильи.

А. Хахановъ.

Месть за обиду.

(Изъ Николокормской волости, Рыбинскаго уѣзда).

Свѣча за обидящаго. Въ Николокормской волости, равно и въ другихъ смежныхъ деревняхъ, сохранился обычай ставить свѣчу за лицо, которое обидѣло ставящаго свѣчу. Это и есть «свѣча за

Digitized by Google

обидящаго». Ставится она во время службы въ церкви, преимущественно передъ царскими вратами, т. е. предъ иконой «Тайной Вечери». Смыслъ этой свѣчи таковъ: какъ только обиженное лицо поставить свѣчу за обидѣвшаго («обидящаго»), съ послѣднимъ что-ниб. произойдетъ непріятное. Такимъ образомъ, обычай этотъ носитъ характеръ мстительности. Слѣдуетъ еще замѣтить, что обиженные обыкновенно не поручаютъ ставить свѣчу кому-нибудь изъ церковныхъ, а ставятъ сами, и притомъ постараются поставить пяточкой вверхъ: обиженный сощипываетъ часть воска снизу у свѣчи и ставитъ ее фитилемъ въ подсвѣчникъ «вверхъ пятой».

Колотье глазъ. Если послѣ ставленія «свѣчи за обидящаго» не выяснилось все происшедшее, то прибѣгаютъ къ другому средству. Ѣдутъ въ извѣстную деревню, гдѣ живетъ угадчикъ. Послѣдній заставляетъ обиженное лицо смотрѣть въ стаканъ съ чистой водой, въ которой долженъ показаться обидчикъ («обидящій»). Увидѣвъ обидчика, обиженный непремѣнно долженъ колоть ему въ стаканѣ иголкой глаза, а если не попадетъ въ глазъ, то руку или другое какое-либо мѣсто тѣла. Народъ вѣритъ, что послѣ этого показавшееся въ водѣ лицо непремѣнно должно пострадать. И дѣйствительно, обиженный слѣдитъ за своими сосѣдями, не заболитъ ли у кого глазъ, рука и т. д. Такъ узнается лицо «обидящее». Въ народѣ это послѣднее очень распространено и называется «колотье глазъ».

Вмазываніе нитки въ печь. Тотъ же характеръ, что и «колотье глазъ», носитъ обычай вмазывать глиной въ устье печи суровую нитку. Нитка будетъ сохнуть въ печкѣ, будетъ сохнуть и «обидящій» [1]).

Озорничество. Если обидчикъ не выяснится и послѣ разныхъ колдованій, то обиженное лицо все равно постарается отомстить лицу «обидящему». Для этого мстятъ «озорничествомъ» надъ скотомъ, лошадью, коровой, принадлежащими обидчику. Случаи мести у нихъ распространены и доходятъ нерѣдко до убійства. Зато поджогами мстятъ очень рѣдко.

Мировая. Мирятся обидчикъ и обиженный очень рѣдко. Всѣ обиды большею частью, если не удается отомстить, доводятся до суда. Въ рѣдкихъ случаяхъ обидчикъ скажетъ: «Ну, прости, брось, я былъ пьянъ оно-миній», позоветъ обиженнаго въ свой домъ на мировую, гдѣ пьютъ чай и вино. Обыкновенно же и послѣ суда и даже послѣ «мировой» остается въ силѣ обида. Враждующія стороны на всю, можно сказать, жизнь остаются врагами, стараясь отомстить. Мстить можетъ всякій, и бывали случаи, что мстили не только за себя, но и за близкихъ родныхъ: за сестру, за зятя, за племянника и т. д. Отсюда идетъ и поговорка: «Невѣсткѣ на отместку».

---

[1]) Въ матеріалахъ г-на Костоловскаго указано въ другомъ мѣстѣ, что обидящій можетъ и не сохнуть, а „водянѣть“, т. е. пухнуть. Очевидно, можетъ и водянѣть и нитка при извѣстныхъ условіяхъ, когда сырая глина не просыхаетъ.

Ред.

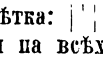
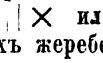
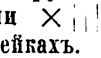
Digitized by Google

Мстительность распространена не только въ нашей и сосѣднихъ волостяхъ, но, можно сказать, и вообще въ Ярославской губерніи.

И. В. Костоловскій.

Завѣтные знаки и слова на предметы собственности.

(Изъ Еремѣйцевской волости, Рыбинскаго уѣзда).

Жеребейки. Если кто-либо отдастъ свою вещь во временное пользованіе или для обработки, напр., овчину для выдѣлки, полотно въ краску и т. п., то отъ мастеровъ получаетъ клейма, называемыя «жеребейками»: длинные деревянные бруски, на которыхъ дѣлаются для каждой вещи отмѣтка:  или  или  ; знакъ × употребляется на всѣхъ жеребейкахъ.

Коны. Клейма существуютъ и на «конахъ»; «конomъ» служитъ камень или большой пень, и употребляется онъ въ пустошахъ лѣсныхъ покосовъ. «Конъ» служитъ границею земли одной деревни съ землей другой. «Коны» располагаются одинъ на одномъ концѣ пустоши, другой — на другомъ по прямой пограничной линіи. «Коны» служатъ также межевыми знаками раздѣла земли. Почему существуетъ и поговорка: Чуръ, не за-конъ» (Глѣбовск. вол., Рыб. у., дер. Пàтрино).

Прокòсиво. Условныя старинныя слова и знаки употребляются еще во время сѣнокоса. Одинъ домохозяинъ при раздѣлѣ съ другимъ некошеной травы дѣлаетъ «прокосиво»: одинъ изъ нихъ, какъ межевой знакъ, стоитъ на одномъ концѣ пограничной линіи, а другой съ другого конца идетъ прямо на него, по пути подкашивая косой траву.

Рѣзъ. Во многихъ деревняхъ нашей волости эта линія называется еще — «рѣзъ», а «прокосивомъ» называется самый размахъ косца. Потому и говорятъ: «Ахъ, какъ рáжо косить! Глянько, глянько, какое широкое прокосиво-то»!

Путúнъ. Употребляется еще слово «путинъ» при раздѣлѣ некошенаго участка между пятью, шестью и болѣе домохозяевами. Это то же, что «рѣзъ» или «прокосиво», только въ болѣе крупныхъ размѣрахъ.

Лапоть. Во время покоса существуетъ еще слово «лапоть». Употребляется оно тоже при раздѣлѣ: мѣрятъ участокъ «косьемъ» (такъ называется рукоятка косы), а потомъ, что не умѣрилось — «лаптемъ». Часто слышишь: «Эй, кумъ, отмѣривай ему два косья (=$2^1/_2$ арш.) и три лаптя». — «Лапоть» отмѣривается слѣдомъ обутой ноги, хотя бы и въ сапогъ. Въ названной волости не удавалось ни видѣть, ни слышать, чтобы существовали семейные знаки, фамильные, для пріемышей или какіе либо еще другіе.

И. В. Костоловскій.

Digitized by Google

Вѣрованія крестьянъ Шапшенской волости, Кадниковскаго уѣзда.

I. Воззрѣнія на природу.

Небо. Начало и конецъ неба за моремъ; концомъ своимъ небо касается земли и на немъ живутъ люди, какъ и на землѣ.

Солнце. Это большой огненный шаръ; оно совершаетъ свой путь вокругъ земли, плывя въ лодочкѣ; послѣ заката, оно скрывается за землю.

Луна. Пятна на лунѣ—это братья Каинъ и Авель. Мѣсяцъ свѣтитъ ночью, а солнце днемъ, потому что солнце догоняетъ мѣсяцъ.

Кометы появляются передъ войной.

Звѣзды падаютъ вотъ почему: на небѣ есть свѣтлыя звѣзды—праведныя души и темныя звѣзды—неправедныя души; первыя сталкиваютъ послѣднихъ съ неба. Звѣзды больше солнца, но кажутся меньше его, потому-что очень далеки.

Радуга есть живое существо, которое своими концами опускается въ море и пьетъ изъ него воду, послѣ чего, обыкновенно, усиливается дождь.

Громъ и молнія происходятъ оттого, что во время грозы св. пророкъ Илія ѣздитъ на огненной колесницѣ по большимъ камнямъ на небѣ. Пожаръ, вызванный ударомъ молніи, должно тушить молокомъ и квасомъ. Убитые громомъ считаются: мужчина—праведнымъ, женщина грѣшной. Чтобы молнія не ударила въ домъ, не убила человѣка, слѣдуетъ затеплить предъ иконою свѣчку «Христовскую», затопить печь, такъ какъ огонь на огонь не идетъ, или закрыть трубу и окна. Во время грозы черти прячутся за людей; за чертями и гоняется молнія.

Вѣтеръ есть живое существо; онъ сидитъ у края неба на цѣпи, а когда срывается съ цѣпи, то бываетъ на землѣ и дуетъ. Чтобы вѣтеръ не дулъ, у колдуновъ существуютъ заклинанія. Надъ вѣтромъ начальствуетъ буря. Черти играютъ во время метели.

II. Нечистая сила, колдуны и знахари.

Существуютъ: лѣшіе, вѣдьмы, русалки, дворовушки, банники и овинники.

Лѣшіе имѣютъ видъ большихъ стариковъ; они запахиваются всегда лѣвой стороной одежды; они живутъ въ болотахъ. У лѣшихъ есть старшій лѣсовой царь, онъ живетъ въ большомъ лѣсу, въ которомъ весьма рѣдко бываютъ люди. Лѣшіе сбиваютъ съ пути прохожихъ, показываясь въ видѣ знакомыхъ; въ такомъ случаѣ, чтобы найти дорогу, не нужно идти за ними, а перекреститься, и они пропадаютъ. Заблудившагося въ лѣсу человѣка лѣшіе маютъ на ходьбѣ; у нихъ есть жены и дѣти. Лѣшіе похищаютъ дѣвушекъ и дѣтей до ихъ крещенія и потомъ посылаютъ

Digitized by Google

на пожары раздувать огонь; чтобы огонь не разгорался, нужно пожаръ обойти съ образомъ. Лѣшихъ вызываютъ заклинаніемъ. Охотники и пастухи вступаютъ съ ними въ договоръ, въ силу коего лѣшіе первымъ загаиваютъ дичь, а у вторыхъ хранять стадо; они имѣютъ власть и за предѣлами лѣса.

Вѣдьмы. Кромѣ лѣшихъ, въ лѣсахъ есть вѣдьмы; онѣ имѣютъ видъ женщины, съ волосами черными, длинными и большимъ хвостомъ; онѣ запутываютъ въ лѣсу слѣды прохожимъ; чтобы избавиться отъ нихъ, нужно читать молитву: «Да воскреснетъ Богъ».

Водяные живутъ въ глубокихъ омутахъ и имѣютъ видъ чорта, съ рогами и шерстью. Изъ утопленниковъ они берутъ женъ и дѣтей. Водяными управляетъ царь, который живетъ въ морѣ, тамъ у него и престолъ. Мельники заключаютъ съ водяными союзъ: мельникъ угощаетъ водяныхъ водкой, для чего водку опускаетъ въ бутылкахъ въ воду, а послѣдніе не дѣлаютъ проказъ на мельницѣ. Рыбаки, для успѣшнаго лова рыбы, угощаютъ водяныхъ водкой и табакомъ, до котораго водяные большіе охотники. Вечеромъ опасно купаться, такъ какъ тогда водяные подходятъ близко къ берегу и могутъ человѣка утопить.

Русалки. Кромѣ водяныхъ, въ водѣ живутъ русалки; ихъ всѣхъ двѣнадцать; онѣ дочери бывшаго когда-то колдуна, имѣютъ видъ красивыхъ, косматыхъ, голыхъ женщинъ и бываютъ видимы по ночамъ по берегамъ озеръ.

Дворовушко имѣетъ видъ человѣка, обросшаго совершенно шерстью; только съ хвостомъ; онъ добрый и обитаетъ въ каждомъ домѣ, главнымъ образомъ въ конюшнѣ на дворѣ. Дворовушко имѣетъ жену и дѣтей, которыя вліяютъ на него—именно: если животное и нелюбо дворовушку, но любо его женѣ или дѣтямъ, то онъ не бьетъ его и вообще ничѣмъ не высказываетъ своего нерасположенія къ нему. Въ каждомъ домѣ дворовушко только одинъ, онъ ухаживаетъ за скотиной и любитъ ее, но не всякую, что узнать можно по шерсти, такъ какъ у любимой скотины шерсть всегда гладка и какъ будто приглажена. Люба ли дворовушку купленная новая лошадь, узнаютъ такъ: лошадь пускаютъ во дворъ и оставляютъ одну, хозяинъ уходитъ въ избу и садится на лавку, потомъ идетъ въ сѣни и смотритъ тамъ въ дыру, въ которую кидаютъ на дворъ сѣно; дворовушко осматриваетъ лошадь и высказываетъ о ней свое мнѣніе, при этомъ, если онъ выскажетъ нерасположеніе, то лошадь надо продать, такъ какъ все-равно ей потомъ плохо придется отъ него; впрочемъ, иногда помогаетъ колдунъ, если сходить къ нему за помощью.

Овинниковъ никто никогда не видалъ; однако они есть.

Банники обитаютъ въ банѣ; если въ баню прійти въ третью перемѣну посѣтителей, то банникъ показывается въ образѣ одного изъ знакомыхъ.

Черти произошли такъ: сатана пошелъ съ нѣкоторыми другими ангелами противъ Бога и построилъ престолъ; тогда Архангелъ Михаилъ сверзилъ копьемъ съ неба сатану и его участниковъ. Черти являются

Digitized by Google

людямъ, когда люди выходятъ на улицу не благословясь; живутъ они, главнымъ образомъ, въ безднѣ, подъ землею [1]).

Даръ слова. Людей сотворилъ Богъ; онъ научилъ ихъ говорить. Животныя имѣли даръ слова, пока были въ раю, а когда они были съ Адамомъ и Евою выгнаны изъ рая, то и лишились дара слова. Имена животнымъ нарекъ первый человѣкъ Адамъ; для этого Богъ привелъ всѣхъ животныхъ къ Адаму, тѣ подходили къ нему, а онъ давалъ имъ разныя имена.

Колдуны берутся отъ потомства; они родятся обыкновенными людьми, колдовскія познанія потомъ получаютъ отъ умирающихъ колдуновъ-родственниковъ. Колдуны дѣйствуютъ съ помощью бѣсовской силы. Они вредятъ человѣку, напускаютъ на него болѣзни и «пбрчу». Во время свадьбы къ устраненію проказъ колдуновъ принимаются слѣдующія мѣры: женихъ, невѣста и поѣзжане кладутъ въ обувь льняное сѣмя, известку отъ церкви или отъ ограды, деготь съ деревянной оси; лошади въ поѣздѣ подъ хомутомъ обвиваются ячейковатой ниточной полосой. При смерти колдуна къ нему являются черти и сильно мучатъ. Есть повѣрье, что колдуны послѣ смерти бродятъ по землѣ, а чтобы они не ходили, нужно у умершихъ колдуновъ подрѣзать ножныя жилы и перевязать по этому мѣсту веревкой; если и тогда всетаки будутъ ходить, то можно убить ихъ изъ ружья.

Знахари отличаются отъ колдуновъ тѣмъ, что дѣйствуютъ не съ помощью бѣсовской силы, а заговорами; они шепчутъ надъ хлѣбомъ и медомъ и вообще лѣчатъ болѣзни.

А. Д. Неуступовъ.

Ночь на Ивановъ день.

(По вѣрованіямъ крестьянъ Васьяновской волости, Кадниковскаго уѣзда).

Ночь на Ивановъ день (24 іюня) крестьянами почитается ночью волшебной, чудодѣйственною: по увѣренію крестьянъ, въ полночь расцвѣтаютъ тогда, кромѣ обыкновенныхъ, три волшебныя травы: «папоротникъ», «невидимка» и «ломоцвѣтъ». Эти травы обладаютъ слѣдующими силами: «папоротникъ» указываетъ клады; «невидимка» дѣлаетъ обладающаго ею человѣка невидимымъ, когда тотъ этого захочетъ; «ломоцвѣтъ», при прикосновеніи, разрушаетъ желѣзные запоры и замки. Чтобы сорвать эти травы и имѣть пользу отъ нихъ, нужно рвать ихъ въ самый расцвѣтъ, который, какъ уже выше сказано, бываетъ въ самую полночь. Всѣми этими травами пользуются черти, вѣдьмы, кладоискатели и воры. Такъ какъ черти и вѣдьмы ревностно охраняютъ клады, то больше всего отъ нихъ и достается кладоискателямъ. Кладоискатель разстилаетъ передъ папоротникомъ бѣлую скатерть, затѣмъ садится на одинъ ея конецъ и указа-

[1]) См. замѣтку того же автора въ „Этн. Обозр." Кн. 48 стр. 68. *Ред.*

Digitized by Google

тельнымъ пальцемъ правой своей руки три раза проводитъ по землѣ кругъ, такъ чтобы и онъ и скатерть оказались въ кругу. При этомъ онъ ничего не произноситъ и потомъ все время молчитъ. Обрядъ этотъ называется «очёрчиваніемъ». До сихъ поръ чортъ могъ человѣку дѣлать всякія пакости, послѣ-же «очёрчиванія» онъ не можетъ вредить, развѣ, впрочемъ, станетъ еще представлять привидѣнія, или иначе какъ-нибудь пугать. Предъ расцвѣтомъ папоротника чортъ старается начеловѣка нагнать сонъ, дѣлаетъ смѣшныя фигуры и пугаетъ пожаромъ. Хохотать и обращать въ это время вниманіе на другіе предметы нельзя, тикъ какъ, лишь человѣкъ оторветъ вниманіе отъ папоротника, какъ папоротникъ процвѣтетъ, и цвѣтомъ воспользуется чортъ. Когда папоротникъ станетъ цвѣсти, кладоискатель рветъ его, бросаетъ въ скатерть и поспѣшно направляется домой. Остальныя травы: «невидимку» и «ломоцвѣтъ» чортъ, вѣдьмы и воры также оспариваютъ другъ у друга; срываніе этихъ травъ обходится также не безъ ужасовъ и здѣсь воры также «очёрчиваются». Обрядъ срыванія этихъ травъ совершенно схожъ со срываніемъ папоротника. Ночь на Иванов день почитается также самою благопріятною для отыскиванія предполагаемыхъ кладовъ. Предполагаемые клады это клады по преданію: «когда-то, еще дѣды говаривали, что вотъ тутъ положенъ кладъ», разсказываютъ крестьяне. Разыскиваніе этихъ кладовъ вообще довольно рѣдкое явленіе въ данной волости; но если крестьяне рѣшаются на подобное, то бываютъ глубоко убѣждены въ вѣрности находящагося клада. Вотъ свѣдѣнія изъ исторіи разыскиванія одного изъ такихъ кладовъ съ разсказа крестьянина. «На дворѣ одного крестьянина, тамъ, гдѣ находилась капитальная стѣна избы, лежалъ большой сѣрый камень. Подъ этимъ-то камнемъ и находился кладъ. Кладъ этотъ былъ положенъ «на имя», такъ гласило родословное преданіе. По временамъ кладъ этотъ леталъ по двору въ видѣ голубя и въ такомъ случаѣ могъ быть взятъ и другимъ лицомъ; дѣдъ разсказчика даже поймалъ голубя-клада и уже хотѣлъ сказать слова: «аминь, аминь разсыпься», какъ кто-то крикнулъ: «деревня горитъ»; дѣдъ испугался и выпустилъ кладъ, побѣжалъ въ деревню, а тамъ никакого пожара и не было. Крестьяне приписали крикъ этотъ «дьявольской силѣ». Это было въ ночь на Иванов день.

А. Д. Неуступовъ.

Digitized by Google

Критика и библіографія.

Русскій Антропологическій Журналъ. 1900—1902. Кн. I—X. Изданіе Антропологическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя отдѣла *Д. Н. Анучина.* Подъ редакціею секретаря Отдѣла *А. А. Ивановскаго.*

Нарожденіе новаго собрата въ многочисленной семьѣ изданій нашего общества является весьма отраднымъ фактомъ. Для русской этнографіи этотъ фактъ имѣетъ еще и особую цѣнность.

Бытовой и психическій складъ жизни человѣка не во всемъ объемѣ, не во всѣхъ причинахъ и условіяхъ обслуживается этнографіей или этнологіей. Многое въ жизни человѣка служитъ содержаніемъ другихъ смежныхъ наукъ, которыя всегда и были для этнографіи большимъ подспорьемъ. Антропологія, археологія, исторія, географія и этнографія составляютъ именно такую семью наукъ, которыя другъ безъ друга обойтись не могутъ. Въ самомъ нашемъ обществѣ три изъ нихъ—антропологія, этнографія и географія—представлены тремя особыми отдѣлами, изъ которыхъ два издавали и свои журналы «Этнографическое Обозрѣніе» и «Землевѣдѣніе». Теперь является «Русскій Антропологическій Журналъ», и так. обр. теперь всѣ три отдѣла періодически даютъ изслѣдованія, матеріалы, извѣстія и замѣтки по своей спеціальности. Это какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ времени, потому что запасъ антропологическихъ, этнографическихъ и географическихъ свѣдѣній теперь все больше и больше накопляется, и уже прямо необходимо вопросы каждой изъ этихъ трехъ спеціальностей обслуживать своими отдѣльными научными органами. Эта спеціализація, такъ много сдѣлавшая въ западно-европейской наукѣ, надо надѣяться, будетъ плодотворной и у насъ, особенно, если представители каждой спеціальности будутъ помнить, что ею интересуются не только ихъ собратья, но и представители другихъ, смежныхъ спеціальностей; короче говоря, если научно-поставленные вопросы будутъ освѣщаться и разрѣшаться въ наиболѣе широкихъ горизонтахъ.

Стóитъ только ознакомиться съ содержаніемъ вышедшихъ 10-ти выпусковъ «журнала» (Эти. Обозр., кн. 55, въ отдѣлѣ «газеты и журналы»), чтобы прійти къ убѣжденію, что новое изданіе на широкомъ полѣ жизни народовъ намѣтило въ широкихъ предѣлахъ свой научный кругозоръ: я емость различныхъ физическихъ типовъ, разнообразныя условія быта,

Digitized by Google

различныя стадіи культуры, смѣняемость въ пространствѣ и во времени и т. п. Особенное вниманіе удѣляется русской народности, «распространившейся на громадное пространство и представляющей въ своемъ складѣ, говорѣ, бытѣ, духѣ многообразныя и любопытныя разновидности» [1]). Сравнительный антропологическій анализъ «долженъ уяснить расовый составъ этого народа, установить его типы, показать ихъ отношеніе къ типамъ Запада и Востока» [1]).

Много предстоитъ для этого усилій и трудовъ. Отъ души желаемъ, чтобы «Русскій Антропологическій Журналъ» съ честью послужилъ родной наукѣ.

Вл. Б.

Юбилейный сборникъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1877—XXV—1902. Омскъ. 1902. 8°. II+13+4+2+50+22+190 стр. карты, и рисунки.

Въ началѣ сборника помѣщена біографія четырехъ дѣятелей З.-С. Отдѣла: Н. Г. Казнакова (1824—1885), И. Ф. Бабкова, М. В. Пѣвцова и Н. М. Ядринцева. Далѣе идетъ Лѣтопись Отдѣла, начинающаяся съ ходатайства генералъ-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова о необходимости образовать З.-С. Отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества, такъ какъ находившійся въ то время въ Иркутскѣ Сибирскій Отдѣлъ посвятилъ свою дѣятельность исключительно Восточной Сибири. Далѣе идетъ постепенное развитіе дѣятельности З.-С. Отдѣла: первая экспедиція Н. М. Ядринцева 1878 г., его же вторая экспедиція 1880 г., экспедиціи Пѣвцова, Лебединскаго, Краузе, Клеменца, Никольскаго, Степанова, Гольде, Катанаева, Шмидта, Галкина, Путилова, Мирошниченка, Словцова, Сіязова, Гордягина, Богданова, Игнатова и другихъ. Вслѣдъ за лѣтописью помѣщенъ отчетъ научныхъ сообщеній и докладовъ за 25 лѣтіе, экспедицій и поѣздокъ, печатныхъ трудовъ и просвѣтительной дѣятельности Отдѣла.

Все это, сведенное въ этомъ сборникѣ воедино, даетъ прекрасную справочную книгу по изслѣдованіямъ Западной Сибири и вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о плодотворномъ четверть-вѣковомъ существованіи Западно-Сибирскаго Отдѣла.

Пожелаемъ, чтобы Западная Сибирь не оскудѣвала интеллигентными силами и чтобы З.-С. Отдѣлъ привлекъ ихъ къ своей научной дѣятельности еще съ бо́льшимъ успѣхомъ.

Вл. Б.

Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Матеріалы, собранные и приведенные въ порядокъ *П. В. Шейномъ*. Т. I, вып. второй. Изд. И. Академіи Наукъ СПБ. 1900.

---

[1]) Д. Н. Анучинъ: Бѣглый взглядъ на прошлое антропологіи и на ея задачи въ Россіи. Р. А. Ж., Кн. I, стр. 41.

Digitized by Google

Второй выпускъ «Великорусса» является лебединою пѣснью неутомимаго собирателя, которому не пришлось довести до конца работу, составлявшую единственную цѣль его многострадальной жизни. Обширный замыселъ покойнаго этнографа—собрать въ цѣльную картину имѣвшіеся у него матеріалы по народной поэзіи и быту великоруссовъ—не удался, и нѣтъ надежды, чтобы въ скоромъ времени онъ былъ приведенъ въ исполненіе кѣмъ-нибудь другимъ. Лежащая передъ нами книга заключаетъ въ себѣ свадебные обряды (стр. 377—776, 815—819) и похоронные (777—795). Нужно отдать справедливость собирателю, который въ распредѣленіи свадебныхъ пѣсенъ сумѣлъ быть совершенно объективнымъ: описанія обрядовъ съ сопровождающими ихъ пѣснями помѣщены по мѣсту записи, вслѣдствіе чего каждое сообщеніе многочисленныхъ корреспондентовъ-наблюдателей могло остаться въ полной неприкосновенности. Нельзя того же сказать относительно похоронныхъ причитаній и сопровождающихъ ихъ замѣтокъ. Въ распредѣленіи ихъ собиратель держался того же порядка, что и въ I вып. «Великорусса», т.-е. слѣдовалъ порядку исполненія даннаго обряда или причитанія. Невыдержанность плана, намѣченнаго престарѣлымъ и болѣзненнымъ этнографомъ, проявляется также въ томъ что въ свой сборникъ онъ включилъ нѣсколько печатныхъ статей, случайно выбравъ ихъ изъ такихъ (правда, малодоступныхъ) изданій, каковы: Тверской Вѣстникъ за 1880 г. (стр. 631—640), Труды Яросл. Статистич. Комитета 1868 г. (стр. 644—662), Нижегородскій Сборникъ, (стр. 689—710), Матеріалы для исторіи и статистики Симбирской губ. 1867 г. (стр. 735—737). Уже совсѣмъ странно было встрѣтить перепечатки изъ такихъ доступныхъ изданій, каковы: «Архивъ» Калачова (стр. 742—750) или Олонецкій Сборникъ 1886 г. (стр. 792). Относительно свадебнаго обряда (стр. 377—386), сообщеннаго собирателю Максимовымъ въ 1868 г., не оговорено, что онъ былъ уже раньше напечатанъ въ книгѣ послѣдняго: «Годъ на сѣверѣ» и что свадебныя пѣсни съ небольшими отмѣнами были сообщены Максимовымъ Якушкину и напечатаны въ его сборникѣ «Русскихъ пѣсенъ». Кромѣ того, слѣдуетъ пожалѣть, что собиратель не вездѣ обозначалъ годъ записей, вслѣдствіе чего онѣ не представляютъ возможности прослѣдить свадебный ритуалъ исторически, начиная съ 50 годовъ, надежду на что собиратель высказалъ въ «послѣсловіи». Несмотря на эти недочеты, сборникъ покойнаго Шейна представляетъ громадный научный интересъ. Мы имѣемъ въ немъ до извѣстной степени систематизированный матеріалъ, на который можно вполнѣ положиться. Второму выпуску особенную цѣну придаетъ съ любовью подобранный, хотя и краткій, указатель для свадебныхъ обрядовъ (стр. 823—827), который существенно облегчитъ работу этнографа. Слѣдуетъ еще отмѣтить указанія, правда случайныя, на варіанты нѣкоторыхъ пѣсенъ сборника, встрѣчающіеся въ другихъ изданіяхъ. Вмѣстѣ съ этими указаніями, въ «примѣчаніяхъ и дополненіяхъ» приведены нѣкоторыя разнорѣчія и пересказы къ обоимъ выпускамъ «Великорусса», отчасти взятые изъ печатныхъ матеріаловъ. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что къ текстамъ приложены мелодіи 17 пѣсенъ, записаныя гг. Соловьевымъ и

Digitized by Google

Соколовымъ [1]). Въ краткой замѣткѣ трудно отмѣтить, что существенно новаго и цѣннаго представляетъ второй выпускъ «Великорусса». Нерѣдко въ текстахъ находимъ очень интересные остатки старины, какихъ нельзя было найти даже въ болѣе раннихъ сборникахъ. Сюда относятся, напр., названіе Ладожскаго озера «Невомъ Глубокіимъ», города Весьегонска «Весью» (стр. 496, 510), упоминаніе кунъ и соболей, которыхъ беретъ въ ордѣ тысяцкій воевода (стр. 776, № 2499); въ № 2494 выраженіе: «онъ ѣздилъ *вольгу* воевать», очевидно, искаженіе, вмѣсто: «въ орду»). Столь же интересные архаизмы читатель найдетъ и въ свадебныхъ обрядахъ, представляющихъ цѣлый кладъ для изслѣдователя. Данныя въ сборникѣ покойнаго Шейна таковы, что въ большинствѣ случаевъ ихъ можно принимать безъ провѣрки. Только изрѣдка встрѣчаются промахи, зависѣвшіе отъ неопытности кореспондентовъ. Такъ, извѣстная пѣсня: «калина со малиной рано расцвѣла» ошибочно отнесена къ свадебнымъ пѣснямъ (стр. 719), очевидно, потому, что ее случайно пропѣли на свадьбѣ.

А. Марковъ.

Володимир Гнатюк. Галицько-руськи народнї легенди. Т. I. («Етнографічний збірник» Видає («Етнографична Комісия Наукового Товариства імени Шевченка. Т. XII). Львъ. 1902 8°. XI+215 стр.

Этнографическая Комиссія Научнаго Общества имени Шевченка задалась цѣлью различные этнографическіе матеріалы, какъ напечатанные раньше и сдѣлавшіеся библіографической рѣдкостью, такъ и разсѣянные въ разныхъ малодоступныхъ изданіяхъ, а также и рукописные издать систематическими сборниками. До настоящаго времени ею изданы сборники анекдотовъ, сказокъ, новелъ и «приповідок» (1-й томъ). Настоящій сборникъ выходитъ, так. обр., уже не первымъ въ серіи этихъ изданій.

Нужно отдать справедливость почтенному Обществу имени Шевченка, что оно работаетъ для изученія своего народа весьма ревностно, не щадя силъ и не жалѣя средствъ. Оно сумѣло привлечь къ себѣ и почтенныхъ авторитетныхъ знатоковъ фольклора и добросовѣстныхъ молодыхъ тружениковъ, чутко стоящихъ на стражѣ научныхъ интересовъ, вѣрящихъ въ ея благотворные результаты. Все это дало возможность видѣть сборники, подобные сборнику г-на Гнатюка.

Первый томъ сборника легендъ обнимаетъ собой: 1) библейскія легенды ветхаго завѣта, 2) библійскія легенды новаго завѣта, 3) легенды о святыхъ (греко-латинскія и польско-русскія) и 4) легенды о невѣрныхъ и чаровникахъ. Второй томъ будетъ заключать въ себѣ легенды: 1) о чудовищахъ и «дивоглядахъ», 2) о концѣ міра, 3) нравственно-философскія и 4) шуточныя и сатирическія. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ заставилъ редакцію ограничиться одной Галичиной, не распространяясь на всю территорію, обитаемую «украинскимъ народомъ».

Сборникъ составленъ изъ записей болѣе чѣмъ 20 лицъ, а потому съ

[1]) Нужно пожалѣть, что изъ нѣсколькихъ сотъ мелодій, записанныхъ музыкантами, Шейномъ было выбрано и напечатано только 19.

Digitized by Google

лингвистической стороны представляетъ нѣкоторую пестроту. Это сознаетъ и самъ г. Гнатюкъ, который однако не рѣшился корректировать записи, сдѣланныя другими, боясь впасть самъ въ ошибки. Провѣрить же все это на мѣстѣ, конечно, трудъ невозможный. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ сборникъ даетъ обильный лингвистическій матеріалъ. Кстати, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что ради лингвистической точности записей текстъ пестрить надстрочными знаками, къ которымъ легко привыкаешь. Общество имѣетъ свою типографію, и потому ему легко приспособить шрифтъ къ своимъ изданіямъ. У насъ, въ Россіи, этимъ могутъ гордиться очень немногія ученыя общества.

Содержаніе легендъ болѣе или менѣе общензвѣстно. Сюжеты очень многихъ изъ нихъ встрѣчаются въ сборникахъ Аѳанасьева, Садовникова, Добровольскаго, Шейна, Романова, Ястребова, Ровинскаго, Драгоманова, Чубинскаго, Гринченка, Максимовича, Федоровскаго («Lud białoruski»), Франка, Шишмановой («Légendes religieuses Bulgares»), Караджича, Кольберга, Манжуры, Новосельскаго («Lud ukraiński»), Головацкаго, Шапкарева, Рудченка, Замарскаго («Podania i baśni ludu w Mazowszu») и другихъ.

Думается только, что неудачно многія легенды отнесены къ библейскимъ. Не говоря уже о томъ, что легенда о сотвореніи міра при участіи чорта имѣетъ далеко небиблейскій источникъ, но даже и такія легенды какъ «Богъ и бѣда», «Сотвореніе волка», «Откуда взялись козы»? и многія другія весьма спорнаго происхожденія. Чтобы оправдать всю эту рубрику «библейскія ветхозавѣтныя» и слѣдующую «библейскія новозавѣтныя», Г. Гнатюкъ долженъ былъ бы въ каждой легендѣ указать или библейскій сюжетъ, или библейскую тему, или, наконецъ, связь съ библейскими сказаніями. Кромѣ того, упоминаніе въ однихъ легендахъ имени Христа, а въ другихъ, подобнаго же характера, имени Бога искусственно подводило легенды подъ рубрики то новаго, то ветхаго завѣта. Повторяемъ, если бы библія и ея хронологія легли не въ основаніе дѣленія легендъ на рубрики, а лишь для параллелей и сравненій, то стройность сборника отъ этого много выиграла бы.

Вообще въ легендахъ, подобныхъ разбираемымъ, очень важно уловить элементы дохристіанскаго народнаго міровоззрѣнія, а потому, особенно въ такихъ легендахъ, какъ о святыхъ, очень полезно давать параллели и сравненіе изъ народныхъ вѣрованій, обычаевъ, обрядовъ. Не вездѣ, гдѣ говорится о св. Николаѣ, въ основѣ лежитъ его христіанское почитаніе.

При сборникѣ нѣтъ указателя, но г. Гнатюкъ обѣщаетъ дать его при 2-омъ томѣ.

209 легендъ, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, представляютъ огромную цѣнность, а если имѣть въ виду, что всѣ онѣ циркулируютъ въ небольшой этнической средѣ въ Галичинѣ, то цѣнность эта еще болѣе увеличивается. Нельзя искренно не порадоваться, что такъ усердно и такъ достойно работаютъ наши собратья.

Вл. Б.

Digitized by Google

Косичъ М. Н Литвины-бѣлоруссы Черниговской губерніи, ихъ бытъ и пѣсни. Спб. 1902. 8°. 128+ 23 стр. (Отт. изъ «Жив. Стар.»).

Прежде всего крайне трудно читать книгу, въ которой на 128 страницъ текста приходится 23 страницы опечатокъ. Кромѣ того, недостатки типографскаго шрифта (неимѣніе даже буквы ў) еще больше обезцѣниваютъ трудъ, въ общемъ полезный и интересный.

Обращаясь къ содержанію, слѣдуетъ указать, что г-жа Косичъ въ предисловіи не оговорила, что разумѣетъ она сама подъ словомъ «литвинъ» и что означаетъ у нея композиція литвинъ-бѣлоруссъ. На стр. 6-ой («Литвины и ихъ одежда») указывается, что это «типъ населенія», составляющій «какъ бы переходъ отъ Малороссіи къ Россіи (sic)», что это — «народъ, который по характеру, по наружному виду и одеждѣ отличается какъ отъ малоросса, такъ и отъ великоросса», что «по нарѣчію этотъ край, начинающійся съ Могилевской губерніи, есть продолженіе Бѣлоруссіи», и наконецъ, что «литвиномъ» этотъ народъ «называютъ сосѣди». Далѣе этотъ вопросъ не затрогивается.

Уже по одному этому можно судить, какъ несущественно выясненъ этническій составъ изслѣдуемой мѣстности. О самой этой мѣстности можно узнать у автора же, но не изъ главы «Географическое положеніе мѣстности» (стр. 2—4), гдѣ нѣтъ никакой географіи, а по упомянутой выше 6-ой страницѣ, гдѣ названы Суражскій, Мглинскій, Стародубскій, Новозыбковскій и часть Городнянскаго уѣздовъ Черниговской губерніи.

Матеріалъ г-жи Косичъ расположенъ въ порядкѣ сначала какъ будто семейныхъ событій, начиная со свадьбы, а потомъ по мѣсяцамъ года, начиная съ марта, кончая декабремъ. Впрочемъ, подъ отдѣломъ «Свадьба» указанъ мѣсяцъ январь (курсивомъ), а февраль все-таки отсутствуетъ. Благодаря этой путаницѣ семейныхъ событій, народныхъ праздниковъ и гражданскаго календаря, трудно разобраться въ какомъ-нибудь общемъ планѣ работы. Поэтому на матеріалы г-жи Косичъ приходится смотрѣть, какъ на сборникъ замѣтокъ, посвященныхъ жизни населенія сѣверныхъ уѣздовъ Черниговской губерніи.

Послѣ матеріаловъ, со страницы 113 по 128-ю, дается очеркъ «Звуковыя особенности бѣлорусскаго говора Черниговской губерніи». Обзоръ этотъ можетъ пригодиться для внимательнаго изслѣдователя языка своими примѣрами, но самая система обзора неудовлетворительна; напр., въ отдѣлѣ звука «*з*» говорится объ удвоеніи *з*, *л*, *н*, *с* и *р*., явленія фонетическія и морфологическія подведены подъ одни и тѣ же рубрики и не разсматриваются отдѣльно другъ отъ друга, и т. п. Разбирать подробно этотъ сборникъ нѣтъ нужды; онъ можетъ пригодиться, главнымъ образомъ, для справокъ..

Вл. Б.

Курскій Сборникъ. Выпускъ III. В. И. Рѣзановъ: Матеріалы по этнографіи. Изданіе Курск. губ. статист. комитета подъ ред. секретаря комитета Н. И. Златоверховникова. Курскъ. 1902. 4°. XIII+69+122 (стр. Ц. 65 коп.

Digitized by Google

Въ обширномъ предисловіи послѣ указаній общаго характера г. Рѣзановъ приводитъ библіографію по этнографіи Курской губерніи (около 40 названій), а потомъ останавливается на личности А. С. Машкина, нынѣ 86-лѣтняго старца, и Е. И. Рѣзановой, этнографическіе матеріалы которыхъ и помѣщены въ этомъ сборникѣ. А. С. Машкинъ раньше посылалъ свои матеріалы въ Русское Географическое Общество. Въ распоряженіи редакціи «К-го Сборника» имѣется теперь много матеріаловъ г. Машкина, записанныхъ еще полвѣка назадъ. Въ III-емъ выпускѣ помѣщены «Пѣсни, собранныя въ городѣ Обояни и его уѣздѣ».

Собирательница Е. И. Рѣзанова во второй части «сборника» помѣстила свои «Этнографическіе матеріалы, собранные въ дер. Саломыковой Обоянскаго уѣзда». Она обратила при этомъ много вниманія на личность пѣвицъ и репертуаръ ихъ пѣсенъ. Старательно также отнеслась она и къ передачѣ мѣстнаго говора. Кромѣ пѣсенъ, ею помѣщены свѣдѣнія о почитаніи праздничныхъ дней, повѣрья, гаданія и одна легенда.

«Варіанты и параллели», помѣщенные въ концѣ г. Вл. Рѣзановымъ, даютъ не безполезный матеріалъ для изученія матеріаловъ г. Машкина и г-жи Рѣзановой.

Очень пріятно, что въ провинціи находятся люди, изучающіе русскую народность. Пріятно также, что хоть небольшія, но находятся и средства для изданія этнографическихъ матеріаловъ. Интересующіемся этнографіей должны быть благодарны Курскому Губернскому Статистическому Комитету за его просвѣщенное содѣйствіе этой молодой наукѣ.

Вл. Б.

Digitized by Google

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

Archiv für Religionswissenschaft. — V Band. II, III Heft. 1902 г. *E. Hardy.* „Nartenfest im alten Indien.“ Подъ такимъ заглавіемъ авторъ проводитъ параллель между древне-индійскимъ празднествомъ, описаніе котораго сохранилось въ Dhammapadѣ—древнебуддійскомъ собраніи поученій, и между торжествами, справляемыми до настоящаго времени во многихъ мѣстностяхъ Индіи и между церемоніями очистительнаго характера краснокожихъ Америки.— *Wilh. Geiger,* Buddhistische Kunstmythologie.“ Довольно подробный разборъ вліянія миѳологіи Индіи на ея искусство, отличительныя черты послѣдняго, самобытность и заимствованія. *Dr. Richard Lasch.*—„Die Ursache und Bedeutung der Erdbeben im Volksglauben und Volksbrauch.“ Воззрѣнія народныя на землетрясенія; повѣрія, легенды и вѣрованія различныхъ народовъ, связанныя съ этимъ явленіемъ. *Negelein.*—„Die abergläubische Bedeutung der Zwillingsgeburt.“ Краткая замѣтка о народномъ воззрѣніи на рожденіе близнецовъ.

Вологодскія Епарх. Вѣдомости. 1902. 1, 4, 6, 8—9, 11, 14, 15, 16, 18, 19. Стрѣлицкая Преображенская церковь Тотемскаго уѣзда Вологодской губерніи: XII глава посвящена прихожанамъ. Здѣсь находимъ очень краткія свѣдѣнія о занятіяхъ и промыслахъ жителей и довольно полное описаніе свадебныхъ обрядовъ; приведено много причетовъ. По окончаніи этой интересной главы авторъ подробнѣе остановится на свадебныхъ обрядахъ жителей этой мѣстности. 1. *И. Г.* „Замѣтка о древнемъ приходскомъ обычаѣ“, объ ежегодномъ устройствѣ въ селѣ Наремахъ, Кадниковскаго уѣзда, прихожанами своеобразной „ердани“ ко дню Крещенія Господня (6 января). 10, 11. *А. Е. Мерцаловъ*: „Паны въ Вологодскомъ краѣ въ смутное время (памятка по историческимъ даннымъ и народнымъ преданіямъ)“. Приведено нѣсколько сохранившихся среди крестьянъ Кадниковс. уѣзда преданій о нашествіи поляко-литовцевъ въ 1812 году. 14. „Изъ народныхъ преданій“, перепечатка изъ „Этнограф. Обозрѣнія“ (1901 № 1) записанныхъ А. Д. Неуступовымъ преданій въ Кадниковскомъ уѣздѣ.—18. „Изъ народныхъ обычаевъ и преданій“. Подъ такимъ заглавіемъ находятся сообщенія двухъ лицъ: *П. Ч.* и *А. Д. Неуступова*. П. Ч. сообщаетъ о раскопкахъ студента Археологическаго Института Е. Разумова, по народному преданію, на мѣстѣ погребенія князей Пѣнкиныхъ или Пинкиныхъ. Въ этихъ могилахъ найдены: березовый вѣнчикъ, унизанный бисеромъ и нижняя челюсть съ 12 зубами; Неуступовъ же сообщаетъ о празднованіи послѣдняго дня пятницы передъ Ильинымъ днемъ (20 іюля) крестьянами деревни Зарубиной, Вольяновской волости, Кадниковс. уѣзда. Въ концѣ приведены приметы: „къ Ильиной пятницѣ поспѣваютъ ягоды и горохъ“. „Кто сушитъ сѣно въ Ильинскую пятницу, у того сѣно замочитъ дождь“.

Естествознаніе и географія [1]) 1901. 1. *Гартвигъ, Оскаръ.* Развитіе біологіи въ XIX столѣтіи. Перев. Гр-ова.—5. *Эриксонъ, Э. В.* На Амурѣ. Очеркъ.—7. *Его же.* Въ Сайгонѣ. Очеркъ.—8. *NN*: отзывъ на книгу: Живописная Россія. Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономиче-

[1]) См. „Этн. Обозр.“ кн. 46.

Digitized by Google

скомъ и бытовомъ значеніи. Томъ восьмой. Среднее Поволжье и Приуральскій край. Части I и II съ 161 рисунк. Изд. М. О. Вольфъ.—9—10. *Рейнъ, І. проф.* Отъ Баку до Батума.—1902. 3, 4, 5, и 6. *Харузина, Вѣра.* Крайна. Очеркъ.—4. *Б. Ж.* Наши приамурскія владѣнія.—7. *Тихоновичъ, Н.* Изъ природы и жизни въ киргизскихъ степяхъ.—8. *Исполатовъ, Е.* По горамъ и озерамъ Повѣнецкаго уѣзда. Путевыя замѣтки и воспоминанія. (Приведены тексты пѣсенъ 1) „Дѣвица Елисафія:“ Было-жило три царства, три невѣрныхъ, 2) „Милостивая жена:“ Милостива жена милосердна стояла край пути край дороги; а также заговоръ „отъ призора“ и маленькій словарикъ карельскихъ названій звѣрей и птицъ).

Internationales Archiv für Ethnographie. 1902. Band XV, Heft I, II. *Bruno Adler.* „Die Bogen Nordasiens“. Обширная статья, знакомящая подробно съ луками сѣверно-азіатскихъ племенъ, съ ихъ формой, матеріаломъ, украшеніями, со значеніемъ лука, какъ оружія, какъ предмета, послужившаго образцомъ для музыкальныхъ инструментовъ. Статья снабжена многочисленными рисунками.—*Pr. Dr. M. V. Smiljanić.* „Die Spuren der Raub-und Kaufehe bei den Serben“. Статья эта говоритъ объ обычаѣ похищенія и продажи невѣстъ у Сербовъ и др. племенъ на Балканскомъ п-вѣ, обычаѣ, сохранившемся доселѣ не только въ символическихъ свадебныхъ обрядахъ, но и въ настоящемъ своемъ видѣ. Авторъ приводитъ случаи изъ своихъ личныхъ наблюденій.

La Grande Revue. 1902. Іюнь. Здѣсь помѣщена статья *Anatole Le Braz* „La légende de la mort en Bretagne“. Бретань—одна изъ провинцій Франціи, гдѣ еще очень живо сохранились особенности кельтической расы, гдѣ ея творческая фантазія еще живетъ въ народныхъ пѣсняхъ, легендахъ, воззрѣніяхъ. Эта творческая фантазія особенно ярко проявляется въ бретонскихъ сказаніяхъ, темою которыхъ служитъ смерть. „Бретонское воображеніе, говоритъ авторъ вышепоименованной статьи, постоянно полно думою о загробной жизни“, благодаря чему бретонецъ „не видитъ того, что есть, а видитъ то, что хочетъ видѣть“. Встрѣтивъ въ сумеркахъ неизвѣстнаго прохожаго, онъ рѣшаетъ, что это его недавно умершій сосѣдъ, и съ ужасомъ разсказываетъ объ этомъ семьѣ и знакомымъ. Разсказъ переходитъ изъ устъ въ уста, украшается различными добавленіями и превращается въ легенду. Фактъ встрѣчи съ мертвецомъ для бретонца не кажется невозможнымъ, для него умершій не есть навѣкъ исчезнувшій человѣкъ. Умереть для бретонца—это лишь жить въ нѣсколько иныхъ условіяхъ. Похороны, зарываніе въ землю—обрядъ, неподвижность трупа—временное состояніе. Положенный въ могилу человѣкъ снова встаетъ изъ нея, чтобы продолжать свою жизнь среди людей. Покойники „Anaon“ ходятъ по дорогамъ, входятъ въ свои жилища, сидятъ у погаснаго очага, когда всѣ засыпаютъ; умершія матери приходятъ укачивать и ласкать своихъ дѣтей, рыбаки—закидываютъ сѣти, земледѣльцы—работаютъ въ поляхъ. Мертвецы всегда съ живыми, съ тою лишь разницею, что дѣятельность ихъ происходитъ ночью, днемъ же они скрываются въ лѣсу, за изгородями, въ укромныхъ уголкахъ. Такое постоянное общеніе живыхъ и мертвыхъ ведетъ къ тому, что все, происходящее среди живыхъ, извѣстно покойникамъ, которые, въ свою очередь, подаютъ о себѣ вѣсти, но живые люди среди своихъ заботъ и занятій не всегда ихъ воспринимаютъ; всякій умирающій вдали отъ близкихъ даетъ имъ знать о своей смерти, оскорбленный при жизни мститъ по смерти своимъ врагамъ, нерѣдко умершій обращается къ живымъ, проси оказать ему какую либо услугу, вступаетъ въ бесѣду... Вѣря въ возможность имѣть дѣло съ покойникомъ, бретонцы боятся близкаго общенія съ ними, какъ знака своей недалекой смерти, поэтому они избѣгаютъ ночью проходить лѣсомъ, отправляться въ дорогу, изъ опасенія встрѣтить кого нибудь изъ умершихъ. Неясные, необъяснимые звуки ночи, раздающіеся въ лѣсу и поляхъ, толкуются бретонцами, какъ стенанія мертвецовъ, терзающихся за совершенныя ими въ жизни несправедливости.—Убѣжденіе въ загробной карѣ соединяется у бретонцевъ съ вѣрою въ св. Ива (St. Yves), какъ справедливаго судью, который наказываетъ притѣснителей за гробомъ и даже при жизни.

Digitized by Google

Молитва къ этому святому объ обнаруженіи виновнаго[1] соединена съ заклинаніями и обрядами (произнося молитву, бросаютъ въ одно часовни святого горсть мелкихъ гвоздей и кладутъ старинную монету въ ногахъ изображенія святого).

Передавая о воззрѣніяхъ бретонцевъ на смерть и состояніе умершихъ, Le Braz приводитъ легенды, въ которыхъ выразились эти воззрѣнія и которыя отличаются необычайной фантастичностью, мрачностью и какою то таинственною грустью. Легенды эти очень любимы въ Бретани, онѣ передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе и постоянно пополняются новыми, не менѣе фантастическими и таинственными. Приведенныя сказанія записаны авторомъ лично въ Бретани и переведены имъ на французскій языкъ.

Русскій Антропологическій Журналъ. Изданіе Антропологическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. Подъ ред. *А. А. Ивановскаго.* **1900. № 1 (Кн. I).** „Отъ Антропологическаго Отдѣла“: Антропологическій Отдѣлъ, глубоко благодарный своему предсѣдателю Дмитрію Николаевичу Анучину за его неустанную энергію и труды, пожелалъ ознаменовать 25-лѣтнее участіе его въ Отдѣлѣ изданіемъ „Русскаго Антропологическаго Журнала“.—*Ивановскій Ал.* Дмитрій Николаевичъ Анучинъ (помѣщены его біографія и списокъ трудовъ).—*Анучинъ, Д.* Бѣглый взглядъ на прошлое антропологіи и на ея задачи въ Россіи.—*Воробьевъ, В. В.* Великоруссы (очеркъ физическаго типа). Авторъ видитъ въ великоруссахъ слiяніе славянскихъ и финскихъ элементовъ, отчасти варяжскихъ (норманскихъ) и ничтожные слѣды монголизма. Въ статьѣ помѣщены 6 фототипій великорусовъ.—*Минаковъ, П.* Волосы въ антропологическомъ отношеніи. Авторъ указываетъ, что „путемъ тщательнаго и цѣлесообразнаго изученія формы поперечнаго разрѣза волосъ, ихъ толщины, цвѣта, свойствъ и расположенія пигмента могутъ быть пріобрѣтены цѣнныя данныя для классификаціи человѣческаго рода“.—*Лущенко, Е.* Общественная среда, какъ факторъ развитія и красоты человѣческаго лица.—*Воробьевъ, В. В.* Наружное ухо въ антропологическомъ отношеніи.—*Силичичъ, И.* Формы колыбелей, ихъ развитіе.—Критика и библіографія: даны рецензіи на *William L. Ripley*—The Races of Europe; *I. Deniker*—The Race of Man; *G. Sergi*—Specie e varietà umane; *I. Deniker*—Les races de l'Europe; *Д. П. Никольскій*—Башкиры. *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Замѣтки по антропологіи сѣверныхъ китайцевъ, и др.—Извѣстія и замѣтки: Преміи по антропологіи; новѣйшія антропологическія изслѣдованія въ Россіи и др. **№ 2 (кн II).** *Талько-Грынцевичъ, Ю. Д.* Древніе обитатели центральной Азіи. Этнологическій очеркъ. По археологическимъ и историческимъ даннымъ авторъ даетъ картину населенія Центр. Азіи.—*Красновъ, А.* Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ.—*Никольскій, Д. П.* О чукчахъ Колымскаго округа.—*Минаковъ, П. А.* Ногти человѣческой руки (1 рис.). Чествованіе проф. Д. Н. Анучина по поводу его 25-лѣтней дѣятельности въ Имп. Об-вѣ Люб. Естествознанія. Приведены всѣ привѣтствія, обращенныя къ юбиляру.—*Ивановскій, А. А.* Положеніе человѣка въ ряду животныхъ (по Klaatsch'у)—*Его же.* Евреи (по Ripley, съ 10 рис.).—*Силичичъ, И. П.* Роль химическаго анализа въ вопросахъ доисторической археологіи (по Helm'у).—Критика и библіографія: Разобраны книги: *И. И. Пантюховъ.*—Расы Кавказа.—*Prof. A. Tarenetzky*—Beiträge zur Skelet-und Schädelkunde der Aleuten, Konaegen, Kenai und Kaljuschen.—*С. М. Чугуновъ.*—Матеріалы для антропологіи Сибири. X. Курганы каинскаго округа.—*Н. Конпинъ.*—Замѣтки о происхожденіи родовъ средней киргизской орды.—Извѣстія и замѣтки.—**№ 3 (кн. III).** *Аристовъ, Н. А.* Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.—*Зеландъ, Н. Л.* Къ антропологіи западно-сибирскаго крестьянина.—*Воробьевъ, В. В.* О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ. (съ 6 діаграм.)—*Ивановскій, А. А.* Езиды (по изслѣ-

[1]) Срв. выше (hic) обычай „свѣчи за обидящаго“. *Ред.*

Digitized by Google

дованіямъ К. И. Горощенко).—*Анучинъ, Д. Н.* Аномальные швы и кости мозгового черепа человѣка (по изслѣд. проф. Ранке. Съ 4 рис.).—*Синицкій, Л. Д.* Географическая будущность европейскихъ расъ (по W. Ripley).—Критика и библіографія: *G. et M. de Mortillet*—Le Préhistorique. Origine et antiquité de l'homme.—*Dr. B. Hellich*—Praehistorické lebky v Cechach.—*Dr. I. Talko-Hryncewicz*—Przyczynek do poznania swiata kurhanowego Ukrainy.—*Ю. А. Кулаковскій*—Аланы. № 4. (кн. IV.). *Аристовъ, Н. А.* Этническія отношенія на Памирахъ (продолж.).—*Майновъ, И. И.* Помѣсь русскихъ съ якутами (съ 4 рис.).—*Конъ, Ф. Я.* Беременность, роды и уходъ за ребенкомъ у качинокъ.—*Анучинъ, Д. Н.* Объ останкахъ германцевъ III—IV вв. въ торфяникахъ Шлезвига и сосѣднихъ съ нимъ странъ. (Съ 4 рис.).—*Талько-Грынцевичъ, Ю. Д.* Польская антропологическая литература.—Разобраны: *Л. Крживицкій.*—Физическая антропологія.—*Koganei und Osawo*—Das Becken der Aïno und der Japaner.—*Q. Asmus*—Die Schädelform altwendischer Bevölkerung Meklenburgs.—*К. И. Горощенко.*—Курганные черепа Минусинскаго округа.—*Проф. Вс. Миллеръ.*—Очеркъ фонетики еврейско-татскаго нарѣчія.

1901. № 1. (кн. V.). *Талько-Грынцевичъ, Ю. Д.* Поляки (съ 14 рис.).—*Вейнбергъ, Р. Л.* Къ вопросу объ исполинскомъ ростѣ. (съ 3 рис.).—*Берви, Н. В.* Обработка антропологическихъ наблюденій при помощи теоріи вѣроятностей.—*Маліевъ, Н. М.* Вогулы.—*Адлеръ, Б. Ѳ.* Происхожденіе и переселеніе народовъ съ географической точки зрѣнія (По Fr. Ratzel'ю).—*Коропчевскій Д. А.* Кинъ и его руководства по этнологіи.—Критика и библіографія. Разобраны: *Гр. П. С. Уварова.*—Могильники Сѣв. Кавказа.—*M. Zaborowski.*—Les slaves de race et leur origines.—*И. И. Пантюховъ*—Ингуши.—*И. С. Михеевъ*—Нѣсколько словъ о бесермянахъ.—*В. Маевскій.*—Матеріалы для родословной киргизъ. **№ 2. (кн. VI).** *Майновъ, И. И.* Два типа тунгузовъ (съ 4 рис.).—*Масловскій, С. Д.* Гольча. (Первобытное населеніе Туркестана).—*Аристовъ, Н. А.* Этническія отношенія на Памирѣ (продолж.).—*Горощенко, К. И.* Сойоты (съ 1 рис.).—*Силичичъ, И. П.* Къ краніологіи сойотъ.—*Ивановскій, А. А.* Классификація человѣческихъ расъ І. Деникера.—Критика и библіографія,—разобраны: *D-r. Fritz Schultze*—Psychologie der Naturvölker и др. **№ 3 и 4 (кн. VII и VIII).** *Анучинъ, Д. Н.* Рудольфъ Вирховъ (съ 2 портр. и 2 рис.).—*Вейнбергъ, Р. Л.* Эсты (съ 12 рис.).—*Воробьевъ, В. В.* Наружное ухо человѣка (съ 6 рис.).—*Аристовъ, Н. А.* Этнич. отношенія на Памирѣ (продолж.).—*Курдовъ, К. М.*—Къ антропологіи лезгинъ: кюринцы (съ 4 рис.).—*Перфильевъ, Л. О.*—Сомалійцы.—*Вейнбергъ, Р. Л.* О физическихъ особенностяхъ первобытнаго человѣка (съ 6 рис.).—*Ивановскій. А. А.* Зубы у различныхъ человѣческихъ расъ.—*Адлеръ. Б. Ѳ.* Происхожденіе европейскихъ народовъ (по Fr. Ratzel'ю).—*Ивановскій, А. А.*—Карлики и пигмеи (по Hoft'у).—Критика и библіографія,—разобраны: *Baelz*—Menschen-Rassen Ost-Asiens mit specieller Rücksicht auf Japan.—*W. Bogoraz*—The Chukchi of Northeastern Asia—и др.

1902. № 1. (кн. IX). *Луценко, Е. И.* Къ антропологической характеристикѣ алтайскаго племени теленгетъ. (Съ 11 рис.).—*Аристовъ, Н. А.* Этнич. отношенія на Памирѣ (продолж.).—*Рождественскій, А. Н.* Къ антропологіи бѣлоруссовъ Слуцкаго уѣзда Минской губ.—*Конъ, Ф. Я.* Къ 25-лѣтію Минусинскаго мѣстнаго музея (съ 2 рис.).—*Анучинъ, Д. Н.* О задачахъ и методахъ антропологіи (съ 13 рис.).—*Минаковъ, П. А.* Значеніе антропологіи въ медицинѣ.—*Воробьевъ, В. В.* Объ антропологическомъ изученіи славянскаго населенія Россіи.—*Ивановскій, А. А.* Объ антропологическомъ изученіи инородческаго населенія Россіи.—Некрологи (Летурно, Кожевниковъ, Нефедовъ).—Критика и библіографія,—разобраны: *І. Деникеръ*—Человѣческія расы.—*Н. Харузинъ.*—Этнографія.—*И. И. Пантюховъ.*—Современные лезгины.—*А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ*—Абадзехи. **№ 2. (кн X.).** *Зеландъ, Н. Л.* О темпераментѣ.—*Талько-Грынцевичъ, Ю. Д.*—Къ антропологіи Забайкалья и Монголіи (съ 21 рис.).—*Аристовъ, Н. А.* Этнич. отношенія на Памирѣ (продолж.).—*Вейнбергъ, Р. Л.* Женщина, какъ племенной типъ (съ 3 рис.).—Критика и библіографія,—разобраны: *В. Г. Богоразъ.*—Очеркъ матеріальнаго быта оленныхъ чукчей.—

Digitized by Google

W. Szukiewicz—Szkice z archeologii przedhistoryczney Litwy.—Извѣстія и замѣтки.

Русская мысль. 1902. 5. *Новиковъ, А.* Сватовство. Разсказъ. (Крестьянская жизнь).—*Аничковъ, И. В.* Упадокъ народнаго хозяйства въ киргизскихъ степяхъ.—**6.** *М. П.* Замѣтки о венгерской литературѣ. Melchior de Polignac: „Notes sur la litterature hongroise". Вначалѣ авторъ даетъ краткій географическій, историческій и этнографическій очеркъ Венгріи, при чемъ указываетъ на обычное подраздѣленіе урало-алтайцевъ на четыре группы: 1) венгры, вогулы, остяки, 2) мордва, 3) лопари и вотяки или воты, 4) финскія и ливонскія народности. Переходя далѣе къ судьбѣ венгровъ послѣ порвавшейся связи между этими племенами, авторъ прослѣживаетъ эволюцію венгерской литературы въ связи съ исторіей жизни венгерскаго народа.—**7.** *Семевскій, В. И.* Крѣпостные крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. (По ревизіи, напр., 1794 г. въ двухъ селахъ гр. Шереметева седьмую часть крѣпостного населенія составляли купленные крестьянами гр. Шереметева на имя своего господина).—**8.** *Щербина, Ф.* Добрые нравы и обычаи (Рисуется жизнь крестьянъ Сольвычегодскаго и Вельскаго уу.).—*Сетеле, Э. Н.* Изъ исторіи каѳедры финскаго языка и литературы въ Гельсингфорсскомъ университетѣ. (Перев. Р. С-на). **9.** *Писаревскій, Г. Г.* Вызовъ въ Россію колонистовъ изъ Данцига. Эпизодъ изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи. (По неизданнымъ архивнымъ документамъ).—**10.** *Носиловъ, К. Д.* Изъ исторіи далекаго сѣвера. Прошлое Обдорска.—*Старицкая-Черняховская, Л.* Новинки украинской поэзіи. Очеркъ касается интеллигентныхъ поэтовъ, но здѣсь интересны слѣды народнаго вліянія.—*Х. И.* XII-й Археологическій съѣздъ въ Харьковѣ. Авторъ, между прочимъ, высказываетъ мысль о необходимости обращенія общихъ археологическихъ съѣздовъ въ „областные" и „предметные". Безъ сомнѣнія, послѣдніе очень нужны; но общіе съѣзды не только имъ не будутъ мѣшать, а скорѣе помогутъ шире и научнѣе освѣтить вопросы областного характера. **11.** *Якимовъ, Василій.* Изъ лѣтописи голоднаго года. 1. Съ хорошимъ хлѣбомъ. 2. Антихристова помощь (крестьянская жизнь).

Русское Богатство. 1902. 4. *Арцыбашевъ, М.* Купріянъ. (Оконч.; см. Эти. Обозр., 53, 178 стр.).—*Кожевниковъ Петръ.* Современные пѣвцы. Авторъ рисуетъ состояніе народной пѣсни среди нравовъ приволжскихъ трактировъ и пѣвцовъ, угождающихъ вкусамъ пьяныхъ посѣтителей и вмѣстѣ съ ними опивающихся.—*Карѣевъ, Н. И.* Нужно ли возрожденіе естественнаго права? Статья эта написана по поводу двухъ работъ, появившихся въ печати. 1) В. Гессенъ, Возрожденіе естественнаго права („Право", 1902, 10, 11), 2) Максимъ Ковалевскій, Соціологія и сравнительная исторія права („Вѣстн. Восп.", 1902, февр.). Отмѣчая, что М. М. Ковалевскій неодобрительно относится къ тому, что „нѣкоторые современные юристы хотѣли бы воскресить ученіе о jus quod natura omnia animalia docuit (о правѣ, которому природа научила всѣхъ животныхъ"), что теоретически естественное право—метафизика, а практически „прогрессъ права не зависитъ отъ все бо́льшаго пропитыванія его метафизическими догмами естественнаго закона, а отъ поступательнаго движенія силы общества",—г. Карѣевъ склоняется на сторону защитниковъ естественнаго права, и въ томъ числѣ г. Гессена.—**6.** *Красносельскій, А.* О задачахъ искусства у первобытнаго человѣка.—*Лобза, П.* Хунхузы въ Манчжуріи. Очерки изъ путешествія по Манчжуріи въ 1897—98 гг. **6, 7, 8.** *Ан-скій, С.* Народъ и книга. Изъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній.—**7.** *Коллонтай, А.* Жилища финляндскихъ рабочихъ.—*С. М.* Вымирающій край. Изъ путевыхъ замѣтокъ врача. (Колымскій край).—**8.** *Шмидтъ, П. Ю.* По Манчжуркѣ. Путевые наброски.—**9.** *Кондурушкинъ, С.* Изъ скитаній по Сиріи.—**10** *Карѣевъ, Н. И.* Естественное право и субъективная соціологія.—*Лупкевичъ, В. В.* Рудольфъ Вирховъ. 1821—1892. **11.** *Бѣлорѣцкій, Г.* Сказатель-гусляръ въ Уральскомъ краѣ. Изъ записной книжки. (Приведены тексты нѣкот. духов. стиховъ).—*Бѣлевскій, А.* Аграрный вопросъ въ Якутской области.

Труды Пермской Ученой Архивной Комиссіи. **Вып. I-й.** Объ учрежденіи въ

Digitized by Google

Перми Губернской Ученой Архивной Комиссіи съ историческими при ней Архивомъ и Музеемъ.—*Теплоуховъ, Ф. А.* Вещественные памятники каменнаго и бронзоваго періодовъ въ зап. части Пермской губ.—*Дмитріевъ, А. А.* О границахъ древней Перми Великой.—Вып. II-й *Дмитріевъ, А. А.* Критическія замѣтки по исторіи Перми Великой XVI вѣка. I. О степени достовѣрности древнѣйшихъ великопермскихъ писцовыхъ книгъ Яхонтова.—*Фимиковъ, Е. С.* Что такое тептяри?—Вып. III-й. Къ исторіи башкирскаго землевладѣнія въ Пермскомъ уѣздѣ и грамоты башкиръ.—*Теплоуховъ, Ф.* Чудское жертвенное мѣсто на р. Колкѣ.—*Его же.* Рисунки древностей Пермской Чуди.—Вып. IV-й. *Дмитріевъ, А. А.* Слѣды русскихъ поселеній въ Перми Великой до появленія Строгановыхъ.—*Его же.* Чердынскій синодикъ.—*Новиковъ, Н. Н.* Роль Пермской семинаріи въ изученіи прошлаго Пермскаго края.—*Новокрещенныхъ, Н. Н.* Археологическія изслѣдованія въ зап. части Пермской губ.—*Боковъ, В. Е.* Опись дѣлъ Историческаго Архива.—Вып. V. *Капустинъ, М. И.* Справочный словарь пермскаго прошлаго.

Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Heft 2. 1901. *Paul Drechsler.* „Der Wassermann im schlesischen Volksglauben". Въ этой небольшой статьѣ говорится о весьма распространенной въ Силезіи вѣрѣ въ водяного, его жену и дочерей-русалокъ, приводятся сказанія о появленіи водяного, о похищеніи имъ людей, о его подшучиваніяхъ надъ людьми, о его превращеніяхъ въ различныхъ животныхъ, о средствахъ сохранить себя отъ водяного.

Digitized by Google

Новости этнографической литературы.

Австралія. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи А. Крубероиъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. 1903. М. 8⁰. Ц. 1 р. 50 к.

Базинеръ, О. Ѳ., проф. Народныя сказанія о происхожденіи дѣтей. (Варш. Унив. Изв. 1—56, V). Варш. 1902.

Бантышъ-Каменскій, Н. Н. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи. (По 1800-й годъ). Часть 4-я. (Пруссія, Франція и Швеція). М. 1902. 8⁰ IV+463+8 стр. Ц. 3 р.

Башмаковъ, А. А. Поѣздка въ Македонію. (Изд. „Изв. И. Р. Г. О-ва". Томъ 37. Вып. 2). 8⁰. 53 стр.

Бречкинъ, М. В. Святополкъ князь Поморскій. (Сборникъ. Уч.-Лит. О-ва при Ю. У.). Юрьевъ 1902.

Будиловичъ, А. С., проф. О московскомъ проектѣ упрощенія русскаго правописанія. (Сборникъ Уч.-Лит. О-ва при Ю. У. 170-196 стр.). Юрьевъ. (Затронуты этническія и историческія основы литературнаго языка).

Выставка. Сельскохозяйственная и кустарно-промышленная Тобольской губерніи въ г. Курганѣ. Отчетъ о выставкѣ и каталогъ ея. Иллюстр. Тоб. 1902. 8⁰. VIII+127 стр. (Рис.: коллекція издѣлій изъ дерева, типы жилищъ и др.).

Гребницкій, Н. А. Командорскіе острова. Очеркъ. Изд. Деп. Земледѣлія. 1902. 8⁰. 41. Съ рисунк. Ц. 15 коп. (34—34 стр.: Населеніе острововъ. Два рисунка типа алеута).

Жебелевъ, С. А. Древности Южной Россіи. Пантикапейскіе Ніобиды. Спб. 1901, in folio, II+57 стр.+3 табл. и 69 рис. въ текстѣ. Ц. 3 руб.

Ивановскій, В. Святочные обычаи „ряженье" и „гаданье" въ Вощажниковской волости Ростовскаго уѣзда Ярославской губ. М. 1902 г. Ц. 15 к.

Кузнецовъ, И. Д. Очеркъ русскаго рыболовства. (Промыселъ различныхъ водныхъ животныхъ). Спб. 1902. 8⁰. 128 стр. Ц. 40 к. Изд. Деп. Земледѣлія. (Гл. II. Орудія и способы лова. Гл. IV. Организація рыбнаго промысла. Гл. V. Промыслы).

Липовскій. Славянскіе народы: Хорваты. 1900.

Литвиновъ, Д. Рыболовство и тюленій промыселъ на восточномъ побережьѣ Каспійскаго моря. Съ 4 карт. 52 фотогр. снимками и XX приложеніями. Спб. 1902. 8⁰ 155+XX приложеній съ рисунк. Изданіе Главнаго Штаба. (1. Мангишлакская рыбная ловля. Русскіе рыбачьи поселки. Киргизскія становища. Туркменскія становища. 2. Красноводская рыбная ловля. Рыбачьи поселенія красноводскаго района).

Макаренко, А. А. Промыселъ красной рыбы на р. Ангарѣ. Съ 10 рисунк. и 6 картами. Изданіе Департамента Земледѣлія. Спб. 1902. 8⁰. 56+4 таблицы+карт. Ц. 75 коп. (Гл. I. Краткій очеркъ р. Ангары и населенія Приангарья).

Масловъ, А. Кирша Даниловъ и его напѣвы. Двѣ страницы нотъ. 14 столбцовъ текста. 4⁰. („Русск. Муз. Газ." 1902. № 43).

Мендельсонъ, Н. М. Демонологическое сказаніе XVIII вѣка. Спб. 1902. 8⁰. 18 стр. (Изгнаніе бѣса изъ дѣвицы Феодосіи учителемъ Воронежской семинаріи Т. И. Малороссійскимъ).

Миллеръ, Вс. Ѳ. Къ былинѣ о Камскомъ побоищѣ. Спб. 1902. 8⁰ 31 стр.

Digitized by Google

Можаровскій, Ал. Звѣріада. Сказка—поэма. Изъ русскаго животнаго эпоса. Тамбовъ. 1902. 8°. 128 стр. Ц. 60 коп.

Морозовъ, Ю. О городищахъ Харьковской губерніи. Х. 1901. Ц. 30 к.

Невзоровъ. А. С., проф. Изъ быта села Птичьяго, Челябинскаго у., Оренб. г. (Сборникъ Учено-Литер. О-ва при Ю. У.). Юрьевъ 1902.

Некрасовъ, П. А. Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности (пересмотръ основаній соціальной физики Кетле). Изданіе Математическаго О-ва при Моск. Унив-тѣ. М. 1902. 8°. 138 стр.

Ончуковъ, Н. Е. О расколѣ на Низовой Печорѣ. Спб. Стр. 19.

Орда, Л. Крестовоздвиженская братская церковь въ гор. Луцкѣ. Опытъ историческаго очерка. Луцкъ. 1902. Ц. 30 к.

Орловъ, М. В. Возможна ли частная земельная собственность въ Карачаѣ. („Извѣстія о-ва люб. изуч. Кубанскаго края", III. 167—197 стр. 8°. 1902).

Отчетъ Императорской Археологической комиссіи за 1889 годъ. Съ 2 таблиц. и 310 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1902. in folio 184 стр. (Производство археолог. изслѣдованій въ губерніяхъ и областяхъ: Таврической, Бессарабской, Кубанской, Ставропольской, Елисаветпольской, Эриванской, Смоленской, Черниговской, Воронежской, Ярославской, Псковской, Енисейской и Семирѣченской).

Первовъ, П. Д. Эпитеты въ русскихъ былинахъ. Ворон. 1902. 8°. 44 стр. (Отт. изъ „Филол. Зап." 1901—1902).

Погодинъ, А. Л. Изъ исторіи славянскихъ передвиженій. Изданіе Спб. Археол. Института Спб. 1901. IV+167 стр. (См. написанную А. Т. Флоринскимъ рецензію на этотъ Трудъ въ „Нов. Унив. Изв." 1902, № 9, и рец. Ю. А. Кулаковскаго въ „Изв. отд. р. я. и сл." 1901, т. VI, кн. 4).

Рагозина З. А. Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Ассиріи отъ возвышенія ассирійской державы до паденія Ниневіи. Съ 101 рис. и 2 карт. Спб. 1902. Стр. XVI+500. Ц. 2 р. 50 к.

Рерихъ, Н. К. Къ древностямъ валдайскимъ и водскимъ (съ 2 рис.). Извѣстія Имп. Археологич. Комиссіи. 1901. 60—68 стр.).

Сениговъ, І. Очерки по исторіи евреевъ и другихъ народовъ Востока. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Смалозубовъ, Н. Л. Народный календарь („Ежегодникъ Тобольск. Музея", XII, 116.—126. 8°. 1901—1902 г.).

Соколовъ, М. Е. Пѣсни А. С. Пушкина и крестьянъ Саратовской губерніи о Стенькѣ Разинѣ. Саратовъ 1902. Стран. 15. Ц. 20 к.

Соколовъ, Сильвестръ Свящ. Историческій очеркъ Ярославскаго Леонтьевскаго прихода (1608—1783) и кладбища (1783—1901). Яросл. 1902. 8° X.+288 планы и рисунки. (Приведены 190 стихотворныхъ надписей на памятникахъ).

Спицынъ, А. А. Древности Камской Чуди по коллекціи Теплоуховыхъ. Спб. 1902. in folio 70 стр.+XL таблицъ и 3 портрета въ текстѣ. Ц. 3 р.

Его же (обработка) Древности бассейновъ рѣкъ Оки и Камы. Вып. I. Спб. 1901 in folio 120 стр.+30 табл. 26 рис. въ текстѣ. Ц. 3 руб.

Статистическое изслѣдованіе Мурмана. Т. I. Тресковый промыселъ. Т. II. Описаніе колоній восточнаго берега и Кольской губы. Т. III. Таблицы приложеній. Спб. 1902. Изд. комитета для помощи поморамъ русскаго сѣвера.

Стоповичъ, А. Очерки исторіи сербо-хорватской литературы. 1899.

Талмудъ. Авотъ рабби Наѳана въ обѣихъ версіяхъ, съ прибавленіемъ трактата Авотъ. Критическій переводъ Н. Переферковича. Спб. 1902. XXXII+191 стр. Ц. 1 р.

Филевичъ, П. И., проф. Вопросъ о двухъ русскихъ народностяхъ и „Кіевская Старина". (Варш. Унив. Изв. V. 1—45). Варш. 1902. („Споръ южанъ и сѣверянъ").

Флоринскій, Т. Д. проф. Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по славяновѣдѣнію. Кіевъ 1902. („Кіев. Унив. Изв." за 1902)

Чириковъ, Г. Каменныя бабы въ Харьковской губерніи. Х. 1901. Ц. 30 к.

Ясинскій А. Н., проф. Основныя черты развитія права въ Чехіи XIII—XIV вв. (Сборникъ Учен-Литер. О-ва при Ю. У.). Юрьевъ 1902.

Digitized by Google

Aegyptische Inschriften aus d. Königlichen Museen. I. Inschriften d. ältesten Zeit u. des alten Reiches. Leipz. 1901.

Barth I. Babel u. israelitisches Religionswesen. Berlin, Mayer u. Müller. 1902 (брош.).

Benndorf, P. Die sächsische Volkskunde als Lehrstoff in d. Volksschule. Dresden, Schönfeld, 1901.

Brandes, Z. Beschrijving der Javaansche, Balineesche en saksche Handschriften angetroffen in de nalatenschap von Dr. van der Tuuk. 1 stuk. Adigama—Ender. Batavia, 1901.

China. Schilderungen aus Leben u. Geschichte, Krieg u. Sieg. Hrsg. von Z. Kürschner. Leipzig. Zieger, 1901.

Цоневъ, Б. Уводъ въ историята на български языкъ. 1901.

Ellis, A. Catalogue of Arabic books in the British Museum. Vol. II. L. 1901.

Finck, F. Die Klassifikation d. Sprachen. Marburg, Elwert, 1901.

Förstemann, E. Commentar z. Mayahandschrift d. Kng. öff. Bibliothek zu Dresden. Dresden, Bertling, 1901.

Gabelentz, G. v. d. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden u. bisherigen Ergebnisse. 2 verbes. Aufl. Leipzig, 1901.

Gebauer, Jan. Slovnik Staročesky.

Geiger, W. Litteratur u. Sprache d. Singhalesen. Strassburg, Trübner, 1901.

Giesenhagen, K. Auf Java u. Sumatra. Streifzüge u. Forschungsreisen im Lande der Malaien Leipzig, Teubner, 1902.

Godel, V. Katalog öfver Kongl. Bibliotekets fornisländska och fornnorska Handskrifter. (Каталогъ древне-исландскихъ и древне-норвежскихъ рукописей, хран. въ корол. библіотекахъ С. Скандинавіи). J. Stockholm, 1897—1900.

Ivekovič Fr. i Broz Iv Rječnik hrvatskoga jezika. 1901.

Jahresschrift für d. Vorgeschichte der sächsisch-thüringischen Länder, Herausg. v. Provinzialmuseum in Halle a. S. B. I. Halle, Henkel, 1902.

Jireček, Konstantin. Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters. Erster Theil. Wien 1901. 4°. 104 стр. Срв. его же труды: Die Wlachen und Maurowlachen in Denkmälern von Ragusa (Prag, 1879), Die Handelsstrassen und Bergwerke von Serbien und Bosnien während des Mittelalters (Prag, 1879).

Kaindl, R. Das Ansiedlungwesen in der Bukowina. Innsbr., 1902.

Kielhorn, F. Bruchstücke indischer Schauspiele in Inschriften zu Ajmere Berlin, Weidmann, 1901.

Kluge, F. Rotwelsch. Quellen u. Wortschatz der Gaunersprache u. d. verwandten Geheimsprachen. I. Rotwelsches Quellenbuch. Strassburg, 1901.

Krahmer, Russland in Asien. B. V. Das nordöstliche Küstengebiet. Lpz. 1902.

Кънчовъ Василъ. Македония. Етнография и статистика. София. 1900. VI+341.

Landberg, comte de, Etude sur les dialectes de l'Arabie méridionale. Vol. I. Hadramoût. Leiden, 1901.

Leroy-Beaulieu, Pierre. Les nouvelles sociétés anglo-saxonnes. Australie et N. Zelande. Afrique du Sud. Nouv. éd. entièrement refondue. Paris. Colin, 1901.

Maclean, A. A dictionary of the dialects of vernacular Syriac as spoken by the eastern Syrians of Kurdistan, North-west Persia, a. the plain of Mosul. Oxford, 1901.

Merzbacher, G. Aus den Hochregionen d. Kaukasus. 2 B. Leipzig, Duncker u. Humblot, 1901.

Милетичъ, Л. д-ръ, Старото българско население въ сѣверозточна България. („Българска библіотека", бр. 1). София. 1902. 16° 224 стр.

Niederle, Lubor, dr. Slovanske starožitnosti. Dil. I. Původ a počatky národa slovanského. Svazek I. Praga, 1902. 8°. 204+XV. (Все сочиненіе разсчитано на 6 томовъ),

Pérot, G. L'Accent tonique dans la langue russe. 1900.

Plč, I. L. dr. Čechy předhistorické. Svazek 2. Pokolení kamenných mohyl. Praha. 1900. 4°. 162 стр. 37 табл. снимковъ, 3 карты.

Digitized by Google

Plč. I. L. dr. Čechy na úsvitě dejin. Svazek I. Kostrové hroby s kulturou marnskou čili lateneskou a Bojové v Čechach. Praha. 1902. 4°. 174 стр. 34 табл. снимк. 4 карты.

Rumpelt, A. Sizilien u. die Sizilianer. Berlin, 1902.

Sagen aus dem alten Irland, übers. von R. Thurneysen. Berlin, 1901.

Schanz, M. Ost u. Südafrika. Berlin, Süsserott, 1902 (попул.).

Sebillot, P. Les travaux publics et les mines dans les traditions et les pays. Avec 8 planches et 428 ileustrations. Paris, 1894. 8°. XVI+623 pp.

Seybold, Ch. Die Drusenschrift: Kitab alnoquat waldawair. „Das Buch d. Punkte u. Kreise". Nach dem Tübinger u. Münchener Codex hrsg. Leipzig. 1902.

Sklarek, El. Ungarische Märchen. Leipzig, Dietrich, 1901.

Slovensko. Sbornik statí venovanych a lidu slovenskemu. (Премія „Umelecké Besedy" na rok 1901) Prag. 1901. 4°. 214. (Этотъ сборникъ о словакахъ является выраженіемъ сочувствія чеховъ братскому униженному народу).

Симьаничъ, М. В., д-ръ. Отмице, добеглице и трагови куповине девојка у српског народа. („Глас српске краљевске академије", LXIV, 2 р., 40). Белоградъ. 1901.

Stein, M. Preliminary report on a journey of archaeological a. topographical exploration in Chinese Turkestan. London, Eyre a. Spottiswoode, 1901.

Steuernagel, C. Die Einwanderung der israelitischen Stämme in Kanaan. Berlin, Schwentsche, 1901.

Стојановичъ, Љуб. (скупио и средио). Стари српски записи и натписи. Књига I. („Зборник за историју, језик и књижовност српског народа". Прво одељење, књига I.—Српска Краљевска Академија). Белградъ. 1902. 8°. XIV+480 стр. Ц. 6 динара.

Thurau, G. Der Refrain in der französischen Chanson. Beiträge zur Geschichte u. Charakteristik des französischen Kehrreims. Berlin, Felber, 1901.

Zprava o muzeu Království Českeho za rok. 1901. Prag. 1902. 8°. 113 стр.

Zürcher, G. Kinderlied u. Kinderspiel im Kanton Bern. Nach mündlicher Überlieferung gesammelt. Zürich, 1902.

Digitized by Google

ХРОНИКА.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Е., А. и Э. и состоящей при немъ Музыкально-Этнографической Комиссіи за 1901—1902 годъ.

Бюро этнографическаго Отдѣла, согласно выборамъ 19 декабря 1901 года, составляли: предсѣдатель поч. чл. *Вс. Ѳ. Миллеръ*, избранный на 11-ое двухлѣтіе; товарищъ предсѣдателя—непр. чл. *Н. А. Янчукъ*; секретарь—непр. чл. *В. В. Богдановъ*; библіотекарь—д. чл. *А. Н. Максимовъ*.

За отчетный годъ Этнографическій отдѣлъ имѣлъ 10 засѣданій: изъ нихъ 6 закрытыхъ, 4 публичныхъ, въ числѣ послѣднихъ 3 соединенныхъ съ засѣданіями Музыкально-Этнографической Комиссіи.

На засѣданіяхъ слѣдующія лица сдѣлали сообщенія:

1. *Вс. Ѳ. Миллеръ*: *а*) Къ былинѣ о Камскомъ побоищѣ, *б*) Къ новымъ записямъ былинъ изъ Донской области.

2. *Д. И. Аракчіевъ*: *а*) Грузинская народная музыка и ея эволюція (съ демонстраціей мелодій фонографомъ, на роялѣ и голосами солистовъ и хора) *б*) Поѣздка въ Тифлисскую и Кутаисскую губерніи и Терскую область съ музыкально-этнографическими цѣлями (съ демонстраціей мелодій фонографомъ, лирой и голосами солистовъ и фотографій на экранѣ).

3. *А. А. Берсъ* (доложилъ Н. А. Янчукъ). Роль ритма въ жизни народовъ.

4. *Н. В. Васильевъ* (доложилъ Вс. Ѳ. Миллеръ): О новой записи былинъ на Печорѣ.

5. *М. А. Елачичъ*: Слѣды шаманства на Кавказѣ. Амиранъ.

6. *Е. Н. Елеонская*: Техническіе пріемы творчества въ великорусской народной лирической поэзіи.

7. *С. А. Котляревскій*: Эсхатологія и мораль у первобытныхъ народовъ.

8. *К. С. Кузьминскій*: О современной народной пѣснѣ.

9. *Е. Э. Линева*: О поѣздкѣ съ музыкально-этнографическими цѣлями по Новгородской и Костромской губерніи и о народной музыкѣ на кустарной выставкѣ 1901 г., (съ демонстраціей мелодій фонографомъ, на роялѣ и голосомъ и фотографій на экранѣ).

10. *И. В. Липаевъ*: Музыканты на Руси въ старое и новое время.

11. *А. Н. Максимовъ*: *а*) Изъ исторіи семьи у русскихъ инородцевъ, *б*) Памяти Ш. Летурно.

Digitized by Google

12. *А. В. Марковъ*: Къ былинѣ о князѣ Романѣ.
13. *Н. А. Наспкинъ*: Корейцы Уссурійскаго края.
14. *Н. Н. Соколовъ*: Поѣздка къ литовцамъ лѣтомъ 1901 года.
15. *В. А. Харламовъ*: Былины изъ Донской области.
16. *А. С. Якубъ*: Техническіе пріемы творчества въ лирической великорусской народной поэзіи.
17. *Н. А. Янчукъ*: Памяти Ф. Д. Нефедова.

Всего было доложено 20 сообщеній.

Этнографическій Отдѣлъ, какъ и въ прошломъ году, продолжалъ свою издательскую дѣятельность. Журналъ «Этнографическое Обозрѣніе» подъ редакціей *Вс. Ѳ. Миллера* и *Н. А. Янчука* въ 1902 году вступилъ въ 14-й годъ изданія. Кромѣ того, приготовленъ къ печатанію «Указатель» къ «Этнографическому Обозрѣнію» кн. XXXII — LI. порученный непр. чл. *Г. И. Куликовскому*. Указатель будетъ напечатанъ приложеніемъ къ журналу.

Сооруженный на средства, собранныя среди членовъ Отдѣла и почитателей П. В. Шейна, памятникъ надъ могилой покойнаго (см. «Этногр. Обозр.» кн. 50, стр. 164—166 и кн. 51, стр. 183) взялъ на свое попеченіе «Русскій Литературный Кружокъ въ Ригѣ», который нынѣ озабоченъ устройствомъ прочной ограды вокругъ памятника.

По прежнему Этнографическій отдѣлъ обмѣнивался изданіями съ русскими и иностранными учеными учрежденіями. Благодаря этому библіотека Отдѣла все растетъ, и уже понадобилась должность библіотекаря, каковая и учреждена Отдѣломъ въ декабрѣ 1901 года.

Музыкально-Этнографическая Комиссія, состоящая при Отдѣлѣ, въ отчетномъ году настолько развила свою дѣятельность, что понадобилось ходатайствовать передъ Совѣтомъ Общества о выдѣленіи ея въ болѣе самостоятельную единицу съ болѣе опредѣленной организаціей ея внутренняго устройства, на подобіе Топографо-Геодезической Комиссіи, состоящей при Географическомъ Отдѣленіи Общества. Проектъ «инструкціи» дѣятельности Музыкально-Этнографической Комиссіи былъ принятъ Отдѣломъ въ засѣданіи 22-го января 1902 года и утвержденъ Совѣтомъ Общества въ засѣданіи 29-го января того же года.

Ниже прилагается отчетъ о дѣятельности Комиссіи за минувшій отчетный годъ.

Въ числѣ изданій Этнографическаго Отдѣла продолжалъ выходить журналъ «Этнографическое Обозрѣніе» подъ редакціей *Вс. Ѳ. Миллера* и *Н. А. Янчука*, въ 1902 году вступившій въ XIV-ый годъ своего существованія. При послѣдней книжкѣ «Этнографическаго Обозрѣнія» за этотъ годъ будетъ приложенъ «Указатель» къ книгамъ XXXII—LI (1897—1901 гг.), составленный какъ и первые два указатели (къ I—XV кн. и къ XVI—XXXI кн.), *Г. И. Куликовскимъ*, по порученію Отдѣла.

Въ отдѣлѣ получены нѣкоторыя коллекціи и фотографіи, переданныя въ Дашковскій Этнографическій Музей.

Digitized by Google

Весною и лѣтомъ 1902 года слѣдующіе члены Отдѣла совершили поѣздки съ этнографическими цѣлями:

1. *Д. И. Аракчіевъ*, о поѣздкѣ котораго подробно изложено ниже, въ отчетѣ о дѣятельности Музыкально-Этнографической Комиссіи.

2. *Б. Вс. Миллеръ* посѣтилъ Ленкоранскій уѣздъ Бакинской губерніи, съ цѣлью изученія языка и быта талышинцевъ. Ознакомившись въ г. Ленкорани съ формами этого языка, одного изъ иранскихъ нарѣчій прикаспійской группы, Б. Вс. Миллеръ предпринималъ поѣздку по окрестностямъ Ленкорани, затѣмъ два раза посѣтилъ горный Зувандскій участокъ на западъ отъ Ленкорани и южный Астаринскій, примыкающій къ персидской границѣ. Населеніе этихъ мѣстностей говоритъ нарѣчіемъ, представляющимъ небольшія отличія отъ говора Ленкоранскаго. Б. Вс. Миллеръ записалъ на талышинскомъ языкѣ рядъ разсказовъ и тексты нѣсколькихъ десятковъ народныхъ пѣсенъ (любовныхъ, похоронныхъ и др.), представляющихъ интересъ какъ матеріалъ для послѣдующей научной разработки формъ талышинскаго языка и какъ образцы иранскаго народнаго творчества. Узнавъ о существованіи племени халаджей, кочующаго въ Персіи недалеко отъ русской границы, г. Миллеръ посѣтилъ ближайшую кочевку этого племени и записалъ нѣсколько образчиковъ нарѣчія халаджей, оказавшагося еще неизслѣдованнымъ иранскимъ діалектомъ.

3. *А. С. Хахановъ* ѣздилъ на старый Аѳонъ, гдѣ въ монастыряхъ, преимущественно въ Иверѣ, Лаврѣ св. Аѳанасія и Андреевскомъ скиту занимался изученіемъ грузинскихъ и частью греческихъ рукописей. Благодаря участію русскаго посла въ Константинополѣ и греческаго патріарха, А. С. Хахановъ почти безпрепятственно былъ допущенъ къ занятіямъ въ монастырскихъ библіотекахъ. Главное вниманіе онъ обратилъ на списокъ 987 года грузинскаго перевода библіи, который представляетъ крупный интересъ для исправленія существующаго грузинскаго печатнаго текста священнаго писанія. Кромѣ того, А. С. списалъ нѣсколько апокрифовъ и житій святыхъ, изъ которыхъ апокрифъ о второмъ пришествіи и житіе св. Баграта (Панкратія) въ рукописяхъ XI вѣка вноситъ крупныя дополнительныя свѣдѣнія въ существующую литературу.

4. *Н. А. Янчукъ*, о поѣздкѣ котораго помѣщено ниже въ отчетѣ комиссіи.

Музыкально-Этнографическая Комиссія за отчетный годъ имѣла: предсѣдателемъ—*Н. А. Янчука* (вновь избраннаго 1 марта 1902 г.), товарищемъ предсѣдателя *А. Т. Гречанинова* (избр. 3 окт. 1902 г.) и секретаремъ—*А. Л. Маслова* (вновь приглашеннаго 1 марта 1902 г.).

Дѣятельность Комиссіи за этотъ періодъ времени выразилась: 1) въ устройствѣ засѣданій, 2) въ организаціи этнографическихъ концертовъ, 3) въ изданіяхъ, отчасти осуществленныхъ, отчасти подготовляемыхъ.

Засѣданій Комиссіи въ отчетномъ году было 12 изъ нихъ 3 публичныхъ, соединенныхъ съ засѣданіями Этнографическаго Отдѣла (на основаніи п. 8 Инструкціи), 9 закрытыхъ. Засѣданія посвящались: 1) научнымъ докладамъ изъ области музыкальной этнографіи, 2) составленію

Digitized by Google

спеціальной программы для собиранія музыкально-этнографическихъ матеріаловъ, 3) разработкѣ программъ этнографическихъ концертовъ, 4) обсужденію издательскихъ предпріятій Комиссіи (на основаніи п. 5 Инструкціи), 5) вопросамъ распорядительнаго характера.

Съ докладами на засѣданіяхъ выступили слѣдующія лица:

1. *Д. И. Аракчіевъ*: *а*) О поѣздкѣ на Кавказъ и Закавказье съ музыкально-этнографическими цѣлями въ 1901 и 1902 гг. (при отчетѣ) *б*) Грузинская народная музыка и ея эволюція.

2. *Е. Э. Линева*: О поѣздкѣ съ музыкально-этнографическими цѣлями по Новгородской и Костромской губерніямъ и о народной музыкѣ на «Кустарной Выставкѣ» 1901 года въ Петербургѣ.

3. *И. В. Литаевъ*: Музыканты на Руси въ старое и новое время.

4. *А. М. Листопадовъ*: Пѣснотворчество въ Донской области.

5. *А. Л. Масловъ*: *а*) Характеристика донскихъ пѣсенъ по собранію г. Листопадова; *б*) Кирша Даниловъ и его напѣвы.

6. *Н. А. Наськинъ*: Корейцы въ Уссурійскомъ краѣ.

7. *В. В. Пасхаловъ*. О литовскихъ народныхъ пѣсняхъ по сборнику Ант. Юшкевича.

8. *П. А. Янчукъ*: Памяти Ф. Д. Нефедова.

Всего было сдѣлано 12 сообщеній, изъ которыхъ большинство иллюстрировалось исполненіемъ музыкальныхъ образцовъ при участіи артистовъ членовъ Комиссіи: Е. Э. Линевой, Г. А. Трейтеръ, Я. А. Лосева, любительскаго хора, а также при помощи граффона, рояли и другихъ музыкальныхъ инструментовъ.

Публичныхъ этнографическихъ концертовъ въ отчетномъ году было организовано три. Составленію программы ихъ каждый разъ предшествовало разсмотрѣніе и критическая оцѣнка существующаго въ печати пѣсеннаго матеріала разныхъ народностей, а также имѣющихся въ архивѣ Отдѣла и Комиссіи записей. Въ этой работѣ принимали участіе почти всѣ члены Комиссіи, въ особенности же: Д. И. Аракчіевъ, А. Т. Гречаниновъ, А. А. Ильинскій, В. С. Калинниковъ, А. Д. Кастальскій, П. А. Котовъ, А. Л. Масловъ, А. В. Никольскій, В. В. Пасхаловъ, Ю. С. Сахновскій, И. С. Тезавровскій, Ю. Д. Энгель, Н. А. Янчукъ. Многія изъ исполнявшихся въ концертѣ пѣсенъ спеціально для этого гармонизованы и переложены для хора нѣкоторыми изъ членовъ комиссіи: г-ми Гречаниновымъ, Ильинскимъ, Масловымъ, Сахновскимъ, Энгелемъ, Пасхаловымъ, Аракчіевымъ и другими. Такимъ образомъ, въ трехъ публичныхъ концертахъ были представлены пѣсни, а также инструментныя мелодіи слѣдующихъ 22 народностей: великоруссовъ, малоруссовъ, бѣлоруссовъ, поляковъ, болгаръ, сербовъ, молдованъ, литовцевъ, латышей, грузинъ, армянъ, евреевъ, калмыковъ, осетинъ, финляндцевъ, вотяковъ, чувашъ, киргизъ, башкиръ, татаръ, сартовъ и таранчей.

Выручка отъ концертовъ дала Комиссіи возможность, за покрытіемъ канцелярскихъ и другихъ мелкихъ расходовъ, начать изданіе своихъ трудовъ и командировать нѣкоторыхъ своихъ членовъ съ научно-музыкальною цѣлью.

Digitized by Google

Прежде всего издана была въ количествѣ 3.000 экземпляровъ «Программа для собиранія народныхъ пѣсенъ и другихъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ, составленная Комиссіей подъ редакціей ея секретаря А. Л. Маслова. Программы разосланы въ большомъ количествѣ экземпляровъ безплатно; требованія на нее продолжаются, а въ результатѣ являются поступленія въ Комиссію музыкально-пѣсенныхъ матеріаловъ отъ разныхъ лицъ.

Изъ командировокъ по порученію Комиссіи особенно цѣнные результаты дала поѣздка Д. И. Аракчіева въ Тифлисскую и Кутаисскую губерніи и въ Терскую область (съ фонографомъ). Имъ собрано до 150 номеровъ пѣсенной и инструментной музыки среди грузинъ, мингрельцевъ, осетинъ, пшавовъ, хевсуръ, а также и русскаго населенія Терской области. Большинство изъ записанныхъ образцовъ представляютъ, по отзыву спеціалистовъ, значительный научный и художественный интересъ и, вмѣстѣ съ записанными тѣмъ же собирателемъ въ прошломъ году пѣснями, составляютъ солидный матеріалъ, ожидающій скорѣйшаго изданія въ свѣтъ, если найдутся средства.

Членъ Комиссіи М. П. Тихомировъ совершилъ небольшую поѣздку въ Ярославскую и Нижегородскую губерніи, гдѣ собрано нѣсколько пѣсенъ и коллекція музыкальныхъ инструментовъ.

Для Комиссіи во время мѣстныхъ поѣздокъ работали также: Е. Э. Линева, А. М. Листопадовъ, А. Л. Масловъ и Н. А. Янчукъ. Послѣдній, между прочимъ, будучи депутатомъ на Археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ, содѣйствовалъ устройству на съѣздѣ этнографическаго концерта при этнографической секціи съѣзда, съ участіемъ лирниковъ и бандуристовъ.

Изъ намѣченныхъ и отчасти разработанныхъ Комиссіею вопросовъ слѣдуетъ отмѣтить вопросъ объ изданіи «образцоваго сборника народныхъ пѣсенъ», приспособленнаго спеціально для потребностей школы. Въ такомъ сборникѣ ощущается большая надобность въ виду того, что существующія въ школьномъ употребленіи изданія этого рода не выдерживаютъ критики въ научномъ и художественномъ отношеніяхъ, искажаютъ духъ народной пѣсни и способствуютъ лишь порчѣ музыкальнаго вкуса въ подрастающемъ поколѣніи. Избранная, по предложенію предсѣдателя, особая комиссія по этому вопросу занята въ настоящее время подготовленіемъ матеріала для означеннаго изданія.

На очереди стоитъ также вопросъ объ изданіи тома «Трудовъ» Комиссіи, куда войдутъ болѣе цѣнные матеріалы, собранные и обработанные ея членами, каковы, напр., матеріалы экспедицій: бѣломорской, кавказской и другихъ. Всѣ они почти готовы къ изданію; но осуществленіе его, къ сожалѣнію, не обезпечено и можетъ разсчитывать лишь на случайную частную субсибію со стороны любителей національной музыки, если таковые найдутся.

Въ числѣ матеріаловъ, имѣющихся въ виду для изданія, особенно цѣнными являются бумаги покойнаго члена Этнографическаго Отдѣла Юлія Николаевича Мельгунова, извѣстнаго музыканта теоретика и лучшаго знатока русской народной музыки. Оставшіяся послѣ него работы

Digitized by Google

и матеріалы по народной и вообще музыкальной ритмикѣ, а также записи русскихъ народныхъ пѣсенъ могутъ составить цѣнный вкладъ въ русскую музыкальную литературу, если бы нашлась возможность издать ихъ въ свѣтъ хотя бы къ десятилѣтію дня смерти Ю. Н — ча, исполняющемуся въ мартѣ мѣсяцѣ 1903 года. Особая подкомиссія, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, разсмотрѣла и оцѣнила эти бумаги; но изданіе ихъ пока не обезпечено, такъ какъ весь наличный фондъ Комиссіи составляетъ всего сто рублей.

Премія Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, учрежденная при Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ память Международныхъ Конгрессовъ по антропологіи и доисторической археологіи и зоологическаго, собиравшихся въ Москвѣ въ 1892 году, присуждается въ 1903 году (къ 15-му октября) по этнографіи Этнографическимъ отдѣломъ Общества. Премія выдается въ видѣ денежной суммы (около 100 руб.) или особой медали съ надписью «Премія» и т. д. Премія выдается: 1) за самостоятельныя научныя монографическія изслѣдованія по духовному и матеріальному быту славянскаго и инородческаго населенія Россіи, 2) за научные этнографическіе труды руководящаго и методологическаго характера, какъ-то: учебники и руководства по этнографіи Россіи, научно-разработанныя этнографическія программы, систематическіе обзоры этнографической литературы по отдѣльнымъ племенамъ и народностямъ Россіи и славянскихъ земель, этнографическія карты и картограммы, 3) за собранія новыхъ матеріаловъ по духовному быту русскаго и инородческаго населенія Россіи (тексты по народной словесности, образцы народной музыки, описаніе семейныхъ и другихъ обычаевъ и т. д.), приготовленныя къ научному изданію, а также систематическія и болѣе полныя коллекціи предметовъ, иллюстрирующихъ бытъ населенія Россіи.

Премію имѣютъ право получать всѣ русскіе подданные, за исключеніемъ членовъ Совѣта Общества и членовъ комиссіи по присужденію преміи.

Срокъ представленія сочиненій и матеріаловъ на соисканіе преміи — не позднѣе 15 мая, а для представленія коллекцій не позднѣе 1-го сентября 1903 года.

Сочиненія и труды (непремѣнно на русскомъ языкѣ) могутъ быть представлены какъ рукописные, такъ и печатные, вышедшіе однако же не ранѣе 1902-го года и еще не получившіе награды въ той или другой формѣ.

Чествованіе 30-лѣтія ученой дѣятельности Филиппа Ѳедоровича Фортунатова. 22-го октября 1902 года въ Петербургѣ заслуженный профессоръ Московскаго Университета, нынѣ ординарный академикъ, Ф. Ѳ. Фортунатовъ былъ чествуемъ представителями ученаго міра по поводу 30-лѣ-

Digitized by Google

тія его выдающейся ученой дѣятельности въ области языковѣдѣнія. Ф. Ѳ. родился въ 1848, учился въ Петрозаводской гимназіи, университетскій курсъ окончилъ въ Москвѣ въ 1868 году. Ему принадлежитъ честь и заслуга перенесенія въ русскую лингвистическую науку точныхъ научныхъ методовъ западно-европейскаго языковѣдѣнія, обширныхъ философскихъ научныхъ обобщеній, многихъ самостоятельныхъ изслѣдованій, а главное—созданіе такъ называемой «фортунатовской школы» лингвистовъ. Лингвисты и филологи разныхъ странъ являются его учениками, послѣдователями и почитателями. Главную область его изслѣдованій составляло сравнительное языкознаніе, особенно сравнительная фонетика. Его открытія въ этой области имѣли плодотворное вліяніе и на западно-европейскую науку. Много потрудился онъ надъ лекціями по старославянскому языку и языкамъ балтійскимъ (литовскимъ), создавъ эпоху въ области ихъ изученія. Наконецъ, его строгій научный методъ изслѣдованія дѣлалъ его выдающимся университетскимъ преподавателемъ и солиднымъ научнымъ авторитетомъ.

Среди другихъ привѣтствій отъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета, гдѣ 30 лѣтъ работалъ Ф. Ѳ., привѣтственную рѣчь сказалъ профес. М. М. Покровскій. Рѣчь цѣликомъ помѣщена въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 298). Въ этой рѣчи проф. Покровскій говоритъ, что Ф. Ѳ. первый началъ въ Россіи «систематическое изученіе сравнительнаго языковѣдѣнія», первый создалъ въ Москвѣ «его систематическое преподаваніе, которое навсегда останется образцомъ не только для остальныхъ русскихъ университетовъ, но отчасти и для университетовъ Западной Европы».

Филиппъ Ѳедоровичъ еще въ полномъ расцвѣтѣ своихъ научныхъ силъ, и наука можетъ ждать отъ него многихъ замѣчательныхъ изслѣдованій. Пожелаемъ же, чтобы Академія Наукъ оказалась еще болѣе плодотворной, чѣмъ Московскій Университетъ, лабораторіей и аудиторіей, чтобы его ученые труды еще болѣе законченными выходили оттуда, удовлетворяя самого Ф-па Ѳ-ча, и чтобы его ученый кабинетъ въ извѣстные часы былъ еще многолюднѣе, чѣмъ знаменитая аудиторія въ Новомъ зданіи университета.

Годичный актъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ, происходившій 24-го октября, совпалъ съ празднованіемъ 30-лѣтія со дня Высочайшаго утвержденія устава спеціальныхъ классовъ. Изъ обстоятельной рѣчи директора института Вс. Ѳ. Миллера, изложившаго исторію спеціальныхъ классовъ, видно, чтовъ послѣдніе годы до 20-ти студентовъ спеціальныхъ классовъ участвовали своими рефератами въ дѣятельности восточной комиссіи Московскаго археологическаго общества и 12 принимали участіе въ поѣздкахъ на Востокъ съ научными цѣлями. Ректоръ университета, А. А. Тихомировъ, привѣтствуя институтъ, указалъ на тѣсную связь института съ московскимъ университетомъ, какъ учрежденія для изученія одной изъ отраслей науки языковѣдѣнія.

Digitized by Google

«Толковый словарь живого великорусскаго языка» Даля выйдетъ вновь подъ редакціей проф. Бодуэна-де-Куртене въ изданіи т-ва Вольфъ. Редакторомъ будутъ внесены дополненія частью по непосредственнымъ наблюденіямъ въ народѣ, частью по произведеніямъ писателей, изображавшихъ быть и нравы какого-либо класса: купеческаго быта (Лейкинъ), раскольниковъ (Лѣсковъ), пролетаріата (Горькій) и др. («Рус. Вѣдом.»).

Записываніе произведеній народнаго творчества фонографомъ два года тому назадъ вызвало въ Вѣнской Академіи наукъ спеціальную комиссію, которой было поручено разработать вопросъ о пригодности фонографа для цѣлей лингвистическаго изученія и о необходимости основать для этого архивъ фонограммъ. Комиссія приняла нѣкоторыя измѣненія въ системѣ Эдиссоновскаго фонографа и испытывала около года его пригодность для лингвистики. Въ настоящее время обнаружились уже нѣкоторые результаты. Д-ръ Решетаръ путешествовалъ съ фонографомъ по Славоніи и Хорватіи и пришелъ къ тому выводу, что при его помощи возможно навсегда сохранить живые памятники человѣческаго языка; въ этомъ отношеніи звуковыя передачи должны быть предпочтены самой совершенной транскрипціи. Того же мнѣнія держится проф. Кречмеръ, собиравшій на Лесбосѣ греческія пѣсни, и проф. Ветштейнъ, который запечатлѣлъ на фонограммахъ говоръ индѣйцевъ гуарани въ Бразиліи. Главнымъ недостаткомъ фонографа всѣ пользовавшіеся имъ при путешествіяхъ считаютъ его большой вѣсъ.

Не имѣя подъ рукой источника этихъ свѣдѣній, взятыхъ изъ «Русс. Вѣдом.» (1902, 321), трудно сказать, на что именно направлены были измѣненія въ Эдиссоновскомъ фонографѣ. Но, въ виду общаго интереса, укажемъ съ своей стороны, что и при Этнографическомъ Отдѣлѣ Об-ва Любителей Естествознанія возникалъ подобный же вопросъ. Уже въ отчетѣ по отдѣлу за 1896—7 годъ (кн. 34, стр. 220—221) помѣщены свѣдѣнія объ успѣшной записи графофономъ членомъ Отдѣла Е. Э. Паприцъ-Линевой. Тамъ же, а также въ протоколахъ Отдѣла имѣются свѣдѣнія о намѣченной программѣ для собиранія произведеній народнаго творчества, образованіи особаго архива фонограммъ, разработкѣ собраннаго матеріала и распространеніи свѣдѣній о немъ въ изданіяхъ, засѣданіяхъ, концертахъ и т. д. Кромѣ того, укажемъ на одинъ спеціальный вопросъ, въ обсужденіи котораго дѣятельное участіе приняли тогда же въ 1896-омъ году проф. С. В. Смоленскій и проф. С. И. Танѣевъ. Вопросъ этотъ—о приспособленіи фонографа (sive графофона) или цѣлой системы фонографовъ для записи отдѣльныхъ голосовъ при хоровомъ исполненіи мелодій. Здѣсь выдвинуты были слѣдующіе принципы: 1) точная запись отдѣльнаго поющаго въ хорѣ голоса на отдѣльномъ валикѣ или на отдѣльной части одного и того же валика, 2) возможность во всякое время воспроизвести фонограмму какъ каждаго отдѣльнаго голоса, такъ и всего хора, 3) если это приспособленіе окажется слишкомъ громоздкимъ для путешествій, то имѣть его хотя бы въ Москвѣ при Отдѣлѣ, куда и приглашались бы народные хоры.

Digitized by Google

Этнографическое названіе Σπόροι, встрѣчавшееся до сихъ поръ у Прокопія, по объясненію проф. Нидерле, не есть испорченное Σόρβοι, Σέρβοι, а представляетъ сокращенное βόσποροι или βούσποροι, находимое въ Лейденской рукописи Псевдокалисѳеновой Александріи. Это имя Прокопій употребилъ для обозначенія славянъ.

Черты норманскаго вліянія въ русской миѳологіи видитъ г. Рожнецкій въ культѣ Перуна (см. его статью Perun und Tor въ «Archiv für Slav. Philologie, XXIII). «Турова божьница», (Ипат. лѣт., 1046), по его мнѣнію возникла изъ «Турова Капища», свидѣтельствуя о культѣ Тора у кіевскихъ варяговъ. Этотъ культъ и могъ оказать вліяніе на славянскій культъ Перуна.

Вопросъ о происхожденіи и прародинѣ славянъ подробно разбирается въ 1-омъ выпускѣ «Славянскихъ древностей» (Slovanské starožitnosti) д-ра Любора Нидерле. Не довольствуясь чисто-историческимъ изученіемъ предмета, Нидерле основываетъ свои выводы также на лингвистикѣ, археологіи и антропологіи. Что касается колыбели славянскаго пранарода, то, какъ извѣстно, одни ученые помѣщаютъ ее по Дунаю, другіе—въ странѣ на сѣверъ отъ Карпатъ. Нидерле стоитъ за закарпатскую теорію, находя, что славянская географическая номенклатура достаточно опредѣленно намѣчаетъ первоначальную территорію въ странѣ отъ средней Вислы на востокъ къ Днѣпру и до порѣчья Десны и отъ Карпатъ на сѣверъ до Могилева, т.-е. въ нынѣшнемъ царствѣ Польскомъ, въ южной части Гродненской, Минской и б. ч. Могилевской губ., въ Черниговской, Волынской, Кіевской и Подольской, а также въ Галичинѣ и Буковинѣ.

Спорный вопросъ о происхожденіи славянъ рѣшенъ и у Нидерле не категорически. Сравнительное языковѣдѣніе и антропологія даютъ ясныя указанія, что славянскій языкъ принадлежитъ къ семьѣ арійскихъ, и что славяне—вѣтвь арійскаго племени. Но самое образованіе славянскаго языка и народа изъ общеарійскаго корня — вопросъ не разрѣшенный. Нидерле предполагаетъ, что отъ первобытнаго арійскаго пранарода отдѣлилась группа (балто-славянская), распавшаяся на двѣ діалектическія области. Послѣдняя продолжала существовать и въ то время, когда другія части арійскаго пранарода дифференцировались. Съ точки зрѣнія антропологической, проф. Нидерле противъ короткоголовыхъ первобытныхъ славянъ.

Въ процессѣ дифференціаціи этническихъ группъ въ самомъ славянствѣ, проф. Нидерле, основываясь на языкознаніи, выдѣляетъ группу сѣв.-западную, сѣв.-восточную и южную. Идею о язычной тройственности онъ подкрѣпляетъ историческими и географическими соображеніями, хотя территоріальное движеніе и распаденіе можетъ и не совпадать съ процессами цѣлостнаго развитія или распаденія языка. Три діалектическихъ центра славянскаго племени являются, такимъ образомъ, все же проблематичными.

Digitized by Google

Авторъ разсматриваетъ также географическія свидѣтельства о прародинѣ славянъ у древнихъ греческихъ и римскихъ писателей, а также первыя свидѣтельства о славянскихъ венедахъ.

Указатель литературы по славяновѣдѣнію издается отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Вышедшій 1-й выпускъ подъ редакціей А. А. Шахматова, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, П. А. Лаврова и др., представляетъ слѣдующіе отдѣлы: 1. Отдѣлъ общеславянскій. 2. Церковно-славянскій языкъ и литература. 3. Полабскіе, Балтійскіе славяне, Кашубы. 4. Поляки. 5. Сербы лужицкіе. 6. Чехи. 7. Словаки. 8. Словинцы, Резьяне и другіе славяне въ Сѣверной Италіи. 9. Сербо-Хорваты. 10. Македонскіе славяне. 11. Болгаре. 12. Неславянскія народности, связанныя съ славянскимъ міромъ.

Древности Чехіи прекрасно обслѣдованы въ работѣ д-ра Пича (I. d. Pič). Послѣ огромнаго количества раскопокъ, Пичъ даетъ описаніе (въ «Čechy predhistoricke») могилъ сѣв. и средн. Чехіи, со скелетами въ согнутомъ положеніи, и каменныхъ могилъ юго-зап. Чехіи съ предметами бронзовой культуры, которую Пичъ относитъ къ одному изъ арійскихъ народовъ и именно къ кельтамъ.

Во второмъ отдѣлѣ своего труда «Чехія на разсвѣтѣ исторіи» проф. Пичъ описываетъ могилы безъ слѣдовъ каменной кладки, съ предметами желѣзной культуры, относимой авторомъ къ гальскому племени—бойямъ. Обработка матеріаловъ сдѣлана образцово.

Средневѣковая этнографія далматинскихъ городскихъ общинъ составляетъ предметъ новаго труда акад. К. Пречка «Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters». Вышедшая первая часть этого труда разсматриваетъ вопросъ о римскихъ колоніяхъ на сѣверѣ Балканскаго полуострова, объ этнографическихъ отношеніяхъ въ Далмаціи со времени поселенія славянъ (въ VI и VII вв.); ославяненіе всего полуострова, образованіе сплошной хорвато-сербской и болгарской лингвистическихъ областей въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, вытѣсненіе романцевъ («влаховъ») на югъ, ассимиляція ихъ со славянами и, наконецъ, исторія постепеннаго распространенія славянскихъ элементовъ въ далматинскихъ городахъ.

Новое этнографическое общество въ Гиссенѣ открылось весной текущаго года: Vereinigung für Hessische Volkskunde. Оно успѣло уже выпустить первые выпуски новаго періодическаго изданія: Hessische Blätter f. Volkskunde.

Digitized by Google

Отчетъ Verein'a für sächsische Volkskunde за 1901 г. нѣкоторый интересъ представляетъ и для русскаго читателя. Это одно изъ скромныхъ провинціальныхъ обществъ, имѣющихъ цѣлью изученіе родного, небольшого края съ его этнографическими особенностями. Число подобныхъ обществъ все увеличивается въ Германіи; многія изъ нихъ имѣютъ свои періодическія изданія, публикующія интересные этнографическіе матеріалы. Назовемъ, напримѣръ, Mittheilungen der Schlesischen Gesellschaft für Volkskunde, Ztsch. d. Vereins f. Thüringsche Geschichte, Brandenburgia, Monatsschrift der Gesellschaft f. Heimathskunde d. Provinz Brandenburg и др. Verein für Sächsische Volkskunde, насчитывающій лишь нѣсколько лѣтъ существованія, къ началу 1902 г. имѣлъ 2145 членовъ, собственный музей и библіотеку. Изъ этого ясно видно, какъ интересъ къ этнографіи широко распространенъ въ образованныхъ кругахъ нѣмецкаго общества.

Нѣмецкій областной словарь. Verein'омъ für siebenbürgische Landeskunde предположено изданіе обстоятельнаго и весьма интереснаго труда: Siebenbürgisch deutsches Wörterbuch. Съ просьбой о доставленіи матеріала для этого областного словаря Verein обращается ко всѣмъ мѣстнымъ жителямъ. (Liter. Centralb.).

Легенда о скрывающемся королѣ получаетъ интересное освѣщеніе въ современномъ настроеніи ирландскихъ крестьянъ. Послѣднія событія англобурской войны, смерть ихъ политическаго вождя Парнелля, въ которую они не вѣрятъ, и подвиги такого героя, какъ Деветъ, настроили ихъ на мысль, что наступаетъ пора ихъ освобожденія. Впечатлѣніе, произведенное во всей Англіи книгой Девета «Три года войны», сказалось и на ирландскихъ крестьянахъ, которые теперь увѣрены, что Деветъ и есть «некоронованный король Ирландіи» (См. у Діонео: Книга Девета. «Русск. Вѣд.», 1902, 328).

Камни съ изображеніями бытовыхъ сценъ найдены недавно Н. Г. Хлудовымъ по дорогѣ изъ Семирѣчья въ Фергану близъ перевала Кугартъ, въ урочищѣ Саймалы-Тасъ («Камни съ узорами»). Всѣхъ камней до 50-ти. На нихъ изображены сцены изъ жизни какого-то кочевого и охотничьяго народа, одѣвавшагося, повидимому, въ звѣриныя шкуры, съ висящими сзади хвостами. Есть изображенія пѣшихъ и конныхъ людей, стрѣляющихъ изъ луковъ, а также верблюдовъ, оленей, горныхъ козловъ и другихъ животныхъ. («Туркест. Вѣд.» и «Русск. Вѣдом»).

13-й конгрессъ американистовъ недавно окончился «съ большимъ общественнымъ успѣхомъ». Засѣданія происходили въ Американскомъ Музеѣ Натуральной Исторіи въ Нью-Іоркѣ. Болѣе 4000 приглашеній было разослано въ Европу и Америку. Ни одно изъ русскихъ ученыхъ обществъ

Digitized by Google

не отозвалось. Научная дѣятельность конгресса была направлена, главнымъ образомъ, на изслѣдованіе древнихъ индѣйскихъ культуръ въ Мексикѣ и Перу. Представленныя работы состояли по преимуществу въ описаніи раскоповъ, перечнѣ коллекцій въ серіяхъ великолѣпныхъ фотографій; болѣе широкій кругозоръ охватила только краткая рѣчь проф. Боаса о задачахъ тихо-океанской экспедиціи; нашъ соотечественникъ Вл. Богоразъ прочелъ докладъ о сравненіи азіатскаго фольклора съ американскимъ по недавно собраннымъ матеріаламъ (двухъ сборниковъ: 1) В. И. Іохельсона и 2) самого докладчика). На этомъ конгрессѣ видное мѣсто принадлежало ново-изобрѣтенному термину *Amerind*, предложенному нѣкоторыми американскими этнографами какъ сокращеніе двухъ словъ: американскій индѣецъ, подобно тому какъ введены были термины: *Evrafrican* (европо-африканецъ) и *Evrasian* (европо-азіатецъ)—для опредѣленія помѣсей между европейцами и туземными племенами кавказской расы въ Африкѣ и Азіи (мавры, арабы, индусы и др.). Терминъ Amerind былъ изобрѣтенъ америк. этнографомъ Powell'емъ, умершимъ въ прошломъ году. На конгрессѣ поднялись горячіе дебаты, и образовались двѣ партіи: американдовъ и антиамериндовъ. Кромѣ того, предлагали этотъ терминъ сдѣлать еще болѣе подробнымъ: для дикихъ (savage) индійцевъ—*Samerind*, для мирныхъ (tame) индійцевъ—*Tamerind*, для вымершихъ (dead) индійцевъ—*Damerind*. Конгрессъ закончился учено-увеселительными прогулками по Америкѣ («Русск. Вѣд.»).

Эѳіопскія рукописи. Парижская Bibliothèque Nationale обогатилась недавно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Послѣ покойнаго d'Abbadie, проведшаго свыше 20 л. въ Абиссиніи, въ распоряженіе библіотеки поступило около 300 эѳіопскихъ рукописей. Большинство изъ нихъ религіознаго содержанія; есть много житій святыхъ (Liter. Centr.).

Интересный списокъ «Тысячи и одной ночи» недавно былъ найденъ проф. Dr. Seybold'омъ въ Тюбингенѣ при составленіи каталога арабскихъ рукописей, хранящихся въ Университетской Библіотекѣ. Списокъ этотъ очень старинный, интересный особенно тѣмъ, что въ немъ находится разсказъ, не встрѣчавшійся въ другихъ спискахъ. Онъ появится въ нѣмецкомъ пересказѣ съ библіографическими и лингвистическими замѣчаніями проф. Зейбольда.

Corpus Inscriptionum Etruscarum, пріостановившееся изданіемъ на 10-мъ выпускѣ за смертью проф. Pauli, его перваго редактора, теперь будетъ продолжаться подъ редакціей проф. Danielson и Herbig и при содѣйствіи многочисленныхъ ученыхъ. Въ число сотрудниковъ вступилъ и Dr. Nogara, директоръ Museo Etrusco Vaticano (Liter. Central).

Digitized by Google

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.

Адресъ: Москва, Политехническій музей, въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія".

1) Русскія былины старой и новой записи. Подъ ред. акад. *Н. С. Тихонравова* и проф. *Вс. Ѳ. Миллера.* М. 1894. 8°. VIII + 305 стр. Ц. 2 р. 50 к. (за границу 3 р.).

2) Бѣломорскія былины, записанныя *А. Марковымъ,* съ предисловіемъ проф. *В. Ѳ. Миллера.* М. 1901. 8°. XV + 618 стр. Ц. 2 р. 75 к. (за границу 3 р. 50 к.). (Складъ въ Т-вѣ Скоропечатни А. А. Левенсонъ).

3) Юбилейный сборникъ въ честь *Вс. Ѳед. Миллера,* изданный его учениками и почитателями, съ портретомъ, подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1900. 4°. XXII+368 стр. Ц. 3 р. (за границу 3 р. 75 к.).

4) *П. С. Ефименко.* Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи. Вып. I и II. М. 1877—78 гг. 4°. VII+221+X+276 стр. Ц., вмѣсто прежн. 6 руб.,—10 руб. (Изданіе почти распродано). (За границу 11 руб.).

5) Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, подъ ред. *Ѳ. Я. Трейландъ.* М. 1881. 4°. X+224 стр. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р.).

6) Протоколы засѣданій Этнографическаго Отдѣла 1874—1877 гг. (статьи и матеріалы по этнографіи). М. 1877. 4°. 190 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

7) То же. 1877—1884 гг. М. 1886. 4°. 186+7 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

8) То же 1885—1887 (статьи, а также полная программа: а) для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, б) для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ). М. 1888. 4°. VIII+217 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

9) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I, II и III. М. 1889, 1890 и 1891 гг. 4°. Ц. 6 р. (за границу 7 руб.).

10) *Н. Н. Харузинъ.* Русскіе лопари (очерки прошлаго и современнаго быта). М. 1890. II+472 стр. 3 фототип. и карт. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р. 50 к.).

11) *В. М. Михайловскій,* Шаманство (сравнительно-этнографическіе очерки). М. 1892. 4°. IV+115 стр. Ц. 1 р. 50 к. (за границу 2 руб.).

12) *И. А. Житецкій.* Очерки быта Астраханскихъ калмыковъ. М. 1893. 4°. II+73 стр. 12 табл. рисунк. Ц. 1 р. 25 к. (за границу 1 р. 60 к.).

Digitized by Google

Открыта подписка на 1903 годъ (годъ десятый)

НА ЖУРНАЛЪ

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ".

ИЗДАНІЕ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛЕНІЯ ПРОФ. *Д. Н. Анучина.*

Журналъ посвященъ изученію географическихъ вопросовъ, преимущественно Россіи, путешествіямъ, очеркамъ природы и населенія различныхъ странъ, обзору геогр. литературы и т. д.

Выходитъ въ Москвѣ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая около 10—12 печатныхъ листовъ съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ.

Подписная цѣна за годъ съ доставкою—**6** руб.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться по адресу: Географическое отдѣленіе Общества любителей естествознанія, Политехническій музей, Москва. Прежніе годы, 1894—1901, могутъ быть получены по 5 р. за годъ, а 1894 годъ безъ 1-й книжки (оставшейся въ немногихъ экземплярахъ)—за 3 р. Всѣ года (1894—1902), безъ 1-й книжки 1894 г., со всѣми приложеніями могутъ быть получены за **40** р., съ подпиской на 1903 г.—за **45** р., а съ 1-й книжкой 1894 г.—за **60** р.

Въ вышедшихъ книжкахъ „Землевѣдѣнія" помѣщены между прочимъ статьи: **Б. Ѳ. Адлеръ**: „Сѣверогерманская низменность"; **Н. М. Альбовъ**: „Въ заброшенныхъ углахъ Кавказа"—„Очерки растительности Колхиды",—„Природа Огненной Земли"; проф. **Н. И. Андрусовъ**: „Поѣздка въ Дагестанъ"; проф. **Д. Н. Анучинъ**: „Рельефъ поверхности Евр. Россіи въ послѣдовательномъ развитіи о немъ представленій", — „Суша" (краткія свѣдѣнія по орографіи), — „Озера области истоковъ Волги и верховьевъ Зап. Двины" — „И. В. Мушкетовъ и его научные труды", — „О преподаваніи географіи"; **В. В. Богдановъ**: „Мурманъ"; **Л. С. Бергъ**: „Аральское море"; **В. Г. Богоразъ**: „Ламуты"; **А. М. Беркенгеймъ**: „Природа и жизнь въ пампахъ Аргентины",—„Современное экономическое положеніе Сиріи и Палестины", — „Переселенческое дѣло"; **Н. В. Богоявленскій**: „Въ верховьяхъ Аму-Дарьи"; **П. А. Бѣльскій**: „Тянь-шань",—„Петровскія озера Корчевск. у."; проф. **А. И. Воейковъ**: „Воздѣйствіе человѣка на природу"; **М. М. Воскобойниковъ**: „Изъ наблюденій на Памирѣ"; **А. Грачевъ**: „Объ озерахъ Костромской губ."; **В. М. Житковъ** и **С. А. Бутурлинъ**: „По Сѣверу Россіи"; **А. А. Ивановскій**: „Истоки рѣки Москвы",— „Озеро Гокча", — „Араратъ"; **П. Г. Игнатовъ**: По южному Алтаю"; проф. **А. Н. Красновъ**: „Растительность горныхъ вершинъ Явы, Японіи и Сахалина"; проф. **П. И. Кротовъ**: „Вятскій увалъ",—„О постановкѣ преподаванія географіи въ средн. учебн. заведеніяхъ"; **А. А. Круберъ**: „О болотахъ Моск. и Ряз. губ.",—„Опыты раздѣленія Евр. Россіи на естеств. районы", — „О карстовыхъ явленіяхъ въ Россіи",—„Новая Гвинея"; **Г. И. Куликовскій**: „Зарастающія и періодически исчезающія озера Обонежскаго края"; **М. Л. Леваневскій**: „Очерки Киргизскихъ степей"; проф. **Э. Е. Лейстъ**: „Луна и погода"; **В. Н. Леоновъ**: „Озера въ области р. Пры, Рязанск. г.",—„Озера Нижней Рачи, въ Закавказьѣ"; **Е. И. Луценко**: Поѣздка къ алтайскимъ теленгетамъ",—„Озера въ области истоковъ Дона"; **А. К. Ф. М.**: „Альпинизмъ"; **В. Г. Михайловскій**: „Горныя группы и ледники Центральнаго Кавказа"; **М. В. Никольскій**: „Слѣды ассировавилонской культуры на Кавказѣ"; проф. **В. А. Обручевъ**: „Природа и жители Центральной Азіи"; проф. **А. П. Павловъ**: „О рельефѣ равнинъ и его измѣненіяхъ подъ вліяніемъ работы подземныхъ и поверхностныхъ водъ"; **С. К. Паткановъ**: „По Юкатану"; **Х. С. Г. Султановъ**: „Свящ. область мусульманъ въ Аравіи": пр.-доц. **Г. И. Танфильевъ**: „Доистор. степи Евр. Россіи",—„О торфяникахъ Моск. губ."; **Н. Тихоновичъ**: „Въ киргизскихъ степяхъ Семипалатинской обл."; пр.-доц. **Б. А. Федченко**: „Задачи ботанической географіи"; **А. Ѳ. Флеровъ**: „Ботанико-географич. очерки"; **Д. Чорчъ**: „Оч. физ. геогр. Южн. Америки"; **А. Ярцловъ**: „Педологія или наука о почвѣ" и др. Кромѣ того мелкія извѣстія и библіографическія замѣтки. Приложеніями къ журналу вышли: 1) **Ф. Нансенъ**. Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи, 455 стр., съ рис. и карт.; 2) **Г. Н. Потанинъ**. Восточные мотивы въ средневѣковомъ эпосѣ, 894 стр.; 3) **Арт. Гейкн**. О преподаваніи географіи. Совѣты учителямъ; 4) проф. **С. Гюнтеръ**. Исторія географ. открытій и успѣхи научнаго землевѣдѣнія въ XIX вѣкѣ. (Печатается и будетъ доставлена подписчикамъ на 1903 годъ).

Digitized by Google

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла *А. А. Ивановскаго* (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 г., предсѣдателя Отдѣла *проф. Д. Н. Анучина*), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая 8—10 печатныхъ листовъ съ рисунками.

Цѣна годовому изданію **5** руб. съ доставкой и пересылкой, за границу **6** руб. Цѣна отдѣльной книжки **1** руб. **50** коп.

Принимается подписка на 1903 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Историческій Музей, Секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

Редакція

„ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ"

ПЕЧАТАЕТЪ ПЛАТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ ПОЗАДИ ТЕКСТА.

Цѣна одного объявленія на цѣлой страницѣ— **10** руб., на ½ страницѣ — **5** р. **50** коп. и на ¼ страницѣ—**3** рубля.

Постороннія приложенія для разсылки при изданіи принимаются по особому соглашенію.

Конторамъ, доставляющимъ объявленія, дѣлается скидка: съ объявленій русскихъ 10%, съ объявленій заграничныхъ 20%.

Digitized by Google

Digitized by Google

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ

„ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ ОБОЗРѢНІЮ".

Кн. XXXII—LI.

(1897 — 1901 гг.).

Составилъ н. ч. И. О. Л. Е., А. и Э.

Г. И. КУЛИКОВСКІЙ.

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, .
Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1903.

Digitized by Google

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Digitized by Google

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ

„ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ ОБОЗРѢНІЮ".

Кн. XXXII—LI.

(1897—1901 г.).

I.

Указатель именъ авторовъ*).

А., В. XLIII 110 (Замѣтка о двухъ случаяхъ вѣдовства и порчи въ XVII в.).
Аарне, А. XXXVI 114 (Обзоръ дѣятельности Финскаго Литературнаго Общества по изученію народной поэзіи финновъ), XXXVII 125 (Этюды въ области финскихъ сказокъ), XL—XLI 380.
Абазадзе, Н. Л. XXXVI 126 („Хапулоба" — обычай соучастія въ молокѣ у грузинскихъ крестьянокъ), XL—XLI 380.
Адельянъ, А. XXXV 152.
Аджарьянъ, Г. LI 161.
Айдынянъ, Арс. XXXVI 29.
Айкуни, С. LI 163.
Айліо, Ю. L 178, LI 190.
Акола, Ф. Э. XLVIII 193.
Александровъ, П. XXXV 191, XXXVI 158.
Алихановъ-Аварскій, М. XLIV 176.
Алленіусъ, О. XLIX 190.
Аллунанъ XXXIII 131.
Алценіусъ, О. L 178.
Альбовъ XLIV 173.
Ambrosétti, Т. А. XXXV 156, 158.
Andree R. XXXV 157.
Антуфьевъ, И. Я. XXXVIII 207, XL—XLI 384, 402 (Изъ поѣздки въ Томскую губ.), XLIV 182, 184, XLVII 163.
Анучинъ, Д. Н. XXXIV 164, 196, 198, XXXVI 164, XLIV 173.
Аппасовъ А, А. XLIV 182.
Аппельгренъ, Я. XLIX 187, L 177, 178, LI 191.
Арапчіевъ, Д. И. LI 185.
Аргировъ, С. XXXV 161, 163.
Аренскій, А. С. XXXVI 21.
Армфельтъ, Г. М. XLIX 189.
Архіевъ, Чаха. XLVIII 78.
Аспелинъ, І. Р. XLIX 187, L 178, LI 190.
Аусеклисъ, XXXIII 131.
Ахвердьянъ, Геворгу. XXXVI 27.
Achelis, Th. XXXV 155.
Ахутинъ, Н. И. XXXIII 93.
Ачаріанъ, Г. LI 163.
Аванасьевъ, А. Н. XXXIII 139 (переписка его), XXXVI 179 (рецена. на его кн. „Народныя русскія сказки", изд. 3-е).

*) Сюда внесены имена авторовъ не только тѣхъ статей и сочиненій, которыя напечатаны въ „Этнографическомъ Обозрѣніи", но и тѣхъ, которыя упоминаются въ рецензіяхъ и другихъ статьяхъ. Заглавія оригинальныхъ статей, помѣщенныхъ въ „Этнографическомъ Обозрѣніи", выписаны при именахъ авторовъ.

Digitized by Google

Б. XLIV 173.
Б., В. XLIV 172.
Б., Вл. XXXVIII 192, XXXIX 175, XLV 177 (Л. Н. Майковъ. Некрологъ).
Багинъ, С. XXXIII 59—93 (Свадебные обряды и обычаи вотяковъ Казанскаго уѣзда).
Базанова, Ю. И. XLII 188.
Балабановъ, М. Д. XXXV 162.
Балобанова, Е. XXXII 182 (реценз. на ея кн. „Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани“).
Balladoro, A. XXXII (реценз. на его кн. „Folk-lore-Veronese“).
Баловъ, А. В. XXXIII 93—104 (Экскурсы въ область народной пѣсни, II), 178 (автобіографія), XXXV 57—77 (Очерки Пошехонья, I), XXXIX 69—81. 88—92 (Очерки Пошехонья), XL — XLI 193 (Очерки гл. VI—VIII), XLII 166 (Экскурсы въ область русской народной пѣсни, III), LI 81—135 (Очерки Пошехонья).
Bancalari, G. XXXV 160.
Барановъ, Е. XLV 181.
Барвинокъ, Ганна XXXIII 178.
Бартеневъ, В. В. XXXII 182.
Басмаджьянъ, К. LI 161.
Батыръ - Гарей - Мухаметовъ Юлуевъ. XLII 175 (Башкирскіе батыри Кабанбай и Уязнбай.
Бахтадзе, И. Л. XLVI 115.
Бебберъ-ванъ, В. Г., проф. XLIV 173.
Бедринскій, С. XXXVI 159.
Безсоновъ, П. А. XXXVI 204 (некрологъ).
Берберьянъ, М. LI 161.
Бергманъ, XXXIII 131.
Берзинь, Л. А. XXXIII 130 (Собираніе и изученіе латышскихъ народныхъ пѣсенъ).
Бесѣдкинъ, П. Р. XL—XLI 193.
Bielenstein, Aug., Emil und Hans XXXII 189 (реценз. на ихъ кн. „Studien aus dem Gebiete d. lettischen Archeologie, Ethnographie u.. Mythologie“).
Bielenstein, Em XXXII 189.
Bielenstein, Hans. XXXII 189, XXXIII 134.
Бларамбергъ, П. И. XXXVII 65—84 (Русская народная пѣсня и ея вліяніе на музыку), XL—XLI 380.
Blumentritt XXXV 156.
Блюмъ, Б. Э. XLVIII 180.
Боасъ, Фр. I 176.
Богдановъ, А. П. XXXV 160.
Богдановъ, В. В. XXXIV 221, XL—XLI 380, XLIV 182, 184, XLVII 163, 165, LI 182.
Боголюбовъ, А. А. XLIX 173.
Богоразъ, В. Г. XLIV 173.
Богословскій, Б. А. LI 186.
Богоявленскій, С. К. XXXII 182.
Бодуэнъ-де Куртенэ, Я. LI 190.
Бореніусъ, А. XXXVI 118.
Борисевичъ, Кл. XL—XLI 225 (Черты нравовъ православныхъ осетинъ и ингушей Сѣвернаго Кавказа).
Борисовъ, Н. XXXV 131.
Бороднцъ, С. Г. XXXV 150.
Бородинъ, А. П. XXXVI 21.
Бородовскій, Л. И. XLIV 172.
Брайловскій. XXXIX 151.
Брандебургъ, Н. Е. XXXV 147.
Браунъ, Ѳ. А. XXXV 148.
Брейтигамъ, П. XLV 183.
Броневскій, Г. П. см. Городцовъ и Броневскій
Броссе, Марій L 140.
Бугге, С. L 154.
Будде Е. XXXII 164 (реценз. на его книгу „Къ исторіи Великорусскихъ говоровъ“).
Bugiel, XXXV 160.
Бужинскій, Гавріилъ XXXV 150.
Булгаковскій, Д. Г. LI 79.
Бурцевъ, А. Е. XXXV 141 (реценз. на его кн. „Сказки, разсказы и легенды крестьянъ сѣвернаго края“).
Буслаевъ, Ѳ. И. XXXIII 178, XXXV 99 (біографія).
Буличъ, Н. Н. XXXV 148.
Buchner, M. XXXV 157.
Buchwald, v. G. XXXV 156.
Бычковъ, А. Ѳ. XXXV 147 148.
Бѣлковскій, Гр. А. XXXV 161, 162.
Бѣляевъ, К. В. XLV 166.
Бѣляшевскій, Н. Ѳ. XXXIV 222, XXXV 147.
Bülow XXXV 156.
Бюттнеръ, XXXIII 131.
В., Н. В. LI 138.
Вагановъ, С. XLII 194.
Валлинъ, К. XLIX 190.
Vambéry, H. XXXV 156, 157, XLVI 141.
Вамбэри, Г. XLIX 128.
Ванцьянъ, Г. LI 161.
Варавва, М. П. XLIV 172.
Варбанскій, А. В. XLVII 53.
Вароненъ, М. XXXVI 123.
Вартазарянъ, Багратъ XLVII 163.
Варь, XXXIII 131.
Васильевъ, А. Т. XLII 61—99 (Казикумукцы. Этнографическіе очерки).
Васильевъ, В. XXXV 149.
Васильевъ, И. XXXII 181.

Digitized by Google

Васильевъ, М. К. XXXIII 120 (Къ вопросу о новыхъ мотивахъ въ малорусской народной поэзіи), XXXV 125, XXXVI 76—101 (Къ исторіи народнаго театра, II), 157, XL—XLI 335 (Двѣ украинскія легенды объ ангелѣ).
Васнецовъ. XXXVI 186.
Веберъ, Альбр. LI 196.
Вегеліусъ, М. XLVIII 194.
Вейденбаумъ. Е. Г. LI 159 (реценз. на его кн. „Кавказовѣдѣніе“, I).
Вейле. XLIV 132.
Венгеровъ, С. А. XXXV 150.
Венделль, Г. А. L 177.
Веневитиновъ, М. А. LI. 182.
Венелинъ, Ю. II. XLIII 37.
Венербергъ, Ѳ. XLVIII 194.
Веніаминовъ, II. L 151.
Вербицкая, А. XXXVII 90, 130, XXXVIII 103.
Верещагинъ, Г. XXXVI 185, XXXVIII 113 (О народныхъ средствахъ врачеванія въ связи съ повѣрьями), LI 78.
Vernéau, R. XXXV 153.
Вертеповъ, Г. А. XLVIII 86—98 (Матеріалы для этнографіи поморовъ Архангельской губ.).
Веселаго, Ѳ. Ѳ. XXXV 150.
Веселовскій, А. Н. XXXV 148, XXXVII 163, LI 190.
Веселовскій, Ю. LI 161.
Ветуховъ, XXXII 44.
Виктремъ, Э. L 173.
Wilser, L. XXXV 158.
Витковскій, LI 188.
Вихманъ, Г. XLVII 176, 177, L 176, LI 156, 158.
Влазневъ, В. К. XL—XLI 390.
Водовозова, Е. Н. LI 79.
Военскій, XXXII 182.
Войцицкій, К. В. XXXIII 147.
Волковъ, Ѳ. К. XXXVI 164.
Волошинская, XXXVII 100, XXXVIII 105.
Вольтеръ, Э. А. XXXIII 135.
Вормсъ, А. Э. XXXIII 156, XLIV 182, XLVII 163.
Върбанскій, Т. XXXV. 161.
Вышпольскій, В. XXXIII 165 (реценз. на его кн. „Медико-топографическіе очерки Иссыкъ-Кульскаго у. Семирѣченской обл.“).
Вяземскій, II. П. XLVI 126.
Г., Вл. XLVII 176, 177 (Финско-Угорское Общество), XLVIII 192, 193, XLIX 184, L 154, 170.
Габерландтъ, М. XLVI 141 (реценз. на его кн. „Народовѣдѣніе“).
Габбинъ, Н. XLVI 147.
Галлстенъ, О. XLVII 177.
Гамбашидзе, Д. XL—XLI 358.
Ганандеръ, К. XXXVI 117.
Ганушъ, Янъ XXXVI 30.
Gardes, XXXV 156.
Гарднеръ, Кл. М. XXXIII 104 („Сбирушки“ изъ Череповецкаго у. Новгородской губ.).
Гебларъ, К. XLIV. 132.
Goebeler, Е. XXXV 156.
Гединъ, Свенъ L 171, 173.
Гейеръ, И. И. XLVI 147.
Гейкель, А. XLVII 177.
Геккертъ, І. XLVII 177.
Геккеръ, Н. Л. XXXV 151, XLIV 173.
Гельвальдъ, Ф. LI 79.
Helmolt, H. F. XLIV 121.
Henning, Max. XLIX 170.
Генрихъ, епископъ XLIX 188.
Генрихъ Орлеанскій, принцъ L 170 (некрологъ).
Герасимовъ, М. К. XXXIX 126 (Изъ преданій и повѣрій Череповецкаго у. Новгородской губ.), XLVI 133 (Обычаи, обряды и повѣрья въ Череповецкомъ у. Новгородской губ.).
Гердеръ, XXXIII 130.
Германъ, А. М. XXXVIII 207, XL—XLI 384.
Германнъ, К. А. L 179.
Hoernes, M. XXXV 157, XXXIX 164 (реценз. на его кн. „Urgeschichte d. bildenden Kunst in Europa von d. Anfängen bis um 500 vor Chr).
Геровъ, Н. XXXV 149, 163.
Гёрцъ, Март. XXXV 147.
Gibb, E. I. W. LI 144 (реценз. на его кн. „A History of Ottoman Poetry“).
Гидулановъ, II. В. XLVIII 1—35 (Сословно-поземельный вопросъ и райятская зависимость въ Дагестанѣ, I), XLIX 50—93 (idem, гл. II), L 67—109 (гл. III), 183, LI 182.
Гильфердингъ, А. Ѳ. XXXV 89 (къ 25-ти-лѣтней годовщинѣ его смерти), 148.
Гиппель, XXXIII 130.
Гладковъ, Н. А. XL—XLI 196.
Глазуновъ, А. К. XXXVI 21.
Глинка, М. И. XXXVI 21.
Глингспоръ, XLVIII 194.
Глушковъ, И. Н. XLV 15—79 (Чердынскіе вогулы).
Goloziher, I. XXXV 158.

Digitized by Google

Головацкій, LI 79.
Голубовскій, П. В. XXXV 149.
Гондатти, Н. Л. XXXV 184.
Гордлевскій, Вл. LI 144, 153, 158.
Городцовъ, В. А. XXXV 145.
Городцовъ, В. А. и **Броневскій**, Г. П. XXXIV 185 (Обычаи во время эпидемій).
Горцилассо-де-ла-Вега, XL—XLI 324.
Готлундъ, К. XXXVI 117.
Готье, Ю. XXXV 112 („Вопи" Весьегонскаго у. Тверской губ.).
Grabowsky, F. XXXV 157.
Гранбергъ, Авг., XLIX 189.
Григорьевъ, А. Д. XLII 182, XLII 195, 196, XLIV 182, 184, XLVI 73, XLVII 163, 165, LI 139, 141, 182, 186.
Гринченко, Б. Д. XXXVI 168 (реценз. на его кн. „Этнографическіе матеріалы, собр. въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ").
Гринсенбергъ, XLIX 189.
Гродековъ, XXXIII 44.
Гроссе, Эрнстъ XXXIX 153 (реценз. на его кн. „Формы семьи и формы хозяйства"), XLIII 127 (реценз. на его кн. „Происхожденіе искусства").
Grothe, H. XXXV 158.
Гротенфельтъ, К. L 179.
Гротъ, Я. К. XXXV 147.
Грудницкій, В. Л. XXXVIII 157.
Грузинскій, А. Е. XXXIII 113 (Частушки Покровскаго у., Владимірской губ.), 139 (Къ исторіи этнографическихъ изученій), XXXV 131 (Къ исторіи собиранія русскихъ былинъ), XXXVI 179, XXXVIII 161 (Къ исторіи народнаго театра, IV), 168 (Духовные стихи записанные въ Минской губ.), XLIII 127, XLVI 113, L 164.
Грушецкій, Н. XLII 196 (реценз. на его кн. „Колдуны и вѣдьмы, домовые, лѣшіе, русалки, чары, наговоры; примѣты и повѣрья. Очерки народн. суевѣрій").
Гуланъ, Н. И. XLV 181.
Гульбатъ, XL — XLI 358 (реценз. на его кн. „Сборникъ грузинскихъ легендъ").
Гусевъ, Н. М. XL—XLI 380.
Гутъ, Г., д-ръ XXXV 150.
Гыжновъ, XXXIX 173.
Гюнсбургъ, М. Э. XLVI 141.
Д., П. XXXV 191.
Давидовъ, Ш. XXXV 152.
Davidsohn, C. XXXV 158.
Далгатъ, Б. К. XLVIII 35—86 (Страничка изъ сѣверо-кавказскаго богатырскаго эпоса).
Dall, XXXV 159.
d'Enjou, P, XXXV 154.
Даниловъ, В. А. XLVI 152.
Дахтадзе, И. Л. XLVII 164.
Дацовъ, С. Ж. XXXV 161,
Дебельнъ, XLVIII 194.
Де-Волланъ, LI 79.
d'Gennep, A. XLVI 163 (дополненіе къ библіографіи о башкирахъ).
Дежневъ, С. XLIV 173.
Дельвигъ, А. А. XXXII 179.
de Mathuisieux, LI 194.
Дембовецкій, А. С. LI 79.
Дементьевъ, Д. П. XLIII 94.
Демичъ, д-ръ XL—XLI 75.
Deniker, I. XXXV 153.
Деревицкій, А. LI 159.
Державинъ, Н. XXXVIII 37—63 (Очерки быта южно-русскихъ болгаръ, I), XXXIX 113 (Очерки, гл. II), XLVII 52 — 68 (У болгаръ въ Таврической губ.), L 139 (Къ столѣтнему юбилею присоединенія Грузіи къ Россіи).
Держ-инъ, Н. XLIX 165 (Русскіе буры).
Деруновъ, С. Я. XXXVI 149 (Матеріалы для народнаго спотолкователя Ярославской губ.), XXXIX 81 (Очерки Пошехонья).
Дестунисъ, Г. С. XXXV 147.
Джанашвили, XLV 180.
Джаншіевъ, Гр. А. XLVI 115, XLVII 164, LI 161.
Джейрановъ, Ѳ. И. XLV 169 (Нѣкоторыя данныя по вѣрованіямъ армянъ Елизаветпольской губ.).
Диваевъ, А. А. XXXV 191 (автобіографія), XLVI 147 (реценз. на его кн. „О свадебномъ ритуалѣ киргизовъ Сыръ-Дарьинской области").
Динаревъ, М. XXXV 132 (Народные толки 1897 г.), XL — XLI 19 — 54 (Замѣтки по исторіи народной ботаники), XLIV 162 (Толки народа въ 1899 г.).
Дилакторскій, П. А. XXXV 191 (автобіографія), XXXVIII 183 (Духовные стихи, записанные въ Вологодской губ.), XXXIX 133 (Святочныя шалости въ Нешельмской волости, Кадниковск. у. Вологодской губ.), XL—XLI 339 (Частушки или тарантушки, записанныя въ Двиницкой вол. Кадниковскаго у.), XLII 160 (Свадебные обычаи и пѣсни въ Тотемскомъ у. Вологодской губ.), 172 (Изъ преданій и легендъ Кадниковскаго у. Вологодской губ.).

Digitized by Google

Диляторскій, С. А. XXXV 191 (автобіографія).
Dittrich, Р. XXXV 158.
Дмитренко, И. XLII 194.
Дмитріевъ, XXXV 161.
Добровольскій, В. Н. XLVI 147 (Матеріалы для исторіи народнаго театра), XLVII 35—52 (Значеніе народнаго праздника „Свѣчи"), 163, XLIX 159—163 (Насѣкомыя и черви въ народной жизни), LI 135 (Суевѣрія относительно волковъ).
Добрянскій, А. И. L 170 (некрологъ).
Довнаръ-Запольскій, М. XXXII 82—143 (Очерки семейнаго обычнаго права крестьянъ Минской губ., гл. I—II), 158—164 (Сборникъ польскихъ пословицъ XVIII столѣтія), XXXIII 1—17 (Очерки семейнаго права, III), XXXIV 219, 220.
Доннеръ, О. XXXVI 119, XLVII 176, 177, XLIII 192, L 178, LI 155, 189.
Драгомановъ, М. (**Кузьмичевскій**, П.) XLVIII 182.
Дремковъ, XXXVI 183.
Дремцовъ, С. XXXVII 148.
Дриновъ, М. XXXV 162.
Дуброва, Я. П, XLIII 131 (реценз. на его кн. „Бытъ калмыковъ Ставропольской губ.").
Durkheim, Em. XXXVIII 197.
Дусапашвили, LI 160.
Doutté, Ed. LI 194.
Духовской, С. М. XXXV 185.
Дьячковъ-Тарасовъ, А. XLII 193, 194.
Дютшъ, Г. О. см. Истоминъ, Ѳ. М. и Дютшъ, Г. О.
Е., В. С. XXXV 151.
Е-ій, Пр. В. XLII 108 (Описаніе сельской свадьбы въ Сенгилеевскомъ у. Симбирской губ.).
Ернштедтъ, В. К. XXXV 149.
Esmein, LI 191.
Ждановъ, И. Н. L 180 (некрологъ).
Жираръ фонъ-Сукантока, Бар. XXXII 182.
Житецкій, П. И. L 145.
Житковъ, Б. XLIV 172.
Журавскій, В. А. XXXV 148.
Zaborowski, XXXV 135.
Зандерсъ, XXXIII 137.
Занетовъ, Г. XXXV 161.
Звайгзнитъ, XXXIII 131.
Звягинъ, К. С. XXXII 216.
Зелинскій, С. П. XL—XLI 380.
Zemmrich, XXXV 155.
Зензиновъ, М. А. XXXV 128.
Зерцаловъ, А. Н. XXXII 142.
Зиммель, XXXVIII 198.
Зичи, гр. (E. Zichy) XLVI 140, LI 157.
Златарскій, В. Н. XXXV 163.
Зографъ, П. Ю. XXXV 146, 160.
Zondervan, Н. XXXV 155.
Зотовъ, Р. М. XXXV 148.
Зубаревъ, Петръ, XXXVI 183.
И., А. XLV 163 (русскій Семикъ).
И., П. XXXIII 17—44 (Кое-что изъ народныхъ примѣтъ, касающихся погоды и урожая).
Ибрагимовъ. XXXIII 44.
Ивановскій, А. А. XXXIII 162, XLVIII 170.
Ивановъ, А. Б. XLIV 172.
Ивановъ, А. И. XLVII 68—119 (Вѣрованія крестьянъ Орловской губ.).
Ивановъ, В. В. XXXIV 191, 195.
Ивановъ, М. XXXV 161.
Ивановъ, П. XXXII 22 (Этнографическіе матеріалы, собранные въ Купянскомъ у. Харьковской губ.), XXXVI 169, XXXIX 141 (Кому и въ какихъ случаяхъ народъ молится?).
Иванъ-да-Марья (псевдонимъ) XXXV 152.
И—въ, XL—XLI 343 (Чувашскіе „юмзи").
Iguchi, XXXV 155.
Измаиловъ, А, Е. XLVII 140.
Изразцовъ, Н. XXXIV 67—95 (Обычное право („адатъ") Киргизовъ Семирѣченской обл.), XXXV 1—37 (Обычное право „адатъ" киргизовъ Семирѣченской обл.).
Иконниковъ, В. С. XXXV 148.
Иллюминарскій, Вс. В. XL—XLI 380.
Ильинскій, Я. XXXV 120 („Причеты" Пошехонскаго у. Ярославской губ.), XXXIX 84 (Очерки Пошехонья).
Имперели, Ант. М. XXXVIII 107.
Inama-Sternegg v. K. XXXV 160.
Ингманъ, С. XLIX 189.
Ипполитовъ-Ивановъ, М. М. XXXVI 18, 21.
Исакова, ж. врачъ XL—XLI 76.
Истоминъ, Ѳ. М. и **Дютшъ**, Г. О. XLII 182 (реценз. на ихъ кн. „Пѣсни русскаго народа").
Истоминъ, Ѳ. М. и **Ляпуновъ**, С. М. XLII 185 (реценз. на ихъ кн. „Пѣсни русскаго народа").
Истринъ, В. М. 219, XXXV 150.
Jeost, W. XXXV 156, 157.
Іохельсонъ, XLII 189 (реценз. на его кн. „По рѣкамъ Ясачной и Коркодону").

Digitized by Google

К. В. XXXIX 171.
К. Е. XLII 195 (реценз. на кн. „Заслуги грузинскаго монашества и монастырей для отечественной церкви и общества").
Казимирскій, XL—XLI 354.
Kaindl, R. T. XXXV 155, 157, 169.
Калининковъ, В. С. LI 183.
Каллась, О. LI 158, 190.
Каллашъ, В. XXXII 184, XXXIX 47—69 (Матеріалы для исторіи народнаго театра), XLIV 156 (Одна изъ ранних записей былинъ), XLV 161 (Этнологическія замѣтки), XLVII 137 (Мелкія этнографическія замѣтки), XLIX 166 (idem)
Kampfmeyer, G. XXXV 157.
Кананов, Д. Г. XXXVI 203.
Кандаковъ, Н. см. Толстой, И. и Кондаковъ, Н.
Каннисто, Артуръ XLVIII 193, LI 190.
Караевловъ. LI 79.
Караджичъ, LI 79.
Карлсонъ, П. XLIX 191.
Карѣевъ, А. Д. XXXII 185, XXXV 148.
Карповъ, Вл. XXXVIII 63—93 (Техническіе пріемы творчества въ великорусской народной лирической поэзіи въ связи съ поэтическими мотивами).
Karutz, R. XXXV 157.
Карьялайненъ, К. XLVII 176, L 173, LI 190.
Кастренъ, З. XLVII 177.
Кастренъ, М. А. XXXVI 121, XLIX 186, 187, LI 154.
Катановъ, Н. Ѳ. XXXII 183, XXXIII 164 (реценз. на его кн. „Преданія тобольскихъ татаръ о Кучумѣ и Ермакѣ), XXXIV 175, XXXVII 145 (реценз. на его кн. „Отчетъ о поѣздкѣ въ Минусинскій Окр"), LI 159.
Кауфманъ, А. А. XXXII 171 (реценз. на его кн. „Крестьянская община въ Сибири"). XXXV 150.
Кахва, К. Э. XLIX 188.
Кашежевъ. Талибъ, XLV 174 („Хапцегуаше"—общественное моленіе объ урожаѣ у кабардинцевъ).
Кашинъ, П. XLVI 137 (Пѣсня про кончину императора Александра II).
Кашкинъ, Н. Д. XXXIV 221.
Кащенко, Н. Ѳ. XLIV 172, XXXV 149.
Каяндеръ. магистръ L 175.
Каянусъ, Р. XXXVI 125.
Квигстадъ, І. L 178.
Кекконенъ, Я. L 178.
Kellen, XXXV 156.
Keller, C. XXXV 156, 157, 158.
Keller, G. XXXV 157.
Kern, H. XXXV 159.
Кингслей, Мери LI 193.
Кирпичниковъ, А. XXXVI 179.
Кирѣевскій, П. В. XL—XLI 155.
Киселевъ, А. В. XXXIV 195, 219, 222. XL—XLI 380, XLIII 73—81 (Нѣкоторыя данныя по обычному праву крестьянъ нашего сѣвера въ XVII в.
Киселевъ, С. И. XXXIV 222, XXXVIII 217, XL—XLI 383, XLIV 182.
Клеменцъ, Д. XXXV 147.
Клеповскій, Н. С. XXXIV 220, XXXV 152, XXXVI 2.
Клоддъ, Эд. (реценз. на его кн. „Первобытный человѣкъ").
Кнутъ, К. Г. XLVIII 194.
Ковалевскій, М. М. XLV 2, L 153.
Колеръ, проф. (Kohler, J.). XXXIII 156 (реценз. на его книгу „Право какъ элементъ культуры") XLIV 170 (реценз. на его кн. „Zur Urgeschichte der Ehe. Totemismus, Gruppenehe, Mutterrecht").
Колинки. (а?), Э. L 154.
Колланъ, К. В. XXXVI 125.
Collignon, R. XXXV 153.
Колчинъ, А. XLII 1—61 (Вѣрованія крестьянъ Тульской губ.).
Комаровъ, А. В. L 71.
Комаровъ, М. Н. LI 75.
Кондаковъ, Н. XXXIII 157.
Коншинъ, Н. XLIII 143.
Конъ, Ф. XXXV 150, XXXIX 172.
Конюсъ, Ю. Э. XXXIV 221.
Конюсъ, Р. Э. XXXIV 221.
Копытовскій, В. XXXVI 183.
Кордтъ, В. XXXV 149.
Корещенко, Арс. XXXIV 221, XXXVI 1—23 (Наблюденія надъ восточной музыкой, преимущественно кавказской), XL—XLI 380.
Кориковъ, Л. XLIV 175.
Короленко, П. XLII 194.
Косвинцевъ, Е. Н. XLIII 89 (Былины, записанныя въ Пермской губ.), 108.
Kossina, G. XXXV 156.
Костинъ, В. XXXVII 103.
Костоловскій, Ив. L 129 (Изъ народныхъ суевѣрій, примѣтъ и обычаевъ Еремѣйцевской вол., Рыбинскаго уѣзда), LI 137 (Родительскіе сухарики).
Костюрина, М. Н. XLIV 175.
Котляревскій, XLIV 173.
Котляревскій, И. П. L 143 (Къ столѣтнему юбилею его Энеиды).
Кр. А. XLIX 170.
Krahmer, XXXV 156.
Красновъ. А. П. LI 79.

Digitized by Google

Krause, G. A. XXXV 157.
Krauss, F. S. XXXV 158.
Крашенинниковъ, Н. XLVII 132 (Башкирскія саги).
Креберъ, А. Л. L 176.
Кристманъ, Ф. LI 79.
Кроль, М. XXXV 151.
Кронвальдъ, XXXIII 131.
Krohn,— см. Крунъ.
Кронъ, И. XXXVI 125.
Крунъ, К. XXXVI, 114, 122, 123, XLVII 177, L 174, LI 153, 156.
Крунъ, Юл. XXXVI 118, XLIX 185, LI 155.
Крутовскій, В. М. XLIV 175.
К—ръ, А. XLIV 173.
Крымскій, А. Е. XXXIV 220, XXXV 134, XXXVI 168, XL—XLI 354, XLVII 165, XLIX 169, L 143.
Крыньскій, Ад. XXXVI 37.
Крюковъ, М. А. XXXII 157.
Кторскій, П. XXXV 191.
Kusnezow, S. K. XXXV 159, 160, XLVI 145.
Кузьмичевскій. П. (Драгомановъ, М.) XLVIII 182.
Куклинъ, Мих. XLV 79—115 (Свадьба у великороссовъ).
Кулановскій, П. А. XXXV 148.
Кулаковъ, П. Е. XXXV 151, XLII 190 (реценз. на его кн. „Ольхонъ. Хозяйство и бытъ бурянъ.“).
Кулижновъ, М. XLV 183.
Куликовскій, Г. И. XXXIV 221, XXXV 147, XXXVI 181 (реценз. на его кн. „Изъ общинно-артельной жизни Олонецкаго края“), XXXVIII 207, XL—XLI 346 (Нѣсколько словъ къ „Словарю областного Олонецкаго нарѣчія“), 382, 383, XLIV 182, 184, XLVII 165, LI 38, 79.
Кулишъ, П. А. XXXIII 178.
Кульжинскій, С. К. XXXVI 205, XL—XLI 381, XLIV 134 (Игра въ лодыжки въ г. Курскѣ).
Кульманъ, В. XLVI 137.
Куникъ, А. А. XXXV 147, 150.
Cunow, H. XL—XLI 323.
Куртатицъ, XXXV 152.
Лавровъ, П. А. XXXV 162.
Лагербладъ, Э. XLVIII 194.
Лагусъ, Р. XXXVI 125.
Лагусъ, Э. XLVIII 194, L 178.
Лалаянъ, Е. XLIX 128, 136.
Ламанскій, В. И. XXXII 218.
Lamprecht, G. XXXV 158.
Лангъ, Э. LI 159.
Landor, H. S. XLIV 173.
Lapicque, L. XXXV 153.
Lapiques, XXXV 156.
Лапшинъ, С. И. XXXVIII 182 (Духовные стихи, записанные въ Московской губ.).
Лаудаевъ, XLVIII 78.
Laufer, B. XXXV 157.
Лебедевъ, В. А. XXXV 148.
Лебединскій, Т. А. XXXVIII 207, XL—XLI 384, XLIV 182, XLVII 163.
Loewe, R. XXXV 158.
Левинъ, XXXIX 172.
Лейво, Ф. О. XLIX 187.
Леманнъ, Д-ръ, XLVI 142 (реценз. на его кн. „Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности до нашихъ дней“).
Леммъ, XLV 180.
Ленквистъ, Е. XXXVI 123.
Ленибумъ, О. А. XLIX 190.
Ленинротъ, Е. XXXVI 117, 124, XLIX 190, L 173.
Леонтій, гольдъ, XXIV 219.
Леонтовичъ, Ѳ. И. XXXV 148.
Lerch, O. XXXV 157.
Lesieur, LI 193.
Линднеръ, Теодоръ, LI 196.
Линдфорсъ, Фил. XLVIII 194.
Линдъ, В. Н. XLVI 142.
Линева, Е. Э. (Паприцъ) XXXII 217, XXXIV 219, 220, 222.
Липпертъ, Ю. XXXIX 161 (реценз. на его кн. „Исторія семьи“).
Лобода, А. XXXII 179, XXXV 89 (Памяти А. Ѳ. Гильфердинга), XL—XLI 27.
Локоть, И. XXXVIII 103.
Лудмеръ, Я. XXXII 181.
Лундъ, Г. XLVII 176, XLVIII 193, LI 190.
Лупповъ, П. XXXIV 206, XLVI 146 (реценз. на его кн. „Народное образованіе среди вотяковъ, со времени первыхъ извѣстій о нихъ до 1840-хъ годовъ“).
Луценко, Е. И. XLIV 173.
Львовъ, И. Я. XXXIII 176, XXXV 142.
Львовъ, М. А. XXXII 178 (реценз. на его кн. „Русскія народныя пѣсни“).
Лэнротъ, см. Леннротъ.
Лѣсковъ, Н. XL—XLI 128.
Лыкошинъ, Н. XLVI 147.
Ляпуновъ, С. М. см. Истоминъ, О. М. и Ляпуновъ С. М.
Ляцкій, Е. А. XXXIV 220, XXXV 137, XXXVI 139 (Матеріалы для снотолкователя Минской губ.).

Digitized by Google

М. А. XLVI 147, 154, 161 (Новости иностранной этнографической литературы).
М. Б. XLIX 171.
М. Вс. XLVIII 169, XLIX 168, L 180.
Маевскій, Эр. XXXV 154.
Майковъ, В. И. XLV 178.
Майковъ, Л. Н. XLV 177 (некрологъ), XLVII 163.
Maciaud, Dr. XXXV 153.
Makowsky, A. XXXV 160.
Максимовъ, А. XXXIX 153, 161, XL—XLI 352, 354, 355, XLII 188, XLIII 1—36 (Къ вопросу о методахъ изученія исторіи семьи), 127, 145, XLIV 90—106 (Нѣсколько словъ о кувадѣ), 170, 174, 187 (Изъ Тверской губерніи), XLV 181, 182, XLVI 141, 142, 143, 145, 146, 147, 166 (Изъ Тверской губерніи), XLVII 163, XLVIII 171, XLIX 171 (рецензъ. на его кн. „Что сдѣлано по исторіи семьи"), 172, 173, L 149, 153.
Maier, T. XXXV 157.
Малинка, А. Н. XXXIII 120, XXXIV 95—135 (Малорусское весильле, I), XXXV 37—57 (Къ исторіи народнаго театра), XXXVI 159, XXXVII 84—103 (Малор. весильле), 128 (Иванъ Купала въ Черниговской губ.), XXXVIII 96 (Малорусскіе обряды, повѣрья и заплачки на похоронахъ), 107 (Новогреческія похоронн. причитанія), 100, XXXIX 93 (Малорусс. весильле, III—V), 150 (Объ Иванѣ Купало и заплачкахъ въ Малороссіи. Дополнительныя свѣдѣнія), XL—XLI 405 (Писанки и крашанки).
Малявинъ, XL—XLI 74.
Мангардтъ, В. XXXIII 139 (письма).
Мандельштаммъ, І. XLVII 177, LI 158.
Манжура, И. И. XXXVI 169, XLVI 114.
Маннгардтъ, В. XLVI 114.
Манцемій, XXXIII 130.
Маргаритовъ, В. XLV 181 (рецензъ. на его кн. „Камчатка и ея обитатели".
Марекъ, Н. С. LI 182.
Маріанъ, С. XXXII 191 (рецензъ. на его кн. „Румынскіе заговоры").
Марковъ, А. В. XXXIV 222, XXXVIII 207, XL—XLI 185, 191, 354 (Замѣтка о припѣвѣ „у-редеди да-редеди"), 359, 362, 380, 383, XLII 185, XLIII 89 (Былины записанныя Е. Н. Косвинцевымъ), XLIV 159 (Къ вопросу о прозвищѣ Ильи Муромца), 182, 184, XLVI 73—96 (Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ), 130 (Забытая старая запись одной былины и нач. стихотв. „Повѣсти о Ѳеодорѣ Тирянѣ"), 148, XLVII 163, LI 138 (рецензъ. на его сборн. „Бѣломорскія былины"), 182, 183, 186.
Мартьяновъ, Н. М. XXXV 189, LI 189.
Мартыновъ, П. XXXIX 143.
Маршаль, В. XLIV 172.
Масловъ, А. Л. XLVI 1—14 (Лирники Орловской губ. въ связи съ историчес. очеркомъ „малороссійской лиры"), XLVII 164, LI 182, 183, 186, 199 (Программа для собиранія народныхъ пѣсенъ и другихъ музыкально-этнограф. матеріаловъ).
Маслюковъ. Н. Д. XXXVIII 207, XL—XLI 384, 401 (О поѣздкѣ по волостямъ Томской губ.), XLIV 182, 184, XLVII 164.
Mason, XXXV 155.
Масюкевичъ, Л. Ф. XXXVIII 207, XL—XLI 384.
Matiegka, H. XXXV 160.
Machal, H. LI 79.
Мачинская, П. XXXVI 152 (Пѣсни мордвы-ёрзи).
Межаковъ, А. XLVI 126.
Meyer, Ed. LI 79. 197.
Meyer, H. XXXV 156.
Меликъ-Давидъ-Бегъ, XXXVI 31.
Мендельсонъ, Н. М. XXXII 1 (Къ повѣрьямъ о св. Касьянѣ), XXXIV 220, XXXV 128 (Къ исторіи собиранія русскихъ былинъ), XXXVIII 207, XXXIX 145 (Матеріалы для словаря условнаго языка), XL—XLI 380, 383, 385 (Изъ наблюденій въ Зарайскомъ у., Рязанской губ.), XLIV 182, XLV 166 (Сказка о Касьянѣ, записанная К. В. Бѣлиевымъ), XLVI 124 (Къ былинѣ о сорока каликахъ со каликою), LI 182.
Мерилейненъ, Х. XXXVI 123.
Миккола, І. XLVII 177, LI 156, 189.
Миклуха-Маклай, Н. XLIV 173.
Миллеръ, А. XXXV 134 (рецензъ. на его кн. „Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ"). См. Мюллеръ, А.
Миллеръ, В. В. XXXVIII 207, XL—XLI 384, 391 (въ Карачаѣ), XLII 194, XLIV 182, XLVII 165, LI 186.
Миллеръ, Всев. Ф. XXXII 164, XXXIV 219, 220, 221, XXXIX 38—47 (Матеріалы для былинныхъ сюжетовъ), XL—XLI 132—185 (Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ), 380, XLIV 173, 182, XLV 1—15 (Н. И. Харузинъ. Некрологъ), XLVI 96—113 (Памяти И. В. Шейна),

Digitized by Google

XLVII 163, 164, 166 (чествованіе XXXV лѣтія его учено-литературной дѣятельности), XLVIII 162 (Иранское выраженіе клятвы), LI 157, 182, 183, 185.
Миллеръ, Фр. XXXVII 148.
Миллеръ, Ѳ. Б. XLVI 100.
Милюковъ, П. XXXVII 132.
Minkevitch, G. XXXV 158.
Минкевичъ, И. XXXIII 166 (рецензъ. на его кн. „Обрѣзаніе у древнихъ колховъ и другихъ народовъ“).
Минхъ, А. Н. XLVIII 166 (Кликуши).
Михайловская, М. Е. XXXIII 176.
Михайловскій, В. Г. XXXIV 220.
Михайловскій, В. М. XXXIV 220, 221, XXXIX 171, XL—XLI 380, XLIV 182, XLVII 163, LI 182.
Михайловъ, Ѳ. А. XLIX 173.
Михельсонъ, М. И. XXXIX 193 (премія его имени), L 168.
Михѣевъ, М. Е. XLII 144 (Описаніе свадебныхъ обычаевъ и обрядовъ въ Бузулукскомъ у. Самарской губ.).
Мищенко, Ѳ. Г. XLIV 183.
М-нъ, Н. XXXIX 171, 174.
Mogess, XXXV 156.
Мошковъ, В. А. XLIII 117 (Вертепная драма въ с. Радче, Радинскаго у. Сѣдлецкой губ.), XLIV 1—90 (Гагаузы Бендерскаго у., I—IV), 183, XLVII 164, XLVIII 98—161 (Гагаузы. V), XLIX 1—50 (Гагаузы. VI—VII), LI 181 (Гагаузы, VIII—X), 183.
Мрочекъ-Дроздовскій, П. Н. XXXIV 198 (рецензъ. на его кн. „О древне-русской дружинѣ по былинамъ).
Мсеріанцъ, Лев. XXXVI 23—38 (Армянская діалектологія), XL—XLI 380.
Музыченко, А. XLIII 36—73 (Быть болгаръ - поселенцевъ Ѳеодосійскаго уѣзда, I).
Мустоненъ, О. Ф. XXXI 123.
Muth, Al. LI 196.
Мхитарьянцъ, А. LI 162.
Мѣдниковъ, П. А. XXXV 134.
Мюллеръ, А. XXXV 134 (рецензъ. на его кн. „Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ“).
Мюллеръ, Максъ XLVII 177.
Müller, Fr. H. XXXV 157, XXXVII 148 (рецензъ. на его кн. „Ueber den Ursprung der gruśinischen Schrift“), XLVI 163, LI 79.
N. XXXII 164.
N. XXXII 181, XXXIV 207.
Н. А. Н. XXXV 162.
Navarra, B. LI 196.
Надаровъ, Ив. XLIV 174.
Назаровъ, XXXIV 198.
Назарьянцъ, Л. І. L 109—129 (Свадебные обычаи, обряды и брачное право у новыхъ армянъ Шаруро-Дарала-гезскаго у., Эриванской губ.), LI 161.
Назарьянъ, Л. І. LI 182.
Нансенъ, Ф. XXXIV 198, XXXV 158.
Начовъ, Н. XXXV 161, 162.
Нейманъ, LI 195.
Не онъ (псевдонимъ) XXXV 152.
Неуступовъ, А. Д. XLVI 166, 169, (Изъ Вологодской губ. О чтеніи и книгахъ среди крестьянъ. Народные толки о китайской войнѣ), XLVIII 167 (Изъ преданій и легендъ Кадниковскаго у.).
Нефедовъ, Ф. XLIII 94 („Былина“ о Стенькѣ Разинѣ, разбойникѣ, богатырѣ и чародѣѣ), XLVII 165.
Nieboer, H. J. XLVIII 171 (рецензъ. на его кн. „Slavery as an industrial system. Ethnological researches“).
Niederle, L. XL—XLI 354.
Нидерле, Люб. XXXVI 164 (рецензъ. на его кн. „Человѣчество въ доисторическія времена“), XXXVII 132 (рецензъ. на его кн. „O původu slovanu. Studie k slovanskym starozitnostem“), XL—XLI 354 (рецензъ. на его кн. „Zur Frage über den Ursprung der Slaven“).
Niemele, I. XLIX 188.
Niemi, A. P. XLIX 184.
Н-ій, Д. XXXIII 163, 165, 166.
Никифоровскій, Н. Я. XXXIII 178 (автобіогр.), XXXIV 220, XXXV 21—67 („Очерки Витебской Бѣлоруссіи“), 137 (рецензъ. на его кн. „Простонародныя примѣты, повѣрья, суевѣрн. обр. легенды Витебской Бѣлоруссіи), XXXVI 133 (Матеріалы для народнаго снотолкователя Витебской Бѣлоруссіи), XXXVII 1—37 (Очерки Бѣлорусс.), XXXVIII 196 (Простонародныя загадки, собран. въ Витебской губ.), XL—XLI 1—19 (Очерки Бѣлорусс.).
Никольскій, Д. П. XXXIII 164, XXXIV 197, XLIII Прибавл. 1—26 (Библіографическій указатель литературы о башкирахъ), XLIV 173.
Никольскій. М. В. XXXIII 161.
Нинооновъ, В. XL—XLI 346.
Н-нцъ, Л. LI 161.
Новоселовъ, Ю. Д. XLVII 164.
Коневичъ, Н. А. XXXV 150.
Норденшёльдъ, А. Э. LI 190.
Нурдманъ, д-ръ. XLVIII 194.
Нюхолма, Мартн XLVIII 193.

Digitized by Google

О. И. XXXIV 198.
Оберлэндеръ, С. LI 79.
Обручевъ, XXXIV 197.
Овчинниковъ, М. XXXIV 148 (Изъ матеріаловъ по этнографіи якутовъ, I), XXXV 77—89 (idem, гл. II), XXXVI 101—114 (idem, III), XXXVII 120 (Замѣтки по народной медицинѣ).
Оглоблинъ, Н. XXXIV 205 (реценз. на его кн. „Къ мултанскому вопросу"), XXXV 149.
Ойансу, Г. XLVIII 193.
Окромчедѣловъ-Серебряковъ, И. Л. XXXVII 148.
Ольферьевъ, С. П. XXXVIII 207, XL—XLI 384, XLIV 183.
Опочининъ, П. XXXV 152.
Oppel, A. XXXV 157.
Oppel, A. XXXV 156, 158.
Орбеліани, С. С. XXXVI 126.
Остроумовъ, Н. XXXIII 44.
О-чевъ, XXXIII 44—59 (Женщина Туркестана по народнымъ пословицамъ и поговоркамъ).
Оянсуу, Г. XLVII 177.
П., И. XLVII 145 (Выбрасываніе стариковъ и старухъ).
Пласоненъ, Г. XLVII 177, L 173, LI 157, 191.
Палаузовъ, Н. Х. XXXV 162.
Палменъ, Э. Г. XLIX 189.
Пантюховъ, И. И. XLIX 172 (Ингуши).
Папазьянъ, В. М. XLIX 93—159 (Армянскіе бога), LI 161, 182.
Parkinson, R. XXXV 159.
Пärссиненъ, Х. LI 190.
Parcisse, G. XXXV 153.
Пасхаловъ, В. В. XXXIV 220, 222.
Паткановъ, С. К. XXXIV 197, 202, (реценз. на его кн. „Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie"), XXXVI 29.
Паулахарью, С. XLIX 190.
Пащенко, С. XLIV 173.
Педерсенъ, Г. L 154.
Передольскій, И. В. XLIV 172.
Перетцъ, В. Н. XXXIII 177 (О кукольномъ театрѣ), XXXVII 117 (Къ вопросу о времени возникновенія хлыстовщины), XLVII 147, 149 (реценз. на его кн. „Историко-литературн. изслѣдованія", т. I. ч. 1 и 2).
Piette, Ed. XXXV 152—153.
Петерсенъ, д-ръ XLVI 142.
Петри, Э. Ю. XLIII 124 (некрологъ), XLIV 173.
Петровъ, К. М. XXXIX 38.
Петрушевичъ, А. С. XLVIII 192, XLIX 183 (юбилей).
Пильсудскій, Б. XLIV 174.
Пирожникова, Кл. XXXVIII 99.
Pisko, J. E. XXXV 160.
Платеръ.—См. фонъ-Платеръ.
Плачковъ, И. XXXV 161.
Pleyte, C. M. XXXV 157, 158.
Подвысоцкій, Н. XLIV 172.
Позднѣевъ, Д. XXXVI 167, 168.
Покровскій, Ѳ. В. XXXII 182.
Полонъ, Э. XLVII 177.
Полторацкій, А. В. XXXIII 176.
Поляковъ, П. А, LI 158 (реценз. на его кн. „Снотолкователь, приписываемый мусульманами ветхозавѣт. патріарху Іосифу, сыну Іакова").
Пономаревъ, А. XL—XLI 346.
Пономаревъ, С. М. XXXV 142.
Попандопуло, И. XLII 194.
Поповянцъ, С. Е. XXXIII 164 (реценз. на его кн. „Медико-топографическій очеркъ Ольтинскаго округа Карсской области").
Поповъ, В. А. XXXVI 184.
Поповъ, И. И. XXXIX 171.
Поповъ, С. XXXVI 184.
Поппіусъ, магистръ. L 175.
Портанъ, Г. XXXVI 117, 123, XLVIII 194.
Постъ, А. Г. L. 153 (реценз. на его кн. „Зачатки государственныхъ и правовыхъ отношеній").
Потанинъ, Г. Н. XLII 188 (реценз. на его кн. „Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ"), XLVI 14—66 (Отголоски сказки объ Еруланѣ), XLVII 1—35 (idem, оконч.).
Потебня, А. А. XXXV 150.
Потуловъ, А. Д. XLIV 173.
Прачъ, Иванъ. XXXII 178.
Preuss, XXXV 158.
Припузовъ, Н. П. XXXVI 203 (автобіогр.), XXXVII 37 (Юридич. обычаи якутовъ), 120 (Замѣтки по народной медицинѣ), XLIV 186 (изъ Якутскаго округа).
Прозоровскій, XXXV 147.
Прокунинъ, В. П. XXXIV 221, XL—XLI 382.
Пузыревъ. Н. XXXV 125.
Przyborski, XXXV 156.
Пушкинъ, А. С. XL—XLI 132 (какъ поэтъ-этнографъ), XLIV 182, XLVI 114.
Пѣтуховъ, Е. В. XXXV 150.
Пясецкій, П. Я. LI 79.

Digitized by Google

Р. Г. XLII 195 (реценз. на его кн. „Разсказы о Польшѣ и о полякахъ“).
Radde, G. XXXV 156.
Радловъ, В. LI 183.
Радченко, Зинаида LI 79.
Rhamm, XXXV 155.
Рамстедтъ, Г. І. XLVII 176. XLVIII 192, L 175, LI 190.
Рачки, Фр., д-ръ XXXV 161.
Reinach, S. XXXV 153. 154.
Ремезовъ, Н. В. XLVI 163.
Ренвалля, Г. XLIX 186.
Ре—ро, XXXV 152.
Ripley, W. Z. XXXV 151.
Rich, Ant. LI 79.
Ровинскій, Д. А. XXXV 147, 148.
Романовъ, Е. Р. XXXIII 152.
Росляковъ. И. П. XXXII 182.
Roth, Ling XXXV 158.
Рубинштейнъ, А. Г. XXXVI 21.
Рудбэкъ, Е. XXXVI 121.
Рунебергъ, Л. У. XLVIII 194.
Рутстенъ, Ф. В. XLIX 184, L 174.
Рыбаковъ, С. XXXIII 162, 163 (реценз. на его ст. „О поэтическомъ творчествѣ уральскихъ мусульманъ“ и „Курай, башкирскій музыкальный инструментъ“), XXXVII 82, XLII 181.
Рыбинскій, В. С. XXXII 179 (реценз. на его кн. „Баронъ А. А. Дельвигъ. Его жизнь и литературная дѣятельность“).
Рыбникова, А. А. XXXV 150.
Рѣдько, А. XL—XLI 54 (Нечистая сила въ судьбахъ женщины-матери).
Рюттимейеръ, Л. XXXV 147.
С., Д. XXXV 142, XXXVI 182, 183, XXXVII 146, XXXIX 181, XL—XLI 357.
Сабашниковъ, Е. XLIII 127.
Саббатаевъ, С. С. XXXVIII 207, XL—XLI 384, XLIV 183, XLVI 66—73 (Судъ аксакаловъ и судъ перешейскій у Киргизовъ Кустанайскаго у. Тургайской области).
Сабининъ, протоіерей XXXIII 150.
Савваитовъ, П. XXXIV 207 (реценз. на его кн. „Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія и проч.“). XXXV 148.
Сагаридзе XLV 181.
Саксенъ, Р. XLIX 188, L 178.
Samter, H. XXXV 157.
Сандбергъ, Г. Р. XLVIII 193.
Сандманъ, Фил. XLVIII 194.
Sapper, C. XXXV 158.
Сарафановъ, М. К. XXXV 161.
Саргсянцъ, С. XXXVI 30.
Sartori, P. XXXV 156.
Свенъ-Гединъ, XLIV 173.
Sebillot, P. XLIII 154.
Седерварфъ, Б. XLIX 187.
Seelman, E. XXXV 156.
Seidel, A. XXXV 156.
Seidel, H. XXXV 157, 158.
Seler, E. XXXV 157.
Семеновъ, А. А. XXXVIII 207, XL—XLI 380, 383, XLII 99—108 (Отношеніе къ дѣтямъ у горныхъ таджиковъ) XLIII 81—89 (Изъ области религіозныхъ вѣрованій горныхъ таджиковъ), XLIV 183, 184.
Семеновъ, В. П. XLIV 172.
Семеновъ, П. П. LI 190.
Сергѣй Александровичъ, Е. И. Выс. В. Кн. (премія его имени) XXXIV 220, XLIV 183, 185, XLVII 164, LI 183.
Сетэлэ, Э. (Setälä, E. N.) XLVII 177, XLVIII 193, XLIX 186, LI 153, 156.
Сибеліусъ, І. XLVIII 194.
Сибиряковъ, А. М. XLVI 170 (медаль его имени).
Сибиряковъ, Н. М. XLIX 168.
Сивори, А. XXXVI 125.
Сизовъ, В. И. XXXII 182, XXXV 145.
Силантьевъ, А. А. XLIV 172.
Сильницкій, А. П. XXXV 185.
Симони, П. К. XXXIII 152, XXXVIII 206, XLVI 148 (реценз. на его кн. „Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій“).
Синицкій, Л. Д. XLIV 173.
Сиреліусъ, І. Т. XLVIII 193.
Сиреліусъ, О. Т. LI 190.
Сиреліусъ, У. XLVII 176, LI 157.
Скадовскій, Г. Л. XXXV 147.
Скалозубовъ, Н. Л. XXXII 2.
Скалозубовъ, П. Л. XLIV 175.
Скаржинская, Е. Н. XXXVI 205, XL—XLI 408, XLIV 185.
Skarzynska, K. XXXV 160.
Слободской, М. А. XL—XLI 380.
Слюнинъ, д-ръ. XXXIV 196.
Смирновъ, В. Д. LI 144.
Смирновъ, И. Н. XXXV 145, 146, 149.
Смирновъ, Н. А. XXXIII 93, XXXV 142 (реценз. на его кн. „Русскія народныя пѣсни новѣйшаго времени“).
Смоленскій, С. В. XXXIV 221.
Собіевъ, И. Т. XLVII 164.
Собко, Н. П. XXXV 149.
Соболевскій, А. XXXII 178, XXXV

Digitized by Google

141, XXXVIII 189, XXXIX 147 (Не русскіе, а Славаки.), 169.
Соболевъ, XXXIV 198.
Соколовъ, М. Е. XL—XLI 359 (реценз. на его книгу „Великорусскія свадебныя пѣсни и причитанія“, 362 реценз. на его книгу „Былины историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни Саратовской губ.“).
Соколовъ, Н. Н. LI 187.
Солодовниковъ, А Д. XLVII 164.
Sommler, Steph. XLVI 163.
Сорокинъ, XXXVI 86.
Сорокинъ, Е. XLIV 155 („Ангелъ и врагъ“—дѣтская игра).
Сперанскій, М. Н. XXXIV 220. L 1—67 (Духовные стихи изъ Курской губ.))
Сяргисъ, И. Я. XXXIII 131, XXXV 149.
Срезневскій, И. И. XXXV 147.
Stevens, H. V. XXXV 156.
Steinmetz, R. S. XXXV 160.
Стенвикъ, Г. XLVIII 193.
Стендеръ старшій. XXXIII 130.
Stenin, XXXV 157.
Стенхольмъ, К. LI 190.
Стешенко, И. L 143 (реценз. на его кн. „Поэзія И. П. Котляревскаго“).
Стоиловъ, А. П. XXXV 161.
Стояновъ, В. Д. XXXV 161.
Сумцовъ, Н. Ѳ. XXXVII 141 (реценз. на его кн. „Утилитарная этнографія“), XLVIII 179.
Sundbärg, Gust. L 144 (реценз. на его кн. „Sveriges land och folk.“).
Сундманъ, Ф. XLIX 191.
Суреньянцъ, В. LI 161.
Суховъ, П. М. XXXVI 156.
С—швили, Ал. XXXVII 150.
Сысоевъ, В. XLII 193, 194.
Тавастшерна, А L 178.
Таліевъ, В. XLIV 172.
Тально-Грынцевичъ, д-ръ XL—XLI 77.
Tamai, Kisak XXXV 157, 158.
Танѣевъ, С. Н. XXXIV 221.
Тападиби, С. XXXIII 161.
Тарутинъ, А. А. XXXIII 176.
Тезавровскій, П. С. LI 182, 187.
Теймуръ-Бекъ-Байрамъ-Алибековъ XLV 181.
Тенишевъ, В. Н. XXXVIII 207.
Теодоровъ, А. XXXV 161.
Тепловъ, Н. В. L 153.
Tetzner, F. XXXV 158.
Тимирязевъ, В. А. XLVI 152.
Тилло, А. А. XLIV 173.
Толстенко, XXXVII 84.
Толстой, И. и Кондаковъ, Н. XXXIII 157 (реценз. на ихъ кн. „Русскія древности въ памятникахъ искусства“ Вып. V.).
Thomas, N. W. XLVI 164 (Вопросы и отвѣты. Суевѣрія относительно животныхъ. L 167.
Томсенъ, В. L 154.
Томсонъ, А. И. XXXVI 31.
Топеліусъ, З. XXXVI 117.
Торпъ, А. L 154.
Tautain, Dr. XXXV 153, 154.
Трейландъ, Ѳ. Я. XXXIII 132.
Труновъ, А. Н. XLV 169.
Туокко, М. L 178.
Тучманъ, М. I. LI 46.
Тхоржевскій, Ив. XXXV 152.
У. Д. XXXII 152 (Этнографическія коллекціи на Всероссійской Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ Новгородѣ), XXXIV 196, XXXVI 184, XXXVII 146.
Уварова, П. С. XXXII 181, XXXIII 161, XXXV 144, XLVIII 169.
Ujfalvy de Mezo Kovesd (de), С. Е. XLVI 163.
Уллбергъ, У. L 178.
Ульманъ, младшій XXXIII 134.
Ульяновъ, Б. К. XXXV 148.
Уляновская, XXXIII 135.
Ундольскій, В. М. XXXV 162.
Усовъ, Н. С. XXXIX 145.
Успенскій, Г. XXXV 142.
Успенскій, Д. И. XXXVIII 178 (Духовные стихи, записанные въ Тульской губ.).
Успенскій, М. И. XLIII 108 (Обычай славить дѣтей накануне новаго года).
Уста-Генчовъ, XXXV 162.
Ушаковъ, Д. Н. XXXIV 220.
Фагерстенъ, Г. XLVIII 194.
Фальтинъ, Р. XXXVI 125.
Ф-въ, В. А. XXXIV 189 (Молитва отъ змія).
Federowsky, Mich. XLIII 137 (реценз. на его кн. „Lud Białoruski na Rusi Litewskiej, I“).
Фейфаликъ, Ю. XXXIII 139 (письма).
Förstemann, E. XXXV 157.
Figura, Fr. 158.
Филатовъ, К. XXXIX 169 (реценз. на его кн. „Очеркъ народныхъ говоровъ Воронежской губ.“).
Филимоновъ, Г. XLVIII 171.
Филимоновъ, К. Ф. XXXV 150.
Филипповъ, Т. П. XLVII 163.
Finsch, O. XXXV 157.
Фирландтъ (Vierkandt, A.) XXXV 156, 157, 158, XXXVIII 187 (реценз. на его

Digitized by Google

кн. Die Entstehungsgründe neuer Sitten").
Fischer, L. H. XXXV 159.
Флоринскій, Т. XXXV 163, XLVI 154 (реценз. на его кн. „Малорусскій языкъ и „украинско-руський" литературный сепаратизмъ").
Флоріусъ, Х. XXXVI 124.
фонъ-Геринъ, Вл. XLIII 143.
фонъ-Кейслеръ, Ф. А. XXXV 149.
фонъ-Леммъ, О. XXXV 147.
фонъ-Ленденфельдъ, LI 189.
фонъ-Лихтенштейнъ, L 154.
фонъ-Платеръ, Целина. XXXIII 132.
Foret, LI 193.
Форсманъ, Я. XLIX 184, L 177.
Фортунамовъ, Ф. Ѳ. XXXV 147.
Франке, Г. XLVII 177.
Франссила, К. А. LI 157.
Фрейденталь, А. О. L 177.
Frobenius, L. XXXV 159.
Фростерусъ, проф. XLIX 191.
Х. В. XLVI 152.
Х. Н. XXXII 171, 173, 183, 189, XXXIII 156, 157, XXXIV 202, 205, XXXV 144, XXXVI 164,—167, 181, XXXVII 141, 145, XXXVIII 187, 197, XXXIX 164, 167, XLII 189, 190, 192, 193, XLIII 131, 140, 143, 174.
Hagen, K. XXXV 159.
Хаггренъ, М. LI 190.
Халатовъ, Б. М. XXXIII 207, XL—XLI 380, 383.
Халатьянцъ, Б. XL—XLI 333, (Поѣздка въ Абаранъ), XLIII 112 (О свадебныхъ обычаяхъ у армянъ Эриванской губ.), XLV 115 (Иранскіе богатыри въ средѣ армянскаго народа).
Халатьянцъ, Г. А. XXXVIII 208, XLIV 173, LI 162.
Halbfass XXXV 158.
Hamy, E. T. XXXV 153, LI 196.
Ханазадьянъ, Р. LI 161.
Hahn, C. XXXV 156, 157.
Хангаловъ, М. XXXVI 38 — 76 (Свадебные обряды, обычаи, повѣрья бурятъ Балаганскаго округа).
Ханнусъ, О. XLVIII 194.
Ханнуненъ, П. Г. XLIX 189.
Hansen, R. XXXV 156, 157.
Харузина, В. XXXIX 140 (Кому и въ какихъ случаяхъ народъ молится?), 171 (реценз. на ея кн. „Сказки русскихъ инородцевъ"), XLIV 172.
Харузинъ, А. Н. XXXII 181, XXXV 148, XLV 9.
Харузинъ, Н. Н. XXXII 143—152 (Къ вопросу о борьбѣ Московскаго правительства съ народными обрядами и суевѣріями въ половинѣ XVII вѣка), 181, XXXIV 220, XXXVII 37, XXXVIII 1 — 37 (Медвѣжья присяга и тотемическія основы культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ, I), XXXIX 1 — 38 (idem, гл. II), XL — XLI 323 (Изъ западноевропейской этнографической литературы), 381, XLIII 124 (Э. Ю. Петри), 127, 145 (реценз. на его кн. „Очерки первобытнаго права, I), XLIV 121 (Изъ западно-европейской этнографической литературы), XLV 1 (некрологъ), XLVII 163, 164.
Хатисьянъ, Г. LI 161.
Хахановъ, А. С. XXXV 18, 152, XXXVII 148, 150 XXXVIII 207, XXXIX 136 (Изъ грузинскихъ легендъ), XL—XLI 358, XL — XLI 375 (Кавказская библіографія), 383, XLII 195, XLIII 115 (Грузинскія легенды о Соломонѣ Мудромъ), XLIV 176, 183, 185, XLV 181, 184 (Кавказская библіографія), XLVI 115 (Памяти Г. А. Джанціева и И. Л. Бахтадзе), 140, XLVII 157 (Кавказская библіографія), 164, 165, XLVIII 161, XLIX 167 (Значеніе цвѣтовъ по древней грузинской повѣсти), L 140, LI 159, 187.
Хах-овъ, А. XXXIII 161, XXXV 152, XXXVI 168.
Хейнель, А. О. XLVIII 194, L 176, 177, 179.
Хейхе, I. (Häyhä) XLIX 189, L 173.
Хелльсетъ, Альма (Kjeldseth) L 176.
Helmolt, H. F. XLIV 121.
Хеннингъ (Max. Henning), XLIX 170.
Herman, O. XXXV 160.
Ховенъ, XXXII 182.
Hoops, I. XXXV 158.
Horák, W. XXXV 155.
Хордъ, Г. Э. XLVIII 193.
Hough, W. XXXV 160.
Hoffman, XXXV 155.
Hoffman, I. XXXV 157.
Hoffmann-Krayer, LI 197.
Хуртъ, І., д-ръ L 178.
Цагарели, А. L 142.
Szemle, Keleti XLVI 140 (реценз. на „Revue orientale pour les etudes ouralo-altaiques").
Цимзе, XXXIII 133.
Zimmermann, XXXV 158.
Ciszewski, Stan XXXIX 167 (реценз. на его кн. „Künstliche Verwandtschaft bei d. Südslaven").

Digitized by Google

Цоневъ, Б. XXXV 161.
Чарышъ, Петръ. XXXII 158.
Чеканинъ, Ѳ. О. XXXV 145.
Черепнинъ, А. И. XL—XLI 390.
Чернышевъ, В. И. XXXIX 145.
Чистяковъ, С. И. XXXVIII 207, XL—XLI 384, 398 (Лѣтомъ 1898 г. въ Томской и Енисейской губ.). XLIV 183, 185, XLVII 164. LI 182.
Чубиновъ, Д. І. XXXVI 126.
Чупятовъ, В. А. XLV 178.
Schadel, M. C. XXXV 159.
Шапкаревъ, К. А. XXXV 161. LI 179.
Шарко, А. XLVII 119—132 (Малороссійское жилище).
Шаровъ, С. XXXV 127.
Шатберовъ, М. XLV 181.
Шатерниновъ, Н. XXXIX 161.
Schaubert, XXXV 155.
Шахматовъ, А. А XXXV 147, 148, 149, 150.
Шахъ-Азисъ, Е. LI 161.
Швецова, М. XLII 192, XLIII 142, XLV 182.
Швецовъ, С. XLIII 142.
Швиндтъ, Ѳ. L 173.
Ш—въ, П. XLIV 172.
Шейнъ, П. В. XXXIII 140, XXXV 148, 149, XXXVIII 152 („Желитьба Комина" и „Женитьба свѣчи"), 189 (реценз. на его кн. „Великоруесъ въ своихъ обрядахъ, вѣрованіяхъ", т. I), XLVI 96, 113, 115, 169 (медаль его имени), XLVII 163, L 164 (освященіе памятника на его могилѣ), LI 183.
Шернешанцъ, Ф. XLIX 191.
Шестинъ, С. Н. XLIV 174.
Шиловъ, П. А. XXXIII 178 (автобіографія).
Шимкевичъ, П. П. XXXII 156, XXXIV 1—21 (Нѣкоторые моменты изъ жизни гольдовъ и связанныя съ жизнью суевѣрія), 135 (Обычаи, повѣрія и преданія гольдовъ), 220, 221.
V. Schimmelpfennig, LI 193.
Шингаревъ, А. XLIV 154 (Дѣтская игра „Кострома").
Shinomura, XXXV 157.
Schlegel, G. XXXV 159.
Schmeir, XXXV 159.
Шмурло, Е. XLII 197, XLIII 141.
Chauvin, V. XLIX 169 (реценз. на его кн. „Bibliographie des ouvrages arabes ou relatifs aux Arabes").
Штакельбергъ, бар. XXXII 182.
Strack, Herm. L. XLVI 143 (реценз. на его кн. „Das Blut im Glauben und Aberglauben d. Menschheit, mit besonderer Berücksichtigung d. Volksmedicin und des jüdischen Blutritus").
Штейнгель, Ѳ. Р., бар. XXXII 177.
Штейнфельдъ, XXXVI 185.
Schulenburg, v. W. XXXV 160.
Schultheiss, F. G. XXXV 156, 158.
Schultze, Fritz. L 149 (реценз. на его кн. „Psychologie der Naturvölker.").
Shurz, H. XXXV 160.
Шухардтъ, Гуго XLV 181.
Шюбергсонъ, М. Г. XLIX 191.
Щ., В. XL—XLI 266 (Пища и питье крестьянъ-малороссовъ).
Щепкинъ, В. XXXV 99 (Ѳ. И. Буслаевъ), 150.
Щербина, Ѳ. А. XXXV 149, XLVII 144.
Эйнз, Фр. XLVII 176, LI 190.
Эйманъ, Э. А. XLVII 177, XLVIII 193.
Эленіусъ, О. XLIX 190.
Эминъ, Н. О. XXXVIII 208.
Энгельгардтъ, А. П. XXXIX 175 (реценз. на его кн. „Русскій Сѣверъ")
Эрлангеръ, баронъ, LI 195.
Эуропеусъ, Д. XXXVI 117.
Юденъ, И. XXXVI 124.
Юрьянъ, XXXIII 135.
Youferow (de), W. XLVI 163.
Юшинъ, П. XLVIII 164 (Вѣрованія русскаго народа въ Ливенскомъ у. Орловской губ.).
Юшкевичъ, бр. XXXV 147.
Юшкевичъ, В. И. XXXV 150.
Я., Н. XXXIII 152 (Матеріалы для словаря условнаго языка), XXXIX 143 (idem).
Yagl, S. XXXV 157.
Ягичъ, И. В. XXXV 147, 148.
Якобій, А. И. XLIV 175.
Iacobowski, L. XXXV 157.
Яковлевъ, свящ XLVI 145.
Яковлевъ, Я. К. XLVI 152 (реценз. на его „Этнографическій обзоръ инородческаго населенія долины южнаго Енисея").
Якубовская, А. К. XLIV 141.
Якушкинъ, Е. И. XLVI 145 (реценз. на его кн. „Обычное право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для библіографіи обычнаго права").
Яцимулъ, И. И. XXXII 173 (реценз. на его кн. „Отпускная торговля и нѣкоторыя мѣры для ея развитія. Торговые музеи, экспортные союзы и склады товарныхъ образцовъ".

Digitized by Google

Янко, Я. LI 157.
Янчукъ, Н. А. XXXIV 221, XL—XLI 382, 383, XLIV 183, 185, XLVII 163, 164. LI 182.
Ярковъ, В. П. XXXVI 204 (автобіографія).
Ястремскій, С. В. XLIX 168 (реценз. на его кн. „Грамматика якутскаго языка").
Яхонтовъ, С. Д. XXXIX 181.
Яцимирскій, А. XXXII 191.
Ящуржинскій, Хр. XXXVIII 93. (Остатки язычества въ погребальныхъ обрядахъ Малороссіи).

II.

Указатель предметный.

Абай-Гэсэръ-Богдо-Ханъ. XXXVI 40.
Абаранъ. XL—XLI 333.
Абиссинія. XXXII 216 (Абиссинская выставка въ Москвѣ, 1897 г.), XXXV 156, XL—XLI 64.
Або-Бьернборгская губ. L 177.
Авель. XLII 59. LI 94.
Ави-Сули. XL—XLI 63, 80.
Автобіографіи этнографовъ. XXXIV 221. XXXV 191, XXXVI 203, XL—XLI 382.
Австралія. XXXV 157.
Агаряне. XLV 23.
Агафія (имя). XXXII 74.
Агнатическій союзъ родственниковъ. XLVIII 8.
Агница, псальма XXXVIII 176.
Аграфена—см. Огропела.
Аграфена Купальница (23 іюня) LI 127.
Агрипина (имя) XXXII 74.
Адамъ XLII 58.
Аджеха, бурханъ. XXXIV 19.
Аджина—см. Джины XLIII 85.
Адольфъ, сынъ царя Максимиліана. XXXVI 83, XXXVII 102, XXXVIII 161.
Адоу или Адоуква, великанъ. LI 77.
Адъ. XLII 58.
Адыге. XLV 181.
Азія. XLIV 172.
Азія центральная XXXIV 197, XXXV 158, XLIV 173.
Ай-дангъ-Ко, царевна. XLVI 55.
Айны. XXXV 160, XXXVIII 7, 31.
Айсоры. XL—XLI 76.
Аистъ. XXXVI 148 (во снѣ), XXXIX 121, LI 62.
Ай-Темусъ XLVI 50.
Айчваросъ, духъ. LI 34.
Акилина (имя). XXXII 74.
Акиръ Премудрый XLIV 182.
Акмолинская обл. XXXII 156, XXXVIII 207, XLV 183.
Акъ-ханъ. XLVI 47.
Алагезъ, г. XL—XLI 233.
Аландскіе острова. L 178.
Албоста, злой духъ роженицъ XL—XLI 61.
Александра (имя) XXXII 75.
Александръ (имя) XXXII 66.
Александръ II, Императоръ. XLVI 137 (пѣсни о кончинѣ императора Александра II-го), L 34 (idem), 64—65 (Духовный стихъ „Александръ II").
Александръ III, императоръ. XLVII 142 (пѣсни о немъ).
Алексѣй (имя). XXXII 66.
Алексѣй, человѣкъ Божій. XXXVIII 169, 183 (духовн. стихъ), L 45, LI 126.
Алеша Поповичъ. XL—XLI 31. 169.
Алжиръ. LI 195.
Алигаторъ XXXIX 27.
„Алки"—женщины чертовки XL—XLI 60.
Алота, трава LI 121.
Алтай. XXXIII 175 (пѣсни), XLII 192, XLIII 142, XLIV 172, 198, XLV 182 („Поляки" старовѣры).
Аляска. XXXV 159.
Амазонка. XL—XLI 37.
Амбансо, бурханъ. XXXIV 4.
Амброзій, пастухъ XLIII 117.
Америка XXXV 155, 159, XLIV 122, 132.
Амулеты. XLIII 154, XLVI 166, LI 120.
Амурская обл. XXXIV 219, XXXV, 149 (Тыръ, скала).

Digitized by Google

Амуръ, р. XXXIV 220.
Анадырскій край XXXV 184.
Анастасія (имя) XXXII 75.
Анастасія Узоразрѣшительница, въ Страстномъ монастырѣ. XXXIX 141.
Ангелъ XXXVI 141 (во снѣ), 149 (id.), 173. XL—XLI 335 (въ легендахъ), XLIII 82. LI 90.
„Ангелъ и врагъ", дѣтская игра XLIV 155.
Англія XLV 14.
Андрей, св. XXXII 66, LI 130.
Андріанъ (имя) XXXII 66, LI 102.
Анекдоты XXXVI 123 (финскіе), XLVI 114, XLVIII 179 (о глупцахъ).
Анна-воинъ XXXVI 81, 83, XXXVII 102, XXXVIII 161, L 181.
Аниеья (имя) XXXII 74.
Анна (имя) XXXII 75.
Анопрій св. XXXVIII 171 (духовн. стихъ).
Антипа, муч. XXXIX 142.
Антихристъ LI 192.
Антоній (имя) XXXII 67.
Антоновъ огонь, лѣченіе XXXVIII 139.
Антонъ, каштонъ XXXII 201 (въ проклятіяхъ и заговорахъ).
Антропогеографія XLIV 173.
Антропологія XXXV 146 (Мещеряковъ). 153, 158, XLIII 124 (Э. Ю. Петри), XLIX 116 (цыганъ) 172 (Ингушей). LI 159, 188.
Антропофагія—см Людоѣдство.
Анъ-Долманъ, чудовище. XLVII 12.
Апокрифы XXXV 150, XLVII 163.
Апраксія XLVI 129.
Апрѣль XXXIII 41 (въ примѣтахъ). LI 126 (1-е апрѣля, обманы).
Арабы XL—XLI 356, XLVIII 4, 12, XLIX 169 (библіографія).
Аравія. XLV 14.
Аразелъ. XXXV 152.
Арапъ въ пьес. Народн. театра. XXXVI 82.
Араратъ, трава XXXVIII 118, LI 98.
Арбузы. XLIV 172.
Аркадъ-царевичъ. XLVII 30.
Армури, богатырь. XLVII 25.
Армяне. XXXIII 164, XXXVI 8, 23 (діалектологія), 203 (премія Д. Г. Капанова). XXXVIII 208 (Эминскій Этнографическій Сборникъ), XL—XLI 59, 92, 333 (Абарапъ), 380, XLIII 112 (свадьба) XLIV 173, XLV 115 (Иранскіе богатыри). XLVII 163, XLVIII 141, 145, 148 170, XLIX 93 (армянскіе боги), L 109 (свадьба, брачное право), LI 161 182.
Аронъ, царь. XXXIX 65.
Арсланъ, богатырь (Еруслань) XLVI 14.
Артамоновъ, Григорій, пѣвецъ духов. стиховъ. L 1.
Артель. XXXVI 181 (Олонецк. губ.).
Артемій, великом. XXXIX 142.
Артуръ, портъ. XLIV 172, XLV 14.
Арутюнянцъ, Василій, сказитель XLV 139.
Архангельская губ. XXXV 131, XXXVI 117, 121 финскія сказки) XXXVIII 207, XXXIX 176, XL—XLI 346, 383, XLII 182 (пѣсни), XLIV 182, 184, XLVII 140 (парѣчіе г. Архангельска), 164 (бѣломорскія былины), XLVIII 86 (поморы), LI 138, 182, 186 (былины, музык. записи).
Археологія XXXV 144, 149, 151, 153, 191, XXXVI 164, XL—XLI 390 (Рязанской г.), XLIV 130 (отношеніе ея къ этнографіи), XLV 3, L 177, LI 161, 189.
Архивы. XXXII 181 (Герцогскій къ Митавѣ, Рижскаго Генералъ-губернаторства).
Архипъ (имя). XXXII 67.
Аръ-тойонъ, верховн. богъ якутовъ. XXXIX, 18.
Аста-Темьеръ. XLVIII 68.
Астраханскій край. XXXVI 183.
Астрахань, г. XXXVI 184.
Аталычество. XL—XLI 396.
Атаманъ въ Народн. театрѣ XLVI 117 („Машенька").
Афонъ. LI 59.
Африка. XXXIV 220, XXXV 153. 155, 159, XLIV 172, 173, L 171. LI 193. 196.
Ахмедъ, охотникъ. XLVIII 58.
Ахрамей, царь. XLVI 17.
Ачинскій округъ. XXXV 190.
Аянъ, портъ. XLIV 172.
Аясъ-Торумъ, сынъ Нуми. XXXIX 20.
Аѳонъ. XXXV 149.
Бабка пупорѣзня. XXXVII 6.
Багунъ, трава. XXXVIII 122.
Базанъ, разбойникъ. LI 118.
Базоркины (фамилія). XLVIII 35.
Байга—см. Скачки.
Бакланъ, трава. XXXVIII 122.
Баку. XLV 181 (преданіе).
Балаганскій окр. XXXIV 222, XXXVI 38, XLIV 182.

Digitized by Google

Балда, поповскій работникъ. XL—XLI 155.
Балканскій полуостровъ. XLVIII 192.
Балтійскій край. XLV 12.
Банникъ, банный духъ. XLVII 89, L 137, LI 89.
Баня. XXXVI 147 (во снѣ), XLII 117, LI 42 (ея происхожденіе).
Барабанный бой. XXXVI 150 (во снѣ).
Баранину ѣсть во снѣ XXXVI 145.
Баранки ѣсть во снѣ XXXVI 145.
Баранъ. XXXVI 38, 147 (во снѣ), XXXVII 126.
Баринъ, взглядъ на него народа XXXII 79, XLVII 85.
Баркимъ. XLVIII 52, 54.
Барконхой (фамилія). XLVIII 54.
Барсучья шерсть. LI 122.
Басни. XLIII 89.
Батыгъ-Шертга, нартъ. XLVIII 36.
Башкиры. XXXIII 162 („Курай"), XXXIV 197, XXXVII 82, XXXIX 129, XL — XLI 59, XLII 175 (богатыри Кабанбай и Узянбай) XLIII, Приложеніе—(библіографическій указатель литературы о башкирахъ), XLIV 173, XLVI 163 (библіографія), XLVII 132 (башкирскія саги).
Бездождіе. XLV 175 (моленіе у кабардинцевъ).
Бездѣтность. XXXV 159, XXXVIII 122 (трава „погибельна").
Безсиліе половое—см. Импотенція.
Безсонница, лѣченіе XXXVIII 132.
Беки XLVIII 30.
Бендерскій у. XLIV 1, XLIX 1, LI 1.
Бендеръ Аббасъ. XLV 14.
Берберы XXXV 153.
Береза XXXVI 62 (въ свадьбѣ бурятъ), XXXVIII 131, 135 (березовыя почки), XLVI 47 (золотая).
Беременность. XXXII 22 (повѣрья Харьковской губ.), XXXIV 2 (у гольдовъ)
Берендей, царь. XL—XLI 155.
Беринговъ проливъ. XLIV 173.
Беркутъ. XL—XLI 62.
Бесерміане. XXXV 145, XXXVI 185.
Библіографическій указатель литературы о башкирахъ. сост. Д. П. Никольскій. XLIII Приложеніе, XLVI 163 (дополненія A. de Gennep).
Библіографія. XXXV 161 (болгарская), XXXVIII 199, XLV 184 (Кавказа), XLVI 145 (обычнаго права, Е. И. Якушкина), 153 (Минусинскаго и Забаянскаго края), XLVII 157 (Кавказа) XLIX 105 (цыганъ), 169 (арабская), L 166 (проекты международнаго библіографическаго указателя по этнографіи), 139 (Къ столѣтію Грузіи), 158 (финскоугорскаго языка и народовѣдѣнія). Библіографія текущей печати, а также новости русской и иностранной этнографіи—см. въ концѣ каждой книги.
Библія. LI 25.
Бикаръ-Мадзади. XLVI 56.
Біографія. XXXII 179 (А. А. Дельвига), XXXV 89 (А. Ѳ. Гильфердингъ), 99 (Ѳ. И. Буслаевъ), кромѣ того см. автобіографіи, некрологи.
Бирка. XXXVI 127.
Бисеръ. XXXVI 146.
Биссотъ, сказочный герой. LI 76.
Благовѣщеніе (25 марта). XXXIII 39 (въ примѣтахъ), 40, LI 126.
Блины. XXXVI 145 (во снѣ).
Блоха. XXXIII 36 (въ примѣтахъ), XLII 134, XLIX 159, LI 129 (похороны блохъ).
Боа-Кассагали, богъ гольдовъ. XXXIV 20.
Бобы XXXVIII 130 (какъ лекарство). 131.
Богатыри. XXXIV 148 (якутовъ), 155, XXXVI 108 (якутовъ), 184, XXXIX 2 (превращеніе бога въ медвѣдя), 6 (происхожденіе бог.), XLIV 175 (вогуловъ), XLV 115 (Иранскіе), XLVI 151, XLVIII 35 (Кавказа). См. Былины.
Богданъ (имя). XLVI 152.
Богородица. XXXII 192, XXXVI 140 (во снѣ), XXXIX 92 („Сонъ Богородицы"), 141 (Иверская Божія Матерь), 142 (Казанская Божія Матерь, Неопалимая Купина), Тихвинская, Ѳедоровская), LI 92, 162.
Бодяга, какъ лекарство. XXXVIII 129, 134, 141, 142.
Божья коровка. XXXIX 118, LI 64, 73.
„Божья собака". XXXIX 4 (медвѣдь).
Бой кулачный. XXXII 150.
Болгары. XXXV 161 (ихъ колоніи въ Россіи), XXXVIII 37, XXXIX 113, XLIII 36, XLVIII 131, XLVII 52, XLIX 29, LI 79.
Болото. XXXVI 139 (во снѣ).
Бора Абаевъ XLVIII 57.
Борисъ (имя). XXXII 67.
Бормуилъ, рыцарь. XXXVII 102, XXXIX 67.
Борнео. XXXV 159.

Digitized by Google

Борода. XXXII 77, XXXIII 146 (завязываніе зерновой бороды). LI 120.
Борода, с. Порѣчскаго уѣзда. XLVII 41.
Бородавки, лѣченіе. XXXVIII 137, LI 19, 119, 133.
Борона. XLII 31 (какъ средство увидѣть домового).
Боснія. XXXV 157.
Босой. XXXVI 141 (видѣть во снѣ босого).
Бошà. XLIX 93 (армянскіе).
Бразилія. XXXV 156.
Брамбеусъ, палачъ (Брамаусъ). XXXIX 55.
Брамаусъ—см. Брамбеусъ.
Бранбуилъ, рыцарь. XXXIX 65.
Брандавулъ. XXXVI 83, XXXIX 66.
Бредъ во снѣ. XXXVIII 149.
Бретань. XXXII 184 (легенды).
Бритье. XXXVIII 52 (какъ свадебный церемоніалъ), XLVIII 112 (idem), XLVIII 145.
Бронзовый вѣкъ. LI 190.
Бубенъ. XLVI 45, XLVII 21 (шамана).
Бузулукскій у. (Самарской губ.). XLII 144 (свадьба).
Буйволъ. XXXIX 37.
Булагатъ, родоначальникъ бурятъ. XXXIX 18.
Бумага. XXXIX 69 (женая, гаданіе).
Бунтъ крестьянскій XXXIX 128 (въ Череповскомъ у.).
Буняка шелудивый. XXXII 13.
Бурза Воловичъ. XLVI 15, XLVII 7.
Бурзи, богатырь. XLV 128.
Бурзэ (Брзу, иранскій богатырь). XL—XLI 335, XLV 121, 139, 153.
Бурмаилъ, воинъ. XXXVIII 161, XXXIX 67.
Буртасы. XXXV 145.
Бурьма Дикій. XLVII 25.
Буры. XLIX 165 (въ Россіи).
Буря. XXXVI 139 (во снѣ).
Буря-богатырь. XLVI 20.
Буряты. XXXII 153, XXXV 151, XXXVI 38, XL—XLI 73, 74, XLII 190, LI 188.
Бухарская обл. XXXVIII 207.
Бухтарминскій край. XLIII 141.
Буянъ-богатырь, Буянъ воинъ. XXXVI 83, XXXIX 66, XLIII 90.
Быкъ. XXXVII 126.
Былины. XXXIV 198, 219 (Сауръ Леванидовичъ), XXXV 89 (Записи Гильфердинга), 128 (исторія собиранія), 148, XXXIX 38 (Олонецк.), XL — XLI 362 (Саратовской губ.), 380, 383, XLII 184, XLIII 89 (Пермской губ.). 94 (Стенька Разинъ), XLIV 156 (Одна изъ ранних записей былинъ), 183, 184, XLV 177, 180, XLVI 113, 130 (Былины старой записи), XLVII 163, 164, L 181 (И. Н. Ждановъ), LI 138 (Бѣломорскія), 186; см. также Богатыри.
Бѣглые. XL—XLI 3.
Бѣжецкъ, г. XLV 161.
Бѣловодье. XLIII 141.
Бѣлоруссы. XXXIII 1, XXXIV 21, 220, XXXV 137 (приметы, повѣрья), XXXVI 239 (снотолкованія), XXXVII 1, XL — XLI 1, XLIII 137, XLVI 105, 114, XLVIII 144.
Бѣльмо (лѣченіе). XXXVIII 121, 126, LI 18.
Бѣлый цвѣтъ. XLIX 167.
Вазаская губ. XXXVII 125.
Вампиръ. XXXIX 117.
Ванька Каинъ. XLVII 139.
Ванька—Ключникъ. XXXVIII 66.
Варвара (имя). XXXII 75.
Варвара, великомуч. XXXII 22, XXXVIII 171, (духовный стихъ), XXXIX 142.
Варсонофій. XXXII 6 (имя).
Варташенъ, с. XL—XLI 125.
Василекъ, растеніе. XL—XLI 81.
Василій (имя). XXXII 67.
Василій Буслаевъ. L 182.
Василій Великій. XXXVIII 170 (духовн. стихъ), 178, 182, XXXIX 142.
Василій Новый, Св. муч. XXXIX 142.
Василій, Нянькинъ сынъ. XLVI 16.
Василій Окульевичъ. LI 142.
Василій—русеникъ. XLVII 26.
Василій Сухобродзенко. XLVI 21.
Васильева, А., сказительница. LI 140.
Васька Тараканка, сынъ Заморенинъ. LI 143.
Вдова, вдовецъ. XXXII 101 (положеніе въ семейной общинѣ), XXXIV 69 (у киргизовъ), XXXV 8, XXXVI 75, XXXVII 47 (у якутовъ), XL - XLI 241 (свадьба у осетинъ), XLVIII 127.
Великаны. XLIII 44, 84 (Дэвы) XLVIII 43 (Кавказа), LI 73 (у гагаузовъ), 117.
Великоруссы. XXXVIII 189 (рецензн. на кн. П. В. Шейна), XL—XLI 359 (пѣсни, причитанія), XLVI 96, XLVII 147, 149, LI 117.
Вельзевулъ. XXXII 193.
Венгрія. XXXV 159.
Верба. XXXIX 79 (гаданіе), 132 (священная).

Digitized by Google

Верблюдъ. LI 194.
Вербная суббота. XXXVI 162.
Вербное воскресенье. LI 162.
Вереда, лѣченіе. XXXVIII 148.
Веретено. XXXVI 147 (во снѣ).
Вердилово коло. XXXV 148.
Верона. XXXII 185.
„Вертепъ“ (драма). XXXIII 178, XLIII 177, XLIV 183.
Верхомъ ѣхать во снѣ. XXXVI 143.
Весна. L 138, XLII 89 (встрѣча весны у кази-кумукцовъ).
Веснушки, лѣченіе. XXXVIII 132.
Вій. XXXII 13.
Викторія Нанцы, оз. LI 194.
Виленская губ. XXXVIII 158.
Винная ягода. XXXVIII 130 (лѣкарство).
Виноградье. XXXVIII 88.
Високосный годъ. XXXII 16 (какъ годъ несчастный).
Витебская г. XXXIII 135, XXXIV 21 (игры бѣлоруссовъ), XXXV 137, XXXVI 133 (снотолкованіе), XXXVIII 196 (загадки), XL—XLI 1 (бѣлоруссы).
Вихорево гнѣздо. LI 122.
Вихрь. XXXVI 139, (во снѣ), XXXIX 166.
Владиміръ (имя). XXXII 67).
Владимірская г. XXXIII 113 (пѣсни—частушки), XXXIV 219, 222, XXXVI 158.
Власій, св. XXXII 68, XXXIX 142, XLVII 87, LI 126.
Вовкулакъ. LI 65.
Вогулы. XXXVIII 1 (медвѣжьи присяга), XXXIX 1 (idem), XLIV 175 (пѣсни), XLV 14 (Чердынскіе), XLVII 176, LI 190, 191.
Вода. XXXII 30, 43, 199 (обращеніе къ водѣ), XXXIV 4, XXXVI 134 (во снѣ), 140, 143, XXXVIII 59, 103 (омывшая покойника), 108 (іорданская), 149 (изъ подъ окна овина), XXXIX 75 (въ гаданіяхъ), XLIV 20, XLVIII 108, 118, 122, 157, LI 69, 95 (послѣ грозы), 107, 125 (Богоявленская).
Водобоязнь, лѣченіе. XXXVIII 145.
Водянка, лѣченіе ея. XXXVIII 131.
Водяной. XXXIV 9, XLII 25, XLV 171, XLVII 90, XLVIII 165, L 137, LI 88.
Воздвиженіе св. Креста. LI 85, 163.
Вознесеніе. LI 134, 162.
Война. XXXVI 142 (во снѣ), L 134 (въ толкахъ народа).
Волга, р. XLIV 158 (въ пѣснѣ).
Волколáки. XXXV 138.
Волкъ. XXXVI 147 (во снѣ), XXXVII 126, XXXIX 9, 16, XLII 38 (оборотень), XLVI 50. (волкъ—мѣдный лобъ), XLVII 28, LI 9, 10, 23, 33, 60 (культъ волка), 71, 127, 135.
Вологодская г. XXXIII 176, XXXV 191, XXXVI 158, XXXVIII 183 (духовн. стихи), XL—XLI 127, 339 (пѣсни-частушки), XLII 160 (свадьба), 172 (преданія и легенды), 185 (пѣсни), XLV 79 (свадьба), XLVI 166 (чтеніе книгъ).
Волосатикъ. XXXVIII 121, 135 (лѣченіе).
Волоса. XXXIII 146, 147, 150, XXXIV 13, 138 (рощеніе волосъ), XXXVI 150, XXXIX 82 (простоволосая женщина), 123, XL—XLI 78, XLIV 18, XLVIII 142 (невѣсты), LI 100 (новорожденнаго), 119, 122 (дѣвушки; см. также Бритье).
Волчекъ (игрушка). XXXV 157.
Волынская губ. XXXIII 178, XXXIV 222, XL—XLI 405, XLIX 165 (Буры).
Вониѳатій, муч. XXXIX 142.
Вонки. XL—XLI 1.
Воробей. XXXIII 33 (въ примѣтахъ); XXXIV 8, 136, XXXVI 148 (во снѣ), 151, XLVII 117, LI 109, 110.
Воровство XXXII 79, XXXVI 108, XLVII 115, 116 (въ Пасхальную ночь), XLIX 123. LI 24 (Минай, св.), 101, 115 (знахари отгадчики краденаго), 126 (обычай „заворовыванія“), 128 (Іоаннъ Воинъ), 162.
Ворона. XXXIII 33 (въ примѣтахъ), XXXIV 139, XXXVI 148 (во снѣ), LI 62.
Воронежская г. XXXIV 219, 222, XXXV 133, XXXIX 169, XL—XLI 69, XLVI 114, XLVII 144 (Пѣсни объ Александрѣ III).
Воронъ. XXXV 157, XXXVI 151 (во снѣ), XXXVIII 73, XXXIX 9, 11, XLVII 6 („Воронъ-Вороновичъ), 117, LI 107.
Воронъ, игра. XXXIV 40.
Воронъ Вороновичъ XLVII 6.
Воротишина, д. XXXIX 126.
Воскъ. XXXIX 69 (гаданіе).
Воспаленіе легкихъ, лѣченіе. XXXVIII 148.
Восточный вопросъ. XLV 14.
Вотчина. XLIII 75.
Вотяки. XXXIII 59 (Казанскаго уѣзда), XXXIV 205, XXXVI 184, 185, 186, XLVI 146, XLVIII 131, LI 78.
Врачъ. XXXIX 116.
Времяисчисленіе. XXXV 147, XLIX 190 (представленія финновъ о годѣ).

Digitized by Google

Встрѣча, ихъ значеніе и вліяніе. LI 109.
Вторникъ. XXXIV 79, XLVI 136.
Вши. XXXVI 148 (во снѣ), XL—XLI 77, XLIV 163 (Геродотовскіе вшеѣды), LI 24 (въ сновидѣніяхъ), 64, 72 (отсутствіе ихъ какъ признакъ несчастія), 107 (къ богатству), 108 (во снѣ).
Выдра. XXXIV 18.
Выкидышъ, лѣченіе. XXXVIII 147, 149, LI 21.
Вымя, лѣченіе. XXXVIII 145.
Выставки: этнографич. коллекція на Всероссійской Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. XXXII 152. Абиссинско-санитарно-этнографическая выставка въ Москвѣ, 1897. XXXII 216. Всеобщая Музыкальная Выставка въ Берлинѣ. XXXVI 203. Всероссійская Выставка въ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. XXXIV 220. Чешско-славянская выставка въ Прагѣ, 1895 г. XXXIV 220, XXXV 160.
Вѣдьмы XXXVI 171, XL—XLI 28, 29 (дѣйствіе мака), 69, 70, XLII 35, 196, XLVI 165, XLVII 94, LI 34, 116, 197 (о процессахъ вѣдьмъ).
Вѣкоуша, старая дѣва. XXXIX 88.
Вѣникъ. XL—XLI 83, 128, XLVII 47 (хлопаніе вѣникомъ встрѣчныхъ).
Вѣнокъ. XXXIX 78 (завиваніе, Семикъ), XLIII 49 (посестримство), XLV 164 (Семикъ), XLVIII 100 (въ свадьбѣ гагаузовъ), 140, LI 134 (Семикъ).
Вѣнчаніе. XXXIX 82.
Вѣтеръ. XXXIII 28 (гаданіе о погодѣ), XLII 15, LI 57, 70.
Вятская г. XXXV 145, XXXVI 184, XXXVII 146, 165, XXXVIII 113 (медицина нар.), XLII 185, LI 31.
Габрмани. LI 162.
Гаьино, д. XXXIX 127.
Гавріилъ. XXXII 68.
Гагара. XXXIV 136.
Гагаузы XLII 1, XLVII 164, XLVIII 98, XLIX 1, LI 1, 183.
Гаданія. XXXIV 41, (бѣлоруссовъ), XXXIX 69 (Пошехонья), XLIV 27 (о долголѣтіи), LI 86, 129, 134 (по вѣнкамъ на водѣ).
Галиція. XXXV 158.
Галицкая Русь. LI 79.
Галка. XXXIII 33 (въ примѣтахъ), LI 110.
Гарбашъ (Гарбожъ), великанъ, XLVIII 45, 50.
Гарбожъ—см, Гарбашъ.
Гарибъ-наме. LI 148.
Гатлъ Гахраманъ. XLV 131.
Гвинея. XXXV 153.
Географическія названія—см. названія мѣстностей.
Георгій, св., Побѣдоносецъ. XXXII 68, XXXIX 83, 116, 142, XLVI 133, XLVII 139 (Конь-камень), XLIX 130, LI 93, 162.
Герасимъ (имя). XXXII 68.
Герасимъ Грачевникъ (4 марта). LI 126.
Германія. XXXV 156, 158.
Гермафродиты LI 117 („двухсбруйные“) „супарень“.
Герсеке, г. XLVI 93.
Герцеговина. XXXV 157.
Герцеке, г. XLV 12.
Гиляки. XXXII 156, XLIV 174.
Гипнозъ. XXXV 159, XLVI 142.
Глаза. XXXIV 8 (ястреба), 9 (медвѣдя), XXXVII 12 (болѣзнь), XXXVIII 122 (idem), XXXIX 142 (Онуфрій В. и муч. Вонифатій—цѣлители). Глазъ дурной—см. сглазъ.
Глина, какъ лѣкарство. XXXVIII 129.
Глисты. XXXIV 138, XXXVIII 136 (лѣченіе).
Глупцы. XLVIII 179 (анекдоты о глупцахъ).
Глухота, лѣченіе. XXXVIII 138, LI 133.
Глушицкій монастырь. XLII 172.
Глѣбъ Володіевичъ, кн. LI 140.
Гоби. L 171.
Говоры—см. языки.
Гоги. XLVII 134.
Гоголь-Сатана въ легендахъ о міроздапіи. XLVII 69.
Голикъ. XL—XLI 83.
Голова. XL—XLI 380 (легенды объ отрѣзанной головѣ).
Головная боль, лѣченіе ея. XXXVIII 129.
Голодъ. XLIV 162.
Голубь. XXXII 33 (въ примѣрахъ), XXXIV 137, XXXVI 151 (во снѣ), XXXVIII 78 (какъ символъ), XLVI 56, 136, XLVII 16, 117, XLVIII 40, LI 110.
Гольды. XXXII 156, XXXIV 1, 135 (обычаи, преданія, повѣрія), 220.
Голый. XXXVI 142 (во снѣ), 151 (idem), LI 108 (id.).
Гонецъ, трава. XXXVIII 121.
Гора. XXXVI 138 (въ снахъ), 140 (idem), 149 (id.), XLVI 43, („горы толкучія“), 47, 50 (желѣзная).
Горбатые. LI 118.

Digitized by Google

Горбъ. XXXII 77, XXXVIII 123 (лѣченіе).
Горганъ, сказатель. XLV 125.
Гордій (имя). XXXII 68.
Города. LI 196 (вновь открытые).
Городище. XXXV 147 (Бѣловерское Херсонскаго у.), XLVII 73.
Горохъ. XXXVI 149 (во снѣ), XXXVII 147, XLVII 4 (Иванъ Горохъ, зачатіе отъ горошины).
Горшокъ. XXXIX 123.
Горынь, р. XLVI 84.
Горыня, великанъ. XLVI 84.
Горячка, лѣченіе. XXXVIII 137, XL—XLI 68.
Гостепріимство XXXV 7 (киргизовъ), 152, 156, XL—XLI 245, XLII 67, XLIX 15 (гагаузовъ).
Готтентоты XXXV 157.
Градъ. XXXII 42, XLII 17, XLVII 113.
Грачи. XXXIII 33 (въ примѣтахъ), 37 (id).
Гребень. XXXVI 133, XXXIX 78 (въ гаданіяхъ).
Греки (Джелты) XLVIII 47.
Грецкъ, г. XLVI 94.
Гречневая каша, какъ лѣкарство. XXXVIII 140.
Грибы. L 138.
Грива лошади. XXXIX 119.
Григорій (имя). XXXII 68.
Гроза. XXXVI 140 (во снѣ), 163 (страстная свѣча отъ грозы) XLII 3, 13, XLVIII 164.
Громъ. XXXII 147, 148, XXXVI 149 (во снѣ), XXXVIII 144, XXXIX 113, XLII 13, XLV 170, L 138; LI 56, 95.
Грубіянище, царище. LI 142.
Грудная болѣзнь. XXXVIII 142.
Грудница, болѣзнь. XXXVIII 123 (трава „Полевая ягиль"), 145.
Грузины XXXV 152, XXXVI 11, 126 (Ханулоба), XXXVII 148 (груз. алеавить), XXXIX 136 (легенды), XL—XLI 64, 358, XLII 195, XLIII 114 (легенды), XLV 180, 181, XLVII 165, XLIX 167, L. 139 (къ 100 лѣтн. юбилею Грузіи), LI 160, 187.
Груши XXXVI 146 (во снѣ).
Грыжа XXXVIII 121 (трава „Гонецъ"), 123 (трава „Синій воронъ"), 127, 137.
Грѣхъ. XXXII 182 (понятіе о немъ у остяковъ).
Грязь. XXXVI 140 (во снѣ).
Губы. XXXII 77.
Гули-явони, лѣсной демонъ. XLIII 86.
Гунзнъ-ханъ. XLVI 26.
Гурры. LI 195.
Гусаръ, въ „Царѣ Максиміанѣ". XXXVII 102.
Гуси (въ вѣрованіяхъ, легендахъ), XXXII 64, XXXIII 32 (въ примѣтахъ), XXXIV 60, 137, XXXVI 148, 151 (во снѣ), XXXVII 126, XXXVIII 136 (сало г. какъ лѣкарство), XXXIX 19, XLVII 117, LI 109.
Гусли. XXXVIII 88 (въ пѣснѣ).
Гуцулы. XXXV 155, 160, XLVIII 138, LI 69.
Гэсэръ (Игръ). XLVI 26.
Давидъ (имя). XXXII 68.
Давидъ Сасунскій. XL—XLI 335.
Дагестанъ. XLIV 106 (грамотность), XLVIII 1 (сословно-поземельный вопросъ). 170, XLIX 50 (idem), L 67 (id), 183, LI 182.
Дальній, г. XLV 14.
Да-Лянь-вань. XLIV 172.
Даміанъ—см. Косьма и Даміанъ.
Дамшели, великанъ. XLIII 116.
Дареніе. XXXVII 63 (у Якутовъ).
Дарья (имя). XXXII 75.
Дворовый (духъ). LI 85.
Двѣнадцать (число). XLVI 37, 41, L 138.
Девь, великаны обоего пола у гагаузовъ. LI 73.
Девять (число). LI 40, 51, 138.
Деготь. XXXVIII 130, 137, 140, 141, XLVIII 128 (мазаніе дегтемъ домовъ).
Деньги. XXXV 159, 162, XXXVI 134 (во снѣ), XXXVII 9 („серебреніе воды"), XXXVIII 94 (въ могилахъ), 102 (idem), XXXIX 88 (id), 115 (id), XLVII 109 (неразмѣнныя), L 178, LI 24, 92 (неразмѣнн.), 107 (во снѣ).
Деревья. XXXVIII 86 (чудесныя), LI 97 (культъ деревьевъ).
Дервиши. XLVI 147.
Деряба, трава Ephedra. XXXVII 122.
Десна, лѣченіе. XXXVIII 143.
Деформированіе черепа. XXXV 160.
Джамбай. XXXVI 183.
Джелты—см. Греки.
Джельбага. XLVI 46.
Джимшерь, царь. XLV 180.
Джины (Аджина). XLIII 85, LI 34.
Джубба, р. LI 195.
Диве-баба, Диве-жена. LI 73.
Дигорское ущелье. XLVII 164.
Дидоэтія. XLV 180.
Димна—см. Калила и Димна.
Діонисій. XXXII 69.
Дмитрій. XXXII 68 (имя).

Digitized by Google

Дмитрій, князь. XXXIX 129 (въ преданіяхъ Череповскаго уѣзда).
Днѣпръ, р. XXXV 147, XLVI 77.
Добрыня Никитичъ. XXXVI 185, XL—XLI 31, 380, LI 140.
Додола. XL—XLI 21.
Дождь. XXXII 64 (приговорки), XXXIX 123 (вызываніе), 142 (Илья, прор.), XLV 170, XLVII 117, XLVIII 47 (вызываніе). LI 56, 128.
Доктоpъ, въ народн. театр. піесахъ. XXXVI 83, XXXVII 102, XLII 117.
Долбарай, якутскій богачъ. XXXIV 182.
Долговыя обязательства. XXXVII 63 (у Якутовъ), XLIII 76.
Доля, XL—XLI 43.
Домна (имя). XXXII 75.
Домовой. XXXVI 171, XXXVIII 94, XXXIX 84, 130, XLII 29, 196, XLV 171, XLVII 36, 86, L 137, LI 15, 32, 39, 83.
Донская обл. XLVI 137.
Донъ, р. XLVI 151.
Доонта, бурханъ XXXIV 4.
Дорога XXXVI 140 (во снѣ).
Докодусъ, якутскій князь. XXXIV 183.
Драка. XXXVI 135 (во снѣ).
Драконъ. XXXII 170, XXXIV 4 (Мудуръ), XLIII 87. LI 66.
Дрова. XXXVI 138 (во снѣ).
Дрожаніе (рукъ). XXXVIII 143.
Дрожжи пивныя. XXXVIII 137.
Дружина древне-русская. XXXIV 198.
Дубовая кора, какъ лѣкарство. XXXVIII 133.
Дунай. LI 141 (Бой съ Добрыней).
Дунгане. XXXIV 197.
Духовные стихи. XXXVIII 168 (Минской губ.), XLII 186, XLVI 114, LI 1 (Курской губ.).
Духовъ день. XLVII 49.
Духъ (въ народн. театральныхъ піесахъ). XLVI 117.
Душа. XXXIV 1, XXXV 155 (блуждающіе огни), XXXVI 62 (пьянаго), XXXVIII 17, 109, 176 (прощаніе души съ тѣломъ), XXXIX 91, 116, XLVIII 75 (въ видѣ мухи, пчелы).
Дэвы, духи-гиганты, XLIII 84.
Дымъ, XXXIII 29 (гаданіе о погодѣ), XXXVI 140 (во снѣ), 149 (idem), XLVIII 15.
Дырь. великанъ LI 78.
Дѣва старая. XXXIX 88.
Дѣвственность. XXXIII 62 (у вотяковъ), 101 (въ пѣсняхъ), XXXV 57, 71, XXXVII 52.
Дѣвушка. XXXVI 139 (во снѣ), 150 (idem).
Дѣдовы кудри, трава. XXXVIII 129.
Дѣдъ, въ народн. театрѣ, XXXVI 83, XLIII 117.
Дѣти. XLII 99 (отношенія къ дѣтямъ у горныхъ таджиковъ).
Дѣткое мѣсто. XXXVII 10, 124, XLIV 20.
Дюкъ Степановичъ XLIII 93, XLVI 130, L 181,
Дятелъ. XXXIV 139, XXXVI 148 (во снѣ), XXXVIII 117.
Ева. XLII 59.
Евдокимъ. XXXII 69 (имя).
Евдокія (имя). XXXII 75.
Евдокія (1 марта). XXXIII 40 (въ примѣтахъ), 43, LI 126.
Евреи. XXXII 79, XXXV 53, XXXVI 83 (народн. театръ), 137 (въ снахъ), 142 (idem), XXXVIII 161 (въ народ. театрѣ), XL—XLI 70, 71, XLVI 143, (ритуальныя убійства), XLIX 40 (отношен. къ гагаузамъ), L 40, LI 26, 59, 182, 192.
Евѳимій (имя). XXXII 69.
Евѳимія (имя). XXXII 76.
Евѳросинья (имя). XXXII 76,
Египетъ. LI 79.
Егорій св. XXXVIII 168 (духовн. стихъ), XLIX 182, XLVI 133, L 41 (Стихъ), LI 126, 135; см. Георгій св.
Екатерина, великомуч. XXXIX 142, XL—XLI 43.
Екатеринославская г. XLIV 173.
Елена (имя). XXXII 76.
Еленинскій стихъ. XLVI 128.
Елизаветпольская губ. XLV 169 (повѣрья).
Елка. XXXVIII 55 (въ болгарской свадьбѣ), 128 (какъ лѣкарство), 142.
Ельбегень. XLVII 10,
Емельянъ (имя). XXXII 69.
Енисей, р. XLVI 152.
Енисейская г. XXXII 171 (община). XXXVIII 207, XL—XLI 384, 398, XLIV 183, XLIX 187.
Енохъ. LI 192.
Еране (самоѣды). XLV 27,
Ерга. душа человѣка. XXXIV 1.
Еремія, св. LI 66.
Ермакъ. XXXII 183, XXXIII 164 (преданіе). XLII 187.
Ерохо, трава. XXXVIII 123.
Еруслanъ Лазаревичъ. XLVI 14 (От-

Digitized by Google

голоски сказки объ Еруслане). XLVII 1 (idem).
Ерша, трава. XXXVIII 121.
Ерь-сару. XLVI 46.
Есаулъ (въ народ. театрѣ). XLVI 117 („Машенька").
Ефимъ, трава. XXXVIII 123.
Ефимъ Тороньевичъ, богатырь. XXXVI 184.
Ефросинія, св. XXXIX 141.
Жаба. XXXIII 34 (въ примѣтахъ).
Жаворонокъ. XXXIII 41 (въ примѣтахъ), LI 126 (изъ тѣста).
„Жандаръ" въ піесѣ „Тронъ" XXXVI 83.
Жаръ и жаропонижающія средства. XXXVIII 147.
Жаръ-птица XLVII 9.
Жданъ-царевичъ. LI 141.
Желтоцвѣтъ, трава. XXXVIII 137.
Желтуха, лѣченіе XXXVIII 137.
Желтый цвѣтъ XLIX 167.
Желудокъ, болѣзни его. XXXVIII 143.
Желѣзная дорога въ народныхъ сказаніяхъ. XLVII 70.
Желѣзо XL—XLI 59, 80 (какъ средство противъ злого духа).
Желѣзы, лѣченіе. XXXVIII 143.
Жемчугъ. XXXII 181 (символъ печали). XXXVIII 90 (въ пѣсняхъ), XLIV 172 (жемч. промыселъ).
Женщина. XXXIII 44 (по пословицамъ Туркестана), XXXV 157, XXXIV 68 (у Киргизовъ), 160, XXXVI 139 (въ сновидѣньяхъ), 141 (idem), XXXIX 120, 121 (встрѣча съ ней), 173 (превращеніе мужчины въ женщину), XL—XLI 54 (нечистыя силы въ судьбахъ женщины-матери, акушерство, причины розни между женщ. и мужчиной, XLII 59 (создан. изъ собачьяго хвоста), XLVI 48 (сюжетъ о женщинѣ измѣнницѣ), XLVIII 128, LI 6 (сотвореніе женщины), 22 (въ примѣтахъ), 52 (какъ виновница того, что небо далеко отстоитъ отъ земли), 59 (недопущеніе на Аѳонъ).
Женщихъ-мертвецъ. XLIII 140.
Жерновъ. XXXVI 140 (во снѣ).
Жертвоприношенія. XXXII 183 (остяковъ), XXXIV 17, 205 (вотяковъ), XXXV 160, XXXVI 69, 70, XXXVIII 18, XLII 91, XLIV 98, XLV 70 (вогуловъ), 174 (Ханцегуаше у Кабардинцевъ).
Жидъ. XXXV 40 (народ. театръ), XLIII 117 (idem) См. Ѣврей.
Жилища. XXXII 153, 155 (сибирскихъ инородцевъ), XXXIV 197 (монголовъ), XXXV 145 (неолитической эпохи), 157, 158, 160, XXXVI 185, XL—XLI 198 (Ярославской губ.), 334 (абаранъ), 393 (въ Карачаѣ), XLII 69 (Кази-Кумукцевъ), XLV 13, 42 (вогуловъ), XLVII 119 (Малороссія), XLIX 16 (гагаузовъ) 118 (армянскихъ боша), 190, L 69 (въ Дагестанѣ). —
Жиръ какъ лекарство. XXXVII 124.
Жожга, великанъ. XXXIX 46.
Жребій въ играхъ. XXXIV 57.
Журавль въ вѣрованіяхъ, примѣтахъ и т. п. XXXII 64, XXXIII 37, 38, 42.
Журило (Чурило, Цюрило) XLV 186.
Журъ. XLV 186 (обрядъ „Проводы Жура").
Забайкалье. XXXV 128, 151.
Заболотскій приходъ. XXXIX 126.
„Завиваніе бородки" по окончаніи жнивья. XLVI 133.
Завѣщаніе духовное. XXXVII 57 (у Якутовъ).
Загадки. XXXII 147, XXXIII 144 (малорусс. и галицкія, XXXVI 124 (финскія), 168, 175, XXXVIII 196 (Витебск. г.), 206, XLVI 114, 148 (XVII—XIX вѣк.), XLVIII 114 (на свадьбѣ гагаузовъ).
Заговоры. XXXII 191 (румынскіе), XXXVII 147, XXXVIII 33 (при отпускѣ скота), 91, 134 (отъ зубной боли), 139 (отъ кровотеченія), 148, (отъ урока), 206, XL—XLI 58, 66 (при родахъ), 344 (Чувашскіе), 389, XLII 17 (отъ вѣтра), XLIII 111 („Кильный стихъ"), 154, XLVI 114, LI 17 (отъ „сглаза"), 20 (отъ укушенія змѣи), 46 (idem).
Загробная жизнь. XLVI 134.
Задонская земля. XLVI 73.
Зазноба. XXXVIII 124.
Закавказье. XLV 181, XLVIII 170.
Закаспійскій край. XXXV 148, XLIX 173.
Закатальскій округъ XL—XLI 69.
Заклинанія XXXVI 121, 123, 170, XLVI 165, LI 157, 162.
Закрутка—см. прожинъ. LI 111.
Заломы—см. прожины.
Замокъ. XLVI 136 (въ свадьбѣ), L 123.
Заморышекъ. XLVI 28.
Зандонъ, благовонное дерево. XLVI 41.
Заонежье. XLII 183.
Запорожцы. XXXV 50.
Запоръ, лѣченіе. XXXVIII 137.
Заря. XXXIII 23, XXXVI 140 (во снѣ), XXXVIII 90.

Digitized by Google

Засаянскій край. XLVI 153.
Засидки, при началѣ работъ при огнѣ. XXXVIII 158.
Затменіе солнечное. XLII 12, XLVIII 164.
Захарій (имя). XXXII 69.
Зачатіе чудесное. XLVI 16 (отъ кишокъ рыбы), 65, XLVII 4 (отъ съѣденной горошины), 22 (горош., тѣста, муки), LI 7.
Заяцъ. XXXIII 31 (въ примѣтахъ), XXXVI 148 (во снѣ), XXXVII 126, XXXVIII 134 (кровь какъ лѣкарство), XXXIX 12 (культъ „Великаго зайца), 121, XL—XLI 127 (новорожденный въ заячьемъ мѣху), XLVII 80, 81, LI 23, 49.
Звонъ пасхальный LI 133.
Звѣзда, рыцарь. XXXVII 102.
Звѣзды. XXXIII 26 (гаданіе о погодѣ), 39 (въ примѣтахъ), XXXV 157, XXXVI 149 (во снѣ), 169, XLII 7, XLV 169 (падающія), XLVII 3 (плеяды, оріонъ, медвѣдица), 8 (полярная звѣзда), 26, 27 (полярная звѣзда), 33 (млечный путь), XLVIII 164, LI 53, 111.
Зеленый цвѣтъ. XXXII 176.
Землевладѣніе. XXXV 150 (Сибири), 360, XLVIII 1 (Дагестанъ); см. также Дагестанъ.
Земледѣліе. LI 163,
Земля. XXXVI 140 (во снѣ), XXXIX 117 (бросаніе на гробъ), XL—XLI 71—72 (съ могилы), XLIII 111, LI 58 (какъ живое существо), 96.
Зеркало. XXXVI 147 (во снѣ), XXXIX 76 (въ гаданіяхъ), 120.
Зимняя Золотица. XLIV 184, LI 139.
Златыгорка, любовница Ильи Мур. XLVI 82.
Змѣица, трава. LI 121.
Змѣи. XXXII 195, XXXIV 20 (во снѣ), 189 (молитва отъ змія), XXXV 125 (летуны, мудрость змѣиная), 159, XXXVI 137 (во снѣ), 148, XXXVIII 14 (гремучая), 124, 126 (змѣя огненная—одно изъ прозвищъ лихорадки), XXXIX 12 (культъ змѣй), 35 (з. для опредѣленія законности новорожденнаго), 115, 118, 123 (соблазнитель дѣвицъ), XL—XLI 65 (нечистая сила), 67, 69, XLII 55 (летучій), XLIII 87 (змѣиный царь), XLVI 39, XLVIII 58, LI 15 (домовой въ видѣ змѣи), 20 (средства отъ укушенія), 23, 38, 68 (культъ змѣй), 63 (полозъ), 72, 83 (огненный).
Знамена. XXXIX 23 (у остяковъ), XLV 13 (мордвы).
Знахари—см. Колдуны.
Зола. LI 12.
Золотая гора. XLVI 40.
Золото. XXXVIII 121 (при заговорѣ), XXXIX 72 (гаданіе подъ назв. „Хоронить золото“).
Золотуха, лѣченіе ея. XXXVIII 129,
Золотуха, трава. XXXVIII 121.
Зосима, св. XXXVI 170.
Зубы. XXXII 77, XXXVI 136 (во снѣ), 142 (idem), 150 (id.), XXXVII 124 (зуб. боль), XXXVIII 133 (id.), XXXIX (Антипа, муч., какъ цѣлитель) XLIV 27, XLVII 117, 118 (во снѣ), LI 18 (лѣченіе), 24, 42, 62 (молочные), 71, 97, 107 (во снѣ).
Зыкавки. XLIX 160.
Зыряне. XXXIX 179, L 176.
Зѣвота. LI 119.
Ивановъ день (Иванъ Купало), XXXII 182, XXXVIII 114, LI 97.
Иванъ (имя)—см. Іоаннъ.
Иванъ Быковичъ. XLVI 19.
Иванъ Годиновичъ. XL—XLI 380, XLVII 141.
Иванъ-горохъ. XLVII 4.
Иванъ Грозный. LI 143.
Иванъ Дудоровичъ. LI 141.
Иванъ князь, русскій богатырь. XLVI 15.
Иванъ Купало. XXXVII 128, XXXIX 150, LI 127.
Иванъ Медвѣдь. XLVI 59.
Иванъ Пономаревичъ. XLVI 14.
Иванъ Сухобродзенко. XLVI 21.
Иванъ—Тутыгинъ. XLVI 64.
Иванъ Царевичъ. XLVII 6.
Иванъ да Марья, цвѣтокъ. XLVI 151.
Ивашка, пастухъ XLVI 24,
Ивашко-медвѣдь. XLVII 1.
Игнатій (имя). XXXII 69,
Иголка. XXXII 42, XXXVIII 141 (проглоченная).
Игры. XXXIII 143, XXXIV 21 (бѣлоруссовъ), XXXVI 124 (финновъ), 184 (Ученая лошадь), XLII 76 (Кази-Кумукцевъ), 115 (свадебн.), XLIV 35 (гагаузовъ), 134, XLIX 188.
Игръ-Царевичъ (Гэсэръ), XLVI 24, 26.
Идолище. LI 140.
Идолы. XXXII 154 (сибирскихъ инородцевъ), XXXV 157, XLV 68 (Вогуловъ).
Изгородь. XXXVI 135 (во снѣ).
Издорище проклятое. XLVI 15.
Изюмъ. XLVIII 105 (обрядъ).

Digitized by Google

Иконографія. XLIII 154.
Иконы—см. Образа.
Икота, ея лѣченіе. XXXVIII 127, LI 119.
Ильинъ день. XLIX 162, LI 110, 127. См. также Илья, прор.
Илья (имя). XXXII 69.
Илья Муромецъ. XXXV 132, XXXVI 174, 185, XL—XLI 389 (во „Снѣ Пресв. Богородицы"), XLIV 157, 159 (къ вопросу о прозвищѣ); XLVI 72 (Бой съ сыномъ). XLVII 24 (параллели съ Иринъ—Сайнъ), 163.
Илья, прор. XXXVII 147, XXXIX 142, XLII 13, XLV 186, LI 10, 56, 192.
Имена. XXXII 26 (новорожденнаго), XXXIV 4 (гольдовъ), 18 („худыя" имена). XXXVI 101 (новорожд.), XLV 13, XLIX 4, 7 (ласкат., некалендарныя). 26 (idem), L 169 (уменшит. и увеличит.).
Имеретія и имеретины XXXV 152, XLV 181.
Имерхеви. XXXV 152.
Импотенція. XXXIV 84, 93 (удостовѣреніе, практик. у киргизовъ), 126 (замѣна нормальнаго coitus въ малорусск. свадьбѣ), XLIII 111 („невстаниха"), L 131 („порча" молодыхъ). См. Порча.
Ингерманландія. XXXVI 118.
Ингуши. XL—XLI 225 (Сѣвернаго Кавказа), XLV 12, XLIX 172.
Индія британская. XXXV 158.
Индокитай. XXXV 154, 156, L 171.
Индусы. XXXIV 219.
Индѣйка. XXXVI 151 (во снѣ).
Индѣйцы. L 176.
Индюхъ, богатырь. XXXIX 66.
Индюхъ-воинъ. XXXVI 83.
Иней. XXXIII 40 (въ примѣтахъ), XLII 17.
Инки. XL—XLI 324.
Ипатій, Препод. XXXIX 141.
Ирина (имя). XXXII 76.
Иринъ-Саинъ. XLVI 14. XLVII 3, 24 (Параллели съ Ильей Муромцемъ).
Иркутская губ. XXXII 171, XXXIV 222, XXXV 151. XXXVII 120 (медицина народн.), XXXVIII 207, XL—XLI 380 (общинное землевлад.), XL—XLI 383, XLII 190, XLIV 173, 182.
Иро, р. XLIV 174.
Иродіада. XXXII 202.
Иродъ, царь. XXXV 37, XXXVI 83, XLIII 117.
Ігоп'ы (Осетины). XL—XLI 225.
Исидоръ (имя). XXXII 69.
Исламъ. XXXV 134.
Испугъ, лѣченіе его. XXXVIII 135.
Иссыкъ-Куль, оз. XXXIII 165.
Исторіографія. XXXV 148.
Итази, оз. XXXVIII 33.
Ичкерія. XLVIII 170.
Іаковъ. XXXII 69.
Іерусалимъ. LI 59.
Іисусъ, пророкъ. XLVII 136.
Іоакимъ и Анна. LI 93.
Іоаннъ (имя). XXXII 70.
Іоаннъ Воинъ. XXXIX 142, LI 128.
Іоаннъ Многострадальный. XXXIX 141.
Іоаннъ Предтеча. XXXIX 142.
Іосифъ Прекрасный. XXXII 70, XXXVIII 172 (духовн. стихъ), L 31.
Іулія нія (имя). XXXII 76.
Іустина, муч. XXXIX 142.
Кабанбай, богатырь XLII 175.
Кабардинцы. XLV 174 (Хапцегуаше), XLVIII 47, 170.
Кабинцы. XLIII 141.
Кавказъ. XXXIII 161, XXXV 156, XXXVI 1 (музыка народн.), XL—XLI 255 (Осетины и Ингуши), XLIV 172, 173, 176 (Дербендъ-наме), XLV 3, 12, 180, 184 (библіографія), XLVI 11, 115, 140, XLVII 157 (библіогр.), XLVIII 35 (богатырскій эпосъ). 169 (археологія), XXXIX 172 (Ингуши), LI 159, 185, 186.
Кагнь, богъ. XXXIX 12.
Кадниковскій у. Волог. губ. XLII 172 (преданія и легенды), XLVIII 167.
Казаки. XXXIII 175, XXXIV 151, XXXV 37 (въ народн. театрѣ), XLII 194 (Кубанскіе), XLIII 117 (въ вертепной драмѣ), XLV 181 (Терскіе), XLVII 110 (Атаманъ Платовъ).
Казанскій уѣздъ. XXXIII 59 (свадьбы вотяковъ).
Казань, г. LI 156.
Кази-Кумукцы. (Лаки, Ляки). XLII 61.
Кайваны. XLIV 172.
Каинъ. XLII 59, LI 94.
Калачъ. XXXVIII 49 (въ свадьбѣ болгаръ), XLVIII 118, 119, 121, XLIX 11.
Калевала. XXXVI 118, XLIX 184, L 174.
Каледа. XXXII 146.
Календарь народн. XXXII 153 (якутскіе), XXXV 163 („Рабошъ"—календарь „съ чертами и рѣзами") L 125.
Калила и Димна. XLIX 169.
Калина. XXXVIII 83 (въ пѣснѣ).

Digitized by Google

Калинникъ (имя). XXXII 70.
Калмыки. XL—XLI 63, XLII 192, XLIII 131, 142, XLIX 49 („Камлуки"), LI 78 (idem).
Калужская г. XXXIV 222, XXXV 148, XLV 12, XLVII 35.
Калымъ. XXXIII 65 (у вотяковъ), 84, XXXIV 74, 80 (у киргизовъ), XL—XLI 234 (Осетинъ), XLII 82.
Кама, р. XXXVII 148, XL—XLI 24.
Каменная болѣзнь, лѣченіе ея. XXXVIII 138.
Каменный вѣкъ. XLIV 184, XXXV 160, LI 188, 190, 196.
Каменныя бабы. XXXV 147.
Камерунъ. XXXV 157, LI 193.
„Камлуки" (Калмыки?). LI 78.
Камни. XLIII 154 (культъ), XLVI 21 (камень-невидимка), XLVII 116, 139 (Конь-камень), LI 45 (съ отверстіемъ), 97 (со слѣдомъ преп. Ѳеодоры), 110 („урошные").
Камратъ. XLIV 8.
Камское побоище. LI. 40.
Камчатка. XLIV 172, XLV 181.
Камышъ. XXXVIII 39 (какъ символъ).
Каннибализмъ, XXXV 146 (вотяковъ), 158, XXXVI 186, LI 189.
Капиръ-Кумыкъ, аулъ. XLII 62.
Каприкъ, царь. XLVI 15.
Караваши. XLVIII 33.
Карагасы. XLIV 172.
Кара-гири, гора. XLVII 135.
Караманли. XLIX 42.
Караногайцы. XL—XLI 74.
Карапетъ, св. (Предтеча). LI 162.
Карачай. XL—XLI 391, XLII 194, XLIV 182, XLVII 164.
Карачи (Цыгане). XLIX 107.
Каргопольскій у. Олон. губ. XLVI 15.
Карелія и Карелы. XXXVI 119, XXXIX 176, XLVI 129, XLVII 164, XLIX 190, L 178.
Карлики XXXIV 137 („Чаха Нанни"), XXXV 153.
Ка́роль, сынъ мясника. XLVI 29, XLVII 15.
Карпъ (имя). XXXII 70.
Карская обл. XXXIII 164, XXXVIII 207, XL—XLI 383.
Карталинія. XXXVI 127.
Картежная игра. XXXIV 47, XXXVI 150 (во снѣ), XLIV 59 (у гагаузовъ).
Картофель. XXXVI 149 (во снѣ), XXXVIII 138, XLVII 118.
Картъ-Джюртъ. XL—XLI 391.
Кастрированіе животныхъ. XL—XLI 251.
Касьянъ, св. XXXII 1 (въ повѣрьяхъ), XXXIV 220, XXXIX 141, XLV 166 (сказки), XLVI 124, 151, LI 126.
Катай-ханъ. XLVI 47.
Кахетія. XXXV 152.
Кацапъ. XL—XLI 22 (происхожденіе слова).
Кашгара. L 172.
Кашель и лѣчен. XXXVIII 126.
Кашубы XXXV 158, XL—XLI 127.
Квашня. XXXIX 74 (въ гаданіяхъ), L 132.
Квитка. XL—XLI 25.
Кемь, г. XLVIII 86.
Кеноозеро. XLVI 77.
Кереметь. XL—XLI 343.
Кіаочау. XLV 14.
Кіевъ г. XLII 188.
Кіевская г. XXXIII 121 (сахароваводскія пѣсни), XXXIV 222, XXXVI 80, XXXVIII 93, 157 (женитьба свѣчки), XXXIX 150.
Кикимора. XXXIX 130. LI 86.
Килима-Нджаро, XL—XLI 380.
Килы (опухоли по всему тѣлу). XLIII 111 (насыланіе килъ, „кильный стихъ"), 112. LI 116.
Кинжалъ. XL—XLI 60, 65.
Кинокефалы. XLVI 38, XLVII 11. См. Песиглавцы.
Киргизы. XXXII 156. XXXIV 67 (обычное право), XXXV 1 (idem), 156, XL—XLI 61, 384, XLIII 142, XLIV 182, 183, XLVI 66 (судъ аксакаловъ и третейскій) 147 (свадьбы, пословицы), 163, XLIX 173.
Киргизъ-казаки. XLIII 143.
Кирикъ. XXXII 70, XLIX 166 (легенды).
Кирила-Кожемяка. XLVI 37.
Кириллъ-Кожемяка. XLVII 14.
Кириллъ (имя). XXXII 70.
Кисель. XLV 186 (обычай „Проводы Киселя").
Кисетъ съ неубывающимъ табакомъ. XLVI 35.
Кисовскій приходъ. XXXIX 127.
Китай. XXXIV 137 (Китайскій Императоръ), 197, XXXV 159, XLV 14 („Коричіе"), XLVI 168 (толки о китайской войнѣ), LI 79, 190, 196.
Китынъ-Арсланъ. XLVI 26.
Китынъ-Зеби. XLVI 26.
Кишлакъ. XLIII 36.
Клады. XXXIII 157, XXXVI 171,

Digitized by Google

XXXIX 124 (распознаваніе его мѣстонахожденія), 131 (свѣча надъ клад.), XLII 58, XLIII 93 (Стеньки Разина), XLVII 75, 79, LI 99, 117 (простые и „заклятые“).

Клейма. XXXIX 24.

Кликуши. XXXIX 87, XLVIII 166, L 114.

Климаты. XLIV 173 (вліяніе на человѣка), XLV 183 (Западной Сибири).

Клинообразныя надписи. XXXIII 161 (Закавказья).

Клички. XXXII 65 (Харьковской губ.).

Клопы, истребленіе. XXXVIII 150.

Клюква. XXXVIII 134, 137.

Ключъ, XXXII 203, XXXIX 78 (въ гаданіяхъ).

Клятва. XXXVIII 1 (медвѣдемъ), 2 (надъ хлѣбомъ, топоромъ, ножомъ), XXXIX 35 (медвѣд.), XLVIII 162 (иранское выраженіе клятвы), LI 96 (землею).

Кнутъ. XXXIX 78 (въ гаданіяхъ). XLVI 68.

Кобанскій могильникъ. XLVIII 170.

Ковыль-трава. XLII 53 (происхожденіе).

Козарушка Петровичъ. LI 142.

Коза. XLIII 52.

Козелъ. XXXIV 75 (Игра съ козломъ у киргизовъ), XXXVIII 133 (коз. пометъ какъ лѣкарство), XLIX 1 (въ легенд. о Кириѣ), LI 121 (черный), 127.

Козьма (имя). XXXII 70.

Козьма и Даміанъ. XXXII 68, XXXIX 132, 142.

Коккенхузенъ. XLV 13.

Коклюшъ, лѣченіе. XXXVIII 146.

Колай-Кантъ, нартъ. XLVIII 37.

Колга, великанъ. XXXIX 46.

Колдуны, знахари, знахарки. XXXVI 116, 123, 170, XXXVII 148, XXXVIII 115, XXXIX 87, 120 XL—XLI 343 (Чувашскіе юмви), XLII 18, 35, 90, 196, XLIII 110 (въ XVII вѣкѣ), XLVII 94, 97 (Жена Карла XII какъ колдунья), XLVIII 129, 165, LI 11 (гагаузовъ), 112, 162.

Колодезь. XXXVI 140 (во снѣ), XLIX 22.

Колоденскій приходъ. XXXIX 126.

Колоколъ. XXXIV 121 (Игра въ колоколъ въ малороссійской свадьбѣ), XXXVI 149 (Колокольный звонъ во снѣ).

Колхи. XXXIII 166 (обрядъ обрѣзанія).

Кольцо. XXXVI 146 (во снѣ), XXXVIII 94 (у покойника), XL—XLI 83, XLII 19 105, LI 21.

Колыбель ребенка. XXXIV 2, XLII 84, XLIV 25, XLV 33 (у вогуловъ), LI 100.

Колымъ. XLIV 173.

Колядованіе. XXXVI 184, XLII 186.

Комары. XXXIII 36 (въ примѣтахъ), 43 (idem), XXXIV 183 (происхожденіе), XLIX 159 (idem), LI 110.

Комета въ вѣрованіяхъ народа. XLII 10, XLVIII 164, LI 54.

Коминъ, „женитьба Комина“. XXXVIII 155, XLVI 114.

Комиссія для изученія балканскаго полуострова при Вѣнской Императорской Академіи. XLVIII 192.

Конгрессы: VII Географическій конгрессъ въ Берлинѣ. XLIV 173. Международный конгрессъ историческихъ наукъ, въ Римѣ. LI 191. 2-ой международный этнографическій конгрессъ. XLIII 153.

Кондашскій приходъ. XXXIX 127.

Кондратъ (имя). XXXII 70.

Конокрадство. XXXII 79, LI 26.

Кононъ Исаврійскій, муч. XXXIX 142.

Конопляная смолка. XXXVIII 127 (лѣкарство).

Константинъ (имя). XXXII 70.

Константинъ Сауловичъ, царь. XLVI 132.

Концерты этнографическіе, устр. Этнографич. Отд. Общества Л. Е., А. и Э. XXXVI 2, XLIX 183, L 183 (II-ой и III-тій конц.).

Кончакъ, половецкій ханъ. XXXIX 46.

Конь. XXXVIII 75, 85, XLVIII 156 (искусственный на свадьбѣ).

Конь-Камень. XLVII 139.

Копа, трава. XXXVIII 124.

Копытовъ, воинъ въ пьесѣ „Тронъ“ XXXVI 83.

Коранъ. XL—XLI 354, XLIV 110.

Корея. XXXV 158, 160, XLV 14.

„Коричіе“ Китайской Имперіи. XLV 14.

Коркодонъ, р. XLII 189.

Корова. XXXVI 151 (во снѣ), XXXIX 131 (прирученіе вновь купленной), XL—XLI 82, XLVI 22 („коровій сынъ“ въ сказкахъ), 148 (во снѣ), XLVII 9 („Коровій сынъ“), 118, L 132 (продажа, прирученіе), LI 67 (отношеніе къ ужу).

Коровай. XXXIV 100, 119, 131, XXXVII 87, 93, XXXVIII 55, 49, 94, 135.

Digitized by Google

Коростель. XXXIII 34 (въ примѣтахъ).
Короткоголовость. XXXVII 136.
Коротоякъ, г. XLV 13.
Корсунь, г. LI 140.
Корчи, лѣченіе. XXXVIII 132.
Коряки. XLV 181.
Косоглазіе. XXXII 77, LI 118.
Кости. XXXVIII 80 (уничтоженіе духа съ уничтоженіемъ костей), LI 98 (Косточка-бужатка и косточка-невидимка).
Кострома, дѣтская игра. XLIV 154.
Кострома. XL—XLI 24.
Костромская г. XXXIV 219, 223, XLII 185, XLIII 94.
Костюмы—см. Одежда.
Котъ. XLII 42 (у вѣдьмы), LI 162 („Котъ и мыши", „Кошка и Левъ", „Ученый котъ". Си. Кошка.
Котъ-вахирь. XLVI 23.
Коты-горошекъ. XLVII 4.
Кочерга. XL—XLI 80, XLII 18.
Кошачья трава. XXXVIII 133.
Кошель съ неубывающими деньгами. XLVI 35.
Кошка. XXXIII 30 (въ примѣтахъ), XXXIV 184 (закапываніе ея вмѣстѣ съ человѣкомъ), 188 (черная при опахиваніи), XXXV 158, XXXVI 151 (во снѣ), XXXVII 136, XXXIX 117, L 132, 136 (продажа кошки), LI 23, 62, 71, 82 (чортъ), 83 (любимица домового), 85 (оборотень), 98 (косточка-невидимка въ кошкѣ), 106, 109.
Кошмаръ. LI 84.
Кража часовни. XXXIX 130.
Краковякъ. XLIII 117.
Крапива. XXXVIII 141.
Красная горка. XLVII 138.
Красный цвѣтъ. XXXIV 113, 126, XXXVI 64, 65, XLIX 167, LI 17.
Крашанки—см. Писанки.
Кремень. XLVI 40.
Крестины. XL—XLI 320, XLIII 56, LI 100.
Крестъ. XXXVI 138 (въ снахъ), 141 (idem), XLVI 134 (ворожба по крестамъ).
Крещеніе Господне. XXXIII 40 (въ примѣтахъ), 42, 43, XL—XLI 311, 312, LI 125.
„Кривой лѣсъ". XLV 186.
„Крики"—причитанія.
Критъ. XXXV 154.
Кровная месть—см. месть кровная.
Кровосмѣшеніе. XXXVI 173, XXXVIII 198, XLII 189, XLV 186, LI 26.
Кровотеченія, лѣченіе. XXXVIII 139, 146, 147.
Кровохарканіе, лѣченіе. XXXVIII 146.
Кровь. XXXVI 136 (во снѣ), 142 (idem). 150, XXXVII 123 (какъ лѣкарство), XXXVIII 134, XXXIX 114 (какъ причастіе). XL—XLI 72 (убійцы), XLVI 143 (къ вопросу объ употребл. христіанской крови Евреями съ ритуальной цѣлью), XLVIII 120, 162 (при клятвѣ), LI 106, 122 (изъ носа).
Крокодилъ. XXXVIII 14, XXXIX 12, 35.
Кросна. LI 136 (связь съ волками).
Кротъ. LI 61.
Крымъ. XXXVI 183, XLIII 36.
Крыса. LI 106.
Крѣпостное право. XLIX 77.
Крюкова, А. М., сказательница. LI 139.
Кряковецъ. XLVI 151.
Ксенія (имя). XXXII 76.
„Ксень". XLV 186.
Кубанская обл. XXXVIII 207, XLII 193.
Кубенское оз. XLVI 126.
Кувада и ея слѣды. XL—XLI 88, 97, XLIII 4, 5, 154, XLIV 28, 90.
Кугу - сорта, черемисская секта. XXXVII 147.
Кудіяръ, разбойникъ. XLVII 75.
Кузнецъ. XXXII 8 („Кузнецъ и чортъ" легенда), 9 (обычаи Грузинскихъ кузнецовъ), 79, XXXVII 102 (въ народныхъ театр. пьесахъ).
Кузнечики, насѣкомъ. XXXIII 37.
Куй-Темусъ. XLVI 50.
„Кукла", въ хлѣбномъ полѣ, XLII 36, 43.
Кукри-баба. LI 78.
Кукушка. XXXIII 34 (въ примѣтахъ), 37 (idem), XXXIV 12, 19, 41, 136, XXXV 158, XXXVI 148 (во снѣ), 151 (idem), LI 71, 109, 117, 126.
Кулундинская степь. XXXIV 220.
Кулы (рабы въ Дагестанѣ). XLVIII 33.
Куманы. XLIV 9.
Кумовство. XXXII 29, XXXVIII 51 (на болгарской свадьбѣ), XLIV 22.
Кумъ-трава. XXXVIII 124.
Купаться во снѣ. XXXVI 144.
Купецъ. XXXII 79.
Куплія-продажа. XXXVII 62 (у Якутовъ).
Курай, башкирскій музикальный инструментъ XXXIII 162.
Курбанъ, праздникъ. XLII 89.

Digitized by Google

Курганы. XXXIII 157, XXXVI 183, XXXIX 181 (Пронскіе, XLIII 104, XLVIII 52, 53, 167, L 176.
Курды. XXXIII 164.
„Куриный обѣдъ". обычай, иначе „Трещплятница". XXXVII 147.
Курица. XXXII 38 (черная), XXXIII 32 (въ примѣтахъ), XXXVI 151 (во снѣ), XXXVIII 130, 138, XXXIX 80 („Куриная лужка"), XLVI 137 (поющая пѣтухомъ), XLVII 117, XLVIII 119, L 135, LI 11, 62, 86 (ощипываніе куръ кикиморой, „курячій богъ"), 109, 130.
Куркасъ, царь. XLII 186.
Курляндія. XXXII 182, XXXIV 222, XXXV 159.
Курская г. XXXIV 222, XXXV 125, XXXVI 156, XLIV 134 (игры), 169, L 1 (духовные стихи).
Куртатинцы. XLVIII 65.
Куртупея. XL—XLI 31.
Кустарные промыслы. XLVI 147, L 72 (въ Дагестанѣ).
Кутаисская г. XXXVIII 207, XLIV 185, LI 187.
Кучукта, трава отъ проказы, XXXVII 120.
Кучумъ въ преданіяхъ. XXXII 183, XXXIII 164.
Кушанья—см. Пища.
Кэтэнъ, рѣка. XXXIV 146.
Лаврентій (имя). XXXII 70.
Лаврентій архидіаконъ. XXXIX 142.
Лавръ—см. Флоръ и Лавръ.
Ладонки. LI 103, 120.
Ладо. XLVII 59 („пеперуда ляда" у болгаръ).
Ладожское оз. XLVI 126.
Ладонъ. LI 103.
Лазарь L 53 (духовн. стихъ „Два Лазаря").
Лакей, пародн. взглядъ на него. XXXII 79.
Лаки—см. Кази-Кумукцы.
Лакралл-улча (страна лаковъ). XLII 61.
Лапландія. L 177.
Лапоть. XL—XLI 125, 126.
Ласкательныя выраженія. LI 162.
Ласточка. XXXII 38, XXXIII 33, XXXVI 148 (во снѣ), XXXVIII 80 (какъ образъ дѣвушки), XXXIX 118, XLVII 60, 73, 117, L 131, LI 62, 72, 110.
Латыголы, племя. XLVI,
Латыгорка, баба XLVI 79.
Латымирка (Латыгорка, баба). XLVI 82.
Латынгорка, баба LI 141.
Латынская дорога. XLVI 77.
Латырь, камень. XLVI 79.
Латыши. XXXII 182, 189 (пѣсни), XXXIII 130 (idem), XLVIII 131.
Лебеда. XXXVIII 140.
Лебедь. XXXIII 88 (въ примѣтахъ) 42 (idem), XXXIV 137, 205, XXXVIII 80 (лебедушка какъ образъ дѣвушки въ пѣсняхъ), XXXIX 16, 18, 20, 22, (праздникъ лебедя у вотяковъ), XLII 27, XLVI 165.
Левиратъ. XXVII 47, XLIII 142, XLVII 164.
Левъ. XXXVIII 14, 22, XXXIX 131 (шерсть льва) XLVI 14 (Арсланъ-богатырь).
Легенды. XXXII 184 (Бретани), XXXIV 148 (якутовъ), XXXV 137 (Бѣлоруссовъ), XXXVI 156 (о табакѣ), 173, XXXVII 148 (Прикамскаго края), XXXVIII 189 (великорусск.), XL—XLI 335 (объ ангелѣ), 358 (Грузіи), 380 (объ отрѣзанной головѣ), XLII 172 (сотвореніе міра), XLVI 114 116, XLVIII 73 (о Тамерланѣ), 167, XLIX 108 (о происхожденіи армянскихъ боговъ), LI 91 (о Христѣ), 162, 192 (Енохъ, Илья Пророкъ, антихристъ).
Ледъ. XXXVI 140 (во снѣ).
Лена, р. L 175.
Ленъ. XXXIX 80 (гаданія).
Леонтій (имя). XXXII 70.
Леопардъ. XXXVIII 14.
Летаргія. XXXIX 114.
Летучая мышь—см. Мышь.
Ликія. L 154.
Лира. XLVI 1 (Лирники Орловской губ.).
Лирники. XLVII 164.
Лисица. XXXIV 18, XXXVI 148 (во снѣ), XXXVII 126, XXXIX 27.
Листовія (имя лихорадки). XXXVIII 126.
Литва. XXXV 148, LI 187.
Литовцы. XXXV 149 XXXIX 126, XL—XLI 75, LI 79.
Лихо одноглазое LI 77.
Лихорадка. XXXVIII 125 (въ народной медицинѣ), 136, 140, XXXIX 142, XL—XLI 67, 79, 248.
Лишай, лѣченіе его. XXXVIII 130.
Логгинъ Сотникъ. XXXIX 142.
Лодки XLV 18.
Лодыжки XLIV 134 (игра).
Ломота, лѣченіе ея. XXXVIII 129, 135.
Лопари. XXXVIII 13, XXXIX 177, XL—XLI 127, XLV 3, 4, 12.
Лопата. XL—XLI 80, XLV 175.

Digitized by Google

Лотыголь, с. XLVI 80.
Лошадь. XXXIII 31 (въ примѣтахъ), XXXVI 136 (во снѣ), 148 (idem), 151 (id), 184 („Ученая лошадь", игра), XXXVII 126, XXXVIII 75, XXXIX 142 (Флоръ и Лавръ), XLV 73, XLVII 117 (лысая). L 132, 136 (приплодъ), LI 7, 24, 60, 108, 110, 120 (продажа).
Лубенскій уѣздъ. XLIV 185.
Луговики (духи). XLII 28.
Лука (имя). XXXII 70.
Лука, евангъ. LI 93 (покровитель огородничества).
Лукъ. XXXVI 149 (во снѣ), XXXVIII 132 (лѣкарство), 137.
Лукъ и стрѣлы. XXXVI 65 XL—XLI 91 (положеніе ихъ подъ голову ребенка). См. также стрѣла.
Луна. XXXII 37 (дѣйствіе ея свѣта на ребенка), 148, XXXIII 25 (въ примѣтахъ о погодѣ), XXXVI 140 (во снѣ), 149 (idem), XXXIV 179 (пятна на лунѣ), XXXVII 117, XXXIX 71 (гаданія), XL—XLI 34, XLII 4, 7 (братъ солнца), XLV 169, 171, LI 54, 94, 109.
Лунатизмъ. XL—XLI 119, XLVI 143.
Лури (Цыгане). XLIX 107.
Лучина XLII 41 (зажженная съ двухъ концовъ).
Лушницы, миѳическія женщины. XLIV 25.
Льняное сѣмя, какъ лѣкарство. XXXVIII 133.
Лысина. XXXII 78, XXXVIII 139 (лѣченіе).
Лѣса честной. LI 135. См. Лѣшій.
Лѣсъ. XXXVI 138 (въ снахъ).
Лѣшій. XXXVI 171, XXXVIII 94, XXXIX 2, 7, 130 („лѣшачиха"), XLII 15, 19, XLIII 86, XLII 196, XLV 170, 173 (бабка на родинахъ у лѣшихъ), 174 (свадьба лѣшихъ), XLVIII 164, L 137, LI 87.
Любистъ, трава. XXXVIII 123.
Люблинская г. XXXIV 222.
Любовь (имя). XXXII 76.
Любовь. XXXIII 96 (въ „припѣвкахъ"), 114, XXXV 70 (средства для привораживанія), XXXVIII 82 (въ пѣсняхъ).
Людоѣдство. XXXV 153, 160, XLVIII 45 (въ кавказскихъ сказаніяхъ), LI 117.
Лютценъ. L 176.
Лягушка. XXXIII 34 (въ примѣтахъ), XXXIV 19 (какъ носительница счастья), 137, XXXVI 76, 148 (во снѣ), XXXVII 123 (какъ лѣкарство), XXXVIII 145, 146, XXXIX 20, LI 64, 72, 98, 117, 128, 162.
Ляки—см. Лаки.
Ляодунъ. XLIV 172.
Маврида (имя лихорадки). XXXVIII 126.
Мадагаскаръ. XXXV 155, 158, L 171, LI 195.
Мадьяры. XLVI 140 (на Кавказѣ).
Май. XXXIII 41 (въ примѣтахъ), XLVII 49 (ѣзда за „маемъ" передъ Духовымъ днемъ), LI 109.
Макарій (имя). XXXII 71.
Максемьянъ. XXXIX 49. См. Максимиліанъ.
Максимиліанъ, царь. XXXVI 77, 83, XXXVII 103 (въ исторіи народн. театра), XXXVIII 161, XXXIX 47, см. Максемьянъ.
Максимъ (имя) XXXII 71.
Макъ. XXXII 42, XXXIV 140 (легенда о происхожденіи), XXXVIII 127 (лѣкарство), 132, XL—XLI 20, 28, 40, 41, 43, 45 (игра), 52 (символика).
Малайскій архипелагъ. XXXV 157.
Малая Азія. XXXV 156, XLV 14, L 154 (надписи), LI 161.
Малина. XXXVIII 83 (въ пѣсняхъ „калина-малина").
Малороссы. XXXIII 120 (сахарозаводскія пѣсни), XXXIV 95 (весенніе), XXXVIII 93 (погребальн. обряды), XL—XLI 266 (пища), XLVI 1 (лира), 154 (языкъ), XLVII 147, 149, XLVIII 137, XLVIII 141.
Мамай король, Мамай царь. XXXVI 83, XXXVII 102, XXXIX 64.
Мамельфа (Манерпа, Намерфа, Намельфа, Омельфа, Амальфа, Мальфа) Тимофеевна. XL—XLI 38, 39.
Мамурій. XXXII 11.
Мангатхай, великанъ. LI 78.
Мангишлакъ. XXXVI 183.
Мангысъ, великанъ. LI 78.
Манзанъ-Гормоханъ-Тюрмасъ-Тэнгэри. XXXVI 39.
Манчжурія. XXXIV 198, XXXVI 167, XXXIX 172, XLIV 172.
Манъ, духъ. XXXIX 131.
Марецъ, рыцарь, XXXVII 102, XXXVIII 161.
Марина (имя). XXXII 76.
Маринка безбожница. LI 117.
Маринка Кайдаловна. LI 140.
Маріонетки. XXXV 43.
Мари-Сяма-ни, шаманъ. XXXIV 144.
Маріупольскій у. XXXVIII 107.
Марія (имя). XXXII 77.
Маркизскіе острова. XXXV 153, 154.

Digitized by Google

Маркъ-гробокопатель. XXXIX 60.
Марокко. LI 194.
Маронъ, преп. XXXIX 142.
Мартіанъ, препод. XXXIX 141.
Мартинъ (имя) XXXII 71.
Маруеа, Св. XXXIX 141.
Марфа (имя). XXXII 77.
Марья Юрьевна, LI 142.
Маскарадъ. XXXIV 128, 132 (въ малорусской свадьбѣ). XXXVIII 60 (на свадьбѣ), XXXIX 84, 133, XLV 73, XLVIII 121 (на гагаузской свадьбѣ), LI 125.
Масло коровье. XXXVII 123 (какъ лѣкарство), 124.
Масляница. XXXVI 159 (Черниговской губ.), XL—XLI 312, XLVI 165, XLIX 12 (гагаузовъ). LI 51 („Колодка" въ Малороссіи), 131.
Масовскій языкъ XXXIII 153, XXXIX 143.
Матки выпаденіе, лѣченіе. XXXVIII 146.
Матріархатъ. XXXVI 39, XLIII 1, 22 XLIV 170.
Мать-мачиха, трава. XXXVIII 141,
Матеей (имя). XXXII 71.
„Машенька", народная драма. XLVI 117.
Марко Сущенко. XLVI 21,
Медаль имени П. В. Шейна. XLVI 169.
Медвѣдь. XXXIV 17 (во снѣ), 150, 205, XXXV 158, XXXVI 148 (во снѣ), XXXVII 124 (языкъ медвѣдя какъ лѣкарство) 126, XXXVIII 1 (у остяковъ и вогуловъ), 3, XXXIX 1 (медвѣжья присяга и культъ медвѣдя), XL—XLI 177 (въ сказкахъ), XLV 76 (у Чудинъ), XLVI 14, 41 (Медвѣжій сынъ „въ сказкахъ"), 45 (Царь-медвѣдь, медвѣдь съ желѣзной шерстью) 57 Jean de l'ours, получеловѣкъ, полумедвѣдь), 59 (Петръ Медвѣдь), XLVII 1 (Ивашко-медвѣдь), 4.
Медвѣжье ухо, трава. XXXVIII 122.
Медвѣжье ухо, богатырь. XLVII 23.
Медицина народн. XXXII 37, 191, XXXIII 166 (обрѣзаніе), XXXIV 3 (пупокъ какъ лѣкарство), XXXV 128, 138, XXXVI 171, XXXVII 120, XXXVIII 113, XXXIX 4, 86 (передача болѣзней другому лицу), XL—XLI 247, XLIII 154, XLIV 27, XLVI 166, XLIX 134, LI 18, 43, 162.
Медъ. XXXII 203, XXXVI 146, XLVIII 118, 152.
Межа. XLV 186 (сѣченіе на межѣ).
Мекка. XLV 14.
Мексика. XXXV 157.
Мельникъ. XXXII 79, LI 88, 122.
Менструаціи. XXXII 23, XXXIV 3, XXXVIII 146, 198, XL—XLI 118, 129, XLIV 101, XLVI 144.
Мервъ. XXXV 148.
Месть родовая. XLII 68, XLVIII 128.
Месть кровная. XXXV 12, 158, XXXVIII 33, XL—XLI 252, XLII 94.
Мехи. XL—XLI 65, 87.
Метеніе пола. L 135, LI 101.
Метла. XXXVIII 42, XL—XLI 82, LI 25.
Мещеряки. XXXV 145, L 173, LI 191.
Мзечабукъ, царь Хазарскій. XLV 180.
Милостыня. XXXIX 122.
Мина Египтянинъ. XXXIX 142.
Минай, св. LI 24
Мингрелія. XLVIII 161.
Минни, Натти, пѣвецъ рунъ. XLIX 188.
Минская губ. XXXII 2 (обычное право), XXXIII 1 (семейн. право), XXXVI 139, XXXVIII 161, 168 (духовн. стихи), XL—XLI 78, 93, XLVIII 135.
Минусинскій окр. XXXV 190, XXXVII 145, XLVI 153.
Мирджанъ-Джазо, волшебница. XLV 129.
Мироносицъ недѣля. LI 134.
Миронъ (имя). XXXII 71.
Мистеріи. XXXIII 178, XXXV 44.
Митава. XXXII 181.
Миха (Михаилъ Архангелъ). LI 90.
Михаилъ (имя). XXXII 71.
Михаилъ Архангелъ. L 57 (Духовный стихъ), LI 90.
Михаилъ-Архистратигъ. L 58 (духовн. стихъ).
Михаилъ Даниловичъ, богатырь. XL—XLI 34, LI 142.
Михайло, царевичъ. XLVI 20.
Многоженство. XXXV 79 (якутовъ), XXXVII 39, XLVIII 127.
Могила. XXXVI 140 (во снѣ).
Могилевская г. XL—XLI 56, LI 79.
Могильники. XLVII 164 (мордвы), XLVIII 169 (Кавказа).
Модестъ, Св. XXXIX 142.
Можжевельникъ. XXXVIII 131 (какъ лѣкарство), 137, 141.
Мозаика. XXXV 157.
Мозга сотрясеніе, лѣченіе. XXXVIII 147.
Мозоль, лѣченіе. XXXVIII 142.
Мои, индо-китайское племя. XXXV 154.
Моисей (имя). XXXII 71.

Digitized by Google

Моисей Муринъ. XXXIX 142.
Моисей, пророкъ. XLIII 116, XLVIII 41.
Моисей Угринъ. Препод. XXXIX 141.
Мокрина (19 іюля). XXXIII 41.
Мокрица. XXXVIII 131 (какъ лѣкарство).
Мокрица, трава. XXXVIII 131.
Молдаване XLIX 35.
Молитва. XXXIX 140 (Кому и въ какихъ случаяхъ народъ молится?), XLVII 112 (отъ грозы).
Молнія. XXXIII 39 (въ примѣтахъ), XXXVI 149 (во снѣ), XLVII 112 (пожаръ, молитвы отъ молніи, LI 56, 95, 128).
Молоко. XXXII 41, XXXIV 3 (женщины), XXXVI 56, XXXVIII 132 (кобылье какъ лѣкарство), 138, 142, XXXIX 31 (женское), 116, XLVI 42 („звѣриное"), XLVIII 37 (женское), LI 11, 18 (женское), 35, 41 (женское).
Молотъ. XXXII 11 (предохранительное дѣйствіе ударовъ молота).
Молочница, лѣченіе ея. XXXVIII 147.
Мольбы (обѣщанные праздники). LI 124.
Монахъ въ народн. театрѣ. XLVI 117.
Монголія XXXV 147, L 175, LI 190.
Моравія. XXXIII 144.
Мордва. XXXVI 152 (Пѣсни Мордвы — ёрзи), XL—XLI 74, 384, XLIV 183, 184 XLV 13, XLVII 164, 177, L 173, 191.
Мориовь. XXXVIII 130, 136, 138, 139.
Морозъ. XXXVII 127, XLII 17.
Морои. XXXII 202.
Москаль. XXXII 79.
Москаль-Чарівникъ. L 145.
Москва. XLIX 167.
Московка. XXXII 80.
Московская г. XXXVIII 182. 207, XL—XLI 383, XLIV 172, 182 XLVII 165.
Мостъ. XXXVI 147 (во снѣ).
Мохевцы. XL—XLI 383.
Мохъ исландскій, XXXVIII 142.
Моча. XXXVIII 132, 137 (мочегонныя средства), XL—XLI 79 (ребенка) LI 18, 20 (недержаніе мочи), 22 (на Страшномъ Судѣ), 42 (дѣтская отъ глазныхъ болѣзней), 95 (опасность отъ испусканія на огонь), 100, 101.
Мошка. XXXIII 43 (въ примѣтахъ), LI 110.
Мтіулы. XL—XLI 383, XLIV 185.
Мудуръ (драконъ). XXXIV 4.
Мужеложство—см. Педерастія.
Музеи: Музеи (вообще) XXII 173 (торговые), LI 157.
Музей археологическихъ древностей и предметовъ народнаго быта въ Владикавказѣ XL—XLI 383.
Музей Антроп. и Этнографіи при Имп. Ак. Наукъ. XLIV 173. Вѣнскій торговый музей. XXXII 175. Красноярскій музей. XXXV 188. Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской XLIV 185. Минусинскій музей. XLVI 152 (описаніе), LI 189 (XXV-ти лѣтіе), Музей семьи Планеровъ подъ Лютценомъ (Скандинавія и Финляндія). L 176. Тобольскій музей. XXXII 182. Томскій музей. XLV 13. Хабаровскій музей Имп. Русск. Г. Общ. XXXII 156. Музей этногр. бар. Ѳ. Р. Штейнгеля. XXXIII 178. Das Museum f. Natur-Völker u. Handelskunde in Bremen. XXXV 156.
Музыка. XXXVI 145 (слышать во снѣ).
Музыкальные инструменты XXXII 148, 153, 154, XXXIII 162 („курай"), XXXVI 11, XL—XLI 246, XLII 76 (Кази-Кумукцевъ), XLIV 70 (гагаузовъ), XLV 37 (вогуловъ), XLVII 16 (Лира), 60 (болгаръ, 140.
Музыкальное народное творчество XXXII 177 (записи И. Прачъ), 217 (хоровыя общества). XXXIII 133 (Латышей), 162 („курай"), XXXIV 221 (музыкально-этнографическая библіотека Общества Л. Е. А. и Э.), XXXV 152, 161, XXXVI 1 (восточная музыка), 22 (Кавказскія записи Арс. Корещенко), 125 (финновъ), XXXVII 65, 129 (купальскія пѣсни), XXXVIII 157 (пѣсня Комину), XL— XLI 380 (вліяніе русской пѣсни на музыку), XLII 181, 182 („Пѣсни русск. народа" собр. Истоминымъ и Дютшемъ), 185 (idem), XLIII 130. 153, XLIV 70 (гагаузовъ), XLVI 1 (Лирники Орловской губ.). XLVII 164, 176 (остяцкія мелодіи запис. фонографомъ), XLIX 103 (цыганъ), 135 (боша) 183 (Этнографич. концерты этногр. отд. О. Л. Е. А. и Э.), L 179 (пѣвческія празднества у эстовъ), LI 181 (программа для собиранія народн. пѣсенъ и друг. музыкально-этнографическаго матеріала), 182, 184 (гагаузовъ), 185 (Тифлисской губ.). Кромѣ того, см. Выставки, музыкальн. инструменты, общества, концерты, фонографъ.
Мука. XXXVI 146 (во снѣ), XLVIII 108 (обрядъ просѣиванія муки).
Мука-Амбани, водяной. XXXIV 9.
Мултанскій вопросъ XXXIV 205.
Муравей. XXXII 65, XXXIII 36 (въ

Digitized by Google

примѣтахъ), XXXVI 128 (средство отъ нихъ)), XXXVII 123 (какъ лѣкарство), XXXVIII 129 (idem), 131 (id), 141 (id), XXXIX 118.
Мурманъ. XXXIX 178, XLIV 184.
Муромъ, г. XLIV 160.
Мусульманство. XXXVII 82 (Уральскіе мусульмане), XL—XLI 355.
Муха. XXXIII 36 (въ примѣтахъ), XLVI (113 (обрядъ похоронъ мухъ), XLIX 159 легенда о происхожденіи), 163 (Спасовская, муха-горюха, изгнаніе мухъ), LI 8 (муха-шайтанъ).
Мухоморъ, какъ лѣкарство. XXXVIII 136 (масло изъ него), 141.
Мхитарянъ, Мурадъ, сказатель. XLV 133.
Мэнкъ, божество вогуловъ. XLV 69.
Мыло XL—XLI 78 (предохранительное средство отъ злыхъ духовъ).
Мытрыбъ (Цыгане). XLIX 107.
Мышь. XXXIII 31 (въ примѣтахъ), 39 (id), XXXIV 138 (летучая), XXXIX 123 (происхожденіе летуч. м.), XLVII 11 (летуч.), 70, 71, LI 25, 62, 71, 106, 107.
Мѣдь. XXXVI 140 (во снѣ), XXXVIII 141 (какъ средство отъ холеры).
Мѣна XXXIV 45, XXXVII 62.
Мѣры длины, вѣса и т. д. XLII 74, 75 (у Кази-Кумукцевъ).
Мѣсячное очищеніе у женщинъ.—см. Менструаціи.
Мясо. XL—XLI 73 (человѣческое).
Мята перечная, XXXVIII 141.
Мятель XLVII 17, 70.
Надписи. XXXV 149 (на скалѣ Тырь). 150 (Нью-Чжинская), 152, XLVII 176, L 154 (Малоазійскія).
Назарій (имя). XXXII 71.
Названія мѣстностей. XLIX 187 (Финляндіи), L 178.
Наймъ. XLIX 14.
Налимъ. XXXIV 135, XXXVII 124 (печень какъ лѣкарство).
Намной, духъ дѣлающій синяки на тѣлѣ человѣка. L 138.
Намскій улусъ. XXXIX 172.
Нань-Шань. XXXIV 197.
Наполеонъ (въ народн. театрѣ) XXXV 39.
Наранъ-Гэрэлъ. XLVI 37.
Народовѣдѣніе. XLVI 141,
Нарывы, лѣченіе XXXVIII 133.
Нарымскій край. LI 182.
Нарѣчія—см. Языки, говоры, нарѣчія.
Наслѣдованіе по обычному праву XXXIII 1 (Минской губ.), XXXIV 192 XXXV 5 (киргизовъ), XXXVII 44 (якутовъ), 56 (idem).
Насморкъ, лѣченіе его. XXXVIII 136, LI 18.
Насонъ, трава. XXXVIII 121.
Нафъ-Эдинъ. XLVI 141, XLVIII 182.
Настасья Королевична. LI 143.
Настасья Микулишна. LI 140.
Насѣкомыя, повѣрья и обряды. XLIX 159.
Наталка Полтавка. L 145.
Наталья (имя). XXXII 77.
Наумъ (имя). XXXII 71.
Находка. XXXVII 62.
Нашатырь. XXXVIII 125 (врач. средство).
Небо. XXXIV 1. XLII 2 (вѣрованія крестьянъ), XLV 169, XLVII 112, 132, LI 52, 71, 94.
Нева р. XL—XLI 35.
Негидальцы. XXXIV 1.
Негры. XXXV 153, XXXVIII 34.
Незаконнорожденные. XL—XLI 240 (у осетинъ).
Некрасовцы. XLII 194,
Некрещеныя дѣти. LI 82.
Некрологи. XXXVI 204 (П. А. Безсоновъ), XLVI 96 (П. В. Шейнъ), 115 (И. Л. Бахтадзе, Гр. А. Джаншіевъ), L 170 (А. И. Добрянскій, принцъ Генрихъ Орлеанскій), 180 (И. Н. Ждановъ).
Неопалимая Купина. LI 129.
Неплодіе. XXXIX 141 (Романъ Чудотворецъ). См. Бездѣтность.
„Неразсказанный сонъ“, былина L 182.
Нерчинскій край. XXXV 150.
Несторъ (имя). XXXII 71.
Нижегородская г. XXXIV 219, 222, XXXIX 181, XLVI 114.
Никита (имя). XXXII 71.
Никита Колтома. XLVI 20.
Никита, св. XXXII 12, XXXIX 49, 142.
Никифоръ (имя). XXXII 73.
Николаева, Ек., тверская вопленница XXXV 112.
Никола Гостунскій. XXXIX 141.
Николай (имя). XXXII 72.
Николай Чудотворецъ. XXXII 3, XXXIX 142, LI 93.
Николинъ батька (наканунѣ Николина дня). XLVII 43.
Николинъ день. XLVII 44.
Николо-Раменскій приходъ. XXXIX 127.

Digitized by Google

Никонъ (имя). XXXII 72.
Нина, просвѣтительница Грузіи. XLV 180.
Нитка. XXXIX 118 (красная), 122 (отъ основы).
Нифонтъ, препод. XXXIX 141.
Нищенство. XXXII 80, 145, XL—XLI 245 (мѣры противъ него у осетинъ), XLII 65, LI 51 (Богъ въ видѣ нищаго старика).
Новая Гвинея. XXXV 157, 159.
Новая Зеландія. LI 79, 189.
Новая Земля. XXXIX 178.
Новгородская г. XXXIII 104 (пѣсни „сбирушки"), XLV 167, XLVIII 158.
Новгородъ. XLII 188,
Новогреки. XLVIII 137.
Новороссійскій край. XLIII 38,
Новый годъ. XXXIII 40 (въ примѣтахъ), XXXIV 96 (сватовство въ Малороссіи), XXXIX 120, XL—XLI 312, XLIII 108 (славленіе дѣтей), XLIX 11, LI 125, 162.
Ногти. XXXIX 88 (въ гробу), 115, LI 21, 37 (стрижка ихъ по пятницамъ) 48 (бѣлыя пятна, одежда Адама изъ ногтей), 100, 119.
Ногтоѣда, лѣченіе. XXXVIII 137.
Ногуй, птица. XLVI 18.
„Нодья". XLV 20.
Ножницы. XXXVI 65 (духъ ножницъ), XXXVIII 42, XXXIX 123.
Ножъ. XXXII 42, 59, XXXIII 92 (въ свадьбѣ вотяцкой), XXXIV 101 (въ свадьбѣ), XXXVI 54 (idem), 65 (духъ ножа), 147 (во снѣ), XL—XLI 70 75 (въ колыбели), 81,
Ной, пророкъ. XLVII 135.
Нойды. XLV 3.
Норка-звѣрь. XLVII 9.
Носъ. XXXII 77, 78, XXXVI 142 (большой носъ во снѣ).
Нѣмота, лѣченіе. XXXVIII 148.
Нѣмцы. XXXV 155, XLVII 56, XLIX 38.
Нѣпра, рѣка. XL—XLI 35.
Обязьяна. XXXV 158.
Облака, XXXIII 26 (гаданіе о погодѣ), XLII 17, LI 56, 110, 111.
Обморокъ, лѣченіе. XXXVIII 147.
Оборотни. LI 116.
Образа. XXXVI 141 (во снѣ), 149 (idem) XLIII 154 (иконографія), XLVII 87 (на крестьянскомъ дворѣ), LI 101 (чудесное „поновленіе" иконостаса).
Обрученіе. XLV 12.
Обрѣзаніе (обрядъ). XXXIII 166 (у древнихъ народовъ), XXXV 155, XLII 83, 104 (у Таджиковъ).
Общества: Русское Антропологическое Общ. при СПБ. университетѣ. LI 188 Московское Археологическое Общество. XLVII 170. „Галицко-русская матица", ученo-литературное общество. XLVIII 192. Гекльйтовское общество. XLIV 173. Императорское Общество любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ Москвѣ: Этнографическій отдѣлъ. XXXIV 219, XL—XLI 380, XLIV 162, XLVII 163, 167, XLIX 183 (этнографич. концерты), Музыкально-этнографическая комиссія при Этногр. Отд. Общества Л. Е. А. и Э. XXXIV 220, XL—XLI 381. Общество любителей изученія Кубанской области. XLII 193. Общество Любителъ. Росс. словесности. XLVII 171. Тульское Историко-археологическое товарищество. XLVIII 192. Общество народнаго просвѣщенія въ Финляндіи. XLIX 189. Панъ-исламское общество „Сенуси". XLIX 191. Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края. XXXVI 183. Императорское Русское Географическое Общество. XXXII 218 (изданіе сказокъ). Восточно-Сибирскій отд. Императорскаго Географическаго Общества. LI 187 (L лѣтній юбилей). Пріамурскій Отдѣлъ И. Р. Г. О. XLIV 172. Тульское Историко-археологическое товарищество. XLVIII 192. Общество финноѣдѣнія (Kotikielen seura) XLIX 185. Финское археологическое Общество. XLIX 187, 189, L 178, LI 190. Финское Литературное Общество. XXXVI 114, XL—XLI 380, XLIX 184, LI 190. Финско-Угорское Общество. XLVII 176, XLVIII 192, LI 189. Шведское Литературное Общество. XLVIII 193, XLIX 191.
Община. XXXII 171 (въ Сибири), XXXV 150 (idem), XXXVI 101 (якутовъ), 181, 185, XL—XLI 380, XLII 90, XLIX 16, L 79.
Обычное право. XXXII 82 (Минской г.), XXXIII 1 (idem), 156, XXXIV 67 (киргизовъ), 190 (Харьковской губ.), 219 (приданое), 222, XXXV 1 (киргизовъ), 156, XXXVI 101 (якутовъ), XXXVII 37 (idem), 142, XL—XLI 380, 381, 383 (Иркутской губ.), 384 (Сибири), 391 (Карачай), 398 (Томской и Енисейской губ.), 401 (Томской), 402 (idem), XLII 97, XLIII 73 (сѣвера Россіи XVII в.), 142, 182, 184, XLV

Digitized by Google

13, XLVI (русскихъ инородцевъ. Библіографическій указатель), XLIX 50 (сословно-поземельный вопросъ въ Дагестанѣ), 140 (армянскихъ боша), L 109 (армянъ Эриванской губ.), LI 161, 191; кромѣ того см. Судопроизводство, купля-продажа, мѣна, приданое и друг.
Обѣты. LI 123.
Овесъ. XXXIX 78 (въ гаданіяхъ).
Овинникъ (духъ). XLII 89, LI 85.
Овинныя именины (14 сентября) LI 129.
Овца. XXXIII 30 (въ примѣтахъ), XXXVI 151 (во снѣ), XXXVIII 133 (пометъ ея какъ лѣкарство), L 136, LI 7, 109.
Оводъ. XLIX 160, 161.
Огненная земля. XLIV 173.
Оговоръ. LI 118. См. Сглазъ.
Огонь. XXXII 194, XXXIII 29 (гаданіе о погодѣ по пламени), XXXIV 186 („живой огонь"), XXXV 162, XXXVI 57, 69, 70, 71, 140 (во снѣ), 149 (idem), XXXIX 3, 9, XL—XLI 73, 75, 107 (оскорбленіе огня, очага), XLIII 41, XLVI 164 (Пасхальный), XLVII 70, 138 (добытый треніемъ), LI 57, 69 („живой огонь"), 95. См. Очагъ, Печь.
Огропела или Аграфена, чертъ якутскихъ легендъ. XXXIV 176.
Огузы. XLII 9.
Огурцы. XXXVI 149 (во снѣ), XXXVIII 136, 137 (огуречный разсолъ какъ лѣкарство).
Огуды (Гагаузы). LI 75.
Одежда. XXXII 153 (сибирскихъ инородцевъ), XXXIII 72 (молодушки у вотяковъ), XXXIV 197 (монголовъ), 204 (старинная русская), XXXV 157, 189, XL—XLI 218 (Ярославск. г.), 334 (армянъ), XLII 70 (Кази-кумухцевъ), XLIII 154, XLIV 172 (съ точки зрѣнія естествоиспытателя), XLV 38 (вогуловъ), XLIX 119 (армянскихъ боша), L 177 (финновъ), 179 (эстовъ).
Одиссея. LI 75,
Одинокъ. XXXII 7.
Одоевъ, г. XXXIII 152 (языкъ одоевскихъ торговцевъ), XXXIX 143.
Одоленъ-трава. XXXVIII 120, 121, LI 121.
Озера провальныя. XLVII 75.
Озимь, какъ лѣкарство. XXXVIII 142.
Ознобленіе. XXXVIII 136.
Ока, р. XXXV 145.
Оккультизмъ. XLVI 142.
Окхыръ-Кантъ. XLVIII 37.
Олекминскій округъ. XXXVI 102, XXXVII 121.
Оленеводство. XLV 46.
Олово. XXXIX 69 (гаданіе).
Олонецкая г. XXXV 89 (А. Ѳ. Гильфердингъ), 147, 150, XXXVI 119 (Калевала), 120 (финскія легенды), 181 (община, артель), XXXVIII 207, XL—XLI 69, 128, 346 (областное нарѣчіе), 383, XLII 182 (пѣсни), XLIV 182, XLV 3, XLVI 15, 163, XLVIII 131, 155, LI 43, 69.
Ольга (имя), XXXII 77.
Ольховскій приходъ. XXXIX 127.
Ольхонъ. XLII 190.
Оманскій вопросъ. XLV, 14.
Омега, трава. XXXVIII 131.
Омія, человѣческая душа въ видѣ птички. XXXIV 1.
Оміи-Муони, дерево на небѣ XXXIV 1.
Онуфрій Великій. XXXIX 142.
Опахиваніе деревни (обрядъ). XXXIV 186, XLVII 114. 138.
Опека. XXXIII 1 (Минской губ.), XXXIV 194, XXXV 4 (Киргизовъ), XXXVII 59 (у Якутовъ).
Опій. XXXIV 140 (легенда и его происхожденіи).
Орелъ. XXXIV 40 (игра „Орелъ"), XXXIX 131, XLVI 61, XLVII 117, LI 62.
Ори, камень. XXXIV 143.
Оріопъ. XLVII 3,
Орловская губ. XLV 169, 186, XLVI 1 (Лирники), XLVII 68 (вѣровавія), XLVIII 164 (idem).
Орлянка, игра. XXXIV 46.
Орнаментація. XXXIV 204 (остяковъ), XXXV 159, 160. См. также Писанки.
Орочены. XXXII 157.
Орскій уѣздъ. XLII 175,
Орхонъ, р. XLIV 10.
Оружіе. XXXIV 207 (старинное русское), XXXV 159, 160.
Орштхои. XLVIII 40, 41 (отличіе ихъ Нартовъ).
Орѣхи. XXXVI 149 (во снѣ), XXXVIII 130 (Грецкіе, какъ лѣкарство), 145 (орѣховое масло какъ лѣкарство).
Оселъ. XXXIX 119, XL—XLI 60, XLIX 109, 115.
Осетины, Осетія. XXXV 152, XL—XLI 225 (Сѣвернаго Кавказа), XLV 12, 180, XLVIII 170, LI 185.
Осина. XLII 42, XLVII 118, LI 97.
Оскопленіе—см. Кастрированіе.
Оскорбленіе. XXXVI 110 (гостя).

Digitized by Google

Османы. LI 145.
Оспа. XXXIX 142 (Кононъ Исаврійскій).
Остиндія. XXXV 155.
Островъ, д. XXXIX 127.
Остяки. XXXII 155, 182, XXXIV 202, XXXVIII 1 (медвѣжья присяга), XXXIX 1 (культъ медвѣдя), XLV 77, XLIV 175, XLVI 163, XLVII 176, L 173, LI 182, 191.
Отравленіе, лѣченіе. XXXVIII 147.
Отхожіе промыслы. L 71.
Отчество. XLIX 4.
Охин-Хара-Тэнгэри. XXXVI 39.
Охотничій промыселъ. XXXIV 135 (налимъ какъ средство отъ тигра), 142 (у гольдовъ), XXXVI 123 (повѣрья), XLV 49 (вогуловъ).
Охотскій край. XLIV 172.
Охриплость, лѣченіе. XXXVIII 141.
Очагъ. XLVII 39, 128, XLVIII 101, 132, XLIX 102, 119, 131 (въ цыганской свадьбѣ), L 125 (цѣлованіе невѣстой очага). См. также Огонь, Печь.
Павелъ (имя). XXXII 72.
Павла—навозница (4 іюня). LI 127.
Павлинъ. XLIII 117, (царь птицъ).
Падучая, лѣченіе ея. XXXVIII 144.
Пажъ, царя Максимиліана. XXXV 83.
Паисій, св. XXXIX 142.
Палестина. XXXIV 198.
Палея. L 180.
Палка. XXXVIII 39, (какъ символъ рожденія мальчика).
Памиръ. XXXIV 198.
Пантелеймонъ (имя). XXXII 72, LI 128.
„Паны". XXXIX 126, XLIII 104. (Паново „озеро", Пановы „могилки").
Папоротникъ. XXXVIII 117, 136, LI 99.
Папортъ, трава. LI 121.
Параличъ, лѣченіе его. XXXVIII 128, 143, LI 19.
Параскева (имя). XXXII 77.
Параскева Пятница. LI 130.
Пари, добрый геній. XLIII 82.
Пародіи. XLVI, 114 (на историческую пѣсню).
Пастухи. XXXII 80, XXXVI 142, (во снѣ), XLIII 115. (Пастухъ у Соломона Мудраго), XLIV 182.
Пасха. XXXIX 79 (свѣча пасхальная). XL—XLI 315, 318 (въ Малороссіи), XLVII 71, 117 (Пасхальная ночь для удачи въ воровствѣ), XLIX 12 (у гагаузовъ), LI 33 (заутреня), 98 (неразмѣнный рубль), 132, 162.
Патріархатъ, XLIII 3.
Паукъ. LI 64.
Паутина. XXXVIII 125 (какъ лѣкарство).
Пахомій (имя). XXXII 72.
Пачейка, р. XXXIX 127.
Педерастія. XLIX 59.
Пелагія (имя). XXXII 77.
Пензенская г. XXXVIII 207, XL—XLI 384.
Перерyда-ляда, болгарскій праздникъ. XLVII 59.
Передѣлы земель. XXXVII 60 (у якутовъ).
Переживанія. XLIII 25.
Пережинъ поля. L 133.
Прекрестки дорогъ. LI 88 (любимое мѣсто „полевиковъ").
Переломы, лѣченіе. XXXVIII 134.
Перенька, трава. XXXVIII 122.
Перепелъ. XLVII 83.
Перепрѣлости, лѣченіе. XXXVIII 143.
Переселенцы. XXXII 155 (въ Тобольской г.), XXXIV 198, 220. XLIII 141, 143, XLIV 174 (въ Южно-Уссурійскій край), XLV 14 (Сирія).
Перецъ стручковый, какъ лѣкарство. XXXVIII 140.
Переяславъ. XLV 186.
Пермская г. XL—XLI 68, XLIII 89 (былины), 108. XLV 15 (вогулы), XLVII 165. LI 157, 182.
Персы, Персія. XXXVI 4 (музыка), XLV 14.
Перу. XXXIX 13, XL—XLI 323, XLV 13.
Перхоть. LI 107.
„Перхули", гурійскій танецъ. XXXVI 15.
Песеглавцы—см. Кинокефалы.
Песокъ. XXXVI 140 (во снѣ).
Петербургская губ. XXXV 143.
Петровъ крестъ, трава. XXXVIII 118.
Петровъ день. XLVII 95 (способъ узнать колдуна).
Петръ (имя). XXXII 72.
Петръ Великій въ легендахъ, сказаніяхъ. XL—XLI 387, XLVII 97, LI 142 (пѣсня народная).
Петръ Медвѣдь XLVI 59.
Печень налима. XXXVIII 126 (лѣкарство).
Печора XLVII 165.
Печь. XXXVI 137 (въ снахъ), L 135. Кромѣ того см. Огонь, Очагъ.
Пивоваренiе. XL—XLI 222 (въ Ярославской губ.), XLVII 41.

Digitized by Google

Пинега, р. XLVII 165, LI 182.
Пинскій уѣздъ. XXXVIII 155.
Пинчуки. LI 79.
Писанки (Крашанки). XXXVI 205, XL—XLI 381 (техника приготовленія), 405 (иллюстрація въ краскахъ).
Пища, питье. XXXIV 139 (гольдовъ), 197 (монголовъ), XXXV 153, XL—XLI 207 (Ярославской губ.), 266 (малороссовъ), XLII 71 (Кази-Кумукцевъ), XLV 41 (вогуловъ), XLIX 128 (боша).
Піявка. XXXVI 148 (во снѣ).
Плакунъ, трава. XXXVIII 118, LI 121.
Платовъ, казацкій атаманъ. XLVII 110.
Платонъ (имя). XXXII 72.
Платье—см.. Одежда.
Плащица, истребленіе ея. XXXVIII 148.
Плачъ. XXXVI 136 (во снѣ), L 59 („Плачъ Іосифа", духовный стихъ), LI 107 (во снѣ).
Плеваніе. LI 46 (плев. на грудь ради предохраненія себя отъ несчастій), 95 (на огонь), 96 (грѣховность плеванія на землю), 101.
„Пленъ". XLV 186.
Плеяды (звѣзды). XLVII 3.
Плоцки (игра). XLIV 147.
Плугъ. XXXII 146.
Побратимство. XXXV 162, XXXVII 41, XXXIX 168, XL—XLI 244, XLIII 49.
Поволжье. LI 186.
Погибельна, трава. XXXVIII 122.
Поговорки. XLVI 148 (XVII—XIX в.)
Погода. XLIV 175 (по примѣтамъ), LI 100. (См. Климатъ).
Погребальные обряды—см. Похоронные обряды.
Подагра, лѣченіе. XXXVIII 144.
Подати. XXXVI 102, XLVIII 25 (въ Дагестанѣ), L 79 (idem).
Подкова, находка ея, храненіе XL—XLI 80, XLVI 137, LI 109.
Подойникъ. XXXVI 128.
Подольская г. XXXIV 222.
Подсокольникъ, сынъ Ильи Муромца XLVI 85.
Подушка (въ свадьбѣ). XLVIII 142.
Пожаръ. XXXVI 137 (во снѣ), 140 (idem), XXXIX 142, XLII 13 (отъ грозы), XLVII 112 (idem), LI 25, 85 (по винѣ овиннаго духа, „овинника"), 95 (отъ грозы), 101 (явленія при горѣніи иконы, человѣка во время пожара), 103 (уходъ таракановъ передъ пожаромъ).
Покаяніе. XXXIX 142 (смерть безъ покаянія).
Покойникъ. XXXVI 138 (въ снахъ). 142 (idem), 150 (id).
Покровъ Богородицы. XXXIII 37, LI 85, 129.
Полевая ягиль. XXXVIII 123.
Полевики (духи). XLII 28, LI 88.
Поліандрія. XXXIV 197, XXXVII 47, XLIII 8, XLIV 171.
Полигамія. XLIV 171.
Полинезія. LI 79.
Полипы, лѣченіе. XXXVIII 143.
Полифемъ. XLVII, 12 XLVIII 47, LI 75.
Полиція. XXXVI 142 (во снѣ).
Половцы. XLV 8.
Полозъ—см. змѣя.
Полотенце. XXXIX 78 (въ гаданіяхъ), 121, XLV 24, LI 23.
Полотно. XLVII 118 (во снѣ).
Полтавская г. XXXIV 222, XXXVI 182 (начальное образованіе), XL—XLI 70, XLIV 185, XLVII 163.
Полудница (полевой духъ). LI 87.
Полунощница. XXXIX 131.
Полъ ожидаемаго ребенка. L 136 (опредѣленіе пола потомства), LI 100 (полъ млад. по желанію).
Поляки. XXXII 158 (пословицы), XXXV 52, XLII 195, XLVIII 133.
„Поляки" (старовѣры изъ Польши). XLV 182.
Помело. XLII 18.
Поминки. XXXIV 136 (у гольдовъ). XXXVI 185, XXXVIII 95, 108 (у грековъ), XXXIX 90, XL—XLI 319, 322. (Малороссіи), XLII 89, XLV 163 (Семикъ).
Поморы. XXXIX 177, XLVIII 86.
Помочи. XLIX 21 (у гагаузовъ).
Понедѣльникъ. XXXII 26, 40, XXXVI 161 (первой недѣли вел. поста). XLVI 136, LI 24, 109, 123 (обычай „понедѣльничать" т. е. поститься по попед.).
Пономарь. XXXII 80.
Поносы, лѣченіе. XXXVIII 135.
Порогъ. XXXIX 116 (при здорованіи),
Поросенокъ. XXXIX 115 (какъ подарокъ).
Порохъ. XL - XLI 75.
Портной. XXXII 80, XXXVI 83 (въ піесахъ народн. театра), XXXVII 102.
Поруганіе покойниковъ. XLV 186.
Порча. XXXII 192, 202, 203 (заговоры), XXXVIII 121 (трава Золотуха), 123, XLII 134, XLIII 110 (въ XVII вѣкѣ), XLVII 113 (средство противъ п.), XLIII 147.

Digitized by Google

Порѣзы, лѣченіе. XXXVIII 130.
„Посадъ“ (средство для рѣшенія сохранила ли невѣста цѣломудріе). XXXII 113.
Посестримство. XLIII 49.
Посидѣлки. XXXV 67 (Пошехонья), XXXIX 130 (Кадниковскаго у.), XLVIII 99 (у гагаузовъ).
Пословицы. XXXII 158 (польскія XVIII вѣка), 185 (Вероны), XXXIII 44 (Туркестана), XXXIV 220, XXXV 158, XXXVI 114, 124 (финскія), 168, 175, XXXVIII 206, XL—XLI 149, 151, XLV 181 (Адыге), XLVI 114, 147 (Киргизскія), 148, (XVII—XIX вѣк.), XLIX 169 (арабскія). LI 28 (о священникахъ), 162.
Посрамленія обряда. XLVIII 100, 132. См. Поруганіе.
Посты. XLII 88, XLIV 99 LI 122.
Посуда. XL—XLI 201 (Ярославской губ.), 271 (малороссовъ), XLVIII 151 (битье на свадьбѣ).
Потокъ, Потыкъ Михайла. XL—XLI 49.
Потопъ всемірн. XLVII 135.
Похоронные обряды. XXXII 182 (остяковъ), XXXIV 185 (во время эпидемій), XXXV 122 (причетъ Тверск. губ.), 156, 157, 159, XXXVIII 16, 34, 93 (малороссовъ), 96 (idem), 107 (новогреческія причитанія), XXXIX 120 (встрѣча съ похор. процессіей), XLII 90 (кази-кумукцевъ), XLVI—136 (примѣты), XLIX 104 (цыганъ), 133 (армянскихъ бошъ).
Поцѣлуй. XXXVI 145 (во снѣ), XXXIX 121, XLVIII 8, 123 (у гагаузовъ), 144, 157.
Пошехонье. XXXV 57, XXXIX 69, XL—XLI 193.
Поясъ. XXXVI 147 (во снѣ), XXXIX 78 (въ гаданіяхъ), LI 85 (при вводѣ въ хлѣвъ купленнаго домашн. скота).
Правильная трава XXXVIII 134.
Праздники. XLVII 138, LI 124 (обычныя „мольбы“ и по обѣщанію), LI 162.
Прасковея пятница. LI 36. См. также пятница.
Прасолъ. XXXIX 143 (г. Одоева).
Превращенія въ звѣрей, птицъ и. т. п. XXXIX. 5, XLII 11 (ребенка въ свѣчу и т. п.), 17 (вѣтра), 20 (лѣшаго).
Преданія. XXXVI 168.
Премія: Премія по этнографіи имени Его Императорскаго Высочества Великаго князя Сергѣя Александровича XXXIV 220, XLIV 183, 185, XLVII 164. LI 183.
Премія Д. Г. Кананова. XXXVI 203.
Премія имени М. И. Михельсона XXXIX 193, L 168.
Премія имени А. М. Сибирякова за сочиненія о Сибири XLVI 170.
Прибалтійскій край. L 177.
Привидѣнія. XXXVIII 148.
Привораживаніе. XXXV 70, LI 98.
Привѣтствія при встрѣчѣ, работающимъ и. т. п. XXXIX 82. XLVI 114, XLIX 8 (гагаузовъ), LI 120.
Приговорки. XXXII 56 (Харьковской губ.).
Приданое. XXXII 104, 112 (у Бѣлоруссовъ), XXXIV 14 (гольдовъ), 219, XXXVII 45, 88, XXXVIII 45 (у болгаръ), XL—XLI (у осетинъ), L 128 (у арминъ).
Пріемыши. XXXII 89, XXXV 24 (у киргизовъ), XXXVII 41, 57 (у Якутовъ).
Приворъ—см. Сглазъ.
Прикамскій край. XXXVI 186.
Примакъ (зять пріемышъ). XXXII 121.
Примѣты. XXXIII 17 (погода, урожай), XXXIV 31 (по дѣтскимъ играмъ), XXXV 137 (бѣлоруссія), 155, XXXVI 170, XL—XLI 271 (при печеніи хлѣба), 306 (при ѣдѣ), XLII 99 (при родахъ), 196, XLIV 175 (погода), XLVI 136, XLVII 117, L 129, 138, LI 20 (гагаузовъ), 47, 100 (Пошехонья), 106, 107, 110.
„Припѣвки“—см. пѣсни коротенькія.
Присловья. LI 162.
Присяга. XXXV 31 (Киргизовъ), XXXVIII 1 (медвѣжья), XXXIX 1 (idem). 36 (на шкурѣ тигра), XL—XLI 244 XLIII 144, XLVI 71, LI 45.
Приуралье. XXXV 142, LI 187.
Причастіе. XXXIX 116, XLVIII 124.
Прическа. XXXVI 66 (новобрачной у бурятъ). См. Волоса.
Причитанія. XXXIII 67 (свадебн. вотяковъ), XXXV 62 (Пошехонья), 112 (Тверскія), 120 (Ярославск.), 122 (Рязанскія), XXXVIII 95, 96 (малорусск.), 110 (новогреческія), XXXIX 88, 151 (малорусск.), XL—XLI 359 (Саратовск.), XLII 91, 128 (свадебн.), XLV 79 (Вологодск. свад.), 161 („матери“ „уноши князя Ростислава“), XLVII 36 (надъ „свѣчой“), XLVIII 94, 95, L 129 (Ярославск.), LI 162, 186.
Провалившаяся церковь. XLII 4. См. Озера.
Программы: программа для собиранія свѣдѣній о знахарствѣ. XXXIX 185.
Программа для изученія народной музыки. XL—XLI 381.

Digitized by Google

Программа для собиранія особенностей бѣлорусскаго нарѣчія, сост. Е. Ѳ. Карскимъ. XXXV 150.
Программа сѣверно-великорусскихъ говоровъ, сост. А. А Шахматовымъ. XXXV 147, 149.
Программа для собиранія особенностей южновеликорусскаго нарѣчія. XXV 150.
Программа для собиранія народныхъ пѣсенъ. Изд. Е. Н. Скаржинской. XXVI 205.
Программа для собиранія повѣрій О. Ф. Мустанена. XXXVI 123.
Программа для собиранія произведеній народнаго эпоса, выработ. В. Мангардтъ въ началѣ 60-хъ годовъ. XXXIII 139.
Программа для собиранія народныхъ пѣсенъ и другихъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ, сост. под ред. Л. А. Маслова. LI 181.
Программа для собиранія дѣтскихъ пѣсенъ Ю. Фейфалика. XXXIII 140.
Программа для собиранія памятниковъ пѣсеннаго творчества, сост П. В. Шейнъ XLVI 113, 114.
Программа для собиранія свѣдѣній о суевѣріяхъ относительно животныхъ, сост. N. W. Thomas. XLVI 164.
Программы для собиранія свѣдѣній по этнографіи (на грузинскомъ яз.). XL—XLI 384.
Программа для собиранія свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ. XLV 5.
Прожинъ. XLII 43.
Прозвища. LXIX 6 (гагаузовъ), 24, 28.
Проказа. XXXVII 120 (якутскія средства), XXXIX 173, XL—XLI 294.
Проклятіе. XXXV 75 (матери), XXXIX 2, XLII 57, 66, 173, XLVII 93, XLVIII 161, XLIX 115, LI 82, 162.
Прокопій (имя). XXXII 72.
Прорубь. XXXIX 74 (гаданіе), 75.
Просо. XXXIX 119 (при постройкахъ), LI 12.
Проституція. XXXV 80.
Прострѣлъ, трава. LI 121.
Протовникъ-монета. XXXVIII 150.
Прочки. XL—XLI 1.
Прощеное воскресенье. LI 131.
Прыщи. LI 107.
Прялица XL—XLI 91.
Прясло. XXXIX 72.
Пряха. XXXII 80.
Псальмы. XXXVIII 176.
Психологія. L 149.
Псковская губ. XL—XLI 155, L 179 (сетукесы).
Псковъ, г. XLV 13.
Pslimon (осетины). XL—XLI 225.
Птицы. XXXIV 1 (душа въ видѣ птицы), 136 (у гольдовъ).
Пугачевщина. XXXVI 184.
Пуповина. XXXIV 3, XXXIX 118.
Пупорѣзки (бабка). XXXVII 6.
Пустоселъ, трава. XXXVIII 137.
Путивль, г. XLIV 160.
Пухлецъ, трава. XXXVIII 121.
Пчела. XXXII 65, XXXIII 35 (въ примѣтахъ), XXXVI 148 (во снѣ), 170, XXXVIII 118 („Христовъ посохъ"), XLIX 160, LI 64, 121, 159.
Пчеловодство. XXXII 190 (пѣсни пчеловодныя), XXXIII 43 (примѣты).
Пшавы. XL—XLI 69.
Пьянство. XXXII 27, 80, XXXV 81, 156, 157, XXXVI 138 (быть пьянымъ во снѣ), 142 (idem), 150 (id.), XXXVIII 178 (въ духовн. стихахъ), XXXIX 131, 141 (песокъ изъ раки св. Ефросиньи отъ запоя), XL—XLI 219, XLV 31.
Пырецъ, трава. XXXVIII 120, 123.
Пытки. XLIX 61.
Пѣсни. XXXII 32 („пѣсня голоты"), 44 (колыбельныя), 56 (дѣтскія), 144, 179, 189 (латышей), 190 (пчеловодныя), 217 (записи Е. Ѳ. Линевой), XXXIII 61 (вотяковъ), 73 (idem), 85 (id), 90 (id.), 93 („припѣвки Ярославской губ.), 104 (сбирушки Новгородской губ.), 113 (Владимірск. г.), 120 (сахарозаводскія малорусск.), 130 (латышей), 140 (программа для собираній дѣтскихъ пѣсенъ, сост. Ю. Фейфаликъ), 155 (на условномъ языкѣ), 164 (о Кучумѣ и Ермакѣ). 175 (фонографъ), XXXIV 10—63 (при дѣтскихъ играхъ), 77 (киргизовъ), 101 (малорусск. свадебн.), 188 (при обрядѣ), 219 (фонографъ)., 221 (историческія) 2 22 (фоногр.) XXXV 72 (Пошехонья), 142 (новѣйшія), 158, 160, 161, 163, XXXVI 12, 17 (обрядовыя), 27, 40(о происхожденіи свадьбы), 44 (бурятъ), 117 (финнскія), 152 (мордвы), 161 (веснянки), 204, XXXVII 65 (вліяніе русской нар. пѣсни на музыку), 129, 130, 131 (купальскія), 146 (алтайскихъ мастеровыхъ), XXXVIII 18 (пѣсня медвѣдя), 63 (техническіе пріемы творчества), 169 (великорусск.), XXXIX 2(„медвѣжьи" у вогуловъ), 95 (свадебн. малорусск.), 174 (свадб.), XL—XLI 155 (собираніе пѣс. А. С. Пушкинымъ), 185 (записи А. С. Пушкина), 339 („частушки" Вологод.

Digitized by Google

г.), 359 (свадебн.), 362 (воровскія, разбойничьи, воен., былины), 380 (вліяніе пѣсни на музыку), 381 (программа для собиранія пѣсенныхъ мотивовъ), 382, 386 („барскія" и „простыя"), XLII 77, 112 (свад.), 147, 156 (свад.), 161 (свад.), 166 (произв. русскихъ поэтовъ въ нар. пѣснѣ), 182, 185, XLIII 42 (болгаръ), 47 (id.), 53. XLIV 28 (колыбельн. гагаузовъ), 81 (гагаузовъ), 175 (вогуловъ), XLV 37 (вогуловъ), 79 (Вологод. губ.), XLVI 103, XLVII 44, 46, 47, 48, 114 (при обрядѣ „опахиванія"), 137 (записи 1828 года), 139 (на „красную горку"), 140 (пѣсельники начала XIX в.), 142 (объ Императорѣ Александрѣ III), 147 (исторія русской пѣсни). 149 (idem), 177 (мордвы), XLVIII 90 (поморскія свадебн.), XLIX 115 (цыганскія объ ослѣ), 136 (армянскихъ боша), 162, 166 (старинныя записи), 185 („Кантелетаръ"), 191 (сербовъ), L 121, 179 (заклинательныя), LI 130 (въ Покровъ Пресв. Богородицы), 186.

Пѣтухъ. XXXIV 186 (при обрядѣ „опахиванія"), XXXVI 148 (во снѣ). 151 (idem), XXXVII 126, XXXVIII 54, XXXIX 75 (въ гаданіяхъ), XL—XLI 42, 73, 155 (золотой пѣтушокъ), 344, XLII 19 (дѣйствіе его пѣнія на лѣшаго), XLVI 137 (курица, поющая пѣтухомъ), XLVII 117, L 132, 134 (въ толкахъ народа о войнѣ, чумѣ, урожаѣ), LI 72, 98 (яйцо пѣтуха), 106, 109.

Пясецкій, панъ въ вертепной драмѣ. XLIII 117.

Пятница. XXXII 40, XXXIV 79. XXXIX 121 (какъ праздничный день), 141 (Параскева Пятница), XL—XLI 388 (сказаніе о двѣнадцати пятницахъ), XLVI 136, XLVIII 123, L 31, 63 (духовн. стихъ „Двѣнадцать пятницъ"), LI 14, 36 (религіозн. уваженіе къ пятницамъ и примѣты), LI 92 (сказаніе о 12 пятн.), 100 (Страстная), 130 (Параскева пятница).

Работникъ, взглядъ на него народа. XXXII 80, XLVIII 14 (у гагаузовъ).

Рабство. XXXV 77, XLVIII 33 (въ Дагестанѣ), 171.

Рагдай см. Рахта.

Радуга. XXXVI 149 (во снѣ), XXXIX 123, XLII 11, XLV 170, XLVIII 164, LI 57, 94, 110.

Разбойники. LI 118.

Разводъ. XXXII 120 (у Бѣлоруссовъ), XXXIV 92 (у Киргизовъ), L 128 (у армянъ).

Разгѣлы семей. XXXII 85 (Минской г.), XXXIII 1 (Минской г.), 2, 4 (вліяніе женщины), XL—XLI 218. См. Семейная община.

Разрывъ-трава. XXXVI 184.

Раковина. XXXIV 138.

Ракъ. XXXIII 35 (въ примѣтахъ), XXXVI 137 (въ снахъ) XXXVIII 125 (какъ лѣкарство), 139 (idem), LI 64.

Ракъ (болѣзнь), лѣченіе ея. XXXVIII 130.

Ранговеро, Ол. губ. XXXIX 38.

Раскольники. XXXVI 184, XLVIII 97.

Раскопки могильниковъ ряз. губ. XL—XLI 357. См. Археологія, Курганы.

Растенія. XXXV 159.

Рахдай—см. Рахта.

Рахиль. XXXV 37 (въ народн. театрѣ), XLIII 117 (idem).

Рахдай (Рахна, Рахта), богатырь. XXXIX 38.

Раятскій вопросъ въ Дагестанѣ. L 106, LI 182.

Рвота, лѣченіе ея. XXXVIII 127.

Ревель. XXXII 182 (архивы).

Ревматизмъ, лѣченіе. XXXVIII 140.

Ревность. XLVIII 128.

Регулы—см. Менструаціи.

Редедя. XXXIX 175 (въ пѣснѣ), XL—XLI 345.

Рекрутскія пѣсни. XXXIII 113. См. Солдатчина.

Религіи. XXXVIII 188, XLVI 152, XLIX 99 (цыганъ), 128 (боша), LI 1 (гагаузовъ), 157 (финновъ).

Риддерскій край. XLIII 142.

Рижское ген. губернаторство. XXXII 181.

Римляне. LI 79.

Рисалля-и-тарикатъ, XLVI 147.

Рисунки. XXXIX 166. См. орнаментація).

Родимецъ, лѣченіе его. XXXVIII 134, XXXIX 142, XL—XLI 87.

Родимыя пятна. LI 119.

Родникъ. XLVIII 39 (отъ удара копытомъ лошади).

Родовое устройство. XXXV 26 (у Киргизовъ), 151 (якутовъ), XXXVI 101 (idem), XXXVII 39 (id.), XL—XLI 325 (родовое государство въ Карачаѣ, Перу), 395 XLIII 145, XLVIII 8 (Дагестанъ).

Рожа, лѣченіе. XXXVIII 143.

Рожденіе, обряды его сопровождающіе XXXIV 1, 2 (у гольдовъ), 157, XXXV 138, 160, XXXVII 37 (у бол-

Digitized by Google

гаръ), XL—XLI 54, 241 (у осетинъ), XLII 83 (кази-кумухцевъ), 98, XLIV 17 (у гагаузовъ). 90 (кувада), XLIX 134 (бошá), L 129, LI 130 (Екатерина Святая).
Рождество Христово. XXXIII 39, XL—XLI 309, 310, L 60 (духовн. стихъ), LI 130, 162.
Рожь. XLVIII 122.
Роза. LI 162.
Розги. XL—XLI 90 (какъ лѣкарство).
Романъ (имя). XXXII 73, XXXIX 141.
Романъ, князь. L 182, LI 142.
Роса. XXXI 199, XXXIII 27 (гаданіе о погодѣ), XXXVIII 90 (въ пѣснѣ), 129 (Ивановская, какъ лѣкарство), XLII 17, LI 57, 111.
Россомашья р. XXXIX 173.
Рёстамъ. XLV 134.
Ростовскій край. XLVII 141.
Ростовъ г. XLVI 151.
Рощи священныя LI 96. См. деревья.
Ртами Залъ. XLV 133.
Ртамъ, иранскій богатырь. XLV 125.
Рубабъ-наме. LI 148.
Рубашка вѣнчальная. XLVIII 154.
Рубль неразмѣнный. LI 98.
Ругательства. XXXVI 136 (во снѣ). 143, XLII 66, XLVI 114, XLIX 23 (гагаузовъ).
Ружье. XXXIV 17 (во снѣ).
Рука мертвеца. XLVII 115 (какъ сноtворное средство).
Румынія. XXXII 191 (заговоры).
Руны. XXXIII 146, 148 (Данцигская руническая урна), XLIX 188.
Русалки XXXII 39 (происхожденіе), XXXVI 171, XXXIX 117, XLII 15, 25, 196, XLV 165 (Семикъ проводы русалокъ), XLVIII 165. L 181 („Русалка" А. С. Пушкина), LI 12, 35, 89.
Рустамъ. XLV 158.
Рустемъ. XLV 122, XLVII 1.
Рыба. XXXIV 17 (во снѣ), 135 (у Гольдовъ), XXXVI 134 (во снѣ), XXXVI 148 (idem), 151 (id.), XXXVII 123, XLV 104 (изображеніе ея на свадебномъ пряникѣ), LI 20 (лихорадка), 107.
Рыбинскій у., Ярославской губ. L 130.
Рыболовство. XXXVI 123 (повѣрья).
Рыжій цвѣтъ. XXXII. 78 LI 118.
Рында. XXXIII 101.
Рѣдька. XXXVI 146, XXXVIII 131 (какъ лѣкарство), 134, 135 (рѣдечный сокъ, какъ лѣкарство) 142.
Рѣка. XXXVI 140 (во снѣ).
Рѣпа. XXXVI 146, XXXVIII 129 (дикая).
Рѣшенія волостн. судовъ. XXXIII 4 (Минской г.).
Рязанская губ., XXXII 164 (говоры Касимовскаго у.), XXXIII 176, XXXIV 185 (похорон. обряды), XXXVIII 207, XXXIX 14[illegible], 181, XL—XLI 357, 380, 383, 385, XLVI 151.
Сабля. XXXIV 113 (въ малороссійской свадьбѣ), XXXVII 92 (idem), 101 (id.), L 127.
Савва (имя). XXXII 73.
Савватій. LI 93.
Садко. XL—XLI 51.
Садофъ, великомуч. XXXIX 142.
Садъ. XXXVIII 88 (въ пѣснѣ).
Садыкъ. XXXVI 175.
Сажа. XXXVI 141 (во снѣ), XLVIII 118.
Сакьямуни. XXXII 154.
Салары. XL—XLI 73.
Салтанъ, царь. XL—XLI 155.
Самаркандская обл., XXXVIII 207, XL—XLI 383.
Самарская губ., XLII 144 (свадьба), XLVII 165.
Самарянка, духовн. стихъ. XXXVIII 173.
Самосудъ. XLIX 24 (гагаузовъ), 36.
Самотока, трава. XXXVIII 122.
Самоубійство. XXXV 156, LI 69.
Самоѣды. XXXII 155, XXXVIII 4, XXXIX 179, XLV 27, 37, 77 (Чудь), XLVI 163, XLVII 176.
Самсонъ Колы (у) баевъ, Колыбановъ. LI 141,
Самсонъ Святогоръ. L 182.
Самсунъ. XLV 14.
Сандвичевы остр. XXXV 155.
Сани, XXXVIII 94 (въ погребальн. обрядахъ).
Саниба. XLVIII 79.
Санъ-Сальвадоръ. XXXV 158.
Сапоги. XXXVIII 58 (свадебныя свѣчи въ сапогахъ), XL—XLI 128 (матери).
Сапожникъ. XXXII 81.
Саратовская г. XXXIV 222, XXXVI 156, XL—XLI 127, 359 (свадьба, пѣсни, причитанія), 362 (былины, пѣсни).
Саргизъ, св. LI 162.
Сарты. XXXII 156.
Сарычъ. XLII 173.
Сасыль-лисица. XXXIX 25.
Сатанаилъ. LI 90.
Саулъ Леванидовичъ. XLVI 133.
Сауръ Леванидовичъ. XXXIV 219.
Сахалинъ. XLIV 174.

Digitized by Google

Сбирушки—см. пѣсни „сбирушки".
Сбячи. XL—XLI 1.
Свадьба. XXXII 114 (бѣлорусская), 190 (латышей), XXXIII 59 (вотяковъ), 95 („припѣвки"), 100 (свадьба-самоходка), XXXIV 10 (гольдовъ), 72 (киргизовъ), 95 (малорусск.), 133 (молитва первобрачной невѣстѣ), 219 (индусовъ), XXXV 59 (Пошехонья), 116 (причитанія Тверск. губ.), 120 (прич. Ярославск. г.), 122 („Крики" Рязанск. г.), 155, 157, 158, XXXVI 38 (бурятъ), 142 (во снѣ), XXXVII 53 (у якутовъ), 84 (малорусс.), XXXVIII 37 (болгаръ), 85 (въ пѣснѣ), 134 (вѣнчальное платье отъ родимца), XXXIX 93 (малорусс.), 114 (на томъ свѣтѣ), 115 (свѣча свадебн.), 174 (Илимскія пѣсни), XL—XLI 159 (свад. пѣсни записи А. С. Пушкина), 186 ((idem), 230 (осетинъ и ингушей), 322 (свад. обѣдъ въ Малоросс.), 402 (Томской г.), XLII 37 (колдунъ, порча молодыхъ), 78 (Кази-кумукцевъ), 108 (Симбирской губ. 160 (Вологодской губ.), XLIII 51 (болгаръ), 112 (армянъ), XLIV 175 (Тобольской губ.), 182 (Томск. губ.), XLV 79 (Вологодск. губ.), XLVI 136 (примѣты), 147 (киргизовъ), XLVII 104 (колдунъ), 113 (порча), XLVIII 87 (у поморовъ), 98 (гагаузовъ), 140 (знаки свадебное), XLIX 104 (цыганъ), 130 (цыганъ боша), 189 (финновъ), L 130 (Ярославской губ.), LI 137 („родительскіе сухарики"), 162.
Сватовство. XXXVI 41 (бурятъ), XLVIII 132.
Свекла, какъ лѣкарство. XXXVIII 139, 142.
Свинья. XXXIII 31 (въ примѣтахъ), 38 (въ гаданіяхъ), XXXIV 8 (черная), 9, 144 (легенда о происхожденіи), XXXVI 148 (во снѣ), XXXVII 126, XXXIX 126 (кладъ), XL—XLI 69, XLVII 77 (кладъ-оборотень), LI 7.
Свистъ. LI 32 (привлеченіе чертей), 101, 119.
Свѣтопреставленіе (конецъ міра) XLVII 134, XLIV 162.
Свѣча. XXXII 42 (гаданіе), XXXVI 147 (видѣть во снѣ), 163 (Страстная) XXXVIII 43, 157 („Женитьба свѣчки"), XXXIX 79 (Пасхальная), 131 (для отысканія клада), XL—XLI 77, 81 (вѣнчальная), XLII 14 (вербная), 18 (idem), XLIII 113, XLVI 114 („женитьба свѣччи") XLVII 35 (праздникъ „свѣчки"), 75 (надъ кладомъ), 77 ((idem), 113 (вѣнчальная при родахъ), 117 (для отысканія утопленника), 162 (праздн. „свѣчи"), XLVIII 119, LI 95 (Богоявленская отъ грозы) 108, 116 (надъ кладомъ).
Священникъ (въ сказкахъ, повѣрьяхъ и т. п.). XXXVI 137 (во снѣ), 142 (idem), 149 (id.), XXXIX 122 (встрѣча съ нимъ), XLVII 83 (idem), LI 23 (въ примѣтахъ), 26, 51.
Сглазъ, дурной глазъ, призоръ, LI 16, 40, 41, 109, 118.
Севастика. XXXV 159.
Семейная община, семейное право. XXXII (Минской г.), 88 (искусственная семейн. общ.), XXXIII 1 (Минской г.), XXXIV 67 (киргизовъ), 205, XXXV 57 (Пошехонья), 157, 158. XXXVI 174. XXXVII 38 (у якутовъ), 55 (idem), XXXIX 152, 161 (исторія семьи), XL—XLI 401 (Томской г.), XLII 78 (Кази-Кумукцевъ), XLIII 1 (методы изучен. исторіи семьи), 145. XLIV 170, 182 (Карачай), XLV 13, XLVI 113 (бѣлорусовъ), XLVII 163, 164 (сем. раздѣлы Томской губ.), XLIX 1 (гагаузовъ), 142 (армянскихъ боша), 171 (исторія семьи), LI 162.
Семеновъ день. LI 16 (праздникъ домового), 38.
Семикъ. XXXIX 78 (Яросл. губ.), XLV 163, LI 134.
Семигальская земля. XLVI 80.
Семигорка, баба Владымерка. XLVI 80.
Семипалатинская обл. XXXII 156, XLIII 143.
Семирѣченская обл. XXXII 156, XXXIII 165, XXXIV 67 (обычное право киргизовъ), XXXV 1 (idem).
Семь (число). XLVI 51.
Сенгилеевскій у. (Симб. губ.), XLII 108 (свадьба).
„Сенуси":—см. общества: Панъ-исламское общество.
Сербія, Сербы XXXV 160, XLVIII 133. XLIX 191.
Сергѣй (имя) XXXII 73.
Сердце, лѣченіе. XXXVIII 132.
Серебро. (XXXVI 134 (во снѣ), 141 (idem), 151, XXXVIII 121 (при заговорѣ), 126 (масло изъ серебра).
Серебрюха, трава. XXXVIII 131.
Сетукесы, эстонское племя въ Псковской губ. L 179.
Сибирь. XXXII 158 (на Всероссійской выставкѣ 1896 г.). 171 (община), XXXIV 202 (остяки), XXXV 149, 150, XXXIX 171, XLV 20 (путь въ нее),

Digitized by Google

XLVI 163, 170 (премія А. М. Сибирякова за изслѣдованія и соч. о Сибири), XLVIII 146, LI 188.
Сивулистъ, трава. XXXVIII 120, 124.
Сигины (Цыгане?) XLIX 95.
Сильвестръ (имя). XXXII 73.
Симбирская г. XXXIV 219, 222. XXXVIII 207, XL—XLI 384, XLII 108 (свадьба), XLIV 172.
Символика. XXXII 181, XXXVIII 81.
Симеонъ (имя) XXXII 73.
Симеонъ Богопріимецъ. XXXIX 142.
Симеонъ Столпникъ. XXXVIII 155 (женитьба Комина), LI 129.
Синагринъ, царь. XXXII 4.
Синій воронъ, трава. XXXVIII 123.
Синій цвѣтъ. XLIX 167.
Сирень, какъ лѣкарство. XXXVIII 139.
Сирія. XLV 14, XLVIII 180, LI 196.
Сироты. XXXIV 4 (киргизовъ).
Сисиній, св. XXXV 145.
Сисой, св. XXXVI 170.
Сито. XXXVIII 49.
Сказки. XXXII 147, 218 (изданіе сказокъ Географич. Обществомъ), XXXVI 121 (финскія), 168, 179, XXXVII 124 (финск.), XXXVIII 189 (великорусскія), XXXIX 171 (русск. инородцевъ), XL—XLI 154 (мнѣніе А. С. Пушкина о сказкахъ), XLVI 114, 167, XLVII 165 (грузинскія), XLIX 170, LI 75, 162, 163 (армянъ).
Скарлатина, лѣченіе. XXXVIII 144.
Скатерть-самобранка, котомка чудесна XXXVII 127.
Скачки. XXXIV 75 („байга" киргизовъ), XLVIII 117 (у гагаузовъ), 149.
Скиѳы. XLVIII 162.
Скоморохи. XXXIV 220, XLVI 113 (скоморошныя пѣсни).
Скопцы. XXXV 151.
Скороговорки. XLIII 89.
Скороходъ-фельдмаршалъ, въ народн. театр. піесахъ. XXXVII 102, XXXVIII 161.
Скорпіонъ. XXXIX 35.
Скорпія, трава. XXXVIII 124.
Скотоложство. LI 117.
Славленіе дѣтей. XLIII 108.
Славяне. XXXV—155, XXXVII 132, (происхожденіе), XXXIX 167 (южные), XL—XLI 354 (происхожденіе).
Словаки. XXXIX 147.
Словари. XXXV 147 (русскаго яз.), 149 (болгарско-русск.), 150 (областн. нарѣчія Нерчинскаго края), 161 (болгарск.), 163 (idem), XXXVI 126 (грузин.), 169 (русско-украинскій), 186 (Вятскаго говора), XL—XLI 346 (областн. олонецкаго нарѣчія), XLVI 141 (Еврейско-персидскій), XLIX 184 (финскаго яз.) LI 79 (олонецкаго нарѣч.), 163 (Александропольскаго или Ширакскаго нарѣчія), 184 (гагаузовъ), кромѣ того см. Языки, говоры, нарѣчія.
Слонъ. XXXVIII 14.
Слушаніе подъ окнами, у церкви, на перекресткахъ и т. д. XXXIX 70 (гаданіе).
Слѣдъ. XXXII 201 („отнять слѣдъ" „вернуть слѣдъ"), L 129 (обираніе слѣда жениха).
Слѣпень. XLIX 160.
Слѣпота XXXII 78, 81, XXXVIII 123 (лѣченіе), XXXIX 142 (Логгинъ сотн., Богородице Казанская, Мина Египт. и др., какъ цѣлители).
Слюна. XXXII, 41, 79.
Смерть ея олицетворенія, повѣрья о ней и проч. XXXV 38, 159, XXXVI 83 (въ театр. піесѣ „Тронъ"), 159 (происхожд. ея), XXXVII 102, XXXIX 86 (признаки ея), 88, 132 (предзнаменованія), XLIII 117 (въ вертепной драмѣ), XLVI 35 (Легенда „Солдатъ и смерть"), L 181 („Преніе живота со смертью").
Смерчъ водяной. LI 67.
Смоленская г. XXXV 149, XL—XLI 55, XLVI 94, XLVII 35, LI 135.
Смородина, XXXVIII 132.
Смородина, р. XLV 186.
Смыкъ, трава. XXXVIII 123.
Снѣяться во снѣ. XXXVI 145.
Сновидѣнія, толкованіе сновъ. XXXIV 17 (у гольдовъ), XXXVI 52, 133 (матеріалы для снотолкованія), XXXIX 119, L 182 (былина „Неразгаданный сонъ"), LI 23, 107, 158 (патріарха Іосифа), 162.
Снохачество. XLIII 142.
Снѣгъ. XXXIII 37 (въ примѣтахъ), 39 (idem), XXXVI 141 (idem), XLII 17.
Собака въ легендахъ, повѣрьяхъ XXXIII 29 (въ примѣтахъ), XXXIV 17 (во снѣ), 138 (гольдовъ), XXXV 159, XXXVI 64 (культъ ея у бурятъ), 136 (сны), 148 (idem), XXXVII 124 (собачья шерсть, какъ лѣкарство), 126, XXXVIII 4, XXXIX 34 (рыжая), 75 (въ гаданіяхъ), 121 (вой собач.), XL—XLI 275 („собачья доля" хлѣба), XLII 93 (похороны), XLVII 11 (песиглавцы), 76 (кладъ), 102 (вѣдьма въ образѣ собаки) 117, 118, XLVIII 168. LI 23, 33 (черная), 52, 82.
Соболь. XXXIV 20.
Соборованіе. XXXIX 87.

Digitized by Google

Сова. XXXIV 137, 197, XXXVIII 29, LI 71.
Сойоты. XXXII 155.
Сокольникъ, сынъ Ильи Муромца. XLVI 85.
Солбанъ-мэргэнъ. XLVI 53.
Солдатъ. XXXII 81, 136 (положеніе въ семьѣ), XXXIII 99 (въ пѣсняхъ), 113 (рекрутскія пѣсни), XXXVI 158 (на томъ свѣтѣ), XLII 28, XLVI 35 (легенда „Солдатъ и смерть"), 117 (въ народн. театрѣ), LI 20.
Солнце въ легендахъ, сказаніяхъ. XXXII 200, XXXIII 24 (въ примѣтахъ о погодѣ), XXXIV 2 (богъ солнца), XXXVI 67, (хожденіе по солнцу и противъ солнца), 141 (во снѣ), 149 (idem), 169, XXXVIII 89, XL—XLI 324 (культъ солнца въ Перу), XLII 4 (солнце-дѣвушка), 12 (затменіе), XLV 169, 171, XLVI 18 (Солнечное царство), XLVIII 164 (затм.), LI 52, 94, 132.
Соловей Будимировичъ. XL—XLI 46.
Соловей разбойникъ. XLV 186.
Солома. XXXVI 138 (во снѣ), XXXIX 74 (въ гаданіяхъ), XL—XLI 68, LI 108.
Соломонъ Мудрый. XXXIX 80 (гаданія по Соломону), 136 (легенда), XLIII 115 (въ грузинскихъ легендахъ), LI 94.
„Солоха", кукла при обрядѣ изгнанія мухъ. XLIX 163.
Соль. XXXIII 37 (въ примѣтахъ), XXXVI 146 (во снѣ), XXXVIII 41 (при купаніи ребенка), 125 (отъ лихорадки), XXXIX 115, XL—XLI 92, 93, 95 (Четверговая), 307, LI 23 (въ примѣтахъ), 111, 132 (Четверговая).
Сомали. XXXV 158.
Сомъ. XXXIII 35 (въ примѣтахъ).
Сонъ. XLVII 113 (средство нагнать на людей сонъ).
Сонъ Пресвятой Богородицы. XXXIX 113, XLIV 18, L 61, 139, LI 24.
Сорока. XXXIII 33 (въ примѣтахъ), XXXIV 139, XXXVI 151 (во снѣ), XLII 41 (оборотень). LI 63, 109, 117.
Сорокъ калинъ со калинкою (былина). XLVI 123, LI 182.
Сорокъ мучениковъ (9 марта). XL—XLI 313, LI 126.
Сорочка (рожденіе въ сорочкѣ). XLIV 21, LI 122.
Сосна-Сосса. XLVIII 35, 36, 37, 40.
Сосна. XXXIV 20, XXXVIII 88 (въ пѣснѣ).
Сотвореніе міра въ легендахъ, сказаніяхъ, XLII 53, 173, XLVII 69, 132 (по преданіямъ башкиръ), LI 4.
Софія (имя). XXXII 77.
Софья Волховична — см. Софья Царевна.
Софья Царевна (Софья Волховна). LI 141.
Сочи. LI 186.
Спасо-Каменскій монастырь. XLVI 126.
Спасъ Второй (6 авг.). XL—XLI 320.
Спасъ-Мановей (1 авг.). XL—XLI 320.
Спиридонъ (имя). XXXII 73.
Спиридонъ (12 дек.). XXXIII 38, 39, 42.
Спиритизмъ. XLVI 142.
Спрыкъ трава. XXXVIII 117.
Спящая царевна. XLVII 8.
Среда (день). XXXII 40, XXXVI 162 (4-ой и 5-ой недѣли велик. поста) XLVIII 123, LI 14 (Среда-баба), 36
Средняя Азія. XXXII 152 (на Всероссійской выставкѣ 1896 года), XLVIII 192.
Срѣтеніе (2 февр.). XXXIII 38, 42. LI 36 126, 162.
Ставропольская г. XLIII 131.
Ставръ Годиновичъ. XXXV 128, XL—XLI 380.
Станокъ ткацкій. XXXIX 122.
Старики. XXXVI 63 (умерщвленіе стариковъ), 143 (видѣть стар. во снѣ), XLV 186 (умерщвл. стариковъ), XLVI 66 (судъ аксакаловъ, самаго старшаго лѣтами во всемъ аулѣ), XLVII 145 (выбрасываніе стар.).
Старовѣры. XLV 182 („поляки" на Алтаѣ). XLIX 36. См. также Раскольники.
Старый Осколъ. XLV 12.
Стенографія при записываніи произведеній народнаго творчества. XXXVI 121.
Стенька Разинъ. XLIII 94 (былина).
Степанида (имя). XXXII 77.
Степанъ (имя). XXXII 73.
Стенка фельдшеръ. XXXIX 60.
Степной край. XLV 183.
Стихи. XLIX 44 (объ Авраамѣ).
Столпъ. XXXII 81.
Сторожа Святогорская. XLVI 74.
Страстная недѣля. XXXVI 163, XL—XLI 314.
Страшный судъ въ легендахъ, сказаніяхъ, толкахъ. XXXV 133, XXXVIII 173, 185, LI 22.
Стригои. XXXII 202.

Digitized by Google

Стрѣла. XXXVI 54 (въ свадьбѣ).
Стрѣшникъ, духъ. XXXIX 131.
Студенты. XLIII 126 (этнографическія экскурсіи для студентовъ, организ. проф. Э. Ю. Петри).
Стыдливость. XXXIV 10, 11, XLIX 3
Стѣнь, нечистая сила. L 138.
Суббота (день). XXXII 40, XXXIV 79, XXXVI 161 (Первая суббота Великаго поста).
Судопроизводство. XXXV 29 (у киргизовъ), 158, XXXVI 105 (у якутовъ), XXXVIII 122, XLIV 183 (у киргиз.). XLVI 66 (судъ аксакаловъ и третейскій судъ у киргизовъ), XLVIII 21 (Дагестана), 77 L (idem). См. Судъ Божій, Обычн. право.
Судорога, лѣченіе ея. XXXVIII 124, 145.
„Судъ Божій". XXXIX 36. См. Судопроизводство.
Сумасшествіе. LI 82.
Сумонъ, старецъ. XXXVII 11.
Супарень—см. Гермафродиты.
Супрядки. XLIII 45.
Суровецъ Суздалецъ. (Суханъ Ивановичъ). XL—XLI 364, XLII 186.
Сурскій лѣсъ. XL—XLI 344.
Сусанинъ Иванъ. XLVI 139.
Суфизмъ. LI 145.
Суханъ Ивановичъ. (Суровецъ Суздалецъ). XL—XLI 364.
Сухарики родительскіе. LI 137.
Сухматій (Суханъ) богатырь. LI 142.
Сухумъ. XLIV 172.
Сучкинъ сынъ. XLVI 21.
Счисленіе. XXXIV 204. (остяковъ).
Съѣзды: Первый съѣздъ славянскихъ филологовъ. XL—XLI 409, XLIII 152. VIII археологическій съѣздъ въ Москвѣ 1890 г. XXXV 144. X-ый археологическій съѣздъ въ Ригѣ. XXXII 181.
Сыръ-Дарьинская обл. XLVI 147 (киргизская свадьба).
Сычъ. XXXIV 136.
Сѣверное сіяніе. XLII 12, XLVIII 164.
Сѣдлецкая г. XXXIV 222, XLIII 117, XLIV 183, XLVIII 144.
Сѣмя мужское. XLVI 144.
Сѣно. XXXVI 138 (во снѣ), 149 (idem.).
Сѣть. XXXVI 135 (во снѣ).
Табакъ. XXXIV 139 (у гольдовъ), XXXVI 156 (легенды о табакѣ), 170 XXXIX 117, XL—XLI 223, XLVI 113 (приговорки и причеты о табакѣ), XLVII 118 (происхожденіе его).
Таби, морской богъ. XXXIX 11.
Таврическая губ. XXXV 161, XXXVIII 37 (бытъ болгаръ), XLVII. 52 (idem).
Таджики. XLII 99, XLIII 81 (вѣрованія), XLIV 183.
Тайжи-ханъ. XXXIX 18.
Талисманы. XL—XLI 58, XLIII 83, LI 27 (изъ священнической ризы), 120. 162.
Тальникъ, какъ лѣкарство. XXXVII 122.
Тамара, царица. XXXIX 140, XL—XLI 383, XLIV 183, XLVII 164, L 142.
Тамбовская губ. XXXIII 176, XXXIV 219, 222, XLIV 184.
Тамги. XLV 35.
Тамерланъ, царь XLIV 175, XLVIII 73 (въ кавказскихъ легендахъ), 74 (Тамерлановъ ровъ).
Тангуты XXXIV 197.
Танцы, XXXIII 74 (вотяковъ), XXXV 71, XXXVI 15 (гурійскій „Перхули"), XXXVIII 22 (въ честь медвѣдя), 44 (болгаръ), 57 („раченицы"), XL—XLI 247 (осетинъ и ингушей), 330 (Перу). XLII 77 (кази-кумуковъ), XLIII 131, XLIV 70 (гагаузовъ), XLV 73 (вогуловъ). XLVII 140 (начала XIX вѣка), XLVIII 93 (Архангельской г.), XLIX 103 (боша), 135 (idem), 188 (Финляндіи), LI 186, 190 (объ изученіи народныхъ танцевъ).
Тапиръ. XXXVIII 14.
Тараканы. XXXII 42, XXXVIII 122 (средства отъ нихъ), 137 (черные, какъ лѣкарство), 150, XLIX 164, LI 103 (черные), 129 (похороны таракановъ).
Тарантушки—см. Пѣсни.
Таранчи. XXXIV 197.
Тарданака. XLVII 30.
Тарихи-Дербендъ-Намэ. XLIV 176.
Таронъ, древн. армянская область. XXXVI 32.
Татартубъ, аулъ. XL—XLI 181.
Татаръ-Шупа. XLVIII 79.
Татары. XXXIII 163, 164 (тобольскіе), XXXV 52, XXXVI 185, 186, XXXVII 82, XLIV 175 (тобольскіе), 184. XLV 181 (словесность), XLVI 151, XLVII 176, XLIX 48, LI 191 (поволжскіе).
Татуировка. XXXV 160. XXXIX 22.
Татьяна (имя). XXXII 77.
Ташкентъ. XLVI 147.
Тверская губ. XXXIV 188, XXXV 122 причитанія Весьегонскаго уѣзда). XLIV 184, 187, XLVI 166.
Творогъ. XXXVIII 137.
Театръ народный. XXXIII 144 (мистеріи), 177 (кукольный), XXXV 37

Digitized by Google

(Живой вертепъ). 152 (грузинскій) 160 (въ Японіи), XXXVI 76 („Тронъ"), XXXVII 103 („Царь Максимиліанъ"), XXXIX 47 (idem), XLIII 117 XLVI 17 („Машенька").
Теймуръ,иранскій богатырь. XLV 127.
Теленгеты. XXXIV 198, XLIV 173.
Телѣга, XXXVI 147 (во снѣ).
Теме, миѳологическое божество. XXX 195.
Темыръ (Аста-Темыръ). XLVIII 68.
Тептяри. XXXIII 163.
Терентій (имя). XXXII 73.
Терская обл. XXXVIII 207, XL—XLI 383.
Тибетъ. XXXVI 168, XLIV 173.
Тигръ. XXXIV 19, 135, XXXVIII 11,14.
Тидрекъ Бернскій. XLVI 93.
Тимоша-юродивый. XXXIX 130.
Тимоѳей (имя). XXXII 73.
Тимоѳей Колтома. XLVI 20.
Тироны. XL—XLI 24.
Тифлисская г. XXXVIII 207, XL—XLI 383, XLIV 185, LI 187.
Тихонъ (имя). XXXII 73.
Ткачъ XXXII 81.
Тмутараканское княжество. XLII 194.
Тобольская губ. XXXII 155, 171, 183 (Тобольскій музей). XXXVIII 3, XLIV 175.
Толки народные 1897 года. XXXIV 132.
Толокнянка, трава. XXXVIII 138.
Томоронъ-моко, богатырь. XLVI 55.
Томская губ. XXXII 171, XXXV 126, 161, XXXVIII 20, 207, XL — XLI 384, 398, 401, 402 (обычн. право), XLIX 182, 183, 184, 185, XLVII 164.
Тондракцы. XLIX 110.
Торквинъ. L 171.
Тоормъ, „Бѣлый Богъ" вогуловъ. XLV 67.
Топоръ (въ обрядахъ). XXXII 30, 39 XL—XLI 70.
Тоска. XXXII 200 (заговоръ объ отогнанія ея), 202.
Тотемизмъ. XXXIX 1, XLIV 170.
Тотемскій у. (Вологод. губ.). XLII 160 (свадьба).
Тохтамышъ. XLVIII 76.
Травникъ. XL—XLI 19, LI 121.
Травосѣяніе XXXVII 148.
Травы цѣлебныя—см. Медицина народная, а также назв. травъ, какъ напр. Араратъ, Петровъ крестъ, плакунъ-трава и т. п.
Трансвааль. XXXV 158.
Трапезундъ. XLV 14.
Трауръ. XLIV 187 (по дѣвичеству).
„Трецыплятница" — см. Куриный обѣдъ.
Трещотка. LI 194.
Три (число). XLVI 33.
Триполики. XXXII 202.
Триполисъ. LI 194.
Трифонъ,Св. XXXIX 141, XL—XLI 30.
Троицкая недѣля. XXXII 2, XL—XLI 320, XLV 165. См. Троицынъ день.
Троицкая трава. XXXII 28.
Троицынъ день. LI 12, 134. См. Троицкая недѣля.
„Трончонокъ". XLVII 51 (празднованіе дня, слѣдующаго за Троицынымъ).
Трофимъ (имя). XXXII 73.
Трощанка, р. XLVI 76.
Труба дымовая XXXVIII 155 (женитьба Комина), LI 185, 194.
Труба пастуха въ вѣрованіяхъ XXXIV 183, XXXV 158.
Трубочистъ. XXXII 81, XLIII 117 (въ вертепной драмѣ).
Тубутъ-Тэнгри. XLVII 20.
Тульская губ. XXXIV 187,188, XXXVIII (духовн. стихи), XL—XLI 127, XLII 1 (вѣрованія), XLIII 108 (славленіе), XLVIII 193 (Тульское историко-археологическое товарищество).
Туманъ. XXXIII 26 (гаданіе о погодѣ), 40 (въ примѣтахъ), XLII 17.
Тунгусы. XXXII 157, XXXIV 151, XLIV 173, 174, LI 188.
Тунисъ. XLV 14.
Тургайская обл. XXXII 156, XXXVIII 207, XL—XLI 384, XLVI 66 (судопроизводство у киргизовъ), 147.
Туркестанъ. XXXIII 44 (женщина по пословицамъ), XXXV 191, XLVI 163, LI 196 (Китайскій).
Турки. XLVIII 144, XLIX 41 (османы), LI 144.
Туркмены. XXXIII 164, XLIX 173.
Туруханскій край XXXVIII, 3, XLIV 172, 175.
Турція. XLV 14.
Туры. LI 142.
Тушины. XL—XLI 69.
Тчабуки. XL—XLI 87.
Тхбурэ—Шэранъ. XLV 153.
Тыгынъ, богатырь якутовъ. XXXIV 151.
Тыръ, скала на Амурѣ. XXXV 149.
1001 ночь. XLIX 170 (литература 1001 ночи).
Тысячелистникъ, трава. XXXVIII 147.
Тѣлесное наказаніе. XLV 186 (на межѣ)

Digitized by Google

Тѣнь. XXXIX 119, XLII 36 (двойная тѣнь у колдуна).
Тюрки. XXXIX. 16, L 168 (тюркское вліяніе на русскій яз).
Тюрк-Огуз, народъ. XLIV 10.
Тянь-Шань. XXXIV 197.
Уаленть, царь, XXXII 4.
Убійство. XXXVI 110 (у якутовъ), LI 26.
Угаръ, лѣченіе его. XXXVIII 134.
Уголь. XXXVI 141 (во снѣ), XLII 38, LI 101.
Угорская Русь. LI 79.
Угри, лѣченіе. XXXVIII 132.
Удавленники, XLVII 91.
Удавъ. XXXIX 118.
Удины. XL—XLI 60, 89.
Удодъ. XXXIV 136.
Удушье, лѣченіе. XXXVIII 138.
Ужъ. XXXVI 137 (въ снахъ), LI 67 (Царь ужей, процессіи съ ужомъ).
Узы (половцы). XLIV 9.
Узянбай, богатырь. XLII 175.
Указатель старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія П. Саввитова. XXXIV 207.
Указатели библіографическіе—см. Библіографическіе указатели.
Украшенія. XLV 34, 35 (вогуловъ), L 173 (финскія), См. Орнаментація.
Укрощеніе животныхъ. XLVII 107.
Улей. XXXVI 151 (во снѣ), LI 109.
Умыканіе невѣстъ. XXXIV 91, XXXV 58, 78 (у якутовъ), 85 (idem), XXXVI 51, XLII 78, XLIV 175, XLVIII 125 (у гагаузовъ).
Упырь. XXXVI 171.
Уразная трава. XXXVIII 134.
Урожай. L 134 (въ толкахъ народа).
Урокъ, лѣченіе XXXVIII 148; см. Сглазъ.
Урочная трава. XXXVIII 149.
Урусланъ (Арсланъ Еруслановъ). XLVI 14.
Усень. XXXII 146.
Условные языки—см. языки, говоры, нарѣчія.
Успеніе Богородицы. LI 162.
Усыновленіе (пріемыши). XXXII 129, XXXVII 50, XLVIII 83.
Усыня, подземное чудовище. XLVI 21, XLVII 2.
Утварь. XXXIV 207 (старинная русская).
Утки. XXXIII 32 (въ примѣтахъ).
Утопленникъ. XXXVI 143 (во снѣ), XLVII 91, 117, LI 108.
Уфимская г. XXXVIII 207, XL—XLI 384, XLVII 165.
Уходалы. XL—XLI 1.
Учкуланъ. XL—XLI 391.
Ушибы, лѣченіе. XXXVIII 134.
Фаллическій культъ. XXXV 159.
Фамилія. XLIX 5 (гагаузовъ), 37 (idem).
Фахрамазъ, иранскій богатырь. XLV 126.
Февронія (имя). XXXII 77.
Фельдмаршалъ. XLIII 117 (въ народн. театрѣ).
Фельдшеръ въ піес. народн. театра. XXXVI 83.
Ферганская обл. XXXVIII 207, XL—XLI 383,
Филинъ. XXXIV 137, XXXVI 151 (во снѣ), XXXIX 19, XL—XLI 63.
Филиппинскіе острова. XXXV 160.
Филиппъ (имя). XXXII 74.
Финляндія XLVIII 193, L 175 (справочная книга.
Финны. XXXV 149, XXXVI 114 (дѣятельность финскаго литературнаго общества), XXXVII 125 (сказки), L 173, LI 153, 189.
Флоръ и Лавръ. XXXIX 83, 142, LI 129.
Флюгеръ. XLVI 165.
Фокусы, XLIV 60 (гагаузовъ).
Фольклоръ. L 178.
Фонографъ, XXXIII 174 (записываніе пѣсенъ), XXXIV 222 (idem), XXXVII 82.
Формоза. XXXV 157.
Фотинія Самарянка, мучц. XXXIX 142.
Французы. XLIV 182.
Хазарія. XLV 180
Хамчи-Патрижъ. XLVIII 39.
Хангай богатый. XXXVI 38.
Ханъ-Гужиръ. XLVI 42.
Хан-Нухаръ XXXVI 39.
„Ханулоба“, обычай соучастія въ молокѣ у грузинскихъ крестьянокъ, XXXVI 126.
Харитина (имя). XXXII 77.
Харитонъ (имя). XXXII 74.
Харьковская губ. XXXII 22, XXXIV 187, 191 (обычное право), XXXVIII 96 (похорон. обряды), 159.
Хачатрянъ, Григоръ, сказитель. XLV 125.
Хвалынское море. XXXVI 184.
Хвостовидный отростокъ у людей. XXXV 154.
Хевсуры. XL—XLI 63, 88.
Херсонесъ. XLV 180, LI 189.

Digitized by Google

Хидыръ-Марзя. XLVIII 64.
Хитты. LI 161.
Хлыстовщина. XXXVII 117.
Хлѣбъ. XXXII 43, XXXIII 37 (въ примѣтахъ), XXXIV 97 (при сватовствѣ), XXXVI 143 (во снѣ), XXXIX 124 (крошки), XL—XLI 275 („собачья доля"), XLIV 19, 25, L 112 (въ армянск. свадьбѣ), 133, LI 23, 100.
Холера. XXXIV 185, XXXVIII 141, XLIV 162 (толки народа), XLVII 113,
Холуницкій окр. XXXVII 148
Хомутъ. XLVII 103.
Хорваты. XXXV 148.
Хорекъ. XXXIV 18, 20 (въ примѣтахъ).
Хоровлецъ, трава. XXXVIII 120, 121.
Хороводы. XXXIV 40, XLIII 40 (болгаръ), XLVIII 108.
Хохотунъ, птица. XLVI 18.
Храбрость. XLVIII 47.
Христина (имя) XXXII 77.
Христовъ посохъ, трава. XXXVIII 118.
Христосъ въ легендахъ. LI 91.
Христофоръ, св. XXXII 16.
Хромота. XXXII 79.
Хрѣнъ. XXXVI 146 (во снѣ), XXXVIII 125 (какъ лѣкарство), 143.
Хсеро, царь хазарскій. XLV 180.
Худо-Парвардигоръ (Богъ - Питатель таджиковъ). XLIII 81.
Хурзукъ. XL—XLI 391.
Хырсъ-Палванъ. XXXIII 52.
Цаганъ-Дара, богиня. XXXII 154.
Цазикъ. XLVIII 81.
Царевы очи, трава. XXXVIII 120.
Царь-дѣвица. XLVI 23.
Царь, трава. XXXVIII 122.
Царя во снѣ видѣть. XXXVI 143.
Цвѣтокъ. XLIII 71 (дарепія цвѣтка).
Целебесъ. XXXV 160.
Церковь. XXXVI 150 (видѣть во снѣ).
Циклопы. XLIII 140, XLVIII 48, LI 73.
Цыгане. XXXII 81, XXXV 42, 158, XXXVI 83 (цыганъ въ піесахъ народн. театра), 137 (во снѣ), 143 (idem), XLVIII 121, XLIX 40, 93 (армянскіе боша), LI 26.
Цынга. XXXVIII 126 (лѣченіе).
Цѣломудріе. XLVIII 87, 120, 155.
Чай XXXVI 146 (во снѣ), XXXVIII 129 (чайная вода какъ лѣкарство), XL—XLI 221 (Ярославск. г.).
Чайка. XXXIV 139.
Частушки. —см. Пѣсни-частушки.
Чаха - нами, карлики. XXXIV 137.
Чахотка, лѣченіе. XXXVIII 138, 142.
Чашные камни. XXXV 157.
Чемерица, трава. LI 121.
Чемеръ, боль. XXXVIII 122.
Чербышъ, XLVIII 63.
Черви. XLIX 164 (обрядъ изгнанія червей).
Черви дождевые. XXXIII 36 (въ примѣтахъ), XXXVIII 126 (какъ лѣкарство), 141.
Червоточина въ деревѣ. LI 22.
Чердынскій край. XLVII 165.
Черемисы. XXXV 159, XXXVII 147 (Секта кугусорта), XL—XLI 75, 384, XLIV 182, XLVII 163, XLVIII 132, L 173.
Черемуха. XXXVIII 135.
Черепаха. XXXIV 138, LI 63.
Череповскій у Новгородской г. XXXII 104, XXXIX 126 (преданія и повѣрья), XLVI 133.
Черепъ. XXXV 160 (деформированіе), XL—XLI 72 (питье изъ него).
Чернавка, дѣвка. XL—XLI 51.
Черниговская г. XXXIV 95 (малорусс. веснянле), 222, XXXVI 159 (масляница), 168, XXXVII 84, 128, XXXVIII 98, XXXIX 150.
Чернила. XXXVI 151 (во снѣ).
Чернобыльникъ, трава. XXXVIII 140, 144, LI 121.
Черногорія. XXXV 148.
Черноморская губ. XLV 14, XLVII 165, XLVIII 170.
Черные клобуки. XLIV 12.
Черный свѣтъ. XXXII 176.
Чертополохъ. XLII 22 (средство отъ лѣшаго).
Чесноκъ. XXXVIII 136, 137, 138, 142, XL—XLI 60, 83, LI 43.
Чесотка. XXXVIII 130.
Четвергъ. XXXII 13 (какъ тяжелый день), XLIX 164 (четверговая соль, зола, мыло), LI 24, 106 (кормленіе въ Великій четвергъ пѣтуха на заслонкѣ), 132 (четверговая соль).
Чечня. XLV 12, XLVIII 42 (карты), 170.
Чингизъ-ханъ. XLVI 14.
Чиханіе. LI 21, 47, 119.
Чопа, нартъ. XLVIII 45.
Чортъ. XXXVI 141 (во снѣ), XLII 55, XLIII 117 (въ вертепной драмѣ), XLVII 71, L 136, LI 81.
Чохрынь-ойкъ. XLV 68.

Digitized by Google

Чтеніе книгъ. XLVI 166 (въ Вологодской губ.).
Чуваши. XL—XLI 73, 343 (юмзи), L 173.
Чудь. XLIII 104, XLIV 172, XLV 74.
Чукотская земля. XXXV 184.
Чукчи. XXXIV 196, XXXV 184, XXXVII 146, XXXIX 173, XL—XLI 76, XLIV 172.
Чума. L 134 (въ толкахъ народа), LI 16.
Чурило Пленковичъ. XXXVI 174, XL - XLI 50, 169, XLIII 92 (Пелёнковичъ).
Шабуръ, охотникъ. LI 162.
Шавхети. XXXV 152.
Шаганъ-Чирбетъ. XXXVI 27.
Шайтанъ. XLIII 85, XLV 65.
Шалфей. XXXVIII 130.
Шаманы. XXXII 154, 157, XXXIV 2, 144 (Мари-ся-ма-ни), 148, 220, XXXV 189, XXXIX 5, XLIV 183 (мордвы), LI 188.
Шамиль. XLIV 109, XLV 181.
Шампанъ—воинъ. XXXVI 83.
Шамхалъ. XLVIII 13.
Шапка. XXXIV 2 (шамана), 107 (въ свадьбѣ), XL—XLI 75 (обычай отниманія шапки), 8 (попа) XLVI 20 (шапка-невидимка), LI 63 (мужская шапка, какъ гнѣздо для курицы).
Швеція. XLIX 188, L 154.
Шексна, р. XXXIX 126, XL—XLI 194.
Шелуди, лѣченіе. XXXVIII 145.
Шемякинъ судъ. XXXVI 175.
Шерсть льва. XXXIX 131.
Шило. XXXVI 65.
Шиповникъ. XXXVIII 43.
Ширака. LI 162.
Школа, роль ея въ жизни народа. XXXV 139, XXXVI 132 (Полтавской губ.), XLIII 135, XLIV 114 (въ Дагестанѣ), XLV 14 (французско-мусульм. въ Тунисѣ), 183 (Акмолинской обл.), XLVI 146 (Вотяковъ), XLIX 31 (гагаузовъ), 38 (idem), L 155.
Шкура вола. XXXIV 153 (разрѣзанная на ремни для обмѣра подаренной или покупаемой земли), XLVIII 163 (при клятвѣ).
Шопка кукольной театръ, XLIII 123.
Шотландія. XL—XLI 75.
Шуба. XXXII 29 (при обрядѣ крещенія), XXXIV 113 (въ свадьбѣ), XXXVI 74, 147 (во снѣ), XLV 104 (въ свадьбѣ), XLVIII 117 (вѣнчаніе въ ней у гагаузовъ), 148 (въ свадьбѣ).
Щелокъ, какъ лѣкарство. XXXVIII 139.
Щетка. XXXVI 133.
Щука. XXXII 37, XXXIV 205, XXXIX 19, XLVI 19.
Экзогамія XLIII 12.
Экиритъ. XXXIX. 18.
Экскурсіи этнографическія для студентовъ организ. проф. Э. Петри. XLIII 126.
Экспедиціи. XLIV 172 (Охотско-Камчатская, Манджурская), XLIX 168 (Якутская экспедиція на средства И. М. Сибирякова), LI 183 (музыкально-этнографич. экспедиціи), 195.
Энаре, оз. XLVII 176.
Эрдени-Хараликъ. XLVI 41.
Эрзинджанъ. LI 149.
Эриванская г. XXXVIII 207. XL—XLI 59, 61, 334 (абаранъ), 383, XLIII 112 (армянская свадьба), L 109 (idem), LI 162.
Эрликъ. XXXIX 5.
Эсаулъ (въ народн. театр. шіэсахъ). XXXVIII 160.
Эсе—медвѣдь. XXXIX 25.
Эстляндія. XXXII 181, XXXV 148, XLV 12, 13.
Эсты. XXXII 182, 190, L 179.
Эсэгэ-Малан-Тэнгэри. XXXVI 38.
Этнографическое Бюро князя В. Н. Тенишева. XXXVIII 207.
Этнографія утилитарная. XXXVII 142.
Эхо. LI 58.
Юду, главный изъ шайтановъ. LI 10.
Южно-Уссурійскій край. XLIV 174.
Юкагиры. XXXV 156, XLII 189.
Юкатанъ. XXXIV 197.
Юнецъ, трава. XXXVIII 123.
Юраки. XXXVIII 5.
Юридическіе обычаи—см. Обычное право.
Юрій (23 апр.). XXXII 41.
Яблоки. XXXII 39, XXXVI 149 (во снѣ), XXXVIII 89 (золотое), XLIV 21, XLVI 23 (молодильное), XLVIII 109, LI 24.
Яблоньскій, панъ въ вертепной драмѣ. XLIII 117.
Яга, баба-яга. XXXIII 150, XLVI 17, LI 7 (Девь-баба).
Ягоды. XXXVI 134 (во снѣ), 149 (idem), 151 (id).
Ягуаръ, XXXV 158, XXXIX 9, 36.
Языки, говоры, нарѣчія. XXXII 164 (говоры Рязанск. г.), XXXIII 153, XXXV 125 (языкъ животныхъ), 148 (Литовско-славянс. основы, языкъ офеней, старцевъ и друг., говоры Калужск. г.), 149

Digitized by Google

(литовскій), 157 (Америки), 158, 159, XXXVI 23 (армянская діалектологія), XXXIX 143 (массовскій), 142 (idem), 145 (условный портновскій), 169 (говоръ Воронежской губ.), XL—XLI 346 (олонецкое нарѣчіе), XLIII 139 (бѣлорусскій), XLV 53 (вогуловъ), 161 (условный Бѣжецкихъ торгашей), 181 (Картвельскіе), г. Ейска, грузин. 188 (анадырскаго края), XLVI 113 (сѣверозападн. края), 114 (великорусскаго нарѣчія), 114 (условные), 154 (малорусс.), XLVII 140 (г. Архангельска), 176 (лапландцевъ), XLVIII 61 (животныхъ), 101 (условные), 152, (одоевскихъ торговцевъ), XLIX 95 (цыганъ), 104 (idem), 125 (армянскихъ бошá), 145 (idem), 168 (якутскій), 184 (финскій), 185 (діалекты Тюттерсари), 187 (стихотвореніе Каламніуса о финскомъ языкѣ), L 140 (грузинскій), 154 (ликійскій), 168 (премія Михельсона за соч. о вліяніи на русскій яз. тюркскихъ, германскихъ и друг. элементовъ), 173 (финскихъ инородцевъ), 175 (монгольскій), 176 (зырянскій), 177 (шведскій), LI 155 (урало-алтайскіе), 158 (финно-угорскіе), 161 (армянъ), 163 (idem), 185 (осетинъ), 187 (литовцевъ), 189 (алтайскіе). См. также Словари, программы.

Яйцо въ обрядахъ, гаданіяхъ, и т. п. XXXII 41, XXXIII 142, XXXIV 43 (битье яицъ), 46 (крашеніе), XXXV 126 (пѣтуха), XXXVI 146 (во снѣ), XXXVIII 141, 142, XXXIX 70 (гаданіе по бѣлку и желтку), 121, XL—XLI 73, 315 (крашеніе), 344, XLII 15, 52 (первое яйцо отъ курицы), XLVI 165, L 131 (при выгонѣ скота), 135 (пасхальное, какъ средство отъ пожара). LI 11, 24, 34 (пѣтуха), 98 (idem), 106, 133, см. писанки.

Яичница въ Вознесенье. LI 134.

Якутская обл. XXXII 153, XXXVI 102, XXXVII 120 (медицина народн.), XXXIX 172, XL—XLI 88, XLII 189, XLIV 173, 186, LI 188.

Якуты. XXXIV 148, XXXV 77, 151, XXXVI 101 (юридическіе обычаи), 203 XXXVII 37 (юрид. обычаи), XL—XLI 381 (idem), XLV 13, XLIX 168 (языкъ) LI 188.

Японія. XXXV 155, 157, 158, 159, XLV 14.

Ярило. XL—XLI 385.

Ярославская губ. XXXIII 95 (пѣсня), XXXIV 186, XXXV 57 (семья), 120 (причитанія). XXXVI 149, XL—XLI 193 (Пошехонье), XLII 168, XLIV 173, L 129, LI 81 (Пошехонье).

Ясачная р. XLII 189.

Ястребъ. XXXIV 8 (глаза).

Яцекъ, пастухъ. XLIII 117.

Ячмень на глазу, лѣченіе. XXXVIII 143, LI 18.

Ящерица. XXXVI 137 (въ снахъ), 148, LI 94.

Ящеръ, болѣзь скота. XXXVIII 122 (средство отъ него).

Ѳедоръ Борма. XLVI 65.

Ѳедоръ Тиронъ. XXXIX 142, XLVI 132.

Ѳекла (имя). XXXII 77.

Ѳекла—„Заревница“. LI 85.

Ѳеогноста, просвѣтительница Грузіи. XLV 180.

Ѳеодора, пр. LI 97.

Ѳеодоръ, (имя). XXXII 74.

Ѳеодосійскій уѣздъ XLIII 36.

Ѳеодулъ—змѣй. XLVI 15, XLVII 1.

Ѳеоктистъ (имя). XXXII 74.

Ѳеостиріктъ, патріархъ. XXXII 4.

Ѳока (имя). XXXII 74.

Ѳома. XXXII 74.

Ѳомаида, Муч. XXXIX 141.

Ѳомина недѣля. XL—XLI 319 (въ Малороссіи) LI 134.

Digitized by Google

III.

Указатель періодическихъ, ученыхъ, статистическихъ и справочныхъ изданій,

просматривавшихся для библіографическаго отдѣла „Этнографическаго Обозрѣнія".

Année (L') sociologique XXXVIII 197.
Anthropologie (L'). XXXV 155.
Архангельскія Г. В. XLIX 174.
Архангельскія Еп. В. XXXVIII 200, XLVI 155, L 156.
Астраханскій Листокъ. XLIX 174.
Бессарабскій Вѣстникъ. XXXVI 187.
Бесѣда. XXXIV 208, XXXVI 187.
Биржевыя Вѣдомости. XXXII 207, XXXIII 167.
Варшавскія Г. В. XXXII 208, XXXIII 169, XXXIV 208, XXXVI 187.
Варшавскія Университетскія Извѣстія. XLVIII 184.
Витебскія Г. В. XXXIV 208, XXXVI 187, XXXVIII 200. XLII 197, XLVI 155, XLVII 152, XLVIII 185, L 156.
Владимірскія Г. В. XXXIV 208, XXXV 164, XXXVI 188, XXXVII 151, XXXIX 182, L 157, LI 164.
Военный Сборникъ. XLVI 155.
Вокругъ Свѣта. XXXIV 208, XXXVI 188, XL—XLI 365, XLIV 178.
Волгарь. XXXVI 189.
Волжскій Вѣстникъ. XXXII 208, XXXIII 170.
Вологодскія Г. В. XLVI 155, XLVIII 184.
Волынскія Еп. В. XXXII 208, XXXIV 209, XL—XLI 365, XLII 197, XLVI 155, XLVIII 184, L 157.
Вопросы философіи и психологіи. XLVI 156.
Воронежскія Г. В. XXXII 208.
Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея. XLVIII 184.
Всемірная Иллюстрація. XXXIV 209.
Всемірный Путешественникъ XXXIX 182.
Вѣстникъ Воспитанія. XLVI 156.
Вѣстникъ Грузіи. XLVII 157.
Вѣстникъ Европы. XLIV 178.
Вятская Газета, XLVIII 184, XLIX 174.
Вятскія Г. В. XXXII 208, XXXVIII 200.
Вятскія Губ. Вѣд. (приложеніе). XLIX 176.
Gazeta Radomska. XXXII 208.
Гласность. XXXIV 209, XXXVI 189.
Globus. XXXV 155.
Гродненскія Г. В. XXXIV 209, XXXV 164, XLII 197.
Грузинскій Вѣстникъ. XLVII 157.
Днѣпровская Молва. XLIX 174.
Дрозба (Время). XL—XLI 375.
Духовный Вѣстникъ грузин. экзархата. XXXV 164.
Душеполезное Чтеніе. XLIX 174.
Ежегодникъ Тобольскаго музея. XXXII 182, XLIV 174.
Енисей. XLVIII 186, XLVI 156.
Енисейскія Г. В. XLIX 174.
Естествознаніе и географія. XXXVII 151, XLIV 172, XLVI 156.
Живая Старина. XLVII 152.
Живописная Россія. XLVIII 186, XLIX 174, L 157.
Жизнь. XXXIV 209, XXXVI 189, XLIV 178.
Жизнь и Искусство. XXXVI 190.
Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія. LI 164.
Журналъ Министерства Юстиціи. XXXII 208, XLVI 157.
Забайкальскія Области. Вѣдомости. XLVI 157, XLVIII 186.
Записки Восточн. Отдѣл. Императорскаго русскаго Археологическаго Общества. XLVII 152.
Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества, XLII 192, XLIII 140, XLV 182.
Записки Пріамурскаго Отд. Императорск. Русск. Геогр. Общества. XLIV 174, XLV 181.
Записки Крымскаго Горнаго Клуба. XXXIV 210.
Землевѣдѣніе, изд. Геогр. Отд. О. Л. Е., А. и Э. XXXIV 196, XLIV 173, XLVI 157.
Иверія. XXXIV 211, XXXV 164, XL—XLI 365, XLII 197, XLIII 150, XLVI 157, XLIX 175.
Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. XXXV 147.

Digitized by Google

Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. LI 189.
Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отд. Имп. Русск. Географич. Общества. XXXV 150, XXXIX 174.
Извѣстія по Казанской епархіи. L. 158.
Извѣстія Туркестанскаго Отдѣл. Имп. Русск. Геогр. Общ. XLVIII 188.
Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанскомъ Унив. XLVIII 186.
Извѣстія Общества Любителей изученія Кубанской области. XLII 193.
Internationales Archiv f. Ethnographie. XXXV 158.
Историческій Вѣстникъ. XLII 197, XLVI 157, LI 165.
Кавказскій Вѣстникъ. XLVI 158.
Кавказское Сельское Хозяйство. XXXIV 211, XXXV 164, XXXVI 190, XLIII 150.
Кавказъ. XXXIV 211, XXXV 164, XL—XLI 365, XLII 198. XLIII 150, XLVI 158, XLIX 175.
Казбекъ. XXXV 165, XLII 198, XLII 150, XLVI 158, XLIX 175.
Календарь и памятная книжка Вятской губ. XXXVI 184, XXXVII 146.
Калужскія Г. В. XXXII 209, XXXIV 211, XXXV 165, XLII 198, XLIX 175.
Камско-Волжскій край. XXXII 209, XXXIII 170, XXXVI 190.
Квали. XXXIV 211, XXXV 165, XLII 198, XLIII 150.
Кіевская Старина. XLVII 152.
Кіевское Слово. XXXVI 190, XXXIX 183, XL—XLI 365.
Киргизская Степная Газета. XLVI 158, XLVII 154, XLVIII 188, LI 167.
Ковенскія Г. В. XXXII 210, XXXV 165.
Костромскія Г. В. XXXII 210, XXXIII 170, XXXVIII 200, LI 168.
Костромскія Еп. В. XXXII 210, XXXIII 170, XXXVI 191, XLII 198, LI 168.
Кребули (Сборникъ, грузин. журналъ). XLVII 157.
Курляндскія Г. В. XXXII 210, XXXIII 170. XXXIV 211.
Курскія Г. В. XXXII 210, XXXIII 170, XXXVII 152, XXXIX 183.
Листокъ (Духовн. журналъ въ Унгварѣ). XXXVIII 200.
Lodzer Zeitung. XXXII 210, XXXIII 170.
Медицинская бесѣда XLIV 158.
Меурне (Сельскій хозяинъ). XXXIV 211.
Міровые отголоски. XXXIV 211, XXXV 165, XXXVI 191.
Міръ Божій. XLIV 178, XLIX 175, LI 169.
Mitthelungen d. anthropolog. Gesell. in Wien. XXXV 160.
Мнатоби. XLVII, 158.
Моамбе (Вѣстникъ, грузинск. ежемѣс. журн.). XXXV 168.
Могилевскія Г. В. XLII 198.
Московскій Листокъ. XXXIV 212.
Московскія Вѣдомости. XXXIV 211, XXXVIII 201, XXXIX 184, XL—XLI 366, XLIII 150, XLIV 178, XLVI 159, XLIX 175.
Наблюдатель. XLVI 159.
Наука. XXXV 168, XLII 198.
Научное Обозрѣніе. XLVI 159, XVIX 176.
Нижегородскія Г. В. XXXII 210, XXXIII 170, XXXVI 193.
Новгородскія Г. В. XXXII 210.
Новое Обозрѣніе. XXXIV 212, XXXV 169, XL—XLI 366, XLII 198, XLIX 176.
Новое Слово. XXXIV 212.
Образованіе. XLVI 159.
Олонецкія Г. В. XXXVIII 184, XLII 198, XLIV 179, XLVII 155, XLVIII 188. XLIX 176
Оренбургскія Г. В. XXXII 210, XXXV 169.
Оренбургская Газета. XXXIX 184.
Орловскія Еп. В. XXXII 211, XXXV 169, XXXVI 198, XLII 198.
Отголоски. XXXV 169.
Отчетъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края. XXXVI 183.
Памятная книжка Семипалатинской обл. XLIII 143.
Пастырь. XL—XLI 366.
Пензенскія Г. В. XXXII 211, XXXIII 170, XXXVI 193.
Периодическо списаніе на българското друж. въ Срѣдецъ. XXXV 161.
Пермскія Г. В. XXXII 211, XXXV 170, XXXVI 194, XXXIX 184.
Пермскія Еп. В. XXXIV 212, XXXV 171.
Подольскія Г. В. XXXII 211, XXXIII 170, XXXV 172.
Полтавскія Г. В. XXXVI 194.
Полтавскія Еп. В. XXXVI 194, XL—XLI 366, XLVI 159, XLVIII 189, L 158.

Digitized by Google

Правительственный вѣстникъ. XLVI 159, XLVIII 189.
Православный Благовѣстникъ. XL—XLI 366, XLIII 150, XLIV 179.
Православный Собесѣдникъ. XLVII 154.
Пріамурскія Вѣдомости. XLVII 155.
Прибалтійскій Листокъ. XXXIV 212, XXXV 172, XXXVIII 201, XL—XLI 367.
Псковскія Г. В. XXXII 211, XXXIX 185.
Revue de l'histoire des religions. XXXII 211.
Revue orientale pour les études ouralo—altaïques. Budapest. XLVI 140.
Revue d. revues. XXXII 212.
Рижскій Вѣстникъ. XXXIV 213, XLII 198.
Рижскія Еп. В. XXXVI 194.
Родина. XXXIX 185.
Русская Мысль. LI 170.
Русскій архивъ. XLIX 176.
Русскій Листокъ. LI 171.
Русскія Вѣдомости. XXXVI 195, LI 172.
Русское Богатство. XXXII 212, XLVI 159.
Русское Слово. XXXVI 195.
Рязанскія Еп. В. XXXIII 170.
Саратовская Земская Недѣля. XXXVI 196.
Саратовскія Г. В, XXXII 213.
Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. XLV 180.
Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области. XLVI 147.
Сельскій Вѣстникъ. XXXVI 196.
Сельскій Хозяинъ. XXXV 172.
Семипалатинскія Обл. Вѣд. XLVI 159, XLVII 155, XLIX 176.
Семирѣченскія Обл. Вѣд. XLVI 159, XLVII 155.
Сибирскій Вѣстникъ. XLVI 160, XLVIII 189.
Сибирскій Сборникъ. Приложеніе къ Восточному Обозрѣнію. XXXVII 146.
Сибирь. XXXIII 170.
Ставропольскія Г. В. XXXIX 185.
Сѣверный Вѣстникъ. XXXIV 213.
Сѣверный Кавказъ. XXXIX 185.
Сѣверный Край. L 158.
Таганрогскій Вѣстникъ. XXXII 213, XXXIII 171, XXXVI 196.
Тверскія Г. В. XXXVIII 202, XLII 198.
Тверскія Еп. В. XXXII 213, XLII 198.
Терскія Вѣдомости. XLVII 153.
Тифлисскій Листокъ. XLII 198, XLIII 151, XLVI 161, XLIX 176.
Тобольскія Еп. В, XLVI 161, XLVII 155.
Труды VIII - го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1890 г. XXXV 144.
Труды Московскаго Предварительнаго Комитета X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ. XXXII 181.
Труды Оренбургской ученой Архивной Комиссіи. XLVIII 189.
Труды Рязанской ученой Архивной Комиссіи. XL—XLI 357.
Тульскія Г. В. XXXII 213, XXXIV 213, XXXVIII 201, XLII 199, XLVI 161, XLVII 156, XLVIII 189, L 159.
Уралъ. XLIX 176, L 159.
Уфимскія Г. В. XXXIV 213, XXXV 172.
Уфимскія Еп. В. XXXII 213, XXXV 173, XLII 199.
Ученыя Записки Имп. Юрьевскаго Университет.. XLVIII 189.
Фельдшеръ. XXXIX 185.
Finnisch-ugrische Forschungen. Herausgg. v. E. N. Setälä und K. Krohn. LI 153.
Херсонскія Еп. В. XXXVI 196.
Хозяинъ. XXXII 213, XXXV 173, XXXVI 196.
Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ. L 159.
Zeuss. XLVI 163.
Цискари (грузинск журн. „Заря"). XLV 185.
Цнобисъ Пурцели (Листокъ извѣстій на грузинск. яз.) XXXV 173.
Черниговскія Г. В. XXXII 213, XXXIV 213, XXXV 173, XXXVI 196, XXXVIII 202.
Черноморскій Вѣстникъ. XXXIV 213, XXXV 173.
Чешскій Лидъ (Césky Lid.). XXXVII 153.
Читатель. XXXVI 196.
Шрома. XL—XLI 379.
Эминскій Этнографическій Сборникъ. XXXVIII 208, LI 161.
Южанинъ. XXXII 213, XXXIII 171.
Ярославскія Г. В. XXXII 213, XL—XLI 367, XLII 199.
Ярославскія Еп. В. XXXV 174, XXXVI 196, XXXVIII 202, LI 173.

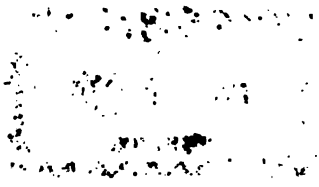
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google